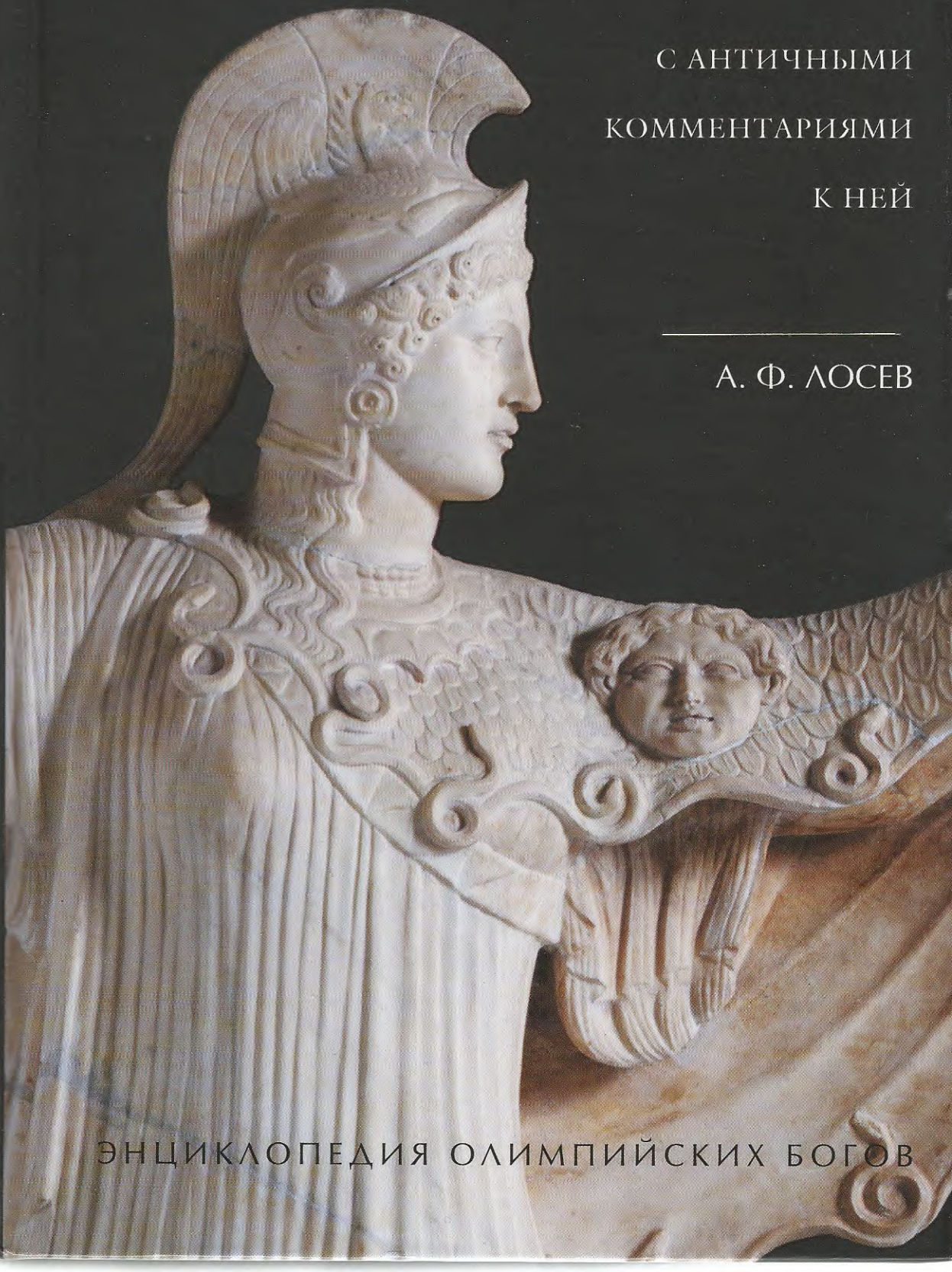
АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

С АНТИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ К НЕЙ



А. Ф. ЛОСЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ
С АНТИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ К НЕЙ

Собрание первоисточников,
статьи и комментарии
проф. А.Ф. Лосева

ФОЛИО & ЭКСМО
2005

УДК 821.0:398
ББК 82.3
Л 79

Предисловие *А.Тахо-Годи*

Художник-оформитель *И. Осипов*

Оформление переплета художника *Е. Савченко*

В настоящем издании сохранены особенности орфографии и пунктуации автора

Лосев А. Ф.

Л 79 Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собр. первоисточников, статьи и коммент./ Предисл. А.А. Тахо-Годи; худож.-оформитель И.В. Осипов. — Харьков: Фолио; М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 1040 с., ил.

ISBN 966-03-2232-1 (Фолио)
ISBN 5-699-12512-4 (Эксмо)

Уникальной книге, которую вы держите в руках, выпала трудная судьба. Она создавалась перед войной, в 30-е годы, Алексеем Федоровичем Лосевым, выдающимся отечественным философом и филологом, ученым поистине энциклопедических знаний.

Долгих 70 лет понадобилось, чтобы это уникальное по полноте охвата материала и глубине теоретических выводов произведение увидело свет. Весь греко-римский мифологический мир представлен в книге в поэтических, исторических и философских текстах, сопровождаемых интереснейшими комментариями академика А.Ф. Лосева.

УДК 821.0:398
ББК 82.3

© А.Ф. Лосев, статьи, комментарии, 2005
© А.А. Тахо-Годи, предисловие, 2005
© И.В. Осипов, художественное оформление, 2005
© ООО «Издательство «Фолио», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 966-03-2232-1
ISBN 5-699-12512-4

«АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ» А. Ф. ЛОСЕВА

«Античная мифология» — книга трудной судьбы. Она создавалась перед войной, в 30-е гг. Алексеем Федоровичем Лосевым, выдающимся отечественным философом и филологом, ученым поистине энциклопедических знаний *.

А. Ф. Лосев — человек тоже трудной судьбы. Он родился на донской земле, в г. Новочеркасске, 23 сентября 1893 г., а скончался, прожив долгую, девяностопятилетнюю жизнь, 24 мая 1988 г. (день памяти свв. Кирилла и Мефодия, просветителей славян) в Москве, в старом доме на Арбате, где в течение пятидесяти лет обдумывались и писались его поздние работы. А. Ф. Лосев в 1911 г. окончил с золотой медалью классическую гимназию, в 1915 г. окончил Московский университет по двум отделениям — философскому и классической филологии. Ему посчастливилось общаться в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева со знаменитыми философами, учеными, поэтами — такими, как С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Вяч. Иванов, о. Павел Флоренский. В двадцать шесть лет от стал профессором Нижегородского университета, а в 1922 г. — действительным членом Государственной академии художественных наук и профессором Московской консерватории. Когда в 1922 г. крупнейшие философы, ученые и общественные деятели были высланы за границу, А. Ф. Лосев остался в России. Он был молод, не выпустил еще ни одной книги и до поры до времени не чувствовал на себе «внимания» властей.

Несмотря на суровое время, а может быть, и благодаря ему, молодой ученый целиком отдался исследовательским трудам, которые вели к истокам и корням современной культуры, а именно были обращены к античному, греко-римскому миру. С 1927 по 1930 гг. А. Ф. Лосев издал восемь книг, в которых проявился универсализм его научных интересов. Здесь были: «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Диалектика художественной формы», «Диалектика числа у Плотина», «Критика платонизма у Аристотеля», «Музыка как предмет логики», «Очерки античного символизма и мифологии» и, наконец, «Диалектика мифа».

Этими книгами автор заявил о себе как о философе имени, мифа и числа. Однако последствия выхода этих книг были тяжкими. На XVI съезде ВКП(б) в докладе Л. М. Кагановича профессор Лосев был объявлен идеологическим врагом. В «Диалектике мифа» увидели развенчание новых, социалистических мифов. Автор был арестован

* См. книгу: *А. А. Тахо-Годи* «Лосев». М., 1997, серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), «Молодая гвардия».

18 апреля 1931 г., отправлен в «одиночку» на Лубянку, затем в Бутырки, а далее приговорен к десяти годам лагерей. Сохранилась переписка — из двух лагерей — Лосева и его жены Валентины Михайловны, математика и астронома, тоже попавшей в лагерь — как «пособница мужа». Эта переписка * свидетельствует о невероятной силе духа А. Ф. Лосева, который и на стройке канала, в тяжких условиях, занимался «философией числа», обдумывал книгу «Звездное небо и его чудеса», «писал в уме» книгу о диалектике аналитических функций. Мыслями о единстве философии, математики, астрономии, музыки, характерном для античной культуры, о силе светоносного Ума проникнуты эти лагерные письма.

А. Ф. Лосев вышел из лагеря почти потеряв зрение, но зато досрочно. Был зачтен ударный труд на канале и даже снята судимость. Он вернулся в Москву, в разоренный после ареста дом, где надо было начинать новую жизнь. Философией заниматься было запрещено, современным мифотворчеством — тем более. А вот античную мифологию посчитали безопасной и — разрешили. А. Ф. Лосев читал курсы античной литературы в провинциальных вузах и кое-где в Москве, занимался переводами, но в уме зрели большие труды — по античной эстетике и античной мифологии. Правда, ни тот ни другой не увидели свет. Во-первых, издательства боялись опального Лосева, а во-вторых, пришла война.

За несколько лет до войны А. Ф. Лосев составлял «Античную мифологию», собрание текстов в двух томах, для которого он с разрешения издательства «Academia», а затем издательства «Художественная литература», привлек известных переводчиков (их оплачивало издательство), таких как С. В. Шервинский, С. И. Радциг, Г. Ф. Церетели, Д. С. Недович, М. Е. Грабарь-Пассек, С. П. Кондратьев и другие, оставив за собой переводы философских, в том числе труднейших неоплатонических текстов, а также вводные статьи к каждой главе.

Однако замечательное собрание текстов античных авторов, включающее с максимальной полнотой мифы о рождении космоса и богов (в их истории и системе), а также мир олимпийских небожителей, встретило сопротивление так называемых марксистских критиков, выступивших против идеалиста Лосева. И профессор А. Ф. Лосев в 1938 г. вынужден был прекратить старания опубликовать свой огромный труд (подробности см. в моей книге «Лосев»), хотя I том был весь закончен и подготовлен к изданию.

Для II тома А. Ф. Лосев подготовил тексты в строгой последовательности, рисующей характерную для античной мифологии картину всего космоса**; Олимп, или т. н. «верхнее небо», эфир, небо, видимое человеку, светила, воздух, ветры; земля и горы; вода, острова, реки, — в том числе Океан; — море и владыка вод Посейдон; места, соединяющие Землю и царство мертвых; сам подземный мир и его владыка Аид и, наконец, Тартар, или т. н. «нижнее небо».

Мир героев, обитающих на Земле и совершающих здесь свои подвиги, рассматривался именно во II томе. Сюда входили и обожествленные герои, Геракл и Дионис. Но, к великому сожалению, как

* См.: *А. Ф. Лосев.* Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993.

** Еще в 1927 г. А. Ф. Лосевым была издана его первая книга «Античный космос и современная наука».

это не раз бывало в жизни Лосева, не зависящие от него обстоятельства оказались сильнее воли автора. Так, из задуманных двух томов в полном составе мы имеем только первый. Ряд чудом сохранившихся текстов из II тома А. Ф. Лосев использовал в своем исследовании о Зевсе Критском и Дионисе Загрее (см. А. Ф. Лосев «Античная мифология в ее историческом развитии». М., 1957, 2-е изд., 1996), другие материалы так и остались в архиве автора.

В августе же 1941 г. пятисоткилограммовой фугасной бомбой был разрушен на Воздвиженке дом № 13, где жил Лосев, и все его рукописи оказались засыпанными на дне огромной воронки. Потом, когда развалины разобрали и вытащили некоторые уцелевшие, мокрые, в глине и песке, книги и рукописи, их сушили на веревках, а затем проглаживали, что можно, утюгами в сарае, предоставленном московскими властями. Среди этих чудом собранных рукописей оказался и I том «Античной мифологии». Но он при жизни автора так и не дошел до печати.

А. Ф. Лосев после возвращения из лагеря вынужденно молчал 23 года. Никто не осмеливался его печатать, но книги писались — теперь уже в уединенном кабинете в старом доме на Арбате, куда переехал ученый.

Только после смерти Сталина в 1953 г. началось знакомство нашего общества с новыми трудами А. Ф. Лосева. Было выпущено несколько десятков монографий, а главное, с 1963 по 1980 гг. издана замечательная «История античной эстетики» в шести томах *. После кончины А. Ф. Лосева вышли полностью завершенные автором том VII в двух книгах (1988) и заключительный (тоже в двух книгах), VIII том (1992, 1994) «Истории античной эстетики». За последние десятилетия А. Ф. Лосев издал труды: мифолого-исторического цикла («Олимпийская мифология», «Введение в античную мифологию», «Гесиод и мифология», «Античная мифология в ее историческом развитии», «Античная философия истории»); историко-литературные и теоретико-литературные («Гомер», «Эстетическая терминология ранней греческой литературы», «Проблема символа и реалистическое искусство»); историко-музыкальные («Античная музыкальная эстетика», работы о Вагнере и Скрябине); философско-языковедческие («Введение в общую теорию языковых моделей», «Знак. Символ. Миф», «Языковая структура», «Типы античного мышления»); историко-философские («Платон», «Аристотель», «Диоген Лаэрций — историк античной философии», «Античная философия в конспективном изложении»). В 1983 г. вышла книжечка «Вл. Соловьев», запрещенная властями к продаже в Москве и Ленинграде и «сосланная» на Колыму, Дальний Восток и в Среднюю Азию. Уже после кончины А. Ф. Лосева была напечатана его большая книга «Вл. Соловьев и его время» (1990, 2-е изд., 2000 г.) и появился том «А. Ф. Лосев. Из ранних произведений» в серии «Из истории отечественной философской мысли» (приложение к журналу «Вопросы философии»). Наконец, новые поколения читателей смогли взять в руки сочинения Лосева 20-х и начала 30-х годов, изданные историко-философской редакцией издательства «Мысль» («Бытие. Имя. Космос», 1993; «Очерки античного символизма и мифологии», 1993; «Миф. Число. Сущность», 1994; «Форма. Стиль. Выражение», 1995).

* В 1986 г. этот труд удостоен Государственной премии.

Как видим, проблема мифа присутствует в творчестве А. Ф. Лосева на протяжении всей его жизни, особенно концепция историко-социального развития мифотворчества, которую автор смог выразить в книгах 50—80-х гг. В 30-е гг. он не имел возможности воплотить ее в строгой и систематической форме, но зато создал невиданное по насыщенности и объему собрание переводов греческих и латинских текстов, многие из этих текстов никогда не переводились и не издавались на русском языке.

«Античная мифология» должна была сыграть большую культурную роль в 30-е гг. Тогда издать ее не удалось. Но, думается, и сейчас не поздно познакомить с этой книгой нашего читателя, выросшего на всевозможных изложениях и пересказах античной мифологии, часто далеких от первоисточников.

Здесь читателю предлагается непосредственное восприятие текста, а не его изложение. Свежесть слова и стиля античных писателей, ощущаемая даже в переводе, создает эффект сопричастности великой культуре и стимулирует дальнейшее ее изучение, а возможно, и обращение к оригиналам.

«Античная мифология» А. Ф. Лосева тщательно продумана и скомпонована. Она начинается с общих проблем, с истории и системы космического и теогонического процессов, т. е. с рождения космоса и смены поколения богов. Далее идут тексты, связанные с образами двух великих олимпийцев — Зевса и Геры, и, наконец, с остальными богами олимпийского круга. Тексты, отражающие характерные черты того или иного божества, распределены внутри глав в строгой логической последовательности. Они имеют нумерацию, которая соотносится с нумерацией вступительных статей, или Введений, написанных Лосевым к каждому разделу. Все это позволяет без труда находить соответствующие мифологические мотивы.

Здесь использованы авторы от древнейших Гомера и Гесиода вплоть до самых поздних, стоиков, орфиков и неоплатоников. Таким образом, греко-римский мифологический мир представлен в поэтических, исторических и философских текстах, которые охватывают почти тысячелетнюю традицию.

Однако, прежде чем читатель приступит к непосредственному знакомству с этими интереснейшими текстами, считаем необходимым хотя бы кратко сказать об античном мифе в историческом развитии, как его понимает А. Ф. Лосев, выделив необходимые дефиниции и разъяснив ряд терминов. Далее мы перейдем к художественно-эстетической значимости мифа и, наконец, познакомим читателя с источниками, на которых основывалась «Античная мифология».

Что такое мифология вообще и греческая мифология в частности — вопрос отнюдь не праздный и ответ на него не такой самоочевидный, как кажется на первый взгляд. На эту тему написаны горы книг, существует множество теорий, объясняющих и в целом и в деталях разные аспекты происхождения, сущности, развития, значения, влияния, интерпретации мифологии; издаются специальные энциклопедии и мифологические словари на всех языках, ученые собрания мифологических текстов и популярные сборники. Но от этого изобилия сведений не становится легче. И читатель, даже самый искушенный и образованный, зачастую не сомневается в том, что миф и легенда — это одно и то же, что миф ничем не отличается от сказки, что мифология есть не что иное, как

религия или фольклор. А уж почему закрепилась с глубокой древности традиция обозначать словом «миф» то, что связано с богами и героями античности, этого и подавно читатель не знает.

Но оставив в стороне всю концептуальную пестроту теории мифа (это предмет особой, в данном случае не нашей задачи), мы спросим себя: а что же действительно означает слово «миф» и почему с древних времен укрепилось именно оно. «Миф» по-гречески означает не что иное, как «слово». Поэтому и древнегреческие мифы можно назвать «словом» о богах и героях. Но дело в том, что древние греки были очень чутки к тончайшим оттенкам языка и представление о слове выражалось в их лексике особенным образом. Они различали «слово» как «миф» (μῦθος — mythos), «слово» как «эпос» (ἔπος — epos) и «слово» как «логос» (λόγος — logos).

Самое интересное, что миф, эпос и логос имели свои сферы употребления, хотя границы их, некогда довольно четкие, с течением времени стали не столь очевидными и определяются только при специальном анализе. Надо иметь в виду, что каждое из этих трех слов имело множество оттенков значения, среди которых намечался ведущий, основной, тот, который отграничивал данное слово от другого и создавал его неповторимость. Изучение первичного, устойчивого смысла этих слов с учетом их этимологии приводит к следующим выводам. «Миф», оказывается, выражает обобщенно-смысловую наполненность слова в его целостности. «Эпос» указывает на звуковую оформленность слова, на сам процесс произнесения (ср., например, в дальнейшем «эпос» — жанр героической песни, «слово» о подвигах, как гомеровские поэмы или древнерусское «Слово о полку Игореве»). Что же касается «логоса», то он предполагал первичную выделенность и дифференциацию элементов, переходящую затем в некую их собранность. Судя по всему, «логос» связан с развитием аналитического мышления и широко употреблялся в греческой классике, не находя себе места в архаические времена, когда господствовал «миф», выражая первичную нерасчлененность и обобщенную целостность жизненных представлений.

Итак, выясняется, что древняя традиция совсем не случайно именовала «мифом» слово о богах и героях, закрепив за песнями об их подвигах наименование — эпоса и предоставив логосу — сферу философии, науки и рассуждающей мысли вообще.

То, что обычно называют «мифологией», есть упорядоченное единство существовавших первоначально в дифференцированном виде «слов», обобщающих для древнего человека представление о том мире, в котором он живет, и о тех силах, которые этим миром управляют.

Нерасчлененно-целостное, а значит, и мыслительно-чувственное обобщение действительности, которое именуется мифологическим, характерно для очень древнего периода социально-исторической жизни, а точнее говоря, локализуется в общинно-родовой, или первобытнообщинной, формации, которая для Греции ограничивалась первой третью 1-го тысячелетия до нашей эры, но истоки которой уходили в бездны тысячелетий.

Для человека этого времени, для члена такой общины наиболее естественны и доступны отношения родственные, которыми обусловлена вся трудовая жизнь коллектива, а значит, и его существование. И вполне закономерно, что природную жизнь этот древний человек не может

представить себе иначе, как с помощью все тех же родственных связей, объединяющих предков и потомков, родителей и детей и образующих одну большую родовую общность, мы бы сказали — космическую общину, охватывающую землю, небо, море и подземный мир.

Созерцая окружающую жизнь, древний человек видит в ней огромное количество единичных явлений, которые он способен назвать определенными словами. Но, называя отдельный предмет, человек вместе с тем осуществляет мыслительный акт обобщения, и это обобщение осуществляется в слове. Так, глядя на огонь, вспыхнувший от удара молнии, на огненные языки костра, на светящиеся в ночи огоньки, на тлеющие угли, на лесной пожар или на пламя в кузнечном горне, древний человек все эти конкретные феномены огня обозначает одним словом, обобщает их в «мифе», давая имя огненной силе вообще, той силе, что живет огнем, сама им является и управляет им. Имя этой огненной силы — Гефест. Так рождается «слово» о Гефесте, миф о Гефесте, повествующий о происхождении огненной силы — Гефеста, его родителях, его семье, его деяниях. Глядя на наливающийся колос, на пробивающийся стебель, на зеленеющую траву или зацветающие плодовые деревья, древний человек все эти феномены произрастания называет обобщенно одним словом «Деметра», т. е. «Мать Земля», — та, что рождает, выращивает, выкармливает. Отсюда в дальнейшем сложная и занимательная биография Деметры, горюющей по исчезнувшей дочери и радующейся ее обретению, что сопровождается то оскудением природы в засушливое время или зимой, то ее изобилием при сборе урожая осенью. Видя, как бушует море, как разливаются или высыхают реки, низвергаются водопады, пробиваются родники, шумят ручьи, древний человек обобщает все проявления водной стихии в одном слове — Посейдон, т. е. владыка вод или супруг Земли, объемлющий ее водным пространством. И небо с его светом, с его бездонной ясностью, с его просторами где-то в неведомых высях, смыкающихся со снежными вершинами гор, древний грек называет одним словом — Зевс — светоносное небо, светоносный день.

Один за другим рождаются слова-мифы, разрастающиеся в рассказы об одушевленных, как и человек, только бесконечно мощных и бессмертных высших существах, живущих одной семьей и управляющих космической общиной, господствующих над миром. Так, в самых общих чертах, рождается мифология, мифологическое мышление или мифомышление, свойственное первобытному человеку, который переносит свои собственные родовые отношения на всю окружающую его действительность.

Античный миф, как видим, основан на непосредственно-чувственном восприятии мира и обобщении этого восприятия в целостное единство, расцвеченное вымыслом. Древняя мифология — предмет неоспоримой реальности. Она возникает и развивается еще до религии, которая нуждается в теоретическом обосновании, догмах и в системе почитания божества со всеми ее обязательными ритуалами, законами, требованиями и запретами, т. е. культом. Для живой мифологии культ — вторичен, а первична реальность космического бытия, переживаемого как проекция вовне родовой жизни первобытного коллектива.

Античный миф нельзя называть сказкой, потому что сказка — это уже продукт народного творчества; она вполне сознательно придумывается, творится с умыслом, с заранее намеченной целью и идеей, причем и

рассказчик и слушатель прекрасно понимают сказочную выдумку и верят ей условно в рамках своеобразной игры.

Миф ничего заранее не придумывает и вполне реален, как сама жизнь, естественно творящая миф. Чудеса, населяющие миф, превосходят всякую чудесность сказки и впоследствии снабжают ее материалом чудесности. Но эти чудеса не условны, они рождены самой первобытной жизнью и ее наивной верой в обязательность и повседневность чуда.

Миф — это и не легенда, хотя последняя в основе своей может иметь элементы некогда пережитой мифологии. Легенды и предания складываются с учетом обстоятельств исторической и социально-политической жизни, являясь сознательным подкреплением тех или иных идей, фактов или тенденций, требующих своего оправдания, подтверждения или опровержения и упразднения, обязательно с опорой на высшие и потому неоспоримо авторитетные силы.

Миф не знает такой преднамеренности и не складывается ни a priori, ни post factum, а рождается стихией самой первобытной жизни, обоснованной через самое же себя.

Все вышесказанное отграничивает миф и от фольклора, хотя в более позднее время мифологическая образность поставляет материал и для устного народного творчества в любой его форме (песни, сказки, предания, поучения, басни, загадки и т. д.).

Мифология не есть ни продукт просто незрелого и примитивного мышления, ни результат сознательного и целенаправленного творчества древнего человека. Она понятна только исходя из специфики родовых отношений первобытного коллектива, будучи одной из форм освоения мира этой первобытной общиной. И самое примечательное, что единство мифа и мышления в эти древние времена отнюдь не исключает их принципиального различия.

Миф только и возможен при обобщающей деятельности мысли, а значит, и слова первобытного человека, но, появившись на свет, миф призван одушевить весь мир, создавая единое, целостное, живое тело космической общины. А если это так, то животворящее слово «миф» в представлении древних исполнено таинственной, всемогущей, так называемой магической силы. Но, как и должно быть, мысль в противовес мифу пытается вывести жизнь на пути объяснения ее закономерностей, стремится и жизнь и человеческую практику осознать вне всякой магии, направить ее разумно и целесообразно.

Греческая мифология никак не может быть представлена в виде раз навсегда данной, застывшей картины, прекрасной в своей неизменности, где вне времени и пространства находят себе место вечно пирующие на Олимпе бессмертные боги и смертные люди, призванные совершать героические подвиги на земле. Чтобы такая картина появилась в представлении древнего человека, должно было пройти немало времени, измеряемого тысячелетиями. И начинается греческая мифология не с прекрасных богов и героев, а с мира смутного и страшного, где ни о богах, ни о героях нет еще и помину. Греческая мифология имеет периоды своего развития, которые кратко можно назвать доклассическим, или архаическим, и классическим, или героическим.

Первый из них проходит в сумраке тысячелетий и завершается ко 2-му тысячелетию до нашей эры, о чем свидетельствуют главным образом археологические данные, подкрепляющие исторические выкладки.

Второй падает в основном на 2-е тысячелетие, достигая расцвета в середине этого тысячелетия и завершаясь в конце его мифами о гибели героических поколений. Старая наивная мифология уходит в небытие вместе с родовым строем, когда в первой трети 1-го тысячелетия создаются принципиально новые формы жизни. Мифологические сюжеты и образы приобретают в дальнейшем развитии греческой культуры вплоть до конца античности художественные и идеологические функции.

Доклассический период мифологического развития наиболее законченно выражает жизнь древнейшей общины, где женщина-мать играет главную роль. В связи с этим доклассический период мифологии именуют также мифологией материнской общины. Но так как это древнейший период, то он вполне может называться архаическим (греч. archē — «начало», отсюда и греч. archaios — «архаический», «древний»). Представления о том, что боги обитают на Олимпе Фессалийском, еще не появилось в эти далекие времена. Отсюда с полным правом можно говорить о доолимпийском, или дофессалийском, периоде мифологического развития. Можно применить к нему также название хтонического, от греческого chthōn — «земля», так как в эти архаические времена Земля мыслилась всеобщей матерью, которая всех порождает и вскармливает. Но тогда и вся природа, и все то, что есть на земле, оказывается живым и даже одушевленным. Всякое же физическое тело и вообще любой предмет, понятый как нечто живое, является не чем иным, как фетишем, почему архаический период мифологии можно назвать также фетишистским.

Древний человек, погруженный в стихию природы, воспринимает ее как нечто дисгармоничное, ужасное, страшное, чудовищное, что определяется термином «тератоморфизм», а сама мифология тератоморфной, т. е. имеющей дело с чудовищными образами (греч. teras — «чудовище», «чудо»), а значит, и с чудесами, подстерегавшими человека на каждом шагу, вызывавшими у него и ужас, и удивление.

Древнейшая мифология не знает человеческих форм, она доантропоморфна, дочеловечна, а будучи порождением природы, где все живет своей тайной и неведомой жизнью, — и камень, и животное, и растение, эта мифология с полным правом обозначается не только как фетишистская, но еще и как фетишистски-анимистическая (лат. animus — «дух», anima — «душа»), а детальнее — как зооморфная (греч. dzōon — «животное») и фитоморфная (греч. phyton — «растение»). А поскольку всеобщее одушевление, анимизм, предполагает наличие примитивных человеческих праформ, еще не отделенных от животного и растения, так же как не отделен от них и сам человек, то и архаическая мифология именуется миксантропической, т. е. состоящей из смешения образов живой природы с человеческими формами.

Главное, на что приходится обратить здесь внимание, — это слияние архаического человека с природным миром, его невыделенность из природного бытия, ощущение себя, как и вообще всего животного мира, частью природы, порождением одной и той же матери — материи.

Поскольку же границы между «я» и «не-я» размыты, неясны, то человек еще не сознает себя в полной мере человеком, но чувствует себя лишь живым организмом, частью общего природного тела. Вот почему так характерны для древнейшей мифологии смешанные, миксантропические формы вроде сочетания коня и человека (кентавры), человека и

змеи (Ехидна) или нескольких животных образов в одном — человек, грифон, лев (Сфинкс).

Становятся понятными и мифы о превращениях одного существа в другое, то, что именуют оборотничеством. Ведь природная материя у всех одна и ничего не стоит перейти из одного состояния в другое, изменить свой облик.

Классический период мифологии вырастает на основе отцовской общины. Именно поэтому классическая мифология является мифологией эпохи патриархата. Но так же как произошла консолидация родового коллектива, возглавляемого вождем, мужчиной, отцом, так же произошло объединение греческих богов под властью одного владыки Зевса, средоточие власти которого находится на горе Олимп в Фессалии (Сев. Греция). Вот почему классический период мифологии по праву именуется Олимпийским и Фессалийским, в противовес доолимпийской архаике с ее разлитой по всей природе магически-демонической силой. Классическая мифология не хтонична, это не мифология Земли. Она борется с порождениями Земли, утверждая себя на Олимпе.

Если древнейшая мифология была мифологией фетишистской или фетишистски-анимистической, то мифологическая классика чисто анимистическая, когда божество мыслится отделенным от грубой материи, бессмертным и вечно существующим. Классическая мифология противоположна архаике с ее зооморфными, фитоморфными и миксантропическими формами.

Олимпийские боги — антропоморфны. Но одного антропоморфизма для них мало. В классической мифологии антропоморфизм основан на принципах гармонии, меры и всеобщей упорядоченности, являющейся предпосылкой прекрасного тела и прекрасного духа, свойственного героическому человеку. Отсюда — олимпийская мифология именуется не только антропоморфной, но и героической.

Именно поэтому боги и герои олимпийской мифологии борются с тератоморфным и стихийным миром, устанавливая новые, прекрасные в своей основе закономерности жизни.

Они расправляются с чудовищами, некогда пугавшими воображение человека, задавленного непонятной ему и всемогущей природой. Аполлон убивает пифийского дракона и основывает на этом месте свое святилище. Тот же Аполлон убивает двух великанов — сыновей Посейдона Ота и Эфиальта, которые выросли настолько быстро, что, едва возмужав, уже мечтали взобраться на Олимп, овладеть Герой и Артемидой и, вероятно, царством самого Зевса. Также убивает дракона герой Кадм и на месте битвы основывает город Фивы. Персей убивает Медузу, Беллерофонт — Химеру, Мелеагр — калидонского вепря. Совершает свои 12 подвигов Геракл.

Вместо мелких богов и демонов появляется один главный — верховный бог Зевс, которому подчиняются все остальные. Патриархальная община водворяется теперь на небе, или, что то же самое, на горе Олимп. Зевс сам ведет борьбу с разного рода чудовищами, побеждает Титанов, Киклопов, Тифона и Гигантов и заточает Титанов под землю, в Тартар. Появляются боги нового типа. Женские божества, оформившиеся из многогранного образа богини-матери, получают новые функции в эпоху героизма. Гера становится покровительницей браков и моногамной семьи, Деметра — культурного земледелия, Афина Паллада — честной,

открытой и организованной войны (в противовес буйному, анархическому и аморальному Аресу), Афродита — богиней любви и красоты (вместо прежней дикой, всепорождающей и всеуничтожающей богини), Гестия — богиней домашнего очага. Даже Артемида, которая сохранила древние охотничьи функции, приобрела красивый и стройный вид и превратилась в образец дружелюбного и сердечного отношения к людям. Ремесло также обрело своего покровителя — Гефеста. В XX Гомеровском гимне ему приписывается покровительство всей цивилизации. Богами патриархального уклада жизни стали Афина Паллада и Аполлон, которые славятся мудростью, красотой и художественно-конструктивной деятельностью. Гермес из прежнего, примитивного божества превратился в покровителя всякого человеческого предприятия, включая скотоводство, искусство, торговлю; он ведет по дорогам земли и даже сопровождает души в загробный мир. Не только боги и герои, но и вся жизнь получила в мифах совершенно новое оформление.

Всем правит Зевс, и все стихийные силы оказываются в его руках. Характерно окружение Зевса на Олимпе. Около него Ника («победа») — уже не страшный и непобедимый демон, но прекрасная крылатая богиня, которая является символом мощи самого же Зевса.
Фемида раньше ничем не отличалась от Земли и была страшным законом ее стихийных и беспорядочных действий. Теперь она воспринимается как богиня права и справедливости, богиня правопорядка, находящаяся возле Зевса, как символ его благоустроенного царства. Даже Мойры — загадочные богини рока и судьбы, управляющие всем мирозданием, трактуются теперь как дочери Зевса и ведут блаженную жизнь на Олимпе. Появляются мифические образы знаменитых художников (среди них Дедал). Характерен миф об Амфионе, своей игрой на лире заставляющем камни складываться в стены города Фивы. Сохранились мифологические предания о таких необыкновенных певцах, как Мусей, Евмолп, Фамирид, Лин и особенно Орфей, которым приписываются черты, характеризующие их как деятелей восходящей цивилизации.

Подвиги Геракла — вершина героической деятельности. Этот сын Зевса и смертной женщины Алкмены не только истребитель разного рода чудовищ; двумя подвигами, ставшими апофеозом человеческой мощи и героического дерзания, он превзошел всех героев древности: на крайнем западе, дойдя до сада Гесперид, он овладел их яблоками, дарующими богам вечную молодость; в глубине земли он добрался до стража царства мертвых, Кербера, и вывел его на поверхность.

Тема победы смертного человека над природой звучит и в других греческих мифах олимпийского периода. Когда Эдип разгадал загадку Сфинкс, она бросилась со скалы и погибла. Когда Одиссей (или Орфей) не поддался завораживающему пению Сирен и проплыл мимо них, Сирены в тот же момент погибли (Аполлодор. Эпитома VII 18). Когда аргонавты благополучно прошли среди скал Симплегад, которые до тех пор непрестанно сходились и расходились, то Симплегады остановились навсегда.

Герои конца классической мифологии заметно смелеют, их свободное обращение с богами растет, они стремятся даже вступать в состязание с богами (Тантал, Сизиф, Салмоней, Иксион). Для этой эпохи характерны мифы о родовом проклятии, которое приводит к гибели несколько поколений подряд (фиванские о роде Эдипа, о походе семерых вождей, о походе так называемых эпигонов, мифы об Атридах в Аргосе и Микенах).

Итак, классическая мифология во всех отношениях является антиподом архаики. Но это еще не означает, что древность ушла в небытие со всеми своими страхами, ужасами и своей таинственной связью с Матерью Землей. Архаика подспудно таится в глубинах нового мира, на его окраинах, в глухих уголках и дальних странах. Знакомясь с героической мифологией, поражаешься, сколько в ней этих древних рудиментов, как непобедимы эти демонические силы и как велика их изворотливость, их жажда жизни, их магическая злая власть над человеком.

Прекрасны и величественны боги Олимпа, прекрасны и мощны герои, дети и потомки богов. Но они, зачастую против своей воли, скрывают в себе нечто страшное, грубое, несправедливое, злое. И эти тайники героической души зависят от кровной ее связи с темной архаикой, которую герой преодолевает всю жизнь и даже искупает своими страданиями и смертью.

Олимпийская мифология является, по Лосеву, сложнейшим комплексом, в котором приходится выделять более древние пласты, уходящие в хтоническое прошлое рудименты. Они не характерны для принципов нового отношения к жизни и переживаются как некое наследие, закономерно оставшееся от глубокой архаики в исторически сложившихся мифах, а не как случайное уродство или причудливость образа.

Однако следует иметь в виду, что основное героическое ядро мифа включает в себя не только рудименты прошлого, но и то, что еще только намечается, что разовьется позже, на склоне мифологической истории, т. е. включает в себя также и так называемые ферменты, свое будущее.

При такой сложности классического периода мифологии мы постоянно будем встречаться с неоднородностью мифологических образов, их противоречивостью и даже несообразностью. Однако пути исторического развития мифа продемонстрируют нам полную обоснованность и закономерность всех компонентов единого мифологического комплекса, в котором старое и новое создают неповторимую целостность, обеспечивая античной мифологической традиции необыкновенную устойчивость и системность.

Перед нами встает немаловажный вопрос — имеет ли греческая мифология свою, присущую ей художественную ценность, определенную эстетическую значимость, если она ориентирована целиком на представления древнего и, казалось бы, достаточно примитивного человека об его собственном бытии, еще очень тесно связанном с простейшими функциями природы вообще — рождением, выкармливанием, выращиванием, удовлетворением элементарных потребностей, борьбой за существование, болезнями и, наконец, смертью, которой, однако, не завершается жизненный цикл, продолжаясь и повторяясь в неведомом, уже потустороннем крае.

Выше мы пришли к выводу, что греческая мифология отличается от ранних форм устного народного творчества — сказки, песни, легенды, басни, где всегда ощущается сознательное стремление к фантазии и поучению. Но всякий, кто знакомился с греческими мифами, даже в разных пересказах, должен признать, что они вовсе не лишены творческого вымысла и своеобразной выразительности, впитавших к тому же жизненный опыт древнего человека.

Мифотворчество поражает нас буйством фантазии, непредвзятостью чувств, безудержностью страстей, столь же стихийных, как и сама природа в изобилии чудес и красоты. Поэтому нет ничего удивительного,

что, являясь одной из древнейших форм освоения мира, греческая мифология имеет огромное самостоятельное эстетическое значение, если понимать под эстетическим максимальную выразительность внутреннего содержания предмета вовне.

Наиболее отчетливо и завершенно эстетическая направленность греческой мифологии выявлена в гомеровском эпосе и в «Теогонии» Гесиода, где мифологическая картина всего космоса, богов и героев приняла законченно-систематический вид.

У Гомера красота есть божественная субстанция и главные художники — боги, создающие мир по законам искусства. Недаром красота мира создается богами в страшной борьбе, когда олимпийцы уничтожают архаических и дисгармонических чудовищ. Правда, эта дикая доолимпийская архаика тоже полна своеобразной красоты. Титаны прекрасны в своей безудержной стихийности, полудева-полузмея Ехидна привлекает путников прекрасным ликом. Эта «быстроглазая нимфа» является одновременно чудовищем, кровожадным змеем, залегающим в пещере, несущим смерть. Тератоморфизм совмещает в себе чудовищность и чудесность, ужас и красоту. Однако красота архаической мифологии гибельна. Сирены привлекают моряков прекрасными голосами и умерщвляют их. Скала, на которой обитают Сирены, усеяна костями и высохшей кожей их несчастных жертв. Эти миксантропические страшные полуптицы-полуженщины уже прекрасны своим искусством пения, но еще ужасны во всей своей дикости. Красота мифологической архаики достигает подлинного совершенства в удивительном безобразии причудливых форм таких чудовищ, как Тифон или Сторукие. Гесиод с упоением изображает стоголового Тифона, у которого пламенем горят змеиные глаза. Головы Тифона рычат львом, ревут яростным быком, заливаются собачьим лаем. Жуткий сторукий Котт именуется у Гесиода «безупречным». Он великолепен в своем совершенном безобразии. Ужас и красота царят в «Теогонии» Гесиода, где сама Афродита рождается из крови оскопленного Урана, а богиня Земля-великанша неустанно порождает чудовищных детей, «отдавшись страстным объятиям Тартара». Зевс, сражаясь с Титанами, тоже прекрасен своим грозным видом. Он пускает в ход перуны, гром и молнии так, что дрожит сам Аид, а Земля-великанша горестно стонет. Когда олимпийцы и Титаны швыряют друг в друга скалы и горы, жар от Зевсовых молний опаляет мир, поднимается вихрь пламени, кипят почва, Океан и море, жар охватывает Тартар и Хаос, солнце закрывает туча из камней и скал, которые мечут враги, ревет море, Земля дрожит от топота великанов, а их дикие крики доносятся до звездного Неба. Перед нами — космическая катастрофа, мучительная гибель мира доолимпийских владык, наподобие змеевидного Офиона, по орфическому преданию, царившего еще до Кроноса на снежном Олимпе. Перед нами в муках рождается новое царство Зевса и великих героев, оружием и мудрой мыслью создающих новую красоту, ту, которая основывается не на ужасе и дисгармонии, а на строе, порядке, гармонии, которая освящена Музами, Харитами, Орами, Аполлоном в его светлом обличье, мудрой Афиной, искусником Гефестом и которая как бы разливается по всему миру, преображая его и украшая.

Гомеровская мифология — это красота героических подвигов, почему она и выражена в свете и сиянии солнечных лучей, блеске золота и великолепии оружия. В мире этой красоты мрачные хтонические силы

заключены в Тартар или побеждены героями. Чудовища оказываются смертными. Гибнут Медуза Горгона, Пифон, Ехидна, Химера, Лернейская гидра. Прекрасные олимпийские боги жестоко расправляются со всеми, кто покушается нарушить гармонию установленной ими власти, той разумной упорядоченности, которая выражена в самом слове «космос» (греч. cosmeō — «украшаю»). Однако побежденные древние боги вмешиваются в эту новую жизнь. Они, как, например, Земля, дают коварные советы Зевсу, они готовы возбудить вновь разрушающие силы. Да и сам героический мир становится настолько дерзким, что нуждается в обуздании. И боги посылают в этот мир красоту, воплощая ее в женщине, несущей с собой соблазны, смерти и самоуничтожение великих героев. Так появляется созданная богами прекрасная Пандора, в которую боги вкладывают лживую душу. Так рождается от Зевса и Немесиды, богини мести, Елена, из-за красоты которой убивают друг друга ахейские и троянские герои. Прекрасные женщины, как Даная, Семела или Алкмена, соблазняют богов или, как Коронида или Кассандра, изменяют им и даже их презирают.

Ушедший в прошлое матриархальный мир мстит новому героизму, используя женскую красоту, столь воспеваемую в эпоху классического олимпийства. Прекрасные, гордые женщины вносят зависть, раздор и смерть в целые поколения славных героев, заставляя богов наложить проклятие на своих же потомков.

Прекрасное в мифе оказывается активным, беспокойным началом. Оно, воплощаясь в олимпийских богах, является принципом космической жизни. Сами боги могут управлять этой красотой и даже изливать ее на людей, преображая их. Так, мудрая Афина у Гомера одним прикосновением своей волшебной палочки сделала Одиссея выше, прекраснее и завила ему кудри наподобие гиацинта (Od. VI 229—231). Та же Афина преобразила Пенелопу накануне встречи ее с супругом. Она сделала Пенелопу выше, белее и пролила на нее амвросийную мазь, которой пользуется сама Афродита (Od. XVIII 190—196). Здесь красота представляет собою некую материальную тончайшую субстанцию, обладающую небывалой силой. Древняя фетишистская магия, на которой основана вся практика оборотничества, здесь преобразована в благодетельное воздействие мудрого божества на любимого им героя.

Но еще важнее та внутренняя красота, которой наделяют олимпийские боги певцов и музыкантов. Это красота поэтического мудрого вдохновения. Мифический поэт и певец вдохновляется Музами или Аполлоном. Но Музы и Аполлон — дети Зевса, так что в конечном счете красота поэтического таланта освящается отцом людей и богов. Поэт, певец и музыкант обладают пророческим даром, ведая не только прошлое, но и будущее. Вся греческая мифология пронизана преклонением и восхищением перед этой внутренней вдохновленной красотой, обладающей великой колдовской силой. Греческая мифология дает нам неисчерпаемый материал для освоения ее в плане эстетическом и для раскрытия ее художественного воздействия в литературе и искусстве.

Вся античная литература, художественная (эпос, драма, лирика) и научная (философия, история, география как описание путешествий и земель), изобилует мифологическими материалами, не говоря уже о том, что существовали специальные сборники мифов, которые дошли до нашего времени если не целиком, то в отрывках и переложениях.

Среди главных источников для изучения всего мифологического развития Греции в первую очередь назовем героические поэмы Гомера «Илиаду» и «Одиссею», складывавшиеся несколько веков (первая треть 1-го тысячелетия до нашей эры) и объединившие тем самым в одно художественное целое мощные пласты мифологического и исторического бытия, от примитивных до самых утонченных форм.

Гомер как мифологический источник, просуществовавший в качестве живого культурного фермента в течение 1500 лет, конечно, привлекается в этой книге в первую очередь. Важно учитывать и понимать стиль этой мифологии.

Миф дается здесь в своем объективном явлении, и еще не ставится никаких вопросов ни о самом мифе как таковом, ни о его реальности. Взор мифического субъекта направлен здесь только на миф в его непосредственном явлении. Отсюда характерная гомеровская любовь к рассматриванию всяких больших и мелких явлений и фактов, его постоянная влюбленность в вещи, в их форму, цвет, блеск, силу, и притом независимо ни от какого другого их значения. Вещь, какая бы она ни была, уже сама по себе вызывает в гомеровском сознании удивление, наивное всматривание восторженных, влюбленных глаз. Посмотрите, как любуется Гомер на дверные засовы, на сандалии, на всякие мелочи вооружения, как он тратит сотни стихов на то, что, с иной точки зрения, может быть, не заслуживает никакого внимания. Поэтому малоподготовленный читатель всегда переживает Гомера, а в значительной мере и всю античность с некоторой скукой, не понимая, что в этих длиннотах и повторениях как раз и сказался мерный, эпический, влюбленно-созерцательный стиль мифологии. Ради примера приведем эпизод об «обмане Зевса» в XIV книге «Илиады» (см. отд. «Зевс и Гера», § 17 а), описание щита Ахилла в XVIII книге «Илиады» («Гефест», § 3 а), изображение битвы богов в XXI книге той же поэмы («Олимпийские боги», «Общее», § 5). В этих текстах важна и интересна решительно каждая мелочь; и только при таком — с нашей точки зрения, весьма замедленном — темпе восприятия Гомер открывает свой неповторимый и замечательный стиль.

С Гесиодом мы вступаем уже в другую область. Это — канун новой жизни, начало городской жизни и гибель гомеровской наивности и патриархальности. Индивидуализм Гесиода выражен, правда, еще слабо, и он почти что образец все той же мифологии в ее непосредственно-объективном явлении. Однако он уже собирает и объединяет мифы, а не просто ими любуется. Отсюда его знаменитая «Теогония» (VIII в. до н. э.), по которой мы впервые знакомимся с генеалогиями богов в широком масштабе. Вместо мифологического любования поэт часто занимается делом, которое уже всерьез скучно, по самому своему существу, — длинным и дотошным морализированием. Гесиод не чужд ярких картин (такова, например, титаномахия — «Теогония и Космогония», «История»), но все же это стиль определенно сниженный, и на нем ясно осязается убыль эпического мироощущения вообще. Как читатель убедится сам, Гесиод используется здесь почти исключительно для установления мифических генеалогий.

Лирики (VII—V вв. до н. э.) были выдвинуты потребностями самостоятельной личности и поняли мифологию субъективно, как опору для внутреннего самоощущения отдельного человека. Ясно, что сам по себе миф в значительной мере блекнет при таком подходе. Зато в нем выдви-

гаются моменты, не ведомые ни Гомеру, ни Гесиоду. Посмотрите, как дрожит, бледнеет и краснеет Сафо при мысли об Афродите и Эроте; какую молодость и красоту слышит Анакреонт в своих Дионисе, Эроте, Харитах и Музах; как меланхоличен Мимнерм, как мрачен Феогнид, как торжествен Пиндар, — и вы увидите, что мифология лириков — тоже очень яркая и сильная и что ее тоже нельзя избежать при систематическом изучении предмета.

Драма может с полным правом считаться синтезом вне-личного, созерцательного эпоса и личных излияний в лирике. В книге широко используется античная драма для демонстрации мифа, для углубления в трагическую и комическую трактовку древнего мифа. Драматурги раскрывают нам образы, которые в эпосе были едва намечены, а если и были там подробно разработаны, то разработка эта внешне-визуальная, удивленно-созерцательная, не вскрывающая внутренней логики событий. В греческой трагедии мы как бы изнутри ощущаем мрамор эпической мифологии. Он прельщает нас уже не столько своим живым орнаментом, сколько внутренней, часто даже малорасчлененной, таинственной музыкой Судьбы, Рока, всей этой бездной античного пессимизма, который получает здесь свою логику, свою историю, свои образы. Поэтому эпический миф тут и внешне скульптурен и внутренне музыкален. Таков образ Кассандры, для которого в книге приведен почти исчерпывающий материал и который пусть внимательно изучит тот, кто желает понять трагическую мифологию греков (см. «Аполлон»). Таков Прометей (см. тексты отд. «Зевс и Гера»), Афина («Олимпийские боги», «Общее») и др.

В области трагедии важно учитывать различие трех великих трагиков: Эсхил (525/4—457/6) — торжествен, суров, монументален; Софокл (497/5—406) — идеен, правдив, широко человечен; Еврипид (480—406) — психологичен, сентиментален и нервно-капризен.

Из комедии здесь использован почти исключительно только Аристофан (род. ок. 450 г. до н. э.). Его одиннадцать комедий — ни с чем не сравнимый документ из истории античного духа, редчайший в литературе образец идейного комизма, давший, между прочим, и ряд комических мифологических образов.

Далее мы вступаем в период эллинистической поэзии, субъективизм которой достаточно освещался в истории литературы. Здесь Феокрит (IV—III вв. до н. э.) дает нам ряд мелких и изящных мифологических образов, равно как и два других буколических поэта — Бион и Мосх, вероятно, современники Феокрита. Эта милая поэзия лишена глубины, но зато она полна тонкого изящества, и можно понять, почему в Европе этот александринизм был всегда так же популярен, как и классическая поэзия. Образцы из Феокрита, Биона и Мосха читайте в главе «Афродита». Другая сторона александринизма получила свое выражение у Каллимаха (III в. до н. э.), гимны которого содержат немаловажный мифологический материал, изобилующий не только ученостью, часто мало понятными именами, известного рода сухостью, но и юмором, изяществом, декоративной красочностью, артистизмом.

Из александрийцев особенно интересен Аполлоний Родосский (III в. до н. э.), которому большая ученость и педантизм не помешали нарисовать живую и сложную психологическую историю любви Ясона и Медеи и дать ряд выразительнейших деталей похода аргонавтов. Из поздних авторов есть еще двое, которых надо неизменно иметь в виду, но

которых не так легко было в свое время представить в достаточно обширных отрывках *. Это — Квинт Смирнский (IV в. н. э.), написавший поэму «После Гомера», где описываются события после смерти Гектора до взятия Трои, и Нонн Панополитанский (V в. н. э.), написавший огромную — в 48 песен — поэму о подвигах Диониса, где дана масса занимательных эпизодов, связанных с рождением и жизнью Диониса. Оба автора — плод очень ученой и утонченной эпохи, смесь риторики, приключенчества, порою сухости и декламаторства, но часто и оригинальности, звучности стиха и психологизма образов.

Поздняя античная литература обладает настолько своеобразным характером, что его также никак нельзя игнорировать. Это своеобразие уже заметно у Апулея, писавшего по-латыни своего «Золотого осла» с известным вставным эпизодом «Амур и Психея». Но гораздо ярче он ощущается в таких произведениях, как «Дафнис и Хлоя», «Левкиппа и Клитофонт» Татия, «Эфиопика» Гелиодора и др. Это стиль перегруженно-красочный и утонченно-эротический, с яркой живописностью и психологическим натурализмом. Особенно интенсивно выражено это мировосприятие у Филостратов Старшего и Младшего, Каллистрата и у многих эпиграмматистов, из которых больше всего — у Мелеагра (образцы из него см. «Афродита»). Из всех этих авторов использованы в этом издании те места, где только можно извлечь мифологический материал. Это уже II, III, IV вв. христианской эры и позже; и это, если угодно, умирающая античность, но умирание это изящно, мудро, умиротворенно, и его нам не дано забыть.

Из греческой художественной литературы приходится пользоваться разного рода гимнами, дающими огромный незаменимый материал и для мелочей, и для конструирования цельных образов. Из них выше мы указали только на Каллимаха. Еще надо отметить несколько гимнических собраний, тщательно использованных в нашем издании для большинства мифов о богах. Прежде всего это так называемые Гомеровские гимны, из которых, может быть, только четыре больших гимна (к Аполлону, Гермесу, Афродите и Деметре) относятся к классическому периоду (но позже «Илиады» и «Одиссеи»); остальные же, несомненно, возникли не раньше александрийского периода. Эти гимны имеют для нас колоссальное значение. В живой, занимательной и изящной форме они дают целый ряд важнейших мифов, и при этом часто подробнее, чем где бы то ни было, а мелкие гимны предоставляют огромное количество деталей, заполняющих мифологический горизонт разнообразными красками и оттенками. Другое собрание — это так называемые Орфические гимны (VI в. до н. э. — II в. н. э.), знаменитые своими эпитетами, можно сказать, музыкой самых разнообразных эпитетов богов, вскрывающих или помогающих вскрывать мифологические образы, часто неясные и недоступные для понимания. И наконец, составитель привлек еще третье собрание гимнов, это гимны философа неоплатоника Прокла (V в. н. э.), резюмирующие вековую работу античной мифологической мысли над рядом центральных образов этой мифологии.

* На русском языке Квинт Смирнский полностью до сих пор не издан, хотя перевод О. В. Смыки в рукописи существует. См. *Нонн Панополитанский* «Деяния Диониса», пер. Ю. А. Голубца, Спб., 1997.

В римской мифологии невозможно пройти мимо Овидия, Вергилия, Горация, Лукреция, Тибулла, Проперция, Стация, Лукана, Силия Италика и др. Поскольку настоящее издание преследует и цели занимательного чтения, Овидий был особенно необходим. Его знаменитые «Метаморфозы» представляют собой целую мифологическую энциклопедию, и его тонкий, легкий, изящный, порой как будто небрежный и всегда кокетливый, но и всегда ученый, стиль часто дает мифы в их наиболее зрелой и подробной разработке, так что мы сразу и наслаждаемся, и поучаемся, в особенности если тут же производим сравнение этой разработки с ее александрийскими и — далее — эллинскими классическими прототипами. Немаловажный материал дает нам и Вергилий, у которого заимствуются не только большие мифы, но и большое количество мелочей, выгодно наполняющих греческие источники или дающих их римский вариант. Циклопизм, торжественность и монументализм Вергилия так контрастируют с элегическим эпосом и изящной меланхолией Овидия, что оборачиваются в сельских поэмах буколикой, пасторалью и подчеркнутой простотой в духе позднего александринизма.

Что касается научных и наукообразных источников, используемых для античной мифологии, то их можно разделить на группы: историко-географическую, антикварно-археологическую, философскую и обзорно-повествовательную.

Из историков здесь привлекаются Геродот (V в. до н. э.), Полибий (III—II вв. до н. э.), Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) и Тит Ливий (I в. до н. э.). Сюда же надо присоединить и известного географа Страбона (I в. до н. э.). Диодору мы обязаны целым рядом ответственных характеристик (Зевса, Куретов, Титанов, Деметры и др.). Страбон тоже дает нам хорошие материалы, едва находимые в других местах.

Однако часто приходится пользоваться не только творениями указанных больших исторических писателей (или хотя бы иметь их в виду), которые дошли до нас более или менее полно. Огромную услугу оказывают историки, от которых дошли лишь фрагменты. Из древнейших знатоков генеалогии тут перед нами проходят Гекатей, Акусилай, Ферекид, Гелланик, Дамаст, Гиппий, Анаксимандр, Андрон, Филистид, Асклепиад, Скифид, Бион. Так, можно найти, например, ряд космогоний у Акусилая, Ферекида и Гелланика.

Из антикваристов и археологов незаменимую службу несет Павсаний (II в. н. э.), любознательный путешественник по Греции, наивно и до мелочей описывающий рассматриваемые им памятники старины и уснащающий свое изложение массой самых разнообразных мифологических сюжетов. Павсаний дает возможность не только судить о степени распространенности мифа о всех главнейших богах и героях, их культов; его наблюдения и воспоминания часто заставляют совсем по-новому смотреть на множество отдельных мифов. В «Античной мифологии» он использован очень широко — шире, чем многие другие авторы. К этим же археологам надо отнести и Варрона (II—I вв. до н. э.), у которого заимствуются тоже весьма немаловажные мифологические наблюдения.

Не пренебрегает автор и философскими источниками. Философы всегда старались так или иначе понять миф, осмыслить его, формулировать его смысл. А это для нас очень важно, так как без понимания смысла мифа мы едва ли можем рассчитывать на какое-либо научное с

ним оперирование. Отношение античных философов к мифу имеет длиннейшую историю, демонстрировать которую специально и систематически подобранными материалами совсем не входило в задачу данного собрания.

Греческая философия началась с критики мифа, и недальновидный читатель досократиков так и склонен думать, что античная философия навсегда рассталась с мифом. Тем не менее на каждом шагу мы замечаем, как мифология продолжает — явно или тайно — влиять на философскую мысль и часто даже ее определять. У досократиков их собственные учения часто очень близки к старым мифологическим образам (таков, например, Эмпедокл с его космическими стихиями Любви и Вражды). Более ярко намечена критика мифологии у Ксенофана, линию которого очень красочно продолжает Платон. Но гораздо важнее аллегорический метод стоиков, который, при всей своей узости, несомненно вскрывает ряд весьма существенных сторон в античном мифе. Так, понимание Деметры как «пневмы» Земли (см. главу «Деметра») дает прекрасную основу для всего образа этой богини. Из стоических толкователей привлекается Люций Анней Корнут (I в. н. э.), написавший руководство по античной мифологии и давший, наряду со многими в прямом смысле пустяками и выдумками, очень много ценных характеристик. Такова его характеристика Артемиды (см. «Артемида», § 13), поражающая хтонической и ночной стороной этой богини.

Из эклектиков и популярных философов переходного времени особенный интерес представляют для нас Плутарх (прибл. 45—125 гг. н. э.) и Атеней (род. ок. 228 г. н. э.) своими крупными и мелкими мифологическими наблюдениями; Атеней особенно важен бесчисленными цитатами из писателей всех периодов античной литературы. Из этой же философской области важен и Цицерон (106—43 гг. до н. э.), особенно ценными генеалогиями главнейших богов.

Наконец, неоплатоники ставили своей главной задачей философское осознание древней мифологии, в результате чего мы обладаем большим количеством ценнейших рассуждений на мифологические темы. Уже у Плотина (203—269 гг. н. э.) есть ряд важных идей в области отдельных мифологических образов и трактат об Эроте. Много занимался мифологией и Порфирий (род. 232/3 г. н. э.), от которого остались ценные фрагменты и рассуждение о «Пещере нимф». Кроме того, его обширные комментарии на «Илиаду» и «Одиссею» послужили источником для позднейших комментаторов Гомера, для византийцев Цеца и Евстафия, а в сочинении «О статуях» — источником для Евсевия и Макробия. Проклу (410—485 гг. н. э.) мы обязаны систематической философией всей античной мифологии, а у Дамаския (V—VI вв. н. э.) помимо отдельных наблюдений заимствуем большое количество драгоценных известий о древнейших теогониях и космогониях. Из западных неоплатоников в настоящем издании приводится Макробий (V в. н. э.).

Перейдем к собирателям и излагателям мифов, использованных в настоящем собрании. Эти собиратели и излагатели мифов, так называемые мифографы, появились в Греции очень рано, не позже V в. до н. э. К числу первых мифографов можно отнести уже известного софиста Гиппия, а также ряд ранних историков и философов, считавших необходимым касаться в своих трудах и мифологии. Таковыми являются: Геродор Гераклейский, Анаксимен Лампсакский, Асклепиад Трагильский,

ученик Платона Гераклид Понтийский и перипатетик Дикеарх Мессенский. К сожалению, мы ничего не знаем о Дионисии Самосском, составившем большие генеалогические таблицы и изучавшем трагические мифы, которыми занимались Главк, Филохор и Дикеарх. Наиболее цельным характером из излагателей этого типа обладает Палефат, ученик Аристотеля, от которого дошел сборник мифологических рассказов под названием «О невероятном».

Особенно много сделали для собирания и толкования древних мифов александрийцы. Этим занимался уже Каллимах. Но известны и многие другие имена потрудившихся в этой области, например Истр, Филостефан, явившихся источником для многих позднейших схолиастов и комментаторов; Лисимах Александрийский, Аполлодор Афинский с его сочинением «О богах» в 24 книгах, представление о котором можно составить по Стобею. Ему же приписывалась мифологическая «Библиотека». Из собирателей доимператорской эпохи надо упомянуть Филодема, дающего много мифологических цитат в своем труде «О благочестии», Дидима, который, по-видимому, послужил источником для схолий к Софоклу, Еврипиду, Пиндару.

Миновав александрийских собирателей и энциклопедистов III—II вв. до н. э., мы встречаемся в I в. до н. э. с грамматиком Парфением Никейским, написавшим довольно обширные очерки «О любовных страстях», но не дающим новых интересных вариантов. На границе двух эр находится сочинение Гигина-мифографа.

Пространная «Библиотека», известная под именем Аполлодора (I в. до н. э. — II в. н. э.), дает подробное изложение теогонии и всех главнейших мифических родословных, — Девкалиона, Инаха, Агенора, Пеласга, Атланта, Асопа, Кекропа и Пелопа. Аполлодор излагает мифы по Гомеру, эпическому циклу, Гесиоду и особенно трагикам, причем более подробное изучение аполлодоровского текста без особых усилий обнаруживает зависимость его от различных указанных выше источников. «Библиотека», представляющая собой единственную в своем роде систематическую сводку античных мифов, использована в книге целиком. Гигин, несмотря на его сухость и краткость, также оказался полезным и по возможности приводится полностью.

Из поздних мифографов можно выделить две специфические группы. Именно, одни интересовались специально мифическими превращениями. Их первым представителем был, по-видимому, Никандр Колофонский, писавший в гексаметрах. Если мы мало знаем о других двух мифографах этого рода, Дидимархе и Феодоре, то упомянутый выше Парфений Никейский твердо фиксируется около времени Вергилия и Корнелия Галла и, отличаясь тонким стилем, является вместе с Антигоном Каристийским и неким Бойем (писавшим «Происхождение птиц») прямым источником для «Метаморфоз» Овидия. О Никандре и Бойе можно составить представление по 41 рассказу о «превращениях» Антонина Либерала (вероятно, I в. н. э.).

Вторую группу мифографов образуют рассказчики звездных мифов. К III в. до н. э. относится Эратосфен, которому приписывается сочинение по мифологии неба «Катастеризмы» (т. е. — в буквальном переводе — «Озвездвления» или «Превращения в звезды»). Подлинность этого сочинения теперь оспаривается, так как в нем отмечают немало разнообразных наслоений. Значение его, однако, большое. Это — самая ранняя

сводка мифов о звездах, пересыпанная чисто внешними астрономическими наблюдениями. Сюда же надо отнести Арата Солского (IV—III вв. до н. э.) с его знаменитыми «Небесными явлениями» и Германика, а также ту «Астрономию», которая известна под именем тоже Гигина и содержит подробное изложение мифов о небе, хотя это источник более поздний, чем Эратосфен.

Существовали в позднейшую эпоху и разного рода каталоги богов. Так, нельзя забывать Цицерона с его трактатом «О природе богов» и Климента Александрийского с его «Протрептиком» (III в. н. э.), несомненно использовавших какие-то более ранние каталоги. Сюда же можно присоединить Лаврентия Лида, а также Фирмика Матерна. Большой материал дают различные поздние комментаторы поэтов; особое значение здесь имеет комментарий Сервия к Вергилию.

Из христианских апологетов невозможно обойти молчанием такой кладезь самых разнообразных мифологических сведений, как тот же «Протрептик» Климента Александрийского, которым, правда, приходится пользоваться с осторожностью. Важен также и Афинагор (II в. н. э.), дающий, например, ценное представление об одной из форм орфической теогонии.

На рубеже V—VI вв. н. э. отметим Фульгенция, написавшего книгу мифов и подражавшего историку Птоломею Хенну (I в. н. э.), который известен нам по «Библиотеке» Фотия и некоторым цитатам из Евстафия и Цеца. Он отличался страстью ко всяким новостям и сенсациям и некритическим отношением к мифографическим источникам. В ту же эпоху жил некий Иоанн Педиасим, написавший прозаическое сочинение о 12 подвигах Геракла на основании «Библиотеки» Аполлодора. Есть еще очень поздняя анонимная обработка в прозе Овидиевых «Метаморфоз» — сочинение некоего Гераклита, содержащее 39 мифов, а также анонимные «Ватиканские мифографы» (VII в.). Все упомянутые здесь авторы вполне использованы в предлагаемом труде.

Мы издаем «Античную мифологию» в XXI веке так, как она была задумана А. Ф. Лосевым, не меняя переводов 30-х гг. века XX на новейшие, ибо это собрание текстов само по себе является памятником, не отделимым от культурной жизни тяжелейшего времени его создания. Пусть прозвучат здесь голоса тех, кто сделал впервые редкостные переводы и кто никогда не увидел их в печати, погибнув в страшные годы, как, например, Д. С. Недович и Г. Ф. Церетели. У А. Ф. Лосева, занятого новыми трудами, не было сил вернуться к давней книге столь печальной судьбы. Он не раз говорил, что издать ее надо после его кончины. Мы выполняем его волю*.

А. А. ТАХО-ГОДИ

---

* Вспоминаю с глубокой благодарностью и признательностью Г. Д. Белову, Л. В. Литвинову и А. В. Петрова, которые по мере сил помогали мне в свое время при попытках опубликовать этот труд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕОЛОГИЯ И КОСМОГОНИЯ

I. ИСТОРИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Сложность и запутанность тео-космогонических античных мифов заставляет расчленять эту область возможно подробнее. К ней можно подходить исторически и как к определенной системе.

Что касается *исторического подхода*, то, прежде всего, существовала та теогония, которую использовал еще *Гомер* в XIV песне «Илиады» (в так наз. «Обольщении Зевса»). Здесь началом всего выставлены Океан и Тефия.

Далее, к VIII в. до н. э. относится знаменитая «Теогония» Гесиода, пытающаяся дать сводку всех главнейших генеалогических мифов. Сводка эта не очень совершенна и содержит достаточно неясностей и путаницы, но для первой стадии тео-космогонического процесса она дает вполне определенную картину: в начале всего — Хаос, из Хаоса — Гея (Земля) и Эрот; дальше идут Ночь и Эреб (Мрак), Эфир и День; от Геи — Уран, Горы, Нимфы, Понт; от Геи и Урана — 12 Титанов, 3 Киклопа и 3 Гиганта. Океан и Тефия здесь (Theog. 133—136) — среди Титанов, а не на первом месте, как у Гомера.

Далее, в VI в. мы сталкиваемся с целым рядом новых тео-космогоний. Ближе всех к Гесиоду, по-видимому, *Акусилай*, который во многом просто излагает Гесиода. У *Ферекида* в начале *Хаос*, но этот Хаос, оказывается, есть также и *Вода*. У *Мусея* в начале всего Ночь и Тартар, у *Эпименида* — Ночь и Воздух.

Сюда же надо отнести и *орфическую* тео-космогонию, которая, по-видимому, еще раньше VI в. имела большое распространение. Из сложных и очень пестрых фрагментарных материалов, дошедших до нас от орфиков, мы, прежде всего, должны отмечать так наз. «Теогонию Иеронима и Гелланика» и так наз. «рапсодическую» теогонию. По первой, в начале — Вода, из которой Земля, а из Воды и Земли — крылатый Дракон с головами быка и льва; имя его — Нестареющее Время, или Геракл. А с этим Драконом — Ананка и Адрастея (т. е. Необходимость и Неизбежность), охватывающие в себе уже весь мир. По второй теогонии, в начале — Хронос, из которого Эфир и Хаос и Мировое яйцо, а из Яйца — первый и самый могущественный бог — Фанет, или Эрикепай, или Метис (Метида), получеловеческого, полуживотного вида.

Наконец, кое-что тео-космогоническое находим мы и у бедных на этот счет *римлян*, из которых Овидий дает весьма интересное изложение мифа о космогоническом Янусе.

Если поставить вопрос *систематически* и спросить себя, *из чего* происходят боги и мир в античной мифологии и *каковы главные ступени их развития*, то по первому вопросу мы имеем, очевидно, не меньше шести разных ответов. Все сущее появляется:

1) из Хаоса (специально — Гесиод),
2) из Тьмы (с разными наименованиями: Ночь, Тартар, Эреб, — VI век и орфики),
3) из Хроноса (Времени, — «рапсодическая» теогония),
4) из той или другой «стихии» (Вода, Земля, — VI век, орфики; также Воздух, Огонь, Эфир, Небо),
5) из Океана (Гомер),
6) из Яйца (специально орфики).

Из этого обзора видно, что античная мифология самую последнюю и самую абсолютную бездну и основание всякого бытия находит в том, что является или полной пустотой и «зияющим пространством» (такова этимология слова «хаос»), или заполненной пустотой, но не выше биологического зародыша.

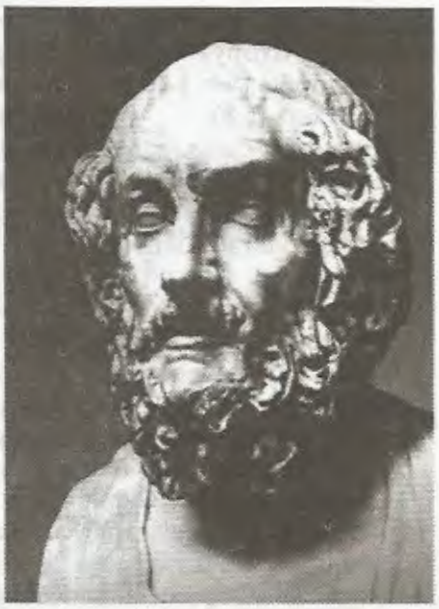
Вся тео-космогоническая эпопея разыгрывается в пределах между черным беспредельным пространством и зародышем организма, не больше того; и очевидно, все, что из этого получается (боги, люди, мир) в последнем своем основании, по своему окончательному смыслу является для античного мироощущения не больше как символом *чисто природных*, органических или неорганических, *процессов*.

Что касается, наконец, *ступеней* тео-космогонического процесса, то поскольку античная мифология исходит из бытия неорганического или органического (но только — биологически-органического), она предполагает обязательно *эволюцию*, чтобы быть в состоянии вывести высшие формы бытия из низших; а когда брался весь мировой процесс в целом, то античность — устами бесчисленных философов и мифологов, а прежде всего орфиков, пифагорейцев и Гераклита, — постулировала *вечное возвращение*. Тот период мировой истории, который был современен самой античной мифологии, разбивался ею, прежде всего, на два огромных периода, на *доолимпийский* и *олимпийский*, границей между которыми было воцарение и окончательное торжество так наз. олимпийских богов. Доолимпийский период — это время смутных переворотов и взаимных стихийных ниспровержений. Подробнее всего об этом информирует нас, конечно, Гесиод. Не входя в подробности здесь, мы для ориентации отметим пока, что из доолимпийского периода наиболее яркими эпохами являются: 1) от начала до Кроноса (эпоха безличных космических начал: Хаос, Тьма, Эфир и т. д., или, говоря вообще, эпоха Урана и Геи), 2) царство Кроноса, сына Урана (первое утверждение оформленно-личного начала), 3) ниспровержение Кроноса его сыном Зевсом и борьба со всеми прочими стихиями за самоутверждение (титаномахия, гигантомахия и тифония), 4) окончательное подчинение стихийных сил оформляюще-личному началу, или воцарение Зевса и начало олимпийского периода.

Начавшись с смутных, безличных и неопределенных космических потенций, миф, как видим, постепенно оформляется и конкретизируется, превра-

щая все эти стихии в порядок, строй и красоту, покамест не достигнет своей высшей точки — царства олимпийских богов.

A. ГОМЕР И ЭПОС (КРОМЕ ГЕСИОДА)



Гомер

Несколько стихов из Гомера, которые считаются в науке отражением какой-то (может быть, даже орфической) теогонии, настолько важны для нас как своей древностью, так и огромной популярностью во всех дальнейших теогониях, что невозможно пройти мимо них без внимания. Что это за Океан и что это за Тефия, из которых, по Гомеру, произошло все? У Гомера — это огромная река (§ 1 a, b), идущая вокруг всей земли и всего моря, дающая начало всем морям, рекам и источникам (§ 1 c), выпускающая из себя и принимающая в себя все светила (§ 1 d—f). Сама этимология этого слова — ocys (быстрый) указывает на быстроту и стремительность (хотя, впрочем, см. § 1 d—f). На его берегах живут блаженные люди, к которым боги нередко являются на пир (§ 2 a, c), причем по ту сторону Океана — роща Персефоны и Аид (§ 2 e), а по сю сторону — блаженный Элисиум (§ 2 f). Океан Гомера представляется мягким, любезным стариком, почтенным родителем богов (IL. XIV 301 сл., § 1 b, и продолжение этого в отделе «Зевс и Гера», § 17 a), который живет со своей супругой Тефией («Питающая») в уединении, не входя ни в какие мировые распри, происходившие в большом количестве, и даже не приходит на общий совет богов (IL. XX 7). Гомер указывает на их ссоры и на вытекающее отсюда отсутствие нового потомства (IL. XIV 205 слл., 304 слл., см. «Зевс и Гера», § 17 a). Те, кто видит в IL. XIV подражание орфической теогонии, объясняют это обстоятельство намеренным пародическим тоном, свойственным всей этой песне об «Обольщении Зевса», заменяющим здесь более серьезные концепции о прекращении деторождения у первых богов.

Океан, таким образом, — символ рождающей, оплодотворяющей водной стихии, о которой так много писали античные мыслители в течение всей античности, подобно египетскому Нилу, о таинственности и «демоничности» которого говорил, напр., Пиндар, как можно судить на основании frg. 282. С этой стороны он, вероятно, и интересовал ту теогонию, небольшие остатки которой мы находим у Гомера.

Об Океане в некосмогоническом смысле см. «Вода».*

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

Далее, так наз. эпический цикл начинался со специальной поэмы *«Теогония»* (§ 5 a). Независимо от того, появилась ли «Теогония» эпического цикла раньше Гесиода или нет, ее содержание, судя по Проклу (§ 5 a), — вполне догесиодовское: она лишена всякого спекулятивного, натурфилософского содержания и едва ли имела какие-нибудь обстоятельные генеалогии. Будь тут хоть какая-нибудь более углубленная трактовка теогонических вопросов, Прокл не преминул бы это выдвинуть на первый план. Здесь, стало быть, чистые мифы без малейшего аллегоризирования. С другой стороны, полагание в основу Урана и Геи и порождение ими 3 Сторуких и 3 Киклопов роднят циклическую «Теогонию» с Аполлодором (см. § 50 b), в то время как у Гесиода сначала появляются еще Титаны (§ 8).

В древности была, далее, широко известна поэма под названием *«Титаномахия»*, автором которой является, по Schol. Apoll. Rhod. I 1165 и Hyg. Fab. 183 (§ 5 d, f), Евмел Коринфский, в то время как Атеней (§ 5 g) предполагает возможность и другого авторства, напр. Арктина. Она, очевидно, сильно отличается от «Теогонии» эпического цикла (в особенности если последнюю видеть в основе Аполлодора, см. § 49 b), равно как и от Гесиода, так что является еще большим вопросом, можно ли прямо отождествлять ее с циклической «Теогонией», или нужно видеть в ней ее продолжение (были высказаны соображения и за то и за другое). Вернее же, что «Титаномахия» совсем не имеет никакого отношения к эпическому циклу и, следовательно, к Аполлодору (ср. в особенности учение об Эфире, § 5 b, c).

Наконец, укажем еще ряд *эпических писателей*, касавшихся теогонических мифов и почти совсем ускользающих от нашего научного знания. Анонимная «Форонида», воспевавшая основателя и учителя культуры Форонея, своего рода аргосского Прометея, содержала ряд мест теогонического содержания — об идейских Дактилях (§ 6 b, ср. «Система», § 39), о Куретах (§ 6 c), о Гере Аргосской (EGF, Phoronis, 4), о рождении Гермеса (ibid., 5). Поздний эпик Антимах (по Diod. XIII 108 — времени Артаксеркса, сына Дария) рассказывал об оскоплении Урана (§ 6 d), о Титанах (§ 6 e), о конях Ареса (EGF, Antimachi 46) и др. Имеются упоминания о каких-то Палефате (§ 6 f), Абарисе (§ 6 g), Аристее Проконесском (времени Креза и Кира, по Suid., § 6 b) и Дромокриде (или Дромокрите, § 6 i).

ТЕОГОНИЯ У ГОМЕРА

1. ***a) Il. XIV 245 сл. (Океан — начало всего, — слова Геры о себе)***

245 ...усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилося.

b) Il. XIV 301 сл. (Тефия)

Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.

Ср. Il. XIV 200—201:

200 Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.

c) IL. XXI 194—199 (Океан, источник всех вод, подвластен Зевсу)

С ним, Громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
Ни могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет.

d) IL. VII 421 сл. (Восход светил из Океана)

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Выйдя из тихотекущих глубоких зыбей Океана.

e) IL. VIII 485 сл. (Заход светил в Океан)

Пал между тем в Океан лучезарный пламенник Солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.

f) IL. V 4—6 (О светилах и Океане, — Афина украшает Диомеда)

Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана.

2. *a) IL. I 423 сл. (Непорочные эфиопы)*

Зевс Громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным.

b) IL. XXIII 205—207 (Слова Ириды к Ветрам)

Некогда, Ветры; еще полечу я к волнам Океана,
В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
Жителям неба, и я приношений участницей буду.

c) Od. I 22—26 (Посейдон у эфиопов)

Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять экатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился...

d) Od. XI 12—19 (Страна на берегах Океана, — ее описание)

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

e) Od. X 508—512 (По ту сторону Океана — Аид, — наставление Кирки Одиссею)

Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из ракит, свой теряющих плод, и из тополей черных,

Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область.

f) Od. IV 565—568 (По сю сторону Океана — блаженный Элисиум)

565 Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным.

3. Damasc. 124 (Космогоническая роль Океана, — Евдем об Океане и Тефии как о начале всего, см. ниже, § 36 a).

ОБРАЗ ОКЕАНА В ГИМНАХ

4. a) Hymn. Orph. LXXXIII (Гимн Океану)

Я призываю отца Океана нетленного, вечно
Сущего, корень бессмертных богов, как и смертного люда.
Ты омываешь всю землю кругом пограничной волною,
Все из тебя и потоки текут, и всякое море,
Чистою влагой из почвы земли родники вытекают.
О блаженный, обильный, услыши, богов очищенье,
Друг — граница земли, влажный путь, начинающий небо,
К мистам приди благосклонно, извечно для нас вожделенный!

b) Hymn. Orph. XXII (Гимн Тефии)

Светлоочиту Тефию, жену Океана, зову я,
Ту, что стремится в волнах, и в синем покрове царицу
Землю вокруг ударяешь ты ласковыми ветерками,
Волны могучие ты сокрушаешь о берег скалистый,
Водовороты смиряешь ты нежнобегущею гладью,
Ты кораблями блистаешь, звериная мати, путь влажный,
Ты породила Киприду и темные тучи рождаешь.
Ты обручаешь потокам ключи, изобильные влагой.
Внемли, святая, радушная, мне, — помоги благодатно:
Ветер судам пошли попутный прямобегущим.

ДРУГИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ТЕОГОНИИ

5. a) Phot., p. 319 a ***(Циклическая «Теогония»)***

Рассуждает он [Прокл]* и о так называемом эпическом цикле, который начинается повествованием о смешении *Урана* и *Геи*, из которого они рождают трех сыновей Сторуких и трех Киклопов.

Ср. Apollod. I 1,1 сл. «Система», § 14 h).

b) Anecd. Oxon. I 75, 12 (Теогония «Титаномахии»)

Уран — сын *Эфира*, как утверждает написавший «Титаномахию».

c) Philod. De piet. 61

Написавший «Титаномахию» утверждает, что [всё] — *из Эфира*.

---

* Слова и ссылки в квадратных скобках, дополняющие и разъясняющие перевод, чтоб сделать его более понятным, принадлежат переводчикам (*А. А. Тахо-Годи*).

d) Schol. Ap. Rh. I 1165

Евмел утверждает в «Титаномахии», что Эгеон — сын Геи и Понта и что он, живя в море, сражался против Титанов.

e) Eudocia, p. 91, 20 слл.

Бриарей, по Евмелу, сын Геи и Понта. Он и Котт, обладая ста руками, воевали вместе с богами против Гигантов.

f) Schol. Ven. B. IL. XXIII 295

Написавший «Титаномахию» утверждает, что у Гелиоса две лошади мужского пола и две — женского.

Ср. Hyg. Fab. 183 (Имена коней Гелиоса и имена Ор — в «Зевсе и Гере», § 34).

g) Athen. VII 277 d

Я знаю, что создавший «Титаномахию», Евмел ли он Коринфский, или Аркти[н], или кто бы то ни было, любой по имени, так сказал во II [песне]:

Рыбы плавают в нем золотистые видом, немые,
И играют в движенье своем по влаге бессмертной.

h) Athen. I 22 c

Евмел же... выводит Зевса танцующим [после победы над Гигантами], говоря:

И танцевал посредине отец богов, человеков.

i) Clem. Alex. Str. I 15, p. 47, 7 St.

...Кентавра Хирона... о котором написавший «Титаномахию» утверждает, что он первый привел род смертных к справедливости, показавши клятвы, священные жертвоприношения и внешний вид Олимпа.

j) Schol. Ap. Rh. I 554

Создавший «Гигантомахию» утверждает, что Кронос, превратившись в коня, соединился с Филирой, дочерью Океана, вследствие чего и родился Гиппокентавр Хирон. Женой у последнего была Харикла.

k) Athen. XI 470 b

Феолит во II книге «Ор» утверждает, что Гелиос плывет в урне. Первый же об этом сказал создавший «Титаномахию».

l) Philod. De piet., p. 43

Акусилай утверждает, что Гарпии стерегут яблоки. Эпименид же утверждает как это, так и то, что Гарпии тождественны с Гесперидами. Написавший же «Титаномахию» говорит, что они стерегут яблоки...

6. *a) Clem. Alex. Str. I (Теогония «Форониды»)*

Акусилай утверждает, что Фороней был первым человеком, откуда и творец «Форониды» сказал, что он «смертных людей отец».

b) Schol. Laur. Ap. Rh. I 1129

Сочинитель «Форониды» пишет так:

Колдуны тут,
Мужи фригийские с гор, обитали в ущелиях Иды,
Келмис, и Дамнаменей великий, и Акмон насильник,
Слуги с хитрым умом на горах живущей Адрастьи,

Что впервые искусство нашли многоумного бога Гефеста
В горных местах и нашли темно-красное также железо,
И вводили железо в огонь, достославное дело являя.

c) Strab. X 3, 19

Написавший «Фороииду» говорит, что Куреты являются флейтистами и фригийцами.

Ср. «Система», § 41 с.

d) Plut. Aet. Rom. 42 (Антимах, — из теогонии Антимаха Колофонского)

Послушествуя Гесиоду [Theog. 160 слл.], Антимах написал:

Член отрезав серпом кривым у отца детородный
Урана, у Акмонида косматый Кронос явился.

e) Schol. Arat. 15

...у Антимаха:
...Земле-родных, а также богов прежде-родных, Титанов.

f) Suid. Palaiphatos.

Палефат, эпический писатель в Афинах, сын Актея и Бойи, по другим же — Иоклеса [Schoemann: Диоклеса] и Метаниры, по третьим — Гермеса. По некоторым, он родился до Фемонои, по другим же — после нее. Он написал поэмы: о создании мира в 5000 стихов, о рождении Аполлона и Артемиды в 3000 стихов, о звуках и словах Афродиты и Эрота в 5000 стихов, о споре Афины и Посейдона в 1000 стихов, о локонах Лето.

d) Suid. Abaris

Абарис-скиф, сын Севта, написавший... теогонию прозою.

h) Suid. Aristeas

Аристей, сын Демохориды и Каистробия, — проконесский эпический писатель... И он написал прозою теогонию в 1000 стихов.

i) Fulg. Mythol. II 14, p. 56, 13 Helm. Дромокрит

Дромокрит пишет в «Теогонии», что Иксион первый стремился в Греции [достигнуть] славы от своего царствования...

Ср. ibid. III 7, p. 70, 23 слл.:

Язычники полагали, что отдельные боги заведуют отдельными частями в человеке, как, например, Юпитер — головой. Так писал Дромокрит в своих сочинениях о природе.

Б. ГЕСИОД

Единственная дошедшая до нас тео-космогоническая поэма античности (да и то без окончания) — это «Теогония» Гесиода — вероятно, середины VIII в. до н. э. В ней довольно сумбурное нагромождение разных генеалогий, но мы здесь выделяем в ней только самое принципиальное и стержневое, соблюдая основную последовательность событий и выбрасывая всякие усложняющие и затемняющие детали. Эта последователь-

ность совершенно определенно дана в виде тех четырех стадий, о которых было упомянуто выше, в общем введении в «Теогонию и космогонию». Автор (или редактор) «Теогонии» сам не везде одинаково отчетливо представлял себе существо теогонии, вследствие чего образовалась масса неясностей, заполняемых нами только путем изучения всех вообще античных тео-космогонических текстов. Так, напр., хорошо не известно у Гесиода, что такое тот *Хаос*, из которого все происходит. Вместе с Хаосом мы имеем у Гесиода *Землю*, *Тартар* и *Эрота*. В каком взаимном отношении находятся эти первоначальные потенции, неизвестно. Далее, Хаос рождает из себя *Мрак* (Эреб) и *Ночь*, а эти обе потенции — *Эфир* и *День*. И тут тоже неизвестно, что такое Эреб и что такое Эфир. Земля рождает из себя Небо, Горы и Море. До сих пор (§ 7) — только самые общие начала, почти еще не мифология. Дальше — более живые образы. От брака Земли и Неба *Титаны*, *Киклопы* и *Сторукие* (§ 8), о существе которых тоже ничего не известно. Младший из Титанов — Кронос — по наущению своей матери Земли (§ 9) оскопляет Небо-Урана, и из крови оскопленного Урана появляются *Эринии*, *Гиганты*, *Нимфы* и *Афродита* (§ 10). Воцарившийся Кронос (с Титанкой Реей) существует тем, что поглощает своих детей (§ 11), что, однако, прекращается — опять по совету той же Земли — на Зевсе путем подсовывания Кроносу завернутого камня вместо новорожденного Зевса. Зевс вырастает, освобождает своих братьев, заключенных Кроносом в Тартар, и воцаряется вместо Кроноса, причем о судьбе самого Кроноса не говорится ничего (§ 11—12). Особенный интерес представляет род Титана Иапета — Атлант, Прометей и Эпиметей, — который затевает большую борьбу с Зевсом. Освещена она у Гесиода довольно примитивно. Зевс освобождает также и Киклопов, тоже отправленных в Тартар Кроносом (§ 14). Но с теми Титанами, которых он же, как сказано, и освободил, начинается великая война у Зевса и прочих Кронидов, приводящая к победе Кронидов над Титанами (при помощи Киклопов) и к низвержению их в Тартар (§ 15). Однако этим борьба еще не кончается. Земля на этот раз, оказывается, недовольна Зевсом и воздвигает против него чудовище Тифона, олицетворение каких-то страшных бурь и ветров. Но гибель ждет и его (§ 16): происходит раздел мира между олимпийцами и полное воцарение Зевса (§ 17).

Кентавр

Путем исключения затемняющих подробностей мы достигаем в этом ясности и последовательности тео-космогонического процесса. Но, разумеется, этим мы далеко еще не достигаем ясности всех тех мифологических образов, которые тут фигурируют. Уже одно это запрещает нам

ограничиваться в теогонической мифологии одним Гесиодом и заставляет искать дальнейшего разъяснения в последующей истории теогонии. Изучая орфическую теогонию и космогонию, мы и убеждаемся, что то, что обычно называется орфической тео-космогонией, в значительной мере есть не что иное, как раскрытие гомеро-гесиодовских символов в максимально понятной и вразумительной форме (насколько может быть понятна и вразумительна мифология). Так мы узнаем, что такое Хаос, что такое Эфир и Ночь, какое отношение Хаоса к Земле, что такое космогонический Эрот, что такое Титаны и титаномахия и т. д. Ясно, что преувеличивать систематичность и сознательность Гесиода не приходится. Систематизация эта — чисто внешняя (не говоря уже о сумбуре фактически дошедшей до нас поэмы, что, может быть, является рядом исторических случайностей); самый же миф у Гесиода совершенно еще не затронут никакой рефлексией, будучи столь же непосредственным, как и мифология Гомера.

Что касается *исторического* положения «Теогонии» Гесиода, то в отношении Гомера она содержит не столько что-нибудь противоречащее ему, сколько просто новое, чего там не было. Так, у Гомера нет никаких первопотенций вроде Хаоса, Геи, Эрота, Эреба, Понта, Эфира, Гемеры (некоторые намеки только на Ночь в IL. XIV 261). Из Титанов у Гомера упоминаются Кронос (IL. VIII 479, XIV 274), Рея (IL. XIV 203, XV 187), Фемида и Иапет (IL. VIII 479), а Гиперион тождествен с Гелиосом. Кроме того, особое место, как мы уже знаем из Гомера, занимают у него Океан и Тефия (§ 1—4). Киклопов Гомер толкует как особое дикое племя на земле (см. «Земля»), а не как космогоническую потенцию. Только сторукий Бриарей-Эгеон трактуется как помощник Зевсу в его старинных затруднениях (IL. I 402 слл.). У Гомера нет и намека на оскопление Урана, на поглощение Кроносом своих детей, на историю Прометея, на титаномахию и тифонию. Только в IL. VIII 479 — кратко — о низвержении Титанов. Из шести Гесиодовых Кронидов у Гомера совершенно отсутствует Гестия. Деметра у него вовсе не дочь Кроноса и не сестра Зевса. Раздел мира (IL. XV 187 слл., «Зевс и Гера», § 5 а) аналогичен Гесиодову (§ 17). В общем надо, конечно, сказать, что, несмотря на большие расхождения, Гесиод покоится все же на Гомере, заимствуя у него глубочайшие основы эллинского мифа вообще.

Другим источником послужили Гесиоду *локальные* мифы, связанные с провинциальным культом, где, собственно говоря, и надо искать подлинную основу античной мифологии. Такого происхождения: Эрот (из Феспий, ср. Paus. IX 27, 1); некоторые божества, ставшие у Гесиода Титанами (Кой, мессенская река, ср. Paus. IV 33, 6; Крий и др.); то же — относительно Киклопов и Сторуких. Не исключаются, конечно, и восточные влияния, и притом в таких важных пунктах, как оскопление Урана, рождение Афродиты на море из семени Урана и пожирание Кроносом своих детей, аналогий для чего мы не находим в Греции до Гесиода, но находим в семитических культах Эль и Баальхамман.

Собственное творчество Гесиода заметно во многих пунктах. Идея всеобъемлющей роли Земли, матери богов и всего мира, принадлежит впервые, пожалуй, именно Гесиоду. Возможно, что и Эрот впервые именно Гесиодом извлечен из культового мифа и возведен на столь большую теогоническую высоту. Неизвестен более ранний источник и для замечатель-

ной идеи рождения Афродиты; Эреб и Ночь наличны у Гомера, но персонификация Тартара, его брак с Ночью и соответствующее потомство — чисто гесиодовские. То же надо сказать о персонификации Урана и о всех связанных с нею мифологических моментах; характерно для Гесиода чередование партеногенеза и полового размножения в мифе о Понте, Ночи и Гере. Совершенно произвольно у Гесиода конструирование 12 Титанов; и неизвестно, что заставило его внести сюда столько неожиданных имен (между прочим, не совсем удачно с точки зрения общеантичного чувства помещение в эту же среду и Океана с Тефией — существ гораздо более высоких, чем все эти Кои, Крии, Фебы, Фейи и пр.). Наконец, возможно приписывать Гесиоду и постоянную триадичность мифа, которая ни в каком случае не может быть случайностью: три ряда Уранидов, три порождения Урановой крови; три сына Понта; три дочери Тавманта; три Горгоны; три чудовища — Орф, Кербер, Гидра — и Химера, Сфинкс, лев Немейский; далее — Гелиос, Селена, Эос; Астрей, Паллант, Перс; Зефир, Борей, Нот; три Оры, три Мойры, три Хариты, трое детей Зевса и Геры, трое детей Ареса и Афродиты; три головы Горгоны и также Химеры; 3x3 Музы, 2x3 Титанов и 2x3 Титанок; три сына и три дочери Кроноса и Реи; наконец, триадичен и весь теогонический процесс: Уран, Кронос, Зевс. Этот замечательный факт можно объяснять по-разному; мы же только на него указываем.

Слабее всего представлено у Гесиода аллегоризирование и толкование мифов, хотя обращает на себя внимание тенденция к *этимологическим* объяснениям; такова этимология имени Титанов (§ 8 b), Пегаса и Хрисаора (ст. 282 сл.), Ор (ст. 903 сл.), Зевса (Opp. et d. 3 сл.), Пандоры (ibid., 81 сл.). Заметна любовь к *персонифицированию абстрактных* понятий или моментов (Смерть, Сон, Любовь, Обман, Спор, Труд, Голод, Болезнь, Беззаконие, Зависть, Страх, Ужас и т. д.) — явление, уходящее корнями в глубокие основы еще догесиодовской мифологии.

В заключение необходимо сказать, что, несмотря на всю хаотичность структуры и содержания «Теогонии» Гесиода, это произведение имело ни с чем не сравнимую популярность для всей античной истории. Всякая теогония так или иначе ориентировалась на Гесиода; и все те, которых мы еще коснемся, решительно уступали ей по своему распространению и значению.

В значительной мере оправданы знаменитые слова Геродота (II 53) о Гомере и Гесиоде: «...они составили для эллинов родословную богов, снабдили имена божеств эпитетами, поделили между ними достоинства и занятия и начертали их образы».

НАЧАЛО

7. Hes. Theog. 116—125 (Хаос, Гея, Эрот и их первые порождения: Ночь и Эреб, откуда — Эфир и День)

Прежде всего во всей вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
[Вечных богов, обитателей снежных вершин олимпийских],
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный, — у всех он богов и людей земнородных

Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись [1].*

8. a) Hes. Theog. 126—153 (Порождения Геи: Уран, Горы и Понт; от Геи и Урана — 12 Титанов, 3 Киклопа и 3 Сторуких)

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
[Горы потом народила, — приятный приют для бессмертных]
Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт [2]. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.
После их всех родился, меж детей наиболе ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомощного он ненавидел.
Также Киклопов [3] с душою надменною Гея родила,
Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнию сделали Зевсу Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился.
Вот потому-то они и звались «круглоглазы», «Киклопы»,
Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.
Также другие еще родилися у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных:
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

b) Hes. Theog. 207—210 (Название Титанов)

Детям, на свет порожденным Землею, названье Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
«Руку, — сказал он, — простерли (titainontas) они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это».

УРАН

9. Hes. Theog. 154—181 (Гея против Урана; его оскопление)

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,

* Комментарий см. в конце книги (*А. А. Тахо-Годи*).

Каждого в недрах Земли немедлительно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробой тяжко стонала Земля-великанша.
Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас, породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:
«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».
Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля ответствовал матери милой:
«Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».
Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.
Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный
Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.

10. Hes. Theog. 182—206 (Результат оскопления: появление Эриний, Гигантов, Мелийских нимф и Афродиты)

И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на Землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их Земля приняла. А когда обернулися годы,
Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
Также и Нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На брег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою, —
Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще Кифереей прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», — что в Кипре, омытом волнами, родилась
[Также «улыбколюбивой», — затем, что улыбки ей милы].
К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:

Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий [4].

КРОНОС И РЕЯ

11. Hes. Theog. 453—491 (Поглощение Кроносом детей и спасение Зевса)

Рея, поятая Кроном, детей родила ему светлых, —
Деву-Гестию, Деметру и златообутую Геру,
Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея,
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных,
Громы которого в трепет приводят широкую землю [5].
Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
Новорожденный младенец из матери чрева святого:
Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана
Царская власть над богами другому кому не досталась.
Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
Как он сам ни могуч, — умышленьем великого Зевса.
Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.
Но наконец, как родить собралась она Зевса-владыку,
Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея,
К Гее великой, Земле, и к звездному Небу-Урану, —
Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши,
Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейства
Крону-владыке, детей поглотившему, ею рожденных.
Вняли молениям дщери возлюбленной Гея с Ураном
И сообщили ей точно, какая судьба ожидает
Мощного Крона-царя и его крепкодушного сына.
В Ликтос послали ее, плодородную Критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприяла Земля-великанша,
Чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.
Быстрою черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.
Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался
Сын невредимым его, в безопасности полной, что скоро
Верх над отцом ему взять предстояло руками и силой,
С трона низвергнуть и стать самому над богами владыкой.

12. Hes. Theog. 492—506 (Воцарение Зевса)

Начали быстро расти и блестящие члены и сила
Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами.
Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:

Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,
Хитростью сына родного и силой его побежденный.
Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.
Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил
В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом,
Чтобы всегда там стоял он как памятник, смертным на диво.
Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно
Вверг в заключенье отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша.
Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит[6].

ЗЕВС В БОРЬБЕ С ПРОЧИМИ КОСМОГОНИЧЕСКИМИ СИЛАМИ

13. Зевс и Прометей

См. в отделе «Зевс и Гера», § 19—28.

14. Hes. Theog. 617—628 (Зевс и низвергнутые в Тартар)

Ко Бриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.

Кентавр

В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
Возле границы пространной земли, у предельного края,
С долгой и тяжкой скорбью в душе, в жесточайших страданьях.
Всех их, однако, Кронид и другие бессмертные боги,

Реей прекрасноволосой рожденные на свет от Крона,
Вывели снова на землю, совета послушавшись Геи:
Точно она предсказала, что с помощью тех великанов
Полную боги победу получат и громкую славу[7].

15. Hes. Theog. 629—735 (Титаномахия)

Ибо уж долгое время сражалися друг против друга
В ярых могучих боях, с напряжением, ранящим душу,
Боги Титаны и боги, рожденные на свет от Крона:
Славные боги Титаны — с Офрийской горы величайшей,
Боги, рожденные Реей прекрасноволосой от Крона,
Всяких податели благ, — с вершин многоснежных Олимпа.
Гневом, душе причиняющим боль, пламенея друг к другу,
Десять уж лет непрерывно они меж собою сражались,
А разрешенья тяжелой вражды иль ее окончанья
Не приходило, и не было видно конца межусобью.
Вызволив тех великанов могучих, подали им боги
Нектар с амвросией, — пищу, которой питаются сами.
И преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной.
После того как амвросией с нектаром те напитались,
Слово родитель мужей и богов обратил к великанам:
«Слушайте, славные чада, рожденные Геей с Ураном!
Слово скажу я, какое душа мне в груди приказала.
Очень уж долгое время, сражаяся друг против друга,
Бьемся мы все эти дни непрерывно за власть и победу, —
Боги Титаны и мы, рожденные на свет от Крона.
Встаньте навстречу Титанам, в жестоком бою покажите
Страшную силу свою и свои необорные руки.
Вспомните нашу любовь к вам, припомните, сколько страданий
Вы претерпели, пока мы вам тягостных уз не расторгли
И из подземного мрака сырого не вывели на свет».
Так он сказал. И ответил тотчас ему Котт безупречный:
«Мало, божественный, нового нам говоришь ты: и сами
Ведаем мы, что и духом и мыслью ты всех превосходишь,
Злое проклятие разве не ты отвратил от бессмертных?
И не твоим ли советом из тьмы преисподней обратно
Возвращены мы сюда из оков беспощадных и тяжких,
Вынесши столько великих мучений, владыка, сын Крона!
Ныне разумною мыслью, с внимательным духом тотчас же
Выступим мы на защиту владычества вашего в мире
И беспощадной, ужасной войною пойдем на Титанов».
Так он сказал. И одобрили слово, его услыхавши,
Боги, податели благ. И войны возжелали их души
Пламенней даже, чем раньше. Убийственный бой возбудили
Все они в этот же день, — мужчины, равно как и жены, —
Боги Титаны и те, что от Крона родились, а также
Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли, —
Мощные, ужас на всех наводящие, силы чрезмерной.
Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов

По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Вышли навстречу Титанам они для жестокого боя,
В каждой из рук многомощных держа по скале крутобокой.
Также Титаны с своей стороны укрепили фаланги
С бодрой душою. И подвиги силы и рук проявили
Оба врага. Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стенящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходилися боги на битву.
Сдерживать мощного духа не стал уже Зевс, но тотчас же
Мужеством сердце его преисполнилось, всю свою силу
Он проявил. И немедленно с неба, а также с Олимпа,
Молнии сыпля, пошел Громовержец-владыка. Перуны,
Полные блеска и грома, из мощной руки полетели
Часто один за другим; и священное взвихрилось пламя.
Жаром палимая, глухо и скорбно земля загудела.
И затрещал под огнем пожирающим лес неисчетный.
Почва кипела кругом. Океана кипели теченья
И многошумное море. Титанов подземных жестокий
Жар охватил, и дошло до Эфира священного пламя
Жгучее. Как бы кто ни был силен, но глаза ослепляли
Каждому яркие взблески перунов летящих и молний.
Жаром ужасным объят был Хаос. И когда бы увидел
Все это кто-нибудь глазом иль ухом бы шум тот услышал,
Всякий, наверно, сказал бы, что небо широкое сверху
Наземь обрушилось, — ибо с подобным же грохотом страшным
Небо упало б на землю, ее на куски разбивая, —
Столь оглушительный шум поднялся от божественной схватки.
С ревом от ветра крутилася пыль, и земля содрогалась;
Полные грома и блеска, летели на землю перуны.
Стрелы великого Зевса. Из гущи бойцов разъяренных
Клики неслись боевые. И шум поднялся несказанный
От ужасающей битвы, и мощь проявилась деяний.
Жребий сраженья склонился. Но раньше, сошедшись друг с другом,
Долго они и упорно сражались в схватках могучих.
В первых рядах сокрушающе-яростный бой возбудили
Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучестью рук победивши надменных,
Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,

В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
Медной оградою Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.
Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных,
В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
Выхода нет им оттуда, — его преградил Посидаон
Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса [8].

16. Hes. Theog. 820—868 (Тифония)

После того как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.
Силою были и жаждой деяний исполнены руки
Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами
Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
Взглянет любой головою, — и пламя из глаз ее брызнет.
Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали
Невыразимые, самые разные: то раздавался
Голос, понятный бессмертным богам, а за этим как будто
Яростный бык многомощный ревел оглушительным ревом;
То вдруг рыкание льва доносилось, бесстрашного духом,
То, к удивлению, стая собак заливалася лаем;
Или же свист вырывался, в горах отдаваясь эхом.
И совершилось бы в этот же день невозвратное дело,
Стал бы владыкою он над людьми и богами Олимпа,
Если б остро не удумал отец и бессмертных и смертных.
Загрохотал он могуче и глухо, повсюду ответно
Страшно земля зазвучала и небо широкое сверху,
И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.
Тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул,
Только лишь с места Кронид поднялся. И земля застонала,
Жаром сплошным отовсюду и молния с громом, и пламя
Чудища злого объяли фиалково-темное море,
[И ураганные ветры, и полные молний перуны].
Все вкруг бойцов закипело — и почва, и море, и небо.
С ревом огромные волны от яростной схватки бессмертных
Бились вокруг берегов, и тряслася земля непрерывно.
В страхе Аид задрожал, повелитель ушедших из жизни,
Затрепетали Титаны под Тартаром около Крона
От непрерывного шума и страшного грохота битвы.
Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружье схватился,
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.

Кентавр Боргезе. Античная статуя

На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
И укротил его Зевс, полосуя ударами молний.
Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанша.
После того как низвергнул перуном его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расселин
Этны, скалистой горы. Загорелась Земля-великанша
От несказанной жары и, как олово, плавиться стала
В тигле широком умело нагретое юношей ловким.
Так же совсем и железо — крепчайшее между металлов, —
В горных долинах лесистых огнем укрощенное жарким,
Плавится в почве священной под ловкой рукою Гефеста.

Так-то плавиться стала земля от ужасного жара.
Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоея забросил[9].

17. Hes. Theog. 881—885 (Раздел мира)

После того как окончили труд свой блаженные боги
И в состязанье за власть и почет одолели Титанов,
Громкогремящему Зевсу, совету Земли повинуясь,
Стать предложили они над богами царем и владыкой.
885 Он же уделы им роздал, какой для кого полагался[10].

B. VI ВЕК

Некоторого рода рефлексию над тео-космогоническими образами мы находим в VI в. в ряде систем, очень плохо нам известных и трактуемых обычно как предшествие философских школ. Из них ближе всего к Гесиоду *Акусилай* (§ 18—19), хотя он уже подвигается вперед в смысле внутреннего уяснения связи мифологических образов. Диоген Лаэртский (I 41, 42) и Климент Александрийский (Str. I 14, 59, 5) причисляют его к семи мудрецам. Хаос (§ 18) у него возвышается над всем как нечто «совершенно непознаваемое» и внутри не противополагаемое, а Эреб и Ночь, из него возникающие, противостоят как мужское и женское начала. «Историографы Евмел и Акусилай переложили произведения Гесиода прозой и выдали за свои» (Clem. Alex. Str. VI 2, 26, 7; ср. FGrHist. Acus. 4—8). Некто *Мусей*, написавший «Теогонию» (Diog. L. proem. 1 3), выдвигает в качестве первоначала Ночь, хотя еще неизвестно, что он под ней понимает (§ 22 a—c). Может быть, тут было какое-нибудь учение, если автор занимался здесь же деталями, как и в других пунктах мифологии (§ 20—21). Более органическую связь мифологических образов, по-видимому, давал *Эпименид*, тоже написавший «Теогонию», притом в 5000 стихов (Diog. L. 1, 111): первоначальные стихии Воздух и Ночь порождают у него Тартар, а Тартар — двух «Титанов», причем сообщающий нам об этом поздний автор (§ 23 a) намекает, что это есть в некотором смысле пространственная форма. Тут одно из первых толкований космогонического мифа, которое впоследствии укрепится и разовьется. А так как за этими «Титанами» у Эпименида следует Яйцо, то ясно, что это есть только дальнейшая эволюция, т. е. наполнение пустого пространства живой материей. Эпимениду принадлежит и ряд мелких мифологических установок, из которых мы приводим только некоторые (§ 24 a—e). Остальные встретятся в других местах.

Наконец, *Ферекид Сирский*, по Suid., тоже писал «Гептамих, т. е. Теологию или Теокрасию» [«Семь углублений, т. е. Богословие или Богосмешание»], причем Свида поясняет, что «это есть богословие в 10 [?] книгах, содержащее учение о порождении и преемствах богов». Ферекид ценен для нас тем, что у него уже решительно выступает на первый план тенденция осмыслить космогонический миф. Зас (=Зевс) и Хтония (=Земля) вступают в брак. Впервые с браком Хтония становится Землей, — значит, тут попытка различать реальную землю от ее смыслового принци-

па. На третий день Зевс набрасывает на свою жену покрывало, на котором он разрисовал Землю, Океан и чертоги Океана, увещевая ее принять этот дар как должный (§ 26 b). Последний текст дошел до нас из папирусов и является только жалким фрагментом из не дошедшего до нас грандиозного рассуждения. Ясно, что тут уже произошло разделение бесформенной массы земли и ее оформление, как это мы можем наблюдать в поздней литературе (напр., у Порфирия — Bidez. Vie de Porph. 19: «...статуя... на которую сверху до ног наброшено многообразное одеяние»). Сюда же — и § 20. Подобное раскрытие мифа находим и в § 29 и § 30 при помощи — тоже вновь открытого — понятия души, которую Ферекид, по-видимому, уже умеет абстрагировать из цельной живой действительности, а также и в § 31 при помощи новых натурфилософских понятий движения и истечения (или прототипа этих понятий). Таким образом, с Ферекидом мы входим уже в область рефлектированной тео-космогонии, желающей, однако, оставаться на почве самой же мифологии. Отсюда недалеко и до настоящей досократовской натурфилософии, которая (поскольку она есть именно философия, стремящаяся к тому же освободиться от мифа) по этому самому лежит за пределами нашего обзора.

Наконец, все эти теогонисты VI в. представляют собою вполне определенный переход к орфикам (см. примеч. 12—16, 19).

АКУСИЛАЙ

18. a) Damasc. 124 (I 320, 10 Rue.) (Хаос, Эреб, Ночь)

Акусилай предположил *Хаос* в качестве первого начала — как совершенно непознаваемое... в качестве мужского — Эреб и в качестве женского — Ночь... Из их смешения, говорит он, появились *Эфир*, *Эрот*, *Метис*... по изображению Эвдема (frg. 117 Speng.), из тех же самых и других богов он выводит за этим еще большее количество.

b) Philod. De piet. 137, 13, p. 61

Акусилай [выводит] прочее из Хаоса, как из первого.

c) Plat. Conv. 178 b (О согласии с Гесиодом в вопросе о Хаосе и Эроте)

См. «Афродита», § 12 a.

d) Schol. Theocr. arg. XIII (по Акусилаю — от Ночи и Эфира)

См. «Афродита», Б. Эрот.

19. a) Didym. ap. Macr. Sat. V 18, 8 (Океан и др.)

[Акусилай] утверждает, что Океан вступил в брак с своей сестрой Тефией, а от них произошли 3000 рек. Из последних Ахелой — старейший и пользуется наибольшим почетом [11].

b) См. § 5 I (О Гарпиях)

МУСЕЙ

20. a) Ps.-Erat. Catast. 13 (О воспитании Зевса и о созвездии Возничего)

См. «Зевс и Гера», § 4 a.

b) Lact. Inst. divin. 1 21, 39

Мусей является автором того, что шкурой этой козочки Зевс воспользовался вместо щита в сражении против Титанов, откуда поэтами и говорится: «Возничий».

21. Paus. 1 14, 3

Поется и поэма Мусея, — если только она принадлежит Мусею, — о том, что Триптолем был сыном Океана и Земли.

22. a) Philod. De piet. 137, 5, p. 61 (Тартар и Ночь)

У одних говорится, что все из Ночи и Тартара, у других — из Аида и Эфира. Написавший «Титаномахию» говорит, что — из Эфира, Акусилай, что прочее — из Хаоса, как первого. В сочинениях же, приписываемых Мусею, написано, что первыми являются Тартар и Ночь.

b) Ibid. 14, 8, p. 81

Он утверждает, что Ночь — первая богиня [12].

c) Schol. Ap. Rh. III 1179 («Титанография» Мусея)

ЭПИМЕНИД

23. a) Damasc. 24 (I 320, 17 Rue.) (Воздух, Ночь, Тартар, Яйцо)

Эпименид выставил два первых начала: Воздух и Ночь... Из них родился Тартар, — полагаю, в качестве третьего начала, как некоторая смесь из двух смешавшихся. Из них — два Титана [13] (так он называет умопостигаемую середину, потому что край и предел растягивают по двум направлениям). Из их взаимного смешения произошло Яйцо... А из него, в свою очередь, происходит прочее рождение.

b) Philod. De piet. 47 a, 2, p. 19

По [сочинениям, приписываемым] Эпимениду, все составилось из Воздуха и Ночи, как и Гомер утверждает, что Океан породил всех богов от Тефии, говоря (IL. XIV, 201): «бессмертных отца Океана и мать Тефису». Кто-то другой считает отцом и матерью богов Кроноса и Рею, иные же — Зевса и Геру.

24. a) Paus. VIII, 18, 2 (Стикс и прочие мифы)

Также и критянин Эпименид сделал Стикс дочерью Океана, но сожительницей не Палланта, а Пиранта, от которого она родила Ехидну.

b) Philod. De piet. 61 b, 1, p. 46 G.

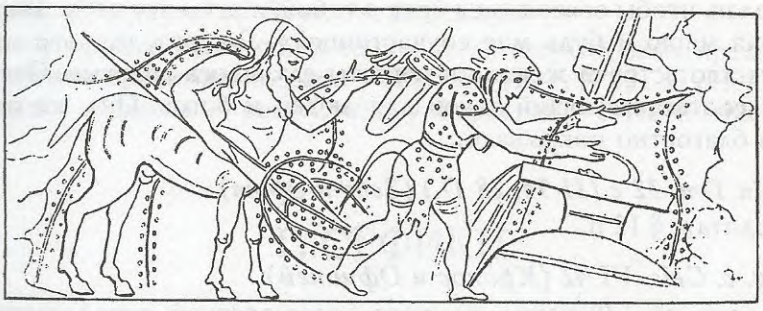
Говорили, что Тифон напал на царство Зевса, так напр., Эсхил в «Прометее» [351 слл.], Акусилай, Эпименид [Diels 68 B 8] и многие другие. По Эпимениду же, Тифон, взобравшись к дворцу спящего Зевса и овладевши воротами, пробрался внутрь, а Зевс, увидевши дворец взятым, пришел на помощь, и, как говорят, убил Тифона молнией.

c) Schol. Soph. O. C. 42 (О происхождении Афродиты, Мойр и Эриний от Кроноса, — по Эпимениду) [14]

См. «Афродита», § 1 d.

d) Schol. Eur. Rhes. 36 (О сыновьях Зевса и Каллисто, — по Эпимениду)

См. «Артемида», § 10 g.



Геракл и кентавр Фол. Рисунок на вазе

e) Lyd. De Mens. IV 17

Сторонники Эпименида рассказывали миф о том, что Диоскуры мужчина и женщина, и называли Эон [вечность] как бы монадой, а Природу — диадой. Именно из монады и диады выросло все число, порождающее жизни и души [15].

f) Philod. De piet. 92, 24, p. 63 G. (О Гарпиях и Гесперидах)

См. § 51 [16].

ФЕРЕКИД

25. a) Achill. Isag. 3 (Вода = Хаос)

Фалес же Милетский и Ферекид Сирский началом всего выставили воду. Ее, как известно, Ферекид зовет и Хаосом, вычитавши это, вероятно, у Гесиода, говорящего [Theog. 116]: «Прежде всего зародился Хаос».

b) Clem. Alex. Str. VI 9 (Чертоги Зевса)

Опять же, когда Гомер говорит по поводу сделанного Гефестом щита (IL. XVIII 483, 606), что «там представил он землю, представил и небо и море» и «великую силу реки Океан», то Ферекид Сирский поясняет: «Это — чертоги Зевса».

Ibid. VI 53

...чтобы узнали, что же такое «крылатый дуб» и на нем разрисованное «покрывало» [17]...

[Этот символ разнообразного оформления Земли см. также в § 29.]

26. a) Diog. L. 1 119 (Зевс и Земля)

Всегда существовали Зас, Хронос и Хтония. У Хтонии появилось имя Земля, когда Зевс дал ей в дар землю [18].

b) Grenfell-Hunt, Greek Papyr, Ser. 11, n. 1, p. 23 (Миф о Зевсе, набрасывающем покрывало форм и смысла на хаотически растущее Древо материи, свою невесту)

Col. 1. Они строят ему много великих жилищ. Когда же они все это приготовили: и имущество, и слуг, и служанок, и все прочее, что нужно, — когда, значит, это было готово, они вступили в брак. И с наступлением третьего дня брака Зас делает большое и прекрасное покрывало и на нем расшивает Землю, Огенон [Океан] и чертоги Огенона.

Ср. IL. XVIII 483.

Col. 2. «Желая, чтобы совершился брак с тобой, я этим чту тебя. Ты же будь довольна мною и будь мне соучастницей». Говорят, что это семейное празднество встречи жениха и невесты случилось впервые. Отсюда же возник соответствующий закон для людей и богов. Она же отвечала, приняв благостно покрывало...

27. Procl. in Tim. 32 c (II 54, 28 D.) (Зевс и Эрот)

См. «Афродита». § 12 d.

28. a) Orig. c. Cels. VI 42 (Кронос и Офионей)

[Цельс говорит, что] Ферекид, намного более древний, чем Гераклит, рассуждает в мифах, сопоставляя поход с походом, делая начальником одного Кроноса, а другого Офионея [19]. Он изображает их вызовы друг другом на бой, состязание и то, что у них произошло соглашение, чтобы оба они попали в Огенон. Одни из них побеждены, а те, кто этих вытеснил и победил, обладают небом. Он утверждает, что того же самого мнения придерживаются и те, которые объявляют, что тайные учения о Титанах находятся в противоречии с богами, как и у египтян — рассказы о Тифоне, Горе и Озирисе.

b) Tertull. De coron. 7

Ферекид сообщает, что Кронос был коронован раньше всех; Диодор же [VI 4] — что Зевс после победы над Титанами.

Ср. также Procl. in Tim. 20 d (I 77, 15 D.).

К СИМВОЛИКЕ ФЕРЕКИДА

29. Orig. c. Cels. VI 42

И [Цельс], рассказывая о повествовании Гомера [IL. I 590, XV 18], утверждает, что слова Зевса к Гере есть слова бога к матери, а слова бога к матери имеются в виду потому, что ее, как, следовательно, изначально находящуюся в дурном состоянии, бог путем распределения связал и украсил известными отношениями, и — потому, что отбросил тех ее демонов, которые были наглецами, преградившими сюда доступ. Он утверждает, кроме того, что именно при таком понимании слов Гомера Ферекид сказал, что «к такой судьбе в подземном мире относится Тартарова судьба, а охраняют ее дочери Борея Гарпии и Фиэлла, что сюда выбрасывает Зевс трех из богов, когда кто возгордится». Цельс говорит, что с этими же самыми мыслями связан и пеплос Афины, созерцаемый всеми на празднике Панафиней. А именно, им, говорит, показывается, что некий демон, не имевший матери и непорочный, господствует над смелыми земнородными.

30. Porphir. De antr. nymph [31].

Ферекид Сирский говорит об «углублениях», «ямах», «пещерах», «дверях», «воротах» и этим прикровенно рисует рождения и возрождения душ.

Ср. Procl. in Tim. 29 a (I 133, 28 D.):

Древние называли космос пещерой, гарнизоном, гротом...

31. Ps. -Galen. [Porphyr.] ad Gayr. 34, 26 Kalbfl.

И отсюда — усердный Нумений, и толкователи пифагоровых предположений, и те, кто принимает за семя у Платона [R. P. X 621 a] реку Амелет, у Гесиода и орфиков — реку Стикс, у Ферекида — «Истечение».

Г. ОРФИКИ

Орфическая теогония и космогония содержит в себе массу сложнейших и запутаннейших филологических проблем. Поскольку мы не можем давать здесь самостоятельного исследования этой огромной области античной мифологии, необходимо только помочь ее освоению. С этой точки зрения, но не с какой иной, мы делим наши материалы на три категории: древнейшие тексты, «теогония Иеронима и Гелланика» и «рапсодическая» теогония.

1. ДРЕВНЕЙШИЕ ТЕКСТЫ

Орфизм — очень старое явление античной культуры. После всей работы, проделанной над ним в науке, можно с полной уверенностью сказать, что явление это никак не моложе Гомера, хотя, разумеется, оно имело свою длиннейшую историю: и те обрывки знаний, которые мы находим в обычных исторических руководствах на тему об орфиках, большею частью весьма позднего происхождения.

Самый ранний текст безусловно Аристофанов (§ 32): комедия «Птицы» была поставлена на афинской сцене впервые в 414 г. Далее идут Платон (§ 33 a, b, 34 a, с более поздними добавлениями в § 34 c), Аристотель (§ 35 a, b) и его ученик Евдем (§ 36 a), стоик Хрисипп (§ 36 b, с более поздним добавлением в § 36 c), Аполлоний Родосский (§ 37 a, с ценными схолиями в § 37 b и вариантом из орфической «Аргонавтики» в § 37 c) и некоторые еще более поздние схолии (напр. § 38). Сюда не вошли — поскольку это не относится к теогонии и космогонии — ряд ценнейших орфических текстов о природе и судьбе душ и об их взаимоотношениях с телами (начало которых тоже ведем с Платона).

Что касается существа дела, то все эти древнейшие тексты (в основном, стало быть, IV—III вв. до н. э.) производят довольно сумбурное впечатление, что, кажется, может только указывать на еще более позднее время приведения всей этой концепции в систему. Можно отметить такие факты: выдвигается на первый план Ночь (это — почти везде); Яйцо позднейших орфиков фигурирует только у Аристофана (§ 32); не забываются Гомеровы Океан и Тефия (§ 33 a, b, хотя в этом последнем тексте они подчинены Урану и Гее); подчеркивается хаотичность и бесформенность первобытного состояния вещей (§ 37 a—c) и, наконец, очень интенсивно мыслится оформленное единство вещей (под именем Зевса в § 34 c), доходящее до учения об идеях (§ 35 b). В этих фактах трудно указать что-нибудь такое, чего раньше (до IV в.) не было в мифологии и в философии (Ночь мы встречали у Мусея в § 22 a, b и у Эпименида в § 23 a, b, а Яйцо — у Эпименида в § 23 a, что, впрочем, могло быть

орфическим влиянием). Однако пристальное вдумывание и вчитывание в эти древнейшие орфические тексты, кажется, довольно явственно обнаруживают *тенденцию к смысловому оформлению* тео-космогонического мифа. Особенно об этом говорят схолии к Аполлонию Родосскому (§ 37 b), прямо связывающие орфизм с Эмпедоклом и Анаксагором, и очень четкие псевдо-Аристотелевы монистические тенденции (§ 34 c). Тут, по-видимому, было два плана космогонической мысли: и полная бесформенность вещей, и отчетливое их оформление. Миф старается не забыть ни того ни другого, напирая то на одно, то на другое и еще не умея дать такую теогонию и космогонию, где обе эти тенденции были бы равномерно сохранены и породили из себя соответствующий миф в его смысловой структуре. Только один раз, а именно в теогонии Евдема (§ 36 a), мы находим некоторые намеки на триадическую структуру мифа (да и то не в отношении самих орфиков, но лишь в контексте рассуждения об орфиках). Отчетливо чувствуется и *метод эволюции* от бесформенного к оформлению, применяемый здесь мифологической мыслью. Этой сильной, но скрытой и пока достаточно сумбурной тенденцией к эволюционно-смысловому оформлению теогонии, по-видимому, и отличаются данные древнейшие тексты от предыдущих форм теогонии.

32. Aristoph. Av. 690—702

690 Нас услышьте, всему научитесь у нас, о природе вещей поднебесных,
О рождении птиц, о породе богов, о Хаосе, Эребе и Реках,
Все, как было, узнайте — и Продику впредь ни на грош, ни на каплю не верьте!
Был вначале Хаос, Ночь и черный Эреб, и бездонно зияющий Тартар.
Но земли еще не было, тверди небес еще не было. В лоне широком
695 Понесла чернокрылая, грозная Ночь первородок, яичко-болтушку.
Из яичка в круженье летящих годов объявился Эрот — сладострастный,
Золотыми крылами блистающий бог, дуновению вихря подобный.
Это он сочетался в тумане и тьме, в безднах Тартара, с Хаосом-птицей
И гнездо себе свил, и в начале всего наше птичее высидел племя.
700 А богов еще не было. После уже твари все сочетал он любовью.
А из смеси всего, из скрещенья вещей появились и небо, и море,
И земля, и блаженно живущих богов поколенье нетленное.

33. a) Plat. Crat. 402 b

...Как в свою очередь Гомер говорит [IL. XIV 201] об «Океане, родителе богов, и матери Тефии»... думаю, что и Гесиод [Theog. 337]. Говорит где-то и Орфей:

Первым брак заключил Океан прекрасно текущий:
Тефию взял за себя, сестру от матери общей.

b) Plat. Tim. 40 d—41 a

Говорить затем о прочих демонах [т. е. кроме звезд и земли] и знать их происхождение — это свыше наших сил; тут надобно верить прежним сказателям, которые сами, по их словам, произошли от богов и предков-то своих, вероятно, близко знали. Невозможно не верить детям богов; и хотя их рассказы не опираются на правдоподобные и убедительные доказательства, но, поскольку они повествуют, по словам их, о «своем», то, следуя закону, надо им верить. Потому о происхождении

этих богов пусть полагается и говорится у нас так, как они передали. Дети Геи и Урана были Океан и Тефия; а дети этих — Форкий, Кронос, Рея и другие за ними. А от Кроноса и Реи произошли Зевс, Гера и все, которых мы знаем под названием их братьев и от которых произошли еще иные.

34. a) Plat. Leg. I V 715 e—716 a

...Бог, *по древнему сказанию*, держит начало, конец и средину всего сущего. По прямому пути бог приводит все в исполнение, хотя по природе своей он вечно обращается в круговом движении. За ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться его и следовать за ним смиренно и в строгом порядке.

b) Schol. к этому (p. 451 Bekk.)

Под богом, ясно, он имеет в виду демиурга, под древним же сказанием — орфическое сказание, которое гласит:

Зевс — начало, Зевс — середина, от Зевса явилось
Все. Зевс — для земли и звездного неба основа.

Именно началом является Зевс в качестве творческой причины, концом — в качестве конечной, серединой же — в качестве того, кто присущ всему в равной мере, хотя все участвует в нем по-разному.

c) Ps.-Arist. De mundo 7, 401 a, 25

...чтобы сказать «Всё», небесный и подземный, будучи эпонимом всей природы и судьбы [эпоним — герой рода, дающий ему имя], поскольку сам он является виновником всего. Поэтому и неплохо сказано в орфических сочинениях:

Первый Зевс, и он же последний, он — яркомолнийный.
Зевс — голова, середина, от Зевса все совершилось.
Зевс — основанье земли и звездного неба основа.
Зевс — самец, и Зевс оказался женой новобрачной.
Зевс — дыханье всего, огня неустанного рвенье.
Зевс есть корень морей, луна он и солнце.
Зевс — царь. Зевс — владыка всего. Он — молнийный.
Всех скрывая в себе, он снова на свет многомилый
Из священного сердца вознес, свой подвиг свершая.

35. a) Arist. Met. XII 6, 1071 b 26 <1072 a 5>

Впрочем, если [дело обстоит так], как говорят богословы, которые [всё] рождают из Ночи, или наподобие того, как физики утверждают общее смешение всех вещей, получается эта нерешимая задача. Как [вещь] придет в движение, если не будет существовать причины, реально существующей?

...Поэтому нельзя считать, что существовали бесконечное Время, Хаос и Ночь, но всегда бывают даны одни и те же вещи — либо в круговороте, либо иным путем, если только деятельность — раньше способности.

b) Arist. Met. XIV 4, 1091 b 4

Старинные поэты стоят на подобной же точке зрения, поскольку, по их словам, царствуют и управляют не первые [по времени] боги, например Ночь и Небо, или Хаос, или Океан, но власть принадлежит Зевсу. Одна-

Битва лапифов с кентаврами

ко у этих поэтов такие утверждения встречаются потому, что правители мира [у них] меняются: ибо те из них, у кого изложение носит смешанный характер, поскольку они не говорят обо всем в форме мифа, скажем — Ферекид и некоторые другие видят в первой породившей причине то, что всего лучше; и сюда же принадлежат маги, а также [некоторые] из позднейших мудрецов, например Эмпедокл и Анаксагор, из которых один сделал элементом Любовь, другой вывел в качестве начала Ум.

c) Arist. Met. I 3, 983 b 27

Есть и такие, которые полагают, что и [мыслители] очень древние, жившие задолго до теперешнего поколения и впервые занявшиеся теологией, держались именно таких взглядов относительно природы: Океана и Тефию они сделали источником возникновения, и клятвою богов стала у них вода, а именно Стикс, как они ее называли; ибо почтеннее всего — самое старое, а клятва — это самое почтенное.

36. a) Eudem. ap. Damasc. De prim. princ. 124 (I 319—320 Rue.)

Богословие, имеющее у перипатетика Евдема название Орфеева, умолчало обо всем умопостигаемом, как о том, что совершенно не выразимо и не познаваемо ни для каких приемов рассуждения и выражения. *Начало же оно создало из Ночи*, из которой также и Гомер устанавливает принцип, хотя у него и не дано непрерывной генеалогии. Ведь нельзя согласиться с Евдемом, когда он говорит, что [у Гомера] начало происходит от Океана и Тефии. Видно, и он настолько принимал Ночь за величайшую богиню, что [у него] перед ней благоговеет даже Зевс. «Священную Ночь оскорбить он страшился» [IL. XIV 261]. Итак, допустим, что и Гомер начинает с Ночи. Гесиод же, повествуя о том, что сначала произошел Хаос, как мне кажется, назвал Хаосом непостижимую и всесовершенно пребывающую в единстве природу умопостигаемого, а Землю он извел отсюда первой в качестве некоторого принципа всего племени богов, если только он не сделал Хаос вторым из этих принципов [и если не сделал] Землю, Тартар и Эрота — тройным умопостигаемым [вторым принци-

Битва лапифов с кентаврами

пом], сделавши третьим — Эрота, при рассмотрении этого последнего с точки зрения конверсии (таким же способом именует это и Орфей в рапсодиях), Землю же сделавши первой, поскольку она впервые установлена и в твердом и сущностном (oysiodei)* состоянии, и Тартара — средним, поскольку он уже пребывает в движении к различению.

b) Chrysipp. ap. Philod. De piet. 81, 18 (SVF II 636 Arn.)

Он в I книге [«О природе»] первейшим богом считает Ночь [по Zeller. Phil. d. Gr. I[7] 90, прим. 2, Хрисипп следует теогонии Евдема].

c) Lyd. De mens. II 8

И по Орфею, первыми произошли три принципа становления: Ночь, Земля и Небо, — три поколения богов, находящихся в сфере становления, — небесный, земной и средний между ними.

37. a) Apoll. Rhod. I 494—511

Орфей же,
Левой рукой кифару держа, заиграл, подпевая.
Тут он пел, как небо, земля и море взаимно
Были скучены прежде непрерывною формой,
Как разделились вместе потом губящим Раздором,
Как нерушимый имеют предел постоянно в эфире
Звезды, луна и солнца пути, как горы вершиной
Вверх вознеслись и как возникли шумные реки,
Нимфы самые в них и все животные вместе.
Пел он о том, как вначале [всего] Офион с Евриномой
Океанидой имели власть над снежным Олимпом,
Как он Кроносу честь уступил в результате насилья,
Рее ж — она, и — погибли они в волнах Океана.

* Греческие слова даются в латинской графике, но знаки долготы на о, е не ставятся (*А. А. Тахо-Годи*).

Те до того возглавляли богов блаженных, Титанов,
Был пока ребенком еще и с детской душою
И в Диктейской пещере пока обитал он, еще же
Не укрепили Киклопы его, земли порожденье,
Громом, перуном и молнией, что ему славу дарует.

Ср. подражание этому у Ov. Met. X 145 и у Apollin. Sid. VI 7.

b) Schol. Laur. к этому

496. [Аполлоний] хочет воспеть первое смешение элементов, потому что каждая отдельная вещь причастна некоему соперничеству и от него получает свой порядок. Данным вещам и соответствует песнь, потому что борьбе подобает прекратиться и перейти к определенному устроению. — 498. Эмпедокл утверждает, что когда все было слито вместе, то сопровождающие это первичные Вражда и Любовь произвели определенное разделение, и вне этого ничто не может возникнуть. Как видно, ему следует и Аполлоний. Фалес же установил в качестве начала всего воду, взявши это у поэта [IL. VII 99], который говорит: «Все вы, однако, станьте водой и землей». И Зенон [frg. 104 Arn., ср. 105] утверждает, что у Гесиода [Theog. 116] Хаос есть вода, с оседанием которой образуется ил, а с затвердением этого ила возникает и твердая земля. Третьим же, по Гесиоду [Theog. 120], возник Эрот, чтобы выставить огонь, так как Эрот есть наиболее огненная страсть. Анаксагор же [Diels 46 A, frg. 72] говорит, что солнце есть глыба металла, откуда происходит все. Поэтому и знакомый с ним Еврипид [Orest. 983, ср. Diog. Laert. II 10] говорит, что солнце есть золотая глыба. Тот же Анаксагор [D. 46 A, frg. 77] утверждает, что луна есть плоское тело, откуда, по-видимому, упал Немейский лев.

c) Orph. Argon. 419—432 (Подражание вышеприведенным стихам Аполлония)

Я же, взявши после него звонкогласную лиру,
Медоточивую песнь восслал из уст своих [складно].
Прежде всего я гимн воспел о черном Хаосе, древнем, —
Как он природы менял и как пришло небо к пределу,
Широкогрудой рожденье земли, основания моря
И Эрота со многим умом, старейшего и в совершенстве,
Как, что он произвел, взаимно пришло к разделенью.
Грозного Кроноса пел, и как к Зевсу-перунолюбцу
Царская власть пришла над блаженными всеми богами.
Происхожденье и спор я пел у младших блаженных,
Темные пел я дела Бримо, Диониса, Гигантов,
Многоплеменный род людей, не много могущих.
Так я пел. Раздавалася песнь по тесной пещере
С лирой моей, издававшей кругом медовые звуки.

38. Schol. Dan. in Verg. Buc. IV 10, p. 46, 3

Нигидий в IV книге «О богах»: «Некоторые расчленяют богов и их роды по времени [их появления] и возрастам. Среди них и Орфей считает первым царство Сатурна, затем — Юпитера, потом — Нептуна и далее — Плутона. Некоторые, как, например, маги, говорят также, что будет царство Аполлона (причем надо иметь в виду, что они говорят об этом вместо жара или того, что нужно назвать воспламенением).

2. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ТЕОГОНИЯ ИЕРОНИМА И ГЕЛЛАНИКА»

Кто такие эти Иероним и Гелланик, неизвестно. Были разные предположения, вроде того, что Гелланик — это логограф V в. (Брандис), а Иероним — тот автор финикийской археологии, о котором упоминает Иосиф Флавий (Шустер). Все эти гадания имеют мало значения, тем более что главный источник этой теогонии (§ 39) не исключает возможности того, что это — одно и то же лицо. Важнее самая теогония. В ней, как и в последующей «рапсодической», прежде всего обращает на себя внимание *триадическая* структура. Эти триады явно предполагают весьма длительную работу диалектической мысли, стало быть, тут перед нами действительная и сознательная попытка разъяснить смысл древней теогонии. Основной образ развиваемых здесь (как и в неоплатонизме) триад есть триада «отца» (pater), «возможности» (dynamis) и «ума» (noys). В поздней античной философии эта основная триада содержала самую разнообразную терминологию. Но смысл ее выдвигается везде один и тот же. Первый, исходный момент определения — то, что мы назвали бы как раз не «отцом», но именно «возможностью», потенцией, заданностью смысла, это — «отец» (хотя в понятии отца содержится нечто даже более богатое — возможность смысловая и фактическая сразу). Этот первый момент начинает действовать и проявлять себя, переходить в реальную силу и потенцию; это — «возможность», «потенция» (или, может быть, лучше переводить — «сила»). И наконец, проявившая себя вовне сила проявляет себя именно настолько, насколько задано в «отце», так что мы вновь получаем «отца», но уже осуществленного на инобытийном материале. Это то, что в поздней античной философии называется «эйдосом», т. е. выраженным смыслом или «умом»; «умом» называется это и здесь. Таким образом, мы имеем здесь типичнейшую диалектическую триаду, в которой если есть что-нибудь оригинальное по сравнению, напр., хотя бы с Гегелевыми триадами, то только терминология (за которой кроется, разумеется, и своеобразный *стиль* этой философии).

Грифон

Вот эта-то *диалектическая* структура и пронизывает собою те две орфические теогонии, которые нам предстоит рассмотреть. Что касается теогонии Иеронима и Гелланика, то, насколько можно судить по довольно трудным текстам (к тому же, по-видимому, нередко содержащим порчу), наиболее существенным для нее является *базирование на физических стихиях*, в отношении которых и применяется указанная диалектика. В самом деле, Дамаский (главный источник, § 39) прямо начинает с Воды и Земли; Климент Римский (§ 40 а) начинает с Яйца, но оно преображается у него как хаос стихий; то же и в прочих источниках. Из круговорота и взаимодействия стихий рождаются боги и космос.

39. Damasc. 123 bis (I 317, 15 Rue.) (Общая картина)

Орфическое богословие, относимое к Иерониму и Гелланику (если только это не одно и то же лицо), имеет следующее содержание. Оно утверждает, что *вначале была Вода* и материя, из которой изошла *Земля*. Предполагая эти два начала первыми, Воду и Землю (одну — как по природе рассеиваемую, другую же — как обладающую способностью сплачивать и объединять), оно опускает то единственное начало, которое предшествует указанным двум и является невыразимым. Уже тот факт, что о нем ничего не говорится, указывает на его невыразимую природу. В качестве же третьего начала после этих двух породился из них, т. е. из Воды и Земли, *Дракон с сросшимися головами быка и льва, посредине же — с лицом бога; на плечах он имеет, кроме того, крылья; а называется он Хроносом Нестареющим, а также — Гераклом*. Его сопровождает Ананка [Необходимость], той же природы, что и бестелесная [Gruppe: «двухтелесная», Ruelle: «прекраснотелесная»] Адрастея [Неизбежность], распространенная по всему миру и охватывающая его границы. Я полагаю, что это третье начало высказывается с точки зрения устойчивой сущности независимо от того, что орфическое богословие предполагало его в виде муже-женского начала для выражения в нем всепорождающей причины.

И я предполагаю, что рапсодическое богословие, которое отбросило два первых начала вместе с тем одним, переданным после этих двух путем молчания, установило на основании этого третьего [после двух] начала такое начало, которое впервые обладает какой-то выразимостью и больше соответствует человеческому слуху. Таковым является многочтимый в нем *нестареющий Хронос, отец Эфира и Хаоса*. Кроме того, этот Хронос, Дракон, несомненно, порождает, согласно данному богословию, тройное порождение, а именно: *влажный Эфир и беспредельный Хаос* и — третье за ними — *туманный Эреб*. Эту вторую триаду, выдвигаемую в соответствии с первой, оно предлагает как «динамическую», ту же — как «отчую». Поэтому и третьим членом этой триады является *туманный* Эреб, а отчим и высшим — Эфир, не просто, но — *влажный*; [Kroll: «умопостигаемый»]; посредине же — сам собою беспредельный Хаос. Однако среди этих начал, как утверждает сама традиция, создающая для Хроноса потомство, *Хронос произвел Яйцо*. Зарождается оно в них потому, что из этого происходит третья умопостигаемая триада. Что же это за триада? Это — 1) Яйцо, 2) диада двух содержащихся в нем природ, мужского и женского, и множество находящихся в середине разнообразных сперм и 3) третий член после этих — бестелесный [Lobeck и Zeller: «двухтелесный», Ruelle: «прекраснотелесный»] *бог с золотыми крыльями на плечах, который имел головы быка, выраставшие сбоку, из ребер. На голове был огромный Дракон, представлявшийся в виде разнообразных форм диких животных*. Его нужно считать умом триады, средние же роды — и как многие и как два [основных] — потенцией; само же Яйцо — как отчее начало третьей триады, как третьего бога. Кроме того, это богословие воспевает его как *Протогона* и зовет *Зевсом*, распорядителем всего и целого мира, почему он называется также *Паном*. Вот что устанавливает об умопостигаемых началах и данная генеалогия [20].

40. a) Apion. ap. Clem. Rom. Homil. VI 3, 4 (Migne PG II 198), (Данные Псевдо-Климентин)

Гесиод говорит в «Теогонии» (116): «Прежде всего произошел Хаос». Это «произошел» указывает, очевидно, на то, что он произошел в качестве порожденного, а не на то, что он всегда был нерожденным. И Орфей уподобляет Хаос Яйцу. Ведь в Яйце — слияние первых элементов. Гесиод предположительно называет Хаосом то, что Орфей называет порожденным Яйцом, выброшенным из безграничности материи. Произошло же оно так. При одушевленности четырех родов материи, когда некая универсальная беспредельная Бездна находилась в вечном течении, беспредельно носясь и разливая неисчислимые, бесцельные, везде разные смешения и в своем зиянии будучи неспособной оказаться связанной ради порождения живого существа, в это самое время случилось однажды, что она, с возникновением толчков от собственной природы в беспредельном море, потекла в стройном порядке естественным движением от одного места к тому же самому, как бы в процессе кружения и смешивания сущности. И таким образом возникло то наиболее живое из всего, что слышно, что наибольше подходило для порождения живого существа. Как бы в воронке, посредине потекло Всё, уходя в глубину под влиянием все несущего кружения, и привлекая к себе находящееся вокруг дуновение, и создавая раздельный состав, объединение состояния. Именно, как белый цинковый цветок любит возникать во влаге, так со всех сторон крепко собралась округлость. Затем, зачавшись в самом себе, возносимая от воспринятого боговидного дыхания, она родила на великий свет некое порождение, как бы одушевленное создание Демиурга, порожденное из универсальной беспредельной Бездны, уподобляясь по наружному очертанию яйцу и по быстроте птичьему полету.

b) Ruf. Recogn. X 30 (Migne PG I 1436)

Все разговоры у греков, сочиненные относительно происхождения древности, имеют кроме многих других в особенности двух авторов: Орфея и Гесиода. Их сочинения разделяются в отношении двух способов понимания, а именно с точки зрения буквы и с точки зрения аллегории. При этом к тому, что понимается с точки зрения буквы, стекается толпа простого народа. Тому же, что известно с точки зрения аллегории, удивлялась всякая болтливость философов и ученых. Так, Орфей есть тот, кто утверждает, что вначале был *Хаос*, вечный, неизмеримый, нерожденный, из которого произошло всё. Он сказал, что этот вот самый Хаос не есть ни тьма, ни свет, ни влажное, ни сухое, ни теплое, ни холодное, но — всё в одновременной смеси и что он всегда был единым, бесформенным. Однако *по образу огромного яйца* он некогда породил и вынес из себя наружу *некий двойной вид*, достигнутый им в течение огромного времени. Они называют его Андрогином, образом, сросшимся благодаря смешению противоположностей с таким именно способом различения. И, по его словам, это есть начало всего — [Андрогин], который произошел вначале от более чистой материи, который, происходя, создал различие четырех элементов и который из двух элементов, бывших первыми, создал небо, а из других — землю. Он утверждает, что из этих последних порождений уже родилось и произошло все путем взаимного участия друг в друге. Вот что говорит Орфей.

41. Ruf. Recogn. X 17 слл. (Migne PG I 1429)

Итак, более мудрые среди язычников утверждают, что прежде всего был *Хаос*. Уплотняя свои внешние части в течение долгого времени, он образовал для себя границы и некоторое основание, как бы наподобие стягивания формы огромного яйца. Тем не менее через значительный промежуток времени внутри его, как внутри яичной скорлупы, было высижено и оживотворено некоторое живое существо. И когда после того та огромная округлость разбилась, то появился некоторый образ двойного человеческого вида, который они назвали муже-женщиной. Ему дали имя также *Фанета* (от appareo — «являюсь»), потому что только с его появлением, говорят они, впервые воссиял свет. По их словам, из него родилась субстанция, разумение, движение, соитие. А из этого произошли Небо и Земля. От Неба родилось шесть мужчин, которых они называют также Титанами. Подобным образом и от земли — шесть женщин, которых именовали Титанидами. Имена родившихся от Неба: Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Кронос (который у нас называется Сатурном). Также и имена родившихся от Земли следующие: Фейя, Рея, Фемида, Мнемосина, Тефия, Феба и т. д. [Дальнейшее повествование у Руфина, до § 20 включительно, повторяет гесиодовские мифы о Кроносе и Зевсе.]

42. a) Athenag. Pro Christ. 18, p. 20, 12 Schw.

Боги существовали не с самого начала, как говорят, но каждый из них произошел так, как происходим и мы. И в этом все они согласны. Так, Гомер [IL. XIV 201—302] утверждает: «... Океана, отца богов, и мать Тефию». Орфей же, который впервые изобрел их имена, изложил происхождение и рассказал действия каждого и пользуется у них доверием в смысле самого истинного богословия; он, которому во многом следует и Гомер, а в особенности относительно богов, — этот Орфей производит первое их рождение — из воды [IL. XIV 246]: «Океан, который является родителем [дословно: рожденный] для всех богов». Согласно Орфею, началом для всего была *Вода*. Из Воды же образовался *Ил*. А из них обоих родилось живое существо *Дракон* с приросшей головою льва и с лицом бога посредине — между обеими головами, — по имени *Геракл* или *Хронос*. Этот Геракл произвел превосходящее всякие размеры Яйцо, которое по наполнении от сильного давления родителя раскололось надвое. По его верхнему склону образовалось Небо, а внизу возникла Земля. Выступил и некий двухтелесный бог; Небо же, соединившись с Землей, порождает женщин Клофо, Лахесиду и Атропу и мужчин — Сторуких: Котта, Гиеса и Бриарея — и Киклопов: Бронта, Стеропа и Арга. Связавши их, он отправляет их в Тартар, ибо он узнал, что лишится власти через детей. Поэтому разгневанная Земля и произвела Титанов:

> Уранионов детей родила владычица Гея.
> Им, как известно всем, дают прозванье Титанов.
> Ведь *отомстили* (teisasten) они великому звездному Небу.

Ср. Hes. Theog. 207—210 (§ 8 b).

b) Athenag. Pro Christ. 20, p. 22, 10 Schw.

Если бы невероятность богословия у них доходила только до утверждения, что боги произошли и получили свое происхождение из воды, то, показавши, что ничто не возникает из не могущего разрушиться, я бы пере-

Сфинкс

шел к прочим обвинениям. Однако ведь они, с одной стороны, разрисовывают их тела. Например, они утверждают, что Геракл есть бог, извивающийся Дракон, или говорят о Сторуких. Дочь Зевса, которую последний родил от матери Реи или Деметры... имеет, по их словам, не только два естественных глаза, но еще два на лбу и морду на задней части шеи, имеет и рога, почему испуганная Рея даже бежала от чудовищного детища, не давая ему груди. На этом основании она была названа таинственно Афилой [«враждебной»], а вообще Персефоной и Корой (хотя она и не одно и то же с Афиной, называемой Корой — от «зрачка» [cores]). С другой стороны, они полагают, что они точнейшим образом изложили их деяния. Так, о Кроносе — что он отрезал срамные части у отца, сбросил его с колесницы, умертвил и пожрал своих детей мужского пола, а о Зевсе — что связал своего отца и низверг в Тартар, как и Уран своих сыновей, что воевал с Титанами из-за власти, что преследовал свою мать Рею, которая отказывала ему в браке, и когда она стала драконшей, то и он сам превратился в дракона и смесился с нею, связавши ее при помощи так называемого Геркулесова узла (символом образа этого смешения является жезл Гермеса), затем — что он путем насилия смесился с дочерью Персефоной, и притом в образе дракона, откуда у него родился Дионис.

По этому поводу необходимо сказать хотя бы следующее: что в подобном повествовании возвышенного или полезного, чтобы мы поверили в Кроноса, Зевса, Кору и пр., как в богов? Не телесные ли образы? Но кто же из людей разумных и [испорченное слово; читают разное: «приобретшие ум», «пользующиеся умом»] воспитанных в размышлении поверит, что Ехидна рождена богом? Орфей говорит:

> Тут другое потомство родил ужасное Фанет:
> Из священной утробы Ехидна, страшная видом,
> Вышла, власы с головы распустив, и — прекрасная ликом
> Виделась, но в остальном от ужасного змея имела,
> С верхней шеи начав...

Ср. об Ехидне у Hes. Theog. 295—305.

Или кто допустит, что этот Фанет, будучи первородным богом (ибо он есть тот, кто вышел из Яйца), имел тело или фигуру дракона или был пожран Зевсом, чтобы самому Зевсу остаться неприступным? Ведь если они ни в чем не отличаются от самых ничтожных животных (а ясно, что божественное как-то должно отличаться от земляного и происходящего из материи), то они — не боги. Зачем же нам и обращаться к ним, если их рождение подобно скотам, а сами они имеют вид зверей и безобразны?

c) Athenag. Pro Christ. 32, p. 42, 18 Schw.

Нет ничего удивительного в том, что они приписывают нам то, что они сами говорят о своих богах. Ведь они их страсти показывают как мистерии. Но, если бы они намеревались осуждать как ужасное свободные и безразличные совокупления, то они должны были бы возненавидеть или *Зевса, имевшего детей от своей матери Реи и от дочери Коры, а сестрой воспользовавшегося как женой*, или творца этих [мифов] Орфея за то, что он сделал Зевса еще нечестивее и постыднее Фиеста. Ведь этот смесился с сестрой по оракулу, желая остаться царем и отомстить за себя... Мы же...

d) Tatian. Or. ad Gr. 8, p. 9, 10 Schw.

Зевс совокупляется с дочерью, и дочь от него зачинает. Свидетелями этого являются для меня Элевсин, мистический Дракон и Орфей, провозгласивший: «Закройте двери непосвященным!»

3. «РАПСОДИЧЕСКАЯ» ТЕОГОНИЯ

Этот большой эпос под названием Hieroi logoi («Священные глаголы» или «Священные сказания»), в 24 песнях, цитируемый бесчисленное количество раз неоплатониками, появился, несомненно, намного раньше неоплатоников и содержит в себе даже следы древней поэзии. Знаменитый стих: «На шестом прекратите колене строение песни» — цитирует уже Plat. Phileb. 66 c (встречается он и у Procl. in R. P. II 100, 23, и несколько раз у Damasc. 53, 199, 253, 278, 381). Наличие Орфеевой теогонии засвидетельствовано у Афинагора, Климента Александрийского, Иоанна Малалы, Фульгенция и др. Намекает на это же и Simpl. in Arist. De caelo I 3, 93, 11 Heib.: «Поэтому божественные мужи передали нам теогонии, объединяя множество богов в одно», а также и Macr. in Somn. Scip. I 2, 9. Часто и вообще мы находим ссылки на так наз. «богословов», под которыми надо понимать не какие-нибудь научные или наукообразные религиозные теории вообще, но почти исключительно только орфических мифологов. Об орфических Hieroi logoi знает еще Геродот (II 81): «В шерстяных одеждах грешно входить [в Египте] в храм или хоронить покойников. В этом отношении обычаи египтян согласуются с орфическими и вакхическими обрядами, в сущности египетскими и пифагорейскими: посвященному в эти таинства грешно быть погребенным в шерстяных одеждах. Об этом обычае, впрочем, существует *Священное сказание* (Hieros logos)». О различных Священных сказаниях сообщают: Plat. Epist. VII 335 a: «Нужно на самом деле верить древним и Священным сказаниям...»; Philod. De piet. 51, 2—11: «... Клейдем считает Землю матерью богов, как некоторые вычитывают это и в Священных сказаниях». То же — у Plut. Qu. conv. II 3, 1, 636 d. Из всех этих и подобных текстов можно сделать только один вывод: «рапсодическая» мифология орфиков с ее Священными сказаниями представляет собою колоссально распространенную и чрезвычайно популярную вещь, восходящую — в некоторых, по крайней мере, своих моментах — к довольно глубокой старине, во всяком случае не позже чем VI—V вв. до н. э.

Что касается существа «рапсодической» теогонии, то она представляет собою наиболее зрелый продукт античного мифологического мышления вообще, где каждый древний миф уже получил свое смысловое осозна-

ние, насколько вообще античность могла адекватно осознать свою собственную мифологию. Поэтому, если теогония Иеронима и Гелланика производит, главным образом, натуралистическое впечатление, то «рапсодическая» теогония, ввиду систематического вскрытия ею смыслового содержания мифов, представляет собою замечательное явление античного символизма [21].

ОБЩАЯ СХЕМА ПО ДАМАСКИЮ

43. a) Damasc. 111 (I 255, 7 Rue.) (Триады)

Так что же? Разве божественный Орфей не полагает множества богов от Хроноса до первородного Фанета? Да и сам многочтимый у нас философ Платон не производит ли три свершения после единого сущего? Или, говоря то же самое, не передает ли он три божественных, взаимно различных, умопостигаемых чина? Значит, надо исследовать, как же боги и мужи, близкие по своему происхождению к богам, передали об этом свои размышления. Например, в каком виде боги передали теургам умопостигаемые триады?

b) Damasc. 123 (I 316, 18 Rue.) (Система)

Таково, следовательно, в этих так называемых орфических рапсодиях богословие, в некотором роде относящееся к умопостигаемому. Философы интерпретируют это в том смысле, что вместо единого начала всего они полагают Хронос, вместо двух — *Эфир* и *Хаос*, устанавливая на месте просто сущего *Яйцо*. И эту триаду они делают первой. Для получения второй триады они вводят бога в виде Яйца зачинаемого и зачинающего, или в виде *Белого хитона* [22], или *Облака* [23], потому что из этого выскакивает Фанет. Именно об этом среднем члене в разных местах философствуют по-разному. Этот член, какой бы он ни был, они понимают как «ум», как «отца» и как «потенцию», примышляя многое другое, что уже нисколько не подходит к Орфею. Третью же триаду они мыслят в виде *Метиса* в качестве ума, *Эрикепая* в качестве потенции и самого *Фанета* в качестве отца. Среднюю триаду, однако, не надо полагать как трехвидного бога, уже зачинаемого в Яйце. Ведь средний член всегда представляет оба крайних члена, как и здесь одновременно — и Яйцо, и трехвидного бога. Именно, ты видишь, что в то время, как Яйцо есть то, что объединено, трехвидный или по существу своему многовидный бог есть то в умопостигаемом, что пребывает в расчленении; средний же член с точки зрения Яйца находится в объединении, с точки же зрения бога — уже в расчленении, а в целом является [только еще] расчленяемым. Таково обычное орфическое богословие.

ХРОНОС, ЭФИР И ЯЙЦО

44. a) Procl. in Crat. 396 b, c (p. 59, 14 Pasqu.) (Хронос как абсолютная причина Всего)

Некоторые отождествляют Кроноса (Cronos) за его свойства неделимости, единичности, отцовства и благотворения в умозрительном с единой причиной Всего. Они это говорят неправильно. Ведь он только соответствует ей, [но не есть она сама], как и Орфей называет Время первой причиной

Всего, почти созвучно с Кроносом. А богопреданные изречения [Kroll. De or. Chald. 16] характеризуют это божество словом «просто» [«сразу»], говоря «просто запредельно», ибо «просто» родственно с словом «одно».

b) Procl. in Crat. 396 c (p. 66, 28 Pasqu.)

Орфей многим воспользовался в области мифов, и все бывшее прежде Урана, вплоть до первопричины, он выразил при помощи имен, и само неизреченное, вышедшее из умопостигаемых единичностей, он нарек Временем, потому ли, что оно — причина, предсуществовавшая всякому возникновению, или потому, что он излагал становление действительно сущего, — чтобы указать его порядок и превосходство целого над частичным, чтобы соотношение по времени было тождественно с соотношением по причине, как бытие с упорядоченной эманацией.

Ср. in Parm. 141 a (VII, p. 1224, 33) и in Tim. 28 b (I 280, 22, 30 a (I 385, 20).

c) Plat. Theol. I 28, p. 68, 2

Ибо у орфиков поэтому первопричиной и называется Время.

d) Syr. in Arist. Met. II 4, p. 1000 a 19 (43, 23 Kr.)

<Первое>* и Орфей называл Временем.

Но это, как уже доказанное многими из наших, я опускаю, упомянув только для того, чтобы показать, что и здесь Платон, в согласии с обольщением мифов, объявил, что мир есть бог, заимствовав это от Орфея.

e) Ibid. XVIII 7, p. 631, 25

Поэтому Платон хотя и говорит, что мир есть бог, заимствуя это у орфиков, — он называет его богом больше в мифическом смысле, следуя обыкновению поэтов.

f) Joann. Malal. Chronogr. IV 89 (p. 74 Dind.) (Эфир — изначальный свет)

То, что излагал Орфей, заключается в следующем. Сначала Временем был явлен Эфир, сотворенный богом, и по всем направлениям Эфира распространялся Хаос, и мрачная Ночь владела всем, покрывая то, что находится под Эфиром. Орфей обозначает этим то, что Ночь первенствует. Он сказал в своем изложении, что существует Некоторый, непостижимый, превысший всего и более ранний по происхождению, что он — демиург всего, и самого Эфира и Ночи, и всего находящегося под Эфиром и скрываемого здесь творения. Он высказал, что Земля невидима благодаря мраку. Выразил он и то, что свет, которым был прорезан Эфир, осветил Землю и все творение, сказавши, что тот свет, которым был прорезан Эфир, есть то вышеназванное, что превыше всего и имя чего тот же Орфей, услышавши его от оракула, выразил как *Метис, Фанет, Эрикепай.* На обычном языке это интерпретируется как «совет», «свет», «жизнеподатель». Эти три божественные потенции имен он в своем изложении назвал единой потенцией и силой единого бога, которого никто не видит, и идею или природу каковой потенции никто

* Оригинал, хранившийся более полувека, в ряде мест испорчен — в таких случаях лакуны, а также по смыслу (или по другому источнику) восстановленные слова обозначены угловыми скобками, иногда в угловых скобках даны краткие пояснения (*А. А. Тахо-Годи*).

Сфинкс

не может познать. Из этой потенции все произошло: и бестелесные начала, и солнце, и луна, и облака, и все звезды, и земля, и море, и все в них видимое и невидимое.

g) Procl. in R. P. II 138, 8 Kr. (Надмирные бездны)

Что же это за диады? Прежде всего, мне кажется, что Платон не случайно назвал две диады безднами (hasmata), но с сознанием того, что и богослов Орфей называет этим именем перводейственную в умопостигаемом мире причину всех движений и эманаций. Пифагорейцы называли ее диадой умопостигаемой и неопределенной.

Этот бесстрастный Хронос, в намереньях вечный, Эфира
Создал и бездну великую, страшную, здесь и повсюду.

И — немного позже. [Имеется в виду текст § 45 a.]

h) Simpl. in Phys. IV I, p. 208 b 29 (I 528, 12 D.) (Эфир — предел, Хаос — беспредельность)

Кажется, в некотором роде именно такое господствовало тогда истолкование Гесиодовых произведений, меняющее Хаос на пространство. Ясно, однако, что это — не пространство, но беспредельная и изобильная

причина богов, которую Орфей назвал «страшной бездной». Именно, после единого начала Всего, которое Орфей воспевает как Хронос (поскольку он — мерило мифического происхождения богов), выступили, говорит он, Эфир и «страшная бездна», первый — в качестве причины эманации богов, содержащей в себе предел, и второй — эманации, содержащей беспредельность. И он говорит о нем:

Тут отсутствовал всякий предел, седалище и основанье.

Ср. Procl. in Parm. 137 d (VI, p. 1120, 28 Cous.).

i) Procl. in Tim. 30 a (I 385, 29 D.) (Непрерывный мрак и беспредельность, «место формы»)

«Бездна» здесь понимается как пространство и место видов [eidon], форм, и ни «предел», ни «основание», ни «седалище» не существуют в отношении ее, поскольку она непостоянна, беспредельна и неопределенна. Ее и самое можно назвать непрерывным мраком, как получившую в удел безвидную природу. Поэтому, соответственно с данным рассуждением, и Орфей выводит материю из первичной субстанции умопостигаемого. Именно там существуют непрерывный мрак и беспредельность; и это гораздо сильнее последующего, в то время как в материи неосвещенность и беспредельность — в результате нужды, не по превосходству в силе, но по убыли.

j) Procl. in Tim. 30 c, d (I 428, 4 D.) (Мировое яйцо)

То Яйцо было порождением Эфира и Хаоса, из которых первый водружен в умопостигаемом *с точки зрения предела*, а второй — *с точки зрения беспредельности*. Один есть корень всего, у второго же нет никакого предела.

Ср. Hes. Theog. 386 и Empedocl., frg. 6, 1.

k) Procl. in Parm. 139 b (VII, p. 1175, 7 Cous.)

...Когда все народилось в безразличном состоянии в виде *мрачного тумана*, как говорит богослов...

l) Damasc. De prim. princ. 55 (I 111, 7 Rue.) (Яйцо)

В самом деле, и Орфей говорит:

Далее создало Время великое в дивном Эфире
С блеском сребристым Яйцо.

Выражение «создало» указывает на нечто искусственное, а не рожденное. Искусственное же, а не рожденное составлено по крайней мере из двух элементов — материи и вида или из аналогичных им.

m) Procl. in Tim. 33 b (II 70, 3 D.) (О сферичности Яйца)

Творцу, как всё в себе умозрительно содержащему, родственно сферическое, а первообраз — потому, что он первоначально происходит от него. Стало быть, это — прародительская форма мира, явленная в самом тайном устройстве его [Kroll. De or. Chald. 18, 2], ибо изречение:

То, что не знало предела, по кругу
Неустанно носилось —

сказано соответственно этому порядку. Яснее же это стало видимо во всесовершенном живом существе, ибо изречение:

Вдоль по кругу задвигалось невыразимое —

сказано богословом об этом божестве. Вернее, оно находится в числе умозрительных богов.

m) Plut. Qu. conv. II 3, 1 p. 635 e

...в орфических или пифагорейских учениях... яйцо, как некоторые — сердце и мозг, считают священным в качестве начала бытия.

ФАНЕТ, МЕТИС И ПРОЧИЕ БОЖЕСТВА

85. *a) Procl. in R. P. II 138, 18 Kr. (Фанет, сын Эфира)*

В утреннем проблеске бездны Эфир спокойный разверзся при появленье Фанета.

b) Lact. Inst. divin. I 5, 4—6, p. 13, 13 Brandt (То же)

Орфей, древнейший из поэтов и сверстник самих богов (так как существует предание, что он путешествовал среди аргонавтов вместе с Тиндаридами и Геркулесом), истинного и великого бога называет Протогоном [Первородным], потому что раньше его ничего не было и все им рождено. Его же он именует также *Фанетом*, потому что, когда еще ничего не было, он первый появился из беспредельности и стал существовать. Не будучи в состоянии понять умом его происхождение и природу, Орфей сказал, что он родился из неизмеримого воздуха:

Фаэтон Первородный, Эфира пространного чадо, —

ибо он не мог сказать ничего более.

c) Procl. in Tim. 31 a (I 433, 31 D.)

Поэтому и у Орфея в соответствии с этим чином умозрительно выражается, что ввиду предсуществования красоты уже в умопостигаемом первичном, Фанет в целях фиксации в нем единства и непрерывности именуется

Эфира прекрасного чадом

и нежным Эротом, поскольку этот первичный бог, как известно, полон тайной и неизреченной красоты.

d) Etym. M., p. 787, 29 слл.

Phanes. Его, очевидно, называют Фанетом потому, что он первый в эфире стал видим (phantos). Так говорит [грамматик] Ор в статье об Орфее.

e) Orph. Argon. 15 сл.

Ночи вечно-живущей отца знаменитого; «Фанет»
Прозван смертных потомками он, потому что первый явился.

Ср. «Система», § 9 d.

f) Herm. in Phaedr. 246 e (p. 138, 11 Couvr.) (Четверица Эфира, Хаоса, Яйца и Фанета)

Так как число «двенадцать» произошло через соединение совершенного числа «три» с производящим возникновение числом «четыре», содержа весь божественный распорядок богов, а принципы трех и четырех суть

единица и двоица, то монада будет Эфир, диада — Хаос, а триада — Яйцо, ибо оно совершенно, Фанет же есть тетрада, как говорит и Орфей:

Четырьмя глазами туда и сюда озираясь...

g) Ibid., 244 a (p. 91, 5 Couvr.)

Богословие говорит, что все число равно десяти, и называет его вообще четвероглазым и четвероликим.

h) Procl. in R. P. II 169, 28 Kr.

Четверична божественность Диониса, так как орфическое богословие бесчисленное число раз воспевает бога четвероглазого [Фанета] и четверорогого. [По Rhode. Psyche II [6] 108, — Загрея.]

i) Herm. in Phaedr. 246 e (p. 142, 13 Couvr.) (Внешний вид Фанета)

Ему [Фанету] первому богословие предоставляет коней, как первому вышедшему из [самозамкнуто] собственных начал, потому что и брак совершился первично в нем. И очевидно, кому оно уделяет энергию, того наделяет и конями. Ему первому, владыке Фанету, оно придает и крылья:

Крылья златые несут его всюду, куда только можно [24].

Ср. аналогичный текст Симплиция — § 44 i.

j) Procl. in Tim. 30 c, d (I 427, 20 D.)

Это о нем говорит и Орфей в своем богословствовании о Фанете. Итак, у него первый бог имеет много звериных голов:

Гневный рев быка и свирепого льва издающий —

и происходит из первородного Яйца, в котором заключено в виде зародыша живое существо. Созерцая его, Платон назвал этого величайшего бога живым-в-себе. В самом деле, какая разница: назвать ли тайную причину яйцом или явившееся из нее — живым существом? Именно, что из всего существующего возникло из яйца, как не живое существо? Это яйцо было рождено Эфиром и Хаосом, из которых первый установлен в соответствии с пределом, свойственным умопостигаемому, а второй — в соответствии с беспредельным. Первый есть корень всего, а у второго нет никакого предела. [Kroll. De or. Chald. 18.]

k) Nonn. Abb. ad Gregorii Orat. in Julian. I 141 (36, Migne 1028)

В орфических поэмах эти два имени [Фанет и Эрикепай] внесены с многими другими. Фанет представляется имеющим детородный член назади, около задницы. Его называют зачинателем жизнеродительной потенции. Равным образом Эрикепая называют зачинателем другой потенции. В выражении «поглощающий всех богов» он [т. е. Григорий Назианзин] говорит не об Эрикепае, но о Кроносе. В самом деле, утверждают, что он, родивши сыновей, снова поглощал их и извергал уже после их поглощения им. Говорят, что он проглотил камень вместо Зевса и, когда камень спустился вниз, извергнул всех.

Ср. Suid. Phanes.

l) Procl. in Tim. 30 c, d (I 429, 26 D.)

Поэтому наицелостное живое существо богослов представляет, придав ему головы барана, быка, льва и дракона. И в нем первом — мужское и женское начала, как в первом живом существе.

Эрикепай — бог сильный, мужчина и женщина вместе, говорит богослов. У него же и крылья прежде всего. Да и к чему много говорить? Если он имел эманацию из первородного Яйца, то этот миф показывает, что он — первое живое существо, если следует сохранить аналогию. В самом деле, как Яйцо предвосхитило зародышевое начало живого существа, так и тайный распорядок единовидно облегает все умопостигаемое, и, как живое существо имеет раздельно то, что было в зародышевом виде в Яйце, так и этот бог, очевидно, выставляет на вид неизреченное и непостижимое из первых причин.

Сфинкс из Дельф

m) Procl. in Tim. 31 a (I 450, 24 D.)

[Фанет прославляется] как Женщина и Мужчина.

n) Lact. Inst. divin. IV 8, 4, p. 296, 2 Brandt

...разве только мы не представим, что бог, как полагал Орфей, и мужчина и женщина вместе, потому что иначе он не мог бы родить, если бы не имел потенции обоих полов [т. е. так], как будто он сам с собой совокуплялся или [совсем] не мог родить без совокупления.

46. Procl. in Tim. 28 c (I 312, 5 D.) (Метис)

Качество отца выше качества творца. Поэтому в средних [чинах], хотя они и оба по обеим сторонам, но отец больше является первым, ибо он — предел отцовской бездны и источник умозрительного. Творец является больше вторым, ибо он — монада всей демиургии. Отсюда, по моему мнению: первый называется *Советом* (Metis), а второй — *Промыслителем* (Metietes); первый зрится, а второй зрит; первый поглощается, а второй пользуется потенцией первого; и чем первый является в умопостигаемом, тем второй — в умозрительном, ибо первый есть предел умопостигаемых, а второй — предел умозрительных богов. И о первом Орфей:

Это отец сотворил в пространстве воздушной пещеры...

47. a) Procl. in Tim. 28 c (I 306, 10 D.) (Прочие божества — Фанет, Уран, Кронос)[25]

Итак, эти три ума и демиурга предполагаются [Амелием] и три царя, по Платону (Tim. 40 e) и эти трое, что у Орфея, — Фанет, Уран и Кронос, и преимущественно демиургом у него является Фанет.

b) Procl. in Tim. 30 a (I 390, 6 D.)

А Платон, следуя Орфею, говорит, что прежде всего в демиурге имеется порядок и целое, предшествующее частям.

c) Alex. Aphr. in Arist. Met. XIV 1091 b 4 (821, 5 Hayd.)

Сказавши, что некоторые из теперешних богословов определенно провозглашают, что высшее благо — после природы сущего, он прибавляет, что

сходно с ними относительно высшего блага высказываются и древние поэты. Аристотель намекает на Орфея, ибо тот говорит, что высшее благо позже другого. Так как царствование и владычество есть высшее благо из всех в природе, а Зевс царствует и владычествует, то, стало быть, высшее благо есть Зевс. И так как, согласно Орфею, прежде всего произошел Хаос, затем Океан, третьею Ночь, четвертым Уран, наконец царь бессмертных богов Зевс, то ясно, что он считает Зевса, тождественного с высшим благом, более поздним, чем Хаос, Океан, Ночь и Уран, т. е. чем мир. Но эти поэты, говорит он, вследствие перемен и выставления то одного, то другого владыками сущего, — ибо прежде всех царствовал славный Эрикепай, говорит поэзия, после него — Ночь, имевшая в руках славный скипетр Эрикепая, после нее — Уран, который первый из богов после матери Ночи начал царствовать, — итак, эти поэты, [говорит он], через перемены владык высшее благо делают поздним.

d) Syr. in Arist. Met. XIV 1091 b 4 (182, 9 Kr.) (Подражание предыдущему)

И это не по правде повествуется о богословах. Ибо они говорят, что царствовали Ночь и Уран, а раньше их — величайший их отец: «Тогда, взяв его, он распределил между богами и смертными мир, над которым первым начал царствовать славный Эрикепай». После него — Ночь, имеющая в руках славный скипетр Эрикепая; после нее — Уран, который первый из богов начал царствовать после матери Ночи. Хаос выше состояния царствующего. Зевса же не первым, но пятым царем именуют прорицания, данные ему Ночью: «Пятым царем бессмертных богов ты будешь». Итак, первичное начало и у них единство и благо, после него — сильная диада царствования, Эфир же и Хаос [согласно Орфею или богословам], Протей же и Хаос [согласно Пифагору]. Затем — первичные и тайные поколения богов; в числе их первый появившийся отец и царь всего, которого поэтому они нарекли Фанетом. Итак, ни лучшие из философов не отличаются от богословов, ни богословы не говорят, что вторичное сильнее и лучше первоначального, но одна истина у всех них.

e) Procl. in Tim. proem. E (III 168, 1 5—169, 9 D.)

Итак, каковы орфические учения, к которым, как мы полагаем, следует возвести учение Тимея о богах? Царей этих богов Орфей передал нам в их предсуществовании согласно совершенному числу всего: Фанет, Ночь, Уран, Кронос, Зевс, Дионис. В самом деле, первый — Фанет изготовляет скипетр: «Первым царствовал славный Эрикепай». Второй была Ночь, восприявшая [царство] от отца. Третьим — Уран, [воспринявший власть] от Ночи. Четвертым — Кронос, одолевший, как говорят, своего отца путем насилия. Пятым — Зевс, осиливший отца. И после него шестым — Дионис. Следовательно, все эти цари, начавши свыше, от умопостигаемых и умозрительных богов, переходят через посредство средних чинов в мир, чтобы привести в порядок земные дела. Ибо Фанет — не только в умопостигаемом, но и в умозрительном, и в чине демиурга, и в сверхмирных и мировых [областях]. Одинаково с ними Ночь и Уран. Ведь их особенности выступают через все средние [чины]. Да и сам величайший Кронос разве не упрочился и до Зевса, и после царствования Зевса вместе с другими Титанами, разделяя дионисийскую демиургию, явля-

ясь одним на небе и другим в подлунном мире, одним в неподвижной [звезде], другим в планетах, — а одинаково с ним и Зевс и Дионис? Итак, вот что определенно сказано у древних.

f) Scnol. in Procl. Tim. 28 c = I 314, 28 (I 474 D.)

Первый царь — Фанет, поскольку вечность и первая триада выше чина царя. Второй царствовала Ночь, первая триада из умопостигаемых и вместе умозрительных триад. Третий царь — Уран, вторая триада из умопостигаемых и вместе умозрительных триад. Четвертый — Эфир, третья триада из них. Пятый — Зевс.

d) Procl. in Crat. 396 b, c (p. 59, 11 Pasqu.)

И первым существует [— неподвижно —] Фанет; второй, движущийся и неподвижный, Уран; только движущийся — Кронос.

h) Procl. in Tim. 28 c (I 306, 10 D.)

Итак, эти три ума и этих трех демиургов предполагает он [Амелий] и трех упоминаемых у Платона [Tim. 40 e] царей и трех у Орфея — Фанета, Урана и Кроноса, а преимущественно демиургом у него является Фанет.

i) Olymp. in Phaed. 61 c (p. 3, 9 Norv.) (Порядок следования богов — не во времени, но по смыслу)

Как Эмпедокл говорил, что умопостигаемый и чувственный миры являются не в определенном порядке, не так, чтобы появлялся то чувственный, то умопостигаемый (ибо они вечны), но потому, что наша душа живет то сообразно умопостигаемому, — и тогда говорят, что возникает умопостигаемый мир, — то сообразно чувственному, — и тогда говорят, что возникает чувственный мир, — так и у Орфея эти четыре царства не то чтобы то были, то не были, но они существуют вечно и намекают на различные ступени добродетелей, сообразно которым действует наша душа, имея [в них] символы всех добродетелей, созерцательных, очистительных, политических и нравственных. В самом деле она действует или сообразно созерцательным добродетелям, чему первообраз — царство Урана, чтобы начать сверху (потому он и именуется Ураном, что он зрит [horan] вышнее), или она живет очистительно, чему первообраз — царство Кроноса (потому он и именуется Кроносом, как бы будучи coronoys, через взирание на самого себя; поэтому и говорят, что он поглощал собственные порождения, поскольку он обращен на самого себя), или сообразно политическим, символ коих — царство Зевса (почему Зевс и демиург, как действующий во вторичном), или сообразно нравственным и физическим добродетелям, символ коих — царство Диониса; потому он и растерзывается, что добродетели не следуют друг за другом, и тело его пожирают Титаны, причем это пожирание указывает на большую дробность, потому что он — охранитель земных дел, где больше разделение между «моим» и «твоим», и он растерзывается Титанами, причем это указывает на нечто делимое. Растерзывается вообще вид (eidos), в становлении, а Дионис — монада Титанов. Говорится, что он растерзывается [самым] своим возникновением, причем виновниками его слыли... по замыслу Геры, потому что эта богиня наблюдает за движением и эманацией.

j) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 152, 15 Couvr.)

Итак, мы заметим эти четыре: единое — первопринцип; Фанета, который есть предел умопостигаемых богов и изолированный принцип умозрительных богов (ибо Ночи суть принципы, с которыми как бы сообразуется основной принцип); Зевса, который есть царь сверхмирных [богов], предел в собственном смысле умозрительных богов; Солнце, которое есть царь чувственного... Далее, Зевс возжигает умозрительный свет для сверхмирных [богов]; Фанет опять воссиявает умопостигаемый свет для умозрительных богов; а принцип Всего наполняет божественным светом и умопостигаемых [богов] и все от них происходящее.

48. a) Syr. in Arist. Met. XIV 4, 1091 b 4 (189, 2 Kr.) (Некоторые детали)

Это несправедливо рассказывается о богословах, ибо они говорят, что царствовали Ночь и Уран, а раньше их — величайший отец их:

Меж богами и смертными, взяв его, распределил он
Мир, где первым царил Эрикепай знаменитый.

Ср. то же в § 47 d.

b) Simpl. in Phys. IV (I 641, 28 D.)

Ведь умопостигаемые чины определили своим жребием различные приятия умопостигаемого мира в качестве различных [пространственных] мест. Поэто<... > делает Зевс, а Гера развертывает сообразно различным изменениям явленного.

e) Jamb. De myst. VIII 3 (263, 6 Parth.)

За этим предустановлены другие вожди демиургии видимого. Ибо демиургический ум и предстатель мудрости и истины, приходящий к рождению и выводящий на свет незримую потенцию сокровенных словес, на египетском языке называется Амун.

Д. ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ

См. «Гермес», § 14.

Е. РИМ

Несмотря на общую скудость своей мифологии, Рим не был чужд теогоническим и космогоническим построениям. Приводимые нами два отрывка из Овидия (§ 49 a, b) являются даже специфически римскими. В первом из них рисуется *бесформенная первозданная масса*, которая упорядочивается *внешней к ней целесообразно направленной волей* (тут нельзя не видеть следов специфически римского мироощущения). Во втором отрывке выдвигается очень глубокая идея *Януса*, двуликого бога начал, входов, дверей, ворот и пр., который, оказывается, лежал в глубине самого перво-

зданного Хаоса. Если греческие Фанеты, Эрикепаи и пр. олицетворяли собою более или менее вообще бытие, как живое существо, то Янус чисто римски символизирует собой отвлеченный момент всякого начинания, в том числе и начала тео-космогонического процесса.

Далее мы приводим очень сухую, состоящую только из простых генеалогических перечислений теогонию Гигина (§ 49 c). Она до такой степени абстрактна и частично противоречива, что многие даже отказываются ее анализировать. Тем не менее исследование обнаруживает весьма явственную греческую подпочву в виде тех же Гомера, Гесиода, эпического цикла, трагиков и александрийцев.

Минуя вопрос об отношении Гигина к титаномахии (§ 5 b—k), с которой у него, несомненно, есть некоторая связь (ее, однако, не надо преувеличивать), мы кратко укажем на отношение его к Гесиоду. У Гигина отсутствуют Эрот, Тартар и Оры (с которыми, как мы видели, и Гесиод не знает, что делать), но зато сохранена пара Эфир — День, которая не появляется из Эреба — Ночи; но обе эти пары, составляя противоположность света и тьмы, появляются из более первоначальной потенции Caligo (Туман). Это делает всю конструкцию гораздо более стройной и понятной, чем у Гесиода; и ясно, что если Гигин черпал свою теогонию из какого-нибудь древнейшего источника, то этот источник — позже Гесиода. Появление триады Земля — Небо — Море из Эфира — Дня также ярче говорит о происхождении оформленного из бесформенного, чем генеалогии Гесиода, равно как и последующий материал строится у него гораздо последовательнее (потомство Ночи, Дня, Эреба и Эфира). Тринадцатая Титанида, Диона (как и у Аполлодора), — новость в сравнении с Гесиодом; новость и рождение от Дионы Афродиты. Тут, как и в списке Нереид, Гигин следует за Гомером, а не за Гесиодом. Может быть, дело не обошлось без стоических влияний. По крайней мере, теогония, которую имеет в виду Цицерон (§ 49 d), есть некоторая аналогия Гигина, хотя и невозможно сказать об этом что-нибудь более определенное. Вообще же, несмотря на сухость перечислений и очень плохую сохранность его текста, можно установить, что Гигинов источник — более совершенный и более поздний, чем Гесиод, и многое в нем представляет большой интерес для различных деталей наших мифологических исследований.

49. a) Ov. Met. I 5—88 (Общая натуралистическая космогония)

Некогда море, земля и над всем распростертое небо,
Лик был природы един на всем пространстве вселенной, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, — и только, — где собраны были
Худо скрепленных вещей семена разнородные вместе.
Миру Титан никакой тогда не давал еще света,
Не возрождала рогов, назревая, и новая Феба.
В воздухе легком земля, обтекаема им, в равновесьи
Не повисала еще, и по длинным земным окоемам
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.
Там, где суша была, находились и море, и воздух, —
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.
Воздух был света лишен. Постоянными не были воды.

Все пребывало в борьбе, затем, что в теле едином
Холод сражался с теплом, сражалась с сыростью сухость,
С мягкостью твердость и то, что весомо, — с тем, что без веса.
Бог иль природа, верней, конец положила раздору.
Небо она от земли и землю от вод отрешила,
Воздух густой отделила она от прозрачного неба.
После же, их разобрав и из груды слепой их извлекши,
Бывшее в разных местах — связала согласием мирным.
Пламя огня вознеслось под свод невесомого неба,
Место себе обретая на самом верху мирозданья.
Воздух — ближайший к огню по легкости, как и по месту.
К более плотной земле притянулись частицы крупнее.
Тяжесть своя придавила ее. Кругом обтекая,
Глуби вода заняла и плотный мир окружила.
Расположенную так бог некий — какой не известно —
Груду потом разделил; разделив, расчлененную сделал.
Землю прежде всего, чтоб все ее стороны гладко
Выровнять, вместе собрал в подобье огромного круга;
После разлил он моря, приказал им вздыматься от ветров
Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.
После добавил ключи, болота без края, озера;
Брегом извилистым он опоясал бегущие реки,
Разные в разных местах, — иногда их земля поглощает,
Или до моря они достигают и, приняты гладью
Вольно разлившихся вод, ударяют не в землю, а в скалы.
Он повелел и полям разостлаться, осесть и долинам,
В зелень одеться лесам и горам вознестись каменистым.
Справа пояса два и слева столько же небо
Пересекли и меж них, других всех пламенней, пятый.
Бремя, включенное в них, обозначила точно таким же
Божья забота числом: и земля с пятью полосами.
На серединной из них нельзя обитать из-за зноя.
Две же под снегом лежат глубоким, а двум между ними
Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.
Воздух вплотную над ними навис; насколько по весу
Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжеле.
В этой второй полосе стоять облакам и туманам
Он приказал, и громам, смущающим души людские.
Там же — и молниям быть, и ветрам, образующим стужу;
Но не повсюду владеть позволил им мира создатель
Воздухом. Даже теперь ветрам воспрепятствовать трудно, —
Хоть и по разным путям они направляют дыханье, —
Чтоб не разрушили мир. Таково несогласие братьев!
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,
В Персию, к горным хребтам, под лучами рассвета лежащим.
Запад и те берега, что солнцем согреты наклонным,
Ближе к Зефиру лежат. А в Скифию и в Семизвездье
Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.
Сверху же, выше их всех, возложил он веса лишенный

Гарпии

Ясный эфир, никакою земной не запятнанный грязью.
Только лишь распределил он всё по точным границам, —
Раньше под грудою той сокрыты, придавлены ею, —
Стали по небу всему теперь загораться созвездья;
Чтобы предел ни один не лишен был живого созданья,
Заняли почву небес божеств подобия — звезды.
Для обитанья вода досталась сверкающим рыбам,
Зверя земля принесла, и птицу — воздух подвижный.
Только лишь то существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, — не являлось.
И родился человек. Из божьего ль семени сделал
Оный создатель его, как лучшего мира начало,
Иль молодая Земля, разделенная с вышним Эфиром
Только что, семя еще сохраняла родимого неба?..
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем, как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку, и в небо
Прямо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так, недавно сама без образа грубая масса,
Ныне земля приняла человеков неведомых облик.

b) Ov. Fast. I 89—144 (Космогонический Янус)

«Что же? Каким божеством назову тебя, Янус двуликий?
В Греции равных тебе не было вовсе божеств.
Ныне скажи, почему из богов у тебя лишь способность
Взоры вперед обращать, взором следить позади?» —

Так я тогда рассуждал, вопрошая божественный образ...
Блеском незримых лучей вдруг осветился чертог.
Янус явился святой, и увидел я образ чудесный:
Два я заметил лица, четверо пламенных глаз.
Замерло сердце в груди, мои волосы дыбом поднялись,
И леденящий проник холод до самых костей.
Ключ в его левой руке, его правая посох сжимала.
Вскоре в передних устах слышу такие слова:
«Полно бояться, поэт, воспевающий римские фасты,
Выслушай то, что желал, эти запомни слова.
Имя предвечно мое, меня древние звали Хаосом.
Выслушай эту в ответ повесть седой старины:
Воздух и три остальных основных элемента природы:
Пламя, земля и вода — в массе таились одной.
Грубая масса когда постепенно на части распалась,
Каждое тело тогда новое место нашло:
К небу вознесся огонь, поместился под пламенем воздух,
В центре движенья нашли место земля и вода.
В это-то время и я, находясь в хаотической массе,
Принял впервые тогда образ божественный свой,
Да и теперь еще след хаотической массы остался:
Это способность моя видеть вперед и назад.
Но и другую еще укажу тебе вида причину,
С ней уяснится тебе и назначенье мое.
Все, что ты видишь: моря, и лазурное небо, и суша, —
Все открываю своей и закрываю рукой.
Мне одному лишь дана беспредельного мира охрана,
Право дано одному двери вертеть на петле.
Мир, если я захочу, из закрытого выйдет жилища
И по различным путям станет свободно гулять.
Если же крепкий запор мой губительных войн не удержит,
Все наше лоно земли кровью зальется густой.
С кроткими Горами я охраняю небесные входы,
Солнца восход и заход я направляю рукой.
Янус отсюда зовусь. Приносящий мне жертву порою
Жрец, поднося пироги, соль, и муку, и вино,
Имя иное дает: называет Патульций и Клузий, —
Часто в молитвах своих так призывает меня.
Древности это еще, старины пережиток глубокий,
Думали этим назвать две стороны существа.
Вот моя власть и права. Объясню теперь вида причину.
Эту двуличность мою ты замечаешь и сам:
Два в каждой двери лица, и — выходят вовнутрь и наружу.
Первое к Ларам лицо; то, что наружу, — к толпе.
Как у домашней двери замечает входящих привратник,
Видит — всегда из дверей — и выходящего он,
Так же обязан и я, всех чертогов небесных привратник,
Запад и вместе восток взором окинуть одним.
Три, ведь ты знаешь, лица у суровой богини Гекаты,
Так как она стережет три перекрестных пути.

Так же и мне, чтобы мог не терять поворотами шеи
Времени, можно глядеть сразу вперед и назад».

c) Hyg. Fab. proem. (Тео-космогоническая генеалогия)

Из Тумана — Хаос.
Из Хаоса и Тумана — Ночь, День, Эреб, Эфир.
От Ночи и Эреба: Рок, Смерть, Гибель (Letum), Сознание (Conscientia), Сон, Сновидения, т. е. Разрешение забот (Lysimeles), Сладкоумие (Meliphron)... [далее испорченное слово]: Порфирион (epaphus[?]); Ненависть, Своеволие, Немезида, Евфросина [?], Дружба, Раздор, Старость, Стикс; Три Парки, т. е. Клофо, Лахесис, Атропос; Гесперид [перечисление 18 имен, отчасти испорченных].
От Эфира и Дня — Земля, Небо, Море.
От Эфира и Земли — Тартар, Понт и Титаны: Бриарей, Гиес, Котт, Бронт, Стероп, Арг, Океан, Тефия, Гиперион, Фейя, Пол, Феба, Сатурн, Опс, Крий, Иапет, Фемида, Монета, Диона, и — три Фурии, т. е. Алекто, Мегера и Тисифона.
От Земли и Тартара — Гиганты: Энкелад, Кой, elentes [?] — mophius [?], Астрей, Пелор, Паллант, Эмфит, Рек, Jenios [?], Агрий, Alemone [?], Эфиальт, Еврит, — effracorydon [?], pheonus [?], Феодамант, Афон, Тифон, Полибот, menephiarus [?], Аск, colophomus [?], Иапет.
От Понта и Земли — Фаумант (tusciversus) [?], Кето, Нерей.
От Нерея и Дориды — 50 Нереид [перечисление см. в «Воде»*].
От Форкия и Кето — Форкиды: Пемфредо, Энио, Херсис [?].
Другие вместо этой последней принимают Дино.
От Понта и Моря — породы рыб.
От Океана и Тефии — Океаниды [перечисление имен см. «Вода»].
От Пола и Фебы — Латона, Астерия aphirape [?]... Перс, Паллант.
От Иапета и Климены — Атлант, Эпиметей, Прометей.
От Гипериона и Фейи — Солнце, Луна, Заря.
От Сатурна и Опс — Веста, Церера, Юнона, Плутон, Нептун, Юпитер.
От Сатурна и Филиры — Хирон и Долоп.
От Астрея и Авроры — Зефир, Борей, Нот, Фавоний.
От Атланта и Плейоны — Майя, Калипсо, Альциона, Меропа, Электра, Келено.
От Палланта (гиганта Сциллы) и Стикс — Сила, Зависть, Власть, Победа, источники, озера.
От Дионы и Юпитера — Венера.
Из головы Юпитера — Минерва.
От Юпитера и Евриномы — Грации.
От Юпитера и Фемиды — Оры.
От Юпитера и Монеты — Музы.
От Юпитера и Климены — Мнемосина.
От Нептуна и Амфитриты — Тритон.
От Юпитера и Юноны — Марс.
От Юноны без отца — Вулкан.
Опять от Юпитера и Юноны — Молодость, Свобода.
От Юпитера и Цереры — Прозерпина.

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

От Юпитера и Латоны — Аполлон и Диана.
От Юпитера и Майи — Меркурий.
От Венеры и Марса — Гармония и Страх.
От Ахелоя и Мельпомены — Сирены: Тельксиопа, Мольпе, Писиноя.
От Солнца и Персы — Кирка, Пасифая, Ээт, Перс; от Ээта и Идии — Медея.
От Солнца и Климены — Фаэтон и Фаэтониды: Меропа, Гелла, Эфирия [?], Диоксиппа.
От Тифона и Ехидны — Горгона, Кербер; дракон, который охранял у колхидцев баранье золотое руно; Сцилла, имевшая верхнюю часть женскую, а нижнюю — собачью (ее убил Геркулес); Химера; Сфинкс, бывшая в Беотии; ползучая Гидра, имевшая девять голов (ее убил Геркулес), и дракон Гесперид.
От Нептуна и Медузы — Хрисаор и конь Пегас.
От Хрисаора и Каллирои — трехтелесный Герион.

d) Cic. De nat. deor. III 44 (К вопросу об источниках Гигина)

Карнеад говорит это не для того, чтобы устранять богов... но чтобы показать, что стоики ровно ничего в них не разъясняют. Поэтому он и преследовал их. Что же, говорил он, если эти братья (Юпитер, Нептун, Орк) числятся среди богов, то неужели это можно отрицать относительно их отца Сатурна, которого обычно глубоко почитают на Западе? Но если он есть бог, то богом надо почитать и его отца Урана. А если это так, то за богов надо считать также и родителей Урана, Эфир и День, а также их братьев и сестер, которые имеют следующие имена у древних генеалогов: Любовь, Обман, Страх, Труд, Ненависть, Рок, Старость, Смерть, Тьма, Несчастье, Жалоба, Грация, Ложь, Упорство, Парки, Гесперидs, Сны. Все они, как говорят, родились от Эреба и Ночи.

Ж. ПРОЧИЕ ТЕОГОНИСТЫ

Для полноты обзора в заключение укажем еще трех легендарных теогонистов и двух исторических. Три легендарные — это Орфей, Лин и Фамирид. Что такое «Орфей» в реальности, сказать очень трудно; и об этом у нас будет идти речь в свое время. Сейчас для нас важно только то, что Свида среди прочих произведений приписывает ему и «Теогонию» в 1200 стихов. Для нас существует скорее орфизм, чем Орфей; и этот орфизм достаточно представлен выше, в § 32—48.

Другой легендарной теогонией является теогония Лина, мифической личности вроде Орфея или Мусея. Он — сын Гермеса и музы Урании. О нем сообщает Диоген Лаэртский, который приводит малоговорящее нам начало из его теогонии (§ 50 а). Сохранившийся же у Стобея под его именем фрагмент в 13 стихов имеет не мифологическое, но чисто философское содержание, повествуя о совпадении единства и множества (Stob. Ecl. phys. I 11, 5).

Византийцы, далее, указывают на теогонию *Фамирида* Фракийского, сына Филаммона и нимфы Аргиопы. Свида (Theologia) говорит о 3000 стихов

Потниа Тирон («владычица зверей») с головой-горгонейоном, характерным для Медузы Горгоны

Медуза Горгона

этой теогонии, а Цец — о 5500 стихах. Конкретно, однако, они не сообщают ничего. Также неизвестно, кто такие теогонисты, выводившие мир из «Эфира и Аида», по сообщению Филодема (§ 22 а).

Следует упомянуть еще об одной теогонии, уже исторической, относящейся, правда, к византийским временам, но продолжающей старую традицию. Это — теогония известного Иоанна Цеца, изданная Беккером в 40-х годах и переизданная у R. Matranga (Analecta graeca II Romae, 1850, p. 577—598). Здесь мы имеем 618 ямбических тетраметров, ближайшее обследование которых свидетельствует об очень близкой связи Цеца с *Гесиодом*. Цец, вообще говоря, следует Гесиоду, исправляя и дополняя его в целях устранения противоречий и разъяснения темных вопросов. Таково, напр., соответствие: Цец 49—60 = Гес. 132—138; Цец 61—69 = Гес.139—153; Цец 70—110 = Гес. 154—210; Цец 111—114 = Гес. 116—132; Цец 115—123= Гес. 211—232; Цец 124—126 = Гес. 233—239; Цец 127—131 = Гес. 240—264.

Однако более популярна в науке и для нас имеет наибольшее значение *Аполлодорова* теогония. Она, в общем близкая к Гесиоду, уклоняется от него в следующих пунктах. Тут нет тех первоначальных космогонических потенций, о которых речь у Hes. Theog. 116—125, а начинается прямо с Урана и Геи (как в циклической «Теогонии», см. § 5 а). Названный вначале Тартар явно есть просто место под землей, а не какая-нибудь космогоническая потенция (то, что изображается у Hes. Theog. 720 слл.). Из крови Урана Аполлодор выводит только Эриний, исключая, стало быть, Гигантов, которые появляются (Apollod. I 6, 1) от Урана и Геи ради мести за Титанов. Отсутствуют Гесиодовы (Theog. 129) Оры и Мелийские нимфы; Афродита появляется не из моря, но от Зевса и Дионы (I 3, 1, 1), и притом без Гимера и Эрота. Нет детей Ночи; нет и самой Ночи. Мойры — дочери Зевса и Фемиды (I 3, 1, 1 = Hes. 904). Нет каталога рек (Hes. 337 слл.), Эосфора (Hes. 869 слл.). Тифония (Apollod. I 6, 3) — из какого-то другого источника. Важно и расхождение Аполлодора с Гесиодом в трактовке отдельных историй. Вместо неразберихи у Гесиода (см. примеч. 3, 6—8) с участием детей Урана в истории Урана Аполлодор

Медуза Горгона

(как и Прокл о циклической «Теогонии», § 5 а) дает вполне ясную концепцию: Уран и Гея рождают сначала Сторуких и Киклопов; их Уран отправляет в Тартар; из-за этого Гея рождает Титанов, убеждает их оскопить Урана и освободить заключенных, что они и делают, передавая в дальнейшем власть Кроносу; Кронос вновь заточает освобожденных, и окончательно освобождает их только Зевс (в целях использования их в борьбе с Титанами).

У Гесиода не поймешь, кто вывел Зевса из беды в титаномахии — Сторукие или Киклопы. У Аполлодора Киклопы делают для богов оружие, а Сторукие только стерегут заключенных Зевсом у Тартара. В мифе о Зевсе отсутствует указание на содействие дедов Урана и Геи новорожденному Зевсу; и Кроноса здесь обманывает не Гея, а Метида.

Обследование всех детальных расхождений с Гесиодом (мы привели только основное), кажется, с большой убедительностью доказывает, что теогония Аполлодора, являясь в основном гесиодовской, направлена к сглаживанию противоречий — путаницы у Гесиода, причем видно, что это не есть ученая работа позднего мифографа, но отражает творчество какого-то довольно древнего теогониста. Вполне возможно, что решающую роль в этом сыграла для Аполлодора циклическая «Теогония», о родстве которой с Аполлодором мы уже упоминали (см. введение к «Гомеру и эпосу»).

50. а) Diog. L. proem. 4 (Лин)

Лин, говорят, был сыном Гермеса и музы Урании. Он сочинил космогонию, труд о путях Солнца и Луны и о происхождении живых существ и плодов. Начало этого произведения было такое:

Было некогда время, когда все вместе родилось.

Позаимствовавши отсюда, Анаксагор высказал мысль, что все вещи произошли вместе и что привходящий ум привел их в порядок. Этот Лин скончался на Евбее, будучи застрелен Аполлоном. На его могиле было написано:

Лина Фиванского здесь приняла земля после смерти.
Был он Урании сын, музы с прекрасным венком.

b) Apollod.:

I 1, 1—4 (Уран и начало мира). См. «Система», § 14 h.
I 1, 5—7 (Поглощение детей Кроносом). См. «Система», § 26 b.
I 2, 1 (Титаномахия и разделение мира). См. «Система», § 47 a.
I 2, 2—4 (Потомство Титанов и Кроноса). См. «Система», § 26 a.
I 2, 6—7 (Потомство Понта и Геи). См. «Вода».*
I 3, 1 (Варианты о браке и потомстве Зевса). См. «Зевс и Гера», § 7 c.
I 3, 2—3 (Родственные связи Муз). См. «Аполлон», § 31 e.
I 3, 5 (Гефест). См. «Гефест», § 2 g и «Афина», § 1 d.
I 3, 6 (Рождение Афины). См. «Афина», § 1 d.
I 4, 1—2 (Делос, рождение Аполлона и Артемиды). См. «Аполлон», § 16 и 18 d.
I 4, 1, 3—5 (Титий). См. «Аполлон», § 3 l.
I 4, 2 (Аполлон и Марсий). См. «Аполлон», § 19 j.
I 4, 3—5 (Орион). См. «Аполлон», § 6 b.
I 4, 6 (Посейдон и Амфитрита). См. «Вода».
I 5, 1 (Деметра). См. «Деметра», § 4 a.
I 5, 2—3 (Деметра). См. «Деметра», § 7 a.
I 6, 1—2 (Гигантомахия). См. «Система», § 54 a.
I 6, 3 (Тифон). См. «Система», § 58 a.
I 7, 1 (Прометей создает людей). См. «Зевс и Гера», § 21 a.

[Дальнейшее у Аполлодора уже не имеет отношения к теогонии в собственном смысле.]

* См. вступительную статью А. А. Тахо-Годи *(А. А. Тахо-Годи)*.

II. СИСТЕМА

А. ХАОС

В систематическом плане самой первой и в этом смысле наиболее абстрактной ступенью тео-космогонического процесса является *Хаос*. О том, что, по этимологии, это — «зияние», «зияющая бездна» или «зияющее пространство», уже говорилось выше («История». Введение). Гомер о нем не знает. У Гесиода он — подлинное начало (§ 1 a), но у орфиков выше его — Хронос (из которого Эфир и Хаос), а у Гигина («История», § 49 c) — Туман (Caligo). Овидий (§ 1 b) понимает его менее абстрактно — просто как бесформенную материальную массу. Понимали его в античности и как воздушное пространство (§ 3 b, c), и как пространство просто (отчасти уже Гесиод — § 3 a, но особенно философы — § 2 a, b), и как Аид (§ 4 a—c), и как вечность (§ 5), не говоря уже о метафорах (пример — в § 6).

Наиболее осознан миф о Хаосе у орфиков и неоплатоников. Учитывая изначальность Хаоса и предшествие его всему чувственному и всему смысловому, они полагают его в основе самой идеальности, а учитывая его беспредельную распространенность, они учат о его диадичности. Получается, таким образом, миф об интеллигибельной материи, о «безднах» в недрах самой идеальности (не говоря уже о реальном). Кроме материалов из «Истории», § 44 d, см. Syr. in Arist. Met. II 1. 996 a 1; 4, 1000 a 19; XIV 4, 1091 b 4; Procl. in Tim. 24 e (I 176, 13 D.); in Parm. 137 d (VI, p. 1, 21, 27 Cous.); Damasc. 50 (I 100, 19 Rue.).

1. a) Hes. Theog. 116 («Зияющая бездна» и беспорядочная масса)

См. «История», § 7.

b) Ov. Met. I 7 («Грубая и беспорядочная масса»)

См. «История», § 49 a.

2. a) Arist. Phys. IV 208 b 31 (Хаос — пространство)

По-видимому, и Гесиод правильно говорит, делая Хаос первым началом... как если бы существам надлежало раньше дать пространство, ибо он, как и большинство людей, считал, что все предметы находятся где-нибудь и в каком-нибудь месте.

b) Sext. Emp. Adv. math. X 11—12 (Хаос — место)

(11) Древние мыслители относительно распорядка целого предположили в качестве принципа всего место. Отправившись отсюда, и Гесиод провозгласил:

Прежде всего во всей вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, —

утверждая, что Хаос есть место, вмещающее в себя целое. Именно, если бы он не лежал в основании, то ни земля, ни вода, ни прочие элементы, ни весь космос не могли бы и возникнуть. (12) Даже если мы по примышлению устраним все, то не устранится место, в котором все было, но оно остается, содержа три измерения: длину, глубину и ширину, не считая сопротивления. Вот это-то и специфично для тела.

3. *a) Hes. Theog. 700 (Хаос — мировое пространство, — во время титаномахии)*

Жаром ужасным объят был Хаос...

b) Aristoph. Nub. 424 сл. (Хаос — воздушное пространство)

И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мы славим!
Безграничного Воздуха ширь (chaos), Облака и Язык — вот священная троица!

c) Aristoph. Av. 192

...С богов взимайте пошлину
Со всякой жертвы, приносимой смертными
По городу чужому и через Хаос.

[Последний стих отсутствует в переводе А. Пиотровского.]

4. *a) Ov. Met. X 29—31 (Хаос — Аид, — слова Орфея в Аиде об Евридике)*

...Сей ужаса полной юдолью,
Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
Вновь Эвридики * моей заплетите короткую участь!

5. *a) Verg. Aen. IV 509 сл. (О Дидоне)*

И жрица, власы распустивши,
Трижды сто раз богов призывает, Эреба, Хаос...

b) Verg. Aen. VI 264 сл.

Боги, над душами власть у коих! Безмолвные Тени!
Хаос и ты, Флегетонт! Край широкий ночного молчанья!

6. *Marc. Aurel. IV 3 (Хаос — вечность)*

Обрати вниманье на то, как быстро все предается забвенью,
На хаос времени, беспредельного в ту и другую сторону...

7. *Ср. важные места: кипение Хаоса («История», § 17); рыдание («Гермес», § 15); тождество с Янусом («История», § 49 b).*

---

* Транскрипция имен, принятая переводчиками, сохраняется, отсюда в тексте — Евридика и Эвридика, Арес и Арей, Эреб и Эрев, Посейдон и Посидон, Посидаон и т. п. *(А. А. Тахо-Годи).*

Б. ТЬМА

Чем-то не столь пустым, хотя все еще совсем нерасчлененным является, далее, космогоническая Тьма, к которой прежде всего относится *Эреб*, появляющийся у Гесиода (Theog. 123 слл.) и Акусилая («История», § 18 a), как мы знаем, вместе с Ночью прямо из Хаоса. Это подземная Тьма, содержащая в себе души усопших (§ 8 d—f, куда можно еще прибавить Od. XX 355 сл. и Hes. Theog. 515) и доступная только величайшим героям и мольбам (§ 8 a, b). Из Эреба и Ночи, по Гесиоду, — Эфир и День; по Еврипиду (Orest. 172), из Эреба происходит Ночь, по Сервию Грамматику (in Verg. Aen. VI 404), он — часть подземного мира. Немногим отличается от Эреба *Тартар*, вместе с Ночью лежащий, по Мусею («История», § 22 a), в основе Всего. По Hes. Theog. 119, он, наоборот, — порождение одного Хаоса, дающий от Земли страшилище Тифона (§ 8 g). В Тартаре заключены побежденные Титаны (§ 8 i). Гомеровское представление, однако, отличает Тартар от Аида, поскольку последний мыслится на земле, а Тартар — столь же глубоко под землею, как земля под небом (§ 8 h). Впоследствии понятия Аида и Тартара смешались (ср. § 8 j).

Еще более расчлененным началом является *Ночь*, которую очень многие клали в основу вещей (Мусей, Эпименид, орфики). Хаос вообще выше всякого света и тьмы. Эреб и Тартар, по Шёману (Schömann), отличаются от Ночи тем, что первые — подземный мрак, а Ночь — мрак надземный, т. е. готовый дифференцироваться и превратиться в свет (что и происходит в «детях» Ночи и Эреба, в Эфире и Дне). У Гесиода Ночь не только мать Дня, но и его сестра (Theog. 748 слл., § 9 b), так что, по-видимому, Гесиод различает Ночь как космогоническое начало и Ночь как явление повседневное. Иронию Аристофана (Av. 690—702) и неразбериху у Гигина (Fab. proem.) относительно Ночи мы уже встречали («История», § 32 и 49 c). У орфиков представление о Ночи тоже неустойчивое: то она «рождение всего», «родительница богов и людей», и в этом смысле ее дети — Мойры (Hymn. Orph. LXIX) и звезды (VII 3 и § 9 c); то сама она — дочь Эрота-Фанета (§ 9 d, ср. также сообщение Сириана — «История», § 47 d, и Дамаския — 131 Ab.). Она — необъятный источник высших и вечных тайн (§ 9 d—g, i); о ее «прорицаниях» и «наставлениях» читаем у орфиков не раз; кроме приведенных в § 9 i текстов см. также Procl. in Alcib. 1, p. 499, 2 Cous., in Tim. 31 c = II 24, D.; о Фемиде ср. в отделе «Зевс и Гера», § 35 a. Как раз Ночь предупреждает Зевса о гибельности брака с Фетидой, а Плутарх (De sera. num. vind. 22) говорит об «общем оракуле в Дельфах Аполлона и Ночи» и «об общем оракуле Ночи и Селены». Павсаний (I 40, 6) указывает на прорицания Ночи в Мегаре. Раскрытие существа этого странного и жуткого образа античной мифологии находим в § 9 k, где Ночь отождествлена с вечной инаковостью или чистым инобытием на всех ступенях бытия, и в том числе прежде всего в области умопостигаемого. Это — чистое становление и возникновение, которое всегда иное и иное и которое никогда не есть что-нибудь определенное и устойчивое; это — чистое отрицание и потому вечная тьма. Не надо, однако, забывать, что для античной мифологии это есть тьма в недрах самой божественности, в последней глубине всякого идеального и реального бытия, интеллигибельная тьма.

Горгона с Пегасом

Кроме указанных материалов, см. Orph. frg. 300 K. («черная»), 99 (мать Дикеосины), 179 (место «Ночей» над царством Урана) и др. О Ночи в некосмогоническом смысле см. в отделе «Эфир и Небо».

8. *a) IL. VIII 367 сл. (Эреб, — Геракл в Эребе)*

В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
Пса увести из Эрева, от страшного бога Аида...

b) IL. IX 570—572 (Эриния из Эреба помогает Алфее)

570 С воплем молила Аида и страшную Персефонию
Смерть на сына послать; и носящаясь в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба.

c) Hes. Theog. 669 (О Сторуких)

Те, что на свет из Эреба при помощи Зевсовой вышли...

d) IL. XVI 326 сл. (Мертвые идут в Эреб)

Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эрев низошли...

e) Od. XI 36 сл. (Кровь привлекает усопших из Эреба)

...и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эрева поднявшись.

f) Od. XI 563 сл. (Об Аяксе)

...не ответствовал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эреве.

g) Hes. Theog. 820—822 (Тартар; от него и Земли — Тифон)

После того как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.

h) IL. VIII 13—16 (Местонахождение Тартара, — слова гневающегося Зевса)

Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна,
Где и медяный помост и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от Ада, как светлое небо от дола!

i) Hes. Theog. 720—728, 736—745 (Описание Тартара)

Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
Медной оградою Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря.
[...]
Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.
Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота,
Дна не достиг бы той бездны в течение целого года:
Ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б,
Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся
Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи
Там расположены, густо одетые черным туманом.

j) Hes. Scut. 254 сл. (Сопоставление Тартара с Аидом)

...в Аид нисходят их души,
В Тартар кровавый...

9. a) Hes. Theog. 123 слл. (Космогоническая Ночь)

См. «История», § 7.

b) Hes. Theog. 746—766 (Чертоги Ночи)

Сын Иапета [Атлант] пред ними бескрайно-широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
В месте, где с Ночью встречается День: чрез высокий ступая
Медный порог, меж собою они перебросятся словом —
И разойдутся; один поспешает наружу, другой же
Внутрь в это время нисходит: совместно обоих не видит
Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома
Землю обходит один, а другой остается в жилище
И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься.
К людям на землю приходит один с многовидящим Светом;
С братом Смерти, со Сном, на руках приходит другая, —
Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным.
Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью, — ужасные боги. Лучами своими
Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен.
Но у другой — из железа душа и в груди беспощадной —
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

c) Hymn. Orph. III (Гимн Ночи)

Ночь воспою, что богов породила, а также и смертных.
Ночь, порожденье всего, что Кипридою также зовем мы.
Внемли, блаженная ты, богиня звездистая, многосонное уединенье,
Радость любезная всем, бессонная, мать сновидений,
Думы хранящая, добрый от тягот дающая отдых,
Грезы несущая, друг ты для всех, конегон, полунощник,
Вся половинчатая, ты в земле и на небе опять же.
Кругом идешь, ударяешь во мраке бегущей погоней.
Ты проливаешь свет в преисподней, снова скрываясь
В ад: надо всем царит жестокая необходимость.
Ныне же, Ночь, блаженна, обильна и всеми желанна,
Встречей благая, словам приносимой молитвы внимая,
Милостивая, явись и избавь от полуночных страхов!

d) Orph. Argon. 14—16 (Вечная жизнь Ночи, дочери Фанета-Эрота)

...Эфира, славного Эроса двух природ, огненикого,
Ночи вечно-живущей отца знаменитого; «Фанет»
Прозван смертных потомками он, потому что первый явился...

Ср. «История». § 45 е.

e) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 148, 25 Couvr.) (Знание Ночи)

Тайну Фанета только Ночь знает, и первым освещается Небо божественным светом Фанета. Ведь он [Платон] говорит, что Ночь находится с ним [Фанетом] в объединении.

Первородного лик никто не видел очами,
Кроме одной только Ночи священной. Все же другие

Изумились, в Эфире нежданный свет усмотревши:
Был же он отраженьем бессмертного тела Фанета.

Ст. 3—4 также и Procl. in Tim. 30 d (I 435, 3 D.).

f) Damasc. 67 (I 146, 12 Rue.) (Ночь — питательница Кроноса)

По-видимому, Орфей, зная Кроноса в качестве ума, как это показывает о нем весь миф и выражение «хитроумный», заставляет Ночь, воспеваемую в качестве первичной сущности и поэтому в качестве питательницы Всего, питать преимущественно самого Кроноса, будучи умопостигаемым самого ума, поскольку для мыслящего пища есть мыслимое, согласно изречению [оракула]. [Ср. Kroll. De or. Chald. 19, 1.]

Кроноса Ночь из всего питала и окормляла.

См. также ниже, § 28 m.

g) Procl. in Tim. IL proem. (I 206, 26 D.) (Зевс тоже почерпает знание у Ночи)

Прежде чем коснуться рассуждения в целом, он [Сократ у Платона] обращается к воззваниям и молитвам к богам, подражая и в этом творцу Всего. Рассказывают, что последний перед универсальной демиургией «вошел в прорицалище Ночи», наполнился оттуда божественными мыслями, воспринял начала демиургии и, если можно сказать, разрешил все апории, вызвавши поэтому также и отца для зачинания демиургии. Богослов заставляет его говорить Ночи:

Майя, богов высочайшая, Ночь бессмертная, как мне,
Как, поведай, сильно-разумную власть положить мне
Над бессмертными?

И он слышит от нее:

Эфиром все поими вокруг несказанным, в нем же
Небо внутри...

И он затем научается всему миротворчеству.

К Кроносу же он в свою очередь обращается среди оков почти что с мольбой:

Наше потомство воздвигни теперь ты, о демон славнейший.

И отцовское благоволение он вызывал в течение всего последующего. Да и как он мог наполнить все богами и уподобить чувственное живому-в-себе иначе, если не простираясь к неявленным причинам Всего, от которых он наполнился и сам?

h) Procl. in Tim. 128 c (I 313, 31 D.)

Поэтому охватывающий все Зевс, и все — монадически и умственно, устанавливает по этим пророчествам Ночи все внутри-космическое, и богов и составные части Всего. Ночь же отвечает ему на его вопрос:

Как же будет одним у меня все и каждое порознь?
Эфиром все поими вокруг несказанным, в нем же
Небо внутри, к тому ж беспредельную землю, и море,
Звезды к тому же все, которые небо венчает.

[Эти стихи у неоплатоников часты.]

i) Herm. in Phaedr. 247 d (p. 154, 15 Couvr.) (Три типа Ночи)

Не напрасно он передал нам эти три имени: самое справедливость, само целомудрие (sophrosyne) и само знание. Именно, из трех сообщаемых нам Орфеем Ночей первая пребывает в тождестве, третья эманирует вовне, а вторая — посреди них. Он говорит, что первая прорицает, что свойственно знанию, вторую он называет стыдливою, что свойственно целомудрию, а третья, говорит он, рождает справедливость.

Ср. § 9 к.

Кадм, убивающий дракона

j) Procl. in Tim. 39 b—d (III 88, 18 D.) (Разные «чины» Ночи)

Ведь существует много чинов Ночи и Дня: умозрительные и умопостигаемые, сверхмирные, небесные и подлунные, как научает и орфическое богословие. Одни из них — до демиургии, другие содержатся в ней самой, третьи из нее эманируют вовне. Одни невидимы, другие явны, так как ведь и из месяцев и из годов один невидим, является только принципом измерения и связи и совершает умозрительные и телесные круговращения, другой же явен и есть ограничение и мера солнечного обхода.

k) Damasc. 192 (II 69, 20 Rue.) (Инаковость как сущность Ночи)

Следовательно, сама инаковость (heterotes) не является лишенной сущности. Установившись сама по себе, она таким образом усматривается и в крайних пунктах [выявления] и в некотором смысле в их единстве, как причина этого выявления, поскольку все [здесь] было взаимно обособлено. Далее, инаковость тайно предсуществует и в умопостигаемых. Начиная с этого пункта она разделяется на эти вот монады сообразно эманирующему общению первичных со вторичными. Выразившийся так недалеко отступит от обыкновения богослова, потому что как-то существуют три одночинные [монады], сосуществующие соответственно триаде и как бы в одной триаде, и одна из них — первая, другая — средняя и еще одна — третья. И неудивительно, что они взаимно передают одна другой свои свойства. Но кроме сказанного, эти самые три монады суть

iygges [1] [ср. Kroll. De or. Chald. 39] и три Ночи. Итак, первая из них — отчая и соприсутствует с отцом; вторая является плодороднейшей и существует соответственно потенции триады, а третья как бы ум триады и уже связана со многими богами. Стало быть, средняя есть [в своем роде] совершенная природа, преимущественно обладающая различным свойством. Она и есть инаковость.

l) Damasc. 213 (II 95, 6 Rue.)

Поэтому и Орфей назвал его [это устройство] Ночью, поскольку последняя поднимается над ясным сверканием того неба. Наверное — потому, что конус ночи [ночной тени][1*] заканчивается острием, как и сама она заостряется в неделимое [целое] умозрительной сущности.

m) Cleom. Cycl. theor., p. 139 Ziegl.

Земля, освещаемая им [Солнцем], по необходимости отбрасывает тень, как и другие освещаемые твердые тела. И она, образуя конусообразную тень, не охватывает целого зодиака и не простирается на все пространство его, потому что ее тень завершается острием.

n) Alex. Aphr. in Arist. Met. XIV 1091 b 4 (821, 9 Hayd.)

После него [Эрикепая] — Ночь,
Скипетр Эрикепая в руках имея прекрасный.

Ср. «История», § 47 c.

Тот же стих, пропуская «прекрасный», у Syr. in Met. 182, 15 Kr.

o) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 147, 20 Couvr.) (Пророчества Ночи)

В самом деле, Орфей, повествуя о Ночи, говорит: ведь она имеет [царскую честь][2] богов и:

Дар прорицанья неложный он ей даровал совершенно.
И она, говорят, прорицает богам.

p) Ibid. 150, 9 (Пояснение к этому стиху)

А Платон, что нашел у богослова сказанным утвердительно, сам представил это отрицательно. Что тот назвал Ночью, то этот — бесцветным, а что тот назвал отрицательно неложным, сказав: «Дар прорицанья... совершенно», то этот так высказал положительно: «Она — род истинного знания, будучи действительно сущностью».

q) Ibid. 151, 5

Он говорит не об истине в смысле людского соглашения, но о той, которая имеет свое бытие и сущность соответственно истинному [в себе], и это значит, что истина и есть ее бытие, или, как сказал богослов: «Дар прорицанья неложный он ей даровал для вселенной».

r) Hes. Theog. 211—232 (Порождения Ночи)

Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
К мрачной богине на ложе никто не всходил перед этим.
Мома потом родила и Печаль, источник страданий,

---

* Ошибка в подлиннике нумерации комментариев к «Системе» исправляется согласно тексту (*А. А. Тахо-Годи*).

И Гесперид, — золотые, прекрасные яблоки холят
За Океаном они на деревьях, плоды приносящих.
Мойр родила она также и Кер, беспощадно казнящих.
[Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям
Определяют они при рожденье несчастье и счастье].
Тяжко карают они и мужей, и богов за проступки,
И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился
Раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит.
Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,
Страшная Ночь родила, а за нею — Обман. Сладострастье,
Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.
Грозной Эридою Труд порожден утомительный, также
Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных,
Схватки жестокие, Битвы, Убийства, мужей Избиенья,
Полные ложью слова, Словопренья, Судебные Тяжбы,
И Ослепленье души с Беззаконьем, родные друг другу,
И наиболее горя несущий мужам земнородным
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно при клятве.

B. ХРОНОС-ВРЕМЯ

Все указанные до сих пор космогонические потенции вызваны интуициями безграничного пространства. Но также и *время*, и притом в самой непосредственной персонификации — *Хронос*, *Время*, играло большую космогоническую роль у Ферекида Сирского («История», § 26 a, 28 a, b) и у орфиков (§ 10, а также «История», § 39, где Хронос — отец Эфира и Хаоса, § 42 a, 43 a, b, 44 a—d). Необходимо заметить, что этимологическое отождествление Хроноса и Кроноса отнюдь не установлено. Были мнения за него и против него, так что вопрос в значительной мере висит в воздухе. По Eur. Heracl. 900, Вечность — «дитя Времени», а по Eur., frg. 223, Дика — «дитя Времени» (по frg. 150, она — «дитя Зевса»). В известном рельефе «Апофеоз Гомера и Гесиода» Хронос изображен крылатым. Необходимо заметить, что мы помещаем эту мифологическую категорию после Хаоса и Тьмы, имея в виду скорее общеязыковые представления об этих предметах. Античность же, когда она заговаривала о космогоническом Времени, полагала его выше решительно всех мифологических категорий (как это ярче всего в «рапсодической» теогонии, «История», § 43 b), фиксируя в нем, очевидно, творческий и в то же время бесформенный характер, как бы неиссякаемую бездну становления.

10. Schol. Ap. Rh. III 26 (Хаос, Эрот и Хронос)

Гесиод же говорит, что Эрот — из Хаоса, а в сочинениях, относимых к Орфею, говорится, что — из Хроноса:

Хронос Эрота родил и все дуновения ветра.

Ср. Orph. Argon. 13.

О Времени см. также «История», § 44.

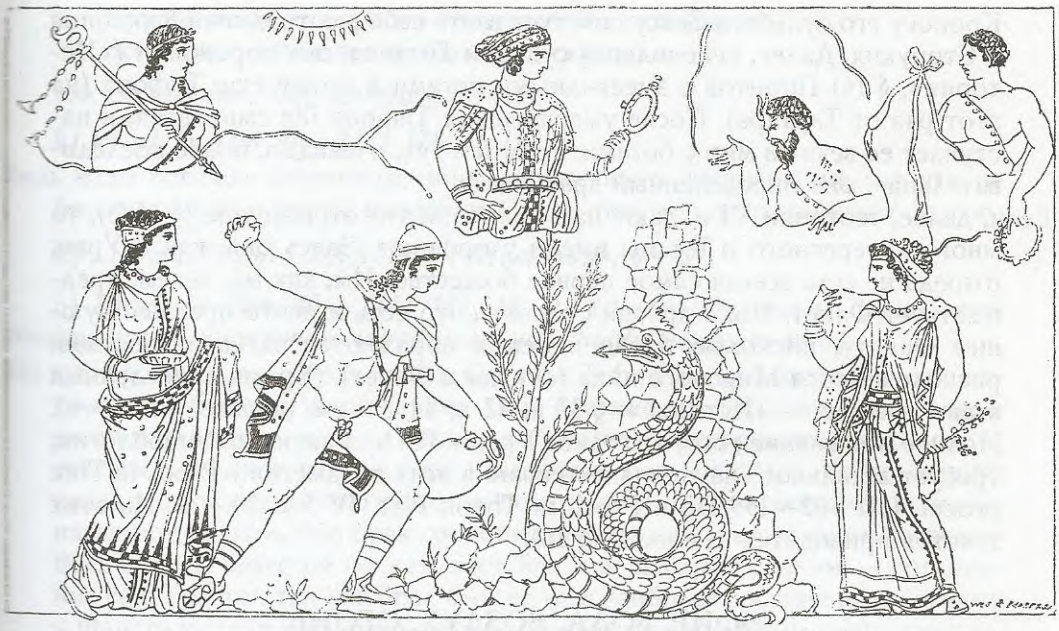
Г. СТИХИИ

После пространственных и временных образов мы доходим до отдельных *стихий*, или *элементов*, лежащих, по тео-космогоническим мифам, в основе вещей.

Наиболее легким, прозрачным и, так сказать, наиболее бесплотным элементом является *Эфир*. По Гесиоду («История», § 7), Эфир и День — порождение Эреба и Ночи, по Гигину («История», § 49 c), — порождение Хаоса и Тумана, <Эфир — > брат Ночи, Эреба и Дня; по Цицерону (De nat. deor. III 54), он — отец Юпитера и Неба, дедушка Солнца. У орфиков (§ 11 a) Эфир — нечто вроде Мировой души, или, точнее, он тут нечто гораздо более раннее, чем Мировая душа. Он —первый член основной мировой триады Иеронима и Гелланика («История», § 39), а в «рапсодической» теогонии еще выше — середина первой триады (вместе с Хаосом, — «История», § 43 b). Яснее же всего изъяснение его («История», § 44 i, k) как *предела*, т. е. действующего как стихия оформления и осмысления (сама по себе еще столь великая и безграничная, что она является тоже бесформенной стихией оформления), в противоположность Хаосу, который есть бесформенная стихия бесформенного же (ср. еще «История», § 44 g, h, 45 a—c, f, j, 47 d). Несколько раз мы слышим утверждения, что высочайшие космогонические потенции ограничены сверху Эфиром и снизу Фанетом (напр., § 11 b). Это положение Эфира, впрочем, не очень устойчиво: так, мы видели («История», § 47 f), что он — «четвертый царь»: перед ним Фанет, Ночь и Уран (по «Истории», § 45 b, его сын — Фанет). Впоследствии поэты отождествляли Эфир, Зевса и Небо-Урана (§ 14 i—k); по Акусилаю («История», § 18 d), Эфир — отец Эрота от Ночи, а по Schol. Theocr. I 121 — отец Пана от Энеиды, или Нереиды; в персонифицированной форме Эфир получает значение *Урана*, так как в нем он оформляется и становится чем-то определенным. История Урана с его оскоплением рассказана у Гесиода («История», § 9). Позднейшие не без основания полагали, что Эфир и Небо-Уран, являясь не чем иным, как наполненной бездной бесконечного пространства и времени, рано или поздно должны были уступить свое место форме, порядку, расчленению и утратить свою бесконечную мощь и превосходящие всякую форму возможности. В мифе это и отмечено тем, что сын Урана Кронос отрезает у него детородный член и тем лишает его дальнейшей производительности, заменяя его царство своим, в котором античность видела, наоборот, не столько стихию, сколько оформленный ум (см. ниже, «Титаны»). О Небе в некосмогоническом смысле см. «Эфир и Небо».*

Все основные *четыре античные стихии* трактовались космогонически чуть ли не во все времена. Вода играет колоссальную роль в античном сознании, как всепорождающее лоно. В мифической форме мы видели это уже у Гомера в Океане и Тефии («История», § 1 a—c, 4 a, b, 36 a). К этому прибавим еще некоторые резюмирующие тексты (§ 12 a—c), причем и в них некоторое колебание между Океаном как первичной

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.



Кадм и дракон Марса

стихией и Океаном как одним из Титанов. Об Океане в некосмогоническом смысле см. «Вода».*

Минуя Воздух, с которым мы встречались в космогонии Эпименида («История», § 23 a—b; сюда же, конечно, и Анаксимен и Диоген Аполлонийский, § 13 a, c), а также и Огонь (ярче всего, пожалуй, огненная космогония у Гераклита, § 13 c, d; Эмпедокл же пользуется всеми четырьмя стихиями, § 13 e), мы остановимся на Гее-Земле, которая из всех пяти античных стихий (если включить сюда — Эфир), по-видимому, наиболее выразительно персонифицирована. У Гесиода рассказано, как мы уже знаем, происхождение ее непосредственно из Хаоса («История», § 7), порождение ею (без мужа) Урана и порождение ею в браке с Ураном двенадцати Титанов, трех Киклопов и трех Сторуких (§ 8 a, b), а в дальнейшем (Theog. 233), в браке с Понтом, еще пяти морских божеств: Нерея, Фавманта, Форкия, Кето и Еврибии. Бросается в глаза двойственная роль Геи у Гесиода: она рождает Урана, откуда потом Кронос и Зевс, но она же вооружает Кроноса против Урана («История», § 9, Theog. 164 слл.), а рожденного ею Тифона — против Зевса («История», § 16, Theog. 820 слл.). Она же советует олимпийцам выбрать («История», § 17, Theog. 884) Зевса царем и владыкой, а Зевсу (ст. 891) проглотить его беременную супругу Метис, чтобы от нее не родился более сильный бог, чем он (и тогда из его головы родилась Афина, — см. «Зевс и Гера», § 7 a). Таким образом, Гея незримо руководит, в сущности, всем тео-космогоническим процессом. У Аполлодора (§ 14 h) Гея рождает сначала от Урана трех Сторуких и трех Киклопов, которых Уран отправляет в Тартар; за это, по наущению Геи, Титаны нападают на Урана, и из его крови появляются Эринии. Гея же предсказывает

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

Кроносу его судьбу, а Зевсу советует взять себе в сотрудники Киклопов и Сторуких. Далее, недовольная судьбой Титанов, она порождает («История», § 16) Гигантов с змеевидными ногами и потом еще Тифона (на этот раз от Тартара). После умерщвления Тифона Гея смиряется, и наступает ее вечный мир с богами. Роль Геи тут, очевидно, более последовательная: она определенный враг Зевса.

Если, далее, теогонии VI в. дают нам только нечто отрывочное (§ 15 b), то много интересного о Гее мы имеем у орфиков. Здесь она, как и Уран, отнюдь не есть всегда самое первое божество. Им, как мы знаем, предшествует Фанет. Но, с другой стороны, это есть и нечто предшествующее Фанету, поскольку Небо и Земля образуются здесь из половин расколовшегося Мирового яйца (откуда и Фанет). (Кроме приведенных выше текстов — «История», § 37 a, 42 a, 44 c и см. раньше, § 15 c—e). Полное понимание того, что такое Уран и Гея для античной мифологии, требует детального изучения толкования этих предметов у Procl. in Tim. proem. (III 162—199 D.) и Procl. in Theol. Plat. IV 5 и 20—22. Из этих текстов приводятся немногие (§ 16).

ЭФИР, ВОДА, ВОЗДУХ, ОГОНЬ

11. a) Hymn. Orph. V (Эфир)

Держишь ты высшее Зевса жилище незыблемой силой,
Звездам кладешь ты границу и Солнцу с Месяцем, дышишь
Пламенем, все укрощая, и трут для всего ты живого,
О высочайший Эфир, наилучшая мира стихия!
Отрасль блестящая, свет ты несешь и звездами сияешь, —
Быть умеренно ясным тебя умоляю призывно.

b) Procl. in Crat. 396 b, c (p. 60, 26 Pasqu.) (Умопостигаемое от Эфира до Фанета)

В самом деле, ясно, что сверхмирное место, и сущность бесцветная, безвидная и неосязаемая, и все умопостигаемое пространство, как говорит Платон [Tim. 31 a], объемлющее умопостигаемые живые существа, единую причину всего вечного и тайные начала всего этого, как сказали бы орфики, — вверху ограничивается Эфиром, а внизу — Фанетом, ибо всем, находящимся между ними, заполняется умопостигаемое устроение.

c) Chrysipp. ap. Philod. De piet. 80, 16 Gomp. (frg. 1078, 1081 SVF)

Во второй [книге «О богах»] — то, что приписывается Орфею и Мусею, и то, что у Гомера, Гесиода, Еврипида и других поэтов, как и Клеант (frg. 539 Am.), пытается сблизить их мнения. Именно, все есть Эфир [=Зевс], он же и отец и сын, как и в первой [книге] не противоречит одно другому, что Рея и мать Зевса, и дочь.

12. a) Eustath. ad Dionysium Perieget. 1 (GG II 217, 15) (Океан: основное о нем)

Всюду Океан обтекающий, в себя устремляющийся, т. е. возвращающийся, обходящий в виде круга и таким образом замыкающий в себе Землю, как и Орфей говорит в [поэме] о Зевсе и Гере:

Круг Океана, прекрасно-текущего без утомленья,
Землю что замыкает волнами, ее окружая, —

как об Океане, окружающем Землю.

b) Procl. in Tim. 40 c (III 178, 16 D.)

Ведь надо повсюду первичные чины ограничивать вторичными, так что не бессмысленно и поэты называют Океан тем, что отграничивает Землю.

Ср. Hymn. Orph. LXXXIII 3 («История», § 4 a).

c) Procl. in Tim. 40 e (III 176, 10 D.) (Диада Океана и Тефии есть воплощение в инобытии породительной диады чистого ума)

Из них проистекает вторая диада, Океан и Тефия, не по сочетанию для порождения бытия и не по какому-либо соединению того, что разлучено, и не по разделению, и не по какому-либо отсечению происшедшего потомства (все это, как рассуждают некоторые, богам чуждо), но по одному нераздельному единению и сплетению потенций, которое богословы обычно называют браком, ибо брак свойствен этому чину, как говорит богослов. Ведь первой невестой он называет Гею и первичным браком — соединение ее с Ураном, так как брак бывает не в наиболее соединенных (почему у Фанета и Ночи нет брака, поскольку они взаимно объединены умопостигаемо), но — в том, что обнаруживает вместе с объединением и разделение потенций и энергий. Вследствие этого Урану и Гее приличествует, по-видимому, брак, поскольку они отображают упомянутое Небо и упомянутую Землю. Имея, очевидно, это в виду, постановления афинян предписывали освящать браки [жертвою] Урану и Гее...

Ср. § 16, куда этот текст надо вставить.

d) Procl. in Crat. 402 b (83, 1 Pasqu.)

Говорится, что Океан вступил в брак с Тефией, Зевс — с Герой и тому подобное, как бы указывая на само общение, возникающее благодаря порождению малых предметов. В самом деле, у богословов называется браком согласное устроение богов и однородное совместное содействие в целях творения.

Ср. также Procl. in Tim. 41 d (III 248, 5 D.)

e) Procl. in Tim. 40 e (III 186, 7 D.) (Океан и Тефия ниже Кроноса)

Прочие же Титаны побуждаются к разделению и эманации. А предводительствует ими, как говорит богослов, величайший Кронос. И что Кронос выше Океана, показал богослов, говоря, что Кронос сам занимает небесный Олимп и, взойдя там на престол, царствует над Титанами, а Океан занимает всю среднюю часть. Ибо он обитает «в божественных струях» подле Олимпа и там окружает Небо, но не верхнее, как говорит миф, а упавшее с Олимпа и здесь установившееся.

13. a) Aristot. De an. II 2, 405 a 21 (51 A 20 D.) (Диоген Аполлонийский о Воздухе)

Диоген, как и некоторые другие, [говорит, что душа] есть воздух; последний, по его мнению, тоньше всех [тел] и есть начало всего. Поэтому душа познает и производит движение; она познает, поскольку [воздух]

есть первовещество и источник [всего] остального; поскольку же воздух есть самое тонкое вещество, она способна производить движение.

b) Simpl. in Phys. 151 (51 B 5 D.) Маковельский

И, по моему мнению, обладающее [силой] мышления [первовещество] есть то, что люди называют воздухом, и оно-то правит всеми [вещами] и господствует над всем. Это именно [первовещество], думается мне, есть бог; оно везде присутствует, все устраивает и во всем заключается. И нет ни одной [вещи], которая не участвовала бы в нем, причем ни одна вещь не участвует в нем в одинаковой мере с другой, но имеется много степеней самого воздуха и [связанной с ним] силы мышления. А именно, он [воздух] бывает разнообразным: более теплым и более холодным, более сухим и более влажным, более неподвижным и более быстро движущимся. Заключается в нем и много других различий и бесконечное вкусов и цветов [многообразие]. Душа всех животных [по существу] тождественна, а именно, она есть воздух, который более тепел, нежели тот внешний воздух, в котором мы находимся, однако много холодней воздух у солнца. Эта теплота не одинакова ни у одного из животных, точно так же и у людей между собой, но у всех она различна; однако это различие незначительно, так что все живые существа подобны. Тем не менее ни одна из изменяющихся вещей не может совершенно уподобиться другой, не став тождественной с ней вещью. Итак, поскольку изменение первовещества многообразно, то многоразличны также и живые существа, много их, и не сходен у них ни внешний вид, ни образ жизни, ни мышление вследствие множества превращений первовещества. И тем не менее одним и тем же первовеществом все они живут, видят и слышат, и остальное мышление они все имеют от того же самого единого первовещества.

c) Arist. Met. I 3, 984 a 7 (12 A 5 D.) (Гераклит об Огне)

...Анаксимен и Диоген ставят воздух раньше, нежели воду, и из простых тел его главным образом принимают за начало; Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса [выдвигают] огонь, Эмпедокл — [известные] четыре элемента к тем, которые были названы, на четвертом месте присоединяя Землю; элементы эти всегда пребывают, и возникновение для них обозначает только [появление] их в большом и малом числе в то время, когда они собираются [каждый] в одно и рассеиваются из одного.

d) Aet. Plac. I 7, 22 (12 A 8 D.)

Гераклит [учит], что вечный круговращающийся Огонь [есть бог], судьба же — Логос [разум], созидающий сущее из противоположных стремлений.

e) Empedocl. ap. Simpl. in Phys. 160 (О четырех стихиях)

См. «Афродита», § 10.

УРАН (НЕБО) И ГЕЯ (ЗЕМЛЯ)

14. a) Cornut. 1 (Уран-Небо)

Небо (ouranos), мальчик, охватывает кругом землю, море и все, что на земле и в море, и от этого получает данное наименование, будучи границей (ouros) всего и ограничивая природу. Некоторые утверждают, что оно называется небом оттого, что оно horein или horeyein, т. е. охраняет

Тритопатор

существующее, откуда происходят слова и «привратник» (thyroros) и «внимательная забота» (polyorein). Другие же производят этимологию этого слова от horasthai (смотреть вверх). Космосом же оно называется со всем, что оно охватывает, от прекраснейшего устроения. Некоторые из поэтов говорили, что оно — сын Акмона, прикровенно имея в виду неутомимость (acmeton) его кругообращения; или, предполагая, что оно неуничтожимо, устанавливали это при помощи этимологии; покойники, говорим мы, — те, кто потрудился (cecmecenai).

Сущность неба — огненная, как это видно по солнцу и другим звездам. Потому высшая часть космоса и названа Эфиром, от aithesthai (гореть, пылать). Иные же утверждают, что он получил такое название от вечного бега (aei thein), т. е. от быстрого движения с шумом. И звезды как бы непостоянны (astata), потому что они никогда не покоятся, но находятся в постоянном движении. По праву и боги получили название от theysis. Это прежде всего потому, что, по мнению древних, богов видят находящимися в непрерывном движении, полагая, что они являются причиной воздушных перемен и сохранения всего в целом виде. Но, пожалуй, боги являются еще «установителями» (theteres) и творцами того, что возникает.

b) Hymn. Orph. IV (Гимн Урану-Небу)

Всех породивший Уран, ты незыблемый вечно участок
Космоса, старший, начало всему и всему увенчанье.

Миродержавный, вращаешь, как мяч, ты окружье земное.
Дом блаженных богов, подвигаясь волчковым круженьем;
Всех оглядающий, страж — и земной и вместе эфирный.
Неизмеримая необходимость ты в сердце природы;
Синий, неукротимый, блестящий пестро, лучезарный,
Демон высокий, всевидец, родитель ты Крона блаженный,
Внемли мольбе, дай чистую жизнь посвященному мисту.

c) Alex. Aphr. in Met. XIV 1091 (4, 321, 19 Hayd.) (Первенство Урана)

После нее [т. е. Ночи] — Уран:
Первым царствовал он из богов, после матери Ночи.

d) Damasc. 257 (II 125, 24 Rue.)

Уран Орфея желает быть «блюстителем и стражем всех». Финикийцы и египтяне в этом чине помещают охрану.

Ср. Hymn. Orph. VI 5, § 14 b.

e) Procl. in Tim. 25 c, d (I 188, 24 D.)

Что и это содержит удивительное раскрытие устроения Всего, мы можем удостовериться, если припомним себе о так называемых у Орфея при окончании демиургии низвержениях в Тартар, ибо он, передав демиургическое противоположение олимпийских богов и Титанов, доводит [ср. in Tim. 24 e, I 174, 12] универсальное до крайних моментов Всего, давая и им возможность участвовать в непорочном промысле богов. Поэтому Платон, сознательно передавая универсальные предметы в образах, идет дальше и загоняет в неизвестность оба эти рода и в этом исчезновении подражает орфическому низвержению в Тартар.

f) Procl. in R. P. (I 93, 22 Kr.)

Ибо вообще [IL. XIV 203 слл. и II 781 слл.] под борьбой против Зевса он подразумевает войну Титанов и так называемые у орфиков низвержения в Тартар.

g) Damasc. 205 (II 88, 11 Rue.)

С подобающим различением, как и Орфей передает, всех мрачных родов и связанных на небе Уранидов.

Ср. Damasc. 400 (IL. 254, II 25 Rue.).

h) Apollod. I 1, 1—4 (Первые события)

(1) Первым начал царствовать над всем миром Уран. Вступивши в брак с Геей, он породил прежде всего так называемых Сторуких: Бриарея, Гиеса и Котта, которые сделались непреодолимыми благодаря росту и силе, имея каждый по сто рук и по пятидесяти голов. (2) После них Гея родила ему Киклопов: Арга, Стеропа и Бронта, из которых каждый имел один глаз на лице. Но их Уран заключил в оковы и бросил в Тартар (это есть мрачное место в Аиде, находящееся на таком же расстоянии от земли, на каком земля отстоит от неба); (3) затем в другой раз он порождает от Геи сыновей, так называемых Титанов: Океана, Коя, Гипериона, Крия, Иапета и самого младшего из всех них Кроноса, и дочерей, прозванных Титанидами: Тефию, Рею, Фемиду, Мнемосину, Фебу, Диону и Фейю. (4) Гея, в негодовании за гибель брошенных в

Тартар сыновей, убедила Титанов напасть на отца и дала Кроносу алмазный серп. Они, за исключением Океана, напали на него, и Кронос, отрезав у отца срамные части, бросил их в море. Из капель лившейся крови родились Эринии — Алекто, Тисифона и Мегера. Затем, лишив Урана власти, они вывели наверх заключенных в Тартар братьев и передали власть Кроносу.

i) Verg. Georg. II 325 сл. (Эфир и Земля)

Тут всемогущий отец, Эфир, изобильный дождями,
В лоно супруги своей счастливой нисходит...

j) Lucr. I 250 сл.

...Дожди исчезают, когда их низвергнет
С неба родитель Эфир на Земли материнское лоно.

к) Lucr. II 991—1001 (То же)

Семени мы, наконец, небесного все порожденья:
Общий родитель наш тот, от которого, мать всеблагая,
Все начинает Земля, дождевой орошенная влагой,
И порождает хлеба наливные и рощи густые.
И человеческий род и всяких зверей производит,
Всем доставляя им корм, которым они насыщаясь,
Все беззаботно живут и свое производят потомство.
Матери имя Земля справедливо поэтому носит.
Также все то, что Земля породила, уходит обратно
В землю, а что изошло из пределов Эфира, то снова
Все возвращается к ним, улетая в обители неба.

Ср. Aesch., frg. 44 («Эфир и Небо», § 1 а).

15. a) Hes. Theog.

Ст. 117—153. *Происхождение Геи и ее первые порождения* — «История», § 7, 8.
Ст. 154—181. Гея восстанавливает детей против Урана — «История», § 9.
Ст. 233—239. Дети Геи и Понта — «Вода».
Ст. 470 слл. Обращение Реи к Гее и Урану за советом для спасения будущего сына — «История», § 11.
Ст. 626 слл. Совет Геи Кроносу относительно Титанов — «История», § 14.
Ст. 820 слл. Рождение Геей Тифона — «История», § 16.
Ст. 833 сл. Новый совет Геи — «История», § 17.

b) Musaios ap. Paus. I 14, 3 (Гея родит от Океана Триптолема)

См. «История», § 21.
Ср. Pherecyd. ap. Apollod. I 5, 2 — «Деметра», § 7 а.
Ps.-Erat. Catast. 13 (Фемида — а не Гея — отнимает Зевса у Реи).
См. «Зевс и Гера», § 4 а.

c) L. Lyd. De mens. II 8, p. 25, 21 W. (Ночь, Гея и Уран — триада орфиков)

Всеми числами управляет триада, будучи принципом всех чрезмерно больших, нормальных и недостаточных чисел. И, по Орфею, произошло три первых принципа становления — Ночь, Земля и Небо — и три рода богов в становлении — небесных, земных и находящихся посредине между этими.

d) Diod. I 12, 4 (Гея = Деметра)

...Как и Орфей свидетельствует в таких словах:
Мать-Земля (Ge-Meter) всего, Деметра,
Податель богатства.

e) Hymn. Orph. XXVI (Общее о Гее, — гимн Гее)

Гея богиня, ты мать и богов благодатных и смертных,
Кормишь ты всех, одаряешь и рост завершаешь и губишь.
Цвет ты даешь и плоды, изобильная сменами года;
Мира бессмертного корень, обильная красками дева,
Носишь в утробе плоды многовидные, роды готовя;
Вечна, священна, широкая грудью, богатая долей,
Зелень приятную любишь ты, демон, обильный цветами,
Любишь дожди; вкруг тебя непрерывно теснится телами
Космос искусный светил, протекая потоком ужасным.
Но, блаженна богиня, плоды многорадостны даруй
И, благосклонная сердцем, пошли нам счастливое время.

16. Procl. in Tim. 292 f—295 b (III 171, 21—183, 6 D.) (Общая характеристика Урана, Геи, Океана и Тефии)

Подобно тому как этот вот весь мир, будучи весьма разнообразным, — по той, очевидно, причине, что он отобразил умозрительный строй видов (eidon), — содержит в себе эти две крайние области, Землю и Небо, последнее — в виде отца, а первую — в виде матери (именно вследствие этого Земля является и старейшей из находящихся внутри Неба богов, как сказал он [Plat. Tim. 40 c], показывая вместе с тем и то, что частичные причины являются не только слабее своих порождений, как Пения слабее Эрота, но что они порождают и сильнейшее в качестве только воспринимающих те порождения, которые эманируют из отцов; две же эти крайние области должны мыслиться и в мире: Небо — в качестве отца и Земля — в качестве матери общих их порождений, и все прочее приходит к этому, одно — восполняя небесное число и другое — восполняя целость Земли), — подобно этому и в каждой из мировых стихий нужно предполагать эти два принципа, Землю и Небо, воздушно — в воздухе, водяным образом — в воде, хтонически — в земле, и притом всеми указанными выше способами, чтобы и каждая стихия была совершенным миром, пребывая в устроении по соответственным принципам. Если даже человек зовется «малым миром», то как же гораздо раньше этого и каждая стихия не должна все иметь в родстве с собою, подобно тому как универсальный космос имеет это в родстве с собою в универсальном смысле? Вот почему, как я уверен, непосредственно вслед за рассуждением о Небе и Земле он и переходит к рассмотрению этих богов, создавая себе принцип из Земли и Неба. Соответственно с теми эманируют и эти, но те — в универсальном смысле, в качестве виновников всего ныне выводимого, а эти — *по аналогии с теми*, т. е. по аналогии с универсальным Небом, с универсальной Землей и совершенно с каждой из стихий (соответственно ее положению), — или, как мы сказали, воздушно, или водяно, или земляно. В Земле находится Небо, а в Небе — Земля; и там Небо существует земляным образом, а здесь Земля — небесным образом. Так Орфей [frg. 93 K.] назвал Луну небесной Землей; и этому не следует удивляться, — как, мол, Небо в Земле?!

Триптолем в крылатой колеснице

(173, 7 слл.) Именно, я знаю, из истолкователей — одни говорили, что эта Земля — *твердая*; другие — что она для становящегося предоставлена в чине *материи*; третьи видели в ней *умопостигаемую материю*; четвертые — *потенцию ума*; пятые — *жизнь*; шестые — *бестелесную форму* (eidos), изолированную от земли; седьмые предполагают, что она есть душа, восьмые — ум. Точно так же и Небо — одни считают тем, что *является*; другие — *движением вокруг центра*; третьи — *потенцией*, стройно эманирующей вместе *с движением*; четвертые — *имеющим ум*; пятые — *чистым* и *изолированным умом*; шестые — *природой* [сущностью] *круговращения*; седьмые — *душой*; восьмые — *умом* [просто]. Известно также, божественный Ямвлих считал, что Земля — это устойчивое и неподвижное Всё, как с точки зрения сущности [субстанций] внутримировых богов и с точки зрения [их] деятельности, так и с точки зрения вечного круговращения и круговращения, охватывающего сильнейшие потенции и универсальные жизни; Небо же — это эманирующая из демиурга демиургическая энергия, универсальная, совершенная, преисполненная собственной потенцией и существующая вокруг [относительно] демиурга, будучи пределом для себя самой и для универсального. Могу привести еще удивительного *Феодора*, который устанавливает обе эти потенции в *первой по образованию* (cata schesin) *жизни*. Именно в жизни Мировой души по ее образованию, — а при помощи этой жизни она снова приходит к себе самой, к первоисточной душе вместе с инаковостью, — непосредственно созерцаются три состояния целостного характера (syn holoteti): первое возникает из обеих цельностей и обладает цельностью до частей, которая, будучи универсальной, и приходит к первоисточной универсальной; второе охраняет первоисточную универсальную цельность, но в то же время дробит себя самого и обладает цельностью из частей; третье же состояние дробит первоисточную цельность, себя же охраняет в качестве универсальной. *К числу этих трех в первом и относятся Земля и Небо*. Материальное в первом называется Землей (древние богословы этим именем называли материю). Небом же называется самый тот Ум, поскольку он определяет самое дальнее от первого по образованию и поскольку он устанавливает это вот Небо путем собственного образования. Так же, надо полагать, то отношение, в котором находится наша душа к этому, охраняет и тело. Учитывая это, я полагаю, что учений нашего наставника надо держаться, как безопасного убеждения. Благодаря ему мы избегнем худых мнений и, с другой стороны, последуем чистейшим взглядам Ямвлиха.

(174, 17). Прежде всего, напомним нас самих относительно рассуждения о подлунных богах и относительно того, что все они — везде и что они эманируют в соответствии с умопостигаемо-умозрительными царями.

Затем, уверившись в этом таким образом, мы скажем, что подобно тому, как первичное Небо есть граница умозрительного и непрерывный носитель меры, идущей как от самого [Блага — добавка Diehl], так и от умопостигаемых богов, в устроении умозрительного, таким же образом и это [чувственное] Небо есть *граница богов, творящих становление*, и носитель, охватывающий в одном пределе демиургическую меру, которая эманирует из небесных богов к тем, что получили в удел становление, и связывающий их с небесным водительством богов. Аналогично, как демиург относится к самому Благу, так и единая божественность этого Неба относится к Небу умозрительному. Значит, как там при посредстве Неба из Блага исходят мера и предел ко всему умозрительному, так, очевидно, и здесь исходит граница от демиурга и вершины мировых [богов] к богам, творящим становление и сильнейшим родом, т. е. от центра, охватывающего в себе это вот Небо. Этот чин и получило в удел повсюду эманирующее Небо, в одном месте объединенно и тайно, в другом — явно и раздельно. В одном месте оно приносит границу душам, в другом — произведениям природы, еще в иных местах — разному по-разному. И первично — в воздухе, в чинах воды — вторично и крайним способом — в земле и в произведениях земли. Существуют и комбинации этого. Ведь божественный способ является чужим в воздухе, а демонический — на земле. В одном месте один и тот же способ содержится в различных чинах; в другом разные способы — в одном и том же уделе. Вот что можно сказать о значении Неба.

Обратившись после этого к Земле и пригласивши ее поучаствовать в наших о ней рассуждениях, мы снова на основании ее первого выражения дадим ее определение. А именно, появившись в средних триадах умозрительных богов, оно [первое выражение Земли] вместе с Небом, охватывающим универсальных умозрительных богов, и аналогично ему эманирует к Земле умопостигаемой. Ее мы и находим в качестве первичной из умозрительных триад, а также и то, что *в жизнеродительных чинах она уподобляется первой беспредельности*. «Приемлющее лоно» же относится к божественности, порождающей Небо; и средний центр — к его отчей благости, согласуясь с ним и будучи потенцией, в то время как он — отец. В соответствии с этим и в подлунном мире Земля предуставлена в *качестве породительной потенции Неба*, выявляя его отчий, определительный, измерительный и держательный промысл, п*ростираясь на всё в качестве породительных [потенций] и порождая всю беспредельность подлунного*, подобно тому как Небо создает разряд предела, доставляя границу и предел для вторичного. Ведь граница и предел определяют наличное бытие каждой вещи. А в соответствии с ним обстоят и демоны, и боги, и души, и тела; и оно единит то, что подражает единой единице универсального. Беспредельность же делает множественными потенции каждой вещи. Значителен предел во всем подлунном; но значительно и беспредельное, когда оно распространяется на все через бога и после богов. Таким образом, мы имеем эти два чина, обладающие способностью порождать божественные или демонические эманации во всех родах и во всех стихиях и их единое царство, так сказать в умозрительном.

Из них проистекает вторая диада... [Далее следует текст, приведенный в § 12 с, об Океане и Тефии]. Имея, очевидно, это в виду, постановления

Дары Сатурну, богу посевов

афинян предписывали освящать браки [жертвою] Урану и Гее; и также имея это в виду, в Элевсинских таинствах взиравшие на Небо кричали: «О сын!», взиравшие же на Землю кричали: «О родительница!» При этом все узнавали, что рождение происходит благодаря им — как отцу и матери. Следовательно, соответственно этому единению, т. е. единению после различения, через близость их самих выводят Океан и Тефию — скорее же не просто их в тех, но еще раньше их две монады, две триады и двойные гебдомады. Среди них и находятся Океан и Тефия. При этом монады остаются вместе с триадами у отца. Из гебдомад же Океан с Тефией и остается и эманирует. Прочие же эманировали в другое божественное устроение. Так происходит это там. Здесь же тех богов, которые совершенно остались у отца, рассуждение опускает. Но оно передает о тех, которые одновременно и эманировали, и остались. Ввиду этого последующее рассуждение относится к богам, *творящим становление* (genesioyrgon).

У них своя собственная эманация, движение, инаковость и сопряжение женского с мужским, чтобы произошло и становление и устроение материи, которая упорядочивается видами и сплетает инаковость с тождеством. Поэтому она с самого начала произошла из диады, эманировала при ее помощи и в эманации обратилась к себе самой (ведь диада приличествует материальному, как об этом много раз напоминалось, подобно тому как и инаковость — ввиду раздробления видов в связи с материей); и говорящий о диаде тоже начал с Земли. Это — ближе всего к генесиургическим произведениям. Но каковы же те боги, которые одновременно и остаются у виновников, и эманируют из них?

(177, 24) Океан одни называют *телесной сущностью*, другие — быстро (oceos) *свершающей природой*, третьи — *движением жидкой сущности*, четвертые — *Эфиром*, ввиду быстроты движения, пятые — *умопостигаемой глубиной жизни-в-себе*. Божественный Ямвлих определяет его как серединную движущую причину, притом божественную, с которой первично общаются средние души, жизни и мышления, равно как и деятельные природы и пневматические из стихий, вроде воздуха или огня. Тефию же одни называют *сущностью жидкой-в-себе*, другие же — *многопеременчивой природой*, третьи — *благоустройством* Всего. Божественный же Ямвлих предположил, что она — это творческое устроение... деятельное установление в действии. В ней участвуют устойчивые мышления, души, природы, потенции и, кроме того, некоторые твердые места, уготовляющие седалище для стихий, или для Земли и Воды. Вот что говорят они. Что же касается Феодора, то из вышеупомянутой первич-

ной триады в связи с одушевлением в образовании в пределах первого, т. е., очевидно, из этого целого, которое предшествует частям, он оставляет в стороне и Землю и Небо, последнее — как умозрительное, первую же — как материальную; из прочего же он называет второе, как целое, состоящее из частей, Океаном, а третье, в смысле цельности [самих] частей, Тефией.

(178, 13) Что касается нас, то мы снова возьмемся за наши принципы и скажем, что причины этих предметов существуют и в умозрительном, и существуют они в этом [чувственном] мире. Ведь надо повсюду первичные чины отделять от вторичных, так что не бессмысленно и поэты называют Океан тем, что *определяет* Землю. Этот вот Океан, о котором теперь речь, есть *виновник движения, эманации и потенции, наделяющий умозрительные жизни их расцветом и плодородным обилием*, души — остротой в их деятельных актах и чистотой в их порождениях, тела — удобоподвижностью. Он есть то, что в богах доставляет подвижную и промыслительную причину, в ангелах — объявляющую и умозрительную остроту, в демонах же, в свою очередь, деятельную потенцию, в героях же он — водитель жизни с великими делами и жизни расцветающей. При этом он является в каждой стихии специфично. Он — воздушный виновник всякой перемены в воздушных явлениях и в круговороте небесных тел, как об этом говорит и Аристотель [Meteor. I 9, 347 a 6 слл.]. В смысле же воды он — основа плодородия, удобоподвижности и разнообразных потенций. Из него ведь, согласно поэзии [IL. XXI 196], «всякий источник и всякое море». В смысле земли он — творец порождающего и различительного совершенства форм (eidon) возникновения и уничтожения. Он — их разграничитель, если считать, что некоторые хтонические чины жизнеродительны и демиургичны. И если потенции, в отношении земли объединительные, стоят во главе смысловых форм (logon) и порождения, то и для них он — возбудитель, размножатель и вызыватель к движению.

Тефию же, как показывает самое имя, достойно считать старейшей из богов и прародительницей, подобно тому как Рею — матерью. Ведь богослов называет и другую богиню раньше ее, Майю:

Майя, богов высочайшая, Ночь бессмертная, как мне...

[См. § 9 g.]

Как этимологизировал Платон [Crat. 402 c, d], ее можно было бы назвать первоисточной богиней. Ведь ее именем обозначается непорочность, чистота и избранность. Ведь если Океан, как ясно, все творит и изводит все движения (откуда он и зовется «рождением богов»), то Тефия расчленяет его единичную причину движений на движения перводейственные и вторично-действенные, на основании чего она имеет, по его словам, наименование от «просевания» (diattan) и «процеживания» (diethein). Сам он говорит в «Софисте» [226 b, c], что эти имена — различительные, вроде «чесания шерсти» (xainein) и тканья (cercidzein), вследствие чего если Океан порождает собранно всякое движение, божественное, мыслительное, психическое, физическое, то Тефия, обладающая способностью расчленять внутренние и внешние движения, зовется именно Тефией, поскольку она просевает и отцеживает материальные движения от нематериальных. Ведь на самом же деле различительная способ-

ность приличествует женскому началу, а единящая — мужскому. Подобное об этом, надо полагать, говорит Платон в «Кратиле» [указ. место], он сказал ясно. Но как преподал божественный Ямвлих, ее нужно определять как водительницу полагания [на месте] и устойчивого состояния. Как можно было бы сказать в качестве резюме всего этого, ее надо считать *причиной покоя, положения и утвержденности эманирующих вовне движений*. Говоря кратко, Океан есть виновник всякого движения, мыслительного, психического и физического, для всего вторичного; Тефия же — *виновник всякого различения эманирующих из Океана каналов*, дающая каждой вещи специфическую чистоту выпадающего на ее долю по природе движения, благодаря каковой чистоте каждая вещь хотя и движет себя самое и другое, но все же движет различно. Богословы показывают, что Океан — водитель всяческого движения, говоря, что он высылает *десять каналов*, из которых девять впадают в море. Вот почему из движений — девять телесных и только одно принадлежит изолированной от тел сущности, — как мы читали в «Законах» [X 894 c, d]. То из божественного, что они совместно порождают, величайший Океан пробуждает к движению и превращает это в деятельность, Тефия же отделяет от порождаемого чистое, охраняя породительные причины и утверждая их в старейших актах из эманирующего. Это да будет сказано о них в отдельности.

Поскольку же их порождение, как мы сказали [§ 12 c], совершается от первичных Неба и Земли не по такому сочетанию, как в области чувственного, и не по такому единению, какое в умопостигаемом мы созерцали в отношении Ночи и Фанета, то вполне достоверно, что и порождаемое ими как находится во взаимном различии по аналогии с порождающим, так и оба восприняли взаимное подобие. Именно, Океан в качестве мужчины уподобляется отчей причине, а Тефия в качестве женщины — причине рождающей; в качестве же рождающей она создает устроение для творчества тому, что изводит, в их собственных жизнях. Ведь мужское аналогично монадическому, а женское — диадическому; и одному аналогично устойчивое, другому — подвижное. Поэтому диада, эманируя из диады и всею самой уподобляясь породившей ее диаде, определяет и свойственные ей причины, и всякое последующее за ней число, чтобы мы повсюду приписывали определительное начало чину Океана и Тефии. Ввиду этого говорили и о многих Океанах, поскольку мы находим многовидным и чин богов этой определительной божественности. Но это пусть будет так...

Д. МИРОВОЕ ЯЙЦО И ЕГО ПЕРВОЕ ПОРОЖДЕНИЕ (ФАНЕТ)

В порядке конкретизации мы уже перешли от бесформенных стихий к их частичному оформлению (в виде Урана и Геи). Однако, если у Гесиода («История», § 7 и 8) Гея из Хаоса, а Уран от Геи появляются без всякого посредства, то в других системах этому предшествует очень интересное мифологическое образование — *Мировое яйцо*, из распадения которого

впервые только еще возникают Уран и Гея. Это серебряное Яйцо снес в Эфире Хронос (см. «История», § 44). Яркую натуралистическую картину созревания Хаоса стихий до степени Яйца и образования реального мира из этого разбившегося Яйца мы находим в псевдо-Климентинах (§ 17). Эта картина развертывается вполне в рамках теологии Иеронима и Гелланика. Но самое замечательное во всем античном мифе о Мировом яйце — это появление из Яйца загадочного существа, носящего много разных имен, но преимущественно *Фанета, Эрикепая, Метиа* и *Протогона*. Необходимо отдать себе полный отчет в значимости этого мифа, потому что для этого существует довольно обширный материал, кстати, представленный у нас довольно полно.

Общие черты этого «умопостигаемого» чудовища обрисованы у нас текстами в «Истории», § 45. Эти черты необходимо сейчас систематизировать. Прежде всего, о *внешнем виде* Фанета («История», § 45 i, j, k) следует заметить, что Фанет имеет много голов: барана, быка, льва, дракона; он — безглазый и без ушей; он — андрогин, имея детородный член сзади; у него золотые крылья, при помощи которых он летает туда и сюда. На небе едет он на конях. Имея в виду разделение на «умопостигаемое» и «умозрительное» (см. примеч. 21 к «Истории»), источники (§ 18 a) видят в Фанете что-то слепое, похожее на Эрота. Отсюда и его противопоставление Демиургу: первый — «умопостигаем», второй — «умозрителен» (§ 18 c), так что первый — «семя» для всех богов и есть их *единичный первообраз* (§ 19 a, b), второй же *раскрывает его во множестве*, являясь поэтому, с одной стороны, *тождественным* с ним, а с другой — *различным* (с ним (§ 19 b); первый — свет формы, второй изводит этот свет на инобытие, которое есть уже не *свет*, но *освещенное* (§ 20 a, b). Очень важно отношение Фанета к Ночи. Ночь вообще присутствует везде, являясь везде *принципом безразличной инаковости*. Однако совершенно понятно, почему Фанет находится с нею в специфическом взаимоотношении: он ведь есть первичная световая форма сущего и потому особенно ярко противостоит всякой темной бесформенности. Он раньше Ночи и впервые ее порождает (§ 21 b, c), он же и лишает ее невинности (§ 21 b), — конечно, потому, что делает ее из нетронуто-бесформенной <... >

ОБЩЕЕ

17. Apion ap. Clem. Rom. Homil. VI 5—8, 12 (2, 200 Migne) (Натуралистическая картина Мирового яйца)

(5) Кронос мне представляется временем (chronos), а Рея — текучестью (to reon) жидкой сущности, потому что вся материя, носимая во времени, породила, наподобие яйца, шаровидное всеохватывающее Небо. С самого начала это Яйцо было полно живительным содержимым, чтобы быть в состоянии породить разнообразные элементы и цвета. И вообще из одной сущности и из одного цвета оно создало разнообразную картину (phantasian). Именно, как в зародыше павлина хотя и содержится один цвет яйца, в потенции же он содержит в себе бесчисленное количество цветов для соответствующего проявления в будущем, так и порожденное из беспредельной материи одушевленное Яйцо, находясь в

*Голова Гелиоса.
Серебряная тетрадрахма*

движении благодаря лежащей под ним и вечно текущей материи, выявило самые разнообразные способы [своего существования]. А именно, изнутри этого тела образуется некое *муже-женское живое существо* промыслом живущего в нем божественного дыхания. Его Орфей называет Фанетом, потому что с его появлением (phanentos) Всё из него воссияло лучами самого великолепного из элементов, огня, образовавшегося во влаге. И не невероятно, что ради примера Природа на светляках дала нам возможность видеть этот влажный [жидкий] свет. (6) Итак, Яйцо в его первоначальном составе, подогретое внутренней жизнью, ломается. Затем оно выходит наружу в качестве оформленного. Нечто подобное говорит и Орфей: «Когда сломалось древко... многопоместительного Яйца...»[3] И таким образом, благодаря великой силе того, что появилось с выходом наружу, округлое тело получает гармонию и удерживает свой распорядок. Сам же он [Фанет] восседает на небе как на вершине горы и в несказанных областях освещает беспредельную вечность. Та же плодородная материя, которая осталась внутри округлого тела, производит разделение сущностей всего, наподобие теплоты, которая по истечении долгого времени начинает варить находящийся здесь до того материал. Более низкая ее область вследствие своей тяжести сначала отошла вниз, наподобие осадка. А это — ввиду притяжения, тяжеловесности и большого множества находящейся здесь сущности — они объявили Плутоном, утверждая, что он — царь Аида и мертвых. (7). Они утверждают, что эта первая многообразная, мутная, быстронесущаяся сущность была поглощена Кроносом-Временем в физическом смысле, ввиду ее отступления вниз. Воду, которая стеклась после первого осаждения и выступила на поверхности первой субстанции, они объявили Посейдоном. Оставшееся же третье, чистейшее и высочайшее (ибо это — прозрачный огонь), они назвали Зевсом — ввиду кипящей (zeoysan) в нем природы. Именно, будучи невыносимым для низшего, огонь этот не был поглощен Временем-Кроносом, но, как я сказал, огненная сущность, исполненная жизни и для него невыносимая, поднялась к самому воздуху, который и разумнее всего ввиду своей чистоты. Итак, Зевс, т. е. кипящая сущность, ввиду собственной теплоты поднимает вверх оставшийся внизу самый сухой, божественный дух. Это они называли *Метисом*. (8) Пройдя же по вершине самого эфира и будучи им поглощен как влага, смешанная с теплом, а также производя вечно движущееся колебание, он рождает понимание, которое они и называют Палладой (от pallesthai — «колебаться»), являющейся наиболее художественным разумением. Пользуясь им, эфирный художник соорудил весь мир. От самого распростертого Зевса, эфирной теплоты, до здешних мест проходит воздух, который они назвали Герою. И вследствие того, что она, как известно, находится ниже чистейшей сущности эфира, она естественно была сочтена сестрой Зевса, возникши из той же самой сущности... (12) И я [Климент] ответил: предоставляю теперь точно говорить о том, что из случайного смешения беспредельной материи родилось одушевленное Яйцо и что, по иным, когда оно раскололось, из него выскочило муже-женское [су-

щество] Фанет. Все это я сокращаю вплоть до того времени, когда расколовшаяся округлость восприняла гармонию, оставивши после себя мозговидную материю.

Ср. аналогичную картину в «Истории», § 41.

ФАНЕТ, ЭРОТ И ДЕМИУРГ

18. a) Procl. in Tim. 33 c (II 85, 23 D.) (Фанет, или Эрот, «безглазый»)

Стало быть, он не нуждается ни в глазах для зрения, ни в ушах для слышания. И он имеет это безглазие по образу умопостигаемого бога, которому уподобляется. Ведь об этом безглазом Эроте говорит Орфей:

Быстрой любовью слепой чрез мысли он управляет.

Таким образом, Все, очевидно, связано Эротом с предшествующим ему, он созерцает красоту, существующую в этом предшествующем, через свою собственную красоту, а эту последнюю — не путем дробимых чувственных восприятий.

b) Procl. in Alcib. 103 a (p. 376, 10 Cous.)

Мне кажется, и Платон, найдя, что у Орфея один и тот же бог называется и Эротом и Великим демоном, воспел и сам такой гимн Эроту. Ведь богослов, говоря об умопостигаемом уме, называет его «нежным Эротом» и «безрассудным Метисом» [Советом] и затем говорит:

Демон великий, всегда по следам гоняясь за ними...

c) Procl. in Tim. 39 e (III 101, 9 D.) (Отличие Фанета как умопостигаемого от Демиурга как умозрительного)

Поэтому и Орфей назвал этого бога Фанетом, как выявляющего умопостигаемые единичности, и придал ему звериные формы, так как в нем проявилась *первичная причина умопостигаемых живых* существ, и придал ему многовидные идеи (ideas) как первично содержащему умопостигаемые идеи, и величал его cleida nooy [«ключом ума»]. Он сказал, что это — «ключ ума», потому что он определяет всю умопостигаемую сущность и содержит умозрительную жизнь. Следовательно, через этого столь великого бога Демиург связан во всем, будучи и сам умом, как мы сказали выше, но умом умозрительным, являющимся преимущественно основанием ума. Поэтому и говорится, что живое-в-себе существо видит. Ведь зрение свойственно *умозрительным богам*, тогда как *умопостигаемый ум* богослов назвал *безглазым*. Он говорит об этом уме: «Быстрой... управляет» [§ 18 a], т. е. ему свойственно и умопостигаемое действие. Демиург, будучи умом, не принадлежит к тому, что [только еще] участвует [в уме], — чтобы быть Демиургом Всего и чтобы иметь возможность взирать на живое-в-себе существо. Не будучи предметом участия, он является умозрительным умом по существу и соединяется с умопостигаемым при помощи простого мышления, а через разнообразное мышление он стремится к порождению вторичного. Это его мышление данное рассуждение именует видением, как происходящее через простое мышление и эманирующее к возникновению демиургических дел. И Платон сказал, что он [Демиург] взирает на живое-в-себе существо, а Орфей говорит, что он нападает и поглощает, впрочем — по

указанию Ночи, потому что ею, которая одновременно умопостигаема и умозрительна, связывается умозрительный ум с умопостигаемым.

19. a) Стихи, составленные на основании последующих сообщений Прокла и Дамаския (Фанет = Метис = Протогон и его отношение к демиургии)

...Чтимого бога (daimona);
Славный Совет, богов носящий семя, Фанетом
Первородным прозвали блаженные боги Олимпа.

b) Procl. in Tim 31 (I 451, 6 D.)

Стало быть, постоянно демиургическая причина уподобляется первообразной и эманирует во множество из умопостигаемого единства. Так и в другом. А что живое-в-себе существо довольствуется единственностью (monoteti) [еще до всякой эманации], это выясняется через орфическое богословие, потому что при помощи Яйца бог, очевидно, зачинает живое существо от самого себя. Однако [Орфей] называет его так:

...Чтимого бога;
Славный Совет, богов носящий семя...

c) Procl. in Crat. 391 d, e (p. 32, 29 Pasqu.)

Поэтому и всякое таинство восходит до этого чина, действуя теургически, поскольку и Орфей говорит, что этот чин был первым назван по имени другими богами. Ибо происходящий от него свет показал его познаваемым и именуемым для умозрительного. Он говорит так: «Славный... Олимпа» [§ 19 a]. Но у богов понятие, именование и мышление составляют одно; и оба они существуют у богов вследствие соучастия в свете, который испускает для всех величайший Фанет.

d) Ibid., p. 33, 20

Итак, существуют некоторые постоянные имена у богов, которыми младшие зовут старших, как говорит о Фанете Орфей.

e) Damasc. 111 (I 286, 15 Rue.) (Первородный бог)

Если же упоминаемый у Орфея «первородный» бог, носящий семя всех богов, выскочил и возник из Яйца, то какой смысл называть сущее Яйцом, а возникшего из сущего воспевать как первородного бога? Какой имеет смысл предполагать двоякими сущности, а равно и жизни (а если не так, то [двоякими] умы и души), одни — как не являющиеся предметом участия [со стороны инобытия], другие же — [Яйцо] — как являющиеся таковыми, в противоположность же этому все единичности (henadas) [богов в семени Фанета=Метис — только] в качестве предмета участия, в то время как им особенно подобало бы быть лишенными участия [со стороны всего иного].

f) Procl. in Tim. 29 a, b (1 336, 15 D.) (Разные способы понимания взаимоотношения Фанета и Демиурга)

Он же [Метис=Совет] совместно именуется Дионисом, Фанетом и Эрикепаем. Стало быть, все начала взаимно наделяют друг друга и находятся во взаимообщении, так что говорящий, что Демиург в самом себе заключает первообраз, говорит относительно правильно, подобно тому, как построяет божественный Ямвлих и тот, кто называет первообраз Демиургом

(а это делает славный Амелий). Ямвлих видел в первообразе предшествующее демиургическое свойство, потому что здесь — первичный Зевс, и потому он делал Фанета демиургом. А Амелий видел в Демиурге первообраз, потому что в нем поглощен Метис-Совет. Поэтому он привел к тождеству демиургическую и первообразную причины.

20. a) Damasc. 133 (II 12, 9 Rue.) (Фанет — умопостигаемый первообраз)

Следовательно, первообраз является умопостигаемым, и первичное соразмерно с мышлением. Поэтому он и есть вид (eidos), и он самый прекрасный из мыслимого, не потому, что первичен, но потому, что особенно ясен и ярко сияет и выявляет Фанета:

Был отражением он бессмертного тела Фанета, —

как говорит Орфей.

Ср. то же у Herm. in Phaedr. 247 c (p. 148, 25 Couvr.) в § 9 е.

b) Procl. Plat. Theol. III 21 (p. 161, 46)

Ибо это яснее всего из умопостигаемого, — умопостигаемый ум и блистающий умопостигаемый свет, который своим появлением изумляет умозрительных богов и заставляет их удивляться отцу [Эфиру], как утверждает Орфей.

c) Damasc. 113 (I 291, 18 Rue.) (Фанет и созерцание)

Ведь богослов эллинов Орфей впервые представил Фанета созерцаемым богами, в особенности умозрительными, к числу коих принадлежит и Демиург. И боги, сообщавшие нам эти многоценные изречения, передали нам, что первичные триады есть эти умопостигаемые, относительно которых они извещают, что умозрительные боги знают сверхмирную бездну как мыслящую [4].

d) Procl. in Tim. 39 b (III 82, 31 D.)

Стало быть, мы будем смотреть на Солнце двояко — и как на одну из семи [планет], и как на Вождя Всего [универса], т. е. и как на мирового, и как на сверхмирного, соответственно с чем и божественный свет в качестве блага освещает ту истину, которая приводит к обожествлению умопостигаемые и умозрительные структуры, подобно тому как Фанет у Орфея испускает *умопостигаемый* свет, наполняющий мышлением умозрительных богов, подобно тому как Зевс возжигает *умозрительный* и демиургический свет на всех сверхмирных [богов].

Ср. Procl. in Tim. 30 c, d (I 428, 9 D.)

ФАНЕТ И НОЧЬ

e) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 148, 25 Couvr.) (Исключительная доступность Фанета Ночи, — только Ночи доступен Фанет во всей своей глубине)

И прежде всего освещается божественным светом Фанета Небо. Ведь он [Орфей] говорит, что Ночь пребывает в единении с ним [Фанетом]:

Первородного лик никто не видел очами,
Кроме одной только Ночи священной. Все же другие

Изумились, в Эфире нежданный свет усмотревши.
Был отражением он бессмертного тела Фанета.

11. a) Damasc. 189 (II 65, 14) (Фанет оформляет надмирную бездну)

Эту беспредельность боги, как известно, прозвали надмирной бездной: «Надмирную отческую бездну познайте, размыслив...» [Kroll. De or. Chald. 18]. И еще — эллинский богослов, утверждающий, что Фанет изливает невыразимый дождь с своего крайнего верха.

b) Procl. in Tim. 31 a (I 450, 22 D.) (Лишение ночной Бездны ее невинности)

Фанет и эманирует как один, и воспевается сразу как женщина и как мужчина. Он изводит Ночи и находится среди них как отец:

У своей дщери родной он цвет невинности отнял.

c) Damasc. 244 (II 115. 24 Rue.)

В самом деле, против четвертого [положения] легко возразить, потому что после умопостигаемого и лишенного различий единения должно было проявиться некое определенное различение эманирующего, вводимое числом, и после этого должна была появиться [уже такая] непрерывность определяемого, которая, не уничтожая эманации (на том [только] основании, что она есть единение), однако бы делала непрерывным и приводила различенное во взаимную связь, чтобы и в различении оно явилось как-то объединенным. И это — мужеский пол, поскольку оно пребывает в различении. А перед тем оно — женский, будучи женским не этого [чувственного] мужеского, но — умопостигаемого мужа и отца:

У своей дщери родной он цвет невинности отнял...

И поэтому его порождения изводят и другое устройство [бытия], как, например, Гея — детей Урана, Рея — детей Кроноса, Гера — детей Зевса.

d) Damasc. 202 (II 84, 28 Rue.) (Ночь — от Фанета)

Поэтому и у Орфея другие поколения от матери и отца, а первая из матерей от одного только отца происходит, как монада от монады.

e) Damasc. 209 (II 92, 22 Rue.)

Еще Орфей дает в жены мужчине Фанету Ночь. Еще и изречения Оракулов [Kroll. De or. Chald. 18] называют iyggas [5] — «отцовскими потенциями». И боги, как и Орфей, наставляют, что они имеют отцовское качество, если только владычествует одна из женщин, Ночь. Именно, она не владычествовала бы над всеми поколениями, если бы сама по себе не имела ничего мужского и таким образом не соединялась с мужчинами-царями. Ведь нигде женский пол не предшествует как женский.

Голова Гелиоса. Родос

f) Procl. in Tim. E proem. (III 169, 15 D.) (Фанет и Ночь — умопостигаемый образ и многих других антитез: Неба и Земли, Солнца и Луны, тождества и различия, мужского и женского пола)

Итак, некоторые говорят, что он предоставил [нам] исследовать тех, которые соответствуют двум царям на небе, т. е. Фанету и Ночи. Именно, надлежит, чтобы они творили в высшем чине и в мировых типах, почему они и главенствуют еще до мира над умозрительными богами, вечно пребывая в *неприступности* (adyto) *самого Фанета,* как говорит Орфей, который называет неприступностью этот их тайный и невыразимый чин. Поэтому, если кто-нибудь захочет применить к ним аналогию круга тождества и круга различия [платоновского «Тимея»], имея в виду мужской и женский пол, или отцовское и рождающее начала, тот не погрешит против истины. [То же будет, если он сопоставит с этим] Солнце и Луну, как противоположные среди планет: Солнце уподобится Фанету, а Луна — Ночи. Если это правда, то, как мне кажется, утвердивший единого Демиурга Всего [универса] соответственно отцу Фанету [выставит] его умозрительным... ибо из этой совмещенности [очевидно, Фанета и Ночи] можно вывести рождение [или число] миров, говорит богослов [6] (как этот [Платон выводит его] от Урана и Геи), — а жизнеродительную Чашу он утвердит соответственно Ночи, выводящей вместе с Фанетом всякую жизнь из неявленного, поскольку Чаша рождает всякую душу для пребывающих в мире. Именно, лучше то и другое мыслить до мира и лучше самого Демиурга привести в соответствие с Фанетом (поскольку последний, говорит, подобен Фанету по творчеству Всего), а соединенную с ним, рождающую Всё потенцию — с Ночью (невидимо производящей Всё от отца), а после них уже говорить об остальных царствах как об устроенных аналогично этим умозрительным [царствам]. А если мы станем доискиваться и до того, почему он определен, но не привел двух аналогичных царств [и в инобытии], то вернее будет сказать, что и их имеет учение Орфея... которым он воспевает в качестве первого царство Урана и Геи — более привычное для эллина, как говорит и сам он [Платон] в «Кратиле» [396 c]...

g) Procl. in Parm. 134 c (p. 965, 10 Cous.)

При этих умопостигаемых видах [формах] истинно, что ни они не имеют силы относительно нас, ни мы относительно их, ибо они нам неизвестны и превышают наше мышление, будучи скрыты в *неприступности отца* и, как говорит богослов, известны только непосредственному после них чину богов.

ДРУГИЕ АСПЕКТЫ

22. a) Lact. Inst. divin. I 5, 13—14, p. 15, 18 Br. (Творение мира)

Также Овидий в начале знаменитого произведения (Met. I 21), не скрывая имени, признает, что *мир устроен богом,* которого он называет творцом мира и виновником сущего. Поэтому, будь то Орфей или наши [поэты] (если бы они постоянно защищали то, что узнали под руководством природы), они, поняв истину, следовали бы тому же самому учению, которому следуем и мы.

b) Lact. Epit. 3 (p. 678, 14 Br.)

Орфей называет главным богом того, кто сотворил небо и солнце с остальными звездами, землю и моря.

23. *a) Macr. Sat. (Cornelius Labeo?) I 18, 12 (Фанет = Дионис = Антавг = Солнце)*

Также Орфей, подразумевая Солнце, говорит, между прочим:

Плавя светлый Эфир, неподвижный, извечный, бессмертным
Выявил он богам цветущего видом красавца.
Ныне его Фанетом зовут и еще Дионисом,
Евбулеем владыкой зовут, превосходным Антавгом.
Разные люди земли его именуют различно.
Первым явился на свет он и прозван был Дионисом:
По беспредельному он кружится (dineitai) большому Олимпу.
Имя от изменений он получил и много прозваний
Разнообразных в связи с переменой времени года.

Он называл Солнце Фанетом от «phos» и «phaneros», т. е. от «света» и «освещения», так как оно, озирая все, для всех видимо. «Дионис» же, как говорит сам поэт, происходит от dineisthai cai peripheresthai, т. е. потому, что Солнце вращается по кругу.

b) Diod. I 11, 3 (Указание на заимствование с некоторым видоизменением 3-го стиха из § 23 a, — из другого орфического стихотворения)

Некоторые из древних эллинских мифологов прозывают Озириса Дионисом и Сириусом. Из них Евмолп в «Вакхических поэмах» говорит о Дионисе как о «сияющем в созвездиях и пламенеющем лучами», а Орфей пишет:

Вот его и зовут Фанетом и Дионисом.

c) Ap. Aristocr. Manich. in Theos. Tübing. 8, p. 96, 15 Bur.

Некоторые думали, что Аполлон есть вместе с тем и Солнце. Египтяне же Озириса наименовали Солнцем. На эллинском наречии Озирис истолковывается как «многоглазый», потому что Солнце всюду посылает свои лучи, как бы многими очами озирая всю Землю. А некоторые из эллинов называли Солнце и Сириусом; некоторые — Дионисом, как и Орфей:

Вот его и зовут Фанетом и Дионисом.

24. *Hymn. Orph. VI (Гимн Протогону)*

Двоеприродного, в небе блуждающего Протогона
Ныне зову, яйцеродна, велика, с крылами златыми,
С ревом быка, и богов блаженных и смертных рожденье.
Семя, что памятно всем, многопылкого Эрикепая,
Скрытого в тайне святой, многошумного, светлую отрасль.
Ты, который мрачный туман очей прояснил, повсеместно
Ставши ударами крыльев кружить по всему мирозданью:
Чистый свет ты, блестящий, откуда Фанетом зову я,
Также владыкой Приапом тебя, круглооким Антавгом.
Но, блаженный, ликуя, гряди, многомудрый, с плодами
К таинствам разным святым, что свершают участники оргий.

Е. ТИТАНЫ (И В ОСОБЕННОСТИ КРОНОС)

Фанет есть первое явление в бытии вообще. Он слишком первичен, чтобы действовать в качестве реального героя теогонического процесса. Он управляет всем незримо и как бы издали. Но вот и реальные герои теогонии. Сначала они тоже все еще слишком общи. Уран и Гея, как мы видели, есть первое воплощение Фанета или, лучше сказать, то первое, что во свете Фанета явилось. И это первое есть необузданная мощь всемирных зачатий и порождений. Обуздать эту мощь, сковать ее в форму, *понять ее и овладеть ею* — такова задача Титанов.

Как из Эфира и Хаоса рождается Мировое яйцо, как от Фанета и Ночи — все божества вообще, так от Урана и Геи — Титаны.

Интересен текст («История», § 23 а), где Эпименид конструирует из Воздуха и Ночи «двух Титанов», представляющих собою не что иное, как стяжение и распределение хаоса Воздуха и Ночи в пространственную (или «умопостигаемо»-пространственную) форму.

Титаны, стало быть, представляют собою ту ступень теогонического процесса, когда бесконечная мощь мировых зачатий и порождений, т. е. всей божественно-мировой жизни, охватывается в едино-раздельном акте мысли и воли, т. е. *личности вообще*. Вот почему они, во главе с Кроносом, восстают против Урана, лишают его производительной силы и освобождают все внутренне-нетворческое и ставшее грузной физической силой (Киклопов и Сторуких), что Уран превратил в незначащее бытие («низверг в Тартар»). И вот почему Кронос пожирает своих собственных детей: ведь нерасчлененная мировая жизнь не терпит ничего вне себя; она все «поглощает» в себя. Освободить вещи от их пребывания в недрах нерасчлененного, целого божественного ума можно только путем погружения их в живую текучесть, путем их перехода в новое и самостоятельное инобытие. Для этого нужен *Демиург*, который и дан в теогонии в виде Зевса. Отсюда понятно, *почему неизбежно столкновение Зевса с титаническим началом*. Демиург создает, строит, упорядочивает, животворит и движет; Титан же, наоборот, все поглощает в себя, все превращает в нечто самодовлеющее, которое не нуждается в творчестве чего-нибудь иного. Понятно и то, что демиургический принцип в последовательном развитии теогонического процесса есть *более поздняя и более совершенная ступень*, чем принцип титанический, хотя, поскольку Демиург все же не может в конце концов не вместить в себя титаническое начало, еще *более высокой* ступенью теогонии является *примирение Зевса с Титанами*.

Таким образом, титанизм не есть борьба человечества и не есть, как обычно писали в школьных руководствах, восстание низших природных сил против богов, но титанизм старше самих богов и есть борьба самих богов с еще более высокими началами за свое самоутверждение. И только уже по аналогии с этим, в порядке повторения этой борьбы на последующих этапах мировой жизни, мы встречаемся с *человеческим* титанизмом, завоевывающим себе самостоятельное место наряду с богами. Ср. у Dion. Chr. 30: «У нас всех, у людей, кровь Титанов...» Такова миссия Прометея, сына Титана Иапета. Равным образом, не Титаны ниже богов, но — Гиганты, с которыми, действительно, олимпийцы борются как с чем-то низшим (впоследствии как раз путали Титанов с Гигантами).

Янус. Римская монета.

В античной теогонии все будет очень смутно и случайно, если не усвоить себе этой основной схемы. Усвоивши это, мы можем обратиться к изучению источников.

У *Гомера* всю эту область теогонии мы находим уже на стадии заключения Кроноса вместе с прочими Титанами в Тартар, причем из Титанов названы *Кронос* и *Иапет* (§ 25 a), а относительно Океана и Тефии мы уже знаем, что Гомер ставит их выше всего, т. е., очевидно, и выше Титанов («История», § 1—4). У *Гесиода* названо уже 12 Титанов в качестве непосредственного порождения Урана и Геи («История», § 8 a). Тут, кроме Океана и Тефии, мы имеем прежде всего *Гипериона и Фейю*, пару, связанную как-то с светилами, потому что от нее родятся Солнце, Луна и Заря (Theog. 371—374, «Эфир и Небо»). Далее идут *Крий* и *Еврибия*, от которых — Астрей, Паллант и Перс (Theog. 375—377), а в дальнейшем — Ветры и Люцифер (Theog. 378—382, «Воздух»). Далее — *Кой* и *Феба* (Theog. 404—410), родители Латоны и Астерии; две благоуветливые Титанки *Фемида* и *Мнемосина*, которые рождают от Зевса: одна — Ор («Зевс и Гера», § 7 a), другая — Муз («Зевс и Гера», там же); и наконец, самые главные Титаны, это — *Кронос* и *Рея* (Кронос, кроме того, самый последний сын Урана и Геи). Потомство Титанов перечислено также у Аполлодора (§ 26 a) с прибавлением Дионы, как и у орфиков (§ 30 b).

У Гесиода подробно рассказана вся история Кроноса: оскопление им отца («История», § 9), овладение царством и последующее поглощение им своих собственных детей («История», § 11), нападение на него Зевса (так наз. титаномахия) и низвержение его вместе с прочими Титанами в Тартар («История», § 15). Таким образом, история Кроноса у Гомера и в «Теогонии» Гесиода кончается на одном и том же этапе.

По крайней мере, до III в. до н. э. Кронос и Титаны после эпоса не имели решительно никакой популярности (о циклической «Титаномахии», к сожалению, мы почти не можем судить конкретно; ср. EGF, pp. 5—8 Ki.). Они были оттеснены более человеческими и более яркими *Гигантами* (см. ниже). Однако постепенно назревало и новое отношение к Кроносу — в среде *орфиков* и *пифагорейцев*, — которое мы находим уже у Пиндара (§ 27 a, d) и Эсхила (§ 27 b): Зевс примиряется с Титанами и освобождает их, а Кронос царствует на островах блаженных вместе с лучшими героями. Это и зафиксировано в «Трудах и днях» Гесиода, в стихах, внесенных сюда, вероятно, в это позднейшее время (§ 27 c). В «Освобожденном Прометее» Эсхила из этих Титанов даже состоит хор трагедии. *Золотой век всеобщего счастья* и равенства стал пониматься как век *Кроноса*, о чем говорили и праздники — Кронии у греков и Сатурналии у римлян. Вместо изображения его (в комедии) как старомодного и апатичного старика (откуда пошло и название Cronicon, — Arist. Plut. 581, Alexis, frg. 62 CAF) его рисуют теперь вечно молодым и безбородым. Вместо какого-то мало популярного, вполне земного царя крайнего Запада, живущего не на Олимпе, но в обыкновенном царском дворце, и вместо плоских евгемеризмов Диодора Сицилийского (§ 28 l, m, n) мы находим роскошное и глубокое мифологизирование о Кроносе как о той ступени теогонического процесса, когда безраздельная и бес-

конечная творческая мощь зацветает знанием и самосознанием, когда данный сам по себе, объективно-предметно (или, как тогда говорили, «умопостигаемо»), Фанет превращается в *самосознающего («умозрительного») Кроноса*. Особенно рельефно эта мифическая диалектика дана в текстах § 31 a, b. Очень важны символические толкования в § 32 a, b. Тут же мы находим среди Титанов, между прочим, *Форкия* (который, по Hes. Theog. 237, — сын Понта) и *Диону* (§ 30 b) и толкование Реи как женского принципа данной теогонической ступени (§ 34 c—f). Для полноты обзора необходимо отметить, что мы встречаем еще довольно много материалов о связи Кроноса с *влажной, холодной и текучей стихией* (§ 35 a, b), относительно специфического значения *планеты Сатурна* и отождествления у древних Кроноса с *семитическими Эль, Бель* и так наз. *Молохом* (интересные материалы об этом завели бы нас далеко в сторону). Отождествление его с Chronos (Временем) нам уже встречалось, причем, несмотря на подозрительную (для нас) этимологию, эти два имени упорно объединялись в известных кругах; при этом, несомненно, действовало представление о *всеохватывающей силе времени*, где причудливо объединялись образы предмирного Дракона, колесницы (и, по-видимому, колесницы Солнца), самого Солнца и космогонического Геракла (§ 36 a—d), включая отмеченную выше стихию текучести, холода и влаги. Этот сложный миф о Кроносе требует философской и историко-филологической расшифровки; и мы ограничиваемся здесь только приведением фактов. (Между прочим, специфическая связь Кроноса с Гераклом ясно видна из рассказа Dion. Hal. I 38, где описывается благосостояние Италии под властью Кроноса и указывается, что прежние человеческие жертвы были уничтожены Гераклом, введшим здесь чистый культ Сатурна.)

Титаны *поздней античности* вообще чрезвычайно оригинальны. Их стали путать с Сатирами, Куретами, Корибантами, Кабирами, Тельхинами, Дактилями и т. д. В комедии их стали называть «приаповидными» (ср. Luc. De salt. 21 и 79, Plut. Num. 15); некоторую роль они стали играть и в культе Кибелы; в Патрах (Paus. VII 18, 3) они были связаны с Дионисом. По поздней орфической теогонии (подробности см. в «Дионисе»)*, появившийся от Зевса и Персефоны на Крите Дионис (Загрей) еще ребенком был разорван семью Титанами или даже (по Дамаскию I 236 Rue.) самим Зевсом, несмотря на охрану Аполлона и Куретов (ср. Nonn. VI 155 слл.). По Clem. Alex., frg. 200 Ab., Зевс, узнавши от Гекаты о растерзании Диониса, убивает Титанов молнией. Из пепла Титанов родятся новые люди, уже обладающие титанически-дионисийским существом. Все эти глубокие мифы о Титанах в связи с Дионисом будут рассмотрены нами в отделе «Дионис»**. Здесь мы только укажем на то, что эта причудливая оргийная мистика позднего титанизма не есть что-нибудь абсолютно новое.

Довольно сильный налет *хтонической* стихии заметен уже и у древних Титанов. Так, «хтоническими» они названы уже у Hes. Theog. 696 еще до их окончательного низвержения в Тартар. Аполлоний Родосский (IV 988) и Павсаний (VIII 37, 3) представляют их в окружении Деметры и Коры.

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.
** См. там же.

Уран (Небо)

У Антимаха (EGF, frg. 42) они — «землеродные» (как и Гиганты), Иапетиды — явно «земной» породы, равно как и Океан, и т. д. Следовательно, поздняя оргийная эволюция титанизма только возобновляет на новой исторической ступени древнейшие тенденции этого мифа вообще, делая внутренне ощутимым и выразимым то, что раньше переживалось просто как объективный факт. Растерзание младенца Диониса Титанами, как мы покажем в отделе «Дионис», не есть просто растерзание в смысле полного уничтожения, но это есть возникновение уничтоженной Дионисовой идеи в инобытии, в материи; это есть синтез самоощущающей стихии, материального (и потому оргийного) ума Диониса с его абсолютным трагическим самоутверждением. Поэтому «хтонизм» Титанов надо уметь объединить с их основной идеей, с их абсолютной самоутвержденностью. «Хтонизм» тут и есть эта последняя.

Относительно детей Кроноса (Theog. 453—491 — «История», § 11) нужно сказать, что «Кронид» или «Кронион» сначала — только Зевс. Посейдон — лишь позже и очень редко «Кронид». Обычно же так и говорится: «дети Кроноса». Кроме указанных в «Истории», § 11 (Гера, Деметра, Гестия, Посейдон, Аид, Зевс), надо отметить кентавра Хирона, рожденного от Кроноса Океанидой Филирой (§ 26 а, 29). Он не только «Филирид» (Hes. Theog. 1002, Pind. Pyth. III 1, VI 22, IX 30), но даже «Кронид», и притом еще старше Зевса (Pind. Nem. III 47, Pyth. III 4, IV 115). См. о Кентаврах вообще в отделе «Земля». Далее среди детей Кроноса считали Пана (Eur. Rhes. 36), Гефеста (L. Lyd. De mens. IV 54, p. 91 B), Афродиту («Афродита», § 1 с). Ареса (Eustath. IL. IV 519), Макриду (гомеровскую няньку Геры), Нила, Изиду, Сабазия, Тифона и Пелопа.

Что касается римского *Сатурна*, то, будучи сначала богом посевов, он в дальнейшем подвергся сильной эллинизации и стал походить на Кроноса, хотя, в конце концов, и очень отдаленно. Мы отметим только *миф о золотом веке*, неизменно связанный в сознании римлян с царством Кроноса-Сатурна и неоднократно представленный в римской литературе. Изгнанный с неба Сатурн является в Лациум к царю Янусу, и при них и протекает золотой век (§ 37 а—с). Следует отметить и Сатурналии, декабрьский 7-дневный праздник с веселыми пирами, играми и подарками в воспоминание о золотом веке Сатурна.

Специально к титаномахии см., кроме Гесиода, — «История», § 15, еще ниже, § 47.

Сделаем еще несколько замечаний о Рее. Упоминание у Гомера о свержении Кроноса не содержит в себе никаких указаний на Рею. Об этом — в более поздних Hymn. Hom. IV 12 и XII 1, Soph. O. C. 1073 (также Платон — Tim. 40 e и Лукиан — Deor. dial. 10). С Кроносом она разделяет почет на островах блаженных (Pind. Ol. II 12, Hymn. Orph. XIV 5). Она присутствует при родильных схватках Лето (Hymn. Hom. I 93); она провожает назад на Олимп Деметру по поручению Зевса (Hymn. Hom. V 441—443 — «Деметра», § 1). От Кроноса она родит Гестию, Деметру,

Геру, Аида, Посейдона и Зевса (первых пять, как сказано, поглощает Кронос). Hymn. Hom. V 60, 75 называет и Деметру, Pind. Nem. XI 1 — Гестию, Зевса и Геру, Paus. VIII 8, 2 — Посейдона. У Гомера Зевс — первенец, у Гесиода — последний ребенок Кроноса и Реи (и вообще Гомеру неизвестно то, что мы читаем у Hes. Theog. 467 слл.). Едва ли Рея связана с Критом так, как это думали те, кто выдвигал на первый план ее негреческое происхождение. Рождение Зевса в Греции — обычное мифологическое воззрение, и критский миф об этом переживался как вполне греческий. Callim. I 10—14 считает, что с большим правом рождение Зевса можно относить к Аркадии, где исконное местопребывание Реи (см. ниже, § 40 a). Согласно этой версии, Зевс уже потом был перенесен на Крит, так что здесь связь с Критом еще слабее, чем у Гесиода. Поздние легенды относили появление Зевса к Малой Азии (на Сипиле близ Смирны — Aristid. Sm. Polit., p. 229, Schol. Ven. IL. XXIV 615, на Тмоле у Смирны — Anthol. Pal. IX 645), может быть, в связи с отождествлением (тоже позднейшим) Реи с фригийской Кибелой.

Римским аналогом Реи является Опс или Опа (Ops), богиня посевов и богатой жатвы, супруга Сатурна.

ГЛАВНЕЙШИЕ ЭПИЗОДЫ

25. a) IL. VIII 477—481 (Титаны у Гомера, — о заточенных Титанах, — Зевс к Гере)

Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Ввек насладиться не могут: кругом их Тартар глубокий!

b) IL. XIV 200—204 (То же, — Гера к Афродите)

Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно-гремящий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.

c) IL. XIV 271—274

Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону.

d) IL. XIV 278 сл. (Клятва Геры)

Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.

e) IL. XV 224 сл.

...услышали б грозную брань и другие,
Самые боги подземные, сущие около Крона!

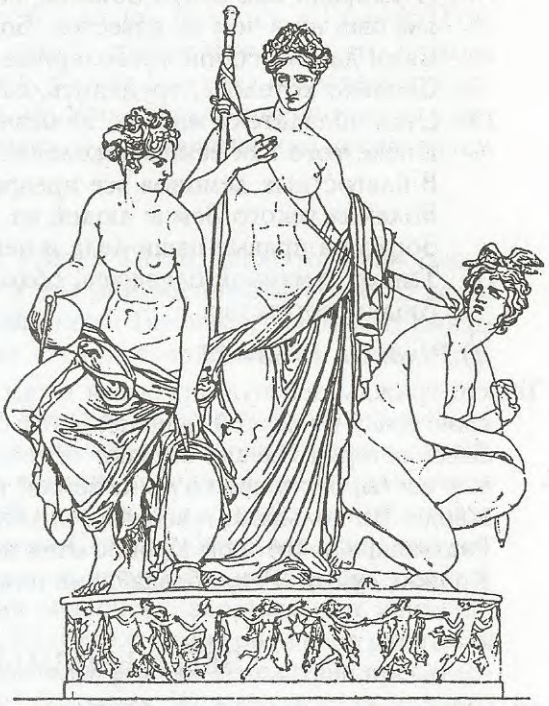
Ср. Hymn. Hom. II 156 слл. (§ 57 d).

f) Aesch. Prom. 199 слл. (Титаномахия и решающая в ней роль Прометея)

См. «Зевс и Гера», § 20 с.

26. a) Apollod. I 2, 2—4 (Потомство Титанов и Кроноса)

От Титанов родились следующие потомки: от Океана и Тефии — Океаниды: Асия, Стикс, Электра, Дорида, Еврином, Амфитрита, Метида; от Коя и Фебы — Астерия и Лето; от Гипериона и Феи — Эос, Гелиос, Селена; от Крия и дочери Понта Эврибии — Астрей, Паллант, Перс; от Иапета и Асии, дочери Океана, — Атлант, который держит на плечах небо, Прометей, Эпиметей и Менетий, которого Зевс поразил перуном во время борьбы с Титанами и низверг в Тартар. Кроме того, от Кроноса и Филиры родился Хирон, кентавр, имеющий двойную природу; от Эос и Астрея — ветры и звезды; от Перса и Астерии — Геката, от Палланта и Стикс, дочери Океана, — Победа, Мощь, Рвение, Сила.



Три Парки — Клото, Лахесис и Атропо

b) Apollod. I 1, 5—7 (Поглощение детей Кроносом)

...А когда [Кронос] женился на сестре своей Рее, он поглощал рождавшихся детей, вследствие пророчества ему Геи с Ураном о том, что он будет лишен власти собственным сыном. Первой поглотил он Гестию, когда она родилась, затем Деметру и Геру, после них Плутона и Посейдона. Разгневанная этим Рея пришла на Крит, когда была беременна Зевсом, и там родила его в пещере Дикты. Его отдала она на воспитание Куретам и Нимфам, дочерям Мелиссея, Адрастии и Иде. Эти последние воспитывали мальчика молоком Амальфеи, а Куреты в полном вооружении, охраняя младенца в пещере, ударяли копьями по щитам, чтобы Кронос не услышал голоса ребенка. Рея же, завернув в пеленки камень, подала его Кроносу, чтобы он поглотил его, как родившееся у нее дитя.

Продолжение этого текста см. в § 47 a.

27. a) Pind. Pyth. IV 29 (Освобождение Титанов)

Освободил Зевс несокрушимых Титанов...

b) Arr. Peripl. Ponti Eux., p. 99, 22 (Aesch., frg. 190)

Однако Эсхил делает в «Освобожденном Прометее» Фазис границей Европы и Азии, потому что Титаны так говорят у него Прометею:

Пришли мы...
Твои боренья эти, Прометей, смотреть,
Твоих оков страданья эти созерцать.

c) Hes. Opp. et d. 111—125 (Титаны и золотой век)

Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали как будто объятые сном. Недостаток
Им был ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства, —
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство.

d) Pind. Ol. II 68—77

Те, кто трижды дерзнул, пребывая и там и здесь [в обоих мирах], удержать свою душу от всякой неправды, тот совершил путь к твердыне Кроноса. Здесь ветерки Океана овевают остров блаженных. Здесь блистают золотые цветы, растущие то ли из земли, то ли на прекрасных деревьях, то ли в воде. Их кольцами и венками оплетают руки, следуя правым решеньям Радаманфа, в котором Кронос отец имеет готового для себя сотрудника, Кронос, супруг Реи, обладающий наивысшим из всех престолом.

ЭВГЕМЕРИЗМЫ О ТИТАНАХ

28. a) Lact. Inst. divin. I 13, 14 (Epit. ad Pentad. 14) (Кронос)

Энний в «Эвгемере» говорит, что первым царствовал не Сатурн, но его отец Уран. «Вначале, — утверждает Эвгемер, — верховную власть на земле имел Уран. Это царство он устроил себе вместе с своими братьями».

b) Lact. Inst. divin. I 11, 65

Кому же, следовательно, Юпитер мог приносить жертвы, как не Урану, который, по словам Эвгемера, умер в Океании и погребен в городе Авлакии [?]?

c) Lact. Inst. divin. I 14, 1—6 (Epit. 13)

(1) Поскольку приведенное мной до некоторой степени расходится с «Священной историей» [Эвгемера], мы откроем теперь то, что содержится в истинной литературе, чтобы не показалось, будто бы мы в обвинении верований следуем за нелепостями поэтов и их одобряем. (2) Вот слова Энния: «Затем Сатурн взял в жены Опу. Титан, старший по рождению, потребовал царства себе. Тогда Веста, их мать, и сестры Церера и Опа советуют Сатурну не уступать царства брату. (3) Тут Титан менее красивый, чем Сатурн, как по этому самому, так и потому, что он видел старания матери и сестер доставить царствование Сатурну, уступил ему царскую власть. Вследствие же этого он заключил договор с Сатурном,

чтобы тот не воспитывал никого, если у него родится ребенок мужского пола. Это он сделал для того, чтобы царство перешло к его собственному потомству. (4) Тогда они убили первого появившегося от Сатурна сына. В дальнейшем родились близнецы Юпитер и Юнона. Тогда они показали Сатурну Юнону и укрыли Юпитера тайком. Они отдают его на воспитание Весте, скрывая это от Сатурна. (5) Так же и Нептуна Опа рождает тайно от Сатурна и скрывает от него втайне. Таким же образом в третьем рождении она родит близнецов Плутона и Главку. Плутон — по-латыни отец богов (Dis pater); другие называют его Орком. Тут показывают Сатурну дочь Главку, а сына Плутона старательно прячут. Далее бедная Главка умирает». (6) Что описано именно это потомство и родство Юпитера и его братьев, — передается нам таким путем «Священной историей».

d) Lact. Inst. divin. I 14, 7, 10—12

(7) Также немного спустя он сообщает: «Затем Титан, после того как узнал, что от Сатурна родились сыновья и что они воспитаны тайно от него, уводит с собою своих сыновей, называвшихся Титанами, схватывает своего брата Сатурна и Опу, окружает их стеной и приставляет к ним стражу...»

(10) Остальная история складывается так. Когда Юпитер, уже будучи взрослым, услышал, что его отец и мать окружены стражей и заключены в оковы, он пришел с большим количеством критян, победил в сражении Титана и его сыновей, освободил родителей из оков, отдал власть отцу и тогда возвратился на Крит. (11) После этого Сатурну было передано изречение оракула — опасаться, чтобы сын не изгнал его из царства. Сатурн, для облегчения судьбы и избежания опасности, злоумышляет убийство Юпитера. Узнавши об этих кознях, Юпитер снова вернул себе царство и выгнал Сатурна. (12) Проблуждав по всем землям вследствие преследования его вооруженными [людьми], которых Юпитер послал для его захвата и убиения, он едва-едва нашел в Италии место для укрытия.

e) Aug. Ep. 17

...На той горе [Олимпе] Юпитер расположил лагерь, когда вел войну против отца, как учит этому история, называемая у древних также «Священной».

f) Lact. Inst. divin. I 11, 65

«Священная история» свидетельствует также и о том, что орел помещался у него на голове и царство ему предназначено еще раньше, [чем он выступил против Титанов].

Ср. Fulg. I 20.

g) Lact. Inst. divin. I 11, 34, 35

(34) Вот его [Энния] слова: «Тут Юпитер представил Нептуну власть над морем, чтоб он царствовал над всеми островами и над всеми местностями на море».

(35) Та же самая «История» учит, что Юпитер жил на Олимпе, в следующих словах: «В то время Юпитер большую часть своей жизни проводил на Олимпе; и туда приходили к нему за решением, если что-нибудь вызыва-

ло споры. Также, если кто-нибудь находил что-нибудь новое полезное для человеческой жизни, он приходил туда же и показывал Юпитеру».

h) Lact. Inst. divin. I 11, 63

Энний так говорит в «Священной истории»: «Тогда Пан отвел его на гору, которая носит имя Кресла неба. Взойдя туда, он увидел земли на широком пространстве и там же, на горе, построил жертвенник Урану. Юпитер первый принес жертву на этом жертвеннике. В этом месте он воззрел на Небо, которое мы теперь [так] именуем [Небом], т. е., на то, что выше мира, на то, что называется Эфиром, — давши имя Неба по имени своего деда. И то, что называлось Эфиром, Юпитер в целях умилостивления первый назвал Небом и возжег всю ту жертву, которую он там принес».

i) Lact. Inst. divin. I 13, 2

Хотя и написано в «Священной истории», что Сатурн, Опа и прочие тогдашние люди обыкновенно ели человеческое мясо, но Юпитер, впервые создавший для людей законы и обычаи, приказом воспрепятствовал питаться такой пищей.

j) Lact. Inst. divin. I 22, 21—27 (Epit. 24)

(21) «Священная история» свидетельствует, что сам Юпитер, овладевши государственными делами, пришел к такому высокомерию, что сам себе поставил во многих местах капища. (22) Именно, когда он обходил земли, то, в какую бы страну он ни приходил, он связывал с собой ее царей и старейшин взаимным гостеприимством и дружбой. И когда он от кого-нибудь уходил, он приказывал делать себе капище во имя своего друга, чтобы себе самому сохраниться в памяти в смысле дружбы и договора. (23) Так были построены храмы Юпитеру Атабурию, Юпитеру Лабриандию (Атабур и Лабрианд были его друзья и помощники на войне), также Юпитеру Лакрию, Юпитеру Молиону, Юпитеру Кассию и другие, — храмы того же самого порядка. Он хитрейшими способами наблюдал за тем, чтобы ему оказывались божеские почести и его друзьям совершалось вечное поминовение, соединенное и с обоготворением. (24) Они, следовательно, испытывали радость и охотно повиновались этой власти и ради его имени установили ежегодный ритуал и празднества. (25) Подобное этому сделал в Сицилии Эней, давши основанному им городу имя своего друга Ацесты, чтобы впоследствии обрадованный и довольный Ацеста любил этот город, расширял и украшал. (26) Таким способом насаждал Юпитер по всему миру религиозную веру в свое почитание и создавал прочим пример для подражания. (27) Следовательно, ритуал почитания богов проистек или от Мелисса, как передает Дидим [FGr Hist. § 19—20], или от самого Юпитера, как утверждает Евгемер. О времени же [и без того] известно, когда боги стали почитаться.

k) Lact. Inst. divin. I 11, 45—47 (Epit. 13)

(45) Энний, писавший в своей «Священной истории» все, что он имел у себя в своей жизни до конца, говорит так: «Затем, обойдя по пяти раз земли, распределивши власть между всеми своими друзьями и родственниками, установивши для людей законы, обычаи, питание и сделавши много другого

Эринии перед Афиной и Аполлоном

хорошего, он достиг бессмертной славы и памяти и оставил после себя вечные памятники. (46) Проведя век свой на Крите и состарившись, он скончался и отошел к богам; и о нем позаботились его сыновья Куреты и его украсили. И его могила находится на Крите, в городе Кноссе; и говорят, что город этот основала Веста. На могиле его написано древнегреческими буквами: «ZAN KPONOY», что значит по-латыни: «Юпитер, сын Сатурна». (47) Это на самом деле передают не поэты, но писатели по вопросам древности.

l) Diod. III 56, 3—5 (Уран)

(3) Повествуют, что первый начал царствовать у них (атлантийцев) Уран, который свел разбросанно живущих людей в городскую ограду, причем они согласились прекратить внезаконную и звериную жизнь. Он изобрел употребление и накопление домашних плодов и немало из других полезных вещей. Он овладел большей частью вселенной, по преимуществу — странами к западу и северу. (4) Ставши усердным наблюдателем звезд, он предсказывал многое из того, что должно совершиться в мире. Он ввел для народа исчисление года по солнечному движению, месяцев же — по луне и научил распознавать времена каждого года. Потому-то многие, не зная вечного порядка звезд, удивлялись происходящему по предсказанию и, с другой стороны, предположили, что сообщавший об этом причастен божественной природе. После его ухода от людей, ввиду его благодеяний и распознания им звезд, ему стали воздавать бессмертные почести. Его прозвище перенесли на мир; одновременно с тем, что он оказался причастен к восходу и заходу звезд и к прочему, что совершается на небе, как и одновременно с размером почестей стали чрезмерно расцениваться и его благодеяния. И его навеки объявили вечным царем всего.

m) Diod. III 57—61 (Потомство Урана)

(57, 1) Рассказывают, что у Урана от множества жен родилось пятеро детей да сверх того сорок, и из этих восемнадцать, говорят, произошли от Титеи, имеющие каждый свое имя, вообще же все называемые по матери Титанами. (2) Титея же, будучи мудрой и виновницей многочисленных благ для людей, была обожествлена после смерти осчастливленными ею [людьми] с переименованием в Гею. Родила она ему [Урану] и

дочерей, из которых две старшие были самыми выдающимися среди других: так называемая Базилея и Рея, которую некоторые называли Пандорой. (3) Из них Базилея, будучи старшей и намного отличаясь от прочих разумом и сообразительностью, воспитала всех своих братьев и вообще проявила к ним материнскую любовь. Поэтому ее и прозвали Великой матерью. После перехода отца из людей в боги с согласия народа и братьев она приняла царскую власть, будучи еще девицей, вследствие избытка рассудительности не желая ни с кем сожительствовать. После же, желая оставить сыновей в качестве преемников на царство, сожительствовала с одним из братьев, Гиперионом, к которому она всего более была расположена. (4) Когда же у нее родилось двое детей, Гелиос и Селена, возбуждавшие удивление красотой и разумом, братья, завидуя ей в ее семейном счастье, — так гласит предание, — и опасаясь Гипериона, чтобы она не передала ему власти, замыслили совершенно беззаконное дело. (5) Составив заговор, они закололи Гипериона, Гелиоса же, ребенка, бросили в реку Эридан и утопили. Когда это несчастье обнаружилось, Селена, будучи чрезвычайно братолюбивой, бросилась с крыши дома, мать же, разыскивая тело у реки, оказалась в разбитом состоянии и, погрузившись в сон, увидела, что стоящий перед ней Гелиос убеждает ее не оплакивать смерти детей: Титаны ведь понесут заслуженное наказание, сам же он с сестрой преобразятся в бессмертные существа, по некоторому божественному промыслу; и люди дадут им имена: Гелиоса, имея в виду первый священный огонь на небе, и Селены, имея в виду месяц. (6) Проснувшись и подробно рассказав народу свой сон и свои несчастья, она потребовала воздаяния покойникам божественных почестей, а [в отношении к себе] потребовала, чтобы больше уже никто ее не касался. (7) Впавши после этого в безумие и захватив с собой те из игрушек дочери, которые способны были производить шум, она стала блуждать по стране с распущенными волосами и в неистовстве от шума тимпанов и кимвалов. Этим она страшно пугала тех, которые ее видели. (8) В то время когда все чувствовали к ней сострадание и некоторые оказывали заботу к ее особе, разразился большой ливень с непрерывными ударами грома, — тогда Базилея стала невидимой. Народ же, который был поражен этим обстоятельством, вознес Гелиоса и Селену в наименованиях и почестях на степень небесных светил, мать же их признал богиней и поставил [ей] алтари и стал воздавать ей жертвоприношения и другие почести, изображая то, что с ней случилось, при помощи игры на тимпанах и кимвалах и всего прочего.

(60, 1) Повествуют, что после смерти Гипериона сыновья Урана разделили царство; из них наиболее видными являются Атлант и Кронос. Атлант получил по жребию местности, прилегающие к Океану, и этот народ получил название атлантийцев, и самая высокая гора в этой стране подобным же образом получила название Атланта. (2) Рассказывают, что он точно преподал [людям] астрономию и первый дал людям науку о сферах. По этой причине составилось мнение, что весь Космос держится на плечах Атланта, причем этот миф прикровенно изображает нахождение и черчение сферы. У него родилось много сыновей, из которых один отличался благочестием и справедливостью к правителям и человеколюбием; имя его Геспер. (3) Когда он взошел на вершину горы Атланта и делал наблюдение над звездами, он был внезапно увлечен

большими ветрами и сделался невидимым. Народ, сострадая ему ввиду «его добродетелей, стал воздавать ему бессмертные почести, и самая замечательная из звезд неба была названа его именем. (4) Произошло от Атланта семь дочерей, называемых по отцу общим именем Атлантид, в отдельности же называвшихся: Майя, Электра, Тайгета, Стеропа, Меропа, Алкиона и, наконец, Келено. Вступив в брак с виднейшими героями и богами, они стали родоначальницами большей части человеческого рода. Они родили тех, которые благодаря своей добродетели были названы богами и героями; так, например, старшая, Майя, соединившись с Зевсом, родила Гермеса, оказавшегося изобретателем многого среди людей. Вскоре и другие Атлантиды родили знаменитых людей, из которых возникли основатели народов и городов. (5) Поэтому не только у некоторых из варваров, но и у эллинов многие из древнейших героев возводили свой род к Атлантидам. Они были отменно мудры и после смерти получили у людей бессмертное почитание и, водворившись в Небе, получили наименование Плеяд. Атлантиды были названы и Нимфами, вследствие того, что жители той страны называют вообще женщин нимфами.

(61, 1) Повествуют, что Кронос, будучи братом Атланта, отличаясь нечестием и корыстолюбием, женился на сестре Рее, от которой произвел Зевса, прозывавшегося раньше Олимпийцем. Был и другой Зевс, брат Урана, царствовавший на Крите, который по своей славе намного уступал Зевсу, который считался появившимся позже. (2) Этот последний воцарился над всем миром, а тот, появившийся изначала, царствуя над вышеназванным островом, породил десятерых детей, получивших название Куретов. Назван же этот остров по его жене — Идейским; здесь он был погребен после смерти. Место, послужившее ему могилой, показывают и до наших дней. (3) Однако критяне, по крайней мере, рассказывают мифы, несогласные с тем, о чем мы писали в отдельных местах сочинений, относящихся к Криту. Говорят, что Кронос властвовал в Сицилии, Ливии, а также и Италии и вообще образовал власть в местах на западе. Он удерживал крепости и укрепления этих мест при помощи охраны, занимающей их целиком. От этого времени и доныне, как известно, многие возвышенные места в Сицилии и частях, спускающихся к западу, называют Кроносовыми. (4) Родившийся от Кроноса сын Зевс стремился к жизни, противоположной жизни отца, так что, относясь ко всем гуманно и человеколюбиво, он получил от народа прозвище «отец».

Одни говорят, что он принял царство, потому что отец уступил его ему добровольно, другие же — что он был избран народом благодаря ненависти народа к его отцу. Когда же Кронос выступил против него вместе с Титанами, Зевс победил его в сражении и, ставши господином всего [царства], пошел по всей вселенной, благодетельствуя человеческому роду. (5) Он отличался мощью своего тела и всеми другими доблестями и благодаря этому в скором времени стал владыкою всего мира. Вообще он направлял все свое усердие на исправление нечестивых и дурных и на благодеяния по отношению к народу. (6) Из-за этого после перехода из людей [в боги], с одной стороны, он был назван Зевсом, на том основании, что он, как известно, стал виновником для людей прекрасной жизни (dzen), а с другой стороны, он был водворен в мире, в результате почитания его осчастливленными людьми, в то время как все ревностно провозгласили его навеки богом и господином всего мира. Таково основное содержание рассказов о богах у атлантийцев.

n) Diod. V 66—68 (Титаны вообще)

(66, 1) Критяне рассказывают, что одновременно с Куретами появились и так называемые Титаны. Местопребывание они имеют на Кносской земле, где еще и теперь показывают основание жилища Реи и кипарисовую рощу, оставленную с давних пор. (2) Мужчин по числу было шесть, а женщин — пять, причем они происходят, как повествуют одни, от Урана и Геи, а как рассказывают другие — от одного из Куретов и матери Титеи, от которой и получили они свое имя. (3) Мужчинами были Кронос, Гиперион и Кой, еще Иапет и Крий и, наконец, Океан. Сестры же их Рея, Фемида и Мнемосина, еще Феба и Тефия. Из Титанов каждый был изобретателем того или другого для людей, и вследствие их благодеяния в отношении всех людей они достигли почета и вечной памяти. (4) Итак, будучи старшим, Кронос сделался царем и перевел своих людей от дикого образа жизни к жизни культурной, и благодаря этому он, достигший великой похвалы, посетил многочисленные места вселенной, внушая всем людям справедливость и простоту души. Поэтому родившиеся при Кроносе люди слыли среди позднее рожденных за добродушных и вполне непорочных, зарожденных также счастливыми. (5) Царствовал Кронос преимущественно в странах крайнего запада и пользовался большим почетом. Поэтому и в новые времена, при римлянах и карфагенянах, когда уже стоял этот город, еще и у других соседних народов учреждены были празднества и жертвы этому богу и многие страны стали носить его имя.

(6) Благодаря преобладанию законности беззаконие вообще никак никем не совершалось. Все же находившиеся под его владычеством достигли блаженной жизни, беспрепятственно наслаждаясь полным довольством. Об этом и Гесиод свидетельствует такими словами [Opp. et d. 111—120]:

> Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
> Жили те люди как боги, с спокойной и ясной душою,
> Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
> К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
> Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
> И умирали — как будто объятые сном. Недостаток
> Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
> Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
> Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства, —
> Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.

Так повествуют о Кроносе.

(67, 1) Гипериона же считают движущей силой Солнца и Луны и других светил. Также [думают], что и времена года наступают в зависимости от этих светил. Считают, что Гиперион первый постигнул знание благодаря усердию и наблюдательности и передал его другим для изучения. Вследствие этого его назвали отцом этих предметов, как будто бы он породил науку о них и [самую] их природу. (2) Считают, что от Коя и Фебы родилась Латона, от Япета же — Прометей. Причем некоторые мифографы передают о нем, что, украв огонь у богов, он передал его людям. На самом же деле он был изобретателем [только] огнива, из которого добывался огонь. (3) Из Титанид же, рассказывают, Мнемосина изобрела искусство мышления и приспособила каждой вещи наименование, благодаря чему мы и изъясняем себе каждую вещь и общаемся друг с другом.

Некоторые же говорят, что это ввел Гермес. Приписывают этой богине и то, что служит у людей для восстановления мыслей и для памяти, отчего она, как известно, и получила свое наименование. (4) Фемида, говорят, первая ввела оракулы, жертвоприношения и узаконения о богах и научила делам благозакония и мира. Вследствие этого люди, охраняющие законы касательно божественных дел и законы человеческие, называются «стражами установлений» и «законодателями установлений». И мы говорим, что Аполлон в те моменты, когда он намерен давать прорицания, пророчествует на основании того, что Фемида явилась изобретательницей прорицаний. (5) Итак, эти боги, во многом облагодетельствовавшие человеческую жизнь, не только удостоились бессмертных почестей, но и впервые решили жить на Олимпе после своего удаления от людей.

Время с гарпеем (серпом).

(68, 1) Говорят, что от Кроноса и Реи произошли Гестия, Деметра и Гера, а также и Зевс, Посейдон, Аид. [Дальше следуют тексты, приводимые в отделе «Гестия», § 2 j, и «Деметра», § 12 b.]

КРОНОС И ФИЛИРА

29. Hyg. Fab. 138

Сатурн, разыскивая Юпитера по землям, возлег во Фракии, превратившись в коня, с дочерью Океана, Филирой. Она родила от него кентавра Хирона, который, по преданию, первый изобрел врачебное искусство. Увидавши, что она родила невиданное существо, она просила у Юпитера, чтобы он изменил ее в какой-нибудь [другой] вид. Она была превращена в дерево Филиру, т. е. в липу.

ТИТАНЫ У ОРФИКОВ

30. a) Procl. in Theol. Plat. IV 5, p. 188, 22 (Уран, Кронос, Зевс)

И прежде них [Плотина и Ямвлиха] сам Платон в «Кратиле» (396 b), следуя орфическим теогониям, отцом Зевса называет Кроноса, а отцом Кроноса — Урана.

b) Procl. in Tim. 40 e (III 184, 1 D.) (Место Океана и Тефии и перечисление Титанов; по Орфею, Океан и Тефия — братья Кроноса и Реи, а не родители, как у Платона)

По-видимому, [Платон] это говорит не в согласии с [орфическими] принципами. Ведь они там называются их братьями, а не родителями, ибо Гея рождает их тайно от Урана, как говорит богослов:

> Семь дочерей непорочных, прекрасных лицом и глазами,
> Семь сыновей, волосатых владык, родила ему Гея.

Дщерей — Фемиду и Тефию с разумом светлым и быстрым.
Мнемосину с густыми кудрями, блаженную Фею,
Родила она и величавую видом Диону,
Фебу и Рею она родила, мать великого Зевса,
И столько же сыновей:
Коя, великого Крия и Форкия, сильного телом,
Кроноса и Океана, Гипериона и Иапета.

После того, как это написано у богослова, каким образом Тимей выводит из Океана и Тефии Кроноса и Рею?

c) Procl. in Tim. 40 e (III 189. 2 D.) (Океан и Тефия в окружении прочих Титанов)

Равным образом среди других сильнейших поколений, подчиненных им, выражение «те, что вместе с ними» указывает на остальных Титанов: Коя, Гипериона, Крия, Иапета, Форкия — и на остальных Титанид: Фебу, Фейю, Мнемозину, Фемиду, Диону, вместе с которыми эманировали Кронос и Рея, и на происшедших вместе с Форкием Нерея, Фауманта, очень подвижную Еврибию, и на тех, которые особенно поддерживают универсальное становление. Следует знать, что не приходится тщательно исследовать их порядок: кто выше — Кронос или Форкий? — ибо среди, них имеет место единение и сходство.

d) Procl. in Tim. 24 e (I 175, 9 D.) (Дерзость Титанов)

Она [дерзость] поистине есть незнание и срам, почему и близкое к ней и как бы содержащееся в ней называют своеволием. Образец этого указывается у богослова следующими словами:

...С высокомерием в сердце ковы строя, Титаны...

Ср. Hes. Theog. 139.

e) Procl. in Tim. 25 b (I 187, 4 D.) (Демиургизм и титанизм, — демиургическая воля есть предельное оформление титанизма)

Ибо таким образом демиургическая воля имеет предел, и худшее преодолевается лучшим, в частных делах атлантийцы — афинянами, а в целом Титаны — олимпийцами.

Чувствуя силу в себе и восставши против благого
Вследствие гордости пагубной и неразумно надменной, —

говорит богослов. Подражая ему, Платон сказал, что атлантийцы напали на афинян по дерзости.

31. a) Procl. in Crat. 396 b, c (p. 62, 3 Pasqu.) (Взаимоотношение Фанета, Кроноса и Зевса, — Кронос, поглощающий умопостигаемого Фанета, сам становится умозрительным, как и Зевс, которому он передает власть над чувственным миром)

Как говорит Орфей вдохновенными устами, Зевс и поглощает своего предка Фанета, и охватывает в себе все его потенции, и *становится умозрительно всем тем, чем тот был умопостигаемо. И Кронос вручает Зевсу начала всей демиургии и промысла относительно чувственного*, при этом, мысля самого себя, объединяется с первичным умопостигаемым и

исполняется тамошних благ. Поэтому и говорит богослов, что его питает Ночь:

Крона из всех одного Ночь взлелеяла и воспитала.

Ср. Damasc. 67 в § 45 с.

b) Procl. in R. P. II 74, 26 Kr. (Диалектика Фанета, Кроноса и Зевса; Кронос и серебряный век)

Богослов Орфей передал нам *о трех поколениях людей*. Первое — *золотое*; которое, говорит он, установил Фанет. Второе — *серебряное*, над которым властвовал, как он говорит, величайший Кронос. Третье — *титаническое*, которое, говорит он, Зевс составил из членов [тела] Титанов. [Ср. Olymp. in Phaedr. 68 c, p. 48, 25.] Орфей обнял умом, что в этих трех пределах содержится всякий вид человеческой жизни. Ибо или он умозрителен и божествен, утвержденный на самой высоте сущего; или он обращен к самому себе, мыслит самого себя и любит подобную жизнь; или он взирает на худшее и желает с ним жить, несмотря на его неразумие. Принимая во внимание, что человеческая жизнь тройственна, [следует сказать, что] первый вид происходит от Фанета, который все мыслящее связывает с умопостигаемым. Второй — от Кроноса первого, как говорит миф, хитроумного и заставляющего все обращаться к самому себе. Третий — от Зевса, научающего промышлять о вторичном и упорядочивать худшее, ибо это есть свойство демиургии.

32. a) Procl. in Crat. 396 b, p. 55, 11 Pasqu. (Символизм изувечивания Кроноса)

Один Кронос и совершенно лишает Урана царской власти, и уступает владычество Зевсу, «обрезывая и обрезываясь», как гласит миф. Поэтому Платон, видя, что подобное наследование, будучи дерзким, приписывается у богословов Кроносу, счел, с одной стороны, достойным упомянуть и о заключающемся в этом имени представлении о дерзости, чтобы выразить имя, подобающее богу и несущее образ дерзости, которая приписывается ему мифами, нас же, с другой стороны, научить возводить мифические образы к истине, поскольку подобает в отношении богов и явную чудовищность относить к разумной мысли.

b) L. Lyd. De mens. IV 64, p. 116, 21 W.

Они считают приличным, чтобы Афродита родилась из полового члена Кроноса, т. е. из вечности.

c) Ov. Ib. 273

[Сатурн] был оскорблен в том же отношении и потерпел то же наказание от сына, которое совершил сам.

d) Procl. in R. P. II 297, 9 Kr.

Зная и это, богословы создали миф, что он насилием завладел царством и пожирал собственных детей, как будто бы нужно было, чтобы насильник отца был таким же и в отношении своих собственных детей, т. е. чтобы он стал во главе другого царства по превосходству в силе и чтобы удерживал у себя то, что порождает.

e) Damasc. 267 (II 134, 17 Rue.)

У Орфея именно — Кронос, который является Титаном в соответствии с тем, кто сам себя препоясал и поглощает собственные порождения по неумолимости [препоясанность и неумолимость у Дамаския — символ для-себя-бытия].

f) Schol. Lycophr. 399 (p. 149, 11 Sch.)

Диском же он называет Зевса из-за камня, завернутого Реей в пеленки вместо Зевса и поглощенного Кроносом. Так говорит Гесиод в «Теогонии» (485).

g) Procl. in R. P. I 138, 23 Kr.

Ибо передано нам, что он первый из богов спал:

Вскоре Кронос улегся, вкусивши злокозненной пищи,
Сильно храпя...

h) Clem. Alex. Str. VI 2. 26, 2 (II 442, 12 Staeh.)

В «Теогонии» относительно Кроноса у Орфея сказано:

Спит он, толстую шею откинув, и сон всемогущий
Очи смыкает его.

Гомер относит эти выражения к Киклопу (Od. IX 372 сл.).

33. a) Lact. Inst. divin. I 13, 11 (I 52, 3 Br.) (Царство Кроноса)

Орфей, который был ближе к его временам, открыто воспоминает, что Сатурн царствовал на земле и среди людей:

Прежде всех царствовал Крон на земле средь людей земнородных.
И от Крона великий Зевс родился звонкогремящий.

b) Procl. in Hes. Opp. et d. 126 (II 121, 18 Gaisford) (Кронос и серебряный век)

Орфей говорит, что Кронос царствовал над серебряным поколением, называя живущих по чистому разуму серебряными, подобно тому как золотыми — живущих только по разуму [просто], Гесиод же (127), желая показать перемену в человеческой жизни, делает серебряное поколение людей беззаботным.

c) Procl. in Theol. Plat. V 10 (p. 264, 20) (О нестареющем Кроносе)

В то время как богословы говорят, что этому чину [Кроносу] подобает неувядание, как утверждают варвары и эллинский богослов Орфей, — ибо он мистически говорит, что волосы Кроносова лица вечно черны и никогда не седеют, — я удивляюсь вдохновенному уму Платона, выражающего то же самое об этом боге для тех, кто идет по его следам. Ведь души в период Кроноса, говорит он [Plat. Polit. 270 d, e], не принимали старости, обращались к юности, искореняли седину и удерживали черные волосы. Белые волосы стариков становились черными, щеки же подрастающих в пору зрелости становились гладкими. Так говорит элеатский гость. А Орфей подобное этому высказывает о боге [о Кроносе]:

Под властью Зевса Кронида
Жизни достигнуть бессмертной, чистый иметь подбородок,
На голове благовонные кудри в росте обильном,

Хронос. Скульптура Франца Игнаца Гюнтера. Ок. 1765–1770 гг.

Белого цвета волос не ведать старости хилой,
Но чтобы пышные локоны возле висков завивались.

[Может быть, эти стихи имеет в виду Pind. Ol. II 68, — § 27 d.]

34. a) Procl. in Tim. 40 e (III 185, 28 D.) (Титаническая эманация, кроме Океана и Тефии)

Из других Титанов, вступивших в предприятие, замышленное против отца, Океан отказывается от этого, вопреки приказаниям матери, и сомневается в успехе деяния:

Снова здесь Океан оставался в чертогах в раздумье,
И, к какой бы ему примкнуть стороне, размышлял он.
Или отца лишить силы, постыдно его изувечив,
С Кроном и братьями (что милой матери стали послушны),
Или, покинувши всех, оставаться внутри беззаботно.
Сильно волнуясь, остался он, сидя на месте в чертогах,
Негодуя на мать, а больше на братьев родимых.

Итак, он и пребывает и вместе эманирует с Тефией, ибо она соединена с ним по первому рождению. Прочие же Титаны понуждаются к разделению и эманации, а предводительствует ими величайший Кронос, как говорит богослов... [Далее следует текст, приведенный выше, в § 12 c.]

b) Schol. Hes. Theog. 209 (II 491 Gaisford)

Титаны от [глагола] «тянуться» (tetasthai) и развертываться или, — как говорит он [Гесиод], заимствовав это мнение у Орфея, — по тому, что Кронос снова намеревается покарать (timoresai) богов и захватить его

царство, или по тому, что тот самый древнейший мрак снова намеревается овладеть (epicratesai) имеющим звезды кругом зодиака.

c) Damasc. 422 (II 277, 5 Rue.)

Затем, кроме этого, он и эманирует в то, что движется и покоится на месте, так как через посредство демиурга утверждается и последняя природа инобытия *«в недрах Реи»*, как делает Орфей. И вообще *демиургическая пристань для Всего*, — вот что есть эта богиня, которая первая проводит демиургию в материю.

d) Procl. in Tim. 18 c (I 46, 27 D.)

Итак, Гера выступает вместе с Зевсом, все порождая вместе с отцом, почему она и именуется *равноправной* ему. И Рея равноправна Кроносу, ибо эта богиня есть *лоно* всей потенции Кроноса; и Гея равноправна Урану, ибо Гея есть мать всего того, для чего Отцом является Уран.

e) Kroll. De or. Chald., p. 30 (frg. 305 Ab.)

Рея богов умозрительных есть родник и источник.
Первая силы отца восприявши в тайные недра,
Поколенье она изливает, что вечно кружится.

f) Damasc. 284 (II 157, 12 Rue.)

Ведь Орфей скорее думает, что под Реей простирается природа вплоть до растений и других плодов, если, конечно, мы не будем мыслить, что и Горгона простирает свое жизнерождение включительно до самых камней.

g) Procl. in Theol. Plat. V 11 init. (p. 265, 25)

Положив предел повествованиям о царе умозрительных богов, в дальнейшем воспоем царицу Рею. Ибо Платон и Орфей называют ее *матерью демиурга Всего*, вторым после Кроноса божеством.

[Кроме этих материалов об орфических Титанах имеются еще материалы о растерзании Диониса (отрока Загрея) Титанами. Они помещаются в отделе «Дионис».]*

К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА КРОНОСА

35. a) Schol. Verg. Aen. I 12 (Бог влаги и холода)

...Сатурн — бог всей влаги и холода.

b) Clem. Alex. Str. V 6

Подобное [с орфиками] таинственно изображали и пифагорейцы, выставляя планеты как аллегорию собак Персефоны, а море — как слезу Кроноса.

Ср. Plut. De Is. et Os. 32 (точно такое же выражение).

c) L. Lyd. De mens., p. 117 b

Они молились Посейдону, Афродите и Амфитрите, а еще... Кроносу о предстоящей зиме.

---

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

d) Theopomp. ap. Plut. De Is. et Os. 69, p. 378 e

Феопомп рассказывает, что люди, живущие к западу, полагают и говорят, что зима — это Кронос, лето — Афродита, весна — Персефона и что все это родится от Кроноса и Афродиты.

e) Philod. De piet. 12

Кронос обозначает течение (rhoon) потока, Рея — землю, Зевс — эфир. Хрисипп же утверждает, что когда все очень мокро и идет большой дождь, то самое падание дождя называется Кроносом.

f) Porphyr. IL. XV 21

И Гесиод Ураном называет воспламенение, а Кроносом — несущийся сверху, подобный быстро льющемуся источнику дождь, Реей — землю с натекающей на нее водой, обрезанием же Урана — погашение огненного начала водой.

g) Plat. Crat. 402 b, c

Я как будто вижу Гераклита, безыскусно произносящего некоторые древние изречения мудрецов из времен Кроноса и Реи, приводимые также и Гомером. Гераклит говорит, что все идет и ничто не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, прибавляет, что невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Кажется ли тебе, что налагатель имен для предков прочих богов — «Рея» и «Кронос» — имел в мысли что-нибудь отличное от Гераклита? Ужели случайно, думаешь, он наложил на обоих богов наименования текучести? Так-то в свою очередь и Гомер [IL. XIV 201] говорит, что Океан — это родитель, а Тефия — мать. То же, думаю, и Гесиод [?]. Говорит где-то и Орфей, что... [следуют стихи из «Истории», § 33 a]. Так вот на что смотри, как это все одно с другим согласно и тяготеет к взглядам Гераклита.

36. a) Damasc. 123 bis (I 317, 15 Rue.) (Дракон = Хронос = Геракл. Хронос — Время)

См. «История», § 39.

b) Athenag. Pro Christ. (Кронос сбрасывает отца с колесницы)

См. «История», § 42 b.

c) Aesch. ap. Macrob. Sat. I 17, 59

Движение солнца поворачивает свой путь наподобие изгибов Дракона, откуда и говорит Еврипид [frg. 943]: «Огненнородный дракон держит путь в течение четырехвидных времен, запрягши стройно многоплодовую колесницу».

d) Macrob. I 22, 8

Сам Сатурн, который является создателем времен и потому имеет прозвание у греков с переменой буквы, вместо Кроноса — Хронос, — как же иначе должен пониматься, если не в качестве *солнца*, раз он, по преданию, считается различенным (в смысле исчисления времен) порядком элементов, распространяющимся светом, и связью, которая образована вечностью и дана в раздельном видении (а это все как раз и указывает на деятельность солнца)?

e) Cp. Scythinos, FPhG II 113 Mull.

Время — высшее и первое из всего. Оно все в себе имеет, и оно — едино всегда: прошедшее время не происходит из настоящего, совершая в течение года путь, ему обратный; и завтрашний день для нас на самом деле есть вчерашний, а вчерашний — завтрашний.

Ср. также о римском Сатурне у Fulg. I, 2.

37. a) Ov. Fast. I 227—254 (Сатурн и Янус, — из разговора поэта с Янусом)

...Я снова спросил: «Отчего на старинных монетах
Видим с одной стороны в ясной чеканке корабль,
А на другой стороне различается образ двуликий».
Мне ключеносец сказал: «Если бы с ходом веков
Древность не портила медь и рисунок века б не затерли, —
Мог бы легко ты узнать облик моей головы.
Судно же — в память того, что на нем Косоносец однажды,
Долго по миру блуждав, к Тусским [этрусским] пришел берегам.
Сыном Юпитером он был низвергнут из царства на небе,
Здешним народом тогда принят радушно Сатурн.
Имя Сатурна сынов еще долго носилось народом,
Скрывши скитальца, свое Лациум имя приял.
Образ того корабля сохранило на меди потомство,
Бога-скитальца на ней добрую память храня.
Некогда в местности той проживал я у берега Тибра,
Там, где он желтой волной лижет прибрежный песок.
Ныне где царственный Рим, там леса зеленели густые,
Там, где святыни твои, мирно гуляли стада.
Холм мне убежищем был, что и ныне зовется Яникул —
Имя свое получил, память о боге храня.
Царствовал в те я века, когда боги сходили на землю
И сообщалась с людьми высшая сила божеств.
Злоба людская тогда еще с Правдой святой не боролась,
Истина позже других грустно рассталась с землей.
Стыд, а не сила и страх, управлял тогда мирным народом,
Суд и расправу чинить праведным было легко.
Войн я не знал никаких, охраняя лишь мирные входы,
Вот все оружье мое!» — Янус мне ключ показал.

b) Verg. Aen. VIII 319—327 (Царство Сатурна в Италии)

Первым явился Сатурн, с Олимпа эфирного изгнан,
Царство свое потеряв, Юпитера стрел убегая.
Дикие он племена, что в горах рассеяны были,
Вместе собрал, законы им дал; захотел, чтоб звалася
Лацием эта страна, где он безопасно укрылся.
Были под этим царем века, что зовут золотыми;
В кротком мире царил над народами он. Понемногу
Худший и выцветший век на смену пришел: наступили
Ярость войны и любовь к наживе.

Cp. Ov. Met. I 89—114, Macr. Sat. I 7, 19 слл., Serv. Verg. Aen. VIII 319, Herodian. I 16, 1 (см. «Земля»).

Сатурн, пожирающий своих детей

c) Tibull. I 3, 35—50

Как жилось хорошо в Сатурново царство, покуда
Дальним повсюду путям не раскрывалась земля!
Не нисходила еще сосна на лазурные волны
И, распустя паруса, не предавалась ветрам,
И бродящий пловец, ища в землях неизвестных
Выгоды, не загружал чуждым товаром челна.
В те времена еще вол могучий в ярмо не впрягался
И удил не жевал ртом покорившимся конь.
Не было двери в домах, и не был поставлен средь поля
Камень, чтобы означать грань неизменную нив.
Меду сами дубы давали, и встречные овцы
К беззаботным несли прямо сосцы с молоком.
Ни преступлений, ни войн, ни гнева не знали; с искусством
Немилосердным мечей злобный кузнец не ковал.
Ныне под властью Зевеса убийства и раны всечасно,
Ныне моря, ныне в смерть тысяча быстрых путей.

ГИМНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

38. a) Hymn. Orph. XXXVII (Титаны)

О Титаны, вы славные чада Урана и Геи,
Пращуры наших отцов! Вы живете внизу, под землею,
В недрах земли глубочайших, в обителях Тартара адских.
Вы — начала, истоки всех смертных, многострадальных,
Всех, кто в море живет, на земле обитает, пернатых.
Ибо от вас происходит все то, что рождается в мире.
Вас призываю, прошу, да избавите тяжкого гнева,
Если придет он в дома к нам от пращуров наших загробных.

b) Hymn. Orph. XIII (Кронос)

Огненный, отче богов блаженных и всех человеков,
Волей причудливый, чистый. Титан многомощный, великий

Духом! Ты все расточаешь дотла и вновь возвращаешь;
Несокрушимые узы ты держишь безмерной вселенной,
Кронос извечный, родитель всему, разносказовый Кронос!
Ты порождение Геи с Ураном, покрытым звездами,
Меньших родитель богов, Прометей священный, муж Реи;
Родоначальник, по всем обитаешь участкам вселенной,
Мудролукавый, сильнейший, — услышь умоляющий голос,
Жизни все время счастливой пошли нам, честную кончину!

c) Hymn. Orph. XIV (Рея)

Рея-владычица, дщерь Протогона различного видом!
Лев-быкобойца влечет священну твою колесницу.
В гуле тимпанов разящая страстью, ты дева из меди,
Мать повелителя Зевса, эгидодержавца Олимпа,
Чтимая, светлая, ты, блаженная Крона супруга,
Любишь ты горы и в них завыванье ужасное смертных;
Рея-царица для всех, боевая, могучая духом, —
Ложно спасая, спасешь и подлинно, первая родом,
Мать бессмертных богов и смертных мать человеков.
Все из тебя — и земля, и пространное небо поверху,
Море и ветры. О, склонная к бегу, воздушная видом,
Волей благою спасая, приди, о блаженна богиня,
Мир низводящая к нам со счастливым вместе богатством,
Скверну и смертных Кер отославши до края земного.

d) Hymn. Orph. XXVII (Мать богов)

Мать бессмертных богов, богочтимая, всех ты питаешь.
К нам да придешь, могуча богиня, владыка молений,
Впрягшая львов-быкобойцев в проворну свою колесницу!
Ты скиптродержица оси небес, многозвана, святая,
Ты в средоточии мира царишь, ты сама управляешь
Всею землей и приятную пищу несешь человекам.
Лоно твое породило богов и смертное племя,
Вечно потоки покорны тебе и все море покорно;
Гестией ты названа и счастье несущей богиней,
Ибо ты смертным охотно даришь всемерные блага.
Шествуй же к таинству, о госпожа, возлюбившая бубны,
Всех укротившая, спас ты для Фригии, Крона супруга,
Старшая дочь ты Урана, кормилица, страстное жало, —
Радостно шествуй к нам, вожделенная, благочестивым.

Ж. ЗЕВС ТЕОГОНИЧЕСКИЙ

(Рождение, воспитание, смерть; Куреты; общее значение образа)

Таким образом, титаническое начало переходит в демиургическое, самозамкнутое довление переходит к реальному творчеству инобытия и к интимному общению с ним. С такими функциями и появляются порождения Кроноса во главе с Зевсом. Как был в свое время ограничен Уран путем полагания предела его порождениям и рефлектирования их вовнутрь, так Зевс должен теперь ограничить Кроноса в его титанической

саморефлексии и освободить стянутую и оформленную в нем мощь для внешних излияний и эманаций. Все, что есть в Кроносе, сохранено в Зевсе; и Зевс, творя мир, «взирает» на Кроноса, который есть для него первообраз. Кронос для него «умопостигаем», т. е. предметно осмыслен, а сам он, как охватывающий эту предметность в своем сознании, «умозрителен» (§ 44 a—e). Так и сам Кронос был «умозрительным» в отношении с «умопостигаемостью» еще более высоких начал Урана и Фанета. Тексты, приводимые нами в § 44 a—e, имеют фундаментальное значение для понимания образа Зевса; и их необходимо тщательно проштудировать.

Рождение и воспитание Зевса на Крите или в Аркадии мы даем в изложении Диодора (§ 39), Каллимаха (§ 40), Страбона (§ 41 a). В этих общеизвестных мифах о Критском Зевсе обращает на себя внимание образ Куретов, каких-то очень важных божеств, которым поручена охрана младенца Зевса. Факты относительно Куретов излагают Гигин (§ 41 f) и Диодор (§ 41 g); однако смысл этих фактов уясняется только на орфических текстах: Куреты, порожденные Реей, т. е. началом материальным, вещественным, являются началом *охранительным* в отношении Зевса и прочих Кронидов.

ВОСПИТАНИЕ ЗЕВСА НА КРИТЕ

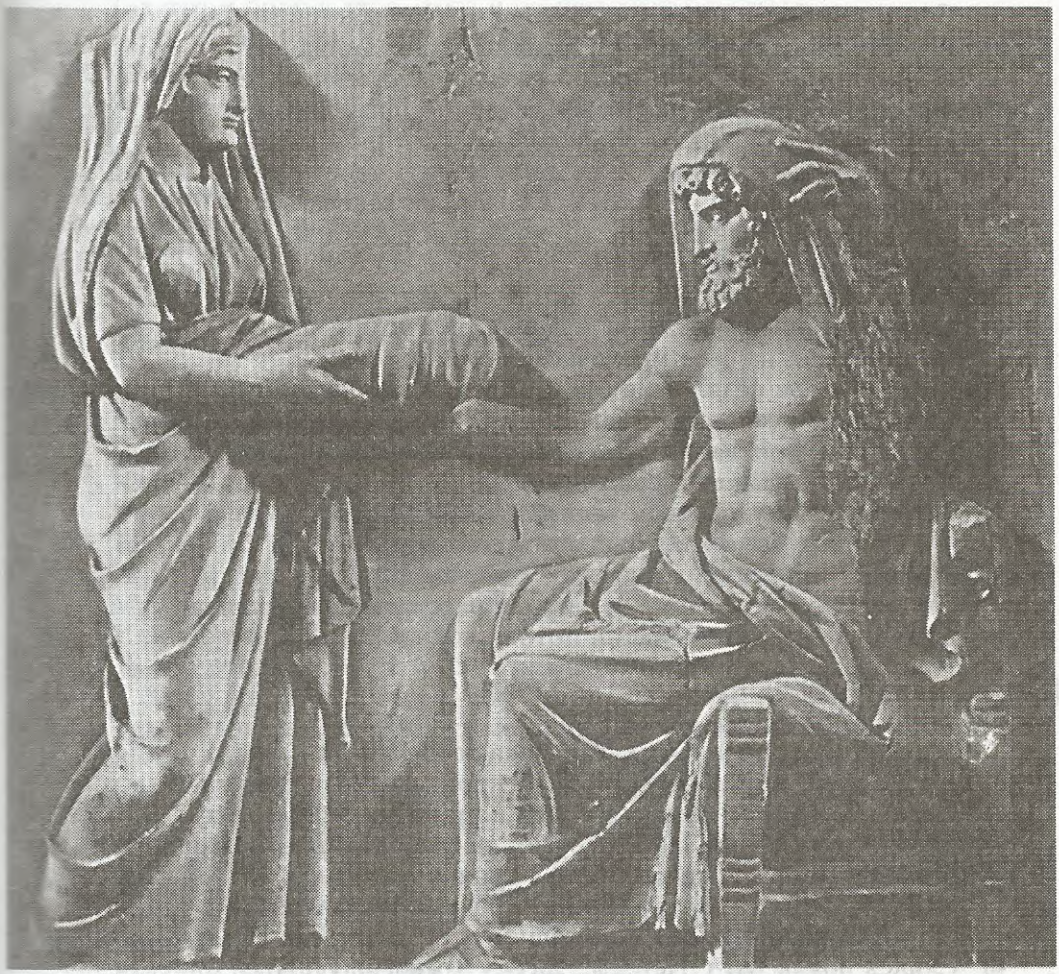
39. Diod. V 70—72

(70, 1) О происхождении и царстве Зевса существует разногласие. А именно, некоторые говорят, что он принял власть после перехода Кроноса из людей в богов, не овладевши отцом путем насилия, но потребовавши этой части себе на основании закона и справедливости. Некоторые же рассказывают, что относительно рождения Зевса Кроносу был оракул, что родившийся от него сын захватит его власть силой. (2) Вследствие этого Кронос многократно уничтожал родившихся детей, а негодующая Рея, не имевшая возможности изменить намерений мужа, своровала рожденного ею на вышеназванной Иде Зевса и тайком передала его на воспитание Куретам, жившим недалеко от Иды. Эти же последние, унеся его в какую-то пещеру, передали его Нимфам, приказавши всячески ухаживать за ним. (3) Эти Нимфы кормили ребенка, смешивая мед и молоко, и достали для питания вымя козы, по имени Амальфея. Еще до недавнего времени оставались на острове многочисленные памятники рождения и кормления этого бога. (4) Когда Куреты его несли, у ребенка, говорят, отпал пупок около реки с названием Тритон, и эта посвященная ему местность от случившегося там получила название Омфала [«пупка»] и также окружающая равнина — название Омфалийской. Что же касается Иды, в которой случилось воспитываться этому богу, то получила освящение и пещера, в которой он имел местопребывание. Также были предоставлены божеству лежащие вокруг нее луга на вершине горы. (5) Но нельзя пройти молчанием самое странное и мифологическое о пчелах. А именно, желая сохранить бессмертную память об их свойствах, этот бог, говорят, изменил их окраску и сделал ее близкой к золотистой меди, а так как место то было особенно высокое и в нем возникали сильные ветры и выпадал значительный снег, то он сде-

лал их незамечаемыми и нечувствительными, когда они обитают в весьма холодных местах. (6) Вскормившей его козе были возданы некоторые другие почести, а именно, Зевс получил от нее прозвище Эгиоха (Шкуродержца). Когда же он возмужал, то, говорят, он основал около Дикты первый город, откуда возник и миф о его рождении. Хотя этот город исчез в последующие времена, еще и доныне остаются камни его фундаментов.

(71, 1). Рассказывают также, что этот бог отличается от прочих своим мужеством, пониманием, справедливостью и всеми другими добродетелями. Поэтому-то, когда он принял власть от Кроноса, он в высочайшей степени облагодетельствовал человеческую жизнь. А именно, он первый из всех открыл, что поступать справедливо людям в их взаимных отношениях выше несправедливых дел. Он отклонил их от того, чтобы достигать чего-либо насилием, а «научил» судом на судилищах решать споры. Вообще же относительно благозакония и мирных договоров он [многое] восполнил, убеждая добрых, а дурных поражая наказанием и страхом. (2) Рассказывают, что он прошел почти по всей вселенной, устраняя преступных и нечестивых, вводя равенство и народовластие, после того как он (так гласит предание) одолел Гигантов: на Крите — тех, что около Милина, а во Фригии — тех, что вместе с Тифоном. (3) Перед битвой с Гигантами на Крите (есть предание) Зевс принес в жертву быка Гелиосу, Урану и Гее, причем на всех жертвах [на внутренностях жертв] ему явилось пророчество, предсказывавшее победу и переход врагов на его сторону. Сообразно с этим произошел и конец войны. Мусей перебежал от врага, и ему удалось быть при распределении почестей. Но противники были все богами уничтожены. (4) Боги же помогли ему [Зевсу] и в других битвах против Гигантов, в Македонии у Паллены, в Италии, на равнине, которая издревле благодаря своей выжженной почве называется Флегра и которая в более поздние времена была названа Кумы. (5) Гиганты были наказаны Зевсом за их противозаконие по отношению к другим людям и за то, что они подчинили своих соседей, заставив их верить их телесному превосходству, а с другой стороны, не вселили веры в тех, которые создали законы справедливости, и что они затеяли войну с теми, которые всеми считаются богами вследствие их всеобщих благодеяний. (6) Поэтому, говорят, Зевс не только до конца истреблял нечестивых и дурных, но также и наделял достойными почестями и лучших из богов и героев, а также и людей. Благодаря множеству его благодеяний и превосходству силы ему со стороны всех были единогласно [предоставлены] на вечные времена власть и жилище на Олимпе.

(72, 1). Было предписано и жертвы ему совершать большие, чем всем остальным богам. И после его ухода с земли на небо в душах осчастливленных людей возникли правильные мнения, что именно он есть господин над всем происходящим на небе, — добавлю — также и над дождями, громами и молниями и прочим подобным. (2) Поэтому он и был назван Зевсом, ввиду того, что он оказывается для людей виновником жизни (dzen), выращивателем плодов до конца, ввиду благорастворения атмосферы, а также ввиду того, что он оказывается как бы водителем человеческого рода; [назван он] высочайшим и царем ввиду преизбытка власти;



Рея вручает Крону камень

благим советником и промыслителем — ввиду прекрасного разумения при подании советов.

40. Callim. Hymn. I (Гимн Зевсу; рождение Зевса в Аркадии и жизнь на Крите)

При возлияниях Зевсу — что следует песней восславить,
Как не извечного бога, великого всех властелина,
Что укротил землеродных [7], закон небожителям создал?
[Рождение Зевса в Аркадии]
Как же его воспевать — как Диктейского иль как Ликейца [8]?
Сердце в сомненье: расходятся слухи о родине бога.
Зевс, говорят, будто ты был рожден на Идейских вершинах;
Зевс, говорят, — из Аркадии ты; кто же, отче, ошибся?
«Критяне лживы всегда», даже гроб тебе, царь, смастерили
Критяне, — ты же не умер совсем и живешь бесконечно.
Рея тебя родила на Паррасии [9], там, где вершина
Эта покрыта кустами кругом. С того времени место

Стало святым; и ни зверь ни один, что нуждается в родах,
К месту тому не придет, ни жена ни одна. Апиданцы [10]
Назвали гору стариннейшим ложем божественной Реи.
Там, где тобой разрешились у матери мощные недра,
Стала искать она ключ родниковый, в котором могла бы
Нечистоту свою смыть от родов и обмыть тебе тельце.
Но ведь тогда еще не протекал ни Ладон величавый,
Ни Эриманф [11], самый чистый из рек: вся Аркадия древле
Вовсе безводной была, лишь потом хорошо орошенной
Стала она. Но в то время, как Рея тобой разрешилась,
Много дубов возвышал на теперешнем русле Иаон,
Мелас носил на себе многочисленные колесницы.
Многие звери селились в земле наверху Кариона,
Там, где потоки теперь; человек путешествовал пеший
По каменистой Метопе, по Крафисе [12], жаждой томимый,
Хоть под ногами его и таилась вода в изобилье.
Затруднена неудобством таким, мать Рея сказала:
«Милая Гея, роди же и ты: легки твои роды!»
Молвила так и, поднявши свою величавую руку,
Стукнула гору жезлом, — широко расступилась вершина
Надвое и источила великий поток.

[Перенесение Зевса на Крит]

Тогда Рея
Тельце омыла твое и, закутав, дала тебя Неде [13]
В критский тайник отнести, потаенное дать воспитанье:
Неда — любимая Нимфа из всех помогавших при родах,
Возрастом старшая Нимф других, кроме Стиксы с Филирой [14].
Милость немалую ей даровала богиня, назвавши
Именем Неды поток, что всегда протекал недалеко
От городища кавконов [15], носящего имя Лепрейон;
Слился поток тот с Нереем [16], и эту древнейшую воду
Род Ликаонской медведицы пьет [и потомки Аркада [17]].
Фены [18] оставив уже, когда Нимфа несла тебя, отче
Зевс, в направлении Кносса (до Кносса от Фен недалеко),
Ты потерял свой пупок: отвалился он, демон; отсюда
Эту равнину кидонцы [19] назвали «Пуповое поле».
Зевса, тебя понесли на плечах Корибантов подруги —
Нимфы Диктеи, Мелеи; тебя в золотую корзину
Спать Адрастея кладет; ты сосешь у козы Амальфеи
Тучное вымя, потом ты вкушал и от сладкого меда,
Ибо там вдруг обнаружились соты пчелы Панакриды —
Возле Идейских вершин, что Панакрами прозваны были.
Быстро Куреты вокруг тебя в пляске скакали военной
И ударяли оружьем, чтоб слышали Кроновы уши
Звуки щитов, а не крики твои, подраставший младенец.

[Мощь подросшего Зевса]

Ты хорошо вырастал и питался, о Зевс-небожитель.
Скоро ты отроком стал, и пушок на щеках появился,
Но уже в возрасте детском ты все изрекал совершенно, —

Так что и братья твои, хоть и старше тебя они были,
Не помешали тебе воцариться в небесном жилище.
Древним аэдам не полная правда известна об этом:
Думали, будто три Кронова сына делились по жребью...
Кто об Олимпе и Аде его бы метать согласился, —
Разве безумец какой? Лишь о равном так спорить привычно,
Эти ж уделы богов слишком разнятся собою.
Если бы лгал я, то только такое, что нравится слушать:
Вовсе не жребий содеял тебя первенствующим богом, —
Подвиги рук, твоя Сила и Мощь, что у царского трона.
Ты поручил возвещать свои знаменья самой высокой
Птице [20], и я бы хотел, чтоб друзьям они были счастливы.

[Мудрость и добродетели Зевса]

Юношей выбрал ты самых прекрасных: не в плаванье дальнем
Опытных, или щитов потрясателей, иль песнопевцев, —
Их предоставил ты младшим богам, попечение вверив
Им о другом; а себе ты избрал тех, что городом правят,
Тех, в коих власти умелый оружьем, гребец, земледелец
И все другие ремесла: правителям что неподвластно?
Мы, например, воспеваем кующих металлы Гефеста,
Или в оружье Арея бойцов, или ловчих Хитоны,
То ж Артемиды; мы к Фебу относим искусников лиры,
К Зевсу же только царей, ибо Зевсу священнее прочих
Только вожди, и в уделе твоем ты им быть предназначил.
Вверил ты им охранять города, — а сам восседаешь
Сверх городов, надзирая, кто правит народом разумно,
Кто же из них управляет народом посредством насилья.
Всем предоставил ты им в обилии жить и в богатстве,
Впрочем, не поровну всем: как свидетель здесь может быть назван
Нынешний царь наш, во всем далеко остальных превзошедший:
Вечером он совершает дела, что поутру замыслил, —
Вечером то, что крупнее, а малое — только помыслив.
Год был бы нужен другим, а иным — не один даже; сам ты
Все достиженье иных отнимал, прекращая их рвенье.

[Заключение]

Радость прими же, всевышний Кронид, подающий нам благо,
Цельность дающий нам бог. Кто дела твои может восславить?
Нет и не будет таких, кто бы Зевса деянья восславил.
Радуйся, отче, и радуйся вновь! Дай нам доблесть и блага:
Доблести нет — и богатство не даст возрасти человекам,
Блага без доблести тож. Так дай же и доблесть и блага!

c) Ps.-Erat. Catast. 13 (О воспитании Зевса)

См. «Зевс и Гера», § 4 а.

КУРЕТЫ

41. a) Strab. X 3, 7 (Общее понятие о Куретах)

...Куреты [как народ] отличаются от этолян и акарнян, приближаясь скорее к басням о Сатирах, Силенах, Вакханках и Титирах. Излагающие исто-

рию Крита и Фригии утверждают, что Куреты были подобные же божеские существа или слуги божеств, причем история их переплетается рассказами о различных священнодействиях, то таинственных, то иного рода, относящихся к воспитанию Зевса на Крите, к оргиям Матери богов в Фригии и в окрестностях троянской Иды. До того простираются противоречия в этих сказаниях, что одни принимают Корибантов, Кабиров, идейских Дактилей и Тельхинов за одно с Куретами, а другие считают эти народы только родственными между собою и признают некоторые, незначительные впрочем, отличия между ними; говоря кратко и вообще, всех их считают восторженными, вакхическими, все они пляшут в вооружении под звуки и шум кимвалов, тимпанов и оружия, а также под звуки флейты и восклицания, наводя страх на людей во время священнодействий, принимая на себя вид служителей божества. Поэтому празднества эти смешиваются с самофракийскими, лемносскими и многими другими, так как усматривают в исполнителях их одних и тех же людей. Впрочем, весь этот материал составляет предмет теологического исследования и не чужд умозрению философа.

b) Strab. X 3, 11—12 (Куреты и Зевс оргиастический)

(11) На Крите совершались кроме этих празднеств еще особенные празднества в честь Зевса, с оргиями и с участием таких слуг, которые соответствовали Дионисовым Сатирам. Их называли Куретами. Это были молодые люди, исполнявшие вооруженный танец. В движениях последнего они воспроизводили миф о рождении Зевса, причем танцевавшие представляли Кроноса, пожиравшего своих детей тотчас по рождении, и Рею, пытающуюся скрыть роды, удалить новорожденного и спасти его, где можно. Ради этого Рея обращается к Куретам, которые тимпанами и другими инструментами производят шум, совершают в вооружении шумный танец около богини, устрашают Кроноса и желают обманом скрыть сына его. Предание гласит также, что Зевс отдан был на воспитание им же. Куреты удостоились этого названия или за то, что оказали такое содействие, будучи еще детьми (κοῦροι), или за то, что воспитали Зевса-ребенка (говорят об этом двояко). Они представляют собой как бы Сатиров Зевса.

(12) Берекинты, составляющие одно из фригийских племен, и фригийцы вообще, а также троянцы, живущие в окрестностях Иды, почитают Рею, устраивают в честь ее оргии, называя ее Матерью богов, Великою богиней фригийскою и Агдистою, а также Идеею, Диндименою, Сипиленою, Пессинунтидою и Кибелою, по именам местностей. Эллины называют служителей также Куретами, однако не в силу той басни, о которой мы говорили, а каких-то совсем иных лиц, подобных Сатирам, состоящим в услужении. Эти лица называются также Корибантами.

c) Strab. X 3, 19—22 (Куреты и идейские Дактили)

(19) Кроме сказанного об этих божественных существах, носящих различные наименования, некоторые утверждают еще, что так назывались не только служители богов, но и сами боги. Так, по словам Гесиода, у Гекатера и дочери Форонея было пять дочерей, «от которых родились богини, горные Нимфы, ничтожное поколение Сатиров, к делу неспособных, а также боги Куреты, любители танцев и всяких забав». Автор «Форониды» называет Куретов флейтистами и фригийцами, другие писатели — рожденными от Земли, вооруженными медными щитами; третьи

Рея с младенцем Зевсом и Корибанты. Терракотовый рельеф

называют фригийцами не Куретов, но Корибантов, а тех считают критянами; Куреты же будто бы первые в Евбее начали носить медное вооружение, почему и называли их Халкидами. Потом, некоторые утверждают, что Корибанты даны были Рее Титанами в качестве вооруженных служителей, причем Корибанты выводятся из Бактрианы, а другими — из Колхиды. В критских сказаниях Куреты именуются кормильцами и стражами Зевса и выводятся на Крит Реею из Фригии. По мнению других, те из девяти Тельхинов названы были Куретами, которые сопровождали Рею на Крит и воспитали Зевса, потом будто бы Корибант, друг их и основатель Гиерапитны, подал повод прасиям [Прас — город на Крите] и родосцам говорить, что Корибанты — какие-то божественные существа, дети Афины и Гелия. Наконец, существуют еще мнения, будто Корибанты — дети Кроноса или же Зевса и Каллиопы, при этом отождествляют их с Кабирами, говоря, что эти последние ушли на Самофракию, называвшуюся прежде Мелитою, и что деяния их были исполнены таинственности.

(20) Скепсиец [историк Димитрий Скепсийский], который собрал эти сказания, не принимает изложенных выше мнений, утверждая, что на Самофракии не рассказывается ничего таинственного о Кабирах. Он присоединяет тут же и мнение Стесимброта с Фасоса, что на Самофракии установлены празднества Кабира, а название свое Кабиры, по его мнению, получили от горы Кабира в Берекинтии. Некоторые считают Куретов служителями Гекаты и отождествляют их с Корибантами. Тот же Скепсиец в другом месте замечает, что почитание Реи на Крите не туземного происхождения и не распространено достаточно, но что таково оно только в Фригии и Троаде, причем Скепсиец расходится с Еврипидом. Кто говорит иначе, тот, по словам того же писателя, рассказывает скорее басни, чем историю. Впрочем, к такому мнению могла привести случайная одноименность местностей, именно: Ида — название критской и троянской горы; Дикта есть местность в Скепсии и гора на Крите; потом, холм Иды называется Питною... откуда город Гиерапитна; Гиппокорона — часть Адрамиттены, а на Крите есть Гиппокороний; наконец, Самонием называется восточный мыс острова и равнина в Неандриде и в области Александриев.

(21) Акусилай, аргивянин, называет Камилла сыном Кабиры и Гефеста, а сыновьями Камилла были три Кабира; кроме них были нимфы Кабириды. По словам Ферекида, от Аполлона и Ретии родилось девять Корибантов, которые занимали Самофракию; а Кабира, дочь Протея, и Гефест родили трех Кабиров и трех нимф Кабирид, тем и другим установлены были священнодействия. Наибольшим почетом Кабиры пользуются на островах Имбросе и Лемносе, впрочем, и в городах троянских; названия городов таинственны. Геродот (III 37) сообщает, что культ Кабиров и Гефеста существовал также в Мемфисе, но что упразднен был Камби-

зом. Места почитаний этих божественных существ необитаемы, именно: Коринантий, что в Амакситии, составляющей часть нынешней области Александриев, подле Сминфия, Корибисса в Скепсии подле реки Евреента, подле деревни того же имени и потока Айфалоента. Мнение, будто Куреты и Корибанты не кто иные, как юноши и мальчики, которым предлагали участвовать в празднествах Матери богов для исполнения танца в вооружении, считается Скепсием достойным веры. Корибанты так названы от corypto (трясу головой) и bainein (идти), потому что в танцах они выступали тряся головою; таких лиц Гомер [Od. VIII 250] называет искусными танцорами:

> Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
> Самых искусных...

Так как Корибанты были плясуны и легко вдохновлялись, то и мы употребляем термин «корибантствовать» о бешеных движениях.

(22) Что касается Дактилей идейских, то, по мнению одних, так назывались первые обитатели страны, которая простирается у подошвы Иды, потому что основания горы называются подошвою, а вершины ее — главами; равным образом отдельные оконечности горы Иды, все посвященные Матери богов, называются ее пальцами, dactyloi. Софокл полагает, что Дактили были первые пять мужчин, что они открыли железо и обработали его впервые, что они изобрели много других предметов, полезных для человека, что у этих пяти мужчин было пять сестер и что благодаря числу десяти они все названы были дактилями [пальцами]. Разные лица говорят об этом различно, к сомнительному прибавляя новое сомнительное; причем приводятся различные названия и различное число Дактилей, в числе которых называют какого-то Келмиса, а также Дамнанея, Геракла и Акмона. Одни считают их туземцами на Иде, другие — пришлыми, но все согласны в том, что они первые на Иде начали обрабатывать железо, все считают их фиглярами, служителями Матери богов и жившими в Фригии, в окрестностях Иды. Трояду называют Фригией потому, что когда Троя была разрушена, то страною овладели жившие в соседстве фригийцы. Куретов и Корибантов считают потомками идейских Дактилей, именно: будто первые сто мужчин, родившиеся на Крите, были названы идейскими Дактилями, от них было девять потомков, Куретов. Каждый из этих последних произвел на свет по десяти детей, которые назывались идейскими Дактилями.

Ср. Diod. V 64 (об идейских Дактилях).

d) Strab. VII, frg. 50 (Куреты отличны от идейских Дактилей)

Многие говорят, что в Самофракии почитались те же самые боги, что и у Кабиров, но при этом не в состоянии определить, кто были Кабиры, а также Кирбанты, Корибанты, Куреты и идейские Дактили.

e) Strab. X 4, 16 (Куреты — изобретатели военных танцев)

Он установил также упражнения в стрельбе, в военных танцах, которые впервые были изобретены Куретом; впоследствии военный танец назван был, по имени организатора его, пиррихою, так что и юношеским играм не были чужды упражнения, полезные для войны.

f) Hyg. Fab. 139 (О Куретах)

После того как Опс родила Зевса от Кроноса, Гера попросила, чтобы он его уступил ей, потому что Кронос сбрасывал Орка в Тартар и Посейдона в воду, зная, что есть предречение о лишении его царства тем, кто, происходя от него, останется в живых. Когда он спросил Опс, где находится тот, кого она родила, она показала ему завернутый камень. Кронос его пожрал. Заметивши же это, он начал искать Зевса по землям. А Гера отправила Зевса на остров Критский. При этом кормилица мальчика Амальфея подвесила его в колыбели на дереве, так что его нельзя было найти ни на небе, ни на земле, ни на море. И чтобы не было слышно плача ребенка, она созвала юношей и дала им небольшие медные щиты и копья и заставила их стучать, двигаясь вокруг дерева. По-гречески они были названы Куретами. Другие называются Корибантами, а эти — Ларами.

g) Diod. V 65

Рассказывают, что после идейских Дактилей появились [на Крите] девять Куретов. Одни повествуют, что Куреты являются порождением Земли. Другие, что они — потомки идейских Дактилей. Населяют они лесистые горы и места с ущельями и вообще такие, которые имеют прикрытия и естественные убежища, ввиду того, что они еще не изобрели постройки жилищ. Они отличаются тем, что умеют наставлять многому полезному. Они первые образовали стада овец и приручили других животных и научили пчеловодству. Подобным же образом они стали советниками в искусстве стрельбы и охоты и стали водителями общей взаимной дружбы и сожительства, а также единомыслия и некоторого благочиния. Они придумали мечи, шлемы и вооруженные танцы. Производя при помощи этого великий шум, они обманывают Кроноса. Говорят, что они гостеприимно приняли и воспитывали Зевса, когда его мать Рея передала его им тайком от отца Кроноса.

42. a) Damasc. 278 (II 150, 22 Rue.) (Куреты и Рея)

В-четырнадцатых, мы спросим в отдельности и самостоятельно: почему первый отец [Фанет] и третий [Зевс] не производят чина Куретов у эллинов, но *одна только Рея рождает Куретов*, которых мы называем «неумолимыми»? Вообще же почему координированы с нею трое, в то время как по богопреданному сказанию у нее только один «неумолимый»?

[Ср. § 32 e.]

b) Procl. in Crat. 396 b (p. 58, 1 Pasqu.) (Куреты, Кронос и Зевс; Куреты охраняют не Кроноса, который сам является их причиной, но Зевса)

Таково превосходство устроения этого бога Кроноса сравнительно с более слабыми и его чистое единение с умопостигаемым, что он *не нуждается в охране Куретов* так, как Рея, Зевс и Кора. Ибо все они *через эманацию во вторичное нуждаются в крепкой охране Куретов*. А Кронос, прочно утвердившийся в себе и устранивший себя от всего вторичного, крепче охраны Куретов и единовидно содержит в самом себе их причину. Именно это чистое и непорочное дает осуществление всем эманациям Куретов.

c) Procl. in Tim. 28 c (I 317, 11 D.) (Куреты — «страшная стража»)

Ибо как богослов помещает вокруг Зевса чин Куретов, так и Платон [Prot. 321 d] говорит, что около него стоит «страшная стража», и, как тот утверждает его [Зевса] на вершине Олимпа, так и этот предоставил ему «акрополь», где он, навеки утвердившись, все устроит через средние чины. Этим сказано, что он за демиург, и сказано, что божественный ум есть причина универсального творения. При этом следует припомнить, что Орфеем и Платоном он воспевается как демиург Зевс.

d) Procl. in. Theol. Plat. V 3, p. 253, 36 («Умозрительная» природа Куретов)

Однако Платон, следуя Орфею, неумолимую и непорочную Триаду умозрительных богов определенно называет Триадой Куретов, как в «Законах» [VII 796 b] говорит Афинский гость, восхваляя воинственные песни, игры и ритмическую пляску Куретов. Ведь Орфей приставляет стражами к Зевсу трех Куретов. И узаконение критян, и все эллинское богословие относят к этому чину чистую, непорочную жизнь и деятельность. Не указывается ничто другое целомудренное, чистое и незапятнанное.

e) Procl. in Theol. Plat. V 35 init. p. 322, 23 (Куреты и Афина; Куреты относятся к числу умозрительной красоты Афины)

Итак, после такого неопределенного и общего учения о богах выставим открыто эллинское предание о нем, сообщенное нам Платоном, и покажем, что он включительно до имен следовал эллинским богословам, как в мистическом созерцании трех царей и в изъяснении непорочных богов, не отступая от руководства указанных [богословов]. Ибо кто, даже из малознакомых с эллинской теософией, не знает, что в их неизреченных таинствах и сочинениях о богах особенно прославляется ими чин Куретов как *представитель непорочной особенности*, повелевающей богиней и возложившей на нее *охрану мира*? Итак, эти боги, говорят, *охраняют царицу Рею и Демиурга* всего мира, проникая вплоть до виновников частичного рождения живых существ и демиургии, *и здесь охраняют Кору и Диониса*, изымая их из вторичного, подобно тому как здесь охраняют рождения живых существ универсальной жизни и перводейственной монады всесовершенной демиургии. Потому этот чин Куретов знали не только Орфей и предшествовавшие Платону богословы и, зная, почитали, но воспел его и Афинский гость в «Законах» [VII 796 b]. Ибо на Крите, говорят, воинственные игры Куретов были первоначальными образцами всякого ритмического движения. И теперь он не удовлетворился тем, что припомнил этот чин Куретов, но прибавил к ним и единую их единичность, восхваляя владычицу Афину, мистагогия которой у предшествовавших ему богословов связывает с нею всю эманацию Куретов, вверху обращая их в символы Афины, как представителей вечноцветущей жизни и зрелого мышления, а внизу ясно подчиняя их промыслу Афины. Ведь первичные Куреты, будучи богами умопостигаемой и спутниками тайной [монады], довольствуются происходящими отсюда признаками. А Куреты во вторичных и третичных чинах зависят от умозрительной монады Афины... Отсюда и Куреты получили наименование, будучи представителями нетленной чистоты богов.

Воспитание Зевса на Крите

f) Procl. in Crat. 406 d (p. 112, 14 Pasqu.)

Теперь Сократ воспевает охранительное [начало] под именем Паллады, а усовершительное — под именем Афины. Ритмическую пляску выясняет он через движение, которое приписывает первичному чину Куретов, а во вторичном смысле — другим богам. Ведь богиня [Афина] сообразно этой потенции есть, как говорит Орфей, вождь Куретов.

d) Procl. in R. P. I 138, 12 Kr.

Ведь первичные Куреты и другие посвящены чину Афины и, по преданию, опоясаны ветвью оливы, как говорит Орфей.

h) Procl. in Tim. 42 d (III 310, 25 D.)

...или и потому, что с ними существует божественность Куретов, озаряющая нетленность мышлением, а движением — стойкость, дающая всем им неумолимую силу, при посредстве которой они, владея собою, руководят всем универсальным.

i) Procl. in. Theol. Plat. VI 13, p. 382, 10 (Корибанты)

Говорится, что Куреты окружают Демиурга-универса и пляшут вокруг него, будучи явлены Реей. Итак, среди умозрительных богов первый чин Куретов получил существование. Аналогично тамошним Куретам — чин Корибантов, предшествующий Коре и отовсюду ее охраняющий, как говорит богословие. Поэтому они и получили свое наименование.

j) Julian. Or. V, p. 168 b (Триадическое деление)

Сопровождают его [Аттиса] данные матерью Корибанты, три начальные субстанции из сильнейших после богов родов.

к) Ps. -Jambl. Theol. ar. IX 59

И Орфей и Пифагор характерно называют эту эннеаду [девятку] куретической, потому что она тройным образом посвящена трем Куретам, или называют Корой, причем и то и другое приспособлено к триаде, содержащей это три раза.

43. a) Hymn. Orph. XXXVIII (Гимнический образ Куретов)

Шумные медью Куреты, имея оружье Арея,
На небесах, на земле и на море, вы многообильны,
Зверорожденные духи, хранители светлые мира,
Вы обитаете на Самофраке, на почве священной,
От человеков, плывущих в морях, отражая опасность.
Первые вы для людей свои таинства учредили;
Чуждые смерти Куреты, имея оружье Арея,
Движете вы Океан, море движете, также деревья.
Шествуя легкой стопой, оглашаете гулом вы почву,
Светлые блеском оружья. Все звери к земле припадают,
Слыша идущих; смятенье и крик достигают до неба;
Пыль, закружась от шагающих ног, поднимается к тучам;
Вместе же все зацветают цветы. Неподвластные смерти
Демоны, вы и кормильцы людей и губители вместе.
Ведь неожиданно вы устремляетесь гневные к людям,
Жизнь нам губя и добро и сбивая с пути человеков,
И — воздыхает великое море глубокой пучиной,
Высоковерхое древо низвержется на землю с корня,

И отголосок небесный шумит среди шелеста листьев.
О Корибанты-Куреты, владыки, прекрасные мощью!
На Самофраке вы правите, дети великого Зевса,
Вечные духи, питатели душ, туманные видом,
Вы на Олимпе слывете небесными и близнецами.
Легки дыханьем, ясны и ласковы, нас сохраняя,
Вы покровители Ор, плодоносцы и в духе владыки.

b) Hymn. Orph. XXXIX (Гимн Корибанту)

Я призываю царя величайшего неистощимой
Почвы Кирбанта, богатого долей, Ареева сына,
Жуткого ночью Курета, что держит ужасные страхи,
Друга видений, что бродит один, Корибанта-владыку,
Светлого видом, с природой двойной многовидного бога,
Красного кровью убийства двоих его кровных собратьев.
Ты, что решеньем Деметры сменил себе чистое тело,
Взяв зверовидную форму покрытого мраком дракона, —
Внемли, блаженный, призывам и гнев от нас тяжкий отрини,
Души избавь от видений нечистых и страх наводящих.

c) Hymn. Orph. XXXI (Гимн Куретам)

Прыгая вооруженны, шаги прибивая, Куреты,
Пляшете вы как волчки, благозвездные, горные духи,
Лирой искусной сверх ритма вы движетесь, легкие следом,
Вооруженные стражи, вожди с выдающейся славой,
С матерью вместе в горах вы бушуете, оргиофанты:
К благочестивым глаголам грядите и милость явите
Пастырю, с радостью в духе, всегда расцветая роскошно.

Ср. Herm. in Phaedr. 248 (p. 161 Couvr.) (о воспитательницах Зевса в пещере Ночи, Адрастее и Амальфее).

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЗЕВСА И КРОНОСА СПЕЦИАЛЬНО

44. a) Procl. in Tim. 29 a (I 324, 14 D.) (Зевс как свободное воплощение Кроноса в инобытии)

Это сказал и Орфей, показывая, что *умопостигаемый бог поглощается Демиургом Всего* [универса]. И Платон, изменяя мышление на видение, предположил, что Демиург *взирает на первообраз*, а богослов представил, что тот нападает на умопостигаемое и поглощает его, как это выявил миф. Ведь если говорить точно словами наставника, то «первородный» бог у Орфея, утверждаемый у предела умопостигаемого, есть «живое-в-себе существо» Платона. Поэтому оно вечно и является самым прекрасным из мыслимых предметов; и оно есть в умопостигаемом то, что Зевс — в умозрительном. Ведь тот и другой есть *предел этих чинов*, и первый есть первичная из первообразных причин, а второй есть *само монадическое из причин демиургических*. Поэтому и соединяется с ним Зевс при посредстве Ночи и, исполненный им, становится *как бы умопостигаемым миром в умозрительном.*

Силу вместив в себя первозданного Эрикепая,
Образ мира тогда приял он в глубокое чрево,

Бога крепость и мощь смешал он с собственным телом,
И чрез это опять внутри Зевса весь мир очутился.

b) Procl. in Tim. 28 c (1312, 26 D.)

Итак, Платон, выставив этого Демиурга, допустил его неизреченность и неименуемость, как поставленного во главе всего [универсального] в сфере блага [Phileb. 54 c]. Ведь во всяком чине богов есть аналогичное единому. Такова в каждом мире *монада*. А Орфей предоставил ему и имя, потому что он исходил отсюда; за ним последовал и сам Платон в других местах: ведь у него Зевс, предшествующий трем Кронидам, он-то и есть *демиург* Всего. После поглощения Фанета в нем проявились *идеи всех вещей*, как говорит богослов:

И чрез это весь мир внутри Зевса опять очутился... —

[и, далее]:

Светлых небес высота и пространного в небе эфира
Неизмеримое море и суша земли знаменитой,
И Океан великий, и Тартар, недра земные,
Реки и море пустынное, всё остальное и боги,
Все бессмертные и блаженные, также богини,
И поколенья людей, живущих уже и грядущих, —
В Зевсе всё целиком, в глубоком чреве сокрыто.

Ср. также I 314, 22 D.

c) Procl. in Tim. 34 a (II 93, 18 D.)

Ведь упоминаемые у богословов поглощения суть *некие охваты*, одни из них — родительские, умозрительно объемлющие умопостигаемое, а другие — сыновние, умопостигаемо охватывающие умозрительное.

d) Procl. in Parm. 130 b (p. 799, 27 Cous.)

Ведь Орфей говорит, что после поглощения Фанета в *Зевсе возникли все вещи*, так как первично и соединенно в том [в Фанете], а вторично и разделенно в демиурге проявились начала всего мирового. Ведь здесь солнце, луна, само небо, стихии, объединитель Эрот и всё вообще «в глубоком чреве сокрыто».

e) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 148, 10 Couvr.)

Кроме же этого сказано, что нужно, чтобы соприкосновение доходило до чего-нибудь. Почему же до этого? Потому, очевидно, что не говорится, что боги, находящиеся под властью Зевса, соединены с Фанетом, но только *один Зевс*, да и он *через Ночь*.

45. a) Porphyr. De antr. nymph. 16, p. 67, 21 (Овладение Кроноса Зевсом путем его ограничения)

У Орфея Зевс улавливает Кроноса при помощи меда. Именно, наполнившись медом, он пьянеет и хмелеет, как от вина, и засыпает, как у Платона [Conv. 203 b] Порос, наполнившийся нектаром. Ведь тогда еще не было вина. У Орфея Ночь, внушая Зевсу коварный обман при посредстве мёда, говорит:

Лишь увидишь его под густолиственным дубом
Опьяневшим от мёда, труда пчел сильно жужжащих, —
Тотчас вяжи его.

Тритон, похищающий нимфу

Этому и подвергается Кронос и, связанный, обрезывается, как Уран, причем богослов намекает, что божественное [в нем] связано наслаждением и влечется вниз к рождению и, разрешаясь в наслаждении, изливает потенции. Поэтому Кронос обрезывает Урана, сошедшего к Гее в жажде совокупления. Тождественным же с наслаждением от совокупления представлено у них наслаждение мёдом, обманутый при помощи которого Кронос обрезывается [Зевсом]. Ведь первый противоставший Урану есть Кронос и его сфера. Нисходят же потенции с неба и от планет, но Кронос приемлет потенции, нисходящие с неба, а Зевс — потенции, нисходящие от Кроноса.

b) Procl. in Tim. 35 b (II 208, 30 D.)

Эти обрезания отца и оковы должны быть рассматриваемы с точки зрения первообраза, ибо он [Зевс] сначала обрезывает его [Кроноса], а потом сковывает неразрывными узами, — это и по образам у богословов, когда они говорят об обрезании и узах Кроноса, которым подвергает себя творец мира, как упоминает об этом Сократ в «Кратиле» (404 a).

Ср. Hymn. Orph. XIII 2—5 (символическое толкование оков Кроноса) — § 38 f.

ЗЕВС — ДЕМИУРГ

c) Procl. in Crat. 391 a (27, 21 Pasqu.) (Универсальная демиургия, — Зевс осуществляет заложенную в единораздельности Кроноса универсальную демиургию)

Ведь величайший *Кронос свыше вручает демиургу начала мышления и ставит его во главе всей демиургии*, почему Зевс у Орфея и называет его демоном:

Наше исправь поколение, демон весьма знаменитый!

И по-видимому, Кронос содержит в самом себе главнейшие причины соединений и разделений, через небесные обрезания проводящий в отдельные части универсальность умозрительную, являющийся виновником умозрительных эманаций и размножений, и вообще вождь титанического поколения (от которого происходит разделение сущего), собирающий при помощи поглощения снова свои порождения, объединяющий их с самим собою и разрешающий в свою собственную единовидную и неделимую причину. В самом деле, демиург Зевс непосредственно от него приемлет истину сущего и сначала мыслит его в себе. Ибо и Ночь прорицает ему [§ 9 g, h], но отец непосредственно вручает ему все меры универсальной демиургии.

d) Procl. in Tim. proem. (I 207, 11 D.)

К Кроносу снова после уз обращается [Зевс], только уже без молитвы, со словами: «Наше... знаменитый» — и взывает к благосклонности отца в течение всего последующего.

Ср. Procl. in Alcib. I 103 a (p. 384, 3 Cous.).

e) Olymp. in Alcib. I 3, p. 15 Creuz.

И Орфей представляет Зевса говорящим собственному отцу: «Наше... знаменитый».

f) Damasc. 270 (II 136, 27 Rue.)

Разве Орфей не связывает с Кроносом причал универсальной демиургии, а демиург [Зевс] разве не молится ему: «Наше... знаменитый»? Следовательно, он выравнивает и исправляет все миротворение. Однако еще яснее полагают это о нем финикийцы, делая его первым демоном, привлекшим к участию демиурга.

g) Procl. in Tim. 22 d, e (I 118, 21 D.) (Крит как символ)

Очищение происходит то водою, то огнем, и везде чистота у вторичных от первичных. Вследствие этого и у Орфея Зевс советует перенести очистительные обряды с Крита. Ведь богословы обычно вместо умопостигаемого ставят Крит.

h) Procl. in Crat. 396 b (52, 26 Pasqu.) (Скипетр Зевса)

Ведь Зевс выставляет два распорядка: небесный и сверхнебесный, почему и скипетр его, как говорит богослов, имеет в длину «двадцать четыре меры», как владыка двух диодекад.

i) Procl. in Tim. 20 a (169, 29 D.)

Его царство и владычество над Всем управляет величайшими началами, почему и скипетр равен двадцати четырем мерам, согласно мнению богословов.

j) Procl. in Tim. 31 a (I 451, 2 D.)

Но Фанет выставляет две триады, а Зевс — две диодекады, и потому его скипетр называется двадцати четырех мер.

46. a) Aristocrit. Manich. in Theos. Tübing. 50, p. 109, 23 Bur. (Универсальность Зевса)

Сириан в своих трудах приводит следующее изречение оракула:

Сила единая, демон один родитель, всех вождь превеликий,
Царственный образ единый, в котором все это вертится:
Огнь и вода, и земля, и эфир, и день вместе с ночью,
Первый родитель — Совет и Эрот, доставляющий радость, —
Всё это там пребывает в великом теле у Зевса.
Всё это мыслит один он, божественно все промышляет.
Всё живет на глазах у отца и Зевса-владыки:
Боги бессмертные все и смертные все человеки,
Звери и птицы, и гады, и всё, что воздухом дышит.
Не утаятся его поколенья людей, однодневки,
С их неправдой, ни звери, что в чащах лесных обитают,
Дикие, четвероногие, с шерстью густой, мощно-душные.

b) Procl. in Parm. IV 959, 21 Cous.

Не удивимся, слыша орфические песнопения, в которых богослов говорит: «Все живут... поколения», —

И поколенья людей, живущих уже и грядущих.

[Ср. § 44 b.]

Ибо он полон всего умопостигаемого и содержит все раздельные начала, так что он рождает людей и всё прочее согласно их особенностям, поскольку не каждое божественно, как бывший прежде него умопостигаемый отец.

c) Procl. in Tim. 29 a, b (I 336, 6 D.) (Зевс как тождество первообраза и демиургии)

Ведь в древности богослов воспел в Фанете творческое начало потому, что он там был и предсуществовал, как сказал и он сам:

Бромий великий и всевидящий Зевс, —

потому что он имеет как бы источники двойственного творения; в Зевсе — первообразное, ибо он есть Совет (Metis), как говорит:

Первый родитель — Совет и Эрот, доставляющий радость,

а Дионис совместно называется Фанетом и Эрикепаем.

d) Procl. in Alcib. I 109 e (p. 509, 9 Cous.) (Зевс есть космогонический Эрот)

Лучше связать два выражения, ибо в Зевсе есть Эрот. Ведь Метис есть первый родитель и Эрот, доставляющий радость, и Эрот проистекает из Зевса и сосуществует с Зевсом первично в умопостигаемом. Ведь здесь есть всевидящий Зевс и нежный Эрот, как говорит Орфей. Они взаимно родственны, вернее же, объединяются взаимно, и каждый из них любит другого.

Ср. «Афродита», § 12 (очень важный текст о превращении Зевса в Эрота при демиургии).

e) Gregor. Nasians. Or. XXXI, 16 (36, 149 Migne) (Духовная ограниченность Зевса)

Почитаемые эллинами боги и демоны, как сами они говорят, не нуждаются в наших обвинениях, но уличаются своими собственными богословами, как подверженные страстям, мятежные, отягченные преступлениями и изменами. Они противятся не только друг другу, но и первичным началам. Их называют Океанами, Тефиями, Фанетами и еще не знаю какими именами и говорят, что некий последний бог, ненавидящий детей из-за властолюбия, пожрал всех других из ненасытности, чтобы стать отцом всех людей и богов, жалким образом поедаемых и извергаемых.

3. БОРЬБА ЗЕВСА ЗА САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

Демиургический принцип не сразу начинает функционировать по прямому назначению. Надо сначала завоевать все то, что выше демиургии, равно как и все то, что ниже ее.

Выше демиургии гордые, ни с кем не желающие делиться своей властью и своим знанием *Титаны*. Отсюда — титаномахия (§ 47 и Hes. Theog. 629—735 — «История», § 15). Они не могут властвовать, как таковые, так, чтобы ничего, кроме них, не было. Но они, будучи основой всего бытия, не могут и уничтожиться. И вот Зевс низвергает Титанов в Тартар, где мрак и покой, где все начала и концы сущего, но где все бездейственно и как бы мертво (ср. § 51 b). Сделать он это может не иначе как при помощи все того же титанического принципа (так как и сам он в отношении этого последнего вторичен), однако при условии использования его фактической, можно сказать, вещественной, физической мощи. Эта мощь есть *Киклопы* и *Сторукие*. Они и решают титаномахию в пользу Зевса.

Традиция о титаномахии не очень обширная: у Гомера — только намек (IL. XV 224 сл. — в § 25 e). Первое подробное изложение — у Гесиода («История», § 15), причем с путаницей в этом изложении мы уже встречались (ср. комм. 8 к «Истории»). В конце концов, тут неизвестно, когда и кем были низвержены и освобождены Титаны, Киклопы и Сторукие. Гесиод ничего не говорит, кто именно был заточен и кто освобожден. Аполлодор же говорит о заточении только Киклопов и Сторуких и об освобождении их Титанами, родившимися уже после их заточения (Аполлодор, очевидно, под «отцом» в Theog. 502 — «История», § 12 — понимает не Урана, но Кроноса). Непонятно, далее, зачем было Кроносу низвергать своих братьев обратно в Тартар. Неизвестно также у Гесиода, что за причина борьбы с Титанами. Только позже, в Theog. 882, говорится, что тут была борьба за «честь». Продолжительность войны, по Hes. Theog. 635 сл., — десять лет (вероятно, не без подражания троянскому образцу). Особенно выдвинута у Гесиода роль Сторуких. У Гомера назван из них только Бриарей (и он уже помощник Зевса — § 51 e). Однако в циклической теогонии («История», § 5 d, e), так же как и у Вергилия (§ 51 d), и у Овидия (Fast. III 805) и др. (между прочим, у Данте, «Чистилище» XII 28 слл.), он — противник олимпийцев. Неизвестны у Гесиода имена и число Титанов, сражающихся против богов.

Кроме Гесиода, титаномахией занимались Фамирид (Plut. De mus. 3), Мусей («История», § 20 b), циклики («История», § 5 b—l) и вслед за последними Эсхил. У Эсхила («Зевс и Гера», § 20 c) повод к войне изображен яснее, чем у Гесиода. Аполлодор (§ 47 a) в существенном следует Гесиоду (вместе с орфиками называя кроме двенадцати Титанов еще и Диону), а Гигин (§ 47 b) вместе с гомеровским схолиастом представляет Зевса источником могущества еще до борьбы с Титанами (между прочим, тут Гера — против Зевса), что легко объяснимо обычным в последующие времена смешением Титанов и Гигантов (как и у Ov. Fast. III 796 слл.).

Ниже демиургии — слепые силы; *Гиганты и Тифон* есть в полном смысле инобытийная слепая мощь, которую тоже должен одолеть принцип абсолютной демиургии. Отсюда — гигантомахия и тифония. Только после этой победы над всем высшим и над всем низшим Зевс утверждается навеки.

Уже древность различала *три типа* Киклопов: гомеровских людоедов, строителей стен и — «небесных» (§ 48 a). О первых двух категориях см. «Земля», здесь же для нас интересна только последняя категория. Эти Киклопы, как и Титаны, есть порождение Урана и Геи (Theog. 139—146,

Нереида на коне

«История», § 8 а; «Ураниды» — Theog. 501; «История», § 12; «землеродные» — Apoll. Rhod. I 510; Nonn. II 341, «хтонические», ibid. II 600, XXVII 89), ковачи грома и молнии, с одним глазом на лбу, числом трое — Бронт (гром), Стероп (сверкающая молния) и Арг (перун, удар молнией). Уран ненавидит их вместе со Сторукими и низвергает в Тартар (Hes. Theog. 154 слл., «История», § 9; ср. 617 слл., «История», § 14). Насколько можно судить по неясному Гесиоду, после его падения Титаны осво-

бождают своих братьев из Тартара и передают власть Кроносу, который заточает их снова, назначая их стражем чудовище Кампу (§ 28; подробно об этом чудовище у Nonn. XVIII 237 слл., ср. Diod. III 72). На одиннадцатом году своей борьбы с Титанами Зевс, по совету Геи, убивает Кампу, освобождает Киклопов, и те куют для него громы и молнии, вооружая также и других олимпийцев, после чего последние и побеждают Титанов (§ 47 a, «История», § 12). В дальнейшем рассказывалось, что Киклопы были перебиты Аполлоном за то, что Зевс убил перуном его сына Асклепия, учившего людей врачебному искусству (§ 49 a), — неожиданный поворот дела, показывающий вдруг почему-то, что Киклопы — смертные существа. Стрела, которою Аполлон убил Киклопов, была вознесена на небо в качестве созвездия («Эфир и Небо»). У Nonn. XIV 52 слл. и XXVIII 172 слл. интересные сведения о сопровождении Киклопами Диониса в его индийском путешествии. Что Киклопы, появившиеся на одной теогонической ступени с Титанами, не могут быть чем-то третьестепенным и неважным, — ясно. В общем, они тоже Титаны, но они в титанической сфере подчеркивают больше ее художественно-творческую сторону, ее технически-силовое оформление, что явствует из текстов в § 50, а также из того, что для Зевса они — почти только физическая сила.

Судьбу Киклопов в смысле повторного заключения в Тартар и повторного освобождения от него разделяют *Сторукие*, — тоже порождение Урана и Геи (Hes. Theog. 147 слл., 616 сл., 734 слл. — «История», § 8 a, 14, 15 и в настоящем отделе § 51 a), огромные великаны или исполины со ста руками и пятьюдесятью головами, числом трое — Бриарей, Котт и Гиес. Гомер считает имя «Бриарей» — для богов, для людей же — «Эгеон», — в рассказе о том, как однажды пришлось Зевсу прибегнуть к помощи Бриарея (§ 51 e). В противоречии с собственной же установкой Гесиод сообщает в Theog. 815 слл. (§ 51 b) о другом местопребывании Сторуких, не в качестве стражи для Титанов у Тартара, но в глубине Океана. Какая-то особая связь Сторуких с Океаном сквозит и у Евмела, утверждающего, что Бриарей сражался не против Титанов, но в союзе с Титанами («История», § 5 d; также § 51). Как объединить с этим союз Бриарея с Зевсом и Фетидой (§ 51 e), неизвестно. Близость Сторуких к морю сказалась еще и в вариантах: Бриарей — сын Понта и Геи («История», § 5 d, e), сын Посейдона (Eusthath. IL. I 397 слл.). В более поздние времена под Сторукими понимали просто великанов. Так, Геркулесовы столбы были и «столбами Бриарея» (Hesych. Briareo stelai), и это — даже более древнее название (как утверждает Ael. Var. hist. V 3). Вергилий (Aen. VI 287) и Сервий Грамматик (in Verg. Aen. к этому месту), равно как и Каллимах (in Del. 141: Бриарей на месте Гигантов, Тифона и Энкелада), путают Сторуких с Гигантами. У Вергилия (§ 51 d) интересная новость: пятьдесят голов Бриарея пылают огнем. Наконец, в § 52 мы приводим некоторые тексты, небесполезные для осмысления образа Сторуких: это — тоже принцип титанической ступени теогонии, но как бы внешне охватывающий, внешне опробующий титаническую вещь. Титаны есть сознание, творчески осмысляющая форма; Киклопы переводят ее в осуществленное, как бы вещественное бытие; Сторукие закрепляют это осуществление.

Гораздо популярнее были в классическое время *Гиганты* и *гигантомахия*. У Гомера Гиганты — это дикое первобытное племя (см. «Земля»).* У Гесиода они появляются вместе с Эриниями и Мелийскими нимфами из капель крови оскопленного Урана (Theog. 185 слл., «История», § 10). Близость их человеку сквозит в Theog. 50, где Музы «племя затем воспевали людей и могучих Гигантов», и удостоверяется древним сказанием о происхождении людей от Гигантов (PLG III 713), причем Шёман (Schoemann) предполагает, что материнской стороной в этом были Мелийские нимфы. Зато у Овидия — прямо о происхождении людей из крови Гигантов (§ 54 b). Была ли гигантомахия в потерянных частях Гесиодовой «Теогонии», сказать трудно. Древнейшие упоминания о гигантомахии в § 53 a—i, не говоря о весьма многочисленных памятниках изобразительного искусства начиная с VI в. Уже с этого времени начинается смешение Гигантов с Титанами (примеры в § 53 l, m). Ввиду утери соответствующих сочинений о Гигантах Овидия (см. Ov. Am. II 1, 11 слл.), в прозе — Аристокла (FHG IV 331) и Клеанта (Diog. L. VII 175), мы имеем только две гигантомахии Клавдиана, дошедшие не полностью, на греческом (незначительные отрывки) и на латинском (§ 56), резюме Аполлодора (§ 54 a, — сюда же Tzetz к Theog.) и небольшой отрывок у Овидия (§ 54 b). Это и есть весь материал, в основном, о гигантомахии (но особенно интересны памятники изобразительного искусства, здесь у нас не рассматриваемые).

Мотивируется гигантомахия разно. Гея мстит порождением Гигантов или за Титанов (§ 54 a; Apoll. Rhod. 39 сл.: Claud. Gig. 2 — § 56; § 54 c), или за убиение Афиной порожденного ею чудовища Эгиды (Diod. III 70, хотя в этом месте у Диодора прямо не говорится о Гигантах), или за осмеяние ее богами (Myth. Vat. I 11), или за пренебрежение ее богами и нежелание населять ее (Myth. Vat. II 53), или вообще из зависти к олимпийцам (Claud. Gig. 1). Совсем отсутствует Земля в образах Платона (§ 54 e) и Овидия (§ 54 b). Есть материалы, говорящие о том, что Гиганты хотели угрожать небесам, хотели потушить солнце и смять весь мир (§ 54 f).

Что касается *отдельных* Гигантов, то наиболее крупный из них — *Энкелад*, уничтожаемый молнией Зевса или Афиной при помощи щита с Горгоной («Афина Паллада», § 3). У Аполлодора (§ 54 a) самые сильные — *Порфирион* и *Алкионей*. Называют еще следующих: *Мимас*, *Эфиальт* (у которого Аполлон простреливает правый, а Геракл — левый глаз), *Эврит* (которого Дионис убил тирсом), *Клитий* (умерщвленный Гекатой или Гефестом), *Паллант* (с которого Афина содрала кожу), *Полибот* (которого Посейдон убил оторванным им куском острова Коса, когда тот стал убегать по морю), *Ипполит* (убитый Гермесом), *Геон*, *Агрий*, *Фоон* и др. По Цецу, всего было до 100 Гигантов, из которых он сохранил 34 имени. Что Гигантов называли впоследствии Титанами, сказано выше. Но называли и Титанов Гигантами, напр. Коя и Офиона. В число Гигантов втянули потом и Тифона (Пиндар, § 53 d, говорит о Тифоне и Порфирионе вместе; по Lycophr. Alex. 688, Тифон лежит под островом Гигантов; ср. также Hor. Carm. III 4, 53 — § 54 k и Ciris. 32 слл., — хотя тифонию, вообще говоря, Hes. Theog. 820 слл. считает за

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

гигантомахией), втянули сюда также и Сторукого Бриарея-Эгеона (Callim. in Del. 141; ср. § 51 d, выступление его против Юпитера). Гиганты мечут в богов целые скалы, горы, острова, деревья, срывая все это с места и зажигая (§ 54 d; Claud. Gig. 66 слл. и греческая Gig. 36 сл.; 58 сл. Nonn. XLV 199 слл., XLVIII 33 слл.) или громоздя их, вроде Гомеровых Алоадов (ср. Od. XI 315 сл.), до Олимпа (обычно фигурирует Олимп, Осса и Пелион, § 54 b, d, k и др.). Вся природа приходит в смятение; острова то погружаются в море, то опять выплывают; Гиганты уничтожают реки и осушают морское дно, и т. д. Вид Гигантов — человеческий, в эллинистический период — с змеиными ногами (как порождение Земли). Из богов особенно отличается Афина; ее эпитеты — гигантоубийца, истребитель Гигантов); затем идут Аполлон, Гермес, Гера, Арес, Артемида, реже — Гефест. У Пиндара и мн. др. на стороне богов выступает Геракл (§ 53 f, g, h). Особенно интересно это участие Геракла и Диониса, о которых имеется даже особое указание Геи (§ 54 L); по Аполлодору (§ 54 a), Гигантов вообще может убивать только смертный. И Геракл решает здесь судьбу гигантомахии, как раньше Прометей решил судьбу титаномахии. Дионис, бог наиболее земных ощущений, выступает здесь со всеми атрибутами своей чудодейственной религии. На одном вазовом изображении Гигант побеждается тем, что его опутывает внезапно выросший из земли виноград. Вместе с Дионисом выступают пантера и змея и целый фиас Силенов, Сатиров и вакханок (ср. § 54 m). Разъезжая на ослах, они одним своим видом приводят Гигантов в ужас (Ps. -Erat. Catast. II, см. «Эфир и Небо»). С течением времени в гигантомахию вступают еще новые божества, насколько можно судить по вазописи и архитектурным фигурам. Диоскуры и Афродита (Schol. Aristoph. Av. 553; ср. также § 54 v) с Эротом, Кибела со своими львами, Кабир, Лето, Астерия, Геката (эта у Apollod.), Посейдон, Амфитрита, Нерей, Тритон, Фемида, Энио, Гелиос, Селена, Эос, Мойры (то же у Apollod.) и мн. др.

Место гигантомахии — обычно Флегра или Флегры (Aesch. Eum. 291, Eur. Ion. 988 и мн. др.), которые (по Herod. VII 123) есть старое название Паллены, самого западного полуострова Халкидики (впоследствии фигурировала и Италия, а именно вулканическая Кампания между Кумами и Поццуоли, поскольку вулканическая деятельность приписывалась действию Гигантов (Diod. IV 21 сл., Strab. V 4, 4; Polyb. II 17, 1). Самое название Флегры (горящая, пылающая) — первоначально мифологическое, а не географическое, и в качестве обозначения Халкедонского полуострова утвердилось не раньше V в. О многих островах и горах считалось, что они покрывают Гигантов (так, под Сицилией и Этной — Энкелад или Тифон, под островом Нисиром — Полибот, многие — под Везувием и т. д.).

На устроенном после победы над Гигантами празднестве Афина впервые протанцевала пирриху (§ 55 c); участвовал здесь и Геракл (§ 54 o—v). Такая богатая разрисовка мифа о Гигантах со временем окончательно затмила Титанов и титаномахию, бывшую, вообще говоря, очень мало популярною. Близость Гигантов к Земле, а с другой стороны, славное и светлое царство олимпийцев оттеснили в античном сознании теогонических пращуров Титанов, делая их чем-то неживым и загробным. Об огромной популярности гигантомахии свидетельствуют и огромное количество воспроизведений ее в изобразительном искусстве, и частые

упоминания о ней — даже в римской литературе (Lucan. VII 144, IX 654; Martial. IX 50, 6; XI 52, 17; Sil. It. I 433, XII 143; Aetna 41—71 и приводимый у нас в § 56 Клавдиан).

Атлант

Последним мировым потрясением перед окончательным торжеством олимпийцев было выступление Тифона, или Тифоея. Школьная мифология и его считала аллегорией вулканических извержений, тем более что миф о нем действительно связан с местами активной в древности вулканической деятельности (Сицилия, Лидия, Фригия, Мидия и др.). Это страшное чудовище, которое произвела Земля от Тартара («История», § 16, а также Schol. Ven. B IL. II 783, Schol. Plat. Phaedr. 230 a и § 58 a—e), раздраженная гибелью Гигантов (§ 58 a), или одна Земля (§ 59 a; Nonn. I 154. 417, II 561, 631 в § 59 и также еще — XIII 482, 496; Hor. Carm. III 4, 73 и др.), или Гера, раздраженная рождением без нее, одним Зевсом, Афины Паллады (§ 57 c, d), очень колоритно описано у Аполлодора (§ 58 a), использовавшего здесь, вероятно, не один александрийский стихотворный источник. Необходимо отметить и концепции Пиндара (§ 57 f) и Эсхила (§ 57 e).

Гера (§ 57 d) передает рожденного ею Тифона дельфийскому дракону Пифону на воспитание. Тот и воспитывает его вплоть до своей гибели от Аполлона («Аполлон», § 18), причем ни Тифон, ни Химера не могут спасти Пифона от страданий и смерти. По Аполлодору (§ 58 a), у него человеческая голова, которой он касается звезд; большею же частью ему приписывается сто змеиных голов. У Аполлодора, впрочем, это объединено. По Нонну (I 156 сл., II 42 сл., 253 сл., 280 сл., 610 сл. — § 59), у него головы самых разнообразных диких зверей. У Еврипида (Herc. f. 1271 сл.) Геракл называет среди уничтоженных им чудовищ трехтелесного Тифона. По Ov. Met. III 303 и Claud. XXVI 63, у него сто рук, а по Nonn. I 296, II 621, — даже двести.

Как рожденный от Земли он имеет, наподобие Гигантов, змеиные ноги (Nonn. I 415 и др.). Тифон — то черного, то красного цвета. Своими многочисленными языками он говорит понятным образом с богами (Hes. Theog. 829 слл.). Супруга его — Кето, дочь Понта и Геи, или Ехидна (Hes. Theog. 3—4 сл.), с которой он порождает целую тьму чудовищ (§ 58 h, i). Это страшилище не только со ста змеиными головами и темными языками, но и с огненными глазами, смесь божественной речи и дикого рыча-

ния, львиного рева и собачьего лая. Он зажигает землю, небо и море, так что начинает дрожать даже подземный мир. В своем диком неистовстве против всего светлого нападает он на богов, и притом, как подчеркивают источники, на всех богов сразу (Pind., frg. 91, и Aesch. Prom. 358, § 57 e), причем катастрофа была столь близка, что богам пришлось превращаться в разных животных, не исключая и самого Зевса (§ 58 a, b). Действия его простираются даже до Кавказа (Apoll. Rhod. IV 1210 со схол.). Боги спасаются в Египет, а Афродита в сопровождении Эрота — даже на Евфрат (Ov. Fast. II 459 сл. и Hyg. Astr. II 30, § 58 d), где ее спасают рыбы, потом превращенные в звезды. Все же Зевс поражает Тифона молнией, низвергает в Тартар и придавливает горой Этной. Место борьбы указывается различно: «страна аримов», сирийская гора Касион, беотийский Тифаонион, гора Ниса, Фракия, Дельфы. Наказанием побежденного Тифона является низвержение в Тартар (Hes. Theog. 868; Pind. Pyth. I 15) на востоке или на западе, или наваливание на него Этны и даже Кимы (так что тюрьмой является местность от Сицилии до Кампании) и другие меры. Была и делосская легенда об убиении Тифона Аполлоном, мать которого Латону тот будто бы преследовал.

В § 59 мы приводим один из интереснейших памятников поздней античной литературы: это — «Тифония» Нонна. Нонн вставил свою повесть о Тифоне в окружение, которое сейчас нас не может интересовать. Также не будем входить и в те противоречия, без которых Нонн тоже не обошелся. Но его замечательные по силе и яркости образы, его пластические и драматические приемы в обрисовке Тифона и Зевса, его богатая мифологическая эрудиция говорят сами за себя, оставляя у читателя незабываемое впечатление от этой последней потрясающей драмы античного теогонического процесса.

ТИТАНОМАХИЯ

47. a) Apollod. I 2, 1 (Кронос и Метида)

(1) Когда Зевс возмужал, он взял себе в соучастницы дочь Океана Метиду. Она дала Кроносу выпить зелье, действие которого было таково, что он вынужден был прежде всего изрыгнуть этот камень [см. § 26 b], а потом и поглощенных им ранее детей. Вместе с ними Зевс начал войну против Кроноса и Титанов. (2) Война между ними продолжалась в течение десяти лет, и в это время Гея предрекла Зевсу победу при условии, что союзниками у него будут низвергнутые в Тартар. Тогда Зевс освободил их, убивши Кампу, которая сторожила их узы. (3) Вот тогда-то и дали Киклопы Зевсу гром, молнию и перун, Плутону — шапку-невидимку и Посейдону — трезубец. (4) Имея такое вооружение, они победили Титанов и, заключив их в Тартаре, поставили Сторуких в качестве сторожей. После этого они распределили владычество свое по жребию, причем Зевс получил власть на небе, Посейдон — на море, Плутон — в Аиде.

b) Hyg. Fab. 149 (Эпаф)

Юпитер повелел рожденному от него Ио Эпафу объединить города Египта и там царствовать. Он построил первый город, Мемфис, и многие дру-

гие и произвел от жены Кассиопеи дочь Ливию, по которой получила название и соответствующая страна.

c) Hyg. Fab. 150

Увидевши, что рожденный от незаконной жены Эпаф достиг такой власти, Юнона позаботилась, чтобы этот Эпаф был убит на охоте. Она увещевает Титанов, чтобы они изгнали Юпитера из царства и вернули его Сатурну. Когда Титаны попробовали взойти на небо, Юпитер вместе с Минервой, Аполлоном и Дианой низвергли их в Тартар. А на Атланта, который был их вождем, он возложил на плечи небесный свод. Говорят, что он и до сих пор держит на себе небо.

Cp. Schol. IL. XV 229.

КИКЛОПЫ

48. a) Hellanic. ap. Schol. Hes. Theog. 139 (Три типа Киклопов)

Гелланик производит имя Киклопов от Киклопа, сына Урана (он не имеет в виду гомеровских Киклопов). Киклопов же существует три рода. Одни Киклопы — те, которые построили Микенские стены. Другие Киклопы — те, что с Полифемом. Третьи же — те, которые сами являются богами.

b) Schol. к ст. 144 и Schol. Aristid. 52, 10 = Aristid. 3 (p. 408 Dind.)

Говорят, что существует три рода Киклопов: 1) те, что в «Одиссее», сицилийские, 2) кормящие свой желудок трудами рук своих и 3) так называемые небесные.

49. a) Eur. Alc. 1—9 (Аполлон и Киклопы, — Аполлон убивает Киклопов в раздражении за убийство Зевсом его сына Асклепия, — слова Аполлона в доме Адмета)

«Прости, царя Адмета дом! Бессмертный,
Здесь трапезу поденщиков делил,
По воле Зевса, я. Когда перуном
Асклепия сразил он, — злою долей
Сыновнею разгневанный, в ответ
Я перебил Киклопов, ковачей
Его перуна грозного; карая,
Быть батраком у смертного отец
Мне положил: и вот, на эту землю
Сойдя, поднесь стада на ней я пас
И дом стерег.

b) Apollod. III 10,4

Зевс, испугавшись, что люди, перенявши у них врачебный уход, станут друг другу помогать, поразил его [Асклепия] перуном. И вознегодовавший на него за это Аполлон умертвил Киклопов, изготовивших Зевсу этот перун. Зевс вознамерился бросить его в Тартар, но по просьбе Латоны повелел ему в течение года быть батраком у человека. Прибывши в Феры к Адмету, сыну Ферета, он стал служить ему тем, что пас его стада и заставил всех его коров родить двойнями.

См. Diod. IV 71, 3 (то же и в тех же самых выражениях).

Ср. то же Apoll. Rhod. IV 611 (и Schol.), Orph. Arg. 175—178, Serv. Verg. Aen. VI 398 и VII 761 и др.

50. a) Procl. in Crat. 389 b, c (21, 13 Pasqu.) (Киклопы как символ, — Киклопы — принцип всякого художественного творчества)

Если кто-либо эти самые творческие и производительные потенции богов, которые они проводят во Всё, назовет демиургическими, умозрительными, производными и свершительными искусствами, мы не отвергнем такого наименования, так как мы видим, что и богословы обозначают ими божественные творения, говоря, что *Киклопы суть виновники всякого художественного творчества* и научили Зевса, Афину и Гефеста: Афину — разным искусствам и особенно искусству тканья, а Гефеста поставили во главе совсем другого искусства, а искусство тканья началось с владычицы Афины:

> Ибо она всех бессмертных богинь превосходнее в деле,
> Знает искусство тканья и прядению всех обучает, —

говорит Орфей...

[См. продолжение этого текста в «Афине Палладе».]

b) Procl. in Tim. 29 a (I 327, 23 D.)

Ибо, как говорит богослов, первые ковачи-хитрецы дали Зевсу демиургические потенции всего творения мира:

> Зевсу гром они дали и сковали перуны,
> Первые ковачи-хитрецы, что Гефеста с Афиной
> Научили искусствам, которые небо содержит.

Ср. «Гефест», § 8.

c) Herm. in Phaedr. 247 c (p. 149, 9 Couvr.)

Словом «бесцветный» показал [Платон], что над царством Урана есть местопребывание Ночей, а выражение «бесформенный», что и над чином Киклопов. Ибо богословие говорит, что в этих первичных выявляется форма и что эти боги суть *первые начала и первопричины форм повсюду*. Поэтому богословие и называет их ковачами-хитрецами, ибо эта триада организует формы. Один круглый глаз был у них во лбу (Hes. Theog. 145). И когда Платон говорит в «Парменида» о «прямом и круглом», он имеет в виду этот чин. Они и Афину и Гефеста научают разным видам форм, как первые виновники форм: первые ковачи-хитрецы научили всему Гефеста и Афину. Итак, если мы узнаем, что Гефест и Афина суть виновники форм, мы станем удивляться. Ведь Гефест есть виновник всякой формы, телесной и внутримировой, а Афина — всякой душевной и умозрительной, Киклопы же — *формы божественной и повсюдной*. При этом сверхнебесное место находится над чином Киклопов.

d) Syrian. in Met. II 2, 997 b 34 (26, 23 слл. Kr.)

Что и среди богов можно наблюдать аналогичные причины всех искусств, показывают и богословы, смело называя Киклопов и Гефеста *кузнецами и строителями*, а Афину и Кору не лишают искусства тканья.

СТОРУКИЕ

51. a) Palaeph. XIX (Котт и Бриарей)

Как же не глупо говорить о Котте и Бриарее, что они были мужами с сотней рук? А истина заключается в следующем. Их городу было имя Гекатонхейрея. В нем они жили. Я заключаю, что вместе с олимпийцами они сражались против Титанов. А эти места пограничны с Олимпом. Говорили, следовательно, что люди Котт, Бриарей [и Гигес], гекатонхейры [сторукие], придя на помощь олимпийцам, изгнали Титанов с Олимпа.

b) Hes. Theog. 807—819 (К вопросу о местонахождении Сторуких)

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала, —
Страшные, мрачные; даже и боги пред ними трепещут.
Там же — ворота из мрамора, медный порог самородный,
Неколебимый, в земле широко утвержденный корнями.
Перед воротами теми снаружи, вдали от бессмертных,
Боги-Титаны живут, за Хаосом угрюмым и темным.
Там же, от них невдали, в глубочайших местах Океана,
В крепких жилищах помощники славные Зевса-владыки,
Котт и Гиес живут. Бриарея ж могучего сделал
Зятем своим Колебатель земли протяженногремящий,
Кимополею отдав ему в жены, любезную дочерь.

c) Schol. Apoll. Rhod. I 1165, EGF, p. 6 (Эгеон-Бриарей как сторонник Титанов)

См. «История», § 5 d.

d) Verg. Aen. X 565—570

Как Эгеон, у кого сто рук, согласно преданью,
Из пятидесяти и пастей и грудей огнями
Весь загорался, когда навстречу Юпитера молний
Столько же с громом щитов подымал и мечей обнажал он —
Так победитель Эней по равнине свирепствует всюду,
Раз разогрев лезвие.

e) IL. I 396—406 (Сторонник Зевса сторукий Бриарей спасает однажды Зевса, — слова Ахилла к своей матери Фетиде)

Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
Гера, и царь Посидаон, и с ними Афина Паллада.
Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала Сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках;
Страшный Титан, и отца своего превышающий силой.
Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись, и все отступили от Зевса.

Ср. Nonn. XLIII 362 слл.

52. a) Procl. in Parm. 647, 9 Cous. (Сторукие и Киклопы как символ)

Истолкование орфиков, свойственное эллинскому богословию, причисляющее Кроноса, Зевса, Урана, Ночь, Киклопов и Сторуких к верховным началам всего.

b) Herm. in Phaedr. 247 c, p. 150, 2 Couvr. (Сторукие держат демиургию как бы руками)

Поэтому он неосязаем, что показывает, что он — выше Сторуких. Ибо они первые как бы прикасаются ко всей демиургии, почему богословие и называет их Сторукими, поскольку мы руками все осязаем, все делаем и различаем. Далее, осязание постоянно распространено по всему телу. Поэтому богословие символически наименовало их Сторукими, как касающихся всей демиургии и виновников его. Триада Сторуких охранительная.

ГИГАНТЫ

53. a) Batrachom. 167—172 (Древнейшие упоминания)

Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает
И, показав им величье войны и воителей храбрых,
Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной Кентавров подобно иль гордых Гигантов,
С радостным смехом спросил...

b) Ibid. 279—282

Разве на помощь им все мы направимся, да и оружье,
Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
Дерзостного Энкелада и дикое племя Гигантов,
Ты и теперь пустишь в ход?

c) Xenophan. ap. Athen. XI 462 (=11 B Diels)

Не должно воспевать сражений Титанов, Гигантов и Кентавров — вымыслы прежних времен, — ни неистовых междоусобиц, в которых нет ничего хорошего. Но хорошо во всякое время почитать богов.

d) Pind. Pyth. VIII 12—18 (Отдельные Гиганты, Порфирион)

Порфирион не предвидел Дерзости, когда он ее раздражал вопреки Судьбе... Не избегнул того и стоглавый Тифон киликийский, и царь Гигантов не предвидел. Они поражены перуном и стрелами Аполлона...

e) Pind. Nem. I 67 слл.

И когда боги вступили в сраженье с Гигантами на Флегрийской равнине, от потока его стрел их прекрасные волоса покрылись пылью.

f) Pind. Nem. IV 25—30 (Гигант Алкионей)

[Геракл], с которым могучий Теламон победил меропов и великого воителя, страшного *Алкионея*, однако не прежде, чем последний побил камнями двадцать четыре колесницы и дважды столько укротителей коней героев, на них восседавших...

g) Pind. Nem. VII 90 (Геракл)

...Ты, который укротил Гигантов.

h) Pind. Isthm. VI 31—35

Геракл взял Пергам. С ним [Теламоном] он побил народы меропов и, найдя на Флегрийских [равнинах] подобного горе волопаса Алкиона, не пощадил тетивы, тяжко зазвучавшей в его руках.

i) Aristoph. Av. II Arg. (Древнейшая гигантомахия)

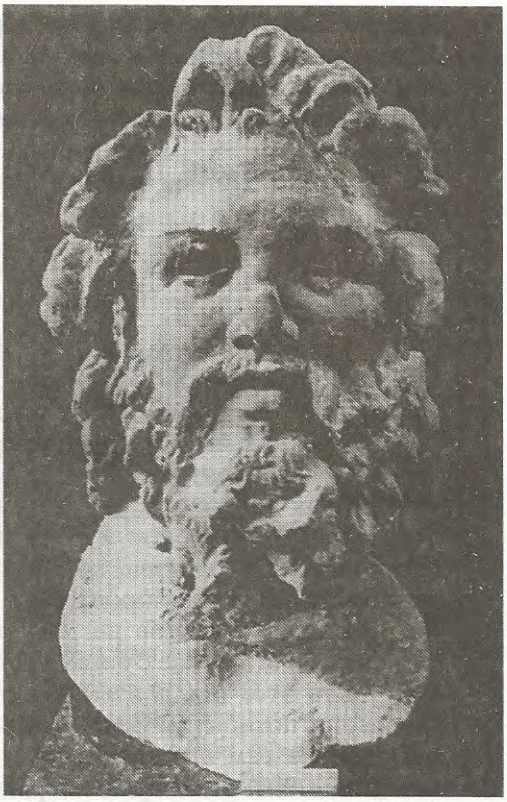
Некоторые же утверждают, что поэт в других местах изобличает чудесные рассказы в трагедиях, а в этой комедии, «Птицы», сам пользуется обветшалым сюжетом гигантомахии, чтобы заставить птиц спорить с богами из-за власти.

j) Athen. XV 699 a

Первым из них [древних комиков] вступил в состязание Гегемон и одержал у афинян победу как другими комедиями, так и «Гигантомахией».

k) Etym. M. Gigas

Гигант — по происхождению из Земли [ges]. Так и Орфей в XIII [?] песне «Священного сказания» говорит:



Титан Анит

Этим имя дают Гигантов в сфере блаженных,
Ибо от Геи они родились и от крови Урана.

l) Eur. Hec. 465—473 (Смешение Гигантов с Титанами)

Или в граде Паллады
Деве лучистоколесной
Нитями пестрыми буду
Пеплос ее шафранный
Я украшать, запрягая
Дивной коней в колесницу,
Деве рисуя Титанов,
Зевса перуном пылким
В вечную ночь погруженных?

m) Eur. Iph. T. 225—227 (То же)

...образ выводят
Паллады искусно они,
А возле — Титанов.

n) Plat. Legg. III 701 b, c («Древняя титаническая природа»)

...За этой свободой последовало нежелание подчиняться правителям, затем стали избегать подчинения отцу и матери, старшим и их вразумлениям, а в конце концов появилось и стремление не слушаться законов. До-

стигнув этого предела, уже не обращают внимания на клятву, договоры и даже на богов; высказывают так называемую древнюю титаническую природу; в своем подражании Титанам снова возвращаются к прежнему состоянию и ведут тяжелую жизнь, преисполненную бедствий.

Ср. Diod. ap. Eusth. IL. XIX 400 (то же смешение).

ГИГАНТОМАХИЯ

54. a) Apollod. I 6, 1—2

(1) А Гея, негодуя за Титанов, родила от Урана Гигантов, несравненных по своему росту и непреоборимых по силе. Они казались страшными своим взглядом, на голове и на подбородке у них были отпущены густые волосы, ноги у них были в виде чешуйчатых драконов. Родились они, как некоторые говорят, во Флеграх, а по словам других, в Паллене. Они метали, как дротики, в небо камни и зажженные дубы. Среди всех них отличались Порфирион и Алкионей. Этот последний был вдобавок ко всему еще и бессмертен, когда сражался на той земле, на которой родился. Он же угнал коров Гелия из Эрифии. Богам было предсказано, что никто из Гигантов не может умереть от руки богов, но что они погибнут, если в союзе с богами будет действовать кто-нибудь из смертных. Гея, узнав это, стала изыскивать средство, чтобы и от смертного не могли они погибнуть. Зевс отказался указать это средство Эос, Селене и Гелию, но сам прежде составил зелье, а Геракла пригласил к себе в качестве союзника через посредство Афины. Геракл первым поразил стрелой из лука Алкионея. Но последний, падая на землю, приобретал еще большую силу. Тогда Афина, отступив перед ним, увлекла его из пределов Паллены. И таким образом он был убит. (2) Между тем Порфирион устремился в бой против Геракла и Геры. Но Зевс внушил ему страсть к Гере. Когда он уже разрывал на ней одежды и хотел совершить насилие, последняя стала звать к себе на помощь. Тогда Зевс бросил в него молнию, а Геракл выстрелом из лука его убил. Из остальных Гигантов у Эфиальта Аполлон выбил выстрелом из лука левый глаз, а Геракл — правый, Эврита убил Дионис тирсом, Клития Геката поразила факелами, а еще более Гефест глыбами раскаленного железа. На Энкелада, когда он пытался бежать, Афина навалила остров Сицилию, а с Палланта она содрала шкуру и ею во время битвы прикрывала свое собственное тело. Полибот, преследуемый по морю Посейдоном, пришел на Кос. Посейдон оторвал часть острова и навалил на него; это так называемый Нисир. Гермес, надев шапку Аида, в сражении убил Ипполита, Артемида — Гратиона, Мойры — Агрия и Фоона, сражавшихся медными булавами. Остальных погубил Зевс, поразив молниями. Когда они уже погибали, всех их пристрелил Геракл.

b) Ov. Met. I 151—162

Не был, однако, земли безопасней эфир высочайший:
В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты;
К звездам высоким они громоздили ступенями горы.
Тут всемогущий отец Олимп сокрушил, ниспослал он
Молнию; сбил Пелион с лежащей под низом Оссы.

И как лежали тела великанов, задавлены грудой,
Тут, по преданью, детей изобильной напитана кровью,
Влажною стала земля и горячую кровь оживила.
И, чтоб от рода ее сохранилась какая-то память,
Образ дала ей людей. Но и это ее порожденье
Вовсе не чтило богов, к убийству свирепому жадно,
Склонно насилье творить. Узнаешь рожденных от крови!

c) Verg. Aen. IV 178—180 (Месть Геи, — о Молве)

Оную Матерь Земля, на богов распаленная гневом,
Младшую, как повествуют, сестру Энкеладу с Кеем
Произвела, дав ей ног быстроту и крыльев проворных.

d) Verg. Georg. I 278—283 (Гиганты громоздят горы)

Земля несказанным рожденьем
Кея с Япетом в тот день создала и лихого Тифоя,
Также и тех небеса сокрушить поклявшихся братьев.
Трижды они Пелион взгромоздить на Оссу пытались,
Оссу трижды взвалить на Олимп многолиственный, — так-то!
Молнией трижды отец разбросал взнесенные горы.

e) Plat. Soph. 246 a, b (Сравнение физиков с Гигантами)

А у них-то, судя по возражениям с той и другой стороны относительно сущности, происходит как будто борьба Гигантов.

—Одни с неба и из мира невидимого все влекут на землю, грубо обнимая руками камни и дубы, потому что, хватаясь за все подобное, они утверждают, что только то существует, что доставляет нам толчки и какое-нибудь прикосновение, так как тело и сущность принимают за одно и то же; а когда кто говорит об ином, что вот это не имеет тела, — такую речь они презирают и не хотят ничего другого слушать.

f) Lucr. V 113—121 (Мировой характер деяния Гигантов)

Много разумных вещей сообщу я тебе в утешенье,
Чтобы не счел ты, уздой религии стянутый, будто
Солнце, земля и луна, и звезды, и море, и небо
Вечно остаться должны, обладая божественным телом,
И не подумал бы ты, что должны, по примеру Гигантов,
Каре жестокой подвергнуться все за свои преступленья,
Кто мирозданья оплот расторгает своим разуменьем
Или дерзает тушить на небе пресветлое солнце,
Смертною речью своей клеймя бессмертное нечто.

d) Cp. Aetna 41—72

h) Ov. Fast. I 307 сл. (Гиганты и человечество, — о пытливом человеческом уме)

Так он дошел до небес, а не так, чтобы, выдвинув Оссу
На Пелион и Олимп, в звездный проникнуть чертог.

i) Ibid. III 439—442

Этот схватил он перун, когда небу грозили Гиганты.
Ведь безоружным был до нападения бог.

j) Ibid. V 35—46

В злобе Земля родила легионы чудовищ Гигантов,
Тех, что, Юпитер, тебя вздумали трона лишить.
Тысячи рук им дала для защиты Земля и сказала:
«Дети, идите на бой против великих богов».
Вот уж добрались до звезд, по горам забираясь, Гиганты,
Дерзкий, безумные, свой вызов Юпитеру шлют...
Тотчас с вершины небес свои молнии бросил Юпитер.
И на Гигантов свалил груды разбитых камней.
Этой победой своей нерушимо «Величие» стало
И утвердилось оно с этой поры навсегда.
Рядом с престолом оно восседает Юпитера ныне,
Верным оплотом всегда стало державы его.

k) Hor. Carm. III 4, 43—64

Мы знаем: войско злых Титанов
Страшное — молнией быстрой свергнул,

Кто правит морем бурным, недвижною
Землею; грады, царство подземное,
Богов и толпы смертных держит
Властью единой и непреложной.

Ему вселили юноши дерзкие
Немалый ужас, силе доверившись,
И братья, что хотели Пелий
Нагромоздить на Олимп лесистый.

Но что Тифою, Миманту сильному,
Порфириону, ростом великому,
Иль Рета силе, Энкеладу,
Кто вырывает деревья смело, —

Что им поможет против звенящего
Щита Паллады? Рядом — стремительный
Вулкан; тут — чтимая Юнона,
Тут — неразлучный навеки с луком,

Кто в чистой влаге моет Касталии
Кудрей извивы, — житель кустарников
Ликийских иль лесов родимых
Делоса, — ты, Аполлон Патарский.

l) Schol. Pind. I 100 (Участие Геракла и Диониса)

По преданию, Гея сказала, что они смогут взять их [Гигантов] только при условии вступления с ними в союз двух полубогов. Поэтому, когда к богам присоединились Геракл и Дионис, то они победили Гигантов.

m) Eur. Cycl. 5—10 (Участие Диониса и его свиты)

Позже я
Щит по следам носил твоим в сраженье
С рожденными Землей: Энкеладу
Пробив броню, Гиганта уложил
Ударом я в той битве... Так ли, полно?

Циклоп Полифем

Уж не во сне ль я видел? — Нет, доспех
Я показал тогда же Вакху.

n) Hor. Carm. II 19, 21—24

Когда по кручам к царству родителя
Толпа Гигантов шла нечестивая,
Поверг ты Рета, львиной пастью
Страшный своею и когтем львиным.

o) Soph. Trach. 1057 сл. (Геракл о своем участии в гигантомахии)

И кто ж мой враг? Не рать на поле брани,
Не исполинов земнородных племя...

p) Eur. Herc. 176—180 (Амфитрион об участии Геракла в гигантомахии)

Ты мне ответь, перун Зевеса, ты мне
Ответь, в небесных высях колесница,
С которой он отродиям земли
Пронзил бока летучими стрелами,
Деля с богами славу торжества!

q) Ibid. 851—854 (Лисса о Геракле)

Он сушу недоступную, он море
Суровое смирил и отдал людям,
Восстановил служение богам
Разбойников преступными руками.

r) Ibid. 1193—1196 (Амфитрион о Геракле)

Сын мой,
То сын мой с своей несказанною мукой,
Когда-то соратник богов
На выжженных нивах Гигантов...

s) Apollod. II 7, 2

Опустошив Кос, он [Геракл], ведомый Афиной, пришел в Флегру и вместе с богами воевал против Гигантов.

t) Diod. IV 15

После этого, когда Гиганты затеяли войну с бессмертными, Геракл сражался на стороне богов и, уничтоживши многих из землерожденных, достиг величайшей похвалы.

u) Strab. VII, frg. 27

Полуостров Паллена, на перешейке которого лежит прежняя Потидея, нынешняя Кассандрия, назывался некогда Флегрою. Населяли ее баснословные Гиганты, племя нечестивое и беззаконное, которое было уничтожено Гераклом.

v) Strab. XI 2, 10 (Участие Афродиты)

Для этимологического объяснения эпитета богини [Афродиты Апатурской] приводят басню, будто богиня, когда напали на нее Гиганты, позвала Геракла и скрылась в какой-то пещере, потом, принимая одного Гиганта за другим, она, обманывая (apate), передавала их Гераклу для умерщвления.

55. a) Eur. Ion. 206—219 (Некоторые детали, — хор рассматривает изображение гигантомахии на храме)

Первая в хору. Бой, смотри, исполинов там
В изваяниях каменных!

Вторая в хору. Вижу, вижу, подруги!

Третья в хору. Видишь ту, что вздымает щит,
Щит с Горгониным обликом,
Энкеладу уже смерть близка!

Четвертая в хору. То — царица Афин моих!

Пятая в хору. А белый этот
Порывистый перун в простертой
Деснице Зевса, видишь?

Шестая в хору. Вижу, вижу: Миманта сражает он
Дерзновенного.

Седьмая в хору. Вот и Бромия тирсы увитые
Мирным плющом сынов Земли
С черным прахом смешали всех.

b) Paus. VIII 29, 1—4

Аркадцы говорят, что известная битва Гигантов с богами происходила именно здесь, а не во фракийской Паллене, и потому жертвуют здесь молнии, буре и грому. В «Илиаде» Гомер вовсе не упоминает о Гигантах; в «Одиссее»

[X 119 сл.] упоминает, что на корабли Одиссея нападали лестригоны, «подобные гигантам, а не мужам»; приводит еще слова царя феаков, что феаки так же близкие к богам, как Киклопы и племя Гигантов [Od. VII 205 сл.]. Этим он показывает, что Гиганты не божеский род, а смертные. Еще яснее это видно из следующего места [Od. VII 59 сл.]:

> Бывшего прежде властителем буйных Гигантов; но сам он
> Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.

А слово «народ» (laos) у Гомера всегда обозначает «множество».

Но чтобы у Гигантов вместо ног были драконы, то эта нелепость опровергается, между прочим, следующим доказательством. В Сирии есть река Оронт, которая впадает в море, но не везде проходит по ровному месту: в некоторых местах идет очень извилисто и падает с крутых скал. Чтобы корабли могли пройти по этой реке из моря в Антиохию, римский император приказал прорыть необходимый для этой цели канал, не жалея трудов и издержек, и в этот канал отвести воду. Когда таким образом старое русло высохло, то на дне реки найдена была гробница из кирпичей, длиной более одиннадцати локтей, и в ней, во всю длину гробницы, человек, совсем целый. По этому поводу сирийцы отправились с вопросом к богу в Клар, и бог сказал им, что это Оронт, родом индиец.

Действительно, если вначале влажная земля, согретая лучами солнца, могла рождать первых людей, то какой земле более свойственно производить великанов, как не прежней Индии, той стране, в которой и теперь еще родятся животные невероятной величины и вида, каковы, например, слоны?

c) Dion. Hal. Ant. VII 72, 6—7 (Танец Афины после победы)

...Нарядом танцоров были пурпуровые хитоны, стянутые медными поясами, привешенные сбоку мечи и копья, более короткие, чем обыкновенно; у мужчин же были медные шлемы с видными султанами и перьями. Над каждой группой предводительствовал один человек, который указывал прочим распорядок танца, первым совершая фигуры сильных военных движений, большей частью в ритмах прокелевсматика [т. е. в размерах из четырех кратких слогов]. И это тоже было здесь греческим вполне старинным обычаем, эта воинская пляска, так называемая пирриха, потому ли, что *Афина первая от радости плясала в хороводе по поводу уничтожения Титанов* и танцевала с оружием победную пляску, или потому, что раньше этот танец установили Куреты, когда в целях охранения Зевса хотели, как повествует миф, зачаровать Кроноса ударами в оружие и ритмическим движением в песнях.

56. *Claud. Gig. 1—128 («Гигантомахия» — латинская — Клавдиана)*

Некогда Матерь-Земля, в своей зависти к царству на небе,
В скорби о многих несчастьях, Титанами ей причиненных,
Тартар заполнила весь целым племенем страшных чудовищ,
Родом невиданно-злым; и отродьем своим распухая,
Флегру открыла, в Эфир направляя враждебные силы.
С шумом рванулись они из Эреба, едва лишь родившись,
И приготовили руки к войне, на богов восставая,
В свисте змеином влачась своим шагом двояко-скользящим.
Вдруг побледнели созвездья, и Феб повернул своих коней

Пламенных, страх испытав и свое изменивши теченье;
Арктос бежит в Океан, незакатные даже Трионы
Претерпевают закат; а кипучая Мать побуждает
Ринуться в битву сынов, обращаясь с такими словами:
«Вы чин богов укротите, весь видимый мир перед вами
С бою лишь можно забрать: предстоит перед вами Победа.
Пусть наконец сын Сатурна изведает гнев мой и ярость,
Пусть он узнает, что может Земля, победить меня можно ль
Силой какой! Разве лучше меня создавала Кибела?
Разве почет на заслужен Землей? Разве жутким насильем
Можно меня подавлять постоянно? Какого вреда мне
Не доставляли! Вот тут Прометей несчастливый прикован
В скифском ущелье, кормя живой печенью хищную птицу.
Там вот пылающий свод утвержден на макушке Атланта,
В чьей седине затвердели жестокие острые льдины.
Мне ли забыть, как терзается Титий, которого недра
В смене все новых жестоких мучений жрет коршун свирепый?
Вы, что пришли наконец предназначенным полчищем мести,
Освободите Титанов от уз, свою Мать защитите!
Морем сражайтесь, горами и членов моих не щадите —
Пусть мое тело послужит орудьем Юпитера смерти.
Ну же, в поход! Опрокиньте их небо, разрушьте их башни
Звездные! Пусть Тифоей отберет и перуны и скипетр;
Пусть Энкелад даст морям приказанья; другой пусть Авроры
Вожжи возьмет вместо Солнца; пусть лавр увенчает дельфийский
Порфириона, и пусть ему Пирра святилищем будет».
Лишь возбудила она эти гордые души призывом,
Как уж помнилася им над богами победа: в оковах
Будто Нептуна влекут уж они из глубокой пучины;
Этот уж Марса простер; этот Фебу уж волосы вырвал;
Этот уж выбрал Венеру, а этот Диану в супруги;
Тот разгорается страстью похитить невинность Минервы.
Вестница неба Ирида меж тем созывает всевышних,
Тех, что в озерах и реках живут, даже Мены на помощь
Небу готовы идти; и тебя не сдержать, Прозерпина,
В темном жилище теней, и сам царь молчаливого ада
На колесницу летейскую встал, а не знавшие Солнца
Кони дивятся на свет и в трепета полном полете
Пышут из синих ноздрей целым облаком адского мрака.
Как при осаде, когда придвигают к воротам машину,
Все отовсюду бегут защищать свою крепость и город:
Так и различные виды божеств собираются вместе
К отчему дому идти; говорить начинает Юпитер:
«Войско, что смерти не знает, порода, что связана с небом
Вечными узами, вы, никаким не подвластные Судьбам!
Видите ль вы, как Земля восстает с своим новым потомством
Противу нашего мира, других порождая бесстрашно?
Сколько здесь новых детей от Земли, столько ей возвратим мы
Трупов — пусть в долгой печали она остается веками,
Осуждена ради стольких потомков столькими ж смертями!»

Вот в облаках прозвучала труба; вот сигнал к нападенью
Там дал Эфир, здесь — Земля; и, смятенная, снова Природа
За господина боится, — границы вещей нарушает
Мощная эта толпа: острова покидают здесь море;
Тут не сдержать и утесам морей; остаются пустыми
Там берега; изменили потоки привычному руслу;
Тот громоздит с ужасающей силой Эмоний на Эту,
Этот, руками схватив, потрясает вершину Пангея;
Снежный Афон как оружье тому; под толчками другого
Катится Осса; Родопу с источником Гебром сорвали,
Общие воды разрезав, и, снятый с высокой скалою,
Вот уж течет Энипей на плечах и на шеях Гигантов.
Разделена на своих сыновей, вся Земля оседает
Плоской страной, без высот, и повсюду несется ужасный
Грохот — лишь воздух один ограничивает поле битвы.
Первым старательный Марс налетает на страшное войско
На одрисийских конях, что обычно в смятенье приводят

Циклоп Полифем

Гетов, гелонов, и щит золотой пламенеет у бога
Ярче огня, и топорщится шлем его гривой блестящей.
Гневно схвативши свой меч, он пронзает гиганта Пелора
Там, где кончаются бедра и, сросшись с чудовищным телом,
Около паха двойная змея извивается вместе, —
Этим ударом одним целых три убиваются жизни.
Алчный в своем торжестве, ослабевшие члены Гиганта
Марс раздавил колесницей и кровью забрызгал колеса.
Мимас спешит заступиться за брата: пылающий Лемнос
Вместе с жилищем Вулкана из пенных он волн вырывает
И уже близок к толчку; но копье заостренное Марса
Голову вскрыло ему и исторгло мозг у Гиганта.
Телом уже умирая совсем, он живет лишь в свирепом
Шелесте змей вместо ног; победителя ищут по смерти

Эти мятежные змеи. Вот скачет Тритония-дева,
Грудь открывая свою, на которой блистает Горгона:
Образом страшна своим и к копью она не прибегает;
Видеть однажды ее — и довольно. Дотоль, разъяренный,
Первый был ею Паллант превращен в каменистую гору:
Вовсе без ран, глубоко закреплен потайными узлами,
Чует он, вдруг затвердел под ее убивающим взором,
Стал уже камнем почти. «Превращаюсь во что? — вопросил он. —
Что за кремень протекает во мне? Что за оцепененье
Вяжет мне мертвые члены, как мраморной язвой?» Сказал лишь —
И уже весь стал таков, как боялся: жестокий Дамастор
В поисках камня, которым бы мог от врагов оттолкнуться,
Окостенелого брата тот труп метнул вместо камня.
Гибелью брата вконец изумленный, Эхион, не зная,
Кто же виновник, хотел попытаться ответить увечьем
И увидал, о богиня, тебя, кого зреть невозможно
Дважды уже никому: понесла наказание дерзость —
Понял богиню он в смерти. Тогда Палленей, омраченный
Гневом, свирепо идет против этих убийственных взоров
И простирает свои святотатные руки к Палладе;
Этого близко мечом поражает богиня, и сразу
Змеи его от Горгоны хладеют, как лед; погибает
Тело его от оружья, а нижние части — от взгляда.
Вот, расползаясь в морской глубине змеевидным извивом,
Тщится уж Порфирион разрушить трепещущий Делос.
Хочет кощунственно он им ударить в небесные своды.
Ужасом полон Эгей. Фетида бежит из пещеры
Влажной своей с престарелым отцом, и жилище Нептуна
Сразу пустеет, хотя и почтенно оно средь подводных.
С Пинда спокойных вершин восклицания Нимф раздаются,
Нимф, кои Феба учили стрелою еще непривычной
Диких зверей поражать, а когда-то Латоне стенящей
Ложе устроили в час, как, рождая два светоча неба,
Этих своих близнецов даровала вселенной богиня.
Делос, поверженный в страх, своего умоляет Пэана,
Просит о помощи: «Если тебя породила Латона,
Милостивца в утесах моих, помоги моей просьбе:
В трепете снова блуждаю...»

ТИФОН

57. а) IL. II 780—785 (Сообщение Гомера)

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
Так застонала глубоко земля под стопами народов,
Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

b) Schol. IL. II 785 (Участие Геры в появлении Тифона)

Говорят, что Гея, негодуя за избиение Гигантов, оклеветала Зевса перед Герой. Та отправилась к Кроносу и высказала ему это. Кронос же дал ей два яйца, помазавши их собственным семенем, и велел положить их в землю. Из них должен был появиться демон для отстранения Зевса от власти. Будучи одержима гневом, Гера положила их под горой Аримом в Киликии. После появления из них Тифона Гера примирилась с Зевсом и все ему рассказала. Тот убил Тифона молнией и назвал горой Этной... Тифон — один из Гигантов, сын Земли и Тартара, враг богов, как говорит Гесиод (Theog. 821).

c) Etym. M. 772, 49 (PLG, frg. 60 Stesich.) Typhoeus

Гесиод производит его [Тифона] от Земли; Стесихор же утверждает, что его родила одна Гера из мести к Зевсу.

d) Hymn. Hom. II 127—177 (Тифон у дракона Пифона и еще один вариант происхождения Тифона)

Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса
После того, как Афину преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И средь собранья бессмертных такое промолвила слово:
«Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, о богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель, —
Прежде, когда еще только я стала женой ему доброй,
Ныне же снова, помимо меня разрешившись Афиной,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских!
Мной же самой рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...
В руки поспешно схватив, я в широкое бросила море,
Но среброногая дочерь Нерея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим чем она угодить постаралась бессмертным!..
Жалкий, коварный изменник! Что нынче еще ты замыслил?
Как же один породить светлоокую смел ты Афину?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твоею женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким!
Ныне, однако, и я постараюсь, как бы дитя мне,
Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».
Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным сердцем.
И возложила на землю ладонь волоокая Гера,
И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:
«Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте боги Титаны, вкруг Тартара в глуби подземной
Жизнь проводящие, — вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида
Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса,

Титаномахия

Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превосходит!»
Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.
Заколебалась Земля живоносная. Это увидев,
Возвеселилася Гера: решила — услышана просьба.
И ни единого разу с тех пор в продолжение года
Не восходила она на постель многомудрого Зевса
И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
Часто советы супругу разумные в спорах давала.
В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера царица.
После ж того, как и дней и ночей завершилось теченье,
Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
Сын у нее родился, ни богам не подобный, ни смертным, —
Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
Тотчас Дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И Дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало!

е) Aesch. Prom. 351—372 (Прометей о Тифоне)

Еще мне вспомнить горько киликийских гор
Кочевника, диковинное чудище, —
Тифона стоголового, рожденного
Землей. Восстал отважно он на всех богов.
Пылая, страшно скрежетали челюсти.
Из глаз горгоньих стрелы молний сыпались.
Грозился силой Зевса расточить престол.
Но Зевса гром бессонный сбросил в пыль его.
Упавший с неба, полохнувший пламенем,
Смирил он похвальбу высокомерную.
В подсердие ударил, и свалился брат,
В золу испепеленный, в головню сожжен.
Беспомощная туша исполинская
Простерлась грузно у пролива узкого,
Раздавлена корнями Этны. Ночь и день

Титаномахия

Кует руду Гефест на круче кряжистой,
Но час придет — и вырвутся из черных недр
Огня потоки, челюстями жадными
Сглодают пашни спелые Сицилии.
Расплавленное, огненное бешенство,
Всепожирающую ярость вырыгнет
Тифон, хоть Зевса он обуглен молнией.

f) Pind. Pyth. I 15

Но все, чего не возлюбил Зевс, повсюду, и на земле, и на безбрежном море, услышав глас Пиэрид, трепещет, подобно врагу богов, распростертому в черном Тартаре, — стоглавому Тифону. Некогда его вскормила многославная пещера киликийская, а теперь его волосатые перси подавлены всей тяжестью препоясывающих море холмов кимских и Сицилии. На него налегла снежная Этна, громада, достигающая неба, вечная кормилица ослепляющего очи снега. От нее, из ее недр, извергаются священные потоки не допускающего к себе огня, и эти реки днем дымятся клубами желтого дыма; но во мраке ночей извивающееся красными языками пламя с шумом несет камни глубоко в морскую глубину. То — чудовищный Тифон изрыгает на нас ужасные струи Гефеста; то — чудо, повергающее в удивление и тех, кто его видел, и тех, кто про него слышал от очевидцев, — как Тифон лежит в крепких оковах между покрытыми почерневшим лесом вершинами и подножьем Этны и как терзает его колючее ложе, к которому пригвождено все его тело.

g) Pind. Ol. IV 5 сл.

О ты, чадо Кроноса, владеющий Этной, бурным бременем стоглавого могучего Тифона!..

h) Pind., frg. 91—93

58. a) Apollod. I 6, 3 (Тифон)

Когда боги одолели Гигантов, Гея еще более рассердилась, соединилась браком с Тартаром и родила в Киликии Тифона, имевшего смешанную при-

роду — человека и зверя. Этот по росту и силе превосходил всех, кого породила Гея. У него тело до бедер имело человеческий вид и было непомерной величины, так что превышало все горы, а голова часто касалась даже звезд. Руки у него были таковы, что одна вытягивалась до запада, другая — до востока; над ними возвышались сто драконовых голов. Часть же тела ниже бедер имела огромнейшие кольца змей, извивы которых вытягивались до самой вершины и издавали громкое шипение. Все тело его было покрыто перьями, лохматые волосы с головы и от подбородка развевались по ветру, огонь светился в глазах. Таков по виду и такого огромного роста был Тифон. Бросая пылающие камни, он с шипением и криком устремился против самого неба, а изо рта изрыгал ураган огня. Когда боги увидали, как он устремился против неба, они бросились бежать в Египет и, преследуемые им, изменили свой вид в животных. Пока Тифон находился далеко, Зевс поражал его молниями, когда же он подошел близко, стал его бить алмазным серпом. Тогда он обратился в бегство, и Зевс преследовал его до Касийской горы. Эта гора возвышается над Сирией. Там Зевс увидал, что Тифон ранен, и завязал с ним рукопашный бой. Тифон, обвившись вокруг него своими кольцами, схватил его и, отняв серп, перерезал мускулы рук и ног. Затем он поднял его и на своих плечах перенес через море в Киликию. Придя затем в корикийскую пещеру, там положил его. Равным образом он положил там и мускулы его, спрятав их в медвежьей шкуре, и в качестве стража поставил змею Дельфину. Эта дева была полузверем. Гермес вместе с Эгипаном похитили эти мускулы и тайком приложили их Зевсу. Когда же Зевс вернул себе свою прежнюю силу, он вдруг полетел с неба, восседая на колеснице, запряженной крылатыми конями, и стал поражать Тифона молниями. Наконец, он загнал его на гору по имени Ниса. Там, когда Тифон был настигнут, Мойры обманули его. Именно, он, поверив им, что сделается еще более сильным, вкусил однодневных плодов. Преследуемый, он снова пришел во Фракию и во время боя около Гема кидал целые горы. Но когда под ударами молний они повалились обратно на него, он пролил много своей крови на горе. И, как говорят, от этого и гора получила название Гемона. Когда же он бросился бежать через Сицилийское море, Зевс навалил на него в Сицилии гору Этну. Эта гора необычайно высока, и из нее и до сих пор, как говорят, от брошенных тогда молний случаются извержения огня.

b) Ov. Met. V 318—331 (Песнь Музы о Тифоне)

Дева, что вызвала нас, начинает без жребия первой.
Брани бессмертных поет; воздает не по праву Гигантам
Честь, а великих богов деянья меж тем умаляет:
Будто, когда изошел Тифей из подземного царства,
На небожителей страх он нагнал, и они, убегая,
Тыл обратили, пока утомленных не принял Египет
В тучные земли и Нил, на семь рукавов разделенный.
Будто потом и туда заявился Тифей земнородный,
И что бессмертным пришлось под обманными видами скрыться:
«Стада вождем, — говорит, — стал сам Юпитер: Либийский
Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!
Вороном сделался Феб, козлом — порожденье Семелы,

Гигантомахия

Кошкой — Делийца сестра, Сатурния — белой коровой,
Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей».

Ср. Ov. Fast. I 573 сл.

c) Hyg. Astr. II 28 (Созвездие Козерог)

Этот образ похож на Эгипана [Пана, в котором особенно выдвинута козловидность]. Юпитер, будучи воспитан с ним, захотел, чтобы тот был среди звезд вроде той козы-кормилицы, о которой мы сказали раньше. Также говорят, что, когда Юпитер напал на Титанов, этот Эгипан первый навел страх на врагов, и этот страх стал называться «паническим» (panicos), как утверждает Эратосфен. По этой же причине нижняя его часть имеет форму рыбы, а также потому, что вместо метания камней он швырял во врагов тамариск. Египетские же жрецы и некоторые поэты говорят, что когда большинство богов сбежалось в Египет и туда же внезапно прибыл Тифон, жесточайший Гигант и величайший враг богов, то последние со страху превратились в разные формы: Меркурий — в ибиса, Аполлон — в птицу, которая называется фракийской, Диана уподобилась кошке. По этой причине египтяне доказывают, что нельзя осквернять эти породы, поскольку они являются образами богов. В это же самое время, говорят, Пан бросился в реку и сделал заднюю часть своего тела рыбьей, а остальную оленьей и таким образом убежал от Тифона. Удивившись этой выдумке, Юпитер поместил его изображение среди звезд.

Ср. Ar. Phaen. et Schol. Germ. 284 слл., также Ps.-Erat. Catast. 27.

d) Hyg. Astr. II 30 (Рыба, спасшая Афродиту и превратившаяся в звезду)

Диогнет Эритрейский сообщает, что когда-то Венера со своим сыном Купидоном прибыла в Сирию к реке Евфрату. В этом месте вдруг появился Тифон, о котором мы говорили выше. Венера бросилась со своим сыном

в реку и там приняла вид рыбы. После, когда опасность миновала, сирийцы, находившиеся вблизи этих мест, в дальнейшем прекратили употреблять в пищу рыбу, боясь ловить ее, чтобы не показалось, что они нападают подобным же образом на охрану богов или ловят их самих. Эратосфен (Catast. 21) же говорит, что из этой рыбы появились те рыбы, о которых мы скажем позже.

Ср. Ps.-Erat. 13 (о созвездии Рыб); Ar. Phaen. Schol. Germ. 240; Ov. Fast. II 459; Hyg. Fab. 197.

e) Verg. Aen. VIII 298 сл. (Участие Геракла в Тифонии)

Образ тебя ни один, ни сам с оружием вставший
Не устрашает Тифей...

f) Anton. Lib. 28 (Версия Антонина Либерала)

(1) Демоном необычайной силы и чудовищной наружности был сын Геи Тифон, со множеством рук, голов и крыльев. Огромные змеиные хвосты начинались у его бедер. Он мог подражать разным голосам. И никто не выдерживал его силы. (2) Он захотел иметь власть Зевса. И ни один из богов не выдерживал его нападения, но в ужасе все они бежали в Египет. Тифон преследовал их по пятам, но они спаслись благодаря хитрости, — превратившись в животных. (3) А именно, Аполлон стал ястребом, Гермес — ибисом, Арес — лепидотосом [чешуйчатой рыбой], Артемида — кошкой; Дионис принял вид козла, Геракл — лани, Гефест — быка, Лето — землеройки. И каждый изменил свою наружность. Когда же Зевс метнул в Тифона молнией, Тифон, охваченный пламенем, упал в море и зажег его. (4) Зевс же не успокоился, но набросил на Тифона огромную гору Этну и на вершине ее поставил стражем Гефеста. Он устроил на шее Тифона наковальню и кует на ней раскаленные куски металла.

d) Hyg. Fab. 152 (Версия Гигина-мифографа)

Тартар произвел от Земли Тифона огромной величины и чудовищного вида, у которого было сто драконовых голов, выраставших из плеч. Он вызвал Юпитера на спор, не хочет ли тот сразиться с ним за царство. Юпитер пронзил его грудь пылающим перуном. Так как тот пылал, то Юпитер наложил на него находящуюся в Сицилии гору Этну. По преданию, Тифон пылает с тех пор и поныне.

h) Hes. Theog. 306—332 (Потомство Тифона)

Как говорят, с быстроглазою девою той [Ехидной] сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
Вслед же за ней — несказанного Цербера, страшного видом,
Медноголового адова пса, кровожадного зверя,
Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.
Третьей потом родила она злую Лернейскую Гидру.
Эту вскормила сама белокурая Гера богиня,
Неукротимою злобой пылавшая к силе Геракла.
Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын Кронида,

Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,
Руководимый советом добычницы мудрой Афины.
Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.
Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.
Грозного Сфинкса еще родила она в гибель кадмейцам,
Также Немейского льва, в любви сочетавшися с Орфом.
Лев этот, Герой вскормленный, супругою славного Зевса,
Людям на горе в Немейских полях поселен был богиней.
Там обитал он и племя людей пожирал земнородных,
Царствуя в области всей Апесанта, Немеи и Трета.
Но укротила его многомощная сила Геракла.

i) Hyg. Fab. 151 (То же)

От гиганта Тифона и Ехидны: Горгона; трехголовый пес Кербер; дракон, охранявший яблоки Гесперид за Океаном; дракон, охранявший руно барана у колхидцев; Сцилла, имевшая верхнюю часть женщины, нижнюю — собаки и имевшая детьми шесть собак; Сфинкс, бывшая в Беотии; Химера в Мизии, имевшая переднюю фигуру льва, а заднею — дракона, «сама посредине Химера» [слова из Lucr. V 905]. От Медузы, дочери Горгоны и Нептуна, — Хризаор и конь Пегас; от Хризаора и Каллирои — трехтелесный Герион.

j) Hes. Theog. 869—880 (Буйные Ветры — тоже порождение Тифона)

Влагу несущие Ветры пошли от того Тифоея,
Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира:
Эти — из рода богов и для смертных великая польза.
Ветры же прочие все — пустовеи и без толку дуют.
Сверху они упадают на мглисто-туманное море,
Вихрями злыми крутясь, на великую пагубу людям;
Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят
И мореходчиков губят. И нет от несчастья защиты
Людям, которых те ветры ужасные в море застигнут.
Дуют другие из них на цветущей земле беспредельной
И разоряют прелестные нивы людей земнородных,
Пылью обильно их заполняя и тяжким смятеньем.

«ТИФОНИЯ» НОННА

59. a) Nonn. I 154—321, 362—534

[*Похищение Тифоном оружия Зевса*]

Тут, по совету Земли, ее сын Тифоей-киликиец,
Руки свои протянув, похищает оружие Зевса —
Пламя, несущее свет, и, разверзнув ряды многошумных
Глоток, вопит изо всех согласованных пастей звериных;
Сросшихся змеев клубки возникали из барсовой морды,

Грозную львиную гриву Гиганта лизали, хвостами
Перевиваясь в спираль, окаймляли, как будто повязкой,
Бычьи рога Тифоея и в длинноязычное рыло
Вепря вливали свой мечущий яд, перемешанный с пеной.

[*Борьба Тифона с Небом и созвездиями*]

Стрелы Кронида сложив в тайнике каменистой пещеры,
Он на гигантских руках протянул до Эфира добычу;
Ловкой рукой привязал он немедленно Киносуриду
К самой подошве Олимпа; другой, ухватившись за гриву,
Он наклоненную ось Паррасийской Медведицы сдвинул;
Новой рукою схватив, он с пути отодвинул Боота;
Тут же он Фосфор совлек; понапрасну с меты круговидной
Взял и тащил, истязая, воздушные отклики утра;
Кстати Зарю потянул за собой и, Тельца зацепивши,
Остановил даже Горы коней, не закончивших срока.
Скоро под тенью змеиных волос в головах Тифоея
Солнечный свет перемешан был с тьмой, и, с дневным Гелиосом
Встретившись в небе, Селена ночная сияла совместно.
Этим не кончил Гигант; он пошел, возвращаясь обратно,
Между Бореем и Нотом, покинув для полюса полюс;
Длинной ладонью своей ухвативши на небе Возницу,
Стал бичевать по спине приносящего град Козерога;
Снявши с Эфира двух рыб-близнецов, он забросил их в море,
С места согнал и Овна — основное созвездье Олимпа,
Рядом с весенней орбитой, горящей огнем на высотах,
Равную долю дающее дню и такую же мраку.
Ноги ползучие вытянув вверх, Тифоей поднимался
До облаков; простирая безмерную массу ладоней
В небе безоблачном, он убивал его блеск и сиянье,
Вьющимся полчищем змей надвигаясь, одна из которых,
Выпрямившись, пробежала по краю кружащейся оси,
После вскочила Дракону небесному на позвоночник
И зашипела насмерть; Тифоей перед дщерью Кефея,
Звездные руки свои в одинаковый круг завивая,
Сверх существующих уз затянул Андромеде другие
Узы, скосив под одеждою их; тут же кончиком рога,
Сходного вида с тельцовым, рогатый Дракон повернулся
И забодал, по спирали крутя предо лбом своим бычьим,
Прямолежащих Гиад, что подобны рогатой Селене;
Пасть он открыл, и драконов его, воедино сплетенных,
Полные яда ремни оплели, как повязкой, Боота.
Змей понаглее других, увидав олимпийского Змия,
Кинулся вдруг на него, через локоть скакнув Змеедержца
И приплетая свой новый венец к венцу Ариадны,
Шею в дугу изогнул, закружил натяжением чрево.
Пояс Зефира сдвигая и крылья обратного Эвра,
Ту и другую мету обогнул Тифоей многорукий
На широчайшем пути. Зацепил он и Фосфор, и Геспер,
И Атлантический холм; изобильные борозды моря

Гигантомахия. Гигант Алкионей и Афина

Часто хватая руками, извлек из пучины на сушу
Он колесницу саму Посейдона и лошадь от стойла
Взявши из ясель подводных, с морскими еще волосами,
Вскинул к небесной дуге, там, где полюс меняет движенье,
Точно снарядом в Олимп; Гелиосову он колесницу
Также ударил, и под хомутом ее кони заржали.
Несколько раз он хвастливой рукой поражал отрешенных
Им от ярма у Селены быков, что, шатаясь, мычали,
И останавливал ход этих сходных с собою животных
Или же всех запряженных быков направлял задним ходом,
Белые им хомуты — этот знак божества — разрывая
И разливая губительный свист ядовитой ехидны.
Но титанида Луна нападавшему не уступала:
Сопротивлялась Гиганту с такими же точно рогами,
Бычьих рогов заостряла светящиеся закругленья;
Полные блеска быки у Селены протяжно мычали
От изумленья при виде зияющих уст Тифоея.
Неустрашимые Горы сбирали отряды созвездий,
И по призыву верховного круга сияли рядами
В небе спирали из звезд; восшумело воздушное войско,
В свете сигнальных огней оглашая Эфир отовсюду,
Те — от Борея, а те — от Ливийских хребтов вечеровых,
Эти — от Эвра дуги, те — от Нота долины; с согласным
Грохотом двигаясь, хор неподвижных и неколебимых
Звезд настигал, напротив, блуждающих; эхом гремела

По небесам в пустоте, до средины вонзаясь, прямая
Ось небосвода; смотря на зверье, Орион, как охотник,
Вынул свой меч из ножен, и, когда он им вооружился,
Светлые ребра клинка из Танагры заискрились в небе.
Из огнедышащей пасти своей исторгая сиянье,
Звездною глоткой возжаждавший Пес волновался ужасно,
С пламенным лаем скакал, но рычанье его не привычных
Зайцев встречало, а пар от зубов Тифоеевых чудищ.
Полюс небесный гудел: чередами меняясь, звучало
Эхо, и слышался рев в небесах семиустый из равных
Ритмами глоток Плеяд с круговыми семью поясами,
И, равномерно тот звук отражая, гудели планеты.
Глядя на облик ужасный подобного змеям Гиганта,
Светлый небес Змеедержец из рук, отвращающих беды,
Выбросил яркие спины вскормленных огнями драконов,
Выпустил пестрокривую стрелу, и, окутавши светоч,
Вихри завыли вокруг, Змеедержцевы стрелы кривые
В воздух метнулись, подобно самим разъяренным ехиднам.
Тут и отважный Стрелец, что в пути сопряжен с Козерогом
Рыбообильным, пускает стрелу; помещенный в средине
Круга из двух колесниц Дракон, разделитель Медведиц,
Ряд светоносных полос на эфирном хребте колыхает.
Близ Эригона Боот, направляющий путь Колесницы
Вместе с собой, засверкавшей рукой сотрясает свой посох.
Рядом с склонившим колено Гераклом и Кикном соседним
Звездная Лира пророчит победу грядущую Зевсу.

[*Борьба Тифона с земными стихиями*]

Тут Тифоей, ухвативши, затряс корикийскую гору
И, киликийской реки населенный поток попирая,
Тарс одновременно с Кидном упрятал в одну из ладоней;
Стрелы из камня пуская в соленые борозды моря,
Он перешел на утесы, бичуя их после Эфира.
Ходит Гигант, в морскую волну погруженный ногами,
Чресла ж нагие его под водой остаются сухие,
И, окружая бедро его, ропщет широкая влага;
Плавают змеи его и из пастей, насыщенных морем,
Насмерть шипят и, с пучиной борясь, плюют в нее ядом.
Если стоит Тифоей среди рыбообильного моря,
Только ступни у него покрывает обильных потоков
Глубь, а Гигантово чрево теряется в воздухе вплоть до
Туч и темнит их. Когда с головы Тифоея ужасный
Слышится рык львов с высокоощетиненной гривой,
Львы все морские спешат затаиться под тинистым гротом;
Толпы чудовищ морских все подавлены без исключенья,
Только лишь Геи исчадье наляжет боками спокойно
На море всё, что побольше земли, — мычат все тюлени,
Прячутся в море дельфины, скрываясь в последних глубинах;
Кривоидущей спиралью узорчатый след вышивая,
Замысловатый полип приникает к широкому камню,

Делая вид, будто он — только мертвой скалы утолщенье.
В трепет повергнуты все; даже угорь морской, подплывая
В яром своем вожделенье отведать драконовой страсти,
Чувствует дрожь от дыханья ползущих по морю драконов.
Море вздымает валы, что встают как высокие башни
И достигают Олимпа; в теченье воздушных потоков
Птица, сухая всегда, орошается морем представшим.
Вот Тифоей, обладая подобьем морского трезубца,
Землетрясущей ладонью руки непомерной отрезав
Остров с пятой, отдаленной от крепкого берега почвы,
Бросил его целиком, будто мяч в обоюдном вращенье;
В битве Гиганта его кулаки на Олимп нападали,
В воздухе звезд достигая, и тень наводили на солнце,
Мечущие, как копье, недоступных вершины утесов.

[*Тифон и похищенное им оружие Зевса*]

После пучины морской и земли плодородных седалищ
Зевс-самозванец схватил и перун, увенчанный огнями:
Это оружье Кронида, забрав двумястами ужасных
Рук, великан Тифоей мог поднять лишь с крайним усильем,
Сам же Кронион своею рукой поднимал незаметно.
Под высыхавшей рукой не владевшего тучей Гиганта
Гром глуховатый лишь звук издавал заглушенного эха,
Тихо гудя, и с трудом из засохшего воздуха с снегом,
Не растворенным совсем, упадали сухие росинки;
Молния вся потемнела; подобно багровому дыму,
Тонкое пламя ее притупленным сверканьем сияло.
Точно заметив, что руки несущего их неумелы,
Мягкими стали перуны, носившие мужеский светоч,
И спотыкались все время в безмерных руках Тифоея,
Прыгая вольным путем: заблуждались огни громовые,
Ждали привычной руки небожителя, их властелина.
Как незнакомый с ездой верховой муж неопытный тщетно
Трудится в поте лица, укрощая коня молодого,
Что презирает узду и в своем рассуждении дерзком
Чувствует руку возницы неверную и без привычки,
Бесится, дыбом встает, выпрямляясь и вверх забирая;
В землю недвижно вонзивши копытами задние ноги,
Машет передними он и бросает на воздух колена,
Грива встает у него и, за оба плеча ниспадая,
С той и с другой стороны развевается около шеи, —
Так же трудился Гигант, переменно руками хватая
Ставший пугливым блеск заблуждающегося перуна.

[*Зевс увещает Кадма зачаровать Тифона музыкой*]

Временем тем уж скитальческий Кадм прибывает к Аримам...
...Тифоей же
Больше не смел управлять доспехами Зевса; Кронид же
С луконесущим Эротом, покинув обточенный полюс,
На гору вышел навстречу блуждавшему в поисках Кадму

И замышлял многохитростный план, совещаясь с Эротом,
Как Тифоею шнурок заплести погубительной Мойры.
Все понимавшему Зевсу сопутствуя, Пан-козолюбец
Пусть предоставит стада — и быков, и овец, и рогатых
Коз; тростниковый шалаш, возведя из спиральных плетений,
Пусть утвердит на земле и, одеждой пастушьей придавши
Внешности Кадма, обычной дотоле, неведомый образ,
Мнимого пусть пастуха он закутает правдоподобно;
Опытный в музыке Кадм пусть владеет коварной свирелью,
Ибо свирель приведет Тифоея к губительной смерти.
Так решил Зевс, и, лжепастуха и владыку потомства
Вместе призвав, он крылатый приказ сообщает обоим:
«Кадм, дорогой, поиграй, — и спокойствие будет на небе;
Как перестанешь, — страдает Олимп: ведь небесным оружьем
Всем у меня овладел Тифоей и в доспехи облекся.
Только одна у меня и осталась отныне эгида —
Против перуна в руках Тифоея что может эгида,
Кронос старик засмеется, боюсь; опасаюсь, враждебный
Мне Иапет горделиво надменную выпрямит спину;
В полной сказаний Элладе, боюсь, как бы кто из ахейцев
Дождевиком не прозвал Тифоея, высоким владеньем
Иль высочайшим позоря мне имя. Побудь пастухом лишь
Только во время зари и, звуча на пастушьей цевнице,
Ум похищающей, дай свою помощь для пастыря мира:
Я за тобой не услышу гонителя туч Тифоея,
Гром самозваного Зевса, и легче с тобой укрощу я
Молнии в споре со мной и перуна летящие стрелы.
Если кровь Зевса в тебе и Инаха питомицы Ио,
Ум Тифоея прельсти отвращающей беды игрою
Хитрой свирели своей; а уж я за достойный твой подвиг
Дар предоставлю двойной: ты небесной гармонии будешь
Страж и защитник, а деве Гармонии будешь ты мужем.
Ты же, Эрот, начинатель прямой плодородного брака,
Стрелы свои удержи и нигде не броди по вселенной;
Если случается все от тебя, пастырь жизни любовный,
Пустишь одну лишь стрелу, чтобы ею спасти положенье:
Пламенный, воспламени Тифоея, и через тебя лишь
В руки вернутся мои приносящие пламя перуны.
Всех укротитель, сразу одного лишь огнем, и поймает
Нежная стрелка того, кого взять не под силу Крониду;
Пусть же усладой сердечной пронзит его Кадмова песня
Так же, как я наслажденье имел, сочетаясь с Европой».

[*Тифон жаждет игры Кадма*]

Так он сказал и рогатым быком обратился: отсюда
Вышло названье Таврийской горы; а Кадм, извлекая
Острый, обманчивый отклик из рядом звучащих тростинок,
К ближнему дубу спиной прислонился у леса густого;
В сельской одежде своей пастухом настоящим казался
Он, посылая к ушам Тифоея коварное пенье,

Гигантомахия. Сцена с гигантом Порфирионом

Щеки надув и легко издавая высокие звуки.
Тут-то Гигант, оказавшийся жадным до пенья, змеиным
Следом ноги подскочил, чтобы хитрую песню послушать:
Около матери Геи оставив в пещере оружье
Зевса, искал он вблизи наслаждения звуком свирели,
Музыке преданный весь; увидав его около чащи,
Кадм испугался его и в расщелину скал затаился.
Видя с высот головы, что Кадм ускользнул, безобразный
Стал его звать Тифоей, привлекая кивками безмолвно;
Тонкую хитрость его не поняв, перед Кадмом предстал он,
Правую руку одну простирая к нему и не чуя
Смерти тенет, и кровавым лицом, человеку подобный
Наполовину, осклабясь, молчанье нарушил хвастливо:
«Что ты боишься, пастух? Что рукой прикрываешь от глаза?
Стоит преследовать мне после Зевса — смертного мужа,
Стоит ли, молнии взяв, хвататься потом за свирель мне?
Общего что меж твоим тростником и горящим перуном?
Ты лишь цевницей владей: Тифоею досталось другое —
Полное грома оружье Олимпа; сидящий с руками,
Звука лишенными, Зевс, не владеющий эхом привычным,
Без облаков, — он имеет нужду в пастуховой цевнице.
Ты из тростинок немногих своих добивайся звучанья;
Я же верчу не плетеный тростник, с тростником составляя, —
Нет, облака с облаками клубящимися сочетая,
Я посылаю согласный их гром в грохочущем небе.
Дружеский спор, если хочешь, начнем: тростниковую песню
Ты извлекай при игре, а я ударять буду громом;
Ты изо рта извлекаешь дыханье, и толстые щеки

Дуют, раздувшись, твои, а мои громыхают перуны,
Под дуновеньем Борея, трубящего мне, пролетая.
Мзду ты получишь, пастух, за цевницу твою: завладевши
Вместо Зевса небесным престолом и скипетром бога,
Я тебя вслед за собой вознесу от земли до эфира
Вместе с свирелью твоей, а захочешь — и вместе со стадом;
Ты не лишишься его: твоих коз помещу над спиною
Я Козерога, подобного им по наружности, либо
Там, где Возничий стоит, простирая сияющий локоть
К самой Оленской Козе, изливающей свет на Олимпе.
В образе звезд, восходящих к Олимпу, быков я поставлю
Около шеи широкой Тельца, приносящего ливни,
Или же возле росистой меты, где из глоток горящих
Светлой Селены быки исторгают по ветру мычанье.
В малом твоем шалаше ты не будешь нуждаться; а вместо
Чащи лесной окружат твое стадо Козлята эфира.
Яслей других тебе образ создам, чтоб сияла Ослица.
Схожая видом с твоими, поблизости Яслей соседних.
Будешь ты сам звездоносный Пастух, там, где видно Боота;
Посох твой звездный прострешь, как Возница, его направляя
На Колесницу Медведицы той, что зовут Ликаонской.
Гость Тифоея на небе, счастливый пастух, ты сегодня
Здесь, на земле, поиграй, — на Олимпе же будешь ты завтра.
В дар надлежащий за пенье ты облик получишь небесный,
В звездосияющий круг возойдя, где я сочетаю
Эту свирель пастуха с сладкогласной небесною Лирой.
Замуж отдам за тебя, если хочешь, я деву Афину;
Если же ты Ясноокой не хочешь, — Латону, Хариту
Замуж бери, Киферею, а то Артемиду иль Гебу, —
Не добиваясь лишь ложа одной Тифоеевой Геры.
Если есть брат у тебя, в колесничной погоне умелый,
Гелиоса четверню огневую пускай получает.
Если ты хочешь, пастух, потрясать эгидою Зевса, —
Тоже позволю тебе: ибо я поселюсь на Олимпе;
Зевс безоружный меня не заботит, и что причинит мне
Вооруженье Афины ничтожной, лишь женщины слабой?
Ты для начала, пастух, воспевай Тифоея победу,
Ибо я новый теперь, корневой скиптродержец Олимпа,
Зевса я скипетр ношу и хитон со сверканием молний».

[*Коварные речи Кадма*]

Так он сказал, — Адрастея отметила дерзкие речи.
Кадм же, увидя, как сын деревенской Земли уносился
Нитью безжалостных Мойр на свою добровольную гибель,
Сладостным жалом гонимый испить наслажденье свирелью,
Не улыбаясь, к нему обратился с коварною речью:
«Стоит тебе изумляться, внимая пастушьей свирели!
Вот, что ты скажешь, когда перед троном твоим я сыграю
На семиструнной кифаре тот гимн, что прославит победу?

Я ведь имел состязанье с небесными плектрами Феба —
И превзошел своей лирой его; но прекрасные звуком
Струны мои уничтожил Кронид пепелящим перуном,
Милость неся побежденному сыну; а если я снова
Добрые жилы найду, я сыграю тебе моим плектром
Так, что прельщу дерева все, и горы, и сердце животных.
Я удержу Океан, современный Земле сопряженной,
Что, заплетаясь венцом, поспешает в извечном теченье, —
Около самой меты прекратит он вращение влаги.
Остановлю я отряды созвездий и встречных бродячих
Звезд, задержу Фаэтона и бег колесницы Селены.
Ты, поражая богов или Зевса стрелой пламеносной,
Феба, однако, оставь, чтоб за трапезой яств Тифоея
Я и из лука Стрелок состязанье открыли на пире —
Кто-то кого победит, Тифоея великого славя!
Не убивай Пиэрид хоровода, чтоб также и Музы
Женское пенье смешали свое с голосами мужскими,
Вместе в собранье звуча под моим или Феба началом».
Молвил; с сверкающим взором кивнул Тифоей головою;
Кудри его сотряслись, волоса изрыгнули змеиный
Яд в изобилье, и он оросил близлежащие холмы.
Спешно в пещеру проникнув свою, достает он оттуда
Зевсовы жилы и хитрому Кадму приносит в подарок:
Жилы упали на землю в часы Тифоеевой битвы.

[Характер музыки Кадма]

Принял бессмертный подарок обманный пастух и, ощупав
Тщательно жилы, как будто бы ладя для будущей лиры
Струны, поспешно их скрыл, в расщелине скал положивши,
Чтобы для Зевса-гигантоубийцы сберечь как оружье;
Бережный звук извлекая из уст чуть заметным дыханьем,
Тихо сжимая тростник, скрывающий отклики эха,
Кадм заиграл прелестную песнь. Тифоей, об обмане
Не догадавшись, все уши простер и гармонию слушал.
Для обаянья Гиганта пастух подставной воспевает
Как бы изгнанье бессмертных, играя на хитрой свирели;
Только на деле поет он о Зевса ближайшей победе,
О Тифоея смертельном конце — пред лицом Тифоея.
Он возбуждает в нем страсть: так вот юноша нежный пылает,
Сладостным жалом любви возбужденный, по девушке юной,
Обворожен белоснежным овалом цветущего лика,
Взорами жаждет роскошных волос непокорные пряди,
Смотрит на руки с их розовой кожей, готов заглядеться
На розоватый сосца ободок ее, сжатый повязкой,
На обнаженную шею ее, ненасытно взирая
В очарованье на форму одну, а потом на другую,
И оторваться не может от девы. Так Кадмовой песне
Предал Гигант Тифоей до конца обольщенное сердце.

b) Nonn. II 1—631

[*Свирель Кадма и похищение Зевсом своих перунов у Тифона*]

Мнимый пастух, сын Агенора Кадм, стоять оставался
Там же, у леса густого, свирель с пронзительным звуком
К самым губам приближая; а в это же время Кронион
Зевс, не примечен никем, тихо вполз в потайную пещеру,
Взял свой обычный перун и снова им вооружился.
Тотчас же облако Кадма у скал незаметно прикрыло,
Дабы, узнав этот хитрый обман и подумав о воре,
Тайно унесшем перун, Тифоей пастуха по ошибке
Не умертвил. А Гигант, преисполненный сладким желаньем,
Слушать хотел только ритм этой песни, чарующей сердце,
Вроде того, как моряк, слыша пенье лукавой Сирены,
К гибели близится сам, преждевременно и произвольно:
Песнями заворожен, он волну бороздить прекращает,
Ясную влагу не вспенит веслом уж теперь неподвижным;
Голосом звонким пленен, он в сплетенье запутался Мойры,
Нежась, забыл о руле и не видит созвездий теченья —
Ни семипутных Плеяд, ни Медведицы плавного круга.
Так же и он, потрясенный дыханьем пагубной песни,
Жадно впивал это жало игры, предвещающей гибель.
Но замолчала живая свирель пастуха-музыканта,
Скрытого темной грядой облаков, и гармония смолкла.
Тут Тифоей, вновь почуявший страсть воевать в поднебесье,
Бросился в самую глубь той пещеры, где молнии были,
В поисках грозного грома, оружья победы — перуна,
Для исступленной борьбы; шаг за шагом исследует всюду,
Жадно ища, где же блеск разрушительных Зевсовых молний, —
Тщетно: пещера пуста. И, коварный замысл Кронида,
План изворотливый Кадма поняв слишком поздно, к Олимпу
Быстро взмыл Тифоей, по дороге метая утесы.

[*Тифон и природа*]

След оставался косой от ноги со стопой змеевидной.
А на ходу он плевал изо рта, изрыгавшего копья.
С самого верха Гиганта, где волосы были — ехидны,
Яд изливался в ручьи, и кипели от пены ущелья;
В этом движенье его сами недра земли киликийской,
Твердые почвой своей, потряслись до глубин основанья
Под змеевыми ногами; от все заполнявшего шума
Тавра вершины дрожали в пространстве пустом и от страха
Ближних Памфилии рек берега трепетали, как в пляске;
Гул раздавался глухой в расщелинах почвы, и кручи
Все колебались, шатались все недра, песка возвышенья
Рыхло ползли под ударом шагов, сотрясающих землю.

[*Тифон и животные*]

Гибель грозила стадам и зверям: ведь в лице Тифоея
Хищный медведь разрывал челюстями другого медведя;
Рыжего, грудью косматого льва голова пожирала

Геракл убивает Алкионея. Роспись краснофигурного килика Финтия

Львов сочлененья других, и подобными были по виду
Пасть у него и у них; а змеиная глотка ехидны
Хладную спину змеи-землехода — дракона — глотала;
Воздуха птицы, летящие в чистом эфире, соседним
Клювом настигнуты были; но больше всего пожирал он
Близко летавших орлов, ибо Зевсова птица известна.
Жрал и быка-земледельца, его не щадя, хоть казался
Он окровавленным весь от ярма из-за ссадин на шее.

[*Тифон и Наяды*]

Плотно насытившись, он выпивает всю влагу речную,
Вон выгоняя отряды Наяд, обитающих в гротах;
Как остановится нимфа босая, привыкшая к влаге,
С явным трудом выступая по дну вдоль теченья потока,
Там, где сухой перекат, заплетающимися ступнями, —
Деву, что в трепете вся и от жажды сухая, в пещеру
Он заключает, и грязные узы ей вяжут колена.

[*Тифон и люди*]

Бешенство видя Гиганта, чьи многие образы явны,
Старый пастух, обронивши свирель, убегает от страха
Вдаль; увидав пред собой многочисленных кучу ладоней,
Слабую ж флейту свою козопас покидает на ветер.
Пахарь, всегда терпеливый, не делает в поле посева,
Ровные грядки земли осыпая зерном за собою,
Борозд не режет железом, глубоко взрывающим почву,
Что уже вся — под ударом движения рук Тифоея,
Но распрягает быков; и уже под стрелами Гиганта
Много пустот обнажилось на пашне, покрытой щелями.

[*Хаос в природе и сетование богов*]

Влажные жилы совсем растворились, и пропасть зияла;
В самых низинах долин все истоки забили ключами,
Вплоть до верхушек земли изливая подземную воду;

Рушились скалы вокруг по ущельям потоков в тумане
И низвергались в моря, источая в падении влагу;
Молнии, из-под земли вылетавшие, молотом будто
Собственным ряд островов новорожденных укореняли.
Ряд деревов на корню далеко передвинулся с поля,
На землю пал уже плод преждевременный, только расцветший;
Сад уж засох, розовеющий луг уже в прах превратился.
И шевелил Зефир лишь сухими листами упавших
Вниз кипарисов; уж Феб погребальные песни слагает;
Жалобным плачем встречая поломанные гиацинты, —
С музыкой траурный гимн, но стенает особенно тяжко
Он о порубленном лавре вблизи Амиклейской вершины;
Пан огорченный сосну покривившуюся выпрямляет;
И, вспоминая Морию, аттической общины нимфу,
Горько вздыхает Афина о срубленной бурей маслине;
Пафа богиня оплакивает анемон запыленный,
Из благовонных волос вырывая нежнейшие кудри,
Частые слезы лия перед чашечкой розы засохшей;
Плачет Део, что погиб ее колос, еще недозрелый,
Что не увидит уже ликований плодового сбора;
Сетуют Нимфы лесов о тенистых древах-однолетках.

[*Тифон и Гамадриады*]

Вот с расщепленного лавра, прекрасно проросшего древа,
Гамадриада-ровесник, теряя покров, соскочила;
Дева другая, бежав от сосны своей легкой стопою,
Так говорит, подойдя к иноземице, нимфе соседней:
«Гамадриада от лавра, не знавшая мужа, давай-ка
Вместе бежим, — ты Феба узришь, а я Пана познаю.
Прочь, дровосеки! Деревья, прощай! Огорченную поросль
Дафны несчастной не режьте; и ты пощади, о строитель,
Класть из пахучих сосновых стволов корабли грузовые,
Чтоб не коснулись они шума волн морской Афродиты.
Право ж, рубитель дерев, предоставь мне последнюю радость:
Рушь топором, вместо лавра, меня и сосок прикрепи мой
На непорочном оружье не ведавшей брака Афины,
Чтоб умереть мне до мужа и девой спуститься к Аиду,
Все об Эроте не зная, подобно Сосне или Лавру».
Так говоря, создает покрывало как будто из листьев,
Скромно скрывая соски на грудях опояской зеленой.
Крепко прижавшись бедром на бедро, совершенно сжимаясь,
Нимфа другая, глядя на нее, отвечает печально:
«Я, как она, трепещу из-за девства: сама ведь я тоже
С лавром была рождена — и настигнута буду, как Дафна.
Как же бежать? Поднимусь на утес? Но высокие холмы,
Ринутые на Олимп, превращаются в пепел от молний;
Пана противного я трепещу: он преследовать станет,
Как и Питюс и Сирингу, настигнет теперь и меня он
В бегстве моем по горам и погибну как Эхо вторая.
Нет, не пойду на верха и не буду я жить на высотах,

В горных скрываясь древах, где охотничает Артемида, —
Пусть она девству и друг; ведь Кронион сумел же достигнуть
Ложа Каллисты, когда Артемидою он обернулся.
Брошусь в морскую волну: что мне брак? И, однако, на море
Неудержимый до жен Посейдон догонял Астерию.
Если б иметь мне два легких крыла, чтоб идти вышиною,
С ветром воздушным лететь по пути и парить в поднебесье!
Но ведь дорога пернатых пустеет: уже Тифоея
Слишком длинные руки хватаются даже за тучи.
Если же он притеснит на насильственный брак, — обернусь я,
В стаю пернатых войду, полечу соловьем Филомелы,
Ласточкой буду хотя б, что Зефиры весенние любят,
Что возвещает росу для цветов, возвещает о розах;
Пением птичка своим говорливо лепечет под крышей,
В танце пернатом виясь и порхая поблизости хижин.
Горько страдавшая Прокна, ты плачешь о сыне погибшем
В траурной песне, а я буду плакать о свадебном ложе.
Ласточку, Зевс, не твори из меня, чтоб меня не настигнул
Более быстрый Терей, осердясь, Тифоею подобный.
Воздух, и горы, и море закрыты — я скроюсь, пожалуй,
В самые недра земли. Но Гигант на ехидниных пятках
Змей стрелоносных, таящихся в нем, и под землю напустит.
Если бы быть мне туземным ключом и, подобно Комайфе,
Смешивать новые воды с источником отческим Кидна!
Но не хочу, как сказала: пускай не сливаются устья
Страстно любившей девицы — и влаги моей непорочной.
Где ни бежать, — попадешь к Тифоею: от нашей породы
Сына придется родить многовидного, как родитель.
Будь я во древе другом, хоть бы в дуб перебравшись из дуба,
Я сохранила бы имя пристойного чада; нет, Дафны
Отпрыск и слушать не станет преступного имени Мирры.
Боги, молю, чрез поток воздыхающего Эридана
Дайте мне быть Гелиадой: из глаз моих густо закаплет
Окаменевший янтарь, и макушкою, полной печали,
Буду и я простираться к соседнего тополя листьям
Переплетенным, стеная о девстве в слезах изобильных, —
Не о тебе, Фаэтон, голося. Дай милость мне, Дафна:
Я порожденье лесов, и мне стыдно другим быть растеньем.
Камнем я буду, подобно Ниобе, чтоб наши рыданья
Путник иной пожалел, видя каменное изваянье;
Но этот образ ведь косноязычен. Дай милость, Латона;
Нет, пропади это имя, — противу богов ты рожала».

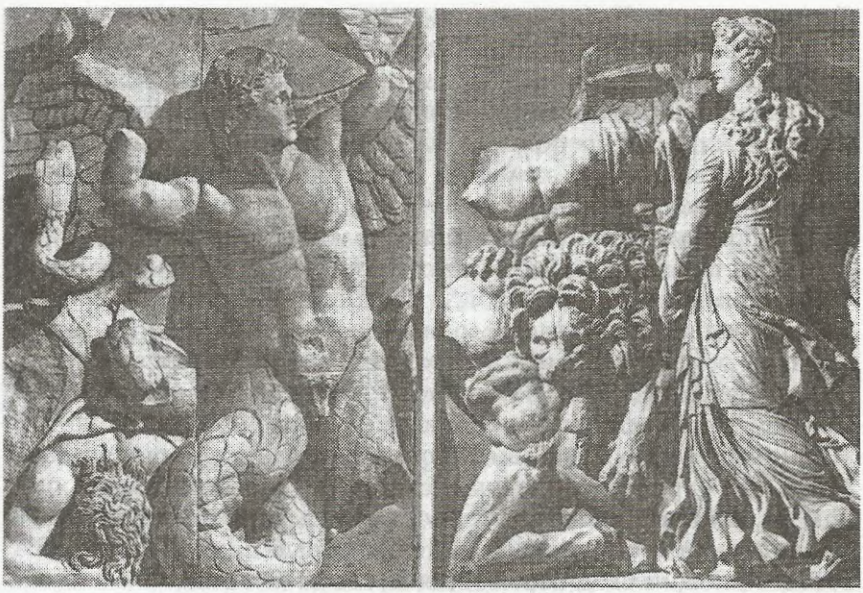
[*Ночь и утро перед гибелью Тифона*]

Так говорила. Меж тем Фаэтон шел дугою небесной,
К западу правя коней; молчаливая Ночь, появившись
Из-под Земли, покрывает ее, точно конус воздушный,
И небеса одевает плащом из блестящих созвездий,
Весь украшая Эфир; а по Нилу, лишенному облак,
Ходят бессмертные боги; с вершины холмистого Тавра

Зевс ожидает Кронид свет Зари, пробужденье несущей.
Ночь то была. На Олимпе стояла рядами охрана,
Кругом семи поясов, и ее перекличка ночная
Точно из башен высоких была; громыханье созвездий
Разноязычных неслось далеко; от осей их шум эха,
Крона венцом отражен, получала последний Селена;
Горы, как воздуха стражи, бегущие в ряд с Фаэтоном,
Огородили небесный венец густым покрывалом
Из облаков; у Атлантовых врат, недоступных вторженью,
Звезды засов наложили и заперли крепко ключами,
Чтобы с уходом богов не проникла на небо засада;
Вместо же звука свирели и пения флейты обычной
Ветры летали на крыльях всю ночь, свистя свои песни.
Сверху Боот престарелый, аркадской Медведицы спутник,
Вместе с воздушным Драконом недреманным оком взирая,
Подстерегал Тифоея на случай ночного вторженья;
Утра звезда наблюдала восток, и следил за закатом
Геспер, а, области юга оставив Стрельцу в наблюденье,
Взором Кефей обегал дождевые ворота Борея.
Были повсюду огни, и пылающих пламя созвездий,
Как и ночные лучи всегда неусыпной Селены,
Светилось, как на войне, и закрученными волчками
В скачке одна за другой от вершины воздушной Олимпа
Звезды падучие воздух чертили — сигнальное пламя
От Крониона руки; и, ее же броском опрокинут,
В частом метанье перун вылетал из расколотой тучи;
Под переменным порывом его в неустойчивом блеске
Пламя скрывается вдруг и опять появляется снова;
Как виноградная кисть, завиваются переплетенья
В кудри огня: то косматится свет от шершавой кометы.
Странные звезды, чужие, блестят, как большие стропила,
Рядом продольным сигнальных огней протянувшись во мраке,
Точно соратники Зевса; в лучах Фаэтона напротив,
Будто сияя из ливня, дугой круговою Ирида
Гнется наверх, создавая согласных полос многоцветье,
В чередованье зеленый сгустив и за розовым белый.

[*Рассказ Ники о богах и призывание ею Зевса на бой с Тифоном*]

Зевс еще был одинок, как к нему прибыла в утешенье
Ника, крылом рассекая высокие воздуха токи,
Образ Латоны приняв и отца укрепляя отвагой;
Из двоевидных уст раздался изворотливый голос:
«Зевс, о владыка, для чад своих будь предводителем; разве
Мыслимо в браке дурном Тифоею смешаться с Афиной?
Будет ли матерью та, что не ведала матери? Лучше
Молнию в дело пусти, световое оружье Олимпа,
Лучше сгони облака, насылающий ливни владыка:
Ведь под рукой Тифоея основы недвижного мира
Поколебались уже; сопряженных четыре стихии
Врозь растворились; богиня Део отказалась от нивы,



Слева — крылатый змееногий гигант. Справа — битва богов с гигантами. Фрагмент фриза Пергамского алтаря

Геба оставила кубок, Арес за копье не берется,
Жезл покидает Гермес, Аполлон свою лиру забросил
И, окрыленный, летит, побросав окрыленные стрелы.
Лебедя облик приняв, Афродита, что браки вершает,
Скованный мир поразила бесплодием и растворила
Нерастворимые узы единства; невест приводящий
Неукротимый Эрот, укрощающий всех и отважный,
В страхе бросает свой лук плодотворный; с привычного Лемна
Огненный сын твой Гефест, на ногах непослушных хромая,
Тихо и вяло бежит. Удивленья большого достойно, —
Но я жалею весьма на меня столь сердитую Геру.
Или отец твой опять возвратится к светил хороводу?
О, если б не было так! Хоть я и зовусь Титанидой,
Но не желаю смотреть, как Титаны владеют Олимпом
Вместо тебя и твоих же детей. Лучше властным перуном
Бой подыми, Артемиду храня без порока; невестой
Девой хранюсь до сих пор разве я для насильного брака?
Та, что владеет родами, родит ли сама? И ко мне ли
Руки прострет? И какая же я Илифия, когда я
Буду сама, Илифия, рожать с Артемидою вместе?»

[*Образ Тифона. Мечты о победе*]

Так говорила она, а на крыльях темнеющих Гипнос
Сном охватил всю живую природу. Однако Кронион
Вовсе без сна был один. Тифоей, далеко распростерши
Вялые члены, на ложе покоился обремененном,
Матери Гее обузой; навстречу отверстому лону
Скалящих глубь пропастей потайные постели долбили,
Рылами почву копая, ехидны волос Тифоея.

Солнце взошло; Тифоей многомерный из всех своих глоток,
Вместе ревущих, гремел, вызывая великого Зевса,
В голос, ужасный настолько, что звуки его достигали
Вплоть до границ Океана, устойчивого в возвращенье,
Области мира четыре кругом обтекая, деля их
И опоясав всю землю кольцом, как повязкой венковой;
Вопль Тифоея, меняясь по ряду несходственных звуков,
Разнообразно гудел и будил многократное эхо:
Все нарастая по силе, различных оттенков по виду,
Он раздавался и воем волков, и рычанием львиным,
Хрипом кабана, мычаньем быков и шипеньем драконов,
Дерзким зевком леопарда и ревом из пасти медведя,
Ярым ворчаньем собак. И Гигант пополам с человечьим
Голосом так восшумел в своем крике угрозы на Зевса:
«Руки мои, забросайте дом Зевса, сдвигайте все корни
Мира, где царство блаженных, сломайте крутые засовы
Там — на Олимпе богов; пусть столб воздушный Атланта
Наземь падет и сам он бежит, потрясенный паденьем;
Звездосияющий свод отрывается пусть от Олимпа,
Не беспокоясь бежать по спирали; нет, я не позволю,
Чтобы сгибал сын Земли чересчур нагруженные плечи
Под неизбежным движеньем Эфира туда и обратно:
Пусть он с блаженными бьется, оставив богам — каким хочет —
Их беспредельную ношу; пускай разрушает утесы,
Мечет дикие стрелы на небо, несущее звезды,
Прежде носимое им; пусть бегут с небес под ударом
Скал боязливые Горы, бессильные Солнца рабыни;
Пусть навыворот все обратится: смешайте с землею
Воздух и влагу с огнем, а морскую пучину — с Олимпом.
Я прекращу и насилье рабов — четырех этих ветров:
Исполосую Борея, и Нота прижму, и ударю
Эвра, Зефира прибью, а день перепутаю с ночью
Бурной. Родственник мой Океан, что глотает истоки
Многие, двинет к Олимпу высоко подъятые воды;
Пять параллельных кругов превышая движением влаги,
Он наводнит все созвездья, затопит Медведицы жажду
Неутолимую, под колесом Колесницы лежащей.
Громче мычите, быки мои, в небе дугу потрясая
Всех равноденных кругов, и рогами крутыми колите
В жертву подобного вам светового Тельца-рогоносца.
Пусть и Селены быки с своей влажной собьются дороги,
В страхе пред ревом бычачьих голов моих, громко гудящих.
Пусть мой огромный медведицы зев, моя грозная челюсть
Гонит слюной Тифоея Медведицу там, на Олимпе;
Лев мой пускай на воздушного Льва нападает и силой
Пусть отодвинет его далеко от путей зодиака;
Пусть от драконов моих затрепещет Дракон Колесницы,
Вооруженный огнями едва. Эти ярые волны
Моря, земные холмы, крутые мысы островные
Созданы мне как мечи, а щитами послужат мне горы;

Скалы мне — панцирь надежный, а копьями будут утесы,
Реки же будут гасить непригодные к делу перуны.
Я сохраню Иапета оковы — сковать Посейдона;
А на кавказской вершине пернатая некая птица
Лучше орла окровавит Гефеста, его пожирая
Печень, растущую вновь: как и тот, за огонь ведь страдает
Язвой такой Прометей с его печенью саморастущей.
В медный я брошу сосуд, точно отпрысков Ифимедеи,
Видом таких же, как я, осмотрительного сына Майи,
Неразрываемых пут плетуна; пусть кто-нибудь скажет:
Сеть развязавший Ареса, Гермес сам запутался в сети.
Пусть неприступные узы девичества ныне развяжет,
Став Ориона насильно супругой, сама Артемида;
Титию пусть по старинке стелет покрывало Латона,
Завлечена в принудительный брак; душегуба Ареса,
Что ограбляет щиты, им разбитые, и властелина
Битв, я свяжу и придам его голосу нужную мягкость;
Взяв как добычу, Палладу в замужество дам Эфиальту
Я, хоть и поздний то брак: посмотреть будет мне интересно,
Что за поденщик Арес и как мучится в родах Афина.
Взяв напряженным плечом всю тяжесть Атлантова неба,
В смене движения звезд понесет его дыбом Кронион;
Свадьбы моей гименей он услышит, захваченный тайной
Ревностью, как я возьму его Геру на брачное ложе.
Факелов будет мне вдоволь: блеск молнии собственной силой
Будет гореть головней у чертогов моих; вместо сосен
Сам Фаэтон, прикрепивши огонь своего освещенья,
Рабски прострет Тифоею брачущемуся сиянье;
И, задрожав, точно искры на свадьбе, с Олимпа свергаясь,
Звезды светильницей будут любовных моих наслаждений, —
Звезды, лампады ночей; с Афродитой, связующей браки,
Будет мне ложе стелить, услужая, Селена, супруга
Эндимиона; когда же понадобится омовенье,
Я искупаюсь в водах звездоносной реки Эридана.
Горы, идущие кругом, стелившие Зевсово ложе,
Соорудите теперь Тифоею эротову спальню;
Геба, Латона, Афина, Пафийка, Харис, Артемида —
Сестры, несите воды с Океана на брак Тифоея.
Свадебным плектром за трапезой пира моей услужая,
Пусть воспоет Аполлон Тифоея, а вовсе не Зевса.
То, что хочу, не чужая земля: управлять я намерен
Братом своим, что несет на спине все созвездья, — Ураном-
Небом, имеющим дом материнский, отродием Геи.
Вновь извлекая на свет из подземной пропасти Крона,
Живоглотателя, я, как родного мне единоборца,
Освобожу от насильственных уз; возвращенных Титанов
Воздуху вновь я отдам, порождение Геи — Киклопов
На небо жить приведу; покуем из огня мы оружье
Новое: много ведь мне будет нужно небесных перунов,
Чтобы сражаться двумястами рук, а не только их парой,

Зевсу Крониду подобясь во всем; я наделаю молний
Лучше, чем прежние были, других, поновее, сильнее
Воспламененных огнем; наверху я воздвигну другое
Небо, восьмое по счету, — и шире и выше всех прочих;
Более ясные звезды я дам ему, так как не может
Вовсе покрыть Тифоея ближайшая неба верхушка.
Вместо всего поколенья мужского и женского пола,
Что от Кронида пошло, воспитаю я новое племя —
Много богов многошеих; и сонмы созвездий бесплодных
Я не оставлю без брака скучать, но женщин я выдам
Всех за мужей, чтобы многих рабов для меня породила
Дева крылатая, ложе свое отдавая Бооту».

[*Начало последнего боя*]

Так говоря, он кричал, а Кронид улыбался, внимая.
Бой загорелся с обеих сторон: Тифоея Эрида
В битву ведет, побуждает и Зевса к сражению Ника.
Не из-за стада быков и не ради овец состязанье
Шло, не была то вражда за красивую нимфу-невесту
Или же свалка за маленький город, — борьба возникала
За обладание небом самим: на коленях у Ники
Скипетр Зевса лежал и престол, как награда за битву.
Зевс, ударяя громами из туч погоняемых, вызвал
В небе мычания рев, протрубивший, как песня Энио,
И, окружив свою грудь облаками, витыми спиралью,
Создал защиту себе от Гигантовых стрел. Тифоей же
Не оставался безмолвным: главы его бычьи мычали,
Как самобытные трубы, и ревом Олимп оглушали;
Переплетенья драконов свистели, как флейты Ареса.
Соорудил Тифоей ряд высоких своих сочленений,
Нагромождая утес на утес, пока не возвысил
Плотную их крутизну постепенно и несокрушимо,
С самых основ полагая подряд скалу над скалою;
Было похоже на войско в оружье: ущелье вплотную
Он опирал на ущелье, холмы на холмы, перешеек
На перешеек и выступ высокий на складчатый выступ;
Их каменистые шлемы служили венцом Тифоею,
Самой высокой главой прикрывая Гигантовы главы.
Тело хоть было одно у Гиганта в бою, лишь по виду
Много имело вершин, но суставы бесчисленны были, —
Руки и челюсти львов с их отточенными остриями,
Волосы в виде ехидн, поднимающихся до созвездий.
Целые гнулись деревья в руках Тифоея, противу
Зевса Кронида метавшего их, но прекрасных листвою
Отпрысков этих Земли рывком своим обремененным
Зевс поневоле губил при единой лишь искре перуна.
Многие вязы погибли, такого же возраста сосны,
Много огромных платанов и тополей белых, разбитых
Молнией Зевса, и в почве полопалось множество трещин.
Все с четырех сторон тряслось окружение мира;

*Борьба богов с гигантами.
Змееногий гигант Клитий, трехликая Геката, гигант Отос
и павший гигант, которого терзает пес Артемиды*

Вместе вступившие в битву Крониона ветра четыре,
Волны из праха вздымая, сцепили темнеющий воздух;
Море хлестало на землю: бичуемая Сикелия
Вся колебалась, а берег Пелоры наполнился шумом,
Так же как жилы на Этне; ревело в скалах Лилибея —
Вестниках будущих дней; грохотало прибрежье Пахины
С запада шедшим теченьем; на севере нимфа Афона
Громко в лесистом ущелье фракийском кричит и взывает;
Лес македонский гудит и подножия жил Пиэрийских.
Корни Востока трясутся, дрожат в ассирийском Ливане
Благоуханные веси с кудрявыми листьями в рощах.
В это же время, как Зевс бушевал непрерывно перуном,
Многие стрелы из рук Тифоея летели навстречу:
Те, что стремились попасть в колесницу Селены, лишь ноги
Непостоянных быков оцарапывали невредимо;
Те, что с пронзительным свистом кружились по воздуху, ветры,
С разных сторон налетев дуновеньями, вмиг распыляли;
Многие, сбившись с прямого пути под далеким перуном
Зевса, оказывались под веселой рукой Посейдона,
Где не давал им пощады трезубец, взрывающий землю;
Идя по Кронову морю, попавшие на воду стрелы
Старец Нерей собирал для Зевсова сооруженья.
Грозных обоих сынов Эниалия, Фоба и Дейма,
Внуков своих, взял Зевс как помощников и щитоносцев,
Вместе идущих в Эфире: он к молнии Фоба приставил,
Дейма же он утвердил у перуны несущего грома —
Страх наносить Тифоею. А Ника свой щит воздымала,
Спереди Зевса его простирая; кричала Энио,
Поднял грохот Арес; и по воздуху, бурей бушуя,
Носится выспренний Зевс, держащий эгиду, воссевши
На колеснице крылатой Времен, запряженной четверкой:
Соединенные ветром, конями Крониона были;
Вооружился где молнией он, где перуном громовым,
Там нападает грозой, а здесь проливается ливнем,

Вместе с стрелами дождя полосуя, как будто камнями,
Градом окрепшим хребет; столбы непрерывные влаги
Рушатся острой стрелой над Гигантовыми головами,
И Тифоея ладони изрезаны, точно ножами,
Этими стрелами града, которым стал в воздухе ливень.
Падает в прах из ладоней одна, не схвативши вершины,
Но продолжает борьбу, пораженная раной от града
Снежного, даже в паденье: на землю летя, в исступленье
Вьется скачками рука и трепещет, сама раскрываясь,
Как бы желая еще к олимпийскому броситься кругу.

[*Последний бой*]

Вот предводитель богов, метнувши стрелу огневую
Сверху, уж к правому гонит крылу войсковые отряды —
Биться вверху; а Гигант преогромный вздымает на битву
Рытвины, полные вод, и, связавши тугими узлами
Пальцы свои в переплет самобытный, одни за другими,
Делает желоб из жадных ладоней и полною горстью
Горную воду из рек набирает холодных, руками
Их углубляет и гонит потоки разбитой струею
Прямо на молнии Зевса; облитый потоком ущелий,
Факел воздушный сквозь воду мерцает порывистой искрой
И наседает на воду, гореньем ее иссушая, —
Влажные части природы природе огня уступают.
Дерзкий Гигант пожелал потушить небесное пламя:
Глупый не знал, что светящее пламя перунов и молний
Происхожденье имеет из туч, порождающих ливни.
Вновь он, схватив из потока пещеру с прямыми углами,
В неуязвимую грудь хочет Зевса ударить железом,
Башней высокой к нему простираясь; но уст лишь краями
Зевс тихонько дохнул, — и дыханье легкое, взвеяв
С самых высот крутизны, закружив, опрокинуло скалы.
Вырвав насильной рукой один гребень от острова, снова
Жуткий для всех Тифоей в грохочущий бой выступает,
Гребнем швыряя в лицо еще несокрушимого Зевса.
Мраморного острия, что направлено против, избег тот,
Круто лицо отклонив; Тифоею ж достался горячий
Молнии ток, по кривой изменившей свой путь, и немедля
Белая сверху скала почернела в мучительном дыме.
В третий раз мечет Гигант. Но Кронид в него брошенный камень,
Кисть поведя, осторожно схватил в середину ладони
И, точно скачущий шар, загремевший в руке бесконечной,
Бросил назад в Тифоея — вокруг себя перевернувшись
Много раз в вихре воздушном, обратным путем возвращаясь,
Камень, как собственной силой, стрелка своего поражает.
Бой по четвертому разу был выше. Утес, что был схвачен,
Весь пополам раскололся у самого края эгиды.
Бросил еще Тифоей, но скала, что крепкой казалась,
Снова разящим перуном была сожжена и светилась.
Горы сдержать не могли этой влаги из туч, под ударом

Алкионей. Фрагмент восточного фриза Пергамского алтаря

Полных водой облаков разрушались холмы и утесы.
В общем Энио держала меж ними двумя равновесье —
Меж Тифоеем и Зевсом, и, стрелами с сильным изгибом
В пляске воздушной носясь, перуны громов бесновались;
Во всеоружье сражался Кронид, и в сражении этом
Гром ему был точно щит, облака заменяли кольчугу,
Молния стала копьем, а перуны, летящие с неба,
Он через воздух метал, как огнем увенчанные стрелы.

[*Метеорологические домыслы Нонна*]

Вот уже выйдя блуждать невозвратно из почвенных впадин,
Взмыли высоко сухие пары, над землей поднимаясь,
И, проникая во внутренность облак пылающим вихрем,
Жаром душили чреватые тучи; и с шумом средь дыма
Мучимых так облаков, пропитавшихся огненным паром,
Жгучее пламя, что выйти не может, внутри загоралось
В поисках средних путей, так как в выси проникнуть сиянью
Огненному не дано; влажный воздух, пропитанный ливня
Каплями, молний задержит скачки, ибо вышняя влага
Делает плотными тучи; когда же сухое открыто
Поле внизу, то огонь чрез него проникает прыжками.
Так же, как камень, что около камня лежит, порождает
Блеск, и огонь самобытный пронзает их окаменелость,
Если об камень-самец огнеродная стукнется самка, —
Так же небесный огонь возгорается в силу давления
Пара земного и туч; тот огонь, что родился из дыма
Тонкого почвы, поможет возникнуть воздушным теченьям;
Тот, что из вод испарений земных и блуждает нетвердо, —
Тот напрямик будет выпит палящего солнца лучами
И, увлажненный, в Эфир вовлечется по жгучей дороге;

Там он разбухнет совсем, породит облаков оболочку
И, содрогая весь тучный объем от тончайшего пара,
Облако мягкое вдруг растворит дождевою струею,
Вновь возвращаясь к своей изначально-влажной природе.
Так образуется тип облаков грозовых, и родятся
Молнии вместе и их образца громовые перуны.

[*Конец Тифона*]

Зевс же отец воевал, на противника ниспосылая
Токи привычных огней, отражающих львов копьеносца,
Вихрем небесным разя целый ряд многовидно-ревущих
Пастей безмерных зверей; уже блеск его стрел пламеневших
Жег бесконечные руки Гиганта, во прах превращая
Неисчислимые плечи, вертлявые стаи драконов;
Иглы Эфира сжигали голов беспредельную массу.
Вот распылило власы Тифоея вращенье кометы,
Бросив косматый огонь свой искрой противоположной, —
Головы все засияли, власы загорелись Гиганта;
Искре небесной вослед на шипящие змеями кудри
Пала безмолвья печать, и у змей, иссушенных кометой,
Капельки яда застыли у самых разверзнутых пастей.
Бился Гигант, а уж зренье его запорошилось пеплом
Чадного дыма; на лицах его, затвердевших от снега,
Щеки совсем побелели от зимних холодных потоков.
Мучила также напасть четырех налетающих ветров:
Как на восток обратится он взорами неосторожно, —
Тотчас горячую битву получит от близкого Эвра;
Если посмотрит на ветры аркадской Медведицы склона, —
Иней покроет его от холодного бурного вихря;
Лишь избежит дуновенья зимы снегового Борея, —
Будет стрелой поражен увлажненной и вместе горячей;
Если же взглянет на запад, в сторону Эос грозящей,
Он затрепещет от бурь налетевшей с заката Энио,
Отзвуки слыша весенних плетей от ударов Зефира,
Также и Нот, что дыханьем горяч, правя бег колесницы
В воздухе около выи полуденного Козерога,
Жар Тифоею несет огненосным дыханием зноя.
Только что Зевс-дождевик снова пролил потоками ливень,
Как уж все тело Гиганта омылось спокойной струей;
Члены горели, и тяжко дышал он, смиренный перуном.
Крепкими стрелами града и вьюги, что сына разили,
Ранилась также и мать Тифоея — засохшая почва:
Видя на теле его, обреченном Мойре, мученье
Воткнутых каменных стрел и концов их, уже увлажненных,
Робко она начала умолять Гелиоса титана —
Дать один летний луч, чтобы пламенем более жарким
Зевсову влагу скорей растопить, превращенную в камень,
На Тифоея в снегу изливая родное сиянье;
С сыном совместно зачахла она; и, взирая на массу

Диана и Геката в войне против гигантов

Рук обожженных гигантских его, окруженных огнями,
Молит к нему принестись холодящее веянье бури —
Хоть на один только день, чтобы веяньем этим морозным
Жажду тушить Тифоея, спасая его от напасти.
Зевс уже перетянул на весах одинаковой битвы,
Тут, разорвавши рукой свой лесистый покров, затужила
Матерь Земля: увидала она, как дымилися главы
У Тифоея, все лица его уже высохли вовсе
И разрешились колени. И, предвозвещая победу,
Зевса труба заревела повсюду громовым раскатом.
Рухнул, шатаясь от пламенных стрел, низлетающих с неба,
Сверхвеликан Тифоей, получив не-железную рану
В битве, и вот, уронив свои члены, на матери Гее
Тихо почил, расстелив сочлененья змеиные в прахе
И изрыгая огонь.

[*Торжествующий сарказм Зевса*]

А Кронид улыбаясь дразнился,
Речь изливая такую из уст забавлявшихся бога:
«Кронос старик отыскал неплохого помощника, видно:
Только великого сына Земля родила Иапету, —
И уже мстит Тифоей за Титанов; и как посмотрю я,
Скоро перуны Кронида совсем уже стали бессильны.
Что же ты медлишь занять недоступный Эфир, скиптродержец
Выдуманный? Для тебя уж готово собранье Олимпа:
Скипетр Зевса и плащ получай, Тифоей-богоборец;
В небо Астрея войти позови, а если захочешь,
Пусть возвратятся в Эфир Еврином, Офион и с ними
Кронос пусть спутником будет; пришел бы с тобой на дорогу
С пестрыми спинами звезд, протекающих в высях, и хитрый
Наш Прометей, избежавши оков и взяв провожатым,
Чтобы не сбиться с небесных путей, мою дерзкую птицу,
С жадностью жрущую печень его, что опять вырастает.
Что еще хочешь ты видеть? Наверно, чтоб после сраженья
Зевс и Энносигей у седалищ твоих услужали?
Зевс, ослабевший совсем, уже не скиптродержец Олимпа,
Грома и туч он лишен, его молнии — уж не священный
Светоч, перуны его — не привычное больше оружье, —

Факелы только, когда Тифоей препожалует в спальню
Пленной супруги своей, в терему проживающей Геры,
Ложе которой завистливый Зевс пожирает глазами.
В паре с ним Энносигей, отрешенный от моря, теперь же
Вместо владыки морей — Тифоея — прислужник застольный:
Вместо трезубца в обсохшей руке он несет тебе чашу.
Твой же наемник — Арес; Аполлон тебе тоже прислужник;
Сына же Майи к Титанам пошли провозвестником, дабы
Он возвестил им о власти твоей и небесном сиянье.
Только Гефеста работать оставь на привычном Лемносе,
Чтоб изготовил он там для твоей новобрачной невесты
Пестрые бусы на шею — цветные, с блестящей отделкой,
Или же яркую света игру на подошвах сандалий,
Что восхитило б супругу твою; или сделал бы новый,
Златом сияющий трон на Олимпе, чтоб весело было
Гере твоей златотронной, престолом таким обладая.
Если Киклопов с земли водворить на Олимп ты захочешь,
Новые искры скуют для твоих превосходных перунов.
Хитрый Эрот, что прельстил твое сердце надеждой победы,
Цепью златой будет связан совместно с златой Афродитой;
Медной цепью Ареса свяжи, властелина железа.
Молний, однако же, нет, и вотще пребывает Энио...
Как не избег ты ударов пустых и огней невредящих?
Как это, слыша своими ушами, которым числа нет,
Маленький гром, ты уже устрашился при отзвуке ливня?
Кто тебя сделал бессильным таким? И где твои стрелы?
Где твои головы псов? Где отверстые львиные пасти,
Рев нутряной твоих глоток, широких и страшно крикливых?
Где длиннотенные иглы твоей драконовой гривы
И почему не шипят в волосах змеевидные кольца?
Где же мычанье бычачьих морд? Где рук твоих кисти,
Вместо копья извергавшие к нам высочайшие горы?
Что не бичуешь уже круговидные дуги созвездий?
Разве торчащие зубы кабанов уже не белеют
Каплями пенной слюны на замоченном их подбородке?
Где же ужасные пасти — оскал бесноватых медведиц?
Отпрыск Земли, уступи небожителям! Я ведь сильнее
Этой единой рукой, чем ты их двухсотенным рядом.
Пусть же теперь Сикелия, с тремя головами и с кругом
Круто-высоких холмов, покроет всего Тифоея,
Жалкого в этом обличье из сотни голов запыленных.
Высокомерный умом, в ничего не достигшей надежде
Ты захотел доскочить до самой вершины Олимпа;
Я же, несчастный, тебе уготовлю гробницу пустую,
И на могиле попранной твоей, нечестивец, напишут:
«Гроб Тифоея гиганта, метавшего некогда в небо
Камни; за это его поразило небесное пламя».
Так поносил он чуть дышащий труп землеродного сына.

И. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теогонический процесс окончился. Через ряд божественно-мировых катастроф и потрясений бытие достигло, наконец, своего полного расцвета и застыло в своем вечном скульптурном величии. Это — *олимпийские боги*. Пройдя шаг за шагом эти извилистые тео-космогонические пути античной мифологии, мы теперь можем подвести итоги, которые послужат нам вступлением в самый мир олимпийцев.

Прежде всего, античная мифология начинается с утверждения *бесформенной бездны и Хаоса*, куда уходят все ее начала и концы и что незримо руководит решительно всем тео-космогоническим процессом... Эта бездна лишена всякой формы, всякого смысла, всякого именования. Это — вечная Ночь, Мрак или, если угодно, Свет, Эфир, для чего нет никакого охвата, никакого расчленения, никакого осмысления. Бездна эта — выше всякого познания и всякой сущности. Это — первое, с чего начинается античная теогония (приводим один текст, раньше приписывавшийся Григорию Назианзину, а ныне приписанный Проклу, § 60). У философов здесь развилось учение о превосходящем всякую форму единстве, о чистом «чрез» или «превыше», прекрасно развитое Платоном в главе XX его «Парменида» (153 b—155 d) и усовершенствованное Плотином, Ямвлихом и Проклом. Для мифологии же это просто Хаос, Ночь, Тартар, Эреб и пр.

Гигант

Вторая идея, без которой немыслима античная мифология, — это идея *жизненной кипучести, напряженной перегруженности* вышеупомянутого Хаоса. Он не просто покоится в себе, но он все время бурлит, кипит (о кипении мы прямо читали в § 17), рвется вперед, набухает, вращается в себе, даже издает вопль и рыдает (как это мы еще прочитаем в герметической космогонии, — «Гермес», § 14 b). Еще нет никого и ничего, но эта бездна уже зреет, созревает, бродит, зачинает, беременеет, мучится родами. Это и понятно. Ведь нет, кроме нее, ничего и никого, нет какого-нибудь ее творца. Она сама себя создает, а поскольку она вмещает в себя и всю реальную картину мира, то она включает в себя и уничтожение, смерть, так что она все время порождает себя и поглощает себя, все время мучится родами и мучится жаждой пожрания; она одновременно и нарождается, и умирает, сама себя создает и уничтожает, сама мучительно наслаждается от этой нерасчлененности жизни и смерти, сама противоборствует с собой. Наилучшей иллюстрацией этого мучительно-творящего тео-космого-

нического Хаоса является учение Эмпедокла о мировой Дружбе и Вражде — в объективно-эпической форме и в форме внутренне-ощущаемой — неоплатонические учения об эманациях.

В-третьих, античная тео-космогония учит нас, что из этого бурлящего, кипящего, всегда безличного Хаоса обязательно рождается *оформление*, самое яркое, самое резкое, самое солнечное оформление, как статуя из ослепительно-белого мрамора на синем фоне южного солнечного моря и неба. Эта антитеза Хаоса (зияния) и Космоса (лада, строя) является самой существенной для античной мифологии. Безыменная бездна вдруг оборачивается роскошным, благоустроенным телом космоса, оно же и тело божественное, и в нем развертывается роскошная картина вечного и нестареющего мироздания. Безыменная бездна — теперь уже в виде незримой и безликой Судьбы — продолжает по-прежнему управлять всем, но это все — роскошный, живой и трепещущий космической жизнью Зевс. Это мы и находим в тексте § 61 (с пояснительными текстами из § 62). В Зевсе заключено все мироздание, и самый космос есть его тело. Зевс — мировой ум, т. е. совокупность всех идей, всех форм, всего смысла, который только есть в мире. Но он есть и его живая душа, одухотворяющий и оживляющий принцип. Он вместил в себе и все предыдущие ступени тео-космогонического процесса: в нем — чисто смысловой Фанет, который еще не есть ни душа, ни даже просто сознание; в нем и Уран с его всепорождающей мощью; в нем и Кронос с его титаническим самососредоточением. И в то время как Фанет, Уран и Кронос — символ самососредоточенного чистого ума, Зевс есть символ ума и души материального, телесного, чувственного космоса.

60. Hymn. in deum platonicus (Ecl. e Proclo de philos. chald., ed. A. Jahnius, Halis Saxonum, 1891, p. 49) (Исходное лоно космо-теогонического процесса)

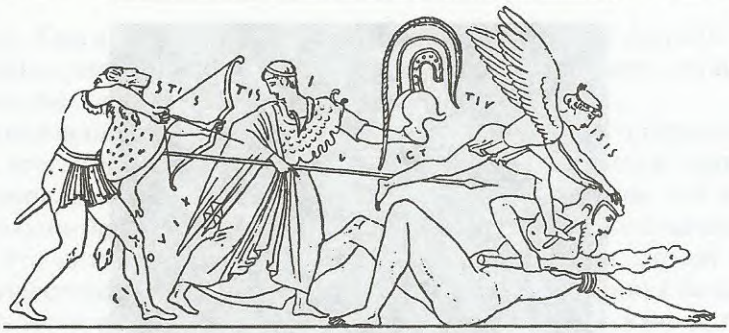
О запредельный всему! Как иначе тебя воспевать мне?
Как воспоет тебя слово? Ты словом никак не сказуем.
Как обоймет тебя ум? Умом ты никак не вмещаем.
Невыразим ты один, ибо все породил, что глаголет.
Непостижим ты один, ибо все породил ты, что мыслит.
Все тебя громко кричит, что словесно и что бессловесно.
Все почитает тебя, что мыслит и что без мышленья.
Все вожделенья к тебе. Все мучатся общим стремленьем
Окрест тебя. Всех молитва — к тебе. Всё к тебе же,
Образ твой помышляя, безмолвный гимн воспевает.
Всё пребывает в тебе, спешит к тебе всё совокупно.
И для всего ты цель. Ты — один, и всё, и ничто же,
И — ни одно, ни всё. Как тебя назову, всеименный,
Неназываемого одного? И в тайны сверх облак
Внидет ум небесный какой? Но милостив буди,
О запредельный всему! Как иначе тебя воспевать мне?

61. Porphyr. ap. Eus. Praep. Evang. III 9, 100 a—105 d (I 121, 12 Dind.) (Пластическое оформление)

Первый — Зевс, и он же последний; он — ярко-молнийный.
Зевс — голова, середина; и все устрояется Зевсом.

Геракл, убивающий гиганта Алкионея

Зевс — самец, и Зевс оказался женой новобрачной.
Зевс — основанье земли и звездного неба основа.
Зевс — царь, сам для всего Зевс есть начало рождений,
Сила едина и демон един, всего вождь великий,
Царский образ един, в котором все это вертится,
Огнь и вода, и земля, и эфир, и ночь, и день также,
Метис, первый отец, и Эрот со многой усладой.
В теле Зевса великом покоится все это вместе.
Вот видна его голова и его лик прекрасный,
Небо в блеске своем, и вокруг волоса золотые
Звезд, блестящих красой, рассыпаны преизобильно.
Два золотых рога у него по бокам и воловьих.
Это — восход и заход, божеств небесных дороги.
Солнце — очи его, и Луна — в противостоянье.
Ум его это — эфир, неложный, негибнущий, царский.
Все выражает и слышит он им; и нет никакого
Голоса, звука иль шума, молвы никакой нет,
Что ушла б от ушей Кронида сверхмощного, Зевса.
Вот какова голова у него, каково размышленье!
Светлое тело его — безграничное, без колебанья,
Неустрашимое, с крепкими членами, с мощью обильной.
Плечи, и грудь, и спина широкая этого бога —
Воздух пространный. Растут у него крылья на теле.
Всюду летит он на них. Его священное чрево —
Мать для всего земля и гор высоких вершины;
А поясница — волненье тяжкошумящего моря
И пучины. Основа внизу ему — корни земли нутряные,
Тартар широкий, земли пределы крайние также.
Все скрывая в себе, он снова на свет многомилый
Хочет наружу извлечь, чудеса совершая.



Геракл и Алкионей. Рисунок на вазе

СИНТЕЗ ЧУВСТВЕННОГО И СВЕРХЧУВСТВЕННОГО В ОЛИМПИЙЦАХ, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО В ЗЕВСЕ

62. a) Procl. in Tim. 28 c (I 310, 7 D.) (Зевс-демиург, вместивший в себя умопостигаемые монады и ставший пределом умозрительного)

Итак, демиург есть единый в себе, *определяющий предел умозрительных богов, бог, восполняемый* умопостигаемыми *монадами* и *источниками жизни*, эманирующий из себя всю демиургию и выставивший более частных отцов Всего, сам же неподвижно утвердившийся на вершине Олимпа навеки и царствующий над двумя мирами — сверхмирного и небесного, объемля начало, средину и конец мира.

b) Ibid. I 317, 17 и 318, 20 D. (Устроение мира)

Если это говорится согласно с Тимеем и с оракулами, то этот демиург производителен согласно идеям, — сказали бы исходящие из богопреданного богословия, — и сам устрояет весь мир как единый и многообразный, разделенный по целому и по частям. Он единый, прославляемый Платоном, Орфеем и оракулами в качестве творца и отца Всего, отца богов и людей, рождающий множество богов, посылающий души в область порождения людей, как говорит об этом Тимей.

c) Procl. in Parm. 130 b (p. 799, 27 Cous.) (Раздельность мира в результате поглощения демиургом Фанета)

Ведь Орфей говорит, что *после поглощения Фанета в Зевсе возникли все вещи*, — так как первично и объединенно в том [Фанете], а вторично и раздельно в демиурге выявились причины всего мирового. Ибо здесь солнце, луна, само небо, стихии и объединитель Эрот, и все вообще ставшее единым, —

Все это вместе в глубоком чреве Зевеса сокрыто.

Он не удовлетворился только этим, но и *передает порядок демиургических форм* (eidon), через который и *чувственное получило в удел подобный чин и устройство*.

d) Procl. in Tim. 41 a (III 209, 3 D.) (Функции «отца», «творца» и «демиурга»)

Творец и отец — Зевс, который и ныне называет сам себя демиургом и отцом деяний, как сказали бы орфики. Только творец есть виновник частичной демиургии, как они сами сказали бы. Итак, единственно отцу

Геракл передает Атланту небосвод. Рисунок на этрусском зеркале

подчинено все умопостигаемое, все сверхмирное, все мировое; отцу и творцу — все умозрительное, сверхмирное и мировое; единственно творцу — мировое. И всему этому научило нас истолкование Орфея, ибо все множество богов устроено сообразно каждой особенности из этих четырех. Каковы же деяния демиурга и отца? Ясно, что это есть все тела, состав живых существ и число душ, в отношении которых происходит приобщение [прочего]. Итак, все это несокрушимо по желанию отца. Ибо он дал им силу неизменного постоянства, так как оно длительно и охранительно [в смысле изоляции]. А умы, свыше входящие в души, не называются деяниями отца, ибо они не имели возникновения, но появились без рождения, как бы родившиеся в неприступных недрах и не выходя из них наружу. Они — первообразы не их, но средних и конечных. Ибо душа — первая из образов, а все целое, напр. живые существа, одаренные душою и разумом, рожденные и нерожденные, получили осуществление от умопостигаемых первообразов, которые содержало живое-в-себе существо.

е) Procl. in Crat. 395 a (48, 22 Pasqu.) (Зевс объединяет сверхчувственное и чувственное)

Обнаруживается весь демиургический род богов от всех прежде названных начальных и царственных причин, непосредственно от единого вождя титанических устроений, и прежде других демиургов — Зевс, унаследовавший единственную силу всей универсальной демиургической цепи, производящий и выставляющий все невидимое и видимое, *пребывающий сам умозрительным по чину, но приводящий виды и роды сущего в устроение чувственных вещей*, восполняемый выше его стоящими богами, дающий всему мировому из себя эманацию в бытие. Поэтому, очевидно, и Орфей передает, что тот сотворил все небесное поколение, Солнце, Луну

Тифон

и всех других звездных богов, сотворил и стихии подлунного [мира] и разделил на виды бывшее ранее в беспорядке, установил держащиеся им цепи богов по всему миру и узаконил для всех мировых богов соответственный удел промышления в мире. И Гомер, следуя Орфею, воспевает его вообще как отца богов и людей, вождя, царя, верховного из владык.

f) Procl. in Tim. 35 a (II 145, 4 D.) (Исхождение в Зевсе множества из единства)

Далее, чтобы сказать согласно орфическим преданиям, — не всякого умозрительного или умопостигаемого чина он признает неделимость, но говорит, что некоторые из этой категории сильнее, как одни названия сильнее других. Так, например, слова «царь» и «отец» он прилагает не ко всем чинам.

g) Simpl. in Arist. De coelo I 3, p. 270 a 12 (93, 11 Heib.) (Исхождение в Зевсе множества из единства)

Поэтому божественные мужи передали нам теогонии, — множество богов, пребывающее в едином и, можно сказать, по многоразличию из него проистекшее, *воспевая его возникновение, поскольку оно установилось от единого*, как и в происхождении чисел мы наблюдаем выхождение из единицы.

h) Damasc. 311 (II 177, 10 Rue.)

И это ни о ком другом из богов не открыл богослов, но согласно богопреданной мудрости, как символ его двойственного отношения к одному и другому, именно, что он *умом содержит умопостигаемое, а чувство вводит в миры.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

I. ОБЩЕЕ

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии рассмотрения отдельных олимпийских богов необходимо отдать себе отчет в том, что такое *Олимп* и что такое вообще олимпийские боги. Уже давно прошло то время, когда, желая получить наидревнейшее представление о греческих богах, излагали Гомера с игнорированием того, что было до Гомера, так и тех более древних слоев, которые наличны в самом Гомере. В настоящее время это невозможно, как невозможно и понимание самого Гомера без анализа целого ряда в нем исторических напластований. Гомер — далеко не первая ступень греческой мифологии. Это — ее зрелая и во многих отношениях перезрелая ступень. Это даже не материковое греческое произведение. Это произведение малоазиатское, т. е. азиатское. А в Азию греки прибыли с грузом своей уже тысячелетней культуры. Колонизируя и завоевывая малоазиатское побережье, греки, во-первых, в значительной мере оторвались от своей метрополии и всей ее мифологии, а во-вторых, они встретились здесь с туземной (и притом весьма мощной) мифологией и религией, так что старым греческим богам пришлось во многом модернизироваться, а новым — во многом эллинизироваться. Из этого прихотливого смешения двух мифологий и образовалось то, что мы называем Гомером, гомеровской мифологией или олимпийскими богами. Кроме того, и материковая греческая мифология, сконцентрированная в данном случае вокруг фессалийской горы Олимпа, имела свою длиннейшую историю, и новообразовавшийся материковый слой также прошел ряд разнообразных ступеней своего развития. Распутать все исторические наслоения в т. н. олимпийских богах дело совсем не легкое*. Остановимся сначала на противоположности материковой олимпийской и новой малоазиатской мифологии.

1. МАЛОАЗИАТСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ОЛИМПИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ.

Исходя из поселения старо-греков на новой родине, Виламовиц (D. Glaub. d. Hell, 1931 I. 317 слл.) набрасывает следующую картину гомеровских богов.

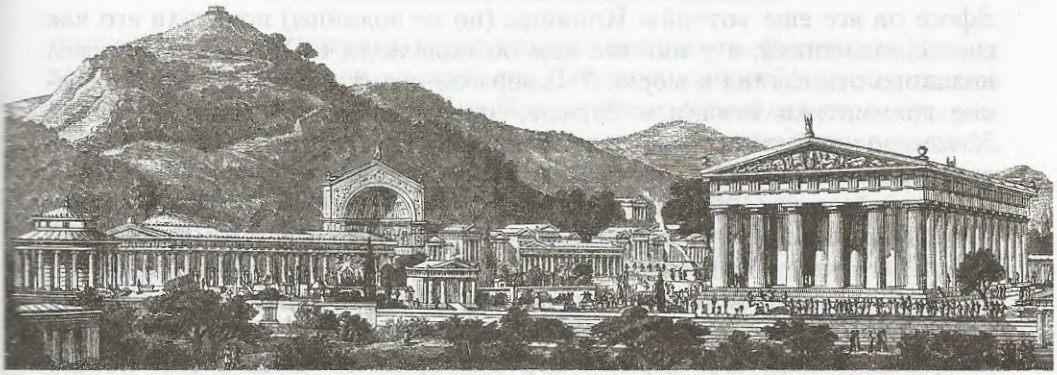
* Вопросы олимпийской мифологии и религии настолько подробно и разносторонне разработаны в мировой науке, что в настоящее время по многим пунктам, особенно в таком

Старые боги на Балканском полуострове были связаны с родной почвой. Укоренить их в Азии в такой же мере, как и в Европе, было совершенно невозможно. И семьи, и племена, их почитавшие, теперь распались на большом пространстве и встретились с новыми чужими богами, повелительно требовавшими почитания. Что было делать с старо-греческими олимпийцами (в Фессалии) и тем более с еще старейшими хтоническими божествами?

ГЕЯ, устраненная с Олимпа уже в материковой мифологии фессалийской, осталась у Гомера только в клятвах, и боги происходят здесь уже не от нее, но от Океана и Тефии. От ДЕМЕТРЫ в «Илиаде» мы находим только ничтожные остатки, а в самой малоазиатской мифологии она, вероятно, совсем отсутствовала. МЕЛКИЕ ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА природных стихий в эпосе также на последнем месте. И если в IL. XX 8 нимфы рощ, источников и лугов вызываются на совещание на Олимп, то это решительно противоречит всему гомеровскому эпосу и есть откровенная поэтическая выдумка и анахронистическое украшение. Такой же поэтизацией, далекой от живого мифа и религии, отличается и рассказ IL. VI 419 о том, как горные нимфы сажают вязы на могиле убитого героя. И вообще женские божества или поблекли, или приобрели другой вид. ГЕСТИЮ, богиню домашнего очага, трудно было почитать в условиях военной лагерной жизни. ГЕРА перестала быть покровительницей брака, и только Гера Самосская еще сохранила тень бывшей славы Аргосской Геры (да и то на Самосе ей пришлось занять место тамошней карийской богини). АФИНА теперь уже не была охранительницей городов (кроме маленькой, вновь образованной Приены); теперь она исключительно защитница героев и покровительница правильной, закономерной войны. Изменились и мужские божества. В связи с ростом организации, упорядочения и единства общественно-политической жизни теперь неимоверно растет образ ЗЕВСА, превращающегося из местного и чисто греческого божества в универсального и общечеловеческого. Ведь он теперь должен охватить и чужих богов.

ПОСЕЙДОН, супруг Земли, в связи с утерей греками их родной почвы, также померк в качестве «потрясателя земли», «держателя земли» или «безопасного», но, поскольку море теперь стало важнее суши и корабль важнее коня, Посейдон становится теперь морским богом (и становится им впервые только теперь); и единственно, чем он теперь занимается, это — главным образом, напусканием морских бедствий на Одиссея. Спасают от кораблекрушения его другие боги. И супруга его теперь

суммарном изложении, как предлагаемое здесь, приходится только использовать те или другие уже имеющиеся труды. Наше изложение основано на известных трудах Преллера-Роберта, О. Группе, М. Нильсона, О. Керна и У. фон Виламовица-Меллендорфа. Что касается фактической стороны вопроса, то сейчас, кажется, почти нет никакой возможности сказать что-нибудь новое. Поэтому местами у нас дан прямо пересказ той или иной проблемы по сводным трудам указанных мировых ученых в нашей области. Необходимо, однако, подчеркнуть, что такая наша зависимость относится только к фактической стороне науки. Что же касается стороны методологической и принципиальной и что касается понимания, освещения, интерпретации этого фактического материала, то наше изложение не только не находится ни в какой зависимости от названных ученых, но проводится в полном противоречии с ними, поскольку ни одна теория не может ни в какой мере удовлетворить наших потребностей в социально-историческом понимании мифологии. И возможные здесь совпадения носят только совершенно случайный характер.



Место Олимпийских игр

уже на Да, т. е. не земля, но океанида Амфитрита, которая (Hes. Theog. 254) вместе с другими океанидами обладает функцией укрощать морские волны.

Однако, переставши быть «родовым» и «отцом», Посейдон отнюдь не потерял своего старого хтонического значения. Указанное первоначальное значение Посейдона является в науке в настоящее время почти общепризнанным. О. Гофман, П. Кречмер, П. Кауэр и У. Виламовиц-Меллендорф являются главными представителями этого учения. И действительно, в Od. XI 121 слл. Одиссею дается указание возродить культ Посейдона у людей, не знающих моря. Это значит, что автор данной песни «Одиссеи» уже знает места культа Посейдона на суше (таковы — в Аркадии и на прочем Пелопоннесе или в Беотии — последнее известно и по IL. II 506, XX 404). Вообще в «Одиссее» только и можно встретить указания на связь Посейдона с морем: он насылает бурю на корабль Одиссея — V 288 слл., и он превращает корабль феаков в камень за доставление Одиссея на родину — XIII 125 слл. В «Илиаде» же о связи Посейдона с морем говорит только единственное место — XIII 23—31. Однако оно таково, что нужно на его основании прийти к совершенно противоположному выводу. Здесь Посейдон, созерцающий с Самофракии троянскую битву, вдруг ни с того ни с сего четырьмя шагами достигает Эг, которые нужно локализировать на Эвбее или у Эвбеи, и оттуда — опять назад через Эгейское море — на роскошной колеснице направляется к Трое, приветствуемый всеми чудовищами моря как их владыка и царь. Эта роскошная, но фактически вполне бессмысленная картина шествия Посейдона по морю, несомненно, имеет здесь чисто декоративное значение и, будучи позднейшей вставкой, сочинена с очевидной целью изобразить еще пока новую и не очень известную всем морскую природу Посейдона. Так рассуждают О. Гофман и П. Кауэр, и с ними нельзя не согласиться.

То, что первоначально бог моря вовсе не есть Посейдон, явствует, между прочим, из наименования этого бога моря как морского Старца (дочь которого — Фетида и другие нереиды); этот бог вовсе не Посейдон (IL. I 358, 538, XVIII 141). Впоследствии этот старец разделяется на целый ряд морских божеств вроде Нерея, Протея, Тритона, Фока. Таким же допосейдоновским богом моря является и Главк, названный так, вероятно, в связи с цветом поверхности моря. На Хиосе, Линде и в

Эфесе он все еще «отчий». Ионийцы (но не эолийцы) почитали его как своего защитника; и у них все еще он появлялся с Геликона и не имел никакого отношения к морю. У Гомера он сидит в Эгах (которые древние грамматики искали в Эврипе, вернее же, это — на Эвбее), но 22 гомеровский гимн объединяет Геликон с Эгами. По IL. V 397 Геракл ранит Аида в Пилосе, который, очевидно, не город, а все еще вход в подземный мир на Тенаре, и по XI 690 братьев Нестора (и по последующим данным ранит также и Нелея, фигуры эти связаны с подземным миром), причем противник его также Периклимен, сын Посейдона. По Виламовицу (338), борьба героев здесь есть только дублет борьбы самих богов. А если так, то связь Посейдона с подземным миром подтверждается, хотя теперь для царства мертвых пришлось ввести уже нового бога Аида. То, что Посейдон (Hes. frg. 14) обладает даром превращения в разнообразные виды и что греки призывали Посейдона в момент всякой острой внезапности и неожиданности (как часто у Аристофана), тоже указывает на его подземность. В «Илиаде» он весьма непокорен Зевсу. И если в XV 187 слл. и говорится о разделении всего мира между Зевсом, Посейдоном и Аидом, то это — только спекулятивная конструкция (Гофман, Виламовиц, Кауэр и др.). Аид известен только похищением Коры и вовсе не есть бог живого почитания (он введен только потому, что и у мертвых должен быть какой-нибудь господин); Зевс же и Посейдон так и не размежевались в своих претензиях на мировое господство, конкурировали они даже и как женихи Фетиды, и притом Посейдон — старше и импозантнее Зевса.

С Посейдоном можно, наконец, пойти и еще дальше. В эпосе отразилась еще более ранняя стадия Посейдона, та, которая относится уже к самому настоящему матриархату, т. е. к эпохе непосредственно-материальной мифологии. Если в Od. XII 97 говорится о чудищах, которых питает многосторонняя Амфитрита, то Амфитрита здесь вовсе не богиня моря, а само море как божество, и если также в III 91 Телемах боится, что Одиссей нашел смерть в волнах Амфитриты, то и здесь Амфитрита, очевидно, не что иное, как опять-таки само же море, взятое как божество. Ясно, что и Посейдон, супруг Амфитриты, тоже мыслится в эпосе, между прочим, и на этой примитивно-непосредственной, сенсуалистическо-мифологической стадии.

Средняя стадия Посейдона — Посейдон-конь (между прочим, овладевающий Деметрой тоже в виде кобылы). От этого конского прошлого у Гомера имеется только незначительный остаток: Антилох, сын Нестора, обращаясь с молитвой к своему прародителю Посейдону, кладет руку на головы своих лошадей (IL. XXIII 582 слл.). Сначала мы имеем Посейдона-коня (Hippos), потом Посейдона Конского (Hippios), подобно тому как из Зевса-Молнии (Ceraunos) появляется Зевс Молнийный (Ceraunios). Конскую упряжь сохраняет Посейдон и в свой морской период. Он вообще славится своими конями; и Пиндар так и называет его «конно-славный» (Clytopolos), что, между прочим, является эпитетом его хтонического брата Аида. С превращением в морское божество Посейдон теряет и свой старый атрибут меч, получая вместо него трезубец, орудие рыбаков, охотящихся за тунцами, рыбой южных морей, в противоположность Зевсу Перуну. И только после того как Посейдон перестал быть подземной влагой, осеменяющей землю для ее плодородящих функций,

после того как он прошел через стадию животного фетишизма, после того как он стал морем во всей его материальной субстанции, только после всего этого, и уже на Ионийской почве, Посейдон стал тем, чем его теперь обычно считают, богом моря, да и то с такими рудиментами, которые еще и сейчас весьма отчетливо нащупываются у Гомера.

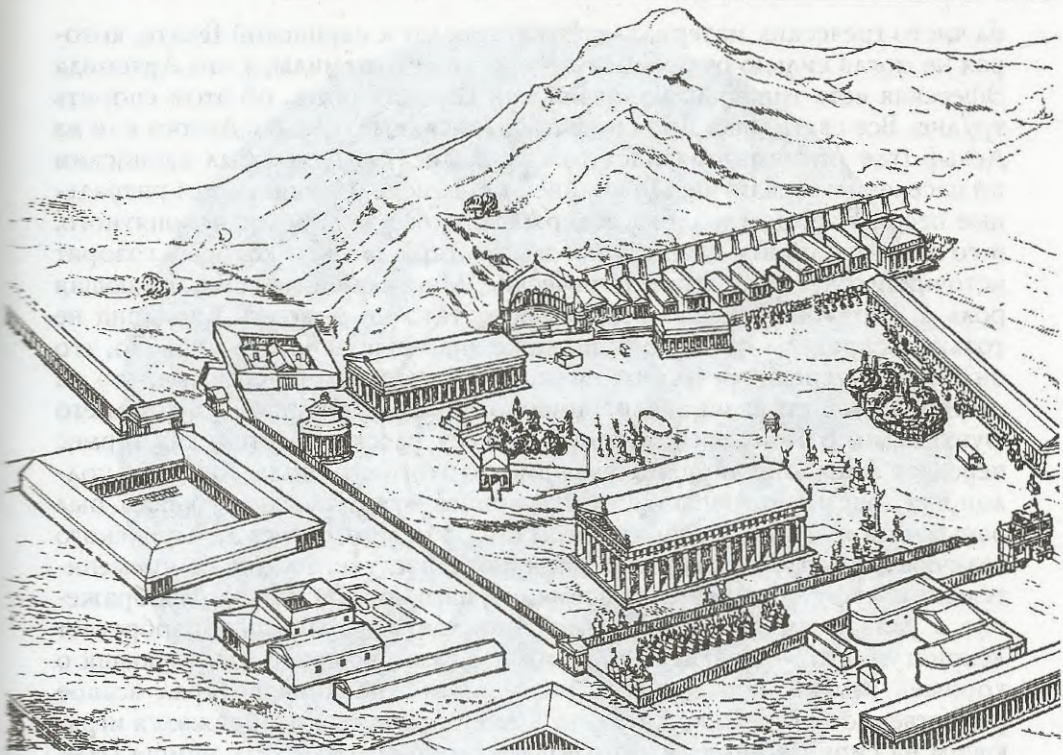
Если принять во внимание, что ГЕРМЕС в «Илиаде» только однажды действует как diactoros, в «Одиссее» же он почитается не выше нимф, то придется сказать, что Гефест, Афродита, Арес и Аполлон, — а это все основные «олимпийские» боги у Гомера, — являются новыми и чужими богами, которых волей-неволей грекам пришлось признать на своей новой родине и ассимилировать себе и которые, несмотря ни на какую ассимиляцию, все еще полны чисто «варварских» черт. Их, конечно, пришлось сделать детьми Зевса, ибо без этого не было бы победы греков над туземцами; однако все же автор Теомахии, рисуя самый решительный момент войны, когда в нее вступают боги, заставил варварских богов — Аполлона, Артемиду, Лето, Ареса и Афродиту — сражаться против греческих богов, а Гефеста (имеющего своего жреца в Трое, IL. V 10) Гера еще раньше того направила против Скамандра, так что в Теомахии его нет. Побеждают, конечно, ахейские боги. И, действительно, уже непосредственное впечатление от этих богов свидетельствует об их негреческом происхождении.

ГЕФЕСТ — карлик, калека, хромой на обе ноги, мастеровой и художник; мог ли он быть исконным олимпийцем? Воины, презирающие тех, кто не мог воевать и потому сидел дома за мастерством, могли ли сами обожествить такую личность? Но даже когда греки нашли такого бога на чужбине и освоили его, даже и тогда они не стали его особенно почитать. Почитание его позднее и чересчур редкое. Нетрудно установить, даже и на основании Гомеровских материалов, что первоначально Гефест есть просто-напросто огонь и притом земной огонь. Это не бог огня, и первоначально — огонь как бог. Достаточно привести такие тексты из Гомера, как IL. IX 468 или Od. XXIV 71, где «пламя Гефеста» — не есть «пламя, принадлежащее или свойственное Гефесту», но «пламя, в котором является или горит сам Гефест», или как IL. II 426 «они держали внутренности над Гефестом» в смысле поджаривания внутренностей. Но если даже не заходить так далеко (хотя остатки этого вполне налицо у Гомера), то и без того немало архаических и негреческих черт Гефеста у Гомера. Начать хотя бы с того, что троянский жрец его — Дарес (IL. V 9 слл.) — это имя во всяком случае не греческое. Зевс однажды швырнул Гефеста с Олимпа, как он сам об этом рассказывает (IL. I 580 слл.), и он упал на Лемнос, где был радушно встречен синтийцами. Лемнос и вообще любимейшее его место (Od. VIII 288). По IL. XVIII 395 сл., с неба швырнула его Гера. Это во всяком случае говорит за то, что он отнюдь не исконный Олимпиец. В IL. XVIII 394—404 он подробно рассказывает, как после его низвержения с Олимпа приютили его Фетида и другие океаниды, как он в течение девяти лет вдали от всех олимпийцев работал в мастерской в морской глубине под шум Океана; и это его жилище, конечно, есть только воспоминание у Гомера об его длительном хтоническом прошлом. И если в этой же IL. XVIII он изображен уже в своей обычной небесной мастерской, как самый заправский олимпиец, то на то же и считают в науке эту песню одним из позднейших слоев гомеровского эпоса вообще.

АФРОДИТУ греки знали раньше с Кипра и Киферы, но Кипр был связан с Малой Азией. Отношение к ней эпоса не очень почтительное. Хотя ее сделали теперь тоже дочерью Зевса, но автор V песни «Илиады» не без явного удовольствия рисует, как ее ранит Диомед и как он ранит также и ее сына Энея. Об юмористике шванка, изображающего роман Афродиты и Ареса в VIII песне «Одиссеи», и говорить нечего. Азиатское происхождение Афродиты особенно чувствуется в Гомеровском гимне, изображающем ее любовь к Анхизу. Это — вполне в плоскости азиатской мифологии о любви Кибелы к Аттису. Да и живет Афродита не только на Олимпе (как в IL. VI), но и все на том же старом Кипре (Od. VIII).

АРЕСА вообще нельзя понять, если игнорировать его негреческое происхождение. В нем совершенно нет ничего греческого. Он — фракийский бог, каким знает его еще Софокл. Это — коварный, жестокий, вероломный садист, которого Зевс бранит последними словами, которого ранит благородный греческий герой Диомед, который возбуждает войну ради войны, ради удовольствия, который пьет кровь (IL. XXII 267 и т. д. и т. д.). Что в нем греческого? Отец злых царей Эномая и фракийского Диомеда; отец амазонок; отец дракона, убитого Кадмом и оставившего зубы, из которых выросли уничтожающие друг друга воины; покровитель диких фракийцев, флегийцев и амазонок; бог, с которым борется Геракл в «Щите» и на сыновей которого он негодует в Eur. Alc. 502; бог, оттеснивший карийского Эниалия и в «Илиаде» отождествившийся с ним, такой бог только с большим трудом мог ассимилироваться олимпийскими богами; и, если все же он вступает в романтическую и не лишенную поэзии связь с Афродитой (правда, наставивши тем самым рога Гефесту), то это случилось только очень поздно, о чем свидетельствует и имя их дочери Гармонии: это ведь тоже откровенный символизм, — гармония есть синтез силы и нежности, — и тут меньше всего старинной непосредственной религиозности. Разумеется, в конце концов Арес облагородился, и орфический гимн воспевает его как настоящее божество. Такова эта пара у Эсхила Suppl. 663, на ящике Кипсела и на картинах Помпеи. Полиник посвятил ей двойной храм в Аргосе (Paus. II 25, 1). Для Гомера, однако, это — варвар, злой, страшный и смешной. Как Гефест отождествляется в «Илиаде» с огнем, так и Арес уходит в те сумерки доклассового общества, когда он был просто тождествен с войной, следы чего мы находим в такой, например, метонимии, как в IL. XIII 444, где он отождествлен с смертоносным копьем, или в таком, напр., суждении, как у Эсхила Agam. 78, что не воин не знает Арея. А у Софокла он не только посылает на людей чуму, но поэт отсылает его на его фракийскую родину, прямо объявляя его «богом, презренным (apotimon) среди богов» (Oed. R. 190. 215).

АПОЛЛОН, АРТЕМИДА И ЛЕТО (их мать) очень прочно связаны между собой в «Илиаде». В V 447 они ухаживают за раненым Энеем в троянском храме Аполлона. Что Лето тождественна с ликийской Лада («жена»), устанавливается достаточно надежно. Имея свой культ в Греции только в виде редчайшего исключения, она имеет на Крите целый город, названный по ее имени, в Ликии она рождает своих близнецов и имеет большое святилище Летойон. Относительно Аполлона Виламовиц еще в 1903 г. стал на очень резкую позицию, выводящую этого бога из Малой



Святилище Зевса в Олимпии

Азии, т. е. из Ликии. Он изучил распространение культа Аполлона, в результате чего оказалось, что места, перечисляемые в IL. I жрецом Хрисы, все находятся вблизи Трои, а те, которые мы находим в начале исторического времени, все — в Малой Азии. Правда, самое знаменитое Аполлоновское место это — Пифон, но первое упоминание о нем — в позднейшей песне «Илиады» (IX 405). Да, кроме того, греками очень остро сознавалась пришлость Аполлона в Дельфах и его насильственное оседание здесь на месте более старого культа Земли и Змея. Указаниями на культ Аполлона более богата (как это и естественно) «Одиссея»: тут говорится об Исмаре, Делосе, Итаке. Изучение этого постепенного распространения культа Аполлона и привело Виламовица (в знаменитой статье Hermes 38 Bd.) к заключению об исходном его пункте как о Малой Азии, а именно Ликии. Однако, если даже и не занимать такой строгой позиции, то все равно невозможно игнорировать «варварских» элементов ни в Аполлоне, ни в Артемиде. По-видимому, не одно, а очень много разных божеств кроется под каждым из этих имен; и греки у Гомера не столько любят и почитают Аполлона и Артемиду, сколько их боятся. Эти боги приканчивают стариков, убивают детей Ниобы. Аполлон посылает чуму, убивает Ахилла. В самой Трое Аполлон имеет храм, и для греков он — жесточайший враг. В I п. «Илиады», как сказано, перечисляются места его культа в Троаде, кроме самой Трои. В Ионии он тоже имел давний и сильный культ. Этимология Phoibos как «светлый» или «чистый» основана уже на позднейшем дельфийском представлении, а эпитеты hecebolos, hecatebolos, которые мы слишком поспешно переводим «далекоразящий», отнюдь не так легко объяснимы

на чисто греческих материалах. Hecatos ведет к карийской Гекате, которая не могла сильно отличаться от эфесянки Артемиды; а что Артемида Эфесская есть типичная малоазийская Великая Мать, об этом спорить трудно. Все святилища Аполлона пошли исключительно с Делоса или из Дельф (где Аполлон появился тоже с Делоса), а Делос был карийским по населению и религии. По крайней мере, исполнявшиеся там ритуальные песни в честь Аполлона содержали много для греков непонятного, и сочинял их лидиец Олен. И роговые алтари здесь, о которых говорят источники, очевидно, тоже негреческие. Мистика числа семь, играющая роль в Аполлоне Гебдомагете, тоже достаточно выводит Аполлона не только за пределы греческого, но даже индо-европейского мира. То, что он выскочка среди греческих богов, ясно свидетельствуется тем, что он оттеснил свой старший аналог, именно Гермеса, обменявшись с ним его функциями. В Гомеровском гимне Гермесу рассказывается, как Гермес передает Аполлону лиру, получая вместо этого его стада, так что Аполлон тут, очевидно, перестает быть nomios «пастушеский», каким был раньше. Да и как он мог быть богом стад в период своего дельфийского величия? Если тут и говорили о нем как о пастухе, то только применительно к мифу об Адмете на время его изгнания с Олимпа. Изображение в указанном гимне того, что Аполлон в дальнейшем изобретает «сирингу», это — позднейшая вставка в гимн, не свидетельствующая о хорошей замене, ибо Гермес с появлением Аполлона потерял всякое существенное отношение к музыке навсегда. Если он изображался играющим на сиринге нимфам, то Аполлон — тоже «водитель нимф» (Hes. Theog. 347). Аполлон Уличный тоже конкурент Гермеса по части охранения проходов. Наконец, фессалийские надписи называют его даже cerdoios «прибыльный». Уже эти и подобные факты свидетельствуют о том, что Аполлон — новый бог, оттеснивший старое аналогичное божество и частично принявший на себя его функции.

Таким образом, Аполлона греки нашли в догреческом населении Малой Азии и островов, равно как и богиню, родственную той, которая потом, слившись с греческими аналогами, получила имя Артемиды.

В результате всех этих сближений и совмещений старо-греческих и малоазийских божеств и появилась та неслаженная и разношерстная община богов, которую мы находим у Гомера и которая с тех пор осталась в памяти человечества под названием Олимпийских богов. Неслаженность тут очень большая. Богов-азиатов Аполлона, Артемиду, Ареса сделали, как сказано выше, детьми Зевса и Геры, но Гефест — сын уже только одной Геры. Афродита оказалась почему-то дочерью Зевса и глубоко провинциальной додонской Дионы, — может быть, тоже ввиду слишком ярко сознаваемого архаического характера Афродиты. Сыном Зевса оказывается и Гермес, больше похожий на его слугу, чем на сына. Из старых богов на Олимпе оказались Гера, Афина и Посейдон, которые тоже, несмотря на свое исконное родство с Зевсом, не хуже явных врагов однажды замыслили против него революцию (п. 1 «Илиады»), ликвидировать которую Зевсу было не так просто. Около Зевса еще прислужники — Ирида и виночерпий Ганимед. Зевс и Гера постоянно ссорятся. Посейдон по п. XIII «Илиады» имеет свой отдельный дворец в Эгах, а не на Олимпе. В XIV п. Афродита — на Олимпе, где Гера с ней и имеет дело. Но в п. III она возвращается на свой Кипр, где за ней ухаживают

Стол двенадцати богов. Античный барельеф

Хариты. Сам Зевс в «Илиаде» отнюдь не только олимпийский. Вместо Олимпа он часто сидит на троадской Иде, где, очевидно, он имел почитание еще издавна и, конечно, независимо от Олимпа. Но все же теперь он уже не прежний бог погоды или грома и молнии. Может быть, эта грозная сила грома и молнии и заставила греков превознести теперь Зевса до верховного божества, когда они победили Азию, и сделать его всеобщим «отцом богов и людей». От этого он, конечно, многое потерял в своем национальном колорите, но зато теперь он претендует на универсальность. Конечно, эти его претензии у Гомера все еще не очень основательны. Его ограниченность и в могуществе и в знании подчеркивается здесь на каждом шагу. Однако, все же Зевс — это у Гомера единственная точка сближения олимпийских богов. Иначе они все равно рассыпаются на враждебные друг другу и друг с другом несоединимые персонажи.

Насколько все же в эпосе сильна тенденция слияния греческих и негреческих богов и насколько делалось это кустарными и простецкими способами, видно хотя бы из того, что «Илиада» дает место культу древнегреческой Афины в самой же Трое. Ее храм, ее культовое изображение, ее торжественный культ имеет место на Пергаме наряду с греческим врагом Аполлоном (IV 507 слл., V 445 слл., VII 20 слл.). Эту Афину в Трое обслуживает даже целая коллегия жриц. Кауэр говорит по этому поводу, что такая комбинация делает очевидными подлинные религиоз-

ные тенденции даже слепому. Здесь даже слепой может прощупать палкой те некрепкие швы, которыми пользуется Гомеровская мифология для конструирования царства олимпийцев.

Если принять во внимание, что Гестия и Деметра, бесполезные в условиях морских странствий, десантов и колонизаций, все же не забывались народными массами, что Гефест возвысился через Геру, а Лето почиталась только через своих знаменитых детей, и если, наконец, сделать натяжку также и с Посейдоном, причисливши его к олимпийцам вопреки его характеру, но из-за древнего могущества, то мы и получим ту знаменитую цифру двенадцати олимпийских богов, которая рано утвердилась в Ионии, породивши тут же свой собственный культ, как, напр., на Косе или Делосе, в Афинах. Хотя в самой Греции культ этот попадается редко, но цифра 12 стала очень популярной. Ею клялся народ, эти 12 богов вошли в календарь Эвдокса; о них говорит Платон в своем «Федре», они дошли до Италии, до Энния. Самый список богов кое-где менялся, но цифра оставалась всегда неизменной.

Правда, ни у Гомера, ни у Гесиода мы этой цифры не находим. Если сосчитать, то в Hes. Theog. 134 слл. появляется именно двенадцать Титанов, откуда, привлекая ст. 684 («так они друг против друга метали стенящие стрелы»), кажется, можно заключить, что они сражаются с двенадцатью богами. В IL. XX 67—74 выступают попарно двенадцать богов (§ 5 a), но среди них нет Зевса и, кроме того, тут же явно не-олимпийские Посейдон, Лето и речной бог Ксанф (впрочем, близкий к олимпийцам). В XXI 416 к ним присоединяется Афродита. Кажется, новый намек на самое число двенадцать мы находим в Hom. Hymn. III 128, где Гермес делит мясо на двенадцать частей (Гермес, § 4 b), несомненно, имея в виду двенадцать богов. В дальнейшем двенадцать богов почитаются очень устойчиво вплоть до построения специальных храмов двенадцати богам (по Schol. Pind. Ol. V 5 в Олимпии было шесть двойных алтарей: для Зевса и Посейдона, Геры и Афины, Гермеса и Аполлона, Диониса и Харит, Артемиды и Алфеи, Кроноса и Реи: четыре из них видел еще Павсаний (V 14, 5. 6); в Афинах же алтарь двенадцати богам был поставлен Писистратом). Список богов был не везде одинаков, и, собственно говоря, он как следует нигде не приводится. В Plat. Phaedr. 246 e появляются в знаменитом небесном путешествии тоже двенадцать богов (опять без перечисления), но это — включая предводительствующего Зевса, а еще остается «во дворце богов» Гестия. Значит, всего получается уже тринадцать. Неоплатоники различали двух Зевсов и даже больше. Так, у толкователя платонова «Федра» Гермия один Зевс есть единая, из всего изъятая демиургическая монада, а кроме нее существует еще три Зевса — Зевс, Посейдон, Плутон. Особенно замечательно по тонкости и детальности разработки мифологической диалектики олимпийских богов Procl. Theol. Plat. V (после предварительных расчленений 1—5 гл., о Кроносе гл. 5—10, о Рее — гл. II, о Зевсе — гл. 12—24 и т. д.). У римлян, тоже имевших алтари двенадцати богам, мы находим такие имена (Liv. XXII 10, Ennius apud Martian. Cap. I 41): Юнона, Веста, Минерва, Церера, Диана, Венера, Марс, Меркурий, Юпитер, Нептун, Вулкан, Аполлон).

Итак, олимпийские боги, известные нам по Гомеру, представляют собой очень сложный социально-исторический конгломерат, единственным устойчивым центром которого является религия и мифология Зевса, да и то

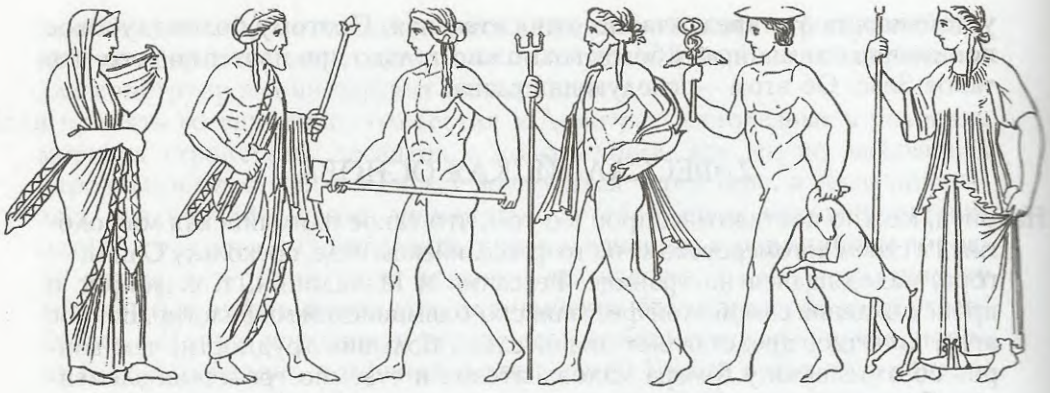
устойчивость эта чрезвычайно относительная. Поэтому более глубокое понимание олимпийских богов возможно только при изучении того, что такое Зевс. Об этом — следующая глава.

2. ФЕССАЛИЙСКАЯ ОСНОВА.

Наконец, можно поставить вопрос и о том, что такое олимпийская мифология и в своем догомеровском, чисто фессалийском виде, поскольку Олимп — гора, находящаяся на границе Фессалии и Македонии, т. е. вопрос о происхождении самой этой фессалийско-олимпийской мифологии. Вопрос этот, конечно, представляет значительно большие трудности, чем вопрос об отделении у Гомера малоазиатских и туземно-греческих элементов. Однако без приведения некоторых основных данных науки по этому вопросу представление о том, что такое олимпийские боги, было бы невозможно.

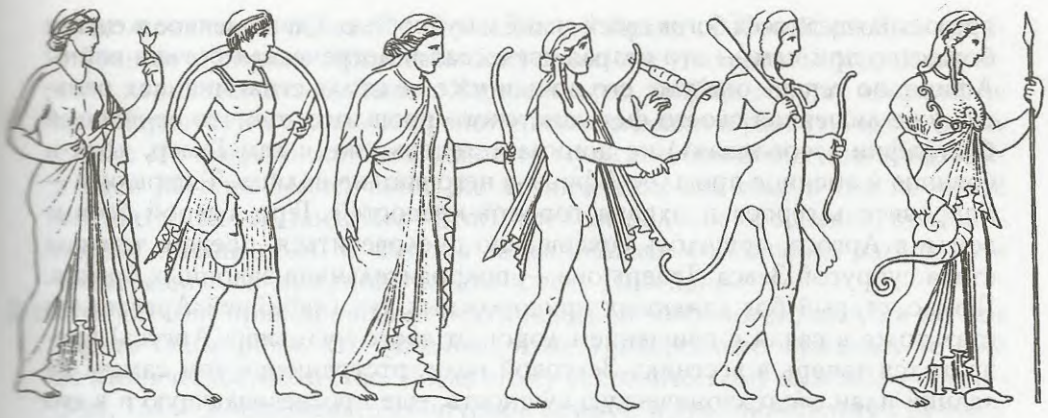
Основные данные современной науки по этому вопросу гласят, прежде всего, что Олимп далеко не сразу получил свою общегреческую значимость и что его антропоморфизм образовался в результате длиннейшего тысячелетнего социально-исторического развития. Если в самом начале социально-исторического развития мы имеем матриархат, то, очевидно, проекция этого материнского первенства на природу и на весь мир есть не что иное как религия и мифология Матери-Земли, или т. н. хтонизм. Олимпийская религия и мифология есть нечто совершенно иное. Она вполне ясно характеризуется как раз господством мужского начала, что могло быть только в природу патриархата и, вероятно, достаточно зрелого патриархата. Прослеживать в подробностях всю эту эволюцию общинно-родового строя мы здесь, конечно, не будем. Однако, чтобы понять сущность олимпийских богов, как они появились в Греции на материке, необходимо, прежде всего, учитывать именно эту социально-историческую ступень патриархата и, притом, такого, когда уже появились отдельные сословия, когда уже появились цари или родоначальники и когда уже наступил т. н. героический век, т. е. век настолько большого развития отдельной личности, что последняя уже оказывалась в состоянии быть представителем и быть защитником и целого племени. В связи с этим в современной науке олимпийскую мифологию рассматривают как идеологию фессалийской общинно-родовой аристократии, создавшей и семью олимпийских богов как отражение ее собственной аристократической, царской, героической, военно-дружинной и, вообще, зрело-патриархальной жизни.

Ясно, что старый хтонизм отступает здесь на задний план, оставаясь мировоззрением низших сословий, т. е. крестьянства с его постоянной близостью к земле. Герой, воин, богатырь, царь волей-неволей отрывался теперь в значительной мере от земли. Но это значит, что весь этот хтонизм, фетишизм, все это первобытное волшебство, колдовство, магия, что основано на мистическом использовании земли, ее веществ, ее растений и животных, все это должно было отодвинуться, и уже в «Илиаде» найти эту магию почти невозможно; а если из «Одиссеи» известна волшебница Кирка, то, во-первых, здесь это есть уже стилизация под древнюю магию, а во-вторых, тут подчеркивается именно негреческое (египетское) происхождение волшебных трав. То, что все боги и люди произошли



Шествие богов

от одной матери, из Земли, это у Гомера признается не очень охотно; и если Гесиод и Пиндар говорят об этом открыто, то Гомер скорее склонен противопоставлять людей и богов. Тут уравнивание богов и людей идет совсем по другой линии: они равны как личности, как герои. Это равенство — антропоморфное, а не хтоническое. Поэтому-то герои здесь называются «божественными», «богоподобными», «боговидными», «богорожденными». В этом отношении типично сравнение Агамемнона с Зевсом, Аресом и Посейдоном. Магия теперь уже не очень божественная, и какое-нибудь птицегадание уже не делает человека божественным. Слова Гектора о том, что единственное для него знамение — это сражаться за отечество, совершенно замечательны. Отступила на задний план и сама Гея. Теперь она уже ГЕЯ-ФЕМИДА, т. е. в ней подчеркивается законность, право, порядок, целесообразная устроенность, а не сама исконная, животворная стихия земли. Зевс, разработанный по типу земного и притом фессалийского царя-отца и героя, совсем не вступает в брак с Деметрой, богиней земледелия, которая как раз в Фессалии больше всего почиталась. У Гомера (IL. XIV 326), правда, мы читаем о браке Зевса с Деметрой, но все равно данное место у Гомера содержит вообще перечисление главнейших браков Зевса, не имеющее никакого отношения к Фессалии. Брак Зевса с Фемидой тоже был мало популярен. И характерно: Пиндар (фрг. 30) говорит о том, что брак этот совершился тотчас же после победы Зевса над Титанами. Брак же с Герой — более позднего происхождения (и притом не в Фессалии), когда уже не нужно было на каждом шагу подчеркивать патриархальную идеологию, и в Фессалии Геру не знали. Она — из Аргоса. Да и этот брак Зевса и Геры в древнейших частях «Илиады» бездетен. Зевс, развившийся в фессалийский героический век, по самому существу своему никак не мог быть супругом Земли. Супругом Земли когда-то был Посейдон, но никак не Зевс. Она могла теперь числиться только среди отдаленных прародителей Зевса, да и то не очень охотно. Фессалийские аристократы вообще склонны были в связи с восходящим патриархатом переоценивать мужское начало. Это особенно видно на той единственно яркой здесь женской фигуре, которая была допущена из старогреческой мифологии, это — Афина. Допущена сюда она была только потому, что это была старая греческая (и даже догреческая) воинственная богиня со



Шествие богов

щитом, и притом в довольно странном виде: она здесь не только дочь Зевса (это — вполне естественно для патриархальной мифологии), но она рождается здесь без всякой матери, прямо из головы Зевса, со всем своим вооружением. Миф о Метиде, с которой Зевс якобы вступил в брак и которую потом проглотил, чтобы родить из себя Афину, — этот миф есть позднейшая конструкция, созданная тогда, когда греки уже перестали понимать идеологические потребности восходящего патриархата.

ЗЕВС, этот всеобщий отец, герой, царь, отразивший собою восходящую патриархальную тенденцию общинно-родовой формации, стал быстро подчинять себе все хтонические силы старой мифологии. О самой Гее мы уже сказали. Она во всяком случае не могла быть допущена в семью олимпийских богов. Деметра, несмотря на значительное развитие земледелия именно в Фессалии, отстранена теперь на последнее место и в исторической Фессалии, и у самого Гомера представлена так ничтожно, что вполне обоснованным является сомнение, можно ли ее вообще считать олимпийской богиней. Гестию, богиню домашнего очага, на Олимпе оставили, но опять-таки с такой ничтожной ролью, что ее отсутствие было бы совершенно незаметно. Кроме того, олимпийская семья все же есть семья, и богиня семейного очага тут никому не могла повредить. Но зато ни о какой Гекате (даже если бы она и была греческого происхождения) с ее хтоническим колдовством не могло быть и речи на Олимпе. Ни о какой Энодии, хотя ее культ в Фессалии был особенно распространен, нет и помину среди олимпийцев. В олимпийскую семью не был допущен даже Асклепий, бог врачевства, так глубоко почитавшийся до тех пор в разных местах Фессалии, вроде Краниона и Фер. Теперь он только воспитанник кентавра Хирона, который и наставляет его во врачебном искусстве и притом на Пелионе, т. е. на горе, которая, в противоположность Олимпу, как раз была оставлена в качестве средоточия старой магии и волшебства.

Однако и те боги, которые были допущены на Олимп, потерпели сильнейшую пертурбацию. Уже сам Зевс превращен здесь из местного демона горы, насылающего гром и молнию и определяющего погоду, в отца всех богов и людей и мирового царя, далеко, правда, не абсолютистского (как и все тогдашние общинно-родовые цари), но все же значительно

превосходящего всех богов своей силой и мудростью. Единственное женское божество при нем — это старая греческая и догреческая богиня войны Афина, но теперь она уже его дочь и уже не столь стихийна, как раньше, уже лишенная своего фетишистского прошлого, так что ее птичьей биографии («совоокая») не понимает теперь уже и сам Гомер, хотя и совиное и змеиное прошлое Афины у него вполне налицо. Теперь она — покровитель героев и охрана городов-крепостей. Гере, старой богине земли в Аргосе, пришлось совершенно очеловечиться, прежде чем она стала супругой Зевса. Теперь она — покровительница законных браков. Гермес, старый бог каменных придорожных куч («убийцей Аргуса» он стал тоже в связи с очищением дорог от этого чудовища Аргуса) превратился теперь в вестника Зевсовой воли, отстранивши тем самым на задний план свою хтоническую сущность, еще просвечивающую и в его мифе о рождении от Майи (что значит «мама», «мамочка»), и в его душеводительстве, и в его связи со сном и сновидениями. Афродита, хтонизм которой ясен был хотя бы из гесиодовского мифа об ее рождении из морской пены, стала теперь богиней женской красоты. О том, что сделала олимпийская мифология с малоазиатскими богами вообще, мы уже видели. Везде в этих случаях мы находим в олимпийской мифологии антропоморфизацию и тем самым известного рода идеализацию старых богов, объединение их из прежнего изолированного местного самостийного существования в некоторую если не систему, то хотя бы в некую единую семью, с отрывом божеств от мест их непосредственного культа, некоторое их одухотворение, хотя и не равномерное, и определенное их упорядочение в отношении основных функций и свойств: преодоление старых хтонических (т. е. фетишистских, растительных и животных) элементов. Даже Ирида теперь не просто радуга, а вестница повелений Зевса. Титаны, эти чисто хтонические чудовища (если исключить их позднейшие модификации), отброшены теперь в далекое прошлое и знаменитая «титаномахия» является отныне величественным памятником победы очеловеченного Зевса над его доантропоморфными предками. Такова же и гигантомахия, укрепившая Зевса снизу. Такова же борьба с Зевсом Алоадов, Ота и Эфиальта, означающая тоже победу Зевса над этими анархическими и хтоническими людьми-чудовищами. Таков же, наконец, и миф о борьбе лапифов и кентавров, появившийся именно здесь в Фессалии как символ победы человеческого (хотя пока еще и не очень обузданного) над животным и хтоническим. Зевс теперь, собственно говоря, господин и подземного мира. Ведь его молнии остаются в земле. Пораженные молнией места на земле — священны. Они назывались elysia или enelysia. Во всяком случае, в Илиаде IX 457 мы читаем о Зевсе Хтонии, а Гесиод (Opp. 465) рекомендует перед вспашкой обращаться к Зевсу Хтонию и «Деметре чистой». Павсаний (II 2, 8) говорит о почитании Зевса Хтония в Коринфе. И вообще, о Зевсе Хтонии нет недостатка в материалах.

На Посейдоне и Аиде особенно сказалась новая мифологическая эпоха.

Как мы уже знаем, Посейдон никогда не был богом моря до эолийской экспансии в Малую Азию и на острова. На материке он был искони мужским коррелятом Земли, игравшим настолько огромную роль, что некоторые ученые (напр., Эрнст Курциус) прямо говорили о посейдоновом периоде греческой религии и мифологии. И этот период был задол-

го до появления Зевса. От Фессалии до Аркадии Посейдон был единственным мужским божеством настолько же универсального, насколько и хтонического значения. Хтонизм есть, вообще говоря, мифология матриархата, и мужские мифологические элементы развиты здесь очень слабо. Но должно же быть какое-то мужское божество при всеобъемлющей Матери-Земле, такое же хтоническое, как она; и тем не менее именно мужское, поскольку этого требует родовое осознание, основанное на стихии пола. И вот эта замечательная комбинация хтонизма и универсального мужского начала и есть Посейдон.

В олимпийской, принципиально нехтонической мифологии, он уже не мог играть такой роли. Его заменило тоже универсально-мужское, но уже не хтоническое, божество. И имя этому нехтоническому мужскому богу — Зевс. Так нужно понимать культурно-стилевую и духовно-стилевую разницу этих двух великих греческих божеств.

Что же теперь, в олимпийскую эпоху сделалось с Посейдоном? Конечно, ни о каком первенстве Посейдона теперь уже не могло быть речи. Ему только пришлось несколько антропоморфизироваться, ибо раньше он был не больше как только влага в земле, которая необходима для того, чтобы эта земля могла быть источником жизни. Теперь он также и не тот конный фетиш, которым он был в Аркадии. Миф рассказывал, как однажды Посейдон в виде коня овладел Деметрой, превративши ее в Кобылу. Это превращение свидетельствует о конской природе стародавнего аркадского Посейдона. В олимпийскую эпоху Посейдон и очеловечен и подчинен Зевсу, хотя это подчинение всегда славилось своим анархизмом и капризами. Теперь Посейдон также отец разного рода героев и родоначальников племен. Так, он главный бог минийцев, и сам Миний — его сын или внук. Однако значение Посейдона все же и в Олимпийскую эпоху было настолько велико, что его не решились сделать сыном Зевса, как это произошло со многими доолимпийскими богами. Он — брат Зевса и брат весьма самостоятельный, чтобы не сказать буйный и непримиримый.

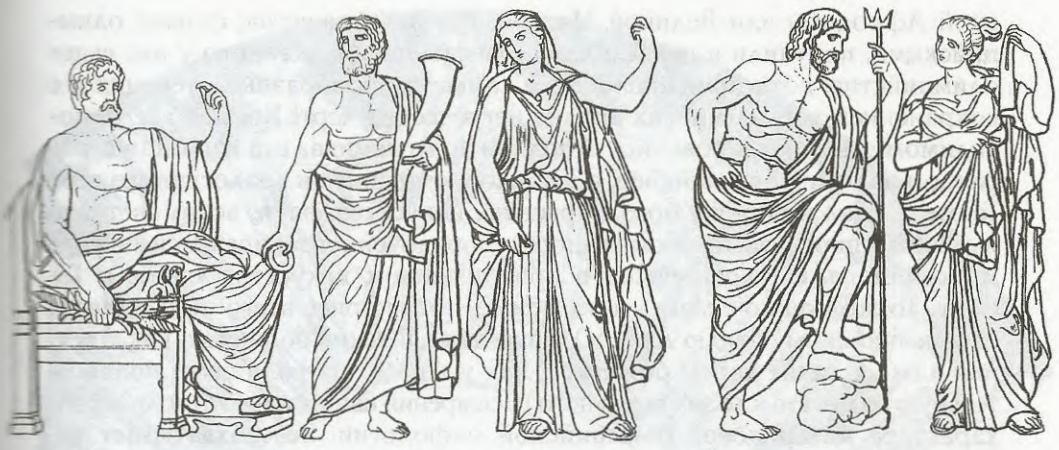
Аид, введенный в олимпийскую мифологию, также очень ярко несет на себе черты этой последней. Хотя он тут и подземный бог, но, собственно говоря, властвует везде только Зевс и отчасти Посейдон. В этой своей функции Зевс и получает наименование Хтония. Аиду не приносят никаких жертв; он не имеет никакого потомства, а похищение им себе в жены дочери Деметры указывает на слабость и третьестепенность этого божества. Единственное место его господства — это царство мертвых. Он не имеет никакого отношения к живым и производительным силам земли, над которой в целом царствует опять-таки Посейдон, пугающий его своим трясением земли и опасностью разрушить его царство (IL. XX 60 слл.). Аид, конечно, всех ужасает, но — такова уже сама природа его царства. Сам же он, взятый по себе, совершенно третьестепенное божество в сравнении с Зевсом и Посейдоном, что в конце концов привело даже к тому, что Геракл, сын Зевса и представитель его мифологии, одерживает победу над этим божеством (IL. V 395 слл.), хотя последнее обстоятельство, быть может, есть продукт уже не столько самой олимпийской мифологии, сколько позднейшей чисто светской и поэтической фантазии. Правда, и в качестве такой светско-поэтической

фантазии миф о победе Геракла над Аидом остается чрезвычайно показательным в отношении силы и централизации олимпийского Зевса.

Так образовалась олимпийская мифология, подчинивши себе — так или иначе — старых богов, извлекая их — по мере надобности — из отдаленных уголков тогдашней жизни и превративши их — в разной мере — из местных и разрозненных демонов в центральных и объединенных одним отцом и анактом по образу тогдашних фессалийских анактов. Зевс получил дворец на главной вершине Олимпа подобно критским или микенским царям, прочие же боги заняли отдельные ущелья Олимпа, подобно, опять-таки, тому, как члены семьи царя располагались во дворце вокруг царя (ср. опочивальни пятидесяти сыновей Приама в Трое). Зевс сильнее всех богов, взятых вместе. В одном очень интересном месте «Илиады», восходящей к старой догомеровской иератической поэзии (IL. VIII 19 слл.), Зевс сам говорит, что если бы все боги и богини свесились с Олимпа в виде золотой цепи, то и так они не смогли бы совлечь его с Олимпа. Зевс волен любого бога низвергнуть в Тартар, который столь же далеко внизу под землей, как высоко небо простирается над землей (13 слл.). Все центрируется вокруг Олимпа и его Зевса. Прочие места культа или исчезли, или померкли. У Гомера можно перечислить по пальцам такие места культа других божеств, которые бы претендовали на некоторую значимость. Это — Зевс в Додоне, Посейдон в Гелике, Аполлон Сминфей на Килле, Хрисе и Тенедосе, Гера в Аргосе и Афина в Алалкоменах (у Гесиода еще упоминается святилище Зевса в Феспиях и Гекаты в неизвестном месте). Все группируется теперь вокруг Олимпа.

Антропоморфизм, пластичность образов, мужская организующая и оформляющая сила (на первых порах даже с подавлением женского начала — в противоположность ниспровергнутому хтоническому матриархату); централизация мифотворчества и религиозных культов вместе с более точной спецификацией и дифференциацией отдельных божеств, санкционирование царской власти, героизма, аристократичность господства сильных личностей (пока еще не оторвавшихся от народа настолько, чтобы наступила эпоха субъективизма, но уже соизмеримых с народом, представительствующих этот народ и защищающих его); целесообразное (а не хтонически-стихийное, как в эпоху матриархата) устроение общества и планомерное ведение войны; идеализация воинских добродетелей и героических подвигов — вот главнейшие внутренние черты этой олимпийской мифологии, так резко отличающие ее от прежнего разбросанного и стихийно возникающего хтонически-матриархального мифологического процесса.

Всему этому способствовала еще поэзия, возникшая и окрепшая вокруг Олимпа и обслуживавшая фессалийскую родовую аристократию не хуже самой мифологии. Это была сначала, конечно, религиозная, сакральная, иератическая поэзия, издавна связанная с Орфеем, первым греческим певцом, уроженцем как раз фессалийской Пиерии у подножия Олимпа. Здесь же развился и знаменитый греческий культ муз, уходящий, надо думать, в глубины догреческого сознания, поскольку пиерийские музы были сначала нимфами вод и источников, подобно тому как и сам Зевс имел, между прочим, и водное происхождение (ср. ниже о Зевсе Додонском). Но «муза» — слово чисто греческое и значит «мыслящая». Ми-



Олимпийские боги

фология муз развивалась около Олимпа в связи с общим очеловечиванием и одухотворением греческой мифологии в этот период; освежающее и укрепляющее действие чистой проточной воды превратило старую хтоническую сущность муз в новую человеческую, пластическую и поэтическую. И это случилось именно здесь, в Пиерии, и на Геликоне обычные классические музы Греции появились именно отсюда, где было их старейшее святилище. Предметом этой культовой поэзии муз был, конечно, прежде всего сам Зевс с его победами над старыми, доолимпийскими божествами и силами. У светского Гомера от этой старой иератической поэзии остались лишь незначительные следы. Таковы указанные у нас выше места о золотой цепи богов в VIII песне «Илиады» и о «священном» браке Зевса и Геры на Иде в XIV п. «Илиады», места, в которых старый иератизм становится уже едва заметным, будучи заново переделан и перекрыт вполне светскими и по-ионийски секулярными выражениями и представлениями. Гораздо сильнее эти черты в «Теогонии» Гесиода, которую К. Роберт считает даже гимном в честь и во славу Зевса. Оставалось теперь только и самих этих муз сделать дочерьми Зевса, что мы и находим у Гесиода, у которого их рождает сама божественная Память-Мнемосина и рождает не где иначе, как именно в Пиерии.

3. ИОНИЙСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА.

В задачи этого очерка не входит прослеживание истории олимпийских богов, взятых как целое, на протяжении дальнейшей — очень долговременной — истории Греции. Однако еще одну такую историческую ступень указать совершенно необходимо, поскольку она нашла отражение все у того же многообъемлющего Гомера. Это — ступень позднеионийская.

Фессалийская мифология, перенесенная на острова Эгейского моря и на малоазиатское побережье, как мы уже знаем, тем самым весьма расширила свои рамки. Из национально-эолийской она стала теперь уже межнациональной, потерявши во многом свой узкоплеменной характер, вобравши в себя ряд вполне негреческих божеств, из которых первое место занимают Аполлон, Артемида, Арес, Гефест и различные типы азиат-

ской Афродиты или Великой Матери. Все эти божества, ставши олимпийскими, получили и неизгладимую печать изображенного у нас выше олимпийства, хотя произошло это в самых разнообразных степенях и с сохранением весьма многих вполне негреческих черт. Больше всего, повидимому, ассимилировались Аполлон и Артемида, ставшие даже образцом пластичности вообще, а Аполлон, оттеснивши аналогичного себе Гермеса, стал и вообще богом красоты, искусства, наук, всего светлого и оформленного, всего нехаотичного, упорядоченного и прекрасно-сформированного. Одухотворился и приблизился к искусству также и Гефест. То же можно сказать и об Афродите. Упорнее всего не поддавался олимпийскому стилю Арес. Однако даже и такие божества, как Арес, или даже и такие черты божества, как у Ареса, сыграли свою положительную роль в смысле значительного расширения национального эолийского характера материковой олимпийской мифологии. Зевс охватывает теперь не только свое, но и все чужое.

Но тут-то вот и залегает та «критическая точка», тот «узел», тот «переход в свою противоположность», который и характерен для ионийской ступени эпоса и особенно для его позднеионийской ступени.

Эолийцы сделали свое дело: они колонизовали северо-западную часть Малой Азии с ближайшими островами, впитали новых божеств и создали расширенную олимпийскую мифологию. Однако здесь же им пришлось в дальнейшем столкнуться с другим греческим племенем, с ионийцами, которые и возымели верх над этой областью греческого мира и над самими олимпийцами. Подвижный, экспансивный, импульсивный, чрезвычайно живой и чувствительный характер этого племени не только захватывает все тогдашние культурные завоевания, но и быстро двигает их вперед. Он создает субъективную лирику, науку, философию. Он быстро идет к городской жизни, переходит от аристократии к демократии. И вплоть до начала V века он господствует почти во всем Эгейском море и на прилежащих берегах Европы и Азии. Иония — это замечательная ступень греческой истории, захватывающая несколько столетий перед возвышением Аттики и Афин. Именно в эту эпоху появились поэмы Гомера в том виде, как мы их сейчас видим, и именно этот поздний ионийский дух и переделал всю эолийскую былевую поэзию на новый лад и всю олимпийскую мифологию на свой новый стиль. Переделка эта глубокая: после работы Кауэра ее уже нельзя понимать как какой-то слой в эпосе, легко отделимый от других слоев; это — переработка всего эпоса заново, так что эолийские и ионийские элементы оказались перемешанными до полного слияния. Так в одном и том же стихе попадаются и старые эолийские и новые ионийские формы. В таком же виде, конечно, должна предстать и мифология. Быть может, даже самая тема «Илиады» — гнев Ахилла — есть уже достояние ионийского сознания, поскольку она предполагает развитие субъекта, личности и капризов героя, граничащее с выхождением вообще за пределы эпической вне-личности и строгого ахео-эолийского героизма. Такими же ионийскими чертами пересыпана теперь и олимпийская мифология, хотя их выделение и их анализ представляют огромные трудности.

Укажем на такое место «Илиады» как упоминавшаяся у нас выше XIV песнь «Илиады» с ее изображением «обольщения Зевса». Изнеженность, рос-

Пир богов

кошь, нега, утопание в наслаждении, утонченные туалеты и эротические интимности — все это пронизано здесь совсем не тем строгим эолийским духом героизма, который мы опознали на старом Олимпе. Это — новый дух, ионийский дух, если не прямо позднеионийский. Далее, вся «Илиада», начиная с I песни, пронизана духом тончайшего юмора в отношении богов, тончайшей иронии по их адресу, наряду с открыто эстетическим, если не прямо эстетным на них любованием. Что это? Неужели это — старая фессалийская мифология, серьезная, строгая, только что высунувшая голову из мрачного хтонизма? Боги I-ой песни «Илиады» — неужели это те боги, которые сражались с титанами и гигантами, и неужели старая подлинная титаномахия была так же кокетлива, весела, безалаберна и игрива? Нет, все это есть достояние новой эпохи, достояние ионийской культуры, и этого не могло быть в старой олимпийской мифологии. Тут перед нами уже не борьба патриархата с матриархатом в отдаленную эпоху общинно-родового строя. Нет, теперь наступил конец уже всего общинно-родового строя. Уже из его недр возникли сословия аристократии и демократии. Уже отдельная личность освобождается от общинно-родовой опеки. Уже возникает союз людей не по родству и крови, но именно по этой объединенности в борьбе за освобождение личности. Уже возникает рабовладельческое государство с его классами и с его городами, с его свободной, своенравной, капризной личностью (которая на данной ступени социального равенства может быть только рабовладельческой), ее эмоциями, с ее наукой, с ее критицизмом. Боги тут не только превращаются в предмет эстетического любования, тематику светской поэзии, в стилизованную сказку, в изнеженно-сладострастную сюжетность. Они по этому же самому становятся и предметом критики. Их антропоморфность переста-

ет удовлетворять утонченные и философствующие умы. Раздаются протесты против низменности, порочности, коварства и зависти старых народных богов. Несомненно, как раз в этой именно атмосфере зародилась та злая и ожесточенная брань, которую в п. XXII «Илиады» Ахилл направляет по адресу обманывающего его Аполлона. И то, что «Гомер выше своих богов» (выражение Маркса), есть наилучшее свидетельство того, что автор или авторы «Илиады» в ее теперешнем виде уже имели критическое сознание, далеко выходящее за пределы наивной и непосредственной веры, сознание, которое уже ставило культурного и критически мыслящего человека выше традиционных богов старой и наивной греческой веры. Очень мало обращали внимания на замечательные слова Одиссея в Od. VII, в которых он обрисовывает свое предпочтение родины, жены и радостей смертной жизни самому бессмертию и вечной молодости, обещанной ему нимфой Калипсо (255 слл.):

И приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне, наконец, даровать и бессмертье и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.

И несмотря ни на какую сытую и радостную жизнь на этом райском острове Калипсо, несмотря ни на какое обещание бессмертия —

Дни свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, устремив на пустыню бесплодного моря.

Эта позднеионийская психология и это чисто человеческое мировоззрение, конечно, не могло не переделать в самом последнем основании старых и строгих устоев ахео-эолийской олимпийской мифологии.

Можно сказать, допуская некоторого рода смелость, что Гомер — это есть какой-то архаический, доклассический эллинизм. Подобно тому как настоящий эллинизм возник в Греции в IV в. до н. э. благодаря экспансии Греции в глубь Востока и восточных культур, так и поэмы Гомера возникли как следствие экспансии материковых греков на острова и в Малую Азию, в результате приятия негреческой культуры, расширявшей рамки старого национализма и обострившей субъективную, индивидуальную, критически-умственную и эмоционально-либеральную восприимчивость и зоркость старого первоначально-греческого сознания. Этот налет живости, легкости, прозрачности, тонко-кокетливой художественности, тончайшей юмористики в неуловимо проскальзывающей иронии, эта улыбчивость и безалаберная, извивная, игривая мифологическая вспененность и как бы какая-то ветренность, — все это навсегда осталось за олимпийскими богами — и в Греции и во всем культурном человечестве, как только заходила речь о художественном воспроизведении мира олимпийских богов. Но это все есть достояние Ионии. В Спарте, да и вообще в дорийском мире Гомера не очень любили. И дорийские философы, элеаты, были первыми, кто стал бранить Гомера за безнравственность и кощунство.

4. РЕЗЮМЕ.

Таким образом, если бы мы захотели рассматривать олимпийских богов не как неподвижную глыбу, но — исторически, социально-исторически, в связи с живыми чертами реальной жизни греков, то мы должны были бы установить по крайней мере четыре совершенно разных периода олимпийской мифологии.

I. До-ФЕССАЛИЙСКИЙ период (и, в значительной мере, даже догреческий) — период матриархата, хтонизма, разбросанных местных, мало дифференцированных культов и зародышевых мифологем. Это — «Посейдоновский период» мифологии.

II. Период ФЕССАЛИЙСКИЙ, переход от матриархата к патриархату, включая зрелые формы последнего, переход от стихийного хтонизма к пластическому дифференцированному антропоморфизму и группировка мифологии вокруг Олимпа и Зевса. Это — раннеэолийский период греческой мифологии, период общинно-родовой аристократии, царей-анактов, «героический век».

III. Период ЭОЛИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ островов Эгейского моря и побережья Малой Азии, расширение эолийского национализма за счет негреческой мифологии, универсализм олимпийской мифологии. Это — позднеэолийский период.

IV. ИОНИЙСКИЙ И ПОЗДНЕ-ИОНИЙСКИЙ период, падение общинно-родовой формации, переход ее в рабовладельческую, начало развития индивидуализма и субъективизма, переход мифологии в эстетический предмет и философско-критическую тематику, первое влияние нарождающегося демократического духа греческой классики.

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ

Не вникая в длинную и запутанную историю и систематику олимпийских божеств, мы можем ограничиться перечислением только несомненных. Это — Зевс и Гера (супруги), владыки неба и всего мира; Аполлон и Артемида (брат и сестра), Гефест и Афродита (супруги), Афина, Арес, Деметра, Гермес, Гестия, т. е. пять мужчин и шесть женщин. Мы остережемся также квалифицировать каждое божество обычным приемом (Артемида — богиня охоты, Афина — богиня мудрости и т. д.), поскольку образы эти очень трудны для схематической характеристики; нужно стараться из приводимых ниже материалов уловить сначала общий мифологический лик каждого божества, а уже потом пробовать осмысливать эти образы тем или иным методом, хотя некоторые намеки на осмысление читатель найдет в объяснениях.

Наконец, надо избегать и легкомысленного подхода к олимпийцам, памятуя, что это как-никак все же боги, т. е. идеальные космические силы, которые античность мыслила в основе всей мировой и человеческой жизни. Прокл очень хорошо делал, пытаясь дать чисто мифологическое толкование мифов. Очень немногие страницы из него приводятся ниже в качестве образца правильного, подлинно античного толкования мифов.

Чтобы получить некоторую нить в хаосе олимпийских божеств и не запутаться в частностях, как путается большинство ученых, оперирующих слепыми фактами (Зевс — бог света, Аполлон — бог света и солнца, Гелиос — тоже бог солнца, Гера — богиня женских родов, Артемида — богиня женских родов, Илифия — тоже, Афродита — тоже и т. д. и т. д.), необходимо наметить хотя бы предварительную и приблизительную классификацию этих божеств, исходя из их наиболее общего значения. Кажется, было бы целесообразно исходить здесь из общеантичного учения о форме и материи и о соединении формы и материи в цельную вещь, каковое учение находится не только у Аристотеля, но и почти во всяком античном философском построении. Прежде чем перейти в философию и получить обработку в виде системы понятий, эта антитеза и синтез формы и материи были даны в мифологии, но еще не в виде понятий, а в виде совокупности внутренне объединенных мифологических образов.

Если брать законченный космос, полученный в результате длинных теогонических и космогонических процессов, то мы имеем, прежде всего, основную и универсальную антитезу и синтез: это — *Зевс* и *Гера*. Как бы ни относиться к этим божествам, но несомненно, это есть антитеза и синтез космического оформляющего *мужского* и космически оформляемого *женского* начала, а то, что в философии в дальнейшем понимается как единство формы и материи, в мифе понимается как результат брака. Вся жизнь космоса, взятая в последнем оформляющем и оформляемом основании, с точки зрения античной мифологии есть «священный брак» Зевса и Геры («Зевс и Гера», § 12, 13). Зевс вступает в брак и с другими богинями и даже с смертными женщинами, но это уже не укладывается в идею «священного брака».

Далее, что получается в результате этого космического брака? В результате этого мы имеем олимпийских богов, к которым тоже, как и везде в античных образах, применима та же точка зрения формы и материи. Есть божества, которые по преимуществу оформляют (освещают, как Аполлон, или куют и физически оформляют, как Гефест, или воюют и рождают хаос, как Арес). Есть божества по преимуществу пассивные и выполняющие чужую волю (это — мировой неподвижный очаг — Гестия, или обработанная зреющая нива — Деметра, или бог глашатай и вестник — Гермес). Наконец, есть божества и совмещающие оба начала (таковы Артемида и Афина, которые, с одной стороны, женщины, т. е. демонстрируют пассивное начало, а с другой — девственницы и обладают воинственной природой; такова и Афродита, которая, с одной стороны, есть стихия эротического приятия и самоотдания, а с другой — стихия возникающих отсюда мужественных контуров эстетического оформления).

В первой группе Аполлон и Арес противостоят друг другу как наиболее яркое и чистое освещение и оформление, с одной стороны, и как хаос, беспорядочная война, напряженное ниспровержение всякой формы и порядка — с другой. Невозможно не заметить и того, что Гефест вполне определенно совмещает обе стихии: он — и бог огня, т. е. явного уничтожения всякого порядка и строя, явного хаоса, и в то же время он — божественный кузнец и литейщик, мастер и инженер, прототип и первый представитель всякого художества, небесного и земного. Так же и

во второй группе: Гестия — очаг — покоится на месте, будучи наиболее пассивным и неподвижно-материальным устоем олимпийской жизни; Гермес, наоборот, весь в движении, будучи бойким, пронырливым, вертлявым, даже вороватым и жуликоватым глашатаем божественной воли и устроителем разных дел — торговых, художественных, любовных и пр.; Деметра вовсе не только «богиня земледелия», как это пишут во всех учебниках, она — символ именно чего-то обработанного, достигнутого в результате известных усилий, откуда она (вспомним миф о похищении ее дочери Коры Плутоном) — символ вечного возвращения, и не только весны и зимы, но и вообще жизни и смерти в самом широком и обязательно космическом смысле слова (отсюда и Элевсинские мистерии). Гестия всегда покоится, Гермес всегда суетливо движется вперед, Деметра вечно уходит вперед и вечно возвращается обратно (причем это вечное возвращение происходит, собственно, с ее дочерью Корой-Персефоной, она же есть не столько само это вечное возвращение, сколько его идеальное основание и обоснование, как это и прилично олимпийскому божеству, — именно «мать»). Наконец, общеантичная склонность к указанному схематизму проявилась и в третьей группе олимпийцев: девственная, холодная и неприступная, стройная и ловкая охотница Артемида противостоит вечно эротически алчущей, погруженной в стихию пола, совершенно невоинственной, не умеющей ни стрелять, ни охотиться, женственной и изнеженной Афродите; Афина же не только стрелок, но и воин, а также мудрец и высокий покровитель искусства и красоты, что предполагает в ней опыт уже не только Артемиды-охотницы. Артемида как бы ниже пола, наподобие еще не созревшей женщины; Афродита — это пол; Афина выше пола, она преодолела пол, и потому она — богиня мудрости, валькирия и философ одновременно»[1].

Для предварительной и общей характеристики олимпийцев приводится ниже несколько текстов бытового (§ 2, 3), военного (§ 4, 5) и судебного (§ 6) характера, относящихся к жизни богов и ярко рисующих их, в сущности, чисто человеческую (хотя они и бессмертны и вечно блаженны) природу.

ГОРА ОЛИМП.

В заключение скажем несколько слов (по материалам О. Керна, хотя в отдельных пунктах и против него) о самой горе Олимп, остающейся в памяти культурного человечества вот уже четыре, если не все пять тысячелетий.

ОЛИМП, высочайшая гора Греции на границе Фессалии и Македонии высотою в 3 000 м, сияющая своей снежной вершиной далеко по Балканскому полуострову и по островам Эгейского моря. Греки производили даже само название этой горы от глагола lampein, «светить», «сиять», каковая этимология, конечно, не выдерживает критики, ибо название его — догреческое. Наиболее высокие части этой горы очень часто покрыты облаками, так что Гомеровский эпитет Зевса «тучесобиратель» имел вполне реальное значение. Олимп впоследствии получил, конечно, идеальное значение и стал отождествляться с небом. Однако всякому, кто не захотел бы отрываться от почвы живого гомеровского и догомеровского

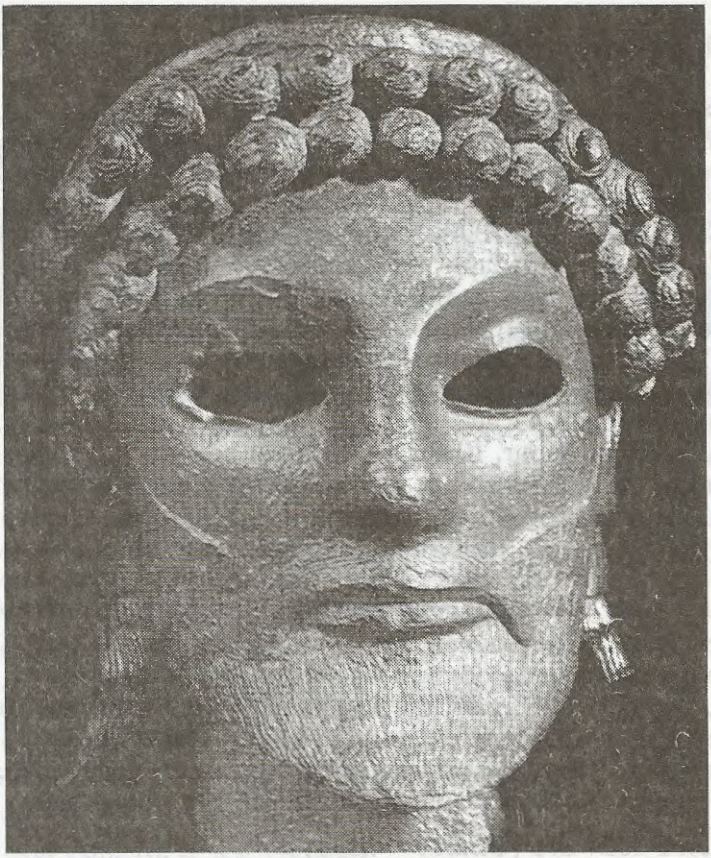
мифологического сознания, необходимо всесторонне учитывать, что Олимп есть, прежде всего, самая реальная и вполне видимая гора, гора в определенном месте Греции и с вполне определенными физическими свойствами. Как бы идеален Олимп ни был, все же он и у Гомера и у Гесиода «снежный», «весьма снежный», «многоущельный», «многовершинный». Тот, кто созерцает его (а значит, и тот, кто когда-то созерцал), получает впечатление чего-то величественного и неприступного. Обилие снега на Олимпе таково, что он не сходит даже летом. Восхождение на вершину Олимпа вообще возможно только в июле и августе. К сожалению, из античной литературы до нас не дошло ни одного описания Олимпа, которое было бы основано на непосредственном наблюдении.

Под именем «Олимп» в древности было известно целых пять гор. Их перечисляет Schol. Ap. Rhod. 1598: македонский, фессалийский, мизийский, киликийский, элидский и аркадский (первые два, конечно, — один и тот же Олимп на границе Македонии и Фессалии). Самый знаменитый из них — македонский. Это, собственно говоря, крайняя точка целого хребта, и притом самая высокая в Греции. Это — «седалище бессмертных» или «богов» (IL. V 360, 367 и др.), где «Гефест, славный искусством», построил всем богам «жилища» (IL. I 607—608 и др.). У самого Гефеста «дом», прекраснейший среди Олимпа (IL. XVIII 369—371):

> Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
> Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
> Кои из меди блистательной создал себе Хромоногий.

Тут же он создал и «жилище Зевса» (IL. V 398, I 222, 533 и др.), где собираются боги на пиршество или для обсуждения дел смертных (IL. I 575—576, 584, 601—604). От этой горы Зевс — «олимпийский», боги — «имеют олимпийские домы», музы — «Олимпиады». Но что «Олимп» трактовался и как просто общеизвестная Фессалийско-Македонская гора, это видно хотя бы из Od. XI 315, где под этим понимается просто обычная гора. Но в дальнейшем представление об Олимпе подверглось существенному изменению. Олимп постепенно стал равнозначащим просто с небом.

Такое новое представление мы находим уже в IL. VIII 19—26 («Зевс и Гера», § 5 d). В «Одиссее» совсем исчезает представление о вершинах, снегах и пр. Олимпа и господствует то представление, которое выражено в VI 41—46 (§ 1 a). Теперь, оказывается, к Олимпу ведет Млечный Путь (§ 1 b), и престол Зевса уже не рядом с прочими богами, но значительно выше. Этот Олимп тоже богатейшим образом украшен. Если не прямо у Эсхила и Пиндара, то, во всяком случае, у Софокла и Еврипида мыслится именно такой, чисто небесный Олимп. О полном отождествлении Олимпа с небом говорит не только текст Псевдо-Аристотеля (§ 1 e), но и самая картина неба. Напр., у Verg. Aen. VII 218 «солнце взирает с высоты Олимпа» (в этом же роде — ср. там же X 215—216, Ov. Fast. V 415—416 и мн. др.). У Нонна поразительно часто включение Олимпа в общую картину звездного неба. Некоторые, — впрочем, из позднейших авторов — объединяли оба представления Олимпа — ради подражания Гомеру (напр., Аполлоний Родосский и тот же Нонн), хотя уже при Софокле фессалийский Олимп ни в каком случае не был местом пребывания богов.



Зевс

Наконец, попадается отождествление Олимпа и с самими богами (§ 1).

О каком-нибудь культе Зевса на этой горе тоже нет никаких сведений. Только поздний римский Полигистор сообщает об алтаре на Олимпе, что у исследователей вызывает сомнение. О каких-нибудь религиозных процессиях на Олимп, подобно тем, какие известны нам на другой фессалийской горе, Пелионе, мы тоже ничего не слышим. Большого культа Зевса, по-видимому, никогда не было и около Олимпа. Город Диа у северной подошвы Олимпа, в местности Пиерия, — поздней стройки. И только в конце V в. македонский царь Архелай впервые учредил праздничные олимпийские игры. Та общинно-родовая аристократия и герои, которые создавали в Фессалии свою олимпийскую религию, завоевавшую в дальнейшем всю страну, по-видимому, созерцали своего Зевса издали и не считали возможным приносить ему жертвы на месте его собственного пребывания. Эта черта чрезвычайно характерна для того одухотворения и культурного подъема мифологического сознания, который мы находим в Греции в ее героический период и, в частности, в гомеровскую эпоху.

Как сказано выше, из античной литературы до нас не дошло ни одного описания Олимпа, хотя таковых, вероятно, было немало — типа какого-нибудь Павсания. В новейшей литературе первое описание принадле-

жит J. L. Ussing, издавшему в Копенгагене в 1857 г. книгу Griech. Reisen und Studien. Полезны также O. Kern, Nordgriechische Skizzen. Berl. 1912, 48 слл. и F. Staelin, Das hellenische Thessalien, 6 слл. Последнее, известное нам, восхождение на вершину Олимпа сделал немецкий вице-консул в Воло Гельмуд Шейфель летом 1923 г. (Athen. Mitteil. XLVII, 1922, 129 сл.). На самой высокой вершине Олимпа Шейфель не нашел никаких остатков святилища или алтаря. Некоторые остатки этого он нашел на предгорье на высоте 2 900 м, хотя найденные здесь черепки сосудов относятся уже к позднейшим столетиям. Керн справедливо считает, что до сих пор все еще необходимо хорошо археологически обставленное восхождение на Олимп, без какового нет возможности решить вопрос о наличии культовой практики на Олимпе. У олимпийских пастухов первой половины XIX в. зарегистрирована легенда о том, что на вершине Олимпа небо сходится с землей, но что с тех пор как люди стали злыми, бог ушел на небо. Бернг. Шмидт и О. Керн полагают, что здесь примешивается уже христианское религиозное учение.

ОЛИМП

1. a) Od. VI 41—46 (Природа на Олимпе)

Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подъемлет метелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.

b) Ov. Met. I 168—176 (Олимп = небо)

Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;
Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.
То для всевышних богов — дорога под кров Громовержца,
В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева
Атрии знатных домов, с дверями, открытыми настежь.
Плебс по различным местам живет. А в части передней
Славных и мощных стоят обитателей неба пенаты.
Это-то место, — когда б в выражениях был я смелее, —
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.

c) Stat. Theb. I 197—203

Но, как Зевс приказал, над крышей быстрого неба
Чин собрался богов, приглашенный для совещанья,
В небе внутреннем. Все одинаково близки отсюда
Восхожденья дворцы и заката, когда разольется
День по всей земле и воде. С поднятой главою
Сам он входит к богам, помавая, однако, спокойным
Ликом, и занимает звездный престол...

d) Verg. Aen. VI 577—579

А там самый Тартар:
Дважды разверзнут во глубь настолько и к теням простерт он,
Взор достигает насколько к Олимпу эфирному в небо.

Боги на Олимпе

e) Ps.-Arist. De Mund. 400 a, 7

Но вышний, чистый бог утвердился в чистой стране, которую мы правильно зовем небом (oyranon) оттого, что он является пределом (horon) высоты, Олимпом же потому, что он весь блестит (hololampe) и отделен от всякого мрачного и нестройного движения.

f) Verg. Aen. VI 782 (О Риме)

Землями власть свою, свой дух ограничит Олимпом.

Ibid. VI 834 (О Цезаре)

Ты раньше всех, ты оставь, свой род выводящий с Олимпа.

Ibid. IX 84 (Мать богов к Зевсу)

Дай, мой сын, то, о чем умоляет
Мать дорогая твоя, усмиритель великий Олимпа.

Ср. IX 93:

Сын, что вращает созвездия мира.

БОГИ В СВОЕМ БЫТУ

2. *a) IL. 1 495—611 (Эпизод с Фетидой, ходатайствующей перед Зевсом об Ахилле)*

[*Фетида и Зевс*]

Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:

Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».
Так говорила; но, ей не ответствуя, Тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет и священное мание сделай
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».
Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал Тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню.
Зри, да уверенна будешь, — тебе я главой помаваю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».
Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный.
Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
Ввстречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

[*Ссора Зевса и Геры*]

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все примечала, узрела, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро с язвительной речью она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»
Ей отвечал повелитель богов и отец человеков:
«Гера, советы мои не все ты надейся уведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».
К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать

Век не желала; спокойно всегда замышляешь что хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида;
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».
Гере немедля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так, — без сомнения, мне то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».
Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.

[*Гефест увеселяет богов*]

Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:
«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
Если восхощет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех от престола низвергнет: могуществом всех он превыше!
Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».
Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
Матери милой подносит и снова так ей вещает:
«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело олимпийцу противиться Зевсу!
Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага —
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно приняли».
Рек; улыбнулась богиня лилейнораменная Гера
И с улыбкой от сына блистательный кубок приняла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

[*Пир богов*]

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.
Но, когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил и при нем златотронная Гера.

b) Procl. in R. P. 126—128 Kr. (Смех богов как символ их бытия)

[p. 126 Kr.] Стоит рассмотреть, что же именно желают показать мифы, вводящие богов смеющимися, и притом смеющимися неудержимо.

Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба, —

говорит поэзия [IL. I 599 сл.], —

Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Что это за смех богов и почему они смеются, когда Гефест движется и действует? Ведь богословы говорят, что Гефест, как мы сказали в другом месте, есть творец и создатель всего видимого мира. Поэтому и говорится, что он устроил богам дома [IL. I 607]:

Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал,

приготовляя им мировые седалища. И он представляется хромающим на обе ноги, поскольку и работа его безногая, потому что движущееся умом и мышлением не нуждается в движении ног, как [p. 127 Kr.] говорит Тимей [34 a]. Он называется начальником кузнечного ремесла и сам действует в качестве кузнеца. Ведь неоднократно в поэзии воспевается медное небо; и можно найти много другого, удостоверяющего это мнение. Так как весь промысл о чувственном, согласно которому [боги] помогают Гефесту в демиургии, называется *детской игрой богов* (почему, мне кажется, и Тимей [42 d] мировых богов называет юными, — как возглавляющих вещи, которые вечно становятся и достойны игры), то мифотворцы обычно именуют смехом *эту вот особенность промысла действующих в мире богов*. Поэтому и когда поэт говорит, что боги при движении Гефеста, радуясь, смеются неугасимым смехом, этим выявляется не что иное, как то, что *они становятся содемиургами и деятелями искусства* Гефеста и суть искони устроители порядка для всего. Он [Гефест] приготовляет все мировые седалища богов и расширяет промышлениями богов все физические потенции, а они [боги], действуя с подобающей им легкостью и не оставляя свойственного им наслаждения благом, даруют этим потенциям свои даяния и приводят всё в движение своими действенными промышлениями. Говоря кратко, смех богов

следует определить как щедрую энергию, направленную на всё, и причину порядка того, что находится в мире. Поэтому непостижим этот промысл и неистощимо у богов дарование всех благ; и следует признать, что поэт справедливо именует это их неугасимым смехом. И, как ты видишь опять, мы говорим и об этом, следуя природе вещей.

Мифы говорят, что боги не плачут постоянно, а смеются неудержимо, так как слезы их относятся к промыслу о вещах смертных и подверженных року, являясь то существующими, то несуществующими знаками, смех же относится к универсальным и вечно тождественно движущимся полнотам (pleromata) всецелой энергии. Поэтому, я думаю, когда мы распределим демиургические действия по богам и людям, то мы уделим смех поколению богов, а слезы состоянию людей или животных.

Зевс

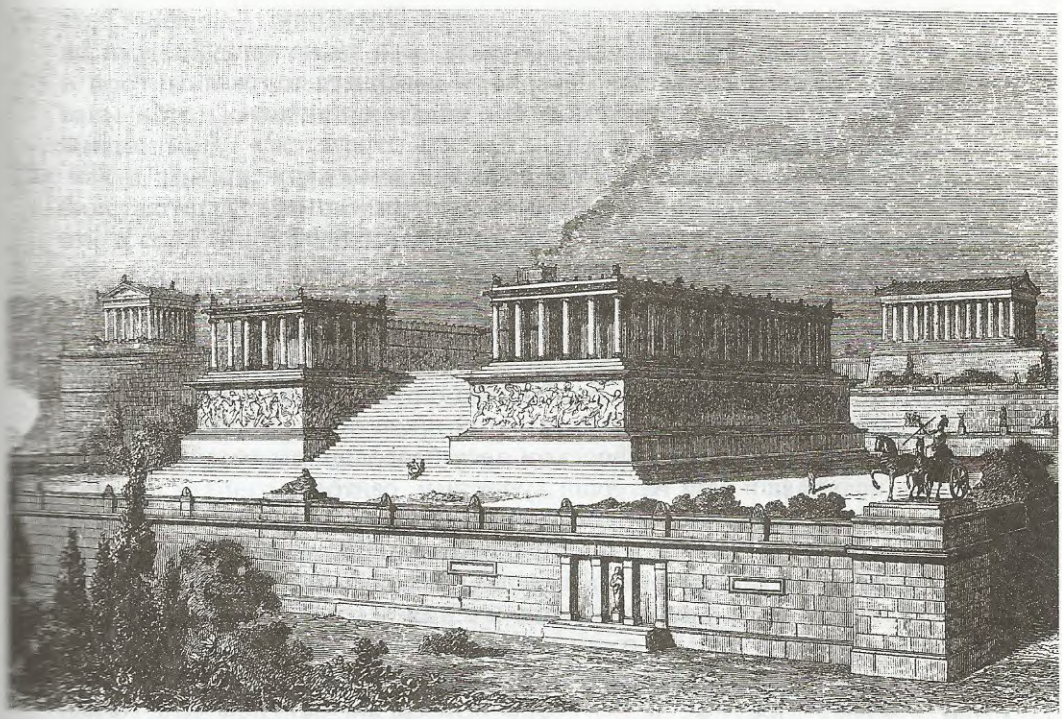
Слез твоих вечный предмет — род смертных многострадальных,
Род священный богов возрастил ты с ясной улыбкой[2].

Когда же мы в отношении к небесному и подлунному мирам по тем же основаниям распределим смех жителям неба, а слезы жителям подлунного мира и когда мы примем в расчет рождения и смерти жителей подлунного мира, то мы отнесем рождения к смеху богов, а смерти к плачам [жителей подлунного мира]. Поэтому в мистериях первостоятели этих священных обрядов по временам совершают и то и другое [т. е. смеются и плачут], о чем сказано в других местах. Этого приема не понимают неразумные ни при совершении таинств теургами, ни при этих образах [поэзии]. Ибо без знания того и другого слушание [подобных мифов] рождает в жизни многих сильное и нелепое смятение в смысле благоговения пред божеством [3].

3. *а) Od. VIII 266—369 (Роман Афродиты и Ареса)*

Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Ифеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Ифеста Арей, как открыл наконец все Ифесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.
Только достигла обидная весть до Ифестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных

Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Ифест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос, крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный туда же
Сведал, что в путь свой Ифест, многославный художник, пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога-художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял и по имени назвал ее и сказал ей:
«Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Ифест далеко: он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийцам, наречия грубого людям».
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.
Мало-помалу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Ифеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно.
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Ифест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Ифест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
«Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром, — но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.
Знаю, однако, что там им в другой раз заснуть не удастся:
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла; не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.
Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце».
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посидон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалека разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.



Пергамский алтарь

В двери вступили податели благ, всемогущие боги;
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Ифест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала;
Как ни хромает Ифест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.
Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака».
Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
Искренно мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»
Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
«Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посидон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
К славному дивным искусством Ифесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
«Дай им свободу, ручаюсь тебе за Арея: как сам ты
Требуешь, все дополна при бессмертных богах он заплатит».

Бог хромоногий Ифест, отвечая, сказал Посидону:
«Нет! от меня, Посидон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?»
Богу Ифесту ответствовал так Посидон земледержец:
«Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я». Хромоногий Ифест отвечал Посидону владыке:
«Воли твоей, Посидон, не дерзну и не властен отвергнуть».
С сими словами разрушила цепи Ифестова сила.
Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи, —
Быстро вскочив, улетели. Во Фригию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая, с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут.
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
Тело одних лишь богов орошающим, маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной. —
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы.

b) Procl. in R. P. I 141—143 Kr. (Символика этого романа)

(p. 141 Kr.) Оба этих бога (я говорю об Аресе и Гефесте) всесторонне энергизируют мир: первый — разделяя противоположности Всего, всегда возбуждая и неизменно спасая, чтобы совершенный мир был наполнен всеми формами; второй же — производя универсальное художественное чувственное украшение и наполняя его природными соотношениями и потенциями, установив вокруг неба двадцать треножников, чтобы украсить его совершеннейшими из многогранных фигур, создавая под луною различные и многообразные формы, творя с искусным мастерством [IL. XVIII 401]

Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья.

Поэтому оба они по характеру своей энергии и нуждаются в Афродите: один — для того, чтобы внести в среду противоположного гармонию и порядок, а другой — для того, чтобы чувственным творениям придать красоту и великолепие, которые могли бы сделать этот мир прекраснейшим из видимых. При вездесущии Афродиты Гефест всегда причастен ей с точки зрения высшего порядка, а Арес — низшего; именно, если Гефест — премирно, то Арес — внутримировым образом, и если тот — небесно, то этот — подлунно. Поэтому и говорят, что Гефест по воле Зевса женится на Афродите, а Арес изображается в мифах прелюбодействующим с нею. Для демиурга чувственных предметов естественно общение с причиной, творящей красоту и устанавливающей связи; для того же, кто возглавляет разделение и противоположности внутримировых предметов, в некотором смысле [совершенно] чужда способность создавать единение, ибо те роды богов, которые производят разделение, противоположны родам богов, производящим объединение; потому это соглашение несхожих причин мифы и называют прелюбодеяни-

ем. [Универсальное] Всё, следовательно, нуждалось и в таком общении, чтобы и противоположности были согласованы и чтобы война в космосе имела концом мир.

Так как в вышних у небесных [существ] блистают красота, формы, великолепие и созданные Гефестом произведения, а в нижних [на земле], в становлении стихий, — противоположение, борьба и враждебность сил и вообще дары Ареса, то поэтому и взирает сверху Гелиос на связь Ареса с Афродитой и открывает ее Гефесту, поскольку Гелиос содействует всем творческим актам последнего. Гефест, говорится, охватил их узами, совершенно невидимыми для других, как бы украшая художественными мыслями (logoi) то, что получилось, и сооружая единый состав из противоположностей Ареса и связующих благ Афродиты (<они> имеют эти качества по происхождению). Так как иное дело — узы небожителей и иное — жителей подлунного мира (одни — неразрешимы, как говорит Тимей [43 a], а другие — разрешимы), то поэтому Гефест снова разрешает узы, которыми он опутал Ареса и Афродиту, и делает это, преимущественно повинуясь Посейдону. А тот, желая сохранить непрерывность рождения и возобновить круг превращений, считает рожденное достойным гибели и погибшее направляет к возрождению. Чему же удивляться, если и Гомер говорит, что Арес и Афродита были связаны узами Гефеста, а за ним — и Тимей [31 c], называя узами демиургические мысли (logoi), благодаря которым те, что на небе, удерживают возникшее вместе? Как же может противоречить природе вещей то обстоятельство, что Гефест, как тут говорится, разрешил связи, если творческие узы становления [,вообще говоря,] разрешимы? По-видимому, универсальный демиург составил мир из противоположных стихий и по аналогии заставляет любовь соединять в одно деятельности Гефеста, Ареса и Афродиты. С одной стороны, он рождает противоположения стихий, соответственно тому, что он родил в себе самом Ареса; с другой стороны, он старается, чтобы действовала любовь, — сообразно с потенцией Афродиты, — связывая дела Ареса с делами Афродиты и предвосхищая искусство Гефеста. <... > Ведь он — всё и действует со всеми богами. Потому и низшие демиурги, подражая своему отцу, производят живые и смертные существа и, когда те гибнут, вновь принимают их, порождая

Солнце. Античная статуя

вместе с Гефестом земные узы и сами предвосхищая причины их разрешения. Ибо тот, кто повсюду охватывает узами [бытие], — тот знает и необходимость их разрешения [4].

БОГИ НА ВОЙНЕ

4. а) IL. IV 1—84 (Совет богов)

Боги у Зевса отца, на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
Вдруг олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
«Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогенея Алалкомена.
Обе, однако, вдали воссидя и с Олимпа взирая,
Сим утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но победа над ним, несомненно, царя Менелая.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».
Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
«Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным и пот мой бесплодным,
Коим, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим».
Ей негодующий сердцем ответствовал Зевс тучеводец:
«Злобная! старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человеков, —
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!

Меркурий и три богини. Рисунок на вазе

Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».
Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой

Ты нарицаешь, ты, над бессмертными всеми царящий.
Но оставим вражду и, смиряяся друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».
Так говорила — и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
«Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».
Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь,
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры, —
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков; изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; иль полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

b) IL. XI 1—14 (Зевс, Вражда и война)

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да крики ее обоюдно услышат
В кущах далеких Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам, и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

5. *a) IL. XX 4—75 (Зевс посылает богов на войну)*

Зевс же отец повелел, да Фемиса бессмертных к совету
Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлися
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые Нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
В дом олимпийский собравшися тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу

Посейдон, данаиды и Аполлон

Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Так собирался к Зевсу бессмертные. Сам Посидаон
Не был Фемисе преслушен: из моря предстал он с другими,
Сел посредине бессмертных и Зевса выспрашивал волю:
«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
Хощешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылает».
Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
«Так, Посидаон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;
Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
Сам я страшусь, да, Судьбе вопреки, не разрушит он Трои».
Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися:
Гера — к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посидон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,

Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.
Все то время, пока божества не приближились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
Но едва олимпийцы приближились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.
Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посидаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посидон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалося все, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посидаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных — Скамандром.
Так устремлялися боги противу богов...

b) IL. XXI 211—520 (Картина битвы богов)

[*Возмущение Скамандра*]

Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
«О Ахиллес! и могуществом сил и грозою деяний
Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
Более в море священное волн проливать не могу я,

Посейдон, Аполлон и Артемида

Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»
Ксанфу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю, —
Он ли меня укротит, иль надменного сам укрощу я».
Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
«Бог сребролукий, Кронида сын, не блюдешь ты заветов
Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не простреться
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

[*Борьба Ахилла и Скамандра*]

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес, убивая, наполнил:
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимися пышно водами.
Страшное вкруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился

Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лета
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает, —
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо.
Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.

[*Крик Ахилла и помощь Посейдона и Афины*]

Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
Спасть из реки, злополучного? После и все претерпел бы...
Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть.
Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью Судьбой принужден я погибнуть:
Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебресть он!»
Так говорил, — и незапно ему Посидон и Афина
Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посидон, потрясающий землю:
«Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
Мы твои покровители, я и Паллада Афина.

Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены,
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу».

[*Новая схватка*]

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь все поднималось.
Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.
Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,

Посейдон

Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:
«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком

Лягут и черной покроются тиною; ляжет и сам он.
Я и его под песком погребу и громадою камней
Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!
Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»
Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.

[*Гефест и Скамандр*]

Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;
Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«В бой, Хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;
И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком: тогда укротишь ты огонь неугасный».
Так повелела, — и сын устремил пожирающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрятеля радует сердце, —
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигиея.
Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:
«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»
Так говорил — и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,
Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью, —
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.

Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
«Гера, за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Трои сынов никогда не спасать от суровой годины,
Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»
Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро богиня к Гефесту, любезному сыну, вещала:
«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»
Так повелела, — и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиеся воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, сама негодуя.

[*Общая борьба. Радость Зевса. Афина и ранение Ареса*]

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
Ныне за все, надо мной совершённое, мне ты заплатишь!»
Рек и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром Молневержца;
В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись; доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
«Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
Так отягчают тебя проклятия матери Геры,

В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»
Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стенящего; в силу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:
«Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!
Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»
Так изрекла, — и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против медноружных данаев,
Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
[Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!]
О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»
Так говорила, — и тихо осклабилась Гера богиня.

[*Аполлон и Посейдон*]

И тогда к Аполлону вещал Посидон земледержец:
«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в медноздданный дом Олимпийца!
Феб, начинай; ты летами юнейший, — но мне неприлично:
Прежде тебя я родился и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,
Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
Так удалилися мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,

Посейдон с дельфином

Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»
Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Энносигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посидаон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»
Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.

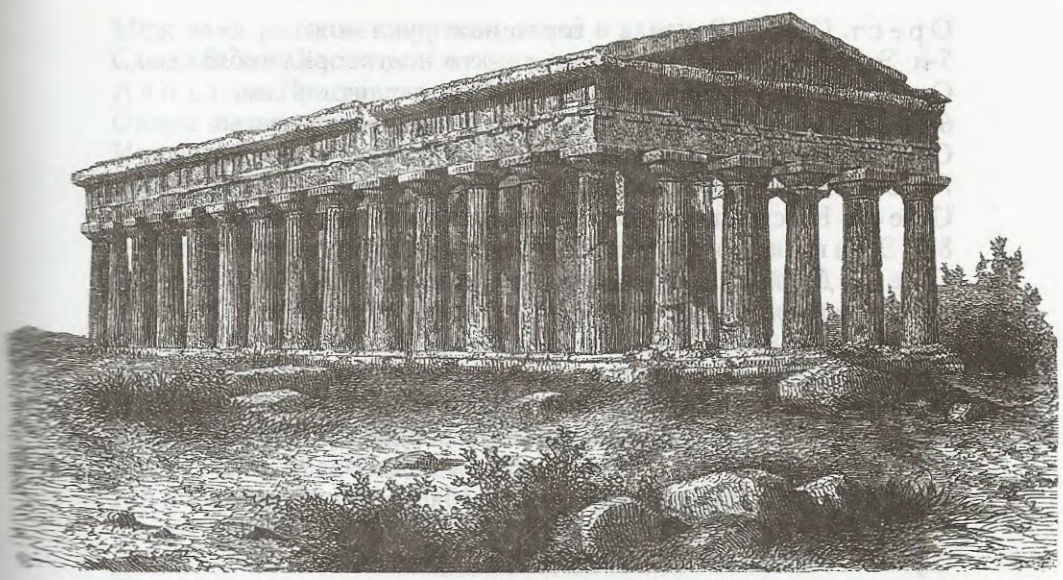
[*Ранение Артемиды*]

Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посидону победу

Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву!»
Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:
«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!»
Так лишь сказала, и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И наконец убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной, —
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».
Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врознь по песчаным зыбям разлетевшиеся легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в медноздданный чертог Громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»
Зевсу прекрасновенчанная ловли царица вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

[*Возвращение богов после битвы на Олимп*]

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного.



Храм Посейдона в Пестуме

БОГИ И СУДЕБНАЯ ЖИЗНЬ

6. ***Aesch. Eum. 568—777 (569—780 Piotr.) (Суд Афины над Орестом, которого обвиняют Эринии и защищает Аполлон)***

Афина. Начни, глашатай, и утихомирь народ!
Надуй округло щеки! Протруби! И пусть
Труба до неба прогремит тирренская
И проблестит, ликуя, над толпой людской.
Вели молчать! Пускай услышит город весь
Устав мой. Вам даю его на век и век.
И те пусть слышат: будет правосуден суд.

(Глашатай трубит. Входит Аполлон и становится около Ореста.)

Старшая в хоре. Царь Аполлон! Над тем господствуй, что твое;
А в этот спор вмешался ты зачем, пророк?
Аполлон. Свидетелем пришел я. По обычаю.
Вот этот — подопечный мой и дома гость.
Его от крови пролитой очистил я
И сам пришел тягаться. Соучастник я
В убийстве той, что матерью звалась его.
Афина (к Эриниям). Вам говорить! Высокий открываю суд.
Истец имеет первый слово. Пусть же нам
Расскажет все открыто и отчетливо.
Старшая в хоре. Нас много здесь. Но будет речь короткою.
На слово словом отвечай мне в свой черед.
2-я Эриния. Сперва одно скажи нам: ты зарезал мать?
Орест. Зарезал, да. Признаньем не хочу вилять.
3-я Эриния. Один удар уж нанесен. В пыль упадешь!
Орест. Еще держусь я на ногах. Не хвастайся!
4-я Эриния. Теперь другой ответ мне дай: убил ты как?

Орест. Скажу. Вонзила в горло нож рука моя.
5-я Эриния. Кто подстрекнул и кто подговорил тебя?
Орест. Бог Локсий напророчил. Подтвердит он сам.
6-я Эриния. Провидец бог велел тебе зарезать мать?
Орест. И до сих пор я долю не хулю свою.
7-я Эриния. Иное скажешь. Круто схватит приговор.
Орест. Не страшно. Помощь из гробов пошлет отец.
8-я Эриния. На мертвецов надейся, сын, казнивший мать!
Орест. Двойною скверной запятнала мать себя.
9-я Эриния. Какою скверной? Судей научи своих.
Орест. Убила мужа своего, а мне — отца.
10-я Эриния. Но ты — живешь. А эту обелила смерть.
Орест. Пока жила, ее не обвиняли вы.
11-я Эриния. Она убила мужа. Не родная кровь.
Орест. А я с такою матерью кровей одних?
12-я Эриния. Под сердцем мать тебя носила, бешеный!
От милой крови матери отрекся сын!
Орест. Ты будь моим свидетелем! Ты докажи,
Бог Аполлон, что правосудна месть моя.
Не отпираюсь. Дела не пытаюсь скрыть.
Но кровь по правде пролил иль неправедно —
Решай. Перед судом я на тебя сошлюсь.
Аполлон. Вам говорю, Афины величавый суд!
Казнь справедлива. Я — пророк, не стану лгать.
Не предвещал я ничего ни городу,
Ни смертному, мужчине или женщине,
Чего бы Зевс мне не велел, богов отец.
Поймите правду слов моих и силу их.
Отца велю вам волю чтить высокую.
Сильна присяги святость, но сильнее Зевс!
Старшая в хоре. Так говоришь? Наставил вышний Зевс тебя
Оресту напророчить, чтоб за кровь отца
Он отомстил? чтоб мать убил кощунственно?
Аполлон. Ужасна смерть, когда боец прославленный,
От бога скиптром наделенный княжеским,
От женских рук бесславно гибнет, не в бою
И не стрелою Амазонок раненный.
Паллада, обо всем услышь! Вы слушайте,
Вы этот спор решить уполномочены!
Муж из похода возвратился радостен,
Победой горд. Жена радушно встретила.
И мужа в баню повела. И пологом
Завесила. Обвила сетью хитрою,
Как саваном. Опеленала. Насмерть бьет.
Вот я про гибель рассказал вам воина,
Победоносца, корабленачальника.
Сказал, чтоб сердце распалить в вас бешенством.
Вы судьи, вам поручен приговор и суд.
Старшая в хоре. О Зевсе вспомни, о своем родителе!
Ведь сам отца сковал он, Крона дряхлого, —

Меж вами разве нет противоречия?
Слыхали все! Вас всех зову в свидетели.
А п о л л о н. Чудовища проклятые! Богов чума!
Оковы можно развязать. Спасенье есть,
И помощь, и целительные снадобья.
Но если человека кровь всосала пыль,
Он мертв навек. Не будет воскресения!
Бессилен тут отец мой. А другое все
И вверх и вниз Зевс может повернуть легко.
И не всколышет бога грудь напрасный гнев!
С т а р ш а я в х о р е. Так говоришь? И думаешь: оправдан сын,
Проливший наземь кровь родную матери?
И станет жить в дому отцовском, в Аргосе?
К чьим алтарям он подойдет с молитвою?
Какую чашу братчина пригубит с ним?
А п о л л о н. Отвечу вам! И прав ответ. Послушайте!
Та, что зовется матерью, не создает
Дитя, — лишь плод она растит посеянный.
Творит зачинщик. А она залог хранит,
Как гостю гость, когда не повредит ей бог.
И вот вам доказательство надежное:
Отец родит без матери. Глядите, вот
Стоит Паллада, Зевса-олимпийца дочь.
Утробы мрак ее не укрывал. И все ж
Славней богиня не рожала дочери.
А я клянусь, Паллада, сколько хватит сил,
Прославлю войско, город возвеличу твой.
Послал под кров твой юношу из Аргоса,
Чтобы тебе навеки стал он преданным.
Богиня, твой союзник он и род его.
И навсегда пребудет нерушимо так,
И будет внукам свят союз и правнукам.
А ф и н а. Велю я судьям черепок по совести
И разуменью положить. Довольно слов!
С т а р ш а я в х о р е. Мы из колчана выпустили стрелы все.
И станем ждать, чем разрешатся прения.
А ф и н а. А вы? Что сделать, чтоб не попрекнули вы?
А п о л л о н. Вы слышали, что слышали; кладите же
Ваш жребий, чужеземцы! Клятву помните!
А ф и н а. Услышьте же завет мой, люди Аттики!
Вы о пролитой крови судьи первые.
Среди сынов Эгея пусть навек стоит
Высок и неподкупен этот строгий суд.
На холме этом Амазонки некогда
Походным станом стали. В бой пошли они
Против Фесея. Нашей новой крепости
Наперекор воздвигли город башенный.
Его Арею посвятили. Прозван холм
Ареопагом. С ним благоговение
И страх да будет — брат благоговения.

Пускай блюдут здесь правду днем и в час ночной!
Пускай устав мой примесью негодною
Не подновляют граждане. Легко родник
Прозрачный илом замутить, да пить нельзя!
Бежать безвластья и самодержавия
Советую народу. Но спасительный
Пускай не изгоняют страх из города.
Не зная страха, смертный честным будет ли?
Храните ж стыд святой и благочестие.
Страны оплотом, города спасителем
Пребудет этот суд для вас. Такого нет
Ни среди скифов, ни в краю Пелоповом.
Свят, неподкупен и неумолим мой суд.
Пусть город спит, — он бодрствует. Таким его
Моей державы стражем учреждаю я.
Даю народу своему завет такой
На век и век. Теперь же, судьи, встаньте с мест
И жребии возьмите и решите спор,
Присягу соблюдая. Слово сказано!

(Судьи один за другим подходят со жребием в руках к чашам.)

Старшая в хоре. А мой совет — не оскорблять кощунственно
Наш черный табор, города ночных гостей.
Аполлон. А я велю вам чтить мой трон пророческий!
Зевс говорит через меня. Страшитесь же!
Старшая в хоре. О крови тяжбу поднял ты, непрошенный.
Теперь не будешь, прорицатель, свят и чист.
Аполлон. Что ж, и отец мой согрешил, по-твоему,
Первоубийцу обелив Иксиона?
Старшая в хоре. Не ты ль в дому Феретовом бесчинствовал?
У Мойр для мертвых вырвал ты вторую жизнь.
Аполлон. Тому, кто чтит нас, помогать не праведно ль?
Вдвойне — тому, кто в помощи нуждается.
Старшая в хоре. Установленья древних ты нарушил строй,
Хмельным вином старинных опоил богинь.
Аполлон. Уметишь мимо цели в состязании.
Плеваться ядом станешь. Но не страшно нам.
Старшая в хоре. Болтаешь! Если суд нам победить не даст,
Постоем горьким эту отягчим страну.
Аполлон. Нет ни средь младших, ни среди стариннейших
Богов тебе почета. Победитель — я.
Старшая в хоре. Ты молод, бог, а хочешь обмануть старух.
Но подожду. Услышу приговор суда,
Тогда решу, обрушить ли на город гнев.

(Судьи кончили голосование и садятся на свои места.)

Афина. Пристало мне голосованье заключить.
Свой за Ореста положу я камешек.
Не матерь родила меня. Мужская стать
Ценнее и роднее. Только брак претит.
По правде всей — я своего отца дитя.

Дворец Гадеса. Роспись на вазе

Жалеть не стану женщину, которая
Убила мужа. В доме повелитель — муж.
Хотя бы жребий поровну — Орест спасен.

(Бросает свой жребий.)

Скорей же, судьи! Вынимайте жребии
Из чаши смерти и из чаши милости.

(Судьи приступают к чашам.)

Орест. Феб-Аполлон! Каким-то приговор падет?
Старшая в хоре. О матерь Ночь! О черная! Ты видишь все!
Орест. Палач, петля, погибель — или жизни свет!
Старшая в хоре. А нам — скитаться в сраме или в славе жить!
Аполлон. Друзья! На пальцах перечтите жребии
Заботливо! Раскиньте их старательно!
Один изменит жребий — будет кровь и боль,
Старинный дом один спасает камешек.

(Судьи сосчитали жребии.)

Афина. Орест! Оправдан ты в кровопролитии.
В обеих чашах пали вровень жребии.

О р е с т (подымается с места). Паллада! Дом мой спасшая! Владычица!
Ты возвращаешь в царский дом изгнанника.
И говорить отныне будут эллины:
«Аргосец снова достояньем прадедов
Владеет. Избавление дала ему
Паллада, с нею Локсий. С ними третий — Зевс,
Свершитель и спаситель. Он отца почтил
И сына спас. Истцов отверг он матери».
А я народу твоему, стране твоей
Святой обет даю на веки вечные.
Итак, клянусь, в родимый возвращаясь дом:
Пусть никогда вожак и князь земли моей
С копьем враждебным в эту не войдет страну,
Не то я сам, лежащий во гробу, воздам
Моей священной клятвы расточителям
Напастью неминуемой, чудовищной.
Поход печальный, пусть зловещий, знаменья
Пошлю неотвратимые. Раскаятся!
А станут чтить Паллады город, свято чтить
Обет мой и воинственный союз хранить, —
К аргосцам буду милосерд и благостен.
Прощай, богиня! Город дорогой, прощай!
Несокрушимо стой наперекор врагам.
Будь край твой славен и победоносен меч!

(Орест уходит. Аполлон покидает орхестру.)

ПОЗДНЕЙШАЯ ПАРОДИЯ

7. *Luc. Deor. conc. (Собрание богов)*

(1) З е в с. Довольно вам, боги, ворчать и шептаться по углам! Вы сердитесь на то, что многие участвуют в нашем пире недостойно? Но из-за них ведь и созвано собрание; пусть каждый же открыто выскажет, что он думает, и начнет обвинение. Ты же, Гермес, возгласи законный возглас.

Г е р м е с. Слушай! Молчи! Кто из богов истинных, имеющих право голоса, хочет держать речь? Рассмотрению подлежит вопрос о метеках и чужеземцах.

М о м. Я, Мом, хотел бы говорить, если ты мне позволишь, Зевс.

З е в с. Провозглашение сделано, так что ты не нуждаешься в моем разрешении.

(2) М о м. В таком случае я скажу, что дурно поступают те из нас, которые, став богами из людей, не удовольствовались этим, но считают, что они не совершили ничего великого, ничего славного, если не сделали равными нам своих слуг и спутников. Прошу тебя, Зевс, позволь мне говорить откровенно, иначе я не могу; ведь все знают, что я вольноречив, что я не умею молчать, видя неладное. Я все обличаю и громко говорю то, что думаю, никого не боясь, не скрывая и не стыдясь своего мнения. Поэтому многим кажусь я несносным и природным доносчиком, и они называют

меня общественным обвинителем. Но теперь, когда слова глашатая и твои, Зевс, разрешают мне говорить свободно, я поведу речь без страха.

(3) Итак, говорю я, многие не удовольствовались тем, что сами участвуют в наших собраниях и угощаются вместе с нами, — и все это — будучи полусмертными! Они привели на небо своих слуг и сотрапезников и записали их в наши ряды, так что теперь все они участвуют в раздачах угощений и в жертвоприношениях и не платят нам налога, назначенного метекам.

Плутон

Зевс. Не загадывай, Мом, загадок, а говори ясно и точно и назови имена. Сейчас ты свою речь вывел на середину, так что она подходит ко многим и разные твои слова можно приноровить к различным лицам. Кто называет себя вольноречивым, тот не должен бояться.

(4) Мом. Вот это хорошо, что ты даже побуждаешь меня к откровенности, Зевс; воистину, поступаешь ты так благородно и по-царски, что я назову также и имена.

Прежде всего назову я Диониса, этого получеловека, который с материнской стороны даже не эллин, а внук какого-то Кадма, купца из Сирофиникии. Я не буду говорить о том, каков он, раз он был удостоен бессмертия; не скажу ничего ни о его митре, ни о пьянстве, ни о походке, ибо все вы, думается мне, видите, что он изнежен и женственен, что он почти безумен, что от него с утра несет неразбавленным вином. Но ведь он привел сюда всю свою фратрию и свиту, сделав богами Пана, Силена и Сатиров, каких-то деревенских парней, пасущих коз, противных с виду плясунов. У Пана — рога, нижняя половина тела козлиная, да и вообще он со своей густой бородой немногим отличается от козла; Силен же — плешивый старик, курносый, все время разъезжающий на осле; к тому же родом он лидиец; а Сатиры — фригийцы, с острыми ушами, тоже лысые, с рогами, вроде тех, какие бывают у новорожденных козлят, и все с хвостами. Видите, каких богов привел нам этот благородный Дионис!

(5) Надо ли удивляться, что люди нас презирают, видя таких смешных и чудовищных богов? Я уже не говорю о том, что он привел к нам и двух женщин: дочь Икария, землепашца, и свою любовницу Ариадну, присоединив даже венок ее к числу созвездий. Но вот что всего смешнее, боги: собаку Эригоны — и ту привел он, чтобы девочка не соскучилась на небе без своей любимой собачки, к которой она привыкла. Это ли не наглость, не сумасшествие, не посмешище? Но послушайте и про других.

(6) Зевс. Но, смотри, Мом, ничего не говори об Асклепии и Геракле; я уж вижу, куда клонятся твои слова. Но Асклепий лечит, исцеляет от болезней, — «многих один достоин», а Геракл — мой сын и немалыми трудами добыл себе бессмертие; поэтому их ты уж не обличай.

Мом. Ради тебя смолчу, Зевс, хотя и многое имею сказать. Однако замечу, что они еще и сейчас носят на теле следы ожогов. Но если и против тебя можно говорить откровенно, то немало мог бы я сказать и по этому поводу.

Зевс. Конечно, можно и против меня. Не хочешь ли ты уж и меня обвинить в том, что я тоже пришелец?

Мом. Ну, на Крите можно не только это услышать; там и многое другое говорят и могилу твою показывают. Но я не буду доверять ни этим свидетельствам, ни жителям Эгия в Ахайе, которые утверждают, что ты подкидыш.

(7) Я скажу лишь то, что мне кажется наиболее вопиющим, ибо главная причина того, что собрание наше наполнилось незаконнорожденными, — ты, Зевс, ты, вступивший в связь со смертными, и сходивший к ним, и принимавший для этого самые различные образы; нам приходилось даже бояться, как бы кто тебя не схватил и не зарезал, пока ты был быком, или как бы не обработал тебя какой-нибудь золотых дел мастер, пока ты был золотом, — осталось бы у нас тогда вместо Зевса ожерелье, запястье или серьги. И вот ты заполнил нам все небо этими полубогами, — иначе я их и назвать не могу. И крайне забавным показалось бы это обстоятельство тому, кто вдруг услышал бы, что Геракл назначен богом, а Еврисфей, им повелевавший, умер и что близко друг от друга находятся храм раба Геракла и могила его владыки Еврисфея. Так же и в Фивах: Дионис сделался богом, а родственники его Пенфей, Актеон и Леарх стали несчастнейшими из людей.

(8) И с того дня, как ты, обратив свой взор на смертных женщин, открыл им двери, все стали подражать тебе, и не только боги, но и богини, что всего постыднее. Ибо кто же не знает Анхиза, Тифона, Эндимиона, Язиона и других? Но довольно о них, а то обвинение выйдет слишком длинным.

Зевс. Но ни слова не говори о Ганимеде, Мом. Я рассержусь, если ты огорчишь этого мальчика, порицая его происхождение.

Мом. Поэтому нельзя говорить и об орле, который также находится на небе, сидит на царском скипетре и только что не вьет гнезда на твоей голове, считая себя богом?

(9) Или и его пощадим ради Ганимеда? Но Аттис, о Зевс, но Корибант и Сабазий, — откуда они приведены к нам вместе с этим мидийцем Митрой, в персидской одежде и с тиарой, даже не говорящим по-гречески, не понимающим, когда пьют за его здоровье? Недаром скифы и геты, увидев такие дела, распрощались с нами и, кого хотят, делают бессмертными и выбирают в боги; втесался же в наши ряды и раб Замолксид, не знаю уж как сюда пробравшись.

(10) Но это еще что, боги! Ты же, египтянин с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — ты кто таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом? И почему пятнистому быку из Мемфиса воздаются почести, почему вещает он, окруженный пророками? Уж о козлах, ибисах, обезьянах и многом другом, еще более нелепом, что неизвестно как проползло к нам из Египта и заполнило все небо, мне и говорить стыдно. О боги, как вы все терпите, что им поклоняются в равной мере или даже больше, чем вам? Как терпишь ты, Зевс, бараньи рога, которые выросли у тебя?

(11) Зевс. Действительно, ты рассказываешь постыдные вещи о египтянах; но все же многое здесь — тайны, над которыми не следует смеяться непосвященному.

Мом. Конечно, без тайных учений нам не понять, что боги суть боги, а павианы — павианы!

Зевс. Довольно о египтянах, говорю я тебе; в другой раз обсудим это на досуге. Ты же рассказывай об остальных.

(12) Мом. Прежде всего скажу о Трофонии, Зевс, и об Амфилохе, который меня особенно угнетает, — этот сын отверженного и матереубийцы, этот милейший человек, который пророчит в Киликии, обманывая и пророча ради двух оболов. И уж не в чести ты больше, Аполлон, когда всякий камень и всякий алтарь дает прорицания, если он полит маслом, украшен венками и обзавелся каким-нибудь способным к обману человеком, — ведь их теперь много на земле! Уже статуи атлета Полидаманта в Олимпии и Теагена на Фазосе стали лечить больных лихорадкою, а Гектору в Илионе и Протесилаю в Херсонесе, напротив, совершаются возлияния. Чем больше нас стало, тем сильнее увеличиваются клятвопреступления и святотатства, и справедливо поступают люди, презирая нас.

Геката

(13) Все это — о незаконнорожденных и неправильно вписанных в наши списки. Но когда я слышу незнакомые имена таких, которых у нас нет, которые даже не могут принять определенного образа, — я смеюсь над ними, Зевс. Ибо где же находятся пресловутая Добродетель, Природа, Рок или Судьба, все эти ни на чем не основанные и пустые названия вещей, выдуманных тупоумными философами? Но эти на скорую руку состряпанные слова настолько убедили неразумных, что никто не хочет совершать нам возлияний, полагая, по-видимому, что и десять тысяч гекатомб не изменят того, что установили и напряли каждому Парки и что выполнит Судьба. Я бы охотно спросил тебя, Зевс, видел ли ты где-нибудь Добродетель, Природу или Рок. Я ведь знаю, что ты, если не глух, должен был постоянно слышать о них во время философских бесед, которые так крикливы. Но я смолкаю, хотя и мог бы еще много сказать; ибо вижу, что многие на меня сердятся и готовы меня освистать, те особенно, которых задела откровенность моих речей.

(14) А для конца, если хочешь, Зевс, я прочту постановление, уже составленное.

Зевс. Прочти. Твое обвинение было не совсем бессмысленно; против многих непорядков следует принимать меры, чтоб они не стали еще больше.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В час добрый! В законном собрании, созванном в седьмой день этого месяца, Зевс был пританом, проэдром — Посидон, Аполлон — эпистатом,

Мом, сын Ночи, — письмоводителем, а Сон выступил со следующим заявлением:

«Ввиду того что многие чужеземцы, не только эллины, но и варвары, отнюдь не достойные делить с нами права гражданства, неизвестно, каким образом попали в наши списки, приняли вид богов и так заполнили небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной, что начало не хватать амвросии и нектара и кубок стал стоить целую мину из-за множества пьющих; ввиду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест, вопреки отцовским обычаям, и желая большего почитания на земле, — постановил совет и народ собрать собрание на Олимпе около времени зимнего солнцеворота и выбрать семь судей из богов истинных: трех — из древнего совета Кроноса, четырех же — из числа Двенадцати, и среди них Зевса. Судьи эти должны заседать по закону, поклявшись присягой Стикса. Гермес же пусть созовет всех, кто только хочет участвовать в собрании. Пришедшие пусть приведут готовых присягнуть свидетелей и принесут доказательства своего происхождения. После этого пусть они выходят поодиночке, а судьи, произведя расследование, либо объявят их богами, либо отошлют обратно в их могилы и семейные гробницы. Если же будет замечено, что кто-нибудь из отвергнутых и однажды исключенных судьями снова попытается проникнуть на небо, пусть сбросят его в Тартар.

И каждый пусть делает только свое дело: Афина не должна исцелять, Асклепий — пророчествовать. Аполлон пусть не исполняет сразу столько разных дел, но, выбрав что-нибудь одно, да будет пророком, или музыкантом, или врачом.

Философам пусть запретят выдумывать праздные имена и болтать о том, чего они не знают.

У тех же, кто раньше был несправедливо удостоен храмов и жертвоприношений, изображения отнять и поставить статуи Зевса, Геры, Аполлона или кого-нибудь другого; им же город пусть насыплет могильный холм и поставит столб вместо алтаря. Если же кто не послушается приказания и не захочет предстать судьям, то его осудят заочно».

Таково наше постановление.

З е в с. Справедливейшее постановление, Мом, и кто с ним согласен, пусть поднимет руку; или нет, пусть просто оно будет выполнено. Я знаю, что большинство стало бы голосовать против. Теперь же уходите. Когда возвестит Гермес, то придите все с очевидными приметами и убедительными доказательствами вашего происхождения, с именами отца и матери, с объяснениями, откуда вы, и каким способом стали богами, и какой филы и фратрии. А если кто не предъявит всего этого, то судьи даже и не посмотрят на то, что у него на земле много храмов и что люди считают его богом.

II. ЗЕВС И ГЕРА

A. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

1. ЗЕВС

Зевс, верховное божество античной религии и мифологии, настолько тесно связан со всей мифологией, что приведение всех относящихся сюда мифов было бы равносильно приведению значительной части всей мифологии. Поэтому здесь можно только наметить те наиболее характерные ситуации, в которых появляется Зевс, отсылая читателя к соответствующим отделам нашего собрания. Этому предпошлем несколько общих замечаний относительно самого образа Зевса.

Зевс является, главным образом, божеством *неба* и *света*, откуда такие его постоянные эпитеты, как «небесный», «эфирный», «живущий в эфире», «высший», «высочайший». Местопребыванием Зевса являются также и *высокие горы*, где много воздуха и света. Таковы в Аттике — Парнет, Гиметт, в Беотии — Геликон, Лафистион, в Македонии — Олимп, в Халкидике — Афон, во Фракии — Пангей, на Крите — Ида и Дикта, в Малой Азии — Ида и мн. др. С основным характером образа Зевса связаны и его *метеорологические* функции. Отсюда такой эпитет Зевса, как «тучесобиратель». Он мечет свои перуны и ужасно гремит громом, потрясая весь мир своей эгидой, откуда и его эпитет «эгидодержец». Эгида — это несокрушимый щит, который, правда, кроме Зевса носит еще и Афина и даже иногда Аполлон (любопытные описания этой эгиды см. в § 8 c—f, ср. также об эгиде § 4 a). Кроме эгиды его атрибуты — орел, скипетр, чаша, молот для грома и Ника-Победа в руке.

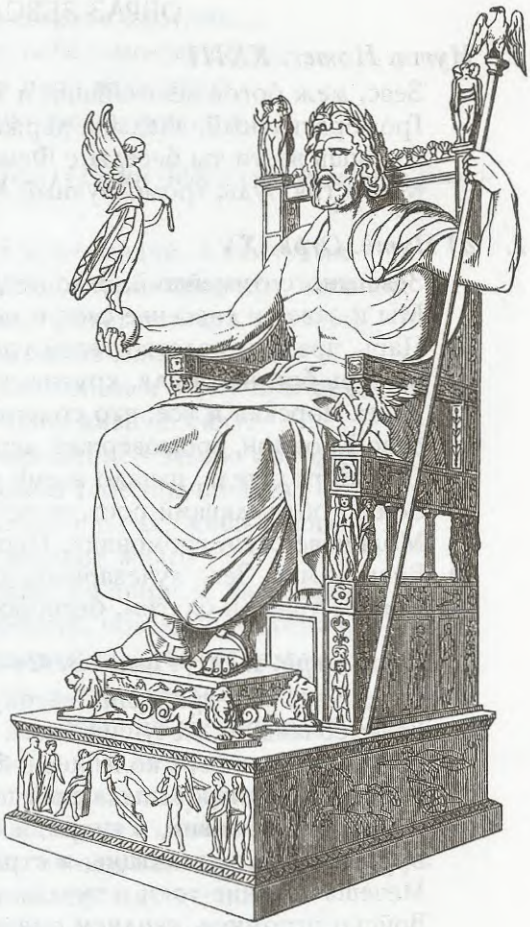
«Небесные» функции Зевса не всегда были бесспорны. О самом *разделении божественных функций* — см. § 5 a. Однако были «возражения» и со стороны Посейдона (§ 5 a, IL. XV 187—228) и со стороны прочих богов (§ 5 c). Последнее было очень важным событием для Зевса, который спасся только благодаря Фетиде. С Аидом также мы встречаем у Зевса некоторое переплетение, в результате чего находим для Зевса даже эпитет «подземный» (IL. IX 457). У Эсхила также читаем (Suppl. 231 Dind.): «Другой Зевс произносит у мертвых высший приговор». Это, конечно, не мешает тому, чтобы Зевс был по преимуществу и очень четко богом неба и космического порядка в целом.

Основное назначение — управлять небом и миром — разделялось на множество функций. Так, Зевс — «милостивый», «очищающий»; надписи в Эпидавре называют его даже Асклепием. Многочисленны эпитеты, указывающие на то, что Зевс является *убежищем* для нуждающихся и молящихся, *началом, отвращающим от зла*. Говорили о «Зевсе-спасителе». «Зевс — спаситель и победа» (как известно хотя бы из Xen. Anab. I 8, 16) было официальным девизом на войне. Он бог гостеприимства, семейного порядка, справедливости, «отец богов и людей», «царь», патриархальный глава общины богов и человеческих обществ, хранитель и свидетель клятв, покровитель добрых обычаев и верности, дружбы и т. д. и т. д. Таким образом, Зевс — космическое начало распорядка решительно во всем, не исключая и всех человеческих дел, откуда становится понятной такая его концепция, которую мы находим, напр., у стоического философа Клеанта (§ 3). Зевс, вообще говоря, является мужским, оформляющим и осмысляющим началом всего реального космоса, подобно тому как Гера является столь же универсальным началом, но — женским, оформляемым.

Рассматривая Зевса как величайшую космическую силу, нужно, однако, помнить, что здесь мы находимся все же в пределах *античной мифологии*. Не нужно преувеличивать этого монотеизма. Зевс — большой забияка, ругатель, обманщик и злодей. Его постоянно изобличают и Гера и Афина. Хотя он и бог пророчества (он — «всевещий», IL. VIII 250) и «все ведает в мире» (Od. XX 75), ему «все возможно» (Od. IV 237), но, с другой стороны, и вообще боги тоже «все ведать должны» (Od. IV 379), и им тоже «все возможно» (Od. X 306). Он поддается разного рода чарам, даже действию безумящего ослепления Аты, или Обиды (см. любопытный текст в § 5 f). Зевс, стало быть, типично античный синтез идеального и стихийного, хотя и данный в универсально-монадическом аспекте.

Сын Кроноса и Реи, брат Посейдона, Аида, Гестии, Деметры и Геры, Зевс подвергается опасности быть поглощенным своим отцом и спасается благодаря матери. В ущельях Иды и Дикты на Крите его выращивает нимфа Адрастея, вскармливает коза Амальфия и охраняют Куреты или Корибанты, демонические существа, исступленными плясками и музыкой славившие его как бога оживающей природы. В зрелом возрасте он побеждает Кроноса, Киклопов, Сторуких и Титанов. Гера была не единственной супругой Зевса. Гесиод упоминает до нее еще и других (§ 7 a). От Фемиды он имел Ор и Мойр (Парок), от Деметры — Персефону, от Евриномы — Харит (Граций), от Мнемосины — Муз, от Латоны — Аполлона и Артемиду (ср. § 7 c). Потомство Зевса и Геры — Арес, Гефест, Геба, Илифия. Были и «внеполовые» порождения: такова Афина (из головы Зевса, хотя об участии Метиды см. § 7 a). В дальнейшем весьма существенно было то, что Зевс искал своего субстанциального самоутверждения в человеке, откуда — длинная и очень глубокая по идеям античная мифология богочеловечества: от Майи он рождает Гермеса, от Семелы — Диониса; Эгина, дочь реки Асопа, родила Зевсу Эака; Алкмена, жена Амфитриона, порождает знаменитого Геракла; Антиопа, дочь фиванца Никтея, — Амфиона и Зета; Даная, дочь аргосского царя Акрисия, — Персея; Европа, которой Зевс овладел в виде быка, — Ио; от Зевса и Каллисто — Аркад; от Зевса, принявшего вид лебедя, и Леды — Полидевк и Елена, и т. д. и т. д. (перечисление некоторых сыновей Зевса — у Гигина, § 7 d).

Ставши всеэллинским верховным божеством, Зевс получил и большое количество оракулов по всей Греции. Так, самым известным был *Додонский оракул* Зевса в Эпире, где был знаменитый дуб, излюбленное местопребывание Зевса, под которым протекал ручей, дававший селлам (жрецам) вдохновение, и на ветвях которого гнездились пророчественные голуби (§ 6 a, b). Предсказывали по шелесту листьев, по журчанию воды, по полету голубей. Славились и жрицы-старухи, додонские сивиллы. Старинной супругой Зевса в Додоне считалась не Гера, но Диона, дочь Океана и Тефии (Hes. Theog. 353) или Урана и Геи, т. е. Титан, мать Афродиты от Зевса (IL. V 370), несущая, стало быть, на себе печать происхождения из водной стихии (она, между прочим, — в окружении водных нимф, Гиад). Впоследствии она уступила место Гере. Геродот (§ 6 b) выводит додонского Зевса и Зевса-Аммона в Ливии из Египта.



Зевс Олимпийский

Связь с водной стихией очень ясно сказывается и на аркадском Зевсе, о чем имеем очень важное свидетельство Павсания (§ 6 c). Этот «Зевс Ликей», выросший на Олимпе в Аркадии, оказывает всяческую помощь аркадцам в смысле орошения земли. Миф и культ аркадского Зевса уходит в кровавую мглу человеческих жертвоприношений. Аттический Зевс также был очень известен и своим благоволением к жителям Аттики, и своим гневом. Но особенно был известен критский Зевс, о котором уже было упомянуто выше (на основании Hes. Theog. 453—491, — см. «Теогония и космогония», «История», § 11) и легенда о котором более или менее в связном виде приводится нами в «Теогонии и космогонии» («Система», § 39—42).

Римский *Юпитер* мало чем отличается от греческого Зевса. Он тоже «величайший», «наилучший», «молнийник», «громовник», «дождевик» и пр. Важно отметить, что Юпитер — особый *покровитель римского государства* и что по его воле и при его покровительстве римляне правят всем миром. Отсюда он — «император», «победитель», «стратор» (останавливающий бегство). Древнеиталийский Юпитер не имеет родителей, жены и детей, но позднее, под влиянием Греции, место Кроноса и Реи заняли Сатурн и Опс, место Геры — Юнона, а Афины — Минерва.

ОБРАЗ ЗЕВСА В ГИМНАХ

1. Hymn. Homer. XXIII

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.
Милостив будь, громозвучный Кронид, — многославный, великий!

2. a) Hymn. Orph. XV

Зевс многочтимейший, Зевс нетленный, в тебе полагаем
Мы и завет и спасенье свое и молитву приносим.
Царь, чрез посредство твоей головы появилось теченье,
Матерь богиня Земля, крутовыйные горы и холмы,
Влага морская и всё, что содержат объятия неба.
Зевс Кронион, громовержец державный и духом великий,
Общий родитель, начало всему и всему увенчанье,
Землю объемлющий рост, очистительный, все сотрясаяй,
Молниевержец, громовник, Перун, насаждатель земли ты.
Внемли мне, Зевс лучезарный, здоровье хорошее даруй,
Миром ущедри благим, беспорочною славой богатства!

b) Hymn. Orph. XIX (Гимн «Зевсу-громовнику»)

Отче Зевс, мир гремящий вверху в огнеблеске ты движешь,
Всевысочайший, мечущий блеск воздушных перунов,
Громом священным колеблешь блаженных богов ты обитель,
Бурно возносишь вспылавший перун над потоками облак,
И ураганы, и ливни, и вихри, и сильные громы,
Бурные, всё сожигающие, и страшны, могучи,
Мечешь горячие токи и тучами кроешь пернатых
Войско огромное, сердцем смятенных, нахохливших перья:
В громе внезапном перун священный и непобедимый
В вихрях безмерного свиста проносится, всё пожирая,
Несокрушимый, сердитый и страшный своим ураганом,
Быстрый небесный перун, сожигающий вышним ударом.
Дрогнула почва, дрожит и блестящее искрами море;
Звери к земле припадают, и грохотом полнятся уши;
Очи лучами слепит, гудит по долинам эфирный
Гром, — разорвался хитон покрывала небесного сразу,
После чего свой блещущий гром ты слегка ослабляешь.
О благодатный, свой гнев обрати на морские пучины
(Все мы изведали силу твою) да на горны вершины!
Даруй сердцам нашим радость от жертвы и что суждено нам, —
Духом обильную жизнь и крепкое вместе здоровье,
Мир ниспошли нам — богиню-кормилицу достопочтенну —
И житие, что цветет размышленьем всегда благосклонным.

c) Hymn. Orph. XX (Гимн «Зевсу молнийному»)

Я призываю велика, и чиста, и гневна, и ясна
Бога, что воздух, и пламя, и шум, и сиянье из мрака,

Звуком стукобегущим, из тучи сверкая перуном,
Страшна, широкого гневом и непобедимо-священна
Зевса, молнийного бога, отца и царя величайша,
Благоволящего дать нам мирную жизни кончину.

3. ***Cleanth. Ad Jov. (Stob. Ecl. I 1, 12, Зел.) (Гимн Зевсу стоического философа Клеанта)***

Радуйся, многоименный, всегда всемогущий, всесильный
Зевс, победитель бессмертных, властитель природы, законом
Путь указующий миру! Тебя нам приветствовать должно:
Жизнью обязан тебе одному на земле многородной
Всякий, кто в смертного доле движенью и звуку причастен.
Буду всегда потому воспевать твою дивную силу.
Весь этот пламенный мир, что вращением землю обходит,
Воле послушен твоей, добровольно тебе подчиняясь.
Власти орудьем своей во всесильной ты держишь деснице
Неугасимый перун, обуострое жаркое жало;
Мощным ударом своим всю жизнь во природе творящий,
Им направляешь ты разум всеобщий, повсюду разлитый,
Как в наименьших светилах проявленный, так и великих;
Он тебя, боже всевышний, царем и властителем ставит,
Так что без воли твоей ничего на земле не свершится,
Ни в неизведанной выси эфирной, ни в моря пучине —
Кроме того, что дурные творят в неразумии праздном.
В нечет возводишь ты чет в своей мудрости вечной, бескрасной
Вещи красу ты даешь и немилое милым нам ставишь.
Так воедино спаял ты с хорошим повсюду дурное,
Чтобы единому разуму все подчинить мирозданье.
Но не постигли его средь людей земнородных дурные.
Жалкие! Вечно гоняясь за призраком блага летучим,
Общего в боге закона не видят они и не слышат,
Следуя коему, жизнь они в счастье могли бы устроить.
Нет! В безрассудстве своем они к злу ослепленно стремятся,
Те ради славы пустой проявляя усердье чрез меру,
Те неудачливый путь направляя к наживе позорной,
Те к растлевающей неге и к тела греховной усладе;
Зло принимая за благо, без устали мечутся люди
И добывают плоды нежеланные лживой надежды.
Щедрый Зевес, туч черных и огненных молний владыка,
Смертных людей охраняй от тьмы роковой неразумья,
С душ их развей ты ее, наш отец, и коснуться даруй им
Разума, им же вовек ты по правде вселенною правишь,
Дабы, тобой почтены, мы тебе отплатили почетом,
Всюду деянья твои воспевая, как нам подобает,
Смертным; ведь большего нет ни богам наслажденья, ни людям,
Как в справедливости славить закона всеобщего силу.

МОГУЩЕСТВО И МУДРОСТЬ ЗЕВСА

4. a) Ps.-Erat. Catast. 13 (К воспитанию Зевса)

На этом созвездии [Возничего] изображены козы и козлята. Мусей [frg. 7 EGF] говорит, что, когда родился Зевс, Рея отдала его на руки Фемиде, а Фемида отдала младенца Амальфии. У последней была коза, и она положила к ней Зевса. Эта коза и вскормила Зевса. Коза эта была дочерью Гелиоса, настолько страшной, что боги времен Кроноса, ужасаясь вида этого детеныша, просили Гею скрыть его в какой-нибудь из пещер на Крите. И Гея укрыла его у себя и попечение о нем поручила Амальфии; а эта последняя молоком козы выкормила Зевса. Когда ребенок вырос и собирался воевать с Титанами, у него не было оружия. Тогда ему было предписано воспользоваться шкурой козы как оружием, вследствие ее неуязвимости и ее страшного вида, а также вследствие того, что в середине спины она имела лик Горгоны. Зевс исполнил это и с помощью искусства получил возможность иметь две разные наружности. Кости козы он покрыл другой шкурой. Он сделал ее живой и бессмертной [и вознес ее на небо как звезду; Зевс же получил название эгидодержавного].

Голова Зевса

b) Cic. De nat. deor. III 21, 53 (О разных Зевсах)

Эти, называемые богословами, во-первых, насчитывают трех Зевсов, из которых первый и второй, по их словам, родились в Аркадии: один от отца Эфира, — от этого Зевса будто бы родились Персефона и Дионис; а другой от Урана, — от этого, говорят, родилась Афина, которую они называют зачинателем и изобретателем войны; третьего они называют критским, сыном Кроноса, и гробницу его показывают на этом острове.

c) Clem. Alex. Protr. II 28, 1 (p. 20 St.)

Есть и такие, которые насчитывают трех Зевсов: одного — как сына Эфира, в Аркадии, прочих же двух — как сыновей Кроноса; из них один — на Крите, другой — опять в Аркадии.

5. a) IL. XV 1

85—199 (Разделение мира на три части и царство Зевса, — слова Посейдона)

Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,
Ежели равного честью, меня, укротить он грозится!
Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — Громовержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое все делено, и досталося каждому царство:
Жребии бросившим нам в обладание вечное пало:
Мне — волношумное море, Аиду — подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не хожу по уставам я Зевсовым, как он ни мощен,

С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не стращает!
Дщерей своих и сынов для Зевса приличнее будет
Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
Кои уставам его покоряться должны поневоле!

b) Empedocl. Diels B, frg. 6 = Sext. E. X 315 Зел. (Другое разделение)

Прежде всего про четыре узнай мироздания корня:
Зевс то блестящий, Аид, жизнетворная Гера, Нестида[1],
Чьими слезами родник бытия создается для смертных.

c) IL. I 396—406 (Непрочность царства Зевса в прошлом, — Ахилл просит свою мать Фетиду походатайствовать о нем перед Зевсом ввиду той помощи, которую она некогда оказала Зевсу во время заговора против него богов)

См. «Теогония и космогония», «Система», § 51 е.

d) IL. VIII 1—27 (Зевс о своем могуществе)

В ризе златистой заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.
«Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
Мне споспешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна,
Где и медяный помост и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь привяжу, — и вселенная вся на высоких повиснет:
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!»

e) IL. XXIV 525—533 (Произвол Зевса в отношении людей)

Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.

Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет, — поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.

f) IL. XIX 86—99 (Зевс — виновник преступлений, — слова Агамемнона)

Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен:
Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис:
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
Что ж бы я сделал? Богиня могучая все совершила,
Дщерь Громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
В день, как готова была счастливая матерь Алкмена
Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.

g) IL. VIII 66—74 (Зевс и Судьба: весы относительно участи ахеян и троян)

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
Но, лишь сияющий Гелиос стал на средине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и медноружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

h) IL. XXII 208—213 (То же, — жребий об участи Гектора и Ахилла)

Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.

i) Aesch. Agam. 159 слл. (169—193 Пиотр.) (Сила, мудрость и суровость Зевса)

Зевс! И кто б ты ни был, властный бог,
Если хочешь зваться «Зевс»,
Величаю «Зевс» — тебя.
Ровню не найду тебе,
Думой облетая мир,
Только тебя самого. И мучительных мыслей
Праздный прочь гоню соблазн.

Бог, что в дни былые слыл велик,
Силой непомерной горд, —
О забытом вспомнит кто? —
Бог, за ним возникший, сник,
Исполином побежден.
Но торжество славословить счастливого Зевса —
В этом мудрость, разум, смысл.

К смыслу смертных Зевс ведет.
Смертным высший дал закон
Зевс: страданием учись.
Во сне

Сердце зяблый страх щемит,
Черных дел дрожь томит. В смертном так
Против воли зреет смысл.
Милость тяжела богов, насильно
Мира правящих веслом.

j) Aesch. Agam. 355—384 (366—395 Пиотр.) (Зевс и Правда)

Повелительный Зевс и прохладная Ночь,
Подарившая счастье и славу!
На троянские башни накинули вы
Смертоносную тень. Не уйти никому,
Ни великим, ни малым, из петель силка,
От колодок раба,
Из капкана всеобщей недоли.
Слава Зевсу! Хранит он гостиный устав.
Александру-Парису сторицей отмстил.
Лук напряг он. И долго ждала тетива,
Чтоб до срока не вырвалась, чтоб в облаках
Не пропала стрела понапрасну.

Как Зевс бьет — кто не глух, услышит.
Ищи след! Кто не слеп — увидит.
Пожал враг, что посеял. Пусть не скажут:
«Высоко бог и глядит бесстрастно
На то, как в пыль люди мнут
Правды жемчуг». Слово — ложь!
Все видят: мстит Арес
Тому, кто слишком горд,
Кто чересчур высокомерен,
Кто через верх добром наполнил
Высокий дом. Нам — без злобы долю!
Нам — не пышный жребий,
Чистые нам желанья.
Не спасет изобилье
Богача, что, пресытясь
Счастьем, Правды святой престол
Топчет. Гордый погибнет.

ДВА ГЛАВНЫХ ЗЕВСА

6. *a) IL. XVI 233—235 (Додонский Зевс, — из молитвы Ахилла)*

Зевс Пелазгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!

b) Herod. II 54—57 (О Додонском Зевсе)

(54) Египтяне передают следующий рассказ об оракулах у эллинов и в Ливии. По словам жрецов фивского Зевса, две женщины-жрицы были увезены финикиянами из Фив, причем одна из них, как они слышали, была продана в Ливию, а другая — эллинам. Эти женщины и были первыми основательницами оракулов у названных народов. Когда я спросил, откуда они знают это, что говорят с такой уверенностью, жрецы отвечали, что с их стороны были произведены усиленные розыски этих женщин, но они не могли найти их, и только впоследствии узнали то именно, что рассказывают.

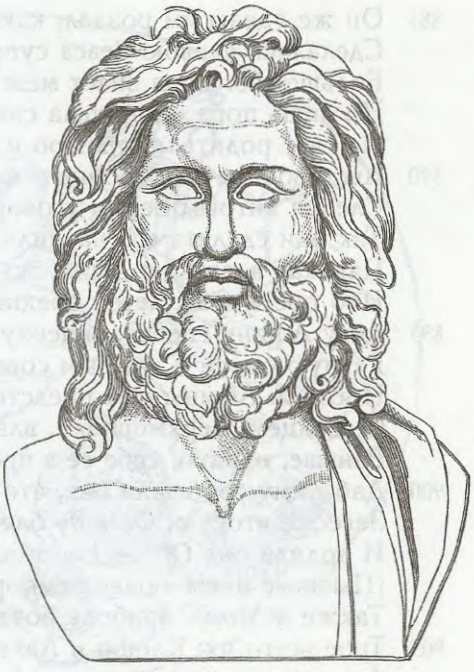
(55) Слышал я это от жрецов фивских. Напротив, додонские прорицательницы сообщают следующее. Две черные голубки, поднявшиеся в Фивах египетских, прилетели — одна в Ливию, другая в Додону. Эта последняя села на дубе и человеческим языком проговорила, что здесь должно быть учреждено прорицалище Зевса. Жители Додоны приняли эти слова за повеление божества и согласно с ним поступили. Другая голубка, говорят они, удалилась к ливиянам и приказала им основать прорицалище Аммона. И это прорицалище принадлежит Зевсу. Додонские жрицы, рассказывавшие мне это, назывались так: старшая — Променея, средняя — Тимарета, младшая — Никандра. Согласно с этим рассказывали и прочие додоняне, прислуживавшие в храме.

(56) Мое мнение об этом таково. Если верно, что финикияне увезли священных женщин и одну из них продали в Ливию, другую в Элладу, то мне кажется, что эта вторая женщина продана была в ту именно часть нынешней Эллады, именовавшейся раньше Пеласгией, которую населяют феспроты, что впоследствии, будучи рабыней, она соорудила здесь под стоящим дубом святилище Зевса. Естественно было, что женщина, служившая в Зевсовом храме в Фивах, сохраняла о нем память и там, куда потом прибыла. Со временем научившись эллинскому языку, она основала здесь прорицалище. Вероятно также, что она рассказывала, что сестра ее продана в Ливию теми самыми финикиянами, которые продали и ее.

(57) Я полагаю, что женщины были названы у додонян голубками потому, что они были варварки и, казалось, говорили по-птичьи. По словам додонян, голубка со временем заговорила человеческим языком, т. е. после того, как женщина стала говорить понятно для туземцев. Когда она говорила на чужом языке, то казалась им говорящей по-птичьи, ибо каким же образом голубка могла бы говорить на человеческом языке? Называя голубку черной, додоняне обозначают этим, что женщина была египтянка.

c) Paus. VIII 38, 1—7 (Аркадский Зевс Ликей, — при описании Аркадии)

(1) Из всех городов, которые только показала земля на материке и на островах, Ликосура — самый древний город, и ее первую увидело солнце. По



Зевс Олимпийский

ней люди научились строить и другие города. (2) Налево от храма Владычицы будет гора Ликей. Аркадцы называют ее еще Олимпом и Священной вершиной и говорят, что на этой горе выкормлен Зевс. И там есть место, называемое Критея, влево от рощи Аполлона Паррасия, — в противоречие критскому сказанию, по которому эта Критея есть остров Крит. (3) Аркадцы даже имена дают Нимфам, которые вскормили Зевса: Фисоя, Неда и Агно. Фисоя заселила город Фисою (при мне это был поселок мегалопольский), от Неды получила имя речка Неда, а от Агно есть на горе Ликее источник, в котором вода, как и в Истре, всегда одинакова, и летом и зимою. (4) А если наступит засуха, так что семена и деревья сохнут, тогда жрец Ликейского Зевса, помолившись над водою и совершив требуемые жертвы, бросает на поверхность воды, но не в самую воду, дубовую ветку. И как только вода всколыхнется, подымается пар, как будто туман, а через несколько времени этот пар сгущается в облако. Это облако притягивает к себе другие и делает то, что на аркадскую землю спускается дождь... (6) Между другими достопримечательностями гора Ликей имеет еще следующую. Там есть священная ограда Ликейского Зевса, преступать которую не дозволяется ни одному человеку, а если кто нарушит этот закон и войдет, тот неизбежно умрет до конца года. Говорили еще, что если кто войдет в ограду, человек или зверь, то не бывает тени. Поэтому, если туда забежит какой-либо зверь, то охотник останавливается снаружи и не преследует далее, и если смотрит на зверя, то никакой тени не замечает. В Сиене, что под Эфиопией, в то время когда солнце вступает в созвездие Рака, тоже не бывает тени ни от деревьев, ни от животных, но в Ликейской роще это происходит во всякое время года. (7) На самой главной вершине Ликейской горы есть земляная насыпь. Это — жертвенник Ликейского Зевса. И оттуда виден весь Пелопоннес. А перед жертвенником, с восточной стороны, стоят два столба, и на них — вызолоченные орлы, сделанные в очень древние времена. На этом жертвеннике приносят жертвы Ликейскому Зевсу втайне, и потому я не могу распространяться об этих жертвах. Пусть будет как есть и как это было у меня в таких случаях сначала.

БРАКИ И ПОТОМСТВО ЗЕВСА

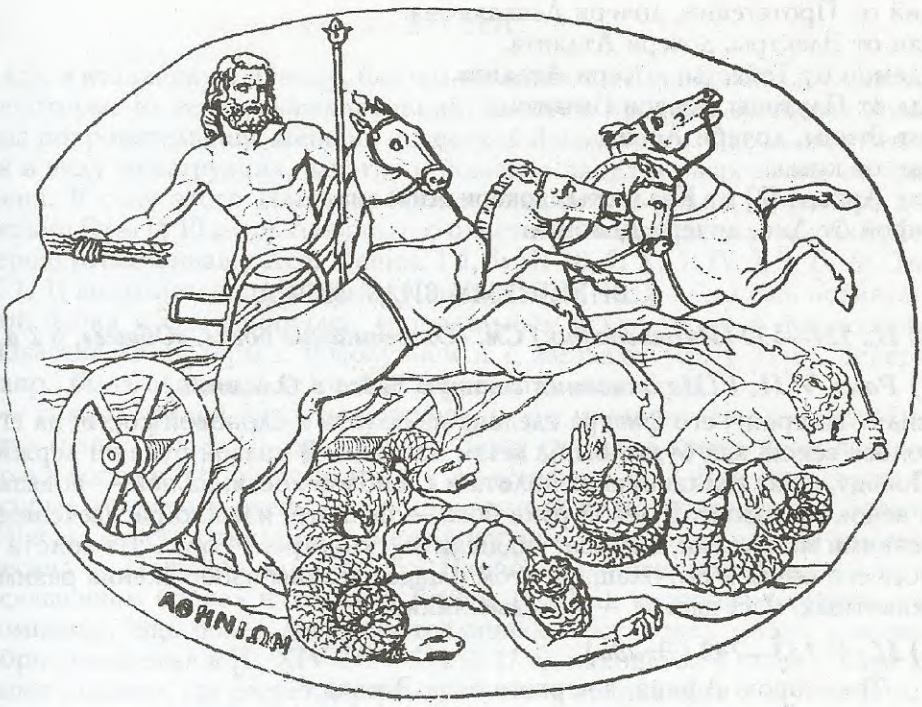
7. ***а) Hes. Theog. 881—929 (Браки до Геры и с Герой)***

После того как окончили труд свой блаженные боги
И в состязанье за власть и почет одолели Титанов,
Громогремящему Зевсу, совету Земли повинуясь,
Стать предложили они над богами царем и владыкой.

Он же уделы им роздал, какой для кого полагался.
Сделалась первою Зевса супругой *Метида*-Премудрость;
Больше всего она знает меж всеми людьми и богами.
Но лишь пора ей пришла синеокую деву Афину
На свет родить, как хитро и искусно ей ум затуманил
Льстивою речью Кронид и к себе ее в чрево отправил,
Следуя хитрым Земли уговорам и Неба-Урана.
Так они сделать его научили, чтоб между бессмертных
Царская власть не досталась другому кому, кроме Зевса.
Ибо премудрых детей предназначено было родить ей, —
Деву Афину сперва, синеокую Тритогенею,
Равную силой и мудрым советом отцу Громовержцу;
После ж Афины еще предстояло родить ей и сына —
С сердцем сверхмощным, владыку богов и мужей земнородных.
Раньше, однако, себе ее в чрево Кронион отправил,
Дабы ему сообщала она, что зло и что благо.
Зевс же вторую, *Фемиду* блестящую, взял себе в жены,
И родила она *Ор*, — Евномию, Дику, Ирену
(Пышные нивы людей земнородных они охраняют),
Также и *Мойр*, наиболе почтенных всемудрым Кронидом.
Трое всего их: Клофо и Лахесис с Атропос. Смертным
Людям они посылают и доброе все, и плохое.
Трех ему розовощеких *Харит* родила *Евринома*,
Славная дочь Океана с прелестным лицом. Имена их:
Первой — Аглая, второй — Евфросина и Фалия — третьей.
Взглянут — и сладкоистомная страсть из-под век их прелестных
Льется на всех, и блестят под бровями прекрасные очи.
После того он на ложе взошел к многокормной *Деметре*,
И *Персефоной* его белолокотной та подарила:
Деву похитил Аид у нее с дозволения Зевса.
Тотчас затем с *Мнемосиной* сошелся он пышноволосой.
Муз родила ему та, в золотых диадемах ходящих,
Девять счетом. Пиры они любят и радости песни.
С Зевсом эгидодержавным в любви и *Лето* сочеталась.
Феба она родила с *Артемидою* стрелолюбивой;
Всех эти двое прелестней меж славных потомков Урана.
Самой последнею *Геру* он сделал своею супругой.
Гебой, *Ареем* его и *Илифией* та подарила,
Совокупившись в любви с владыкой бессмертных и смертных.
Сам он родил из главы синеокую *Тритогенею*,
Неодолимую, страшную, в битвы ведущую рати,
Чести достойную, — милы ей войны и грохот сражений.
В гневе великом за это, поссорилась Гера с супругом
И, не познавши любовных объятий, родила *Гефеста*.
Между потомков Урана в художествах всех он искусней.

b) Hes. Theog. 938—944 (Главнейшие связи Зевса после бракосочетания с Герой)

Майя, Атлантова дочерь, взошла на священное ложе
К Зевсу и вестником вечных богов разрешилась, *Гермесом*.



Гигантомахия. Античная гемма

940 Кадмова дочерь *Семела*, в любви сочетавшись с Кронидом,
Сына ему родила *Диониса*, несущего радость,
Смертная — бога. Теперь они оба бессмертные боги.
Мощную силу *Геракла* на свет породила *Алкмена*,
В жаркой любви сочетавшись с Кронидом, сбирающим тучи.

c) Apollod. I 3, 1 (Варианты)

Зевс вступил в брак с Герой и породил Гебу, Илифию и Ареса. Кроме того, он вступил в брак с многими смертными и бессмертными женщинами. От дочери Урана Фемиды он породил дочерей — Гор (Мир, Благозаконие и Правду), Мойр (Клофо, Лахесиду и Атропу); от Дионы — Афродиту; от дочери Океана Евриномы — Харит (Аглаю, Евфросину и Фалию); от Стиксы — Персефону; от Мнемосины — Муз (первой Каллиопу, потом Клио, Мельпомену, Евтерпу, Эрато, Терпсихору, Уранию, Фалию, Полигимнию).

d) Hyg. Fab. 155 (Некоторые сыновья Зевса)

Либер от Прозерпины, которого уничтожили Титаны.
Геркулес от Алкмены.
Либер от Семелы, дочери Кадма и Гармонии.
Кастор и Поллукс от Леды, дочери Фиеста.
Аргус от Ниобы, дочери Форонея.
Эпаф от Ио, дочери Инаха.
Персей от Данаи, дочери Акрисия.
Зет и Амфион от Антиопы, дочери Никтея.
Минос, Сарпедон и Радамант от Европы, дочери Агенора.
Эллен от Пирры, дочери Эпиметея.

Аэтлий от Протогении, дочери Девкалиона.
Дардан от Электры, дочери Атланта.
Лакедемон от Тайгеты, дочери Атланта.
Тантал от Плутоны, дочери Гиманта.
Эак от Эгины, дочери Асопа.
Эгипан от козы.
Боэтис Аркада [?] от Каллисты, дочери Ликаона.
Пирифой от Дии, дочери Дейонея.

К ВНЕШНЕМУ ВИДУ ЗЕВСА

8. a) IL. 524—530 (Иконография) См. «Олимпийские боги», «Общее», § 2 a

b) Paus. V 11, 1 (Из описания статуи Зевса в Олимпии)

Бог сидит на троне; его фигура сделана из золота и слоновой кости; на его голове венок, как будто бы из ветви маслины. В правой руке он держит Победу, тоже сделанную из золота и слоновой кости; на ней — повязка и венок на голове. В левой руке бога — скипетр, изящно расцвеченный всякими металлами, а птица, сидящая на скипетре, — орел. Из золота у бога его обувь и его плащ; на этом плаще сделаны изображения разных животных, а из цветов — полевые лилии.

c) IL. V 733—742 (Эгида)

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и трепет бегущих — Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильного, Зевса!

d) IL. XVII 593—596

В оное время Кронион приял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснул, возгремел и потряс Громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

e) IL. XV 307—310

Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

f) IL. II 445—449

Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани вращая эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный.
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой.

2. ГЕРА

Геру, как и италийскую Юнону, близко связывают с Луной, возводя к этому некоторые из ее основных функций. Вместе с прочими богинями Луны она покровительница женщин и женской физиологии. Особенно имеются в виду менструации, зачатие и ношение плода и разрешение от бремени. В силу этого Илифии, богини специально родов, считались дочерьми Геры (§ 10 a—e). Любопытно отметить, что частая клятва у Сократа Герою (отмеченная у Xen. Memor. I 5, 5; III 10, 9; XI 5; IV 2, 9; IV 8; Oec. X 1, 1) вызывается, по-видимому, именно тем, что он был сын повивальной бабки и сам занимался «повивальным искусством» в философии. Известна связь Геры с новолунием и с звездами (ср. § 11 e). Венера, напр., была планетой не только Афродиты, но и Геры.

Гера — символ зрелой красоты матроны, о чем многочисленные свидетельства (напр., § 11 c, d). Брак Геры и Зевса считался прототипом всякого брака вообще (ср. отзвуки этого у Аристофана, § 12 d), и существовали особые легенды и очень распространенный культ «священного брака» (Hieros Gamos), откуда идет, между прочим, и название одного зимнего месяца — Gamelion или Gamelia. Наиболее раннее указание на миф о «священном браке» находим у Гомера (§ 12 a), воспроизводящего, несомненно, еще более древнюю традицию. Обстановка любви и весны, обрисовываемая в IL. XIV 347—351 (§ 17 a), находится в связи с «Зевсовыми садами», где растет дерево с золотыми яблоками, и с «лугом Геры» (о чем неоднократно читаем в литературе). Все эти черты для Геры — древнейшие.

У Гомера она достопочтенная супруга и сестра Зевса, дочь Океана и Тефии (IL. XIV 201—204, § 17 a), мать Гефеста (IL. I 572), Ареса (IL. V 892), Гебы (Od. XI 604), Илифий, Харит, Гекаты. Самостоятельное рождение Герою Гефеста, Ареса и Гебы — послегомеровская версия (Hes. Theog. 928 — § 7 a; Apollod. I 3, 5 — «Гефест», § 2 g; Ov. Fast. V 229 сл. — «Арес», § 3, — последний рассказ, у Овидия, очень интересен и в более широком смысле — для взаимоотношения Юпитера, Юноны и Флоры). Наконец, чрезвычайно интересен и миф о самостоятельном порождении Герою чудовища Тифона в отместку Зевсу за самостоятельное рождение Афины («Теогония и космогония», «Система», § 57 c, d). Ее любимые города — Аргос, Спарта и Микена (§ 14 a). Она покровительствует ахеянам и ненавидит троян из-за оскорбившего ее Париса (ср. IL. XXIV 25 слл.). С Герой связан целый ряд местных мифов. Таковы аргосские легенды о Зевсе, Гере, Европе и Ио (в Аргосе было и святилище Геры — Гереон, где праздновался брак Зевса и Геры, причем жрица, изображавшая Геру, восседала на колеснице с белыми быками; белый тот бык — Зевс, который унес Европу). В Аргосе Геру почитали особенно. Павсаний передает даже специальную легенду о споре между Герой и Посейдоном из-за Аргоса (§ 14 b); и кроме Гереона тут были храмы Геры

Тифон и Зевс

Цветочной, Геры Вершинной, Геры — помощницы в родах, Геры-благодетельницы и Геры-царицы. Глубоко чтили Геру и в Спарте, Коринфе и других местах. В Афинах особенно чтили «священный брак», на Самосе — ее красоту и саму ее — как невесту. В аркадском Стимфале чтили ее как девицу, как замужнюю и как вдовицу (известно, что на Крите была могила Зевса). Существенную роль играет она и в жизни Геракла.

Позднейшие авторы толковали Геру или как землю (Эмпедокл, Еврипид, Варрон и др.), или как воздух (особенно у стоиков, напр., Cic. nat. deor. II 26, 66). Основанием для обоих толкований явилась этимология Hera = era = земля, куда можно было присоединить и толкование «священного брака» как брака Неба и Земли, и Hera = aer = воздух. Оба толкования произвольны и, главное, очень узки для такой основной космической силы, какой является Гера. Не надо преувеличивать и указанных выше «природных» толкований (луна, женщины, роды и пр.). Гера — это более универсальный образ, в то время как для луны, для родов, для браков были и другие, гораздо более специальные божества.

Атрибуты Геры: гранатовое яблоко в качестве символа брака; кукушка, птица весны, когда совершилось бракосочетание ее с Зевсом (ср., впрочем, § 15), павлин, ворона. Об иконографии Геры см. § 15.

Обращаем, между прочим, внимание на § 13, где собраны материалы, характеризующие в общем довольно широкий диапазон мифа о Гере, начиная от ее (не совсем ожиданного для нас) девства (§ 13 a), через «эманацию душ и рождения» (§ 13 b, c) и «священный брак» (§ 13 d, e) и кончая определенно оргийными моментами (§ 13 f).

ОБРАЗ ГЕРЫ В ГИМНАХ

9. a) Hymn. Hom. XII

Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

b) Hymn. Orph. XVI

В синих сидящая складках одежды, подобна туману,
Гера, владычица всех и блаженная Зевса супруга,
Ласковый ветер на пищу душе подающая смертным,
Мати дождей, кормилица вихрей, ты все порождаешь:
Нет вне тебя ничего в естестве, предназначенном к жизни,
Всем помогаешь равно, сочетая в священном тумане.
Властвуешь всем ты одна и владычествуешь надо всеми,
Утренний шум на земле воздвигая волнистым потоком.
Но, блаженна богиня, царица над всем, многозвенна,
Милостиво обратися прекрасным и радостным ликом!

ОТНОШЕНИЕ К БРАКУ И РОДАМ

10. a) Il. XI 269—272 (Связь Геры с богинями родов Илифиями)

Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
Острые, кои вонзают Илифии, Герины дщери,

Рождение Афины

Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких, —
Столько же острые, боли вступили в Атридову душу.

b) Hes. Theog. 922

См. § 7 a.

c) Pind. Nem. VII 1—6

Илифия, сидящая возле глубокомысленных Мойр, дочь многомощной Геры, внемли ты, родительница чад. Мы, без тебя не увидев ни света, ни черной ночи, не получили бы в удел сестры твоей прекраснотелесной Гебы.

d) IL. XIX 114—119 (Гера задерживает роды)

Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.

e) Hymn. Hom. I 95 слл. (То же в отношении Аполлона)

См. «Аполлон», § 17 a.

f) Crinagoras (Anthol. Pal. VI 244) (Общая связь с родами; Антония, племянница Августа, взывает о разрешении родов к Гере и Зевсу)

Гера, Илифий мать, совершенная Гера, богиня,
И Зевс, общий всему, что возникает, отец!
Роды вынести мне, Антонии, милость пошлите
Легкие, нежной рукой, что Эпиона[2] дает.

g) Varr. De l.l V 69

Ввиду того что от ее [Юноны Люцины] света, когда кто-нибудь зачинается, до того света, когда кто-нибудь рождается на свет, помогает Луна, она мыслится от слов «луна» и «помогать» [iuvando], как Юнона Люцина

[Juno Lucina]. Этим объясняется то, что к ней взывают родящие. Ведь в течение этих месяцев Луна является водителем рожениц.

h) Paus. V 16, 2 (Гера — покровительница браков)

Через каждые четыре года на пятый [в Олимпии] шестнадцать женщин ткут Гере одеяния [пеплос, VI 24, 10]; они же устраивают и состязание, называемое «Гереи». Это — состязание девушек в беге. Девушки эти не все одинакового возраста, но первыми бегут самые молодые, за ними — те, которые несколько старше их возрастом, и наконец бегут самые старшие из девушек. Бегут они так: волосы у них распущены, хитон немного не доходит до колен, правое плечо открыто до груди. И для их состязания предоставляется Олимпийский стадион, но им для бега уменьшают пространство стадиона приблизительно на одну шестую. Победительницам дают венки из маслины и часть коровы, приносимой в жертву Гере. Им разрешено ставить свои статуи с написанными на них своими именами. И к шестнадцати распорядительницам прибавлено столько же прислужниц. Это состязание девушек возводят тоже к временам древности, рассказывая, что устроила его Гипподамия, воздавая благодарность Гере за свой брак с Пелопсом.

ДАРЫ ГЕРЫ

11. a) IL. IX 254—255 (Пелей — к Ахиллу)

Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
Могут, когда соизволят...

b) Od. XX 70—71 (Гера — дочерям Пандора)

Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу...

c) Hymn. Hom. IV 41 (Красота Геры)

См. «Афродита», § 3 d. Ср. Hymn. Hom. XII 2, см. выше § 9 a.

d) Schol. IL. IX 129

У лесбосцев на участке Геры было состязание женщин в красоте под названием празднества красоты (callisteion).

e) Eur. Hel. 1093—1097 (Гера и звезды, — Елена молится Гере о себе и о Менелае)

Владычица! Ты, ложа красота
Кронидова, пошли желанный отдых
На долю двух несчастных: к небесам
С мольбой подняв десницы, мы взываем
К твоим чертогам звездным.

ДИАПАЗОН ОБРАЗА ГЕРЫ

12. a) IL. XIV 295, 346—351 («Священный брак» Зевса и Геры; указание на первое соединение Геры и Зевса)

См. ниже, § 17 a.

b) Dionys. Hal. Rhet. II 2

Зевс и Гера соединились и сдвоились первыми.

c) Diod. V 73

Перед бракосочетанием все приносят жертву Зевсу Совершенному и Гере Совершенной в силу того, что они оказываются в этом водителями и изобретателями.

d) Aristoph. Av. 1731—1763 (Свадебная песня как воспоминание брака Зевса и Геры)

Первое полухорие. Так Геру на брачный пир,
Царицу небес, вели
К престолу отца богов,
И Мойры пели в лад
На свадьбе священной.

Хор. Гимен, Гименей[3], о!

Второе полухорие. Цветущего брака сын,
Эрот, златокрылый бог,
Держал под уздцы коня,
Великого Зевса сват
И Геры счастливой.

Хор. Гимен, Гименей, о!

Пифетер. По душе ваш напев, по душе ваша песнь,
По душе величанье. Прославьте ж еще
Дар венчальный, далеко грохочущий гром
И пылающей Зевсовой молнии блеск,
Величавые грозы прославьте!

Хор. Золото, золото, ясная молния!

Зевса копье, огненосное, вечное!
Гулкие, тяжкогремящие,
Влагу дарящие громы!
Ты ими нынче владеешь,
Зевсовой власти наследник,
Дочь его в жены берешь ты, Василию.

О Гимен, Гименей, о!

Пифетер. На свадьбу приглашаю вас,
Друзья крылатые мои,
К высоким Зевсовым дворцам
И к брачной постели.
Невеста, обними меня!
Руками крыл моих коснись!
Начнем же пляску, ввысь легко
Тебя подниму я.

e) Stat. Theb. X 56—64 (Юнону упрашивают, напоминая о ее первом свидании с Юпитером)

Пеплос также дарят, на котором дивный рисунок
Вышить рука холостая, пребывая в разлуке с супругом,
Не смогла б, в ларе покрывала чистой богини,
Что нельзя презирать, где на разный манер расцветает
Много пурпурных картин, возжигаясь золотом быстрым.

Тут же в спальне сама, обручившись с великим Гремящим,
Брака не зная пока, боязливо готовяся в сестры,
Свет погасивши, пьет молодого Иова лобзанья
Просто, не испытав еще потаенных козней супруга.

13. a) Paus. II 38, 2 (Периодическое возрождение Геры в виде девушки)

Остались еще [около Темения] развалины стен и храм Посейдона, пристани в Навплии и источник, называемый Канафос; здесь, по рассказам аргосцев, каждый год купается Гера и [после купания] становится девой.

b) Damasc. 283 (II 156, 17 Rue.) (Возглавление универсальной эманации всех богов)

Далее, согласно Орфею, [исхождение так наз. «неприступных» элементов] производит двух жизнеродительных божеств, одно больше соответственно движению, другое соответственно покою. Я подразумеваю Геру и Гестию, последнюю — как утверждающую тех богов, которые эманируют в это [чувственное] Всё, а первую — как вызывающую всех богов к эманации.

Ср. Procl. in Tim. 41 d (III 249, 6 D.)

c) Procl. in Tim. 31 a (I 450, 20 D.) (Равноправие с Зевсом)

Сам демиург, величайший Зевс, сочетается с Герой, почему она и называется равноправной ему. И произошли они от одних и тех же родителей.

Procl. in Tim. 18 c (I 46, 27 D.) и 41 d (III 248, 30 D.)

...Источник всякой эманации душ и рождения... рождающий всякую сверхмирную душу и всякую мировую, эманирующий на все и животворящий весь мир, который Орфей называет равноправным демиургу и связывает [с ним] и, сочетавши, выставляет его матерью всех [тех], кому Зевс — отец...

d) Dion. Chrys. XXXVI 56 (II 15, 24 Arm.) (Мистический брак с Зевсом)

В неизреченных таинствах воспевают дети мудрецов счастливый брак Геры и Зевса.

e) Procl. in Tim. 18 c, d (I 49, 12 D.)

В самом деле, то, что та же самая сочеталась с другими, что тот же самый — со многими, ты найдешь в мистических сказаниях и в браках, называемых священными в неизреченных [таинствах]. Уподобляя им по значению браки граждан, и Платон называет эти браки священными браками [R. P. V 458 e].

f) Luc. De dea Syr. 16 (Гера Сирийская, — храм Сирийской богини в Иераполе)

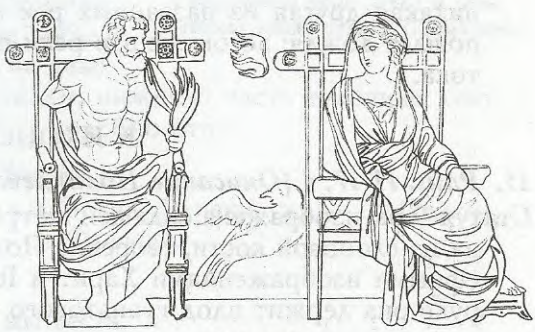
Больше доверия внушает мне воззрение тех, которые, в согласии с эллинами, считают, что храм этот посвящен Гере и воздвигнут Дионисом, сыном Семелы; действительно, Дионис по дороге в Эфиопию проходил и через Сирию. Да и в самом святилище многое указывает на то, что строителем был Дионис; так, например, варварские одеяния, индийские камни и клыки слонов, принесенные Дионисом из Эфиопии. Наконец, в пропилеях храма стоят два громадных фалла с надписью: «Я, Дионис, посвятил эти фаллы Гере-мачехе». Мне кажется, что это достаточно подтверждает мое мнение. Расскажу еще о другом, что находится в

этом храме и относится к служению Дионису. Это — фаллы, которые посвящаются Дионису эллинами и на которых обыкновенно помещают маленьких человечков из дерева, с большими фаллами; фигурки эти называются «невроспастами». Кроме того, в правой стороне храма находится маленькое изображение человека из меди, с большим фаллом.

Ibid. 31. 32. 39. 47

(31) В храме находятся изображения Геры и Зевса; последнего, однако, здесь зовут другим именем. Оба изображения сделаны из золота, причем Геру несут львы, а Зевс восседает на быках. Бог всеми своими чертами напоминает Зевса: и головой, и одеждой, и троном. Его нельзя, даже при желании, смешать с другим богом.

(32) Гера же, если ее внимательно рассматривать, представляет многообразный вид. В общем она все же напоминает Геру, хотя у нее есть и от Афины, и от Афродиты, и от Селены, и от Реи, и от Артемиды, и от Немезиды, и от Мойр. В одной руке она держит скипетр, в другой — веретено. На голове ее, украшенной лучами, находятся башня и повязка — последней украшают лишь Афродиту Уранию; изображение выложено золотом и украшено дорогими камнями. Одни из них светлы и прозрачны, как вода, другие искрятся, подобно вину, а третьи горят, как огонь. Среди них много сердоликов, гиацинтов и смарагдов, принесенных египтянами, индийцами, эфиопами, мидянами, армянами и вавилонянами. Несколько подробнее стоит остановиться на камне, который находится на голове Геры. Его зовут «светочем», и это имя вполне соответствует действию, производимому им: ночью он светит так ярко, что освещает собою весь храм как бы множеством светильников. Днем, когда этот свет ослабевает, камень по внешнему виду похож на огонь. Изображение Геры обладает еще и другим чудесным свойством: когда стоишь перед нею, то кажется, что она смотрит прямо на тебя, но и когда ты отойдешь, ее взгляд следует за тобой. Если же кто другой посмотрит на изображение, хотя бы и с иного места, то же повторяется и с ним.



Зевс и Гера

(39) Влево от храма стоит изображение Семирамиды, указывающей правой рукой на храм. Поставлено это изображение по следующей причине. Однажды Семирамида издала закон, по которому все люди, населяющие Сирию, должны почитать ее как богиню, презрев всех богов и даже Геру. Согласно с этим они и поступили. Тогда боги наслали на Семирамиду болезнь, несчастья и страданья, которые заставили Семирамиду отказаться от безумного решения; царица признала себя смертной, а подданным приказала снова почитать Геру. Поэтому-то Семирамиду изобразили в таком виде — указывающей приходящим в храм, что следует чтить Геру и что богиней царица считает ее, а не себя.

(47) На озере [неподалеку от святилища] происходят большие празднества, которые называются «спуском к озеру», так как во время их все свя-

щенные изображения спускаются к озеру. Первой приходит Гера, чтобы Зевс не увидел рыб раньше ее; если бы это случилось, то, говорят, погибли бы все рыбы. Затем спускается Зевс, тоже чтобы посмотреть на рыб, но Гера становится перед ним, удерживая его, и мольбами склоняет удалиться.

ГЕРА И ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

14. a) IL. IV 51—61 (Любимые страны Геры, — слова к Зевсу)

См. «Олимпийские боги», «Общее», § 4 a.

b) Paus. II 15, 5 (Спор Геры и Посейдона из-за Аргоса)

Первым человеком, жившим на этой земле [Аргосе], был Фороней, а Инах был не человеком, а рекой и был отцом Форонея; этот Инах вместе с Кефисом и Астерионом решили спор между Посейдоном и Герою относительно этой страны. Так как они присудили, чтобы земля принадлежала Гере, то Посейдон скрыл у них за это воду, и потому ни Инах, никакая другая из названных рек не имеет воды, если только бог не пошлет дождя; летом же эти реки пересыхают, кроме Лернейского потока.

К ИКОНОГРАФИИ

15. Paus. II 17, 4 (Описание Поликлетовой статуи Геры в Аргосе)

Статуя Геры изображена сидящей на троне, огромной величины; она сделана из слоновой кости, творение Поликлета; на ней надет венок с рельефными изображениями Харит и Гор [богинь времен года], и в одной руке она держит плод гранатового яблока, а в другой — скипетр. Что касается гранатового дерева, то этот рассказ я должен опустить, так как он относится к важнейшим таинствам, а о кукушке, сидящей наверху скипетра, они рассказывают, передавая предание, будто Зевс, полюбив Геру, когда она была еще девушкой, превратился в эту птицу, а она, играя и шутя, поймала ее.

ГЕРА И ИКСИОН

16. a) Pind. Pyth. II 21—89

Тому же научает нас и Иксион, который, как говорят, во все стороны вращается на окрыленном колесе по изволению богов: он служит примером того, что должно, идя навстречу благодеяниям, отплачивать за них ответными услугами. Справедливость этого он познал на деле: получив в удел среди благосклонных потомков Крона сладостную жизнь, он не выдержал полного блаженства и, отуманенный безумной страстью, воспылал любовью к Гере, которая Судьбой была предназначена для многорадостного ложа Зевса; но дерзость ввергла его в неслыханное бедствие, и Иксион, в тот же миг подвергнувшись заслуженной каре, принял исключительную казнь. Два беззаконных деяния сделались для него источником мучений: первое заключалось в том, что он первый из смертных запятнал их род коварным пролитием родственной крови; второе же — в том, что в обширных покоях Зевса он покушался на его супругу. Должно во всем соблюдать меру сообразно с своим положением. По-

Священный брак Зевса и Геры. Метопа храма Геры в Селинунте

пытка к вступлению в безбожную связь ввергла Иксиона в пучину бед. Он, преследуя сладкий, но обманчивый призрак, возлег на ложе — с облаком, о близорукий муж! Этим облаком, по виду походившим на недосягаемую дочь Крона Уранида, в своей красоте скрывавшим кару, завлекла в западню изобретательность Зевса, и вот он стяжал себе на гибель оковы на четырех спицах колеса. Но, попав в неотвратимо сковывающие члены цепи, Иксион стал для всех людей предвозвестником непреложной истины. Это облако, одно, без Харит, породило ему чудовищное существо — единственное, не пользующееся почетом ни у людей, ни у богов по их законам. Кормившая нарекла его кентавром; в ущельях Пелиона он сочетался браком с магнетскими кобылицами, и от них произошло племя на диво всем: будучи подобно обоим родителям, нижнюю часть туловища оно имеет материнскую, повыше пояса — подобно отцу.

b) Schol. Pind. Pyth. II 39 (p. 316 Boeckh.)

Иксиона одни производят от Антиона, как Эсхил, Ферекид же — от Пейсиона, некоторые — от Ареса, еще — от Флегия...

c) Soph. Phil. 679—682

Об Иксионе древнем слышали мы весть,
Как Зевсова ложа пытал он священного
И как к колесу-бегуну любострастника пыл приковал
Сын державного Крона.

d) Schol. Eur. Phoen. 1185

Разгневанный Зевс, привязавши Иксиона к быстрому колесу, пустил его носиться по воздуху, погоняя его плетью, в то время как тот говорил: «Надо оказывать уважение к благодетелям». Одни утверждают, что Зевс сбросил его в Тартар, другие же — что колесо, кроме того, было огненное.

e) Eur. Ixion, frg. 4

О господин Иксион, сын Флегия!..

f) Schol. Ap. Rh. III 62

Иксион — сын Флегия, как говорит и Еврипид: «О господин Иксион, сын Флегия!..» По Ферекиду, он — сын Этона. Он утверждает, что, женившись на Дии, дочери Эонея, он пообещал дать много подарков. Когда же тот за этим пришел, то он, ископавши яму и воспламенивши ее, прикрыл ее мелкими дровами и мелкой золой. Эоней попал в нее и погиб. А на Иксиона напало от этого безумие; и никто не хотел его очистить, ни из богов, ни из людей. Ведь он первый убил родственника. Над ним сжалился Зевс и очистил его. А когда тот очистился, он полюбил Геру. Тогда Зевс, уподобивши Гере облако, уложил его рядом с ним

и потом наказал, сделавши четырехспицное колесо и приковавши к нему Иксиона.

g) Hyд. Fab. 62

Иксион, сын Леонтея [?], попытался овладеть Герой. По приказанию Зевса Гера подложила вместо себя облако, которое Иксион принял за образ Геры. Из облака родились кентавры. Но Гермес, по приказанию Зевса, привязал Иксиона в подземном мире к колесу, которое, как говорят, вертится там и до сих пор.

h) Luc. Deor. dial. 6 («Гера и Зевс»)

(1) Гера. Какого поведения, Зевс, Иксион?

Зевс. Человек он хороший и прекрасный товарищ на пиру; он не находился бы в обществе богов, если бы не был достоин возлежать за нашим столом.

Гера. Именно как раз недостоин: он бесстыдник, и нельзя ему общаться с нами.

Зевс. Что же он такого сделал? Я думаю, что мне тоже нужно знать об этом.

Гера. Что же, как не... Но мне стыдно сказать — на такое дело он решился.

Зевс. Тем более ты должна мне все сказать, если его поступок так позорен. Не хотел ли он соблазнить кого-нибудь? Я догадываюсь, в каком роде этот позорный поступок, о котором тебе неловко говорить.

(2) Гера. Меня хотел он соблазнить, Зевс, меня, а не какую-нибудь другую, и это началось уже давно. Сперва я не понимала, отчего он так пристально, не отводя глаз, смотрит на меня; он при этом вздыхал, и глаза его наполнялись слезами. Если я, испив, отдавала Ганимеду кубок, он требовал, чтобы для него налили в него же, и, взяв кубок, целовал его и прижимал к глазам, и опять смотрел на меня; тогда я стала понимать, что он делает все это из-за любви. Я долго стыдилась рассказать тебе об этом и думала, что его безумие пройдет. Но вот он осмелился уже прямо объясниться мне в любви; тогда я, оставив его лежащим на земле в слезах, зажала уши, чтобы не слышать оскорбительных молений, и пришла к тебе рассказать все. Реши теперь сам, как наказать этого человека.

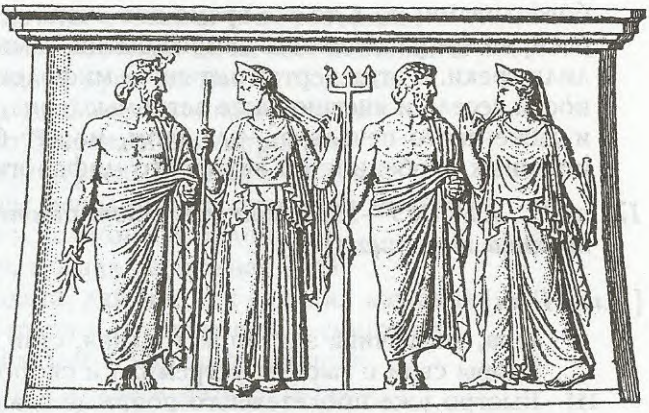
(3) Зевс. Вот как! Негодяй! Против меня пошел и посягнул на святость брака с Герой? До такой степени опьянел от нектара? Мы сами виноваты: мы слишком далеко зашли в нашей любви к людям, делая их своими сотрапезниками. Людей нельзя винить за то, что, отведав нашего напитка и увидев небесные красоты, каких никогда не видали на земле, они пожелали вкусить их, объятые любовью; а любовь ведь — большая сила и владеет не только людьми, но иногда и нами.

Гера. Тобой любовь действительно владеет и водит, как говорится, за нос, куда захочет, и ты идешь, куда ни поведет тебя, и беспрекословно превращаешься, во что ни прикажет она. Ты настоящий раб и игрушка любви. Да и сейчас я прекрасно понимаю, почему ты прощаешь Иксиона: ты ведь сам когда-то соблазнил его жену, и она родила тебе Пиритоя.

(4) Зевс. Ты еще помнишь все мои шалости на земле? Но знаешь, что я сделаю с Иксионом? Не будем его наказывать и гнать из нашего общества: это неудобно. Если он влюблен и плачет, говоришь ты, и очень страдает...

Гера. Что же тогда? Не хочешь ли и ты сказать что-нибудь оскорбительное?

Зевс. Да нет же! Мы сделаем из тучи призрак, совсем похожий на тебя; когда пир окончится и он, по обыкновению, будет лежать не смыкая глаз от любви, опустим этот призрак к нему на ложе. Таким образом он перестанет страдать, думая, что достиг утоления своих желаний.



Алтарь двенадцати богов

Гера. Перестань! Пусть он погибнет за то, что сделал предметом своих желаний тех, кто выше его.

Зевс. Согласись, Гера. Что же ты потеряешь от того, что Иксион овладеет тучей?

(5) Гера. Но ведь ему-то будет казаться, что туча — это я: сходство ведь будет полное, так что свой позорный поступок он совершит как бы надо мной.

Зевс. Не говори глупостей! Никогда туча не будет Герой, а Гера — тучей; только один Иксион будет обманут.

Гера. Но люди грубы и невежественны. Вернувшись на землю, он, пожалуй, станет хвастаться и расскажет всем, что разделял ложе с Герой, пользуясь правами Зевса, он, чего доброго, скажет даже, что я в него влюбилась, а люди поверят, не зная, что он провел ночь с тучей.

Зевс. А если скажет он что-нибудь подобное, тогда другое дело: он будет брошен в Аид, привязан к колесу и будет вращаться на нем, терпя непрекращающиеся муки в наказание не за любовь — в этом нет ничего дурного, — а за хвастовство.

3. ЗЕВС В ЕГО ОТНОШЕНИЯХ К ГЕРЕ

Приводимый ниже отрывок из XIV песни «Илиады» является прекрасным образцом античного мифологического творчества. Зевс и Гера противостоят здесь друг другу, по одному античному комментарию (§ 18), как начало оформляющее, мужское, и — оформляемое, женское. Так как полнота бытия, согласно античным воззрениям, заключается в слиянии того и другого, то отсюда миф повествует о *браке* Зевса и Геры. Здесь, таким образом, живописание одной из самых обычных диалектических противоположностей жизни с последующим воссоединением этой противоположности в единство. Такова основная мысль Прокла, и она бесспорна.

Что касается самого Гомера, то рекомендуется со всем вниманием отнестись ко всем «мелочам» приводимого мифа, ибо только тогда предстанет вся красота выраженного здесь античного стиля мифологии. Тут все целесообразно и все на месте: и украшения Геры, и поведение Сна, и эта постель на Иде, окруженной золотыми облаками. Бесспорно, это — именно боги со всеми теми совершенствами, которые приписывались им

богословами; но в то же время это очень веселые, светлые, смеющиеся боги; это — улыбчивость самого бытия, самих основ бытия, как их мыслили греки. В этих чертах античной мифологии, которая в своей серьезности весела и внешне даже легкомысленна, а в своем веселии серьезна и даже часто печальна, — в этом, может быть, одна из самых существенных особенностей античного мифологического стиля вообще.

17. а) IL. XIV 153—353 (Гера усыпляет бдительность Зевса в оказании помощи троянцам)

[*План Геры*]

Гера, владычица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала
Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха.
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.

[*Благовония и одеяния*]

Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амвросической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме,
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие — прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.

[*Дар Афродиты*]

Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту

Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
«Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»
Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».
Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс, беспредельно гремящий,
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вечно остануся я и любезной для них, и почтенной».
Ей, улыбаясь почтительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемощного, Зевса».
Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, в нем разговоры влюбленных,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
Гере его подала и такие слова говорила:
«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».
Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.

[*Содействие Сна*]

Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиэрии холмы, Эмафии долы,
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:
«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
Сон, усыпи для меня Громовержцевы ясные очи

В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,
Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».
Гере державной немедля ответствовал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего все родилося.
К Кронову ж сыну, царю, и приближиться я не посмею,
В сон не склоню Громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою
В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель:
В оный я день обаял Эгиоха всесильного разум,
Сладко разлившися; ты ж устрояла напасти Гераклу;
Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны
Бросила, к брегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»
Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
«Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
Или ты думаешь, будет троян защищать Громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь, наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь».
Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все преисподние боги, присущие древнему Крону:
Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю».
Рек — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,

Гера. Фрагмент росписи килика

Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных — киминдой.

[*Впечатление от Геры у Зевса*]

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину; увидел ее Громовержец,
Только увидел — и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
Ввстречу супруге восстал Громовержец и быстро воскликнул:
«Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу».
Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.
Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокие льющего воды».
Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:

«Гера супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акризия дщерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманфа;
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей, Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

[*Возражение Геры и достижение ею своих целей*]

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо,
Злобный, расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет.
Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».
Гере быстро ответствовал тучевоздыматель Кронион:
«Гера супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я
Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
Коего острое око всё проницает и видит».
Рек, и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, сафран и цветы гиакинфы густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого светлая капала влага.
Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской в объятиях Геры супруги.

b) IL. XV 1—33 (Гнев проснувшегося Зевса)

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
И лишилися многих, руками данаев попранных,
Там, у своих колесниц удержалися, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
Зевс на Иде горе из объятий владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,

Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих
Бодрых данаев и между их воинств царя Посидона;
Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.
Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал Громодержец:
«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев непреклонный,
Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
Злобно гнала по пустынному понту, беды устрояя;
К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
В Аргос цветущий, привел, совершителя подвигов многих.
То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!»

Procl. in R. P. I, 132—140 Kr. (Комментарий Прокла к предыдущему)

(p. 132, 13) ...Но нас ожидает важное и еще более трудное недоумение относительно самого значительного предмета — о совокуплениях Зевса с Герой. Сократ поднял о нем вопрос в том смысле, что это никак не годится слушать юношеству. Действительно, совершенно преступным кажется предполагать о величайшем из богов, что из-за любви к Гере он забыл о всех решениях, поспешивши на голой земле сойтись с богиней, даже не входя в дом, и осмелился предпринять то, что свойственно любовникам среди людей. Ведь каждый из этих последних выше всех дел вообще предпочитает соединение с предметом любви, а затем говорит, что он испытал больше, чем в прежнее время. И Зевс представлен говорящим подобные же слова [IL. XIV 315 слл.]:

Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!

(p. 133 Kr.) и еще, что он любит ее больше, чем тогда, когда впервые они соединились в любви (XIV 295):

Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью.

Наш учитель [Платон], отбрасывая предшествующий рассказ, вдохновенно раскрыл свою тайную теорию относительно всего этого мифа. Мы же, сопоставив все написанное там по данному поводу, скажем, насколько возможно короче, каково это совокупление Геры с Зевсом, какова сведшая их обоих причина, каким образом Зевс представляется бодрствую-

щим и, в свою очередь, спящим, каков прием обмана, при помощи которого величайшая богиня, как повествуется, ловит его, и какая сила досталась этой любви к Гере, о которой он говорит, что этой любовью он любил особенно во время этих объятий. Все это, получив надлежащее разъяснение, покажет нам Гомера чистым от всякого богохульства в его лежащих перед нами творениях.

Итак, поскольку все божественные устроения происходят от единого начала мира, которое Платон обыкновенно именует *единым* и *благом*, и из непосредственно за ним появившихся двоевидных причин, которые Сократ в «Филебе» [23 с слл.] назвал, как известно, *пределом* и *беспредельностью* (каждый же из мудрецов прославил это разными именами), — причем они, с одной стороны, друг от друга разделяются и выделяются из вторичных начал [т. е. предела и беспредельности] по подобающему богам различению, по которому толкователи истины о богах обыкновенно противополагают, как известно, мужское — женскому, четное — нечетному, отцовское — материнскому, затем снова стремятся к единению и одноприродному общению (p. 134 Kr.) через посредство первичной причины, возглавляющей все существующее из объединенных благ, то я думаю, мифотворцы [именно] отсюда заимствовали исходный пункт для своей символической теории и приписали богам брак, совокупления, последовавшие за ними рождения, затем снова объятия и сопряжения потомков до тех пор, пока они во всем совершенстве не увидели все божественные просторы, от вершин до внутримировых вещей, испещренными этими эманациями и общениями. Поэтому, как [в повествовании] о богах, предшествующих демиургии, они воспели соединения и последовательные рождения Кроноса и Реи, Урана и Геи [Неба и Земли], так, по тому же примеру, [говоря] о *демиургах Всего*, они передали [в мифах] *первичное соединение Зевса и Геры*, причем Зевс получил достоинство отца, а Гера удостоилась стать матерью всех, чьим отцом стал Зевс, и он по чину *монады* выводил всё, а она, согласно производительности *диады*, давала жизнь тому вторичному, что следовало за Зевсом. Он применялся к умопостигаемому *пределу*, а она — к *беспредельности*, ибо каждому разряду богов следует иметь аналогично им существующие первоначальные причины. Поэтому для единения этих величайших богов надобно предсуществование того и другого: и единичностного (heniaian) превосходства *монадического* и демиургического бога, и совершенного обращения к нему рождающей и *диадической* причины. Ведь одноприродное общение сильнейших [богов] совершается таким способом, что высшие утверждаются на самих себе и на более божественных, чем они, а низшие предают себя самих потенциям тех. И я полагаю, что по этим причинам Гера, спеша к совокуплению с Зевсом, *усовершает всю свою сущность* и снабжает ее разнообразными потенциями, незапятнанными, производительными, разумными, соединительными, а Зевс возбуждает в себе божественную (p. 135 Kr.) любовь, через которую исполняет благ непосредственно общающееся с ним, и простирает вперед причину, которая сводит множество к единству, и обратно устремленную к нему самому энергию [деятельность] вторичного.

Единение обоих и неразрывное сплетение этих богов совершается *само по себе, отдельно от Всего*, и особо от мировых приятий. Поэтому Зевс привлекает к этому общению, а Гера простирает к нему низшую миро-

вую [причину], так как боги всегда соединяются с двух сторон [т. е. идя навстречу друг другу]; а миф расчленяет и разделяет вечно сосуществующее, приписывая обособленное от мира совокупление воле Зевса, а проистекающую в мир общую их деятельность — промыслу Геры.

Голова Геры

Причина этого заключается в том, что повсюду отцовский [принцип] предначинает исключительные и более близкие к единству блага, а материнский принцип предначинает блага, близкие участвующим [в единстве] и возрастающие в соответствии с разнообразными эманациями. Следовательно, справедливо и *сон* и *бодрствование* — каждое отдельно — принимаются мифами в *качестве символов*, ибо бодрствование показывает *промысл* богов о мире, а сон — изолированную *жизнь всего низшего*, хотя боги вместе и промышляют обо всем и утверждаются на самих себе. Но подобно тому, как Тимей то допускает, что демиург действует на Всё и устанавливает землю, небо, планеты, неподвижные звезды, круги души, мировой разум, то представляет его пребывающим в своем обычном виде [42 e] и устраненным от всех воздействий на Всё, — так, еще раньше мифы, как известно, представляют его то бодрствующим отцом всех мировых [событий], то почивающим — для указания на двойную жизнь. Ведь умом он удерживает умопостигаемое, как выразился какой-то бог, а чувственное восприятие он наводит на миры (р. 136 Kr.). Следовательно, можно, пожалуй, сказать, что он бодрствует согласно этой его деятельности (ибо и у нас бодрствование есть деятельность чувственности) и что он почивает согласно другому виду его деятельности, как предавшийся жизни, лишенной чувственных ощущений и ограниченной в соответствии с совершенным разумом; что, бодрствуя, он заботится о человеческих делах (ведь он, согласно своей жизни, промышляет о делах мира), а почивая и вместе с Герой увлекаясь в изолированное единение, не забывает о другой жизни, но, имея и ее в силе, он с ней соединяет и эту. Ибо он не творит [как природа] вторичное вне мышления и, в свою очередь, не ослабляет своего промысла в силу своего мышления о низшем, но совместно и по справедливости ведет промышляемое и допускает его к умопостигаемому обозрению [или охвату]. Следовательно, вот какое исключительное превосходство

[бытия] изъясняет миф, говоря, что совокупление Зевса с Герой произошло на горе Иде. Ведь туда пришла Гера, чтобы отдаться величайшему Зевсу. На что же иное намекает, скажем мы, Ида, как не на *место идей*, как не *на умопостигаемую природу*, на которую восходит Зевс и возводит Геру, не обращаясь через любовь к тому, что ему приобщается, но чрез избыток благости даруя и ей вторичное единение и с собой, и с умопостигаемым. Таковы любовные дела сильнейших существ, возвращающие низшее к первичному, восполняющие блага в них самих и усовершающие слабое. Следовательно, миф не умаляет достоинства величайшего Зевса, представляя его здесь на земле совокупляющимся с Герой, не старающимся войти внутрь дома. Ведь миф говорит, что *Зевс избрал сверхмирное совокупление вместо внутримирового*. Поэтому созданный Гефестом чертог выражает распорядок всего и *чувственное место*, так как (p. 137 Kr.) Гефест есть демиург *этого Всего*, как сказано выше. Если вы желаете понять убранство Геры, при помощи которого она соединила себя с величайшим из богов и вызвала отеческий промысл Зевса к общению с производительными потенциями этого промысла, то скорее рассмотрите превосходство воспеваемого в этом мифе обособленного единения богов. Гера всячески уподобляет себя саму *матери богов*, от которой она и сама произошла, и украшается более частными потенциями из тех, которые предшествуют в той в универсальном смысле, и, себя, слабую, усовершивши почти как Рею, *приближается к демиургу Всего, возвратившемуся к своему умопостигаемому*. Поэтому тот, кто изображает ее в ее намерении привязать к себе отца посредством жизни, обособленной от внутримировых [условий], — тот должен уподобить ее *матери всех божественных устроение по ее собственному совершенству* и таким-то образом устроить тесное общение с Зевсом. *Волосы* же богини и ее *локоны*, рассыпавшиеся во все стороны и снова собранные ею, вполне ясно, сходны с волосами матери:

В свете дрожащем видны скрученные кудри богини, —

говорит кто-то из богов. Поэтому и локоны Геры поэт называет блестящими [IL. XIV 176]. Ее пояс (zone), украшенный выходящими из него и неотрезанными кистями, целиком и полностью походил на тот пояс (zoster) [т. е. Реи]. Он — *животворный* и *производящий* все множество душ, на которые символически указывает число висящих кистей. *Серьги* и *сандалии* изображают *первичные* (p. 138 Kr.) и *конечные из истекающих из нее частных потенций*; первые из них принимаются относительно высших потенций богини и из них выступают, другие [сандалии] принимают на себя ее низшие эманации. *Амвросия* и *масло* являются знаком ее незапятнанных потенций. Поэтому в связи с ней возникли чины [божественных существ], чуждые всякой размягченности. Этими символами *здесь* обозначается то, чем *там* является неодолимый род богов, виновник чистоты. Ведь амвросия представляет силу, превосходящую всякую нечистоту и всякую скверну, и масло, дающее крепость [телу] и применяемое для гимнастики, свойственно куретической (coyretice) божественности. Ибо первичные Куреты как и другое производят по чину Афины, так и увенчивают себя, говорят, веткой маслины. Это утверждает Орфей (frg. 177 K.). Потому богиня, украшенная этими символами, частично ставшая как бы Реей, приближается к *демиургу Всего*, готовясь соединиться с ним такой жизнью, по которой он особенно

походит на Кроноса, не выступая в мир, но удаляясь от внутримирового и не заботясь о земных делах сообразно своему бодрствующему промыслу обо всем, но изолированно от чувственности, в соответствии с божественным сном, и таким-то образом подражая отцу [Кроносу]. Ибо предание гласит, что этот первичный бог почивал:

> Вскоре Кронос улегся, вкусивши злокозненной пищи,
> Сильно храпя... [Orph. frg. 141]

Разумеется, и снаряжение Геры естественно имеет образцом Рею, а Зевс играет роль Кроноса и вследствие сходства с ним предпочитает совокупление на Иде происходящему в мире, так как (p. 139 Kr.) пояс (cestos) и содействие Афродиты еще более делают ее [Геру] похожей на Рею. Ведь и там предсуществовала монада этой богини, происшедшая свыше через посредство Кроноса от всеобъемлющего божества Урана и осветившая всю мысленную жизнь светом красоты. Но Афродита, говорят, носит свой пояс на груди, как бы тем самым содержа в себе испускаемые им потенции. Гера же прячет его под грудными складками, как бы получивши в удел другие свойства бытия, но обладая и поясом, в силу которого и она получает полноту всей Афродиты. Ведь он не извне привлекает потенцию, связывающую ее с демиургом, но внутри ее самой охватил и эту потенцию. Общие представления показывают общность этих богинь, почитая Геру сочетательницей и покровительницей браков, как бы от нее началось их действие. В силу носимого ею пояса (cestos) ее сопрягают с демиургом, и поэтому она дает законное общение и всему иному друг с другом.

Гера и Ирида.
Фрагмент фрески в Помпеях

Но каким образом говорят, что сначала они взошли на ложе, сразу же *забывши милых родителей*, а затем совокупились сильнее, теперь уже вследствие превосходства той любви, которою Зевс полюбил Геру? Двояки свойства как других благ, так и единения. Одно единение тесно срослось с тем, что вступает в единение, а другое приходит к ним свыше, от более совершенных виновников. И вот сообразно первому говорится, что они забыли своих родителей, как бы получившие в удел это единение в качестве специфического для себя, а согласно второму они возводятся к самим их виновникам, почему последнее единение считается лучшим и более совершенным, чем то. И в то время как оба единения происходят у богов вместе и вечно (p. 140 Kr.), мифы их разделяют как сон и бодрствование, как эманацию и возвращение, как передачу своих собственных благ вторичному и как собственное соучастие в первичных причинах. И хотя это взаимно существует, мифотворцы, скрывая истину, разделяют это [по времени].

Следовательно, о совокуплении величайшего Зевса с Герой всё говорится у Гомера по-богословски. Об этом свидетельствует и Сократ в «Кратиле» [404 b], производя это имя [т. е. Геры] не от другого слова, как от

«любви» (eros), так как, говорит он, она любима Зевсом. Следовательно, имея в виду тайную теорию, мы не станем упрекать Гомера в написании подобных вещей относительно этих величайших богов. Хотя, по видимости, это не подобает слушать юношам, но — скажут нам поэты таковых произведений — наше повествование обращено не к юношам и мы пишем это не в целях воспитания, но — неистовствующими устами. И к этому побуждает нас неистовство Муз. А они изрекли, что лишенный этого неистовства среди приходящих к вратам поэзии и сам не достигает цели, и его поэзия[4].

Б. ЗЕВС И ПРОМЕТЕЙ

Знаменитый заступник людей Прометей сам вовсе не является человеком. Он сын титана Иапета и Геи-Фемиды (Aesch. Prom. 18, 209) или океаниды Климены (Hes. Theog. 507 сл.), брат земледержца Атланта, муж Пандоры (Hes. Catal., frg. 21 Rz.). Кратчайшее резюме мифа о Прометее — у Аполлодора (§ 21 a). Древнейшее подробное повествование — у Гесиода, у которого находим два варианта: один (§ 19 a) в контексте генеалогии Иапетидов и, в дальнейшем, титаномахии, другой (§ 19 b) — в контексте рассказа о потере счастья первобытных времен, откуда в одном на первом месте похищение огня, в другом — создание Пандоры. Минуя мелкие указания у лириков, которые не стоит тут приводить, мы встречаемся с большой разработкой всего мифа у Эсхила, написавшего целую трилогию: «Прометей-огненосец», «Скованный Прометей» и «Освобожденный Прометей» (из них полностью сохранилась только средняя пьеса). У Эсхила выдвинута на первый план идея духовного и культурного освобождения человечества. Прометей, оказывается, знает больше самого Зевса, который и освобождает его через Геракла за сообщение ему одной тайны: Зевс должен погибнуть, если вступит в брак с Фетидой (морской богиней, дочерью Нерея и Дориды — § 20 d, <§ 28 b>). Незначительность намеков у Софокла и Еврипида вознаграждается целой пародийной сценой у Аристофана (§ 28 a). Далее Платон в своем свободном переложении мифа (§ 21 c), пожалуй, впервые понимает Прометея как некую божественную искру в душе человека, хотя общий тон трактовки у него — социально-исторический; сюда же — и еще ряд упоминаний Платона (§ 21 d—f). Из александрийцев укажем на Аполлония Родосского, не раз касавшегося этого мифа. Прибывшие на Кавказ аргонавты видят огромную птицу и слышат вопли Прометея (§ 22 a); Медея дает Ясону талисман под названием «Прометеево», и далее — магия крови Прометея (§ 22 b); этот интересный мотив встречается не только у Аполлония (ср. § 24 h, l). Поздние авторы (Нонн, § 23, куда можно было бы присоединить еще Quint. Smyrn. V 338, VI 269) прибавляют немного. Из римлян (§ 24) особенно обращает на себя внимание Сенека (§ 24 j), в трагедии «Медея» вложивший в уста волшебницы Медеи замечательный монолог-заклинание, где она перечисляет те инфернальные силы, которыми она действует, и, между прочим, говорит об огне Прометея. Необходимо также отметить яркий натурализм образа Прометея у Ахилла Татия (§ 25).

Что касается античных толкований Прометея, то прежде всего надо отметить, что европейское возрожденческое, индивидуалистически-демоническое толкование (Гете, Байрон и др.) было совершенно чуждо античности. Скорее наоборот: Эсхил, Пиндар и даже Вергилий осуждают Прометея за богоборчество и обвиняют его в возникновении человеческих несчастий. По Pind. Ol. IX 5 сл., «злословить богов — ненавистная мудрость, и неуместное возвеличивание себя совпадает с безумием». Вергилий, напр., прямо оправдывает Юпитера в припрятывании огня (хотя Прометей тут и не называется по имени, § 24 f). Для Платона миф о Прометее — только аллегория человеческой мудрости и философии (§ 21 c—e; более органический подход к мифу в § 21 f, — из псевдоплатоновых «Писем»). Евгемеровское, т. е. историко-географическое, толкование мифов, тоже применялось к Прометею, который оказывался здесь царем Скифии, наказанным скифами за неумение освободить страну от разлива воды. Стоики дали образец культурно-исторического толкования (§ 26 a, b) и притом в более широком смысле, чем Платон. В одну группу с ними можно помещать много других источников, толкующих Прометея в связи с происхождением наук, искусств, всевозможных ремесел и философии. Если обозначение Прометея у Aesch. Prom. 458 как «софиста» нужно понимать, конечно, наивозможно широко, то уже ученик Аристотеля Теофраст (IV в.) определенно толкует «огонь» как философию (§ 26 c). Наконец, свой большой вклад в толкование мифа о Прометее сделали и философы. В научной литературе особо отмечалось влияние учений Эмпедокла, Парменида, Гераклита и стоиков с их высокой метафизической оценкой огня (образцы § 26 b—d), поздние философы § 26 h—n).

Гера и Геба

Весьма важно отметить, что, несмотря на значительное оттеснение культа Прометея культом Гефеста (связь по огню), Прометей все же почитался кое-где на манер самого настоящего демонического существа, если не прямо бога (главнейшее — § 27 a—d).

Для удобства обозрения всего мифа о Прометее в нем надо различать следующие пять моментов: 1) создание людей, 2) похищение огня, 3) наказание, 4) освобождение, 5) спасение Девкалиона. Хотя миф о Девкалионе и Пирре будет представлен у нас в томе о героях*, но уже здесь, ради полноты обзора, заметим, что Девкалион, сын Прометея и Пандоры

* Этот том не был осуществлен по независящим от А. Ф. Лосева причинам. См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

(или Климены, у Apollod. I 7, 2), строит себе, по совету Прометея, ящик (у Aesch. Prom. 467 Прометей тоже изобретатель корабля), на котором он спасается со своей женой и сестрой Пиррой от всемирного потопа. Миф о создании людей едва ли принадлежит Гесиоду, как это утверждает поздний источник (§ 21 b). Но уже Эринна (PLG III, frg. 4) это предполагает, и далее — комик Филемон, Менандр, Каллимах, Аполлодор (§ 21 a). Подробности — в отделе о происхождении людей.

Наконец, в античной литературе не было недостатка и в пародиях. Кроме упомянутого уже Аристофана (§ 28 a) и диалога Лукиана «Прометей и Зевс» (§ 28 b) приводим более обширный диалог Лукиана «Прометей, или Кавказ» (§ 28 c).

ГЕСИОД

19. a) Hes.Theog. 507—616 (Зевс, Прометей и Пандора по «Теогонии»)

[*Потомство титана Иапета*]

Океаниду прекраснолодыжную, деву Климену,
В дом свой увел Иапет и всходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта,
Также Менетия, славой затмившего всех, Прометея
С хитрым, искусным умом и недальнего Эпиметея.
С самого этот начала несчастьем явился для смертных:
Первый от Зевса он девушку, им сотворенную, принял
В жены. Менетия ж наглого Зевс протяженно гремящий
В мрачный отправил Эреб, ниспровергнувши молнией дымной
За нечестивость его и чрезмерную, страшную силу.
Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певицы живут Гесперид.
Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.

[*Судьба Прометея*]

А Прометея, на выдумки хитрого, к средней колонне
В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
И длиннокрылого выслал орла: бессмертную печень
Он пожирал у Титана, но за ночь она вырастала
Ровно на столько же, сколько орел пожирал ее за день.
Сыном могучим Алкмены прекраснолодыжной, Гераклом,
Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
От жесточайших страданий и тяжкомучительной скорби, —
Не против воли высоко царящего Зевса Кронида:
Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле.
Честью великой решив отличить знаменитого сына,
Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометею
Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом могучим.

[*Вина Прометея*]

Ибо в то время, как боги с людьми препирались в Меконе,
Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал

И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха отложил он и мясо,
Шкурою все обернув и покрывши бычачьим желудком,
Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл ослепительным жиром.
Тут обратился к Титану родитель бессмертных и смертных:
«Сын Иапета, меж всеми владыками самый отличный!
Очень неровно, мой милый, на части быка поделил ты!»
Так насмехался Кронид, многосведущий в знаниях вечных.
И, возражая, ответил ему Прометей хитроумный,
Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши:
«Зевс, величайший из вечно живущих богов и славнейший!
Выбери то для себя, что в груди тебе дух твой укажет!»
Так он сказал. Но Кронид, многосведущий в знаниях вечных,
Сразу узнал, догадался о хитрости. Злое замыслил
Против людей он и замысел этот исполнить решился.
Правой и левой рукою блистающий жир приподнял он —
И рассердился душою, и гнев ворвался ему в сердце,
Как увидал он искусно прикрытые кости бычачьи.
С этой поры поколенья людские во славу бессмертных
На алтарях благовонных лишь белые кости сжигают.

[*Гнев Зевса*]

В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, меж всех наиболе на выдумки хитрый!
Козней коварных своих, мой любезный, еще не забыл ты!»
Так говорил ему Зевс, многосведущий в знаниях вечных.
В сердце великом навеки обман совершённый запомнив,
Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
Людям ничтожным, которые здесь, на земле, обитают.

[*Похищение огня*]

Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета:
Неутомимый огонь он украл, издалёка заметный,
Спрятавши в нартексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
Как увидал у людей свой огонь, издалёка заметный.
Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:

[*Месть Зевса людям: Пандора*]

Тотчас слепил из земли знаменитый Хромец обеногий,
Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой;
Пояс на ней застегнула Афина, в сребристое платье
Деву облекши; руками держала она покрывало
Ткани тончайшей, с главы ниспадавшее, — диво для взоров.
Голову деве венцом золотым увенчала богиня.
Сделал венец этот сам знаменитый Хромец обеногий.
Ловкой рукою своей, угождая родителю, Зевсу.
Много на нем украшений он вырезал — диво для взоров —
Всяких чудовищ, обильно питаемых сушей и морем.

Много их тут поместил он, сияющих прелестью многой,
Дивных: казалось, что живы они и что голос их слышен.
После того как создал он прекрасное зло вместо блага,
Деву привел он, где боги другие с людьми находились, —
Гордую блеском нарядов Афины могучеотцовной.
Диву бессмертные боги далися и смертные люди,
Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.

[*Губительное значение Пандоры*]

Женщин губительный род от нее на земле происходит.
Нам на великое горе они меж мужчин обитают,
В бедности горькой не спутницы — спутницы только в богатстве.
Так же вот точно в покрытых ульях хлопотливые пчелы
Трутней усердно питают, хоть пользы от них и не видят;
Пчелы с утра и до ночи, покуда нескроется солнце,
Изо дня в день суетятся и белые соты выводят;
Те же все время внутри остаются под крышею улья
И пожинают чужие труды в ненасытный желудок.
Так же высокогремящим Кронидом на горе мужчинам
Посланы женщины в мир — причастницы дел нехороших.
Но и другую еще он беду сотворил вместо блага:
Кто-нибудь брака и женских вредительных дел избегает
И не желает жениться — приходит печальная старость,
И остается старик без ухода! А если богат он,
То получает наследство какой-нибудь родственник дальний!
Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
Если жена попадется ему сообразно желаньям,
Все же немедленно зло начинает с добром состязаться
Без передышки. А если жену из породы зловредной
Он от судьбы получил, то в груди его душу и сердце
Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!

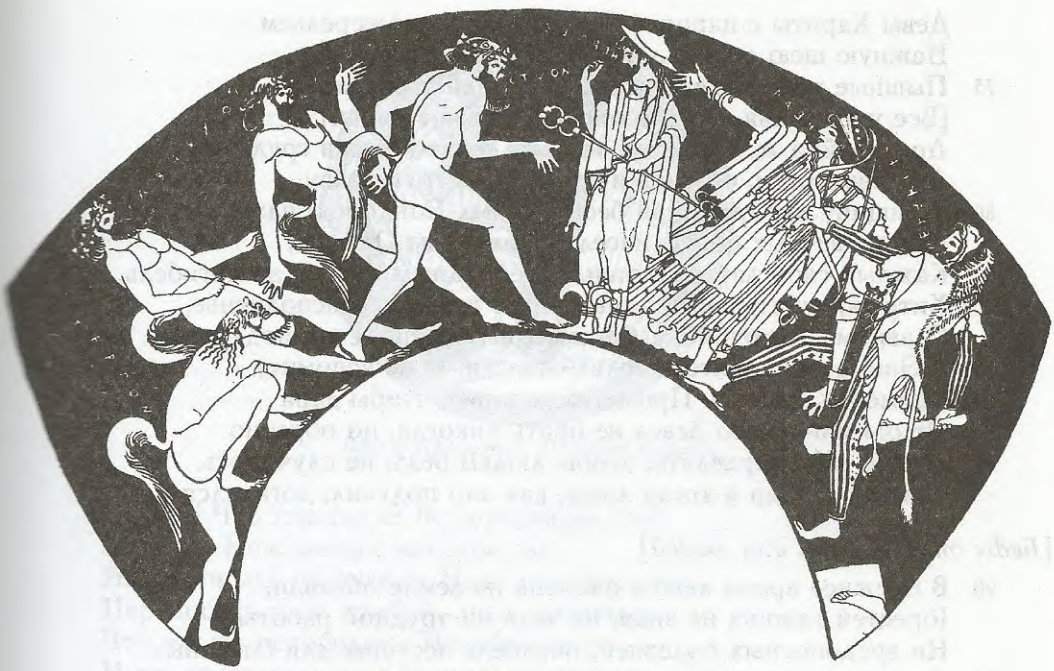
[*Наказание Прометея*]

Не обойдет, не обманет никто многомудрого Зевса!
Сам Иапетионид Прометей, благодетель великий,
Тяжкого гнева его не избег. Как разумен он ни был,
Все же хотел, не хотел, а попал в неразрывные узы.

b) Hes. Opp. et d. 42—105 (Видоизменение предыдущего мифа в «Работах и днях»)

[*Воспитательное значение лишения людей огня и дело Прометея*]

Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый бы год, не трудяся, имел пропитанье.
Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,
Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко Громовержец источники пищи запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он...



Гера, преследуемая силенами

Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемудрого Зевса-Кронида,
В нартекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.

[*Месть Зевса и его повеление о Пандоре*]

В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:
«Сын Иапета, над всеми искуснейший в замыслах хитрых!
Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколеньям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее, и возлюбят, что гибель несет им».
Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных.
Славному отдал приказ он Гефесту: как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,
А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучащей страстью, грызущею члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу.

[*Создание Пандоры*]

Так он сказал. И Кронида владыки послушались боги.
Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый Хромец обеногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.

Девы Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
[Все украшенья на теле оправила дева Афина.]
Аргоубийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих домы Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебоядным мужам на погибель.
Хитрый, губительный замысел тот приведя в исполненье,
Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок
К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь, как зло получил, догадался.

[*Беды от Пандоры для людей*]

В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине, за краем сосуда,
В крепком осталась своем обиталище, вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса.
Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.
К людям болезни, которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страданья, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
Замыслов Зевса, как видишь, избегнуть никак не возможно!

ЭСХИЛ И ДРУГИЕ

20. а) Aesch. Prom. 88—125 (Общее о Прометее)

П р о м е т е й. Святой эфир и ветры быстрокрылые,
Истоки рек текучих, смех сверкающий
Неисчислимых волн морских и мать Земля,
Всевидящего Солнца круг, — вам жалуюсь!
Взгляните, что терплю я, бог, от божьих рук.
Поглядите, стою покалечен
Изуверством! Мне гнить на века и века,
Мириады веков! Эту боль, этот стыд
На меня опрокинул блаженных богов
Новоявленный князь.
Ай-ай-ай! О сегодняшних муках воплю
И о завтрашних муках. Когда же конец
Рассветет этим каторжным болям?

Гера и Прометей. Роспись килика

Но нет! Что говорю я? Все предвидел сам
Заранее. Нежданным никакое зло
На плечи мне не рухнет. Надо с легкостью
Переносить свой жребий, зная накрепко,
Что власть непобедима Неизбежности.
И все ж молчать и не молчать об участи
Моей — и то и это тошно! Зло терплю
За то, что людям подарил сокровища.
В стволе сухого тростника родник огня
Я воровски припрятал. Для людей огонь
Искусства всяческого стал учителем,
Путем великим жизни. Вот за этот грех
Под зноем солнца на цепях я распят здесь.
Ой-ой! Ой-ой!
Но, чу! Звон возник въявь.
Пахнул вихрь в лицо мне.
То люди? То боги?
Иль что-то иное?
Зашли в глушь и дебри,
В расщель снежных гор
На боль мою полюбоваться? Что еще?
Взгляните, вот я, бог в оковах, горький бог,
Зевса враг ненавистный, чума и напасть
Для богов, гнущих шею у Зевса в дому.
Всё за то, что людей я сверх меры любил.

b) Aesch. Prom. 127—192 (Мужество Прометея, — парод трагедии)

Х о р. Не бойся, друг наш!
Мы летим к тебе с любовью
На звенящих крыльях.
Мы примчались к этим скалам черным,
Слезой отца сердце склонив.
Гулкие в уши свистали ветры.
Железа звон, молота грохот к нам ворвался

В тишину морских пещер. Стыд мы забыли скромный,
Босыми в крылатой летим повозке.
Прометей. Ай-ай-ай-ай!
Многодетной Тефии птенцы и отца
Океана, который всю землю кругом
Обтекает гремучей бессонной рекой,
О подруги мои!
Поглядите, взгляните, в кандальных цепях
Я распят на скалистых разломах хребтов,
Над разрывами гор,
Здесь стою я на страже постыдной.
Хор. Прометей! Прометей!
На глаза нам сумрак рухнул.
Влага слез застлала взоры,
Видим, видим, вот стоишь, огромный!
К уступам скал ты пригвожден
Цепью железной, чтоб гнить и вянуть!
Да, новый князь внове владеет веслом Олимпа.
Новый миру дав закон,
Зевс беззаконно правит.
Что было великим, в ничто истлело.
Прометей. О, пускай бы под землю, в поддонный Аид,
Принимающий мертвых, он сбросил меня,
В тартарийскую ночь!
Пусть бы цепью железной сковал, как палач,
Чтоб не мог любоваться ни бог и никто
На мученья мои!
А теперь я, игрушка бродячих ветров,
В муках корчусь врагам на веселье!
Хор. Чье сердце камень, мед и лед?
Кто из богов над тобой посмеется?
Кто слез с тобой не станет лить?
Один лишь Зевс. Он, упрямый и бешеный,
Искореняет в неистовстве
Старое племя Урана.
Нет покоя ему, сердце пока не насытится
Иль в поединке не вырвут из рук его черной власти.
Прометей. У меня, у меня, хоть в глухих кандалах
Я повис, изуродован, распят, разбит,
У меня он попросит, блаженных главарь,
Чтобы заговор новый раскрыл перед ним,
Угрожающий скиптру и славе его.
Но напрасно! Медовых речей болтовня
Не растопит мне сердце! Угроз похвальба
Не сломает! Что знаю, о том не скажу!
Не раскрою и рта! Пусть железа сперва
Беспощадные снимет! За стыд и за казнь
Пусть меня наградить пожелает!
Хор. Да, да, ты тверд. Тебя взнуздать
Горечь и боль никогда не смогут.

Но рот твой волен чересчур.
Проходит душу ужас пронзительный,
Участь твоя мне страшным-страшна.
Что, если море печалей
Не переплыть вовек тебе? Беспощадное, злое,
Несокрушимо жестокое сердце у сына Крона.
Прометей. Знаю, черств и суров он. И свой произвол
Почитает законом. Но время придет,
Станет ласков и сладок, надломлен и смят
Под копытом судьбы.
Этот зычный и ярый погасит он гнев.
Будет дружбы со мной и союза искать...
Поспешит, и навстречу я выйду.

c) Aesch. Prom. 193—283 (Деяния Прометея, — из первого эпизодия)

Старшая Океанида. Открой нам всё и научи подробнее,
Вину какую Зевс в тебе нашел? За что
Тебя казнит так горько и чудовищно?
Всё расскажи нам! Иль рассказ так тягостен?
Прометей. Мучительно рассказывать, мучительно
И промолчать. И то и это — и стыд и боль.
Когда среди бессмертных распри ярые,
Раздор жестокий вспыхнул и усобицы,
Когда одни низвергнуть Крона жаждали
С престола, чтобы Зевс царил, другие же,
Напротив, бушевали, чтоб не правил Зевс, —
В то время был хорошим я советчиком
Титанам древним, Неба и Земли сынам.
Но убедить не мог их. Лесть и хитрости
Они надменно презирали. Силою
Прямой добиться чаяли владычества;
Но мать моя Фемида-Гея (много есть
Имен у ней одной) идущих дней пути
Предсказывала мне не раз. Учила мать,
Что не крутая сила и не мужество,
А хитрость власть созиждет в мире новую.
Титанам это все я объяснил. Они ж
Скупились даже взглядом подарить меня.
Путем вернейшим, лучшим я почел тогда,
Соединившись с матерью, на сторону
Встать Зевса. Добровольным был союз для нас.
По замыслам моим свершилось то, что ночь
Погибельная Тартара на черном дне
Старинного похоронила Крона с верными
Приверженцами. Но за помощь сильную
Богов владыка яростными пытками
Мне отомстил, наградою чудовищной.
Ведь такова болезнь самодержавия:
Друзьям не верить, презирать союзников.
Вы спрашивали, почему постыдно так

Меня калечит. Ясный дам, прямой ответ.
Едва он на престоле сел родительском,
Распределять меж божествами начал он
Уделы, власти, почести: одним — одни,
Другим — другие. Про людское горькое
Забыл лишь племя. Выкорчевать с корнем род
Людской замыслил, чтобы новый вырастить.
Никто не заступился за несчастнейших.
Один лишь я отважился! И смертных спас!
И в ад они не рухнули, раздавлены.
За это в болях содрогаюсь яростных,
Их тошно видеть, а терпеть — чудовищно!
Я к людям милосердным был, но сам зато
Не встретил милосердия. Безжалостно
Утихомирен. Взорам — страх, и Зевсу — стыд!
Старшая Океанида. Грудь каменная и душа железная
У тех, кто над бедою, Прометей, твоей
Не плачет. Мне же лучше не видать совсем
Твоих печалей. Сердце рушат страх и боль.
Прометей. Да, стал я жалок для друзей, наверное.
Старшая Океанида. А большего не сделал, чем рассказывал?
Прометей. Да, я избавил смертных от предвиденья.
Старшая Океанида. От язвы исцеленье как нашел?
Прометей. В сердцах надежды поселил незрячие.
Старшая Океанида. Большое облегченье роду смертному.
Прометей. Еще не всё! Я людям подарил огонь.
Старшая Океанида. Владеют однодневки знойным пламенем?
Прометей. Огонь искусствам всяческим научит их.
Старшая Океанида. И за вину такую Зевс казнит тебя?
Прометей. Погнал на пытки. Непрестанно мучает.
Старшая Океанида. И срока казни нет, конца палачеству?
Прометей. Нет, срока нет, пока не пожелает Зевс.
Старшая Океанида. Как пожелает? Где ж надежда? Понял ты,
Что ошибался? В чем? Про то не сладко нам
Напоминать, тебе же слышать. Прошлого
Не вспоминай. Подумай, как от зла спастись!
Прометей. Пока нога в капканах не завязла бед,
Легко счастливцу поучать несчастного.
Но это все предвидел я заранее.
Сознательно, сознательно, не отрекусь,
Всё сделал, людям в помощь и на казнь себе.
Таких вот только пыток я не ждал никак:
На жарком камне гибнуть, иссыхать, сгнивать
В просторах злых, пустынных, неприветливых.
Так перестаньте ж плакать о сегодняшнем!
Сойдите наземь и о судьбах будущих
Проведайте. Узнайте, чем все кончится.
Послушайтесь, послушайтесь! Со мной, что так
Страдает, пострадайте! Ведь бродячее
Кочует злополучье от одних к другим.

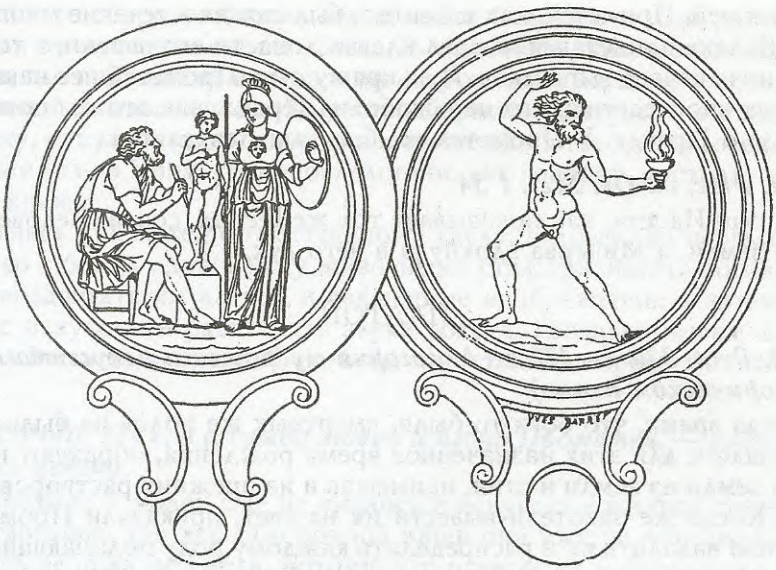
Прометей с огнем и сатиры

Старшая Океанида. Не в обиду нам речи твои, Прометей!
Мы послушны, гляди!
Покидаем босою летучей ступней
Самолетный ковер и звенящий эфир,
Птиц пугливых тропу голубую;
На кремнистую землю вступили — рассказ
О твоих злоключеньях услышать.

d) Aesch. Prom. 436—525 (Искусства Прометея, — эписодий второй)

Прометей. Мне не надменность, не высокомерие
Велят молчать. Грызу я сердце жалостью,
Себя таким вот видя гиблым, брошенным.
А разве же другой кто, а не я почет
Добыл всем этим божествам теперешним?
Молчу, молчу! Вам незачем рассказывать,
Все знаете. Скажу о маяте людей.
Они как дети были несмышленые,
Я мысль вложил в них и сознанья острый дар.
Об этом вспомнил людям не в покор, не в стыд,
Но чтоб подарков силу оценить моих.
Смотрели раньше люди и не видели
И слушали, не слыша. Словно тени снов
Туманных, смутных, долгую и темную
Влачили жизнь. Из кирпичей не строили
Домов, согретых солнцем. И бревенчатых
Не знали срубов. Врывшись в землю, в плесени

Пещер без солнца — муравьи кишащие —
Ютились. Ни примет зимы остуженной
Не знали, ни весны, цветами пахнущей,
Ни лета плодоносного. И без толку
Трудились. Звезд восходы показал я им
И скрытые закаты. Изобрел для них
Науку чисел, из наук важнейшую.
Сложенью букв я научил их: вот она
Всё память, нянька разуменья, матерь Муз!
Я первый твари буйные в ярмо запряг,
Поработив сохе и вьюкам. Тяжести
Сложил я с плеч людских невыносимые.
Коней в телегу заложил, поводьями
Играющих, — забава кошельков тугих.
А кто другой измыслил льнянокрылые,
Бегущие по морю корабельщиков
Повозки? Столько хитростей и всяческих
Художеств я для смертных изобрел, а сам
Не знаю, как из петли болей вырваться.
Старшая Океанида. Отравлен мукой, зашатался разум твой.
Ты на врача плохого стал похож. Пришла
Болезнь — и унываешь, и найти себе
Никак не можешь снадобья целебного.
Прометей. Послушай дальше, удивишься, столько я
Искусств, сноровок и ремесел выдумал!
Вот главные: болезни жгли тела людей,
Они ж лекарств не знали, трав целительных,
И мазей, и настоек. Чахли, таяли
Без врачеванья. Я открыл им способы
Смешенья снадобий уврачевающих,
Чтоб злую ярость всех болезней отражать.
Установил науку прорицания,
Открыл природу сновидений, — что считать
В них вещей правдой. Темных слов значение
Раскрыл я людям и примет дорожных смысл.
Пернатых, кривокогтых, хищных птиц полет
Я объяснял — кого считать счастливыми,
Кого — дурными. Птичьи все обычаи
Растолковал — чем кормятся, и любят как,
И как враждуют, как роятся стаями.
Я научил, какого вида черева
Должны быть жертв, чтоб божество порадовать,
Цвет селезенки, пятка пестрой печени.
Огузок толстый и лопатку жирную
Я сжег собственноручно и для смертных стал
Учителем в искусстве трудном. С огненных
Незрячих раньше знаков слепоту я снял.
Всё это так! А руды, в недрах скрытые,
Железа, медь, и серебро, и золото!
Кто скажет, что не я, а он добыл руду



Прометей, несущий людям огонь. Античная лампа

На пользу людям? Нет, никто не скажет так
Или бесстыдной похвальбой похвалится.
А если кратким словом хочешь все обнять:
От Прометея у людей искусства все.
Старшая Океанида. Для смертных был ты свыше сил помощником.
Так выручи в несчастье самого себя.
А я надеюсь твердо, скинешь цепи бед
И с Зевсом снова силою сравняешься.
Прометей. Не так судьба свершающая, страшная
Решила в сердце. Тысячами черных мук
И болью сломлен, я от кандалов уйду.
Слабее ум, чем власть Необходимости.
Старшая Океанида. Кто ж у руля стоит Необходимости?
Прометей. Три Мойры, Евмениды с долгой памятью.
Старшая Океанида. Так, значит, Зевс им уступает силою?
Прометей. Что суждено, не избежит и Зевс того.
Старшая Океанида. А Зевсу что же суждено? Навеки власть?
Прометей. Не спрашивай об этом, не пытай меня!
Старшая Океанида. В груди ты тайну затаил великую?
Прометей. Поговорите о другом. А этому
Ни срок, ни время не созрели. Тайну скрыть
Как можно глубже должно мне. Тогда спасусь
От истязаний и цепей позорящих.

e) Aesch. Prom. 946—1093 (Прометей и Гермес, — эпилог трагедии)

См. «Гермес», § 10.

21. a) Apollod. I 7, 1 (Прометей создает людей)

Создавши людей из воды и земли, он, тайком от Зевса, дал им и огонь, причем скрыл его в ящике. Когда Зевс узнал об этом, он приказал Гефесту прибить его тело на Кавказской горе. Эта гора — скифская. Будучи

прибит к ней, Прометей, как известно, был связан в течение многих лет. Каждый день прилетающий орел клевал лопасти его печени, в то время как за ночь печень вырастала. И за кражу огня Прометей нес наказание, покамест впоследствии его не освободил Геракл, как это мы покажем в рассказе о Геракле. У Прометея же был сын Девкалион...

b) Lact. Plac. ad Ov. Met. I 34

Прометей, сын Иапета, как показывает тот же Гесиод, создал человеческий род из земли, а Минерва вдохнула в него дух.

ПЛАТОН

c) Plat. Prot. 320 d—322 a (Аллегория мудрости и искусства в социально-историческом плане)

Было некогда время, что боги-то были, смертных же родов не было. Когда же пришло и для этих назначенное время рождения, образуют их боги внутри земли из земли и огня, примешав и из прежних растворов огня и земли. Когда же захотели вывести их на свет, приказали Прометею и Эпиметею наладить их и распределить каждому роду подобающие силы. Эпиметей же выпросил у Прометея, чтобы самому распределять. «А когда распределю, — говорит, — тогда ты посмотри»; и, уговоривши таким образом, произвел распределение. При этом одним [существам] уделил он силу без быстроты, слабейших же снабдил быстротой; одних он вооружил, другим же, давши природу безоружную, приспособил им иную силу во спасение. А кого из них облек он малостью, тем уделил птичий лет или подземную обитель; а кого возрастил величиной, того тем самым и спас; и прочих, таким образом выравнивая, распределил. Устраивал же он таким образом из опасения, чтобы какой-нибудь род не исчез; после же того, как он доставил им способы избегать взаимоистребления, устроил он им предохранительные средства и против божьей погоды, одевши их густыми волосами и толстыми шкурами, достаточными для защиты и против зимней стужи и против жаров, а также и для того, чтобы, когда пойдут отдыхать, была бы у каждого своя собственная и самородная постилка; и обувши одних копытами, других же толстою и бескровною кожею. Потом для разных родов изобрел разную пищу: для одних — овощ из земли, для других — плоды древесные, а для иных — коренья; а некоторым дал питаться пожиранием других животных. Притом некоторым дал в удел малоплодие, а тем, которые ими ловятся, — многоплодие, чтобы спасти род. Ну, а как был Эпиметей не очень-то мудр, то и не заметил он, как уж роздал все силы, оставался же у него еще не одаренным род человеческий, и стал он недоумевать, что делать. А как был он в недоумении, приходит Прометей, чтобы осмотреть распределение, и видит, что прочие-то животные во всем хорошо устроены, человек же наг и не обут, и без постели, и без оружия; а уж наступил и назначенный Судьбою день, когда следовало и человеку выйти из земли на свет. Так вот в недоумении, какое бы найти спасение человеку, крадет Прометей художественную мудрость Гефеста и Афины, вместе с огнем, — так как никому было невозможно без огня владеть или пользоваться ею, — и таким образом одаряет он человека. Так для жизни-то необходимую мудрость человек через это получил, гражданской же — нет: потому что была она у Зевса; Прометею же

в верхний-то город, в обитель Зевса, войти было уж нельзя, да и страшны были телохранительницы Зевса; в общее же помещение Гефеста и Афины, где они занимались своими искусствами, он входит потихоньку и, украв огнедышащее художество Гефеста и другое — Афины, дает человеку, откуда и происходят жизненные удобства для человека; Прометея же (из-за Эпиметея) впоследствии, как говорят, постигло возмездие за кражу.

Так сделавшись причастен божественному уделу, человек, во-первых, через сродство с богом один между животными стал признавать богов и принялся воздвигать им алтари и священные изображения; а затем скоро начал с искусством расчленять звуки голоса, создавая имена, а также изобрел жилища, и одежды, и обувь, и постилки, и средства питания из земли.

d) Plat. Polit. 274 c, d (Нужда людей и огонь Прометея, — ради воспитательных целей)

В первые времена у людей еще не имелось и искусств и вообще средств для существования, так как самородной пищи они уже не находили, а производить ее пока не умели, потому, что прежде не побуждались к тому никакою нуждой. По всему этому находились они в большом затруднении. Оттого-то, по древним преданиям, и ниспосланы нам, вместе с должным наставлением, те божии дары: огонь от Прометея, искусства от Гефеста и его сотрудницы, а семена и растения от других. И все, чем устроена человеческая жизнь, возникло из этого; ибо, когда боги, как сейчас сказано, перестали пещись о людях, тогда людям надлежало управляться самим собой и заботиться о самих себе, подобно целому космосу, которому подражая и последуя, мы вот все время, сегодня так, завтра иначе, но блюдем жизнь и нарождаемся.

e) Plat. Gorg. 523 d (Прометей дает людям забвение смерти)

Итак, сперва надобно, говорит, остановить в них [в людях] действие способности предузнавать смерть; теперь ведь они предузнают ее. Да Прометею уже и сказано, чтобы он остановил эту способность.

Ср. Aesch. Prom. 248.

f) Plat. Epist. II 311 b (Разумение и сила)

Разумение и великая сила по природе совпадают в одно... Как мне кажется, именно в этом смысле первые люди объединили Прометея с Зевсом.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ПОЭТЫ

22. a) Apoll. Rhod. II 1250—1262 Ден. (Прометей на Кавказе)

Вот громоздятся ввысь в обрывах кручи Кавказа.
Там Прометей пригвожден, суровыми узами в членах,
Медными, несокрушимыми, окручен волею Зевса.
Печенью там орла питал он, летящего часто.
Эту зловещую птицу они с корабля увидали.
С резким свистом летел он, паря в облаках, и, однако,
Все паруса всколыхнул, приводя в движенье крылами,
Ибо он был похож на орла, что по небу витает:
Быстрыми он рассекал крылами, как веслами, воздух.

Вскоре затем услыхали они звук жалко протяжный:
Печенью мучился вновь Прометей. Эфир оглашал он
Воплем. Снова они летящего той же дорогой
С гор Кавказских назад узрели орла-сыроядца.

b) Apoll. Rhod. III 843—865 Ден. (Зелье Прометея)

Вскрывши ларец полированный, быстро взяла она зелье;
Именем, как говорят, Прометея его называют.
Если кто, жертвой ночной снискав себе благодарность
Девы единородной, лицо свое смочит сим зельем, —
Будет он неуязвим под ударами меди разящей
И пред огнем не отступит пылающим, но среди битвы
Он сильнейшим окажется в день тот и доблестным станет.
Это растенье возникло сперва из пролитых на землю
Сыроядцем орлом на склонах кручей Кавказа
Капель божественной крови страдавшего там Прометея.
Вот и цветок на двойном стебле показался, качаясь.
Ростом он в локоть всего, а окраской своею походит
На шафран корикийский; внизу ж, глубоко под землею,
Скрыт его корень кровавый, подобный свежему мясу.
Также темный сок на горах растущего бука
В раковину она собрала на предмет волхвованья,
Семь раз омывшись в водах источников, быстро текущих.
Семь раз призвавши Бримо, питанье дающую людям,
Ту, что скитается ночью, подземную мертвых царицу,
В черную ночь покрывалом она окутана темным.
Мрачная, с гулом внизу потрясалась земля в основанье.
Корень когда вырывался титанской травы: то стонал сам
Сын Иапета в тоске души от боли ужасной.

c) Apoll. Rhod. III 1084—1088 Ден. (Место рождения Девкалиона, сына Прометея, — слова Ясона)

Некая есть земля на крутых горах; отовсюду
Доступ к ней; преисполнена пастбищ она и животных.
Здесь Прометей Япетид родил доброго Девкалиона,
Что впервые создал города и храмы построил
Тем бессмертным, впервые и царствовал он в человеках.

23. Nonn. II 574—580 Ден. (Зевс высмеивает Тифона)

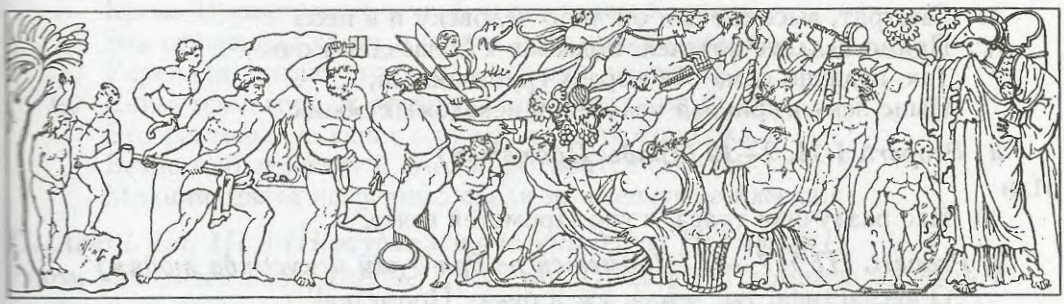
См. «Теогония и космогония», «Система», § 59.

24. a) Catul. LXIV 294—297 (Прометей на свадьбе Пелея и Фетиды)

Следом за ним Прометей с измыслительным сердцем явился,
Древней казни следы сохраняющий слабо,
Что когда-то при членах, закованных в скифские цепи,
Он претерпел, вися на вершине обрывистой горной.

b) Hor. Carm. I 3, 25—32 (Отвага Прометея)

Все изведать решившийся,
Род пустился людской — в грех, на запретное...
Дерзновенный Япета сын
Злым обманом своим — людям огонь принес...



Создание Прометеем человека

Лишь из дома небесного
Был похищен огонь, — хворь с лихорадками
Ратью новой к нам двинулась,
И далекая смерть, хоть неминучая.

c) Hor. Carm. I 16, 13—16 («Львиный дар» Прометея)

К первичной глине, молвит предание,
Пришлось прибавить часть всего сущего, —
И Прометей к людской природе
Силу свирепого льва прибавил.

d) Hor. Carm. II 18, 34—38 (Прометей бессилен перед подземным жиром)

Орка страж повез ли
Прометея хитрого
Назад за злато? Орк людей надменных —
Тантала и род его —
Во власти держит...

e) Verg. Buc. VI 41—42 (Орфей поет)

Тут он о брошенных Пиррой камнях, о Сатурновых царствах,
Птицах кавказских поет и о той Прометеевой краже.

f) Verg. Georg. I 131—135 (Зевс лишает людей огня для их же блага)

Мед он с листвы постряхал, он отнял огонь и припрятал,
Остановил он везде ручьями бегущие вина, —
Чтоб до различных искусств дошел в размышлениях опыт
Мало-помалу и злак отыскивал хлебный в бороздах;
Чтобы из жилы кремня извлекал он огонь потаенный.

g) Ov. Met. I 75—88 (Прометей сам создает людей)

Зверя земля принесла, и птицу — воздух подвижный.
Только лишь то существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, — не являлось,
И родился человек. Из божьего ль семени сделал
Оный создатель его, как лучшего мира начало,
Иль молодая земля, разделенная с вышним эфиром
Только что, семя еще сохраняла родимого неба?..
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем, как, склонясь, остальные животные в землю

Смотрят, высокое дал он лицо человеку и в небо
Прямо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так, недавно сама без образа грубая масса,
Ныне земля приняла человеков неведомых облик.

h) Propert. I 12, 9—10 (Травы Прометея)

Или

Нас разлучила трава, с гор Прометея взята?

i) Propert. III 5, 7—12 (Прометей не дал души искусства людям)

О несчастная, ты, земля, уж в руках Прометея!
С малым вниманьем в груди дело он сам совершил:
Тело начавши слагать, души не видал он в искусстве,
А настоящий-то путь должен идти б от души.
Вот и носит теперь нас по морю ветром, и ищем
Все мы врага и к вражде новую вяжем вражду.

j) Sen. Med. 970—974 (Волшебница Медея об огне Прометея)

В сияющем золоте заперт огонь
Потаенный и жгучий; его мне вручил
Прометей, заплативший за кражу огня
Терзанием вечным утробы своей,
И искусству владеть тем огнем научил.

k) Val. Fl. IV 58—81 Ден.

К тевкрам путь и к стенам Трои гостеприимным
Он направлял, обеты царя илионского помня.
Вдруг предстали пред ним Аполлон и Диана с Латоной —
Все с печальным лицом. Аполлон с мольбой ему молвил:
«Ждешь ли другого ты, царь великий, Алкида? Что медлишь
Сольно старца пустить на Кавказе? Когда же положишь
Мукам и каре его ты предел? Ведь тебя умоляет
Весь человеческий род. Тебя, отец милосердный,
Молят реки, усталые горы, леса. Не забыть ли
Кражу огня и молчанье в ответ на пире эфирном?»
Только сказал — со скалы среди насыщенья ужасной
Птицы сам Прометей застонал и стал плачевным тревожить
Криком Зевеса, с суровых страдальческий взор поднимая
Снежных вершин. Удвояют грохот реки и горы,
Что на Кавказе. От криков и коршун сам цепенеет.
Даже слышался здесь с Ахеронта до вышних чертогов
Сам престарелый Япет. Его мольбы отвращалась,
Чтя небесного Зевса закон, Эриния. Сам же Юпитер,
Тронутый плачем богинь и движимый к Фебу почтеньем,
Вестницу скорую шлет, на розовых тучах Ириду:
«Пусть оставит Алкид фригиян и войско троянцев,
Пусть, — говорит, — он вырвет Титана у птицы ужасной».
Быстро богиня летит, неся отца приказанье,
И торопит бойца, веселую бодрость вливая.

l) Val. Fl. VII 355—363 Ден. (Травы Прометея)

Вот она грудь подпоясала и, не надеясь на силу
Собственных чар, достает цветок, впитавший обильно

Кровь Прометеевой печени через травы Кавказа.
Эта священная кровь в снегах и мрачных ущельях,
Укрепляя, питает его, когда коршун, наевшись,
Снимется с горных вершин, роняя капли из клюва.
Это растенье не вянет в пределах долгого срока,
Вечно оно зеленеет и смело противится стрелам
Молний, цветя невредимо среди их слепящего блеска.

25. Achill. Tat. III 8 (Натуралистический образ Прометея)

Рядом находится изображение Прометея. Прикован Прометей железом к скале, вооружен Геракл луком и копьем. Птица чрево Прометея терзает, припав к разверстой ране. И клюв ее погружен в прорыв; кажется, что она разрывает рану и ищет печень. А печень видна настолько, сколько раскрыл художник отверстие раны. Вонзает птица в бедро Прометея острие своих когтей. А тот от боли весь содрогается, бок его сжимается, и бедро свое он вздымает на свою беду, — ведь этим он глубже в печень привлекает птицу. Одна нога Прометея вытянута вниз судорогой и пальцами заостряется.

Прометей, создающий первого человека. Фрагмент рельефа саркофага. Рим

Весь облик Прометея обнаруживает муку. Искривляются его брови, содрогаются губы, видны зубы. Ты пожалел бы эту картину, словно ей самой больно. Ободряет страдальца Геракл. Он стоя целится в Прометеева палача. Приложена к луку стрела. Левой рукой он с силой простирает лук вперед, к своей груди притягивает правую руку; натягивая тетиву, напрягает он свои мышцы. И всё вместе сгибается: лук, тетива, стрела, правая рука. Стягивается от тетивы лук, вдвойне закручивается от руки тетива, склоняется к груди рука. Прометей полон надежды и страха. Он смотрит и на свою рану, и на Геракла и желает полными очами видеть, но половину зрения отвлекает мука.

ПОЗДНИЕ ФИЛОСОФЫ И ТОЛКОВАТЕЛИ

26. а) Cornut. 18 (Стоическое резюме о Прометее)

Итак, поскольку передано свыше, что Прометей сформировал из земли человеческий род, необходимо предположить, что Прометеем называется промышление (prometheia) души в универсальном масштабе, что более поздние назвали *промыслом*. Согласно этому последнему и возникло все, и люди родились из земли, в то время как состояние космоса с самого начала этому соответствовало. Говорится также о том, что Прометей в некотором смысле сосуществует с Зевсом, потому что если всякая власть и возглавление нуждаются во многом предвидении, то в особенности у Зевса. Кроме того, утверждают, что он украл огонь для людей; это — ввиду уже наличного у нас понимания и из предусмотрения умеющего пользоваться огнем. Повествовали в мифах, что последний был снесен с неба ввиду его изобилия там или ввиду того, что

оттуда обрушились перуны из-за тамошних ударов, прикровенно рисуя, пожалуй, нечто подобное также и при помощи нартекса [ящика; ср. Hes. Opp. et d. 52]. Связанный затем Прометей был наказан тем, что орел пожирал у него печень. Это — наша опытность, имеющая вышеупомянутое излишество вместе с прочим, узнает о некоторой своей ограниченности, будучи привязана к жизненным хлопотам, которые мучительны, и будучи как бы пожираемой в своем нутре мелочной заботливостью. Говорили, что у Прометея был младший брат Эпиметей, менее умный — ввиду того, что предвидение превосходит по рангу воспитание и позднейшее размышление, которое получится на основании происходящих фактов. Действительно, «то, что сказано, он узнал как ребенок». Поэтому и говорится, что он сожительствовал с первой появившейся женщиной. Ведь и женское начало в некотором смысле, как известно, менее разумно и по природе больше размышляет задним числом, чем наперед. Утверждают некоторые, что Прометей стал изобретателем искусств, — не по какой другой причине, как только потому, что для их изобретения необходимо понимание и предусмотрение.

b) Heraclit. Alleg. Hom., p. 123 (Прометей — огонь в духовном смысле)

О Прометее говорят, что он украл с неба огонь, потому что человеческое промышление (prometheia) об искусстве предположило его истекание оттуда.

c) Schol. Ap. Rh. II 1250 (Прометей, огонь и философия)

Теофраст утверждает, что Прометей, ставши мудрым, впервые дал возможность людям приобщиться философии, откуда и повествует миф, что он даровал приобщение к огню.

d) Schol. Aesch. Prom. 120

Знание называется огнем благодаря своему сильному действию.

e)Aug. De civ. Dei XVIII 18

Говорят, что он образовал людей из глины потому, что, согласно рассказу, он был прекраснейшим ученым в мудрости.

f) Plat. (com.) Soph., frg. 1, 136 CAF Kock (Прометей — ум)

Прометей — это ум у людей.

g) Plut. De fort., p. 98 c

Прометей — это рассуждение.

h) Dion. Chr. VI, p. 92 M. (Прометей — предусмотрение)

Те, кто всячески изгоняет удовольствие, чтобы жить всегда более скорбно и трудно, и кто оказывается предусматривающим свои собственные дурные поступки, — те и погибают из-за большой заботы и *предусмотрения* (prometheia). Поэтому-то и справедливо говорится о прикованном к скале Прометее, что его печень истребляется орлом.

i) Tzetz. IL., p.137, 15

Прометей — это наше предусмотрение; орел — жизненные заботы, изнуряющие нашу печень; Геракл — солнце и время жизни, убивающее орла, когда оно исполнится...

Прометей дает жизнь первому человеку

j) Fulg. Myth. II 9 (Прометей — душа)

Мы понимаем Прометея как pronoian theoy [божественный промысл]. Из этого предвидения и Минервы (как из небесной мудрости) возник человек. Они доказывают, что божественный огонь есть божественно одухотворенная душа.

k) Plot. IV 3, 14 (Прометей — интеллигибельный демиург)

Ввиду таких обстоятельств этот космос, обладая многими светами и освещаясь душами, украшается в придачу к более раннему еще другими украшениями, которые он по-разному получает из разных источников, от тех самых [интеллигибельных] богов и от прочих умов, создающих души. Похоже, что об этом повествует и известный миф, а именно что

Прометей слепил женщину, что ее украсили и прочие боги и что-нибудь подарили ей Афродита и Хариты, каждый свое, и что она получила имя от слов: «дар» (doron) и «всё» (pan) [что дано]. Именно, все одарили этот слепок, возникший благодаря некоторому «предусмотрению». Прометей же, отвергающий их дар, обозначает не иное, как то, что выбор, происходящий преимущественно в умопостигаемом, — лучше. Сам же создатель [Пандоры] связан потому, что он некоторым образом зависит от того, что от него произошло. Узы же эти внешние. При этом разрешение их происходит от Геракла — потому, что у него есть возможность для того, чтобы освободиться, и для того, как освободиться. Однако, как бы об этом кто-нибудь ни рассуждал, ясно, что этот миф выражает то, что относится к дарованию [интеллигибельного содержания] космоса; и ясно, что это согласуется со сказанным.

l) [Jambl.] Theol. ar., p. 4, 9—17 de Falc. (Прометей — монада)

Поэтому она называется демиургом и создательницей, поскольку она замышляет математические сущности при помощи эманаций и извержений, откуда происходят телесности, жизнепорождения и сочетания. Поэтому называют ее в мифах и Прометеем — как *демиурга жизненности*, поскольку она, как максимально единичная, никоим образом не позволяет им уходить вперед, ни избегать собственного смысла, ни прочего, заставляя приобщаться к своим собственным особенностям. Всему, что ни увеличилось ввиду отступления и что она сама ни увеличила, она мешает убегать вперед и изменять ее собственный изначальный смысл и смысл его самого.

m) Julian. Or. VI 182 c, d (Прометей, универсально одушевляющий и осмысляющий принцип)

Даяние богов вместе с светлейшим огнем [Ср. Plat.Phileb. 16 c] через Прометея от Солнца с помощью Гермеса означает не что иное, как *распределение разума* (logoy) и ума (noy). Ведь Прометей-промысл, опекающий все смертные существа, который как бы искусственно затопляет природу теплым дыханием, дает всему участие в бестелесном разуме. Каждое принимает участие в том, в чем может: неодушевленные тела — только в фигуре, растение — уже в теле, живые существа — в душе, человек же — в разумной душе.

n) Procl. in R. P. II 53, 2 Kr. (Прометей — символ нисхождения души из умопостигаемой сферы в сферу рождения)

Как бывают вожди той и другой стороны, так надлежит мыслить единого представителя обеих сторон, восхождения и нисхождения, и двоякой при рождении жизни: плодородия и бесплодия. Таковым, если обратить внимание на мою догадку, надо считать не кого другого, как Прометея, которого и Платон в «Протагоре» [320 d] называет блюстителем человеческой жизни, как Эпиметея — жизни неразумной, и Орфей и Гесиод [Theog. 565] через кражу огня и передачу его людям обозначают *нисхождение души из умопостигаемого [состояния] к рождению как владыке человеческого периода и лучших и худших рождений.*

КУЛЬТ ПРОМЕТЕЯ

27. a) Paus. X 4, 4 (Культ Прометея в Панопее)

В Панопее [в Фокиде] на улице стоит небольшое здание из необожженного кирпича, и в нем находится статуя из пентелийского мрамора. Одни говорят, что это Асклепий, другие — Прометей и в доказательство указывают на лежащие тут же в овраге два камня, каждый величиной, достаточной для одной повозки. Камни эти не землянистого цвета, а такого, как бывают камни в оврагах или в песчаных горных потоках. Эти два камня издают запах совершенно как от человеческого тела. Говорят, что это остаток той глины, из которой Прометей создал род человеческий.

b) Paus. II 19, 8 (То же, — Прометей в Опунте коринфском)

По отношению к могиле Прометея то, что рассказывают аргивяне, мне кажется менее вероятным, чем рассказ жителей Опунта...

c) Paus. IX 25, 6 (Прометей в Фивах, связь с Деметрой)

Но ничто не запрещает сообщить, какое, по словам фивян, было начало этих таинств [кабиров]. На этом месте, говорят, был город, и жители его назывались кабирами. К одному из этих кабиров, именно к Прометею и его сыну Этнею, некогда пришла Деметра и вручила что-то на хранение, а что именно — считаю себя не вправе сказать.

d) Paus. I 30, 2 (Бег с факелами в честь Прометея в Афинах от жертвенника)

В Академии есть жертвенник Прометею, и от него начинается бег до города с зажженными факелами. Состязание заключается в том, чтобы во время бега сохранить горящим факел; если тот потухнет, то, хотя бы он прибежал первым, ему уже не достанется победа, но она вместо него переходит ко второму. Если же факел не уцелеет горящим и у этого, то победителем считается третий; если же у всех потухнут факелы, то никому не приписывается победа.

ПАРОДИИ

28. a) Aristoph. Av. 1494—1552 (Прометей под зонтиком сбежал от Зевса для сообщения важного известия Пифетеру)

Прометей. Боюсь я, как бы Зевс не увидел меня.
Где Пифетер?
Пифетер. Да это кто пришел сюда
С лицом закрытым?
Прометей. Милый, за спиной моей
Какого-нибудь бога ты не видишь?
Пифетер. Нет.
Ты кто же?
Прометей. Час который от полуночи?
Пифетер. Который час? Да так, немного за полдень.
Но ты-то кто?
Прометей. Обед, иль ближе к вечеру?
Пифетер. Вот надоел!
Прометей. А Зевс, скажи, что делает?
Блестит лазурью, небо застил тучами?

Пифетер. Чтоб сгинул ты!
Прометей. Теперь тебе откроюсь я.

(Снимает с головы плащ)

Пифетер. А, Прометей, приятель!
Прометей. Не кричи, молчи!
Пифетер. Ты что?
Прометей. Не называй меня по имени!
Погиб я, если Зевс меня заметит здесь.
Все расскажу я про дела небесные.
Но прежде этот зонтик надо мной раскрой,
Чтоб боги нас обоих не увидели.
Пифетер. Ого-го!
Не опрометчив Прометей, но — выдумщик!
Зонтом закройся! Говори без страха всё!
Прометей. Так слушай же!
Пифетер. Да говори, я слушаю.
Прометей. Зевс кончился!
Пифетер. Когда же это кончился?
Прометей. С тех пор как город вы воздвигли в воздухе,
Никто из смертных божествам не молится,
С тех пор и чад от жертвы всесожжения
К столу богов с земли не подымается.
Постимся мы, как будто в Фесмофории,
Сидим без приношений. Боги варваров,
Как иллирийцы, лязгая от голода,
Войной на Зевса угрожают двинуться
И требуют, чтобы границ открытия
Добился он и ввоза продовольствия.
Пифетер. Но разве заседают боги варваров
Средь нас на небе?
Прометей. Разве ж те не варвары,
Кого родными чтит Эксекестид?
Пифетер. Скажи,
А как зовутся эти боги варваров
По имени?
Прометей. Трибаллы.
Пифетер. Понимаю я!
Вот почему у вас «трепаться» начали!
Прометей. Конечно, так. Еще одно скажу тебе:
Послы от Зевса и трибаллов вскорости
К тебе придут о мире разговаривать.
Вы ни за что не соглашайтесь, требуйте,
Чтоб Зевс обратно птицам скипетр передал
И в жены отдал за тебя Василию.
Пифетер. Да это кто ж, Василия?
Прометей. Красавица,
Над Зевсовыми молниями ключница,
И надо всем хозяйка — над законами,
Над правом, честью, совестью и верфями,
Над клеветой, казною и поденщиной.

Прометей, создающий человека

Пифетер. Всему она хозяйка?
Прометей. Видят боги, да!
Добудь ее в супруги, завоюешь всё!
Вот для чего сегодня я спустился к вам.
Любовью к людям я горю старинною.
Пифетер. Из-за тебя лишь мы едим горячее.
Прометей. Богов я ненавижу — это знаете.
Пифетер. Да. Ненавистен ты богам порядочно!
Ты — новый Тимон!
Прометей. Друг мой, мне бежать пора!
Отдай мне зонтик! Коль увидит Зевс меня,
Пусть примет за служаночку на празднике.
Пифетер. Возьми еще скамейку, будь носильщицей.

(Прометей уходит в небо, Пифетер — в дом)

b) Luc. Deor. dial. 1 («Прометей и Зевс»)

Прометей. Освободи меня, Зевс: довольно я уже натерпелся ужаса.
Зевс. Тебя освободить, говоришь ты? Да тебя следовало бы заковать в еще более тяжелые цепи, навалив на голову весь Кавказ! Тебе шестнадцать коршунов должны не только терзать печень, но и глаза выклевывать за то, что ты создал нам таких животных, как люди, похитил мой огонь, сотворил женщин! А то, что ты меня обманул при разделе мяса, подсунув одни кости, прикрытые жиром, и лучшую часть сохранил для себя, — что об этом можно говорить?

Прометей. Разве я недостаточно уже поплатился, терпя столько времени мучения, прикованный к скалам Кавказа, и питая собственной печенью эту проклятую птицу, орла?

Зевс. Это даже не самая малая часть того, что ты заслужил.

Прометей. Но ты меня не даром освободишь: я тебе, Зевс, открою нечто весьма важное.

Зевс. Ты со мной хитришь, Прометей.

Прометей. Что же я этим выиграю? Ты ведь будешь прекрасно знать, где находится Кавказ, и у тебя не будет недостатка в цепях, если я попадусь, что-нибудь замышляя против тебя.

Зевс. Скажи сначала, какую важную услугу ты мне окажешь?

Прометей. Если я скажу тебе, куда ты сейчас идешь, поверишь ли ты мне, что и в остальном мои прорицания будут правдивы?

Зевс. Конечно.

Прометей. Ты идешь к Фетиде на свидание.

Зевс. Это ты верно угадал; что же дальше? Тебе, кажется, действительно можно верить.

Прометей. Не ходи, Зевс, к этой Нереиде: если она родит тебе сына, то она сделает с тобою то же, что ты сделал...

Зевс. Ты хочешь сказать, что я лишусь власти?

Прометей. Да не сбудется это, Зевс. Но сочетание с ней угрожает тебе этим.

Зевс. Если так — прощай Фетида. А тебя за это пусть Гефест освободит.

c) Luc. Prom. («Прометей, или Кавказ»)

(1) Гермес. Вот тот Кавказ, Гефест, к которому нужно пригвоздить этого несчастного Титана. Посмотрим кругом, нет ли тут какого-нибудь подходящего утеса, не покрытого снегом, чтобы покрепче вделать цепи и повесить Прометея так, чтобы он был хорошо виден всем.

Гефест. Посмотрим, Гермес. Нужно его распять не слишком низко к земле, чтобы люди, создание его рук, не пришли ему на помощь, но и не близко к вершине, так как его не будет видно снизу; а вот, если хочешь, распнем его здесь, посредине, над пропастью, чтобы его руки были распростерты от этого утеса до противоположного.

Гермес. Правильно ты решил. Эти скалы голы, отовсюду недоступны и слегка покаты, а тот утес имеет такой узкий подъем, что с трудом можно стоять на кончиках пальцев: здесь было бы самое удобное место для распятия... Не медли же, Прометей, выходи сюда и дай себя приковать к горе.

(2) Прометей. Хоть бы вы меня, Гефест и Гермес, пожалели: я страдаю незаслуженно!

Гермес. Хорошо тебе говорить: «Пожалейте»! Чтобы мы были преданы пытке вместо тебя, как только ослушаемся приказания? Разве тебе кажется, что Кавказ недостаточно велик и на нем не будет места, чтобы приковать к нему еще двоих? Но протяни же правую руку. А ты, Гефест, замкни ее в кольцо и прибей, с силой ударяя по гвоздю молотом. Давай и другую! Пусть и эта рука будет получше закована. Вот и отлично! Скоро слетит орел разрывать твою печень, чтобы ты получил полностью отплату за свое прекрасное и искусное изобретение.

(3) Прометей. О Крон, Иапет и ты, моя мать, посмотрите, что я, несчастный, терплю, хотя не совершил ничего преступного!

Гермес. Ничего преступного, Прометей? Но ведь, когда тебе поручили раздел мяса между тобой и Зевсом, ты прежде всего поступил совершенно несправедливо и бесчестно, отобрав самому себе лучшие куски, а Зевсу отдав обманно одни кости, «жиром их белым покрывши»? Ведь, клянусь Зевсом, помнится, так говорил Гесиод. Затем ты изваял людей, эти преступнейшие существа, и, что еще хуже всего, женщин. Ко всему этому, ты похитил ценнейшее достояние богов, огонь, и дал его людям. И, совершив подобные преступления, ты утверждаешь, что тебя заковали в цепи без всякой вины с твоей стороны?

Прометей, создающий человека

(4) Прометей. По-видимому, Гермес, ты хочешь, по словам Гомера, «невинного сделать виновным», если упрекаешь меня в подобных преступлениях. Что касается меня, то я за совершенное мною считал бы себя достойным почетного угощения в пританее, если бы существовала справедливость. Право, если бы у тебя было свободное время, я бы охотно произнес речь в защиту от возводимых на меня обвинений, чтобы показать, как несправедлив приговор Зевса. А ты ведь речист и кляузник — возьми на себя защиту Зевса, доказывая, будто он вынес правильный приговор о распятии меня на Кавказе, у этих Каспийских врат, как жалостное зрелище для всех скифов.

Гермес. Твое желание пересмотреть дело, Прометей, запоздало и совершенно излишне. Но все-таки говори. Все равно мне нужно подождать, пока не слетит орел, чтобы заняться твоей печенью. Было бы хорошо воспользоваться свободным временем для того, чтобы послушать твою софистику, так как в споре ты изворотливее всех.

(5) Прометей. В таком случае, Гермес, говори первым и так, чтобы обвинить меня сильнейшим образом и не упустить ничего в защите твоего отца. Тебя же, Гефест, я беру в судьи.

Гефест. Нет, клянусь Зевсом, я буду не судьей, а также обвинителем: ведь ты похитил огонь и оставил мой горн без жара!

Прометей. Ну, так разделите ваши речи: ты поддерживай обвинение о похищении огня, а Гермес пусть обвиняет меня в создании человека и дележе мяса. Ведь вы оба, кажется, искусны и сильны в споре.

Гефест. Гермес и за меня скажет. Я не создан для судебных речей, для меня всё — в моей кузнице. А он ритор и основательно занимался подобными вещами.

Прометей. Я бы не подумал, что Гермес захочет говорить также и о похищении огня и порицать меня, так как в этом случае я его товарищ по ремеслу.

Но, впрочем, сын Майи, если ты берешь на себя и это дело, то пора уже начать обвинение.

(6) Гермес. Право, Прометей, нужно много речей и хорошую подготовку для выяснения всего, что ты совершил. Ведь достаточно перечислить главнейшие твои беззакония: именно, когда тебе было предоставлено разделить мясо, ты лучшие куски для себя приберег, а царя богов обма-

нул; ты изваял людей, вещь совершенно ненужную, и принес им огонь, похитив его у нас. И мне кажется, почтеннейший, ты не понимаешь, что испытал на себе безграничное человеколюбие Зевса после таких поступков. А если ты отрицаешь, что делал все это, то придется доказать это в обстоятельной речи и постараться обнаружить истину. Если же ты признаешь, что совершил дележ мяса, что своими людьми ввел новшество и что похитил огонь, — с меня довольно обвинения, и я не стал бы говорить дальше; это была бы пустая болтовня.

(7) Прометей. Мы увидим немного позднее, не болтовня ли также и то, что ты сказал; а теперь, если ты говоришь, что обвинение достаточно, я попробую, насколько могу, разрушить его.

Прежде всего выслушай дело о мясе. Хотя, клянусь Ураном, и теперь, говоря об этом, мне стыдно за Зевса! Он так мелочен и злопамятен, что, найдя в своей части небольшую кость, посылает из-за этого на распятие такого древнего бога, как я, позабыв о моей помощи и не подумав, как незначительна причина его гнева. Он, как мальчик, сердится и негодует, если не получает большей части.

(8) Между тем, Гермес, о подобных застольных обманах, мне кажется, не следует помнить, и если и случилась какая-нибудь погрешность, то нужно принять это за шутку и тут же, на пирушке, оставить свой гнев. А приберегать ненависть на завтра, злоумышлять и сохранять какой-то вчерашний гнев — это совсем богам не пристало и вообще это не царское дело.

Право, если бы лишить пирушки этих забав — обмана, шуток, поддразнивания и насмешек, то останется только пьянство, пресыщение и молчание — всё вещи мрачные и безрадостные, весьма не подходящие к пирушке. И я никак не думал, что Зевс еще будет об этом помнить на следующий день, начнет гневаться и станет считать, что он подвергся страшному оскорблению, если при разделе мяса кто-нибудь сыграет с ним шутку, чтобы испытать, различит ли он при выборе лучший кусок.

(9) Предположи, однако, Гермес, еще худшее: что Зевсу при дележе не только досталась худшая часть, а она у него была совсем отнята. Что же? Из-за этого следовало бы, по пословице, небу смешаться с землей, придумывать цепи, и пытки, и Кавказ, посылать орлов и выклевывать печень? Смотри, чтобы это негодование не уличило Зевса в мелочности, бедности мысли и раздражительности. Действительно, что стал бы делать Зевс, потеряв целого быка, если из-за небольшой доли мяса он так сердится?

(10) Все-таки насколько справедливее относятся к подобным вещам люди, а ведь, казалось бы, им естественнее быть более резкими в гневе, чем боги! Между тем никто из них не осудит повара на распятие, если, варя мясо, он опустил бы палец в навар и облизал его или, поджаривая, отрезал бы себе и проглотил кусок жаркого, — люди прощают это. А если они чересчур рассердятся, то пустят в дело кулаки или дадут пощечину, но никого не подвергнут пытке за такой ничтожный проступок.

Ну вот и все по поводу мяса; мне стыдно оправдываться, но гораздо стыднее ему обвинять меня в этом.

(11) Но пора уже держать речь о моем ваянии и о создании людей. В этом проступке, Гермес, заключается двойное обвинение, и я не знаю, в ка-

ком смысле вы мне его вменяете в вину. Заключается ли она в том, что не нужно было вовсе создавать людей и было бы лучше, если бы они продолжали оставаться землей; или вина моя в том, что людей изваять следовало, но нужно было придать им иной вид? Но я скажу о том и о другом. И сначала я постараюсь показать, что богам не принесло никакого вреда появление на свет людей; а потом — что богам оно было гораздо выгоднее и приятнее, чем если бы земля продолжала оставаться пустынной и безлюдной.

(12) Итак, был некогда (таким образом будет легче и яснее видно, погрешил ли я чем-нибудь в устройстве человеческих свойств), был, значит, только божественный род небожителей, а земля представляла собой нечто дикое и неустроенное. Она вся поросла непроходимыми лесами, и на ней не было ни алтарей богов, ни храмов, — откуда им было взяться? Не было также изваяний, ни мраморных, ни деревянных, ничего того, что теперь повсюду встречается в большом числе и окружено всяческим почетом и вниманием. Но так как я всегда думаю об общем благе и стремлюсь увеличить значение богов и способствовать тому, чтобы и все остальное достигало порядка и красоты, то мне пришло на ум, что было бы хорошо, взяв немного глины, изготовить какие-нибудь живые существа и придать им вид, похожий на нас самих. Мне казалось, что божественному началу чего-то недостает, если ему ничто не противопоставлено, по сравнению с чем оно должно оказаться более счастливым. Однако это начало должно было быть смертным, но, впрочем, в высшей степени изобретательным, разумным и понимающим то, что лучше его.

(13) И вот, согласно словам поэта, «смешав с водою землю» и размягчив ее, я вылепил людей, пригласив Афину помочь мне в моей работе. Вот то великое преступление, которым я оскорбил богов. Ты видишь, какой ущерб я причинил тем, что из глины создал живые существа и прежде неподвижное привел в движение! По-видимому, с этого времени боги стали в меньшей степени богами, потому что на земле появились смертные существа.

Ведь Зевс негодует теперь, думая, будто богам стало хуже от появления людей. Неужели он боится, что они замыслят восставать против него и, как Гиганты, начнут войну с богами? Но, Гермес, что вы ничуть не обижены ни мной, ни моими поступками, это ясно. В противном случае укажи мне хотя на малейший ущерб, и я замолчу, а то, что претерпел от вас, признаю справедливым наказанием.

(14) А что мое создание оказалось даже полезным для богов, — в этом ты убедишься, если взглянешь на землю: она изменила свое первобытное и необработанное состояние, украсилась городами, полями и полезными растениями. Море, если посмотришь на него, сделалось доступным для кораблей, острова стали обитаемы, и повсюду встречаются алтари и храмы, жертвоприношения и всенародные праздники:

> Все улицы, все площади городов
> Наполнены Зевсом...

Другое дело, если бы я создал эти вещи для себя одного и извлек из них особенную выгоду; но я, принеся их в общее пользование, предоставил их вам самим. Больше всего видны храмы Зевса, Аполлона, Геры и твои собственные, Гермес, а храма Прометея нигде нет.

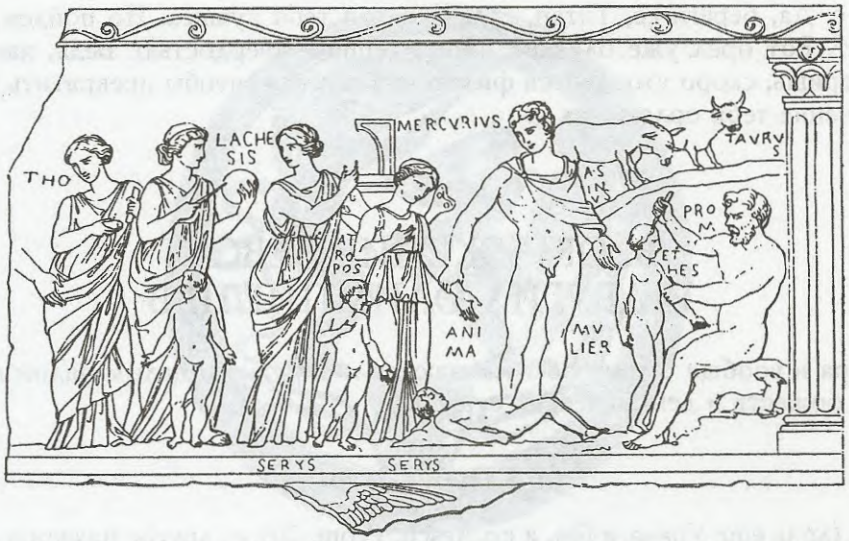
(15) Можешь ли ты заметить, чтобы я преследовал только свои выгоды, а общей пользой пренебрегал или поступился? Подумай также о том, Гермес, считаешь ли ты благом что-нибудь, чему нет свидетеля, будь то движимое или недвижимое имущество, которое никто не увидит и не похвалит? Доставляет ли оно, несмотря на это, радость и утеху его обладателю? Для чего это я спросил? Потому, что, если бы не было людей, красота всех вещей оказалась бы без свидетеля, и нам пришлось бы стать богатыми таким богатством, которое никого бы не удивляло и для нас самих не имело бы никакой цены. Потому что не существовало бы ничего худшего, с чем можно было бы сравнить богатство, и мы не могли бы понять степени своего блаженства, если бы не видели тех, кто лишен наших преимуществ. За такое общеполезное дело следовало воздавать почести, а вы распяли меня и таким способом отплатили за мое благое намерение.

(16) Но ты скажешь, среди людей есть злодеи, которые развратничают, воюют, женятся на сестрах и злоумышляют против родителей. Да разве среди нас не встречаются подобные явления, и притом в большом изобилии? Конечно, из-за этого никто не обвинит Урана и Гею, что они создали нас. Ты мог бы также сказать, что нам приходится много заботиться о людских делах. В таком случае, пожалуй, пусть и пастух негодует на то, что у него есть стадо, о котором ему необходимо заботиться. Однако, хотя это и хлопотливо, зато и приятно.

К тому же и сама забота — не без отрады, так как доставляет некоторое занятие. Что бы мы делали, не имея никого, о ком позаботиться? Мы бездействовали бы, пили нектар и насыщались амвросией, ничего не делая.

(17) Но в особенности меня сокрушает то, что, обвиняя в создании людей и, пожалуй, главным образом женщин, вы, тем не менее, влюбляетесь в них и не перестаете сходить к ним то в виде быков, то становитесь Сатирами и лебедями и считаете смертных женщин достойными рождать вам богов. Но, может быть, ты скажешь, что нужно было создать людей в каком-нибудь другом виде, а не подобных нам? Но какой же другой образец лучше этого я мог бы себе представить, какой более прекрасный во всех отношениях? Разве следовало сотворить существо неразумное, звероподобное и дикое? Каким же образом такие существа приносили бы жертвы богам или воздавали им другие почести? Но когда вам приносят в жертву гекатомбы, вы не медлите, хотя бы вам нужно было к Океану, «к безупречным идти эфиопам». А виновника получаемых вами почестей и жертвоприношений вы распяли. Относительно людей и сказанного достаточно.

(18) Теперь же, если позволишь, я перейду к огню и к его позорному похищению. Но, ради богов, ответь мне, нисколько не смущаясь, на следующее: разве мы потеряли хоть сколько-нибудь огня с тех пор, как он имеется у людей? Ведь ты этого не мог бы сказать? Мне кажется, сама природа этого предмета такова, что он не уменьшается, если им будет пользоваться еще кто-нибудь другой. Ведь огонь не потухает оттого, что от него зажгут другой. Следовательно, это одна лишь жадность — запрещать передавать огонь тем, кто в нем нуждается, если от этого вам нет никакого ущерба. Между тем богам-то нужно быть добрыми, «подателями благ» и следует находиться вне всякой зависти. Если бы я похитил даже весь огонь и снес его на землю, ничего не оставив вам, то и этим я не очень бы вас обидел. Огонь ведь вам совсем не нужен, так



Миф о Прометее, рассказывающий о рождении и судьбе человека. Античный саркофаг

как вы не зябнете, не варите амвросии и не нуждаетесь в искусственном освещении.

(19) А людям огонь постоянно необходим, в особенности для жертвоприношений, чтобы чадить по улицам, курить фимиам и жечь бедра жертвенных животных на алтарях. Ведь я вижу, как вы наслаждаетесь жертвенным дымом и считаете самым приятным угощением, когда жертвенный чад достигает неба «и вьется кольцами дыма». Следовательно, самый упрек в похищении огня был бы высшим противоречием вашим вкусам. Я удивляюсь, как это вы еще не запретили Солнцу освещать людей: ведь и оно тоже — огонь, только гораздо более божественный и пламенный, чем обыкновенный. Не обвиняете ли вы и Солнце в том, что оно расточает ваше достояние?

Я сказал. А вы оба, Гермес и Гефест, если находите что-либо неправильным в моей речи, поправьте и опровергните меня, и я опять начну оправдываться.

(20) Гермес. Не легко, Прометей, состязаться с таким превосходным софистом. Впрочем, счастье твое, что Зевс не слышал твоих речей! Я отлично знаю, что он шестнадцать бы коршунов приставил к тебе разрывать внутренности: так сильно ты его обвинил, делая вид, что оправдываешься. Но я удивляюсь несколько тому, что ты, будучи пророком, не предугадал предстоящих тебе пыток.

Прометей. Я предвидел это, Гермес, но мне известно также, что я буду освобожден. Скоро придет некто из Фив — он будет тебе братом — и застрелит орла, который, как ты говоришь, подлетит ко мне.

Гермес. Так пусть же это случится, Прометей, и я увижу тебя освобожденным и пирующим среди нас — однако так, чтобы ты уже не делил мяса.

Прометей. Не бойся. Я буду пировать с вами, и Зевс освободит меня за большую услугу.

Гермес. За какую-такую услугу?

Прометей. Ты знаешь Фетиду, Гермес?.. Но не следует рассказывать, лучше сохранить тайну, чтобы она для меня послужила расплатой и выкупом за освобождение от наказания.

Гермес. Да, береги ее, Титан, если это для тебя лучше... Но пойдем, Гефест. Вот орел уже близко... Итак, терпи с твердостью. Ведь, как ты говоришь, скоро уже явится фиванский стрелок, чтобы прекратить расчленение тебя орлом.

B. ОКРУЖЕНИЕ ЗЕВСА И ДРУГИХ ОЛИМПИЙЦЕВ

Зевс, Гера и вообще Олимп обслуживаются и окружены целым рядом мелких божеств и демонических существ.

1.ФЕМИДА И ОРЫ

Фемида (дочь еще Урана и Геи, а по Aesch. Prom. 209 — другое название для Земли) — олицетворение всякого порядка и права в природе, среди богов и людей. Особенно охраняет она права гостеприимства и является убежищем для притесняемых (благоразумная или «благосоветная», Pind., frg. 30, «правосоветная», Aesch. Prom. 18). Она созывает и распускает народные собрания и сидит около Зевса («небесная», Soph. El. 1064). По Aesch. Eum. 2, она владела оракулом в Дельфах до Аполлона. Ее атрибуты — рог изобилия и весы.

Оры, или Горы (об их происхождении от Зевса и Фемиды у Hes. Theog. 902, см. выше § 7 a; ср. Apollod. I, 3, 1 b § 7 c), выступают с двумя основными функциями. Древнейшая функция (зафиксированная у Гомера, § 29 b) указывает на связь их с облаками, которыми они оперируют при открывании и закрывании ворот неба (также § 29 c), защищая этими облаками небо от возможной непогоды. У Гесиода их три — Евномия (Благозаконие), Дика (Справедливость) и Эйрена (Мир). Они могут регулировать грозы и тем влиять на плодородие земли. Отсюда их связь с плодородным весенним дождем, с обилием плодов, фруктов и жатвы, а также их изящная, цветущая наружность молодых дев, как бы олицетворение юной, нежной красоты. Известна их близость к Гере, Афродите и Деметре. С другой стороны (и в этом значении они известны больше всего), Оры являются богинями времен года и вообще правильного протекания времени (hora — время, час). Это значение особенно заметно в «Одиссее». Отсюда недалеко было и до обозначения судьбы, сроков человеческих рождений и смертей и связанных с этим «этических» представлений. Особенно нужно отметить Дику (Справедливость), тоже восседающую рядом с Зевсом, которая творит суд и восстанавливает справедливость (§ 33 a, b). Ее сестры — Благозаконие и Мир, ее дочь — Тишина (Pind. Pyth. VIII 1). Дика с Харитами — см. § 37 c.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОР

29. a) Hes. Theog. 902 (Происхождение Ор)

См. выше, § 7 a.

Прометей и Атлант

b) IL. V 749—751 (Исходное значение Ор)

С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.

Ср. Pind., frg. dyth. 75 B. и Nonn. III 10.

c) Ov. Fast. I 125 сл. (То же, — слова Януса)

С кроткими Горами я охраняю небесные входы,
Солнца восход и заход я направляю рукой.

d) Nonn. II 175—177

В виде венка облаков, покрывалами в тесном сплоченье
Неба стражу блюли эфира хранители Горы,
Пестуны Фаэтона.

30. a) IL. VIII 432—435 (Оры и кони Геры)

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,
Их привязали браздами у яслей, амврозии полных;
Но колесницу богинь приклонили к стенам кругозарным.

b) Hymn. Hom. VI 5—15 (Оры одевают Афродиту)

И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой;
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко
Чудно-прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.

После того как на тело ее украшенья надели,
К вечным богам повели.

c) Cypria frg. 3 Ki. (Athen. XV, p. 682 e)

В платье цветное оделась, что ей Хариты и Горы
Создали и затем в цветах погрузили весенних.
Их несут Времена в шафране и в гиацинтах,
И в цветущей фиалке, в цветке упоительном розы
С сладостью нектара и в набухших ростках амвросийных.
Так Афродита в цветах, что течет красотою, нарцисса
Жертвы приемля порой, облачилась в платье цветное.

[И тот же поэт:]

Слугами окружена, Афродита с милой улыбкой
Заплетает венки из цветов земли благовонной.
Их на себя возлагают богини с блестящей повязкой,
Нимфы, Хариты и с ними златая сама Афродита.

d) Callim. Hymn. II 80—84 (Оры и Аполлон)

См. «Аполлон», § 2.

31. a) Od. II 107 (Другое основное значение Ор — олицетворение протекающего времени)

Но когда обращеньем времен (horai) приведен был четвертый [год]...

b) Od. X 469 сл.

Но когда, наконец, обращеньем времен (horai) совершен был
Круг годовой...

c) Od. XI 294 сл.

Но когда миновалися месяцы, дни пробежали, и года
Круг совершился, и Оры весну привели...

d) Od. XIV 293 сл.

Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился, и Оры весну привели молодую...

e) Od. XXIV 344 Лос.

Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда на них Зевесовы Оры влияют.

32. a) Anth. Pal. IX 363 Блум. (К общему настроению образа Ор, — Мелеагр)

Бури и вьюги печальной зимы улетели с эфира,
Вновь улыбнулась весне цветоносной румяная Ора,
Мрачное поле украсилось бледно-зеленой травою,
Вновь дерева, распускаясь, младыми оделись листами.
Утро, питатель цветов, мураву напояет росою;
Луг засмеялся угрюмый, и роза на нем заалела.
Звонкой свирели в горах раздалися веселые звуки;
Белое стадо козлят пастуха забавляет играньем.
Вдаль по широким валам мореходец отважный понесся;
Веяньем легким Зефира наполнился трепетный парус.

Все торжествуют на празднике гроздолюбивого Вакха,
Веткой плюща и лозой виноградной власы увивая.
Делом своим занялись из тельца происшедшие пчелы:
С дивным искусством и пламенным рвением в улье слепляют
Белые, медом златым и душистым текущие соты.
Яркие клики и песни пернатых несутся отвсюду:
С волн алкионы стенанье, чирликанье ласточки с кровли,
Крик лебединый с реки, соловьиные свисты из рощи.
Если ж и листья приятно шумят, и поля расцветают,
Голос свирели в горах раздается и резвится стадо,
Вдаль мореходец плывет, Дионис заплясал от восторга,
Весело птицы поют и трудом наслаждаются пчелы, —
Можно ль весною певцу удержаться от радостных песней?

b) Long. III 34

Лишь только яблоко это Дафнис увидел, он устремился сорвать его с самой вершины, не слушая Хлои, ему запрещавшей такое безумство. Но так как ее слова без вниманья остались, стремительно к стаду она убежала. Дафнис же, быстро на дерево взлезши, яблоко тотчас достал и принес его Хлое в подарок. Так как Хлоя сердита была, он к ней обратился с такими словами: «Милая дева моя! Горы прекрасные яблоко это взрастили, прекрасной яблони соком оно налилось; зрелым сделало солнце его, и судьба для меня сохранила. Имея глаза, я не мог покинуть его, чтоб на землю упало оно, чтобы стадо, пасясь, его затоптало, чтоб змея, извиваясь в пыли, ядом своим его напитала, чтоб от времени, брошенным, стало негодным оно, на кого вот сейчас все глядят — не нахвалятся. Победив красотой, Афродита его как награду взяла; я его подношу в знак победы твоей. Одинаковых судей имеете вы: на Иде Парис пас овец, на Лесбосе коз я пасу».

Юный Юпитер. Бронза греко-этрусской работы

Так сказавши, он положил ей яблоко в складки платья на грудь; когда ближе он к ней наклонился, она поцелуем его подарила, и нечего Дафнису было жалеть, что решился он взлезть так высоко: он получил такой поцелуй, что ему самого золотого яблока был он ценнее.

c) Philostr. Imag. II 34 (Описание картины с Горами)

(1) Что Горам поручена охрана небесных ворот, предоставим то знать и ведать Гомеру: ему ведь естественно вести знакомство и с Горами, так

как он по воле судьбы поднялся в вышний Эфир. А что здесь нам так тщательно изображает картина, легко поймет и простой человек. Ведь это Горы в своем собственном виде спустились с неба на землю, и, взявшись за руки, они кружатся в хороводе, изображая, по-видимому, круговращение года: Земля, полная мудрости, радушно приносит им все годовые плоды. (2) Я не скажу этим Горам весны: «Не топчите гиацинтов и роз»; тем, что они будут ими потоптаны, они станут еще милей, — от самих Гор исходит еще более сладостный запах. И Горам зимы я не скажу: «Не касайтесь нежных пажитей»; ведь если их Горы потопчут, полный появится колос. А вот эти, золотоволосые; они движутся над убором колосьев; и не то чтоб их сломать или согнуть, но до того воздушны они, что под ними даже не гнется созревшая нива. Мило в вас, виноградные лозы, что вы льнете к Горам осенним. Вы любите Гор, потому что они делают вас и прекрасными, и сладким вином плодоносными. (3) Такую-то жатву собрали мы с этой картины. И сами Горы изображены нам прекрасными с искусством просто удивительным. Что за чудесное у них пение! Как прекрасно кружатся они в хороводе, и так, что ни одна из них не повернется к нам спиной, и кажется, как будто бы к нам все они движутся! Руки подняты кверху, распущенные волосы их свободно развеваются; щеки у них горят от быстрых движений, и глаза как будто вместе с ними танцуют. Может быть, они позволяют нам помечтать и о художнике? Мне кажется, что, встретившись с Горами, он от них получил это влеченье к искусству; и, конечно, богини здесь в своем имени скрыли загадку: они ведь богини изящного, потому и рисовать надо «с изяществом».

ОКРУЖЕНИЕ И СИМВОЛИКА

33. a) Hes. Opp. et d. 256—264 (Дика)

Есть еще дева, великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за несчастье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде.

b) Soph. O. C. 1384 сл.

...В небе Правда есть исконная,
Законов древних Зевса сопрестольница.

34. Hyд. fab. 183 (Имена Ор)

Имена Гор (они от Зевса, сына Кроноса, и Фемиды, дочери Титаниды): Ауксо, Карпо, Талло, Евномия, Дика, Эйрена, Феруса, Евпория, Ортозия. Другие авторы называют их десять, с такими именами: Авга, Анатола, Музыка. Гимнастика, Нимфа, Месембриа, Спонда [два следующих имени сомнительны], Дисида.

35. a) Procl. in Tim. 30 a (I 396, 29 D.) (Демиургическая природа Фемиды)

Фемида по справедливости полагается среди начал демиургии. Ведь она есть причина демиургических установлений, и от нее в неразрушимом

виде составляется строй Всего. Поэтому она и остается девой до выступления Демиурга согласно прорицаниям Ночи:

...Рея пока не родит в любви ребенка для Крона... Зевсу же она приносит триаду Гор [Ср. Hymn. Orph. XLIII, см. ниже d]. Им поручены великое Небо и Олимп, а также им поручено отставлять и прилагать густое облако [IL. V 750 b § 29 b].

Юпитер

b) Procl. in Tim. 40 a (III 118, 30 D.) (К символизму Ор)

Поэтому, и богословы поставили Евномию над неподвижным [небом], различающую в нем множество [вещей] и сохраняющую каждую вещь в ее собственном чине. Потому же, следовательно, и, восхваляя Гефеста как творца неба, они связывают с ним Аглаю, как с тем, кто делает блестящим небо через разнообразие звезд. И, в свою очередь, над областью планет поставили из Гор Дику, как долженствующую превращать соответственно разуму неправильность в правильность, Талию же из Харит — как свершающую их вечноцветущие (aeithalleis) жизни, для подлунного мира, с одной стороны, Эйрену, как очищающую от ржавчины столкновение элементов, с другой же стороны, Евфросину из Харит, как дающую каждой вещи легкость действования согласно своей природе.

ОБРАЗЫ В ГИМНАХ

c) Hymn. Orph. LXXIX (Фемида)

Чистое чадо Урана зову, благоотчую нашу Фемиду,
Новую поросль от Геи, бутоноочитую деву,
Прежде других для людей открывшую чистый оракул,
В скрытом Дельфийском ущелье святые неся предсказанья,
Там, где Пифона земля, воцарившись в Дельфах Пифийских.
Там ты и Феба владыку оракул творить научила.
Видом блестяща, всечтима, священная ты и ночная,
Первая смертным ты принесла святые обряды,
Кликами славя владыку в ночные радения Вакха.
Ты даровала и почесть блаженным, и святость мистерий.
Но гряди к нам, блаженная, радость благого совета,
Тайноположны обряды принять в благочестии, дева.

d) Hymn. Orph. XLIII (Оры)

Горы, о дщери богини Фемиды и Зевса владыки, —
Ты, Евномия, ты, Дика, ты, многообильна Эйрена!
Вешние вы средь лугов, и обильны цветами, и чисты,
Желто-златисты вы, благоуханны цветов ароматом,
Вечноцветущие Горы, вы кружитесь, сладостнолики,
В пеплос росистый цветов вы одеты густо вспоенных.
Сверстницы вы Персефоны, подобно Харитам и Мойрам;
Как и они, в круговом хороводе вы тянетесь к свету,
Зевсу любезные дщери и матери плодородящей.
Ныне грядите на глас новых мистов к благим совершеньям,
Вы, доброплодные корни, удач приносящие щедро!

e) Hymn. Orph. LXII (Дика)

Очи всевидящей Дики пою, светловидной богини,
Что восседает на троне священном владыки Зевеса
И озирает с небес жизнь смертных многоплеменных,
Справедливым судом наказуя всех несправедливых,
Истиной к равенству всех приводя, что неравно бывает;
Все, что у смертных людей срастается с мыслями злыми,
Все, что неясно, — решаешь вполне для мнящих неправо.
Дика одна ниспровергнет неправое дело любое,
Враг для неправых, ко всем справедливым всегда благосклонна.
Но, богиня, гряди, благородным сочувствуя мыслям,
Дабы в назначенный день наступали события жизни.

f) Hymn. Orph. LXIII (Дикеосина = Справедливость)

Верх справедливости ты для людей, счастливая нам вожделенье!
Праведных смертных всегда ты даришь сообразно заслугам,
Счастлива долей, всечтима ты, гордая Дикеосина.
Должное ты присуждаешь всегда побужденьям чистым,
Все непорочное видя, извечно ты всех сокрушаешь,
Кто назначенье не принял свое, кто непостоянен,
Кто от тяжелого ига готов всякий раз уклониться.
Мирная, всеми любима, желанна, ты празднества любишь.
Дружно приветствуешь мир и желаешь устойчивой жизни,
Любишь ты правую долю, всегда же равенству рада.
Праведной доблести цель лишь мудрость твоя полагает.
Внемли, богиня, крушащая зло справедливо у смертных!
Сделай, чтобы благородная жизнь равновесье имела
Всюду у смертных людей, что плоды полевые снедают,
Также у всяких животных, что держит на лоне богиня
Мать-Земля и пучинный Зевес средь соленого моря.

2. ЕВРИНОМА И ХАРИТЫ

Еврином, дочь Океана (Hes. Theog. 359, 907), родившая от Зевса кроме трех Харит еще и речного бога Асопа (Apollod. III 12, 6. 4), вместе с Фетидой приняла Гефеста, когда Гера выкинула его с неба на землю (IL. XVIII 398 слл.; см. «Гефест», § 3 а). Позднее в орфических теогониях она —

супруга Офиона и первая владычица мира (Apoll. Rhod. I 503 слл.; см. «Теогония и космогония», «История», § 37 a).

Юпитер, олицетворяющий небесный свод

Хариты, или, по-латыни, Грации, — тоже олицетворение милого, веселого, ясного, красивого и счастливого, что есть в жизни богов (а потом и людей), но без того, несколько более сурового, природного оттенка, который отличает Ор. Хариты — дочери Зевса и океаниды Евриномы (Hes. Theog. 907, см. § 7 a; у Антимаха, Paus. IX 35, 5 их мать — Гера), и их три: Евфросина (Праздничное веселье), Талия (Цветущее счастье) и Аглая (Праздничный блеск); хотя Гомер еще не знает их имен и их числа, но говорит о целом роде Харит (IL. XIV 267). Родителями их называли также Гелиоса и Айглу (Блеск). Какая-то Харита — супруга Гефеста (IL. XVIII 382), по Hes. Theog. 945 — Аглая (хотя по Od. VIII 270 Гефест — супруг Афродиты). Эти стройные, милые, цветущие женщины с музыкальными инструментами и цветами были для древних символом эстетической услады, объединяясь с Музами и Орами в одно счастливое украшение и Олимпа и смертных людей. Они часто — вместе с Орами, Афродитой и Эротом, усыпанные розами и миртами, с флейтами, лирой, сирингами. В более древнее время они — одетые (Paus. I 22, 8, IX 35, 3, 7; Plin. Nat. hist. XXXVI 32), потом же — «голые Хариты» (поговорка), переплетающиеся руками вместе в одну группу (ср. Hor. Carm. I 30, 6 и III 19, 15: «Грация, что сплелась с двумя сестрами»; Sen. De benef. I 3: «Три сестры Грации, обвившись руками, смеясь, юноши и девы, распустивши прозрачные одежды...»).

36. a) Pind. Ol. XIV 1—24 (Без Харит и боги бездействуют)

Наследницы кефисских вод, вы, которые обитаете в прекрасных конями славных местах, царицы тучного Орхомена! Вы, хранительницы древнеродовых минийцев, внимайте мне во время молитвы. Ведь с вами происходит все приятное и усладительное для смертных, мудр ли кто, прекрасен или славен. Да и боги без благословенных Харит не господствуют ни над хорами, ни над пиршествами. Но, будучи распорядительницами всех дел на небе, поставивши троны вблизи златолукого Аполлона Пифийского, они вечно чествуют отца Олимпа. Внимайте же ныне, властительная Аглая, любящая песни Евфросина, дочери сильнейшего из богов, с песнелюбивой Талией, которая взирает на это легко ступающее шествие.

b) Pind. Ol. I 30—32 (Общее о Харитах)

Харита, которою одною живет всё сладостное для смертных, очень часто благодаря своему влиянию делает правдоподобным даже то, чему не следует верить.

Ср. Pind. Ol. I X16—28.

37. a) Sapph. frg. 60 PLG (О Харитах)

Нежных Харит
Кличу семью,
Муз пышнокудрых кличу.

b) Sapph. frg. 65

Вас, Хариты, пою,
Девы небес!
Розы запястья вам!

c) Sapph. frg. 78 (Хариты и Дика)

О Правда! вплетать
Любо тебе
Зелень живую в кудри,

И гибкие ты
Нежной рукой
Ветви кустов ломаешь.

Зане веселит,
Правда, тебя
В круге Харит блаженных

Весенний убор!
Кто ж не венчан,
Тот не угоден вышним.

38. a) Theogn. 15—18 Блум.

Дочери Зевса, Хариты и Музы! Пришедши когда-то
К Кадму на свадебный пир, пели вы чудную песнь:
«Только прекрасное мило, а что не прекрасно, не мило».
Вот какая неслась песнь из божественных уст.

b) Ibyc. frg. 5 PLG Вер.

О Евриал! Харит лучезарных ветвь
Ты, о питомец Муз пышнокудрых! Кипридою
И нежной Пейто ты под розами вскормлен, цветущими пышно.

39. a) Anacr. 44 PLG (Дионис и Хариты)

Посмотри, как вдруг с весною
Убрались Хариты в розы!
Посмотри, как волны моря
Чередой идут спокойной,
Как плывет привольно утка
И журавль как выступает!
Феб сияет в полном блеске,
Облака сгоняя с неба.
Смертных труд кипит в разгаре.
Плод смоковница приносит,
Плод приносит и олива —
И увенчан куст Лиэя;
Из-под листьев, из-под веток
Всюду плод цветет и зреет.

b) Anacr. 4 (Оры, Хариты, Афродита, Дионис)

Сделай мне, художник славный,
В честь весны большую чашу!
Изваяй на ней ты Ору,
Что нас розами венчает,
На серебряных окраинах
Пир представь веселый, пышный.
Но прошу: не режь на чаше
Ты ни варварских обрядов,
Ни картин печальных, смутных;
Лучше вырежь сына Зевса,
Винодателя Лиэя,
Да прекрасную Киприду
В резвой пляске новобрачных,
Безоружного Эрота
И Харит с улыбкой нежной,
Под густою сенью листьев
Виноградника лежащих.
Вырежь мальчиков веселых
И представь их в играх с Фебом.

40. Eur. Herc. f. 674—690 (Хариты, Музы, Аполлон)

См. «Аполлон», § 13 k.

41. Hymn. Orph. LX (Хариты в гимнах)

Внемлите мне, о Хариты преславны и светлочтимы.
Зевса вы дочери и Евриномы с обширною грудью,
Многообильны Аглая, и Фалия, и Евфросина.
Радости вы порожденье, любезны, и благи, и чисты,
Видом блестящи и вечноцветущи, вы смертным желанны,
Ибо без вас и проворное пламя луны или солнца,
Мудрость, или добродетель, иль гордость готовой отваги,
Даже обильная жизнь, даже наипрекрасная юность, —
Не пробуждает ничто без Харит наслаждения жизнью.
О круговые, желанные, с ликом цветущим, любимы,
Вечно приятные мистам, дающие блага, грядите!

42. Cornut. 15 (Общее)

Поскольку следует нам быть, как сказано, и творцами блага, многие сообщают предание о дочерях Зевса — Харитах: одни — что эти последние родились у него от Евридоры — ввиду того, что они любят приносить дары от широких и пространных чертогов; другие — что от Евриномы, причем этим устанавливается, что тот, кто наделен (nemomenai) большими долями, в некотором смысле более любезен, чем должен быть; некоторые же — что от Евримедузы, причем и корень этого слова указывает на то ж: ведь люди являются господами над тем, что они имеют. Одни дают им в матери Геру, чтобы они были благороднейшими из богов, поскольку они относятся к сфере действия. В другом смысле их выводят голыми, а именно в том, что оказывать кому-нибудь полезную помощь (быть во многом любезным) могут и те, кто не обладает никаким достоянием, и что вовсе не нужно быть излишне богатым, чтобы

быть в состоянии творить добро. Так и сказано: «Самая прекрасная душа — в гостеприимстве». Некоторые полагают, что их наготой устанавливается необходимость быть благосклонным и не иметь препятствий к оказанию любезности. Одни утверждают, что их двое, другие — что трое; двое — потому, что одни должны начать оказывать любезность, другие должны отвечать, а трое — потому, что достигший взаимности находится в прекрасном положении опять стать любезным, чтобы это происходило непрестанно. Нечто подобное выражает и их пляска. Другие говорили, что одна Харита связана с тем, кто оказывает какую-нибудь полезную помощь, другая — с тем, кто эту помощь принимает и выжидает удобный момент для ответа, третья же — с тем, кто в удобный момент оказывает какую-нибудь услугу в ответ согласно собственному желанию. Так как нужно творить добро весело и так как Хариты делают веселыми и тех, кто воспользовался этим добром, то, во-первых, и все Хариты вообще имеют имя от «радости» (chares) (при этом говорят, что они — прекрасного вида и с удовольствием одаряют [других] приятностью и убедительностью), а затем и в частности одна называется Аглая, другая — Талия и третья — Евфросина, причем из-за этого одни утверждают, что их мать Еванта (Прекрасноцветочная), другие — что Айгла (Блеск). Гомер же говорит, что одна из Харит живет с Гефестом — ввиду того, что художественные произведения привлекательны (epicharita).

3. МНЕМОСИНА И МУЗЫ

См. «Аполлон», § 31—36.

4. ГЕБА

Геба («молодость»; у римлян Juventus), по Hes. Theog. 922, 952 (§ 7 a), — дочь Зевса и Геры, вечно юная прислужница богов. С ней вступает в брак Геракл после своего вознесения на небо и примирения с Герой.

43. a) IL. IV 1—4 (Геба — прислужница богов)

Боги, у Зевса отца на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.

Ср. Nonn. XXV 450.

b) IL. V 720—732 (Геба — прислужница коней Геры)

Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями

Геракл дарит Юпитеру рог Ахелоя

Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
730 Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

c) IL. V 905 (Прочие функции, — Геба омывает раненого Ареса)

905 Геба омыла его, облачила одеждою пышной...

d) Hymn. Hom. II 17 (Танцы Гебы на Олимпе вместе с Харитами, Орами и др.)

См. «Аполлон», § 13 e.

e) Hor. Carm. I 30. 8 (Геба в сопровождении Венеры с Амурами-Грациями и др.)

См. «Афродита», §*

44. a) Od. XI 601—604 (Геба — супруга Геракла после его апофеоза)

Видел я там, наконец, и Ираклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебеи, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Иры.

b) Hymn. Hom. XV 6—8

Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живет и имеет прекраснолодыжную Гебу.

5. НИКА

Образ Ники (Виктории) больше принадлежит изобразительному искусству, чем поэзии. Гомер его еще совсем не знает. Но уже Гесиод (§ 45) рассказывает подробную историю о происхождении Ники вместе с Завистью,

* В главе об Афродите страница с этим текстом утрачена *(А. А. Тахо-Годи)*.

Силой и Мощью от Палланта и Стикс и о помощи, оказанной ею Зевсу. Будучи символом победы, Ника является спутником не только Зевса, но и Деметры (Cic. in Verr. IV 49, 100) и Афродиты. Особенно, однако, близка она к Зевсу и Афине, являясь вестником победы или управляя победной колесницей (так в Гигантомахии или в вознесении обожествленного Геракла на Олимп). У Пиндара победитель даже падает в ее объятия (Nem. V 42, Isthm. II 26). Кроме символа победы, являющегося атрибутом Зевса, Ника еще помощница героям при благодарственном жертвоприношении. Образ Ники развивался в связи с ростом государственного и военного сознания. Во второй же половине V в. он приобрел еще оттенок победной женской красоты. Появилось с течением времени также и много Ник.

45. Hes. Theog. 383 сл. (Происхождение Ники и — дальше до 403 ст. — участие вместе с прочими детьми Стикс в Титаномахии)

Стикс, Океанова дочерь, в любви сочетавшись с Паллантом,
Зависть в дворце родила и прекраснолодыжную Нике.

46. Bacchyl. frg. 6 Hill.-Cr. (О Нике)

О Ника с сладкими дарами!..

На многозлатном Олимпе предстоя перед Зевсом, она судит об исходе доблести и для бессмертных и для смертных.

47. a) Aristoph. Equ. 581—589 (Ника и Афина)

О Градодержица, тебя,
Дева Паллада, мы зовем.
Свята земля твоя, и нет
В мире кругом меча острей,
585 Нет и поэтов слаще.
Ныне приди. И пусть с тобой
Та, что в походах и в боях
Спутница наша вечно, —
К нам Победа придет, хоров подруга.

b) Bacchyl. frg. (40) Hill.-Cr. (Anthol. Pal. VI 313) (Ника в гимнах, — молитва к Нике)

К славному хору картеян, владычица Ника, Палланта
Многоименная дочь, ласково взоры склоняй
И Вакхилиду киосцу увенчивай чаще, богиня,
На состязаниях Муз кудри победным венком.

48. Nonn. II 205—236 (Ника и Зевс, — Ника призывает Зевса на борьбу с Тифоном)

См. «Теогония и космогония», «Система», § 59.

49. Hymn. Orph. XXXIII (Ника в гимнах)

Нику зову я, прекрасную силой, владычицу смертных,
Что лишь одна разрешает воинственный пыл человеков,
В битву соперников распрю мучительную прекращая,
В войнах судью о делах, что трофеи несут за собою.
Подвигами возбуждая, несешь ты сладчайшую славу,
Ибо ты крепче всех: средь вражды благородную Ника

Зиждет молитву при отличье, обильная преуспеяньем.
Ника блаженна, приди, вожделенная оком блестящим,
Вечно славным делам конец принося благородный.

6. ИРИДА

Ирида в своем древнейшем значении есть радуга (о чем имеем два свидетельства в «Илиаде», оба — в сравнениях; см. § 51 a, b). Эта связанность Ириды с влажной стихией, и в частности с ветрами, проглядывает, кроме непосредственных свидетельств (§ 52, a, b), у Гесиода в сообщении о клятве богов водою подземной реки Стикс (§ 53), у Гомера — о переговорах Ириды с Ветрами (§ 54) и у Алкея — о браке Ириды с Зефиром (§ 55 a), причем это развивается в дальнейшем (у Феокрита, Нонна и др., § 55 b) в мотивы эротического характера. Другое, более известное значение Ириды связано с тем, что она — первый вестник у Зевса и Геры (эту роль разделяет с нею Гермес) (§ 57 a—d), хотя не исключаются и самостоятельные переговоры Ириды с богами и героями (§ 58 a, b). Наконец, у Вергилия (§ 59 b—d) мы находим определенное совмещение обеих функций, так что полный образ Ириды — это разноцветная радуга божественной вести.

50. Hes. Theog. 265—266 (Происхождение Ириды)

Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру
Взял себе в жены Тавмант. Родила она мужу Ириду...

51. a) IL. XI 24—28 (Ирида-радуга, — о латах Агамемнона)

В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;
Сизые змеи по ним воздымалися кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.

b) IL. XVII 547—552 (То же, — об Афине)

Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудит
В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит, —
Дочь такова Громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распаляла.

52. a) Tzetz. IL. XV 82 (Ирида и погода)

Ирида приносит с моря ветер или большой дождь (по Эмпедоклу).

Ср. то же, ibid. XXIV 51.

b) Schol. IL. XXIII 199

Как появление Ириды часто указывает на движение ветров...

53. Hes. Theog. 775—787 (Ирида носит воду Стикс для клятвы)

Там обитает богиня, будящая ужас в бессмертных,
Страшная Стикс, — Океана, текущего кругообразно,
Старшая дочь. Вдалеке от бессмертных живет она в доме.

Скалы нависли над домом. Вокруг же повсюду колонны
Из серебра, и на них высоко он вздымается к небу.
Быстрая на ноги дочерь Тавманта Ирида лишь редко
С вестью примчится сюда по хребту широчайшему моря.
Если раздоры и спор начинаются между бессмертных,
Если солжет кто-нибудь из богов, на Олимпе живущих,
С кружкою шлет золотою отец Молневержец Ириду,
Чтобы для клятвы великой богов принесла издалека
Многоименную воду холодную, что из высокой
И недоступной струится скалы.

54. IL. XXIII 198—204 (Ирида и Ветры)

Златокрылая дева Ирида,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к Ветрам,
Кои в то время, собравшись у Зефира шумного в доме,
Весело все пировали. Ирида, принесшися быстро,
Стала на каменном праге; и Ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
С ними сидеть отказалась богиня и так говорила...

55. a) Alcaei frg. 13 PLG (Ирида и Зефир)

Всех сил бессмертных юный тот бог страшней,
Кого — богиня в легких сандалиях —
От златокудрого Зефира
Радуга нам родила, Ирида.

b) Theocr. XVII 134 слл. (Ирида готовит ложе Зевсу и Гере)

Так же священный свой брак заключили владыки Олимпа,
Чада, рожденные Реей могучей, бессмертные боги.
Так же готовила встарь в благовоньях омытой рукою
Ложе для Зевса и Геры Ирида, тогда еще дева.

Ср. Nonn. XXXI 106—135 и дальше.

56. a) Plat. Theaet. 155 d (Ирида — философия)

Удивляться есть свойство особенно философа, ибо начало философии не иное, как это, и тот, кто Ириду назвал порождением Тавманта [«удивляющегося»], не худо знает ее генеалогию.

b) Cic. De nat. deor. III 20, 51 (Ирида — богиня)

Почему образ Радуги не причислить к богам? Ведь она прекрасна. И по той причине, что она имеет удивительный вид, возникла легенда, что Ирида есть дочь Тавманта. Если ее природа божественна, то почему ее наружность состоит из облаков? Ведь сама радуга образуется из облаков, некоторым образом окрашенных. Одно из них, по преданию, даже родило Кентавров.

57. a) IL. II 786—795 (Ирида — вестник к троянам)

Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.

Юнона-Лукина

Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
В виде его провещала посланница Зевса Ирида...

b) IL. VIII 397—400, 409—413, 425

Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс — и Ириду к ним устремил златокрылую с вестью:
«Мчися, Ирида крылатая, вспять возврати их, не дай им
Дальше стремиться; иль не к добру мы сойдемся во брани!»...
Рек он — и бросилась вестница, равная вихрям Ирида:
Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской,
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
«Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?»,
Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ирида.

c) IL. XV 143—173 (Ирида — вестница Зевса)

Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Иридою, вестницей быстрой богов олимпийских.
К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:
«Зевс повелел, да на Иду не медля предстанете оба;
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,

Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхощет».
Так изрекла и, в чертог возвратяся, владычица Гера
Села на трон, а Ирида и Феб, устремясь, полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;
Там, на возвышенном Гаргаре, Зевса нашли Громодержца;
Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
Стали — и к ним устремил Олимпиец негневные очи:
Скоро они покорились супруги его повеленьям.
К первой Ириде он рек, устремляя крылатые речи:
«Шествуй, Ирида быстрая, к богу морей Посидону,
Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит, —
Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаясь:
Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить.
Думаю, что Посидаона я и могуществом высший,
Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут».
Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба:
Быстро от Иды горы понеслась к Илиону святому.
Словно как снег из тучи иль град холодный обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем, —
Так устремляяся, быстрая путь пролетела Ирида;
Стала и так провещала могущему Энносигею...

d) IL. XVIII 165—168, 183, 196, 202 (Ирида — к Ахиллу)

Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ирида
С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой...
Вновь отвечала герою подобная ветрам Ирида...

.....

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ирида.

58. a) IL. V 353, 354 (Самостоятельная роль Ириды, — помощь раненой Афродите)

Быстро Ирида ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!

b) IL. III 121—142

С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной,
Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антенорид, царь Геликаон,
Образ младой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.

К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:
«Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань; ратоборцы
Все на щиты преклонилися, копья их воткнуты в землю.
Но герой Александр и Атрид Менелай брапоносный
С копьями длинными выйдут одни за тебя подвизаться;
И супругой любезной тебя наречет победитель».
Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,
Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, сребристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из терема шествует, с нежной слезой на ресницах.

59. a) Eur. Herc., frg. 822—841 (Ирида и Геракл, — Ирида вместе с богиней безумия Лиссой наводит безумие на Геракла по поручению Геры)

Смелее, люди! Зла мы не хотим
Ни городу, ни вам. Со мною Лисса,
Рожденная от Ночи, я ж Ирида,
Посланница богов. Идем же мы
На смертного, который позволяет
Себя звать сыном Зевса и Алкмены.
Пока он не свершил своих трудов
Тяжелых, Рок его хранил, и нам,
Мне с Герой, не давал его в обиду
Отец. Но порученья Еврисфея
Окончил он — теперь охрана снята.
Угодно Гере, чтоб Геракл себя
Детоубийства скверной запятнал.
Угодно Гере так, и мне угодно.

b) Verg. Aen. IV 693—704 (Поручения Юноны)

...Ириду к ней Юнона послала с Олимпа,
Чтоб отпустила ей душу в борьбе и с нею слитые члены:
Гибла она не по воле Судьбы, не заслуженной смертью,
Но раньше срока, вспылав, несчастная, буйством внезапным,
И еще волос златой Просерпиной с темени не был
Снят у нее, и глава не взята была Стигийским Орком.
Росная, вот на крылах ярко-желтых Ирида в небе
Мчится, горя против солнца различных тысячью красок,
Стала у ней в головах: «Несу эту жертву я Диту
По повеленью, тебя ж разрешаю от этого тела».
Это промолвив, десницей отсекла волос, и тут же
Весь ее пламень пропал, и в воздух душа отлетела.

c) Verg. Aen. V 605—612

В час, как холму воздают различными играми почесть,
Ириду ниспосылает Юнона Сатурния с неба
К илийским челнам и веет ветром попутным летящей,
Многое мысля, еще былой не пресытив кручины.

Та, ускоряя свой путь, по дуге из тысячи красок,
Быстрой слетает стезей, никем не зримая дева,
И озирает собранье огромное, брег пробегая,
И опустелые видит места и забытые челны.

См. и далее, до 663 ст. Ср. 657—658.

d) Verg. Aen. IX 1—22

И покуда дела такие велись в отдаленье,
С неба Сатурнова дочь Юнона послала Ириду
К смелому Турну. Тогда как раз в священной долине,
В роще Пилумна отца, сидел он. К нему обращаясь,
Так из розовых уст промолвила Фаумантида:
«Турн, что никто из богов обещать не дерзнул бы молящим,
Время приносит само во вращенье своем неустанном:
Город, дружину и флот оставив, путь направляет
К Палатинской Эней державе, к престолу Евандра.
Этого мало: достиг берегов он крайних Корита
И, набирая крестьян, ополчает отряды лидийцев.
Что же ты медлишь? Пора на коней, пора к колесницам!
Все замедления рви и захватывай лагерь смятенный».
Молвила, и в небеса вознесли ее равные крылья,
И, улетая, она под тучей радугой встала.
Юноша деву узнал и обе длани ко звездам
Поднял, и так говорил вослед уходящей: «Ирида,
Неба краса, кто тебя ко мне через тучи на землю
Ныне послал? Отчего разлилась такая внезапно
Ясность? Вижу я, как расступается небо и звезды
Движутся в тверди. Иду навстречу знаменьям этим,
Кто бы к оружью ни звал».

7. ГАНИМЕД

Прекрасного мальчика Ганимеда, сына царя Троса и Каллирои, Зевс похитил и сделал своим виночерпием. О похищении при помощи орла не говорится в древнейших источниках (§ 60 a, b, § 61 a), но позднее фигурирует орел (напр., § 61 b, § 62 d, e) и даже сам Зевс под видом орла (§ 62 e, f), с нескрываемым эротическим мотивом (§ 62 d, e, § 65). Появившаяся эротика связала потом этот миф с Критом, местом, которое особенно было известно в смысле любви к мальчикам. Ганимед так красив, что им не побрезговал и Тантал (Diod. IV 74), равно как и Заря, тоже любившая воровать красивых мальчиков (Schol. Apoll. Rhod. III 115). Не было недостатка и в намеренном оправдании этой любви, понимаемой то более, то менее телесно (§ 63 a—e). Известно, как Платон старается преобразить педерастию в своих «эротических» диалогах, отражение чего находим и в его суждении о Ганимеде (§ 64 a). «Духовно» рассуждает и Ксенофонт (§ 64 b).

60. a) IL. XX 230—235 (Происхождение и назначение Ганимеда)

Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса:
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.

Юнона Соспита

Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.

b) IL. V 265—267 (Благодарность Зевса Тросу за Ганимеда)

Кони сии от породы, из коей Кронид Громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.

61. a) Hymn. Hom. IV 201—217 (Общее изложение мифа о Ганимеде)

...Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем, —
Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, —
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещенье за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
После того как услышал он Зевсово это известье,
Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.

b) Apollod. III 12, 2

Трос, принявши царство, назвал страну по самому себе Троей и, женившись на Каллирое, дочери Скамандра, родил дочь Клеопатру и сыновей Ила, Ассарака и Ганимеда. Последнего Зевс при помощи орла похитил из-за красоты и сделал его виночерпием для богов.

62. a) Pind. Ol. 41—42 (Услада Зевса; Пиндар — к Пелопу)

Когда твой отец пригласил богов на честный пир, в свой любезный Сипил, предлагая им, в свой черед, гостеприимство, тогда-то бог с блестящим трезубцем, воспылав страстной любовью, похитил тебя на золотых конях, и ты переселился в высокие чертоги широкочтимого Зевса, куда в последующее время был вознесен и Ганимед для такого же служения Зевсу.

b) Hor. Carm. IV 4, 1—4 (Ганимед и Зевсов орел)

Орла ты видел? Страж он при молнии:
Ему Юпитер царство над птицами,
Богов владыка, дал, на русом
Верность его Ганимеде сведав.

c) Verg. Aen. I 25—28 (Отношение Геры)

Ведь не изгладились гнева причины еще и печали
Злые в душе у нее; скрыты в сердце, глубоко таились —
Парида суд и ее красоты обойденной обиды,
Род ненавистный, и честь, что приял Ганимед похищенный.

ГАНИМЕД У РАЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

d) Verg. Aen. V 250—257 (Ганимед вышит на золотой хламиде)

Вкруг многократно
Пурпур ее обегал мелибейский двурядным меандром;
Царственный мальчик на ней был вышит, по Иде лесистой
Дротиком кто утомляет и бегом — быстрых оленей,
Ярый и дышащий тяжко; его стремительный с Иды
Ввысь похищает ногами когтистыми Йова служитель,
И бесполезно подъемлют стражи старые к звездам
Длани свои и собак по воздуху лай раздается.

e) Ov. Met. X 152—161 (Ганимед — игривая страсть Зевса)

Буду отроков петь я —
Нежных любимцев богов, и дев, что, пылая напрасно,
Кару в безумьи своем навлекли на себя любострастьем.
В оные дни небожителей царь к Ганимеду фригийцу
Страстью зажегся; и вот изобрел он, во что превратиться,
Чтобы собою не быть; никакой становиться иною
Птицею сан не велел — лишь его же носящей перуны.
Он не помедлил: рассек заемными крыльями воздух
И Илиада унес — он доныне ему виночерпий
И, хоть Юнона в сердцах, подает Вседержителю нектар.

f) Nonn. XXV 930 сл. (То же)

Крадучись, Зевс появился, летя по просторам эфира,
Чтоб в безопасных когтях унести изумленное чадо.

63. a) Theogn. 1345—1350 Лос.

Сладко любить детей, если некогда и Ганимеда
Сам полюбил Кронид, [в небе] бессмертных царь,
И, украв, возвел на Олимп, чтоб его там поставить
Демоном, что возымел цвет молодой любви.
Ты потому не дивись, Симонид, что и я подчинился:
Мальчик прекрасный меня страстью к себе победил.

b) Plat. Phaedr. 255 b, c

Когда он в течение долгого времени поступает так и сближается с любимым, соприкасаясь с ним при гимнастических упражнениях и во всем прочем общении, тогда источник того потока, который Зевс, полюбивший Ганимеда, назвал любовным пылом (himeros), в обилии несется к поклоннику: отчасти он проникает в любимого, отчасти, когда тот переполнен им, мимо течет.

c) Soph. ap. Athen. XIII 602 e (TGF 320)

Софокл же в «Колхидцах» употребил выражение о Ганимеде: «Он поджигает своими бедрами тиранию Зевса».

d) Eur. Or. 1386—1392 (Фригиец проклинает красоту, губящую народы)

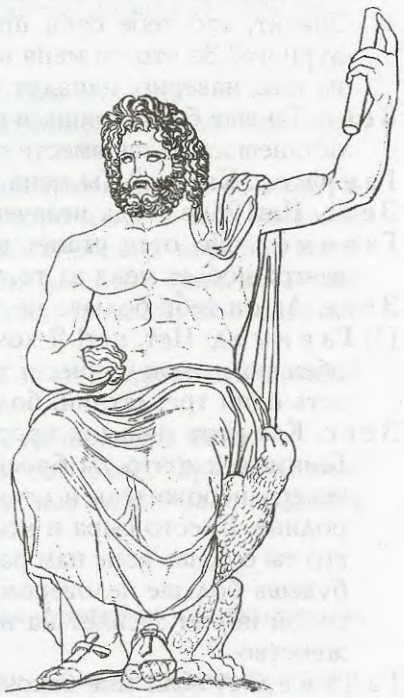
Как азиатская флейта,
Песнью надгробною плачу:
Лебедя дивное чадо,
Трою красой ты сгубила.
Лейся ж напев гробовой
И Ганимеду звучи,
Внуку Дардана, проклятьем
Зевса усладе... Увы мне!

64. a) Plat. Legg. I 636 d (Более духовное отношение к Ганимеду)

Мы все порицаем критян за то, что они выдумали миф о Ганимеде. Так как они были убеждены, что их законы происходят от Зевса, они и присочинили этот миф против Зевса, чтобы вслед за богом пользоваться и этим наслаждением.

b) Xen. Conv. VIII 28—30 (Духовное толкование Ганимеда)

Я хочу показать тебе, Каллий, также и на основании примеров из мифологии, что не только люди, но и боги и герои любовь к душе ставят выше, чем наслаждение телом. Зевс, например, влюбляясь в прелести смертных женщин, после сочетания с ними оставлял их смертными; а в ком он восторгался добродетелями души, тех делал бессмертными; к числу их принадлежат Геракл и Диоскуры, да и другие, как говорят. Я тоже утверж-



Юпитер Капитолийский

даю, что и Ганимеда Зевс унес на Олимп не ради тела, но ради души. В пользу этого говорит и его имя. У Гомера есть выражение: ganytai de t'acoyon — это значит: «радуйся слушая». А где-то в другом месте есть такое выражение: pycina phresi medea eidos. Это имеет смысл: «зная в уме мудрые мысли». Как видно из этих двух мест, Ганимед получил почет среди богов не потому, что был назван «радующий телом», но «радующий мыслями».

65. а) Luc. Deor. dial. 4 («Зевс и Ганимед»)

(1) Зевс. Ну вот, Ганимед, мы пришли на место. Поцелуй меня, чтобы убедиться, что у меня нет больше кривого клюва, ни острых когтей, ни крыльев, как раньше, когда я казался тебе птицей.

Ганимед. Разве ты, человек, не был только что орлом? Разве ты не слетел с высоты и не похитил меня из средины моего стада? Как же это так вдруг исчезли твои крылья и вид у тебя стал совсем другой?

Зевс. Милый мальчик, я не человек и не орел, а царь всех богов и превратился в орла только потому, что для моей цели это было удобно.

Ганимед. Как же? Ты и есть тот самый Пан? Отчего же у тебя нет свирели, нет рогов и ноги у тебя не косматые?

Зевс. Так, значит, ты думаешь, что, кроме Пана, нет больше богов?

Ганимед. Конечно! Мы всегда приносим ему в жертву нехолощенного козла у пещеры, где он стоит. А ты, наверно, похитил меня, чтобы продать в рабство?

(2) Зевс. Неужели ты никогда не слыхал имени Зевса и никогда не видал на Гаргаре алтаря бога, посылающего дождь, гром и молнию?

Ганимед. Так это ты, милейший, послал нам недавно такой ужасный град? Это про тебя говорят, что ты живешь на небе и производишь там шум? Значит, это тебе отец принес в жертву барана? Но что же я сделал дурного? За что ты меня похитил, царь богов? Мои овцы остались одни; на них, наверно, нападут волки.

Зевс. Ты еще беспокоишься об овцах? Пойми, что сделался бессмертным и останешься здесь вместе с нами.

Ганимед. Как же? Ты меня сегодня не отведешь обратно на Иду?

Зевс. Нет! Мне тогда незачем было бы из бога делаться орлом.

Ганимед. Но отец станет меня искать и, не находя, будет сердиться, а завтра побьет меня за то, что я бросил стадо.

Зевс. Да он тебя больше не увидит.

(3) Ганимед. Нет, нет! Я хочу к отцу. Если ты отведешь меня обратно, то обещаю, что он принесет тебе в жертву барана, как выкуп за меня; у нас есть один трехлетний, большой, — он ходит вожаком стада.

Зевс. Как этот мальчик прост и невинен! Настоящий ребенок! Послушай, Ганимед, все это ты брось и позабудь обо всем, о стаде и об Иде. Ты теперь небожитель и отсюда можешь много добра ниспослать отцу и родине. Вместо сыра и молока ты будешь есть амвросию и пить нектар; его ты будешь всем нам разливать и подавать. А что всего важнее, ты не будешь больше человеком, а сделаешься бессмертным, звезда одного с тобой имени засияет на небе — одним словом, тебя ждет полное блаженство.

Ганимед. А если мне захочется поиграть, то кто будет играть со мною? На Иде у меня было много товарищей.

Зевс. Здесь с тобой будет играть Эрот, а я дам тебе много-много бабок для игры. Будь только бодр и весел и не думай о том, что осталось внизу.

(4) Ганимед. Но на что я вам здесь пригожусь? Разве и здесь надо будет пасти стадо?

Зевс. Нет, ты будешь нашим виночерпием, будешь разливать нектар и прислуживать нам за столом.

Ганимед. Это нетрудно: я знаю, как надо наливать и подавать чашку с молоком.

Зевс. Ну вот, опять он вспоминает молоко и думает, что ему придется прислуживать людям! Пойми, что мы сейчас на самом небе и пьем мы, я говорил тебе уже, нектар.

Ганимед. Это вкуснее молока?

Зевс. Скоро узнаешь и, попробовав, не захочешь больше молока.

Ганимед. А где я буду спать ночью? Вместе с моим товарищем Эротом?

Зевс. Нет, для того-то я тебя похитил, чтобы мы спали вместе.

Ганимед. Ты не можешь один спать и думаешь, что тебе будет приятнее со мной?

Рождение Диониса из бедра Зевса

Зевс. Конечно, с таким красавцем, как ты.

Ганимед. Какая же может быть от красоты польза для сна?

Зевс. Красота обладает каким-то сладким очарованием и делает сон приятнее.

Ганимед. А мой отец, как раз наоборот, сердился, когда спал со мной, и утром рассказывал, что я не даю ему спать, ворочаюсь и толкаю его и что-то говорю сквозь сон; из-за этого он обыкновенно посылал меня спать к матери. Смотри, если ты похитил меня для этой цели, то лучше верни обратно на Иду, а то тебе не будет сна от моего постоянного ворочанья.

Зевс. Это именно и будет мне приятнее всего; я хочу проводит с тобой ночи без сна, целуя тебя и обнимая.

Ганимед. Как знаешь! Я буду спать, а ты можешь целовать меня.

Зевс. Когда придет время, мы сами увидим, как нам быть. Гермес, возьми его теперь с собой, дай ему испить бессмертия, научи, как надо подавать кубок, и приведи к нам на пир.

b) Luc. Deor. dial. 5 («Зевс и Гера»)

(1) Гера. С тех пор, как ты похитил и привел сюда фригийского мальчишку, ты охладел ко мне, Зевс.

Зевс. Гера, ты ревнуешь даже к этому невинному и безобидному мальчику. Я думал, что ты ненавидишь только женщин, которые сходились со мной.

(2) Гера. Конечно, и это очень дурно и неприлично, что ты, владыка всех богов, оставляешь меня, твою законную супругу, и сходишь на землю для любовных похождений, превращаясь то в золото, то в сатира, то в быка. Но те, по крайней мере, остаются на земле, а этого ребенка, почтеннейший из богов, ты с Иды похитил и принес на небо, и вот, свалившись мне на голову, он живет с нами и на словах является виночерпием. Очень уж тебе не хватало виночерпия: разве Геба и Гефест отказались нам прислуживать? Нет, дело в том, что ты не принимаешь от него кубка иначе, как поцеловав его на глазах у всех, и этот поцелуй для тебя слаще нектара; поэтому ты часто требуешь питья, совсем не чувствуя жажды. Бывает, что, отведав лишь немножко, ты возвращаешь мальчику кубок, выпиваешь то, что осталось, когда он пил, губы прикладывая к тому месту, которого он коснулся, чтобы таким образом в одно время и пить и целовать. А на днях ты, царь и отец всех богов, отложив в сторону эгиду и перун, уселся с ним играть в бабки — ты, с твоей большой бородой! Не думай, что все это так и проходит незамеченным: я все прекрасно вижу.

(3) Зевс. Что же в этом ужасного, Гера, поцеловать во время питья такого прекрасного мальчика и наслаждаться одновременно и поцелуем и нектаром? Если я ему прикажу хоть раз поцеловать тебя, ты не станешь больше бранить меня за то, что я ценю его поцелуй выше нектара.

Гера. Ты говоришь как развратитель мальчиков. Надеюсь, что я до такой степени не лишусь ума, чтобы позволить коснуться моих губ этому изнеженному, женоподобному фригийцу.

Зевс. Почтеннейшая, перестань бранить моего любимца; этот женоподобный, изнеженный варвар для меня милее и желаннее, чем... Но я не хочу договаривать, не стану раздражать тебя больше.

(4) Гера. Мне все равно, хоть женись на нем; я только тебе напоминаю, сколько оскорблений ты заставляешь меня сносить из-за твоего виночерпия.

Зевс. Да, конечно, за столом нам должен прислуживать твой хромой сын Гефест, приходящий прямо из кузницы, весь покрытый пылью и только что оставивший щипцы, а мы должны принимать кубок из его милых ручек и целовать при этом, — а ведь даже ты, его мать, не очень-то охотно поцеловала бы его, когда все его лицо вымазано сажей. Это приятнее, не правда ли? Такой виночерпий гораздо более подходит для пира богов, а Ганимеда следует отослать обратно на Иду: он ведь чист, и пальцы у него розовые, и он умело подает кубок, и — это тебя огорчает больше всего — целует слаще нектара.

(5) Гера. Теперь Гефест у тебя и хром, и руки его недостойны твоего кубка, и вымазан он сажей, и при виде его тебя тошнит, и все с тех пор, как на Иде вырос этот кудрявый красавец. Прежде ты ничего этого не видел, и ни угольная пыль, ни кузница не мешали тебе принимать от Гефеста напиток.

Зевс. Гера, ты сама себя мучаешь, — вот все, чего ты достигаешь, а моя любовь к мальчику только увеличивается от твоей ревности. А если тебе противно принимать кубок из рук красивого мальчика, то пусть тебе прислуживает твой сын; а ты, Ганимед, будешь подавать напиток только мне и каждый раз будешь целовать меня дважды, один раз подавая, а второй — беря у меня пустой кубок. Что это? Ты плачешь? Не бойся: плохо придется тому, кто захочет тебя обидеть.

Г. РИМСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Римский Юпитер, значительно уступая греческому Зевсу по красочности и глубине мифического облика, обладает, однако, рядом весьма оригинальных черт, на которые необходимо указать, хотя бы суммарно. Именно, отсутствие греческой конкретности привело у римлян к выдвиганию более абстрактных моментов, которые как раз и интересны здесь своей абстрактностью. Это же самое обстоятельство заставило римскую мифологию расчленить единый органический образ Зевса на многие отдельные образы, гипостазирующие те или иные абстрактные моменты общего первобожества.

Похищение Европы

Мы уже встретились с замечательным образом космогонического *Януса* («Теогония и космогония», «История», § 49 b), в котором гипостазированы и абсолютизированы все начала и концы, т. е. *начальность* и *конечность* как таковые. Хотя это и не Юпитер, но в сущности, и по указанному космогоническому отрывку и по материалам, приводимым ниже (§ 66 a, § 67), это — нечто настолько универсальное и всеохватывающее, что оно выше самого Юпитера, как это и должно быть, раз Янус отождествляется с домировым Хаосом. Всякое начинание и решительно во всех делах, больших и малых, — начало сева, жатвы, войны и мира — подчинено Янусу. Первый месяц в году — январь — назван по его имени; ему посвящался и первый день каждого вообще месяца. Перед войной воины проходили через двери храма Януса (§ 66 b). Консул при вступлении в должность также начинал с жертв Янусу. И так далее. Янус помог римлянам в войне с сабинами, откуда и название по его имени известных ворот (§ 66, а также Ovid. Met. XIV 772—828). О царствовании Януса в Италии до Юпитера и Сатурна мы уже знаем по «Теогонии и космогонии», «Система», § 37 a.

Некоторыми ответвлениями образа Юпитера являются Сумман (Summanus), связанный с зарницами и ночными молниями (дневная молния была посвящена Юпитеру), и Термин (Terminus), бог пограничного камня, так что самая граница вообще считалась священной (откуда и праздник 23 февраля — Терминалии, ср. интересные сведения у Овидия в § 69). В особенности имели значение разнообразные Юпитеры (или их ипоста-

си), восходящие к глубокой италийской старине, как, напр., Юпитер Элиций (Elicius, податель знамений молниями), в связи с которым существовала особая легенда о щите салиев (§ 70); Юпитер Либер (Освободитель) или Юпитер Виктор (Победитель) и Статор (останавливающий бегство; ср. Ovid. Fast. I 791—794) с знаменитым капитолийским культом и играми; Юпитер Latiaris (Latialis), покровитель латинского союза с известными праздниками Feriae Latinae на Либанском холме; Юпитер Diespiter или Lucetius, Юпитер небесного света, с институтом особых жрецов — фециалов; Diiovis и Veiovis (§ 70 b), Юпитер Anxur, так наз. Apollo Soranus и др.

ОБРАЗ ЯНУСА

66. a) Macr. Sat. I 9 (Общее о Янусе)

(1) И так как мы уже упомянули, что Янус царствовал с Сатурном, и было сообщено о том, что полагают о Сатурне мифики и что — физики, то войдем также в самое рассмотрение того, что выставляется о Янусе с той и другой стороны. (2) *Мифики* сообщают, что в царствование Януса жилища всех людей были укреплены благочестием и святостью и что поэтому ему и были установлены божеские почести, и ему же были по заслугам посвящены входы и выходы жилищ. (3) Также Ксенон в первой книге «Италики» передает, что Янус первый в Италии воздвиг храмы богам и установил священный ритуал. Поэтому он заслужил навеки первое место в жертвоприношениях. (4) По мнению некоторых, двуликим он называется потому, что он и знает прошлое и предвидит будущее. (5) *Физики* обоготворяют его при помощи значительных доказательств его божественности. А именно, есть такие, которые отождествляют Януса с Аполлоном и Дианой и утверждают, что в нем одном выражены оба этих божества. Именно, по сообщению Нигидия... [Дальше следует текст I 9, 6 о «дверном» и «уличном» Аполлоне, см. «Аполлон», § 3 с.]. А Диане как Тривии [Трехдорожной] они приписывают власть над дорогами. (7) Однако у нас самое его имя указывает на то, что Янус стоит над всеми дверями (januis), а это похоже на греческого «дверного». Ведь так же и изображается он с ключом и вербой в качестве и стража всех ворот и управителя дорог. (8) Нигидий объявил, что Аполлон есть Янус и Диана есть Яна, приставляя букву d, которая часто приставляется к букве i ради украшения (reditur, redhibetur, dintegratur и подобное). (9) Иные хотят доказать, что Янус есть *солнце* и что поэтому-де он двойной — как обладающий силой в отношении тех и других небесных ворот, поскольку он на восходе открывает день и при заходе запирает. Он-де и призывается первым, когда отправляется тому или иному богу служба, чтобы через него открылся доступ к тому, кому приносится жертва, как будто бы сам он через свои ворота переносил богам прошения молящихся. (10) Отсюда и его изображение делается большею частью с правой рукой, держащей число 300, и с левой — держащей число 65, для указания на измерения года, являющегося по преимуществу престижем солнца. (11) Иные утверждают, что Янус есть *мир*, т. е. небо, и что Янус именуется от глагола «идти» (ab eundo), на том-де основании, что мир всегда «идет», вращаясь по кругу и приходя к себе после того, как положил начало с себя. На этом основании также Корнифиций в III книге «Этимологии» говорит: «Цицерон употребляет имя не Янус, но

Даная

Эанус, от «идти». (12) Отсюда и финикияне, делая его изображение на святилищах, давали свернутого в круг дракона, пожирающего собственный хвост, для показания того, что мир и питается сам от себя, и сам в себя возвращается. (13) Поэтому и у нас он смотрит на *четыре стороны*, как это указывает его привезенное из Фалер изображение. Гай Басс в книге, написанной им о богах, утверждает, что изображение Януса двуликим зависит от того, что он является высшим и низшим привратником; его четырехвидность от того, что он охватывает своим авторитетом все четыре стороны света. (14) В древнейших песнях салиев он воспевался как бог богов. Также Марк Мессала, коллега Г. Домиция по консульству, он же авгур в течение 55 лет, начинает с утверждения о Янусе, что он *всё образует и тем же управляет*, что он связал, окруживши небом, силу воды и земли и их тяжелую природу, стремящуюся падать вниз, а также силу огня и души, убегающую в неизмеримую высь: эта величайшая сила неба и связала две несхожие силы.

(15) В святилищах мы также зовем Януса Двойного, Януса Отца, Януса Юнонина, Януса Консивия [Зачинателя], Януса Квирина, Януса Патульция [Открывателя], Януса Клузивия [Затворителя]. Почему мы зовем его Двойным, мы уже сказали. Отец он — как бог богов. Юнонин он потому, что он владеет наступлением не только месяца января, но и всех месяцев; а все календы находятся под властью Юноны. (16) На этом основании также Варрон пишет в V книге «Божественных дел»: «Янусу посвящено двенадцать жертвенников по такому же числу месяцев». Консивий он от conserere [сплетать, соединять, совокуплять], т. е. от порождения человеческого рода, который соединяется под властью Януса. Квирин он — как могущественный в войне, по копью, которое сабины называют curis. Патульций и Клузивий он потому, что во время войны его загородка открыта, а во время мира — заперта. Причиной же этого обстоятельства, рассказывают, является следующее.

(17) Когда во время сабинской войны, предпринятой из-за похищения девиц, римляне поспешили запереть ворота у подошвы Виминальского холма (потому что в них врывались враги), названные впоследствии по событию Янусовыми, то после запора они вдруг открылись сами собой. И когда то же самое случилось и во второй и в третий раз, то, будучи не в силах их запереть, многие вооруженные стали на их пороге в качестве охраны. А когда с другой стороны началось ожесточенное сражение, то вдруг разнесся слух, что наши разбиты Татием. (18) По этой причине римляне, охранявшие вход, в страхе бежали. И когда сабины ворвались через открытые ворота, через эти ворота из святилища Януса, говорят, хлынули огромной силы потоки с забившей ключом водою, и многочисленные отряды неприятеля или были сожжены горячею массой воды, или поглощены ее силой. Вследствие этого установилось раскрывать ворота

во время войны как бы для прихода бога на помощь городу. Вот что о Янусе.

b) Verg. Aen. VII 601—615 (Военный обычай в связи с почитанием Януса)

В Лации был обычай Гесперийском, после в альбанских
Градах, священный, блюдом, что ныне владычица мира
Рома хранит, когда в битвах первых войну воздвигает,
К гетам ли силой внести замышляет плачевные брани,
К арабам или к гирканам, иль устремиться на индов
И, за Авророй идя, взять у парфов обратно знамена.
Суть «Двусторонние двери войны» (их так называют),
Верою освящены и страхом пред Мартом жестоким.
Сотня медяных засовов и вечная сила железа
Их замыкают, и Ян, как сторож, не сходит с порога
Их, если твердо стоит у отцов решение боя.
Сам, квиринальской отмечен трабеей и по-габински
Препоясан, вскрывает пороги скрипучие консул,
Сам призывает на бой, за ним следует прочая младость,
И ему медные гулким рога согласием вторят.

67. a) Ov. Fast. I 65—88 (Функции Януса)

Янус двуликий, времен молчаливо бегущих начало,
Ты лишь один из божеств видящий спину свою, —
Нашим вождям помоги, и трудами которых дарован
Мир плодородной земле, мир разлился по морям.
Милость свою окажи и старейшинам нашим, квиритам,
Светлые храмы свои властной рукою закрой!..
Радостный день наступил, его чтите устами и сердцем, —
Доброму дню надлежит добрую слышать и речь.
Смолкнут пусть ссоры и брань и жестокая стихнет обида, —
Зависти злобной язык, дело свое отложи!..
Видишь, как воздух вокруг благовонный сияет огнями,
Как киликийский шафран в пламени сильном горит,
Как в позолоте колонн отражается пламя живое
И в вышине, в потолке храма, трепещут огни.
В чистых одеждах толпа на твердыни Тарпеи восходит;
Ясен, как праздник, их вид; светел их белый наряд.
Новые фасцы[1] несут впереди уж, и в пурпуре новом
Вождь выступает, и ждет нового консула трон.
Пастбищ фалийских быки, под ярмом не сгибавшие шеи,
Ждут молодые, что вдруг грянет смертельный удар.
Мир свой с небесных высот озаряет великий Юпитер,
Римской державы одну видит повсюду страну.
Здравствуй же, радостный день! Пусть народ, обладатель вселенной,
В счастье встречает его много и много веков!

b) Ov. Fast. I 89—144

См. «Теогония и космогония», «История», § 49 b.

c) Ov. Fast. I 145—226 (Начало нового года и Янус)

Так он сказал; по лицу благосклонному было заметно, —
Если б еще я спросил, он бы еще отвечал.

Тут, благодарность воздав, я без страха уже, ободренный,
Януса снова спросил, взор опуская к земле:
«Странно, зачем новый год начинается в зимнюю пору?
Разве не лучше его встретить веселой весной?
Все расцветает тогда, оживает вся снова природа,
Новая почка тогда всходит на сочной лозе.
Ветки деревьев тогда покрываются новой листвою,
И из семян молодых новая всходит трава;
Стройными хорами птиц оглашается воздух весенний,
И на зеленых лугах прыгают резво стада.
Ласково солнце глядит, и под крышей высокою гостья —
Ласточка, к нам прилетев, лепит из глины гнездо;
Мягкие снова поля обновиться желают под плугом...
Вот бы по праву когда новому году и быть!»
Многое высказал я, но не сразу мне Янус ответил, —
Только стихами двумя выразил мысли свои:
«Солнцестоянье зимой есть начало течения Феба,
Вместе же с Фебом и нам следует год начинать».
Странно мне было: зачем в первый день наступившего года
Тяжбы ведутся в судах? Янус мне так пояснил:
«С умыслом в первый же день допустил я в судах производство,
Чтобы начавшийся год не был излишне ленив.
С этой же целью кладут здесь начало и каждому делу,
Чтобы с успехом в году мог и закончиться труд».
Я продолжал: «Почему, на молитве богов призывая,
Первому все же тебе ладан несем и вино?»
«Я охраняю врата, — он ответил, — и доступ к богам ты
Мимо меня не найдешь, я лишь могу разрешить!»
«Янус, скажи, почему в Новый год поздравляем друг друга,
В день этот первый календ счастья желаем и благ?»
Янус, на жезл опершись, уяснил мне вопроса причину:
«В каждом начале всегда есть предвещанье всему,
Первое слово всегда принимаем мы слухом тревожным,
Вещий авгуру дает первая птица совет.
Храмы и слух божества в это время открыты. Не даром
Шепчут молитвы уста: боги услышат обет».
Снова я бога спросил, прерывая минуту молчанья
(К бога последним словам мой относился вопрос):
«Что означают дары, что подносим мы в чистых сосудах, —
Фиников сладких плоды, спелые смоквы и мед?»
«В этом таинственный смысл, предвещания сила, — ответил. —
Сладок подарок на вкус — сладко и год пролетит!»
«Сладкую жертву пойму; почему же подносят и деньги?
О, помоги уяснить праздника смысл твоего!»
Бог, улыбаясь, сказал: «Незнаком будто с нынешним веком,
Если считаешь, что мед слаще, чем денежный дар.
Я бескорыстных людей только видел в Сатурновы годы:
В эти счастливые дни цену не знали деньгам.
С ходом, однако, веков появились к стяжанию страсти;
Высших пределов теперь эта достигла уж страсть.

Ценят богатство теперь, как в старинные годы не знали.
В бедности жил человек, новый был беден и Рим.
Хижина кровом была для рожденного Марсом квирита,
Ложем служил у реки собранный ломкий камыш.
В храме ничтожном тогда помещался великий Юпитер,
Правой рукою держа глиняный грубый перун.
Ветвь украшала богов, не блистал, как теперь, Капитолий.
И не ленился пасти в поле сенатор овец.
Люди тогда, не стыдясь, на простой почивали соломе.
Им и подушкою был мягкого сена клочок.
Плуг покидая, судил гражданина виновного консул,
И осужденный платил штраф серебра небольшой.
Многие годы прошли... Улыбнулась квиритам Фортуна,
Рим горделивой главой горних коснулся жилищ.
Стали богатства расти, а с богатством — и страсти к наживе:
Много скопят серебра — в жадности ищут еще.
Часто копят для того, чтобы это потом и растратить, —
Страсти такие таят корни пороков и зла.
Так и больные всегда, когда чрево раздует водянкой,
Выпьют воды, и сильней жаждой томятся они.
Ныне богатство в цене, и почет покупают за деньги.
Деньги дают и друзей — бедный всегда одинок!
Спросишь, быть может, меня: если дарят друг другу подарки,
То почему в Новый год часто подносят и медь?
В древнее время в ходу были всюду лишь медные деньги,
Вместо истертых монет золото ныне дают.
Любим нынешний храм, почитаем, однако, и древний.
Нынешний храм золотой больше приличен богам.
Древний обычай храним, но в привычках мы следуем веку.
Свято, однако, хранить нужно и тот и другой».
Кончил...

d) Ov. Fast. I 89—144 (Янус и Хаос)

См. «Теогония и космогония», «История», § 49 b.

e) Ov. Fast. I 255—288 (Кумир и храм Януса)

Бога закрылись уста... Я тогда его вновь вопрошаю,
Чтобы на этот вопрос выслушать бога ответ:
«Но отчего, поясни, среди множества Януса храмов
Твой лишь кумир золотой в храме меж двух площадей?»
Янус, небрежной рукой свою длинную бороду гладя,
Тация[6] грозный поход весь до конца рассказал,
Как изменила тогда вероломная дева Тарпея[7],
Перстней ценой обольстясь, к замку врагов привела.
«С этой вершины, — сказал, — в старину, как увидишь и ныне,
Вниз шел утесистый скат в глубь низлежащих долин.
Только к воротам враги подошли, нам коварно Юнона
Сдвинула с этих ворот крепкий, надежный запор.
С сильной богинею той я тогда состязаться боялся;
Вспомнив искусство свое, в ход свою хитрость пустил:

Тотчас с источника я, что во власти моей находился,
Стал неожиданно вверх мутную воду бросать;
В жилы холодные вод перед тем уже серы подбросил,
Чтобы врага задержать едкой и жгучей струей...
Позже, как кончилось все и бежали в испуге сабины,
Местности этой опять прежний я вид возвратил.
Храм с небольшим алтарем учредили мне там же квириты,
Где и поныне пирог с хлебными зернами жгут».
«В храме врата почему закрываешь ты в мирное время
И открываешь в войну?» Янус на это сказал:
«Чтобы счастливый возврат был открыт после битвы народу,
Настежь во храме тогда всем открываю врата.
В мирное время врата, чтобы мир сохранить, закрываю...
Впрочем, при Цезарях мой храм будет долго закрыт».
Так он сказал мне и взор обратил на различные страны,
Взглядом окинув одним целой вселенной дела.
Всюду был мир. И тебе уж залогом триумфа, Германик,
Рейн твоей власти вручил рабские воды свои.
Янус! Дай миру ты мир, миротворцам дай вечную славу,
Автору дай завершить начатый труд до конца.

МАТЕРИАЛЫ АВГУСТИНА О ЯНУСЕ И ЕГО ОКРУЖЕНИИ

68. Aug. De civ. Dei VII 7—13 (Янус и Термин)

(7) Итак, спрашиваю: кто таков Янус, от которого ведет начало все? Отвечаю: это — мир. Ответ короток и ясен. Но в таком случае почему они начало вещей усвояют ему, а конец — другому, которого называют Терминомъ? Ведь, по словам их, ради именно начала и конца этим двум богам посвящены два месяца, сверх тех десяти, которые начинаются с марта и идут до декабря: январь посвящен Янусу, февраль — Термину. Терминалии, говорят они, празднуются в том же феврале, в котором бывает и священное очищение, называемое februum, от которого получил свое имя месяц. Итак, почему же миру, который есть Янус, принадлежит начало вещей, а конец не принадлежит, так что к последнему приставляется другой бог? Не признают ли они, что всё, что в этом мире ни бывает, в этом же мире и оканчивается? Да и что за бестолковщина — в деле усвоять ему половинную власть, а в статуе двойное лицо? Не гораздо ли лучше объяснялся бы его двулицый вид, если бы его же называли и Янусом и Терминомъ и одному лицу усвояли начало, а другому — конец? Ибо действующий должен иметь в виду и то и другое. Не осматривающийся во всяком моменте своего действия на начало не предусмотрит конца. Отсюда необходимо, чтобы с озирающеюся назад памятью соединялось презирающее вперед внимание. Потерявший то, что начал, не найдет, как кончить. А если бы они думали, что жизнь блаженная начинается в этом мире, но вполне достигается вне мира, и поэтому приписали Янусу, т. е. миру, власть только над одним началом, в таком случае они непременно поставили

Даная. Античная гемма

бы Термина выше его и не устранили бы его из числа богов избранных. Впрочем, и теперь, когда в лице этих двух богов представляют они начало и конец вещей временных, следовало бы больше почета отдавать Термину. Ибо гораздо больше бывает радости тогда, когда какое бы то ни было дело приводится к окончанию; а все начатое сильно озабочивает, пока не доведется до конца. Начавший что-либо главным образом о конце и помышляет, к нему стремится, его ждет, о нем мечтает; и не приходит в восторг от начатого дела, если его не окончит.

[*Двуликость Януса*]

(8) Но перейдем к толкованию двулицего идола. Они говорят, что статуя имеет два лица, спереди и позади, потому что внутренняя полость нашего рта, когда мы его открываем, представляется похожею на мир (почему-де греки и называют нёбо ouranos и некоторые из латинских поэтов небо называли palatum — нёбо); а от этой полости рта есть один выход наружу, по направлению к зубам, а другой — внутрь, по, направлению к глотке. Так вот к чему сводится мир благодаря нашему названию нёба, греческое ли оно или поэтическое! Но какое это имеет отношение к душе, какое — к жизни вечной? Бог этот чтится ради одной слюны, при помощи которой, как при глотании, так и при выплевывании, отворяется та и другая дверь под небом нёба. А затем, что может быть нелепее — в самом мире не найти двух с противоположных краев стоящих дверей, чрез которые мир принимал бы что-нибудь внутрь себя или выбрасывал вон из себя, а изображение мира в лице Януса сочинять по образцу нашего рта и зева, с которым мир не имеет сходства, — сочинять ради одного названия нёба, с которым Янус не имеет сходства? Когда же изображают его четверолицым и называют двойным Янусом, то объясняют это в применении к четырем частям мира так, как бы мир смотрел ими куда-то вне, как Янус всеми лицами. Но если Янус — мир, а мир состоит из четырех частей, то изображение двулицего Януса ложно. А если оно истинно потому, что под именем Востока и Запада мы разумеем обыкновенно весь мир, то неужели ввиду того, что мы знаем другие две части, Север и Юг, кто-нибудь назовет мир двойным, подобно тому как называют они двойным четверолицего Януса? Они решительно не в состоянии объяснить каким-либо подражанием миру эти четверо дверей, открытые для входа и выхода, — объяснить хоть бы так, как сделали это относительно Януса двулицего, воспользовавшись ртом человеческим. Разве не явится ли им уже на помощь Нептун и не подаст ли им рыбу, у которой кроме отверстия рта и горла есть еще правое и левое отверстие жабр? Но и столькими дверями не уйдет от этой суеты ни одна душа, если не слышит истины, говорящей: «Аз есмь дверь» (Иоан. X 5).

[*Иовис и Янус*]

(9) Пусть затем изложат свое понятие о Иовисе, которого называют также Юпитером. «Он, — говорят они, — есть бог, имеющий в своей власти причины всего, что совершается в мире». Какую имеет это великую важность, показывает превосходнейший стих Вергилия [Georg. II 490]:

Счастлив тот, кто мог познать причины вещей.

Даная

Но почему ставят впереди его Януса, об этом скажет нам вышеупоминаемый остроумнейший и ученейший муж [Варрон]. «Потому, — говорит он, — что во власти Януса первое, а во власти Иовиса высшее. Но Юпитер справедливо считается царем всего. Ибо первое уступает высшему, потому что хотя первое и предшествует по времени, но высшее превосходит достоинством». Это было бы сказано правильно, если бы различались в действиях начало дела — выйти, конец — прийти или начало дела — предпринять учиться, конец его — усвоить науку; в таком случае первым во всем будет начало, а высшим — конец. Но начало и конец в этом смысле уже распределены между Янусом и Термином. Причины же, усвояемые Юпитеру, суть причины, определяющие действие, а не приводящие его в исполнение; и потому никоим образом не возможно, чтобы им даже по времени предшествовали действия или начало действий. Ибо вещь, которая делает, всегда предшествует вещи, которая делается. Поэтому, если начало действия относится к Янусу, из этого не следует, чтобы начало это предшествовало определяющим действие причинам, которые усвояются Юпитеру. Как ничего не бывает, так и ничто не начинается, чтобы прийти к бытию, если ему не предшествует создающая его причина. Итак, если этого бога, во власти которого находятся все причины всякого созданного естества и всех естественных вещей, народы называют Иовисом и чтут тем, что подвергают его посрамлению — возводят на него обвинения в отвратительных преступлениях, то они делаются виновными в более мерзком святотатстве, чем если бы не признавали вовсе никакого бога. Поэтому им лучше было бы называть именем Иовиса кого-нибудь другого, заслуживающего гнусного и постыдного почета, подставив для большего поношения какой-нибудь пустой вымысел (подобно тому, как Сатурну подставлен был, говорят, камень, который он сожрал вместо сына), чем представлять упомянутого бога и громовержцем и прелюбодеем, управляющим целым миром и предающимся такому крайнему распутству, содержащим в своей власти высшие причины всякого естества и всех естественных вещей, а в своих собственных действиях добрыми причинами не руководящимся.

Затем, спрашиваю, какое место отводят они между богами этому Иовису, если Янус представляет собой мир? Ведь, по определению Варрона, истинные боги суть душа мира и части ее; а отсюда всё, что не представляет собою этого (души мира и частей ее), ни в каком случае, по их мнению, не может быть истинным богом. Итак, станут ли они утверждать, что Иовис есть душа мира так, что Янус представляет собою его тело, т. е. представляет собою этот видимый мир? Если они скажут это, то не будет им основания называть богом Януса; потому что, и по их мнению, бог не тело мира, а душа мира и части ее. Тот же самый Варрон ясней-

шим образом говорит, что, по его мнению, бог есть душа мира и самый мир этот есть бог, но в том смысле, что как-де человека мудрого, хотя он состоит из души и тела, называют мудрым, принимая в соображение только душу, так и мир называют богом по душе, хотя состоит из души и тела. Следовательно, тело мира само по себе не есть бог; но бог есть или одна душа его, или тело и душа, вместе взятые, но так, однако же, что божественность дается не телом, а душою. Но если Янус есть мир и Янус есть бог, то, чтобы и Иовис мог быть богом, не станут ли утверждать они, что последний представляет собою какую-нибудь часть Януса? Но всеобщность они имеют обыкновение приписывать преимущественно Юпитеру; отсюда известное выражение [Verg. Ecl. III 60]:

Юпитером полно всё...

Итак, чтобы и Юпитер был богом, и особенно царем богов, они не могут считать его чем-нибудь другим, как только миром; и тогда он, согласно с их мнением, будет играть между остальными богами царственную роль. В этом смысле объясняет и Варрон некие стихи Валерия Сорана в той книге, которую он написал особо от вышеупомянутых о культе богов. Стихи таковы:

Юпитер всемогущий, царей, вещей и богов
Прародитель и мать богов, бог единый и весь.

Объясняются эти стихи в той же книге в таком смысле, что представляют-де его и мужчиною, изливающим семя, и женщиною, принимающею семя; что Юпитер есть мир и что всякое семя он из себя изливает и в себя принимает. «На этом-то основании, — замечает Варрон, — Соран написал: Юпитер — прародитель и мать; и с неменьшим основанием — что он есть един и в то же время всё: ибо мир один, и в нем одном всё».

[*Юпитер и Янус*]

(10) Итак, если Янус есть мир, и Юпитер мир, и каждый из них мир, то на каком основании их два бога, Янус и Юпитер? Зачем они имеют отдельно храмы, отдельно жертвенники, различное богослужение, непохожие статуи? Если это на том основании, что иное значение имеют начала и иное — причины и что значение первых выражается именем Януса, последних — Юпитера, то, когда один и тот же человек в разного рода вещах имеет двоякую власть или двоякое искусство, разве говорят о нем, что это — двое правителей или двое художников, на том основании, что каждая власть или искусство, отдельно взятые, имеют различные значения? Так же точно и единого Бога, — хотя Он же имеет в своей власти и начала, Он же и причины, — разве непременно следует считать за двух богов потому только, что начала и причины суть две вещи особые? Если, по их мнению, так следует, то и самого Юпитера они должны считать за стольких богов, сколько дали ему прозваний по причине разнообразия его власти, потому что все вещи, от которых заимствованы эти прозвания, — вещи особые и различные. Из этих прозваний о некоторых я поговорю.

[*Прозвания Юпитера*]

(11) Они назвали его Победителем, Непобедимым, Помощником, Возбудителем, Остановителем, Стоногим, Опрокидывателем, Подпорою, Кор-

Данаю и Персея заключают в ящик

мильцем, Румином (сосцепитателем) и многими другими именами, которые пересчитывать было бы долго. Эти прозвания они дали одному богу по причине разных видов его действия и могущества, но не сочинили из него такого же количества богов, сколько этих видов его действия и могущества. Он все побеждает и никем не бывает побежден; он подает помощь нуждающимся; имеет силу возбуждать, останавливать, давать твердую устойчивость, опрокидывать; он, как подпора, держит и поддерживает мир; он, будто сосцами или грудью, питает животных. В числе этих действий, как видим, есть и важные и пустые; тем не менее и те и другие предписываются одному и тому же богу. Думаю, что причины и начала вещей, ради которых они из одного мира решили сделать двух богов, Юпитера и Януса, имеют между собою гораздо более сходства, чем поддержка мира с кормлением грудью животных; и однако же для двух последних действий, так различных между собою по силе и достоинству, они не нашли необходимости ввести двух богов, а оставили одного Юпитера, по одному действию названного Подпорою, по другому — Румином (сосцепитателем). Я не скажу, что давать грудь сосущим животным было бы более прилично Юноне, чем Юпитеру, особенно ввиду того, что есть еще богиня Румина (сосцепительница), которая могла бы оказывать ей в этом деле помощь и услуги. Думаю, что мне на это могли бы ответить, что и сама Юнона есть не что иное, как тот же Юпитер, на основании тех же стихов Валерия Сорана, в которых говорится:

> Юпитер всемогущий, прародитель вещей, царей и богов;
> Прародитель и мать богов.

Но в таком случае зачем же назвали его и Румином, когда, при более внимательном исследовании, быть может, оказалось бы, что он сам и есть та богиня Румина? Ведь если то, что в одном и том же колосе на одного из богов возложена забота о коленце растения, на другого — о кожице зерна, по справедливости казалось недостойным величия богов, то не гораздо ли более недостойно этого величия, что для одной такой вещи низшего порядка, каково кормление грудью животных, потребовалось могущество двух богов, из которых один сам Юпитер, царь всего, и делает это даже не с супругою своею, а с невесть какою-то Руминою? Разве в самом деле он же сам и есть эта Румина? Может быть, для животных мужеского пола он Румин, а для женского — Румина? Я сказал бы, что они не хотели назвать Юпитера женским именем, если бы в вышеприведенных стихах его не называли и прародителем и матерью и если бы между другими прозваниями я не встречал, что он назывался и Пекуниею. Такую богиню мы встречали между мелкими божествами и упоминали о ней в четвертой книге. Так как деньги (pecunia) есть и у мужчин и у женщин, то пусть скажут, почему они не назвали его Пекуниею и Пекунием, как назвали Руминою и Румином?

[*Юпитер и Пекуния*]

(12) А какое превосходное основание они указывают для этого названия? Он, говорят, называется и Пекунией, потому что ему принадлежит всё. Достойное основание для божественного имени! Казалось бы, напротив, называть Пекуниею того, кому принадлежит всё, крайне унизительно и оскорбительно. Ибо в сравнении со всем, что находится на небе и на земле, что такое деньги в совокупности со всеми без исключения вещами, которыми человек обладает при помощи денег? Это имя дала Юпитеру, конечно, жадность, чтобы любящий деньги представлялся любящим не какого-нибудь бога, а самого царя всего. Совершенно другое было бы дело, если бы называли его богатством. Ибо иное дело — богатство, и иное — деньги. Богатыми мы называем людей мудрых, добродетельных, справедливых, для которых деньги или не имеют никакого значения, или же если и имеют, то мало: они богаты более добродетелями, благодаря которым и в самых телесных нуждах бывают довольны тем, что имеют; бедными же мы называем людей жадных, которые вечно стремятся к приобретениям и всегда нуждаются: как бы много у них ни было денег, они не нуждаться не могут. И самого истинного Бога мы называем богатым, но богатым не деньгами, а всемогуществом. Богатыми называются и люди денежные, но в душе они нуждаются, если жадны; равно и не имеющие денег называются бедными, но в душе они богаты, если мудры. Какою же, спрашивается, должна казаться на взгляд мудреца та теология, где царь богов носит имя такого предмета, к которому не имел пристрастия ни один мудрец? Ведь если бы эта доктрина учила чему-либо относящемуся к вечной жизни, в таком случае бог, правитель мира, скорее назван был бы не от денег, а от мудрости, любовь к которой очищает от грязи жадности, т. е. от любви к деньгам.

[*Юпитер, Сатурн и Гений*]

(13) Но к чему распространяться более об этом Юпитере, к которому должны быть относимы, пожалуй, и остальные боги, так что мнение о многих богах останется пустым мнением, так как в своем лице он представляет их всех — считать ли их его частями или силами или же самого его представлять силою души, разлитою, как полагают, по всему, и от частей, из которых состоит настоящий видимый мир, и от многоразличных управлений природою, получившею имена как бы многих богов? В самом деле, что такое Сатурн? «Один, — говорит Варрон, — из главных богов, которому принадлежит власть над всеми родами сеяния». Но из объяснения вышеприведенных стихов Валерия Сорана не видно ли, что Юпитер есть мир и что он из себя изливает все семена и в себя же снова принимает их? Следовательно, он сам и есть тот, которому принадлежит власть над всеми родами сеяния. Что такое Гений? «Бог, — говорит, — который приставлен и имеет силу к рождению всех вещей». Но кто другой, на их взгляд, имеет эту силу, как не мир, которому, сказано, «Юпитер прародитель и мать»? И хотя в другом месте Варрон говорит, что Гений есть разумный дух каждого человека и, следовательно, каждый человек имеет отдельного Гения, но ведь подобный же этому дух мира есть бог; выходит во всяком случае, что самый универсальный, так сказать, гений есть именно дух мира. Значит, это и есть тот, кого называют они Юпитером. Ибо если каждый гений — бог, а дух всякого

Голова Геры

человека — гений, то следует, что дух всякого человека — бог; если же эта нелепость заставляет останавливаться и их самих, то остается заключить, что богом единственно и по преимуществу они называют того гения, которого называют и духом мира, т. е. Юпитера.

ТЕРМИН И ПРОЧЕЕ

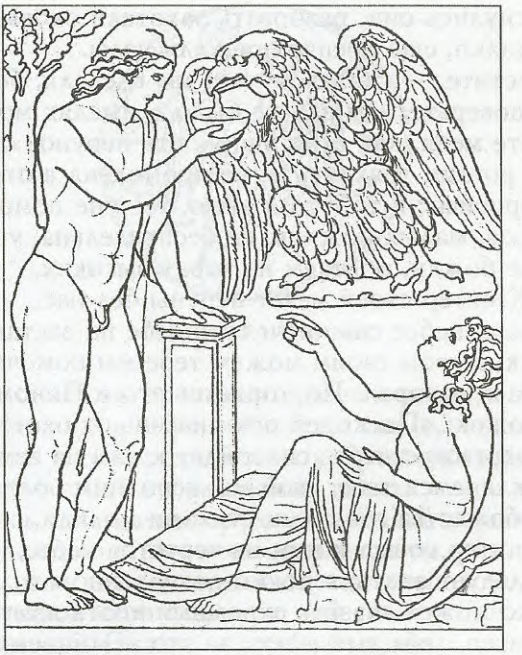
69. Ov. Fast. II 639—684 (Образ Термина)

Ночь пролетит, и затем торжество начинается богу,
Что указаньем своим наши граничит поля.
Термин, ты камень иль пень, еще древними в землю зарытый, —
В образе том и другом виден божественный лик.
С разных соседи сторон тебя свежими красят венками,
Дарят букеты цветов, дарят и два пирога.
Твой воздвигают алтарь и в посуде из глины селянка
Из очага своего дарит тебе огонек.
Рубят дрова старики и костер воздвигают высокий,
В твердую землю вокруг сучья вбивают затем.
Только сухою корой они первое пламя раздуют,
Мальчик подносит к костру много в корзине плодов.
Трижды плодами, когда уже вдоволь насытилось пламя,
Девочка в сотах тогда мед преподносит густой.
Держат другие вино и в огонь понемногу вливают.
Шлет им с молитвой привет в белых одеждах толпа.
Кровью убитой овцы окропляется Термин рубежный
(Он разрешает еще в жертву давать поросят).

Толпы наивных селян торжество провожают с почетом,
Термин священный, тебе все воспевают хвалу.
Термин, граничишь собой города, и народы, и царства,
И без тебя за поля ссорился б вечно народ.
Ты неподкупен, тебя не прельстишь ни деньгами, ни лестью,
Верный ты сторож границ, что обозначил закон.
Если бы в древности ты тиреатскую землю граничил,
Триста бы доблестных тел в прах не исчезли тогда,
Мы среди груды мечей не прочли Отриада бы имя, —
О, сколько горя тогда дал ты отчизне своей!
Знаешь, случилось ли что, когда строили наш Капитолий?
Термин по воле богов в храма границы вошел.
И, как гласит старина, среди божьего храма остался,
Вместе с Юпитером он в храме находится том.
Да и теперь над собой, чтобы звездное небо он видел,
В храме на крыше ему мы прорубили окно.
Термин, лишился тогда ты навеки свободы движенья
И постоянно стоишь там, где когда-то зарыт.
Если попросит сосед, никаких одолжений не делай,
Чтоб не сказали, что ты богу людей предпочел.
Плугом заденут тебя — ты соседу тверди постоянно:
«Это граница твоя, дальше — чужая земля».
В поле дорога ведет до границы лаврентских владений,
Эти поля возлюбил вождь из дарданской земли.
Там от столицы шестой Терминалии празднуют камень,
В жертву приносят ему чрева невинных овец.
Прочих народов земля обозначена точно границей,
Римской державы предел — круга земного края.

70. а) Ov. Fast. III 259—398 (Щит салиев)

Кто объяснит, почему, воспевая Мамурию славу,
Салии носят у нас Марса небесного щит.
Нумы жена, поясни, приютившись в Дианово роще,
Нимфа Эгерия, твой ум я теперь воспою.
Древнее озеро есть в Арицинской долине святое,
И окружают его всюду густые леса.
Здесь умирал Ипполит, когда кони от страха взбесились;
С этой поры на конях в рощу не ездит никто.
Здесь же на длинных ветвях ты священные видишь повязки,
Видишь и много таблиц в память богини святой.
Помощь ее получив, разукрасив головку венками,
Жены из города ей факел горящий несут.
(Жрец ее власть получал своей силой и ловкостью в беге;
Власть победитель терял, сам погибая в бою).
С шепотом тихим в лесу ручеек по камням пробегает.
Пей эту воду ручья, эту святую струю.
Это любимица Муз, нам приносит Эгерия воду,
Нумы советчица то, милая Нумы жена.
Силой законов своих и карающей бога десницей
Нрав он квиритов смирил, дикий, воинственный дух.



Ганимед и Зевс в образе орла

Дал он закон, чтобы тот, кто сильней, не считался средь правых,
И научил почитать волю небесных богов.
Дикость с годами ушла. Стало право сильнее оружья,
Волю своим кулакам уж не давал гражданин.
Сердцем суровый, потом, когда жертвенник божий увидит,
Дарит огню алтарей соль, и муку, и вино.
Раз повелитель богов, облака разрывая огнями,
С хмурого неба послал целым потоком дожди.
Так никогда от огней не пылало суровое небо.
Царь оробел, и народ замер в испуге немом.
Нимфа сказала царю: «Не пугайся небесных перунов, —
Можно Юпитера гнев, силу перунов смирить.
Сердце смягчить божества указать тебе способы могут
Пик или Фавн — божества оба латинской земли.
Нужно их только поймать, заключивши их руки в оковы...»
И научила царя, как их ему изловить:
Черный дубовый лесок у подошвы горы Авентинской
Если увидишь, решишь — это приют божества.
Дерн посредине растет, и прохладный заметишь источник,
Чистую воду его мох покрывает густой.
Пик только с Фавном одни эту воду холодную пили...»
Нума, явившись туда, в жертву приносит овцу,
Вин ароматных вокруг расставляет огромные чаши,
Сам же со свитой своей скрыться в пещеру спешит.
Вскоре лесные божки к своей влаге любимой подходят
И утоляют вином быстро сухие уста.
Выпив, уснули потом. Из пещеры к ним Нума подходит,
Вяжет надежным узлом сонные руки божков.

Только проснулись они, разорвать захотели оковы, —
Силой, однако, еще крепче прижали узлы.
Нума: «Простите, — сказал, — что мы сделали, боги лесные
Сделать, поверьте, вам зло не было в мыслях моих.
Лишь научите меня, как огни успокоить перунов».
Фавн же, рогами тряхнув, Нуме промолвил в ответ:
«Многого просишь; и то, что я знаю, тебе не поможет:
Власть наша, малых божков, не беспредельна, увы!
Мы, полевые божки, обитаем на горах высоких,
Властью Юпитер своей мечет перуны без нас.
Бога с высоких небес снизойти ты к себе на заставишь;
В этом искусством своим можем тебе мы помочь».
Нуме так Фавн говорил. Повторяется это и Пиком.
Просит божок: «Поскорей руки избавь от оков!
Нашим искусством с небес снизойдет к нам на землю Юпитер.
Стиксом клянемся тебе, свой мы исполним обет».
Делали что божества и какими стихами молили,
Чтобы Юпитер сошел к ним из чертогов небес, —
Людям не следует знать; я пою о дозволенном только,
Что только может сказать скромный поэта язык.
С неба, Юпитер, тебя вызывают, за что «Элицием»
Чтут поколенья тебя, сшедшего к людям с небес...
Вдруг задрожали вдали Авентинского леса верхушки;
Мощь испытав божества, вниз опустилась земля.
Сердце трепещет царя, обескровились щеки от страха,
На голове у него дыбом стоят волоса.
Только приходит в себя — умоляет: «Богов повелитель,
Царь и отец, помоги, чтоб успокоить огни.
Если твоих алтарей я касался невинной рукою,
То помоги, что тебя набожный просит язык».
Бог головою кивнул... Свою мысль облекая туманом,
Так что таинственный смысл мог человека смутить,
«Голову, — молвит, — сруби!» Отвечает Юпитеру Нума:
«Бог, я капусте в саду голову тотчас срублю».
«Нет, человека главу!» — «Я волос его срежу верхушки». —
«Душу мне дай!» — говорит. «Рыбью я душу подам!»
Бог, улыбнувшись, сказал: «Человек разгадал мои мысли.
Смертный, ты вправе теперь с богом вести разговор.
Завтра, увидишь когда лучезарного Цинтия образ,
Верный тебе я подам власти божественный знак!»
Это сказав, загремел и вознесся на небо Юпитер.
Нума, на небо глядя, долго молился потом.
Весело шел он домой; рассказал, что случилось, квиритам.
Этим, однако, с трудом верили люди словам.
«Скоро поверите мне, когда божье исполнится слово.
Слушайте все, что собой завтрашний день принесет:
Только взойдет в небесах лучезарного Цинтия образ,
Верный Юпитер подаст власти божественной знак».
Верят, однако, с трудом, и с сомненьем расходятся толпы.
Эти сомненья их завтрашний выяснит день...

Похищение Ганимеда

Влажною стала земля, орошенная ранней росою.
Уж у чертогов царя шумно толпится народ.
Выступил Нума и сел среди них на узорчатом троне,
И в ожиданье стоит тут же немая толпа.
Вот показалась едва из-за гор только солнца вершина.
Робкой надеждою с ним всех озаряется ум.
Голову Нума свою белоснежным окутав покровом,
Руки с молитвой свои поднял к небесным богам.
«Время настало, — сказал, — чтоб обещанный дар свой Юпитер
Нам ниспослал, укрепив веру к словам божества».
Только закончил, лицо высоко уже солнце подняло,
И от эфирной Оси легкий послышался шум.
Трижды вверху загремел при безоблачном небе Юпитер,
Трижды сверкнул огонек... Чудо! Но верьте словам:
Небо разверзлось тогда в середине лазурного свода.
Взоры склонили к земле царь и квиритов толпа.
Щит в это время сходил, чуть колеблясь, в прозрачном эфире.
Только на землю упал, дрогнул от криков эфир.
Неба подарок поднял и телицу Юпитеру Нума
В жертву принес, что еще шею не гнула в ярме.
Щит потому, что углы обсечены, зовется «Анциле»,
Сколько бы ты ни смотрел, глаз не отыщет углов.
Помня значенье щита, как основы могущества власти,
Выполнить Нума решил хитро задуманный план:
Много подобных щитов приказал изготовить по виду,
Чтоб обманулся легко, кто бы похитить хотел.
Набожный ли гражданин или мастер искусный — Мамурий —
Очень успешно царя выполнил этот заказ.
Царь ему щедрый сказал: «За труды свои требуй награды!
Если ты веришь, проси все, что угодно тебе».
Он уже салиям дал (те жрецы «прыгунами» зовутся)
Щит и молитвы стихи, петь на известный мотив.
Тут-то Мамурий сказал: «За труды хочу песню в награду:
Пусть же в конечных стихах мастера имя введут».
Мастера древнего труд с той поры вспоминают в молитве,
Имя Мамурия мы слышим из жреческих уст.
Как ни торопит любовь, если замуж выходит девица,
Лучше для пользы своей свадебный пир отложи.

Там, где оружия звон, и — борьба; она чужда супругам.
Снимут доспехи, тогда — в брачный вступайте союз.
В эти священные дни подобает супруге диала,
Не убирая волос, их под повязкою скрыть.

b) Ov. Fast. III 429—439 (Вейовис)

К нонам заметка одна: освящение храма Вейова,
Что среди рощи густой в древние создан века.
Рощицу Ромул когда окружил недоступной стеною,
Молвил: «Бегущий сюда, здесь и спасенье ищи!»
О, как расширился Рим, из ничтожного выйдя начала!
Зависти чуждо было все населенье его.
Чтобы тебе пояснить это новое бога названье,
Слушай же, кто этот бог, назван он так почему:
Юное видишь лицо — это в юности ранней Юпитер.
Видишь, десницу его не украшает перун.

c) Ov. Fast. III 443—448

Видишь и рядом коза, что пасли еще критские нимфы;
Этой козы молоком крошку питали они.
Если же первый вы слог в этом имени бога возьмете, —
Им поселяне зовут хлеб недоросший в полях.
Здесь догадаться легко, таково если слога значенье:
Имя «Вейовис» тогда «Малый Юпитер» и есть.

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ (КРИТИКИ ЗЕВСА)

Зевс, верховное божество всей античности, пользовался в течение веков исключительным вниманием, любовью и почитанием среди людей. Однако его мифология была бы неполна, если бы мы не наметили, хотя бы минимально, и обратного отношения ее к Зевсу. Для последнего приводим только четырех авторов из классической эпохи (§ 71 a—d, § 72) и два рассуждения (§ 73, 74) из эпохи конца античного мира.

71. a) Xenoph. ap. Sext. Emp. Adv. math. I 289 (B 12 Diels)

Гомер же и Гесиод, по словам Ксенофана Колофонского, весьма много беззаконных дел рассказали о богах: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман.

b) Xenoph. ap. Sext. Emp. Adv. math. IX 193 (B 11 Diels)

Всё, что есть у людей бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман.

c) Heraclit. ap. Diog. L. IX 1 (B 42 Diels)

Гомер заслуживает изгнания из общественных собраний и наказания розгами.

d) Plat. R. P. III 391 d, e

Мы заставим поэтов говорить, что либо эти дела [дурные дела детей Зевса] — не их, либо они — не дети богов, но не говорить того и другого вместе и не стараться убеждать наших юношей, что боги делают зло и

Похищение Ганимеда

что герои ничем не лучше людей, ибо это, как и выше было сказано, и неблагочестиво, и несправедливо.

72. Theogn. 373—380 (Блум.)

Зевс, удивляюсь тебе! Все твоей повинуется воле,
Сам ты в почете у всех, силой великой богат,
Взором своим проникаешь ты в сердце и ум человека,
Нет никого, кто с тобой властью равнялся б, о царь!
Как же, Кронид, допускает твой ум, что судьбою дается
Жребий один и дурным, и справедливым мужам,
Тем, чьи стремления скромны, и тому, кто, готовый к насилью,
Помыслы в сердце таит о беззаконных делах?

73. Clem. Alex. Protr. 11

Вот так прелестный Зевс! Поистине провидец, гостеприимный, слышащий мольбы обращающихся к нему за защитой, милосердый, все предсказывающий, за злодеяния отмщающий, — лучше же сказать: неправедный, нечестивый, беззаконный, порочный, злочестивый, бесчеловечный, насилователь, осквернитель, нарушитель супружеской верности, любострастный. Может быть, и существовал он, когда таким был, т. е. когда он еще был человеком; ныне же мне очевидно, что эти мифы для нас уже устарели. Зевс более не дракон, не лебедь, не орел, не влюбчивый человек: этот бог более не летает, мальчиков не растлевает, не любовничает, насилий не чинит. И все же еще и поныне есть много прекрасных женщин, благовиднейших, чем Леда, и цветущих большею красотою, чем Семела. И юноши еще прекрасней и тонкостью нрава нежнее, чем фригийский пастух. Где же теперь этот орел? Где этот лебедь? Где, наконец, сам Зевс? Устарел он со своими крыльями. А он, конечно, уже раскаивается в своих любовных делах и не воспитывается в воздержании. Нет, ваш миф обнажен. Леда умерла, лебедь мертв, орел мертв. Ищи твоего Зевса! Не с небом теперь имей дело, а с землей. Критянин, у которого он погребен, критянин Каллимах, тебе говорит об этом в своих гимнах (I 9 сл.):

...даже гроб тебе, царь, смастерили
Критяне...

Умер Зевс, не перенес, сошел со сцены, как Леда, как лебедь, как орел, как влюбчивый человек, как дракон. Но и те сами, которые страшатся демонов, хотя и недобровольно, но усматривают обман сказаний о богах (Od. XIX 163 сл.):

Уж, верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса... —
Но — человеческий род.

А вскоре затем они снова оказываются дубами и камнями.

74. Luc. Jup. elench. («Зевс уличаемый»)

(1) Киниск. Я не буду надоедать тебе, Зевс, просьбами о богатстве, сокровищах и царской власти, обо всем, что другим так желанно, а тебе вовсе не легко выполнить: я, по крайней мере, не раз замечал, что ты делаешь вид, будто и не слышишь этих просьб. Я бы хотел от тебя только одной, да и то самой пустячной вещи.

Зевс. Что же это такое, Киниск? Ты не потерпишь неудачи, особенно если ты нуждаешься в скромном, как ты утверждаешь.

Киниск. Ответь мне на один нетрудный вопрос.

Зевс. Воистину невелика твоя просьба и легко ее исполнить! Спрашивай сколько хочешь.

Киниск. Вот в чем дело, Зевс. Ты, наверное, читал поэмы Гомера и Гесиода; скажи мне, правду ли рассказывали нам эти рапсоды о Роке и Мойрах — будто неизбежно то, что они каждому назначат при его рождении.

Зевс. Все это совершенно правда. Ничто не случается без воли Мойр, но все возникшее имеет такую судьбу, какая предназначена их пряжею, — иначе и быть не может.

(2) Киниск. Так что, когда тот же Гомер говорит в другом месте своей поэмы:

Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида, —

и тому подобное, мы можем утверждать, что все это вздор?

Зевс. Конечно, ибо ничто не может совершиться помимо Мойр и их законов, ничто вопреки их пряже. А поэты, если они вдохновлены Музами, поют правду; когда же богини их оставляют и они начинают сочинять от себя, тут и возникают ошибки и противоречия; это простительно: ведь они люди и не могут найти истины, когда их покидает то, присутствие чего творило.

Киниск. Пусть будет так. Но вот еще мне скажи: ведь Мойр три — Клото, Лахеса и Атропа?

Зевс. Конечно.

(3) Киниск. Ну, а Рок и Судьба — ведь они также весьма известны, — кто они такие и в чем их власть? Равны они Мойрам или в чем-нибудь выше их? Я, по крайней мере, от всех слышу, что нет ничего могущественнее Рока и Судьбы.

Зевс. Не дозволено тебе все знать, Киниск. И чего ради расспрашиваешь ты меня о том, что касается Мойр?

Ганимед и Юпитер-орел. Скульптура Торвальдсена. 1817 г.

(4) Киниск. Скажи мне еще только одно: вами они тоже повелевают, и вам приходится висеть на их нити?

Зевс. Приходится, Киниск. Чему ты улыбаешься?

Киниск. Я вспомнил из Гомера те слова, которые ты говорил, когда держал речь в собрании богов и угрожал им, обещая повесить всю вселенную на золотую цепь. Ты сказал, что спустишь эту цепь с неба и все боги, ухватившись за нее, при всем желании не будут в силах перетянуть ее к себе, тебе же легко удастся всех их повлечь «с самой землею и с самим морем». Как восхищался я твоей силой! Я дрожал, слушая эти слова! А теперь, после твоих объяснений, я вижу, что ты сам со всеми твоими угрозами и цепями висишь на тонкой ниточке. Мне кажется, у Клото больше права похваляться своей силой, так как она поднимает тебя, вытягивая на своем веретене, как рыбаки добычу на удочке.

(5) Зевс. Не понимаю, к чему все эти вопросы.

Киниск. А вот к чему, Зевс. Но, заклинаю тебя Мойрами и Роком, не гневайся и не будь недоволен, слушая эти правдивые и откровенные слова. Если дело обстоит так, что над всеми властвуют Мойры и никем не может быть ничто изменено из установленного ими однажды, то к чему же мы, смертные, совершаем жертвенные приношения и гекатомбы, прося вас о разных благодеяниях? Не понимаю, какая нам польза от этих забот, если мы не можем силою наших молитв ни избегнуть зла, ни воспользоваться какой-нибудь божеской милостью.

(6) Зевс. Я знаю, где ты научился этим хитрым вопросам, — у проклятых софистов, которые говорят, что мы не заботимся о людях; они ведь от нечестия задают подобные вопросы, отклоняя и других приносить жертвы и молиться, так как это, мол, бесполезно; мы и не заботимся о том, что у вас происходит, и совсем бессильны в делах земных. Но им не поздоровится от таких речей!

Киниск. Клянусь веретеном Клото, Зевс, я говорил не по их наущению и сам не знаю, как пришел наш разговор к тому, что жертвоприношения не нужны! Но все же, если можно, я задам тебе еще несколько кратких вопросов, а ты отвечай без страха и как можно увереннее.

Зевс. Спрашивай, если тебе не жалко тратить время на такую болтовню.

(7) Киниск. Ты утверждаешь, что все совершается по воле Мойр?

Зевс. Да, я утверждаю это.

Киниск. А вы можете что-либо изменить или раскрутить веретено?

Зевс. Ни в каком случае.

Киниск. Хочешь, чтобы я вывел то, что из этого следует, или же все ясно и без моих слов?

Зевс. Вполне ясно. Но приносящие жертвы совершают это не в виде вознаграждения или покупки у нас чего-либо, но лишь почитая в нас нечто благое.

Киниск. Что ж, хорошо, если ты признаёшь, что жертвоприношения совершаются не ради выгод, а из некоторого доброжелательства людей, почитающих высшее. Правда, если бы здесь оказался кто-нибудь из софистов, он, пожалуй, спросил бы тебя, почему ты считаешь, что боги представляют нечто благое, если они находятся в таком же рабстве, как и люди, и служат тем властительницам, Мойрам. Ведь для софистов мало одного утверждения бессмертия, чтобы они вас за это считали высшими существами. Ваше положение гораздо хуже человеческого: нам хоть смерть дарует свободу, а ваше несчастье беспредельно и ваше рабство, навитое на большое веретено, будет длиться вечно.

(8) Зевс. Однако, Киниск, ведь блаженны эта вечность и беспредельность, и мы живем среди всяческих наслаждений.

Киниск. Не все, Зевс; и у вас в этом деле различия и большая путаница. Ты вот счастлив, потому что царь и можешь вздернуть землю из воды, словно ведро из колодца. А вот Гефест хром и должен заниматься ремеслом кузнеца, а Прометей был даже некогда распят. А что мне сказать о твоем отце, который и посейчас находится в Тартаре и закован цепями? Говорят, будто вы страдаете от любви и от ран и бываете у людей рабами, как твой брат у Лаомедонта или Аполлон у Адмета. Подобная жизнь мне кажется особенно блаженной; я думаю, что одни из вас счастливы и богато наделены, а другие, напротив, лишены всего. Я уж не говорю о том, что и грабят-то вас, словно людей, и святотатцы вас оскорбляют, и в одно мгновение вы из богачей становитесь нищими. А многие из вас, золотые или серебряные, были расплавлены, кому выпала, очевидно, такая участь.

(9) Зевс. Однако! Это уж дерзко, что ты теперь говоришь, Киниск; ты раскаешься в этом.

Киниск. Не очень-то угрожай, Зевс. Ведь ты знаешь, что со мной не случится ничего, не предрешенного Мойрой раньше тебя. Ведь и святотат-

Похищение Ганимеда

цы не все бывают наказаны, а большинство из них избегает вашего правосудия, потому что, по-видимому, вам не суждено их схватить.

Зевс. Ну разве я не говорил, что ты один из тех, которые в своих рассуждениях отрицают божий промысл?

Киниск. Не знаю, почему ты их так боишься; что бы я ни сказал, ты подозреваешь, что все это — их уроки.

(10) Я же охотно спросил бы тебя еще: от кого могу я иначе узнать истину, что такое Промысл? Родственник он Мойрам или особое божество, ими повелевающее и выше их стоящее?

Зевс. Ведь я уже сказал, что не следует тебе всего знать. А ты, заявив мне сначала, что спросишь только об одном, не перестаешь теперь говорить о всяких пустяках. Я вижу, что для тебя главное в этом разговоре — доказать, что мы не печемся о людских делах.

Киниск. Но ведь это не мои слова, а ты сам только что утверждал, что Мойры всем повелевают. Или ты раскаиваешься в сказанном и берешь свои слова обратно? Или, быть может, вы, отталкивая Рок, оспариваете у него право на заботу о людях?

(11) Зевс. Ничего подобного; но Мойра через нас выполняет свои замыслы.

Киниск. Теперь понимаю: вы, значит, слуги и подчиненные Мойр. Впрочем, и так ведь выходит, что они заведуют Промыслом, а вы являетесь как бы орудием в их руках.

Зевс. Что ты говоришь?

Киниск. Я думаю вот что: топор и бурав помогают плотнику при работе, но все же никто не называет эти орудия плотником и корабль сделан не топором и буравом, а кораблестроителем. Так и Рок — кораблестроитель вселенной, а вы — только топоры и буравы Мойр. И мне кажется, люди должны были бы приносить жертвы Року и у него испрашивать себе благодеяния; а они идут к вам в торжественных шествиях и вас почитают жертвоприношениями. Впрочем, если бы они и воздавали по-

Зевс и Ганимед.
Роспись килика

чести Року, то вряд ли поступали бы как должно. Я не думаю, чтобы даже Мойры могли что-либо изменить и повернуть в другую сторону из того, что установлено с самого начала. Я полагаю, по крайней мере, что Атропа не позволила бы никому дернуть веретено и распустить работу Клото.

(12) З е в с. Ты уж считаешь, Киниск, что люди не должны почитать даже Мойр? Кажется, ты готов все смешать в одну кучу. Но мы должны быть почитаемы хотя бы за то, что предсказываем будущее и угадываем все, постановленное Мойрами.

К и н и с к. Совершенно бесполезно, Зевс, знать будущее, если нельзя его избежать. Или, по-твоему, тот, кто знает, что умрет от железного копья, может избегнуть смерти, заперев себя дома? Но ведь это невозможно: Мойра заставит его пойти на охоту и предаст удару копья. И Адраст, метя в кабана, промахнется и убьет сына Креза, словно властный приказ Мойр направляет его копье на юношу.

(13) И смешон оракул, данный Лаю:
Не думай род продлить ты вопреки богам!
Ведь коль родишь дитя, тебя убьет оно.

Совершенно излишне, думается мне, предостерегать об опасности там, где все совершится, как установлено заранее. И Лай, действительно, женился после предсказания и был убит своим сыном. Поэтому я не вижу, на каком основании вы требуете жалованья за пророчествование.

(14) Я уж и не говорю о том, что вы постоянно вещаете двусмысленно и темно, не объясняя как следует, свое ли разрушит царство перешедший через Галис или Кира, — ведь это пророчество может значить и то и другое.

З е в с. Этому причиной, Киниск, был гнев Аполлона, ибо, вопрошая его, Крез сварил баранье мясо вместе с черепахой.

К и н и с к. Ну, ему, как богу, не следовало бы сердиться. Впрочем, я думаю, лидийцу было суждено, что его обманул оракул, и, видно, такова была пряжа Судьбы, что он не распознал будущего. Так что и пророческое ваше искусство — дело ее рук.

(15) З е в с. А нам ты ничего не хочешь оставить? Мы просто ненужные боги, без власти над Промыслом, недостойные жертвоприношений, как бурава и топоры? Впрочем, ты вправе мною пренебрегать, если ты видишь, что я, готовый метнуть молнию, до сих пор выношу, как ты проходишься на наш счет.

К и н и с к. Что же, срази меня, Зевс, раз мне суждено погибнуть от удара молнии! Не тебя обвиню я в этом, а Клото, которая поразит меня с твоею помощью: ведь не сама же молния будет причиною раны. Впрочем, я хочу спросить еще одну вещь у тебя и у Судьбы. А ты уж ответь и за нее; ты напомнил мне об этом своими угрозами.

(16) Почему вы оставляете в покое святотатцев, разбойников и подобных им насильников, дерзких и клятвопреступных людей, а молнию часто направляете на какой-нибудь дуб, камень, мачту судна, на не сделавшего никакого зла или даже на честных людей и благочестивых странников? Что же ты молчишь, Зевс? Или мне не следует знать также и этого?

Зевс. Роспись кратера

Зевс. Не следует, Киниск. Вообще ты слишком любопытен, и я не понимаю, откуда у тебя весь этот вздор, которым ты мне так надоедаешь.

Киниск. В таком случае я не буду спрашивать вас, тебя, Промысл, Судьбу, почему добродетельный Форкион умер в такой бедности, лишенный всего самого необходимого, как до него Аристид, а Каллий и Алкивиад, распущенные юнцы, утопали в богатстве, так же как и надменный Мидий, и Харон эгинетский, развратнейший человек, моривший голодом родную мать. Почему, с другой стороны, Сократ был предан одиннадцати, а Мелет не был? И почему изнеженный Сарданапал царствовал и столько хороших и доблестных персов были распяты по его приказанию за то, что им не нравилось положение вещей?

(17) Но чтобы не входить в подробное обсуждение современного положения, я скажу вообще, что злые и жадные бывают счастливыми, а порядочных людей угнетают бедность, болезни и тысячи разных иных зол.

Зевс. Но ведь ты не знаешь, Киниск, каким наказаниям подвергнутся злые после смерти и в каком блаженстве будут проводить свою жизнь хорошие люди!

Киниск. Ты мне говоришь об Аиде, Титиях и Танталах. Но если и существует что-либо подобное, я об этом узнаю лишь после смерти. Теперь же я предпочитаю прожить счастливо назначенный мне срок жизни, дав потом шестнадцати коршунам клевать мою мертвую печень, и не хочу страдать на земле от такой жажды, как Тантал, а впоследствии пить вместе с героями на островах блаженных, среди Елисейских полей.

(18) Зевс. Что ты говоришь! Разве ты не знаешь, что существуют кары, и награды, и судилища, где оценивается жизнь каждого человека?

Киниск. Я постоянно слышу, что некий Минос с Крита судит подобные дела. Но расскажи мне что-нибудь о нем: говорят, он твой сын.

Зевс. Что же ты хочешь о нем узнать, Киниск?

Киниск. Кого наказывает он главным образом?

Зевс. Дурных людей, конечно, например убийц, святотатцев.

Киниск. А кого отсылает он к героям?

Зевс. Хороших, благочестивых, вообще живших добродетельно.

Киниск. А почему так, Зевс?

Зевс. Потому что эти достойны награды, а дурные — наказания.

Киниск. Но если кто-нибудь невольно совершил преступление, то Минос и его присуждает к наказанию?

Зевс. Никогда!

Зевс, сидящий на троне. Серебряная тетрадрахма

Киниск. А сделавший нечаянно добро считается ли достойным награды?

Зевс. Тоже нет.

Киниск. Итак, Зевс, Миносу никого не подобает ни награждать, ни наказывать.

Зевс. Почему это — никого?

Киниск. Потому что мы, люди, ничего не делаем по своей воле, но во всем покоряемся неизбежной необходимости, если только справедливо твое утверждение, что всему причиною — Мойра: если кто убивает, то это она убийца, и если кто оскорбляет святыню, то — по ее решению. Итак, если Минос хочет быть справедливым судьей, то он накажет Судьбу вместо Сизифа, а вместо Тантала — Мойру. В чем их вина, если они покорились предусмотренному?

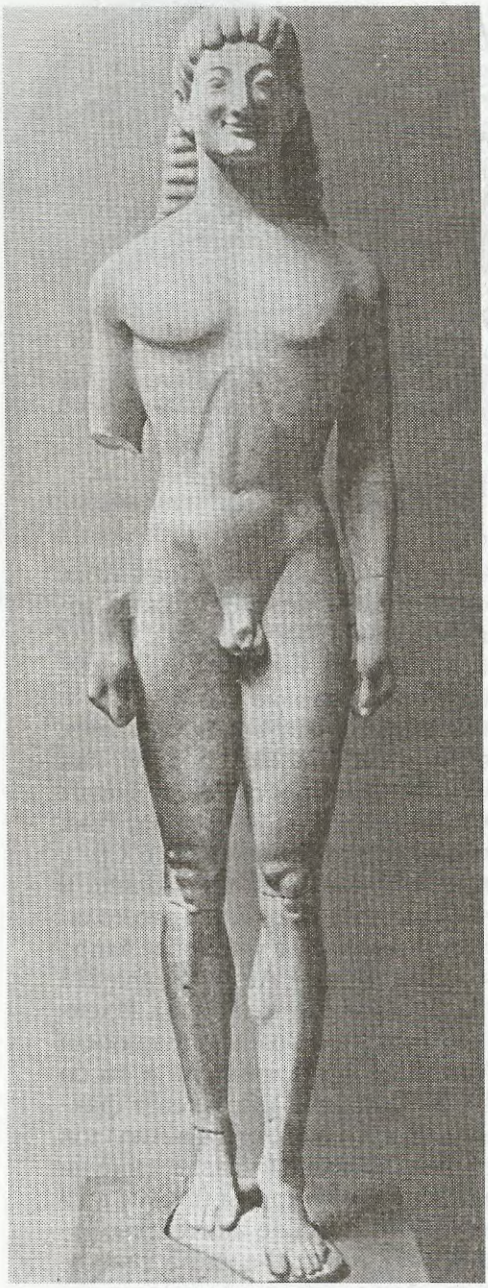
(19) Зевс. Не стоит отвечать на подобные вопросы: ты дерзкий софист. И я оставляю тебя и ухожу.

Киниск. А мне еще надо бы спросить, где живут Мойры и как они, будучи только втроем, поспевают обо всем до мелочей беспокоиться. Это должна быть хлопотливая и несчастная жизнь, раз их обременяет столько дел! Не благоприятствовала им Судьба при рождении! По крайней мере, если бы мне предоставили выбирать, то я предпочел бы мою жизнь или даже еще более несчастную, но не сел бы за пряжу с таким множеством дел, требующих постоянного наблюдения. Впрочем, если тебе, Зевс, нелегко на все это ответить, я удовольствуюсь и тем, что ты мне сказал. И этого довольно, чтобы выяснить вопрос о Судьбе и Промысле; остального же мне, видно, не суждено было услыхать.

III. АПОЛЛОН

А. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Универсальные функции Зевса представлены в отдельных божествах тоже универсально, но с той или другой спецификацией. Космос можно создавать, расчленять и оформлять, одушевлять, хранить и т. д. и т. д. Аполлон — божество *всяких мировых и человеческих расчленений, оформлений, индивидуализации*. Но так как первейшее условие различения и оформления вещей — свет, то он, прежде всего, — *бог солнца и света*. На это этимологически указывают также его постоянные эпитеты, как Ликийский (или светлый, напр. IL. IV 101, 119), Феб (или светлый, ясный, являющийся); сюда же — Златовласый (аналогия с лучами солнца, Pind. 01. VI 41, VII 32), «лучащийся, негибнущий отец» (в надписях). Ср. у Aesch. Prom. 22 о «фебовом» (т. е. ярком, светлом) пламени солнца и т. д. Не нужно, однако, идентифицировать Аполлона с солнцем: это только один из весьма многочисленных эпитетов Аполлона у Гомера, напр., Феб и Гелиос — совершенно разные божества; то же у Aesch. Suppl. 213 сл., Plat. Legg. XII 945 e («Общий участок Гелиоса и Аполлона»). Идентификацию находим мы только в позднюю эпоху и не раньше Еврипида (напр., в поздней орфике Hymn. XXXIV 3, 5, 8; у Юлиана), да и то со срывами (напр., у Philostr. Apoll. T. I 330, 24 Kays.). Солнце и свет фактически оформлены как *чередование времен года и месяцев*, откуда Аполлон является божеством и этого оформления. Ему посвящено разделение на 12 месяцев, на 7- (или 10-) дневные недели или эннэатериды (циклы в 99 месяцев, или 8 лет); новолуние и полнолуние (был даже эпитет «новолунный», ср. об этом сообщение у Herod. VI 57), 7-е и 20-е числа каждого месяца (Etym. M. 298, 1). Связанность Аполлона с календарными сроками вполне характерна и для Рима (напр., знаменитое Carmen Saeculare у Горация и начинается и кончается упоминанием Аполлона и Дианы; начало его — § 3 e); в частности, существовали мифы об особенной связи Аполлона с теплыми месяцами года и об удалении его на зиму к гиперборейцам (§ 4 a—c, также у Алкея в § 13 h и Каллимаха в § 2), которые помещались греками где-то на Крайнем Севере, где они были защищены от всякой непогоды, где солнце заходит только один раз в год, где царит всеобщее счастье под покровительством Аполлона. От-



Аполлон Тенейский

сюда — близкое отношение Аполлона к земледелию и к покровительству над скотом; он — даже сам пастух (§ 5 a—c); он же — покровитель охоты и «далекоразящий» своими метки-ми стрелами. Силу и меткость стрел его серебристого лука испытали очень многие: Пифон (§ 18 a—c), Алоады (§ 20 a), дети Ниобы (см. Мелеагр, § 9 d), Еврит (§ 9 e), Флегий (Verg. Aen. VI 618 слл.), Миний, греки под Троей и мн. др. Аполлон действует и в смысле организации человеческой жизни, внутренней и внешней. Он — *бог клятв* (ср. очень частое призывание его вместе с Зевсом и Афиной в § 6 a—f), *хранитель договоров* (о чем свидетельствуют многочисленные храмы, посвященные Аполлону в связи с договорами), «отчий» бог, «архегет» и «предстатель» племен и городов (так, напр., его дети — основатели городов: Амфисс, Херон, Дельф, Элевтер, Эпидавр, Корон, Ликорей, Марафон, Мегарей, Милет и пр.; сам же он строил стены в Трое и Мегаре, § 7 a—c), *покровитель колонизации* (Стефан Византийский перечисляет 25 городов с именем Аполлония).

В смысле внутренней жизни духа Аполлон — бог *очищения* (классический образ этого у Эсхила, § 10), *оракулов и предсказаний* («пророк Зевса», Aesch. Eum. 19 и § 11 a; ср. его многочисленные оракулы — в Дельфах, в Абах, в Кларе, в Дидимах и пр.), равно как и целитель тяжелых болезней, индивидуальных и эпидемических (§ 8 a—d), хотя он же и возбудитель их, когда надо или когда ему просто вздумается. Бог всякой индивидуальной формы и образа, Аполлон является преимущественным *покровителем искусства* (§ 13), особенно поэзии, музыки и танцев. У Гомера он еще только играет на лире, но в дальнейшем он и поет (так, на свадьбе Пелея и Фетиды или Гармонии). Главный его инструмент — форминга, но также и кифара. Он — «прекраснолирный», «златолирный», «лиробряцатель» и пр. Не чужд он и флейте (§ 13 l), хотя античность связывала этот инструмент с другими божествами (ср. миф о Марсии в § 19). Он также и «танцор» (Pind., frg. 125), «начальник хора» (Aristoph. Lys. 1281), «творец хора» (Hymn.

Orph. XXXIV 6), покровитель палестры и сам любитель гимнастики и спорта (он — первый победитель на Олимпийских играх: над Гермесом — в беге и над Ареем — в кулачном бою; ср. § 13 n). В «музических» искусствах он неразлучен с *Музами*. Из бесчисленных текстов, призывающих и воспевающих Аполлона и Муз как покровителей всего прекрасного и гармоничного, всего художественного и эстетического, приводим немного (§ 13).

Наконец, эта образность, оформленность доводит в мифологии Аполлона до *настоящих видений*, образец чего находим у Эсхила в его изображении ясновидящей жрицы Аполлона Кассандры (§11 b) или до ложного видения, наваждения (§ 12).

Но, быть может, наиболее простого, ясного, естественного и прекрасного своего выражения Аполлон достигает в образе юноши, служащего символом прекрасной и здоровой молодости. Тут наивная, но холодная, юная, гордая, антично-аморальная и прекрасная природа Аполлона сказалась больше всего. Таков хотя бы знаменитый Аполлон Бельведерский.

Аполлон из Пирея

Для общей характеристики образа Аполлона мы приводим небесполезное рассуждение Корнута (§ 14), описание явления Аполлона у Аполлония Родосского (§ 15), замечательный анонимный гимн к Аполлону (§ 1 c), состоящий сплошь из одних эпитетов этого бога (так что пришлось дать его в прозаическом переводе, поскольку в стихах невозможно точно передать значение каждого эпитета; по-гречески эпитеты эти даны даже в алфавитном порядке) и, наконец, орфический гимн (§ 1 d).

Атрибутами и символами Аполлона являются: волк, лань, овца, коза, баран, мышь, саранча, ящерица, лебедь, ястреб, дельфин, гриф (смешение льва и орла), лавр.

ОБРАЗ АПОЛЛОНА В ГИМНАХ

1. a) Hymn. Hom. I 1—13

Вспомню — забыть не смогу — о метателе стрел Аполлоне:
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомощных оружье снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердцем Лето веселится,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

b) Hymn. Hom. I 140—177

Ты же, о с луком серебряным царь, Аполлон дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревных;
Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
Гор величайших и реки, теченье стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильна.
Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
Глядя на этих людей и на жен, подпоясанных низко,
На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгинуть:
Острова Делоса девы, прислужницы Феба владыки.
Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это —
Голос его: до того хорошо их налажены песни.
Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте и позже.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
Кто доставляет из них наибольшее вам наслажденье?» —
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем».
Мы же великую славу о вас разнесем повсеместно,
Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных.
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.
Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

c) Anon. Hymn. in Apoll. (Orph. Ab., p. 285) (Гимн Аполлону)

Воспеваем великого бога Пэана Аполлона, бессмертного, светловидного, длинноволосого, нежношевелюрного, с крепким умом, царя, стрелолюбивого, дающего жизнь, радующегося, смеющегося, гигантоистребителя, мягконравного, Зевсом рожденного, Зевсова чада, драконоистребителя, радующегося лавру, прекрасноречивого, широко-владычествующего, дальновержца, подателя надежд, жизнеродителя, в высшем смысле божественного, умного, как Зевс, дарователя соревнования, ласкового,

Аполлон из Вейо

сладкогласного, сладкоумного, с целящими руками, звероубийцу, цветущего, чарователя умов, чарователя словами, стреловержца, вожделенного целителя, всадника, связующего миры, кларийского, отважнодушного, плоды рождающего, Латоной рожденного, приятного, веселого лирой, освещающего, празднующего таинства, прорицателя, мужественного, бесчисленнообразного, наслаждающегося тетивой, мысленного, беспечального, трезвого, одинаково всех радующего, общего, имеющего равные ко всем чувства, подателя всем, счастливого, делающего счастливыми, олимпийца, горноживущего, кроткого, всезрящего, совершенно безвредного, подателя богатств, освобождающего от трудов, розоцветного, сокрушающего вражеские полчища, пролагающего дороги, делающего гладким, мудрого светородителя, спасителя, наслаждающегося пляской, титана, совершителя, драгоценного, певца гимнов, высочайшего, высоковыйного, возвышенного, Феба, очищающего (phoibadzonta), любящего венки, обладающего веселым духом, изрекающего прорицания, золотого, златоцветного, с золотым метательным оружием, веселящегося бряцанием на струнах, бряцающего по струнам, ненавидящего ложь, подателя душ [жизни], быстроногого, быстро говорящего, быстровзорого, дарователя времен года. Воспеваем великого бога Пэана Аполлона.

d) Hymn. Orph. XXXIV (Гимн Аполлону)

Феб Ликорейский, гряди, о блаженный Пэан, покоривший
Тития, Мемфиса житель, всечтимый, с благими дарами,
С лирой златою пифиец, титан, засеватель и пахарь.
Гриний[1], Сминфей[2], Пифоктон[3], дельфийский пророк и целитель,
Дикий, как дух светоносный и милый, как отрок прекрасный,
С лирой в руках хороводец, из лука стрелец дальнометный,
Бранхий Дидимский[4] далеко разящий, ты Локсий священный,
Делоса царь, ты все видишь, ты око, светящее смертным;
Бог златокудрый, что нам открываешь слова предсказаний
Чистые, внемли мольбам моим, кои — от чистого сердца.
Ибо ты все назираешь: эфир беспредельного неба,

Многоразличный удел земли, там долу лежащей,
И через темную ночь в тишине звездоокого мрака
Корни подземные зришь, и пределы всего мирозданья
Держишь. Заботит тебя и начало вещей и конец их.
Цвет ты всему; согласуешь ты все многозвучной кифарой
В мире, когда до предела последней струны ты восходишь,
Или, напротив, до нижней струны, или ладом дорийским
Все примиряешь; племен поколенья в жизни ты делишь.
Ты сочетаешь всемирно согласье и судьбы людские;
В равной мере срок ты даешь для зимы и для лета,
Холод по нижней струне, а жару по последней настроив,
Цвет многолюбной весны ты равняешь дорийскому ладу.
Имя за это тебе даровали смертные, Паном,
Богом двурогим, назвав и владыкой свирельного ветра,
Ибо ты держишь прообраз всего мирозданья печатей.
Внемли, блаженный спаситель, словам умоляющих мистов!

2. *Callim. Hymn. II (Гимн Аполлону)*

[*Аполлон является только людям достойным*]

Видишь ли, как задрожала лавровая ветвь Аполлона,
Как содрогнулся весь храм: изыди, изыди, кто грешен!
Вот уже дивной ногой сам Феб о порог ударяет;
Разве не видишь, как тихо склонилась делосская пальма,
Как раздается кругом лебединая песня приятно?
Ныне падите, дверные запоры, падите затворы:
Значит, совсем недалеко и бог, приближается к нам он.
Юноши, будьте готовы и к песне и к пляске священной.
Бог Аполлон не всем появляется, только достойным;
Тот, кто увидит его, тот велик, но мал, кто не видит.
О, если б видеть тебя, Дальномет, никогда не быть малым!
Отроки если хотят дорасти до желанного брака
Или дожить до седин среди стен, основанием древних,
То с приближением Феба не должно кифаре безгласной
Их пребывать и не должно шагам оставаться без шума.
Отроков хвалим таких, — ибо их не в бездействии лира.

[*Весь мир восхваляет Аполлона*]

Свято, безмолвно внимайте хвалениям в честь Аполлона.
Свято внимает и море, когда воспевают аэды
Или кифару, иль лук, Ликорейского[5] Феба оружье.
Скорбная мать об Ахилле Фетида уже не рыдает.
Только услышавши «Иэ пайэон, Иэ пайэон!»
Также слезливый утес, источающий скорбь и поныне,
Влажный во Фригии камень стоящий, сегодня лишь мрамор,
Некогда бывший женой, издававшей плачевные вопли.
«Иэ, иэ» — кричите: нельзя враждовать нам с богами;
Тот, кто противится им, и царю моему тот противник.
Кто же противник царю, тот противится и Аполлону.

Если понравится хор Аполлону, его наградит он:
Это возможно ему — он сидит одесную у Зевса.
Дня одного, чтобы Феба воспеть, недостаточно хору;
Гимнов много ему, но легки песнопения Фебу.

[*Вид Аполлона*]

Все золотое вокруг Аполлона: его одеянье,
Пряжки, и лира, и лук ликтийский[6], колчан за плечами
И на ногах золотые подошвы; ведь золота много
У Аполлона и много богатств; то Пифон подтверждает.
Вечно прекрасен и вечно он юн; не бывало у Феба,
Чтобы на нежных щеках появился пушок возмужалый;
Кудри его изливают на землю елей благовонный,
Только с волос Аполлона не жирные падают капли,
А благодать для всех; если б капли такие ниспали
В граде каком-либо, там невредимым бы все пребывало.

[*Мастерство Аполлона*]

Нет никого в мастерстве, кто бы был сильней Аполлона;
Он получил в свой удел стреловержцев и песнопевцев:
Лук предоставлен во власть Аполлона, а также и песня;
Жребья и знаменья Фебу удел; от него научились
Лекари с смертью бороться, давать человеку отсрочку.

[*Аполлон Номий*]

Феба прозвали мы Номием также, с той самой поры, как
Пас он коней для запряжки у Амфриса[7], весь пламенея
Страстной любовью к Адмету, в то время еще холостому.
Пастбища полны тельцов, и козы, что с овцами вместе,
Не остаются бесплодными вовсе, когда Аполлонов
Глаз пастуха ни коснется их; овцы не будут бесплодны,
Будет у них молоко, и каждая будет с ягненком;
Та, что ягнилась одним, близнецами вперед оягнится.

[*Аполлон — основатель городов*]

Следуя Феба глаголам, и смертные размежевали
Грады себе, ибо радует Феба зиждительство градов.
Сам Аполлон замышляет для них основание стройки.
Четырехлетний еще, он уже создает основанье
Дивной Ортигии, града, соседнего с озером круглым.
После охоты нередко несет Артемида кинфийских
Головы коз, Аполлон же немедленно жертвенник строит.
Он основанье сложил из рогов и алтарь из рогов же
Соорудил, роговыми стенами его ограждая.
Так Аполлон научил воздвигать первобытные зданья.
Некогда Батту[8] предрек и о граде моем плодородном
Феб и, как ворон счастливый, летел пред народом, идущим
В Ливию, их предводил, и царям нашим дал обещанье
Стены создать. Аполлонова клятва незыблема вечно.

[*Другие аспекты Аполлона*]

О Аполлон, иногда именуют тебя Боэдромий[9]
Или же Кларий[10], — различных имен ты имеешь немало;
Я же тебя, как на родине все, называю Карнеем[11].
Спарта ведь, о Карней, была твоим первым престолом,
Остров Фера — вторым, а третьим — город Кирена.
Только шестое колено Эдипа из Спарты на Феру
Образ твой принесло, а из Феры честной Аристотель
В землю его перенес асбистидскую[12], соорудивши
Дивное Фебу святилище, и учредил в Асбистиде
В честь твою вечные жертвы, при коих тельцы постоянно
Падают на бок с последним дыханьем на жертву владыке.
Иэ, иэ, Карней многочтимый! Алтарь твой весною
Полон бывает цветами, что Оры, пестрея, приносят
Вместе с Зефиром, что дышит росой; а в зимнее время
Благоухает шафраном алтарь и не гаснет огнями,
Так что и уголь вчерашний сегодня не станется пеплом.
Радость большая была Аполлону, когда в снаряженье
Вышли бойцы Энио и с ливийками в танец вступали
Светловолосыми, в срок установленный празднеств Карнея.
Доряне не приближались в то время к источнику Кире[13],
Но обитали в лесистых ущельях горы Азилиса[14].
Там и взирал на них бог: их невесте своей показал он,
Стоя на острой вершине Миртусы[15], где дочерь Ипсея[16]
Льва поразила, что пагубой был для тельцов Еврипила.
Феб никогда не видал еще более дивного хора;
Граду другому он столько щедрот не излил, как Кирене,
Помня невесты своей похищенье. С тех пор и потомки
Батта не чтут никого из божеств превыше, чем Феба.

[*Величание Аполлона*]

«Иэ, иэ, Пайэон» — мы слышим; призыв этот к богу
Первый из всех произносит народ, обитающий в Дельфах,
Видя, как стрелы ты мечешь искусно из лука златого.
Демон звериный Пифон, жуткий змей, на тебя устремился,
Ты же, пуская одну за другой свои быстрые стрелы,
Ими Пифона убил, — и воскликнул народ благодарный:
«Иэ, иэ, Пайэон! Мечи свои стрелы, спаситель:
Так тебя мать родила», — и с тех пор тебя так призывают.

[*Бессилие Зависти перед Аполлоном*]

На ухо Зависть тихонько шептала навет Аполлону:
«Что за аэд, если он не дошел до величия моря!»
Зависть ногой отпихнул Аполлон и такое промолвил:
«Пусть величаво теченье реки ассирийской, однако
Много влечет оно грязи земной и тины болотной;
Черпают воду не всякой реки для Деметры Мелиссы,
Но лишь прозрачно-чистейшую влагу приносят, что точит
Тесный священный родник, лишь вполне совершенную влагу,
Радость владыке! А Мом[17] пусть останется там же, где Зависть.

ТИПЫ АПОЛЛОНА И ЕГО ФУНКЦИИ

3. a) Cic. De nat. deor. III 23, 57 (Разные типы Аполлона)

Древнейший из Аполлонов — тот, кого я немного выше назвал сыном Гефеста, хранителем Афин. Второй — сын Корибанта, родившийся на Крите; по преданию, он спорил об этом острове с самим Зевсом. Третий — сын третьего Зевса [см. «Зевс и Гера», § 4 b, у Цицерона] и Латоны. Как говорят, из гиперборейских стран он прибыл в Дельфы. Четвертый — в Аркадии; жители Аркадии зовут его Номием [«пастушеским», «стадным»], потому что утверждают, будто они от него получили законы [nomos — «закон»].

Аполлон из Пьомбино

b) Clem. Alex. Protr. II 28, 3

Да и Аполлона Аристотель [frg. 283 FHG, p. 190] считает сыном Гефеста и Афины (здесь, стало быть, Афина уже не дева), другой Аполлон — на Крите, сын Корибанта, третий — сын Зевса и четвертый, аркадский, — сын Силена. У аркадян этот четвертый и называется Номием [«пастушеский»]. За этими насчитывают Аполлона Ливийского, сына Аммона. Грамматик же Дидим [Didymus. Xene historia, frg. 6. M. Schmidt, p. 363] присоединяет к этим еще шестого Аполлона, сына Магнета. А сколько еще и теперь называют Аполлонов, близких к упомянутым, которые являются попросту неисчислимыми смертными и какими-то слабыми человечками!

c) Plut. De ei D. 20, 393 c (Аполлон — Иэий, Феб)

Отсюда этому богу хорошо соответствует первое, второе и третье имя. Именно, он — Аполлон, так как он есть тот, кто исключает множество вещей и самую множественность [polla — «множество»]; Иэий — как единый [heis] и единственный; а Фебом, наконец, древние именовали Всё, как чистое и непорочное. Подобно этому еще фессалийцы говорят о жрецах, проводящих время в запретные дни у самих себя вне [храма], что они «фебоуподобляются».

d) Macr. Sat. I 9, 6 (Аполлон — «дверной», «уличный»)

Именно, по сообщению Нигидия, Аполлон почитается у греков под именем Thyraios [«дверной»], причем они почитают его жертвенники перед сво-

ими дверьми, показывая, что он может создавать выходы и входы. Тот же Аполлон называется у них Agyieus [«уличный», «дорожный»], потому что он ставится на городских улицах. Ведь те улицы, которые внутри стен, они называют agyiai.

e) Hor. Carm. Saec. 1—8 (Аполлон — «светоч небес»)

Феб и ты, чья власть по лесам, Диана!
Светочи небес! Вы, которых чтили,
Вечно будут чтить, дайте нам, что просим
В сроки святые, —
Как Сивиллин стих указал избранным
Юношам воспеть и девицам чистым
Важный гимн богам, возлюбившим Рим наш,
Град семихолмный!

4. *a) Ananii, frg. 1, PLG (Периодические возвращения Аполлона)*

О Аполлон, ты, который владеешь Делосом, или Пифоном, или Наксосом, или Милетом, или божественным Кларосом! Ты пришел из священных мест или уйдешь к скифам...

b) Herod. IV 32 слл. (О пребывании Аполлона у гиперборейцев)

См. «Артемида», § 14 b.

c) Verg. Aen. IV 143—149 (Периодическое возвращение Аполлона из Ликии)

Ликии зимние домы покинул когда и теченье
Ксанфа, приходит на Дел материнский таким же Аполлон,
Хоры там возобновляет, и вкруг алтарей, без раздела,
Криопы[18] пляшут, и креты, и с пестрым лицом агафирсы;
Он же грядет по Кинфа высотам[19] и зеленью нежной
Волны кудрей, украшая, сжимает, вплетая в них злато,
Стрелы ж звенят за плечами.

5. *a) IL. II 763—767 (Аполлон — пастух)*

Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретиад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,
Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.

b) IL. XXI 448—449 (Посейдон, — об Аполлоне, пастухе у Лаомедонта)

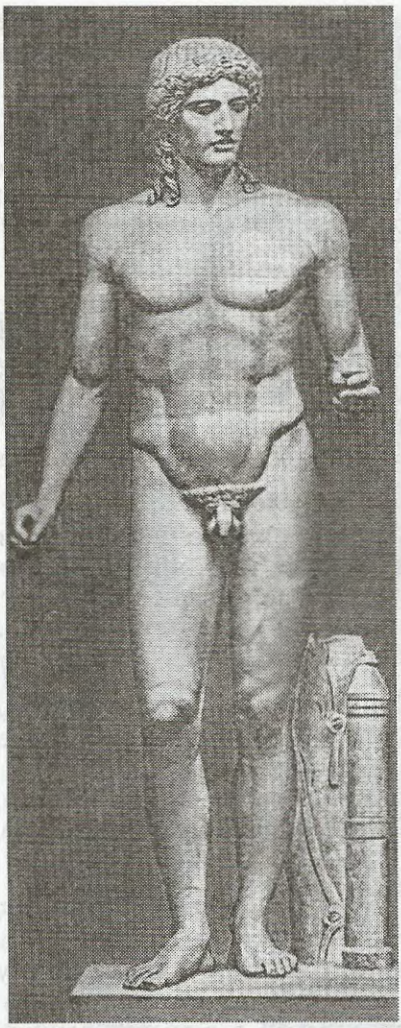
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.

c) Hymn. Hom. III 71 слл. (Похищение коров Аполлона Гермесом)

См. «Гермес», § 2 b, а также <«Гермес»>, § 9 c, d.

6. *a) IL. II 371—374 (Обычное призывание Аполлона вместе с Зевсом и Афиной)*

Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахеян советников было,
Скоро пред нами покинул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!



Аполлон из Касселя. Римская копия с греческого оригинала Фидия

b) IL. IV 288—291

Если б, о Зевс олимпийский, Афина и Феб-луконосец!
Если б у каждого в персях подобное мужество было,
Скоро пред нами покинул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!

c) IL. VII 132—141 (То же, слова Нестора)

Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего брега
Билася рать пилиян и аркадян, копейщиков славных,
Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана:
В воинстве их впереди Эревфалион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
Славного Арейфооя, прозванием палиценосца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:

Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотенным сражался,
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.

d) IL. XVI 97—100 (То же, слова Ахилла)

Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни!

e) Od. IV 341—346 (То же, слова Менелая)

Если б, о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина!
В виде таком, как в Лезбосе, обильно людьми населенном, —
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага, на великую радость ахейцам, —
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.

f) Od. VII 311—315 (То же, слова Алкиноя)

Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навзикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался...

g) Plat. Legg. XI 936 e (Аполлон, Зевс и Фемида)

Если он [свидетель] знает что-нибудь по делу и может дать свидетельские показания, пусть будет свидетелем; если же он заявит, что ничего не знает, то должен поклясться тремя богами: Зевсом, Аполлоном и Фемидой, что он действительно ничего не знает; тогда он отпускается из суда.

7. a) IL. VII 448—453 (Аполлон строит стены вокруг Трои)

Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
Слава о ней распространится, где только денница сияет;
Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомедону создал, томяся!

b) IL. XXI 435—460

См. «Олимпийские боги», «Общее», § 5 b.

c) Paus. I 42, 2 (В Мегариде)

А около очага [богов Продомеев] — камень, на котором, говорят, Аполлон положил кифару, когда помогал Алкафу строить стену.

8. a) IL. XVI 508—531 (Исцеление Главка)

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:
«Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве Ликийском

Аполлон Соуроктон

Или в Троаде присутствуешь, можешь везде ты услышать
Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
Болью ужасной пронзается; кровь из нее беспрерывно
Хлещет, не могши уняться; рука до плеча цепенеет!
Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
Зевсов сын, Сарпедон: не помог Громовержец и сыну!
Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву

И за друга сраженного сам достойно сражуся!»
Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец:
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К гласу его моления бог преклонился великий.

b) IL. XVI 656—683 (Приведение в порядок Сарпедона)

Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам Олимпийца.
Тут ни ликийцы в бою не остались храбрые: в бегство
Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудою тел окруженного: много их вкруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг Олимпиец.
Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.
В оное время воззвал к Аполлону Кронид-тучеводец:
«Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
Тело от черной крови, от бренного праха очисти;
Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.
Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим».
Рек Громовержец, — и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

c) IL. XXIV 15—21 (Сохранение тела Гектора)

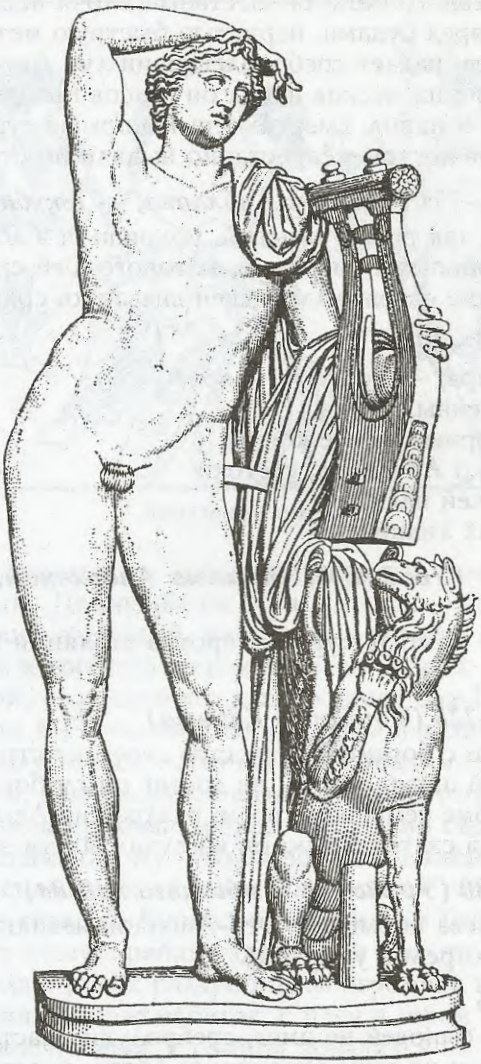
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вкруг могилы любезного друга
И наконец успокоился в куще, а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

d) IL. V 445—448 (Целительные функции Аполлона)

См. §12.

e) Theogn. 773—782 (Общее благоволение Аполлона)

Благоволя к Алкофою, Пелопову славному сыну,
Сам ты, о Феб, укрепил город возвышенный наш.



Аполлон с грифоном

Сам же от нас отрази и надменные полчища мидян,
Чтобы с приходом весны граждане наши могли
С радостным духом во славу тебе посылать гекатомбы
И, твой алтарь окружив, душу свою услаждать
Кликами, пеньем пеанов, пирами, кифарным бряцаньем.
Страх мою душу берет, как погляжу я кругом
На безрассудство, и распри, и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защити!

9. *а) IL. I 43—52 (Наказание ахеян по молитве Хриса жреца)*

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан со стрелами закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали

В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Страшный звон издает сребролеющий лук Аполлонов.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

b) IL. XXIV 757—759 (Стрелы Аполлона, — Гекуба о Гекторе)

Ты ж у меня, как росою омытый, покоишься в доме,
Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
Легкой стрелою своей, налетевшей внезапно, сражает.

c) Soph. O. R. 203—208

Ликийский царь, — молю! — направь
Со златокрученных тетив
Стрелы необорные во все концы!
А ты — свои, о Артемида, светочи
Огненосные, чей пламень
Мчишь в горах ликийских!

d) Paus. X 31, 3 (Убийства, чинимые Аполлоном, — умерщвление Мелеагра)

...Аполлон пришел на помощь куретам против этолян, и Мелеагр был убит Аполлоном.

e) Od. VIII 225—228 (Убийство Еврита)

Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;
Эврит великий погиб оттого; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем: раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был им застрелен.

f) Od. III 279—280 (Убийство без всякого повода)

Вдруг Менелаева кормщика Феб-Аполлон невидимо
Тихой своею стрелой умертвил.

g) Od. VII 64—66

Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету...

h) Od. XV 403—411 (Аполлон и Артемида приканчивают стариков)

Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

i) IL. XVI 786—805 (Аполлон и Патрокл, — гибель Патрокла)

Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:

Аполлон на омфале

Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
Мраком великим одеянный, шествовал в встречу бессмертный.
Стал позади и в хребет и широкие плечи ударил
Мощной рукой, — и, стемнев, закружилися очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
Медяный шлем; осквернилися волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучие томность;

j) Pind. Nem. VII 50—62 (Аполлон и Неоптолем)

На Пифийских полях лежит Неоптолем, после того как разорил город Приама, при котором подвизались данаи. Отплывши, он отбился от Скироса. В своих блужданиях они прибыли в Эфиру. Но он недолгое время царствовал в Молоссе. Род же его удержал это достояние навсегда. Он отправился к богу вместе с добычей, захваченной из Трои, где некий муж пронзил его кинжалом, когда тот вступил в состязание из-за мяса.

k) См. «Артемида», § 3 l—n (Другие убийства)

l) IL. XXIV 605—606 (Убиение детей Ниобы)

Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.

АПОЛЛОН — БОГ СВЕТЛОГО ОФОРМЛЕНИЯ

10. Aesch. Eum. 34—234 (Светлый Аполлон и черные Эринии)
См. «Подземный мир»*.

11. a) Hymn. Hom. III 535—549 (Аполлон — бог пророчеств)

Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу — другому:
Много имею я дела с родами бессчастными смертных.
И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лету и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
Тот от оракула пользу получит, не будет обманут.
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —
Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.

b) Aesch. Eum. 1—33 (Пифия и Дельфийский оракул)

П и ф и я. Молитвой первой — из богов старейшую,
Первопророчицу чту Гею. А за ней —
Фемиду. Вслед за матерью, второй она
Сидела прорицательницей. После трон
Не силе уступила, волей доброю,
Титанке Фебе, дочери другой Земли.
Та — в дар родильный — Фебу отдала его,
Назвавши внука именем святым своим.
Покинув волны тихие делосских скал,
У берегов гостеприимной Аттики
Причалил бог, сюда, к Парнасу, двинулся.
С почетом провожая, пролагали путь
Ему сыны Гефеста. Дебри дикие
От зверя очищали, прорубали лес.
И он пришел. И величал народ его,
И Дельф навстречу вышел, старый царь страны.
И в сына божескую мудрость Зевс вдохнул.
Четвертым сел он на престол провидческий,
Феб, Локсий, Зевса, своего отца, пророк.
Богам моя молитва этим первая,
За ними — честь Палладе, что за Стенами,
И Нимфам — честь. Пещера корикийская[20] —
Приют их, птиц гнездовье и божий дом.
И Бромий — не забыла — этих склонов князь.
Бог-воевода, вел он вакхов воинство
И жребий сшил Пенфея, гибель заячью.

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

И силу Посейдона чту и Плиста ключ.
Зову тебя, свершающий, великий Зевс!
А помолившись, в храм войду, пророчица.
Пусть будет этот день мой всех минувших дней
Счастливей. Если собрались здесь эллины,
По жребию (таков закон) подходят пусть!
Пророчествовать буду, как велит мне бог.

c) Eur. Iph. T. 1234—1282 (Дельфийский оракул)

Хвала тебе, сын Латоны!
Как на делосской тебя
Хлебом обильной земле
Мать родила, златокудрый,
Звонкой кифары властителя мудрого,
Меткой стрелы господина искусного, —
Тебя с утесов влажных,
Детенышем едва,
Покинув ложе муки,
Родимая умчала
К Парнасской выси Вакха,
Где шумны ликованья
И где потоки бурны;
И там, где отливаясь
Своей спиною пестрою,
Под лавром густолиственным
Вещания Фемиды
Стерег дракон чудовищный.
Еще дитя, еще
Ты на руках у матери
Резвяся, змея-сторожа
Убил, и на златом с тех пор
Божественном треножнике
Воссел неложный бог!
Из глубины святилища
Вещанья роду смертному
Ты раздаешь... Близ вод
Кастальских твой чертог стоит;
Земли средина там.
С тех пор как там, сын Латоны,
От прорицалищ святых
Дочь отрешил ты широкогрудой
Земли — Фемиду,
Сонных видений дружину туманную
Мать породила: былое, грядущее
Она в пещерах темных
Гадателям в ночи
Показывает спящим —
Из ненависти к Фебу,
Зачем отнять дерзнул он
У дочери вещанья,

Бюст Аполлона

И быстрою стопою царь
Достиг Олимпа выси,
Рукою детской Зевсов трон
Обвил он, умоляя,
Чтоб из чертога Пифии
Был изгнан гнев Земли.
И, улыбаясь смелости
И жажде храма пышного,
Царь кудрями встряхнул Зевес:
Вещания ночные он
Рассеял — больше нет
Вещаньям достоверности
Души, объятой дремою.
И Локсий вновь приял
Почет средь храма людного,
А человек гадающий
Уверенность обрел...

12. IL. V 432—459 (Аполлон — бог призраков)

Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился и мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон-дальновержец:
«Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! Никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»
Так провещал — и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далекоразящего Феба.
Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета, и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак,
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака — Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон-дальновержец:
«Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?
Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»

13. а) IL. I 601—604 (Аполлон и художественное творчество; Музы)

См. «Общее», «Олимпийские боги», § 2 а.

Аполлон Бельведерский

b) Hes. Scut. 201—207

Хор там был бессмертных богов; сын Латоны и Зевса
Сладко играл на кифаре златой среди них, восхищая.
Это — священный Олимп; бессмертные здесь обитали.
Площадь на нем; огромно, густою толпою стояли
Боги, словно венком окружив это место агона.
Песнь зачинали богини Пиэрии, Музы; казалось,
Были подобны они, как живые, громко поющим.

c) Od. VIII 487—489 (Демодок, певец у царя Алкиноя)

Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю:
Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое.

d) Paus. V 18, 4 (Аполлон — Водитель Муз, — на ларце Кипсела)

Дальше представлены поющие Музы и Аполлон, зачинающий песню. При них надпись:

Это Латоны сын, царь Аполлон далекоразящий;
Музы его окружают, он вождь прекрасного хора.

e) Hymn. Hom. II 1—29 (Музыка, пение, танцы)

Ликией ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном.
Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
Сын многославной Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на боге одежды бессмертные. Струны
Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись оттуда,
Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут, — неумелые, с разумом скудным, не в силах
Средства от смерти найти и защиты от старости грустной.
Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова матерь, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.
Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.

f) Hymn. Hom. XXI

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.
Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!

g) Hymn. Hom. XXV (Гимн Аполлону и Музам)

С Муз мою песнь начну, с Аполлона и с Зевса Кронида:

Борьба Аполлона и Геракла за дельфийский треножник

Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят, и лирники-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Радуйтесь, дочери Зевса, и песню мою отличите!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

h) Alcaei, frg. 1. 2 PLG (Гимн Аполлону)

Когда родился Феб-Аполлон, ему
Златою митрой Зевс повязал чело,
  И лиру дал, и белоснежных
    Дал лебедей с колесницей легкой.

Слал в Дельфы сына — у касталийских струй
Вещать уставы вечные эллинам.
  Бразды схватив, возница гонит
    Стаю на север гиперборейский.

Сложив хвалебный в оные дни пэан,
Велят дельфийцы отрокам, с пением
  И пляской обходя треножник,
    Юного звать в хороводы бога.

Гостил год целый в Гипербореях Феб —
И вспомнил храм свой. Лето горит: пора
  Звучать треножникам дельфийским.
    Лет лебединый на полдень клонит.

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щекот славий.
Ласточки щебет звончей. Цикада

Хмельней стрекочет, не о своей глася
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

i) Sapph., frg. 60 PLG

Нежных Харит
Кличу семью,
Муз пышнокудрых кличу.

j) Sapph., frg. 84

Выше гор златой храм.
Муз собор святой, к нам!

k) Eur. Herc., f. 674—692 (Хор об Аполлоне, Музах и Харитах)

Нет, не покину, Музы, алтарь ваш;
Вы же, Хариты, старца любите!
Истинной жизни нет без искусства...
Зеленью плюща белые кудри
Я увенчаю. Лебедь весь белый,
Но не мешайте петь ему, люди!
Пусть он былому песню слагает,
Пусть он победы славит Геракла.
Когда ж польется в чаши
Дар Вакха благодатный,
Иль понесутся звуки
Кифары семиструнной,
Иль заиграет флейта, —
Царица хороводов,
Побудь со мною, Муза!
Гимном победным сына Латоны
Славят, кружася, Делоса девы,
Праздничной пляской бога встречают;
Я ж, одряхлевший, возле чертога
Голосом слабым славлю Геракла.

l) Plut. De mus. 14 (О музыке Аполлона)

...Между тем, насколько мне известно, открытие благ музыки было делом не какого-либо человека, но бога Аполлона, олицетворяющего идеальное совершенство. Ошибочно думают иные, будто Марсию, Олимпу или Гиагниду принадлежит изобретение флейты, а Аполлону — одной только кифары; нет, этот бог был изобретателем и авлетики и кифаристики. Это явствует из хоров и жертвоприношений, которые совершались в честь этого бога под звуки флейт, о чем свидетельствует, между прочим, Алкей в одном из своих гимнов. Далее, воздвигнутая на Делосе статуя бога имеет в правой руке лук, а в левой Харит, из которых каждая держит какой-либо музыкальный инструмент: одна — лиру,

другая — пару флейт, а средняя — сирингу, приложенную к губам. Наблюдение это не мое: эти подробности упомянуты были Антиклидом (в «Описании Делоса») и Истром в «Явлениях». Изображение это столь древнее, что его считают произведением меропов, современников Геракла. Далее, мальчику, приносящему в Дельфы темпейский лавр, сопутствует флейтист. Также священные приношения гиперборейцев, говорят, доставлялись в древности на Делос под звуки флейт, сиринг и кифары. Иные утверждают, что и сам бог играл на флейте, о чем повествует превосходный лирический поэт Алкман. А Коринна говорит, что Аполлон был даже научен Афиной игре на флейте.

Аполлон

m) Alcm., frg. 102 PLG (Ссылка Плутарха на Алкмана)

См. предыдущий текст.

n) Paus. V 7, 10 (Аполлон — основатель Олимпийских игр)

Аполлон победил в беге Гермеса, а Ареса одолел в кулачном бою. Ради этого-то будто бы и введена игра на пифийских флейтах во время прыгания борющихся в пентатле, так как флейта посвящена Аполлону, а сам Аполлон был победителем в Олимпийских играх.

o) Plut. Qu. conv. VIII 4, 4 (Аполлон — любитель состязаний)

Так как, кроме того, бог у нас любитель состязаний и любитель побед, то он сам соперничает в игре на кифаре, в пении, в метании диска, как говорят некоторые, и в кулачном бою. Приходит он во время состязания и на помощь людям, как засвидетельствовал Гомер, заставивший Аполлона говорить (IL. XXIII 659 слл.):

Ныне подвижников двух призываем, которые сильных
Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять и кого победителем все мы признаем...

Из стрелков тот, кто молился этому богу, имел успех и брал первую награду. Гордый же, который не молился, не попадал в цель. И очевидно, афиняне не без основания и не случайно посвятили гимнасий Аполлону, но от какого бога мы имеем здоровье, о том и думали, что он дает хорошее состояние и силу для состязаний. А так как состязания бывают легкие и тяжелые, то, рассказывают, Дельфы приносили жертвы Аполлону как кулачному бойцу, критяне же и лакедемоняне — Аполлону как бегуну. Наконец, приношение доспехов, добычи и трофеев разве не свидетельствует, что этому богу больше всего принадлежит сила для побед и одоления?

p) IL. XXIII 651—663 (Аполлон — покровитель состязаний)

Так произнес, — и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;

Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Чада Атрея, и вы, меднолатные мужи ахейцы!
Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять и кого победителем все мы признаем,
Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска».

q) Paus. IX 29, 5—7 (Аполлон и Лин)

(5) На Геликоне, налево от дороги, ведущей в рощу Муз, есть источник «Аганиппа». Аганиппа, по преданию, — дочь Термисса, а Термисс — речка, течет около Геликона. Если по прямой дороге идти в рощу, там есть на камне рельефное изображение Евфимы. Евфима эта, по преданию, была кормилицей Муз. (6) Это ее изображение, а затем в маленькой скале, высеченной наподобие пещеры, есть изображение Лина, которому ежегодно, перед жертвоприношением Музам, совершают всенощное празднество. По преданию, этот Лин был сыном Урании и Амфимара, сына Посейдонова, и превзошел славой своей музыки всех предшественников и современников. Убил его, будто бы, Аполлон за то, что он равнялся с ним в пении. (7) Песни о смерти его распространились даже в варварской стране; например, у египтян есть песня Лина, и песню египтяне на своем языке называют «манерос»; а из эллинских поэтов Гомер, например, зная, что у эллинов есть песня о страданиях Лина, говорит, что Гефест изобразил на щите Ахилла, между прочим, юного кифариста, который поет Лина (IL. XVIII 569 сл. Минский):

А посредине меж ними дитя на отзывчивой цитре
Грустно играло и пело прекрасную песню о Лине.

Ср. об Аполлоне как основателе Пифийских состязаний подробно в «содержании» к Pind. Pyth VII в схолиях, — p. 297 сл. Boeckh. Начало этого текста в §18 h.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АПОЛЛОНА

14. Cornut. 32 (Общее)

Итак, далее, дитя, Аполлон есть *солнце*, а Артемида — *луна*. Именно из-за этого их обоих выводят *стрелками*, имея прикровенно в виду как бы испускание ими вперед лучей. Называется также поэтому солнце метателем (hecatos), а луна метательницей, ввиду того что они издали мечут и посылают сюда свет, так что подобно этому их назвали еще и *дальновержцами*. Некоторые рассуждают об этимологии Геката и Гекаты иначе, полагая, что те, кто наложил на них эти имена, молятся им, чтобы [эти божества] были вдали от них и чтобы к ним [молящимся] не приближался вред, исходящий от Аполлона и Артемиды. Ведь последние, оказывается, иногда вредят воздуху и становятся причиной чумных заболеваний. Поэтому прежние люди относили к ним и внезапную смерть; и поэт вводит среди чумы как нечто очевидное Ахилла, говорящего, что нужно найти прорицателя [IL. I 64]:

Пусть нам поведает, чем раздражен Аполлон небожитель.

Аполлон и Амур

Благодаря этому полагают, что Артемида названа ради эвфемизма по тому своему свойству, что она якобы делает «невредимыми» (artemeis), т. е. здоровыми; Аполлон же, как очищающий нас от болезней или отводящий их от нас, получил то наименование, согласно смыслу которого он зовется *целителем* и представляется *врачом*. Некоторые же утверждают, что сам Аполлон получил имя от слова «уничтожать» (apollynai), потому что он «уничтожает» этот [мировой] распорядок, поскольку со всех его сторон непрерывно испаряется влага и присоединяется к эфиру. Пожалуй, имя это могло получиться и от *упрощения* (haployn) и *разрешения* (lyein) сложного содержания вещества или также от темноты, поскольку она могла бы называться простой.

Подобающим образом выводят их в виде братьев, похожих один на другого и передвигающихся одинаковым образом, имеющих сходные способности во всем и одинаково взращающих то, что находится на земле. Затем Аполлон изображен мужчиной, будучи более теплым и проницающим огнем, Артемида же — женщиной, имея более нежные и слабые силы. Аполлон имеет возраст взрослого юноши, в котором и люди оказываются красивее всего. Ведь солнце прекраснее всего на вид и юнее всего. После же этого он называется Фебом ввиду того, что он чистый и блестящий. (Пользуются в отношении его и другими эпитетами, называя его златовласым и длинноволосым, поскольку он златовиден и беспечален благодаря своей непорочности.) *Делием* и *Фанеем* назвали его потому, что существующее через него «открывается» (deloysthai) и космос освещается, как поставили и храм Аполлону и Анафею, поскольку он «являет» (anaphainontos) все. А с этим находится в согласии и то, что Делос и Анафа считаются посвященными ему. Ввиду же указанного выявления вещей и связанной с ним мантики дали также Аполлону имя *Пифия* [Пифийского] оттого, что туда приходят люди «узнавать» (pynthanesthai) о своих делах. Названо же это место omphalos [пуп] земли не потому, что оно на самой ее середине, но потому, что в нем дается «глагол» (omphe), т. е. божественный голос. Поскольку, далее, его прорицания двусмысленны (loxoi) [кривые] и весьма суровы, он имеет имя Локсия (или же от кривизны того пути, который он совершает по зодиакальному кругу).

Он изображен *музыкантом* и *кифаристом* ввиду того, что он гармонично бряцает о всякую часть космоса и делает ее созвучной со всеми прочими частями, так что в существующем не наблюдается никакого нарушения мелодии; но он весьма старательно охраняет и соразмерность промежутков времени одного в отношении другого, как в ритмах, и заставляет чудесным образом приспособляться к слуху голоса живых существ и также звуки прочих тел, испускаемые соответственным образом в воздух от рассыхания. По этому принципу он назван *Мусагетом* [водите-

Три грации. Барельеф с алтаря двенадцати богов

лем Муз] и считается наблюдателем за ними и сам играющим вместе с Музами.

Ибо от Муз и метателя стрел Аполлона-владыки
Все на земле и певцы происходят, и лирники-мужи, —

говорит Гесиод [Theog. 94 сл.]. Поэтому и посвящен ему *лебедь*, в силу того что он самый музыкальный и в то же время самый белый из птиц. Ворон же чужд ему ввиду своей нечистоты и окраски. *Лавр* же, хотя он и густо-красного цвета, служит ему венком, потому что это растение хорошо растет и всегда цветет. Кроме того, он хорошо горит и имеет что-то специфическое в смысле очищения, так что не напрасно он возлежит на самом чистом и самом жгучем боге. Пожалуй, и самое название лавра (daphne), некоторым образом приближающееся к слову «выявлять» (diaphainein), сделало его подходящим для того, чтобы служить в смысле предсказаний.

Треножник дан ему ввиду совершенства числа «три». Может он происходить и от трех кругов, один из которых он пересекает в его годовом движении, а на двух [других] держится само солнце. Вследствие же того что во время чумных заболеваний обычно прежде всего и более упорно страдает, как известно, скот или даже гибнет весь, то поэтому на него возложили заботу о стадах, назвавши его *«стадным»*, *«волчьим»* и *«волкоубийцей»*. Надлежащим образом назван он и *«придорожным»*, будучи водружен на дорогах: он их освещает и при восходе наполняет светом, как сказано по противоположному поводу [Od. II 388]:

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Объявили его и председателем собрания, потому что днем люди общаются между собой на собраниях и в беседах, а ночью отдыхают у себя самих. *Пэаном* же его назвали или по противоречию и умилостивительно, чтобы он не посылал на них болезней и не вредил вдыхаемому ими воздуху,

или же потому, что он действительно бывает причиной здоровья для тела через благорастворение окружающего воздуха.

15. ***Apoll. Rhod. II 676—686 (Явление Аполлона во всей красе)***

Феб-Аполлон, сын Лето, отправляясь из Ликии дальше,
В область несметного племени гипербореев, явился
Вдруг перед ними. И кудри вились вкруг ланит золотые,
Как винограда лоза, развеваясь от быстрого хода.
Левой рукою держал он серебряный лук; за плечами
Сзади спускался колчан. Под стопами его колебался
Остров, и волны морские на сушу плескали, вздымаясь.
Неодолимый напал на них ужас; они не дерзали
В очи прекрасные бога взглянуть немигающим взором.
Очи потупивши в землю, стояли они. Он же снова
Двинулся в путь через море, по воздуху быстро шагая.

Б. ОСНОВНЫЕ МИФЫ

Двумя такими основными мифами для Аполлона являются повествования о его рождении и об умерщвлении им дракона Пифона.

Что касается *рождения* Аполлона, то среди многочисленных вариантов (перечислены в § 3 a, b) наиболее принято было производить Аполлона от Зевса и Латоны (IL. I 9, XVI 676, XXI 229, Hymn. Hom. I 1—13). Латона — Титанида, дочь Коя и Фебы, самая кроткая из богинь на Олимпе (хотя она не олимпийская богиня, но Титанида). Ее выразительная характеристика — у Гесиода (§ 16 a). Судя по Hes. Theog. 921, она была в связи с Зевсом еще до Геры. Под Троей она, конечно, помогает своим детям Аполлону и Артемиде против ахеян (IL. XX 40, 72, XXI 497—504). С нею мы еще встретимся в связи с Ниобидами (прообраз этого в IL. XXIV 602—617, ср. § 9 l) и мучениями в Аиде Тития (Od. XI 576—581; Титий наказан в Аиде за изнасилование Латоны). Наиболее древний рассказ (§ 17 a) относит рождение Аполлона к Делосу, куда прибыла гонимая ревнивой Герой Латона. Аполлон и Артемида родились здесь под горой Кинфом (хотя по Hymn. Hom. I 16 здесь родился только Аполлон, а Артемида — в Ортигии). Существовало, однако, немало и других местностей, куда относилось рождение Аполлона (Амфигения, Тегира, Ликия, Дельфы и др.), но здесь было бы громоздко рассматривать все эти материалы.

Об *убиении Пифона*, страшного дракона и змея, читаем в Гомеровском гимне (§ 18 a). Впоследствии указывали даже число стрел, выпущенных Аполлоном против Пифона (100 по Симониду по Etym. M. и 1000 по Ov. Met. 1443 = § 18 b, l). При этом рассказ Овидия, представителя рационалистически-натуралистического мирообъяснения, ярко отличается от повествования Гесиода, где еще почти не тронута органичность мифологии. За убиение Пифона и ради очищения Аполлон несет рабство у Адмета, царя фессалийских Фер, у которого он был пастухом (§ 5 a); по другим сказаниям, это рабство — за убийство Киклопов, — по Ферекиду в Schol. Eur. Alc. 1. На месте убийства был основан новый оракул — Дельфийский (раньше тут был оракул Геи и потом — Фемиды). Два

основных мифа — рождение Аполлона и убийство Пифона — вначале не имели никакой связи; в дальнейшем, однако, тут возникла очень крепкая связь (ср. § 18 d).

Далее отметим местный малоазиатский, а именно карийско-фригийский миф о *Силене Марсии*, которого Аполлон победил в состязании на флейте (а эту флейту Марсий поднял после того, как ее бросила Афина). Аполлон содрал с Марсия шкуру, но она, уже будучи повешенной Аполлоном в пещере, радуется еще и теперь, когда играют на флейте (§ 19 a—i).

Необходимо отметить *участие Аполлона в гигантомахии*. Также От и Эфиальт, сыновья Алоэя (или даже Посейдона) и Ифимедеи, выраставшие в год на локоть в ширину и на сажень в высоту, угрожали самому Олимпу, громоздя Оссу на Пелион. Их уничтожил Аполлон, когда они еще не стали даже юношами (§ 20 a, b).

РОЖДЕНИЕ И ПУТЕШЕСТВИЯ

16. a) Hes. Theog. 404—408 (Латона, мать Аполлона)

Феба же к Кою вступила на многожеланное ложе
И, восприявши во чрево, — богиня в объятиях бога, —
Черноодежной Лето разрешилася, — милою вечно,
Милою искони, самою кроткой на целом Олимпе,
Благостной к вечноживущим богам и благостной к людям.

b) Theogn. 1—10 Пиотр.

О господин, сын Зевса, Латоны дитя! Не забуду,
Песнь запевая, тебя, песнь завершая — тебя.
Нет же, тебя буду петь я начальным, тебя и последним,
И в середине — тебя. Ты же услышь и спаси!
Феб господин! В тот час, как над озером круглым, как чаша,
Пальмы трепещущий ствол в муках руками обвив,
Сына родила Латона, прекраснее всех из бессмертных, —
С края до края тогда Делоса берег святой
Благоуханьем объялся. Земля засмеялась сырая,
Возликовала морей седоголовая хлябь.

c) Hymn. Orph. XXXV (Гимн Латоне)

В пеплосе синем Лето, породившая двойню богиня,
Ты, Киантида, святая, великая духом царица
Многих молитв, получила ты зрелые роды от Зевса,
Феба родив доброплодно и севницу стрел Артемиду, —
Дочь в Ортигии, а сына на Делосе на каменистом.
Внемли, богиня, владычица, сердцем благая, и шествуй
К таинству всех богов, приносящая мирну кончину!

d) Apollod. I 4, 1 (Делос, рождение Аполлона и Артемиды)

Из дочерей Коя Астерия приняла вид перепелки и бросилась в море, спасаясь от брака с Зевсом. По ее имени получило первоначально свое название и государство Астерия, а позднее было названо Делосом. Лето, соединившись браком с Зевсом, блуждала по всей земле, гонимая Герой, пока не пришла на Делос и не родила первой Артемиду, а потом, повитая этой последней, родила Аполлона.

17. а) Hymn. Hom. I 19—139 (Рождение Аполлона и основание Дельфийского святилища)

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила,
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.

[*Блуждания Лето*]

Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос трудноподступный,
Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корика,
Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров не закрытый,
Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос, —
Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.

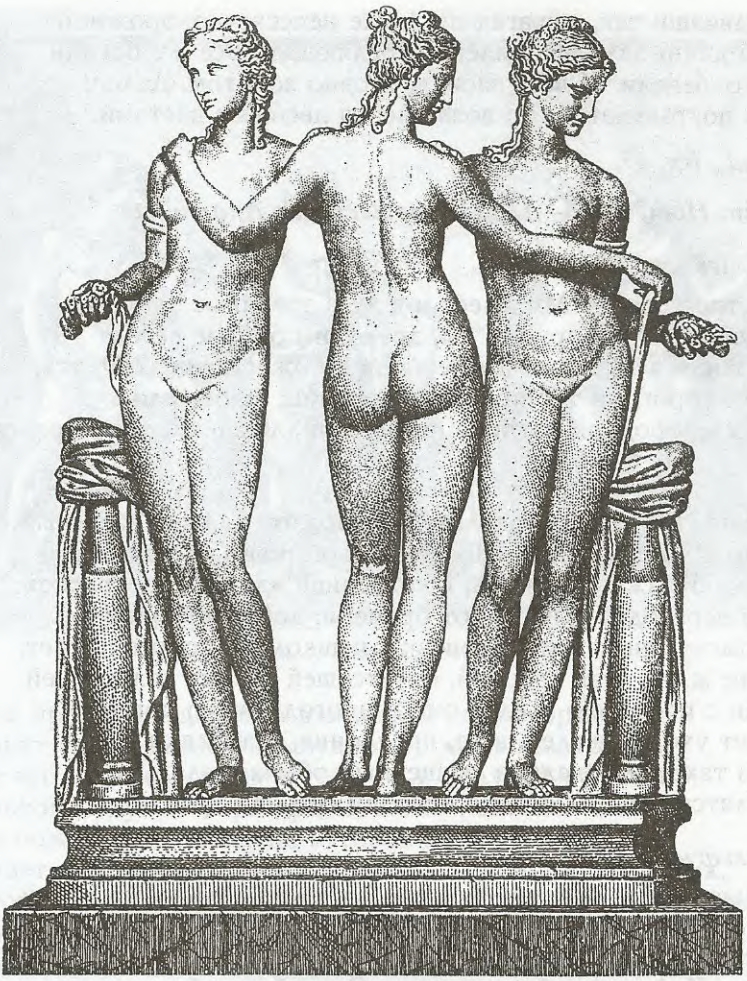
[*Прибытие Лето на Делос*]

В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:
«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище сын мой,
Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, что ни овцами ты не богат, ни быками,
Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится,
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...
Если б ты долго кормил их, владыка, имели бы боги...
От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».
Так говорила. И радостно Делос богине ответил:
«Верь мне, Лето, многославная дочерь великого Коя;
С радостью принял бы я Дальновержца владыки рожденье,
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
После же этого все бы почет мне оказывать стали.
Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
Неукротим и суров, и великая власть над богами

И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
Ну как сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва, —
И в многошумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить беззаботно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом
Для провещания божьих велений и после того лишь...
Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».
И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:
«Этой Землею клянуся и Небом широким над нами,
Стикса подземно текущей рекой, — меж богов всеблаженных
Клятвою самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почтит он тебя перед всеми!»
После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.

[*Роды*]

Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собралися вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида[22],
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры,
Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе —
Хитростью там удержала ее белорукая Гера,
Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.
С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернула обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде —
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.
Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались и родить собралася богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла



Хариты

В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.

[*Новорожденный Аполлон*]

Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белою тканью повивши, —
Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
Груди своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуясь, что родила луконосного мощного сына.
После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:
«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людям начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неиссчетнодорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

Ср. Pind., frg. 65.

b) Hymn. Hom. II 46—126 (Путешествия Аполлона)

[*Микалесс, Тевмесс, Фивы*]

Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
По хлебородной равнине фиванской, лишь лес простирался.

[*Онхест*]

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей.
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревную рощу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

[*Путь к Тельфусе*]

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасноструящейся речки Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лилеи.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
Ты пересек, Дальновержец, густые леса Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.
Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи.

[*Аполлон и Тельфуса*]

Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:
«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безукорные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».
Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась Тельфуса и слово сказала:
Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,

Гермес, Грации и Эскулап

Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безукорные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
И у божественных наших истоков поимые мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могуче и лучше
Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила, —
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
Иэпеану дары приносить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».
Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

[*Флегия, Криса*]

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты;
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских, в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты.
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
Обращена она склоном на запад, над ней зависает
Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина

Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:
«Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решаю,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

[*Храм в Крисе*]

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из каменьев Трофоний возвел с Агамедом —
Славные дети Эргина[23], любезные сердцу бессмертных.
Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасноструистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука —
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.

УБИЕНИЕ ПИФОНА

18. a) Schol. Ap. Rh. II 706 (Мелкие материалы)

Имя этого дракона [Пифона] одни считали мужским, другие женским. Последнее — лучше. Другой вариант: Меандрий и Каллимах говорили, что страж Дельфийского оракула назывался Дельфиной. Тот же самый Каллимах утверждал, что он был драконшей, — имея потому и женское имя.

b) Simonid., frg. 26 PLG (Из Julian. Ep. XXIV 395 D.)

Ради славословия Аполлона Симонид, мелический поэт, полагал, что этот бог имеет название Геката и что это наименование украшает его как бы вместо какого-нибудь другого священного знака. Ведь Аполлон, говорит он, умертвил дракона Пифона сотней (hecaton) стрел [ср. Callim. Hymn. II 101 сл; в § 2] и он больше радуется, когда его зовут Гекатом, чем когда Пифием...

Ср. Eustath. IL. 52, 12; Tzetz. IL. 117, 17.

c) Eur. Iph. T. 1245 слл. (Об убиении Пифона)

См. § 11 c.

d) Apollod. I 4, 1, 3

Артемида стала заниматься охотой и осталась девой. А Аполлон, научившись искусству прорицания у Пана, сына Зевса и Фимбры, пришел в Дельфы, где тогда давала прорицания Фемида. Так как змей Пифон, охранявший прорицалище, не позволял ему подойти к расселине, то он убил его и завладел прорицалищем.

e) Paus. X 6, 5

(5) Впоследствии окрестные жители стали называть город не только Дельфами, но и Пифоном, как и Гомер говорит в перечислении фокейцев. Люди, старающиеся везде вести родословную, говорят, что у Дельфа был сын Пифис и что во время его царствования город стали называть Пифоном. Но по самому распространенному преданию, название Пифона произошло оттого, что тот, кого застрелил Аполлон, там «сгнил», так как в те времена о гниющих предметах говорили «pythesthai». Так и Гомер [Od. XII 39 сл.], повествуя, что остров сирен был полон костями, так как люди, заслушавшиеся их пения, сгнивали, говорит «epythonto». (6) Поэты говорят, что убитый Аполлоном был дракон, которого поставила Гея для охранения прорицалища.

Три Грации

f) Ael. Var. hist. III 1

Он застрелил дракона Пифона, охранявшего Дельфы в то время, когда этим оракулом владела еще Земля.

g) Schol. IL. IX 405

Пифон — город Фокиды, его обитатели — дельфийцы. Это святилище Аполлона, получившее свое название или от «узнавания» (pyntnanesthai) предсказаний Пифии, или от «pythenai», т. е. «гниения» застреленного Аполлоном стража этого прорицалища.

h) Schol. Pind. Pyth. Argum. I (p. 297 Boeckh.)

Пифийские состязания были установлены на много лет раньше Истмийских, а причина их установления рассказывается в следующем виде. Лето была дочерью Коя (сына Урана и Геи) и Фебы (дочери Кроноса). С нею сочетался под видом перепела Зевс. Она забеременела и мучилась родами на Зостере в Аттике [Зостер — мыс на южном берегу Аттики, которым оканчивается гора Гиметт]. Родила же она Артемиду и Феба на острове Делосе, который раньше назывался Ортигией. Ставши взрослой, Артемида прибыла на Крит и заняла гору Диктинну. Аполлон же оказался в Ликии. Делос же он отдал своей матери. Далее Аполлон приходит в Дельфы, чтобы пасти коров в Пифоне. В это время Гермес изобрел черепаховую лиру с четырьмя льняными веревками вместо струн, так как тогда еще не знали употребления жил. Он захватил с воровскими целями коров Аполлона и, получивши от него жертву, предложил Аполлону черепаховую лиру взамен сворованной добычи. Тот сделал лиру семизвучной, прилаживая ее к флейте Пана (сына не Гермеса и Пенелопы, но Зевса и Фимбреи), или, пожалуй, снабдил он ее семью звуками потому, что сам в это время был семи месяцев отроду. Он же, как известно, устранил лён и натянул на лиру жилы. ...Искусству прорицания научился он у Пана. Последний ревностно раздавал прорицания в Аркадии. В дальнейшем Аполлон прибыл к оракулу, в котором сначала давала предсказания Ночь, а потом Фемида. Пророческим треножником владел тогда Пифон. Первым дал на нем оракул Дионис.

Три Грации

Убивши змея Пифона, Аполлон в течение семи дней участвовал в Пифийских состязаниях...

Ibid. Argum. III (p. 298 B.)

Пифийские игры были установлены, как говорят некоторые, около дракона, которого убил Аполлон, как охранявшего оракул в Дельфах. Состязания получили название от места. А место это имело имя Пифона или потому, что люди приходили в прорицалище бога «узнавать», или потому, что убитый Аполлоном зверь «гнил». Ведь pythesthai у Гомера [Od. I 161] значит «гнить». Белые кости от сырости гниют. Получивши очищение от убиения дракона у Хрисофемида на Крите, Аполлон отправился оттуда на Фессалийскую равнину и принес оттуда лавр...

Ср. об очищении Аполлона и Артемиды также в «Артемиде»; § 5 a.

i) Clearch. Sol. ap. Athen. XV, p. 701 c (Рассказ о прибытии Лето в Дельфы с Аполлоном и Артемидой и о внушении ею Аполлону мысли об убиении Пифона).

j) Strab. IX 3, 12

Говоря далее о том, кто такие дельфийцы, Ефор замечает, что в древности какие-то парнасцы, называвшие себя автохтонами, населяли Парнас, что в то время Аполлон посетил землю с целью отучить людей от употребления диких плодов, смягчить их нравы, что, направляясь из Афин в Дельфы, он шел той дорогой, по которой афиняне теперь посылают пифиаду [жертву Пифону]; потом, прибывши в Панопеи, он умертвил Тития, господствовавшего в этой области, человека, известного насилиями и беззаконием. Затем парнасцы, присоединившиеся к нему, указали еще на другого жестокого человека, Пифона, по прозванию Дракон; когда Аполлон умертвил его, они воскликнули: «Иэ, Пеан!» С этого времени и вошло в обычай петь пеан перед вступлением в бой. Тогда же была сожжена пифийцами хижина Пифона, что делают еще и теперь в воспоминание случившегося в те времена. Что может быть баснословнее, как не Аполлон, стреляющий из лука, наказывающий Титиев и Пифонов, странствующий по всей земле? Если Ефор не считал этого баснями, то какая необходимость была называть баснословную Фемиду женщиной, мифического дракона человеком? Разве с единственной целью — соединить историю с мифом.

k) Hymn. Hom. II 178—196

День роковой наступил для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный

Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:
«Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей смертных!
Больше, живя, ты не будешь свирепою пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифоэю,
Ни злоименной Химере. На этом же месте сгниешь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона!»
Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
Мы называем Пифийским: на месте на этом сгноила
Острого Гелия сила останки свирепого гада[24].

l) Ov. Met. I 416—451

Разных по виду потом животных своим изволеньем
Вскоре земля родила, когда разогрелась от солнца.
Сырость прежняя, ил и болотная липкая влага
Стали от зноя вспухать, и зародыши всяческой твари,
Вскормлены солнцем живым, как бы в материнской утробе,
В них развивались и свой принимали со временем облик.
Так, покинет едва семиустый влажные нивы
Нил и теченье свое предоставит прежнему руслу,
И под светилом небес разогреется ил нанесенный,
Много животных тогда хлебопашцы находят под комом
Каждым земли: одних в зачаточном виде, при самом
Миге рожденья, других еще не законченных видят,
Вовсе без членов, и часть единого тела нередко
Жизнь проявляет, а часть остается землей первобытной.
Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются в меру,
Плод зачинают, и всё от этих двоих происходит.
Если в бореньи огонь и вода, — жар влажный, возникнув,
Всё создает: для плодов несогласье согласное — в пользу.
Так, лишь потоп миновал и земля, покрытая тиной,
Зноем небесных лучей насквозь глубоко прогрелась,
Множество всяких пород создала, — отчасти вернула
Прежние виды она, сотворила и новые чуда.
И не хотела, но все ж, о огромный Пифон, породила
Также тебя, и для новых людей ты, змий неизвестный,
Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!
Бог-луконосец его, — он ранее это оружье
Против лишь ланей одних направлял да коз быстроногих, —
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан обездолив,
Смерти предал, и яд из черных ран заструился.
И чтобы славы о том не разрушило ветхое время,
Установил он тогда состязанья, священные игры, —
Звали Пифийскими их по имени павшего змия.
Ежели юноша там побеждал рукою, ногами
Иль колесом, получал, как отличье, дубовые листья:

Не было лавров еще; прекрасные, с волосом длинным,
Феб окружал им виски любою древесною ветвью.

т) Hyg. Fab. 140 (Пифон)

Пифон — сын Земли, огромный дракон. До Аполлона он обыкновенно давал ответы из оракула на горе Парнасе. Роком ему была назначена гибель от порождения Латоны. В то время Латона, дочь Пола, возлегла с Зевсом. Когда об этом узнала Гера, она заставила Латону отправиться туда, куда не приходит Солнце. Лишь только Пифон заметил, что Латона забеременела от Зевса, он начал ее преследовать, чтобы убить. Но ветер Аквилон, по приказанию Зевса, поднял Латону и перенес ее к Посейдону. Последний оказал ей помощь, но, чтобы не расстроить дело Геры, он унес ее на остров Ортигию, который он покрыл волнами. Не найдя ее, Пифон вернулся на Парнас. Но тогда Посейдон поднял остров Ортигию на более высокое место, которое потом стало называться островом Делосом. Здесь Латона у маслины родила Аполлона и Артемиду, которым Гефест дал в подарок стрелы. Через четыре дня после своего рождения Аполлон начал мстить за мать. Именно, он пришел на Парнас и убил стрелами Пифона, откуда и получил название Пифийского; а кости его он собрал в треножник и положил в своем храме, учредивши для него похоронные игры, которые стали называться Пифийскими.

Ср. Myth. Vat. I 37 и II 17.

п) Hymn. Hom. II 197—368 (Основание Дельфийского святилища после убиения Пифона)

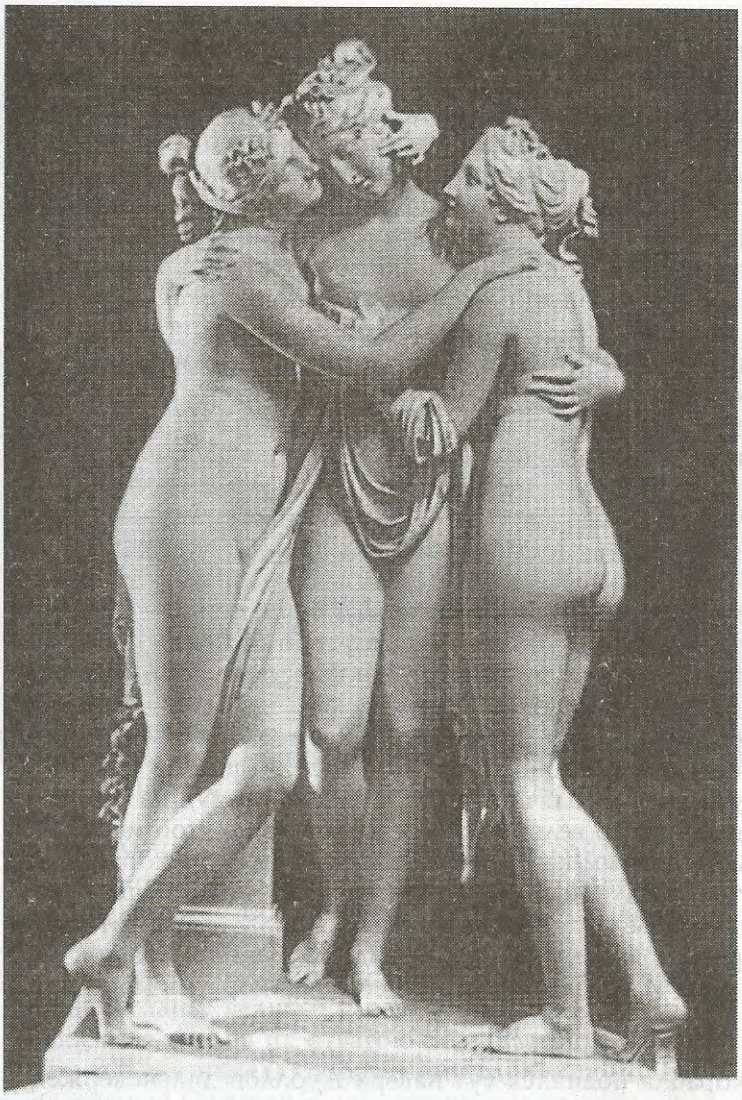
Начало рассказа в § 17 d.

[*Святилище в Тельфусе*]

Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон дальнострельный,
Из-за чего он обманут прекрасноструистой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро.
Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:
«Ты обманула, Тельфуса, меня! Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
Славу свою ты за то здесь отныне разделишь со мною!»
Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
Царь Аполлон-дальновержец и скрыл под обвалом теченье.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его *Тельфусийским*,
Так как *Тельфусы* священной течения там посрамил он.

[*Привлечение критян*]

Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальновержец,
Как бы ему и кого из людей привести в это место,
Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом,
Жертвы ему приносили б и всем возвещали законы
Золотолукого Феба-властителя, что б ни сказал он,
Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.
Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря



Хариты — Алая, Евфросина и Талия — дочери Зевса и океаниды Эвриномы

Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
Критян из града Миносова Кноса, — они для владыки...
Ради богатств и товаров они на судне своем черном
Плыли в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
Вдруг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
Выскочил он из воды, уподобившись видом дельфину.
Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
Из моряков же никто догадаться не мог и не видел...
И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
Не распустили снастей на бокастом судне они черном
И парусов корабля черноносого ставить не стали:
Как они что-либо укрепили ремнями сначала,

Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их
Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
Прибыли в Тенар, страну, где царит утешающий смертных
Гелиос; в мягких лугах превосходного этого края
Много пасется обычно овец густорунных владыки.
Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их, —
Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
Судно в Арену пришло, в Аргифею, приятную видом,
В Фриос на броде Алфейском и славные зданьями Эпи,
Дальше — в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
Мимо Элиды священной прошел он — державы эпейцев,
Зевсову радуясь ветру попутному, Феру покинул,
И показались вдали из-за облак утесы Итаки,
Следом — Дулихий, и Сам, и Закинф, покрытый лесами.
Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
Пелопоннес плодоносный собой отделивший от суши.
Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем
Горько-соленым как можно скорее промчался корабль их.
Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
Поплыли. Вел же Кронионов сын, Аполлон повелитель.
К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

[*Прибытие их и речи в Крисе*]

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
Сыпались густо с нее; достигло до неба сиянье.
В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
От Аполлонова блеска. И ужас объял их великий.
Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
Образ приняв весьма молодого и сильного мужа;
Длинные кудри его на широкие падали плечи.
Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:
«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?

Дафна и Аполлон. Картина Дж. Б. Тьеполо

Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
На берег вы, отчего не свернете снастей корабельных?
Нет меж трудящихся тяжко людей, кто бы делал иначе,
После того как на черном своем корабле быстроходном
К суше пристанет, трудом изнуренный: душой его тотчас
Овладевает желанье великое сладостной пищи».
Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:
«О чужестранец! Осанкой и всем своим видом походишь
Ты не на смертнорожденных людей — на бессмертного бога...
Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастие боги!
Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?
В место другое держали мы путь по великому морю, —
В Пилос из Крита, быть родом с которого все мы гордимся.
Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле,
Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».
Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:
«Странники! В Кносе, богатом деревьями, вы обитали
Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,
В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
К милым супругам. Но здесь вы получите храм мой богатый,

Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном.
Вас же сюда я привел чрез великую бездну морскую,
Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье
Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволеньем,
Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
Ну, а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
Прежде всего развяжите ремни и спустите ветрила;
Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
Из равнобокого выньте судна все богатства и снасти,
Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию, и да зовется
Жертвенник этот Дельфийским. И будет он славен вовеки.
Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
После ж того, как свой голод вы сладкой едой утолите,
Вместе идите со мною, пэан затянувши, доколе
Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».
Так он промолвил. Они же приказу его подчинились.
Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах.
Сами же вышли на берег крутой многошумного моря.
После того из воды высоко на песок оттащили
Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
И возлиянье свершили блаженным богам олимпийским.

[*В Пифоне*]

После того как желанье питья и еды утолили,
Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-дальновержец
С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
Дивно, высоко шагая. И, топая дружно ногами,
Критяне следом спешили в Пифон и пэан распевали,
Как распевается песня у критян, которым вложила
В груди бессмертная Муза искусство сладчайшего пенья.
Неутомимо на холм поднимались они и достигли
Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
Жить им остаться теперь, почитанием пользуясь общим.
Храм свой богатый он им показал и святилище в храме.
Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:
«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,

Нас ты завел, ибо так твоему пожелалося сердцу.
Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться».
И, улыбнувшись, ответствовал им Аполлон дальнострельный:
«Вечно вы ищете, духом нестойкие, глупые люди,
Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
В правую руку возьмете вы жертвенный нож и закланью
Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных.
Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...
Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает, —
Люди другие тогда властелинами станут над вами,
И в подчиненье у них навсегда вам придется остаться.
Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»
Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

o) Aesch. Eum. 1—33 (Пифия о Дельфийском оракуле)

См. выше, § 11 с.

АПОЛЛОН И МАРСИЙ

19. a) Herod. VII 26

Подле этого рынка [в Келенах] висит мех из кожи Силенова сына Марсия, относительно которого фригияне рассказывают, что Аполлон содрал с него кожу и там повесил ее.

b) Xen. Anab. I 2, 8

Есть в Келенах укрепленный дворец великого царя при истоках реки Марсия под акрополем. И эта река течет через город и впадает в Меандр. Ширина Марсия — 25 футов. Здесь, говорят, Аполлон содрал кожу с Марсия, победив его в музыкальном состязании, и кожу повесил в той самой пещере, откуда выходят источники. Поэтому и река называется Марсием.

c) Ov. Met. VI 382—400

Только один рассказал, как ликийского племени люди
Жизнь скончали, другой о Сатире припомнил, который,
Сыном Латоны в игре побежден на Палладиной флейте,
Был им наказан. «За что с меня ты меня же сдираешь?» —
Молвит. «Ах, правда! — кричит. — Не стоило с флейтою знаться!»
Так он взывал, но уж с рук и с плеч его содрана кожа.
Раною стал он сплошной. Кровь льется всюду струями,
Мышцы открыты очам; без всяких покровов трепещут
Жилы, биясь; сосчитать нутряные все части возможно
И обнаженные вдруг перепонки прозрачные груди.
Пролили слезы о нем деревенские жители, Фавны,

Боги лесов, и Олимп, знаменитый уже, и Сатиры-
Братья, и Нимфы, и все, кто тогда по нагориям этим
Пас руноносных овец иль стадо скотины рогатой.
Залили вовсе его, а земля увлажненная слезы
Тотчас в себя вобрала и впитала в глубинные жилы;
В воды потом превратив, на вольный их вывела воздух.
Вот он, в крутых берегах устремляяся к жадному морю,
Марсия имя хранит, из фригийских потоков светлейший.

d) Ov. Fast. VI 703 слл.

См. «Афина Паллада», § 12 d.

e) Hyd. Fab. 165

Как говорят, Афина первая сделала флейту из оленьей кости и пришла на пир богов, чтобы играть. Когда ее высмеяли Гера и Афродита за то, что она была и голубоглазая, и надувала щеки, то она, опозоренная и высмеянная за свою игру, пришла к потоку в идейский лес и там увидела себя в воде во время игры. Она поняла, что ее высмеяли по заслугам. Тогда она здесь отбросила от себя флейту и высказала пожелание, чтобы всякий, кто ее поднимет, подвергся тяжелой казни. Ее нашел один из сатиров, Марсий, сын Эагра. Ежедневными усидчивыми упражнениями на ней он достиг более приятного звука, так что стал вызывать на состязание Аполлона с его игрой на кифаре. Когда Аполлон пришел туда, они взяли Муз в качестве судей. И когда Марсий уже удалялся победителем, Аполлон стал приводить в движение кифару, и — получался тот же самый звук. Этого Марсий не мог достигнуть на флейте. Поэтому Аполлон после победы над Марсием передал его, привязанного к дереву, скифу, который и отсек у него отдельные члены. Остальное тело Аполлон передал своему ученику Олимпу для погребения. От его крови и река стала называться Марсиевой.

f) Hyg. Fab. 191

Царь мигдонский Мидас, сын матери Идеи, был взят Тимолом в судьи тогда, когда Аполлон состязался с Марсием [или с флейтой Пана]. Когда Тимол предоставлял победу Аполлону, Мидас сказал, что скорее ее надо предоставить Марсию. Тогда вознегодовавший Аполлон сказал Мидасу: «Какое сердце ты возымел при обсуждении этого [спора], такие ты будешь иметь и ушки». При этих зловещих словах он превратил его уши в ослиные. В это время, когда отец Либер вел войско в Индию, [его спутник] Силен заблудился; Мидас же, когда тот отстал, принял его как гостя и дал ему проводника для присоединения к войску Либера. Тогда за это благодеяние отец Либер предоставил право Мидасу просить и получить у него все, чего он только ни захочет, — например, чтобы становилось золотом все, к чему он ни прикоснется. Когда Мидас этого достиг и вернулся в свое царство, то все, чего он ни касался, становилось у него золотом. Измучившись от голода, он попросил Либера отнять у него этот «блистательный дар». Либер приказал ему омыться в реке Пактоле. Когда же его тело коснулось воды, она стала по цвету золотой. Эта река теперь называется в Лидии Хризорроей [«текущей золотом»].

g) Myth. Vat. III 10, 7 Bode

О Минерве рассказывается, что она изобрела флейту. После того как она поиграла на ней на пиру богов и все боги высмеяли ее раздутые щеки, она, направившись к Тритониеву болоту и увидевши в воде свое неприличное лицо, отбросила флейту в сторону. Ее нашел Марсий, который в игре на ней вызвал Аполлона на состязание. Итак, они избрали судьею царя Мидаса. Когда тот произвел неправый суд, Аполлон обезобразил его ослиными ушами. Мидас только цирюльнику показал знак своего преступления, пообещавши ему часть царства, чтобы он молчал. Тот, не будучи в состоянии этого скрывать и в то же время не осмеливаясь говорить об этом открыто, разрыл землю, рассказал это дело в яму и яму зарыл. На том месте вырос тростник, из которого некий пастух сделал себе свирель. Последняя при сотрясении произносила: «У царя Мидаса ослиные уши». Вот как Орфей пишет в Теогонии.

Ср. также об Аполлоне и Марсии у Fulg. III 10.

Лето с Аполлоном и Артемидой

h) Ov. Met. XI 146—193 (Состязание Аполлона и Пана)

Царь, убоявшись богатств, в лесах стал жить деревенских
С Паном, который весь век обитает в нагорных пещерах.
Ум лишь остался тугим у него. Опять обратились
Для обладателя их на беду его глупые мысли.
Там, в даль моря смотря, поднимается гордо обширный
Тмол с подъемом крутым; его опускаются склоны
К Сардам с одной стороны, с другой — к невеликим Гипепам.
Пан, для Нимф молодых там песни свои распевая,
Легкий напев выводя на воском скрепленной цевнице,
Ниже напевов своих оценил Аполлоново пенье,
Вышел в неравный с ним бой, а Тмол был избран судьею.
Сел уж на гору свою судья престарелый и уши
Освободил от деревьев; одни лишь увенчаны дубом
Сизые волосы; вкруг от впадин висков упадают
Желуди. Вот, посмотрев на скотского бога, сказал он:
«Ждать не заставит судья!» Тот начал на сельской свирели.
Варварской песней своей он Мидаса, который случайно
При состязании был, прельстил. И лицо обращает
В лик Аполлону судья; с лицом и леса обернулись.
Феб с золотой головой, увитою лавром парнасским,
Землю хламидою мел, пропитанной пурпуром Тира.
Лиру в убранстве камней драгоценных и кости индийской
Левой поддерживал он, а правая плектр держала.

Все же осанка была — музыканта. Вот потревожил
Струны ученым перстом. И, сладостью их покоренный,
Тмол порешил, чтоб Пан не равнял свои дудки с кифарой.
Суд святого судьи и решенье одобрены были
Всеми в горах. Порицал их один, называя сужденье
Несправедливым, Мидас. И Делиец терпеть не изволил,
Чтоб человеческий вид сохраняли дурацкие уши:
Вытянул их в длину, наполнил белеющей шерстью,
Твердо стоять не велел и дал им способность движенья.
Прочее — как у людей. Лишь одной опорочен он частью.
Так был украшен Мидас ушами осла-тихохода.
Все же пытается он скрыть стыд свой: голову с тяжким
Знаком позора прикрыть пурпурного цвета повязкой.
Только один его раб, который обычно железом
Волосы царские стриг, все видел. Не смея позора
Выдать, но всем разгласить его страстно желая, не в силах
Более тайну хранить, убежал он и выкопал ямку
И о господских ушах, которые видел случайно,
Тихо-претихо гласит и в самую ямочку шепчет.
Свой потаенный донос он опять зарывает землею
Той же и молча назад от закопанной ямки уходит.
Вскоре там начал расти тростник трепещущий, целой
Рощей. А только созрел, — лишь год исполнился, — тайну
Выдал он жителям сел; колеблемый ласковым ветром,
Молвит зарытую речь, обличая Мидасовы уши.

i) Diod. III 58—59 (Состязание Аполлона и Марсия, — в контексте мифа о Кибеле)

58 (1) Существует предание о происхождении этой богини и во Фригии [ср. о Базилее в «Теогонии и космогонии», «Система», § 28 m]. Туземцы рассказывают, что царем Фригии и Лидии был Меон. Вступивши в брак с Диндимой, он породил ребенка женского пола и, не желая его воспитывать, отнес его на гору, называемую Кибелой. Там, согласно божьему провидению, леопарды и некоторые другие дикие звери, отличающиеся [материнской] заботливостью, давали ребенку соски и выкормили его. (2) Некоторые же женщины, которые пасли стада около тех мест, увидели то, что здесь происходило, и, удивившись этому обстоятельству, подобрали ребенка и дали ему имя Кибелы, по названию этого места. Когда девочка подросла, она стала отличаться красотой и благоразумием, а также стала удивлять своим умом. Она первая придумала многоствольную свирель и изобрела для игры и танцев кимвалы и тимпаны. Кроме этого она ввела очищения для больных, убийц и малолетних детей. (3) Поэтому вследствие того, что новорожденные благодаря заклинаниям этой богини спасались и большею частью призревались ею, ее за ее усердие и любовь все стали называть горной матерью. Рассказывают, что ей [приходилось] иметь отношения, а лучше сказать — входить в дружбу с фригийцем Марсием, удивительным по своему уму и благоразумию. В качестве примера ума приводили воспроизведение звука на многоствольной свирели и перенесение на флейту полного звукоряда. Говорят также, признаком его благоразумия было то, что он до смерти не испытал любовных дел. (4) [Рассказывают], что Кибела, придя в цвету-

Титий пытается похитить Лето, Аполлон и Артемида спешат к ней на помощь

щий возраст, полюбила из местных жителей некоего юношу Аттиса, позже названного Паппом. Войдя с ним в тайную связь и оказавшись беременной, она в это время была изобличена родителями.

59 (1) Вследствие этого, когда она была введена во дворец и отец принял ее сначала как деву, а после, узнав о ее осквернении, убил и кормилиц и Аттиса, выбросив их тела без погребения, то, говорят, Кибела из любви к юноше и скорби о кормилицах впала в безумие и бросилась [бежать] по стране. Издавая стоны и ударяя в тимпаны, с распущенными волосами, она одна пошла по всей земле. Марсий же, испытывая к ней сострадание, добровольно присоединился к ней и начал блуждать с ней вместе — ради прежде заключенной дружбы. (2) Когда они пришли к Дионису на [гору] Ниссу, их застал там Аполлон, заслуживший большую похвалу за свою игру на кифаре. Эту кифару, как говорят, изобрел Гермес, Аполлон же первый воспользовался ею методически. Когда же Марсий состязался с Аполлоном в искусстве [игры] и были назначены ниссейские судьи, Аполлон первый стал играть на кифаре без сопровождения, Марсий же, усердно принявшись за флейту, стал поражать слух своей необычной игрой и вследствие прекрасного исполнения оказался намного впереди выступавшего раньше. (3) Когда же они сами согласились друг с другом показать судьям свое искусство, то во второй раз Аполлон, говорят, исполнил песню в сопровождении звуков кифары; в ней он превзошел, в смысле одобрения, раньше его звучавшую флейту. Первый [Марсий] в досаде уверял слушателей, что он получил низкую оценку вопреки всякой справедливости. Необходимо-де дать сравнение не звука, но искусства, соответственно которому надо производить исследование гармонии и мелодии кифары и флейты, и вследствие этого несправедливо два искусства сравнивать с одним. Аполлон, рассказывают, возразил, что он нисколько не обманул Марсия. (4) Ведь Марсий действует подобно ему, когда дует во флейту. Поэтому нужно или дать обоим равную возможность состязания, или ни тому ни другому не выступать в состязании при помощи рта, а показать свое искусство одними руками. (5) Когда слушатели решили, что Аполлон говорит более справедливо, была опять произведена сравнительная оценка искусства, и Марсий в состязании остался позади. Аполлон же, воспользовавшись жестоким спором, содрал кожу с побежденного, живого. Скоро же, раскаиваясь и тяжело переживая то, что им было сделано, он порвал струны кифары и уничтожил найденную гармонию. (6) Музы же позже восстановили в ней месу, Лин — лиханон, Орфей и Фамира — гипату и перипату. Аполлон же, говорят, в пещере Диониса спрятал кифару и флейту и, будучи влюблен в Кибелу, блуждал с ней до страны гипербореев. (7) Когда же во Фригии на людей напала болезнь и земля оказалась бесплодной и когда несчастные спросили бога об отвращении зла, он, — так рассказывают, — приказал похоронить тело Аттиса и почтить Кибелу как богиню. Поэтому фригийцы, схоронив тело, через некоторое время сделали изображение

юноши, страдания которого они воспевали в скорбных песнях, умилостивляя его гнев за понесенное беззаконие. Они совершают это вплоть до нашего времени. (8) Соорудивши алтари Кибеле, они с давних пор ежегодно совершают ей жертвоприношения. Позднее же в Писинунте Фригийском, при сочувствии к этому царя Мида, они построили роскошный храм и установили пышное почитание и жертвоприношения. К статуе богини они присоединили леопардов и львов, так как было известно, что они первые вскормили ее. Вот что рассказывается у фригийцев и атлантийцев, живущих около океана.

j) Apollod. I 4, 2

Кроме того, Аполлон убил еще и Марсия, сына Олимпа. Он нашел флейту, которую бросила Афина, так как игра на ней делала безобразным лицо, и вступил в состязание с Аполлоном в мусическом искусстве. Они условились на том, что победивший может сделать что хочет с побежденным. Во время самого суда Аполлон стал состязаться, играя на кифаре, и велел делать то же самое Марсию. Но так как тот не мог этого сделать, победителем был признан Аполлон. Он повесил Марсия на одну, особенно высокую, сосну, содрав с него кожу, таким образом погубил.

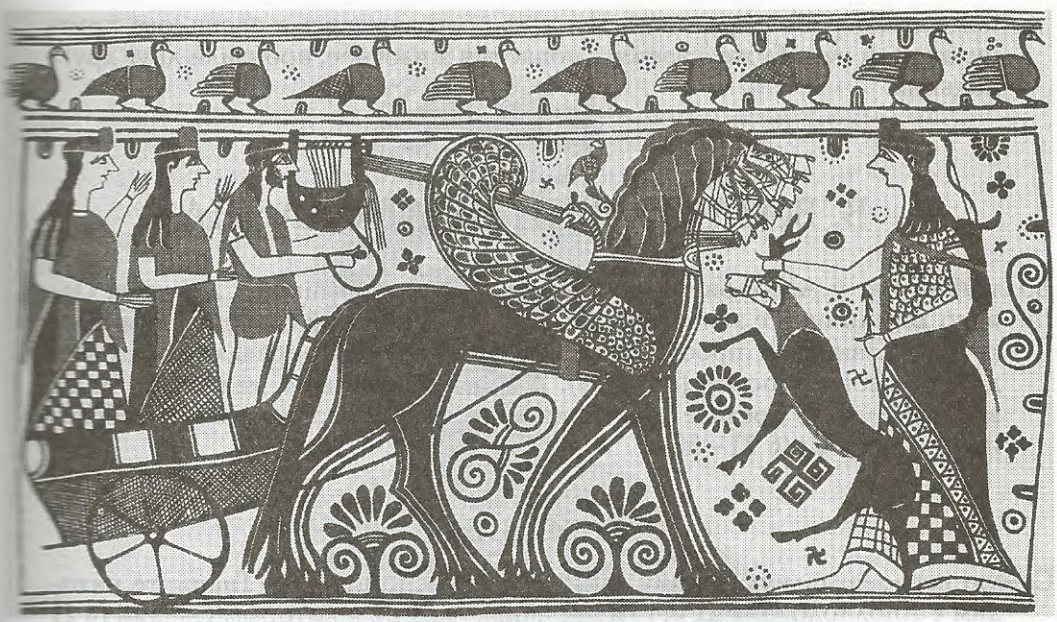
к) Philostr. Imag. 3 (Марсий, описание картины)

(1) Побежден фригиец, и вот уже смотрит он таким взором, где написана смерть, так как он сознает, что предстоит ему испытать. Он убежден, что в последний раз он играл на свирели, не в добрый час дерзнувши спорить с сыном Латоны. Отброшена им свирель и лежит как ненужная: на ней никогда уже больше ему не играть. Ведь прозвучал приговор, что он в игре неискусен. Он стоит у сосны, на которой, знает он, будет повешен. Сам присудил он себя к такому наказанию, чтобы с него живого кожу содрали. (2) Искоса посматривает он на этого варвара, который точит против него острие ножа. Ты видишь, как руки его заняты точильным камнем и железом; он поглядывает на Марсия, поблескивая на него горящими глазами, разметав свои спутанные и грязные волосы. Краска на его щеках, думаю, характеризует кровожадность, а над глазами плотно сдвинуты брови, придавая особый характер его злобе; с дикой улыбкой ждет он того, что предстоит ему делать, и не знаю, радуется ли он только этому, или же мысли его от природы полны кровожадности. (3) Аполлон нарисован здесь отдыхающим на какой-то скале; налево от него лежит лира, левой рукой он еще тихо ударяет по ней, едва касаясь струн, заставляет как будто звучать их. Посмотри на спокойную внешность этого бога, на улыбку, что цветет на его лице. Правая рука лежит у него на груди, слегка поддерживая плектр, — радость победы сделала ее более вялой. А вот река, которая по имени Марсия скоро переменит свое название. Смотри! Тут толпа Сатиров; они нарисованы так, как будто плачут по Марсию; их природа, обычно столь наглая, склонная к резким движениям, проявляется и теперь при всех проявлениях горя с их стороны.

ОТ И ЭФИАЛЬТ

20. a) Od. XI 305—320 (Обычная версия)

Ифимедею, жену Алоэя, потом я увидел;
С ней сочетался — хвалилась она — Посидон земледержец;



Аполлон и Артемида

Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют:
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын Громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.

b) Apollod. I 7, 4 (Несколько другая версия гибели Алоадов)

Канака родила от Посейдона Оплея, Нирея, Эпопея, Алоэя и Триопа. Алоэй вступил в брак с Ифимедеей, дочерью Триопа, которая влюбилась в Посейдона и, постоянно блуждая у моря, черпала руками волны и вливала их в свое лоно. Сойдясь с ней, Посейдон породил двух сыновей, Ота и Эфиальта, так называемых Алоадов. Каждый год они вырастали на локоть в ширину и на сажень в длину. Когда прошло девять лет и они уже имели в ширину девять локтей и в длину девять саженей, они задумали сражаться с богами и наложили Оссу на Олимп, а на Оссу Пелион, угрожая с помощью этих гор взойти на небо; и, выливая море на горы, они говорили, что сделают его материком, а землю — морем. При этом Эфиальт домогался Геры, а От — Артемиды. Они также связали Ареса. Его, однако, выкрал Гермес, который и уничтожил Алоадов на Наксосе при

помощи хитрости Артемиды. Именно, превратившись в оленя, она прыгнула среди них. Те же, стремясь попасть в животное, пронзили друг друга копьями.

B. ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ АПОЛЛОНА

Возлюбленных у Аполлона было очень много, и мальчиков и девушек. Однако далеко не все эти мифы обладают эротическим содержанием. Часто они возникали просто ради генеалогического оправдания тех или других местных родов (ср. § 28). Любовь Аполлона к мальчикам даже вообще едва ли древнее александрийцев. Мы приводим только избранные материалы (§ 21—30).

1. ГИАЦИНТ

Самую первоначальную форму мифа о прекрасном юноше Гиацинте находим у Аполлодора (§ 21 b, c) и Еврипида (§ 21 d), к которым Овидий (§ 21 e) прибавляет жалобные звуки выросшего из крови Гиацинта цветка. Говорили и о том, что диск, от удара которого умер Гиацинт, был направлен Зефиром из ревности к Аполлону (§21 a, c, f—h). О любви Фамирида к Гиацинту — § 31 e. Сам Гиацинт — сын Амикла, основателя Амикл в Лаконии, и Диомеды или сын Пиэра и музы Клио.

Нужно отметить еще так наз. Гиацинтии, трехдневное празднество в гекатомбеоне (июле) в Амиклах, с первым печальным днем и двумя другими веселыми — с шествиями и состязаниями в честь Аполлона (основной текст Polycrat. ap. Athen. IV 17). Наконец, необходимо заметить, что самое название цветка очень слабо указывает на то, что мы называем гиацинтом. Обследование всех текстов показало, что это нечто вроде лилии; цветет он ранней весной, еще до роз. Точно установить этот цветок пока невозможно.

21. a) Paus. III 19, 4 (Общие материалы, — из изображения на жертвеннике трона Аполлона Амиклейского)

...Вместе с ними Афродита, Афина и Артемида: они ведут на небо Гиацинта и Полибою, как говорят, сестру Гиацинта, умершую еще девушкой. Это — изображение Гиацинта уже с бородою; Никий же, сын Никодема, нарисовал его в расцвете юношеской красоты, тем давая понять всеми прославленную любовь к нему Аполлона.

b) Apollod. I 3, 3

См. ниже, § 31 e.

c) Apollod. III 10, 3 (О Гиацинте)

Говорят, что он был возлюбленным Аполлона. Бросивши в него диском, тот нечаянно убил его.

d) Eur. Hel. 1467—1474 (Менелай — к Елене)

Через столько лет ты снова
В хоровод войдешь священный

Аполлон Бельведерский

Иль отпразднуешь, ликуя,
Ночью память Гиакинфа.
Был сражен он в состязанье
Диском Феба, и лаконцам
Бог велел, чтоб в год по разу
Гиакинфа поминали.

e) Ov. Met. X 162—219

Также тебя, Амиклид, Аполлон посетил бы в эфире,
Если б туда поселить разрешили печальные Судьбы.
Можно иное свершить, — и бессмертен ты стал. Лишь прогонит
Зиму весна, и Овен водянистую Рыбу заступит,
Ты появляешься вновь, распускаясь на стебле зеленом.
Более всех ты отцом был возлюблен моим. Понапрасну
Ждали владыку тогда — земли средоточие — Дельфы.
Бог на Эвроте гостил в это время, в неукрепленной
Спарте. Ни стрелы уже у него не в почете, ни лира;
Ныне себя он забыл; но готов носить он тенета,
Или придерживать псов, иль спутником по неприступным
Горным вершинам бродить; а привычкой питается пламя!
Был в это время Титан в середине меж ночью грядущей

И отошедшей, — от них находясь в расстоянии равном.
Скинули платье друзья и, масляным соком оливы
Лоснясь, готовы уже состязаться в метании диска.
Первый метнул, раскачав, по пространству воздушному круг свой
Феб, и пред ним облака разделились от тяжести круга;
Времени много спустя упадает на твердую землю
Тяжесть, паденьем явив сочетанье искусства и силы.
Неосторожный тогда, любимой игрой возбуждаем,
Круг подобрать поспешил тенариец. Но вдруг содрогнулся
Воздух и с крепкой земли диск прянул в лицо тебе прямо,
О Гиацинт! Побледнели они, одинаково оба, —
Отрок и бог. Он в объятия взял ослабевшее тело.
Он согревает его, осушает печальные раны,
Душу, бегущую прочь, оживляет, травой прикрывая;
Всё понапрасну: была нецелимою отрока рана.
Так в орошенном саду фиалки, и мак, и лилея,
Ежели их надломить, на стебле пожелтевшем оставшись,
Вянут и долу свои отягченные головы клонят;
Прямо держаться нет сил, и глядят они маковкой в землю.
Так неподвижен и лик умирающий; силы лишившись,
Шея, сама для себя тяжела, к плечу приклонилась.
«Гибнешь, увы, Эбалид, обманутый юностью ранней! —
Феб говорит. — Эта рана твоя — мое преступленье.
Ты — моя скорбь, и погублен ты мной. На твоей да означат
Смерти десницу мою: твоих похорон я виновник!
В чем же, однако, вина? Так, значит, виной называться
Может игра? Так может виной и любовь называться?
Если бы жизнь за тебя мне отдать или жизни лишиться
Вместе с тобой! Но меня роковые связуют законы.
Вечно ты будешь со мной, на устах не забывших пребудешь;
Лиры ль коснется рука, о тебе запоют мои песни.
Будешь ты — новый цветок — мои стоны являть начертаньем.
После же время придет, и славный герой заключится
В тот же цветок, и прочтут лепестком сохраненное имя».
Так говорят Аполлона уста, предрекая правдиво, —
Кровь между тем, что, разлившись вокруг, мураву запятнала,
Кровью уже не была: блистательней раковин тирских
Вырос цветок. У него — вид лилии, если бы только
Не был багров у него лепесток, а у лилий — серебрян.
Мало того Аполлону; он сам, в изъявленье почета,
Стоны свои на цветке начертал: и начертано «Ай, ай!»
На лепестках у цветка; нарисованы скорбные буквы.
Спарте позора в том нет, что она родила Гиацинта;
Чтут и доныне его: что ни год, по обычаю предков,
Славят торжественно там Гиацинтии — праздник весенний.

f) Philostr. Imag. I 24 (Описание картины с Гиацинтом)

(1) Прочти эти буквы на гиацинте; они ведь написаны на нем и говорят, что вырос он из земли в память прекрасного юноши, и каждой весной плачет над ним цветок, появившийся на свет, надо думать, из него самого,

*Аполлон-Феб.
Античная монета*

следом за его смертью. Но пусть этот цветущий луг не задержит твоего внимания, заставляя забыть нас о юноше; ведь в самом юноше цветет уж этот цветок таким, каким из земли он поднялся. Картина говорит нам об этом, указывая, что и волосы были у юноши цвета как гиацинт, и живая его кровь, впитавшись в землю, придала цветку его своеобразный оттенок в окраске. Эта кровь течет из его головы, так как диск упал на нее. Страшно неудачный удар, и нельзя сказать наверное, что повинен в нем Аполлон. (2) Но так как сюда мы пришли не как ученые толкователи мифов, не как склонные относиться ко всему с сомненьем, а просто как зрители находящихся здесь картин, то разберемся в этой картине и прежде всего посмотрим на то место, где мечется диск. Здесь сделано небольшое возвышение, на котором можно стоять одному; служа опорой спине и правой ноге, дает оно телу наклон вперед и тем облегчает вторую, левую ногу, которой нужно приподняться и вместе с правой рукой сделать движение кверху. Что же касается позы того, кто мечет здесь диск, то он, повернув назад голову, должен настолько согнуться направо, чтоб видеть свой собственный бок, и бросить диск так, как будто бы он на ремне старался его поднять кверху, собрав все усилие на своей правой стороне. (3) И наверно, Аполлон метнул диск каким-либо подобным образом, да он и не мог бы пустить его иначе; когда же диск внезапно упал на юношу, в результате вот уже лежит на земле Гиацинт, как и диск, лежит, как настоящий лаконский юноша, с прямыми ногами, привыкший к бегу, уже развивший свои руки, являя созревшую силу костей. Аполлон стоит еще на площадке, отвратив от этого зрелища взоры и опустивши глаза на землю. Ты скажешь, что он окаменел, — настолько он поражен испугом. (4) Озорной же Зефир в дикой выходке, из мести к Гиацинту, отклонил диск на юношу. Смехом и шуткою кажется это для ветра, и издевается он, наблюдая за тем, что случилось. Ты видишь, конечно, его: крылья у него на висках; сам он, видом изнеженный, носит венок из всевозможных цветов, и вскоре вплетет он сюда и цветок гиацинта.

g) Philostr. Jun. 15

(1) Спросим же, мальчик, этого юношу, кто он и почему стоит Аполлон рядом с ним. Ведь, конечно, у него хватит смелости взглянуть на нас. (2) И вот он говорит, что он Гиацинт, сын Эбала. Узнавши это, надо теперь постараться узнать и причину присутствия бога. Любя юношу, сын Латоны ему говорит, что все ему даст, что имеет, если только он позволит ему собой обладать, что научит его и из лука стрелять, музыку знать, понимать предсказания и петь хорошо под звуки лиры, что обучит его искусству борьбы и палестры и что, кроме того, даст ему возможность на лебедях объехать те страны, где чтут Аполлона и милы ему самому. (3) Вот что обещал ему бог. Нарисован Аполлон, как обычно, с длинными кудрями; весело брови приподнял он над глазами, взгляд которых блестит, как солнечный луч, и с сладкой улыбкой он подбодряет Гиацинта, по той же самой причине он протягивает ему свою правую руку. (4) Юноша же пристально смотрит в землю, в глазах у него серьезность

и вдумчивость мысли; рад он тому, что слышит. Свою смелость, которая только еще появляется, он сочетает со скромностью. Он стоит, прикрывши темно-пурпурной накидкой левую сторону тела, которую он отодвинул назад, а правой рукой опирается на копье, выставив чуть вперед заднюю часть тела и в промежутке давая видеть свой бок. Эта обнаженная рука позволяет нам судить и о всем остальном. У него стройная щиколотка на прямой голени, а над нею легко сгибающийся подколенок, не очень полные бедра и поясница, поддерживающая все остальное тело; бока при легком дыхании округляют его грудь; его рука при всей нежности — сильная, шея не вытянута чрезмерно кверху; волосы его не грубые и не торчат в разные стороны от засохшей на них грязи: спускаясь на лоб, они сливаются с первым пухом юной его бороды. (5) В ногах у него диск, и, смотри, возле него стоит Эрот, очень веселый, но вместе с тем и печальный, а далее из засады подглядывает Зефир с жестоким лицом. Всем этим художник заставляет нас догадаться о предстоящей гибели юноши: когда Аполлон бросит диск, то Зефир, дуя в сторону, направит его на Гиацинта.

h) Luc. Deor. dial. 14 (Гермес и Аполлон, — пародия)

(1) Гермес. Отчего так мрачен, Аполлон?

Аполлон. Ах, Гермес! Несчастие преследует меня в любовных делах.

Гермес. Да, это действительно грустно. Но что именно огорчает тебя? Не случай ли с Дафной все еще мучит тебя?

Аполлон. Нет, не то; я оплакиваю моего любимца, сына Эбала из Лаконии.

Гермес. Что такое? Разве Гиацинт умер?

Аполлон. Да, к сожалению.

Гермес. Кто же его погубил? Разве нашелся такой безжалостный человек, который решился убить этого прекрасного юношу?

Аполлон. Я сам его убил.

Гермес. Ты впал в безумие, Аполлон?

Аполлон. Нет, это несчастие произошло против моей воли.

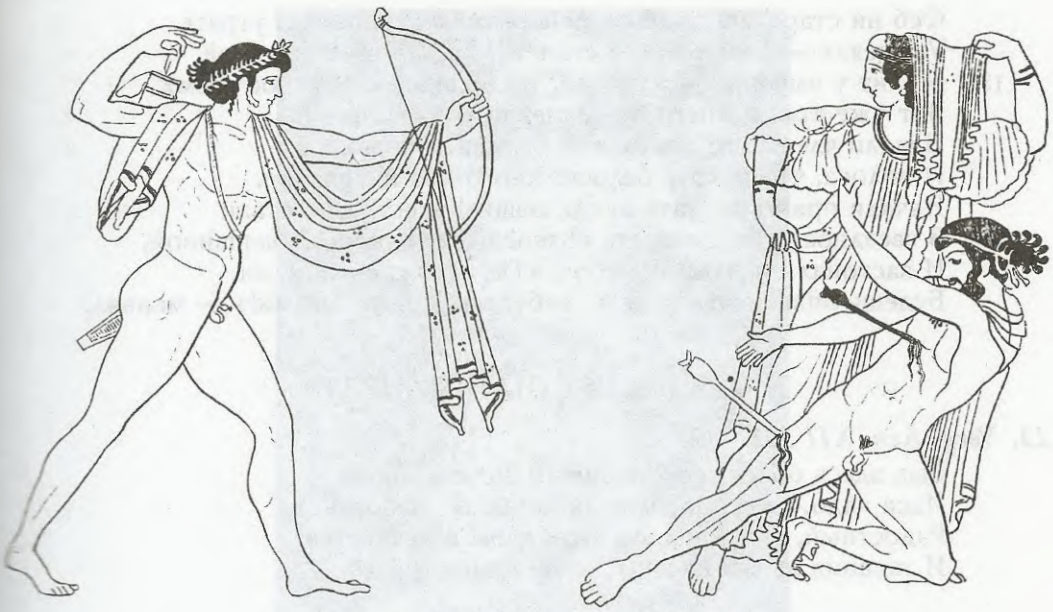
Гермес. Каким же образом? Скажи мне, я хочу знать.

(2) Аполлон. Он учился метать диск, и я бросал вместе с ним. А Зефир, проклятый ветер, давно был влюблен в него, но без всякого успеха и не мог перенести того, что мальчик не обращает на него никакого внимания. И вот, когда я, по обыкновению, бросил диск вверх, Зефир подул с Тайгета и понес диск прямо на голову мальчика, так что от удара хлынула струя крови, и мой любимец умер на месте. Я бросился в погоню за Зефиром, пуская в него стрелы, и преследовал его вплоть до самых гор. Мальчику же я воздвиг курган в Амиклах на том месте, где поразил его диск, и заставил землю произвести из его крови чудный цветок; этот цветок прекраснее всех цветов мира, Гермес, и на нем видны знаки, выражающие плач по умершему. Разве я не прав, томясь скорбью?

Гермес. Нет, Аполлон: ты знал, что сделал своим любимцем смертного; так не следует тебе жаловаться на то, что он умер.

2. КИПАРИС

Кипарис, тоже прекрасный юноша, сын Телефа с Кеоса, был любим Аполлоном вместе с Зефиром и Сильваном (§ 22).



Аполлон, преследующий детей Ниобы

22. Ov. Met. X 106—142

В этом же сонмище был Кипарис, подражающий метам,
Деревом стал он, но мальчиком был в то время, любимцем
Бога, что лука струной и струной управляет кифары.
Жил на картейских брегах посвященный тамошним Нимфам
Ростом огромный олень; широко разветвляясь рогами,
Голову сам он свою глубокой окутывал тенью.
Златом сияли рога. К плечам опускаясь, свисало
С шеи точеной его из камней самоцветных монисто.
А надо лбом его шар колебался серебряный, тонким
Был он привязан ремнем. Сверкали в ушах у оленя
Около впадин висков медяные парные серьги.
Страха не зная, олень, от обычной свободен боязни,
Обыкновенье имел и в дома заходить и для ласки
Шею свою подставлять без отказа руке незнакомой.
Боле, однако, всего, о прекраснейший в племени Кеи,
Был, Кипарис, он любезен тебе. Водил ты оленя
На молодые луга и к прозрачной источника влаге.
То оплетал ты цветами рога у животного или,
Всадником на спину сев, туда и сюда направляя
Нежные зверя уста пурпурной уздой, забавлялся.
Знойный был день и полуденный час; от горячего солнца
Гнутые обе клешни раскалились прибрежного Рака.
Раз притомившийся лег на лужайку со свежей травою
Чудный олень и в древесной тени наслаждался прохладой.
Неосторожно в тот миг Кипарис проколол его острым
Дротом; и, видя, что тот умирает от раны жестокой,
Сам умереть порешил. О, каких приводить утешений

Феб ни старался! Чтоб он не слишком скорбел об утрате,
Увещевал — Кипарис все стонет. И в дар он последний
Молит у вышних, — чтоб мог проплакать он вечное время.
Вот уже кровь у него от безмерного плача иссякла,
Начали члены его становиться зелеными; вскоре
И волоса, что вокруг белоснежного лба ниспадали,
Начали прямо торчать и, сделавшись жесткими, стали
В звездное небо смотреть возносящейся стройно вершиной.
И застонал опечаленный бог. «Ты, оплаканный нами,
Будешь оплакивать всех и пребудешь с печальными!» — молвил.

3. ИАПИТ (ИЛИ ИАПИГ)

23. Verg. Aen. XII 391—394

Был здесь более всех любимый Фебом Иапит,
Иаса чадо, кому, плененный когда-то любовью,
Радостный, дал Аполлон свои дары и искусства:
И гадания дар, и кифару, и быстрые стрелы.

4. ДАФНА

С Аполлоном близко связано лавровое дерево. Может быть, поэтому он любит Дафну (лавр); она — дочь или реки Ладона и Земли (§ 24 b, c), или Амикла (Diod. et Philarch. ap. Parthen. Erot. 15), или Пенея (§ 24 a, b). От любви Аполлона ее спасает Земля, принимающая ее в свои недра и заставляющая вместо нее расти лавр или превращая ее в дерево (§ 24 a), или же она бежит к Пенею, который тоже превращает ее в дерево (§ 24 d). О любви к Дафне Левкиппа, сына Эномая из Писы, кроме Павсания (VIII 20) сообщает вышеуказанный Parthen. Erot. 15.

24. a) Hyg. Fab. 203

Когда Аполлон преследовал девушку Дафну, дочь реки Пенея, она попросила защиты у Земли. Та приняла ее к себе и превратила в лавровое дерево. Аполлон выломал из него ветвь и возложил себе на голову.

b) Ov. Met. I 452—567

[*Купидон ранит Аполлона и Дафну*]

Первая Феба любовь — Пенеева Дафна; послал же
Деву не случай слепой, а гнев Купидона жестокий.
Как-то Делиец, тогда над змием победою гордый,
Видел, как мальчик свой лук, тетиву натянув, выгибает.
«Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать? —
Молвил. — Нашим плечам пристала подобная ноша,
Ибо мы можем врага уверенно ранить и зверя;
Гибельным брюхом своим недавно давившего столько
Югеров, тысячью стрел уложили мы тушу Пифона.
Будь ты доволен и тем, что какие-то нежные страсти
Может твой факел разжечь; не присваивай подвигов наших!»
Сын же Венерин: «Пусть всё, — говорит, — Феб, лук твой пронзает,

Раненная Ниобида

Мой же тебя да пронзит! И насколько вся тварь уступает
Богу, настолько меня ты все-таки славою ниже».
Молвил и, взмахом крыла скользнув по воздуху, быстрый,
Остановился, слетев, на тенистой твердыне Парнаса.
Две он пернатых достал из стрелоносящего тула,
Действием разных: любовь та гонит, а эта внушает.
Та, что внушает, — с крючком — сверкает концом она острым;
Та же, что гонит, — тупа, и свинец у нее под тростинкой.
Эту он в Нимфу вонзил, в Пенееву дочь; а другою,
Ранив до мозга костей, уязвил Аполлона, и тотчас
Он полюбил, а она и слова «любовь» избегает.

[*Дафна хочет девства*]

Сумраку рада лесов, она веселилась добыче,
Взятой с убитых зверей, соревнуясь с безбрачною Фебой.
Схвачены были тесьмой волос ее вольные пряди.
Все домогались ее — домоганья ей были противны;
И, не терпя и не зная мужчин, все бродит по рощам:
Что Гименей, что любовь, что замужество — нет ей заботы.
Часто отец говорил: «Ты, дочь, задолжала мне зятя!»
Часто отец говорил: «Ты внуков мне, дочь, задолжала!..»
А у нее, что ни раз, — ненавистницы факелов брачных, —

Алая краска стыда заливала лицо молодое.
Ласково шею отца руками она обнимала.
«Ты мне дозволь навсегда, — говорила, — бесценный родитель,
Девственной быть: эту просьбу отец ведь исполнил Диане».

[*Страдания и мольбы Аполлона*]

И покорился отец. Но краса твоя быть, чем желаешь,
Не позволяет тебе; обету противится внешность.
Феб полюбил, в брак хочет вступить с увиденной Дафной,
Хочет и полон надежд; но своим же вещаньем обманут;
Как, колосьев лишась, возгорается легкое жнивье
Иль как пылает плетень от факела, если прохожий
Слишком приблизит его иль под самое утро забудет, —
Так обратился и бог весь в пламя, грудью горит он
Всей и, надеясь, любовь питает бесплодную в сердце.
Смотрит: вдоль шеи висят, неубранны, волосы. «Что же, —
Молвит, — коль их причесать?» Он видит: огнями сверкают
Очи — подобие звезд; он видит и ротик, которым
Налюбоваться нельзя; превозносит и пальцы, и руки,
Пясти, и выше локтей вполовину нагие предплечья.
Думает: «Лучше еще, что скрыто! Легкого ветра
Мчится быстрее она, не внимая такому призыву:
«Нимфа, молю, Пенеида, постой, — не враг за тобою!
Нимфа, постой! Так олень ото льва и ягненок от волка,
Так, крылом трепеща, от орла убегают голубки,
Все — от врага своего. Но преследую я, полюбивший!
Горе! Упасть берегись; вреда недостойные ноги
Да не узнают шипов, да не стану я боли причиной!
Место, которым спешишь, неровно; беги, умоляю,
Тише, свой бег задержи, и тише преследовать буду!
Все ж, полюбилась кому, спроси: я не житель нагорный,
Я не пастух; я коров и овец не пасу, огрубелый.
Нет, ты не знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь,
Прочь от кого ты бежишь, — оттого и бежишь! — мне Дельфийский
Край, и Тенед, и Клар, и дворец Патарейский покорны.
Сам мне Юпитер отец. Чрез меня открыто, что будет,
Было и есть, чрез меня согласуются песни и струны.
Правда, метка у меня стрела, однако другая
Метче, которая грудь пустынную ранила ныне.
Я врачеванье открыл; целителем я именуюсь
В мире, и всех на земле мне трав покорствуют свойства.
Только увы мне! — любви никакая трава не излечит,
И господину не впрок, хоть впрок всем прочим, искусство».

[*Преследование Дафны*]

Больше хотел он сказать, но, робкая, бегом Пенейя
Мчится вперед от него и его неоконченной речи.
Снова была хороша! Ей тело ветра обнажали,
Сзади одежды ее дуновением встречным трепались,
Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри.

Ниоба

Бег удвоял красоту. И юноше богу несносно
Нежные речи терять: любовию движим самою,
Шагу прибавил и вот по пятам преследует деву.
Так на пустынных полях собака галльская зайца
Видит; ей ноги — залог добычи, ему же — спасенья.
Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы
Взять и в заячий след впилась протянутой мордой
Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых
Песьих укусов бежит, от почти что коснувшейся пасти.
Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы.
Все же преследователь, крылами любви подвигаем,
В беге быстрей; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки
Чуть не приник и уже в волоса разметенные дышит.

[*Пеней превращает Дафну в лавровое дерево*]

Силы лишившись, она побледнела, ее победило
Быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенея,
Молвит: «Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков,
Лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!»
Только скончала мольбу — цепенеют тягостно члены,
Нежная девичья грудь корой окружается тонкой;
Волосы в зелень листвы превращаются, руки же — в ветви;
Легкая раньше нога ленивым впивается корнем,
Кроет вершина лицо, — одна лишь краса остается.

[*Лавр на голове Аполлона*]

Феб ее любит и так, к стволу прикасаясь рукою,
Чувствует: все еще грудь под свежей корою трепещет.
Ветви, как тело, обняв, целует он дерево нежно,
Но поцелуев его избегает и дерево даже.
Бог — ей: «Если моей супругою стать ты не можешь,
Деревом станешь моим, — говорит, — принадлежностью будешь
Вечно, лавр, волос ты моих, и кифар, и колчанов.
Будешь латинских вождей украшеньем, лишь радостный голос
Грянет триумф, и узрит Капитолий процессии празднеств.
Августов дом ты будешь беречь, ты стражем вернейшим
Будешь стоять у сеней, тот дуб, что внутри, охраняя.
И как моей головы всё юн неостриженный волос,
Так же неси на себе украшенье листвы постоянной».
Кончил Пеан. И свои сотворенные только что ветви
Лавр наклонил, как челом, казалось, задвигав вершиной.

5. КАССАНДРА

Кассандра еще в IL. XIII 365 считается «прекраснейшей по виду из дочерей» троянского царя Приама и Гекубы, вместе с Лаодикой (VI 252). Гомер же знает и об умерщвлении ее Клитемнестрой (§ 25 y). Циклический эпос (§ 25 c) прибавляет к этому рассказ о том, как Аякс, сын Оилея, сорвал ее с места вместе с изображением Афины, которую та обнимала, моля о защите, так что греки за это святотатство хотели побить его камнями, но тот тоже находит защиту у алтаря Афины. Отторжение Кассандры от статуи богини было изображено на ларце Кипсела (§ 25 c). Мотив осквернения Кассандры Аяксом, вероятно, александрийского происхождения. У Гомера о прорицаниях Кассандры еще ничего нет. Пиндар уже называет ее «девой-пророчицей» (Pyth. XI 49), не имеющей к себе доверия. По Аполлодору (§ 25 d), этот дар прорицания она получила от Аполлона, обещая ответить на его любовь взаимностью, а когда она не исполнила этого обещания, Аполлон лишил ее пророчества доверия со стороны людей. Один источник (§ 25 h) говорит, что Аполлон при этом даже плюнул ей в лицо. Много говорилось о чрезвычайной экстатичности ее пророчеств (§ 25 i; ср. «беснующаяся Кассандра» Cic. De divin. I 39, 85), которые были, впрочем, темны («Сфинксом» зовется она у Lycophr. Alex. 7) и суровы (она сама называет себя у Eur. Tro. 459 «одной из трех Эриний», см. § 25 t), а Париса она прямо требовала убить (§ 25 k); Париса же она первая признала как царского сына (§ 25 l). Была и масса других пророчеств Кассандры (§ 25 m—u). После взятия Трои она попадает к Агамемнону в наложницы, причем в источниках о ее связи с Агамемноном, по-видимому, неувязка. С одной стороны, Аполлон наградил ее девством (§ 25 s), и Гекуба перед овладением ею Агамемноном говорит (Eur. Tro. 500 сл.):

Аполлон Кифаред

Дитя мое, несчастная Кассандра,
Вот для чего теряешь девство ты!

И после приезда в Микены она тотчас же умирает от руки Клитемнестры. С другой же стороны, та же Гекуба расписывает Агамемнону его сожительство с Кассандрой (§ 25 v), а Павсаний сообщает даже о двух ее сыновьях-близнецах от Агамемнона (§ 25 y). Она сама провидит свою ужасную смерть и погребение (§ 25 t). Могила же ее не то в Микенах, не то в Амиклах (§ 25 t, z, z'), хотя после смерти она почиталась (§ 25 z'). Особенно выразителен трагический и в то же время напряженно, даже исступленно иронический образ юродивой и бесноватой, но беспомощной пророчицы Кассандры у Эсхила (§ 26), поражающей своим безысходным и бесплодным, но самоотверженным и бесстрашным провидческим экстазом.

Аполлон Кифаред

25. ***a) Ibyc., frg. 9 PLG Bep. (Кассандра в памяти людей)***

Кассандра, Приама дочь,
Синеокая дева в пышных кудрях
В памяти смертных живет.

b) Verg. Aen. II 403—415 (Кассандра во время осады Трои)

...С расплетенной косой, Приамееву деву
Тащат из храма, от самой святыни Минервы, Кассандру,
В небо взводящую очи, горящие пламенем, тщетно, —
Очи затем, что в оковах никли нежные длани.
Этого вида не снес Кореб, исступленьем охвачен,
И, на погибель идя, в середину ринулся строя.
Следуем все мы за ним и, оружье сомкнув, набегаем.
Стрелами здесь в первый раз с высокой святилища крыши
Наших осыпаны мы, и возникла плачевная бойня,
Вследствие вида оружий и грайских шлемов обмана!
Данаи, крик услыхав и за деву, отбитую в гневе,
С разных собравшись сторон, нападают: Аякс беспощадный,
И два брата Атриды, и долопов целое войско.

c) Ilioy Persis, EGF, p. 49 Ki. (Кассандра и Аякс)

Аякс, сын Оилея, насильственно отнимая Кассандру, увлек одновременно и статую Афины. Вознегодовавшие на него за это греки хотели было побить Аякса камнями. Но он убежал к алтарю Афины и спасся от приближавшейся опасности.

Cp. Paus. V 19, 5 (То же, — на ларце Кипсела)

Есть тут изображение и того, как Аякс влечет Кассандру от статуи Афины; на нем [ларце] есть надпись:

Локров владыка Аякс Кассандру влечет от Афины.

Cp. Paus. X 26, 3

Аякс, Оилея сын, с щитом в руке подходит к жертвеннику и дает клятву относительно своего поступка с Кассандрой; Кассандра сидит на земле

и держит изображение Афины, к которому она припала и которое опрокинула, когда Аякс оторвал ее.

Ср. Paus. I 15, 3

За битвой с амазонками изображены эллины, взявшие Илион, и цари, собравшиеся [для совещания] о дерзостном поступке Аякса по отношению к Кассандре.

d) Eur. Tro. 69—74

А ф и н а. Не знаешь разве ты, что греком
Нанесено и мне и храмам оскорбленье?
П о с е й д о н. Я знаю, что Аякс увлек Кассандру силой.
А ф и н а. И греки молча допустили это?
П о с е й д о н. А взяли Илион благодаря тебе.
А ф и н а. За то хочу с тобой им сделать зло.
П о с е й д о н. О, я готов...

e) Hyg. Fab. 93 (Кассандра и Аполлон)

Кассандра, дочь Приама и Гекубы, по преданию, заснула, утомленная от игры, в святилище Аполлона. Когда Аполлон хотел ее удержать, он не смог овладеть ее телом. По этой причине он сделал так, чтобы она не имела доверия даже тогда, когда предсказывала правильно.

f) Orph. Lith. 764—766

Гневаясь на родную мою сестру, Сребролукий
765 Дал приказ: Кассандре для слушателей без доверья
В Трое даже в то время вещать, когда истину та разумела.

g) Apollod. III 12, 5

После него [Париса] Гекуба родила дочерей Креусу, Лаодику, Поликсену и Кассандру. Желая сойтись с этой последней, Аполлон обещался преподать ей искусство предсказаний. Она же, научившись этому искусству, не сошлась с ним. Тогда Аполлон лишил ее предсказания веры.

h) Serv. Verg. Aen. II 247

Полюбивши Кассандру, Аполлон добивался от нее возможности сожительствовать с нею. Та обещала ему это при условии, что он предоставит ей знание будущего. Когда же Аполлон дал ей это знание, то обещанное ему соитие было ею отвергнуто. Однако, скрывая ненадолго свой гнев, он просит у нее подарить ему только поцелуй. И когда она это сделала, он плюнул ей в лицо. Поскольку же нельзя было устранить дар, однажды предоставленный богом, то и вышло, что хотя она и пророчествовала истину, но доверия к этому не получалось.

i) Eur. Tro. 169—172 (Гекуба — к хору)

Ой, ой,
Не выпускайте только Кассандры
170 Вы из палатки: над бесноватой
Зло посмеются злые аргивцы
И увеличат страданья мои.

j) Eur. Iph. A. 756—760 (Характер пророчеств Кассандры)

Дивно сплетая там золото кос
С темной зеленью лавра,

Пан

Дева Кассандра, пророчица
Феба, в эфир погружает взор,
Если дыханью бога внемлет.

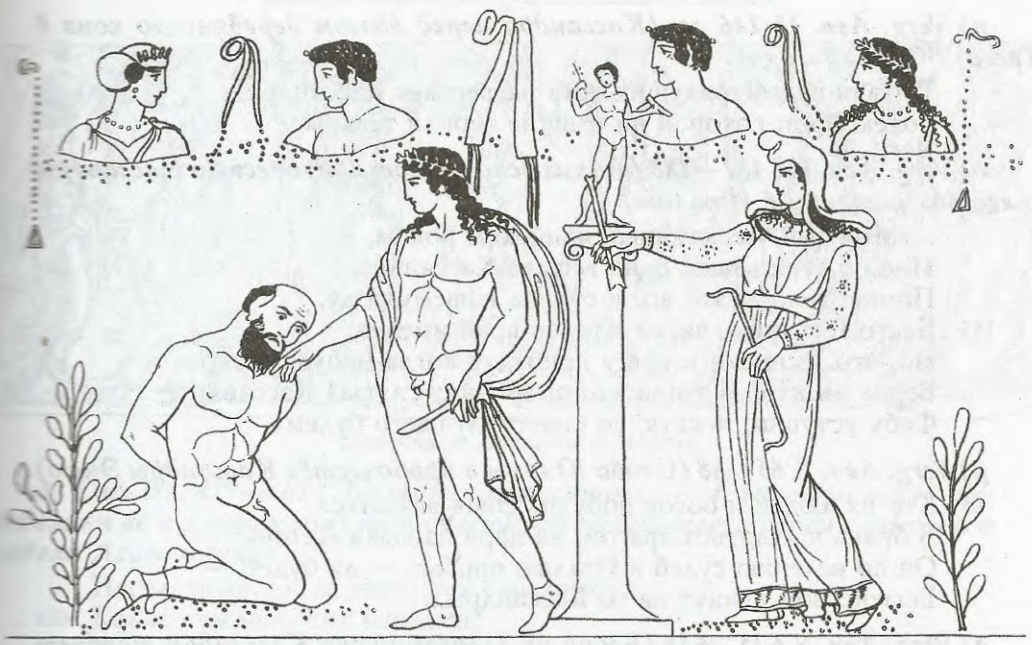
k) Eur. Andr. 293—300 (То же, — слова плененной Андромахи)

О, зачем Париса мать щадила,
Над своим страданьем задрожав?
Пусть идейских бы он не узрел дубрав!
Не о том ли вещая вопила,
Феба лавр в объятиях зажав,
Чтоб позор свой Троя удалила?
Иль старшин Кассандра не молила,
К их коленям, вещая, припав?

l) Sen. Agam. 817—894 (Пророчества Кассандры на фоне ее последней судьбы)

Х о р. Внезапно смолкла Фебова вещунья,
Ланиты побледнели, и все тело
Объяла дрожь, повязки шевелятся,
И встали дыбом нежные власы;
Трепещет грудь невнятным бормотаньем;
Глаза блуждают, то уходят вглубь,
То снова неподвижно цепенеют.
Вот поднимает голову она,
Раскрыть гортань готовится, слова
Наружу рвутся против воли: бог
Менадою своей овладевает.
К а с с а н д р а. Зачем, безумьем новым уязвляя,
Вы восхищаете меня, святые
Хребты Парнаса? Феб, уйди! Теперь
Я не твоя! О, погаси огонь,
В моей груди кипящий! Для чего
Неистовствовать мне и бесноваться?

Погибла Троя — что же делать мне,
Вещунье лживой? Где я? Свет потух,
Густая ночь мрачит мои ланиты,
И в сумраке скрывается Эфир.
Но день блеснул в лучах двойного солнца:
Два Аргоса я вижу пред собой.
Я вижу рощи Иды: роковой
Сидит пастух среди богинь могучих.
Цари, страшитесь чад прелюбодейства:
Полей питомец этот опрокинет
Весь дом вверх дном. Зачем подъемлет меч
Неистовая женщина? Какого
Она сражает мужа? Одеянье
Лаконское, железо Амазонок
У ней в руке. Куда мои глаза
Обращены? Могучий лев пустыни,
Гроза зверей, лежит, истерзан весь
Кровавыми зубами дерзкой львицы.
Зачем меня, последнюю в семье,
Вы призываете, родные тени?
Я за тобою следую, отец,
Свидетель Трои погребенной! Брат,
Оплот фригийцев, данаев гроза,
Не узнаю твоей красы старинной
И рук, горячих от огня судов:
Растерзаны все члены, в ранах руки.
Я за тобою следую, Троил,
С Ахиллом в бой вступивший слишком рано.
Как изувечено твое лицо,
Мой Дейфоб! То дар супруги новой.
Хочу вступить в Стигийские озера,
Увидеть Тартар, яростного пса
И царство Дита жадного. Сегодня
Одна ладья помчит во Флегетон
Две царственные души, с побежденным
Погибает победитель. Вас молю,
О тени и волна, которой боги
Свои скрепляют клятвы: хоть немного
Раскройте преисподней черный свод,
Чтоб легкая толпа фригийских душ
Увидела Микены. Посмотрите,
Несчастные: судьба вернулась вспять.
Предстали сестры мрачные,
Боги их окровавлены,
В руках дымятся факелы,
Надуты щеки бледные,
Одежды погребальные
На чреслах их изъеденных.
Шумят ночные ужасы.
Гигантов кости древние,



Аполлон и Марсий. Роспись вазы

От времени истлевшие,
Лежат в болоте илистом.
Струи, от уст бегущие,
Не ловит старец горестный,
Забыл о вечной жажде он,
Печалясь близкой тризною.
Но выступает радостно
Дардан, мой предок царственный.
Х о р. Сама собой ее сломилась ярость:
Она упала, как пред алтарем
Телец, секирой в шею пораженный.

т) IL. XXIV 695—709 (Кассандра первая узнаёт о возвращении ее отца Приама из лагеря греков с трупом Гектора)

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стенящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней; а мески везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
Рано на замок взошед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
Вы, что живого, из битв приходившего прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»
Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила,
Все пред вратами столпилися встречу везомого тела.

n) Verg. Aen. II 246 сл. (Кассандра перед ввозом деревянного коня в Трою)

Тут для судеб грядущих уста разверзает Кассандра,
Волею бога, которой ни разу не верили тевкры.

o) Verg. Aen. III 182—188 (Анхиз вспоминает пророчество Кассандры о его возвращении в Италию)

...«Мой сын, испытанный илийским роком,
Мне об этих вещах одна вещала Кассандра.
Помню теперь: это все и сулила нашему роду,
Часто Гесперию, часто Италов край именуя,
Но, что Гесперии к брегу прибудут когда-нибудь тевкры,
Верил ли кто? И тогда кто пророчицу слушал Кассандру?
Фебу уступим, искать, по совету, лучшего будем».

p) Verg. Aen. X 65—68 (Слова Юноны о пророчестве Кассандры Энею)

Кто из людей и богов побудил Энея ввязаться
В брань и являться врагом, на царя нападая Латина?
Он по велению судеб в Италию прибыл — да будет! —
Бешенством двинут на то Кассандры...

q) Verg. Aen. V 635—638 (Бероя на основании сна Кассандры требует зажечь корабли Энея)

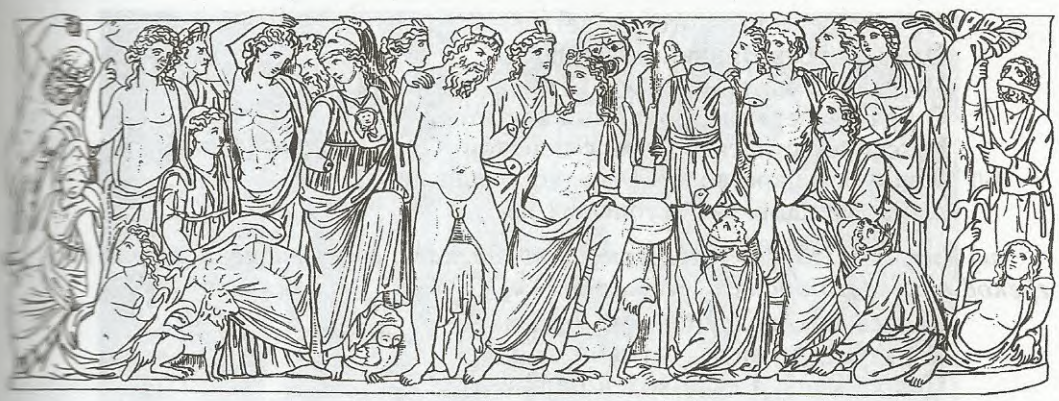
Действуйте! Вместе со мной сожжем злополучные кормы,
Ибо Кассандры во сне мне вещей привиделся образ,
Пламенный факел мне давшей: «Здесь ищите вы Трою,
Здесь для вас дом», — мне сказала.

r) Quint. Sm. XIV 390—398 (Позднее убеждение троян в верности пророчеств Кассандры)

Все распустили власы. И грудь с великим страданьем
Растерзали ногтями они. А слезы по щекам
Были сухие кругом, другие же падали сверху
Крупные с глаз. Увидали они свою родину в муках,
Что горела уже целиком, и дым восходящий.
И, озираясь вокруг многославной Кассандры, троянки
Все созерцали ее, о пророчестве, горе несущем,
Припоминая. Она возвещала не раз им рыданья.
Хоть и страдала сама о великих муках отчизны.

s) Eur. Tro. 249—259 (Брак с Агамемноном, Кассандра перед браком)

Гекаба. Кто получил по жребию Кассандру,
Дочь мою бедную, вестник, скажи?
Талфибий. Кассандру взял царь Агамемнон сам.
Гекаба. В рабство, конечно, спартанке-жене.
Талфибий. О нет! Наложницей иметь желает.
Гекаба. Деву-то Феба, которой в награду
Дал златокудрый безбрачную жизнь?
Талфибий. Любовью он к Кассандре возгорел.
Гекаба. Брось ты священные бога ключи,
Сбрось и покровы священные, дочь!
Талфибий. Не счастье ль для нее на ложе царском быть?



Состязание Аполлона и Марсия

t) Eur. Tro. 429—461 (Последняя катастрофа, — Кассандра перед отведением ее к Агамемнону пророчествует об Одиссее, о своей смерти и о гибели Агамемнона)

Несчастный, он не знает тех страданий,
Какие суждено ему изведать:
Мои беды, несчастия фригиян
Сочтет он счастьем золотым тогда.
Он, десять пострадавши лет
Сверх здешних десяти, домой один вернется.
Там, меж скалами, узкий есть проход,
Харибда страшная, за ней свирепый
Киклоп, и лигурийка Кирка-чаровница,
В свиней что превращает, и крушенье
Судов в соленой глубине морской,
И к лотосу любовь, и Солнца достоянье —
Священные быки, — их жареное мясо
Вдруг проревет тогда: для Одиссея
То — горький рев. Но сокращу я речь.
Живой во ад сойдет и, перебежав
Морской волны, в домах своих найдет
Он беды без числа. Но что за дело
Мне вычислять несчастья Одиссея?
Иду, чтоб повенчаться с женихом
В аду скорее: он, несчастный, будет
Не днем, а ночью жалко погребен.
О, вождь данайцев, мнишь, что важное свершил?
Мой брошенный в лощину труп нагой
Близ гроба жениха дожди обмоют,
И растерзают звери жрицу Феба.
Венцы и украшенья милого мне бога,
Прощайте! Празднества, которыми гордились,
Покончились. Лохмотьями спадите
Вы с тела моего. Пока чиста
Я телом, отдаю я ветрам быстрым
Нести к тебе все это, царь пророков!
Но где корабль вождя, куда идти мне должно?

Не ожидай попутного уж ветра:
Одну из трех Эриний повезешь.
Прощай, о мать, не плачь! О милая отчизна!
О братья мертвые, родивший нас отец,
Вы скоро встретите меня: с победой
Приду я в царство мертвых, сокрушивши
Дома Атридов, так сгубивших нас.

и) Eur. Tro. 353—405 (Кассандра предрекает своей матери гибель для греков от своего брака с Агамемноном)

Укрась мою красу победную, о мать,
И радуйся моей ты царской свадьбе!
Пошли меня, а если волей не пойду,
То силой вытолкай: коль Локсий жив,
Так славный Агамемнон царь в злосчастный
Вступает в брак, несчастней, чем Еленин.
Убью его и дом его разрушу,
Отмщу за братьев я и за отца.
Но только говорить о том не стану,
Убийственный топор я воспевать,
Который в шею мне вонзится и другим.
Не стану воспевать и смерти матери,
Которую мой брак мне причинит,
И разрушения домов Атрея.
Но покажу, что город сей счастливей
Ахейцев; я всегда хоть в исступленье,
Но в память я войду на этот раз:
Ахейцы из-за женщины одной,
Из-за Елены, погубили тьмы,
А этот мудрый вождь сгубил
Из-за немилого то, что всего дороже:
За братнюю жену он отдал в жертву
Все радости отца о детях милых...

[*Кассандра далее перечисляет бедствия греков и кончает монолог так: 400—405*]

Разумно мыслящий войны да избегает.
Но если до войны дошло, прекрасней
Для города венец — со славою погибнуть,
Бесславна ж и тяжка для робких смерть.
Поэтому, о мать, и не скорби
Ни о стране, ни о моем ты браке:
Тот брак врагов погубит наших злейших.

в) Eur. Hec. 823—835 (Гекуба напоминает Агамемнону о любви, которую делила с ним ее дочь Кассандра)

Слушай...
Хоть, может быть, и попусту любви
Придется мне привлечь сюда богиню...
У бока твоего ночами спит
Та жрица Феба, что зовут Кассандрой
Во Фригии. Не забывай же неги

Состязание Аполлона и Марсия

Ночей любовных и лобзаний сладких
На общем ложе; пусть за них награду
Получит дочь моя — и я за дочь.
Ведь нет для смертных уз теснее, нет
Сильнее чар, чем дань любви во мраке.
О, слушай же! Ты видишь этот труп?
Ведь это брат Кассандры... Не чужому
Поможешь ты...

x) Eur. Tro. 308—340 (Истерический и пророческий йопль безумной Кассандры, узнавшей после падения Трои о своем отъезде в Грецию в качестве наложницы Агамемнона)

Неси ж огонь и подавай!
Я чту и освещаю —
Смотри, смотри! —
Святилище светильником,
О брачный царь Гимен!
Блажен жених, блаженна я
На царском ложе брачном
В Аргосе в день тот брака.
О брачный царь Гимен!

Когда ж в слезах, в стенаньях мать
О мертвом ты отце и об отчизне
Так горько плачешь,
На брачном ложе я
Зажгла светильник яркий

Для блеска, света и огня.
О брачный царь Гимен!

Огонь тебе несу, Геката:
При браке дев таков обычай.
На воздух ногу поднимай
И хоровод веди, веди, —
Эван, эвой! —
Как и тогда, когда отец
Во блеске счастья был,
Свят хоровод.
Веди его, о Феб!
В твоем дворце служу я,
В тени дерев лавровых.
О брачный царь Гимен!

Пляши, о мать, пляши живей
И в такт с моей ногой
Вертись в прелестном танце!
Зовите громко вы Гимена
И вакханическою песней
Счастливой славьте вы невесту!
Нарядные фригиян девы,
При браке радостном моем
Супруга, данного судьбою,
Придите вы воспеть со мною.

y) Od. XI 421—426 (Агамемнон рассказывает в Аиде о смерти Кассандры и о своей смерти от руки своей жены Клитемнестры после возвращения домой из Троянского похода)

Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я; нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я — она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.

z) Paus. II 16 6 (Могила Кассандры)

Среди развалин Микен находится подземный водоем, называемый Персеей. Тут были и подземные сооружения Атрея и его сыновей, где хранились их сокровища и их богатства. Тут могила Атрея, а также и могилы тех, которые вместе с Агамемноном вернулись из Илиона и которых Эгисф убил на пиру. А на могилу Кассандры претендуют те из лакедемонян, которые живут около Амикл; вторая могила — Агамемнона, затем могила возницы Евримедонта, дальше могилы Теледама и Пелопса. Говорят, что они были близнецами, рожденными Кассандрой, и их, еще младенцев, Эгисф зарезал, умертвивши их родителей.

z') Paus. III 19, 6 (Почитание Кассандры)

В Амиклах, городе, разрушенном дорянами и с того времени остающемся простым поселком, заслуживает обозрения храм Александры и ее ста-

Аполлон Кифаред

туя. Амиклейцы говорят, что эта Александра была Кассандрой, дочерью Приама. Там есть и изображение Клитемнестры и так называемый могильный памятник Агамемнону. Из богов местные жители почитают Амиклея и Диониса, очень правильно, по-моему, называя его Псилаком: словом «псила» доряне называют крылья, а вино поднимает дух у людей и дает полет их мыслям ничуть не меньше, чем крылья птицам. Таковы-то были достопримечательности в Амиклах.

26. Aesch. Agam. 1035—1314 (1019—1329 Пиотр.) (Образ безумной Кассандры, пророчествующей в плену у Агамемнона)

Клитемнестра. Войди же в дом, Кассандра, говорю тебе.
Зевс милосерд. Он хочет, чтоб святой водой
Среди служанок многих окропила ты
В хоромах наших господа богатств алтарь.
Сойди с повозки. Перестань надменничать!
Ведь, говорят, и сын Алкмены некогда
Был в рабство продан. Черствый хлеб он ел раба.
Уж если накренились так весы Судьбы,
Дом, изобильный издавна, рабу милей;
Кто ж урожай негаданных богатств пожал,
Не по закону крут и горд со слугами.
У нас с тобой поступят как положено.

(Кассандра молчит.)

Старший в хоре. К тебе слова. Сказала все отчетливо.
Уж если ты запуталась в сетях Судьбы,
Услышь, раз слышать надо. Иль не слышишь, нет?
Клитемнестра (старшему в хоре). Ей щебетать привычно, словно ласточке,
Неведомою дикой речью варварской.
Что ж, попытайся словом убедить ее.
Старший в хоре. Иди, что ж делать? Лучшей не дано судьбы.
Сойди с повозки наземь и послушайся.

(*Кассандра продолжает молчать.*)

Клитемнестра. Перед дверями мешкать недосужно мне.
Там, в глубине, у очага домашнего
Стоит овца и ждет ножа, и нож готов.
Такого мы веселья и не чаяли!
А ты быть хочешь вместе? Так не медли же!

(*Кассандра молчит.*)

Упрямится и не желает слов понять.
Рукой, не речью растолкуй пришелице!
Старший в хоре. Толмач искусный чужеземке надобен.
Похожа на зверька неприрученного.
Клитемнестра. Дикарка сумасбродствует и бесится.
Пришла из вновь захваченного города.
Ходить в узде не научилась. Вспенится
И стихнет злость в удилах окровавленных.
Мне ж — слов не тратить! Унижаться не к чему!

(*Возвращается во дворец.*)

Старший в хоре (к Кассандре). А я (тебя мне жалко) не сержусь ничуть.
Ступай, бедняга, встань с повозки! В дом войди!
Судьбинам повинуйся! Обнови ярмо!
Кассандра (внезапным воплем прерывает молчание). Ой, Аполлон разящий!
Увы мне, увы мне!
Старший в хоре. О чем завыла? Локсия зовешь зачем?
Бог не такой он, чтобы плач и вопль любить.
Кассандра. Ой, Аполлон разящий!
Увы мне, увы мне!
Старший в хоре. Опять вопит! Пятнает богохульница
Того, кто отвратил лицо от плачущих.
Кассандра. Дорог страж разящий,
Меня сразивший насмерть; мой бог,
Стрелой другою насмерть ты сразил меня!
Старший в хоре. Пророчит о безрадостной судьбе своей.
Не покидает и рабыню божий дар.
Кассандра. Дорог страж разящий,
Меня сразивший насмерть; мой бог,
Куда, к какому дому ты привел меня?
Старший в хоре. То дом Атридов. Раз сама не знаешь ты,

Аполлон и Дафна

Тебе я называю и не лгу ничуть.
Кассандра. Богопротивный кров! Злых соглядатай дел!
Дом-живодерня, палачей помост!
Людская бойня, где нога скользит в крови!
Старший в хоре. Ищейка-чужеземка! Словно гончая,
Идет по следу, нюхает и сыщет кровь.
Кассандра. В уши мне шепчут вот — крови свидетели
Младенцы плачут. Тело белое
Рассекли. Мясо жарят. Ест отец детей.
Старший в хоре. Мы о твоих наслышаны пророчествах,
Колдунья, но пророков нам не надо здесь.
Кассандра. Ой, ой, жена, что загадала, ой?
Злодейство новое
В дому вершится, ужас и беда — родным.
Спасенья не будет,
Защиты не станет,
Друг не придет помочь.
Старший в хоре. Понять гаданье не могу. Не внятен смысл,
А прежнее — весь город говорит о нем.
Кассандра. Что сделать, ой, хочешь, проклятая?
Того, с кем ты спала,
Зачем торопишь в баню? Расскажу ль конец?
Свершится скоро.
Спешат. В чью-то руку
Что-то сует рука.
Старший в хоре. Еще не понимаю. Будто бельмами
Глаза застлали смутные пророчества.

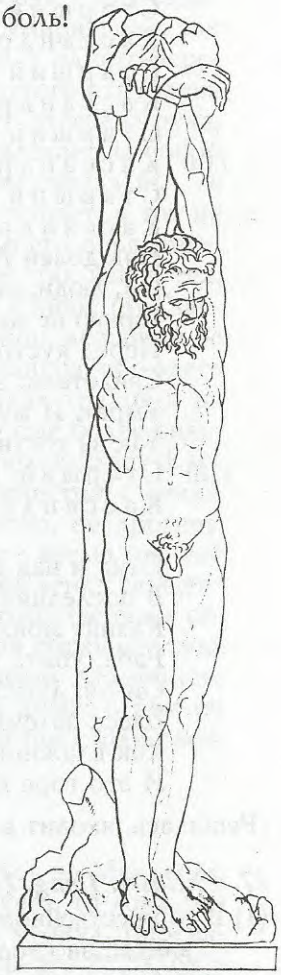
Кассандра. А-а, увы, увы!
Что увидела я?
Сеть ада распростерта.
Топор двуострый! С ним она, с убийцею, давно спала.
Месть ненасытная,
Заголоси, ликуй!
Жертва заколота.
Старший в хоре. Эринию какую ты на пир и песнь
В дом заклинаешь? Весть не веселит души.
К самому сердцу прихлынула бледная
Кровь и страх. Так костенеет грудь,
Когда удар копья — и меркнет жизнь.
Шагает беда.
Кассандра. А-а, держи, держи!
Прочь от быка гони
Корову! Рог бодает,
Рог черный прободает грудь, полотнами обвитую.
Хитрая душит сеть.
Рухнул в купальню мертв,
Выкупан в бане гость.
Старший в хоре. Пророчеств не разгадчик я, не хвастаюсь,
Но все же чует сердце весть недобрую.
Кто из провидцев, кто людям добро вещал?
Кто — не зло?
Много пророчеств шлют.
Боль обещают все,
Все нагоняют страх,
Бедою грозят.
Кассандра. Ой-ой, печаль моя!
Доля бездольная!
Ты и мою вмешал
В чашу печалей — боль.
Зачем меня, несчастную, привел сюда?
Чтобы с тобою смерть принять, зачем еще?
Старший в хоре. Богом объятая, что, исступленная,
Видишь? О чем вопишь?
О себе, о себе! Серый
Так соловей зовет: «Итис мой, Итис где?»
Стонет он долгий век, но не насытится
Тоска песнями.
Кассандра. Ой, счастлив звонкий жребий соловушки!
Пернатой птичкой бог обернул его.
И век дал легкий, песню сладкой жалобы.
Мне ж — смерть! Мне — пасть от топора двуострого!
Старший в хоре. Богом обрушенных, вещих напрасных мук
Горький откуда дар?
Ужас вяжет, в бреду кличешь.
Смерть накликает вопль. Кровь заклинает песнь.
Страшных пророчеств путь кто пред тобой раскрыл,
Глухой, зловещий путь?

Дафна и Аполлон

Кассандра. Париса свадьба, свадьба, ой, родины пагуба!
Ой-ой, Скамандр, светлый родной поток!
Вспоена, вскормлена я, несчастливая,
У берегов твоих.
Но, видно, над Кокитом каменистым мне,
Над Ахеронтом кликать, прорицать теням.
Старший в хоре. Ясною речью вдруг заговорила ты.
Младенец понял бы тебя.
Куснул в сердце мне словно гадюки зуб —
Судьба страшная, вещий и тщетный плач,
Слушать — печаль и страх.
Кассандра. Ой, город, город горький мой! Попран ты в прах и пыль!
Ой, жертвы, ой, резал быков отец
Ради полей родных, жертвы богатые,
Жертвы напрасные!
Отцовских башен не спасли вы, жирные,
А мне — в кровавой луже жаркой жертвой пасть.
Старший в хоре. Новая речь твоя с прежнею сходится.
Какой же демон яростный
Налег, сжал, когтит грудь одержимую?
Поешь боли песнь, ужас и смерть зовешь.
Чем-то все кончится?
Кассандра. Так пусть же под покровами пророчество
Предстанет, как невеста в подвенечный день.
Как гонит ветер ранний к зорям солнечным
Волну, торопят к свету прорицания
Беду, бед прежних злее и чудовищней.
Я не в загадках, ясно говорить начну.
Бегу по следу, как ищейка, чую кровь
Убийств минувших, — вы тому свидетели.
Нет, не покинет этих стен ужасный хор,
Созвучный, но печальный. Не видать добра.
Засела в доме (и не выгнать) зычная

Ватага пьяниц, кровью человеческой
До бешенства упившихся, Эриний хор.
И песнь поют над трупами застольную
О той вине первопричинной. И плюют
На вора, спальню брата запятнавшего.
Что, промахнулась иль попала в цель стрелой?
Что, я брехунья, попрошайка вздорная?
Присягу принесите и свидетельство:
Грех древний назвала я дома этого.
Старший в хоре. Чему поможет крепкая и верная
Присяга? Не дивиться не могу я все ж:
Ты выросла в краю далеком, за морем,
О здешнем говоришь, как очевидица.
Кассандра. От Аполлона этот дар пророческий.
Старший в хоре. Тебя желал он, бог, земную девушку?
Кассандра. До сей поры мне стыдно вспоминать о том.
Старший в хоре. Кто через меру счастлив, рад тщеславиться.
Кассандра. Меня он добивался, он любил меня.
Старший в хоре. И богу отдалась ты, родила дитя?
Кассандра. Я обещалась и солгала Локсию.
Старший в хоре. Уже владела божеским наитием?
Кассандра. Да, прорицала пагубу согражданам.
Старший в хоре. Но как же гневный бог не поразил тебя?
Кассандра. Никто ни в чем не верил мне с тех самых пор.
Старший в хоре. По мне, ты слишком вещая гадальщица.
Кассандра. Ой, ой! Ой, ой!
Опять пророчеств крутит вихрь и мучит боль
Чудовищных предчувствий. Ой, беда, беда!
Вот мальчики, глядите, на крыльце сидят,
Как тени смутных сновидений, тихие.
Зарезаны сородичем как будто бы.
И держат мясо собственное в маленьких
Ручонках, окровавленные черевья.
Ужасное жаркое! И отец их ел!
За них отмстить замыслил, говорю вам, лев,
Лев, но бессильный, приживал, разнеженный
В чужой постели. И грозит властителю
Вернувшемуся моему. Ой, рок рабы!
Князь кораблей и расточитель Трои, он
Не знает, что готовит шлюха льстивая.
Как сука лижет языком, а глаз косит,
И ухо навострено — тихо вцепится.
Жена — убийца мужа! Что за страшная
Отвага! Зверя именем кусучего
Каким ее назвать мне? Злоехидною,
Пловцов губящей Скиллой в скальной росщели,
Менадой ада, ненавистью дышащей,
Неумолимой к близким? О, бесстыдная!
Как завопила, как боец, врага сразив.
А льстит: спасенью радуется мужнему.

Пусть мне никто не верит. Все равно теперь.
Что будет — будет. Сам свидетель, скоро ты
Меня чрезмерно зрячей назовешь, в слезах.
Старший в хоре. Да, пир Фиеста, мясо сыновей своих
Глодавшего, узнал я. Страшно. Дрожь берет.
Все правда, ничего ты не слукавила.
Другое слышу, — мысли с колеи бегут.
Кассандра. Сказала: смерть увидишь Агамемнона.
Старший в хоре. Ни слова, злополучная! Заткни свой рот!
Кассандра. Не убежишь, от слова не избавишься.
Старший в хоре. Да, если будет! Но, да не бывать тому!
Кассандра. Ты молишься, а эти там спешат убить.
Старший в хоре. А кто же дело совершит безбожное?
Кассандра. Мимо ушей прошли мои пророчества?
Старший в хоре. Кто, кто убьет? Не понимаю хитрости.
Кассандра. По-эллински сказала слишком ясно все.
Старший в хоре. И Пифия пророчит, но невнятна речь.
Кассандра. Ой, ой, какое пламя накатило, ой!
О-то-то-той, ликейский Феб! Мне — боль! Мне — боль!
А, львица, а, двуногая, спала она
С блудливым волком. Далеко был смелый лев.
Меня зарежут, горькую. Вмешает яд,
Расплату за рабыню, в чащу казней, ой!
На мужа точит лезвие и хвалится,
Что смертью мстит за то, что в дом привел меня.
К чему еще ношу я вас на смех и стыд,
Жезл и повязка на висках пророчицы?
Вас разорю, пока саму не ранил рок.
Идите в пропад, сгиньте, а за вами я!
Моей другую осчастливьте участью.
Вот Аполлон с меня срывает сам теперь
Одежду предсказательницы. Видел сам,
Как издевались надо мной и друг и враг
В наряде этом, ненасытно, бешено,
И звали нищей, побирашкой, лгуньей,
Кликушей, мрущей с голоду, — терпела все.
Так бог-пророк пророчицу меня погнал
На казнь и кровь. Сторицей отплатил за все.
Ждет не алтарь отцовский — плаха пленницу.
Топор ударит. Теплая прольется кровь.
Нет, нет, мы не умрем неотомщенными:
За нас восстанет мститель, сын, казнящий мать.
Восстанет сын, за казнь отца карающий.
Беглец, бродяга, изгнанный из города,
Придет и камень ключевой вины замкнет.
Великой божества поклялись клятвою:
Он за отца отплатит, наземь павшего.
Чего ж мне плакать, жалобиться, слезы лить?
Глаза видали: башни илионские
Поникли, сникли. Тот, кто Илион попрал,



Привязанный Марсий

Кончается постыдно, по суду богов.
Что ж, решено! Свершится пусть! Иду на смерть!
Ворота ада, настежь! Вас приветствую!
Прошу одно: пусть быстро упадет топор.
Пускай умру легко я и без судорог,
Глаза закрою в час, когда иссякнет кровь.
Старший в хоре. О женщина, несчастная и мудрая!
Ты многое сказала. Смертный жребий свой
Так ясно видишь; почему ж идешь на смерть,
Как телка, богом к алтарю гонимая?
Кассандра. Нет исцеленья, люди, нет, — и час настал.
Старший в хоре. Остаток жизни разве не милей всего?
Кассандра. Мой день пришел. А медлить — прибыль малая.
Старший в хоре. Так знай, своею волей накликаешь смерть.
Кассандра. Для смертных радость — умереть со славою.
Старший в хоре. От тех, кто счастлив, не услышишь слов таких.
Кассандра (подошла к дворцовым воротам, остановилась, отшатнулась). Ой-ой, отец! Ой, смелые сыны твои!
Старший в хоре. Что стонешь? Почему тебя шатает страх?
Кассандра. Ой-ой!
Старший в хоре. О чем вопишь? Грудь леденит какая дрожь?
Кассандра. Дохнул убийством на меня и кровью дом.
Старший в хоре. Да нет же, это дымом пахнет жертвенным.
Кассандра. Нет, нет, могильный запах, словно гроб открыт.
Старший в хоре. Благоухает ладаном сирийским дом.
Кассандра. Войду и плакать буду над своей судьбой,
Над долей Агамемнона. Прожита жизнь.
Ой, люди, ой!
Горюю не напрасно, как пугливая
Перед кустом пичуга. Мне, умершей, вы
Свидетели: за женщину, меня, жена
Умрет. И муж падет за мужа горького.
Так за гостины отплачу я, мертвая.
Старший в хоре. Нам жаль тебя. Предсказанная смерть страшна.
Кассандра (снова остановилась у дверей). Скажу еще лишь слово, поминальный плач,
Сама и над собою. Солнца белый луч,
В последний раз светящий мне! Пусть мстители
Казнят моих врагов, моих убийц, как я,
Раба, убита наспех, беззащитная.
Ой-ой! людская доля! Тучка малая
Блеск затемнит удачи, а несчастный век,
Как влажной губкой, все стирает начисто.
И это горе много горше первого.

(Решилась, входит в дом.)

27. Philostr. Imag. II 10 (Описание картины с Кассандрой)

(1) В торжественном зале для пира лежат кто как попало; кровь смешалась с вином; за столом лежат умирающие; огромную чашу с вином кто-то тут опрокинул, ударив ногою, и сам он тут же бьется в предсмертных

мучениях; вот и вещая дева в одежде пророчицы глядит на секиру, которая готова ее поразить. Так Клитемнестра принимает прибывшего из-под Трои с победою царя Агамемнона. Настолько здесь на пиру он был опьянен, что даже Эгист рискнул на такое преступное дело. А Клитемнестра при помощи какой-то особенной ткани, из которой нельзя было вырваться, охвативши ею Агамемнона, направила на него двуострую секиру, которой обычно рубят огромные дубы, и той же горячей от крови секирой она убивает Приамову деву, ту, что в глазах Агамемнона была самой прекрасной, ту, что изрекала свои предсказанья, хотя никто ей не верил. И если, о мальчик, мы станем рассматривать все это как драматическое действие, то содержание этой великой трагедии можно нам изложить в коротких словах; если же мы разбираем его как картину, то в ней ты увидишь гораздо больше подробностей. (2) Смотри! Эти светильники — источники света (ведь ночью это все происходит), эти огромные чаши, источающие пьянящий дурман, своим золотом блистающие ярче огня; столы, полные яств, которые вкушали герои-цари, — все это находится тут в беспорядке: участники пира, умирая, одно опрокинули, другое столкнули, иное отбросили. И кубки из рук у них падают, многие из них полны крови; и нет уже сил у этих умирающих, так как они в опьянении. (3) Лежащие приняли разные позы. У одного перерезано горло, когда через него шла пища с питьем; у другого отрублена голова, когда он наклонился над чашей с вином; у этого отсечена рука, когда ею он брал себе кубок, а этот, с ложа упавши, увлекает за собой весь стол; тот лежит вниз головой и плечами, — поэт сказал бы: «в пучину низвергнувшись»; этот не верит, что смерть наступает, а тот не имеет уж сил, чтоб бежать, как будто ноги ему оковало его опьянение. Но никто из лежащих не является мертвенно-бледным, так как у тех, кто умирает, упившись вином, не скоро сходит краска с лица. (4) Главнейшим центром всей этой сцены является сам Агамемнон, лежащий не на равнинах троянских, не на берегах какого-либо Скамандра, ибо здесь он в руках мальчишек и гнусных жен, — после стольких трудов и на собственном пире его «как быка убивают у яслей». Но еще более сильный момент, вызывающий в нас чувство жалости, представляет Кассандра: ведь перед нею стоит с секирой в руках Клитемнестра, с диким взглядом, с развевающимися волосами; рука ее, конечно, не дрогнет. Сама Кассандра — как она прекрасно-нежна! И в то же время она вне себя: она устремилась помочь Агамемнону, бросая с себя венки священных повязок и как бы стараясь его защитить своим божественным саном, но, так как секира уже поднята над нею самой, она обращает туда свои взоры и кричит так жалобно, что даже умирающий Агамемнон, услыхавши тот крик, пожалел ее всем остатком своей души: о нем он вспомнит даже в царстве Аида, на собрании душ, беседуя там с Одиссеем.

6. МАРПЕССА И ДРУГИЕ

Для понимания § 28 надо знать, что Аполлон хотел жениться на Марпессе, у которой был жених Идас, и что когда последний ее увез, то Аполлон и отец Марпессы Эвен долго его преследовали. Эвен утонул, бросившись в реку, не будучи в состоянии его догнать, а догнал его Аполлон и вступил с ним в бой, которому воспрепятствовал Зевс, после чего Марпесса

выбрала Идаса, как более надежного. На их дочери Клеопатре, иль Альционе, женился потом Мелеагр.

28. a) Appolod. I 7, 8—9 (Марпесса)

(8) Эвен породил Марпессу, которую похитил Идас, сын Афарея, когда за нее сватался Аполлон, при помощи взятой у Посейдона крылатой колесницы. Преследуя его на колеснице, Эвен подошел к реке Ликорме; однако, не будучи в состоянии его захватить, он заколол лошадей, а сам бросился в реку. И река стала называться по его имени Эвеном. (9) Идас же прибыл в Мессению. Но случайно встретивший его Аполлон отнял у него девицу. Когда они стали сражаться из-за брака с этой девочкой, Зевс их разнял и приказал самой девице выбрать, с кем она хочет жить. Та же, боясь, как бы Аполлон не покинул ее в старости, выбрала в мужья Идаса.

b) IL. IX 553—560

Но когда Мелеагр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих мужей и разумных
(Он, на любезную матерь Алфею озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
Поднял он лук за супругу свою, легконогую Нимфу)...

29. a) Hyg. Fab. 202 (Коронида)

Когда Аполлон сделал беременной Кориниду, дочь Флегия, он дал ей в сторожа ворона, чтобы ее никто не осквернил. С нею возлег Исхий, сын Элата, за что был убит молнией Зевса. Аполлон же сильно ударил беременную Кориниду и убил ее, выведя из ее чрева Асклепия, которого и воспитал. Ворона же, державшего охрану, Аполлон превратил из белого в черного.

b) Pind. Pyth. III 1 слл. (Коронида и Асклепий)

О, как желал бы я, — и уста мои выражают лишь то, чего желают все, — чтобы отшедший от людей Хирон Филирид еще был жив, он, попечительный потомок Кроноса Уранида, и чтобы в ущельях Пелия еще владычествовал житель лесов Фер с человеколюбивым сердцем! Верный себе, он некогда воспитал кроткого Асклепия, создателя искусства укреплять и исцелять наши члены, полубога — отвратителя всяких недугов.

Его мать, дочь богатого конями Флегия, еще прежде, чем породила Асклепия при помощи покровительницы матерей Илифии, пораженная в своем покое златыми стрелами Артемиды, сошла в область Аида по воле Аполлона: гнев Зевсовых чад не проходит бесследно. Коронида же, в своем ослеплении презрев гнев бога, без ведома отца увлеклась новым браком, хотя уже сочеталась с девственно-кудрявым Фебом, и, уже нося в себе чистое семя бога, она не дождалась времени, когда наступит свадебный пир и раздадутся клики громогласных свадебных песен, которые так любят молодые девушки-подруги распевать по вечерам; нет, она воспылала любовью к тому, что ей не было дано: увы, таков удел многих людей! Да, среди людей всего безумнее та толпа, которая, презирая все, устремляет взор далеко, в погоне за призраками в своих

несбыточных надеждах! Такое же великое бедствие постигло гордость прекрасно одетой Корониды. Когда она взошла на ложе с чужестранцем, пришедшим из пределов Аркадии, это не укрылось от взоров ее стражи. Хотя и находясь в обильном жертвенными животными Пифоне, царь храма, Локсий, своим всеведущим духом, самым точным свидетелем, узнал о совершившемся и убедил свое сердце. Этого бога не введет в заблуждение никакая ложь: ни бог, ни смертный не скроет от него ни дел своих, ни замыслов.

Тогда, узнав о союзе Корониды с чужестранцем, Исхием Элатидом, узнав о ее беззаконном обмане, бог послал сестру свою, неумолимую в ее яром гневе, в Лакерию (на обрывистых берегах Бебиатского озера стояло жилище девы). И других она ввергла в бедствие, теперь же она сокрушила и Корониду, и многие соседи разделили с нею ту же судьбу, погибнув с нею вместе: так на горе огонь, вспыхнув от одной искры, истребляет густые леса.

Но вот родные положили деву на древесный костер, и по нему взвилось бурное пламя Гефеста: тогда Аполлон произнес такие слова: «Нет, не потерпит мое сердце, чтобы мое порождение погибло такою жалкою смертью, деля тяжкую судьбу матери!»

С такими словами, в мгновение ока прибыв на место, он исторг младенца из трупа, и пылающий костер расступился перед богом. Взяв ребенка, Аполлон снес его магнетскому кентавру, чтобы он научил его излечивать людей от болезненных недугов.

С тех пор Асклепий стал врачевать приходивших к нему от мучительных страданий — от прирожденных язв, от ран, причиненных телу острою медью или издали разящим камнем, от ожогов, летнего зноя или сурового мороза. Многих избавил он от разных болей: одних он исцелял умягчающими заговорами, другим давал пить лекарства или натирал их члены кругом мазями, а иных ставил на ноги разрезом ножа.

Но — увы! — и мудрость побеждается корыстью: так и Асклепия золото, блеснувшее в его руках, богатая награда, побудило воздвигнуть от смерти того, кто уже был в ее власти; но Кронион поразил и того и другого: в тот же миг исторг из их груди дыхание и его блестящая молния поразила их смертью. Лишь то, что подобает смертному духу, смертные могут просить у богов, — познав, что им доступно, познав, что им дано судьбой! Не рвись, о сердце, к бессмертной жизни, но полною горстью черпай то, что в пределах возможного.

c) Anton. Lib. 32 (Дриопа)

У речного бога Сперхия и одной из дочерей Даная, Полидоры, был сын Дриоп. Он царствовал на Эте и имел единственную дочь Дриопу. Она пасла отцовские стада. Из особенной любви к ней Нимфы-гамадриады сделали ее участницей своих игр и научили петь гимны богам и танцевать. Увидел ее однажды в пляске Аполлон и пожелал насладиться ее естеством. Сначала он превратился в черепаху. Но когда Дриопа принялась с Нимфами шутить над черепахой, сделала себе из нее забаву и запрятала за пазуху, — превратился из черепахи в дракона. Испуганные Нимфы покинули Дриопу, и Аполлон удовлетворил свою страсть. В сильном страхе убежала девушка в отцовский дом, но ничего не сказала родителям. Вскоре после брака своего с сыном Оксила, Андремоном, у нее

родился от Аполлона мальчик, Амфисс. Возмужав, он победил всех своих противников, основал у подошвы Эты одноименный с горой город и стал царем близлежащей местности, в Дриопиде построил храм Аполлону. Во время посещения этого храма Дриопой ее похитили любившие ее Нимфы-гамадриады и скрыли в лесу. Вместо нее поднялся там из земли черный тополь, возле тополя брызнул источник. Дриопа изменила свой вид и из смертной сделалась Нимфой. Из признательности к Нимфам за благодеяние, оказанное матери, Амфисс построил им храм и установил состязание в беге. И до сих пор еще туземцы продолжают устраивать это состязание. Женщинам запрещено присутствовать на нем: две девушки начали рассказывать жителям о превращении Нимфами Дриопы, и Нимфы, в сердцах на них, сделали их из девушек елями.

d) Ov. Met. IX 329—393 (Рассказ Иолы Алкмене о ее сестре Дриопе)

...Единой у матери дочкой —
Я от другой рождена — и красою в Эхалии первой
Дева Дриопа была. Она ранее девства лишилась,
Бога насилье познав, в чьей власти и Дельфы и Делос.
Взял же ее Андремон — и счастливым считался супругом.
Озеро есть. Берега у него опускаются, словно
Берег пологий морской, и увенчаны поверху миртой.
Как-то к нему подошла, его судеб не зная, Дриопа.
И возмутительней то, что венки принесла она Нимфам!
Мальчика, — сладостный груз! — еще не достигшего года,
Нежно несла на руках, молоком его теплым питая.
Недалеко от воды, подражая тирийской окраске,
Лотос там рос водяной, в уповании ягод расцветший.
Стала Дриопа цветы обрывать и совать их младенцу,
Чтоб позабавить его; сбиралась сделать я то же, —
Ибо с сестрою была, — но увидела вдруг: упадают
Капельки крови с цветов и колеблются трепетно ветви.
Тут, наконец, — опоздав, — нам сказали селяне, что Нимфа,
Именем Лотос, стыда избегая с Приапом, когда-то
С деревом лик измененный слила, — сохранилось лишь имя.
Было неведомо то для сестры. Устрашенная, хочет
Выйти обратно и, Нимф приношеньем почтив, удалиться, —
Ноги корнями вросли; их силой пытается вырвать, —
Может лишь верхнюю часть шевельнуть; растущая снизу,
Мягкая члены ее постепенно кора облекает.
Это увидев, она попыталась волосы дернуть —
Листья наполнили горсть: голова покрывалась листвою.
А малолетний Амфисс — ибо имя от Эврита деда
Он унаследовал — вдруг ощущает, что грудь затвердела
Матери, что молоко не струится в сосущие губы.
Я же, как зритель, была при жестоком событьи, не в силах
Быть тебе в помощь, сестра! Лишь сколько могла, превращенье
Тщилася я задержать, и ствол обнимая и ветви.
Я бы желала, клянусь, под тою же скрыться корою!
Вот подошли и супруг Андремон, и родитель несчастный, —
Оба Дриопу зовут. Зовущим Дриопу на Лотос
Я указала. Они неостывшие члены целуют,

Оба, к родным приникая корням, оторваться не могут.
Стало уж деревом всё, ты одно лишь лицо сохраняла,
О дорогая сестра! И на свежие листья, на место
Бедного тела ее, — льет слезы; пока еще можно
И пропускают уста, так жалобно молвит в пространство:
«Если к несчастным у вас есть вера, клянуся богами,
Не заслужила я мук. Терплю, неповинная, кару.
Чистой я жизнью жила. О, если я лгу, да засохнет
Эта листва и падет; порублена, пусть запылаю.
Но уж пора, отнимите дитя от ветвей материнских,
Дайте кормилице. Пусть — вы о том позаботьтесь! — почаще
Здесь он сосет молоко и играет под тенью моею.
А как начнет говорить, — чтоб матери он поклонился,
С грустью промолвил бы: «Мать укрывается в дереве этом».
Пусть лишь боится озер да цветов не срывает с деревьев,
Да и кустарники все пусть плотью богов почитает.
Милый супруг мой, прости! Ты, родная сестра, ты, отец мой!
Если живет в вас любовь, молю: от укусов скотины
И от ранений серпа вы листву защитите родную!
Так как уж мне не дано до вас наклониться, то сами
Вы протянитесь ко мне и приблизьтесь к моим поцелуям.
Можно еще прикоснуться ко мне, поднесите ж сыночка!
Больше сказать не могу: уж мягкой древесной корою
Белая кроется грудь, — теряюсь в зеленой вершине.
Руки от глаз отведите моих: и без вашей заботы
Этой растущей корой, умирая, затянутся очи».
Сразу уста говорить перестали и быть. Но младые
Ветви надолго еще превращенной тепло сохраняли.

30. Hyg. Fab. 161 (Сыновья Аполлона)

Дельф Асклепий от Корониды, дочери Флегия. Еврипид от Клеобулы. Илий от Уреи, дочери Нептуна. Агрей от Евбеи, дочери Макарея. Филаммон от Левконои, дочери Люцифера. Ликорей от нимфы Корикии. Лин от музы Урании. Аристей от Кирены, дочери Пенея.

Г. МУЗЫ

Музы неразрывно связаны с Аполлоном, который так и называется — Мусагет, т. е. «предводитель Муз» (настоящее — продолжение § 13). У Гомера призывается обычно одна или несколько Муз (§ 33 a, c, d), так как место из «Одиссеи» о девяти Музах (§ 33 b) считают позднейшей вставкой. Зато у Гесиода девять Муз фигурируют в полном составе, с твердыми именами и общими функциями (§ 32 a). Тут они дочери Зевса и Мнемосины (Hes. Theog. 915—917 см. «Зевс и Гера», § 7 a; см. также Hymn. Hom. III 429 сл.). Сама же Мнемосина, как мы знаем еще из Hes. Theog. 135, — дочь Урана и Геи, Титанида, хотя были и другие генеалогии, по-видимому, позднейшие (прямо от Урана и Геи — у Алкмана или частью от Зевса, частью от Урана — у Мимнерма, § 31 a—c; еще по-иному у Эпихарма и у Арата).

Вышеупомянутые общие функции — отвлекать от горестей и давать отраду при помощи эстетических впечатлений — постоянно дифференцировались. У Гомера Музы только поют, у Гесиода уже и танцуют (Терпсихора). В дальнейшем они захватывают все области научной и художественной деятельности, вдохновляя на творчество представителей этой деятельности и покровительствуя развитию каждой такой области. В результате мы имеем следующие девять Муз:

1. Каллиопа, муза эпоса (с навощенной дощечкой и грифелем).
2. Евтерпа, муза лирики (с флейтой).
3. Мельпомена, муза трагедии (с маской в руке и плющом на голове).
4. Талия, муза комедии и сельской поэзии (с комической маской, пастушеским посохом и плющевым венком).
5. Эрато, муза эротической поэзии и мимики.
6. Полигимния, муза гимнической поэзии.
7. Терпсихора, муза танцев (с лирой).
8. Клио, муза истории (со свитком).
9. Урания, муза астрономии (с глобусом).

Музы связаны прежде всего с Олимпом, и в частности с Пиэрией у Олимпа, почему они — Олимпиады и Пиэриды. Отсюда фракийские певцы заносят их на Геликон и Беотию; тут они — Геликониады. Называли (§ 31 c) имена и трех старейших геликонских Муз: Мелета (дума), Мнема (память) и Аэда (песня). Тут, по-видимому, впервые число Муз доведено до девяти. Тут же недалеко были и горы Парнас и Либетрон, где Музы особенно любили проводить время. Соединение их с Аполлоном произошло впервые в Дельфах, куда тоже проник культ Муз. Аполлона сначала не было в Пиэрии, а на Делосе его музыкальными сотрудницами являются, как мы уже знаем, Хариты («Аполлон», § 13 k). Было сильно почитание Муз в Афинах, где мы находим (к юго-западу от Акрополя) холм Мусейон (Paus. I 25, 8) и где Платон тоже построил алтарь Музам в своей Академии (Paus. I 30, 2). Их храмы были еще во многих местах (Олимпия, Трезен, Коринф и пр.). Их довольно часто считали Нимфами вод и гор (Hesych. Thourides, Suid. Nymphai, Schol. Theocr. VII 92); их эпитеты (включая: Олимпиады, Пиэриды, Либетриды и пр.) тоже указывают на это. Их местопребывание часто указывали у любимых ими источников: Аганиппы и Ипокрены — около Геликона и Касталии — около Парнаса (вблизи Дельф). Эти струи Ипокрены и Касталии навсегда связались в памяти культурного человечества с именем Муз. Парнасиды, Касталиды, Ипокрениды, Аониды (Аония — та часть Фокиды, где находились гора Геликон и источник Аганиппа) и пр. — все эти названия прочно и издавна связывают Муз с горами и водами. И едва ли стоит задаваться вопросом о том, как это «природное» значение Муз соединилось с их «художественным» и «научным» значением. Для грека, в основном, нет никакого различия между природой и искусством.

Стройные, изящные, юные, вдохновенные, мудрые богини красоты, искусства и науки превосходили всякое человеческое творчество и мстили за попытку стать с ними наравне. Отсюда сказание о Фамириде, которого они совсем лишили художественного дара за его самомнение (§ 35 a), и о дочерях Пиэра (§ 35 b). Под Музами в последующее время понимали не только определенных богинь-личностей, но и самые произведения

Муза Каллиопа

Муза Мельпомена

искусства (Od. XXIV 62 — § 33 b; Hymn. Hom. III 427, XIX 15)* и даже объективное вдохновение художника (Aesch. Eum. 308, Soph. Trach. 643, Eur. Tro. 120, Aristoph. Nub. 1030, Plat. Crat. 428 c). Что касается Камен (Camena = Casmena = Carmena = «поющая»), то, по Liv. I 21, 3 и др., еще Нума посвятил Каменам рощу с источником. Культ Камен, однако, в дальнейшем вымирал, покамест не был окончательно оттеснен греческими Музами, водворившимися в Риме с начала II в. н. э., с какого времени можно говорить о полном сходстве Муз и Камен в Риме: те же функции, что и у Муз, вплоть до отождествления с Нимфами (напр., Varro ap. Serv. Verg. Buc. VII 21 и Tertul. Adv. Marc. I 13), можно констатировать и у Камен.

31. a) Alcm. ap. Diod. IV 7 init. PLG III 71 (Происхождение Муз)

Большинство мифографов, и особенно проверенные из них, полагают, что Музы — дочери Зевса и Мнемосины. Немногие же из поэтов — и среди них Алкман — утверждают, что они — дочери Урана и Геи.

Cp. Schol. Ap. Rh. III 1.

В сочинениях, приписываемых Мусею, повествуется о двойном происхождении Муз: старших — от Кроноса и младших — от Зевса и Мнемосины.

b) Cic. De nat. deor. III 21, 54 (Различные Музы)

Также первые четыре Музы — дочери второго Зевса: Тельксиноя, Аэда, Архэ, Мелетэ; вторые девять Муз — дочери третьего Зевса и Мнемосины; третьи — дочери Пиэра и Антиопы, которых поэты обычно называ-

* См. по греческому оригиналу *(А. А. Тахо-Годи)*.

ют Пиэридами и пиэрийскими, — они имеют одинаковые с предыдущими имена и численность.

c) Paus. IX 29, 1—4

(1) По преданию, первые принесли на Геликоне жертвы Музам и назвали эту гору святилищем Муз Эфиальт и От, которые построили и город Аскру... (2) Сыновья Алоэя думали, что Муз числом три, и дали им имена: Мелета, Мнема и Аэда [прилежание, память и песня]. Впоследствии, (3) говорят, македонянин Пиэр, от которого носит название и македонская гора, явившись в Феспии, установил число Муз девять и дал им нынешние имена, потому ли, что находил это более целесообразным, или по какому-либо изречению прорицалища, или же по наставлению кого-либо из фракийцев, так как фракийское племя с давних пор считалось даровитее македонского и потому превосходило его и в делах религии. (4) Но другие говорят, что у самого Пиэра было девять дочерей и что они носили те же имена, как и Музы, а те, кого эллины называют сыновьями Муз, — будто бы сыновья дочерей Пиэра. Опять же Мимнерм, написавший элегию на битву смирнейцев с Гигом и лидийцами, говорит во вступлении, что старшие Музы были дочери Урана, а другие, младшие, — дочери Зевса.

d) Diod. IV 7 (Общее о Музах)

(1) ...Многие из мифографов, прекрасно изучившие их [Муз], говорят, что они были дочерьми Зевса и Мнемосины. Немногие же из поэтов, в числе которых и Алкман, считают их дочерьми Урана и Геи. (2) Но подобным же образом существуют разногласия об их числе. Одни считают, что их три, другие, — что их девять. Взяло верх число «девять», которое было подтверждено выдающимися писателями. Я имею в виду Гомера, Гесиода и подобных [поэтов]. А именно, Гомер говорит (Od. XXIV 60):

Музы — все девять, — сменяяся, голосом сладостным пели...

Гесиод указывает их имена в следующих словах... [Следуют стихи Theog. 77—79, см. ниже, § 32 a]. (3) С каждой из них связывают специальное представление о занятиях мусическими искусствами, как, например, поэзией, плясками и хороводами, астрономией и пр. Большинство рассказывают, что они остаются девами ввиду того что, как известно, добродетели, связанные с воспитанием, незыблемы. (4) Музами же их назвали потому, что они «посвящают» (myein) людей, т. е. научают их прекрасному и полезному и неведомому для невоспитанных. Те, кто придает каждому названию специальный смысл, утверждают, что каждая Муза соответствующим образом получила свое имя. Клио получила название вследствие того, что похвала прославленных в поэзии великую славу (cleos) доставляет тем, кому эта похвала относится; Евтерпа — оттого, что она услаждает (terpein) слушателей благом воспитания; Талия — оттого, что прославленные в художественных произведениях процветают (thallein) в течение долгого времени; Мельпомена — от пения (melodia), что увлекает слушающих; Терпсихора — за то, что услаждает (terpein) слушателей полученными от воспитания благами; Эрато — оттого, что она делает воспитанных желанными и любезными (eperastos); Полигимния — потому, что многим воспеванием в гимнах (polles hymneseos) она делает знаменитыми тех, которые получили бессмертие в славе благодаря своим произведениям; Урания — за то, что воспитанных возносит к небу (oyranos), т. е. она возносит души мыслью и

Муза Евтерпа

Муза Полигимния

разумом к небесной высоте; Каллиопа — оттого, что она имеет прекрасный голос (calen opa), т. е. потому, что она, отличаясь своим прекрасным пением, получает одобрение от слушающих.

е) Apollod. I 3, 2—4 (Родственные связи Муз)

(2) От Каллиопы и Эагра, по прозвищу Аполлона, родился Лин, которого убил Геракл, и Орфей — тот самый, который занимался пением под звуки кифары и который своим пением приводил в движение камни и деревья. Когда умерла его супруга Евридика, укушенная змеей, он нисшел в Аид, желая ее возвратить на землю, и даже убедил Плутона отпустить ее. Тот обещал это сделать с условием, чтобы Орфей на обратном пути не оборачивался назад, пока не придет к себе в дом. Однако Орфей, не уверенный в этом, обернулся назад и увидел свою жену. Но она тогда ушла обратно. (3) Орфей, кроме того, изобрел мистерии Диониса и был погребен в окрестностях Пиэрии, растерзанный менадами. Клио влюбилась в Пиэра из Магнесии вследствие гнева Афродиты (она порицала ее за любовь к Дионису) и, сойдясь с ним, родила от него сына Гиацинта, к которому возымел страсть Фамирид, сын Филаммона и нимфы Аргиопы, первый положивший начало любовной страсти к мужчинам. Но впоследствии Гиацинта страстно полюбил Аполлон и нечаянно убил диском. Фамирид же отличался красотой и искусством пения под звуки кифары; он вступил в состязание из-за мусического искусства с Музами, поставив условие: если он окажется победителем, то он соединится браком со всеми; если же он будет побежден, то они отнимут у него, что только пожелают. Музы вышли победительницами и — лишили его глаз и искусства пения под звуки кифары. (4) От Евтерпы и реки Стримона родился Рес, которого под Троей убил Диомед. Некото-

рые же говорят, что он был сыном Каллиопы. От Фалии и Аполлона родились Корибанты, а от Мельпомены и Ахелоя — Сирены, о которых мы расскажем, когда будем говорить об Одиссее.

32. а) Hes. Theog. 1—115 (Характеристика Муз)

[*Хоровод Муз*]

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высоком, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса царя и фиалково-темный источник...

[*Предмет воспевания у Муз*]

Нежное тело свое искупавши в теченьях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,
Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
Ночью они приходили и пели чудесные песни,
Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
Города Аргоса мощной царицею златообутой,
Зевса великую дочь, синеокую деву Афину,
И Аполлона царя с Артемидою стрелолюбивой,
И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,
И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду,
Златовенчанную Гебу богиню с прекрасной Дионой,
С ними — Лето, Иапета и хитроразумного Крона,
Эос-Зарю и великого Гелия с светлой Селеной,
Гею мать с Океаном великим и черною Ночью,
Также и все остальное священное племя бессмертных.

[*Музы вдохновляют поэта*]

Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
Дщери великого Зевса царя, олимпийские Музы:
«Эй, пастухи полевые, несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»
Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра,
Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет,
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно.
Впрочем, ну как я могу говорить о скале или дубе?

[*Характер песнопения у Муз*]

С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,

Муза Клио

Муза Урания

Хором, согласно звучащим. Без устали сладкие звуки
Льют их уста. И смеются палаты родителя — Зевса
Тяжкогремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя,
Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
Зевса вторым после них, отца и бессмертных и смертных,
В самом начале и в самом конце воспевают богини, —
Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.
Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
Дщери великого Зевса царя, олимпийские Музы.

[*Происхождение Муз*]

Семя во чрево приняв от Кронида отца, в Пиэрии
Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
Чтоб улетали заботы и беды душа забывала.
Девять ночей сопрягался с богинею Зевс-промыслитель,
К ней вдалеке от богов восходя на священное ложе.
После ж того как исполнился год, времена обернулись,
Месяцы круг совершили и дней унеслося немало,
Единомысленных девять она дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом,

Близ величайшей вершины одетого снегом Олимпа.
Светлые там хороводы у них и прекрасные домы.
Рядом жилища имеют Хариты и Гимер-Желанье,
В празднествах жизнь проводя. Голосами прелестными Музы
Песни поют о законах, которые всем управляют,
Добрые нравы богов голосами прелестными славят.
Песнью бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны.
Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
Как возвращались богини к родителю. В небе царит он,
Громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей,
Силою верх одержавший над Кроном отцом. Меж богами
Все хорошо поделил он и каждому почесть назначил.

[*Воздействие Муз на людей*]

Это вот пели в дворцах олимпийских живущие Музы,
Девять богинь, дочерей многославного Зевса владыки, —
Девы Клио, и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
И Эрато с Терпсихорой, Полигимния и Урания,
И Каллиопа, — меж всеми другими она выдается:
Шествует следом она за царями, достойными чести.
Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
Если увидят, что родом от Зевса вскормленных царей он, —
То орошают счастливцу язык многосладкой росою.
Речи приятные с уст его льются тогда. И народы
Все на такого глядят, как в суде он выносит решенья,
С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
Если к суду обратятся они, без труда возмещенье
Полное дать, убеждая обидчиков мягкою речью.
Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди,
Как на собранье пойдет он; меж всеми он там выдается.
Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона владыки,
Все на земле и певцы происходят, и лирники-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
Песню услышать служителя Муз, песнопевца, о славных
Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем, о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.

[*Музы будут петь о происхождении богов и людей*]

Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,

Муза Терпсихора

Муза Талия

Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите, — как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилося шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных податели благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы всё расскажите мне, Музы,
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

b) Hymn. Hom. III 450—452 (Слова Аполлона)

Сопровождаю и сам я божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.

33. a) IL. II 484—493 (Призывание Муз и их общие свойства)

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы — божества, вездесущи и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел не слабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

b) Od. XXIV 60—64 (Музы на похоронах Ахилла)

Музы — все девять, — сменяяся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди.

c) Alcm., frg. 45 PLG Bepec. (О Музах)

О Каллиопа! Зачни нам прелестную
Песню, и страстью зажги покоряющей
Гимн наш, и сделай приятным хор!

d) Alcm., frg. 25 PLG Bepec.

Муза небесная! Дочь
Зевса царя!
Звонко я песнь спою...
Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман певец,
У куропаток заимствовав их.

e) Stesich., frg. 50 PLG Bepec.

...Больше всего
Игры и песни приятны Аполлону;
Горе и тяжкие стоны — Аида удел.

Ср. frg. 44. 45.

34. Pind. Pyth. I 1—24 (Аполлон и Музы)

Стихотв. перевод Вяч. Иванова

О кифара золотая, ты Аполлона и Муз
Темнокудрых равный удел.
Мере струнной пляска, начало веселий, внемлет;
Вторят лики сладкогласные,
Когда, сотрясенная звучно, ты взгремишь,
Хороводных гимнов подъемля запевы.
Копья вечного перуна гасишь ты,
И огнемощный орел
Никнет сонный, никнет на Зевсовом скиптре,
Быстрых роняя чету крыльев долу, —
Князь пернатых; облак темный под изогнутой главой
Вещим пеньем ты пролила,
Облак темный, сладкий затвор зеницам зорким;
И под влажной дремой гнет хребет
Ударами струн побежденный... Сам Арес,
Буйный в бранях, прочь отметнув копье,
Легковейным услаждает сердце сном.
Сильны бессмертных пленять
Стрелы, их же глубокодонные Музы
С чадом искусным Лето мещут звонко.

Те же, кого не взлюбил Зевс, внемля гласу Пиэрид,
И на земле обуяны страхом, и средь неукротимых пучин;
И мятется, чья темница — Тартар тьмы, недруг богов,
Стоглавый Тифон, возлелеян некогда.

То же — в прозаическом переводе Вал. Майкова.

Золотая лира, совместное достояние Аполлона и темнокудрых Муз! Тебе повинуется пляска, начало торжества; твоих же указаний слушают и певцы, когда ты искусной рукой изливаешь звуки руководящих хором прелюдий. Ты же погашаешь губительную молнию вечного огня. На Зевсовом скиптре дремлет, свесив быстрые крылья, орел, царственная птица, и ты, лира, окутываешь его хищную голову черным облаком, погружающим его в сладкий сон, смыкая его вежды. Очарованный твоими звуками, он, нежась в дремоте, плавно вздымает свою спину. Даже сам суровый Арей, далеко отбросив грозное оружие, услаждает сердце песнью: вот как, о лира, твои звуки смягчают сердца божеств чарами искусства сына Леты и высокогрудых Муз!

Но все, чего не возлюбил Зевс, повсюду, и на земле и на безбрежном море, услышав глас Пиэрид, трепещет, подобно врагу богов, распростертому в черном Тартаре, — стоглавому Тифону.

Муза, играющая на лире

35. ***a) IL. II 594—600 (Фамирид)***

...место, где некогда Музы,
Встретив Фамира фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.
Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.

Ср. Apollod. I 3, 3 (в § 31 е).

b) Anton. Lib. 9 (Дочери Пиэра)

Плодом любви Зевса к уроженке Пиэрии Мнемосине были Музы. Эматией правил тогда царь-автохтон Пиэр, отец девяти дочерей. Вздумалось им поспорить с Музами в пении. Состязание произошло на Геликоне. Пока пели дочери Пиэра, все заволокло мраком, ничто не внимало их пению. Но запели Музы — и остановились в своем течении небо, и звезды, и море, и реки. К небу начал подниматься от наслаждения очарованный Геликон, пока не удержал его, по воле Посейдона, Пегас, ударив своим копытом по его вершине. За то, что смертные дерзнули состязаться с богинями, Музы превратили их в девять нынешних птиц: гагару, вертишейку, просянку, сороку, овсянку, щегла, утку, дятла и голубя [?].

ОБРАЗ В ГИМНАХ

36. a) Hymn. Orph. LXXVII (Мнемосина)

Я Мнемосину зову, владычицу, Зевса супругу,
Муз и святых и священных родившую, звонкоголосых,
Что вредоумное зло не удержит в воспоминанье,
Вместе собравшая целостный ум в душе человеков,
Силу рассудка у смертных благую способность множа.
Сладкая, все вспоминающая, ты бодрствовать любишь,
Помня, как кто-либо в сердце сложил когда-либо мненье.
Ум пробуждаешь ты всем, ничего не переступая.
Но, богиня блаженная, мистам воздействуй на память
Таинства благосвященного; их избавь от забвенья.

b) Hymn. Orph. LXXVI (Музы)

Дочери Зевса широко гремящего и Мнемосины,
Звонкоголосые Музы, преславнейшие Пиэриды,
Наижеланные смертным, вам близким, многообразны,
Вы безупречную доблесть даете всему воспитанью,

Аполлон и муза. Роспись килика из Вари

Мамки для душ и основоположницы для размышленья,
Руководящи владыки рассудка мощью благого,
Вы, что открыли для смертных таинственные посвященья,
Музы Клио, Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
Терпсихора, Эрато, и Полигимния, и Урания,
С матерью Каллиопой, Евномией, чистой богиней.
Но грядите, богини, различно чистые, к мистам,

Многовоспетое нам приносящие славное рвенье.

c) Procl. Hymn. III (Гимн Музам)

Славим мы свет, возносящий ввысь человеков; мы славим,
Девять великого Зевса поём дочерей сладкозвучных,
Тех, что души людей, поглощенные бездною жизни,
В таинстве чистом чрез вдохновенные книги спасают
От землеродных страданий, тяжелых для всех человеков,
И научают спешить чрез глубокую волнами Лету
Перелететь, прийти в чистоте к светилу такому ж,
Совратились откуда они, когда ко брегу рожденья
Пали они, исступленно стремясь к матерьяльному жребью.
Но, богини, мое стремленье с многой тревогой
Прекратите, пьяня меня умными мифами мудрых,
Чтоб поколенье людей без божия страха не сбило
Со стези пребожественной, светлой, плодами прекрасной.
И всегда от гула толпы многоблудного рода
Душу влеките мою, душу странника, к чистому свету,
Медом насыщенную ваших ульев, для духа полезных.
И — с ней слава всегда манящего ум красноречья.

Д. ПОЗДНЕЙШАЯ ПАРОДИЯ

37. a) Luc. Deor. dial. 16 («Гера и Латона»)

(1) Гера. Нечего сказать, Латона, прекрасных детей родила ты Зевсу!

Латона. Не всем же, Гера, дано производить на свет таких детей, как твой Гефест.

Гера. Во всяком случае, он, хотя и хром, все-таки полезен: он искусный мастер, разукрасил нам все небо, женился на Афродите и пользуется у нее большим уважением. А твои дети каковы? Дочь мужеподобна сверх меры и обитательница гор, а в последнее время ушла в Скифию и там — всем известно — питается, убивая чужестранцев и подражая нравам людоедов-скифов. Аполлон же притворяется всезнающим: он и стрелок, и кифарист, и лекарь, и прорицатель; открыл себе прорицательские заведения — одно в Дельфах, другое в Кларе, третье в Дидимах — и обманывает тех, кто к нему обращается, отвечая на вопросы всегда темными и двусмысленными изречениями, чтобы таким образом оградить себя от ошибок. И он при этом порядочно наживается: на свете много глупых людей, которые дают обманывать себя. Зато более разумные люди прекрасно понимают, что ему нельзя верить; ведь сам прорицатель не знал, что убьет диском своего любимца, и не предсказал себе, что Дафна от него убежит, хотя он так красив и у него такие прекрасные волосы. В самом деле, я не понимаю, почему ты считала, что твои дети прекраснее детей Ниобы?

(2) Латона. О, я нисколько не удивляюсь, что мои дети — дочь, убивающая чужестранцев, и сын-лжепророк — огорчают тебя, когда ты видишь их среди богов, и в особенности когда ее все восхваляют за красоту, а он во время пира играет на кифаре, возбуждая всеобщий восторг.

Гера. Я не могу удержаться от смеха, Латона. Он возбуждает восторг, он, с которого, если бы Музы судили справедливо, Марсий, наверно, содрал бы кожу, победив его в музыкальном состязании! К сожалению, несчастному Марсию самому пришлось погибнуть из-за пристрастного суда. А твоя прекрасная дочь так прекрасна, что, узнав, что Актеон ее видел, напустила на него своих собак, из страха, чтобы он не рассказал всем о ее безобразии. Я уж не стану говорить о том, что она не помогала бы родильницам, если бы сама была девой.

Латона. Очень уж ты гордишься, Гера, тем, что живешь с самим Зевсом и царствуешь вместе с ним. Но погоди немного: придет время, и я опять увижу тебя плачущей, когда Зевс оставит тебя одну, а сам сойдет на землю, превратившись в быка или в лебедя.

b) Luc. Deor. dial. 17 («Аполлон и Гермес»)

(1) Аполлон. Чего ты смеешься, Гермес?

Гермес. Ах, Аполлон, потому, что видел такое смешное.

Аполлон. Расскажи-ка, — я сам хочу посмеяться.

Гермес. Гефест поймал Афродиту с Аресом и связал их вместе на ложе.

Аполлон. Как же он это сделал? Ты, кажется, можешь рассказать что-то очень забавное.

Гермес. Я думаю, он знал об их связи уже давно и следил за ними; и вот сегодня, прикрепив к ложу невидимые сети, он ушел в свою кузницу. Пришел Арес, думая, что никто его не заметил, но Гелий его видел и донес Гефесту. Тем временем Арес с Афродитой легли на ложе и только что принялись за дело, как попали в сети и почувствовали себя крепко связанными. Тогда явился Гефест. Афродита, совсем обнаженная, не знала, чем прикрыть свою наготу, а Арес сначала пытался было бежать, думая, что ему удастся разорвать сети, но, вскоре поняв, что это невозможно, стал умолять освободить его.

(2) Аполлон. Что же? Освободил их Гефест?

Гермес. Нет, он созвал богов поглядеть на их прелюбодеяние; а они, оба обнаженные, совсем пали духом и лежали связанные вместе, краснея от стыда. Они представляют, кажется мне, приятнейшее зрелище: ведь у них-то вышло дело...

Аполлон. И наш кузнец не стыдится показывать всем позор своего брака?

Гермес. Клянусь Зевсом, он стоит над ними и хохочет. А мне, правду говоря, показалась завидной судьба Ареса: не говорю уже о том, чего стоит обладание прекраснейшей из богинь, но и быть связанным с ней вместе — тоже хорошее дело.

Аполлон. Ты, кажется, не прочь дать себя связать при таких условиях.

Гермес. А ты, Аполлон? Пойдем туда; если ты их увидишь и не пожелаешь того же, я преклонюсь перед твоей добродетелью.

c) Luc. Deor. dial. 23 («Аполлон и Дионис»)

(1) Аполлон. Странное дело, Дионис: Эрот, Гермафродит и Приап — родные братья, сыновья одной матери, а между тем они так не похожи друг на друга и по виду и по характеру. Один — красавец, искусный стрелок, облечен немалой властью и всеми распоряжается; другой — женоподобный полумужчина, такой с виду неопределенный и двусмысленный,

что нельзя с уверенностью сказать, юноша ли он или девушка; а зато Приап уже до такой степени мужчина, что даже неприлично.

Пегас

Дионис. Ничего удивительного, Аполлон: в этом виновата не Афродита, а различные отцы. Но ведь бывает даже, что близнецы от одного отца рождаются разного пола, как, например, ты с твоей сестрой.

Аполлон. Да, но мы похожи друг на друга, и занятия у нас одинаковые: мы оба стрелки.

Дионис. Только что и есть у вас общего, все же остальное совсем различно: Артемида в Скифии убивает чужестранцев, а ты предсказываешь будущее и лечишь больных.

Аполлон. Не думай, что моя сестра хорошо себя чувствует среди скифов: ей так опротивели убийства, что она готова убежать с первым эллином, который случайно попадет в Тавриду.

(2) Дионис. И хорошо сделает. Но о Приапе: я тебе расскажу про него нечто очень смешное. Недавно я был в Лампсаке; Приап принял меня у себя в доме, угостил, и мы легли спать, подвыпив за ужином. И вот около полуночи мой милый хозяин встает и... мне стыдно сказать тебе.

Аполлон. Хотел тебя соблазнить?

Дионис. Да, именно.

Аполлон. А ты что тогда?

Дионис. Что ж было делать? Расхохотался.

Аполлон. Очень хорошо, что ты не рассердился и не был с ним груб; ему можно простить попытку соблазнить такого красавца, как ты.

Дионис. По этой самой причине он может и к тебе, Аполлон, пристать: ты ведь так красив и у тебя такие прекрасные волосы, что Приап даже в трезвом виде может тобой прельститься.

Аполлон. Он не осмелится: у меня не только прекрасные волосы, но имеются также лук и стрелы.

d) Luc. Deor. dial. 26 («Аполлон и Гермес»)

(1) Аполлон. Гермес, не можешь ли ты мне сказать, который из этих двух юношей Кастор и который — Полидевк? Я их никак не могу различить.

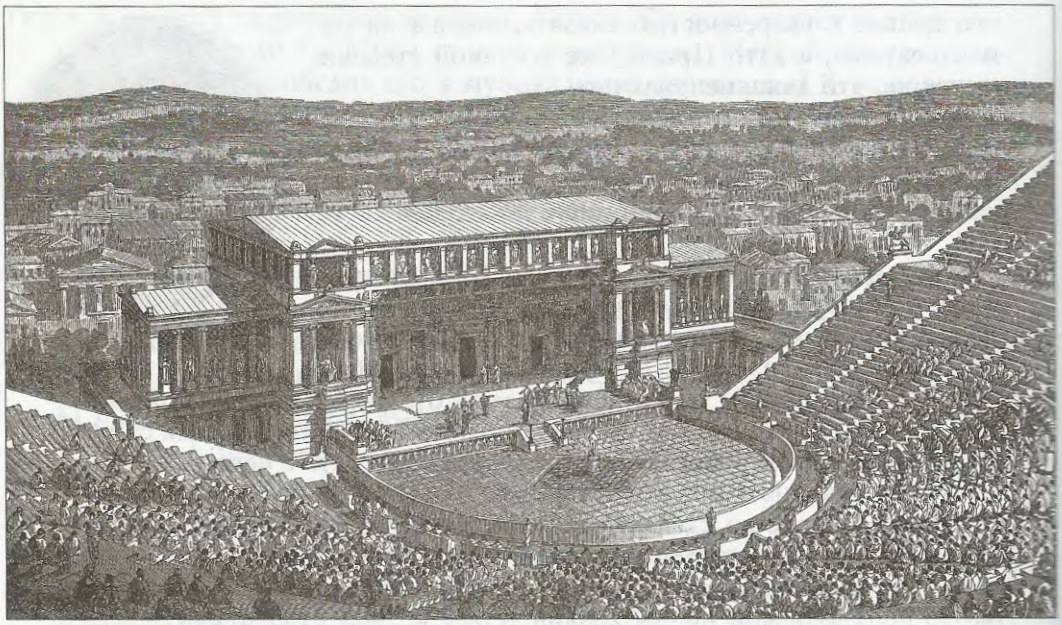
Гермес. Тот, что был с нами вчера, — это Кастор, а вот этот — Полидевк.

Аполлон. Как же ты это узнаёшь? Они ведь так похожи друг на друга!

Гермес. А вот как, Аполлон: у этого на лице следы от ударов, которые он получил в кулачном бою от противников, особенно от бебрикийца Амика во время морского похода с Ясоном; а у другого ничего подобного нет — лицо у него чистое, без всяких увечий.

Аполлон. Ты оказал мне услугу, научив, как их различать. Но все остальное у них совсем одинаково: и шляпа в пол-яйца, и звезды над головой, и дротик в руке, и белый конь, так что нередко случалось в разговоре называть Полидевка Кастором, а Кастора Полидевком. Но скажи мне еще одну вещь: отчего они никогда не являются к нам оба вместе, но каждый из них поочередно делается то мертвецом, то богом?

(2) Гермес. Это от их взаимной братской любви. Когда оказалось, что один из сыновей Леды должен умереть, а другой — стать бессмертным, они таким образом разделили между собой бессмертие.



Греческий театр

Аполлон. Не понимаю я, Гермес, такого раздела: они ведь так никогда друг друга не увидят, — а этого, я думаю, они больше всего желали. Как же им встретиться, если один пребывает в царстве богов, а другой в то же время в царстве мертвых? Но вот что меня еще интересует я предсказываю будущее, Асклепий лечит людей, ты, как превосходный воспитатель, обучаешь гимнастике и борьбе, Артемида помогает родильницам, и вообще каждый из нас занимается чем-нибудь, приносящим пользу богам или людям, — а они что же делают? Неужели они, совсем уже взрослые, живут, ничего не делая?

Гермес. Ничего подобного: они прислуживают Посейдону; на них лежит обязанность объезжать верхом море и, если где-нибудь увидят моряков в опасности, садиться на корабль и приносить плывущим спасение.

Аполлон. Да, Гермес, это — очень хорошее и полезное занятие.

IV. АРТЕМИДА

Будучи ближайшим образом связана с Аполлоном и по своему происхождению (см. «Аполлон», § 17 a—c), и по основным функциям, Артемида уходит, однако, в глубину ночных, лунных, вегетативных и женских родильных явлений (напр., Callim. III 21 слл., § 22 и особенно § 21 и 23 f). Она — «владычица зверей» (IL. XXI 470), покровительница новорожденного младенца, «детопитательница» (ср. § 4 c), часто близкая к Деметре, Персефоне и Дионису, даже к Гекате, Илифии (об Илифии см. «Зевс и Гера», § 10 a—f). У трагиков можно прямо говорить об отождествлении Артемиды и Илифии (§ 1 i, ср. § 4 d), а с IV в. даже целый культ Артемиды Илифии (в Беотии). Но эта демоническая Артемида есть только, так сказать, изнанка классического образа Артемиды, которая более или менее свойственна почти каждому женскому божеству. Настоящая Артемида, как мы ее знаем со времен Гомера, настолько прочно вошла в круг мифологии Аполлона, что оказалась не только сестрой Аполлона, но и богиней с теми же приблизительно функциями, что и сам Аполлон, давая, конечно, женский их коррелят. Она — юная, девственная (в этом последнем пункте — отличие от ее брата), прекрасная девушка, стройная и грациозная (с ней сравнивают всех выдающихся красавиц, § 2 a—d), ловкая охотница по лесам и горам, пылкий воин в бою, любящая подстреливать свою жертву исподтишка, то безболезненно (§ 3 c, d) и даже мягко (§ 3 f), то гневно (§ 3 g, h), подстрекающая на войны целые города (§ 3 i). Если с самого начала она не имела никакого отношения к Аполлону и Зевсу, то впоследствии она «дочь Зевса» (напр., Od. VI 151), «Латонина дочь», «Летогенейя» (Aesch. Sept. 148, Soph. El. 537). Артемида участвует вместе с Аполлоном в борьбе против дракона, в убиении Ниобид, в гигантомахии (Apollod., см. «Теогония и космогония», «Система», § 54 a, и Claud. Gig. 40 слл. — там же, § 56). Pind. Pyth. IV 88 сообщает об укрощении ею Алоадов, которых она убивает, чтобы освободить Ареса. Такой карающей богиней Артемида является вообще нередко. Мы уже знаем об участии ее в деле Корониды («Аполлон», § 29). К этому можно прибавить еще эпизод с Титием (§ 3 k—s), Леймоном (§ 5 c), Буфагом (§ 5 d), Орионом (§ 6 a, b) и др. и, наконец, с Актеоном (§ 7

и 8), не говоря уже о многих других. Наилучшее резюме аполлонийского образа Артемиды находим в двух Гомеровских гимнах, особенно в XXVII (§24 a, b).

На первый взгляд очень загадочна вся эта стихийная и даже аморальная сторона Артемиды, доходящая, как увидим дальше, до прямого оргиазма. Однако надо помнить то, что сказано во вступлении к «Общему» о разделении олимпийских богов и о том, что Артемида, будучи чистой формой вроде Аполлона, все же вмещает в себя всю глубину и алогичность материальных стихий и даже их-то, главным образом, в этой форме и символизирует. Она — «чистая» (Aesch. Agam. 135), но она уже и «всегда неукротимая» (Soph. El. 1239); она — вольная жизнь прекрасно оформленных природных стихий леса, гор, воды, ущелий, садов, полей и т. д. Она знает *самые последние темные глубины*; и это надо всегда помнить, потому что иначе она не будет именно материальным женским началом. Но это женское начало — в пределах самой же формы, в пределах яркого и отчетливого аполлонийского оформления (а не вне его, как Афродита или Дионис), и потому Артемида — чистая, всегда и принципиально безбрачная, стройная, изящная и наивная дева. Вот почему в ней отождествляется нежизненно-юная наивность и беспечность с глубиной и тьмой инфернальных свершений.

Теперь нам понятно, почему, например, она так склонна к *перевоплощению в те или иные ипостаси*.

Такими ипостасями Артемиды в Аркадии были Каллисто и Аталанта. Миф о Каллисто, спутнице Артемиды и медведице, имевшей от Зевса сына Аркада, родоначальника аркадян, превращенной в Большую Медведицу, связывается еще с Гесиодом (§ 10 a). Представлялось, что Зевс превратился в Артемиду для соединения с Каллисто. По аркадской традиции наказание Каллисто иное: ее убивает Артемида (<изображение> на монетах и § 10 e; ср. указание на ее могилу, § 10 f). По третьей версии, вместо гнева Зевса фигурирует ревность Геры (§ 10 d, g). Объединение этой версии и аркадской — у Каллимаха (§ 22). По Аполлодору, Зевс сам превращает Каллисто для избежания ревности Геры (§ 10 e). Интересное объяснение у Гигина (§ 10 g), почему не заходит Большая Медведица (просьба Геры к своей воспитательнице Тефии о недопущении Медведицы в Океан). Наконец, из Овидия (§ 11 a, b) — легко анализируемая контаминация всех этих мотивов (собранных в § 10 d—h). Первоначальное тождество Артемиды и Каллисто можно считать почти достоверным.

С образом аркадской медведицы встречаемся мы и в мифе об *Аталанте*, т. е. об Артемиде в образе горной нимфы. Именно, эта Аталанта была вскормлена аркадской медведицей и стала быстроногой охотницей, после того как ее выбросил ее отец (Иас, Иасий, Иасион), сын Ликурга Тегейского, потомка Аркада, супруг Климены, дочери Миния (§ 12 a, b); а по беотийской традиции отец ее — Схойнунт (Схойней), сын Афаманта и Фемистоны (Apollod. I 8, 2; I 9, 16). Аталанта — гордая и холодная красавица, известная своим участием в Калидонской охоте (§ 12 d) и в походе аргонавтов (Diod. IV 4, XLI 2, XLVIII 5; Apollod. I 9, 16), убийством своих женихов (§ 12 a, b) и выходом замуж за Меланиона, от которого у нее сын Парфенопей (считавшийся, впрочем, сыном и Ареса, и Мелеагра, и Талая). Отделение Каллисто и Аталанты от Артемиды объясняют тенденцией у позднейших авторов сохранить нетронутым девство

Артемиды, после того как в ее образе стали накопляться черты, прямо этому противоположные.

Артемида-Каллисто, Артемида-Аталанта и Артемида-Гегемона (§ 16 g, h) — примеры, между прочим, особенно глубокой и выразительной аркадской мифологии Артемиды, где эта богиня свободной и привольной жизни природы почиталась особенно интенсивно.

В лаконско-мессенской мифологии мы имеем горную нимфу Тайгету, которая родила от Зевса Лакедемона, — аналог аркадской Каллисто, т. е. с аналогичным же отношением к Артемиде (Тайгета — дочь Атланта, а по Еврипиду, § 10 h, — дочь Меропа). Перевоплощением Артемиды следует считать тех гиперборейских девушек, о которых подробно рассказывает Геродот (§ 14 b), Опис (Опиду, или Воззрительницу Упис) и Аргу, или у позднейших — Гекаэргу (Далекоразящую). К ним Schol. Call. Hymn. III 204 прибавляет еще Локсо (женский род к «Локсию»; см. введение к «Аполлону»). При этом Геродот различает гиперборейских девушек Лаодику и Гипероху, доставивших священные дары от гипербореев и поместившихся влево от входа в Артемисий, от Опис и Арги, пришедших с Аполлоном и Артемидой на Делос и место которых было за Артемисием.

Артемида Эфесская

Ипостасью Артемиды является Ифигения, которая, по более поздней, еврипидовской версии, похитила вместе с своим братом Орестом кумир Артемиды Таврической, чтобы доставить его в Грецию и тем освободить Ореста от безумия, насланного на него после убийства им своей матери (§ 15 b—i с параллельным эпизодом в § 15 j). По Paus. II 35, 1, Артемида в Гермионе прямо называлась Ифигенией. Вероятно, впоследствии произошла дифференциация на Артемиду и на Ифигению, причем последняя сначала была приносимой в жертву (известный эпизод о принесении в жертву Агамемноном своей дочери Ифигении по требованию Артемиды ради успеха в Троянском походе), потом стала сама приносящей жертвы жрицей.

Далее, весьма понятным делается в свете предложенного выше дуалистического принципа и вообще та *пестрая смесь свободно-стихийной жизни природы в Артемиде с ее девической чистотой и наивностью*, находимая нами в многочисленных Артемидах в Греции. Так, к упомянутой выше Тайгете прибавим еще ряд лаконских Артемид: Кариатиду (§ 16 a; есть известие о связи ее с Дионисом — Serv. Verg. Ecl. VIII 30), Корифалию (Polemon ap. Athen. IV 139 b), Дерреатиду (на Тайгете, известную своим прекрасным пением; ср. Paus. III 20, 7), Лимнатиду (в местности

Лимны, § 16 c, d), Кнагию (§ 16 e), Орфию, Лигодесму (с особым мифом об ее изображении) и др. Артемида Орфия (Прямая, Прямостоящая) была известна также в Аркадии, Аргосе, Эпидавре, Элиде, Мегаре и Византии; и этот образ определенно тяготеет к эпохе человеческих жертвоприношений. В Элиде был известен миф и культ Артемиды Алфеи или Алфионеи; здесь она — возлюбленная речного бога Алфея (§ 17 a). Ср. об общем алтаре Артемиде и Алфею в Олимпии (Paus. V 14, 6). Этолия — тоже излюбленное место Артемиды, особенно Калидон; здесь она почиталась вместе с своим братом как Лафрия (стяжательница добычи, § 15 m). Важны Артемида Амаринтия на Евбее (§ 17 c), Артемида в Беотии, связанная с знаменитым авлидским эпизодом Троянского похода (§ 17 d), Артемида аттическая (ср. § 18 a, b) и ее почитание на празднике Элафеболий жертвой в 500 коз в память Марафонской битвы и почитание пирогами в месяце мунихионе (апреле), а также культ Артемиды Тавриполы в Бравроне в связи с мифом о перенесении ее культа (§ 15 i; также см. и прочее в § 15). Из огромного количества эпитетов или наименований богини (а значит, и соответствующих мифов) еще укажем на Артемиду Евклею (добрая слава, § 18 c), Бритомартис (прекрасная дева, § 19 c, d) и Диктинну (вероятно, от dictyon — сеть, § 19 b, c, d), Ортигию (Phanodem. ap. Athen. X 392 d: «Остров Делос древними назывался Ортигией»), Агротеру (любительница охоты, ср. § 18 b), Ликию (светлая), Деспойну (владычица), Дельфинию, Дафнию и пр.

Однако еще определеннее выступает темная сторона Артемиды в ее очень странных на первый взгляд и очень близких отношениях к страшной подземной *Гекате*, о которой мы можем читать хотя бы у Hes. Theog. 411—452. Артемида часто просто так и называется «Геката» (§ 1 e, I и в надписях), в то время как за Аполлоном осталось тоже нередкое культовое имя «Гекат». Отбрасывая трудный вопрос о полном тождестве Артемиды с Гекатой (его особенно выдвигали представители старой, солярно-метеорологической школы, отождествляя обеих богинь как божества Луны), мы должны все же подчеркнуть их несомненную огромную близость. Геката не только страшная ведьма, но она и постоянная помощница людям — во время родов, на войне, на охоте, в торговле. Если по Hes. Theog. 409 Геката — единородная дочь Астерия и сестра Лето и титана Перса, то в Элевсине — она дочь Деметры («Деметра», § 13), а об Артемиде тоже есть известие, что она дочь Деметры (§ 1 o) и даже дочь Евбулея (или Аида, § 1 p; об этом Евбулее — Cornut. 35 и Hesych.) и Геката и Артемида — божества ворот, входов, выходов и вообще путей (Артемида Пропилея в Элевсине у Paus. I 38, 6, Артемида Прототропия в Эфесе у Paus. X 38, 6, Артемида Путевая в Фессалии, Артемида и Геката Путевые в Немее, Артемида Благополучного Пути на Родосе и мн. др.). У Aesch. frg. 373 «владычица Геката» — «преддверие царских палат»; есть специальный орфический гимн Артемиде Профирее (преддвернице, § 23 f). Геката считалась хранительницей входа в афинские Пропилеи с юга, где она имела культ вместе с Гермесом и Харитами и считалась прислужницей соседней бравронской Артемиды (Paus. II 30, 2 и надписи). «Трехвидна» и «трехдорожна» (Trioditis) и Геката (Steph. B. Triodus) и Артемида (Macr. Sat. I 9, 7: «Артемиде же они приписывают власть как Тривии-Трехдорожнице всех дорог»). Ср. объяснения к этому у Корнута (§ 21).

Тяготение образа Артемиды к разного рода темным силам, отчасти иноземного происхождения, мы видим также на отношениях Артемиды к фракийской лунной богине Бендис, культ которой в V в. уже был достаточно популярен и которая в Пирее даже имела свой храм (Xen. Hell. II 4, 11) недалеко от Артемиды Мунихии и празднество с факельным бегом (ср. § 20 a, b), к лемносской богине Хрисе, к таврической *Парфенос* и др.

Артемида. Фрагмент росписи краснофигурной амфоры «мастера Андокида»

Наконец, Артемида становится настоящей *оргиастической* богиней в образе Артемиды *Эфесской* с ее знаменитым храмом, объединявшим религиозную жизнь огромного количества полугреческих, полуазиатских ионийцев. Говорили об основании этого храма Амазонками (или местными героями, § 20 c—e). Он поражал своим великолепием, ритуалом, персоналом жрецов и популярностью; это — одно из семи чудес античного мира. Тут же справлялся и величайший праздник под названием «Артемисии», или «Эфесии», или (позже) «Ойкуменика» (вселенские праздники). Действительно, никому не известному Герострату Эфесскому стоило сжечь этот храм в целях получения мировой славы; и хотя он претерпел мучительную смерть и ионийские города постановили предать его имя забвению, оно все же сохранилось в потомстве (A. Gell. II 6; Val. Max. VIII 14). Говорили, что пожар случился в момент рождения Александра Македонского, который впоследствии восстановил храм и сделал его еще замечательнее первого. О популярности этого храма можно судить по известному эпизоду из «Деяний апостолов» (XIX 23 — XX 1): местные мастера серебряных изделий храма Артемиды Эфесской серьезно забоялись за судьбу своих доходов после проповеди Павла, так что последнему пришлось оттуда удалиться (впрочем, не без успеха для своей проповеди). Артемида Эфесская уже не есть та стройная и изящная дева, как мы знаем ее обычно. Это — полногрудая женщина, причем грудей этих у нее очень много и они занимают почти всю переднюю часть ее тела (как это можно видеть на одной неаполитанской алебастровой статуэтке). Правда, аполлонийская «идеальность» и здесь проглядывает для внимательного взора: Артемида здесь не столько родящая мать, сколько именно питающая и взращивающая. Из Эфеса культ и образ Артемиды Эфесской распространился во многие места Греции (Аркадия, Мессены) и даже до Мессалии (§ 20 i; ср., напр., построение храма Артемиды Эфесской Ксенофонтом в Скилунте, § 20 j), по Малой Азии, где мы находим ее храмы, напр., в местечке Левкофрис около Эфеса, в Магнесии на Меандре (Strab. XIV 1, 40), около Сард и Гигейского озера или Колои (§ 18 d), в Кастабалах (§ 15 h) и Комане (§ 15 i, где некоторые мыслили даже привезенный Орестом таврический идол) и во многих других местах. Изучение Страбона дает в этом отношении обильный материал. Об этом типе Артемиды лучше все-

го выразился Тимофей Милетский, известный дифирамбист V—IV вв. до н. э. (§ 20 k).

О. Группе отмечает, что никакое другое божество не пережило такой художественной эволюции, как Артемида. Вначале, в седой древности, она — какой-то темный демон, чуть ли даже не демон разных тяжелых болезней и сама — эти тяжелые болезни. Но постепенно она выросла в ту прекрасную, хотя и холодную деву, какой ее знало классическое искусство, вплоть до отождествления ее с богиней счастливой судьбы (§ 13 g). Мы же, однако, должны улавливать общее, что есть во всей этой интереснейшей эволюции. Она — вольная, наивная и прозрачная жизнь природы, ничуть не более жестокая, чем жестока сама природа. Она — свежее и юное растение, хотя бы какой-нибудь кедр (ср. Артемиду Кедреатис у Paus. VIII 13, 2); она — и богиня Луны, т. е., в конце концов, и сама Луна (ср. § 21); она — и дикое, свободное животное, и не только лань или медведица, но и рыба (ср. Артемиду с рыбьим хвостом в § 16 i). И если она уничтожила своего нескромного созерцателя Актеона (§ 7, 8), то зато она не губит своих истинных поклонников, как она не погубила, а даже воскресила целомудренного и холодного Ипполита, погибшего из-за этого самого целомудрия и из-за своей чрезмерной близости к мироощущению Артемиды (§ 9). Без своих темных глубин она ничем не отличалась бы от своего брата с его аполлонийским оформлением.

Диана — римский коррелят Артемиды — обладала приблизительно теми же функциями, а потом и прямо отождествлялась с ней. Она была богиней Луны, вроде Гекаты; она была богиней охоты, родов; она далеко не чуждалась оргиастических элементов и требовала кое-где человеческих жертвоприношений. Между прочим, Диана считалась покровительницей плебеев и рабов.

A. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

ЖИЗНЬ СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ

1. a) Od. VI 102—109 (Жизнь в горах и лесах)

Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
С нею прекрасные дочери Зевса эгидодержавца
Бегают, Нимфы полей, — и любуется ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа;
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.

b) Max. Tyr. 40, 2 Hobein (Артемида-охотник)

Ты читаешь его [Гомера] рассказ о хоре охотниц, Нимфах, резвящихся на горах под водительством Артемиды. «Всех превышает она головой, и легко между ними, — говорит он, — сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа» [Od. VI 107, 108]. Неужели ты будешь смеяться над Гомером, который по красоте предпочел Артемиду Нимфам?

c) Alcm., frg. 32 PLG

Очень привязана к охоте за зверями.

d) Eur. Hipp. 145—150 (Хор — к Федре)

Мнится, верней: Артемиду,
Лова владычицу, жертвой
Ты обошла нерадиво:
Властвует над побережьем,
И над пучинами моря,
И над землею она.

e) Aesch. Suppl. 676 (прозаич. пер.)

Артемида же Геката пусть смотрит за ложем жен.

f) Strab. V 1, 9

Диана

Тут же [у венетов] есть две рощи, одна посвящена аргивской Гере, а другая — этолийской Артемиде. К этому, по обыкновению, присочиняют, что в рощах дикие звери живут мирно между собою, олени в одних стадах с волками, что они дозволяют людям подходить к ним и трогать их и что, наконец, преследуемое собаками животное, забежавшее в эти места, больше не преследуется. Рассказывают также очень известный следующий случай: один из жителей, охотник до поручительств и за то подвергавшийся насмешкам, встретился однажды с охотниками, державшими в сетях волка; когда в шутку они сказали, что если он поручится за волка и вознаградит причиненный им вред, то они выпустят волка из сети, тот согласился. Выпущенный на свободу волк погнал большое количество непомеченных лошадей в конюшню поручителя. Получивши от волка такую благодарность, поручитель выжег на лошадях, отличавшихся больше быстротою, чем красотою, знак волка и назвал их носителями волка. Получившие этих лошадей в наследство сохранили и выжженный знак на них, и название породы лошадей и, кроме того, постановили не продавать кобылиц, чтобы у них одних оставалась чистая порода. И действительно, здешнее верховое искусство вошло в славу; теперь, как мы сказали, оно совершенно не существует.

g) Strab. XIV 1, 29

За Колофоном существует гора Коракий и маленький остров, посвященный Артемиде; сюда, как полагают, переплывают самки оленей для родов.

h) Eur. Hipp. 228—231 (Слова Федры)

Артемида, царица приморских равнин,
Где от конского бега поляны гремят!
О, прими и меня в твое царство и дай
Управлять четвернею венетских коней!

i) Aesch. Ag. 140—143 (Артемида и роженицы)

Деве пречистой, тошны Артемиде
Отца крылатые собаки,
Мать растерзавшие с плодом, еще не рожденным.
Ей ненавистен пир орлов.

j) Eur. Hipp. 165—169

Дева небесная,
Радость роженицам,
Свет Артемида!
Ныне и присно сияет нам милость твоя
Между блаженных.

k) Soph. O. R. 205 слл. (Артемида на войне)

См. «Аполлон», § 9 с.

l) Eur. Phoen. 108—110

О богиня! О дочь Латоны! О святая Геката!
Сколько меди там, ярко блестящей,
Словно молнии в поле блещут.

m) Eur. Hipp. 58—87 (Богиня целомудренного Ипполита)

Ипполит

О, восславьте гимном, други,
Дочь небесную Зевеса,
Артемиду, нашу радость!

Хор охотников (к статуе)

Дева владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латоны нет
В мире прекраснее.
О Артемида, нам
Нет и милей тебя:
В златом украшенных
Залах отца богов
Сколько чарующих,
Сколько небесных дев!
Ты между них одна
Девственно чистая;
Солнца отраднее
Ты, Артемида, нам.

Ипполит (приближаясь к статуе и окружая ее подножие своей большой гирляндой)

Прими венок, царица! В заповедном
Лугу, цветы срывая, для тебя
Я вил его... На этот луг не смеет
Гнать коз пастух, и нежных трав его
Коса не режет; только пчел весною
Кружится рой над ним, и Честь сама

Его поит речной воды росою,
Чтоб только тот, кто не в ученья муках,
А от природы чистоту обрел,
Его цветы срывал рукою вольной, —
Для душ порочных не цветут они.
Итак, прими, царица дорогая,
Твоих волос златистых украшенье
Из непорочных рук. Ведь я один
Тобой общенья чести удостоен:
С тобой меняюсь словом, твоему
Я внемлю гласу, хоть не вижу лика.
О, дай мне так же кончить жизнь мою!

См. сюда же § 9 a, b.

n) Cic. De nat. deor. III 23, 58 (О разных Артемидах)

Артемид также много. Первая — дочь Зевса и Персефоны; по преданию, она родила крылатого Купидона. Вторая известнее первой; она, как мы приняли, дочь Третьего Зевса[1] и Латоны. Отец третьей называется Упис[2], мать — Главка. Ее греки часто называют по отцовскому имени Упис.

О рождении от Зевса и Латоны см. «Зевс и Гера», § 7 a.

o) Herod. II 156 (Артемида — дочь Деметры в Египте)

Аполлона и Артемиду называют детьми Диониса и Исиды, а Латона была их кормилицей и спасительницей. Аполлон по-египетски называется Ором, Деметра — Исидою, Артемида — Бубастис. Из этого, а не из какого-либо другого рассказа Эсхил, сын Евфориона, позаимствовал то, о чем я скажу и в чем он был единственным из прежних поэтов, именно: представил Артемиду дочерью Деметры.

Ср. Paus. VIII 37, 6.

p) Hymn. Orph. LXXII 3 (Артемида — дочь Евбулея)

См. § 24 g.

q) Macrob. Sat. V 22, 1—5 (Опида-Артемида)

(1) Также Вергилий заимствует иногда имена из древнейших греческих сказаний. Вы знаете, что одна из спутниц Дианы называется у него Опидой. Невежественные люди обычно полагают, что это имя употреблено необдуманно или что оно даже выдумано поэтом, что коварный поэт захотел употребить в отношении спутницы Дианы то имя, которое древнегреческими писателями употребляется в отношении самой Дианы. (2) Но Вергилий говорит так:

Быструю в высших местах между тем побуждала Опиду,
Из сотоварок деву одну, и священное войско,
Испуская из собственных уст печальные крики
Дочь Латоны...

И — ниже:

Но немедленно Тривия страж, на высотах Опида...

Опиду он называет спутницей и сотоваркой Дианы. (3) Но выслушайте, откуда Вергилий взял это имя, давши, как я сказал, сотоварке богини

эпитет, вычитанный им о самой богине. (4) Именно, выдающийся поэт Александр Этол сообщает в книге под названием «Музы», с каким усердием старался эфесский народ заботиться о храме, посвященном Диане, предлагая награду тем из наиболее талантливых тогда поэтов, которые составляют различные песни в честь богини. В этих стихах Опида называлась уже не спутницей Дианы, но самой Дианой. (5) Как я сказал, он говорит:

Но, разузнав хорошо, что у греков мастером пенья
Был Тимофей, знаток песен и лирной игры,
Сын знаменитый Ферсандра, его оценил он на деньги,
Давши святую тогда тысячу сигл золотых,
Чтобы Опиду воспел, метателя стрел быстроходных.
Ведь на Кенхрее[3] она в доме почетном живет.

И далее:

И богини Летоиды дел бесславных не пой ты.

r) Etym. M.

Oypis — от ее «воззрения» (opizesthei) на рожениц.

s) Strab. XIV 1, 6 (К этимологии имени Артемиды)

Действительно Аполлон — божество-исцелитель, равно как Артемида называется так оттого, что делает людей здоровыми и невредимыми (artemeas).

2. ***a) Od. IV 121 сл. (Сравнение с Артемидой прекрасных женщин, — сравнение Елены)***

К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.

b) Od. VI 150—152 (Одиссей сравнивает Навзикаю с Артемидой)

Если одна из богинь ты, владычиц, пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким.

c) Od. XVII 36—38 (Сравнение Пенелопы с Артемидой)

Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная.

d) Od. XX 71 сл. (Пленительность стана Артемиды, — о дочерях Пандарея)

...Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила.

e) Hymn. Hom. IV 16—20 (Девственность Артемиды)

Также не в силах Киприда улыбколюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.

3. ***a) Il. XXI 470—496 (Артемида на поле сражения)***

См. «Олимпийские боги», «Общее», § 5 b, и особенно ст. 489—496 о том, как Гера бьет Артемиду.

Аполлон и Артемида, убивающие детей Ниобы

b) IL. XIX 59—62 (Стрелы Артемиды, — слова Ахилла к Агамемнону о Хрисеиде)

О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс[4] разоривши,
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!

c) Od. XI 170—173 (То же, — Одиссей в Аиде спрашивает свою мать)

Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей Смерти была предана ты?
Медленно ль, тяжким недугом? иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?

d) Od. XI 321—325 (То же, — об Ариадне)

...явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тезей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью: убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дии.

e) Od. XV 409

См. «Аполлон», § 9 h.

f) Od. XVIII 201—205 (То же, — слова Пенелопы)

Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала

Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеян славнейший.

g) IL. VI 203—205

Сына Исандра ему Эниалий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.

h) IL. XXIV 605—606 (Убиение детей Ниобы)

См. «Аполлон», § 9 I.

i) IL. IX 529—549 (Артемида — причина войны этолян и куретов)

Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный;
Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида богиня воздвигла
В гневе своем, что Иней[5] с плодоносного сада начатков
Ей не принес, а бессмертных других насладил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, Громовержца великого дщери:
Он не радел иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное Божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.
Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами.
Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
Этаков был! на костер печальный многих послал он.
Феба о нем воспалила жестокую, шумную распрю,
Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.

j) Paus. VIII 47, 6 (Хроний и Аристомилид)

А относительно Артемиды Проводительницы рассказывают вот что. В аркадском Орхомене был тиран Аристомилид. Полюбив одну тегейскую девушку и овладев ею каким-то образом, он поручил стеречь ее Хронию, но, прежде чем ее привели к тирану, она от страха и стыда умертвила себя. Тогда Артемида явилась Хронию и подняла его на Аристомилида; и он убил Аристомилида, бежал в Тегею и там создал храм Артемиде.

k) Od. VII 324—326 (Артемида и Титий, — критский царь Радамант посещает Тития, сына Земли, на Евбее)

Тития, сына Земли, посетил он, — и сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Евбеи доплыв и назад возвратившись.

l) Strab. IX 3, 6 (Титий — тиран Фокиды)

...Прибывши в Панопеи, Аполлон умертвил Тития, господствовавшего в этой области, человека, известного насилиями и беззаконием.

m) Od. XI 576—581 (Другой момент в мифе о Титии, — оскорбление Лето)

Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он оскорбил на лугу Панопейском.

Ср. Nonn. II 307 сл. — «Теогония и Космогония», «Система», § 59, также IV 331 слл.; XLVIII 395 сл., 418.

Артемида. Роспись вазы

n) Hyg. Fab. 55

После того как Латона вступила в связь с Юпитером, Юнона повелела Титию, сыну Земли, обладавшему огромными размерами, совершить насилие над Латоной. Когда он попробовал это сделать, Юпитер убил его молнией. Говорят, что тот лежит в подземном мире на пространстве девяти югеров и что ему послан змей, который выедает его печень, растущую вместе с Луной.

o) Apollod. I 4, 1

Немного времени спустя он [Аполлон] убил и Тития, который был сыном Зевса и дочери Орхомена Элары. Зевс, после брачного соединения с ней побоявшись Геры, скрыл ее под землей и зачатого ею сына Тития вывел на свет, сделав его необычайно большим. Вот этот самый Титий увидел Лето, когда она шла в Пифо, и, охваченный страстью, пытался ею овладеть. Но она призвала к себе на помощь детей, и они застрелили его из луков. Он подвергается наказанию и после смерти: коршуны едят его сердце в Аиде.

p) Verg. Aen. VI 595—600 (Титий в Тартаре)

Точно и Тития также, Земли всеродящей питомца,
Видела я, что на целых девять югеров тело
Распростиралось и коршун громадный загнутым клювом
Печень бессмертную рвал и для мук плодородную вечно
Внутренность, яств добывая и жизнь проводя под высокой
Грудью, — и ввек не давался покой возрождаемой плоти.

r) Culex 238

Титий, что помнит со страхом о гневе твоем, о Латона
(Гневе жестоком уж очень), лежит для коршуна пищей.

s) Hor. Carm. III 4, 77 сл.

И вечно печень Тития наглого
Орел терзает, — стражем приставлен он
К бесстыдству.

t) Paus. III 18, 15 (Изображение Артемиды на троне Аполлона Амиклейского)

...Аполлон с Артемидой поражают стрелами Тития...

u) Paus. V 11, 1 (Из приношений в Дельфы)

...Лето и Аполлон с Артемидой, стреляющие в Тития. Последний уже ранен.

Ср. Paus. X 4, 1. 2. 5

4. a) IL. V 447 сл. (Целительные функции Артемиды)

См. «Аполлон», § 8 d.

b) IL. V 49—58 (Артемида опекает Строфида, хотя и не до конца)

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:
Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал —
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

c) Diod. V 73 (Детопитательница)

Говорят, что Артемида изобрела уход за младенцами и определенную пищу, приспособленную к природе детей. По этой причине ее и называют Детопитательницей.

d) Plut. Qu. conv. 659 a (Родильная)

...На этом основании Артемиду зовут Родильной (locheian) и Илифией.

Ср. Anthol. Pal. VI 242, 271—273 и Aesch. Suppl. 676 (§ 1 e).

e) Paus. I 40, 2—3 (Артемида Спасительница, — в Аттике)

(2) Недалеко от этого водоема [в Мегариде] есть древний храм. В наше время в нем стояли статуи римских императоров и медное изображение Артемиды, называемой Спасительницей. Говорят, что отряд из войска Мардония, сделав набег на Мегариду, хотел опять вернуться в Фивы к Мардонию, но по воле Артемиды, когда они шли, их захватила ночь, они сбились с дороги и попали в гористую местность. Когда они попытались узнать, нет ли поблизости неприятельского войска, и для этого стали пускать стрелы, то ближайшая скала, пораженная ими, издала стон, а они вновь стали стрелять с еще большим рвением. (3) В конце концов они истратили все свои стрелы, полагая, что они стреляли во врагов. Наступил день, и появились мегарцы; они, тяжеловооруженные, сражаясь с безоружными и даже не имеющими достаточно стрел, перебили многих из них. За это они воздвигли статую Спасительнице Артемиде.

Paus. I 44, 4 (В Пагах)

В Пагах оставалось (и до нашего времени) заслуживающее осмотра медное изображение Артемиды Спасительницы [Soteira], одинаковое по величине и по виду ничем не отличающееся от того, какое есть у мегарцев.

Paus. II 31, 1 (В Трезене)

На площади Трезена находится храм и статуя Артемиды Спасительницы. Говорят, что его соорудил Тесей и назвал ее Спасительницей, когда он, победив Астериона, сына Миноса, вернулся с Крита.

Paus. III 22, 12 (В Лаконике)

Выселенные из этих городов стали искать, где им нужно поселиться. И им было от бога пророчество, что Артемида укажет, где им придется поселиться. Когда они вышли на землю, то перед ними явился заяц, и этого зайца они сочли себе путеводителем; когда он скрылся в миртовом кусту, то они основали там город, где был миртовый куст; и до сих пор они почитают это миртовое дерево, а Артемиду называют Спасительницей.

Paus. VII 27, 3 (В ахейской Пеллене)

Над этим святилищем Афины идет окруженная стеной роща Артемиды Сотейры, клятва которою считается величайшей. Кроме жрецов, вход туда всем запрещен, а жрецами избирают самых знатных местных жителей.

Paus. VIII 39, 5 (В аркадской Фигалии)

Там есть храм Артемиды Спасительницы с мраморной статуей стоящей богини. Из этого храма у них принято совершать торжественные шествия.

Paus. VIII 30, 10 (В Мегалополе)

Перед восседающим на троне Зевсом [в храме Зевса Спасителя] предстоят: с одной стороны — Мегалополь, а с <другой,> левой — статуя Артемиды Спасительницы, произведения из пентелийского мрамора афинских художников Кефисодота и Ксенофонта.

Ср. Anthol. Pal. VI 267.

5. ***a) Paus. II 7, 1—8 (Артемида с Аполлоном после убиения Пифона)***

По пути на площадь есть храм богини Убеждения, тоже без статуи. Это поклонение богине Убеждения установлено, как говорит легенда, по следующему случаю. Убивши Пифона, Аполлон и Артемида прибыли в Эгиалею, чтобы получить очищение. Тут у них появилось чувство страха, — это место и теперь называется «Ужасом»; тогда они направились в Крит к Карманору, жителей же Эгиалеи поразила болезнь, и прорицатели велели им умилостивить Аполлона и Артемиду. И вот они послали с молениями семь юношей и семь девушек к реке Сифе; (8) и говорят, что боги, убежденные ими, прибыли на акрополь, и то место, куда они первый раз вступили, и есть место храма богини Убеждения.

b) Apollod. I 6, 2. 5 (Участие в гигантомахии)

См. «Теогония и космогония», «Система», § 54 а.

c) Paus. VIII 53, 1—3 (Леймон)

Есть еще в Тегее храм Аполлона Агиея, поставленный, как говорят тегейцы, по следующему поводу. Когда Аполлон и Артемида ходили по земле и наказывали всех, кто не принимал Лето, когда она носила их в утробе, то пришли и в Тегею, и здесь их принял Тегеат. Скефр, сын Тегеата, подошел к Аполлону и стал вести с ним тайную беседу; но другой сын Тегеата, Леймон, подозревая, что Скефр против него что-то замышляет, напал на брата и убил, за что тут же и сам был наказан стрелой Артеми-

ды. Хотя Тегеат и Мера принесли Аполлону и Артемиде жертву, но через несколько времени в Тегее последовало бесплодие, и затем пришел ответ из Дельф: «плакать по Скефре». Поэтому на празднике Аполлона Агиея, сверх всего установленного в честь Скефру, жрица Артемиды бегает за кем-нибудь, как будто Артемида за Леймоном.

d) Paus. VIII 27, 17 (Буфаг)

Итак, как я сказал, границу мегалополитов и ирейцев составляют истоки речки Буфага. Это название произошло от героя Буфага, сына Иапета и Форнаки, по имени которой и в Лаконике есть местность Форнака. А этот Буфаг, по преданию, был застрелен Артемидою на горе Фолое за кощунство против богини.

ОРИОН, АКТЕОН, ИППОЛИТ

6. *a) Od. V 121—124 (История с Орионом у Гомера, — беспричинное убийство Артемидою Ориона, исполина и красавца, сына Земли и Посейдона)*

Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали до тех пор, пока златотронныя он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был застрелен.

b) Apollod. I 4, 3—4 (Орион и мотивировка его убийства от стрел Артемиды)

Ориона убила Артемида на Делосе. Он был, как говорят, сыном Геи и был необычайно велик ростом. Но Ферекид [FGrH] говорит, что он был сыном Посейдона и Евриалы. Посейдон даровал ему способность переходить через море. Орион женился сначала на Сиде; но ее он низверг в Аид, когда она поспорила из-за красоты с Герой. Потом, придя на Хиос, он посватался за Меропу, дочь Энопиона. Но Энопион, напоив его допьяна, ослепил его и бросил у берега. Он же, придя к кузнице Гефеста, схватил одного мальчика и, посадив его к себе на плечо, велел ему указывать путь на Восток. А придя туда, он прозрел, исцеленный лучом Солнца, и сейчас же после этого поспешил против Энопиона. Но последнему Посейдон уготовал дом, построенный Гефестом под землей, а в Ориона влюбилась Эос. Она похитила его и принесла на Делос. Афродита возбудила в ней непрестанную любовь за то, что она сочеталась на ложе любви с Аресом. Орион, как некоторые говорили, был убит за то, что вызвал Артемиду на состязание в метании диска [в стрельбе из лука?], а по словам других, был застрелен из лука Артемидой за то, что пытался учинить насилие над Опидой, одной из дев, прибывших из страны гипербореев.

c) Hyg. Fab. 195 (Варианты происхождения Ориона)

К царю Гириею во Фракию пришли в гости Иовис, Нептун и Меркурий. После того как они были гостеприимно им приняты, они пообещали ему исполнить всякое его желание, чего бы он ни попросил. Тот хотел иметь детей. Меркурий взял шкуру того быка, которого сам Гирией принес им в жертву. Боги в нее помочились и зарыли ее в землю. Отсюда родился Орион. Так как он хотел осквернить Диану, то он был ею убит. Впослед-

ствии Юпитер поместил его в число звезд. Это созвездие называют Орионом.

Артемида

d) Ps.-Erat. Catast. 32 (Орион и Скорпион)

Про него [Ориона] Гесиод [frg. 15 EGF] говорит, что он был сыном Евриалы, дочери Миноса, и Посейдона и что ему в дар дано было ходить по волнам как по земле. Когда он пришел на Хиос, он в состоянии опьянения изнасиловал Меропу, дочь Энопиона. Но Энопион, узнав об этом, в негодовании от такого оскорбления ослепил его и изгнал из страны. Когда он во время своих скитаний пришел на Лемнос, он познакомился с Гефестом, и тот, сжалившись над ним, дал ему своего раба Кедалиона в провожатые. Орион, взяв его к себе на плечи, носил его, и тот указывал ему дорогу. Придя затем на Восток и встретившись с Гелиосом, он был им исцелен и после этого снова пришел к Энопиону с тем, чтобы ему отомстить. Но того граждане укрыли под землю. Тогда, потеряв надежду на его отыскание, он ушел на Крит и там стал заниматься охотой со сворами псов. В это время там находились Артемида и Латона. По-видимому, он пригрозил убить всякое животное, какое только родится на земле. Тогда Гея, разгневавшись на него, произвела на свет необыкновенно большого Скорпиона. Пораженный его жалом, Орион и погиб. Оттого-то за его мужество и поместил его Зевс среди звезд по просьбе Артемиды и Латоны, а равно и того зверя на память об этом деянии. Другие, наоборот, говорят, что когда Орион сделался взрослым, он влюбился в Артемиду, а та произвела против него скорпиона, и он, пораженный им, умер; боги же, сжалившись над ним, превратили в звезды на небе его и это животное, в память об этом деянии.

e) Hyg. Astr. II 26

Этот Скорпион ввиду размеров своих членов делится на <два> изображения, одно из которых наши называют Весами. Вообще все это изображение возникло по следующей причине. Занимаясь охотой и будучи убежденным, что он в этом деле наибольший мастер, Орион сказал Диане и Латоне, что он может убить все, что происходит от Земли. Вследствие этого Земля, придя в колебание, выслала Скорпиона, получившего предписание убить Ориона. Юпитер же, удивляясь мужеству того и другого, поместил Скорпиона среди звезд, чтобы его вид был для людей свидетельством недопустимости надежды на себя в том или другом виде. Диана же, вследствие склонности Ориона к охоте, выпросила Юпитера предоставить ему тот же дар, который он добровольно предоставил Земле. Поэтому было установлено, чтобы Орион заходил, когда Скорпион восходит.

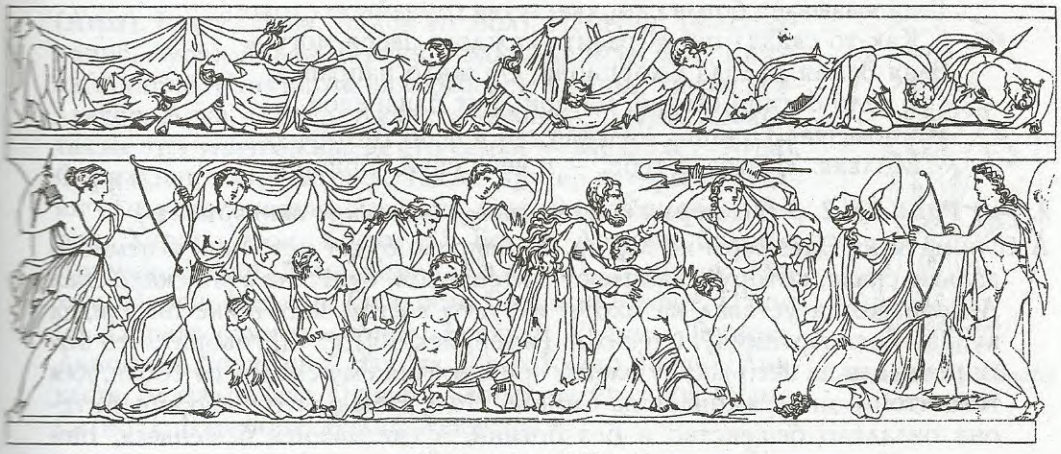
f) Hyg. Astr. II 34 (Другие варианты мифа об Орионе)

Гесиод называет Ориона сыном Нептуна от Евриалы, дочери Миноса. Ему было предоставлено ходить по волнам как по земле, подобно тому как,

говорят, и Ификлу [сыну Филака фессалийского, отцу Протесилая] было дано ходить по колосьям и не ломать их. Аристомах же утверждает, что в Фивах был некий Гирией [по Пиндару же, на острове Хиосе], что он просил у Юпитера и Меркурия, принятых им в качестве гостей, чтобы у него родились какие-нибудь дети. Чтобы легче достигнуть просимого, Гирией заколол им быка и предложил его в качестве угощения, и когда он это сделал, Юпитер и Меркурий потребовали содрать кожу с быка, наполнили эту кожу мочой и велели положить под землю. Из нее впоследствии родился мальчик, которого Гирией назвал по событию Урионом [urina — моча], а в результате давности и привычки произошло, что его стали называть Орионом. По преданию, он прибыл из Фив на Хиос и овладел дочерью Энопиона Меропой, воспылавши к ней страстью благодаря вину. За это он был Энопионом ослеплен; и, будучи удален с острова, он, как полагают, прибыл на Лемнос к Вулкану и получил от него некоего проводника по имени Кедалион. Неся его, как говорят, на своей шее, он прибыл к Солнцу и был им исцелен, а для того, чтобы за себя отомстить, он вернулся на Хиос. В это время Энопион находился в подземелье под охраной своих граждан. Потерявши надежду на то, что он сможет увидеть Энопиона, Орион пришел на остров Крит и начал там заниматься охотой вместе с Дианой. Тут он и дал ей то заверение, о котором мы говорили выше [II 26], и таким образом достиг звезд. Некоторые же рассказывают, что Орион жил вместе с Энопионом в тесной дружбе, что он хотел доказать ему свое искусство в охоте, и что дал заверение Диане, как сказано выше, и что, наконец, был убит. Другие же говорят вместе с Каллимахом, что, когда он хотел применить насилие к Диане, он был застрелен ею стрелами и был превращен в звезду вследствие вполне схожего с нею его пристрастия к охоте. Истр же утверждает, что Орион был любим Дианой и что почти уже стали считать, что она выходит за него замуж. Но так как на это сильно сердился Аполлон и совсем не стеснялся в бранных выражениях, то, когда он вдали — только сам один — увидел голову плывущего Ориона, он заспорил с Дианой, что она не может попасть стрелой в то черное, что виднеется в море. Диана, хотевшая, чтобы ее считали величайшим мастером в этом деле, пустила стрелу и пронзила голову Ориона. Поэтому, когда волна выбросила убитого Ориона на берег и Диана тяжко скорбела, что она его убила, сопровождая его погибель обильными слезами, он, как полагают, оказался среди звезд. А то, что Диана сделала после его смерти, мы рассмотрим в рассказе о ней.

g) Ov. Fast. V 495—544

Как-то Юпитер и брат его, синего моря владыка,
Вместе с Меркурием раз путь совершали земной.
Время настало, когда возвращались усталые плуги,
Сытые овцы когда малых кормили ягнят.
Их увидал Гирией, небольшого участка хозяин,
Стоя у самой двери хаты убогой своей.
«Долог вам путь, — говорит, — темнота уже скоро настанет.
Для запоздалых гостей двери открыты мои».
За приглашеньем лицо озаряется тихой улыбкой.
Путников просит старик в хате его отдохнуть.



Смерть детей Ниобы

В хату заходят они с потолком, почерневшим от дыма.
В печке с вчерашнего дня чуть догорают дрова.
Став на колени, старик раздувает дыханием пламя,
Вносит кусочек сосны, чтобы лучинку зажечь.
Миски две ставит на печь: эта — с зеленью, та же — с бобами;
Обе под крышкой они сильно дымятся в печи.
Чтобы не ждали, вино им дрожащей рукой наливает;
Первую чашу вина бог получает морской.
Выпив вина, говорит: «По порядку пусть выпьет Юпитер!»
Слыша «Юпитер», старик, бледный от страха, дрожит.
Только приходит в себя, он быка уже пахаря режет,
Свежее мясо его жарит на сильном огне.
В кадке столетней берет он старинную влагу кувшином,
Что еще в юные дни мальчиком в бочку сливал.
Тотчас зеленый камыш накрывает простым покрывалом,
Низкие ложа его всех принимают гостей.
И начинается пир, разливается старая влага,
Пьется из чаши вино, буковый полон стакан.
Молвит Юпитер: «Старик! Все твои я исполню желанья!»
Голосом скромным ему так говорит Гирией:
«Я был когда-то женат и любил еще в юности ранней.
Спросишь, где ныне жена? Прах ее урна хранит.
Вами я клялся тогда умиравшей любимой супруге,
Что, потерявши ее, уж не женюсь никогда.
Свято я слово держу, но желанье имею иное, —
Чтобы без женщины я мог называться отцом».
Боги согласны... Вокруг все становятся кожи бычачьей.
Что было дальше, — о том стыд запрещает сказать.
Мокрую шкуру потом они свежей покрыли землею...
Месяцев девять прошло, сын появился на свет.
Сына того Гирией, как зачат он, назвал Урионом;
Первая буква потом древний утратила звук.
Юноша вырос... Его приняла в свою свиту Диана.
Был провожатым ее, стражем ее Орион.

Гнев вызывает богов самохвальства случайное слово;
Как-то сказал он: «Сразить каждого зверя могу!»
Злая Земля родила Скорпиона. Он жало направил
В тело богини святой, матери двух близнецов.
Но помешал Орион... Увлекла его в небо Латона,
Молвив: «Награда тебе, — в небе сияй, Орион!»

7. a) Paus. IX 2, 3 (История с Актеоном, — мелкие материалы)

А если идти на Элевферы из Мегар, то направо будет источник и немного дальше скала, которую называют Актеоновой, будто на этой скале спал Актеон, когда уставал на охоте, и будто в этом источнике он увидел купавшуюся Артемиду. Стесихор Гимерийский [frg. 58] говорит, что богиня надела на него шкуру оленя, приготовляя ему смерть от собак, для того чтобы он не женился на Семеле. Но я думаю, что собаками Актеона овладело бешенство и без богини, а сделавшись бешеными, они готовы были разорвать всякого, кого ни встречали.

b) Eur. Bacch. 337—340

Перед тобой несчастный Актеон:
Псы хищные, ты помнишь, растерзали
Его в лесу, когда он утверждал,
Что в ловле он искусней Артемиды.

c) Apollod. III 4, 4

У Автонои [дочери Кадма] и Аристея был сын Актеон. Воспитавшись у Хирона, он научился охоте и впоследствии был растерзан на Кифероне собственными собаками. Умер он, как утверждает Акусилай [FGrH], оттого, что на него разгневался Зевс из-за сватовства за Семелу; как утверждает большинство, оттого, что он увидел Артемиду во время купанья. При этом говорят, что богиня тотчас же превратила его видом в оленя и вселила бешенство в следовавших за ним пятьдесят собак. Они по незнанию и растерзали его. Когда же Актеон погиб, эти собаки ужасно выли, разыскивая своего господина. В розысках они прибежали, далее, к пещере Хирона, который соорудил для них изображение Актеона. Оно и утолило их тоску. [Далее следует очень дефектный текст каталога собак, который мы опускаем; ср. § 7 e и 8.]

d) Hyg. Fab. 180

Пастух Актеон, сын Аристея и Автонои, увидевши Артемиду во время купанья, захотел ее осквернить. Разгневавшись за это, Артемида сделала так, чтобы у него выросли из головы рога, и он был уничтожен собственными собаками.

e) Hyg. Fab. 181 (Перечисление 50 собак, растерзавших Актеона)

Когда утомленная долгой охотой Диана мылась в тенистой долине по названию Гаргафия[6] у источника Парфения, в то же место устремился ради освежения Актеон, внук Кадма, сын Аристея и Автонои, вместе с собаками, которых он вышколил для преследования диких животных, и наткнулся на зрелище богини. Чтобы он не мог ничего рассказывать, она превратила его в оленя. Так он был растерзан собственными собаками вместо оленя. Имена их следующие: самцы — Меламп, Ихнобат (Эхнобат), Памфаг, Доркей, Орибаз, Неброфон, Лелак, Ферон, Птерела

(Агра), Гилей, Напа, Ладон (Асбол), Пеменис, (Феродонапис, Аура), Лакон, Гарпия, Аэлло, Дромас, Фус, Канака, Киприй, Стикта, Лаброс (Аркас), Аргиод, Тигрис, Гилактор, Арка, Гарпал, Лициск, Меланей, Лахна, Левкон; также три уничтожившие его самки — Меланхет (Агра), Феридамант, Ореситроф. Также другие авторы передают следующие имена: Акамант, Сир, Эон, Стильбон, Аграй, Хароп, Этон, Коран [?], Борей, Дракон, Евдром, Дромий, Зефир, Ламп, Гемон, Киллопод, Гарпалик, Махим, Ихней, Меламп, Окидром, Боракс, Окифут, Пахит [?], Обрим; самки — Арго, Аретуза, Урания, Териопа, Диномаха, Диоксиппа, Эхиона, Горго, Килло, Гарпия, Линкеста, Леэна, Лакена, Окипета, Окидрома, Оксироя, Ориас, Саган [?], Терифона, Волат, Хедиетр.

Артемида у алтаря с ланью

8. Ov. Met. III 155—252 (Артемида и Актеон)

[*Артемида собирается брать ванну*]

Был там дол, что сосной и острым порос кипарисом,
Звался Гаргафией он, — подпоясанной роща Дианы;
В самой его глубине скрывалась лесная пещера, —
Не достиженье искусств, но в ней подражала искусству
Даром природа своим. Из туфов легких и пемзы,
Там находимой, она возвела этот свод прирожденный.
Справа рокочет ручей, неглубокий, с прозрачной водою,
Свежей травой окаймлен по пространным краям водоема.
Там-то богиня лесов, утомясь от охоты, обычно
Девичье тело свое поливала текучею влагой.
Только в пещеру пришла, одной отдала она нимфе —
Оруженосице — дрот и колчан со спущенным луком;
Руки другая из них подставила снятой одежде;
Две разували ее; а всех их искусней, Крокала,
Дочь Исмена-реки, волоса, что упали вдоль шеи,
Ей собирала узлом, — хоть сама волоса распустила.
Воду меж тем достают Нефела, Гиала, Ранида,
Псека, Фиала и льют в большие и емкие урны.
Стала себя поливать привычной Титания влагой

[*Актеон видит купающуюся Артемиду*]

Кадма же внук, между тем труды вполовину покончив,
Шагом бесцельным бредя по ему незнакомой дубраве,
В кущу богини пришел: так Судьбы его направляли.
Только вошел он под свод орошенной ручьями пещеры,
Нимфы, лишь их увидел мужчина — как были — нагими,
Бить себя начали в грудь и своим неожиданным воплем
Рощу наполнили всю и, кругом столпившись, Диану
Телом прикрыли своим. Однако же ростом богиня
Выше была, и меж них выступала по самые плечи;
Отсвет бывает какой у облака, если, ударив,
Солнце окрасит его, какой у Авроры румянец, —
Цвет лица у застигнутой был без одежды Дианы.

[*Реакция Артемиды*]

Но хоть и тесно кругом ее спутниц толпа обступала,
Боком, однако ж, она обратилась, назад отвернула
Лик; хотела свои схватить она быстрые стрелы,
Но почерпнула воды, что была под рукой, и мужское
Ею лицо обдала, и, кропя ему влагой возмездья
Кудри, добавила, так предрекая грядущее горе:
«Ныне рассказывай, как ты меня без покрова увидел,
Ежели сможешь о том рассказать!» И с этой угрозой
Мокрый украсила лоб рогами живого оленя,
Шею вширь раздала, ушей заострила верхушки,
Кисти в копыта ему превратила, а руки — в оленьи
Длинные ноги, всего ж покрыла пятнистою шерстью.
В нем возбудила и страх. Убегает герой Автоноин
И удивляется сам своему столь резвому бегу.
Только, однако ж, себя и рога в отраженье увидел,
«Горе мне!» — молвить хотел, но его не послушался голос.
Он застонал. Был голос как стон. Не его покатились
Слезы из глаз. Лишь одна оставалась душа его прежней!

[*Растерзание Актеона*]

Что ему делать? Домой возвратиться, под царскую кровлю?
Или скрываться в лесу? Там — стыд, тут — ужас помехой.
Он колебался, а псы увидали: Меламп поначалу,
Зоркий с ним Ихнобат знак первый подали лаем, —
Кносский пес Ихнобат и Меламп породы спартанской.
Тотчас бросаются все, быстрей, чем порывистый ветер;
Памфаг, за ним Орибаз и Доркей, из Аркадии трое,
С ними силач Неброфон, и лютый с Лалапою Терон,
Резвостью ценный Птерел и Агр, обонянием ценный,
Также свирепый Гилей, недавно пораненный вепрем,
Напа, от волка приплод; за стадами идущая следом
Пемена; Гарпия, двух детенышей рядом имея,
И сикионский Ладон, у которого втянуто брюхо,
Тигрид с Алкеей, Дромад, Канакея еще со Стиктеей,
И белоснежный Левкон и Асбол с черною шерстью,
И многосильный Лакон и Аэлл, что бегает быстро,
Фой и за ним Киприон с быстроногим братом Ликиском,
И посредине, на лбу отмеченный белою меткой,
Гарпал и с ним Меланей; косматая с ними Лахнея,
Также два пса, чья лаконянка — мать, отец же диктеец;
Лабр с Агриолом, потом с пронзительным лаем Гилактор, —
Долго других исчислять. До добычи жадная стая
Через утесы, скалы и камней недоступные глыбы,
Путь хоть и труден, пути хоть и нет, преследует зверя.
Он же бежит по местам, где сам преследовал часто,
Сам от своих же бежит прислужников! Крикнуть хотел он:
«Я Актеон! Своего признайте во мне господина!»
Выразить мысли — нет слов. Оглашается лаяньем воздух.
Первым из псов Меланхет спине его раны наносит,

Тотчас и Теридамад; висит на плече Ореситроф.
Позже пустились они, но дорогу себе сократили,
Горы пройдя напрямик. И пока господина держали,
Стая других собралась и в тело зубы вонзает.
Нет уже места для ран. Несчастный стонет, и если
Не человечий, то все же такой, что не свойствен оленю,
Крик издает и леса знакомые пенями полнит,
И, на колени склонясь, как будто моля о пощаде,
Молча вращает лицо, простирая как будто бы руки.
Спутники ж резвую рать возбуждают обычной затравкой,
Сути не зная; меж тем Актеона всё ищут глазами.
Словно там нету его, Актеона со рвением кличут.
Вот обернулся на зов, — но его же они попрекают,
Что, заленившись, глядеть не стал на поимку добычи.
Хочет отсутствовать он, но присутствует; хочет лишь видеть,
Но не испытывать сам злых подвигов собственной своры.
Вот уж обстали кругом и, мордами в тело вгрызаясь,
В клочья хозяина рвут под обманным обличьем оленя.
И лишь тогда, как и жизнь от множества ран прекратилась, —
Молвят, — насыщен был гнев колчан носящей Дианы.

9. a) Verg. Aen. VII 761—780 (Воскрешение Ипполита)

Об Ипполите, служителе Артемиды, см. § 1 m.

Также прекраснейший к браням шел Гипполита отпрыск,
Вирбий[7], достойным кого послала Аркия матерь.
В рощах Эгерии[8] был он воспитан, на береге влажном,
Там, где Дианы алтарь утученный и миротворный.
Ибо преданье гласит, что Гипполит, убитый коварством
Мачехи и заплатив возмездье отцовское кровью, —
Так как разорван он был взъяренными конями, — снова
К звездам эфирным взошел, под вышние области неба,
И Пеона травой воскрешен, и любовью Дианы;
Но всемогущий отец, негодуя, что некто от теней,
Смертный, подземных возмог восстать к сиянию жизни,
Изобретателя сам врачеваний таких и искусства
Молнией Фебова сына к стигийским волнам низринул.
Но в сокровенном укрыла благая Гипполита месте
Тривия и поручила Эгерии нимфе и роще;
Там, одинокий, в лесах италийских век, всем неведом,
Он проводил и там был с измененным именем — Вирбий.
Тривии вот почему близ храмов и в рощах священных
Коням запрет рогоногим: они ниспровергли на бреге
Юношу и колесницу, испуганы чудищем моря.

b) Ov. Met. XV 479—551

[*Страдания супруги Нумы*]

Этой и многой другой наполнив мудростью сердце,
Как говорят, возвратился к себе и по просьбе всеобщей
Принял правленья бразды над народами Лация — Нума.
Нимфы счастливый супруг, Камен, внушеньем ведомый,

Жертвы он чин учредил, и племя, привыкшее раньше
Только к свирепой войне, занятиям мирным наставил!
Старцем глубоким уже он державство и век свой окончил, —
Жены, народ и отцы, оплакал весь Лаций кончину
Нумы; супруга его, оставивши град, удалилась
В дол Арицийский и там, в густых укрываясь чащах,
Плачем и стоном своим Дианы Орестовой культу
Стала мешать. Ах, ей и дубравы, и озера Нимфы
Часто давали совет перестать и слова утешенья
Молвили!

[*Явление и рассказ Ипполита. Преследование Федры*]

Сколько ей раз средь слез сын храбрый Тезея
«О, перестань! — говорил. — Судьба не твоя лишь достойна
Плача. Кругом посмотри на несчастья с другими — и легче
Перенесешь ты беду. О, если бы сам в утешенье
Мог я примером тебе не служить! Пример я, однако.
Слух, наверно, до вас о неком достиг Ипполите,
Жестокосердьем отца и кознями мачехи гнусной
Преданном смерти. О да, удивляешься, — и трудно поверить!
Все-таки я — это он. Меня Пасифая когда-то,
Тщетно пытавшись склонить к осквернению отцовского ложа,
В том, что желалось самой, обвинила и, грех обративши,
То ли огласки боясь, в обиде ль, что я непреклонен,
Оклеветала. Отец невинного выгнал из града,
И на челе у меня тяготело отцово проклятье.

[*Гибель Ипполита*]

На колеснице — беглец — спешу я в Трезену, к Питфею.
И проезжал я уже по прибрежью Коринфского моря, —
Вдруг как подымется понт! Из него водяная громада
Целой загнулась горой, на глазах возрастала; мычанье
Вдруг из нее раздалось, и верхушка ее раскололась.
Бык круторогий тогда из разъятой явился пучины, —
В уровень груди из вод подымался в ласкающий воздух,
Моря струю из ноздрей изрыгал и из пасти широкой.
Спутников пали сердца; я душой оставался бесстрашен,
Полон изгнаньем своим, — как вдруг мои буйные кони
Поворотили к волнам и, прядая в страхе ушами,
В страхе не помня себя, приведенные чудищем в ужас,
Прямо на скалы несут, и я понапрасну стараюсь
Править зверями, сдержать убеленные пеною вожжи;
Сам отклонясь, натянуть ослабевшие тщусь я поводья.
Силы моей одолеть не могло бы неистовство коней,
Если бы вдруг колесо, в неустанном вкруг оси вращенье,
Не зацепилось за ствол и, упав, на куски не разбилось.
Миг — и я выброшен был. Ногами запутавшись в вожжи,
Мясо живое влачу, за кусты зацепляются жилы,
Часть моих членов при мне, оторвана часть моих членов;

Кости разбиты, стучат; ты увидела б, как истомленный
Мой исторгается дух; ни одной не могла бы ты части
Тела уже распознать: все было лишь раной сплошною.

[*Спасение Ипполита при содействии Артемиды Кинтии*]

Можешь ли, смеешь ли ты сопоставить свое злополучье,
Нимфа, с моею бедой? Я видел бессветное царство,
Во Флегетона волну погружался истерзанным телом!
Если б не сила врача, Аполлонова сына искусства,
Не возвратилась бы жизнь. Когда ж от могущества зелий, —
Хоть и досадовал Дит, — я с помощью ожил Пэана, —
То, чтобы с даром таким, там будучи, не возбуждал я
Зависти большей, густым меня Кинтия облаком скрыла;
И чтобы я в безопасности жил, безнаказанно видим,
Возраст мне придала и сделала так, чтобы стал я
Неузнаваем. Она сомневалась, на Крит ли отправить
Или на Делос меня; но и Делос и Крит отменила
И поселила вот здесь; лишь имя, могущее коней
Напоминать, повелела сменить: «Ты был Ипполит, —
Молвила мне, — а теперь будь Вирбием — дважды рожденным!»
В этой я роще с тех пор и живу; божество я из меньших;
Волею скрыт госпожи, к ее приобщился служенью».
Горе Эгерии все ж облегчить не в силах чужие
Бедствия; так же лежит под самой горой, у подножья,
Горькие слезы лия. Наконец, страдалицы чувством
Тронута, Феба сестра из нее ледяную криницу
Сделала, тело ее превратив в вековечные воды.

Б. ИПОСТАСИ АРТЕМИДЫ

КАЛЛИСТО — ИПОСТАСЬ АРТЕМИДЫ

10. а) Ps.-Erat. Catast. 1 (Большая Медведица)

Гесиод [frg. 13 EGF] говорит, что это была дочь Ликаона, которая жила в Аркадии. Вместе с Артемидой она избрала себе занятием заботу о животных в горах. Обольщенная Зевсом, она долгое время скрывала это от богини. Но потом, когда она уже сделалась беременной, она была изобличена в этом богиней, которая увидела ее во время купанья. Богиня разгневалась на нее за это и обратила ее в животное. И вот таким образом она, сделавшись медведицей, родила сына, названного Аркадом. Затем, находясь в горах, она была схвачена какими-то козопасами и вместе с ребенком передана Ликаону. Спустя некоторое время она, как оказалось, вступила в запретный участок Зевса, не зная об этом запрещении. Там стал ее преследовать ее собственный сын вместе с аркадянами. Когда ей уже грозила смерть в силу упомянутого закона, Зевс, ввиду бывшей связи с ней, унес ее и поместил среди звезд. Медведицей назвал он ее вследствие постигшего ее превращения.

b) Ps.-Erat. Catast. 2 (Малая Медведица)

Это — так называемая Малая Медведица. Большинство называло ее Финикой. Она была в почете у Артемиды. Но когда последняя узнала, что Зевс обольстил ее, она обратила ее в дикого зверя. Впоследствии, когда она спаслась, Артемида прославила ее, дав ей другой вид между звезд, так что она получила двойные почести. Аглаосфен же в «Наксосских рассказах» [FHG IV, p. 293, 1] говорит, что это была Киносура, кормилица Зевса, и что она была одной из идейских Нимф. От нее в городе, известном под названием Гисты, — таково было название, — основанном сподвижниками Никострата, и гавань и одно местечко прозваны были Киносурой. Арат, наоборот, говорит, что это была Гелика из Крита, что она стала кормилицей Зевса и за это удостоилась чести на небесах.

c) Ps.-Erat. Catast. 8 (Волопас, или Страж Медведицы)

Про него рассказывают, что это — Аркад, который был сыном Каллисто и Зевса; а жила она, когда ее обольстил Зевс, около Ликея. Ликаон пригласил к себе в это место Зевса и принимал здесь его как гостя, по словам Гесиода. Изрубив младенца, он подал его на стол. Вследствие этого Зевс опрокинул стол. От этого город называется Трапезунт [trapeza — стол]. Дом его Зевс поразил молнией, а Ликаона привел в звериное состояние и превратил в волка. Аркада Зевс заново вылепил и придал ему надлежащий вид. Он был воспитан у козьего пастуха. Будучи уже юношей, он прибежал, по-видимому, в Ликей, не зная дела, женился на матери. Жители этого места хотели, по своему обычаю, обоих принести в жертву. Тогда Зевс спас их по родству и вознес к звездам.

d) Paus. VIII 3, 6 (Аркадская Артемида)

При всем этом множестве сыновей Ликаон имел только одну дочь Каллисто. Эту Каллисто, говорят эллины, полюбил Зевс и сочетался с ней; но Гера, узнав об этом, обратила ее в медведицу, а Артемида, чтобы угодить Гере, застрелила эту медведицу из лука. Тогда Зевс послал Гермеса и приказал ему спасти ребенка, которым Каллисто была беременна, а ее самое обратил в созвездие, которое и называется Большая Медведица. О нем и Гомер [Od. V 272—274] упоминает, говоря об отплытии Одиссея от Калипсо, в следующих стихах:

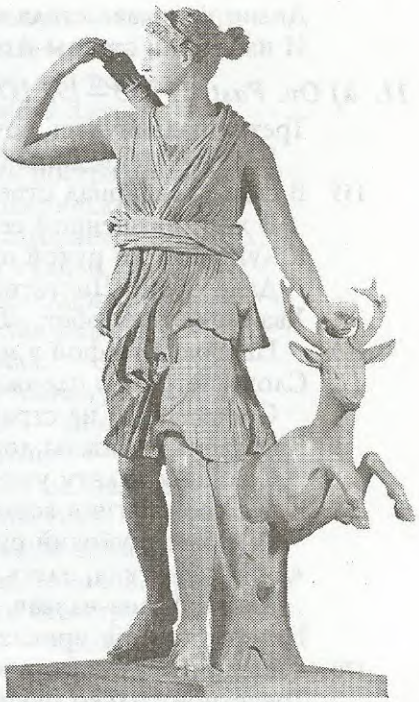
...сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей...

Но может быть и то, что это созвездие получило название просто в честь Каллисто, так как аркадяне показывают гробницу Каллисто.

e) Apollod. III 8, 21 (Общий миф)

Евмел [frg. 14 K.] и некоторые другие утверждают, что у Ликаона была дочь Каллисто. Гесиод [у Rz. пропущено] же говорит, что она была одной из Нимф; Асий [frg. 9 K.] — что она дочь Никтея, а Ферекид [frg. 86] — что дочь Кетея. Будучи спутницей Артемиды на охоте и нося такое же платье, что и та, она поклялась ей остаться девой. Влюбившийся в нее Зевс возлег с ней против ее воли, приняв, как говорят, вид Артемиды или, как говорят другие, вид Аполлона. Желая укрыть ее от Геры, он превра-

тил ее в медведицу. А Гера склонила Артемиду застрелить ее, как дикого зверя. Есть и такие, которые утверждают, будто Артемида застрелила ее сама ввиду того, что та не сохранила своего девства. Когда Каллисто погибла, Зевс похитил ее ребенка и передал на воспитание Майе в Аркадии, давши ему имя Аркада. А Каллисто он превратил в звезду, давши ей имя Медведицы.



Артемида с ланью

f) Paus. VIII 35, 8 (Могила Каллисто в Аркадии и Артемида-Каллисто)

Направо от Триколон [город в Аркадии] будет сперва крутая дорога к источнику, называемому Криница [Круны], а спустившись оттуда, через тридцать стадий, будет могила Каллисты — высокая земляная насыпь, на которой много деревьев диких и плодовых, а на верху насыпи — святилище Артемиды, с именем Каллиста [прекрасная]. Мне кажется, что поэт Памфос [ср. Paus. I 38, 3; 39, 1], первый назвавший Артемиду Каллистою, заимствовал нечто у аркадян.

g) Hyg. Fab. 177 (Дополнительные материалы)

Дочь Ликаона Каллисто, говорят, была превращена в медведицу вследствие гнева Юноны за то, что она возлежала с Юпитером. Впоследствии Юпитер поместил ее в созвездие, получившее название Семизвездие. Это созвездие не двигается с места и не заходит, потому что ему препятствует заходить в Океан Тефия, супруга Океана и кормилица Юноны. Здесь, следовательно, имеется в виду Малая Медведица. О ней в... [испорченное слово] ... стихах:

Нимфа ты, изменившая вид, дитя Ликаона!
Взять с холодной вершины тебя, нонакрскую Нимфу,
И Океана коснуться тебе препятствует Тефис,
Ибо когда-то дерзнула она питомице здесь подчиниться.

Эта Медведица, следовательно, называется у греков helice [кривая линия]. Она имеет семь неярких звезд в голове, в обоих ушах две, в плече одну, в груди — одну яркую, на внешней стороне бедра — одну яркую, у задней ляжки — две, у оконечности ноги — две, в хвосте — три. Всего числом 20.

h) Eur. Hel. 376—383

О Каллисто, ты блаженна, Аркадии дочь!
Пусть даже бога любовь в зверя тебя обратила,
Все же твой жребий завиднее жребия Леды.
В шерсти мохнатой, с глазами, горящими яро,
Ты избежала сознания муки...
Счастлива ты, Титанида, Меропова дщерь!

Дивно красивая стала оленем с златыми рогами...
И избежала стрелы Артемиды.

11. a) Ov. Fast. II 153—192 (О Каллисто)

Третья надвинулась ночь, и на своде вечернего неба
Верный Медведицы Страж выдвинул обе ноги.
В свите гамадриад стрелометной богини Дианы,
В хоре священном ее нимфа Каллисто была.
К луку богини рукой прикоснувшись, однажды Каллисто
Дала обет: «Чистотой вечной тебе я клянусь!»
Хвалит богиня обет: «Если свято ты слово исполнишь,
Первою Нимфой в моей будешь ты свите тогда».
Слово нетрудно сдержать, если б не была Нимфа красива.
Смертные ей не страшны. Сам ее бог искусил...
В полдень однажды домой возвращалась с охоты Диана.
Солнце к закату уже яркие гнало лучи.
В лес свой богиня вошла, в свою темную рощу густую.
Там был глубокий ручей с чистой, холодной водой.
«Дева тегейская, здесь, в этой речке, купаться мы будем».
Девой Диана назвав, сильно смутила ее.
Нимфы, богини приказ исполняя, немедля разделись.
Медлит Каллисто и тем больше себя выдает.
Трепетной только рукой она легкую сняла рубашку,
И перед целой толпой грех обнаружила свой.
«Прочь, Ликаонова дочь! Уходи! — закричала Диана. —
Ты лишь собой осквернишь девственных вод чистоту».
Путь уж десятый когда совершала Луна молодая,
Нимфа от бога уже матерью стала тогда.
В гневе Юнона тогда изменить ее образ решила.
Злая богиня, за что? Жертва насилья она!
Видя соперницы лик, превращенный в медведицу, молвит
Деве Юнона: «Такой пусть тебя любит супруг!»
Долго в пустынных горах та медведицей дева блуждала,
Нимфа, которую бог некогда сильно любил...
Сыну пятнадцатый год миновал уж, рожденному ею,
Мать он впервые когда встретил в дремучем лесу.
Сына узнала она и свою материнскую ласку
Выразить хочет, но рев ей заменяет слова.
Мальчик хватает копье и на зверя... Но в эту минуту
В звездный уносит чертог сына Юпитер и мать...
В небе созвездия два и поныне сияют родные:
Арктос и Арктофилакс, первого спутник и страж.
В злобе Сатурнова дочь упросила седую Тефию,
Чтобы Медведицы звезд не допускала к воде.

b) Ov. Met. II 401—533

[*Юпитер под видом Дианы сближается с Каллисто*]

А всемогущий отец обходит огромные стены
Неба, исследует он, как бы что, от огня расшатавшись,

Не обвалилось. Когда ж увидал, что крепость и твердость
Все сохранило, он взор направил на землю и беды
Смертных. Но более всех о своей он Аркадии полон
Нежных забот. Родники и еще не дерзавшие литься
Реки спешит возродить и траву земле возвращает,
Листья — деревьям, велит лесам зеленеть пострадавшим.
Часто бывает он там, и вот поражен нонакринской
Девушкой, встреченной им, — и огонь разгорается в жилах.
Не занималась она чесанием шерсти для тканей,
Разнообразить волос не умела прической. Одежду
Пряжка держала на ней, а волосы — белая повязь.
Легкий дротик она иль лук с собою носила;
Воином Фебы была. Не ходила вовек по Меналу
Дева, Диане милей Перекрестной. Но всё — мимолетно!
Уж половину пути миновало высокое солнце, —
Девушка в рощу вошла, что порублена век не бывала.
Скинула тотчас колчан с плеча и лук отпустила
Гибкий, сама же легла на покрытую травкою землю;
Так, свой расписанный тул подложив под затылок, дремала.
Только Юпитер узрел отдыхавшую, вовсе без стража, —
«Эту проделку жена не узнает, наверно, — промолвил, —
Если ж узнает, о, пусть, о, пусть за это бранится!»
Вмиг одеяние он и лицо принимает Дианы
И говорит: «Не одна ль ты из спутниц моих? На которых,
Дева, охотилась ты в перевалах?» И дева с лужайки
Встала. «Привет, — говорит, — божеству, что, в моем рассужденье,
Больше Юпитера, — пусть хоть услышит!» Смеется и слышит...
Рад, что себе самому предпочтен, и дарит поцелуи;
В них неумерен он, — так едва ли целуют девицы.
В лес направлялась какой, рассказать готовую деву
Стиснул в объятиях он — и себя объявил не невинно.
Сопротивляясь, она, — насколько женщина может, —
С ним вступает в борьбу, но Юпитера дева какая
(Если б видела ты, о Сатурния, ты бы смягчилась!)
Может осилить, и кто из богов? Победитель Юпитер
Взмыл в небеса. Опостылел ей лес — свидетель — и роща,
Чуть не забыла она, удаляясь оттуда, колчан свой
Взять и стрелы с собой, и лук, повешенный рядом.

[*Диана вскрывает преступление Каллисто*]

Вот с хороводом своим Диктинна, по высям Менала
Шествуя, диких зверей удачным горда убиеньем,
Видит ее и, увидев, зовет; но в испуге сначала
Та убегает, боясь, не Юпитер ли вновь перед нею.
Но, увидав, что при ней выступают и Нимфы, решила
Дева, что козней тут нет, и к легкой толпе их примкнула.
Как преступленья — увы! — лицом не выказать трудно!
Очи едва подняла, пошла уж не рядом с богиней,
Как было прежде всегда, из целого строя не первой.
Молча идет и свое выдает поруганье румянцем.

Девой когда б не была, могла бы по тысяче знаков
Видеть Диана вину; говорят, и увидели Нимфы!
Лунные в небе рога возникали уж кругом девятым,
Как, от охоты устав, истомленная пламенем брата,
В свежую рощу придя, откуда струился с журчаньем
Светлый ручей и катил волною песок перетертый,
Местность одобрив, к воде ногою слегка прикоснулась
И, похваливши ручей: «Далеко, — говорит, — соглядатай
Всякий; нагие тела струею бегущей омоем!»
Бросилась краска в лицо Парразийки. Все сняли одежды.
Медлит она лишь одна. Со смутившейся платье снимают,
Только лишь спало оно, наготою был грех обнаружен.
Остолбеневшей, закрыть пытавшейся лоно руками, —
«Прочь, — сказала, — иди, родника не скверни мне святого!»
Кинтия и отойти от своих приказала ей спутниц.

[*Месть Геры. Превращение Каллисто в медведицу*]

Знала об этом давно хозяйка отца, Громовержца.
Но до удобнейших дней отлагала жестокую кару.
Медлить не стало причин: уж мальчик Аркад — он Юноне
Больше всего досаждал — у любовницы мужа родился.
Вот, обратившись туда свирепым взором и сердцем:
«Этого лишь одного не хватало, беспутница, — молвит, —
Чтобы ты плод принесла и обиду сделала явной
Родами, всем показав моего Юпитера мерзость!
Это тебе не пройдет. Погоди! Отниму я наружность,
Вид твой, каким моему ты, наглая, нравишься мужу!»
Молвила так и, схватив за волосы, тотчас же наземь
Кинула навзничь ее. Простирала молившая руки, —
Начали руки ее вдруг черной щетиниться шерстью;
Кисти скрившихся рук, превращаясь в загнутые когти,
Стали ногами служить; Юпитеру милое прежде
Обезобразилось вдруг лицо растянувшейся пастью.
И, чтобы душу мольба и молений слова не смягчали,
Речь у нее отняла, — и злой угрожающий голос,
Ужаса полный, у ней из хриплой несется гортани.
Прежний, однако же, дух остался в медведице новой,
Стоном всечасным она проявлять продолжает страданья,
Руки, какие ни есть, к небесам подымает и к звездам,
И хоть не может сказать, но коварство Юпитера чует.
Ах, сколь часто, в лесу не решаясь остаться пустынном,
В поле, когда-то своем, и около дома блуждала!
Ах, сколь часто меж скал, гонимая лаем собачьим,
Видя охотников, прочь — охотница — в страхе бежала!
Часто при виде зверей, позабыв, чем стала, скрывалась
Или, медведицей быв, пугалась при встрече с медведем
И устрашалась волков, хоть родимый отец был меж ними.

[*Встреча медведицы Каллисто со своим сыном*]

Вот Ликаонин сын, не знавшее матери чадо,
Вдруг появился Аркад, почти что пятнадцатилетний.

Калидонский вепрь

Диких гоняя зверей, ища поудобней урочищ,
Он натолкнулся на мать: та стала, Аркада увидев,
Будто узнала его. Но он убежал и недвижных
Глаз, на него без конца устремленных, не зная, в чем дело,
Перепугался, и ей, подойти пожелавшей поближе,
Сам смертоносную в грудь вонзить стрелу собирался.

[*Вознесение на небо*]

Не допустил до того Всемогущий и их, с их нечестьем,
Поднял, пространством пустым на быстром ветре промчал их,
На небе их поместил и создал два рядом созвездья.

[*Новое предприятие Геры*]

Тут закипела вдвойне Юнона, увидев, как блещет
В небе блудница; к седой спускается в море Тефисе
И к Океану она, уваженье к которым нередко
Было у вышних, и так начала о причине прихода:
«Знать вы хотите, зачем из небесного дома спустилась
К вам царица богов? Уж небом другая владеет!
Пусть я солгу, коль в ночи, обнимающей мир темнотою,
Там, высоко в небесах, почтённых только что честью,
Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где самый
Полюс небес обведен последним кругом кратчайшим.
Истинно, кто оскорбить не захочет Юнону? обидев,
Кто затрепещет? Одна что с ними могу я поделать?
Много же сделала я! Обширно могущество наше!
Я запретила ей быть человеком, — богинею стала!
Так-то дано мне виновных карать, вот как я могуча!

Лучше пусть прежний свой вид обретет и звериную морду
Скинет! Так сделал уж раз он с той Форонидой аргивской!
И почему он, прогнав Юнону, не ввел ее в дом свой,
В спальню мою не вселил и не выбрал Ликаона зятем?
Ежели трогает вас небрежение к вашей питомке,
Эту Медведицу вы задержите лазурной пучиной
И в небеса за разврат попавшие звезды гоните, —
Не погружаться чтоб ей, распутнице, в чистое море!»
И согласились морей божества. И Сатурния быстро
В ясное небо свое на расписанных взмыла павлинах,
Тех павлинах, чей хвост расписан зеницами Арга.

АТАЛАНТА — ИПОСТАСЬ АРТЕМИДЫ

12. a) Apollod. III 9, 2

У Ликурга и Клеофилы, или Евриномы, были дети: Анкей, Эпох, Амфидамант и Иас. У Амфидаманта был сын Меланион и дочь Антимаха, с которой вступил в брак Еврисфей. У Иаса же и дочери Миния Климены родилась Аталанта. Ее отец, сильно желавший иметь детей мужского пола, выбросил ее. А ей часто давала грудь приходившая медведица, покамест ее не нашли охотники и не воспитали у себя. Ставши взрослой, Аталанта берегла себя девой, она возрастала в уединении, охотясь с оружием за зверями. Попытавшиеся взять ее насилием кентавры Ройк и Гилей были ею застрелены и умерли. Она отправилась с прочими героями и против Калидонского кабана. А в состязании, происходившем у Пелиона, вступила в борьбу с Пелеем и была победительницей. Найдя впоследствии своих родителей, она вследствие того, что отец убеждал ее выйти замуж, удалилась в место, где был стадион, воткнула посредине кол в три локтя и отсюда стала бегать с оружием, вступивши в состязание с женихами. Побежденному присуждалась смерть, а не побежденному брак. Когда погибли уже многие, пришел на ристалище влюбленный в нее Меланион, неся золотые яблоки от Афродиты. Преследуемый ею, он бросил эти яблоки [около нее]. Она же стала подбирать их, и — была побеждена. Так женился на ней Меланион. При этом рассказывают, что однажды во время полуденного отдыха они вошли в священный участок Зевса и вследствие соития там были превращены во львов.

Гесиод же (frg. 4 Rz.) и некоторые другие говорили, что Аталанта — дочь не Иаса, но Схойнея; Еврипид (Phoen. 1162, ср. Schol. 150) утверждал, что она дочь Менала и что вышла она замуж не за Меланиона, но за Гиппомена. От Меланиона (или от Ареса) Аталанта родила Парфенопея, который сражался при Фивах.

b) Hyg. Fab. 185

Схойней, говорят, имел дочь Аталанту, красивейшую девицу, которая благодаря своим способностям побеждала в беге мужчин. Она просила отца оставить ее девой. И вот, когда уже многие просили у него ее руки, отец вдруг решил, что тот, кто хочет взять ее в жены, должен сначала вступить с нею в состязание в беге. [Он потребовал], чтобы тот бежал до установленного конечного пункта без оружия, а Аталанта преследовала его с дротиком и убивала того, кого она обгонит, причем голова

его прибивалась бы на стадионе. После того, как она многих победила и убила, она была в последний раз побеждена Гиппоменом, сыном Мегарея и Меропы. Именно, этот Гиппомен получил от Венеры три яблока необыкновенного вида и был научен, как ими пользоваться. Бросая их во время состязания, он задерживал бег девицы. Она собирала их и удивлялась их золоту и потому запоздала в беге, доставивши тем самым победу юноше. Ему Схойней и дал свою дочь в жены, радуясь его успеху. Когда же Гиппомен привез Аталанту на свою родину, он, забывши о том, что победил в силу благодеяния Венеры, не воздал ей никакой благодарности. Принося жертву Юпитеру Победителю на горе Парнас, он, вследствие гнева Венеры воспламененный страстью к Аталанте, возлег с нею на священном участке. За этот поступок Юпитер превратил их во льва и львицу, которым боги совершенно отказали в Венерином возлежании.

c) Theogn. 1287—1294 Лос.

Но я раню тебя, хоть бежишь ты, как некогда, слышно,
Та Иасия дочь, дева Иасия та,
Ставши зрелой совсем, стыдясь, от брака с мужчиной
Бегала, в жизни ж потом тщетно вершила дела.
И, покинувши дом отца, Аталанта златая
На крутые ушла гор высоких места,
Страстного брака стремясь избежать, золотой Афродиты
Дара. Познала конец все ж против воли она.

d) Paus. VIII 45, 2 (Участие Аталанты в калидонской охоте)

Анкей, сын Ликурга, хотя и раненный, удержал Калидонского вепря, которого Аталанта раньше всех поразила стрелою, за что получила голову и кожу зверя.

13. Ov. Met. X 560—707

[*Девство Аталанты и условия брака*]

«Может быть, слышал и ты, как одна в состязании бега
Женщина быстрых мужчин побеждала. И вовсе не сказка
Эта молва. Побеждала она. Сказать было трудно,
Чем она выше была, превосходством ли ног иль красою.
Бога спросила она о супруге. «Супруг, — он ответил, —
Не для тебя, Аталанта! Беги от супружнего ложа,
Но не удастся бежать — и живая себя ты лишишься!»
Божья вещанья страшась, безбрачной жить она стала
В частом лесу и толпу домогателей страстных суровым
Гонит условием: «Мной овладеть единственно можно,
В беге меня победив. Состязайтесь со мною ногами.
Быстрому в беге дадут и супругу и спальню в награду.
Плата же медленным — смерть: таково состязанья условье».
Правила жестки, о да! Но краса — столь великая сила!
И подчиняется им домогателей дерзких ватага.

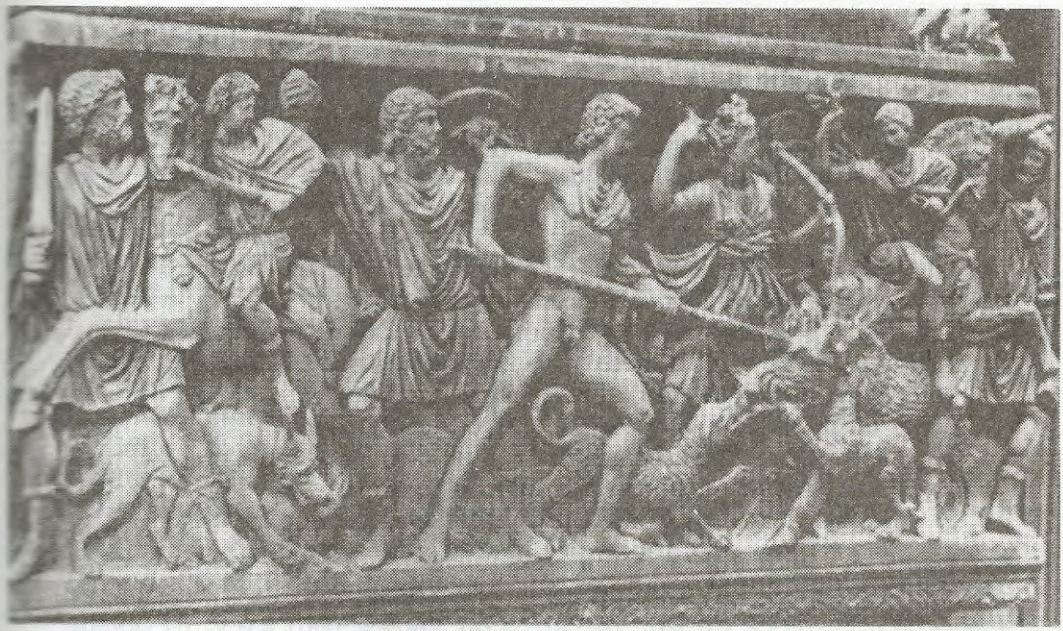
[*Чувства Гиппомена*]

Тут же сидел Гиппомен, тот бег созерцая неравный.
«Ради жены ли терпеть, — восклицает, — опасность такую?»

Он осудить уж готов чрезмерное юношей чувство.
Но увидал лишь лицо и покрова лишенное тело, —
Как у меня или как у тебя, если б женщиной стал ты, —
Остолбенел он и руки простер. «Простите! — сказал он. —
Был я сейчас виноват: еще не видал я награды,
Из-за которой борьба!» Восхваляя, он сам загорелся.
Чтобы никто обогнать в состязанье не смог ее, жаждет;
Чувствует ревность и страх. «Отчего мне в ристании этом
Счастья нельзя попытать? — говорит он. — Всевышние сами —
Смелым помога!» Пока про себя Гиппомен рассуждает
Так, Аталанта уже окрыленным несется движеньем.
Юноша видит ее аонийский, — как мчится быстрее
Пущенной скифом стрелы, — но сильнее девичьей красою
Он поражен: на бегу она ярче сияет красою!
Тунику пятками бьет, относимую ветром обратно,
По белоснежной спине волоса разметались на воле,
Вьются подвязки ее подколенные с писаным краем;
Вот и румянец покрыл белоснежное девичье тело:
Так происходит, когда, осеняющий атриум белый,
Алого цвета покров искусственный сумрак наводит.
Смотрит гость, а меж тем пройдена уж последняя мета.
Красит венок торжества победившей чело Аталанты,
Слышится стон побежденных, — и казнь по условью приемлют.

[*Размышления Аталанты о состязании*]

Но не испуган судьбой тех юношей, посередине
Стал аонийский герой и взоры направил на деву.
«Легкого ищешь зачем торжества, побеждая бессильных? —
Молвил. — Со мною сойдись! Коль волей Судьбы одолею,
Не испытаешь стыда, что нашелся тебе победитель.
Ибо родителем мне Мегарей онхестиец. Ему же
Дедом — Нептун. Властелину морей, выходит, я правнук.
Доблесть не меньше, чем род. Победив Гиппомена, получишь, —
Если меня победишь, — долговечное, громкое имя!»
Так говорит, а Схенеева дочь на юношу смотрит
Нежно; в сомненье она, пораженье милей иль победа?
«Бог, — она молвит, — какой, красе позавидовав, ищет
Смерти его? Опасности жизнь дорогую подвергнув,
Брака со мной велит домогаться? Но нет, я не стою.
Я не красой пленена... но, пожалуй, пленриться могла бы
Тем, что он мальчик еще! Так не он меня тронул, но возраст!
Чем же? Что доблести в нем? Дух, страха не знающий смерти?
Чем же? Что в роде морском поколеньем гордится четвертым?
Чем же? Что любит меня, и так наш союз ему ценен,
Что и погибнуть готов, если Рок ему жесткий откажет?
Гость, пока можно, беги, откажись от кровавого брака!
Бесчеловечен союз. Сочетаться же, верно, с тобою
Каждая рада. Тебя и разумная девушка взыщет.
Но почему ж, столь многих сгубив, о тебе беспокоюсь?
Видел он. Пусть же падет, коль стольких искателей смертью



Калидонская охота

Не вразумился еще, коль жизнью своею наскучил.
Значит, падет он за то, что жить со мною желает?
И за свою же любовь, недостойную гибель потерпит?
Нечего будет, увы, завидовать нашей победе...
Но не моя в том вина! О, когда бы отстать пожелал ты!
Если ж рехнулся умом, о, будь хоть в беге быстрее!
Сколько девических черт у прекрасного юноши в лике!
Бедный, увы, Гиппомен, никогда бы тебя мне не видеть!
Жизни достоин ты был: когда бы счастливей была я,
Если бы Рока вражда мне в супружестве не отказала,
Был бы единственным ты, с кем ложе могла б разделить я», —
Молвила. И в простоте, сражена Купидоном впервые,
Любит, не зная сама, и не чувствует даже, что любит.

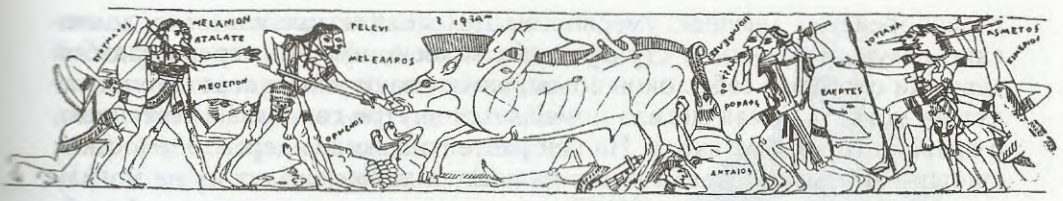
[*Состязание и помощь Афродиты Гиппомену*]

Вот и народ и отец уж обычного требуют бега.
Тут призывает меня умоляющим голосом правнук
Бога морей, Гиппомен: «Киферею молю, чтобы делу
Смелому помощь дала и свои же огни поощрила».
Нежные просьбы ко мне ветерок благосклонный доносит.
Тронута я, признаюсь. И немедленно подана помощь.
Поприще есть, — Тамазейским его называют туземцы, —
Кипрской земли наилучший кусок. Старинные люди
Мне посвятили его и решили, как дар благочестья,
К храму придать моему. Посреди его дерево блещет,
Золотоглаво, горят шелестящие золотом ветви.
Яблока три золотых я с него сорвала и явилась,
Их же в руке принесла; не зрима никем, им одним лишь,

К юноше я подошла и, как с ними быть, научила.
Трубы уж подали знак, и от края, склоненные, оба
Мчатся, легкой ногой чуть касаются глади песчаной.
Мнится, могли бы скользить и по морю, стоп не смочивши,
И, не примявши хлебов, пробежать по белеющей ниве.
Юноши дух возбужден сочувствием, криками, — слышит
Возгласы: «Надо тебе приналечь, приналечь тебе надо!
Эй, Гиппомен, поспешай! Пора! Собери же все силы!
Не замедляй! Победишь!» Неведомо, сын Мегарея
Более этим словам иль Схенеева дочь веселится.
Сколько уж раз, хоть могла обогнать, но сама замедлялась,
Долго глядела в лицо, неохотно глаза отводила!
Из утомившихся уст вылетало сухое дыханье.
Мета была далеко. Тогда наконец-то Нептунов
Правнук один из древесных плодов на ристалище кинул.
И обомлела она, от плода золотого в восторге,
И отклонилась с пути, и нагнулась за золотом жарким.
Опередил Гиппомен, раздалися рукоплесканья,
Но нагоняет она остановку свою и потерю
Времени, юношу вновь позади за спиной оставляет.
Вот, задержавшись опять, лишь яблоко бросил второе,
Следом бежит и обходит его. Оставался им кончик
Бега. «Теперь, — говорит, — помогай, о виновница дара!»
И через поприще вбок, — чтоб позже она добежала, —
Ловким, ребячьим броском он блестящее золото кинул.
Видно, колеблется та, — взять, нет ли. Но я побудила
Взять, и лишь та подняла, я прибавила яблоку весу;
Ей помешала вдвойне: промедленьем и тяжестью груза.
Но — чтоб не стал мой рассказ самого их ристанья длиннее —
Девушка обойдена: награду увел победитель.

[*Месть Афродиты и превращение Гиппомена и Аталанты во львов*]

Я ль не достойна была, о Адонис, и благодарений,
И фимиамов его? Но несчастный забыл благодарность,
Не воскурил фимиам; я, конечно, разгневалась тотчас
И, на презренье сердясь, чтоб впредь мне не знать униженья,
Меры решаю принять и на эту чету ополчаюсь.
Раз проходили они мимо храма Кибелы, который
Ей в посвященье возвел Эхион знаменитый в тенистой
Чаще лесов. Отдохнуть захотели от долгой дороги.
И охватила в тот миг Гиппомена не вовремя жажда
Совокупления, в нем возбужденная нашим наитьем.
Было близ храма едва освещенное место глухое,
Вроде пещеры. Над ним был свод из естественной пемзы, —
Веры старинный приют, а в нем деревянных немало
Изображений богов стародавних жрецы пособрали.
Входит туда и возбранным грехом оскорбляет святыню.
И божества отвратили глаза. Башненосная Матерь
Думала их погрузить — виноватых — в отигийские воды:
Казнь показалась легка. И тотчас их гладкие выи



Калидонский вепрь

Шерстью грив обросли. Искривилися пальцы их в когти,
Стали плечами зверей человечьи их плечи. Вся тяжесть
В грудь перешла, и хвост повлачился, песок подметая.
Злость выражает лицо; не слова издают, а рычанье.
Служит им спальнею лес. Свирепостью всех устрашая,
Зубом смирённым — два льва — сжимают поводья Кибелы.
Их ты, о мой дорогой, а с ними и прочих животных,
Не обращающих тыл, но грудь выставляющих в битве,
Всех избегай. Чтобы доблесть твою не прокляли — двое!»

14. a) Apollod. III 10, 3 (Тайгета в Лаконии)

Тайгета [дочь Атланта и Плейоны, дочери Океана, т. е. одна из семи Плеяд] родила от Зевса Лакедемона, по которому зовется и страна Лакедемон.

ГИПЕРБОРЕЙСКИЕ ДЕВУШКИ

b) Herod. IV 33—35 (Гипероха и Лаодика, доставившие священные дары на Делос; Арга и Опида, пришедшие с Аполлоном на Делос)

(33) Гораздо больше сообщают о них [гипербореях] делосцы, уверяя, что от гипербореев приносятся к скифам священные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов принимает их соседний народ и передает следующему. Так несут их все дальше на запад до Адриатики. Отсюда дары продолжают путь на юг и прежде других эллинов принимаются додонянами. Затем они спускаются к Малийскому заливу и переправляются на Евбею. Там святыню переносят из города в город до Кариста. Дальше минуют Андр, потому-де, что каристяне доставляют ее на Тен, а тенияне на Делос. Таким-то образом, говорят делосцы, прибывает на Делос эта святыня. Но первоначально-де гипербореи послали с священными дарами двух девушек, которых делосцы называют Гиперохою и Лаодикою; вместе с ними ради безопасности гипербореи послали пятерых мужчин из своих соплеменников в качестве провожатых. Теперь они называются перфереями и пользуются на Делосе высоким почетом. Далее, так как посланные проводники не возвращались, то гипербореи испугались, как бы каждый раз не постигала их потеря послов, а потому с того времени приносят священные дары, завернутые в пшеничную солому, к пределам своей земли и настойчиво поручают своим соседям препроводить дары дальше к соседнему народу. Так-то, переносимые все дальше и дальше, они достигают наконец Делоса. Мне лично известен обряд, напоминающий обращение с этой святыней, именно: фракийские и непские женщины не обходятся без пшеничной соломы при жертвоприношениях Артемиде. Так поступают эти женщины (34) в честь

гиперборейских девушек, умерших на Делосе. Как мне известно, делосские девушки и юноши стригут себе волосы, именно перед свадьбой девушки отрезают себе локон волос, наматывают его на веретено и кладут на могилу. Самая могила помещается внутри святилища Артемиды, с правой стороны от входа. На ней растет оливковое дерево. Делосские юноши наматывают пряди волос на ветку и также кладут их на могилу гиперборейских девушек. (35) Таким почетом пользуются гиперборейские девушки у жителей Делоса. По словам самих делосцев, еще раньше Гиперохи и Лаодики пришли на Делос через земли тех же народов девушки от гипербореев Арга и Опида. Те явились с данью для Илифии, наложенною ими на себя за ускорение родов, а Арга и Опида явились к ним от гипербореев вместе с самими божествами, и девушки удостоены были от делосцев различных почестей: тамошние женщины собирали для них пожертвования, поименно взывали к ним в гимне, составленном ликиянином Оленом. От них научились песне островитяне и ионяне, которые прославляют Опиду и Аргу с упоминанием имен и собирают для них пожертвования. Этот Олен прибыл сюда из Ликии и составил вообще все дневные гимны, исполняемые на Делосе. Равным образом на могилу Арги и Опиды высыпают золу от сожженных на алтаре бедряных костей. Могила их находится позади храма Артемиды, по направлению к востоку, вблизи пиршественной залы кеосцев.

ИФИГЕНИЯ

15. a) Paus. I 23, 7 (Бравpон)

Там есть святилище Артемиды Бравронии; статуя ее — творение Праксителя, имя же богине дано от дема Браврона. В Бравроне есть ее древнее деревянное изображение, как говорят, — Артемиды Таврической.

b) Paus. I 33, 1

От Марафона с одной стороны (на расстоянии ста стадий) находится Браврон, где, по преданию, высадилась Ифигения, дочь Агамемнона, бежавшая от тавров, везя с собой изображение Артемиды; оставивши здесь изображение, она отправилась в Афины, а затем в Аргос. И действительно, тут есть древнее деревянное изображение Артемиды; а кто из варваров, по моему мнению, имеет это изображение, об этом я расскажу в другом месте.

c) Anton. Lib. 27 (Общий миф)

(1) У Тезея и Елены, дочери Зевса, родилась дочь Ифигения, и ее воспитывала сестра Елены Клитемнестра, сказавши Агамемнону, что ее родила она, Клитемнестра. Когда же Елену расспрашивали об этом братья, она говорила, что ушла от Тезея девой. (2) Когда ахейское войско задерживалось в Авлиде безветрием, то прорицатели провещали, что плавание может состояться только в том случае, если в жертву Артемиде будет принесена Ифигения. По требованию ахейцев Агамемнон выдал ее для заклания. Пока вели ее к алтарю, герои не обращали на нее внимания, но все устремили свои взоры в разные стороны. (3) Артемида же вместо Ифигении подставила молодого быка, а ее унесла далеко от Греции, к Евксинскому морю, к Фоанту, сыну Борисфена. Тамошний народ кочев-

ников она назвала таврами [быками], потому что вместо Ифигении она подставила к алтарю быка, а себя самое она назвала Таврополой [пастухом быков]. (4) Со временем она перенесла Ифигению к так называемому Левку, к Ахиллу, превратила ее в лишенного старости и бессмертного демона и назвала вместо Ифигении Орсилохией. Та сделалась супругой Ахилла.

Мелеагр

d) Paus. III 16, 7—11 (Человеческие жертвоприношения)

(7) Место, называемое Лимнеем, является храмом Артемиды. Тут находится ее деревянное изображение, которое, говорят, некогда Орест и Ифигения похитили из Тавриды. По рассказам лакедемонян, в их город оно было доставлено Орестом, который тут и царствовал. И мне кажется этот рассказ более вероятным, чем рассказ афинян [I 33, 1]. Какой смысл был Ифигении оставлять эту статую в Бравроне? И почему афиняне, когда они готовились покинуть эту страну, не взяли с собой на корабли и этой статуи? (8) А ведь еще и доныне так широко распространено и имя и почитание этой таврической богини, что каппадокийцы, живущие у Черного моря, утверждают, что эта статуя находится у них; претендуют на обладание ею и те лидийцы, у которых есть храм Артемиды Анаитиды. И вот мы должны верить, что афиняне не обратили внимания, что эта статуя стала добычей мидийцев? Ведь из Браврона она была увезена в Сузы, а впоследствии Селевк подарил ее жителям сирийской Лаодикеи, и они владеют ею до сих пор. (9) Что деревянная статуя Артемиды Орфии в Лакедемоне привезена от варваров, свидетельством мне служит следующее: во-первых, нашедшие эту статую Астрабак и Алопек, дети Ирбы, сына Амфисфена, внука Амфиклея, правнука Агида, тотчас сошли с ума; во-вторых, когда спартанцы — лимнаты, жители Киносур, Месои и Питаны — стали приносить ей жертву, они были доведены до распри, а затем и до убийства, и когда многие умерли у самого алтаря, остальные погибли от болезни. (10) После этого им было сообщено божье слово — орошать жертвенник человеческой кровью. Прежде приносили в жертву того, на которого указывал жребий, но Ликург заменил это бичеванием эфебов, и алтарь стал таким образом орошаться человеческой кровью. При этом присутствует жрица, держа в руках деревянное изображение. Будучи маленьким по величине, это изображение легко, (11) но если бичующие иногда бьют по эфебу слабо, щадя его красоту или его высокое положение, тогда для жрицы это деревянное изображение стано-

вится тяжелым, и она с трудом может его держать; она начинает тогда обвинять бичующих и говорит, что из-за них она чувствует тяжесть. Так продолжают удовлетворять человеческой кровью эту статую после таврических жертвоприношений. Ее же называют не только Орфией [Прямостоящей], но и Лигодесмой [Связанной ивой], так как она была найдена в кусте ив и ивовые ветки, схватившие ее кругом, держали статую прямо.

e) Paus. I 43, 1 (Артемида и Геката в Мегаре)

Мегарцы говорят, что у них есть святилище и Ифигении, что и она умерла в Мегарах. Я же слыхал об Ифигении другой рассказ, передаваемый аркадянами, и знаю, что Гесиод в своих поэмах в «Каталоге женщин» говорит, что Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой. Согласно с этим и Геродот написал (IV 103), что тавры, живущие около Скифии, приносят в жертву деве потерпевших крушение и что они говорят, будто эта дева — Ифигения, дочь Агамемнона.

f) Schol. Arist. Lys. 645 (Посвящение в жрицы)

Совершали мистерии в подражание Медведице. Женщины, посвящавшиеся [arcteyomenai — «медвежащиеся»] богине, одевались в шафрановое платье и приносили жертву Артемиде Бравронской и Мунихии, причем выбирались девочки не старше десяти и не моложе пяти лет. Приносили жертву девицы и в умилостивление богини, когда афиняне погибали от чумы и когда они установили в честь богини «медвежий» день. Одни относят события, связанные с Ифигенией, к Браврону, другие — к Авлиде. Евфорион называет «соседний с морем» Браврон «пустым гробом Ифигении». Агамемнон же, по-видимому, заколол Ифигению в Бравроне, а не в Авлиде. И вместо нее была убита медведица, а не олениха. На этом основании ей правят мистерии. Другое объяснение. Некая медведица, принесенная в храм Артемиды, была приручена. Какая-то девица однажды посмеялась над ней, — и медведица выцарапала у нее глаза. Ее брат, огорченный этим, убил медведицу. Разгневанная же Артемида приказала, чтобы каждая девица перед браком подражала медведице и обслуживала ее храм, одеваясь в шафрановое платье. Это и называлось — «медведиться» [т. е. быть жрицей Артемиды]. Другие говорят, что на афинян напала чумная болезнь; и бог сказал, что избавление от несчастья наступит при том условии, если в качестве удовлетворения за смерть медведицы они заставят своих девиц «медведиться». Когда этот оракул был изъяснен афинянам, они постановили вступать девице в совместную жизнь с мужем, если они не будут посвящены (arcteyseien) богине.

g) Strab. V 3, 12 (Жрецы-убийцы у Артемиды Таврополы)

Святилище Артемиды, которое называется Рощей, стоит с левой стороны дороги, если идти из Арикия в храм Арикины [по Аппиевой дороге]. Святилище арикинской богини считают храмом Артемиды Таврополы, потому что в жертвенных обрядах преобладает варварский и скифский элемент. Так, в жрецы назначается сбежавший убийца прежнего жреца. Поэтому жрец, всегда в ожидании нападения, препоясан мечом, готовый защищаться. Храм стоит в лесу, а перед ним озеро, похожее на море. Лес окружен непрерывным высоким кряжем, обнимающим храм и водоем на значительном углублении. Можно видеть самые источники, которые наполняют озеро и один из которых называется по имени бо-

жества Эгерией. Течения из источников там не видно, оно показывается дальше, выходя на поверхность земли.

Смерть Актеона

h) Strab. XII 2, 7 (Артемида Перасия, или Тавропола)

В Кастабалах есть храм Артемиды Перасии, в котором, говорят, жрецы безвредно ходят босыми ногами по горячим углям. Некоторые относят к этому месту известную уже нам историю Ореста и Тавриполы, утверждая, что Перасией названа Артемида оттого, что была перенесена туда с той стороны моря (perathen).

i) Strab. XII 2, 3 (Артемида Тавропола в Каппадокии)

Кажется, что здешний [в Команах] культ Артемиды Тавриполы перенесен сюда Орестом и сестрою Ифигенией из Таврической Скифии; здесь он положил и траурные волосы (carpe), откуда и произошло название этого города.

j) Eur. Iph. 1540—1612 (Картина жертвоприношения Ифигении, — рассказ вестника)

О госпожа, не потаю словечка, —
Вот только бы чего мне не забыть,
Да языку в речах меня не спутать...
Когда твою царевну я привел
На луг расцвеченный и к роще девы
Латонии мы подошли, немало
Там было сил ахейских, да и чернь
Толпами прибывала. Чуть завидел
Владыка Агамемнон, что царевна
К нему идет на жертву, как застонет!..
И голову он отвернул, чтоб дочь
Не видеть ближе; слезы побежали
Из царских глаз, но тотчас на лицо
Он надвигает плащ, а дочь-царевна
К родителю приблизилась и так
Ему сказала: «Здесь я, царь-отец,
За родину, за всю Элладу тело
Я предаю на жертву, и никто
Меня к тому не вынуждал — веди же
К богине дочь, коли богиня ждет.
И дай вам бог счастливою удачей
Оружие украсить и домой
С победою вернуться из-под Трои.
А до меня ахеец ни один

Пусть не касается: я горло молча
Подставлю вам; я — сердцем не ягненок».
Вот только и сказала, но словам
Ее тогда все шумно удивлялись.
Великою и смелою душой
Пленила всех царевна. И Талфибий,
Глашатай, нас среди толпы густой
К священному молчанью призывает.
И вот Калхант провидец вынул нож,
Что лезвие таил в суровой коже,
И в россыпь круп его он погрузил
Средь золотой кошницы, а царевне
Венком чело увил. Меж тем Пелид,
Вкруг алтаря кружась, его водою
И той крупой священной окропил
И к дочери Зевесовой взывает:
«О дивная охотница, в ночи
Ты по небу свое светило катишь...
Прими ж от войск союзных этот дар,
И от вождя дружин, Агамемнона;
Кровь чистую из девственной ее
И мраморной мы выпускаем шеи.
Утешься ей и даруй путь судам,
Дай Трою нам высокую разрушить!..»
И в землю взор в молчании вперил
Агамемнон; и Менелай и войско
Потупились. И наскоро мольбу
Жрец сотворил, меж тем как взор прилежно
На девственной груди ее искал,
Где б нож вонзить ему, чтоб без мучений
И разом ей конец настал... Вблизи
Я там стоял... Но не смотрел: мне было
Так тяжело... И вдруг... О, из чудес
Чудесное... Я слышу скрип ножа...
Все головы поднялися невольно...
Но девушки уж не было... И первый
Заголосил провидец, чернь ему,
Как эхо, вторила... И диво вдруг...

(Пауза)

Сам видел и не верю — на лугу,
Близ алтаря лежала, содрогаясь,
Огромная, красы отменной лань,
И кровь ее в последних муках жизни
По ступеням рекой струилась алой...
И снова жрец воскликнул, — только крик
На этот раз был светел: «О ахейцы, —
Так жрец взывал, — вожди и ты, народ!
На алтаре богини перед вами
Лань горная, — а благородный дар,
Царевною возданный Артемиде,

Охотницей божественной отринут...
Она довольна, греки, — ободритесь!
Вот паруса вздуваются, — скорей
За дело вы, матросы, чтоб, немедля
Авлидские покинув глубины,
Нам распахать эгейскую пучину».
И вот когда огонь пожрал дотла
Лань горную, жрец совершил молитву,
Да даст войскам богиня путь обратный...
Все кончилось... И господин меня
К тебе послал, царица, с вестью дивной,
Какой царевна от богов удел
Днесь обрела и что молва о чуде
Меж греками, конечно, не умрет.
И сам скажу, владычица, что видел:
Была меж нас... и скрылась... Знать, богам
Ее призвать к себе угодно было.
Смири же скорбь и гневу на супруга
Ты не мирволь. Бывает, госпожа,
Что, где совсем не ждешь спасенья, боги
Любимого спасут... А дочь твою
Сегодня солнце зрело, Клитемнестра,
Живою, мертвой и воскресшей вновь.

k) Eur. Iph. T. 1328—1419 (Похищение статуи Артемиды Орестом и Ифигенией, — рассказ слуги царя Тавриды Фоанта)

Когда скалы приморской мы достигли,
Где был корабль Орестов затаен,
Атрида дочь остановила знаком
Нас, посланных, чтоб узников стеречь:
Готовилась, ты видишь ли, она
Огонь возжечь таинственный, к обряду
Священному сбираясь приступить.
И вот, из рук рабов оковы взявши,
За пленными несет их. Подозренье
Уж было в нас, но спорить мы не смели...
Затем она, чтоб действия ее
Казались нам обрядом, завопила, —
И, слыша песни непонятной звуки,
Мы думали, что силой ворожбы
Она смывает крови грех с пришельцев.
Крепились долго мы; но все же страх
В конце концов нас донял: ну как гости
Ее, разбив оковы, умертвят
И скроются?.. И все же с места мы
Не тронулись; околдовал нас ужас:
А ну увидишь то, что видеть грех?
И проходило время. Под конец,
Однако, все решили мы нарушить
Ее запрет и ближе подойти.
И видим мы: стоит корабль аргосский;

Уж спущены летучие стопы
Содружных весел; пятьдесят гребцов
Готовы все приняться за работу;
А у кормы, на берегу, — пришельцы,
Свободные от уз. В движенье все
Там было: те шестами судна нос
Придерживали, те к бушприту висячий
Привязывали якорь, те же трап,
Травя поспешно кормовые, в море
Спускали, чтобы юношей принять.
Открыв обман, чиниться больше мы
С гречанкою не стали... Кто девицу
Старается отнять у них, а кто —
Стащить канат иль вынуть руль, искусно
Прилаженный к корме. И языки
Работали при этом: «Кто ж дозволил
Вам увозить и жрицу и кумир?
И кто ты, чей?» А он в ответ: «Ореста
Вы видите: я брат ее, и дети
Атрида мы, коль ты желаешь знать.
Свою сестру, погибшую для дома,
Я здесь нашел и увожу с собой».
Но в девушку вцепились мы тогда
Еще дружней, мы силою старались
Ее вернуть. Ты видишь на моих
Щеках следы ударов тяжких, царь...
Оружия аргосцы не имели,
И не было у нас его: кулак
Там раздавал удары. Ноги также
Они пускали в дело: то в живот,
То в бок нога аргосца попадала;
А сцепимся бороться мы, и вмиг
Все тело измолотят нам. Печатью
Отмечены жестокой, на утес
Взобрались мы — кому изранен череп,
Кому в глаза попало. С высоты
Сражаться нам сподручней было. Камни
Летели на корабль их. Но стрелки,
На их корме стоявшие, не долго
Нам выдержать давали. Вот волна
К земле ладью прибила; видим: дева
Ступить боится в воду, а Орест,
На левое плечо ее поднявши,
Шагает прямо в волны, вот по сходням
Взбирается и в корабельный трюм
Девицу он спускает, а за нею
И дар небес, богини изваянье.
И голос мы услышали, — он шел
Из корабля: «За весла, мореходы!
Их лопасти покройте пеной белой,

Добыча здесь — и этот лютый путь
Не даром нам открыли Симплегады».
Отрадный вздох гребцов ответом был,
Ударили по веслам... и покуда
Не выходил из гавани корабль,
Он двигался; но лишь ее предела
Коснулся он, напав, могучий вал
Загородил пловцам дорогу, ветер
Назад ладью крылатую повлек,
И хоть гребцы ее, с волнами споря,
На весла налегали, но прибой
Их возвращал земле. Тогда, поднявшись,
Аргивянка молиться стала Деве,
И так она молилась: «Дочь Латоны,
Спаси меня, прислужницу свою!
Из варварских пределов дай в Элладу
Вернуться, похищенье мне простив!
Ты любишь брата своего, — дозволь же
Ифигении своего любить!»
Гребцы мольбу венчали кликом. Руки
Обнажены до самого плеча,
И движутся с двойною силой весла,
Покорные призыву, а пэан
Звучит из уст... Но нет... Скала все ближе.
Один из наших подле уж, другой
Их на канате тянет... Тут немедля
Я с вестию к державному: «Спеши
С арканами, владыка, и с цепями!..
Коль ветер не утихнет, для гостей
Надежды нет. А повелитель моря,
Пергама страж, могучий Посидон,
Враждебный Пелопидам, не откажет
Нам сына Агамемнона предать
С сестрой его, которая, забыв
Авлидской казни ужас, изменила
Богине, чьим веленьем спасена!»

l) Eur. Iph. T. 1434—1474 (Артемида Лаффрийская: учреждение культа Артемиды Таврополы, — речь Афины к Фоанту о прекращении преследования Ореста и Ифигении)

Куда, куда направил ты стопы,
О царь Фоант? Внемли словам Афины!
Останови погоню, прекрати
Твоих дружин поток необоримый.
Вещаниям покорный Аполлона,
Орест сюда явился: должен он
Эриний гнев умилостивить, в Аргос
Вернуть сестру и в край любимый мой
Кумир святой доставить Артемиды:
То мук его снедающих предел.

Вот речь моя тебе. Орест же... думал
Его схватить ты под крылами бури
И умертвить. Напрасно: Посидон
Хребет морской в угоду мне разгладил.
Уже и плаванью препятствий нет.
А все ж и ты узнай мое веленье,
Орест: богини голос слышишь ты,
Хоть нет тебя вблизи. Плыви счастливо
С кумиром Артемиды и с сестрой!
Когда ж прибудешь в град мой богозданный, —
Ищи села там у пределов крайних
Земли Афинской, — с ним соседен кряж
Каристии; оно священно, кличет
Его народ мой Галами. Ты храм
В селе воздвигнешь этом и богиню
В нем поселишь. А имя будет ей
На память о таврическом изгнанье
И о твоих скитаньях под ярмом
Эриний тяжким, и польются песни
В честь Артемиды Тавриполы там.
И учреди обряд; когда сберется
На празднество народ, пускай взамен
Твоей прощеной жертвы шеи мужа
Коснется нож и брызнет крови ключ —
Устава ради и в почет богине.
А ты, Ифигения, у священной
«Бравронской лествицы» богине этой
Должна привратницей служить; под ней
Найдешь ты и могилу. Приношеньем
Тебе там будут женщин одеянья,
Скончавшихся в родах.

m) Paus. VII 18, 8—13, 19, 1—9 (То же, — из описания Патров в Ахее)

(8) В патрейском акрополе есть храм Артемиды Лафрии. Название богини иностранное; статуя богини привезена сюда тоже из другого места, потому что, когда Август разорил Калидон и всю Этолию, для того чтобы этолы поселились в Никополе, что за мысом Акцием, тогда патрейцы получили статую Артемиды Лафрии. В Никополь, по приказанию Августа, перевезены статуи из Этолии и Акарнании, а патрейцам подарена из калидонской добычи, между прочим, статуя Артемиды Лафрии, (9) которой и теперь поклоняются в патрейском акрополе. Одни говорят, что название «Лафрия» богиня получила от фокейца Лафрия, сына Касталия, внука Дельфова, который будто бы еще в древние времена воздвиг эту статую для калидонцев; а другие утверждают, (10) что название произошло от Элафии [«мягкая»] — гнев Артемиды на калидонян из-за Инея наконец «смягчился». Статуя представляет Артемиду на охоте, сделана из слоновой кости и золота навпакторийцами Менехмом и Соидом. Мне кажется, что эти художники жили немногим позднее сикионца Канаха и эгинянина Каллона. (11) Патрейцы ежегодно совершают

празднество Лафрийской Артемиде и при этом приносят жертву особенным образом. Вокруг алтаря ставят совершенно зеленые колья вышиной около шестнадцати локтей, а внутри, на алтарь, кладут сухие дрова. На это время ступени алтаря посыпаются землею, и доступ к алтарю выравнивается. На первый день совершается торжественное шествие, которое замыкается жрицей священной девы, едущей на колеснице, запряженной оленями. (12) На следующий день приступают к жертвоприношению, причем происходит величайшее соревнование между городом и частными лицами. На жертвенник бросают всяких живых зверей: съедомых птиц, диких свиней, оленей, серн, иногда молодых волков и медведей, иногда взрослых; затем кладут на алтарь плоды фруктовых деревьев и зажигают дрова. Конечно, (13) при первом прикосновении пламени медведь или другое животное старается вырваться и иногда вырывается, но его приводят обратно; тем не менее там не помнят случая, что зверь тронул кого-либо.

Смерть Актеона. Метопа храма Геры в Селинунте

19 (1) Между храмом и алтарем лафрийской богини находится могила Еврипила. Кто это такой и почему сюда прибыл, будет после сказано, но сперва я вкратце опишу положение жителей этой страны во время прибытия Еврипила.

Когда ионийцы населяли Арою, Анфию и Месатис, у них был общий храм и священная роща Трикларийской Артемиды, для которой ионийцы ежегодно совершали ночное празднество. Жрицей ее была девица, не достигшая времени замужества. Однажды, говорят, жрицей была очень красивая девица Комефо, в которую влюбился Меланипп, (2) тоже отличавшийся между сверстниками приятным видом и другими преимуществами. Меланипп заслужил любовь девицы и стал свататься ее у отца; но старость часто противится молодым и равнодушно относится к любящим, потому и Меланипп, желавший жениться на любимой Комефо, не получил согласия ни своих, ни ее родителей. (3) Тогда с Меланиппом случилось то, что бывает и со многими другими, потому что любовь не признает прав ни божеских, ни человеческих. Комефо и Меланипп исполнили желание любви в храме Артемиды. Может быть, они и долее пользовались бы храмом как брачным чертогом, но их постиг гнев Артемиды: земля перестала производить плоды, явились необыкновенные болезни и смертность усилилась. (4) Обратились к дельфийскому прорицалищу, и Пифия объявила виновными Меланиппа и Комефо: прорицалище требовало принести их в жертву Артемиде и затем ежегодно жертвовать богине по девочке и мальчику, из самых красивых. От этого жертвоприношения река при храме трикларийской богини получила название Амилихия [«немилостивая»]. Раньше она не имела никакого названия. (5) Достойны сожаления девочки и мальчики, которые из-за Меланиппа и Комефо невинно погибали в честь богини; еще более достойны сожаления их

родители; но Меланиппа и Комефо я не считаю несчастными, потому что единственное, за что человек может отдать свою жизнь, это и есть достигнуть цели любви.

(6) Приношение человеческих жертв Артемиде прекратилось, говорят, таким образом. Уже раньше из Дельф получено было изречение, что явится иностранный царь, привезет чужое божество и прекратит жертвоприношение Трикларии. Когда, по падении Илиона, эллины разделили добычу, Еврипилу, сыну Евемона, достался ящик, в котором находилось изображение Диониса, произведение будто бы самого Гефеста, дар Зевса Дардану. (7) Об этом изобретении есть еще два рассказа: будто Эней в бегстве оставил этот ящик или Кассандра бросила его, как роковой дар тому эллину, кому он достанется. Еврипил, когда открыл ящик и увидел статую, тотчас помешался, и после уже редко был в полном сознании, и в таком состоянии направил корабль не в Фессалию, а в Киррский залив. Прибыв в Дельфы, он спросил бога о своей болезни и получил ответ: (8) «Где найдет чужой образ жертвоприношения, там поставить ящик и поселиться». Ветер пригнал корабли Еврипила к берегу Арои. Высадившись, Еврипил встретил мальчика и девочку, которых вели к жертвеннику Трикларии, и тогда ему нетрудно было узнать в этом указание бога. Точно так же и жители при виде царя, которого раньше не видели, вспомнили изречение и сообразили, что ящик заключает в себе бога. (9) Таким образом Еврипил выздоровел, а туземцы освободились от жертвоприношения и река стала именоваться Милих [«милостивая»].

В. ТИПЫ АРТЕМИДЫ

16. a) Paus. III 10, 7 (Артемида Кариатида в Кариях, около Гермионы в Лакедемоне)

Третий поворот с прямой дороги направо ведет к Кариям и к храму Артемиды. Карий — местность, посвященная Артемиде и Нимфам, и тут под открытым небом стоит статуя Артемиды Кариатидской; тут лакедемонские девушки каждый год проводят хоры, и у них есть местный установленный танец.

Ср. Paus. IV 16, 9 (о карийских девушках, составлявших хоровод в честь Артемиды).

Luc. De sal. 10

Лакедемоняне, слывущие храбрейшими у эллинов, усвоили от Полидевка и Кастора особый вид пляски, которому можно обучаться в лаконском местечке Кариях; и он так и зовется — «кариатида».

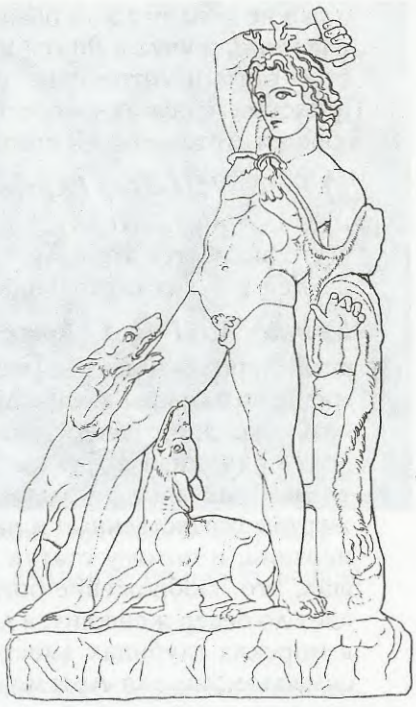
b) Paus. IV 4, 2 (Артемида Лимнатида)

На границах Мессении есть святилище Артемиды, именуемой Лимнатидой [владычицей озер]; из дорян одни только мессеняне и лакедемоняне принимали участие в обладании этим святилищем.

Ср. Paus. III 2, 6; IV 31, 3.

c) Strab. VIII 4, 9

Храм Артемиды в Лимнах, в котором, кажется, мессенцы оскорбили девушек, пришедших для жертвоприношения, находится на границах Лаконики и Мессении, где жители обеих областей совершали общее празднество и приносили общие жертвы. Однако по поводу насилия, когда мессенцы не дали удовлетворения, возникла, говорят, между ними и лакедемонянами война. От этих Лимн называется Лимнейским и храм Артемиды в Спарте.



Актеон

d) Paus. III 18, 4 (Артемида Кнагия в Спарте)

Относительно Артемиды Кнагии рассказывают следующее. Говорят, что спартанский уроженец Кнагии участвовал в походе на Афидну вместе с Диоскурами, был в битве взят в плен и, проданный на Крит, был рабом там, где у критян храм Артемиды; через некоторое время он бежал оттуда вместе с девушкой-жрицей, которая бежала, захвативши изображение богини. Поэтому и называется, как они говорят, эта Артемида Кнагией.

e) Paus. VIII 5, 11—12 (Артемида Гимния в Аркадии и случай с Аристократом, царем Аркадии)

(11) Затем Аристократ, сын Эхмида, может быть, и многим чем обидел своих аркадян, — я этого не отрицаю и не подтверждаю, — но не могу умолчать о том, что мне самому известно об ужасном его преступлении против богов. На границе Орхомена с Мантинеею есть храм, по прозванию Артемиды Гимнии [В гимнах]. Эту Артемиду с незапамятных времен почитают все аркадяне. Жреческую должность этой богини исполняла тогда одна молодая девица. (12) Встречая на все свои гнусные попытки упорный отказ этой девицы, Аристократ однажды ворвался за нею в храм и, несмотря на то что она припала к жертвеннику Артемиды, здесь обесчестил ее. Когда этот ужасный поступок сделался известен, аркадяне побили его камнями и по этому поводу изменили самый закон, так что впредь жреческая должность Артемиды предоставлялась не девушке, а замужней женщине, как достаточно знакомой с мужчинами.

Ср. Paus. VIII 13, 5 (о могиле Аристократа около Орхомена).

f) Paus. VIII 13, 1 (Артемида Гимния в Орхомене)

В Орхоменской области, налево от дороги, ведущей от Анхизии, на склоне горы, находится святилище Артемиды Гимнии, в котором и мантинейцы имеют свою жрицу и своего жреца, и те всю жизнь должны соблюдать целомудрие и во всем соблюдать святость, так что в образе жизни своем и даже в купанье они поступают совсем не так, как другие люди, и

даже не входят в дом обыкновенного человека. Подобно этому, как мне известно, живут в Эфесе целый год, но не более, поступающие в жречество богини Артемиды Эфесской «истиаторы» [угощатели], которых граждане называют «ессинами» [царями].

Праздники Артемиды «В гимнах» совершаются ежегодно.

g) Paus. VIII 37, 1 (Артемида Гегемона в Аркадии)

Храм владычицы находится в 4 стадиях от Акакисия. Перед ним прежде всего виднеется храм Артемиды Гегемоны с медной статуей богини, держащей в руках светильники. Я полагаю, ей около 6 футов.

h) Paus. VIII 41, 5 (Артемида Евринома в Фигалии)

Простой народ в Фигалии [в Аркадии] считает Евриному названием Артемиды, но люди, знающие древности, говорят, что Евринома — дочь Океана, о которой Гомер упоминает в «Илиаде», и что она вместе с Фетидою принимала Гефеста. Этот храм все время остается закрытым, и только раз в год, в один и тот же день, его открывают и приносят жертвы общественные и частные. Мне не довелось быть на этом празднании, и потому статуи Евриномы я не видел, а от фигалийцев слышал, что изображение богини окружено золотыми цепями и представляет до бедер женщину, а дальше рыбу. Как для дочери Океана, живущей в морских глубинах вместе с Фетидой, рыба может служить хорошим символом, но для Артемиды такой вид не имеет никакого смысла.

17. a) Paus. VI 22, 8—11 (Артемида Алфея в Элиде)

В старину Летрины был город, основанный Летреем, сыном Пелопса, но теперь зданий осталось мало, между прочим, храм со статуей Артемиды Алфейской, названной так будто бы по следующей причине: Алфей влюбился в Артемиду; но, убедившись, что увещаниями и просьбами не достигнет брака, решился принудить богиню. Для этого он, преследуя богиню, пришел за ней в Летрины на ночной праздник Артемиды и Нимф и здесь присоединился к играм. Но Артемида, подозревая замысел Алфея, вымарала себе лицо речным илом; то же сделали и ее Нимфы. Таким образом, Алфей на мог узнать Артемиду и возвратился ни с чем. Поэтому летринейцы назвали богиню Алфейской за любовь к ней Алфея. Элийцы, с древних пор жившие в дружбе с летринейцами, перенесли свое почитание Артемиды Элафиейской в Летрины на Артемиду Алфейскую. Таким образом с течением времени Алфейскую богиню стали называть Элафиейской; а это название, как мне кажется, элийцы дали Артемиде от охоты ее за оленями. Но они утверждают еще, что Элафией называлась элийская кормилица Артемиды.

Ср. Paus. V 4, 6.

b) Paus. VII 8—13 (Артемида Лаффия в Этолии)

См. § 15 m.

c) Strab. X 1, 10 (Артемида Амаринфская)

О том могуществе, каким в былое время обладали эретрийцы, свидетельствует столб, который они некогда поставили в храме Артемиды Амаринфской; начертанная на нем надпись гласит, что эретрийцы совершают праздничную процессию с 3000 гоплитов, 600 всадниками и с 60 колесницами.

d) Paus. IX 19, 6 (Артемида Беотийская)

Там [в Авлиде] есть храм Артемиды и две статуи из белого мрамора: одна несет факелы, другая представляет стреляющую. Говорят, когда эллины, по изречению Калхаса, хотели на жертвеннике заколоть Ифигению, то богиня, вместо Ифигении, поставила пред жертвенником лань. В храме хранится часть пня от того платана, о котором Гомер упоминает в «Илиаде». Как известно, в Авлиде долго эллинам не дул попутный ветер, и когда подул, то каждый принес в жертву богине какое у кого было животное — самка или самец. С того времени и до сих пор остается обычай, что в Авлиде приносят всякие жертвы.

Актеон. Древнегреческий рельеф

18. a) Paus. I 31, 4—5 (Артемида Мирринунтская)

(4) В Мирринунте есть деревянное изображение Артемиды Колаиниды. Афмонейцы же почитают Артемиду Амарисию. (5) Спрашивая знающих толкователей относительно этих богинь, я не нашел у них никакого ясного ответа; моя же личная догадка такова: на Евбее есть город Амаринф, и тамошние жители почитают Артемиду Амарисию. И праздник Амарисии афиняне справляют не с меньшей торжественностью, чем евбейцы. Таким путем, думаю, перешло это имя к афмонейцам. А у мирринунтцев Коленидой Артемида стала называться от Колаина. Я уже раньше писал, что многие из жителей в этих демах утверждают, что и до времени владычества Кекропса у них были цари. Так вот, как говорят мирринусийцы, Колаином назывался человек, который, прежде чем воцарился Кекропс, был у них правителем.

b) Paus. I 19, 6 (Артемида Агротера в Аграх аттических)

Кто переходит здесь по мосту Илис, тот вступает в местечко, называемое Агры [«ловы»] с храмом Артемиды Агротеры [Ловитчицы]; говорят, что здесь некогда, придя с Делоса, охотилась Артемида; поэтому и ее статуя имеет лук.

c) Paus. I 14, 5 (Артемида Евклия на афинском базаре)

Еще дальше стоит храм Евклии [Доброй славы]; и он является посвящением, выстроенным на средства из добычи мидян, которые высадились на землю у Марафона в Аттике. Мне кажется, что афиняне больше всего гордятся этой победой.

Ср. Paus. IX 17, 1 (о храме Артемиды Евклии в Фивах) и Хен. Hell. IV 4, 2.

d) Strab. XIII 4, 5 (Артемида Колойская)

[Недалеко от Сард] стоит храм Колойской Артемиды, пользующийся великим почтением. Рассказывают, что там во время праздников пляшут

жертвенные коробки: я, право, не понимаю, почему предпочитают рассказывать неправду вместо правды.

e) Paus. II 30, 7 (Артемида Саронида в Коринфе)

После Алфепа царем стал Сарон. Говорят, что он воздвиг храм Артемиде Саронидской у моря болотистого и настолько мелкого, что его поэтому называют Псифайским болотом. Сарон очень любил охотиться; и вот однажды, подняв лань, он преследовал ее, и вслед за ней, в бегстве кинувшейся в море, бросился и он. Лань уплыла далеко от берега, а Сарон, не желая упустить добычи, вошедши в азарт, погнался за ней и очутился в открытом и глубоком море; там он попал в тяжелое положение, волны стали его заливать, и он подвергся неизбежной для всех участи. Его труп был выброшен у болота Псифаи, и похоронили его в роще Артемиды, внутри священной ограды, и с этих пор болотистую часть моря в этом месте стали вместо Псифаи называть Саронический заливом.

Paus. II 32, 10

Недалеко отсюда стоит храм Артемиды Саронидской, — о котором я уже упоминал в своем рассказе. Вот что еще надо прибавить: они ежегодно справляют праздник Саронии в честь Артемиды.

f) Paus. VIII 23, 1 (Артемида Орфия)

Из храмов в Алее находятся: Артемиды Эфесской, Афины Алеи и Диониса с изваянием. Дионису ежегодно празднуют Скиерии [Кущи], причем, в силу прорицания из Дельф, алейские женщины бичуют себя так точно, как в Спарте юноши бичуют себя около храма Артемиды Орфии.

19. a) Etym. M. Britomartis (Артемида Бритомартис)

Hesych. Бритомартис на Крите — Артемида.

Schol. Arist. Ran. 1356. Диктинной он [Аристофан] называет Артемиду.

Solin. XI 8. Критяне очень глубоко почитают Диану, называя ее в просторечии Бритомартис, что на нашем языке значит «сладкая дева».

Ср. Hesych. Brityh — «сладкое». Etym. M. Briton — «хорошее».

b) Paus. II 30, 3

Если в Эгине идти в гору Всеэллинского Зевса, то встречается храм Афайи, в честь которой Пиндар написал эгинетам свою оду. Критяне рассказывают, — а это предание у них местного происхождения, — что у Карманора, очистившего Аполлона от убийства Пифона, был сын Евбул и что от Зевса и Кармы, дочери Евбула, родилась Бритомартис, что она любила бег и охоту и была особенно дорога Артемиде; убегая от влюбленного в нее Миноса, она бросилась в море, где были поставлены сети для ловли рыбы. Артемида сделала ее богиней, и ее чтут не только критяне, но и эгинеты, говоря, что Бритомартис появляется у них на острове. Поэтому у эгинетов ей прозвище Афайя, а на Крите — Диктинна (Ведающая сетями).

c) Anton. Lib. 40 (Артемида Бритомартис)

(1) У Кассиепеи, дочери Аравия, и Финика, сына Агенора, родилась Карма. Сойдясь с нею, Зевс родил Бритомартис. Последняя, избегая общения с

мужчинами, любила всегда оставаться девой. (2) Она прибыла сначала из Финикии к дочерям Эрасина Бизе, Мелите, Мере и Анхирое, затем поднялась у Аргоса в Кефаллению; кефалленцы назвали ее Лафрией и стали воздавать почести как богине. (3) Затем она пришла на Крит; и увидевший ее Минос стал преследовать ее своей любовью. Она же бежала к рыбакам. Те закутали ее в сети, и критяне от этого назвали ее Диктинной [dictya — «сети»] и стали приносить ей жертвы. Убежавши от Миноса, Британартис прибыла на Эгину на судне с рыбаком Андромедом. (4) Последний тоже простер к ней руки в стремлении соединиться с ней. Но Британартис соскочила с судна и бросилась в море, там, где еще и теперь находится ее святилище. Тут она стала невидимой (и назвали ее Афеей). А в святилище Артемиды вместо ее тела появился кумир. То место, где Британартис стала невидимой, эгинеты стали считать священным, а ее самое назвали Афеей и стали ей приносить жертвы как богине.

Ср. Callim. Hymn. 189—205 в § 23 и Ciris 295 слл.

d) Diod. V 76, 3—4 (Британартис)

(3) Рассказывают, что Британартис, имеющая прозвание Диктинны, родилась в Кайне на Крите от Зевса и Кармы, дочери Евбула от Деметры. Ставши изобретательницей сетей, она и получила отсюда прозвище Диктинны. Она проводила время с Артемидой, по каковой причине некоторые полагают, что Диктинна тождественна с Артемидой. Эта богиня почтена у критян жертвами и храмовыми постройками. (4) Исследователи говорят, что она названа была Диктинной оттого, что она попала в рыболовные сети. Ее преследовал Минос ради соединения с нею, и она сбилась с правого пути. Ведь невероятно и то, что богиня впала в подобную слабость, чтобы просить помощи у людей, будучи дочерью величайшего бога; несправедливо и то, что Минос впал в такое нечестие, поскольку о нем существует единогласное предание, что он стремился к правым решениям и что он был похвальной жизни.

e) Paus. III 14, 2 (Артемида на холме Иссории в Питане — Британартис)

А если повернуть назад к Лесхе, то будет храм Артемиды Иссории, называемой также Лимнией [Владычицей вод]; но это собственно не Артемида, а Британартис критян; что касается ее, то ее история у меня рассказана при описании Эгины.

20. a) Hesych. (Артемида Бендис)

Bendis — по-фракийски Артемида. У афинян праздник Бендидеи (ср. Plat. R. P. I 354 a).

Palaeph. 32. Фракийцы называют Артемиду Бендеей.

Schol. Plat. R. P. I. Артемида зовется у них [у фракийцев] Бендис.

b) Hesych. Dilognchon [«двухкопейное»]

Кратин в Траттах назвал [род морской рыбы] так: Бендис — или потому, что она получила в удел два почитания, небесное и земное (копьями называли жребии), или потому, что она носит два копья, будучи охотницей. Некоторые же утверждают, что это от обладания ею двумя излу-

чениями, собственным и солнечным, так как Бендис и Артемиду считали Луной.

c) Paus. IV 31, 7—8 (Артемида Эфесская, или Лаффия)

(7) У калидонян Артемида, которую они чтут больше всех других богов, носит наименование Лаффии; получив Навпакт от афинян, мессеняне стали жить очень близко от пределов Этолии и потому заимствовали культ этой богини от калидонян. Внешний вид ее я опишу в другом месте. (8) Наименование Лаффии проникло только к мессенянам и к ахейцам из Патр; все другие города именуют ее Артемидой Эфесской, и отдельные лица чтут ее выше всех других богов. Причиною этого, как мне кажется, является слава амазонок, которые, по преданию, воздвигли эту статую, и то обстоятельство, что этот храм сооружен в древнейшие времена. Кроме этих двух причин сюда присоединяются еще три другие, возвеличивающие ее славу: это — величина храма, превосходящего все человеческие сооружения, процветание города Эфеса и то исключительное положение, которым пользуется здесь богиня.

d) Paus. VII 2, 6—7 (К вопросу об основании храма Артемиды Эфесской)

(6) Но храм и прорицалище Аполлона в Дидимах гораздо древнее поселения здесь ионийцев; точно так же древнее этого поселения и почитание Артемиды Эфесской. (7) Как мне кажется, Пиндар, сказавший, что этот храм построили амазонки, когда воевали против Афин и Тесея, знал не все о богине, потому что фермодонские женщины и тогда уже приносили жертвы Эфесской богине, как знавшие этот храм издревле; и когда они бежали от Геркулеса и еще раньше от Диониса, то обратились в Эфес. Следовательно, этот храм построили не амазонки.

e) Athen. VIII 361 d (Сообщение Креофила об основании Эфеса и храма Артемиды Эфесской по указанию дикой свиньи)

f) Strab. XIV 1, 22—23 (К истории храма Артемиды Эфесской)

(22) Храм Артемиды Эфесской заложен впервые Хересифроном; после него другое лицо увеличило его. Когда сжег его некий Герострат, то жители города выстроили другой, лучший, снесши украшения жен и собственные имущества и продавши старые столбы. Подтверждается это состоявшимися тогда постановлениями, которые не были известны, как сообщает Артемидор, Тимею Тавромениту, человеку вообще завистливому и клеветнику, почему и назвали его Эпитимеем (Порицателем); он пишет, что эфесцы соорудили храм на доверенное им персидское достояние. На самом же деле, продолжает Артемидор, персидского достояния у них не было, а если бы и было, то оно сгорело вместе с храмом. Когда после пожара недоставало крыши, то кому же могла прийти охота оставить доверенное достояние в открытом сверху храме? Александр обещал эфесцам уплатить сделанные расходы и докончить остальное на свой счет с тем условием, чтобы на храме начертана была надпись; но жители города отказались от этого, потому что у них было гораздо более сильное нежелание приобрести себе славу святотатством и кощунством. Артемидор хвалит эфесца, сказавшего Александру следующее: «Богу не подобает воздавать дары богам».

Гибель Актеона

(23) По окончании храма, который, по словам того же писателя, был произведением Хейрократа, того самого, который построил Александрию (он же обещал Александру преобразить в него <в его статую> гору Афон, представивши царя совершающим жертвенное возлияние из кувшина в чашу, обещал также соорудить два города, один с правой стороны горы, другой с левой, и провести реку от одного города в другой), — итак, по окончании храма Эфесского, вследствие благоволения художников, жители собрали множество прочих священных даров; что касается алтаря, то он был занят почти исключительно произведениями Праксителя. Впрочем, нам показывали также несколько произведений Трасона, которому, между прочим, принадлежат изображения Гекаты, источник «Пенелопа» и старуха Евриклея. Жрецами в храме были евнухи, которых называли мегабизами; некоторые из них, достойные такого звания, были приглашаемы из чужих земель; все они пользовались большим почетом. Помощниками их должны были быть девушки. Часть постановлений соблюдается и доныне, другие пренебрегаются; право же убежища принадлежало храму и прежде и осталось за ним и теперь. Впрочем, пределы убежища часто менялись: так, при Александре они простирались на одну стадию, а при Митридате — на расстояние стрелы, пущенной с угла крыши, немного превосходящее одну стадию; Антоний удвоил это расстояние, присоединивши к убежищу и часть города Эфеса. Однако такое право храма оказалось вредным и предало город в руки злодеев; вследствие этого право убежища было отнято кесарем Августом.

Ср. Paus. VIII 13, 1 (о жрецах Артемиды Эфесской, § 16 g).

g) Anthol. Pal. IX 58 (На храм Артемиды Эфесской)

Видел я стены твои, Вавилон, на которых просторно
И колесницам; видел Зевса в Олимпии я,
Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса
И пирамиды — дела многих и тяжких трудов;
Знаю Мавзола гробницу огромную. Но лишь увидел
Я Артемиды чертог, кровлю вознесший до туч,
Все остальное померкло пред ним; вне пределов Олимпа
Солнце не видит нигде равной ему красоты.

h) Anthol. Pal. II 790

Кто перенес Парфенон твой, богиня, с Олимпа, где прежде
Он находился в ряду прочих небесных жилищ,
В город Андрокла, столицу ретивых в бою ионийцев,
Музами, как и копьем, славный повсюду Эфес?
Видно, сама ты, сразившая Тития[9], больше Олимпа
Город родной возлюбя, в нем свой воздвигла чертог.

Диана Габийская

i) Strab. IV 1, 4 (Распространение культа Артемиды Эфесской вплоть до испанской Массалии)

На Акрополе <в Массалии> стоят святилища Артемиды Эфесской и Аполлона Дельфийского; последнее составляет общую святыню ионян. Рассказывают, что фокейцы, удалясь из отечества, получили изречение оракула, повелевавшее им взять себе в проводники лицо, указанное Артемидою Эфесской. После этого они отправились в Эфес с целью узнать, каким образом они могут получить от богини то, что им велено; в это время одной из почетнейших женщин города предстала во сне богиня и велела ей взять с собой изображение святилища и проводить фокейцев. Когда это было исполнено и основание колонии окончено, фокейцы соорудили храм и оказали чрезвычайные почести Аристархе, избранной в жрицы. Вообще во всех основанных ими колониях фокейцы чтут эту богиню выше всех прочих, сохраняют особенности ее изображения и все те обычаи, которые узаконены в метрополии.

j) Xen. Anab. V 3, 4—13 (Построение Ксенофонтом храма Артемиды Эфесской в Скилунте)

(4) Здесь же [Керасунт в Колхиде] разделили сумму, образовавшуюся от продажи пленных, и, кроме того, каждый стратег, для сохранения богам, получил свою часть от той десятины, которую эллины отделили для Аполлона и Артемиды Эфесской. За Хирисофа получил Неон из Асины. (5) [Уже впоследствии] Ксенофонт, сделав приношение Аполлону, посвятил его в Дельфы в сокровищницу афинян, вырезав на этом приношении свое имя и имя Проксена, который погиб вместе с Клеархом. Ведь Проксен был друг Ксенофонта. (6) Но сумму, предназначенную на приношение Артемиде Эфесской, он, возвращаясь из Азии вместе с Агезилаем <и направляясь> в поход против Беотии, оставил смотрителю храма Артемиды, Мегабизу, так как сам шел на явную опасность. Он завещал Мегабизу, чтобы тот в случае,

если Ксенофонт останется в живых, возвратил ему эту сумму, в случае же какого-либо несчастья, сделал такое приношение богине, какое найдет наиболее ей угодным.

(7) После изгнания Ксенофонта [из Афин], когда он жил уже в Скилунте, при Олимпии, поселившись там благодаря лакедемонянам, прибыл в Олимпию Мегабиз, чтобы посмотреть [на Олимпийские игры] и возвратить Ксенофонту его сумму на приношение богине. Ксенофонт купил на эти деньги поместье в честь Артемиды на том месте, где ему указал бог. (8) Совпало так, что через эту местность протекала река Селинунт, а в Эфесе при храме Артемиды протекала река тоже Селинунт; и в обеих реках водятся рыбы и раковины. Но в Селинунтском округе, кроме того, можно охотиться на всяких диких животных. (9) Там Ксенофонт устроил на священные деньги храм с жертвенником и впоследствии, уделяя десятую часть из произведений своего поместья, посвящал ее богине. Праздник посещали все граждане и соседи, одинаково как мужчины, так и женщины. Для приезжавших [на праздник] богиня доставляла ячменную муку, хлеб, вино, лакомства, а также известную долю от животных, которые приносились в жертву из священного пастбища и из пойманных на охоте. (10) Ведь к этому празднику сыновья Ксенофонта и других граждан устраивали охоту, в которой принимали участие и взрослые, кто желал. Некоторых животных можно было поймать здесь же, в этой священной области, а некоторых — на Фолое; это — дикие кабаны, серны и олени. (11) Самое место лежит на той дороге, по которой едут из Лакедемона в Олимпию, на расстоянии двадцати стадий от храма Зевса в Олимпии. В этой священной местности находятся луг, рощи и горы, покрытые деревьями и годные для кормления свиней, коз, волов и лошадей, так что здесь пасется и тот скот, на котором приезжают к празднику. (12) Вокруг храма разведен сад из разного рода фруктовых деревьев, плоды которых служат для десерта. Самый храм, несмотря на малый размер, совершенно похож на великий храм Эфесский. И кумир богини, будучи кипарисовым, похож на золотой кумир в Эфесе. (13) При храме стоит колонна с следующей надписью: «Священное место Артемиды. Владетель и получатель доходов обязывается ежегодно посвящать десятину для жертвоприношений, из остального поддерживать благоустройство храма. Кто не станет этого делать, тому воздаст богиня».

k) Plut. De aud., p. 4 (Тимофей об Артемиде Оргийной)

Когда Тимофей воспевал Артемиду в театре: «Менада, нечестивая, пророчица, бешеная» (mainada, thyada, phoibada, lyssada)... ему отвечал Кинесий...

Г. ОБРАЗ АРТЕМИДЫ

21. Cornut. 34 (Артемида — Луна — Геката — Илифия)

Артемида названа: *светоносцем* потому, что и сама она бросает свет и както освещает окружающее, в особенности когда она полнолунная; *Диктинной* (dictynna — «бросающая свет») — по бросанию лучей (ибо

«dicein» — бросать), или же потому, что ее сила расходится по всему, что на земле, будучи как бы тем, что набрасывает сети. Ее изображают, между прочим, охотницей, звероубийцей, стрелком по оленям и блуждающей по горам в целях обращения проистекающего от нее вреда на диких животных или потому, что она появляется главным образом ночью, а ночью везде глубокая тишина, как в лесах, и в пустынных местах, так что она представляется блуждающей в подобных местностях. А то, что она, будучи стрелком из лука, занимается охотой, присочиняется к этому уже извне. Согласуется с этим и то, что ее *собаки считаются священными*, будучи приспособленными для ловли диких зверей, что они от природы бодрствуют по ночам и лают. На охоту похоже и то, что она не перестает то ли преследовать солнце, то ли убегать от него, затем идти вслед за животными в зодиаке и быстро с ними сходиться. Специфична для охоты и ее скорость. Будучи ближе всего к земле из небесных тел, она, как говорят, вращается вокруг горных вершин.

Ничем не отличная от нее *Геката* введена в трехвидной форме ввиду того, что Луну составляют три наиболее общие фигуры, так как она бывает серпообразной, полнолунной и принимает, как изображают, еще некоторую третью фигуру, соответственно которой делается полной ее выпуклость [первая и третья четверти], но не делается полным ее круг. Отсюда уже она получила название и *Трехдорожницы* и стала считаться надзирательницей перекрестков трех дорог, ввиду своего тройного изменения во время движения через животных [зодиака]. Далее, так как солнце появляется только благодаря дню, то назвали ее видящей и ночью и в темноте, и оборотнем (metaballoysan), и ночной, и вращающейся ночью, и хтонической; и ее стали почитать вместе с подземными богами, принося ей [жертвенную] пищу. В добавление к этому было выдумано, что она оскверняет эту землю, и оскверняет в смысле покойников, что она помогает колдуньям и привлекается против жилищ, затем, наконец, что она радуется страданиям и убийству, откуда некоторые уже сделали заключение, что она имеет желание быть умилостивляемой нелепыми жертвами и закланием в жертву людей.

«Придорожная» она не по чему другому, как по тому же, по чему и Аполлон — «уличный».

Тою же самой многим представляется и *Илифия*, которая непрестанно вращается и совершает свой бег вокруг земли. Ее молят роженицы прийти к ним с милостью и «разрешить им пояс» [т. е. помочь при родах], разрешить сокращение мускулов в чреве для легкого и более безболезненного выталкивания зачатого плода наружу, потому что она называется и Элевфо [Свободной, Свободой]. Существует предание, что Илифий много в том же смысле, в каком много и Эротов; и роды женщин так же многосложны, как и страсти любящих. Очевидно также, что Луна приводит задуманное к исполнению и ее принадлежностью является — его растить и избавлять от вреда, когда оно созреет. Не удивительно также, что, по одному изложению, Артемиду считали *девой*, поскольку она непорочна и чиста, подобно солнцу, по другому — *стражем рождающих*, поскольку от нее зависит благополучное появление рождаемого, по третьему — она содержит нечто ужасное и тяжелое, подобно тому мнению, которое мы высказали о Гекате.

Принесение в жертву Ифигении

22. *Liban Or. V F. (Обзор мифологии Артемиды)*

Вступление

1. Самое то, что я сейчас и живу, и говорю, и вижу вас, и вы меня видите, очевиднейшим образом даровано мне, господа, Артемидою, которая спасла меня из самых врат смерти и сохранила. А к богине, давшей это, не след оказаться неблагодарным, но, показав себя справедливым, соблюсти закон о том.
2. Закон же таков, чтобы воспользовавшийся благостью кого-либо из богов чтил того, кто оказал ему таковую. А чтит один, посвящая кратеры, другой — золотые блюда, третий — другую утварь, четвертый — венок, пастух — флейту, охотник — голову зверя, а поэт — гимн в метре, ритор — гимн без метра. И мне кажется, у богов гимн пользуется предпочтением перед золотом, если и дельный муж дал бы такой приговор об этих двух предметах, что более почета ему приносит первый, а не второй.
3. И вот мы отплачиваем за спасенье речью, а даровать то, чтобы мне в речи не потерпеть полной неудачи, — дело богини, давшей то, что я еще существую, а ей легко получить то от водителя Муз и брата.

Артемида и Аполлон

4. Артемида — дочь Зевса и Латоны, отца величайшего из богов, матери той, кого он избрал для подобных родов, и когда Делос поднялся и остановился и остановил Латону, Артемида опережает Аполлона и помогает матери при родах и Аполлона.
5. Похвально и то, когда воспитанник в позднейшее время отплачивает родителям за воспитание, а она вместе родилась и отплатила родительнице в пору, наиболее требовавшую помощницы. Поэтому и за те блага, виновником коих для людей является Аполлон, надо быть признательным обоим божествам, и тому, который дал после того, как родился, и той, которая принимала при родах.
6. И что тотчас, в первые дни, она оказалась храбрее Аполлона перед угрозами Геры, откуда явились и имена: одной «Артемида», другому «Локсий», — об этом оставим говорить другим.
7. После рождения дарами ей от Геи был лук и стрелы за то, что она тотчас уже владела этим искусством. Тотчас появились олени, — и это, полагаю, от Геи, — и были поражаемы один за другим ради упражнения в стрельбе из лука. Это подражание Артемиде сделало, по-видимому, стрелком и Аполлона, так что Аполлон мог быть учеником Артемиды в стрельбе.

Девство и красота

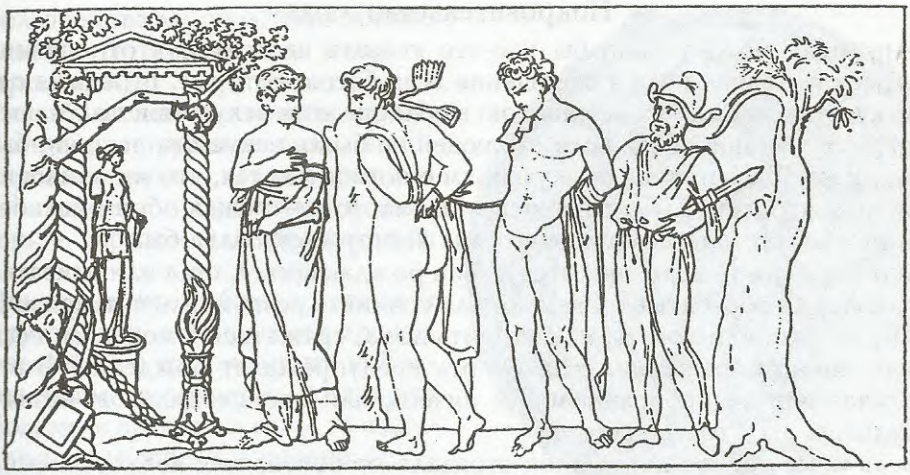
8. Подрастая, богиня блистала красотою, а брака избегала и клялась головою отца, что действительно останется девою. Свидетелями красоты являются, именно, и другие поэты, и мудрейший Гомер, во-первых, образом ее почтивший дочь Алкиноя, во-вторых, — дочь Икария, присоединив к Артемиде Афродиту, следовательно, приравнивая обеих богинь в красоте.
9. Кроме того, Парфений — река в Пафлагонии, которая красива, по преданию, красива потому, что была местом купания Артемиды. Достаточным свидетелем, далее, того, что она бегала от общения с мужчиной, служит несчастный Орион, при такой своей величине сраженный скорпионом за то, что покушался на то, на что нельзя было.
10. Что предпочла быть девственницей Афина, появившаяся от одного отца, не удивительно, а эта, хотя родилась от брака, все же преследовала девство. И Афродита вследствие красоты своей и сама вступила в связь с мужем, и стала блюстительницей браков и гименеев, а эту красота не склонила сожительствовать богу, беременеть, рождать, и она не подверглась желаниям вступившего в брак.

Охота. Владычица зверей

11. Не пожелала она блюсти ни прялку, ни шерсть или рукоделье и женские занятия, признав это ниже своей природы, но устремилась на зверей, бродя по балкам, горам, рощам, чащам, находя наслаждение в охоте. Ведь Артемиде не требуется труда для стрельбы, но, как мы птицами в заключении, так она располагает кабанами, оленями и каким ей угодно другим зверем.
12. И она в полной мере владычица зверей, скорее, чем мы — рабов. Ведь из последних иной, случалось, взглянет дерзко и огорчит словом и, ушедши в бега, ускользает, а те [звери] подвергаются всему тому, что только ей угодно, и уступают действиям богини.
13. Она же услаждается видом их бегства, наслаждается стрельбою из лука. Сама своей забавою она защищает людской род, уменьшая число враждебных ему зверей и, мне кажется, тем еще, что они не приходят к городам и, нападая, не растерзывают и не съедают и не опустошают население городов.
14. Кто бы, в самом деле, снес согласное нашествие пород зверей, когда даже один из них, притом истощавших в зверинце, если, перескочив ограду, побежит по городу, одним взглядом своим приводит в смятение, пугает и заставляет выглядывать, где бы только спастись, двери запираются, слышатся крики людей друг к другу и подымается суматоха, какая водворяется, когда враги ворвались в город?
15. Так что же, вообразим, произошло бы от нашествия зверей со львами во главе? Поэтому действительно положение вещей, что те звери, нашествия коих нельзя было бы снести, пребывают в лесах, — милость богини.

Военные подвиги

16. Иной скажет, что великое дело, войну, блюдут Арес и Афина. Но немалая доля боевых подвигов принадлежит и Артемиде, если кто-нибудь не считает малозначащими для воюющих лук и стрелы, путем коих можно издали одолевать врага, действуя без вреда для себя.



Орест и Пилад, узнанные Ифигенией

17. Следовательно, если бы у одних из сражающихся были стрелки, а у других нет, гоплиты были бы самым быстрым образом истреблены выстрелами, раньше, чем вступить в рукопашную, и жили бы без всяких ран эти победившие стрелки, и во время осады стрелок не раз снял бы врага со стены, сразил бы штурмующего. А сколько бы мог сделать здесь гоплит?
18. Любой может составить себе отличное представление о том, как много значит лук, из примера Геракла, который, собравшись очищать землю, пошел на свой подвиг, не панцирь надев и не щит взяв, но взяв лук и колчан, коими совершал большинство своих подвигов.
19. Его луком воспользовалось для победы и явившееся после него на Илион войско. А если бы Филоктет не явился с Лемноса с луком Геракла, мало было бы толку от снаряжения гоплитов.
20. Вообще же, кто ловок в охоте, тот пригоден и на войне. Охота — хороший учитель войны. И тот, кто с нее попадет на войну, храбр, умея спастись и погубить, а кто без охоты — робок, плох и радость врагам.
21. Достойный Ксенофонт, в своем слове об охоте, перечисляет тех, счастьем коих служила охота, возбуждавших удивление и способных ускользать от опасности. И вы знаете, юноши, мужей, коих перечисляет Ксенофонт.
22. Достойны потому удивления и те женщины, коих возлюбила Артемида и удержала за занятиями охотой. Мне кажется, они, застав на войне мужчин, неопытных в охоте, прекрасно доказали бы, что всякий воин, принявшийся за войну раньше охоты, — не подлинный воин.
23. Это доказывает город лакедемонян. Считающийся наиболее преданным военному делу, он, оказывается, наиболее предан занятию охотой. Итак, у них есть обычай, что явившийся на празднике Артемиды на обед, если он не бывал на охоте, считается преступным и подвергается возмездию. Возмездие же таково: кто-нибудь, принесши амфору воды, выливает ее на голову мальчика, если то мальчик, а у мужа тому подвергается палец, и в Лакедемоне вода эта — бесчестие. Значит, желая побеждать в оружии, они находили это одно важнейшим подспорьем для победы — одолевать зверей.

Покровительство людям

24. Артемиде можно было бы кое-что сказать не только в отношении к Аресу и Афине, но и в отношении всех богов, которые, передав людям искусства, держат их за работою в области этих искусств и получают от этого почитание. Ведь если бы людей не было, искусства погибли бы; и люди не подвергались бы мучениям с погибелью тех, что их приносили, и того, что надо было переносить. В таковой — общая обоим погибель, и при отсутствии помогающего она восторжествовала бы.
25. Кто бы, в самом деле, при отсутствии рождающихся, стал или плавать по морю, или обрабатывать землю, или сочинять речи, или лечить физические недуги, или ковать, или строить дома, сражаться в морском, пешем или конном сражении, если смерть предупреждает рождение? В этом случае или не происходило бы ничего, или происходило бы незначительное, да и то уродливое.
26. Ведь и все то, что когда-либо страдало от потопа или являлось на свет увечным (так что наказаньем было для них то, что они не умерли), все это без богини Артемиды или совсем не шло этим путем или не так, как подобало. Потому человеческий род, как занимавший землю, так и занимающий ее и тот, который будет занимать во всех поколениях, повсюду дан земле Артемидою, род человеческий, который есть, которого уже нет и который еще будет.
27. И то, за что мы привыкли прославлять Брак, как отца людей, во время свадеб, это самое в качестве даров этого бога и даров Афродиты было бы напрасно, если бы Артемида не протягивала руку во время родовых мук. Ведь когда услышишь об Илифии, слышишь и об Артемиде.
28. Поэтому стремление Афродиты (а оно направлено к деторождению) приходит у нее к завершению, подобно гавани у плывущих по морям. Если же все было бы лишено гаваней и не было бы места для приема судна, бесплодно было бы проплытое пространство, раз суда были разбиваемы утесами. И эта богиня — гавань тем, кто плывет в лоне матери.
29. Поэтому она чтима всюду и у всех; и великолепны храмы ей, жертвенник, жертвы и праздники. Афиняне чтут богиню и наименованием месяца; это — Элафеболион. В другой же месяц, полагаю — Мунихион, приводят к ней девиц перед браком, чтобы уже после поклонения Артемиде приступали в таком виде к делу Афродиты.
30. И из двух наиболее ценимых у афинян мест, Пирея и акрополя, последний принадлежит Афине, первый — Артемиде. А у эфесцев и монета носила на себе изображение лани в оплату богине за великие блага.
31. Далее, что здоровье доставляется людям Артемидой, показывает самое наименование; и мы знаем со слов Гомера, Эней в большом святилище храма вылечивается Латоною и ею.
32. И что вообще она заботится о людях, тому важным свидетельством является еще и следующее. В то время как люди приносили ей в жертву людей, думая, что величайших богов надлежит чтить величайшими жертвами, она изменила этот обычай, так как и у тех, у кого она чтится с такою целью кровью, чтится она живою кровью [ср. 43].
33. Она в одно и то же время и милостива к людям, и привязана к грекам. Действительно, она явилась к грекам, оставив скифов; и блага от Селены для растений и для людей — дар Артемиды; и власть Гекаты, как и

большинства демонов, надо считать властью Артемиды. Ведь и они — Артемида.

34. Умея благодетельствовать людям, богиня умеет и наказывать их, поступая, полагаю, как отец, от кого исходит и богатство, и молнии, — первое — для справедливых, а огонь — для остальных.

35. Она видит, что и брат делает то и другое, как в отношении греков, воевавших с троянцами из-за Елены, коим он причинил повальную болезнь и прекратил ее, — то и другое в угоду жрецу, а именно, недуг после того, как он был оскорблен, избавление же от него — после того, как он получил дочь обратно.

Артемида у алтаря

36. Таковы и поступки Артемиды, которая отправила при посредстве пса колонию в Ионию и содействовала в походе переправившемуся в Азию Александру.

37. А что чтить ее лучше, чем пренебрегать ею, показала Ниоба, дочь Тантала, оплакавшая шесть пораженных стрелами дочерей; показал это и Актеон, увидавший то, что недозволительно. Показал это вождь этолян Ойней, который, лишив ее какой-то жертвы, стенал о своих поваленных деревьях, чьи корни поддавались ударам одного кабана. А когда зверь с трудом был преодолен, и притом к беде его ловцов (столько людей истребил он), другую беду вызвала шкура его и голова, а именно войну, дабы никто ни намеренно, ни по забывчивости не пренебрегал почитанием среди богов Артемиды.

38. А она внушает людям не говорить и не делать ничего сверх меры, принудив Агамемнона, заявившего, что он поразил лань удачнее ее, подвести к жертвеннику дочь, ради выхода в море, который богиня задержала безветрием, наказуя за надменность, причем ветры повиновались ей не менее, чем Эолу, своему распорядителю; при этом же случае богиня дала место и милосердию, перенесши меч с девицы на лань. И одна — девица — исчезла; другая же — лань — оказалась под руками.

39. Другое — сходное с этим и в то же время несходное. Некий человек, поймав где-то в Италии огромного кабана, сказал самому себе: «Но теперь-то не будет принадлежать Артемиде голова кабана, но она будет приношением мне, поймавшему». Сказав это, он повесил голову на дерево, под которым и заснул с наступлением полдня. А она, вследствие того, что развязался узел, упала ему на грудь и убила этого чтимого более, чем богиня, охотника.

40. А если вы, в свою очередь, захотите послушать, какова богиня, когда ее чтут, [то я вам напомню], что афиняне, собираясь совершить нападение на высадившихся на их территории варваров, т. е. на флот Дария, дали обет Агротере принести ей в жертву коз столько, сколько убьют варваров. И они перебили, сколько мы слышим. Ведь среди этих десяти тысяч находился и Геракл, находился и Пан, сам себя призвав. А большая

роль, мне кажется, принадлежала Артемиде, более могущественной богине.

41. Да к чему говорить о других городах? Большая часть нашего города очутилась бы во власти скифов и была бы разграблена во время давнего нашествия, если бы эта богиня, захватив с собою брата, не обратила их в бегство своими стрелами, когда они занимали уже Флегры. А войска, которое могло бы встретить нападение, у нас не было. И все же, в результате нашего обстрела, скифы с криком отступили, не вынесши и двух стрелков.
42. И этот большой храм, в восточной стороне, в предместье, построен на иждивение жены Камбиза и является отплатою за зрение, спасенное ей богинею.

Личное отношение Либания к Артемиде

43. Я же сознаю себя обязанным отплатою не только за глаза или руки, ноги, какую-нибудь другую часть тела, но за всего себя и весь состав своей школы. Был месяц, названный по Артемиде, и седьмой день начала месяца, в каковой в этой Мерое обычно справляется праздник богине, и главною его частью является кровопролитие в кулачной борьбе. Борцов же столько, сколько частей города (от каждой по одному); и поразителен спор за победу не из-за больших наград, какие тратят на них граждане той или другой части, но похоже это состязание на неистовство людей, угождающих богине.
44. И вот в древние времена все спешили на это зрелище, и не являться на него считалось нечестивым. А когда со временем притупился интерес к празднику, то одни боролись, а учителя красноречия вели свои занятия, подвергаясь возмездию, незаметному для толпы, но уступая тут обстоятельствам.
45. Итак, на днях борцы ушли в Мерою, а я призвал юношей. Последние же не послушались. Они заявляли, что внушает нерешительность нечто такое, что определить они не в состоянии, но что сильно их удерживает. Когда же я называл это настроение леностью, если они снова добиваются того, что было накануне, — это был день свободный от занятий, — то они поклялись, что уклонение от класса вызывается неким страхом, смущающим их души.
46. Таким образом я уступил. Но то была, конечно, помощь Артемиды, помешавшей гибели, которая готова была произойти. Дело в том, что после того, как напуганные удалились и я оставался один в этом здании курии, немного спустя является с речью один юноша, потому что ему не раз велено было явиться с рукописью, если дозволит удобное время. Надо сказать, что об этом слове был некоторый разговор. Считая, что такой удобный момент налицо, юноша явился.
47. И вот, встав с своего места и подошедши к двери, я стоя слушал стоявшего. И прочитано было больше двухсот стихов. А мне пришла на мысль моя болезнь ног; и я подумал, что гораздо лучше слушать сидя.
48. Отойдя поэтому и сидя на кресле, пригласив и юношу занять место на другом кресле, когда не прочтено было еще и сорока стихов, я вижу пыль, несущуюся от двери самой большой и средней. Затем, сорвавшись, полетел большой ряд камней и оказался на земле, причем многие камни разбились.

Диана, предшествующая Авроре

49. Я же был поражен тем, что увидел, но подвергся бы еще большему потрясению, если бы воспринял слухом весь этот грохот. В действительности я предусмотрел это, и руки пришли на помощь [т. е. заткнул уши пальцами].
50. Человек же, которому поручено было встречать учеников при входе, появившись как раз в тот момент, был спасен тенью падавшего куска, потому что он взглянул вверх и отступил на шаг уже после того, как занес другую ногу внутрь помещения, так что он получил удар в носок обуви. Оторвавшаяся часть представляла протянутую над дверью ради красоты притолоку из блестящего камня, вставленного в камень другой породы. Выдолбив этот последний для приемки лучшего камня, мастера часть этого лучшего вставили, а другую оставили выдавшеюся для услаждения взора. И вот, пока крепки были связи, — а такими служили мельчайшие деревянные части, — он оставался на месте, а когда дерево уступило времени, то вставленный камень выскочил и очутился на земле в виде кучи больших камней, количество коих, полагаю, и представить себе нельзя было раньше несчастья и которые при своем падении не только убили бы юношей при их входе и выходе, но, будь то головы верблюдов и слонов, и они не избежали бы того, чтобы пасть тотчас*.
52. Но «сама спасла», сказал бы Гомер, и детей отдала родителям, и меня явно вызволила от столь близкого удара заботою о ногах, и отцу Зевсу соблюла храм чистым от смертей. А если бы она не помогла, то сколько, можно думать, лож прибыло бы сюда, чтобы поднять тогда цвет города?!
53. Итак, мне можно величаться по примеру Симонида. А его спасали братья от одного с Артемидою отца. Следовательно, Симониду за песнь та помощь от Диоскуров, а мне эта еще и раньше песни.

Но вот теперь мы отплатили. А чтобы не бранили нашу речь, об этом будет забота богине и Аполлону, водителю Муз.

23. Callim. Hymn. III (Гимн Артемиде)

В гимне поем Артемиду (нельзя забывать о богине
Тем, кто поет); она лук возлюбила, охоту на зайцев,
Хор многолюдный и игры веселые в горных дубравах.

[*Идеалы Артемиды*]

Прежде поведаем, как, на коленях отца восседая
Только растущим дитятей, родителю дочка сказала:

* В переводе С. Шестакова за пунктом 50 следует 52 (*А. А. Тахо-Годи*).

«Дай мне, отец, сохранить постоянное девство и много
Разных имен, чтоб Феб предо мною не превозносился;
Дай мне и стрелы и лук. Впрочем, нет, не прошу ни колчана,
Отче, ни лука большого: ведь смастерят и Киклопы
Стрелы проворно и сделают лук мне прекрасно-согнутый.
Дай мне светильник и дай препоясать хитон окаймленный,
Лишь до колена длиной, чтобы он не мешал на охоте;
Океанид мне отдай шестьдесят, танцующих в хоре, —
Девятилетних девиц, еще пояса не надевавших;
Двадцать мне дай в услуженье Нимф, что из Амниса[10] родом,
Чтобы они содержали в порядке охотничью обувь
Мне и проворных собак после ловли оленей и рысей;
Горы мне все подари, и единственный город отдай мне —
Тот, что решишь: Артемида придет в этот город не часто;
Жить буду я на горах; в города, где мужчины, войду я
Только, когда призовут меня в помощь жестоким недугам
Жены при родах тяжелых: меня предназначили Судьбы
С первого дня помогать разрешающимся роженицам.
Ибо и мать моя, в чреве нося меня и порождая,
Боли не знала и мной разрешилась совсем невредимо».

[*Дары Зевса Артемиде*]

Высказав это, дитя бороды попыталось коснуться
Отчей и несколько раз понапрасну тянулось руками;
Вот дотянулась она; усмехаясь, кивнул ей родитель
И, приласкавши, сказал: «Если б мне порождали богини
Этаких чад, — мне была б нипочем даже ярость ревнивой
Геры. Пускай у тебя будет все, о чем ты просила,
Дочка, сама; но отец тебе даст и побольше, чем это.
Тридцать тебе городов я отдам, не единственный город;
Тридцать тебя городов да почтут единой богиней,
Только тебя, не иных, и возьмут Артемидино имя.
Много тебе я отдам и совместно с другими на суше,
На островах городов; и во всех будут в честь Артемиды
И алтари и священные рощи, и будешь пристанищ
Ты покровительницей и путей». Изрекши такое,
Зевс в подтвержденье кивнул головой. А девица вступает
На гору Крита Левкон, что покрыта густыми лесами;
После идет к Океану и многих там Нимф собирает —
Девятилетних девиц, еще пояса не надевавших:
Радость Кайрату[11], великой реке, и радость Тефисе —
Спутниц послать дочерей с Артемидой, ребенком Латоны.

[*Киклопы готовят Артемиде оружие*]

Скоро богиня к Киклопам пришла, их найдя на Липаре
Острове (новое имя — Липара: в то время он звался
Мелигунида); Киклопы стояли вокруг наковальни
Бога Гефеста с горячим железом: великое дело
Им предстояло — сковать водопойню коням Посейдона.
Страх нападает на Нимф при виде ужасных чудовищ,

Артемида в повозке, запряженной быками. Античная гемма

Скалам Сосейским подобных: у всех-то под бровью единый
Глаз, пламенеющий страшно, огромный, как щит из бычачьих
Вчетверо сложенных шкур; слышат звонкий стук наковальни,
После же вздохи мехов многочисленных и крутые,
Тяжкие стоны Киклопов: их звук раздавался на Этне,
Слышен в Тринакрии был, где жилища сиканов, был слышен
В ближней Италии всей, — и ревел оглушительно Кирнос[12].
Как, занося над плечами свой молот тяжелый, Киклопы
Медь из горнила влекли, влекли из горнила железо
И с напряжением сил ударяли по массе металла, —
Океаниды от страха едва ли способными были
Прямо взирать на Киклопов и громкие слушать удары;
Немудрено: ведь не могут без страха их видеть не только
Нежного возраста дети, хотя бы и дети бессмертных.
Если из девочек кто непослушная с матерью будет,
Мать пригрозит, что сейчас позовет к ребенку Киклопов —
Аргуса или Стеропа; и вот уж из мест потаенных
Дома приходит Гермес, весь черной запачканный сажей;
Девочку он застращает как раз, — и она, зажимая
Глазки рукой, припадает скорей к материнскому лону.
Ты же, о дева, младенцем еще, трех лет от рожденья,
Как, тебя на руки взяв, принесла Латона к Гефесту
(В гости тебя он позвал, чтобы первые сделать подарки),
Только Бронтей посадил Артемиду на сильных коленях, —
Ты из широкой груди его вырвала, крепко схвативши,
Прядь косматых волос: потому остается и ныне
Место в средине груди безволосым, подобно тому, как
Алопекия[13] людскую главу безволосой оставит...
Неустрашимо и смело богиня Киклопам сказала:
«Ну-ка, Киклопы, и мне смастерите вы лук кидонийский[14],
Выкуйте стрелы к нему и целый колчан на запорах:
Я ведь Латонина дочь, Аполлону подобное чадо:
Если же я стрелой поражу то ли дикого вепря,
То ли иное зверье, — угощение будет Киклопам».
Сказано; сделали всё — и ты уже демон в оружье.

[*Дар Пана Артемиде*]

Быстро отправилась ты за собаками, скоро достигла
Пана в пещере Аркадии: он свежевал меналийской[15]
Рыси куски, чтобы дать их в корм ощенившимся сукам.
Бог бородатый тебе подарил двух псов полукровных,
Трех вислоухих и пестрого пса; даже львов они брали;
Если же видели красного зверя, — хватали любого
И увлекали в пещеру живьем. Еще подарил он
Псов семерых, быстролетных, как вихрь Киносур[16], — для погони
За олененком проворным, за зайцем, всегда пучеглазым, —
Чутких к оленьему логу, к убежищу дикообраза,
Псов, что на след наведут даже серны неуловимой.

[*Овладение оленями*]

Выйдя от Пана (ушла от него ты с собаками вместе),
Ты у подошвы горы Паррасийской встретила сразу
Скачущих стадо оленей, — подумай! — им пастбищем были
Чаще всего берега, что темнеют песками, Анавра[17].
Ростом побольше быков, они все с золотыми рогами.
Как ты увидела их, ты крепко помыслила в сердце:
«Сразу добыча такая была б Артемиды достойна!»
Пятеро было их всех; четверых на бегу ты достигла,
Даже без помощи псов, чтобы взять в колесницу запряжкой;
Только один из оленей, бежав по внушению Геры
Через реку Келадонт[18], притаился на холм Керинейский,
Чтобы впоследствии дать его подвиг последний Гераклу.

[*Атрибуты Артемиды. Артемида и животные*]

Девственная Артемида, убившая Тития! Пояс
Твой золотой и оружье, запряжка твоя золотая,
Даже уздечки на ланях твоих золотые, богиня.
Где же впервые тебя подняла колесница на ланях?
В Геме[19] Фракийском, откуда Борей прилетает свирепый,
Сильный мороз принося не имеющим теплой одежды.
Факел срубила ты где? От какого огня он зажегся?
В Мисии, там, где Олимп, где огонь никогда не угаснет,
Так как нисходит от молний отца громоносного Зевса.
Сколько же раз испытала серебряный лук ты, богиня?
Лук натянула сперва ты на вяз и на дуб во второй раз,
В третий же раз на зверей; не на дуб по четвертому разу,
Нет, но стрелу устремила на град нечестивых, что много
Дел беззаконных и сам совершил, и соседям содеял.

[*Гнев и милость Артемиды*]

Жалкая доля у тех, кого гнев твой тяжкий карает:
Скот погибает от язвы, а иней погубит посевы;
Волосы старцы стригут после смерти сынов своих; жены
Мрут, пораженные в родах, а те разрешаются в бегстве:
В граде таком никому не найти себе твердого места.
Но на кого ты посмотришь с улыбкой своей благосклонной,

Артемида-Селена

Нивы приносят колосья у тех и плодится скотина,
Их процветанье растет, и они достигают могилы
Только, когда доживут до глубоко-преклонного года.
Род не смущается их никакими раздорами, даже
Самые крепкие домы крушащими; их же невестки
Мирно сидят за одними столами с золовками вместе.
Кто мне поистине друг, да будет таким же, богиня,
Пусть я и сам буду с ними, владыка! Пусть будет заботой
Мне воспевание брака Латоны, тебя многократно
И Аполлона, и всех твоих подвигов неисчислимых,
Псов твоих, стрел, колесниц, что везут тебя, дивную, быстро,
Только лишь Зевсова ты пожелаешь достигнуть покоя.
Там, близ входа встречая тебя, принимает доспехи
Акакесийский[20] Гермес, Аполлон принимает дичину,
Что принесла ты с собой: они делали это, покуда
Мощный Алкид не пришел, и теперь уже Феб не трудится;
Место его заступил неуемный Геракл Тиринфийский:
Вечно стоит он в дверях, поджидая тебя, не придешь ли
С жирной добычей, а боги над ним непрестанно смеются
Все, и из них больше всех сама Гера, Гераклова теща,
Видя, как он с колесницы твоей то быка пребольшого
Тащит за заднюю ногу, то в дрожи последней кабана
И наставляет, богиня, тебя своей речью лукавой:
«Вредных зверей поражай, чтобы люди тебя называли,
Как и меня, их защитой. Оставь и косулей и зайцев
Мирно пастись на горах: никакого косули и зайцы
Зла не несут; вот кабаны — те портят лозы и посевы.
Тоже быки: для людей они зло; и быков поражай ты!»
Так говоря, он сейчас же трудится над крупной дичиной,
Ибо несытость его постоянна; хотя под фригийским
Дубом он стал божеством[21], его голод остался таким же,
Как и при встрече земной его с пашущим Феодамантом.
Амнисиады меж тем отпрягают твою колесницу,
Чистят оленей твоих и, скосив на лужайке у Геры
Тот скороспелый трилистник, которым питаются кони

Зевса, приносят его, как корм изобильный, оленям;
Им золотые корыта они наполняют водой
Так, чтобы это питье доставляло их сердцу утеху.
Ты направляешься к дому отца; все тебя призывают
С ними воссесть, ты же место берешь к Аполлону поближе.

[*Артемида и пашня*]

В час, когда Нимфы тебя окружают своим хороводом
Невдалеке от Инопа[22], реки, из Египта текущей,
Или в Питане[23] (твоя и Питана ведь), или же в Лимнах[24],
Или же, демон, когда ты на Арафенидские Алы[25],
Тавров отринув законы[26], путь держишь, покинувши скифов, —
Пусть не вздымают волы мои пашню в четыре участка,
Выгоды ради наемной гонимые пахарем чуждым;
Пусть они в хлев возвратятся, колени свои утомивши,
Шею намявши ярмом на моей лишь земле, хоть из Тимфы[27]
Будь они, лет девяти, крепконогие, с легкостью роя
Борозды вглубь: ибо Гелиос бог никогда не проходит
Мимо прекрасного хора, но, остановив колесницу,
Он созерцает его, и день удлиняется светлый.

[*Артемида Бритомартис*]

Остров какой и какая гора тебе нравятся больше?
Пристань какая и город? Какую из Нимф полюбила
Ты, и подругами кто у тебя из героевых дщерей?
Нам ты, богиня, скажи; а уж я воспою и для прочих.
Из островов предпочла ты Долиху, из городов — Пергу[28].
Лучше всех гор Тайгет[29], а из пристаней лишь Еврипия[30].
Нимфу Гортинскую[31] ты возлюбила сильнее, чем прочих, —
Меткую Бритомартис[32], оленей убийцу; любовью
К ней пораженный, Минос скитался по критским вершинам:
Нимфа скрывалась тогда от него под развесистым дубом
Или в низинах болот; девять месяцев целых скитался
Он по скалам и стремнинам, преследованье продолжая
Вплоть до того, что она, уж настигнута, бросилась в море
С берега круч и упала оттуда в рыбацкие сети,
Спасшие нимфу от смерти. Поэтому нимфу Диктинной
Стали кидоняне звать, а вершину, откуда ты сверглась,
Именовали Диктейской; ей жертвенник соорудили,
Жертвы приносят они и венки надевают из веток
Или сосны, иль мастики, до мирты рукой не касаясь:
Ибо, когда убегала юница, ей в пеплос воткнулся
Миртовый сук, и она на него рассердилась ужасно.
О светоносна владыка, прекрасная ликом, с той нимфой
Критяне также тебе приписали прозвание это.

[*Спутницы Артемиды*]

Также Кирена подруга тебе: ты сама подарила
Ей двух охотничьих псов, чрез которых Ипсеевой дочке[33]
Льва удалось победить у могилы Иолкия[34] царской.
Ты, госпожа, белокурую также супругу Кефала

Артемида, расстегивающая плащ

Деионида[35] брала на охоту с собой; Антиклею[36]
Ты, говорят, полюбила красивую, как свои очи.
Первыми эти подруги несли твои быстрые стрелы
Вместе с колчаном твоим; никогда они не закрывали
Правые плечи свои, обнаженною грудь оставляя.
Больше других предпочла быстроногую ты Аталанту,
Аркасидийца Иасия дочь, убивавшую вепрей,
Так что и славные даже ловцы Калидонского вепря
Не презирали ее: Аталанта со знаком победы
Вышла в Аркадию, зубы кабана храня и поныне,
Тщетно кентавры Гилей и беспамятный Ройк[37], что в Аиде,
С ненавистью клеветать пожелали б на меткую деву:
Их опровергнут и ребра свои же, которых крушенье
Гор Меналийских вершины забрызгало свежею кровью.
Радость прими, о Хитона, владыка, — дома ты и грады
Многи имеешь, пришлец из Милета; Пелей тебя выбрал
Как предводителя, на кораблях Кекропию оставив.
Первопрестольна, где Хесий и Имбрас[38]. Тебе Агамемнон
В дар против трудного курса кормило судна посвящает

После того, как ты ветры сковала, препятствуя этим
Плыть кораблям из Ахеи, чтоб тевкров город разрушить
Ради Елены Рамнунтской[39], похищенной у Менелая.
Также и Пройт воздвигает тебе по святилищу дважды:
Девичий храм, ибо ты собрала ему дев, что скитались
На Аксенийских горах[40]; другое святилище — в Лусах[41],
Кроткой богине: ведь ты укротила свирепые души[42].
Амазониды, что любят войну, тебе некогда тоже
На побережье Эфеса поставили идол под древом
Буковым; жертву Гиппона[43] тебе приносила, они же
В честь, о царица, твою исполняли военную пляску,
Вооружившись щитами сперва, а после по кругу,
Хор образуя широкий, притопывали равномерно,
Сопровождая движенья игрой тонкогласой свирели
(Их не долбили в то время из кости оленьей: Афина
Сделала это оленям во зло); отдавалося эхо
В Сардах, в местах Берекинфских[44]. Они же ногами так крепко
Такт отбивали, что вторили им за спиною колчаны.
После того там, где идол стоял, был построен огромный
Храм — и богаче его и пышнее уже не увидит
Эос нигде: превосходит он даже Пифона жилище[45].
Раз дерзновенный и наглый Лигдамис грозился разграбить
Храм Артемиды: для этого он несчислимое войско
Из Киммерии привел гиппемолгов; они обитали
Возле пролива, что назван по Инахионе[46] — корове.
Трус из царей, обманулся же ты! Ведь ни сам, ни иной кто
Из тяготивших своей колесницей луга у Каистра
Не возмогли возвратиться уже в свои скифские земли,
Ибо Эфес защищала исконно стрела Артемиды.

[*Заключение. Воззвание к Артемиде*]

О Мунихия[47] владыка, Ферайя, богиня пристанищ,
Радуйся! Все Артемиду почтите. Красивые битвы
Были напрасны Ойнею, презревшему жертвенник девы.
С ней да не спорит никто ни в охоте, ни в стрелометанье,
Ибо за это Атрид заплатил — и не маленькой платой.
Да не дерзнут домогательством девы: не выпало Оту,
Ни Ориону вовсе веселого праздника брака.
Не избегайте годичного хора! С рыданьем Гиппона
Вкруг алтаря Артемиды с другими плясать отказалась.
Радость, велика царица, прими и дай милость аэду!

24. а) Нутп. Нот. IX (Гимн Артемиде)

Муза, воспой Артемиду, родную сестру Дальновержца,
Стрелолюбивую деву, совместно взращенную с Фебом.
Поит она лошадей в тростниках высоких Мелита
И через Смирну несется в своей всезлатой колеснице
В Кларос, богатый лозами, — туда, где сидит, дожидаясь
Стрелолюбивой сестры-дальновержицы, Феб сребролукий.

Артемида

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!
Первая песня — тебе, с тебя свою песнь начинаю.
Славу ж воздавши тебе, приступаю к другому я гимну.

b) Нутп. Hom. XXVII (Гимн Артемиде)

Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает,
Стрелы в зверей посылая стенящие. В страхе трепещут
Главы высокие гор. Густотенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогается суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того, как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой, красиво согнутый, она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата,
Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской,
Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы;
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
Между бессмертными всеми отличных умом и делами.
Радуйтесь, дети Кронида царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

c) Hor. Carm. I 21 (К Диане)

Песнь Диане споем, нежные девушки.
Фебу, юноши, песнь, — в кудрях, Кинфийскому, —
И Латоне, что вышним
Чтима в сердце Юпитером.

Той, чья радость — река, рощи кудрявые,
Что на склоне растут хладного Алгида,
Хвойный лес Эриманфа,
Рощи Крага зеленые.

Темпе столько же вы, юноши, чествуйте,
Делос, где колыбель бога Кинфийского,
Что колчан за плечами
Держит с лирою братниной.

Мор и слезы войны, бедствия голода —
Все от римлян умчит и от владыки их
К персам он и британцам,
Вашей просьбою тронутый.

d) Catull. XXXIV (К Диане)

Мы, под защитою Дианиной,
Чистые девы и мальчики.
Встретим Диану мы, чистые,
Песнью благочестивой.

О Латония, вышнего
Дочь Громовержца великая,
Ты, породила которую
Мать под делосской оливой,

Чтобы была ты владычицей
Гор и лесов зеленеющих
И по сокрытым ущельям
Рек с громозвучной волною!

Ты и Люцина — томящимся,
Ты и Юнона — родильницам!
Тривия тоже, с заемным ты
Светом, зовешься Луною.

Ты, в обращении месячном,
Меря теченье годичное,
В закромы сельского пахаря
Сыплешь и сбор нарочитый.

Будь, под каким бы ты именем
Ни пожелала, священною
И, как издревле, будь правнукам
Ромула вечной защитой!

e) Hymn. Orph. XXXVI (Гимн Артемиде)

Многоименная Зевсова дщерь, о царица, услыши!
Громная ты Титанида, святая, преславная, с луком,

Артемида

С факелом, светлая всем, ты Диктинна богиня, при родах
Ты помогаешь всегда, хоть сама не изведала родов;
Пояс снимаешь у дев, ты неистовство любишь, охотник,
Гонишь заботы, быстра на бегу, стрелометка и бродишь
Ночью, славная, встречей благая, подобная мужу.
Смертных спаситель, крутая, на роды скора, ты кормилец,
Демон бессмертный и звероубийца, земная, счастлива.
Ты, что горные держишь леса, поражая оленей,
Ты — госпожа, всецарица святая, цветущая вечно,
Дева лесная и псарь, лучезарная кидониянка.
Шествуй, богиня-спаситель, благая ко всем нашим мистам,
Радостной встречей, прекрасным плодам уготовавши землю.
Даруй возлюбленный мир нам с прекраснокудрявым здоровьем,
Скорбь же и горе отторгни от нас на гористы вершины.

f) Hymn. Orph. II (Гимн Артемиде Профирее-преддвернице)

Внемли, богиня, всечтима, со многими дух именами!
В родах помощница ты, своим ликом приятная ложу.
То, что цветет, ты хранишь, детолюбица кроткая. Быстро
Плод принимаешь, помощница в муках людских, Профирея!
Встречей благая, ключарь, друг питающих, ласкова к людям,
Ты обитаешь во всяком жилище, довольна избытком.
Рвущая пояс у жен ты незрима, но зрима делами:
Родам сочувствуешь ты; если легкие роды, — ликуешь.

О Илифия, труды разрешаешь ты в нуждах жестоких,
Только тебя роженицы зовут, ты для них передышка,
Только с тобой забывают страдание болей родильных.
О Профирея честна, Артемида ты и Илифия,
Внемли, блаженная, роды пошли, — ты помощница всем нам, —
И сохрани, о спасающая всякий раз человеков.

g) Hymn. Orph. LXXII (Гимн Артемиде Тихе — счастливой судьбе)

Тиха, явись, призываю, молитвы благая царица;
Кроткая, добрая встречей, с высоко-блестящим богатством,
Вождь Артемида, великая славой и от Евбулея
Крови рожденная, ты превосходством непреодолима,
Ты близ могил, ты блуждаешь везде, ты, воспетая в людях.
Многоцветущая жизнь человеков в тебе лишь таится;
Ты ведь для них создаешь изобильную долю богатства,
Также и злую нужду, воздвигая в душе возмущенье.
Ныне, богиня, молю, — благосклонно явись, исполняя
Нам изобилием жизнь и высоко-блестящим богатством.

V. ГЕФЕСТ

Гефест, у римлян Вулкан, настолько сильно выражает стихию *огня*, что кое-где даже прямо отождествляется с ним (2 a—d). Имеются в виду искры огня при ковке металлов. Кроме этого Гомер говорит «о пламени Гефеста» (IL. IX 468, XVII 88), о «дыхании Гефеста» (IL. XXI 355, 366), о «божественно-горящем огне» Гефеста (ibid. 342) и пр. Его необыкновенная сила великолепно изображена в IL. XXI в борьбе с «речным богом Ксанфом» («Олимпийские боги», «Общее», § 5 b). Отсюда Гефест — божественный кузнец, артистически прекрасно исполняющий металлические работы. Классическое описание его мастерской, инструментов и его небывалого создания, щита для Ахилла, читатель найдет в § 3. Молот и щипцы в качестве атрибутов, одеяние мастерового и, далее, его сильная спина и грудь — результат первоначального значения всего образа. Однако на ноги он слаб, и даже хромой, притом от рождения. В поздние времена последнее объясняли тем, что его работа тонкая, духовная, не требующая элементарной физической силы (напр., «Олимпийские боги», «Общее», § 2 b). Действительно, Гефест весьма превозносился как художник. Об этом свидетельствуют как многочисленные эпитеты («знаменитый в искусстве», «знаменитый в работе» и пр.), так и множество произведений, приписываемых его творчеству. Он не только устроил все жилища богов на Олимпе (см. «Олимпийские боги», «Общее», § 2 a), но он изготовил Зевсу его скипетр и эгиду (IL. II 101=XV 309), Диомеду его латы, Алкиною его собак (Od. IX 91), сеть для Афродиты и Ареса (Od. VIII 274=«Олимпийские боги», «Общее», § 3 a).

Общий миф о Гефесте имеет несколько моментов. <1> Его *рождение* не совсем обычно. Хотя, по IL. XIV 338, его отец — Зевс (а что его мать — Гера, это — очень часто: IL. I 572, XIV 166, XXI 330 и др.), но, по Hes. Theog. 924 слл. («Зевс и Гера», § 7 a), Гера рождает его сама по себе, без Зевса, чтобы отомстить ему за порождение им Афины из своей головы (ср. § 2 g). Такие объяснения этого, как у Schol. IL. XIV 292, а именно что Гера была беременна еще до бракосочетания с Зевсом, есть, конечно, ничего не говорящая пошлость. Тогда уже лучше объяснять это по Serv. Verg. Aen. VIII 454, что Гера — это воздух, а Гефест — это молния,

Боги в кузнице Гефеста. Античная гемма

возникающая из воздуха. 2) Относительно *падения на землю* рассказывает он сам в IL. XVIII 395—405. Там же и мотивировка (Гера не выносила его уродства) и описание его жизни на земле (прием Фетидой и Океанидой Евриномой). Опять у Serv. VIII 414 находим физическое объяснение этого мифа (молния ударяет в землю). Отсюда и близкая связь Гефеста с Прометеем (§ 4 a, b). 3) По возвращении на Олимп Гефест *мстит* матери за ее обращение с ним. Этот момент — послегомеровский, хотя у Plat. R. P. 378 d он трактуется уже как общеизвестный. Резюме — в § 5. 4) Особо надо отметить участие Гефеста в создании *Афины* (§ 6 a) и *Пандоры* («Зевс и Гера», § 19 a, b и в этом отделе § 6 b). 5) Об его *неудачном романе с Афиной* читаем у Аполлодора (§ 7 a); волочится он и за Фетидой (Tzetz. Lycophr. 175), а скандал с Афродитой и Аресом в IL. VIII 266—369 («Общее», § 3 a) мы уже знаем. Законной супругой его является, однако, Харита в IL. XVIII 382, или Аглая у Hes. Theog. 945, или, по Od. VIII 267, сама Афродита (стих поздний). У римлян Вулкан уже определенно муж Венеры (§ 3 b). К этому необходимо присоединить еще несомненную связь Гефеста со стихией любви, рождения, весны, вообще со стихией Диониса, Афродиты и даже Гекаты, о чем многочисленные данные изобразительного искусства и кое-что в литературе (§ 8). 6) Заступившись однажды за Геру перед Зевсом, он *вновь подвергся низвержению с Олимпа*, после чего упал на Лемнос, где и был любезно принят синтийскими мужами (IL. I 590 слл. в «Общем», § 2 a). Впрочем, это не мешает ему быть, по изображению той же IL. I, добродушнейшим услужником и «душой общества» у олимпийцев. Огонь, от искр под кузнечным молотом до вулканических извержений, и совмещение хитрейшего художника с мускулистым бородатым юмористом и добродушнейшим неудачником, вот что такое античный Гефест.

1. *a) Hymn. Hom. XX (Гимн Гефесту)*

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлоокой славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!

b) Hymn. Orph. LXVI (То же)

Мощный, духом великий Гефест, неуемное пламя,
Демон, сияющий смертным лучами, горящими светом.
Крепкий руками, несущий огонь, о извечный художник,
Мастер и космоса часть, ты стихия в ее совершенстве;
Все пожирающий, все укрощающий, всевысочайший,
Ты — незапятнанный свет, эфир, солнце, луна и светила,
Ибо эти члены Гефеста для смертных сияют.

Всякий дом ты содержишь; всякий град, племена все,
Все человеков тела управляешь ты, мощный, счастливый.
Внемли, блаженный: свои возлияния благочестивы;
Радостный труд совершив, призываю, да, кроткий, приидешь.
Испепеляя природу в телах наших, дикую ярость
Пламени неукротимого в нас прекрати, благодатный.

c) Cic. De nat. deor. III 22, 55 (Разные Гефесты)

Вулканов [Гефестов] также много. Первый — сын Урана; от него и Паллады [произошел] тот Аполлон, которого древние историки считают стражем Афин. Второй — сын Нила; Пта, как называют его египтяне, считая стражем Египта. Третий — сын третьего Зевса[1] и Геры, который, как говорят, управлял кузницей на Лемносе. Четвертый — сын Мемалия[2]; он владел островами вблизи Сицилии, которые назывались Гефестовыми.

Вулкан

2. *a) IL. II 426 (Гефест — огонь)*

Но утробы, пронзив, над Гефестом они обращали.

b) Soph. Ant. 123 (То же, прозаич. пер.)

Бог... ушел, прежде чем наполнить пасть нашей кровью, и смоляной Гефест охватил венцы башен.

c) Soph. Ant. 1006 сл. (То же, прозаич. пер.)

От жертв Гефест не возгорался.

d) Eur. Tro. 343 (То же, прозаич. пер.)

Гефест, ты светишь факелами на свадьбах смертных...

e) Diod. V 74

Огонь все люди считают Гефестом.

f) IL. XXI 328—384 (Гефест и Ксанф)

См. «Олимпийские боги», «Общее», § 5 b.

g) Apollod. I 3, 5 (Происхождение Гефеста)

Гера, не сочетаясь на ложе, родила Гефеста, а Гомер говорит, что и его [Гефеста] она родила от Зевса [IL. I 578]. Зевс бросил его с неба при попытке его помочь Гере, когда она была заключена в оковы. Ее повесил Зевс на высотах Олимпа за то, что она наслала бурю на Геракла, когда он плыл по морю после того, как взял Трою. Когда Гефест упал на Лемнос и сделался хромым, его спасла Фетида.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3. *a) IL. XVIII 369—616 (Мастерская Гефеста и щит Ахилла)*

[*Фетида и Гефест*]

Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.
Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами

Быстро вращавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращалися, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитро измышленных ручек: готовил и гвозди ковал к ним.
Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? Редко ты нас посещаешь.
Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню».
Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
Пышном, изящно украшенном, с легкой подвижной скамьею.
После голосом громким Гефеста художника кличет:
«Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба».
Ей не медля ответствовал славный Гефест хромоногий:
«Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!
Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетида меня с Евриномой не приняли в недра,
Дщери младые катящегось вкруг Океана седого.
Там украшения разные девять годов я ковал им:
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья —
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал —
Только Фетида с сестрой Евриномою, спасшие жизнь мне.
Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
Я не замедлю, меха соберу и другие снаряды».
Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно голени слабые двигал:
Снял от горна меха, и снаряды, какими работал,
Собрал все и вложил в красивый ларец сребрковный;
Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираясь, в двери
Вышел, хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,
И которых бессмертные знанию дел научили.
Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибрел, где Фетида сидела на троне блестящем;

Кузница Гефеста

За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? Редко ты нас посещаешь.
Молви, чего ты желаешь? Исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».
И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на пространном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покорил человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного, в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.
Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Билися целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;

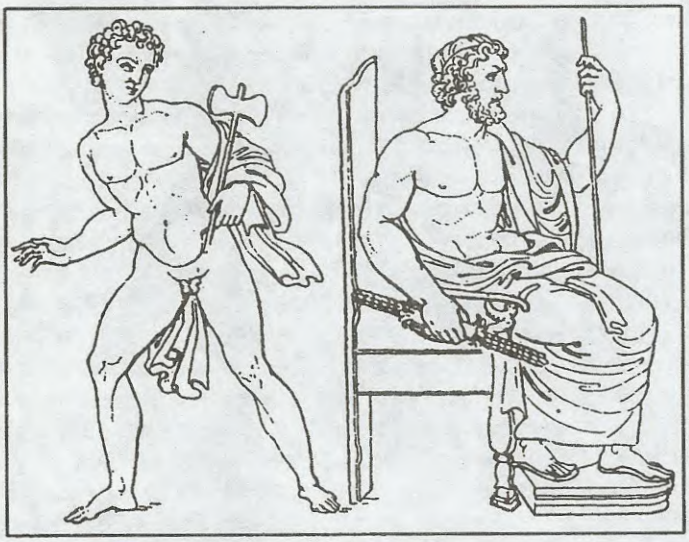
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»
Ей не медля ответствовал Амфигией знаменитый:
«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко
Столь же легко я укрыть, когда Рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!»

[*Щит Ахилла*]

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстья горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,
Олово бросил, сребро, драгоценное злато; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою.
И вначале работал он щит, и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плиады, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще Колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.
Там же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся: спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга,
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых,
С ними встают и один за другим свой суд произносят.

Гефест, украшающий шлем Ахилла. Роспись рынка. Помпеи

В круге пред ними лежат два таланта чистого злата —
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.
Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далеко их ниже.
К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро увидевши их, нападают засевшие мужи,



Вулкан и Юпитер

Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по брегу речному,
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.
Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он диво представил.
Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами блистая.
Здесь полосой беспрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, один за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.
Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;

В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.
Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темно-синий, и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прелестный по звонкорокочущей лире
Сладко перстами бряцал, припевая прекрасно под струны
Голосом нежным; они ж вокруг его, пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.
Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.

Гефест при рождении Афины

С ревом волы, из оград вырываяся, мчатся на пастьу,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них и назад убегают.
Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый
В тихой долине прелестной, несчетных овец среброрунных,

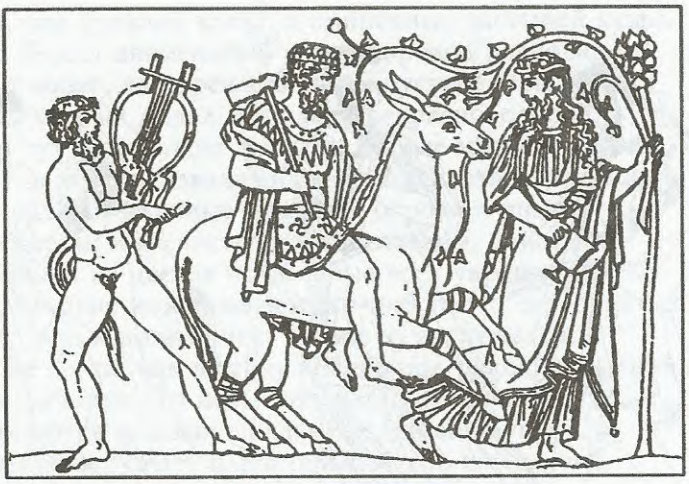
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.
Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотою, как маслом, блистают;
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.
Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.
Так изукрашенно выделав щит, и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, яснее, чем огненный пламень;
Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

b) Verg. Aen. VIII 370—453 (Вулкан и его произведения. Вулкан готовит оружие по просьбе Венеры)

А Венера меж тем, не вотще устрашенная матерь
И лаврентов грозой и шумным бранным смятеньем,
Речь обращает к Волкану свою, в золотую супруга
Спальню вступив, и от слов любовью божественной веет:
«В дни, когда на Пергам ополчались цари Арголиды,
Опустошая кремли, обреченные в пламени рухнуть,
Бедным ни помощи я, ни оружья тогда не просила
У твоего ремесла; ни тебя, супруг драгоценный,
Ни труда твоего утомлять не хотела я даром,
Хоть и Приама сынам я обязана много и часто
Слезы струила, смотря на труд суровый Энея.
Волей Юпитера стал теперь он у рутулов брега;
Вот я с мольбой прихожу, у твоей святыни оружья —
Матерь — для сына прошу: тебя могла ж Нереида
И Тифона жена тебя растрогать слезами.
Что за народы, взгляни, собрались! Как точат железо
Грады, ворота замкнув, и мне и моим на погибель!»
Молвила и, заключив его в белоснежные руки,

Гефест и Дионис

Нежным объятьем ласкает богиня; он же, внезапно
Вспыхнув привычным огнем, в мозги проникнул знакомый
Жар, побежав по костям, ослабленным сладкой истомой.
Так из сумрака туч, когда обрушатся громы,
Молния быстро блестит, прорезая пламенем сумрак.
Зная свою красоту, веселится кознью супруга.
Ей вещает отец, любовью вечной окован:
«Что издалека ты речь ведешь? Зачем потеряла
Веру, богиня, в меня? Когда бы просила ты раньше,
Было бы грех и тогда не доставить оружия тевкрам.
Ни всемогущий отец, ни рок не претили, чтоб Троя
Десять стояла других годов со старцем Приамом.
Да и теперь, если ты в уме готовишь сраженье,
Все, что в силах моих, могу обещать я: что могут
Сделать жидкий янтарь и железо, где силу имеют
Ветра дыханье и пламя огня; оставь же моленья,
Не сомневайся в своих ты силах!» За этою речью
Он в вожделенные пал объятья, и сон миротворный
В членах его разлился, приникшего к лону супруги,
В час меж зарею и тьмой, когда уже ночь на исходе,
Сонный покой прогнала и женщина, коей досталось
Прялкой поддерживать жизнь и скудной работой Минервы,
Встав спозаранок, огонь раздувает, дремавший под пеплом,
Ночь прибавляя к труду, и служанок долгою пряжей
Рано томит при огне, чтоб могла в целомудрии ложе
Мужа она сохранить и дать воспитанье малюткам:
Не иначе и он, огнемощный, не более вялый,
С мягкого ложа встает, устремляясь к кузнечной работе.
Возле сиканских брегов и вблизи Эолийской Липары



Вулкан и Бахус

Остров из моря крутой возносит дымные скалы.
Там пещеры внизу и, печами Киклопов изрыты,
Гроты Этны гудят от ударов по наковальням.
Стон отзывный стоит в горах, и шипит по пещерам
Жидкий халибов металл, и дышат пламенем горны.
И Волкана здесь дом, и земле Волкания имя.
Огневладыка сюда спускается с горнего неба.
Там, в пещере большой, Киклопы ковали железо.
Были здесь Бронт, и Стероп, и весь обнаженный Пирагмон.
Их сработан рукой, уже отчасти отделан,
Был перун, из таких, какие свергает на землю
С неба родитель; а часть оставалась незавершенной.
Придали трижды лучей дождя сгущенного, трижды
Туч водоносных, златого огня и летучего Австра.
Тут ужасающий блеск со страшным звоном и громом
В дело мечут они и огнем пламеневшие гневы.
Рядом ковали спеша колесницу крылатую Марсу,
С коей он и мужей и грады на брань воздвигает;
И эгиду затем, оружие гневной Паллады,
Украшали везде они чешуями и златом,
Делали сплетшихся змей и на персях богини Горгону,
Что вращает свои над шеей обрубленной очи.
«Бросьте все, — говорит, — начатый труд отложите,
Этны Киклопы, и ум сюда обратите скорее:
Нужно оружье ковать для храброго мужа; потребны
Сила и рук быстрота и все наученье искусства.
Бросьте медлительность». Он не сказал им больше, они же
Быстро на труд налегли, разделив его меж собою
Поровну. Медь ручьями течет и руда золотая,
И рановосная сталь расплавляется в горне широком.
Щит созидают они огромный, единственный против
Копий латинских всех, и медные круги друг с другом
Вяжут седмижды они; другие ветер мехами

Пандора между Минервой и Вулканом

Ловят и вновь отдают; другие в чан погружают
Медь кипящую; гром гудит от их наковален.
С силой великой они друг за другом в лад подымают
Руки, вращая кругом щипцами цепкими сплавы.

c) Apoll. Rhod. III 227—236 (Сооружения Гефеста у Ээта)

И в чертогах Ээта китейского создал немало
Разных чудесных вещей Гефест, [великий] искусник.
Сделал ему медноногих быков; и медные тоже их были
Пасти у них; выдыхали они от огня свет ужасный.
Кроме того изготовил плуг острый из режущей стали,
Чтоб отплатить Гелиосу, который его колесницу
Принял, когда флегрейской жарой измученным тот оказался.
Там же и внутренний двор был устроен; в нем много покоев
Крепких, двустворчатых было; они повсюду стояли.
Их обходила кругом изящная там галерея.

4. *a) Aesch. Prom. 1—87 (Гефест, Прометей, Биа и Кратос)*

В л а с т ь. Вот мы пришли к далеким рубежам земли,
В пространства скифов, в дикую, пустую дебрь.
Гефест, теперь повинность за тобой — приказ
Родительский исполни и преступника
К скалистоверхим кручам пригвозди, сковав

Булатными, кандальными оковами.
Ведь он огонь твой, цвет, чудесно блещущий,
Украл и людям подарил. За грубый грех
Потерпит наказанье от руки богов,
Чтоб научился тиранию Зевсову
Любить, забывши человеколюбие.
Гефест. Ты, Власть, и ты, Насилье, волю Зевсову
Вы до конца свершили. Дело сделано.
А я посмею ль бога, кровно близкого,
К скале, открытой ураганам, пригвоздить?
Но должен сметь. Необходимость властвует!
С отцовской волей строгой тяжело шутить.

(*К Прометею*)

Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящей,
На зло тебе, на зло себе железами
К безлюдному утесу прикую тебя,
Где речи не услышишь и лица людей

Афина и Гефест. Античная гемма

Ты не увидишь. Солнца пламень пышущий
Скорежит кожу струпьями. И будешь ждать,
Чтоб день закрыла ночь, пестро одетая.
И снова солнце раннюю росу сожжет,
И вечно мука будет грызть и боль глодать
За днями день. Спаситель не родился твой.
Награда вот за человеколюбие!
Сам бог, богов тяжелый презирая гнев,
Ты к людям свыше меры был участливым.
За это стой скалы пустынным сторожем,
Без сна, коленей не сгибая, стой столбом.
Кричать напрасно будешь, в воздух жалобы
Бросать без счета: Зевса беспощадна грудь.

Гефест и Афина. Фрагмент алтаря двенадцати богов

Всегда жестоки властелины новые.
В л а с т ь. Эй-эй, что медлишь? Жалобишься без толку?
Не ненавидишь бога, всем богам врага?
Ведь предал людям он твое сокровище.
Г е ф е с т. Родная кровь и старой дружбы власть страшны.
В л а с т ь. Ты прав, конечно. Все же, как отца приказ
Не выполнить? Намного не страшнее ли?
Г е ф е с т. Всегда суров и черств ты, с сердцем каменным.
В л а с т ь. Лить слезы — не лекарство, бесполезный труд.
Оставь! Врага напрасно не оплакивай!
Г е ф е с т. О, как мне ненавистно ремесло мое!
В л а с т ь. Напрасно ропщешь. Рассуждая попросту,
Твое тут неповинно ремесло ничуть.
Г е ф е с т. Пускай бы кто другой им, а не я владел.
В л а с т ь. На каждом боге свой лежит нелегкий труд.
Один лишь Зевс свободен, господин всего.
Г е ф е с т. Я это знаю, спорить не могу с тобой.
В л а с т ь. Тогда живее! В кандалы врага забей,
Чтобы родитель праздным не видал тебя.
Г е ф е с т. Наручники, ты видишь, я схватил уже.
В л а с т ь. Вложи в них руки! Молотом наотмашь бей!
Ударь! Ударь! Злодея пригвозди к скале!
Г е ф е с т. Готово все. Работа ладно сделана.
В л а с т ь. Ударь еще! Забей! Забей! Заклинивай!
И в бездорожье мастер он пути сыскать.
Г е ф е с т. Плечо вот это наглухо заклепано.
В л а с т ь. Теперь другое накрепко закуй! Пускай
Узнает умник, что его разумней Зевс.
Г е ф е с т. Меня лишь он осудит. А другой — никто!

Власть. Зуб заостренный костыля железного
Теперь сквозь грудь вгони и пригвозди его!
Гефест. Ай-ай, я плачу, Прометей, от мук твоих!
Власть. Размяк! Заплакал над врагом Кронидовым?
Гляди, чтоб над собою не пролить слезу.
Гефест. То видишь ты, на что нельзя смотреть глазами.
Власть. Я вижу, по заслугам получает враг.
Теперь цепями ребра закандаль ему!
Гефест. Все знаю сам. Напрасно не натравливай!
Власть. Натравливать я стану и приказывать.
Спустись теперь и ноги в кандалы забей!
Гефест. Все слажено. Работа немудреная.
Власть. Заколоти на кольцах костыли теперь!
Перед судьей жестоким ты отдашь отчет.
Гефест. Грохочет голос грузности твоей под стать.
Власть. Будь мягкосердым! А мою решительность
И крутость гнева ставить мне не смей в вину!
Гефест. Уйдем же! Цепью сдавлен он железною.
Власть. (Прометею) Что ж, нагличай! Сокровища богов кради
Для однодневок хилых! Поглядим теперь,
Как отчерпают люди лодку бед твоих.
Напрасно Прометеем, промыслителем,
Слывешь среди бессмертных. Так промысли же,
Как самому из сети болей вынырнуть.

b) Plat. Politic. 274 c, d (Гефест и искусства)

См. «Зевс и Гера», § 21 d; там же Plat. Protag. 321 e в § 21 c).

c) Plat. Legg. XI 920 d (То же)

Класс ремесленников посвящен Гефесту и Афине.

ОТНОШЕНИЕ ГЕФЕСТА К ДРУГИМ БОГАМ И ЛЮДЯМ

5. Paus. I 20, 3 (Узы Геры)

Самое древнее святилище Диониса находится около театра. В его ограде стоят два храма и два изображения Диониса; один называется Элевферий, а другой — это тот, которого сделал Алкамен из слоновой кости и золота. Здесь есть и картина: Дионис, ведущий на небо Гефеста. И относительно этого эллины рассказывают следующее: когда Гера отвергла родившегося у нее Гефеста, то он, по злопамятству, послал ей в подарок золотой трон, имеющий невидимые оковы; когда она села на него, она оказалась связанной, Гефест же не хотел слушаться никого из богов, пока Дионис, к которому Гефест питал особое доверие, напоив его пьяным, не привел его на небо.

Ср. Hyg. Fab. 166 (см. «Афина Паллада», § 12 e)

6. a) Pind. Ol. VII 58 слл. (Участие в создании Афины)

См. «Афина Паллада», § 1 b, d.

b) Hyg. Fab. 142 (Создание Пандоры)

Сети Вулкана

Прометей, сын Иапета, первый создал людей. Потом Гефест, по приказанию Зевса, создал изображение женщины из глины, которому Афина дала душу и прочие боги дали каждый свой дар, назвавши ее поэтому Пандорой. Она отдана была замуж за Эпиметея, брата Прометея, откуда — Пирра, первая, по преданию, женщина из созданных.

7. a) Apollod. III 14, 6 (Роман с Афиной)

Афина пришла к Гефесту, желая сделать себе оружие. Тот же, будучи оставлен Афродитой, загорелся страстью к Афине и начал ее преследовать. Она бежала. Когда он с большим трудом (он был хромой) оказался возле нее, он попробовал с нею соединиться. Афина же, будучи целомудренной и девой, не поддалась, и он излил семя на ее ноги. Почувствовавши отвращение к этому, Афина стерла с себя зародыш шерстью и бросила его на землю. Но когда она убежала и плод упал на землю, то отсюда появился Эрихтоний. Богиня кормила его тайком от прочих богов, намереваясь сделать его бессмертным. Заключивши его в ящик, она передала его Пандросе, дочери Кекропа; при этом она запретила открывать ящик. Сестры же Пандросы, по своему излишнему любопытству, открыли ящик и увидели, что возле ребенка лежит змея. И, как говорят некоторые, они погибли от этой змеи; а как говорят другие, они, ввиду гнева Афины, лишились ума и бросились с Акрополя вниз. Эрихтоний, воспитанный в священной роще самой Афиной, изгнал Амфиктиона и вступил на афинское царство. Он, кроме того, поставил в Акрополе изображение Афины, установил праздник Панафиней и вступил в брак с нимфой наядой Праксифеей, откуда родился сын Пандион.

Ср. «Афина Паллада», § 2 h.

b) Od. VIII 266—369 (Участие в скандале с Афродитой и Аресом)

См. «Олимпийские боги», «Общее», § 3 a.

8. a) Apoll. Rhod. III 221—226 Ден. (Аналогия с Дионисом)

...А под этим,
Не иссякая, текли четыре источника; вырыл
Их Гефест. Из них один молоком поднимался,
Тот — вином, протекал же третий маслом душистым;
Воду четвертый струил, что к заходу Плеяд нагревалась,
А при восходе их изменяла свое состоянье
И, как лед холодна, вытекала из скал углубленья.

b) Hor. Carm. I 4, 1—8 (Аналогия с Афродитой)

Прогнана в срок свой зима засиявшими
Днями с тихим ветром;
Ладьи сухими повлекут полозья;
В стойлах и скот не стоит — там не радостно;
Дом бросает пахарь;
Серебристым снегом луг уж не белеет.
Вот хороводы ведет при сиянии
лунном Киферея;
С ней Нимф и Граций милое сплетенье, —
В пляске, размер соблюдая, они движутся,
а Циклопов кузни
Вулкан обходит, в зное, огнеликий.

c) Sen. Med. 975 слл. (Гефест и Медея, — о Гефесте Мульцибере, или Плавильщике, слова Медеи)

И Мульцибер тайные дал мне огни,
Скрывши их тонкою серой от глаз.

СИМВОЛИКА ГЕФЕСТА

9. Procl. in Parm. 130 c

Нет ничего удивительного в том, что некоторые причины находятся у демонов, стоящих во главе тех или других искусств, поскольку они даруют их людям, и находящихся в числе символических богов, как, например, некий демон Гефест именуется патроном искусства ковки [металлов], с видом кузнеца; и о самом великом Гефесте символически говорится, что он выковал небо.

Procl. in Tim. 23 d, e (I 143, 7—11 D.)

Ибо поэтому богословы говорят, что он [Гефест] кует, как работник наковальни и металлов, и поэтому небо оказывается медным, в качестве подражания небу умопостигаемому, и потому же творец неба является кузнецом.

Procl. in Tim. (I 142, 18—24 D.)

Итак, мы выше привели из богословов свидетельства относительно него [Гефеста] в подтверждение нашим преданиям. Что он относится к демиургической цепи, а не к производящей живые существа[3], связующей или иной какой, показывают богословы, передавшие нам, что он кует, двигает меха и вообще — искусник.

Procl. in Parm. 130 c.

Сам великий Гефест символически может быть назван кузнецом неба.

Ср. Procl. in Tim. 36 d (II 281, 20 сл. D.), а также «Теогония и космогония», «Система», § 50 a.

VI. АФИНА ПАЛЛАДА

Уже самый первый миф об Афине, именно о ее происхождении из головы Зевса после поглощения им зачавшей от него Метиды (Hes. Theog. 886—900 и 924—926; см. «Зевс и Гера», § 7 a; намеки на то же — в эпитетах «дщерь всемогущего бога» в IL. V 747, 875, 880; подробно — в Hymn. Hom. XXVIII, § 1 a), достаточно рисует сущность этого божества: это осуществленная мысль Зевса.

Афину Л. Преллер правильно называл «персонифицированной доблестью» (arete), в противоположность жизненной Афродите (которая «не из мощных богинь» по IL. V 331), и также «персонифицированной» Nike (Победой)». «Афина Ника» даже почиталась в особом храме в Афинах. Поэтому Афина — символ активной мысли, воинственности, целесообразного и планомерного боя. Это мы уже встречали не раз: Hes. Theog. 924 («Зевс и Гера», § 7 a), Hymn. Hom. XXVIII; сюда же — Hymn. Hom. IV 10, § 8 i, и многочисленные эпитеты: «передовой боец», «возбуждающая к борьбе», «сильная», «несокрушимая», «победительница», «спасительница» и даже «Ареева» (в афинском Ареопаге, в Платеях и Смирне, Paus. I 28, 5, IX 4, 1 и т. д.). Отсюда — так называемый «палладиум», огромная статуя Афины в Трое, с поднятым копьем в правой руке и с веретеном и прялкой (или щитом) в левой (это символ мирной жизни). В Трою она или попала прямо с неба (от Зевса в знак благополучия города), или была поставлена Электрой. Известно, что Диомед похитил эту статую из Трои, а у Диомеда ее отнял афинский царь Демофонт (были и другие варианты о судьбе палладиума; ср. главнейшие материалы в § 14 a—g). Ее близость к военной стихии сказывается в массе мелких и крупных фактов. Таково, напр., участие ее в запряжке коней Эрихтония (ср. Verg. Georg. III 113 слл.), в укрощении Пегаса Беллерофонтом, в сооружении Арго (Apoll. Rhod. I 19, 527) и пр.; да и знаменитый троянский конь был сделан «божественным искусством Паллады» (Verg. Aen. II 15) и даже отчасти ею же самою (Od. VIII 492). О том, что Афина носит эгиду своего отца (IL. V 736 слл. — «Зевс и Гера», § 8 c), мы тоже уже знаем.

Афина — противоположность Аресу с его безразличным разбоем и страстью к войне ради войны. Афина всегда идейна, ее действия планомерны

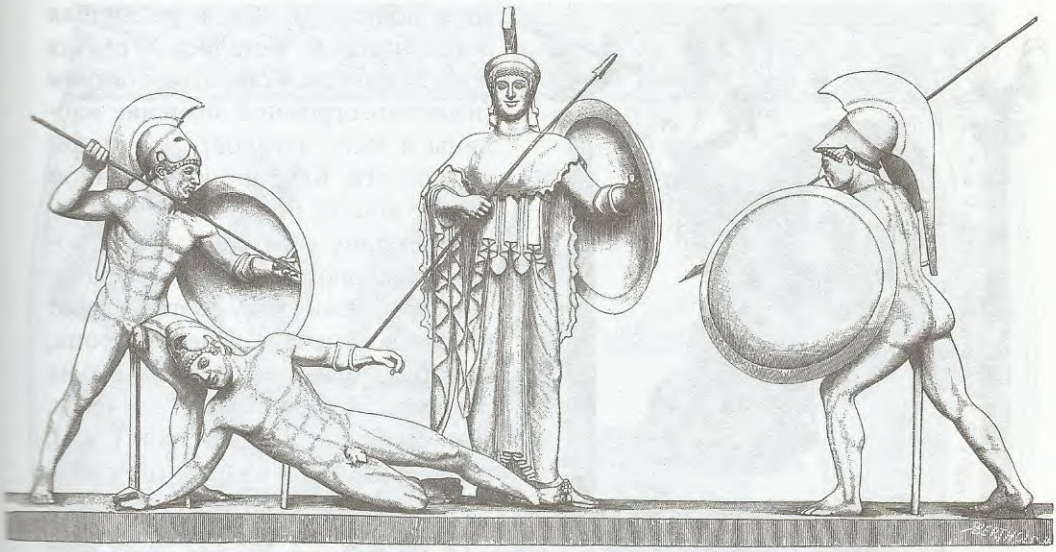
Рождение Афины

и обдуманны, она — символ принципов и целесообразных действий. Мы уже встречали эту противоположность Афины и Ареса в IL. XXI 391 слл. («Олимпийские боги», «Общее», § 5 b); к Аресу надо отнести и слабовольную Афродиту (ibid., 424 слл.), к которой Арес неравнодушен.

Место рождения Афины — река Тритон, на крайнем западе Фессалии или, по другим, в Ливии (Schol. Ap. Rh. I 109). Отсюда ее постоянный эпитет и наименование «Тритония», «Тритогенея», или рожденная Тритоном, т. е. рожденная на Тритоне (IL. IV 515, VIII 39, XXII 183). Имеется и другой вариант происхождения Афины, переданный нам стоиком Хрисиппом (§ 2 a; Hymn. Hom. II 129 сл.). Позднее говорили о происхождении ее от крылатого гиганта Палланта (§ 2 b, c), от Посейдона и Тритониды (§ 2 d, e), от Итона и от Гефеста (последнее — вполне апокриф, Clem. Alex. Protr. II 28). Рождается она сразу в полном вооружении (§ 1 a). Пиндар (§ 1 b) добавляет к этому об участии Гефеста, разрубившего для этого Зевсу голову, а Еврипид — о Прометее (§ 1 c). Воинственность — ее основная черта (§ 1 e, 4 a, b); она ниспровергает Гигантов (§ 3 a, b, c) и Горгону (§ 3 e, f) в Аттике (в Аргосе же Медузу Горгону убивает, как известно, Персей, передающий потом ее голову Афине).

Относительно этих Горгон нужно заметить, что в древнейшее время они славились своим особенно страшным видом: их глаза заставляли всех превращаться в камень; вместо волос они имели змей и опоясаны были этими волосами (ср. Горгона на эгиде Зевса в IL. V 741 сл. — «Зевс и Гера», § 8 c; сравнение взора Гектора с Горгоной в IL. VIII 349; Od. XI 634). С одной из Горгон, Медузой, сходится на цветущем лугу Посейдон (Hes. Theog. 274 слл.). И впоследствии образ Медузы вообще смягчается, так что она становится девой замечательной красоты, и Афине приходится превратить ее роскошные волосы в змей в наказание за ее распутство с Посейдоном в храме Афины (§ 3 h). Образ Горгоны неразлучен с Афиной в сознании античности. Афина — Горгоноокая, Горгоноубийца: Горгона у нее на груди, на эгиде; даже она сама в некотором роде Горгона (§ 3 f, g). Такова ее страшная (в частности, военная) сила.

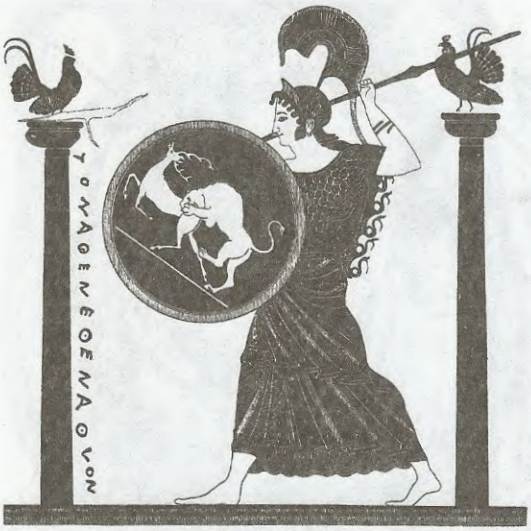
Афина ближе всех стоит к Зевсу и осмеливается возражать ему даже тогда, когда этого не может делать ни один из богов, и он ей идет навстречу (§ 5 a, b). Она — затаенная мысль и воля самого Зевса и неизменная помощница героев, тех, которых она себе выбрала. С ней мы встречаемся в мифах об этолийском Тидее, Диомеде, Геракле аргосском, Персее, минийском Ясоне, Беллерофонте, Ахилле, Одиссее. Так, общеизвестно то благоразумие, которое она внушает Ахиллу во время его ссоры с Агамемноном, готовой перейти в бой (§ 6 a). Что же касается Одиссея,



Средняя группа западного фронтона храма Афины в Эгине

то невозможно и перечислить все те случаи, когда Афина благоволила к этому герою и ему помогала. Вместо перечисления этих мест, которыми пестрит вся «Одиссея», мы приводим только один большой отрывок (§ 6 b), изображающий Одиссея на Итаке после его прибытия из страны феаков. Тут особенное внимание надо обратить на стихи 297—299, где Афина характеризует сама себя, свой ум и искусство и свою близость к Одиссею.

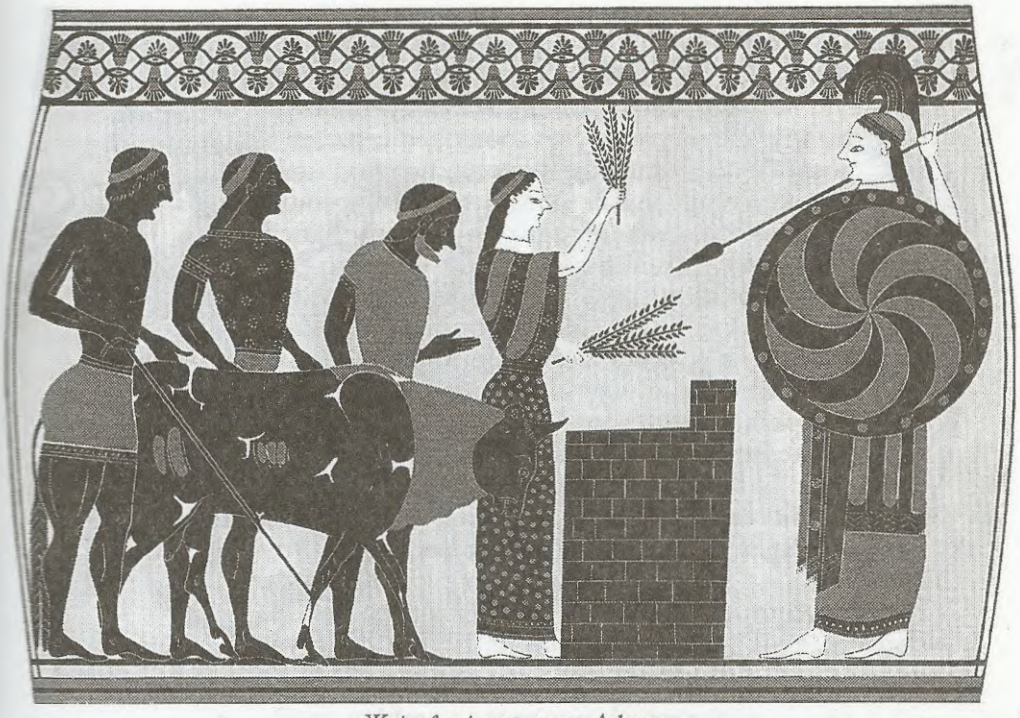
Однако эта «побеждающая» богиня является также и «мироприносящей». Тут она тоже упорядоченная мысль и воля, будь то в истории Эрихтония (§ 2 h), будь то в охранении детей (ср. эпитет «детопитательница»; а по Nonn. XLVIII 953 слл., она — воспитательница элевсинского Иакха), будь то под видом Афины Гигии (Афины Здоровье). Она — Полиада или Полиухос, т. е. охранительница города, государства, семьи (об этом незабываемые материалы у Эсхила — «Олимпийские боги», «Общее», § 6). Павсаний дает массу указаний на подобные функции Афины не только в Аттике (некоторые из них приведены в § 9 a—c). Однако Аттика, безусловно, есть самое главное место почитания Афины. Афина воспитала Эрехтея (по Schol. IL. II 547, это — то же, что Эрихтоний, хотя об их различии — у Eur. Ion. 280), сына Земли (или Аттиды, дочери Краная) и Гефеста, после того как дочери Кекропа, которым был ею дан на хранение ящик с младенцем Эрехтеем, вскрыли этот ящик, вопреки запрещению Афины, и, увидевши там младенца, обвитого змеей, бросились от ужаса вниз с акрополя (или, по другому, были умерщвлены змеею). Говорили и о происхождении Эрехтея от семени Гефеста, попавшего на землю, когда Гефест неудачно преследовал Афину своей любовью (Apollod. III 14, 6 — «Гефест», § 7 a, ср. «Афина», § 2 h). Этот Эрехтей ввел культ Афины и построил на акрополе храм ей вместе с Посейдоном. Передавали и о знаменитом споре Афины с Посейдоном из-за Аттики, когда Посейдон ударом своего трезубца по скале образовал море, а Афина вырастила масличное дерево. Спор был решен бога-



Афина Промахос

ми в пользу Афины, и масличная ветка навсегда осталась в глазах жителей Аттики символом богини (известно огромное значение маслины в быту аттиков). Эти мифы об Эрехтее, Кекропе и масличном дереве вполне определенно связывают Афину с земледелием и вообще с мирной жизнью на обрабатываемой земле, чему соответствуют не только имена дочерей Кекропа, которым был отдан Эрехтей на хранение (Аглавла, Пандрос и Герса, т. е. Полевая, Всевлажная, Роса), но и праздники в честь Афины и Эрехтея: Плинтерии в начале жатвы, Аррефории во время молотьбы, Прохаристерии в конце зимы, во время прорастания хлеба. Кроме того, праздник Панафиней всегда напоминает о соединении всех жителей Аттики в одно государство под покровительством великой богини. В самих Афинах ей был посвящен Эрехтейон, где она мыслилась в качестве символа общекультурной, и в частности земледельческой, жизни, и Парфенон, где она была представлена как мудрая и великая военная мощь. А посреди того и другого возвышалась знаменитая и огромная статуя Афины Промахос (т. е. Передовой боец) из золота и слоновой кости, блеск копья и шлема которой был виден по всей афинской долине. В самом Парфеноне была Фидиева статуя Афины — девы суровой, благородной и торжественной, с змеей вместо пояса, со щитом в одной руке и с богиней Победы в другой (§ 13).

Наконец, Афина является и символом всякого *искусства, ремесла, планомерной и целесообразной деятельности и творчества.* Тут она — Эргана (ср. § 8 f; о храме Афины Эрганы в Спарте — Paus. III 17, 4), по прекрасным ее erga (произведениям; § 8 f). Уже у Гомера и Гесиода (§ 8 a—e, i) мы находим не раз указание на ее изумительную способность к искусству. Гомер (IL. VI 303) заставляет Гекубу подносить Афине драгоценное одеяние для ее умилостивления, явное указание на ткацкое мастерство самой Афины. Впоследствии на этой почве образовался целый миф об Афине и Арахне, который мы приводим по Овидию (§ 11). Но она не только мастерица в женских рукоделиях и не только учит Пенелопу искусному тканью (хотя эпитет «Эргана» относится главным образом к этому). В «Илиаде» она вдохновительница художников, и в особенности Ферекла, который хотя и кораблестроитель, но одновременно и знаток всех искусств и ремесел. Она богиня гончарных, плотничьих, кузнечных и золотых дел; она изобрела колесницу, плуг, краски, обувь и т. д. О ее культурном облике достаточно читаем у Овидия (§ 10). В этом смысле Афина особенно чтилась в Афинах, где она была наравне с Гефестом и Прометеем (ср. § 8 f), а также на Родосе (§ 8 h).



Жертвоприношение Афине

Наконец, Афина далеко не чужда и *музыке* и *орхестике*. Беотийское сказание прямо приписывает ей изобретение флейты (§ 12), так что выходит, будто она научила игре на флейте и самого Аполлона (§ 12 b), в то время как по малоазиатской версии изобретение флейты приписывается лидийскому силену Марсию. Обе версии, впрочем, объединились потом в одну: изобрела флейту Афина, но она ее бросила, так как флейта портила ей лицо, а поднял эту флейту и ею настоящим образом воспользовался Марсий (§ 12 c). Она изобрела и военные трубы (говорилось обычно о «тирренской» трубе, ср. Aesch. Eum. 567, Soph. Ai. 17 и § 12 e). Она первая протанцевала пирриху на празднестве после гигантомахии (§ 12 f), каковой танец потом стал неотъемлемой принадлежностью Панафиней (ср. Lys. XXI 1, 4).

Наконец, Афина — абсолютная девственница (ср. упомянутое выше отвержение Гефеста и ослепление фиванского юноши Тиресия за то, что он увидел ее во время купания, — § 13; взамен зрения Тиресий получил свой знаменитый дар прорицания — см. в фиванских мифах).

Афина — одно из самых прекрасных порождений античной мифологии. Девственная, мужественная, мощная, мудрая, художественно одаренная дева, в древние времена патронесса идейных воинов и хитроумных ремесленников и художников, а с эпохи эллинизма высокий покровитель философов, поэтов и ученых, живая и мудрая энциклопедия всего, в чем осуществлена живая мысль и активная здравая воля, — вот что такое античная Афина. Одно из прекрасных ее воспроизведений (Lenormant et de Witte. Élite céram. I, pl. LXXVII) рисует ее пишущей: в военном шлеме, но с опущенным щитом она всматривается в диптих и задумчиво держит стиль около губ. Такова она — всегда могучая и мудрая.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1. a) Hymn. Hom. XXVIII (Происхождение из головы Зевса)

Славную петь начинаю богиню, Палладу-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокую, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
Из головы он священной родил ее в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
Заколебался великий Олимп, застонали ужасно
Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
Богоподобных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада Афина. И радость объяла Кронида.
Радуйся много, о дочерь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

b) Pind. Ol. VII 58—99

Златовласый [Аполлон] повелел ему [Ликимнию] из своего благословенного святилища направить прямой путь от Лернейского берега в окруженноморскую страну. Здесь некогда великий царь богов оросил город золотыми ливнями, когда Афина, появившись из темени своего отца, искусно рассеченного медною секирою Гефеста, закричала сильнейшим голосом, а Небо и мать Земля от нее затрепетали. Тогда и демон, сын Гипериона, озаряющий смертных, приказал своим любимым сыновьям соблюдать новый обряд, когда они первые построят блестящий жертвенник богине и, принеся благословенную жертву, увеселят дух отца и потрясающей копьем дочери... Так и Гиперониды взошли на алтарь [новой богини], не имея при себе семени блестящего огня, и учредили в Акрополе святилище для безогненных священнодействий. Зевс распростер над их главами светлое облако, излил дождем обильное золото. Она же — блестящая, с голубыми глазами богиня — даровала им [способность] во всяком искусстве ловкими в трудах руками превосходить других жителей земли. Улицы их были уставлены созданиями, подобными живым и движущимся существам. Велика была

Геракл и Афина

Геракл и Афина на колеснице. Роспись вазы

их слава: тому, кто одарен мудростью, мудрость сама служит опорой, без ухищрений.

c) Eur. Ion. 452—456

Мук рождением не знавшей,
Я тебе молюсь, Афина,
Ты, которую когда-то
Прометей титан воспринял
Из Кронидова чела!

d) Apollod. I 3, 5

Зевс вступил в брак с Метидой, хотя она много раз изменяла свой вид, не желая сочетаться с ним. И, когда она сделалась беременной, он поспешил поглотить ее, так как она говорила, что после дочери, которая должна от нее родиться, она родит сына, который сделается властителем неба. Побоявшись этого, Зевс и поглотил ее. Когда же настало время рождения, его ударил по голове секирой Прометей или, как другие говорят, Гефест, и из головы на берегу реки Тритона выпрыгнула в полном вооружении Афина.

e) Нутн. Hom. XI (Воинственность Афины)

Славить Палладу Афину, оплот городов, начинаю,
Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,
Яростный воинов крик, городов разрушенье и войны.
Ею хранится народ, на сраженье ль идет, из сраженья ль.
Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

f) Philostr. Imag. II 27 (Иллюстрация у Филострата, — описание картины рождения Афины)

(1) Смотри! Боги и богини, страшно пораженные приказом, чтобы с неба не отлучались даже Нимфы и были бы там со своими реками, от которых они происходят, трепещут перед Афиной, только что внезапно явившейся во всеоружии из головы Зевса, которую расколол Гефест секирой. (2) Из какого материала сделано ее оружие, никто бы не мог угадать: сколько красок в радуге, переливающейся разными цветами, столько же оттенков и в нем. Гефест, видимо, в недоумении, каким образом сможет он привлечь к себе внимание богини: у него уже заранее потеряно средство прельщения, так как вместе с богиней родилось и ее оружие. А Зевс свободно вздыхает и с удовольствием, подобно тем, «что подвиг великий свершили», со вниманьем рассматривает свою дочь, гордый ее рождением; Гера же не видит здесь для себя ничего ужасного, не злится и радуется, как будто бы Афина была ее дочерью.

(3) Вот уж на двух акрополях приносят жертвы Афине два народа, афиняне и родосцы, на земле и на море, «люди, рожденные морем, и землей порожденные люди»; родосцы приносят жертвы без всесожжения, неоконченные, народ же в Афинах ей дал и огонь и запах сжигаемых жертв. Каким благовонным нарисован здесь дым, «кверху текущий с запахом тука»! Потому-то к ним и пришла богиня, как к более мудрым и правильно принесшим ей жертву, а родосцам, как говорят, потекло с неба золото и наполнило дома их и улицы, так как Зевс разверзнул над ними тучу из золота за то, что и они признали Афину. (4) На их акрополе — Плутос, бог богатства; он нарисован крылатым, как явившийся из облаков, золотым — по той материи, в образе которой он появился. Нарисован он также зрячим: он явился к ним не по случайности, а совершенно сознательно.

2. a) Chrysipp. ap. Galen. De Hippocr. et Plat. dogm. III 8 (Стоическое толкование Афины)

Афина

«Я слышу, что многие говорят с целью убедить в том, что ведущая часть души находится в голове: «Ведь происхождение Афины — из головы Зевса, — говорят они, — а Афина — мысль и разумность — есть символ того, что ведущее находится именно здесь. Ведь иначе не появилась бы мысль и разумность в голове, если бы ведущее не находилось в ней». [Этим] они утверждают нечто достоверное, но, как мне кажется, они сильно ошибаются... [Дальше у Хрисиппа, цитируемого тут Галеном, идет пересказ соответствующего мифа по Гесиоду, с приведением стихов Theog. 886—890, 900, 924—926]. Совершенно ясно отсюда, что он поместил Метиду в самой груди и что таким образом, по его словам, Зевс породил ее через голову...» Предпославши это, Хрисипп в дальнейшем пишет так: «Значит, вот что говорится об Афине. Это заставляет выявлять какое-то другое сим-

волическое значение [мифа]. Прежде всего, Метида считается как бы некоторого рода разумностью и искусством в области того, что происходит в жизни. Действительно, искусства надо поглощать и вкладывать. В этом смысле мы и говорим о некоторых, что они поглощают слушаемое. Но из-за этого поглощения целесообразно говорится и о том, что оно принимается вовнутрь. А после этого осмысленно будет и порождать из него подобное поглощенное искусство, на манер рождающей матери. В добавление к этому надо, однако, еще рассмотреть, как же появляется вовне это рождаемое в людях науками и через что именно оно главным образом появляется. Ясно, что оно появляется вовне при помощи слова, через рот, находящийся на голове. Это применимо равным образом и к голове в условном смысле [в каком смысле говорится о головах скота и о том, что у тех-то отнимают столько-то голов скота]. В этом смысле говорится и о появлении из темени, причем может возникнуть и еще больше новых ситуаций, если их понимать символически. Однако и без этого рассказа можно было бы утверждать подобное, только на основании одного ее происхождения через голову. Ведь [Гесиод] вовсе не говорит, что она возникает в голове, если только кто-нибудь не скажет, извращая или меняя смысл [мифа], что она выходит так, а возникает иначе. Поэтому, как я сказал, лучше и этот символ относить к другому смыслу. Больше всего выражает вышеприведенную историю то, что возникшие в них художественные предметы выходят наружу через голову». Таковы слова Хрисиппа.

Афина и Марсий.
С оригинала Мирона

b) Cic. De nat. deor. III 23, 59 (Варианты происхождения Афины)

Первая Афина — та, которую мы выше назвали матерью Аполлона. Вторая — дочь Нила; ее почитают египтяне, жители города Саиса; третья рождена Зевсом, как мы сказали выше. Четвертая — дочь Зевса и Корифы, дочери Океана; жители Аркадии зовут ее Корией и считают изобретательницей четырехконной колесницы. Пятая — дочь Палланта; она, говорят, убила своего отца, пытавшегося ее обесчестить; ей приписывают крылья на ногах.

c) Clem. Alex. Protr. II 28, 1—2

Есть такие, которые предполагают пять Афин: одну — дочь Гефеста, афинскую; другую — дочь Нила, египетскую; третью — дочь Кроноса, изобретательницу войны; четвертую — дочь Зевса, которую мессенцы называют по матери корифасской; после же всех — дочь Палланта и Титаниды (дочери Океана), которая, нечестиво напавши на отца, нарядилась в отцовскую шкуру, как в овечью.

Голова статуи Афины
с восточного фронтона храма Афины Афайи на острове Эгина.

d) Herod. IV 180 (Происхождение Афины от Посейдона и Тритониды)

Афина, по словам их [жителей окрестностей озера Тритониды в Ливии], — дочь Посейдона и Тритониды. Поссорившись из-за чего-то с отцом, она отдала себя в собственность Зевсу, а Зевс принял ее как родную дочь.

e) Paus. I 14, 6

Выше Керамика и Стои, называемой «царской», находится храм Гефеста. Что рядом с ним стоит изображение Афины, я этому ничуть не удивляюсь, зная сказание об Эрихтонии. Но, смотря на эту статую Афины, имеющей голубые глаза, я нашел, что таково было сказание и ливийцев. У них говорится, что она дочь Посейдона и озера Тритониды и поэтому у нее голубые глаза, как у Посейдона.

f) Paus. IX 33, 7

Ее [реку] называют Тритон, потому что будто бы Афина была вскормлена именно около этого Тритона, а не около ливийского, который из Тритонского озера впадает в Ливийское море.

Афина и сова

АФИНА И ГЕФЕСТ

g) Apollod. III 14, 6 (Преследование со стороны Гефеста)

См. «Гефест», § 7 а.

h) Hyg. Fab. 166 (Узы Геры; Эрихтоний)

После того как Гефест при помощи булата соорудил Зевсу и прочим богам золотые троны, Гера, хотя она и сидела, начала виснуть в воздухе. Когда же из-за этого послали к Гефесту, чтобы он освободил связанную им мать, тот, гневаясь за то, что был ею сброшен с неба, сказал, что у него нет никакой матери. А когда отец Либер привел его в нетрезвом виде на собрание богов, он уже не смог не выразить почтения. Тут он получил от Зевса свободу достигать всего, чего только от них не запросит. И вот тогда Посейдон, враждебно настроенный к Афине, подзадорил Гефеста просить себе Афину в жены. Когда же, по достижении этого, он проник в спальню, Афина, по научению Зевса, защитила свое девство оружием. Из его семени, упавшего во время борьбы на землю, родился мальчик, имевший нижнюю часть тела — дракона. Его потому и назвали Эрихтонием, что eris по-гречески значит «состязание» [спор], а chton — «земля». Тайно кормя его, Афина передала его в ящике для сохранения дочерям Кекропса: Аглавре, Пандросе и Герсе. Когда они вскрыли ящик, то оттуда появилась ворона. Подверженные Афиной безумию, они сами бросились в море.

АФИНА, ВОЙНА И ГЕРОИ

3. a) Apollod. I 6, 2 (Участие Афины в гигантомахии)

См. «Теогония и космогония», «Система», § 54 а.

b) Eur. Ion. 1527—1529 (То же, — слова Креусы)

Клянусь Афиною побед, чей щит
На колеснице, что Гигантов племя
Повергла в прах, Зевеса осенял!

c) Paus. VIII 47, 1 (Афина Алея, гигантомахия)

Нынешний образ Афины принесен в Тегею из поселка мансуреев, у которых она имела название Конной, потому что, по их сказаниям, во время битвы богов с Гигантами погнала колесницу на Энкелада, хотя между всеми эллинами и даже между пелопоннесцами эта богиня называется Алеею.

d) Verg. Aen. III 570—582 (Гигант Энкелад)

Сам недоступен напору ветров залив и огромен,
Только грохочет вблизи обвалами страшными Этна;
По временам до эфира черную тучу бросает,
Ту, что дымится смолистым вихрем и искрой блестящей;
Пламеней клубы она возносит и лижет созвездья,
А иногда и утесы, горы разъятые недра
Мечет она, изрыгая; рушит на воздухе с ревом
Перекаленные камни, кипит в глубинах бездонных.
Полусожженное, — молвят, — Энкелада молнией тело
Эта громада гнетет, а сверху огромная Этна
Взвалена, что выдыхает огонь из прорванных горнов;
Только усталым он двинет боком, Тринакрия тотчас
Ропотом вся содрогнется, и дымом подернется небо.

e) Eur. Ion. 987—1018 (Афина и Горгона, — убиение Афиной Горгоны)

См. «Вода», § 22 i*.

f) Paus. I 21, 4 (То же, — эгида с Медузой Горгоной)

На так называемой южной стене [акрополя], которая обращена к театру, находится золоченая голова Медузы Горгоны, а вокруг нее сделана эгида.

g) Paus. V 12, 2

Занавес в Олимпии — шерстяной, украшенный пышными ассирийскими узорами и окрашенный финикийским пурпуром, — дар Антиоха, того самого, которому принадлежит посвященная им и золотая эгида над афинским театром, а на ней голова Горгоны [ср. I 21, 3].

h) Ov. Met. IV 772—803 (Персей, Медуза и Афина)

И повествует Персей, что лежит под холодным Атлантом
Место одно, а его защищает скалистая глыба
И что в проходе к нему обитают тройничные сестры,
Форкида дочери, глаз же один применяют, всем общий;
Как он, хитро изловчась, при его передаче, тихонько
Руку подсунув свою, овладел тем глазом; и скалы,
Скрытые глухо, пройдя и ужасные, лесом трескучим
К дому Горгон подступил; как видел везде — на равнине
И на дорогах — людей и животных подобья, тех самых,
Что обратились в кремень, когда увидали Медузу;
Как он, однако, в щите, что на левой руке, отраженным
Медью впервые узрел ужасающий образ Медузы;
Тяжким как пользуясь сном, и ее и гадюк охватившим,
Голову с шеи сорвал; и еще — как Пегас быстрокрылый
С братом его родились из пролитой матерью крови.
Вспомнил не ложные он опасности долгого лета,
Что за моря, что за земли он зрел с высоты под собою,
Также созвездий каких касался взмахами крыльев.
Но замолчал он скорей, чем того ожидали. Тут начал
Некто, один из вельмож, и спросил, — из сестер почему же

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

Статуя Афины с восточного фронтона храма Афины Афайи на острове Эгина

Волосы только одной перемешаны змеями были?
Гость же в ответ: «Раз ты вопросил о достойном рассказа,
Дела причину тебе изложу. Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же во всей остального всего превосходнее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что ее изнасиловал в храме Минервы
Царь зыбей. И Юпитера дщерь отвернулась, эгидой
Скрыв целомудренный лик. И чтоб грех не остался без кары,
В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня».

i) Herod. VIII 37 (Чудодейственная сила оружия Афины во время нападения Ксеркса на дельфийское святилище)

Афина.
Роспись краснофигурной гидрии

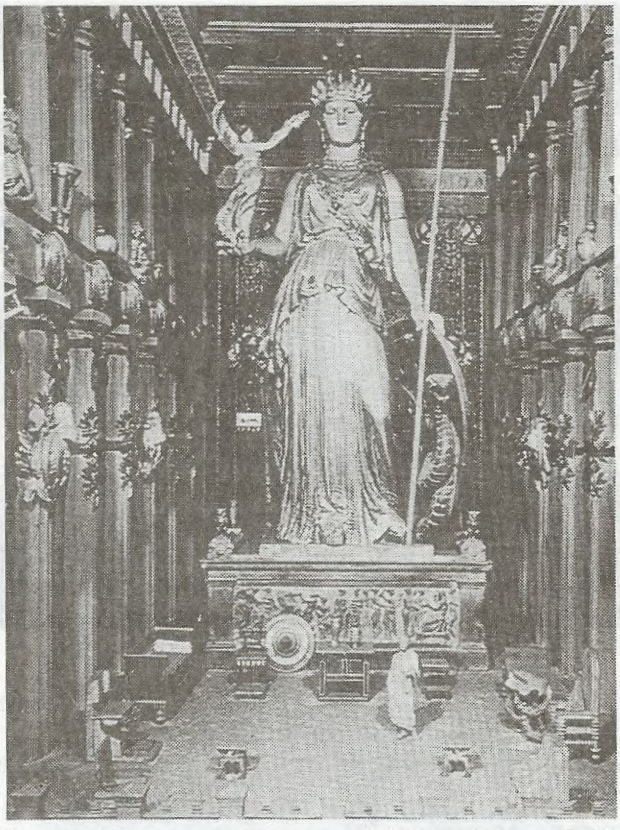
Когда наступающие варвары были близко и уже видели храм, прорицатель, по имени Акерат, заметил, что перед храмом лежит священное оружие, вынесенное из внутренней части святилища. Прикасаться к нему не смел никто из людей. Прорицатель отправился известить о чуде дельфийцев, оставшихся в городе. Между тем варвары поспешно подходили к храму Афины Пронаи; и им явились чудеса еще более замечательные, нежели раньше упомянутое. Действительно, велико чудо — самопроизвольное появление военного оружия изнутри храма и нахождение перед ним; но знамения, следовавшие вскоре за этим, были поразительнейшими чудесными явлениями. А именно, когда варвары подошли к святилищу Афины Пронаи, в это время с неба упала на них молния, а от Парнаса оторвались две вершины, с сильным шумом устремились на них и многих задавили, а из храма Пронаи слышался громкий голос и жалобные восклицания.

j) Paus. IX 34, 2

Однажды жрица богини Иодама ночью вошла в святилище, и перед ней явилась сама богиня Афина, но на хитоне богини была голова Горгоны Медузы, и Иодама, как только взглянула, превратилась в камень.

4. a) IL. IV 64—80 (Образ воинственной Афины)

«Ныне, Кронид, повели ты Афине
Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».
Так говорила, — и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:



Интерьер Парфенона со статуей Афины работы Фидия

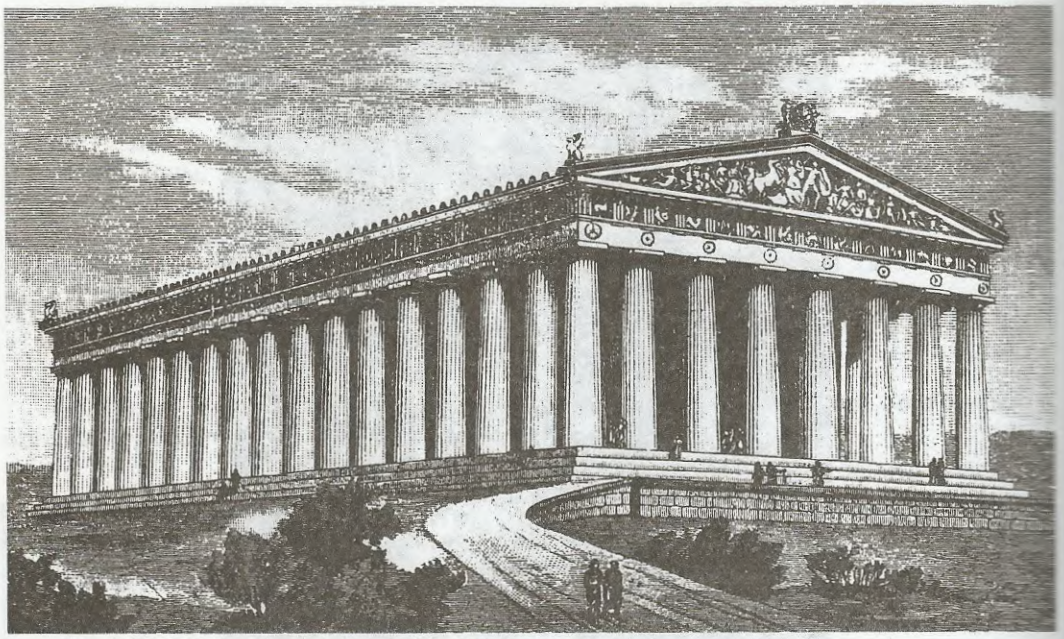
«Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву».
Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь,
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры, —
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.

b) Hes. Scut. 197—200 (То же, — Афина на щите Геракла)

Тут же и Зевсова дочь, грозящая смертью Афина:
Страшную битву как будто она замышляет воздвигнуть.
Шлем золотой был на ней, и в руках копье золотое;
Плечи прикрыла эгида. Так шла она в страшную битву.

c) IL. V 1—8 (Афина окружает пламенем голову Диомеда)

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,



Вид Парфенона с запада

Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана, —
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

d) IL. XVIII 203—206 (То же, — Ахилла)

И восстал Ахиллес, Громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
И зажгла от облака окрест сияющий пламень.

e) IL. V 114—143 (Афина покровительствует раненому Диомеду)

И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
«Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и, надмен, предвещает, —
В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»
Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь Громовержца:
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:
«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коим щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога и смертного мужа.
Шествуй, и, если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,

Афина, выпускающая свою сову

Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь, Афродита,
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».
Так говоря, отошла светлоокая дочь Громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних,
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром, —
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы,
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад чрез высокую скачет ограду, —
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

f) Od. VI 229—237 (Афина украшает Одиссея)

Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила;
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном

Монеты Афин с изображением совы — символа Афины

Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества.

5. ***a) IL. VIII 28—40 (Особое благоволение Зевса к Афине после гневного запрета богам вступать в войну)***

Так он вещал, — и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
Но наконец светлоокая так возгласила Афина:
«О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут.
Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».
Ей улыбаясь, ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю».

b) IL. XXII 166—187 (То же, — во время преследования Гектора Ахиллом вокруг Трои)

Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
Гектор, муж благодушный, тельчие тучные бедра
Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
Гектора мы сохраним ли от смерти, или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».
Зевсу немедля рекла светлоокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»
Ей не медля ответствовал тучегонитель Кронион:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце

Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю.
Волю твори и желание сердца не медля исполни».
Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

6. ***a) IL. I 188—192 (Внушение благоразумия Ахиллу после оскорбительных слов Агамемнона)***

Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:

Афина Парфенос

Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.

b) Od. XIII 221—440 (Афина и Одиссей, — когда последний просыпается на Итаке, будучи привезен туда феакийцами)

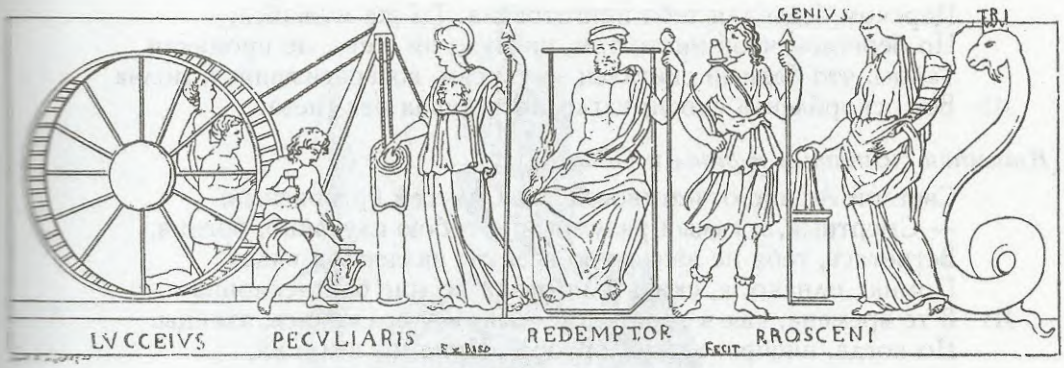
[*Афина сообщает Одиссею об Итаке*]

К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,

Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сияли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
— Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро и меня самого защити; я, как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый, иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?
Дочь светлоокая Зевса, Афина, ему отвечала:
— Видно, что ты издалека, пришелец, иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя Ночи;
Правда, горист и суров он, коням не приволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян.

[*Обманный рассказ Одиссея*]

Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло:
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
— Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищами подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады;
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил



Минерва Работница

Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглися на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю,
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный.

[*Афина открывает себя*]

Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
— Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоесмысленных, смолода к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие Судьба в многославном жилище

Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец — ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева.

[*Взаимная симпатия Афины и Одиссея*]

Светлой Афине ответствовал так Одиссей богоравный:
— Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб я был в Итаке; я в землю иную
Прибыл: ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела, — напротив,
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посидоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но, чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный, с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим Наядами, Нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил экатомбы богатые чистым Наядам).
Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким.

[*Афина открывает Одиссею Итаку и дает первый совет*]

Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась —
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;

Афина Паллада

Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к Наядам:
— Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти.

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен:
Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтобы из них ничего у тебя не пропало.
После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней.

[*Обсуждение плана мести женихам*]

Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртов
Всё, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса-эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
— О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же,
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя.
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
— Горе! и мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и думаю, скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщу блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиными смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Пенелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней: близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,

Афина и Марсий. С оригинала Мирона

Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемака оттуда;
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать.
Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
— Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив.
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
— Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостью дом твой, поглотит.

[*Превращение Одиссея в нищего*]

С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,

Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма.
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла.
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

АТТИКА

7. a) Hyg. Fab. 164 (Спор с Посейдоном из-за Афин)

Когда возникло состязание между Посейдоном и Афиной о том, кому первому основывать город в Аттической земле, они взяли в судьи Зевса. Как только Афина посеяла в этой земле маслину (она, как говорят, стоит там и до сих пор), суд состоялся в ее пользу. Но разгневанный Посейдон собрался залить эту землю морем. По приказанию Зевса этому делу воспрепятствовал Гермес, и — Афина основала город Афины по своему имени. По преданию, этот город был основан на земле впервые.

Голова Афины

b) Paus. I 26, 6 (Афина в Аттике)

Афине посвящен как город, так и вся вообще страна; и те, у кого принято по своим домам почитать других богов, ничуть не меньше чтут Афину. Это же священнейшее ее изображение, почитавшееся всей общиной за много лет до того, как из деревенских поселков они все сошлись вместе, находится теперь в акрополе, который тогда только и стал называться городом; есть предание, что оно упало сюда с неба, но я не буду исследовать со всей точностью, так ли это или нет.

c) IL. II 546—552 (Эрехтей)

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехфея, которого в древние веки
Матерь Земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают

Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, —
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.

d) Eur. Ion. 8—36 (Ион, сын Эрехтея, — пролог; Гермес о рождении Иона, родоначальника ионян)

Есть в Элладе славный город: в честь Паллады,
Сверкающей копьем, он наречен.
Там Аполлон принудил к браку дочь
Креусу Эрехфея, под навесом
Той северной горы, где кремль стоит...
(Скалам тем имя «долгих» дали люди.)
Не знал отец, что дочь его, царевна,
От Феба носит бремя; так желал
Сам Аполлон. Когда ж настало время,
Родив в чертогах сына, нежный плод
Под ту же сень, где сочеталась с богом,
Царевна отнесла и на смерть сына-
Малютку обрядила: в закругленной
Положен он корзинке крепкой был...
Был соблюден и дедовский обычай
Царевною: когда Земли младенца
Давала Эрихфония беречь
Афина-дева девам Росяницам, —
Она двух змей приставила к ребенку;
С тех пор в Афинах золоченых змей
На шею надевают детям. Этот
Девичий свой убор надев на сына,
Царевна с ним простилась. А ко мне
Взмолился брат: «Ты знаешь край, конечно,
Людей тех земнородных, край Афины;
Возьми же — там в пещере есть дитя,
Рожденное недавно лишь, в корзинке, —
С его приданым детским, ты малютку
К святилищу дельфийскому снеси
И положи у входа: это сын мой;
Об остальном я позабочусь сам».

e) Eur. Ion. 264—274 (Эрихтоний, сын родоначальника троянцев Дардана, и Афина)

Неокор. А правда ли?.. Молва такая ходит...
Креуса. Вопроса жду я, друг... Ты хочешь знать?
Неокор. Что пращур твой Землею был рожден?
Креуса. Да, Эрихфоний, но не мне на счастье.
Неокор. И будто он Афиной был повит?
Креуса. Без матери... в руках девичьих... Точно.
Неокор. И отдан, если живопись не лжет...
Креуса. В ларце закрытом дочерям Кекропа.
Неокор. Но, слышал я, ларец открыли девы?
Креуса. И кровью их был обагрен утес.
Неокор. Еще бы нет!..

f) Paus. I 27, 2 (Маслина Афины)

Относительно масличного дерева афиняне ничего другого не рассказывают, кроме того, что оно было свидетельством права богини в ее споре (с Посейдоном) из-за этой страны. Они также рассказывают, что эта маслина сгорела, когда мидийцы сожгли город афинян, но, сожженная, она в тот же день дала росток в два локтя.

РУКОДЕЛИЕ И ХУДОЖЕСТВО АФИНЫ

8. a) IL. V 733—735 (Рукоделие Афины)

Той порою Афина в чертоге отца Эгиоха
Тонкий покров разрешила, струёй на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала.

b) IL. XIV 178 сл. (О Гере)

Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров.

Афина, опирающаяся на копье. Рельеф с афинского Акрополя

c) Hes. Theog. 573—575 (О Пандоре)

Пояс на ней застегнула Афина, в сребристое платье
Деву облекши; руками держала она покрывало
Ткани тончайшей, с главы ниспадавшее, — диво для взоров.

Ср. Hes. Opp. et d. 72—76 (то же):

Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем

Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
[Все украшенья на теле оправила дева Афина.]

d) Od. VII 108—111 (То же, — о женах феакийцев)

Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены

Афина Лемния

Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.

e) Od. XX 72 (О дочерях Пандара)

...Афина их всех научила искусствам.

f) Paus. I 24, 3 (Афина Эргана)

...Они [афиняне] первые стали почитать Афину под названием Эрганы [Работницы, Художницы].

g) Paus. V 14, 5 (То же)

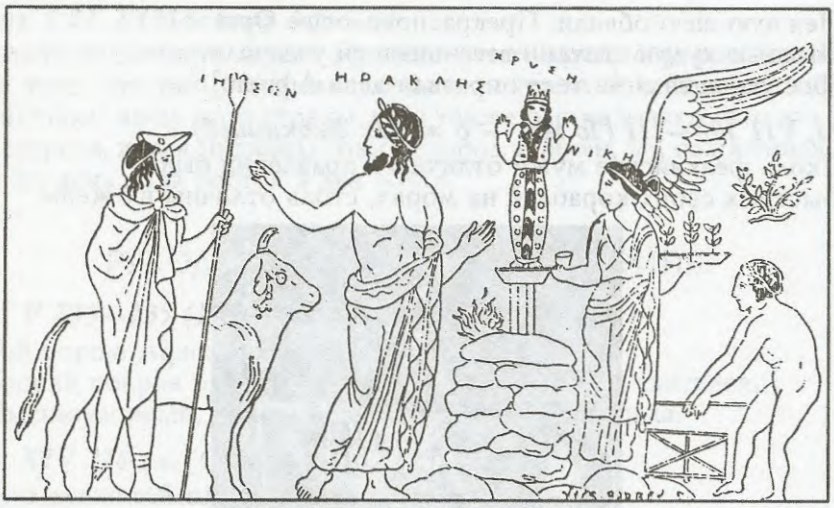
Этой Эргане приносят жертву и потомки Фидия, так называемые чистильщики, получившие от элейцев почетную обязанность — чистить статую Зевса от всяких осадков; они приносят ей жертву раньше, чем начнут чистить статую.

h) Pind. Ol. VII 58 слл. (Афина на Родосе)

См. § 1 b и § 1 f.

i) Hymn. Hom. IV 10—15

...Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.



Древний идол Минервы Азиатской

Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожею нежной она обучила в чертогах
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.

j) Soph. frg. 760

Теперь ступайте, весь рабочий люд,
Что грозноликой дочери Зевеса —
Эргане молитесь — и за станками
Стоячими, и под удары млата
В глухую тяжесть грузной наковальни, —
Все, что рукой своей над веществом
Бесчувственным орудовали.

ПРИМЕРЫ НА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ АФИН

9. a) Paus. II 30, 6 (Трезен)

Во время его [Алфея, сына Посейдона и дочери Ора, Леиды] царствования Афина и Посейдон, по их [трезенцев] словам, вступили в спор за обладание этой страной, но, несмотря на спор, владеют ею сообща: так им приказал Зевс. Поэтому они чтут Афину под именем Градоправительницы [Полиады] и Могучей [Сфениады], а Посейдона под названием Царя. И на древних монетах у них стоит знак: трезубец и голова Афины.

b) Paus. III 17, 2 (Спарта)

В Спарте много и других холмов, и тот, который поднимается выше других, они называют акрополем. На нем сооружен храм Афины, называемой Полиухос [Градопокровительницей]; ее же называют они «Из медного дома».

c) Paus. VIII 47, 5 (Тегея)

В Тегее есть еще другой храм Афины — Полиатиды. В этот храм жрец входит один раз в год. Тегейцы называют его «храмом ограждения», и

говорят, что Кифею, сыну Алея, было обещано Афиною, что Тегея никогда не исчезнет и будет существовать вечно и что для охранения города будто бы Афина отрезала ему часть волос Медузы.

РИМСКАЯ МИНЕРВА

10. Ov. Fast. III 809—850

В средние месяца дни совершается праздник Минерве.
Праздник Квинквартий тот пять продолжается дней.
В первый — бескровия — день запрещаются всякие битвы.
Это рождения день чтим мы Минервы святой.
Вплоть до четвертого дня — торжества на песчаной арене:
Любит богиня мечи и гладиаторский бой.
Мальчики, девочки все, почитайте вы праздник Паллады:

Минерва

Чьи к ней молитвы дойдут, будут учеными те.
Вас же научит она, как пускать веретена, девицы,
Тонкие нити тянуть, ткань шерстяную плести.
Чтите богиню и вы, выводящие пятна на платье,
Те, кто для шерсти кует медные также котлы.
Учит она челноком пробегать по проведенным нитям,
Редкие ткани гребнем делает гуще она.
Даже к подошве ремней без Паллады легко не приладишь,
Будь даже Тихия[1] ты опытней в этом труде.

Хоть бы искусство твое даже древнего выше Эпея[2],
Если Палладу гневишь, будешь ты точно без рук.
Чти ее также и врач, изгоняющий Феба искусством
Тела недуги, искусством неся скромную жертву свою.

Минерва

Ей и учитель молись, хоть не платят тебе за ученье:
Эта богиня тебе школьников лучших пошлет.
Чти и художник ее, расписавши цветами картину
Или искусным резцом образ из камня творя.
Тысячи разных трудов то богиня, — поэзии даже,
Будь же богиня к моим ты благосклонна трудам.
Целий где склоном своим постепенно уходит в долину,
Где не сравнялся еще в гору томительный путь,
Маленький высится храм в этом месте «Плененной Минервы»,
Связан с рождения днем этот богини алтарь.
Храма название мне непонятно: пленительным каждый
Мы называем талант. Любит таланты она.
Иль что она со щитом из отцовской главы появилась,
Даже не зная совсем матери чрева своей?
Иль потому, что пришла она пленницей к нам от фалисков,
Как о событии том старая надпись гласит?
Иль потому, что закон наш карает главы отсеченьем
Всех, кто из храма дерзнет вещи похитить ее?
Впрочем, Паллада, чему ты обязана этим названьем,
Все же эгидой своей наших вождей охрани!
В пятый же праздника день освящаются медные трубы,
Жертвы приносит толпа сильной богине войны.

АФИНА И АРАХНА

11. Ov. Met. VI 1—145

[*Искусство Арахны*]

К повествованьям таким Тритония слух преклонила,
Песни сестер Аонид одобряла и гнев справедливый.
«Мало хвалить, — подумалось ей, — и нас да похвалят!
Без наказанья презреть не позволим божественность нашу!»
В мысли пришла ей судьба меонийки Арахны. Богиня
Слышала, что уступить ей славы в прядильном искусстве
Та не хотела. Была ж знаменита не местом, не родом
Дева, — искусством своим. Родитель ее, колофонец
Идмон напитывал шерсть фокейской пурпурною краской.
Мать же ее умерла, — но была из простого народа,
Как и отец ее. Дочь, однако, по градам лидийским

Минерва, замеченная Тесеем

Славное имя себе прилежаньем стяжала, хоть тоже,
В доме ничтожном родясь, обитала в ничтожных Гипепах[3].
Чтобы самим увидать ее труд удивительный, часто
Нимфы сходилися к ней из родных виноградников Тмола[4],
Нимфы сходилися к ней от волн Пактола[5] родного.
Любо рассматривать им не только готовые ткани, —

Афина на колеснице

Самое деланье их: такова была прелесть искусства!
В том ли, как грубую шерсть поначалу в клубки собирала,
Или трудилась перстом, или, вытянув длинною нитью,
Делала мягкой она подобную облаку волну,
Как она пальцем большим крутила свое веретенце,
Как рисовала иглой, — видна ученица Паллады!

[*Самолюбие Арахны и испытание ее Афиной*]

Та отрицает; стыдясь столь великой наставницы, молвит:
«Пусть-ка поспорит со мной! Что угодно поставлю залогом».
Облик старухи приняв, виски посребрив сединою
Ложной, Паллада берет, — поддержку слабого тела, —
Посох и так говорит: «Есть свойства у годов преклонных,
Коих не должно бежать: является с возрастом опыт.
Не отвергай мой совет. Ты в том домогаешься славы,
Что обрабатывать шерсть всех лучше умеешь из смертных.
Перед богиней склонись и за то, что сказала, прощенья,
Дерзкая, ты попроси. Простит она, если попросишь».
Искоса глянула та, оставляет начатые нити;
Руку едва удержав, раздраженье лицом выражая,
Речью Арахна такой ответила скрытой Палладе:
«Глупая ты и к тому ж одряхлела от старости долгой!
Жить слишком долго — во вред. Пусть речи такие невестка
Слушает или же дочь, коль дочь у тебя иль невестка.
Мне же достанет ума своего. Не подумай, совета
Я твоего не приму, — при своем остаюсь я сужденье.
Что не приходит сама? Избегает зачем состязанья?»
Ей же богиня: «Пришла!» — говорит — и, образ старухи
Сбросив, явила себя. Молодицы-мигдонки[6] и Нимфы
Чтут божество. Лишь одна не трепещет перед нею Арахна.
Все же вскочила, и вдруг невольным покрылось румянцем
Девы лицо и опять побледнело. Так утренний воздух
Алым становится вдруг, лишь заря занимается в небе,
И чрез мгновение вновь бледнеет при солнца восходе.
Не уступает она и своим безрассудным желаньем
Гибель готовит себе. А Юпитера дочь, не противясь
И уговоры прервав, отложить состязанье не хочет.

[*Состязание Афины и Арахны*]

И не замедлили: вот по разные стороны стали,
Обе на легкий станок для себя натянули основу,
Держит основу навой; станок — разделяет тростинка;
Вот уж продет и уток меж острыми зубьями; пальцы
Перебирают его. Проводя между нитей основы,
Зубьями бёрды его пробивают они, ударяя.
Обе спешат и, под грудь подпоясав одежду, руками
Двигают ловко, забыв от старания трудность работы.
Ткется пурпурная ткань, которая ведала чаны
Тирские; тонки на ней, едва различимы оттенки.
Так при дожде, от лучей преломленных возникшая, красит
Радуга мощной дугой пространство широкого неба,
И хоть сияют на ней различных тысячи красок,
Все-таки их переход ускользает от взора людского:
Так же сливаются здесь, — хоть крайние цветом отличны.
Вот вплетаются в ткань и тягучего золота нити,
И стародавних времен по ткани выводится повесть.

[*Работа Афины*]

Марсов Тритония холм[7] на Кекроповой крепости нитью
Изображает и спор, как этой земле нарекаться.
Вот и двенадцать богов, с Юпитером посередине,
В креслах высоких сидят в величавом покое. Любого
Можно по виду признать. Юпитера царственен образ.
Бога морей явила она, как длинным трезубцем
Он ударяет в скалу, а из раны скалы уж забила
Влага. Даром таким он город присвоить стремится.
Рядом являет себя — со щитом и копьем заостренным;
Шлем покрывает главу, эгида ей грудь защищает.
Изображает она, как из почвы, копьем прободенной,
Был изведен урожай плодоносной сребристой оливы.
Боги дивятся труду. Окончанье работы — победа.
А чтоб могла увидать на примере соперница славы,
Что за награду должна ожидать за безумную дерзость, —
По четырем сторонам — состязанья четыре явила,
Дивных по краскам своим, и людей поместила фигурки.
Были в одном из углов фракийцы Гем и Родопа[8],
Снежные горы теперь, а некогда смертные люди, —
Прозвища вечных богов они оба дерзнули присвоить.
Выткан с другой стороны был матери малых пигмеев
Жребий: Юнона, ее победив в состязанье, судила
Сделаться ей журавлем и войну со своими затеять.
Выткала также она Антигону, дерзнувшую спорить
С вышней Юноной самой, — Антигону царица Юнона
Сделала птицей; не впрок для нее Илион оказался
С Лаомедонтом отцом, и пришлось в оперении белом
Аисту — ей — восхищаться собой и постукивать клювом.
Угол оставшийся был сиротеющим занят Киниром.

Храма ступени обняв, — родных дочерей своих члены, —
Этот на камне лежал, и казалось, как будто он плачет.
Ткани края обвела миротворной богиня оливой:
Так, по обычаю, труд своей закончила ветвью.

[*Работа Арахны*]

А меонийки узор — Европа с быком, обманувшим
Нимфу: сочтешь настоящим быка, настоящим и море!

Афина

Видно, как смотрит она на берег, покинутый ею,
Как она кличет подруг, как волн боится коснуться,
Вдруг подступающих к ней, и робко ступни поджимает.
Выткала, как у орла в когтях Астерия[9] бьется;
Выткала Леду она, под крылом лебединым лежащей[10].
Изобразила еще, как, обличьем покрывшись Сатира,
Парным Юпитер плодом Никтеиды утробу наполнил[11];
Амфитрионом явясь, как тобой овладел он, Алкмена[12];
Как он Данаю дождем золотым, Асопиду — огнями[13],
Как Деоиду[14] змеей обманул, пастухом — Мнемозину.
И поместила тебя, о Нептун, на Эолову деву
Грозным быком; производишь, приняв Энипея[15] обличье,
Двух ты Алоя сынов; как баран — Бизальтиду[16] прельщаешь.
Кроткая Матерь сама, с золотыми власами из злаков,

Знала тебя, как коня; змеевласая матерь Пегаса
Птицею знала тебя, дельфином знала Меланта[17];
Всем надлежащий их вид придала, и местностям тоже.
Изображен ею Феб в деревенском обличьи; показан
С перьями ястреба он и с гривою львиной; явила,
Как он, представ пастухом, обманул Макарееву Иссу[18];
Как Эригону провел виноградом обманчивым Либер[19];
И как Сатурн — жеребец — породил кентавра Хирона.
Край же ткани ее, окружавшийся узкой каймою,
Приукрашали цветы, с плющом сплетенные цепким.

[*Гнев Афины и превращение Арахны в паука*]

И ни Паллада сама не могла опорочить, ни Зависть
Дела ее. Но успех оскорбил белокурую деву:
Изорвала она ткань — обличенье пороков небесных!
Бывшим в руках у нее челноком из киторского бука
Трижды, четырежды в лоб поразила Арахну. Несчастья
Бедная снесть не смогла и петлею отважно сдавила
Горло. Но, сжалясь, ее извлекла из веревки Паллада,
Молвив: «Живи! Но и впредь — виси, негодяйка! Возмездье
Тоже падет, — чтобы ты беспокоилась и о грядущем, —
И на потомство твое, на внуков твоих отдаленных».
И, удаляясь, ее окропила Гекатиных зелий
Соком, и в этот же миг, обрызганы снадобьем страшным,
Волосы слезли ее, исчезли ноздри и уши,
Стала мала голова и сделалось крохотным тело.
Нет уже ног, — по бокам топорщатся тонкие ножки;
Все остальное — живот. Из него, тем не менее, тянет
Нитку она и свои выполняет по-прежнему ткани.

НАУКИ И ИСКУССТВА

12. а) Pind. Pyth. XII 9—27 (Афина, Горгоны, флейта)

...Прими этот венок, приносимый у Пифона славному Мидасу, и его самого, искусством победившего Элладу. Искусство это некогда изобрела Афина Паллада, хитро сочинивши горький плач жестоких Горгон, который из девственных неприступных змеиных глав излился с тяжелым страданием, когда Персей убил одну из трех сестер, принося роковую пагубу морскому Серифу и народу. Так и божественный род Форкия он погрузил во тьму и сделал печальным пир Полидекта, рабство матери постоянным и ложе неоградимым, похитив голову прекрасноланитной Медузы, он, сын Данаи, которого мы признаем происшедшим из золотого дождя. Но от этих трудов спасла любезного мужа дева и воздвигла полнозвучную игру на флейте, чтобы подражать при помощи инструмента громко раздающемуся воплю, который исторгается быстро стучащей зубами Евриалой. Богиня ее изобрела. Но она изобрела ее для смертных людей, назвавши ее многоглавым Номом, славным, возбуждающим народ женихом состязаний, проходящим через тонкую медь и одновременно тростник, что находится около прекрасного хорами го-

рода Харит [Орхомена], на священном участке Кафиссы, будучи верным свидетелем ликующих в хоре.

b) Corinna ap. Plut. De mus. 14 (frg. 29 B.) (Афина и флейта)

Коринна говорит, что Аполлон был научен игре на флейте Афиной.

c) Aristot. Pol. VIII 6, 8

Очень остроумно и передаваемое древними предание об изобретении флейты. Рассказывают, что Афина, изобретя флейту, отбросила ее в сторону. Недурное объяснение придумано было этому, а именно: будто богиня поступила так в гневе на то, что при игре на флейте физиономия принимает безобразный вид. Настоящая же причина, конечно, заключается в том, что обучение игре на флейте не имеет никакого отношения к развитию интеллектуальных качеств. Афина же, в нашем представлении, служит олицетворением науки и искусства.

Афина и Аид

d) Ov. Fast. VI 649—710

Нет в наступающем дне ничего, что возможно отметить.
В Иды Юпитеру дан непобедимому храм.
Слышу приказ, что воспеть мне Квинкватрии малые нужно.
Светлой Минерве теперь мой посвящается труд.
В городе ныне зачем ходят толпы бродячих флейтистов,
В масках и длинных плащах? Что это значит, скажи?
Так я спросил, и, копье отложивши, сказала Минерва
(Умной богине бы мне выразить речи ясней!):
«Прежде, при дедах твоих, была флейта в особом почете,
Прежде флейтисту у вас был по заслугам триумф.
В храмах, на играх везде, в погребальных процессиях даже
Слышались всюду тогда звуки приятные флейт.
Труд награждался его... Но однажды настало то время,
Что подорвало совсем эллинских силу искусств.
Вспомни эдила приказ: чтобы десять всего музыкантов
Сопровождали у вас ваш похоронный кортеж.
Все музыканты в Тибур из столицы тогда удалились
(Некогда в этот Тибур часто ссылали людей).
В цирках, во храмах — везде ощущалось отсутствие флейты,
Флейты печальный мотив не провожал похорон.
В этом Тибуре тогда был достойный внимания житель:
В городе этом живя, не занимался ничем.
Как-то в деревню на пир пригласил он толпу музыкантов,
На приглашенье его много откликнулось лиц.
Ночь наступила... В вине расплываются взоры и мысли...
Вдруг появился гонец, всем объявляет приказ[20]:
«Медлишь, хозяин, зачем эту пьяную кончить пирушку?
Мне порученье дано тотчас же всех наказать!»
Быстро все гости встают, расправляя усталые члены,
И от избытка вина еле стоят на ногах.

Молвит хозяин гостям: «Расходитесь!» Кто медлит — выводит
И размещает затем всех на повозки гостей.
Время, движенье, вино на сидящих наводят дремоту.
Кажется пьяным, что их снова увозят в Тибур...
Уж и Эсквилий прошли, уже в Рим повернули подводы, —
Утром на форуме здесь все посредине стоят.
Чтобы сенат обмануть музыкантов числом и нарядом,
Плавций на лица велит маски густые надеть.
Чтобы флейтистов число увеличить, зовет посторонних,
Всей приказавши толпе длинные платья одеть.
Так возвратились они, что случайно бы кто не подумал,
Что музыкантов назад силой отправили в Рим.
Дело загладили то[21], этот новый обряд учредили,
Где ты веселую песнь слышишь на древний мотив».
Кончив, богиню спросил: «Уяснить остается причину,
Названы так почему эти «Квинкватрии» дни?»[22]
«Марс под названьем таким в эти дни совершает мне праздник.
Эта флейтистов семья также обязана мне:
В буковой трубочке я пробуравила несколько дырок,
Разные звуки тогда флейта рождала моя.
Нравились звуки... Когда ж свои вздутые щеки случайно
В страхе увидела я в зеркале чистом ручья, —
«Музыка, ты не по мне, — закричала я. — Прочь, моя флейта!»
И полетела в кусты флейта у берега вод.
Там изумленный Сатир ее поднял случайно и скоро
Сам научился, и стал звук он легко выдувать.
Пальцами действуя он и дыханьем своим управляя,
Вскоре искусством своим он уже Нимф увлекал.
Вызвал он Феба на бой... Победил его Феб и повесил,
Кожу содрав... И дрожат члены на кожице той...
Флейту создавшую ты воспеваешь своими стихами, —
Вот почему в эти дни чтут музыканты меня».

e) Paus. II 21, 3 (Афина Труба)

Храм Афины, называемой Трубой [Сальпингой], как говорят, был основан Гегелеем. Говорят, что этот Гегелей был сыном Тирсена и внуком Геракла от мидиянки [Омфалы]. Тирсен первый изобрел трубу, а Гегелей, сын Тирсена, научил прибывших с Теменом дорян, как играть на этом инструменте, и что поэтому Афину они назвали Трубой.

f) Dion. Hal. Ant. VII 72 (Афина и танцы)

См. «Теогония и космогония», «Система», § 55 с.

g) Plat. Legg. VII 796 b

В свою очередь и у нас [в Афинах] Дева владычица, возрадовавшись хороводной забаве, не сочла должным ликовать с пустыми руками, но, украсившись полным вооружением, в нем исполнила свою пляску.

h) Paus. VIII 36, 5 (Афина Изобразительница)

Там же [по реке Элиссу в Аркадии] храм Афины с именем Изобразительницы, потому что она виновница всяких замыслов и изображений.

ИСТОРИЯ С ТИРЕСИЕМ

13. Callim. Hymn. V (Гимн «На омовение Паллады»)

[*Омовение Афины не похоже ни на какие обычные омовения*]

Все вы, кому омывать надлежало богиню Палладу[23],
Вон удалитеся; вон! Фырканье слышно уже
Ей посвященных коней, уж богиня грядет благолепна.
Светловолосы, скорей, Пеласгиады, скорей!
Мощные мышцы свои никогда не омыла Афина,
Прах не отрясши сперва с конских усталых боков,
Даже когда возвратилась от праха чужих земнородных[24]:
Были доспехи ее кровью забрызганы все;
Прежде всего она шеи коней своих освободила
От колесницы и им океанийской волной
Каплющий пот омывала, счищая засохшую пену

Афина Паллада

Там, где запекшийся рот тщетно удила грызет.
О Ахайиды, сюда! но не с мирром и не с алавастром
(Слышу скрипенье уже околоосных ступиц!),
Нет, омывательницы, алавастров и мирра Палладе
Вовсе не надо: она смешанным мазям чужда;
Зеркала тоже не нужно, — всегда ее облик прекрасен:
В час, как фригиец решил спор на Идейской горе,

Не заглянула богиня великая в зеркало меди,
Ни в Симоиса поток, все отражавший в себе.
Так же и Гера; Киприда одна, в отражении медном
Видя себя, много раз волосы перебрала.
Эта ж богиня, пройдя сто двадцать раз стадий обратно,
Вроде спартанских светил, что над Евротом текут[25],
Маслом натерлась умело, себя умастивши чистейшим
Соком, текущим с плодов древа Паллады самой.
Девы, румянец тогда ее щеки покрыл, наподобье
Розы в бутоне еще или граната зерна.
Так и сейчас — принесите лишь масло мужских обтираний,
То, что втирал и Кастор, то, что втирал и Геракл.
Гребень, из золота весь, принесите ей: волос расчешет
И заплетет на себе пряди блестящей косы.
Выйди, Афина! Теснятся вокруг тебя хором приятным
Чада великих отцов, дочери Акесторид[26].
О Афина, несут пред тобой и щит Диомедов —
Древний обычай такой был у аргивян еще:
Он был Евмедом[27] введен, жрецом тебе самым угодным;
Некогда вызнал Евмед: смерть уготовать ему
Хочет народ, — и бежал от него, захвативши с собою
Идол священный твой, в горы сокрывшися жить:
То была Крейон гора; он тебя и оставил, о демон,
Там на утесах крутых, — их Паллатиды[28] зовут.
Выйди, Афина, градов сокрушитель в златом своем шлеме,
Конского топота друг, стука огромных щитов.
Днесь не черпайте воды, водоносицы; аргивяне,
Все припадайте к ключам, только не пейте из рек.
Днесь подносите кувшины, рабыни, к источникам только,
Там, где Фисадия бьет, иль к Амимоны ключу[29].
Ибо, мешая волну с песком золотым и с цветами,
Из плодоносных вершин сам притекает Инах,
Чтобы Афине создать омовенье прекрасное. Впрочем,
Бойтесь, Пеласги, желать тайно царицу узреть:
Тот, кто увидит из вас обнаженной Палладу Градскую,
Тот не увидит уже Аргос родной никогда.
Выйди, Афина владыка! А я между тем этим девам
Сказ поведу кой-какой, только не мой, а других.

[*Афина омывается с Харикло*]

Девы, когда-то Афина одну свою нимфу, фиванку,
Ту, что Тиресия мать[30], много любила — сильней
Прочих подруг; никогда она с ней не хотела расстаться,
Но, погоняя коней к древним феспийским полям,
Иль по пути к Коронее, иль по пути к Галиарту,
Иль средь Беотии нив, на колеснице своей,
Иль благовонной священной дубравой вблизи Хероней[31],
Там, где поставлен алтарь у Куралии реки,
Часто совместно с собой свою нимфу садила Афина,
И ни содружество Нимф, ни хороводный обряд

Сладостный не проходили без нимфы любимой Харикло.
Но и ее ожидал ток многочисленных слез,
Хоть и была для Афины Харикло любимой подругой.
Как-то они, расстегнув пеплоса пряжки, вдвоем
Под Геликоном купались в прекрасных струях Гиппокрены,
И над горою стоял тихий полуденный час.
[Обе купались они, над вершинами царствовал полдень,
И тишина на горах так безмятежна была].

[*Тиресий и наказание его Афиной*]

Только Тиресий один, с вырастающей лишь бородою,
С псами своими бродил в этих священных местах.
Сильною жаждой томимый, пришел он к потоку, несчастный, —
И поневоле узрел то, что узреть не дано.
Сильно разгневанная, вопросила, однако, Афина:
«О Эверид[32], что за дух столь злополучный сюда
Путь указал тебе, зренья лишающемуся отныне?»
Только рекла — и уж ночь пала на очи юнца.
Он безглаголен стоял, сковал ему ужас колени,
Голос пресекся его: так он беспомощен был.

[*Плач Харикло*]

Нимфа же вдруг возопила: «Владычица, что с моим сыном
Сделала ты? Такова дружба, о демон, твоя?
Ты ослепила мне сына; мое незабвенное чадо
Грудь у Афины узрел, бедра ее увидал, —
Только уж солнца ему не видать. О, как я несчастна!
О Геликон, о гора! Я навсегда ухожу:
Мстишь ты с избытком за мелочь; лишившись немногих косулей,
Коз, ты взамен получил юношеские глаза».
Так говоря и обнявши руками любимого сына,
Стала оплакивать мать горькую участь его,

[*Обет Афины*]

Жалостно, как соловей. Пожалела подругу богиня,
К ней обращаясь, рекла слово Афина свое:
«Дивная в женах, обратно возьми то, что в гневе тобою
Сказано было: не я зренья лишила его.
В том удовольствия нет для Афины, чтоб делать слепыми
Юношей; это закон Кронов, что так говорит:
Тот, кто увидит кого из бессмертных противу желанья
Самих богов, подлежит тяжкую кару нести.
Дивная в женах, раз дело свершилось, его не воротишь
Вспять. Это значит: ему Мойры прядут свою нить,
Раз уже ты породила его. И отныне сноси ты,
О Эверид, этот рок, что предназначен тебе.
Сколько еще принесет искупительных жертв Кадмеида,
Сколько жертв — Аристей в тщетной молитве своей,
Чтоб хоть ослепшим увидеть Актеона[33], юного сына:
Он к Артемиде самой в свиту великой придет;

Но ни погоня совместная с ней, ни оленья охота
С ней на горах не спасут жизни Актеона в час,
Как он увидит купанье прекрасное демона-девы
Против желанья, и псы вмиг растерзают того,
Кто им хозяином был; и, бродя по окрестным дубравам,
Медленно мать соберет бывшего сына костяк;

Афина

Благополучна вполне и счастлива, — тебе она скажет, —
Ты, если встретить с горы сына слепого могла.
Не сокрушайся, подруга, о нем: ведь ему, тебя ради,
Много различных щедрот будет ниспослано мной:
Будет отныне грядущего он предвещателем славным,
Выше, чем прочие все, прочих пророков мудрей.
Птичий полет различит он: счастливо летают иль всуе
Или несут на крылах вовсе недобрую весть.
Многие он прорицанья беотянам скажет и Кадму
И Лабдакидам самим после других предречет.
Дам ему посох великий — на должное стопы направить,
Дарую жизни его век до преклонных годин;
После же смерти своей он один сохранит предвещанья
Дар среди мертвых теней, чтимый великим в Аду».

[*Заклинание Инаха*]

Так говоря, покивала главой — благосклонности признак:
Только Палладе одной Зевс изо всех дочерей
Дал принадлежности всех своих отчих достоинств усвоить.
О омывательницы! Матери нет у нее:
Прямо из Зевса главы появилась богиня; обманно
Зевс не кивнет головой, также и дочь не кивнет.
Ныне Афина грядет достоверно: примите ж богиню,
Девушки, если для вас Аргос любезен родной,
С благоговением должным, с молитвами, средь восклицаний:
«Радость, богиня, прими, Аргос Инаха спаси!
Радуйся, и уходя, и коней своих вспять направляя
Снова, и нам сохрани полным данаев удел!»

ПАЛЛАДИУМ

14. a) Dion. Hal. Ant. I 69 (Самое раннее известие о палладиуме)

Арктин [в «Разрушении Трои»] утверждает, что один палладиум был дан Зевсом Дардану и что он находился в Трое, покамест она не была взята, будучи скрыт в священном месте. Но было сделано не одно его изображение, уже отличное от подлинника, и было выставлено наружу ради обмана злоумышленников. И его-то взяли злоумышленники ахейцы.

Голова Афины

Ср. о Кассандре, припавшей к «изображению» (χοανον) Афины при нападении Аякса Оилеева («Аполлон», § 25 c).

b) Dion. Hal. Ibid.

Когда брали город [Трою] снизу, сильный Эней, оказавшись наверху, сорвал со священного места святыню великих богов и, какой еще оставался, палладиум (другой палладиум, как говорят, захватили пришедшие в Трою ночью Одиссей и Диомед) и увез с собой из города, чтобы прибыть с ним в Италию...

c) Procl. Ilias parva (EGF, p. 37 Ki.)

Обезобразивший себя Одиссей прибыл в Трою в качестве соглядатая и, узнанный Еленой, обдумал взятие Трои; после убиения некоторых троянцев он возвращается к кораблям. Вместе с Диомедом он унес из Трои палладиум.

d) Eur. Rhes. 501 сл. (Гектор — к Ресу об Одиссее)

Раз ночью он забрался в храм Афины,
Похитил идола и в вражий стан унес.

Ср. Eur. Hec. 238—250 (Из разговора Гекубы и Одиссея)

Гекуба. Ты помнишь, царь, лазутчиком себя
Там, в Илионе?.. Лоскутами ризы
Обезображен был ты... а из глаз
Сочились по ланитам капли крови...

Одиссей. Да, волны сердца были глубоки.
Гекуба. Не мне ль одной ты был открыт Еленой?
Одиссей. В опасности мы были, и в большой.
Гекуба. Униженно ты обнял мне колени...
Одиссей. И замерла в плаще твоем десница.
Гекуба. Но я дала уйти тебе, ты помнишь?
Одиссей. И это солнце видеть до сих пор.
Гекуба. Что молвил ты тогда, мой раб смиренный?
Одиссей. Каким нужда не выучит словам!

e) Verg. Aen. II 162—170 (Палладий — все упование троянцев)

Данаев все упованье и вера в войне предприятой
Были на Паллады помощь всегда основаны. С дня же,
Как нечестивый Тидид и Улисс, преступлений зачинщик,
Из освященного храма, напав, исторгли палладий
Тот роковой, изрубив на высокой крепости стражей,
Образ святой захватили и дланью, залитой кровью,
К девственным не побоялись богини коснуться повязкам, —
С оного сгибло и вспять, упав, потекло упованье
Данаев, силы сломились, дух отвратился богини.

f) Ov. Met. XIII 334—349 (Из речи Одиссея против Аянта при споре об оружии Ахилла)

И, коли даст мне судьба, овладею твоими стрелами,
Как овладел, захватив, прорицателем я дарданейцем,
Как я ответы богов и троянские судьбы проведал,
Как потаенный кумир похитил фригийской Минервы
Из середины врагов... И со мною Аянт поравнялся?
Рок не позволил того, чтоб без них пленена была Троя.
Где же был храбрый Аянт? Где великого мужа реченья
Пышные? Страх почему? Улисс почему же решился
Мимо дозора идти, вручая судьбу свою ночи?
Между свирепых мечей, не на стены троянские только,
В самую крепость, наверх взойти и похитить богиню
Прямо из храма ее и унесть через вражьи заставы?
Не соверши я того, вотще Теламоном рожденный
Семь шкур бычьих тогда в руке своей левой держал бы!
В эту глубокую ночь родил я над Троей победу,
Пергам я тем победил, что сделал победу возможной.

Ср. еще интересные материалы у Sil. It. XIII 31 слл. и Quint. Sm. X 344—360 (из очень поздних — Tryphiod. Halosis Ilioy и 43—56 Tzetz, Posthomerica, 1111—1180, 509—517, 602—611).

g) Apollod. III 12, 3

Ил [сын Троса и Каллирои, дочери Скамандра, внук Эрихтония, правнук Дардана, брат Ассарака, Ганимеда и Клеопатры, отец Лаомедонта], придя во Фригию и овладевши установленными тамошним царем состязаниями, побеждает в борьбе. В качестве награды он

Минерва на баране. Римская монета

Афина-Минерва на греческой и римской монетах

получил пятьдесят юношей и столько же девиц, и, по велению оракула, царь дал ему пегую корову, сказавши ему, чтобы он основал город там, где ляжет корова. Тот последовал за коровой. Придя на так называемый холм фригийской Аты, корова залегла. Ил основал здесь город и назвал его Илионом, прося Зевса явить ему какое-нибудь знамение. Он увидел днем перед своей палаткой упавший от Зевса палладиум. Он был размером в три локтя и имел тесно связанные ноги. В правой руке у него было поднятое копье, а в другой — веретено и прялка.

История же палладиума передается так. Говорят, что после своего рождения Афина воспитывалась у Тритона, у которого была дочь Паллада. Упражняясь в военном деле, обе они однажды затеяли соревнование, и, когда Паллада хотела ударить, Зевс в испуге протянул эгиду, а так как та не посмела на нее взглянуть, то, раненная Афиной, она и упала. Возымевши большую о ней скорбь, Афина соорудила похожую на нее деревянную статую и возложила на грудь вызывавшую в ней страх эгиду, почитая ее, как посланную Зевсом. Впоследствии, когда у него искала убежища Электра, после своего несчастья, Зевс бросил палладиум вместе с нею в страну Илионскую. Ил же ввел его почитание, соорудивши ему храм.

ОБРАЗ АФИНЫ В ГИМНАХ

15. a) Hymn. Orph. XXXII (Гимн Афине)

Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Дивна, блаженна, свята, духом мощная, склонная к бою,
Неизреченно-реченная ты, именами велика,
Любишь пещеры, высокие кручи холмистых утесов,
Горы тенистые, сердце себе услаждая дубравой.
Битвы, оружие любишь ты, смертных жалишь безумьем,
Грозное сердце имеешь, умелая в поприщах дева,
Горгоубийца, бегущая ложа, искусств изобильных
Мать, побуждение мысли для добрых, для злых — наказанье,
Мудрый водитель войны, — родилась и женой ты и мужем;
Многообразный дракон, вдохновенна, почетом блестяща,
Коней ристательница, ты Гигантов флегрейских убийца.
О Тритогения, зла отвратитель, несущий победу!
Демон с очами совы; покровитель ремесл и царица
Многих молитв, и ночью и днем, до последнего часа,
Ныне услыши молитву мою! Даруй мир безмятежный,
Долю здоровья пошли нам и благоприятное время!

b) Procl. Hymn. VII (Гимн «велемудрой» Афине)

Внемли мне, дочь велемудрая Зевса-эгидодержца,
Та, что вышла на свет из высшей области цепи,
Муж по духу, носитель щита, многомощная, отпрыск

Минерва из Ареццо

Силы отца, потрясатель копья, Тритогения с шлемом!
Внемли, Паллада! Прими благосклонным, владычица, духом
Гимн и тщетным не сделай мой миф, развевая по ветру.
Мудрости ты распростерла врата, к божеству провождая,
И богоборческий род земных укротила Гигантов.
Ты, уклонясь от Гефеста, огнем распаленного страсти,
Девства ты своего сберегла ненарушенным пояс,
Ты, которая также спасла нераздробленным сердце владыки
Некогда в безднах эфира, в час растерзания Вакха
Дланью Титанов, его отнеся и отцу даровавши,
Чтобы по замыслам неизреченным родителя новый
Из Семелы в мире расцвел вторично Дионис.
Начисто ты топором отрубила звериные главы
И всезрящей Гекаты страстей уняла порожденье.
Ты благодарную мощь возлюбила полезных для смертных
Доблестей, всю разукрасивши жизнь многовидным искусством
Творчества, доблесть с умом преподавши душам человеков.
Ты Акрополь в удел на высоком холме получила,
Символ твоей большой высоты, владычица в цепи.
Землю ты полюбила, мужей питала, ты матерь
Книг. Поборовшая страсть священную дяди родного,
Имя свое ты граду дала и отличный рассудок.
Здесь, под подошвой горы, очевиднейший знак состязанья,

Ты возрастила маслину тогда для потомков грядущих.
И когда на Кекропа сынов Посейдоновой силой
С моря волны пришли без числа и в диком смятенье,
Все забивая собой, потоком своим многошумным,
Внемли мне ты, что чистым светом лика сверкаешь;
Дай ты мне, по земле скитальцу, счастливую пристань,
Дай душе ты чистый свет твоих мифов священных,
Мудрость дай и любовь; в любовь вдохни же и силу
Столь большую и так, чтобы от наземной юдоли
Вновь на Олимп ты в обитель отца дорогого спасла нас.
Если же в жизни меня заблужденье дурное склоняет, —
Ведь знаю, сколь многими я везде различно терзаюсь
Несвятыми делами, свершенными духом безумным, —
Смилуйся, кроткий советник и спас человеков! Не дай мне
Жертвой случайною стать ужасающих нас наказаний,
Распростертой в земле. Твоим ведь быть я желаю.
Горьких рой отгони болезней вредных для тела.
Крепко молю я, царица: твоею рукою бессмертной
Всякое бедствие ты прекрати от черных страданий.
Дай по жизни плывущему ты дуновение тихое ветра,
Ложе, счастье, детей и славу, любовную радость,
Дар убежденья, беседы друзей и ум изощренный,
Силу в делах борьбы и первенство в жизни гражданской.
Внемли, внемли, владыка! К тебе, умоляемой много,
Брошусь в насущной нужде. Ты же слух преклони милосердный.

ПАРОДИИ

16. a) Luc. Deor. dial. 8

Гефест и Зевс

(1) Гефест. Что мне прикажешь делать, Зевс? Я пришел по твоему приказанию, захватив с собой топор, очень сильно наточенный, — если понадобится, он камень разрубит одним ударом.

Зевс. Прекрасно, Гефест; ударь меня по голове и разруби ее пополам.

Гефест. Ты, кажется, хочешь убедиться, в своем ли я уме? Прикажи мне сделать что-нибудь другое, что тебе нужно.

Зевс. Мне нужно именно это, — чтобы ты разрубил мне череп. Если ты не послушаешься, тебе придется, уже не в первый раз, почувствовать мой гнев. Нужно бить изо всех сил, не медля! У меня невыносимые родильные боли в мозгу.

Гефест. Смотри, Зевс, не вышло бы несчастья: мой топор остер, — без крови дело не обойдется, — и он не будет тебе такой хорошей повивальной бабкой, как Илифия.

Зевс. Ударяй смело, Гефест! Я знаю, что мне нужно.

Гефест. Что же, ударю, не моя воля; что мне делать, когда ты приказываешь? Что это такое? Дева в полном вооружении! Тяжелая штука сидела у тебя в голове, Зевс; не удивительно, что ты был в дурном расположении духа: носить под черепом такую большую дочь, да еще в полном

вооружении, — это не шутка! Что же, у тебя военный лагерь вместо головы? А она уже скачет и пляшет военный танец, потрясает щитом, поднимает копье и вся сияет от божественного вдохновения. Но, главное, она настоящая красавица и в несколько мгновений уже сделалась взрослой. Только глаза у нее какие-то серовато-голубые, — но это хорошо идет к шлему. Зевс, в награду за мою помощь при родах позволь мне на ней жениться.

Зевс. Это невозможно, Гефест: она пожелает вечно оставаться девой. А что касается меня, то я ничего против этого не имею.

Гефест. Только это мне и нужно; я сам позабочусь об остальном и постараюсь с ней справиться.

Зевс. Если это тебе кажется легким, делай как знаешь, только уверяю тебя, что ты желаешь неисполнимого.

b) Luc. Deor. dial. 19

Афродита и Эрот

(1) Афродита. Что же это значит, Эрот? Ты поборол всех богов — Зевса, Посейдона, Рею, свою собственную мать, а щадишь одну Афину: для нее твой факел не горит, в колчане нет у тебя стрел, ты перестаешь быть стрелком и не попадаешь в цель.

Эрот. Я боюсь ее, мама: она страшная, глаза у нее такие блестящие, и она ужасно похожа на мужчину. Когда я, натянув лук, приближаюсь к Афине, она встряхивает султаном на шлеме и этим так меня пугает, что я весь дрожу, и лук и стрелы выпадают у меня из рук.

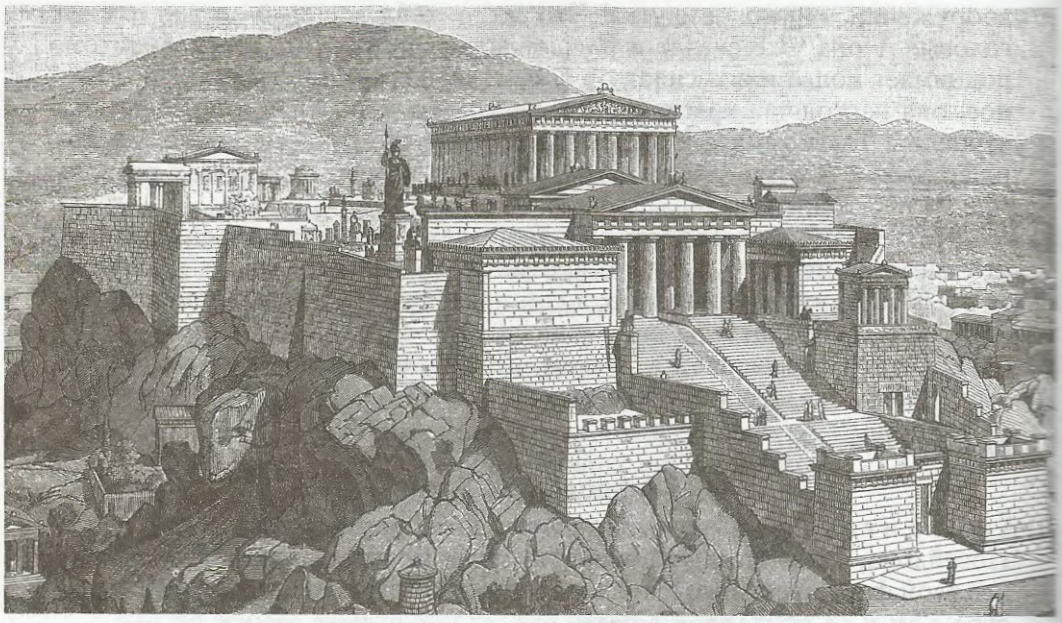
Афродита. Да разве Арес не страшнее? А ты все-таки обезоружил его и победил.

Эрот. Нет, он позволяет подойти к себе и даже сам зовет, а Афина всегда смотрит на меня исподлобья. Я как-то раз случайно пролетал мимо нее, держа близко факел, а она тотчас закричала: «Если ты ко мне подойдешь, то, клянусь отцом, я тебя проколю копьем, или схвачу за ноги и брошу в Тартар, или собственными руками разорву на части!» И много еще грозила в том же духе. Смотрит она всегда сердито, а на груди у нее какое-то страшное лицо со змеями вместо волос; его я больше всего боюсь: оно всегда пугает меня, и я убегаю, как только увижу его.

(2) Афродита. Афины с ее Горгоной, ты, значит, боишься, хотя нисколько не боялся Зевса с его перуном. Но отчего же Музы для тебя неприкосновенны и застрахованы от твоих стрел? Разве и они встряхивают султанами и носят на груди своей Горгон?

Эрот. Их я слишком уважаю, мама: они так степенны, всегда над чем-то думают и заняты песнями; я сам часто подолгу простаиваю подле них, очарованный их пением.

Фидий. Афина Лемния



Вид Акрополя. Реконструкция

Афродита. Ну, пусть их, если они так степенны. Но почему ты не стреляешь в Артемиду?

Эрот. Ее я совсем поймать не могу: она все бегает по горам; к тому же, у нее есть своя собственная любовь.

Афродита. Какая же, дитя?

Эрот. Она влюблена в охоту, в оленей и ланей, за которыми постоянно гоняется, то ловя их, то убивая из лука; она вся только и занята этим. Но зато в ее брата, хоть он и сам стрелок и далеко разит...

Афродита. Да, сынок, в него ты много раз попадал.

VII. АРЕС

Полною противоположностью Аполлона является Арес, бог всякого хаоса, беспорядка, активного и вызывающего сумбура, или, как думала античность, *войны*. Но это, конечно, не только война. Как показывает роль Ареса в истории Фив, он есть грозный и непреодолимый хаос самой земли; его напряженная хаотичность — хтонического происхождения. Так, он с эринией Тильфоссой (Schol. Soph. Ant. 128) породил того дракона, которого основатель Фив Кадм убил у Ареева источника, после чего Арес навсегда остался врагом Фив (Eur. Phoen. 934). Этот дракон — олицетворение всяких бедствий (голода, чумы, войны, нужды), которые приносит земля.

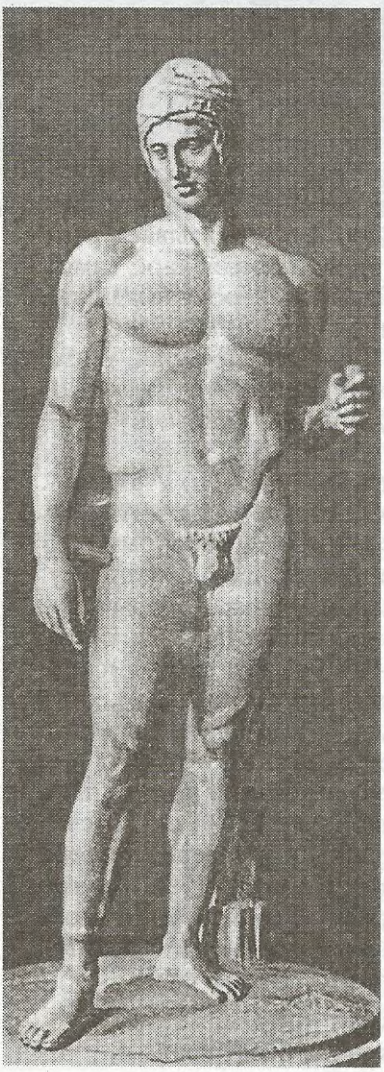
Происхождение Ареса от Зевса и Геры указывается Гомером (IL. V 892 слл. в § 18) и Гесиодом (Hes. Theog. 922 в отд. «Зевс и Гера», § 7 a), хотя есть и позднейший, может быть, италийский вариант (§ 3), по которому Гера родила его сама, без Зевса, путем прикосновения к волшебному цветку.

У Гомера Арес — неистовый, кровожадный, ненасытный вояка, который любит войну ради войны, не разбирая правых и виноватых (§ 1—2). Среди его многочисленных эпитетов, указывающих на воинственность («сильный», «огромный», «быстрый», «беснующийся», «вредоносный»), особенно интересен в этом смысле alloprosallos (IL. V 831, 889), что значит не просто «вероломный», но и «обращающийся от одного к другому», т. е. от одной из враждующих сторон на другую. Сражается он и пешком и на знаменитых огнедышащих конях, которых Quint. Sm. VIII 241 слл. насчитывает четыре: Блеск, Пламя, Шум и Ужас (порождения северного ветра Борея и адской фурии Эринии). Потомство его такое же (§ 4). Другие источники (Antimach. frg. 45) называют его коней Страхом и Ужасом. Когда нужно с чем-нибудь сравнить дикое неистовство войны, сравнивали с Аресом. Так, два богатыря неистовствуют (IL. XIII 298 слл.):

> Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
> С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
> Богом, который в боях ужасает и храбрую душу.

Его мрачный сотоварищ *Эрида*, богиня ссор, споров и всякой вражды (§ 2 b—d), — порождение самой Ночи (Hes. Theog. 225), не оставляющая

поля сражения даже тогда, когда прочие боги его оставляют. Впрочем, была и другая Эрида, богиня благородного соревнования, о чем — у Гесиода (§ 2 d). Сюда же надо отнести другую спутницу Ареса — *Энио*, кровожадную богиню войны и разрушительницу городов, откуда эпитет Ареса «Эниалий» (§ 2 e; ср. § 2 m), Кер, богинь кровавых смертей в сражении (§ 2 f), и прочих демонов ужаса (§ 2 g). Аресу противостоит Афина, как божество оправданной и упорядоченной войны (§ 1; ср. IL. XXI 392 слл. — «Олимпийские боги», «Общее», § 5 b). Она не кричит на десять тысяч голосов людей, как Арес, не завывает и полна идейных устремлений. Даже олимпийцы побаиваются Ареса, и Зевсу приходится очень и очень на него гневаться и допускать до ранения (§ 1; ср. IL. XXI 391—433 — «Олимпийские боги», «Общее», § 5 b; IL. XV 110—142, § 2 a), пугая его в других случаях молнией (§ 5). Вражду питает Арес и к Гераклу, которому покровительствует Афина (§ 6). Не удивительно, что он так пострадал от Алоадов (§ 7 a, b), мстивших ему (по Schol. IL.) за убийство на охоте Адониса, любимца Афродиты.



Арес Боргезе. Римская копия с греческого оригинала, приписываемого Алкамену

Этот дикий, необузданный забияка, громила и губитель любит самую нежную, самую женственную и прекрасную богиню — Афродиту. Когда она была ранена Диомедом, в Аресе она нашла внимательное участие и деятельную помощь (IL. V 330 слл. — «Афродита», § 31), а в битве богов она помогает ему (IL. XXI 416 слл.). О любви Ареса и нарушении Афродитой супружеской верности говорилось в античности вообще часто, и даже указывались дети от этой связи — Эрос и Антэрос (Schol. Ap. Rh. III 26), Деймос, Фобос и Гармония (Hes. Theog. 934 слл.), Приап (Schol. Ap. Rh. I 932). Между прочим, Арес ревнует Афродиту и к Адонису (Serv. Verg. Buc. X 18). Имелось у Ареса потомство и от других женщин, большею частью — сходного с ним характера: от Алфеи — Мелеагр (§ 7 c), от Астиохи — Аскалаф и Иалмен (§ 7 d), от Хрисы — Флегий (§ 7 e), от Кирены — Диомед (§ 7 f), от нимфы Гармонии — амазонки. Его любимое местопребывание — север (Фракия), затем Фивы (где «Ареева стена», «Ареев источник» и пр.), Афины (где он убил одного из сыновей Посейдона, Галиррофия, и где был богами над ним учрежден суд, откуда — Ареопаг, собственно «Ареев холм», § 8 b; иначе — у Aesch. Eum. 654 слл.). *Атрибутами* Ареса являются: копье, горящий факел, собаки, коршун.

У *римлян*, отождествивших своего Марса с греческим Аресом, был выдвинут, между про-

чим, момент *государственный*: Марс — отец римского народа (в качестве отца Ромула), помогающий ему добиться мирового владычества. Вообще же Марс и его окружение — любимейшая область у римлян в их мифологических воззрениях. Кроме Марса как такового (иллюстрация — § 1 c и особенно — § 9, где Марс поставлен в близкую связь с римскими матронами) имели большое значение: Квирин (Quirinus), в котором римляне видели обожествленного Ромула (сабины так называли Марса, в Риме же он имел специально своего фламина и свои жертвенники на Квиринальском холме) и о котором можно привести интересные материалы из Овидия (§ 10 b); *Пик* (Picus), сын Сатурна и отец Фавна, первый царь Лациума, муж Помоны или Каненты (Певуньи), сыгравший вместе с Фавном большую роль в истории Нумы в смысле смягчения воли Юпитера («Зевс и Гера», § 70 a), любимый нимфой Киркой без взаимности и за это превращенный ею в дятла (§ 11 b, c), божок полей и лесов, изображавшийся в виде авгура с авгурским жезлом или в виде деревянного столба с дятлом (ср. § 11 b), — стало быть, бог, царь и птица одновременно; и целый ряд более мелких божеств, так или иначе связанных с Марсом, но относящихся, главным образом, к земледельческой и пастушеской жизни римлян, таких, как: Picumnus и Pilumnus, Faunus и Fauna, Silvanus, Maia и Bona Dea, Vitula, или Vitellia, Vacuna, Angitia, Circe, Marica, Pales, Ruminus и Rumina.

Относительно римского Марса не нужно забывать общего своеобразия римской мифологии. В отличие от греческого Ареса Марс, во-первых, вполне имманентен человеческому субъекту и обществу, а не есть космическая сила, во-вторых же, он чрезвычайно активен, актуален и есть волевая направленность, а не созерцательный и картинный образ общемирового и общежизненного хаоса.

В заключение надо сказать, что не только Орфический гимн (§ 13 b, c), но и Гомеровский гимн (§ 13 a) выдвигают в Аресе более положительные стороны. Он тут и «защита Олимпа», и «помощник Фемиды», и укротитель страстей. Это, конечно, не составляет противоречия с вышеобрисованным образом Ареса. В античной мифологии всегда так: начала порядка и стихии, идеальное и стихийное отождествляются в один цельный и неразрывный образ.

A. АРЕС И ВОЙНА

1. ***a) Il. V 461—769 (Арес — подстрекатель войны)***

Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»

.....

[*Столкновение с Афиной*]

Так, если ветер плевы рассевает по гумнам священным,
Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.
Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его вопросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил Сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

.....

[*Арес — разжигатель войны*]

Падших увидя, воссетовал царь Менелай брагоносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.

.....

Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.
Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает, —
Так отступил Диомед и немедля воскликнул к народу:
«Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!»

.....

[*Гера и Афина против Ареса*]

Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.
Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец,
Воин бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.
Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,

Марс, убивающий Мимаса. Резьба по камню

Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бурной!»
Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.

.....

[*Против Ареса привлекается Зевс*]

Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском

Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»
Гере не медля ответствовал туч воздыматель Кронион:
«Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».
Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.

b) IL. V 814—909 (Сражение с Аресом, ранение Ареса, гнев Зевса)

[*Диомед и Афина*]

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
«О! познаю я тебя, светлоокая дочь Громовержца!
Искренно все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящею битвою он управляет».
Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога: сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»
Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, — и покорный мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.
Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.

[*Арес и Диомед*]

В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.
Смертных губитель, едва усмотрел Диомеда героя,

Сидящий Марс

Вдруг этолиян вождя, Перифаса огромного, бросил
Так распростертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но, рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха
Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

[*Жалоба Ареса Зевсу*]

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер, —

Взору Тидида таков показался кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мысли!
Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьем на меня самого устремился, как демон!
Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
Там я простертый страдал между страшными грудами трупов
Или б живой изнемог под ударами гибельной меди!»

[*Гнев Зевса*]

Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня воссидящий!
Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.
Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

[*Лечение Ареса*]

Рек, — и его врачевать повелел Громовержец Пеону.
Язву Пеон врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничный сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший, —
С равной Пеон быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.
Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

c) Verg. Aen. VIII 698—703

Чудища разных богов и лающий дерзко Анубис[1]
Против Нептуна царя, Венеры и против Минервы
Копья держат свои: ярится в сражении Маворс[2],
Сделан из стали резцом, и мрачные в воздухе Диры[3],
И в раздранном плаще, веселяся, шествует Распря;
Следом за нею идет с бичом кровавым Беллона.

d) Verg. Aen. XII 324—340

Турн, увидав, что Эней покидает строй и в смятенье
Все полководцы пришли, закипает внезапной надеждой,
Требует коней зараз и оружье прядает, гордый,
На колесницу прыжком и в руках сотрясает поводья.
Много, летая как вихрь, он храбрых мужей убивает

Марс. Античная резьба по камню

И, полумертвых крутя, колесницей сметает отряды
Иль убегающим в тыл похищенные дротики мечет.
Как, разъярясь иногда, у волн студеного Гебра
Маворс кровавый гремит щитом и, брань воздвигая,
Бешеных гонит коней; они по равнине открытой
Мчатся быстрей, чем Зефир и Нот; под копытами стонет
Фракии крайней земля, и черного Ужаса лики,
Гневы и Козни кругом несутся, спутники бога:
Так неистовый Турн коней, дымящихся потом,
Мечет в сраженье, глумясь над врагом, погибающим жалкой
Смертью; от быстрых копыт кровавые сеются брызги;
Смешанный с кровью песок пострясается в бешеном беге.

2. *a) IL. XV 103—142 (Неистовство Ареса)*

Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
«Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая

Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею:
Пал на бою Аскалаф, брагоносец, любезнейший богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет».
Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и, рыдающий, громко воскликнул:
«О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!»
Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
Впрячь, а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели прежний,
Гнев Громодержца и мщение против богов воспылали;
Но Афина богиня, за всех устрашася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:
«Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?
Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаяся к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?
Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!
Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить».
Так говоря, посадила на трон исступленного бога.

b) IL. IV 439—445 (Помощники Ареса; о криках троян)

Их возбуждает Арей, а данаев — Паллада Афина,
Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

c) IL. XI 67—77 (Эрида)

Воины так, как жнецы, устроясь друг против друга
Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа,

Полосу встречные гонят, ручни на ручни упадают, —
Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь,
Бились: ни те ни другие о низком не мыслили бегстве;
С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствуя сече.
Боги другие давно удалились от брани; спокойно
В светлых своих воссидели жилищах, где каждому богу
Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.

d) Hes. Opp. et d. XIII 11—26 (Две Эриды)

Знай же, что две существуют различных Эриды на свете,
А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный
К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.

Марс и Венера

Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:
Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.
Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

e) Schol. Arist. Pax. 1057 (Эниалий)

...Против тех из новейших, которые полагают, что Арес и Эниалий — одно и то же с точки зрения именуемого здесь предмета. Одни считают Эниалия сыном Ареса и Энио, другие — Кроноса и Реи. Алкман [PLG III, frg. 104] же, говорят, один раз считает их за одно, другой же раз — различает.

Ср. § 12.

f) Hes. Scut. 146—160 (Арес и его окружение на щите Геракла)

Над его головою витала
Страшная Распря: она заставляет хвататься за копья,
Разум она похищает у мужей, преступно толкая
В битву идти против силы великого Зевсова сына.
(Души бойцов нисходили под землю в царство Аида,
Кости же их, лишенные кожи и сгнившего мяса,
Тлели на черной земле, и Сириус жгучий сушил их.)
Образ Смятенья там был, и Бегства, и Натиска образ,
Ужас рядом с Убийством кровавым. Вражда бушевала
Битвы грозой и страшная Кера, несущая гибель:
Крепко схватив, она держит того, кто жив, хоть и ранен;
Раненым не был другой, а третьего, мертвого, — в битве
Только что он погиб, — свирепо за ноги тащит.
Платье ее на плечах все черной пропитано кровью;
Страшно смотрела она, испуская ужасные крики.

g) IL. XVIII 533—540 (Спутники Ареса в его неистовстве)

Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то непронзенного ловит
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

h) Hes. Scut. 191—195

Там же стояли, храпя, быстроногие кони Арея;
Золотом блещут они; сам Арей стоит в колеснице;
Весь он в крови, словно только что он избивал земнородных.
Пику держал он в руках и толпою начальствовал властно.
Рядом с ним Ужас и Страх, вмешаться готовые в битву.

i) Aesch. Sept. 40—48 (Лазутчик о походе на Фивы)

Пришел я с поля. Вести приношу от войск.
Вот этими глазами все увидел сам.
Семь полководцев, главари свирепые,
Быка убили. Кровь пролили в черный щит
И в бычьей крови пальцы омочили рук.
И богу битв, и Энио, и Ужасу
Чудовищному поклялись разрушить в пыль,
В прах расточить кадмейцев город каменный.
А нет, — свою до капли кровь в поля пролить.

j) Aesch. Sept. 78—105 (Война, — фиванские девушки перед осадой Фив)

Бежим, содрогаемся, стонем!
В поля рвется враг, из-под шатров — в поля.
Пошла первой вскачь конница, конница.
Взмелась к солнцу пыль дымным столбом. Беда!
Без слов звучный знак, вестник немой беды.
Трепет полей родных, взрытых гоньбой коней,
В уши вонзился, ой! Топот гремит, растет!
Так о порог камней хлещет, клубяся, падун.
Боги, богини, ой!
Прочь прогоните, прочь — ужас топочущий!
Сквозь городьбу, сквозь тын
Белых щитов орда ринулась к городу.
Кто ж оборонит, ой? Кто отвратит напор?
Бог ли, богиня, кто?
Или, молясь, упасть перед бессмертными?
Родных звать богов?
О боги на гордых престолах!
Пора к вам преклониться.
Чего медлим, стенаем?
Вы слышите, — нет, вы не слышите стук щитов!
Венки, тканый покров не нынче если
Вам принесем, — когда ж?
Бряцанье слышу, копий неисчислимых лязг.
Так что ж ты? Предаешь,
Арес, старый свой город милый?
О бог в золотом шлеме!
Взгляни на несчастных нас,
На город, — его любил ты прежде!

k) Paus. V 19, 2. 4. 6 (То же, — из изображений на ларце Кипсела)

Затем единоборство Аякса с Гектором, который сам вызвал на бой [греческих героев], а между ними стоит Распря [Эрида], отвратительная видом; наподобие этой и Каллифонт с Самоса в храме Артемиды Эфесской создал свою «Распрю», нарисовавши картину битвы у кораблей эллинов...

(4) ...Дальше на земле распростерт Ифидамант, сын Антенора, а за него с Агамемноном сражается Коонт. На щите Агамемнона изображен Ужас с головою льва...

(6) ...Дальше сыновья Эдипа: Полиник упал на колено, и на него наступает Этеокл; позади Полиника стоит женщина с зубами далеко не мирного животного, и на руках у нее загнутые когти. Находящаяся при ней надпись гласит, что это Кера [Гибель], тем обозначая, что Полиника уносит неизбежная участь, а Этеоклу со всей справедливостью встретилась Смерть.

Венера и Марс

l) Xen. Anab. I 8, 18

...При выступлении часть фаланги выдвинулась вперед, остальная начала бежать. Тогда все разом подняли военный крик, как кричат победному Аресу, и все побежали.

m) Xen. Anab. V 2, 14

Тогда эллины запели пэан, раздался звук трубы, и с криком «алала» Эниалию гоплиты побежали вперед.

Ср. Cyr. VII 1, 26:

Затем они [войско] закричали «алала» Эниалию, и Кир выступил вперед.

3. Ov. Fast. V 229—260 (Особый вариант происхождения Ареса, — речь Флоры)

С помощью также моей состоялось и Марса рожденье,
Но от Юпитера мой скрой, умоляю, рассказ.
Только увидела свет не из матери чрева Минерва,
Плачет Юнона, что муж мог обойтись без нее.
Шла к Океану она сообщить ему дерзость супруга,
Но, утомившись в пути, в мой заглянула чертог.
«Чем же, Сатурнова дочь, объяснить мне твое посещенье?»
Та объясняет, куда путь направляет она,
Упоминает и цель... Я ее утешаю словами.
«В горе моем, — говорит, — мне не помогут слова.
Если Юпитер решил пренебречь совершенно супругу,
И присвояет себе женины также права,
Мне ж почему горевать, я рожать попытаюсь без мужа,
Но непорочно хочу и без мужчины зачать.
Все на земле и морях испытаю врачебные средства,
Тартара даже рискну все пообшарить углы».
Так уверяет. А я на лице выражаю сомненье.
«Нимфа! — она говорит. — Ты мне могла бы помочь!»
Трижды пытаюсь сказать, но и трижды уста закрываю, —
Страшно сочувствием мне вызвать Юпитера гнев.
Та умоляет помочь и помощника скрыть обещает,
Богом Стигийской реки клятву Юнона дает.
Я отвечаю: «Тебе оленийский поможет цветочек,
Он у меня в цветнике только один на стебле.
Мне подаривший сказал: «Им коснись ты бесплодной телицы».
Я прикоснулась, и вдруг — матерью стала она.
Тотчас сорвала рукой со стебля одинокий цветочек.
Только Юнона взяла, вмиг зачала и она.
И во Фракии, там, у лесистых брегов Пропонтиды,
Сбылось желанье ее, — Марса она родила.
Марс же, узнав, что была его жизни я первой причиной,
Молвил: «Ты будешь со мной в Ромула городе жить».

4. a) Hes. Theog. 933—937 (Потомство Ареса)

...Киферея
Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье,
Ужас вносящих в густые фаланги мужей-ратоборцев
В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов.
Дочь родила она также Гармонию, Кадма супругу.

b) Hyg. Fab. 159 (Сыновья Марса)

Эномай от Стеропы, Гармония от Венеры... от Леодоки Лук, Диомед-фракиец, Аскалаф, Иалмен, Кикн, Дриас.

Венера, Марс и Амур

5. ***Soph. O. R. 189—202 (Зевс против Ареса, — хор просит Зевса поразить Ареса перуном)***

Его ж, что град жаром жжет,
Стону радуясь людей,
И без щитов, без копий нас терзает, —
Ареса буйного из края изгони,
Отбрось врага в глубь морей,
В терем Амфитриты,
Отбрось к нелюдимому брегу
Фракии бурливой!
Ведь если дань простит нам ночь —
День взыскать ее спешит.
О Зевс! Длань твоя
Молний пламенем грозна:
Срази его безжалостным перуном!

b) Quint. Sm. I 675—715 (Зевс отпугивает Ареса молнией, когда тот хочет мстить за Пентезилею)

Скорбь налегла на сердце, печалился духом
Он из-за дочери милой: низвергся он быстро с Олимпа,
Точно гремящий перун, приводящий в смятение смертных,
Брошенный Зевса рукой непреклонной, когда он несется
Над беспредельной пучиной морской или над плодородной
Почвой земли и трясется под ним весь Олимп многохолмный, —
Так через воздух глубокий в доспехах Арей ниспровергся,
Сердцем своим негодуя, о жребии страшном услышав
Дочери: ибо когда пролетал по широкому небу,
Авры[4] ему рассказали, Борея проворные чада,
Жуткую дочери гибель, и он, услыхавши, как буря,

Свергся к Идейской горе; под стопами его задрожали
Долы широкие все и глубокие врезы ущелий,
Дрогнули реки и все необъятные Иды подошвы;
Уж мирмидонянам он уготовал лихую годину,
Если б его не смирил сам Зевс с вершины Олимпа
Тяжким раскатом громов и перунами молний ужасных,
Что запылали так жутко, упавши с ясного неба
Перед ногами Арея одна за другой. И — взглянувши —
Громкую понял угрозу отца он широкошумяща:
Остановился Арей, хоть и жаждал бранного клича,
Точно большую скалу отрывает с крутого утеса
Проливень Зевса неистовый вместе с неистовым ветром,
Вместе с ударами грома, что гулом наполнит лощины,
Сыплющий ливень, который при грохоте неутомимом
Скачет по чащам лесным, пока наконец не достигнет
Местности ровной, где он поневоле пребудет стоячим.
Так и Арей, горделивый сын Зевса, смирясь против воли,
Остановился, хотя и спешил: ведь все олимпийцы
Слушают беспрекословно царя, ибо слишком он выше
Всех их, блаженных богов, и сила его несказанна.
В этом волненье проворные мысли ко многому звали, —
То ли, дрожа пред угрозой ужасной Кронида, что сильно
Был им разгневан, тотчас возвратиться к небесным чертогам;
То ли, о гневе отца не заботясь, жесткие руки
В крови Ахилла омыть; но потом, в своем сердце подумав,
Вспомнил Арей, что ведь много сынов и у Зевса погибло
В битвах, и Зевс не препятствовал сам их насильственной смерти.
Прочь от аргивян Арей отошел. Пришлось, как Титанам,
Остановиться ему, укрощенному страшным перуном,
Коль неразумно задумал он против бессмертного Зевса.

c) Aesch. Suppl. 672—674 (Жестокость Ареса, — мольба Данаид)

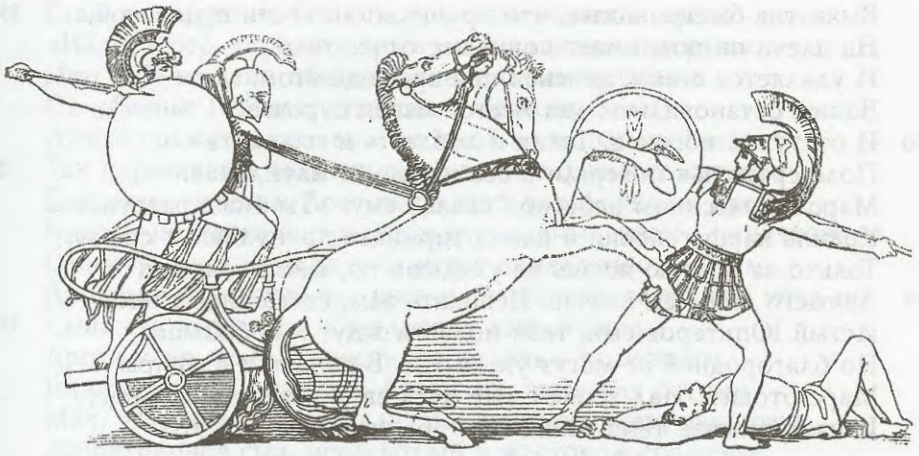
Пусть Афродиты
Муж, губитель людей Арес,
Пуха жизни не режет.

Ср. Suppl. 686—695.

Пусть истребительный
Мор погубительный
Добрых людей не косит!
Песен и плясок палач,
Слезы родящий Арес
Пусть воплем домов не полнит.
Строй черных болезней,
Роись дальше отсюда!
Верным другом Ликийский бог
Будет пусть молодежи!

d) Sil. It. IV 430—479 (Марс во время пунических войн)

Так сказал общий родитель. И Марс из страны Одрисийской[5]
В бой колесницу зовет, надевает свой щит, излученьем



Битва Диомеда с Марсом

Полный молнийных и мрачных огней, свой шлем надевает,
Тяжкий для бога иного, и панцирь, что стоил Киклопам
Многого пота в работе; высоко копьем потрясает,
Кровью насыщенным густо в сражении против Титанов,
И — колесница гремит по полям. Как единое войско,
Следуют Гневы за ним, Евмениды и Смерти кровавой
Рой многоликий; Беллона, старательно правя браздами,
Гонит четверку коней, их зловещим бичом ударяя.
С неизмеримого неба несется ужасная буря,
Черные массы гоня и крутящимися облаками
Кроя всю землю кругом, — и обитель Сатурна трясется
Дрожью под натиском бога, и реки брега покидают,
Гром колесницы узнав, и текут, обратившись к истокам.
Вождь из Авсония был окружен уж кольцом гарамантов,
Новый подарок царю карфагенян готовивших в виде
Консула окровавленной главы и отнятых доспехов.
Он же стоял, порешив не сдаваться Фортуне, и, с силой
Жуткой в боях свирепея, врагов отбивал нападенья.
Члены уже увлажнились его и от вражеской крови,
И от своей; уже грива поникла на шлеме, и тесным
Кругом сомкнулось кольцо. Гарамант уже с дротиком близко.
Вот он оружье метнул, чтоб пронзить острием смертоносным...
Только узрел его сын, как в отца направляется дротик,
Щеки его оросились слезами, дрожа, побледнел он
Сразу, и жалобный стон Сципион посылает к созвездьям.
Дважды пытался ведь он предвосхитить родителя судьбы,
Руки врагов на себя обратив: дважды Марс перенес свой
Гнев на пунийцев. Сквозь стрелы, сквозь копья несется отважный
Юноша, уподобляясь прыжками своими Градиву.
Толпы пред ним отступают все время, и вот уж широкой
Стала граница у поля; он косит отряды, покрытый
Как бы небесным щитом, простирает на павшие трупы
И на доспехи того, кто был с дротом, и многие души
Он на глазах у отца искупительной жертвою губит.

Выхватив быстро копье, что проникло до кости отцовской,
На плечи он поднимает поникшее отчее тело
И удаляется с ним; цепенея при зрелище этом,
Воины остановились; дал место ливиец суровый,
И отступил иберiец. Такая и доблесть и младость
Поле сраженья повергли в безмолвие от изумленья.
Марс с колесницы небесной сказал ему: «Ты лишь разрушишь
Кремль карфагенский и племя тирийцев принудишь к союзу.
Только за долгую жизнь не увидишь ты, юноша милый,
Лучшего дня, чем сейчас. Исполать вам, священное племя!
Истый Юпитеров сын, тебя подвиги ждут и побольше.
Но благородней не могут уж быть». В облака и в эфиры
Марс отошел. Над землей уже путь свой измерило солнце,
И наступившая тьма гонит в лагерь уставшее войско.

е) Stat. Theb. III 420—431 Нед. (Марс во время Фиванской войны)

Вот уже бог всеоружный свирепствует громом доспехов,
В свите блуждающих ночью теней, над страною аркадян,
Над деревнями Немеи, над горной вершиной Тенара,
Над Аполлоновым местом — Терапнами; полнится сердце
В трепете страстью к боям. Гнев и Ярость гребни оправляют,
Страх всеоружный смиряет коней, а Молва, что внимает
Всякому звуку, исполнена шумом пустым о деяньях,
Пред колесницей летит и в полете внезапном на быстрых
Тяжко храпящих конях с глухим ропотом бьется крылами
Трепетными; и возница бодает кровавым стрекалом
То, что нельзя рассказать, а враждебный отец с колесницы
Бьет своим скифским копьем по спине и по гриве богиню.

6. Hes. Scut. 425—466 Нед. (Арес и Геракл)

Сам же, узрев наступленье Ареса, губителя смертных,
Страшно вперяет свой взор, точно лев, что наткнулся на тело,
Жадно порвал на нем кожу, вонзив в нее острые когти,
И похищает как можно скорей наслаждение жизнью,
Темное сердце свое насыщая с жестоким упорством;
Жутко глазами блестит, и хвостом по бокам и по бедрам
Бьет, и ногами скребет, и никто не осмелится близко
К льву подойти, на него посмотреть и померяться силой;
Так же и Амфитрионов сын, ненасытный в сраженье,
Против Ареса восстал, и в груди нарастала отвага
Быстро его; а Арес подходил с опечаленным сердцем.
Оба вскричали они и скакнули один на другого.
Как бы с вершины высокой горы отскочил и скатился
Камень, свергаясь туда и сюда, и кругом раздается
Грохот и гул; но высокий утес попадает навстречу,
Камень слетает к нему и, ударившись, там остается;
С гулом таким же Арес погубительный на колеснице
Кинулся в битву крича. Но Геракл ожидал его стойко.
В это же время Афина, дочь Зевса-эгидодержавца,
Вышла напротив Ареса, одетая темной эгидой;

Глянула хмуро на Страх и крылатое молвила слово:
«Надо, Арес, укротить ярый гнев и всесильные руки:
Ибо тебе не дано обладать знаменитым оружьем
По убиенье Геракла, отважного Зевсова сына;
Лучше сраженье оставь и со мной не испытывай встречу».
Так изрекла; но надменного бога не слушалось сердце;
С криком великим Арес потрясает, как факелом, дротом,
Быстро кидается в страстном стремленье своем — уничтожить
Славную силу Геракла — и мечет немедленно медным
Дротом в огромный тот щит, в озлобленье за то, что убил он
Сына его перед тем. Светлоокая дева Афина
Дрота удар отвела, простирая ладонь с колесницы.
Горькая грусть охватила Ареса; он, выхватив острый
Меч, устремился к Гераклу, могучему сердцем; навстречу
Амфитрионов сын, ненасытный в жестоком сраженье,
С силой ударил его по бедру обнаженному, там, где
Многоискусный кончается щит, и порвал ему тело,
Двинув копьем, — и повергся Арей посредине долины.
Фобос и Деймос не медля подводят к нему колесницу,
Легкую бегом, приблизив коней, и с широкодорожной
Почвы Ареса кладут на сиденье искусное, быстро
Хлещут коней и тотчас достигают вершины Олимпа.

7. a) IL. V 385—391 (Арес и Алоады)

Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоада огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эривея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вести. Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.

b) Apollod. I 7, 4

Они также связали Ареса...

См. «Аполлон», § 20 b.

c) Apollod. I 8, 2 (Мелеагр)

Алфея [дочь Фестия, жена Ойнея] родила от Ойнея сына Мелеагра, о котором говорили, что он произошел от Ареса.

d) IL. II 511—515 (Аскалаф и Иалмен)

Град Аспледон населявших и град Миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.

e) Paus. IX 36, 1—3 (Флегий)

(1) От Хрисы [дочери Алма, к которому перешла власть в Орхомене после Этеокла] и Ареса, по преданию, родился Флегий, и, так как Этеокл умер бездетным, власть перешла к Флегию. Тогда вся страна, вместо Андрии-

ды, стала называться Флегиантидой. (2) В древности был один город — Андриида, но Флегий основал еще другой, дал ему свое имя и собрал туда лучших эллинских воинов. Через несколько дней флегийцы, по какой-то безрассудной смелости, отпали от прочих орхоменян и стали грабить своих соседей и, наконец, предприняли поход на Дельфы для ограбления святилища. На защиту святилища явился Филламон с аргивской дружиной, но в битве и сам был убит, и его аргивяне. (3) Что флегийцы больше всех эллинов любили войну, видно и из того места «Илиады», где говорится об Аресе и сыне его Ужасе [IL. XIII 301 сл.]:

Оба из Фракии горной они на эфиров находят
Или на бранных легиян...

Эти эфиры, как мне кажется, — те самые, что в земле Феспротидской. Флегийское племя бог истребил окончательно непрерывным громом и сильными землетрясениями, а кто остался, тот погиб от распространившейся моровой язвы; очень немногие спаслись в Фокиду.

f) Apollod. II 5, 8 (Диомед)

Был он сын Ареса и Кирены...

8. a) Apollod. III 14, 2 (Алкиппа)

От Аглавры [дочери Кекропа] и Ареса родилась Алкиппа.

b) Paus. I 21, 4 (Основание Ареопага, — о храме Асклепия в Афинах)

Там же есть храм Асклепия, весь в статуях, которые изображают бога и его детей, и в картинах, достойных обозрения. В нем источник, около которого, говорят, сын Посейдона Галиррофий, опозоривший дочь Ареса, Алкиппу, был убит Аресом; передают, что по этому случаю был первый суд об убийстве.

c) Eur. Iph. T. 942 слл. (Ареопаг — в результате суда над Аресом из-за убийства им сына Посейдона Галиррофия)

И долго я блуждал, покуда Феб
В Афины не привел меня, богиням
Отдать отчет в содеянном. Туда
На судьбище священное впервые
Когда-то Зевс привел Ареса: бог
Злодейственной был кровию запятнан.

Б. СПЕЦИАЛЬНО РИМСКИЕ ДОБАВЛЕНИЯ

9. Ov. Fast. III 167—258 (Марс и римские женщины, — рассказ об окончании сражения мужей и отцов из-за похищения сабинянок)

Если пророкам дано знать богов сокровенные мысли,
Как непрерывно твердит мудрость народная нам,
То объясни мне, Градив, почему твой, мужей покровитель,
Праздник с усердьем таким римская женщина чтит?
«Марса, войны божество, — он сказал мне, доспехи снимая
(В правой, однако, руке все ж оставалось копье), —

Марс и Беллона

К мирному ныне труду ты впервые меня призываешь,
Ныне мне в лагерь чужой нужно направить шаги.
Я не жалею о том, чтоб не думала вовсе Минерва,
Будто бы в этих делах силу имеет одна.
Знай же, усердный поэт, воспевающий римские Фасты,
Все, что тебе разъясню, не забывай никогда.

[*Древний Рим и его нужда в женщинах*]

Малым был некогда Рим, если дни его первые вспомнишь,
Но и в ничтожном тогда славы таилось зерно.
Стены стояли тогда, столь обширными людям казались;
Но для ближайших уже были потомков тесны.
Видишь вон хижины те, камышом и соломою крыты:
Некогда точно таким сына был царский дворец.
Сном на соломе наслаждался тот римлянин первый,
С ложа который того позже добрался до звезд.
Имя известным его за пределами города стало.
Не было только жены, тестя он вовсе не знал.
Каждый богатый сосед все косился на бедного зятя;
Верили мало, что он род свой ведет от меня.
Все презирали его: что поля его были ничтожны;
Жил он на скотном дворе, пас только в поле стада.
Каждая птица себе всюду равного мужа находит;
Звери и даже змея жизнь производят на свет.
В брачный вступают союз даже люди далеких народов.
Римляне, вашей женой быть не желала никто.
Помню, тогда тебе дал я урок, опечаленный Ромул:
«Полно просить, — говорил, — меч тебе нужное даст!

Празднество Конзу[6] готовь!..» Тебе Конз расскажет подробно
Все, что случилось потом, — в Фасты ты это внеси.

[*Война с сабинами и ее исход*]

Куры, а с ними и все, кого это коснулось, вскипели,
В гневе на зятя поднял тесть свой карающий меч.
Многие уж матерьми из похищенных девушек были.
Близко хоть жили враги, долго тянулась война.
В храме Юноны сошлись молодые однажды супруги,
С ними и сына жена. Вот что сказала она:
«Участь постигла одна нас, похищенных вместе, супруги!
Долг свой исполним теперь, больше нам медлить нельзя.
К бою готовы войска... За кого нам молиться, решайте:
С копьями справа — мужья, слева с мечами — отцы!
Лучше ли быть сиротой, или лучше остаться вдовою?
Верный совет я нашла, только решайте скорей».
Принят был этот совет. Облачились немедленно в траур,
Все распустили косу. Скорби все лица полны.
Вот для кровавой борьбы приготовились воинов рати
И для начала войны ждут только звука трубы.
Вдруг... меж рядами отцов и супругов являются жены,
Крепко прижавши к груди нежных малюток своих.
Как добежали они до средины опасного поля,
Робко колени свои все наклонили к земле.
С радостным лепетом вдруг, точно всё сознавая, малютки
К дедам простерли вперед, внуки, ручонки свои.
Те, кто умел говорить, призывали желанного деда,
Малые дети совсем рвались вперед к старикам.
Сразу у воинов всех и меч и отвага упали.
Руку врагу протянул, зятю неверному — тесть.
Дочек целуют отцы, на щитах своих внуков уносят.
Польза такая щитов радует воинов всех.
Помня событие то, и поныне латинские жены
Празднество Марсово чтут в день моих первых календ.

[*Марс — покровитель женщин*]

Матери все, что тогда средь мечей обнаженных явились
И лишь слезою своей бой прекратили врагов,
Чтут меня также за то, что я некогда матерью сделал
Сильвию-жрицу и тем счастье дал римской земле.
После морозной зимы, побежденные солнца лучами,
Гибнут на поле снега и исчезает мороз.
Срезанный стужею лист возвращается снова деревьям,
На виноградной лозе нежная почка везде.
Скрытые в почве земной на простор прорываются травы
И изумрудные вновь вверх поднимают стебли.
Время полям порастать и домашним животным плодиться,
Птицы готовят себе гнезда на ветках дерев.
Правильно римская мать это чтит плодородия время:
В том назначенье ее — матерью быть и желать.

Там, где теперь Эсквилин, в старину когда-то седую
Римлянин нес караул, оберегая царя.
Жены латинские там в этот день, если помнишь, воздвигли
Храм тот Юноне святой, молятся где и теперь.
Медлю, однако, зачем, твою память, поэт, утруждаю?
То, что желаешь узнать, то пред очами стоит.

[*Марс в союзе с Люциной*]

Любит замужних Мать, — матерей ко мне толпы и ходят.
Вот и причина того, что почитают меня.
Дайте богине цветов, — она любит цветы полевые, —
И помолитесь, венок ей возложив на главу.
Свет подари нам дневной, по призыву рожениц явися,
В муках родильных подай помощь, Люцина, свою.
Пусть волоса распустив, все роженицы молят Люцину,
Чтобы богиня легко им помогала бы родить».

10. a) Dion. Hal. II 48 (Квирин)

Сабины и научившиеся у них римляне называли Эниалия Квирином, не будучи в состоянии точно сказать, есть ли это Арес или какой-нибудь другой [бог], подобный Аресу в смысле почестей. Одни полагают, что и то и другое имя относится к одному богу, вождю воинских состязаний. Другие же относят имена к двум военным демонам.

Ср. Plut. Rom. 29.

b) Ov. Fast. II 475—532 (Квирин и Квириналии)

[*Квирин*]

День этот в Фастах пустой, а второй посвящают Квирину.
Именем этим зовут Ромула в сонме богов
Иль потому, что копье называлось сабинцами «квирис»
(Будто за это ушел к звездам воинственный бог),
Или квирит потому наградил своим именем бога,
Что приобщил он к земле Рима и Куры его.
Марс как увидел отец, что построены римские стены,
Что покорились вокруг Ромулу все племена,
Молвил: «Юпитер, могуч уже Рим, и богат, и обширен,
Помощь сыновняя уж больше ему не нужна.
Сына ты мне возврати. Одного уже сына не стало,
Ромула хоть мне отдай: Рема напомнит собой».
Ныне один у меня, вознеси его в синее небо, —
Ты обещал и теперь выполни слово свое!..»
И — согласился, кивнув головою своею, Юпитер:
Мир задрожал, и Атлас неба почувствовал гнет.
В местности некогда той, что Карпей зовется болотом,
Ромул в то время чинил суд и расправу свою...
Вдруг налетел ураган, небеса облаками покрылись,
Спрятались солнца лучи, хлынул потоками дождь.
Гром грохотал, и эфир загорался повсюду огнями.
Люди бежали... Тогда Ромул на небо ушел.

В горе старейшин народ обвинил уж напрасно в убийстве.
В массе б народной легко слух утвердился такой,
Но... в это время пришел Юлий Прокул из Альбы и молвил[7]:
«Ярко сияла луна... все разглядишь без огня...
Слева вдруг гром загремел, потрясая раскатами воздух...
В ужасе я отступил... Страх мое тело сковал...
Вдруг предо мной на пути в облачении царском, огромный,
В полной своей красоте Ромула образ стоит.
Молвил: «Квиритов печаль облегчить я тебе поручаю,
Пусть божества моего не оскверняют слезой.
Ладан пускай понесут, поклоняются богу Квирину,
Верят в искусство отца, доблесть военную чтут»[8].
Так он сказал и исчез, растворившись в легчайшем эфире».
Прокул народу тогда эти поведал слова.
Новому богу тогда воздвигаются новые храмы,
Празднества этого день именем бога зовут.

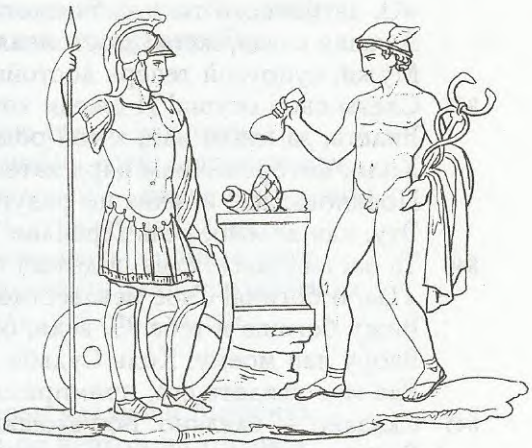
[*Одно из названий Квириналий*]

Знай, почему этот день называется «праздником глупых»:
Поводом случай пустой, но подходящий к нему.
Не было в древней земле просвещенных еще поселенцев.
Силы и мысли людей все расточала война.
Меч был в почете тогда и в презрении плуги кривые.
Без обработки поля не одаряли людей.
Лишь иногда старики засевали поля небольшие,
Хлеб собирая, несли в жертву Церере зерно.
Опытом позже дошли и в огне свои зерна сушили,
Но по своей же вине много убытка несли.
То с почерневшей золой выгребали сгоревшие зерна,
То при обсушке у них в доме случался пожар.
Стала богиней Форнакс, почитали богиню селяне
И умоляли ее в деле их новом помочь.
Старший теперь курион Форнакалий день назначает[9],
В праздник такой подвижной он совершает обряд.
Много об этом таблиц возвещают на площади каждой:
Курии каждой свои там обозначены дни.
Курии празднество то гражданин если, глупый, не знает,
То назначают ему праздником нынешний день.

c) Plin. Nat. hist. XV 120 (Патрицианская и плебейская мирты у древнего храма Квирина)

Древнейшим святилищем считается святилище Квирина, т. е. самого Ромула. Здесь в течение долгого времени находились перед самым храмом две священные мирты, одна под названием патрицианской, другая — плебейской. В течение многих лет имела перевес мирта патрицианская, бывшая в полноте своего роста и в цветущем состоянии. Также, пока процветал сенат, она была огромной, а плебейская сохла и была запущена. После того как вошла в силу последняя, а патрицианская пожелтела, авторитет отцов ослабел под влиянием войны с марсами, и малопомалу величие их пало до полного ничтожества.

d) Serv. Verg. Aen. I 292 (Позднейшее противопоставление Квирина и Марса Градива, начинающего войну)



Арес и Гермес. Римский Рельеф

Ромул назван Квирином или потому, что он пользовался копьем (а копье на сабинском языке есть «curis») — копье, т. е. curis, есть длинный дрот, откуда securis [топор], как бы semicuris [«полукопье»], — или от греческого coiranos, что значит «царь» (а ведь известно, что римляне были греками), или же — вследствие знатности рода (ведь Марс, когда он неистовствует, зовется Градивом; когда же он спокоен — Квирином). Наконец, в городе два его храма, один — как Квирина в пределах города, т. е. как охраны и как спокойного, другой — вблизи ворот за городом, на Аппиевой дороге, как воителя, т. е. как Градива.

e) Ov. Met. XIV 803—851 (Так наз. Hora Quirini, Герсилия, супруга Ромула Квирина, — и взятие их на небо)

Всё же они предпочли брань миром окончить и спора
Лучше мечом не решать, и стал содержавствовать Таций.
После кончины его ты, Ромул, обоим народам
Равно законы давал, и Марс, свой шлем отлагая,
С речью такой обратился к отцу и бессмертных и смертных:
«Время, родитель, пришло, — поскольку на твердой основе
Римское дело стоит, от вождя одного не зависи, —
Те обещанья, что мне ты давал и достойному внуку,
Выполнить и, от земли унеся, поместить его в небе!
Ты мне когда-то сказал при соборе Бессмертных, — я это
Помню, в памяти я словеса сохраняю святые! —
Будет один: его вознесешь к лазурям небесным.
Так ты сказал, и твои да исполнятся ныне вещанья!»
И Всемогущий кивнул, и черными тучами небо
Скрыл, и от грома его и от молний был ужас во Граде.
Знаменье в этом признав, что дано ему сына похитить,
На колесницу взошел, опершись на копье, и кровавым
Дышлом коней тяготя, погнал их, бичом ударяя,
Неустрашимый Градив и, скоро спустясь по простору,
Остановил и сошел на лесистом холме Палатинском.
Перед народом своим отправлявшего суд государев
Он Илиада унес. В дуновеньях воздушных распалось
Смертное тело его, — так, мощной брошен пращою,
Обыкновенно свинец распадается в небе далеко.
Вид он прекрасный обрел, достойнейший трапез высоких, —
В новом он облике стал трабею[10] носящим Квирином.
Видя, как, мужа лишась, Герсилия плачет, Юнона
Тотчас Ириде своей по дуге семицветной спуститься
К ней, одинокой, велит, и такие слова передать ей:

«О, латинского ты и сабинского племени также
Лучшая слава, жена! Достойная раньше такого
Мужа, супругой теперь достойная зваться Квирина,
Слезы свои осуши! И ежели хочешь супруга
Видеть, за мною иди, к той роще, одевшей Квиринов
Холм, которою храм царя затеняется римлян!»
Повиновалась, и, вниз по радуге снидя на землю,
Эту, как велено, речь Герсилии молвит Ирида.
Та застыдилась; едва подымая глаза, говорит ей:
«Ты, о богиня! Твое неизвестно мне имя, однако
Вижу богиню в тебе! О, веди, о, веди, и супруга
Взору яви моему! Коль Судьбы даруют один лишь
Раз мне увидеть его, примирюсь, что взят он на небо!»
Сказано — сделано. Вот взошли с Таумантовой девой[11]
Вместе на Ромулов холм. А там перед ними на землю
С неба упала звезда. От света ее загоревшись,
С тою звездой в высоту Герсилии волосы взмыли.
В руки, знакомые ей, там принял жену основатель
Римского града, сменил он и тело ее и прозванье:
Горою[12] стал величать, споклоняемой богу Квирину.

11. a) Ov. Fast. III 291 слл. (Пик, Фавн, Нума)

См. «Зевс и Гера», § 70 a.

b) Serv. Verg. Aen. VII 190 (Пик и Кирка)

Пика любила Помона, богиня древесных плодов (pomum), и по его доброй воле вступила с ним в брак. После же этого Кирка, которая любила его, но вызывала у него презрение к себе, в гневе превратила его в птицу, в Марсова дятла (picum)... Изображается же Пик так потому, что он был авгуром и имел дома дятла, через которого узнавал будущее. На это указывают понтификальные книги. Целесообразно [Вергилий] дал ему выше посох, являющийся принадлежностью авгуров. Ведь и небесный щит и трабея у него — общие с жрецом Юпитера или Марса.

c) Ov. Met. XIV 320—434 (Пик и его превращение в дятла после неудачной любви к нему нимфы Кирки)

[*Характеристика Пика*]

Чадо Сатурново, Пик, был прежде царем в авзонийских
Землях и страстно любил коней объезжать для сражений.
Изображенье его пред тобою; что был он прекрасен,
Видишь ты сам, вполне довериться статуе можешь.
Столь же прекрасен он был и душой. Еще не успел он
И четырех увидать пятилетних игрищ элидских.
Он красотою привлек рожденных в латинских нагорьях
Юных Дриад; полюбили его божества ключевые,
Девы Наяды, каких альбулийские воды[13], Нумикий
Мчит, Аниена волна и Альм, быстрейший теченьем,
Нара стремнистый поток и Фарфар с приятною тенью:
Те, что в дубравном краю обитают у скифской Дианы[14]
Или в озерах кругом; но, всех отвергая, к одной лишь

Нимфе он нежность питал. Венилия[15] будто бы нимфу
На Палатинском холме породила двуликому Яну.

[*Брак с Каненто́й*]

Только созрела она и невестою стала, как тотчас
Пику была отдана, предпочтенному всем лаврентинцам.
Дивной была красоты, удивительней — пенья искусством.
«Певчей» и звали ее. Сдвигать дубравы и скалы,
Диких зверей усмирять, останавливать длинные реки
Силой изустной могла и задерживать птиц пролетавших.
Голосом женщины раз напевала она свои песни.

[*Любовь Кирки к Пику*]

Пик же ушел из дворца и в поля удалился Лаврента
Тамошних бить кабанов. Туда он верхом на горячем
Ехал коне и держал два дротика левой рукою,
Алой хламидой одет, заколотой золотом ярким.
В это же время пришла дочь Солнца[16] в те же дубравы;
Чтоб на обильных холмах нарвать себе новых растений,
Имя носящий ее оставила остров Цирцея.
Юношу Пика едва, полускрытая чащей, узрела,
Остолбенела; из рук заповедные выпали травы.
Сразу до мозга костей огонь проницает Цирцею;
Только лишь в этом пылу собрала она первые мысли,
Хочет с предметом любви говорить; но коня верхового, —
Чтоб подойти не могла, — он погнал, окруженный своими.
«Не убежишь от меня, хотя бы умчал тебя ветер, —
Если я знаю себя и не стали бессильными свойства
Трав и если меня не обманут мои заклинанья!»
Молвила так и тотчас создала бестелесного призрак
Вепря, ему пробежать перед взором царя повелела.
И показалось царю, что уходит он в гущу лесную,
Где между частых дерев коню невозможно пробраться.
Нечего медлить! И Пик, преследуя призрак добычи,
Быстро уже соскочил с дымящейся лошади наземь.
И, за мечтою гонясь, пешком углубляется в чащу.
Та же моленья твердит и слова ядовитые молвит
И неизвестным богам неизвестным заклятием служит, —
Тем, от которого лик Луны белоснежной тускнеет
И на Отцовом челе заплетаются взбухшие тучи.
От заклинаний ее темнотой покрывается небо,
Мглу испаряет земля. По дорогам невидимым бродят
Спутники Пика, и сам государь остается без стражи.
Выбрала место и миг: «Заклинаю твоими очами,
Что полонили меня, красотою твоей, о прекрасный,
Сделавший то, что — богиня — тебя умоляю! Сочувствуй
Пылу влюбленной! Прими все зрящее вечное Солнце
В тести и, сердцем жесток, Титаниды не презри Цирцеи!» —
Молвила. Но и ее, и моленья отверг он надменно
И отвечал: «Кто б ты ни была, но твоим я не буду,

Пика другая пленит, и молю, чтобы долго пленяла!
Брачный союз осквернять я чужою не стану любовью, —
Ежели мне сохранят дочь Янову — Певчую — Судьбы».
Снова мольбы попытав понапрасну, Титания молвит:
«Это тебе не пройдет! Не вернешься ты более к Певчей.
Что оскорбленье, любовь и женщина могут, — узнаешь:
Оскорблена, влюблена и женщина тоже Цирцея!»

[*Месть Кирки*]

Дважды затем на восток обратилась и дважды на запад;
Палочкой трижды к нему прикоснулась и три заклинанья
Произнесла, — и бежит он, и сам удивляется бегу
Быстрому, как никогда, и пух замечает на теле;
И, возмущенный, что вот новоявленной птицей нежданно
В Лация рощи вступил, он твердым клювом деревья
Бьет и в досаде своей ветвям пораненья наносит.
Крылья же птицы хранят окраску пурпурной хламиды;
Прежняя пряжка его, золотая заколка одежды,
Стала пером: золотой вкруг шейки горит поясочек.
И ничего от всего не осталося Пика, — лишь имя.
Спутники Пика меж тем понапрасну его призывали
Долго в полях и нигде отыскать не могли господина;
А Титаниду нашли: она уж расчистила воздух,
Ветрам и Солнцу уже разрешила туманы рассеять.
Изобличают ее в преступленьи и требуют Пика.
К силе прибегли; разить беспощадным готовы оружьем.
Вредные зелья она, ядовитые брызгает соки;
Ночь и ночи богов из Эреба она и Хаоса
Кличет, молитву творит завыванием долгим Гекате.
С мест повскакали своих — сказать удивительно! — рощи,
И застонала земля, побледнело вдруг дерево рядом,
На окропленном лугу заалели кровавые капли;
Камни, и те издают как будто глухое мычанье;
Лают — как будто бы — псы; земля в отвратительных змеях
Лоснится, а над землей — прозрачные души порхают.
И в изумленьи толпа устрашилась чудес. Устрашенным
Тростью волшебной она удивленные тронула лица, —
И от касанья того различные чудища-звери
В юношей входят. Никто не остался в обличии прежнем.

[*Страдания Канентты*]

Феб, опускаясь, уже налегал на Тартессии[17] берег,
Но понапрасну ждала — и душой и очами — супруга
Певчая. Челядь, меж тем, и народ по лесам разбежались
В поисках, перед собой освещая огнями дорогу.
Мало того, что рыдала она, что в грудь ударяла
И что рвала волоса, — хоть все это было, — из дому
Вырвалась и по полям по латинским блуждала, безумна.
Шесть наступивших ночей и столько же солнца восходов
Зрели ее, как она, без сна и без пищи, по воле

Случая, взад и вперед по горам и долинам бродила.
Видел последним ее, утомленную плачем и бегом,
Тибр, — как тело она преклонила на берег холодный.
Там со слезами она страданьем рожденную песню
Петь начала, и звучал чуть слышный жалобный голос, —
Так, умирая, поет свою песню кончинную лебедь.
Тонкая плоть наконец размягчилась от плача; помалу
Чахла она, а потом в воздушном исчезла пространстве.
Слава, однако, поднесь за местом осталась. Камены
Древние Певчим его нарекли по прозванию нимфы.

d) Verg. Aen. VII 170—191 (Храм Пика в Лаврентской области, в царстве Латина)

Царский чертог, огромен, на ста возвышаясь колоннах,
В городе верхнем стоял: дворец Лаврентского Пика,
Грозно-ужасен лесами и благочестием к предкам.
Скипетр здесь принимать и взносить свои первые фаски
Было в обычай царям, для них был курией храм сей.
Здесь было место пиров священных, овна по закланьи
Долго отцы за столами здесь восседали обычно.
Также эффигии[18] древних предков здесь по порядку
Из дряхолетнего кедра: Итал, Сабин прародитель,
Лоз насадитель, кривой под образом серп сохранявший,
Также старец Сатурн и облик двуликого Яна, —
Все предстояли в притворе, и прочие, что от начала
Мартовы раны прияли цари, за отчизну сражаясь.
Много, помимо того, косяков у священных оружья,
Забранных в плен колесниц висит и секир искривленных,
Также и гребни со шлемов, с ворот огромные болты,
Дротики, и щиты, и ростры захваченных килей.
Сам, с квиринальским жезлом и трабеей малой одетый,
Пик восседал и свой щит поддерживал левой рукою,
Коней смиритель, кого, охвачена страстью, супруга
Кирка, жезлом золотым поразив, перекинув отравой,
Сделала птицей, его обрызгав красками крылья.

12. a) Philod. De piet. 11 (Общий характер Ареса)

Арес признается в качестве имеющего отношение к войне, т. е. к порядку и беспорядку.

b) Aet. Plac. I, 6

Керы, Эринии, Арес — вредоносные [божества], от которых очищают себя, как от божеств непереносных и насильственных.

Марс. Римская монета

c) Cornut. 21

Другие боги имеют отношение к воинским делам; они уже не имеют целью в таком же смысле устойчивость или осмысленность, но они в некотором смысле гораздо более того беспорядочны. Это — Арес и Энио. Именно, Зевс ввел их в сферу вещей с тою целью, чтобы живые существа возбуждали одно другое (и это не из-за пустых целей и вовсе не для

Арес

того, чтобы вселить в людей разделение при помощи оружия), чтобы люди с радостью культивировали в себе благородство и мужество и в особенности то, что свойственно мирной жизни, в своих взаимных отношениях. По этой причине Арес преподан как сын Зевса (не по иной причине, чем и Афина, «дочь могущественного отца»). Что же касается Энио, то одни отличают ее как мать, другие — как дочь, третьи — как кормилицу Ареса, между тем как она ровно ничем от него не отличается. Именно Энио есть та, которая вселяет (enieisa) мужество и силу в сражающихся; или же она названа евфемистически — оттого, что она очень «ласкова» или «снисходительна» (enees cai epieices einai). Арес же получил наименование от «хватания» и «истребления» (hairein kai enairein), или от are, т. е. «вред», или же — опять по противоположности — как бы от желания именующих его умилостивить его. Ведь он обладает способностью разделять и наносить вред тому, что приведено в порядок (значит, происходит он от arsai, что значит «приводить в порядок»). Пожалуй, чему-то подобному причастна и Гармония, которая, как повествуют, произошла от него. По справедливости он носит также названия «запятнанного убийством», «губителя людей», «крикуна во время битвы», «громко орущего», потому что сражающиеся поднимают при столкновениях крик, откуда некоторые и закалывают ему ослов ввиду беспорядочности и шумности его рева. Большинство же закалывает собак — ввиду смелости и охотного нападения этих животных на других. Почитается же он больше всего фракийцами, скифами и подобными народами, у которых имеет большую славу упражнение в военном деле и небрежность к справедливости. Священной птицей его считают коршуна — ввиду обилия их в тех местах, где находится много трупов, явившихся жертвой гибели от Ареса.

13. а) Нутп. Нот. VIII (Гимн Аресу)

Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый, оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа,
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
Мужества царь скиптроносный, скользящий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманный души укротить и упрочить
Сызнова острую силу в груди, чтоб меня побуждала

15 В бой леденящий вступить! Ниспошли же, блаженный, мне смелость,
Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер и схватки с врагами!

b) Hymn. Orph. LXV (Гимн Аресу)

Духом великий и крепкий, отважный и несокрушимый
Демон, любитель оружья, убийца и стен сокрушитель,
Неукротимый Арес, царь кровавый, гудящий оружьем,
Любящий кровь и убийство, боец, ужасающий в битве,
Жаждущий дикой борьбы, где бы копья, мечи разгулялись,
Бешеной распри зачинщик, — уйми ненасытную муку;
Склонный к желаньям Киприды, к веселым утехам Лиэя, —
Силу оружья смени ты на подвиги доброй Деметры.

c) Hymn. Orph. LXXXVIII (Гимн Аресу)

Высокомерный Арес, колесничник-боец власошлемный,
Духом могучий, носитель щита, городов управитель,
Медноружный, рукой и копьем без усилия крепкий,
Твердость Олимпа, Победы отец, сопоборник Фемиды,
Лучших водитель мужей, но тиран для врагов, скиптроносец
Мужеских сил! Огнезрачный круг ты вращаешь в эфире
Меж семибежных светил, там, где жгучие юные кони
Видят тебя неизменно над кузовом третьей запряжки.
Внемли же, смертных оплот, возмужалости смелой податель:
Милостиво осияй с высоты нашу жизнь твоим блеском,
Даруй Арееву мощь, чтобы я оказался способным
Сбросить с своей головы даже горькое бедствие или
Чтобы обманчивый сердца порыв подчинить разуменью,
Сразу же гнев на душе задержать, подмывающий часто
Броситься в дикую битву. Однако ты мужество даруй
Мне, блаженный, и мир соблюдай в невредимых законах,
Свалке случайной враждебный, а также насильницам Керам.

VIII. АФРОДИТА

А. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ АФРОДИТЫ

Афродита произошла *из морской пены*, а эта пена образовалась из крови оскопленного Кроносом Урана (см. «Теог. и косм.», «Гесиод», § 10). Уже это одно возносит Афродиту в античном сознании на огромную космическую и даже *выше-космическую* высоту. Выходит, что она даже старше Зевса. Была и другая версия происхождения, не столь возвеличивавшая Афродиту, — от Зевса и *Дионы*, о чем читаем уже у Гомера IL. V 312 и § 1 с (кто такая Диона, см. в «Зевсе и Гере», § 1). Эта версия, помещавшая Афродиту в число подлинно олимпийских богов, осталась и у последующих поэтов, напр. Eur. Hel. 1098.

Родилась Афродита (из пены) около Кипра. Этот остров навсегда остался связанным с Афродитой. *«Киприда»* она уже в IL. V 330, 422, 760, 883, «кипророжденная» — у Hes. Theog. 199, Hom. Hymn. X 1, причем особенно выдвигаются города на Крите — Пафос (ср. Paus. VIII 5, 2; 24, 8) и Аматус («Аматузия», Paus. IX 41, 2). Другой островок (к югу от Пелопоннеса), теснейшим образом связанный с культом Афродиты и давший ей один из ее постоянных эпитетов, — *Киферея*, так что и она сама «Киферея» или «Цитера» (Od. VIII 288, XVIII 193*, ср. Paus. III 23, 1). Отсюда культ ее распространился по всей Малой Азии вплоть до Черного моря, по островам и по полуострову (особенно в Аттику, Беотию, Коринф и пр.). Самое название «Афродита» Hes. Theog. 196 толкует как «рожденная в пене», отзвук каковой этимологии находим еще у Plat. Crat. 406 c. Поэтому она также и *«Анадиомена»*, т. е. возникшая, появившаяся снизу вверх, из моря на землю.

Любители сведения античности на восточные позаимствования особенно упражнялись на Афродите, поскольку ей свойственна весьма интенсивная чувственная стихия. Считалось, что Восток, это — обязательно чувственность, а Греция, это — обязательно красота, форма и пр. Этот взгляд, конечно, наивен. Не отрицая возможных влияний восточных чувственных Афродит (финикийской Астарты, вавилонской Милитты,

* В переводе В. А. Жуковского в указанных местах вместо «Киферея» — «Киприда» (*А. А. Тахо-Годи*).

арабской Алилат), — некоторые материалы см. в § 1 b, 5 q, — мы должны всячески оберегать эллинское своеобразие Афродиты, памятуя, что это — одно из самых популярных и наиболее любимых божеств античного мира.

Уже в самой теогонии Гесиод приписал ей все атрибуты любви (Theog. 205 сл.):

> Девичий шепот любовный, улыбки и смех, и обманы,
> Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.

Гомер на все лады твердит о том же. Знаменита ее милая и сладкая улыбка (напр., § 3 b), с которой она не расстается даже на войне (таковы, напр., места: IL. III 424, где она, «пленительно улыбаясь», подает кресло Елене; IV 10, где она — с Александром; V 375 в разговоре с Дионой — и мн. др.). У нее замечательная шея, волнующие груди, блестящие притягивающие глаза (IL. III 396—398 в § 33 a), белые руки (IL. V 314) и с большим вкусом, тончайше разработанный туалет (§ 3 a, а также Hymn. Hom. IV 86—90 в § 30 c), из которого один пояс стоит всех утешений и наслаждений в мире (IL. XIV 214 сл., см. «Зевс и Гера», § 17 a). Если надо когонибудь назвать красавицей, то сравнение с Афродитой неизбежно. Ахилл отказывается брать себе в жены дочь Агамемнона, даже если она поспорит в красоте «со златой Афродитой» (IL. IX 389); прекрасная Кассандра тоже похожа на «златую Афродиту» (IL. XXIV 699); Эрмиона, дочь Елены, — тоже (Od. IV 14); Пенелопа — тоже (Od. XVII 37 и XIX 54) и пр. Она — «золотая», «многозлатая», «златовенечная», «прекрасновенечная», «прекрасноокая», «с извивными ресницами», «сладко-умильная» и т. д. и т. д. (кроме указ., — IL. III 64, 424, IV 10, V 427; Od. VIII 288, 337, 342). Уже и самая обстановка ее рождения — пленительная по своей мягкости, нежности, воздушности (§ 1 a, 3 a). Любовной власти Афродиты подчинено все живущее, и боги (с тремя исключениями, указанными в Hymn. Hom. IV: Артемида, Афина и Гестия), и все люди. Она — «отворотная» и «приворотная» (в смысле любви).

Но самое главное, это — то, что Афродита никогда не теряла своих *космических* и даже *над-космических* функций. Это — любовь не только личная, индивидуальная. Это — огромная космическая мощь любви, так что делается понятным, почему столь разнообразные поэты и философы (Парменид, Эмпедокл, Платон, орфики, Еврипид, Овидий, Вергилий, Лукреций и пр.) воспевали и трактовали ее именно с этой стороны (§ 10). Был даже целый культ *Урании*, т. е. *Небесной*. Противопоставление Афродиты Небесной и Всенародной едва ли выдумано Платоном. Оно имелось издавна в культе (§ 2). Но независимо от этого противопоставления (которое можно толковать и чисто моралистически) Афродита, несомненно, обнимает своими «любовными» функциями целые три обширные области как Дарующая (земле плодородие), как Вершинная (богиня гор) и Благая Спутница, или Добрая Помощница, в плавании (богиня моря). Все эти области объяты ее внутренней силой.

Больше всего Афродита прославлялась именно как Дарующая, или *Плодородная*. Она дает жизнь всему, что растет и плодится в земле и на земле, и потому особенно она — богиня весны. Поэты, риторы и философы на все лады разрисовывают роскошную богиню Афродиту в садах (в Афинах так и была «Урания в садах», на Пафосе — «Священносадовая», Strab. XIV 683, на Самосе — «Афродита в стеблях» или «Афродита на

лугах»), разрисовывают ее с розами, миртами, анемонами, тамарисками в окружении танцующих Харит (IL. V 338, Od. XVIII 194) и Ор (Hymn. Hom. VI 5 слл. в § 3 a), среди юной расцветающей сочной природы, под лаской нежного Зефира и с шаловливыми страстными Эротами. За ней следуют Нимфы с венками из душистых цветов, с розами, гиацинтами, фиалками, нарциссами, лилиями. Она любит частые ванны и умащивания. Так, ванной и притираниями кончился ее неудачный роман с Аресом (Od. VIII 364—366, «Общее», § 3 a); розовым маслом натирает она и тело Гектора (IL. XXIII 186), а Софокл (frg. 333 N. по Athen. XV, p. 687 c) в одной сатировской драме «выводит Афродиту как некое наслаждение, демона, умащенного благовониями и смотрящуюся в зеркало». В этом отношении особенно выделялся культ Афродиты Морфо в Спарте (§ 4 b), где женщины были самые красивые в Греции, а мужчины всегда равнялись на Париса, хотя «законность» Геры и объединенность Афродиты с другими божествами ставили здесь этому весьма существенные препятствия (§ 4).

Кое-где (на горе Эрике в Сицилии, в Коринфе) служение Афродите доходило до настоящей проституции, обладавшей здесь священным характером на манер восточных чувственных культов (§ 5 p, а также Strab. VI 272, Diod. IV 83), причем прославления таких девиц — прислужниц Афродиты не чужд был даже такой строгий человек, как Пиндар (§ 5 s). Впрочем, во многих местах Афродита была просто богиней гетер и даже такие названия и носила: «гетера» (в Афинах и Эфесе), «блудница» (в Абиде) и пр.; (§ 5 n). Отсюда и пошли голые роскошные Венеры, известные всему миру.

Все это не мешало Афродите быть также богиней *браков* и *даже родов* (§ 5 k), а по Anthol. Pal. VI 318, она даже — «детопитательница». В общем, Афродита — это *стихия космического* пола в самых разных формах его проявления, от космогонических сумерек мировых зачатий до легкомысленного, игривого кокетства. Ее призывали влюбленные пары; в честь нее же под именем Сирийской богини правились оргии не только в сирийском Библе (как об этом рассказывает Лукиан в своей известной статье; см. также § 5 q), но и в Мессении (Paus. IV 31, 2) и на берегах Ахайи (Paus. VII 26, 7). В материалах, собранных ниже, в § 5, мы находим последовательную гамму мифического образа Афродиты — от участия в мелких любовных делах до оплодотворения всего космоса, от ухаживания за детьми до мистической проституции и от легкого кокетства до экстатических оргий.

Атрибуты Афродиты: из растительного мира — мирты и яблоки, из животного — баран, козел, заяц, голубь, воробей, лебедь и др.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТИПЫ

1. a) Hes. Theog. 189—206 (Происхождение из морской пены)

См. «Теогония и космогония», «Гомер», § 10).

b) Herod. I 105 (О сирийском происхождении Афродиты)

Когда на обратном пути [из палестинской Сирии] скифы были в сирийском городе Аскалоне, большинство их прошло дальше, не трогая города. Остались только немногие и ограбили храм Небесной Афродиты. Это,

Рождение Афродиты

как я узнал, древнейший из всех храмов богини, ибо кипрское святилище основано выходцами отсюда, как говорят о том сами жители острова. Равным образом, на Кифере храм Афродиты сооружен финикиянами, происходящими из Сирии. На тех скифов, которые ограбили храм в Аскалоне, равно как и на потомство их, божество ниспослало женскую болезнь. Поступок этот был, по словам скифов, причиной господствующей у них болезни и того, что приходящие в скифскую землю иноземцы находят больных, которых скифы называют энареями, в таком жалком положении.

Ср. I 131.

c) IL. V 370 сл. (Происхождение от Зевса и Дионы)

370 Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой...

d) Epimenid. ap. Schol. Soph. O. C. 42 (Diels 68 B 19)

Эпименид утверждает, что Эвмениды — от Кроноса:
Из него — Афродита златая с пышной прической,
Мойры бессмертные и Эринии с пестрым дареньем.

e) Hyg. Fab. 197 (Происхождение Венеры из яйца)

Предание гласит, что в реку Евфрат с неба упало яйцо удивительной величины. Рыба выволокла его на берег. На нем сидели голубки, а когда оно было тепло нагрето, оно выпустило из себя Венеру, названную впоследствии сирийской богиней. Так как она превзошла всех прочих [богов] своей справедливостью и честностью, то по желанию Юпитера рыбы

были унесены в число звезд; и по этой причине сирийцы не едят рыбы и причисляют голубок к богам.

f) Cic. De nat. deor. III 23, 59 (Различение нескольких Венер)

Первая Афродита — дочь Урана и Дия, капище которой мы видим в Элиде. Вторая — рожденная из пены [морской]; от нее и Гермеса родился второй Эрос. Третья — дочь Зевса и Дионы; она вышла замуж за Гефеста; но Антерос, как говорят, родился от нее и Ареса. Четвертая, зачатая в Сирии и на Кипре, называется Астартою; она, по преданию, вышла замуж за Адониса.

2. *a) Paus. I 14, 7 (Афродита Небесная и Всенародная)*

...Но у Афинян есть дем, — Афмонеи; и там, говорят, Порфирион, царствовавший до Антея, основал у них храм «Небесной».

b) Paus. I 22, 3 (То же)

Поклонение Афродите «Всенародной» [Пандемос] было введено Тесеем, когда он свел всех Афинян из сельских домов в один город.

c) Paus. III 23, 1 (То же)

Храм Афродиты Урании [«Небесной»] на острове Кифере считается самым священным, и из всех существующих у эллинов храмов Афродиты он самый древний.

d) Paus. VI 25, 1 (То же)

За колоннадой [храма в Элиде, посвященного римским императорам] из коркирейской добычи находится храм Афродиты и недалеко от него, под открытым небом, ее священный округ. В храме поставлена статуя Афродиты Урании из слоновой кости и золота, опирающейся одной ногой на черепаху. Это произведение Фидия. В священном округе, окруженном каменной оградой, на террасе сидит, на медном козле, медная Афродита. Это произведение Скопы представляет Афродиту Пандемос [Всенародную]. Значение черепахи и козла предоставляю объяснять желающим.

e) Paus. IX 27, 1 (То же, — см. в § 12 b)

f) Paus. VIII 32, 2 (То же)

...Храм Афродиты [в Мегалополе] тоже в развалинах, кроме части, называемой пронаос, и трех статуй Афродиты: одной — с именем Небесная, другой — Всенародная, третьей — без всякого названия.

ОБРАЗ АФРОДИТЫ В ГИМНАХ

3. *a) Hymn. Hom. VI (Образ Афродиты)*

Песнь моя — к Афродите прекрасной и златовенчанной,
Чести великой достойной. В удел ей достались твердыни
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своей. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой;
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко

Рождение Афродиты

Чудно-прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.
После того как на тело ее украшенья надели,
К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной.
Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу
Мне в состязании этом, явись мне помощницей в песне!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

b) Hymn. Hom. X (То же)

Кипророжденную буду я петь Киферею. Дарами
Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка
С милого лика ее. И прелестен цветок на богине.
Над Саламином прекрасным царящая с Кипром обширным,
Песню, богиня, прими и зажги ее страстью горячей!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

c) Hymn. Hom. IV 1—9 (Афродита, богиня любви, бессильна только перед Афиной, Артемидой и Гестией)

Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни дает пропитанье земля или море.

Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины, —
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.

d) Hymn. Hom. IV 33—52 (Продолжение)

Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избегнуть ее никому невозможно,
Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным.
Славную Крон хитроумный и матерь Рея родили.
Знающий вечные судьбы властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.
Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
И чтоб нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,
Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.

e) Hymn. Orph. LV (Гимн к Афродите)

О, с милой улыбкою ты, Урания, петая много,
Морем рожденная, мать богиня, всенощно святая, коварство, ночная.
Все от тебя. Подчинила ты мир и власть проявляешь
И над Мойрами ты тройными. Ты все порождаешь,
Что ни на есть в небесах, на земле многоплодной и в бездне
Моря; святая, бываешь всегда соучастницей Вакха.
Любишь пиры, готовишь ты брак и мать ты Эротов,
Склонная к ложу и тайная, ты нам на радость, владыка,
Явно-неявная, мило-кудрявая, дочь благородных.
Свадебная, пировая, богов госпожа ты, волчица,
Роды и жизнь даря, всежеланная, мужелюбива.
Ты сопрягаешь людей неразрывными узами в пары,
Также все роды зверей, упоенных любовным желаньем.
Кипро-рожденная отрасль, богиня, гряди: ибо ты на Олимпе,
О богиня, царица, живешь, сияя ликом прекрасным,
Или имеешь седалище ты свое в Сирии благоуханной,
Иль, золотую прияв на равнинах свою колесницу,
Ты Египта священного путь плодородных взяла омовений,
Или на синих волнах по морскому широкому лону.
Шествуешь, тешась кругами плывущих зверей хороводов.
Или на Зевса земле тебе сладость от Нимф синеоких,
Иль на песчаных брегах без ума ты от легкого танца,
Или на Кипре, владыка, твоем кормильце, где девы

Фигурный лекиф «Афродита в раковине» из Фанагории

Без мужей прекрасные с Нимфами гимн ежегодно
Воспевают тебе с Адонисом чистым, бессмертным.
Ты, блаженна, гряди, совершенна, с ликом прекрасным.
Призываю душой с торжеством, святыми словами.

f) Procl. Hymn. II

Многоименную цепь[1] мы славим Пеннорожденной,
Также царственный тот источник великий, откуда
С крыльями возросли Эроты, лишенные смерти.
Стрелами духа одни из них стреляют из лука
В души, чтоб эти, бодец восприяв возводящий стремлений,
Возжелали узреть материнский чертог озаренный.
А другие, по воле отца, с промышленьем защитным
Увеличить стремясь поколеньями мир беспредельный,
Возбудили в душах вожделенье к жизни житейской.
За путями замужних жен многовидными третьи
Вечно следят, чтобы те на основе смертной природы
Род бессмертный мужей, терпящих страданье, рождали.
Делом заняты они все родящей любовь Кифереи.
Но, богиня, повсюду слух ты имеешь доступный,
Небо ль великое ты обтекаешь, где, уверяют,
Вечно-текущего мира душой божественной ты пребываешь,
Иль обитаешь в семи планетных орбитах в эфире,
Неодолимые звенья в наши цепи вливая.
Внемли ко мне и путь моей жизни многострадальный
Ты направь к себе, госпожа, стрелой справедливой
Прекратив холодящий поток несвятых вожделений.

g) Procl. Hymn. V (Гимн Афродите Ликийской)

Афродите Деве поем, Ликийской царице,
Для которой, защиту от зол приявши обильно,
Родины нашей вожди когда-то по божьему гласу
В городе соорудили священное нам изваянье.
Символ умного брака оно, гименеев же умных
Огненного Гефеста и Афродиты Небесной.
И ее нарекли олимпийской богиней, чьей силой
Часто они избегали стрелы смертоносно-губящей,
Направляя глаза к добродетели. В браке удачном
Одаренное светлым умом и крепкое вышло потомство,
И везде тишина с дарами ласки настала.
Но и нашу также прими, владычица, жертву
Восхваленья. Ведь сам я родом крови Ликийской.
Душу опять возведи к красоте великой от срама.
Вредного жала избегнет она землеродных стремлений.

РАЗНООБРАЗИЕ ЧЕРТ

4. a) Paus. I 1, 3 (Черты, ограничивающие стихию Афродиты)

У самого же моря [в Пирее] Конон выстроил храм Афродиты, победивши флот лакедемонян около Книда, находящегося на выступах Карии. Книдяне больше всего почитают Афродиту, и у них ряд храмов богини. Из них самый древний — Афродиты Доритиды [«Дающей плодородие»], затем — Акреи [«Владычицы горных вершин»] и новейший, который все называют просто Книдской, а сами книдяне — «Доброй помощницы в плавании».

b) Paus. III 15, 10 (То же)

Если пройти немного дальше [от святилища Телекла в Спарте], будет небольшой холм, а на нем древний храм и деревянное изображение вооруженной Афродиты. Из всех храмов, какие я знаю, только один этот имеет второй этаж, и этот этаж посвящен Морфо [«Дающая красоту»]. Это прозвище Афродиты. Она сидит здесь под покрывалом и с оковами на ногах; говорят, что эти оковы наложил на нее Тиндарей, символизируя этими цепями верность жен своим мужьям. Что же касается другого рассказа, что Тиндарей этими оковами наказал богиню за то, что, по его мнению, Афродита навлекла на его дочерей один только позор, то я этого совсем не допускаю: ведь было бы крайне глупо, сделав из кедра изображение и давши ему имя Афродиты, думать, что можно [в нем] наказывать богиню.

Афродита на лебеде. Роспись килика

c) Paus. III 13, 9 (То же)

Древнее деревянное изображение они [жители Спарты] называют статуей Афродиты Геры; у них постановлено, чтобы матери приносили жертвы богине за своих дочерей при вступлении их в брак.

d) Paus. III 12, 11 (То же)

Около Скиады [в Спарте] находится круглое здание, а в нем статуи Зевса и Афродиты, носящие название «Олимпийских». Говорят, что это здание построил Эпименид, но об нем они рассказывают не согласно с аргивянами [ср. III 11, 11], поскольку они утверждают, что никогда не воевали с жителями Кноса.

e) Paus. III 18, 1 (То же)

Вблизи статуй Павсания [в Спарте] находится изображение Афродиты «Отвращающей старость» [Амбологеры], поставленное согласно вещанию бога.

f) Tacit. Hist. II 3 (Храм в Пафосе на Кипре)

Старое предание называет строителем храма царя Эрию, некоторые же говорят, что это — имя самой богини. Более новое предание повествует, что храм был посвящен ей Кинирой и что сюда пристала родившаяся из моря богиня, но что наука и искусство гаруспиков пришли на остров извне и что принес их киликиец Тамира, что при этом было договорено, что жреческими обязанностями будут заведовать потомки той и другой фамилии. Впоследствии, для того чтобы дать царскому роду какое-либо

преимущество перед потомством пришельцев, последние отказались от науки, ими принесенной: теперь вопрошается жрец только рода Киниры. Жертвы [для гадания] посвящаются каждым по желанию, но только выбираются самцы: всего более веры во внутренности козлов. Не позволяется обливать кровью жертвенник. Возносят на жертвеннике молитвы и чистый огонь, и жертвенники никогда не мочит дождь, хотя они и находятся на открытом воздухе. Статуя богини не имеет человеческого образа; это — цельный круглый камень, имеющий широкое основание и суживающийся кверху наподобие конуса; но чем это объясняется, не известно.

5. ***a) Paus. III 26, 1 (Афродита-«Пасифая» в контексте небесных светил)***

В той части храма [храм Ино на Лаконском побережье], которая под открытым небом, стоят медные [бронзовые] статуи, одна — Пасифаи, другая — Гелиоса. Самую же статую богини, стоящую в храме, нельзя как следует видеть из-за массы гирлянд, посвященных ей в качестве приношений. Говорят, что и эта статуя медная [бронзовая]. Течет здесь и вода из священного источника, сладкая на вкус. Пасифая — «Всесияющая» — это эпитет Луны-Селены, а не местное божество для жителей Фалам.

Ср. Verg. Aen. VIII 587—591:

...сам Паллант,
Блеща оружьем своим расписным и яркой хламидой,
Как омытый волной Океана Люцифер, боле
Прочих звездных огней любезный прекрасной Венере,
Взносит священный свой лик на небо и мрак прогоняет.

b) Aesch. frg. 44 (Иные космические лики Афродиты)

Ср. «Теогония и космогония», «Система», § 14 k.

c) Eur. Hipp. 447 слл. (О распространении Афродиты по эфиру и в море)

d) Apul. Met. IV 28 (Афродита из глубины моря)

И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенистая волн воздвигла, в виде особой божественной милости вращается в толпе людей, или же заново, из нового семени светил небесных, не море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

См. § 22.

e) Apul. Met. IV 31 (То же, — о свите Венеры)

Сказав так и поцеловав полуоткрытыми устами сына, идет она к заливному краю побережья. Едва ступила она розовыми ступнями на поверхность шумящих волн, как вот уж и села на влажном гребне. И только явилось желание, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: налицо и Нереевы дочери, хором поющие, и Портун[2] со всклокоченной синей бородой, и Салация[3], держащая рыб у груди, и маленький возница дельфинов Палемон[4]. Вот из моря выпрыгивает стадо Тритонов, что в звучную раковину нежно трубят; другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало; третий к глазам госпо-

Праксителъ. Афродита Книдская

жи подносит зеркало; прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану.

f) Himer., ecl. XVIII 2 (О явлениях в природе при рождении Афродиты)

Тотчас остановилось море и установило тишину, волнуясь нежными волнами вокруг родившейся.

g) IL. III 54 сл. (Дары Афродиты, — слова Гектора Парису)

Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.

h) IL. V 330 сл. (Афродита не из мощных богинь)

...Тот же [Диомед] Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных.

i) IL. V 428—430 (То же)

Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят.

j) IL. XXII 470—472 (Дар Афродиты, — об Андромахе)

Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Гетиона, отдавши несметное вено.

k) Paus. I 1, 5 (Афродита в окружении рожениц)

...Тут [на мысе «Колиас»] есть статуя Афродиты Колиады и так называемых богинь Генетиллид — «покровительниц родов».

l) Paus. IX 16, 3 (Древние названия Афродиты)

У фиванцев есть такие древние статуи Афродиты, что их считают принесенными еще Гармонией, и говорят, будто они сделаны из деревянных украшений, бывших на передней части кораблей Кадма. Этих статуй три: одну называют Уранией, другую Пандемос, третью Апострофией. Эти названия Афродиты дала Гармония: Урании — от чистой любви, чуждой похоти; Пандемос — от чувственных деяний; Апострофии — чтобы отклоняла человеческий род от незаконных желаний и преступных дел.

m) Paus. III 23, 1 (Афродита вооруженная)

Храм [на острове Кифере] Афродиты Урании считается самым священным, и из всех существующих у эллинов храмов Афродиты он самый древний. Статуя же самой богини деревянная и представляет ее вооруженной.

n) Athen. XIII 571 c—d (Афродита Гетера)

О ней [об Афродите Гетере] так говорит афинянин Аполлодор [FHG I 431]: «Афродита Гетера — это та, которая сводит «друзей»-«гетер», т. е. подруг. Свободные женщины и девицы еще ведь и теперь зовут милых близких «гетерами», как и Сафо [frg. 11]: «Эти наслаждения я прекрасно воспою теперь моим гетерам». И еще [frg. 31]: «Латона и Ниоба были весьма любезными гетерами».

o) Anton. Lib. 1 (Афродита Ктесилла)

В Юлиде, на Кеосе, родилась Ктесилла, дочь Алкидаманта. Во время Пифийских игр увидал афинянин Гермодор ее пляску в хороводе вокруг алтаря храма Аполлона в Картее и влюбился в нее. Сделал он на яблоке надпись и бросил его в храм Артемиды. Подняла его дева и прочла надпись, где клялась выйти замуж за афинянина Гермодора. Зарделась Ктесилла и в сердцах швырнула яблоко, как и обманутая Аконтием Кидиппа. Гермодор стал свататься к Ктесилле. Отец ее обещал ему ее руку и, в знак клятвы Аполлоном, коснулся рукой посвященного ему лавра. Но кончились Пифийские игры — забыл Алкидамант о своем слове и выдал дочь за другого. Брачную жертву в храме Артемиды приносила молодая, когда вбежал туда убитый горем, разочарованный Гермодор. Заметила его новобрачная, и по воле богов страстная любовь запылала в ее сердце. Подговорила она свою кормилицу, тайно от отца отплыла в Афины и сделалась любовницей Гермодора. Забеременела Ктесилла, но по воле богов умерла от тяжелых родов, — отец ее пре-

ступил клятву. На погребальный одр положили ее труп и понесли хоронить. Но тело Ктесиллы исчезло, и из носилок вылетела голубка. Гермодор вопросил оракул, и он повелел ему построить в Юлиде храм Афродиты Ктесиллы. Подобный ответ дал он и кеосцам. Они приносят ей жертвы и доныне, одни, как юлидяне, — под именем Афродиты Ктесиллы, прочие — Ктесиллы Гекаэрги.

р) Herod. I 199 (Вавилонское происхождение некоторых сторон культа Афродиты)

У вавилонян есть, однако, следующий отвратительный обычай. Каждая туземная женщина обязана раз в жизни иметь общение с иноземцем в храме Афродиты. Многие женщины, гордые своим богатством, не желая смешиваться с другими, отправляются в храм и там останавливаются в закрытых колесницах. За ними следует многолюдная свита. Большинство женщин поступает следующим образом. В святилище Афродиты садятся в большом числе женщины с веревочными венками на головах. Одни из них приходят, другие уходят. Между женщинами во всевозможных направлениях сделаны совершенно прямые проходы. По ним ходят иноземцы и выбирают себе женщин. Севшая здесь женщина возвращается домой не раньше, как иноземец бросит ей монету на колени и сообщится с ней за пределами святилища. Бросивши женщине монету, следует сказать: «Приглашаю тебя во имя богини Милитты». Милиттою называют ассирияне Афродиту. Как бы мала ни была монета, женщина не вправе отвергнуть ее, потому что деньги принадлежат божеству. Она следует за первым, бросившим ей деньги, и не пренебрегает никем. После общения и, следовательно, выполнения священного долга богине женщина возвращается домой, и с этого времени нельзя иметь ее ни за какие деньги. Женщины, выдающиеся красотой и сложением, уходят из храма скоро. Все некрасивые остаются там долго, потому что долго не удается им исполнить свою обязанность по отношению к богине. Иные должны

Венера Милосская

ждать по три и по четыре года. Подобный обычай существует и в некоторых местах на Кипре.

q) Plut. d. Lyr. 6 (Оргии «сирийской богини»)

Видел я в Библе великое святилище Афродиты Библосской, в котором справляются оргии в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и перестают плачи, приносят жертву Адонису, как умершему, и на следующий день рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис. Если же какая-нибудь женщина не захочет остричь свои волосы, то ее подвергают следующему наказанию: в течение одного дня она должна стоять на площади и продаваться; доступ на площадь тогда открыт только иностранцам, а плата, получаемая от них женщиною, приносится в дар Афродите.

r) Clem. Alex. Protr. II 14, 2 (p. 12, 22 St.) (Свобода пола)

«Пеннорожденная» и «кипророжденная», любовница Кинира (я имею в виду Афродиту, ту, что «любит половые члены, потому что из полового члена появилась», так что когда последний был отрезан у Урана, то он все еще был достаточно похотлив, чтобы произвести насилие над волной), поскольку она является плодом, достойным наших распутных частей тела, то в таинствах этого морского наслаждения, в знак такого ее происхождения, даются посвященным в это блудное искусство крупинка соли и фаллос. Посвященные вносят ей деньги, как любовники — гетере.

Ср. Clem. Alex. Protr. II 13, 2 (p. 12, 10 St.):

Меня никогда не обманул бы кипрский островитянин Кинир, который осмелился с ночи перенести на день блудные оргии Афродиты, гордясь тем, что начал обоготворять в них свою распутную согражданку.

s) Athen. XIII 573 c—574 b

Как повествует Хамелеон Гераклейский в сочинении о Пиндаре, в Коринфе существует такой обычай: когда город обращается к Афродите с мольбой о больших делах, к этому молению присоединяются в большом количестве гетеры и воссылают свои мольбы богине, причем в дальнейшем они остаются уже у жрецов. Так, напр., когда Перс вел войско против Греции, то коринфские жрецы, как рассказывают Феопомп и Тимей в VII книге [своего сочинения], тоже молились о спасении Греции, придя в храм Афродиты [ср. Schol. Pind. Ol. XIII 32]. Когда же было исполнено то, о чем молились, то частные лица упрашивали богиню отпустить этих гетер прочь. Имея в виду такой обычай, Ксенофонт Коринфский, придя на состязание в Олимпию, тоже просил богиню, после одержания победы, отпустить гетер. Пиндар же в честь этого Ксенофонта написал сначала энкомий, который начинался так: «Воссылая хвалу триждыпобедному дому...», а потом и сколий, который воспевался при жертвоприношении. Начало его он тоже посвятил гетерам, которые участвовали в жертвоприношении, когда туда прибыл Ксено-

фонт и приносил жертвы. Пиндар поэтому писал: «О госпожа Кипра, сюда в некую рощу Ксенофонт, размягченный от сильного волнения, привел стоголовое стадо пасущихся дев». Начал же он свою песню так [Pind., frg. 136]: «О гостеприимные девушки, прислужницы Пейфо в богатом Коринфе! Вы, которые возжигаете златовидные слезки зеленого ладана, часто воспаряя вашим умом к небесной матери Эротов, Афродите, свыше дающей вам, девочки, превыше всякого извинения срывать плоды нежной зрелости на ваших дивных ложах. Ведь прекрасное, что бы то ни было, соединяется с необходимостью». После же такого начала своей песни он продолжал: «Но я удивляюсь тому, что скажут мне господа Истма относительно моих слов, сказанных в качестве вступления к сладкозвучному сколию, <связующему меня> с общими женами».

Афродита Капитолийская. Римская мраморная копия с оригинала Каллимаха

t) Strab. VIII 6, 20 (Коринфский храм Афродиты и посвященные Афродите публичные женщины)

Храм Афродиты был так богат, что имел в качестве прислуги более тысячи гетер, которых посвящали богине мужчины и женщины. Благодаря этому обстоятельству город делался многолюдным и богатым, потому что моряки охотно тратили здесь деньги, почему пословица говорит: «Не всякому плавание в Коринф идет впрок». Упоминается даже изречение какой-то гетеры, которая на упрек женщины в праздности и в том, что она не прядет шерсти, отвечала: «Как я ни ленива, а все-таки сокрушила в столь короткое время три станка» [istos и «станок», и «мачта»], желая обозначить этим три корабля моряков.

Ср. Strab. XVI 1, 20 (из ассирийских обычаев):

Во главе каждого племени стоят три рассудительных человека, которые входят в середину толпы годных к вступлению в брак девушек, извещая о женихах через глашатаев, причем прежде всего поименовываются наиболее достойные девицы. Таким способом заключаются там браки. После каждого сообщения они поднимаются с постели каждый особо для окуривания себя; рано утром омываются прежде, чем прикоснуться к какому-нибудь сосуду. Действительно, ванна у них в обычае как после прикосновения к трупу, так и после полового сообщения. Для всех вавилонских женщин существует, в силу изречения оракула, такой обычай: отправившись в большой толпе и с большими церемониями в какой-нибудь храм Афродиты, они сообщаются с иностранцами. Каждая из них имеет при этом на голове веревочную повязку. Подходящий к ней кладет ей на колени столько денег, сколько, ему

кажется, подобает, отводит ее далеко от священного участка и общается с нею, а деньги посвящаются Афродите.

ПОЭТЫ ОБ АФРОДИТЕ

6. *a) Mimnerm. frg., 1 Bepec.*

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе.
Сладок лишь юности цвет и для мужей, и для жен.
После ж того, как наступит тяжелая старость, в которой
Даже прекраснейший муж гадок становится всем,
Дух человека терзать начинают лихие заботы,
Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,
Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.
Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!

b) Theogn. 1386—1389 Bepec.

О Киферея-Киприда, искусная в кознях, могучим
Даром тебя одарил Зевс, отличая тебя.
Ты покоряешь умнейших; и нет никого, кто настолько
Был бы могуч или мудр, чтобы тебя избежать.

c) Sapph., frg. 1 PLG

Радужнопрестольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознедейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжалься, богиня!

Ринься с высей горних, — как прежде было:
Голос мой ты слышала издалече;
Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчее небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, несла ее быстрым лётом,
Крепкокрылая, над землею темной
Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сафо! — слышу: — вот я! О чем ты молишь?
Чем ты болеешь?

Что тебя печалит и что безумит?
Все скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я
Милой под иго?

Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —
И безответно...»

О, явись опять по молитве тайной —
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась в ратоборстве нежном,
Мне на подмогу!

d) Sapph., frg. 7. 9. 10

Белую козу принесу я в жертву,
И на твой алтарь возлиять я стану...

Я твои дела величала лирой;
Слава дел твоих мне хвалу стяжала...

Дай, златовенечная Афродита,
По сердцу мне вынуть желанный жребий!

e) Sapph., frg. 44

Из Фокеи тебе фаты,
Афродита, пурпурные!
Ты честных не отринь даров.

f) Sapph., frg. 57[a]

В злате приспешница
Блещет Афродиты.

g) Sapph., frg. 59

Что кличешь щедрую
Афродиту, Сафо?

h) Sapph., frg. 87

Рассказала свой сон
Сафо Киприде.

i) Sapph., frg. 56

Кипр ли твой престол, иль Пафос, Панорм ли, —
К нам, на пир подруг, низойди, Киприда,
И сама разлей в золотые чаши
Нектар небесный,

Растворен весельем и легкой негой...

7. a) Aesch. frg. 44 (Космическая власть Афродиты)

Ср. § 23.

b) Aesch. Suppl. (1031—1051, 1045—1053 Пиотр.) (Власть Афродиты и ее окружение)

Не презренен нам Киприды строй приглядный,
Рядом с Герой правит властью Афродита.
Многокозненна богиня,
Но дела ее чудесны.
Рядом с матерью улыбчатой приходят
Страсть и Нежность, нимфа Ласка, Лепет сладкий
И Гармония — служанка
Афродиты, и Эротов
Шепот вкрадчивый и робкий.

<...>*

Пусть примчится сын, что огнем пылает,**
Нимф и граций хор, пояса откинув, —
Младость пусть спешит, лишь тобой приветна,
Пусть и Меркурий.

e) Tibull. I 2, 15—28

Ты между тем обмануть не бойся, Делия! стражу.
Надо дерзать; храбрецам в помощь Венера сама.
Любо ей, ежели юношу новый порог привлекает
Иль отверзает ключом вложенным девушка дверь.
Учит украдкой она подыматься с мягкого ложа,
Учит и ногу она ставить, ничуть не шумя,
Учит при муже она прибегать к выразительным взглядам,
Нежные речи свои в знаках условных скрывать.
Учит, однако, не всех, а тех, кто ленью не связан,
Коим и в темную ночь страх не мешает вставать.
Не дозволяет она набежать какому, чтоб тело
Ранить мечом, иль, схватив за полу, денег искать.
Кто во власти любви, ступай, куда пожелает,
Безопасен и свят, и не страшися засад...

9. Anthol. Pal. V 133 (Квинт Мекий — Афродите)

Клялся я силой твоею, Киприда, с Гедилион розно
Эти две ночи проспать. Но, я уверен, сама,
Зная несчастье мое, ты смеялась. Не в силах другую
Ночь я терпеть и готов клятвы на ветер пустить.
Лучше преступником стать ради милой, чем, помня о клятвах,
Данных тебе, погубить из благочестия жизнь.

Ibid. V 169 (Асклепиад — сладость любви)

Сладок холодный напиток для жаждущих в летнюю пору;
После зимы морякам сладок весенний эфир;
Слаще, однако, влюбленным, когда, покрываясь одною
Хленою[6], оба вдвоем славят Киприду они.

Ibid. V 170 (Носсида — о любви)

Слаще любви — ничего. Остальные все радости жизни
Второстепенны; и мед губы отвергли мои.
Так говорит вам Носсида: кто не был любим Афродитой,
Тот не видал никогда цвета божественных роз.

Ibid. V 191 (Мелеагр — неизвестной)

Звезды и месяц, всегда так чудесно светящий влюбленным!
Ночь и блужданий ночных маленький спутник-игрун!
Точно ль на ложе еще я застану прелестницу? Все ли
Глаз не смыкает она, жалуясь лампе своей?

---

* Утрачены § 7 c, d — Софокл, 7 e—h — Еврипид, 7 i — Феокрит, 7 j — Бион, 8 a — Лукреций, 8 b — Овидий, 8 c — Вергилий, 8 d — часть Горация. Carm. I 30 Комментарий 5 относится к утраченному тексту *(А. А. Тахо-Годи)*.

** Сохранился конец оды Горация I 30.

Афродита Книдская. Римская копия с оригинала Праксителя

Или другой обнимает ее? О, тогда я у входа
Этот повешу венок, вянущий, мокрый от слез,
И надпишу: «Афродита, тебе Мелеагр, посвященный
В тайны твои, отдает эти останки любви».

Ibid. V 196 (Мелеагр — Зенофиле)

Прелести дал Зенофиле Эрот, Хариты — любезность;
Пафия с поясом ей власть над сердцами дала.

Ibid. V 199 (Гедил — приношение Киприде)

Сила предательских кубков вина и любовь Никагора
К ложу успели вчера Аглаонику склонить.
Нынче приносится ею Киприде дар девичьей страсти,
Влажный еще и сейчас от благовонных мастей:
Пара сандалий, грудные повязки — свидетели первых
Острых мучений любви, и наслажденья, и сна.

Ibid. VI 162 Кондр. (Мелеагр)

Кипра богиня! Тебе Мелеагр игр любовных подругу —
Лампу свою посвятил, стража у таинств твоих.

Ibid. IX 144 (Анита — на статую Афродиты)

Это участок Киприды. Отсюда приятно богине
Видеть всегда пред собой моря зеркальную гладь;
Ибо она благосклонна к пловцам, и окрестное море
Волны смиряет свои, статую видя ее.

Ibid. IX 320 (Леонид Тарентский — Афродите в Спарте)

Молвил однажды Киприде Еврот: «Одевайся в доспехи
Или из Спарты уйди! Бредит наш город войной».
Но, усмехнувшись, сказала она: «Как была безоружной,
Так и останусь, а жить все-таки в Спарте хочу».
Нет у Киприды доспехов; бесстыдники лишь утверждают,
Не знатоки, будто здесь ходит богиня в броне.

Ibid. IX 321 (Антимах — на статую вооруженной Киприды)

Чуждая войнам, зачем взялась ты за Ареево дело?
Кто, о Киприда, тебя ложно в доспехи облек?
Сердцу милы твоему лишь Эроты да радости ложа,
Любишь кроталов ты треск, воспламеняющий страсть.
Дай же Тритонской богине копье, обагренное кровью,
И с Гименеем опять, богом кудрявым, дружи.

Ibid. IX 332 (Носсида — дар гетеры)

Сходимте в храм и посмотрим на статую в нем Афродиты:
Чудной работы она, золотом ярко блестит
Дар, принесенный богине гетерою Полиархидой,
Много стяжавшей добра телом прекрасным своим.

Ibid. X 21 (Филодем — молитва Киприде)

Киприя, тишь Океана, связуемых браком подруга,
Правых союзница, мать быстрых, как буря, страстей!
Киприя, мне, из чертога шафранного взятому Роком,
Спасшему душу едва в вихре кельтийских снегов,
Мне, тихонравному, вздорных ни с кем не ведущему споров,
Морем багряным твоим ныне объятому, дай,
Киприя, в пристань ведущая, к оргиям склонная, целым
И невредимым скорей в пристань прийти Наяко!

Ibid. XII 86 Кондр. (Мелеагр)

К женщинам пламя любовное Кипра богиня внушает,
К юношам, юноша сам, страсть направляет Эрот.
Мне же, на сторону матери ль, сына ли стать? Да уж что тут!
Скажет Киприда сама: «Дерзкий мальчишка взял верх».

Ibid. XII 157 Кондр. (Мелеагр)

Судно я; полный хозяин Киприда на нем; наблюдая,
Твердой рукою Эрот держит души моей руль.
Бурей бушует жестокая страсть; ведь теперь во всеобщем
Море я юной любви плаваю, к ним всем стремясь.

Ibid. XII 167 Кондр. (Мелеагр)

Буря бушует, Мииск, и меня к тебе гонит свирепо,
Шумной толпой захватив, сладостно-горький Эрот.

Афродита Медицейская

Тяжкою бурей бушует и Страсть; но меня в свою гавань,
В верную пристань, прими, в море Киприды пловца.

Ibid. XVI 182 (Леонид Тарентский — об «Афродите Анадиомене» Апеллеса)

Киприду, вставшую сейчас из лона вод
И мокрую еще от пены, Апеллес
Не написал здесь, нет! — воспроизвел живой,
Во всей ее пленительной красе. Смотри:
Вот руки подняла, чтоб выжать волосы,

И взор уже сверкает страстью нежной,
И знак расцвета — грудь кругла, как яблоко.
Афина и жена Кронида говорят:
«О Зевс, побеждены мы будем в споре с ней!»

ФИЛОСОФЫ ОБ АФРОДИТЕ

10. a) Parmenid. D. frg. B 13 — Arist. Met. I 4, 984 b 23

Можно предположить, что Гесиод первый стал искать нечто в этом роде, а также — если еще кто принял для вещей любовь или страсть в качестве начала, — как, например, [поступил] Парменид: ведь и он, устанавливая возникновение вселенной, замечает: «Всех богов первее Эрот был ею замышлен».

См. также Plut. Amat. 13:

Поэтому-то Парменид объявляет Эрота старейшим из дел Афродиты, [а именно], он пишет в своей космогонии: «Раньше всех богов она создала Эрота».

См. также Simplic. in Phys. 39, 18:

Он утверждает, что она является также виновницей [рождения] богов, [а именно], он говорит: «Раньше всех богов она создала Эрота». Также он утверждает, что она посылает души то из видимого [мира] в невидимый, то обратно.

b) Empedocl. D. frg. B 17 = Simpl. in Phys. 157, 25

Ибо то из многого срастается единство, то, наоборот, из единого прорастает многое: огонь, и вода, и земля, и неизмеримая высь воздуха; вне их — губительная Вражда, уравновешивающая каждую из них, а среди них — Любовь, равная в длину и ширину. Ее ты созерцай умом, а не сиди в ослеплении. Она-то считается врожденною смертным членам, благодаря ей у них [т. е. у людей] являются дружелюбные помыслы, и совершают они дружные дела, прозывая ее Гефозиной [радостью], а также Афродитой [наслаждением]. Ни один смертный человек не познал, что она распространяется среди стихий; ты же внемли нелживому течению моей речи. Все они [т. е. стихии] равны и одновременны по происхождению, но одна выполняет одно назначение, другая — другое, и каждая обладает особым свойством, и поочередно господствуют они в круговращении времени. Ведь к ним ничто не прирождается, и ничто [из них] не прекращает существования, так как если бы они беспрерывно уничтожались, то их бы уже более не было; да кроме того, какая и откуда взявшаяся сила возрастила бы [оскудевшую] вселенную? Итак, они остаются теми же самыми, но, проницая друг друга, в одном месте становятся одной вещью, в другом — другой, оставаясь вечно подобными [сами себе, т. е. тождественными].

c) Empedocl. D. frg. 22 = Simpl. in Phys. 160, 26

...Все они [стихии], — и лучезарное солнце, и небо, и земля, и море, — дружны всеми своими частями, какие только, отпрянув от них, ни существуют в тленных вещах. Точно так же и все те [разнородные стихии, а не только части одной и той же стихии], которые более способны к

смешению [между собою], будучи уподоблены [друг другу] Афродитой, одержимы взаимным любовным влечением. Наиболее же враждебные наиболее и различаются между собой естественными свойствами, способами соединения, а также и выраженными в них видами, будучи совершенно непривычны к совокуплению и крайне беспомощны против внушений Вражды, так как она-то и наделила их такими свойствами.

d) Empedocl. D. frg. B 27 = Plut. De fac. lun. 12

...Ни земля не была причастна теплоте, ни вода — воздуху, и [вообще] ничто из [лежащего] внизу — легкому, но начала вселенной [были] не смешанными, чуждыми любви и едиными... до тех пор, пока не пришло к природе вожделение из врожденной мудрости Дружбы, Афродиты и Эрота, как говорят Эмпедокл, Парменид и Гесиод.

e) Xen. Conv. VIII 1, 9

1) «Не следует ли нам, друзья, — сказал он, — вспомнить о великом боге, пребывающем у нас, который по времени ровесник присносущим богам, а по виду всех моложе, который своим величием объемлет весь мир, а в душе человека помещается, — об Эроте, тем более что все мы — почитатели его?»

9) Одна ли Афродита или две — Небесная и Всенародная, — не знаю: ведь и Зевс, по общему признанию один и тот же, имеет много прозваний; но что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и храмы и приносятся жертвы, — для Всенародной менее чистые, для Небесной более чистые, — это знаю.

f) Plat. Conv. 180 d—e

Всем известно, что Афродиты без Эрота не бывает. Если бы Афродита была одна, один был бы и Эрот. Но так как Афродит две, то должны быть и два Эрота. А богинь-то разве не две? Одна — старшая, матери не имеющая, дочь Урана; ее мы и называем Уранией [Небесной]. Другая — младшая, дочь Зевса и Дионы; ее мы называем Пандемос [Всенародной]. Отсюда неизбежно следует: того Эрота, который содействует второй Афродите, правильно называть Всенародным, а другого — Небесным.

g) Plot. III 5

См. § 23.

Б. ЭРОТ

Античная Афродита немыслима без Эрота. Тем не менее культ Эрота в собственном смысле был распространен очень мало; главными местами почитания являлись только беотийские Феспии (где это божество носило стихийно-производительный характер; ср. указание в § 11 а, что родителями Эрота были Гермес итифаллический и хтоническая Артемида) и Парион на Геллеспонте (другие места еще менее значительны). У Гомера Эрот еще не назван. Гомер говорит не об Эроте, но о *Потосе* (IL. XVII 439, см. греч. подл.) или Гимеросе (IL. III 446), причем первый есть страсть к отдаленному, а второй — к близкому предмету (о различении ср. § 24

Венера Каллипига

с); но ни то ни другое не есть мифическое существо. Об Эроте впервые читаем у Гесиода (Theog. 116 слл.), у которого он является *космогоническим* началом, возникая сейчас же после Хаоса и Геи, без родителей (см. «Теогония и космогония», «История», § 7). Однако Гесиод едва ли особенно сознательно относится к космогоническому Эроту, поскольку не показывает его космогонических функций на деле. И где в этом отношении Эрот действительно получил большую разработку, это — у *орфиков*. Мы уже знаем («Теогония и космогония», «Орфики»), что Эрот появляется здесь непосредственно из Мирового яйца, получая даже название Фанета и Эрикепая («Теогония и космогония», «История», § 45 c). Далее, если Эпименид говорит только об Яйце, то Ферекид (§ 12) прямо превращает Зевса в Эрота для демиургических целей, имея в виду всеобщую связь и согласованность. Из Aristot. Met. I 4 (984 b 23 сл.) мы знаем, что, по Пармениду (§ 10 a), «раньше всех богов он [или оно?] насадил [замыслил] Эрота». Подлежащее в этом последнем предложении неизвестно.) По Plat. Conv. (178 c, это — Происхождение (Генесис), по Plut. Amat. 12 — Афродита, по другим — Демон, Правда, Необходимость и пр. По только что цитированному месту у Платона, «с Гесиодом согласен и Акусилай, указывающий, что после Хаоса произошли эти двое: Гея и Эрот». По другому сообщению (Schol. Theocr. arg. XIII), впрочем, Акусилай считал Эрота сыном Ночи и Эфира или (Damasc. 124) началом, возникающим вместе с Эфиром и Метис из Хаоса, Эреба и Ночи. Нельзя также не напомнить и того, что, по Эмпедоклу, космогоническая стихия «дружбы» носит очень определенно половой характер и им самим именуется как Афродита (§ 10 b—d), в то время как Plut. Amat. 12 прямо называет ее Эротом. Что Эрот играет существенную роль также в аристофановской версии, мы уже знаем (см. «Теогония и космогония», «Орфики» § 32). Это — «иерофант мистерий», «демиург», превративший Хаос и Ночь в ясный Свет (Luc. Am. 31). Резюме всех этих материалов о *космогоническом* Эроте можно найти в словах Федра в платоновском «Пире» (178 a—c), развивая их в направлении натурфилософской речи Эриксимаха. Но был еще и другой Эрот, не «древний» (как его называет Luc. Salt. 7) и не «отец Огигиевых времен» (Luc. Am. 37), но — «юнейший бог» и — обычно — сын Афродиты и Ареса (§ 11 a). Если то, что приводит Платон об Эроте из гомеридов (§ 13 a), сочинено, может быть, им самим, и если у Архилоха все еще нет Эрота как мифического существа (ср. frg. 85 и 103), то уже у Алкмана (§ 13 b) он — резвящийся мальчишка, лазя-

щий по цветам, у Алкея — сын радуги Ириды и златокудрого ветра Зефира (§ 13 d) (последняя генеалогия весьма характерна для Эрота как в отношении отца, так и матери), а у Сафо (§ 13 g) он слетает с неба в алой хламиде (и значит, тоже имеет крылья). У Сафо он «разрешитель забот», «сладко-горький», «дающий страдание», «дающий речи искусный оборот». У Ивика (§ 13 h, i) Эрот уже пылает всеми эротическими красками, заслуживая по этому самому брань от Симонида (§ 13 j) и восторженное воспевание у Феогнида (или у тех, кто сохранился для нас под этим именем, § 13 к, I). Анакреонт сделал Эрота популярнейшим символом повседневной любовной жизни с ее наслаждениями, тоской, восторгами и отчаяниями. Эрот рубит Анакреонта, как кузнец, огромным молотом, бросая его в холодную ванну; он играет бешенством и смятением как в кости; он играет и резвится вместе с Дионисом рядом с Нимфами и Афродитой (§ 14 a) и т. д. Для характеристики этой стороны отношения к Эроту, имевшей столь большое культурно-историческое значение во все времена, мы приводим не только Анакреонта, но и соответствующие образцы так наз. «анакреонтики» (§ 14 b), включая и эпиграмматистов (§ 15). Из последних особенно обращает на себя внимание поэзия Мелеагра (I в. до Хр. э.), которая знает замечательно тонкого Эрота, сладострастного и меланхолического одновременно (ibid.). Из неаттических писателей необходимо упомянуть о Пиндаре, который странным образом почти игнорирует Эрота как мифическое существо. Употребляя множественное число — erotes, он понимает это вообще как любовные дела (ср. Pind. Nem. XI 48, III 29), и только в Nem. VIII 5 Эроты понимаются как «стражи даров Киприды», а в frg. 87, 3 Афродита Небесная — «мать Эротов». Но и здесь персонификация чрезвычайно бледна.

Венера из Капуи

Что касается аттических поэтов, то ни у Фриниха (§ 16 a), ни у Эсхила (§ 7 b, с персонификацией Потоса в § 7 b и Гимероса в Prom. 649), собственно говоря, нет настоящей персонификации Эрота. Более живая мифология Эрота у Софокла (§ 16 c), у которого недостаток образности в этой фигуре возмещен силой его универсального значения. Еврипид — певец Эрота. Он не только выдвигает его силу вообще (§ 16 e—i), но он

распространяет ее и на богов и на всю природу (§ 16 d, i, n). «Этот пестрокрылый» (Hipp. 1270 в § 16 e), «златосветлый» (ibid. 1275) «златоволосый» (Iph. A. 549 в § 16 f), «ключник дражайших спален Афродиты» (Hipp. 539), «любящий зеркала и желтизну волос» (frg. 322, § 16 k) был очень понятен изнеженной и утонченной душе Еврипида. Любопытно отметить, что лук впервые приписывается Эроту именно у Еврипида, хотя и здесь он все еще не есть атрибут в собственном смысле слова, но скорее некоторое поэтическое сравнение (§ 16 g, h, Her. 109; Hipp. 530 в § 16 d). У Аристофана (§ 17 a, b) это популярное представление об Эроте — покровителе каждой любящей пары — укрепляется. В дальнейшем эта эротическая игривость с луком и стрелами становится общепринятой, и прежде всего у александрийцев (§ 18).

Римляне с своим Амуром (Amor) и Купидоном (Cupido) не внесли в эту концепцию ничего нового. Они тоже как будто различают Амура и Купидона (наподобие греческих различений Эрота, Потоса, Гимероса), как, напр., Plaut. Curc. I 1, 3: «Венера и Купидон повелевают, Амур советует». Но, в общем, различение это несущественное, и Венера — как мать Амура, так и «суровая мать Купидонов» (Hor. Carm. I 19, 1). Купидон — тоже с луком и стрелами (напр., Plaut. Pers. I 1, 25; Ov. Met. V 366). Весьма полезно различение Цицероном (§11 a) трех Купидонов (сына Меркурия и Артемиды, сына Меркурия и Венеры, сына Марса и Венеры). Гораздо интереснее и тоньше популярно-римских Амура и Купидона позднеантичная концепция, своего рода античное декадентство, выдвигающее на первый план стихию искусства, а в самом искусстве ценящее набухшие, перезрелые, пышащие жизнью формы. Таковы изображения Филострата Старшего (§ 19 b) и Каллистрата (§ 19 a).

Наконец, не было недостатка и в *теориях* Эрота. После натурфилософских концепций у досократиков (§ 10) мы имеем замечательную картину афинских взглядов IV в. на Эрота, нарисованную нам Платоном. Семь речей об Эроте в его «Пире» дают самое яркое представление о том, что такое Эрот для классической античности. Из них наиболее яркие в этом смысле речь Агафона и речь Сократа (§ 20 b). Глубокомысленные рассуждения на эту тему — у Плотина (§ 23).

ЗНАЧЕНИЕ И ТИПЫ

11. a) Cic. De nat. deor. III 23, 60 (Разные Эроты)

Первый Эрот — сын Гермеса и первой Артемиды[7]. Второй — сын Гермеса и второй Артемиды[8]. Третий — он же и Антерос — сын Ареса и третьей Афродиты[9]. Все эти домыслы собраны из старинных сказаний греческих; им, как ты сам понимаешь, следует противостоять, чтобы не внести беспорядка в область религиозного почитания. Ваши же сторонники не только не опровергают этих вымыслов, но даже подтверждают их своим толкованием, куда они клонятся. Но вернемся к тому, откуда они уклонились.

b) Cornut. 25 (Резюме об Эроте)

Нет ничего несуразного в том, что если Афродита такова, то вместе с ней почитается и соприсутствует Эрот, причем большинство сообщает, что он — сын Афродиты, будучи: *мальчиком*, ввиду того, что любящие об-

Присевшая Венера

ладают несовершенной и легко впадающей в обман мыслью; *крылатым*, с другой стороны, потому, что он делает людей легкомысленными, или потому, что он влетает в ум сразу, как птица; *стрелком* же потому, что те, кто взят им в плен, страдают от него, как от удара, и только от одного его вида, без приближения к красивым предметам и без прикасания к ним, но путем созерцания их издали. Ему дается и светильник, потому что он, как всем известно, воспламеняет души. Достоверно, что Эротом он называется от разыскивания влюбленных (eromenon), потому что «искательству» (zetein) соответствует erein [разыскивать, расспрашивать], как сказано (Od. XXI 22): «Ифит отыскивал (ereon) также пропажу коней». Отсюда же, думаю, получило свое название и eregna [разыскивание, исследование]. Кроме того, сообщают, что Эротов много — ввиду хитроумности влюбленных и ввиду того, что Афродита является начальником хора для множества подобных спутников. Еще называют Гимера, получившего имя или от стремления (hiesthai) и склонности вкушать зрелые плоды, или по сходству с потерей ума в минуты поглупения (memorosthai), Потоса же — имея в виду поцелуи... Некоторые же полагают, что и весь мир есть Эрот, будучи прекрасным, прелестным, юным и вместе самым старым изо всего, пользующимся множеством огня и совершающим быстрое движение, как будто в силу стрельбы из лука или благодаря крыльям.

12. a) Plat. Conv. 178 a—e (Эрот космогонический)

Великий бог Эрот и достойный удивления среди людей и богов как и во многом ином, так, преимущественно, по своему происхождению. Ведь почетно то, что этот бог среди богов самый старший. Доказательством этого служит следующее: родителей Эрота не существует и о них не говорит ни один прозаик, ни поэт. Гесиод удостоверяет, что сначала произошел Хаос,

...а затем
Гея с широкой грудью, седалище всех безопасное вечно,
И Эрот.

С Гесиодом согласен и Акусилай, указывающий, что после Хаоса произошли эти двое: Гея и Эрот. А Парменид говорит о Происхождении; что оно

Прежде всего из всех богов замышляет Эрота.

Таким образом, со стороны многих подтверждается, что Эрот является самым старшим из богов.

b) Plat. Conv. 186 a (Всеобщий Эрот)

Но Эрот существует не только в человеческих душах, в стремлении их к прекрасному, он существует также и во всем прочем, в его стремлении

ко многому иному: в телах всех животных, в растениях, короче сказать, во всем сущем.

c) Nonn. VII 1—6 (Эрот в природе)

Вновь растущим плодом уже жизни, вечно текущей
Семя мужское смесив, родильное с женской браздою,
Незасеянный космос вспахал Эрот, любви земледелец.
И утвердилась природа сама, бесконечное лоно рождений;
Огнь с землею смесив и с воздухом связную воду,
Сформировала род людской четверкою связи.

d) Procl. in Tim. 32 c (II 54, 28 D.) (Превращение Зевса в Эрота в целях демиургии)

Ферекид говорил, что Зевс, намереваясь быть демиургом, превратился в Эрота, потому что, составивши, как известно, мир из противоположностей, он привел его в согласие и к любви и засеял все тождеством и единством, пронизывающим все.

Ср. Anthol. Pal. XV 24.

ЭПОС И ЛИРИКА

13. a) Plat. Phaedr. 252 b, c (Гомериды об Эроте)

Некоторые гомериды, как я думаю, из отреченных эпических произведений два стиха относят к Эроту; из них один полон большой дерзости и звучит не очень-то поэтически. Воспевают они так:

Смертные, правда, его прозывают Эротом крылатым,
Птеротом — боги бессмертные, так как он крылья питает.

b) Alcm. frg. 38 PLG Bepec.

Нет, не Афродита это. Эрос
это бешеный дурачится, как мальчик.
Сердце, берегись его! Несется по
цветущим он верхушкам кипериска...

c) Alcm. frg. 36 Bepec.

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

d) Alcaei, frg. 13 b PLG

Всех сил бессмертных юный тот бог страшней,
Кого — богиня в легких сандалиях —
От златокудрого Зефира
Радуга нам родила, Ирида.

e) Sapph. frg. 42

Не дубы, налетев,
Буйный ветер зашатал в горах:
Страсть низринулась на сердце бурей.

f) Sapph. frg. 74

Афродита говорит:
Эрос, прекрасный служитель мой.

g) Sapph. frg. 64

С неба сходит, покрыв
Плеч белизну
Алой хламидой.

h) Ibyc. frg. 1 Bepec.

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедро питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне ж никогда не дает вздохнуть
Эрос. Летит от Киприды он, —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией северный ветер
фракийский, и душу
Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

i) Ibyc. frg. 2 Bepec.

Эрос влажно-мерцающим взглядом очей своих
Черных глядит из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличавшийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

j) Simonid. frg. 26 (прозаич. пер.)

Дерзкий, коварный сын Афродиты, которого она родила злоумышленному Аресу...

k) Theogn. 1231—1234 Лос.

Скверный Эрот, воспитали тебя, овладевши, безумства.
От тебя ведь погиб Трои акрополь давно.
Сын Эгея, Тезей великий, погиб, и Аякс же
Славный погиб, Ойлиад, от преступлений твоих.

l) Theogn. 1275—1278 Лос.

В цвете также Эрот появляется, если цветами
Изобильна земля вешними в росте своем.
Кипр оставив, Эрот тогда, красивейший остров,
К людям идет, неся семя свое по земле.

14. a) Anacr. 14 B Bepec.

Мяч бросая пурпуровый мне,
Манит к играм меня Эрот
С этой резвой малюткою
В разноцветных сандальях,

Но с Лесбоса она, увы,
И не любит седых волос;

Вспоминает с тоской в душе
О кудрях золотистых.

Anacr. frg. 2 Bepec.

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита багряная,
Черноокие Нимфы
Сообща забавляются
На вершинах высоких гор, —
На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву,
Будь хорошим советником
Клеобулу. Любовь мою
Не презри, о великий царь,
Дионис многославный!

Anacr. frg. 47 Bepec.

Страшным ударом меня поразил ты, Эрот беспощадный!
Словно кузнец своим молотом, в сердце ударил и бросил
В бурный поток, разбушеванный зимним ненастьем.

b) Anacreontea 12

Хочу, хочу любить я!
Когда Эрот любовью
Хотел занять мне сердце,
Я не взял, не послушал.
Тогда сейчас он поднял
Лук с золотым колчаном
И звал меня на битву.
Я, как Ахилл, взял латы,
Копье и щит тяжелый
И стал с Эротом биться.
Он все стрелял, да мимо.
А как все стрелы вышли,
То он, уже с досады,
В стрелу сам обратился
И угодил мне в сердце.
И вот я обессилел.
Что помогли мне латы?
Снаружи нет защиты, —
Внутри бой происходит.

Ibid. 19

Эрота взяли Музы,
И, связанный венками,
Был Красоте он отдан.
Теперь Киприда ищет,
Как выкупить Эрота,
Даруя щедрый выкуп.
Пусть бога выкупают!

Пракситель. Голова Афродиты

Он, приученный к рабству,
Уж не возьмет свободы.

Ibid. 29

Гиацинтовой ветвью
Гнал меня Эрот жестокий,
Заставлял бежать с собою
Через быстрые потоки,
Чрез леса и через горы.
Пот с меня катился градом,
Сердце выскочить хотело,
И упал я, обессилев.
Тут чело мое крылами
Осенив, Эрот сказал мне:
«Ты любить уже не можешь».

Ibid. 30

Здесь на миртах мягких, нежных,
Здесь на лотосовых листьях
Лежа, я хочу упиться.
Подвяжи, Эрот, одежду
К белой шее и скорее
Подавай с вином мне кубок!
Жизнь несется так же быстро,
Как колеса колесницы;
Скоро кости распадутся,
Скоро буду грудой праха.
Для чего тогда гроб мазать,
Для чего вино на землю

Лить? — Уж лучше ты живого
Умасти меня, из роз мне
Сплети венок, подругу
Позови ко мне и прежде,
Чем вмешаюсь в танцы мертвых,
От меня возьми заботы!

Ibid. 31

Как-то раз в глухую полночь,
Как Медведица вращалась
В небе об руку с Боотом
И все племя говорящих,
Утомясь в трудах, почило,
К моему Эрот жилищу
Подошел и стал стучаться.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится?
Для чего мой сон тревожишь?»
«Отвори! — Эрот ответил. —
Я малютка; не пугайся!
Весь промок и заблудился
В темноте безлунной ночи».
Жалко стало, как услышал;
Поскорей зажег светильник,
Отпер двери и увидел
Пред собою я малютку
С луком, с крыльями, с колчаном.
К очагу его поставив,
Грел в руках ему я руки,
Выжимал ручьями воду
Из кудрей его прекрасных.
Как от холода согрелся,
«Стой, — сказал мне, — испытаем
Этот лук, а то, быть может,
Тетива поотсырела».
Натянул — и прямо в печень
Угодил стрелой, как жалом.
Сам меж тем, смеясь, запрыгал
И сказал: «Ну, поздравляю!
Лук мой вовсе не испорчен;
Ты же сердцем застрадаешь».

Ibid. 33

Эрот раз не заметил
Пчелы, заснувшей в розах,
И ею был ужален.
Почувствовав, что рана
На пальчике, заплакал
И побежал с слезами
К прекрасной он Киприде.
«Ах, матушка! — сказал он, —
Мне умереть придется.

Меня ведь укусила
Крылатая та змейка,
Что пчелкою зовется».
Она сказала: «Если
Так жало пчелки больно,
То, посуди ж, как больно,
Когда, Эрот, ты ранишь!»

Ibid. 41

Увенчавши дружно чела
Роз душистыми венками,
Пьем и весело смеемся;
А под звуки лиры дева
Нежноногая танцует,
Потрясая тирс красивый
Густо плющем оплетенный.
Мягкокудрый, нежный отрок
Под пектиду распевает,
И из уст благоуханных
Звуки стройные несутся.
И Эрот золотокудрый
С винодателем Лиэем,
И прекрасная Киприда
На отрадном пире, старцам
Сопируя, веселятся.

Ibid. 42

Розу пышную Эрота
Примешаем к Дионису,
И, прекраснолистной розой
Осенив чело, давайте
Пить и весело смеяться!
Роза — лучший меж цветами!
Роза — дар весны любимый!
Роза, милая бессмертным!
Розой даже сын Киприды,
Сотанцующий Харитам,
Кудри пышно украшает.
Вакх, венчай меня! Увитый
Роз гирляндами густыми,
С девой я высокогрудой
Понесусь под звуки лиры
Пред твоим священным храмом.

Венера Прародительница

15. *Anth. Pal. XVI 210 (Платон — спящий Эрот)*

Только в тенистую рощу вошли мы, как в ней увидали
Сына Киферы, малютку, подобного яблокам алым.
Не было с ним ни колчана, ни лука кривого, доспехи
Под густолиственной чащей ближайших деревьев висели;
Сам же на розах цветущих, окованных негою сонной,
Он, улыбаясь, лежал, а над ним золотистые пчелы
Роем медовым кружились и к сладким губам его льнули.

V 194 (Посидипп — девушке)

Сами Эроты в тот миг любовались Иренион нежной,
Как из палат золотых Пафии вышла она,
Точно из мрамора вся и с божественным сходная цветом,
Вся, от волос до стопы, полная девичьих чар.
И, поглядев на нее, с тетивы своих луков блестящих
Много Эроты тогда бросили в юношей стрел.

XVI 206 (Леонид Тарентский — «Эроту» Праксителя)

В Феспиях чтут одного лишь Эрота, дитя Афродиты,
И признают только тот образ Эрота, в каком
Бога познал сам Пракситель, в каком его видел у Фрины,
И, изваяв, ей как дань собственной страсти поднес.

V 212 (Мелеагр)

Все раздается в ушах отголосок Эрота, и слезы
Сладкие, жертва любви, падают тихо из глаз.
Сердце не знает покоя ни ночью, ни днем — постоянно
Чар пережитых следы власть сохраняют над ним.
Скоро умеете вы налетать, о крылатые боги!
Сразу ж прочь отлететь, видно, не можете вы.

V 198 (Мелеагр)

Пышные кудри Тимо и сандалии Гелиодоры,
Миррой опрысканный вход в доме у милой Демо,
Полные неги уста и большие глаза Антиклеи,
Свежий всегда на висках у Дорифеи венок, —
Нет, не осталось теперь у тебя уже больше в колчане
Стрел оперенных, Эрот! Все твои стрелы во мне.

V 147 (Он же — Гелиодоре)

Мирты с весенним левкоем сплету я и с нежным нарциссом,
Лилий веселых цветы с ними я вместе совью,
Милый шафран приплету и багряный цветок гиацинта
И перевью свой венок розой, подругой любви, —
Чтоб, охватив волоса умащенные Гелиодоры,
Он лепестками цветов сыпал на кольца кудрей.

V 214 (То же)

В мяч он умеет играть, мой Эрот. Посмотри, он бросает
Сердцем, что бьется во мне, Гелиодора, в тебя.
Страстью взаимной ответь. Если прочь меня кинешь, обиды
Не потерплю я такой против законов игры.

V 155 (То же)

Гелиодору с ее сладкозвучной чарующей речью
В сердце моем сам Эрот сделал душою души.

V 215 (То же)

Сжалься, Эрот, дай покой, наконец, мне от страсти бессонной
К Гелиодоре, уважь просьбу хоть Музы моей!
Право, как будто твой лук не умеет и ранить другого,
Что на меня одного сыплются стрелы твои.

Если убьешь ты меня, я оставлю кричащую надпись:
«Кровью убитого здесь, странник, запятнан Эрот».

V 163 (То же)

Пчелка, живущая соком цветов, отчего так, покинув
Чашечки луга, к лицу Гелиодоры ты льнешь?
Хочешь ли тем показать, что и сладких и горьких до боли
Много Эротовых стрел в сердце скрывает она?
Если пришла ты мне это сказать, то лети же обратно,
Милая! Новость твою сами мы знаем давно.

V 165 (То же)

Мать небожителей, Ночь! Об одном я тебя умоляю,
Лишь об одном я прошу, спутница наших пиров:
Если другой кто-нибудь обладает чарующим телом
Гелиодоры моей, с ней ее ложе деля,
О, да погаснет их лампа, и пусть, как Эндимион, вяло
И неподвижно лежит он у нее на груди!

V 136 (То же)

Кубок налей и опять, и опять назови дорогую
Гелиодору, с вином сладкое имя смешай!
Кудри вчерашним венком убери мне — он память о милой,
Влагой душистой мастей он до сих пор напоен.
Видишь, как роза, подруга влюбленных, слезинки роняет,
Видя ее не со мной и не в объятьях моих.

V 476 (То же)

Слезы сквозь землю в Аид я роняю, о Гелиодора!
Слезы, останки любви, в дар приношу я тебе.
Горькой тоской рождены, на твою они льются могилу
В память желаний былых, нежности нашей былой.
Тяжко скорбит Мелеагр о тебе, и по смерти любимой,
Стоны напрасные шлет он к Ахеронту, скорбя...
Где ты, цветок мой желанный? Увы мне, похищен Аидом!
С прахом могилы сырой смешан твой пышный расцвет...
О, не отвергни, земля, всеродящая мать, моей просьбы:
Тихо в объятья свои Гелиодору прими!

V 177 Кондр. (Он же — Зенофиле)

Всем объявляю о бегстве Эрота. Вот только что, утром,
Быстро с постели спорхнув, он улетел и исчез.
Мальчик он, плачущий сладко, болтливый, живой и бесстрашный,
Склонен к насмешкам, крылат, носит колчан за спиной.
Чей он, сказать не сумею: его, шалуна, своим сыном
Не признают ни Эфир, ни Океан, ни Земля,
Ибо он всем и всему ненавистен. Смотрите теперь же,
Не расставляет ли он где-нибудь сети для душ?
Э, да ведь вот он — в засаде! Меня не обманешь. Напрасно
Ты притаился, стрелок, у Зенофилы в глазах.

V 178 Кондр. (То же)

Нет, продаю, хоть пускай он грудной, продаю, как хотите!
Вот еще! Я не хочу дерзкого зверя кормить!
Нос свой курносый сует он повсюду, крылат, и ногтями
Щиплется он, и средь слез много смеется опять.
Сверх же того он упрям и болтлив, любопытен и резок, —
Матери милой своей он не послушен ни в чем.
В общем — чудовище. Продан и будет за то. Подходи же,
Кто из далеких купцов мальчика хочет купить.
Э, он в слезах; погляди — умоляет! Ну, ладно!
Я не продам: уж сиди здесь, с Зенофилой дружа.

176 Кондр. (Он же)

Скверный ты, скверный, Эрот! Что же дальше, когда повторю я,
Если, стоная, опять крикну я: «Скверный Эрот!»?
Мальчик смеется над этим; чем чаще бранят его, радость
Чувствует он; если брань слышит он, только цветет.
Ты, о Киприда, дивлюсь я, родившись из синего моря,
Как из воды ты могла этот огонь породить?

V 179 Кондр. (Он же)

Кипра богиней клянусь, что сожгу я, Эрот, твои стрелы,
Скифский колчан твой и все брошу немедля в огонь.
Брошу, клянусь. Ну, чего зубоскалишь и фыркаешь, вздернув
Носом курносым своим? Горек ведь будет твой смех!
Крылья тебе отрублю я, водителю страсти жестокой,
Медные цепи набью, ноги твои чтоб связать.
Только бы Кадма победой не вышло мне, если, связавши
В доме с душой, я тебя, волка, в овчарню пущу.
Ну ж, уходи! Победить я тебя не смогу! Привязавши
Крылья другие к ногам, быстро отсюда лети.

V 180 Кондр. (Он же)

Разве чудно, что Эрот душегуб, что с огнем его стрелы,
Наглым же взором своим зло он смеется всегда?
Разве, являясь законной супругой Гефеста, не любит
Мать его бога войны, меч сочетая с огнем?
Матери мать, разве море под ветров бичами не воет
Бурей? Сказать не могу, чей он и кто был отцом.
Вот потому-то в нем пламя Гефеста живет; любит гнев он,
Буре подобный морской, стрелы Ареса в крови.

V 190 Кондр. (Он же)

Горькие волны Эрота, бессонные ревности вздохи,
Бурное море пиров! Пристани нет у меня!
Нет уж руля моим мыслям разумным; так, значит, придется
Гибельно-сладкую вновь Сциллу любви увидать?!

X 15 Кондр. (Он же)

Хочешь, чтоб ярко горел и светил твой огонь всежеланный,
Ты, что стремишься на ночь факел прекрасный зажечь?

Здесь вот возьми от моей души себе свету; ведь в ней он,
Жарко любовью горя, сильное пламя дает.

XII 48 Кондр. (Он же)

В прах я повержен; пятою дави меня, демон жестокий!
Знаю тебя, и, клянусь богом, ты очень тяжел.
Знаю и огненный лук твой; но, душу мою поразивши,
Пламени ты не зажжешь: вся она стала золой.

Афродита Милосская

XII 84 Кондр. (Он же)

Люди, на помощь! Морские пути по волнам уж закончив,
Только что я по земле первые делал шаги, —
Силой меня уже тащит Эрот: как огнем путеводным,
Юной блеснул красотою он мне, желанной для глаза.
Шаг я за шагом иду и, в воздухе созданный сладкий
Образ стараясь схватить, сладко целую в уста.
Или, избегнув морей я горькой пучины, на суше
Должен Киприды волну горшую здесь переплыть?

XII 132 Кондр. (Он же)

Разве тебе не кричал я, душа: «Ведь, клянусь, попадешься!
Счастья в любви тебе нет; часто летела на клей».
Что ж, не кричал?! Попала ты в петлю; напрасно в оковах
Бьешься: сам ведь Эрот крылья связал у тебя.
Он над огнем поставил тебя, полумертвую взбрызнул
Миром и, жаждущей, дал слезы горячие пить.
В тяжкой беде ты, душа: то огнем ты горишь, то бросает

В холод тебя, и едва можешь ты дух перевесть.
Плачешь? Когда ж на груди ты кормила Эрота, чье сердце
Жестко, не знала, что он вырос на горе тебе?
Так уж не знала?! Узнай же теперь, за уход в воздаянье
Жар получивши и с ним холод жестокий приняв.

XVI 213 Кондр. (Он же)

Хоть за спиной у тебя развернуты быстрые крылья,
Скифское жало у стрел метко разящих твоих,
Я убегу от тебя под землю, Эрот. А что пользы?
Силы твоей не избег сам всех владыка Аид.

V 97 (Руфин)

Если в обоих, Эрот, одинаково стрелы пускаешь, —
Бог ты; когда ж в одного ими ты сыплешь, — не бог.

V 93 (Он же)

Против Эрота мне служит оружием верным рассудок.
Выйдя один на один, не победит он меня;
Смертный, с бессмертным готов я бороться. Но если Эроту
Вакх помогает, один что я могу против двух?

V 50 (Он же)

Бедность и страсть — мои беды. С нуждою легко я справляюсь,
Но Афродиты огня перенести не могу.

Ibid. XVI 388 (Юлиан Египетский)

Из роз венок сплетая,
Нашел я в них Эрота.
За крылышки схвативши,
В вино его я бросил
И сам вино то выпил.
С тех пор мое все тело
Он крыльями щекочет.

Ibid. XVI 211 (Статилий Флакк)

Спишь ты, оставив для смертных не спящие вечно заботы;
Спишь ты, прекрасный Эрот, гибельной Пафии сын!
Ты уж не носишь светильник, на лук не кладешь свои стрелы;
Но пусть другой подойдет к спящему, только не я.
Мне же и сонный, Эрот, ты кажешься все-таки страшен:
Сон ты дурной для меня не увидал бы, боюсь.

IX 108 (Неизвестного поэта)

Зевс Купидону грозит: «Отыму я, дитя, твои стрелы!»
Мальчик в ответ: «А тебя — в лебедя вновь обращу!»

V 283 (Павел Силенциарий)

Целую ночь, покоясь рядом со мною на ложе,
Горькие слезы лила радость очей Феано.
Чуть только Геспер свой бег направил к вершинам Олимпа,
«Близок денницы восход», — сетовать стала она.
Смертным ничто не по нраву, но если Эрот твой владыка,
То киммерийская ночь будет желанна тебе.

V 286 (Он же)

Клеофантида! Скажи: каково для двоих упоенье,
Если обоих Эрот с равною силой стремит?
Есть ли Арей, или срам, или ужас такой, что возмог бы
Силой внезапной разъять слитые страстью тела?
Если бы члены мои опутаны были сетями,
Теми, что сладил Гефест хитрым искусством своим, —
Все же, с тобою соплетшись, прелестница, стан твой объявши,
Я наслаждаться бы мог негой касаний твоих.
Было бы мне нипочем, госпожа, кто бы нас ни увидел —
Путник, сосед иерей или супруга моя.

(Он же)

Изнемогает жизнь в груди моей остылой.
Конец борению, увы, всему конец!
Киприда и Эрот, мучители сердец,
Услышьте голос мой последний и унылый?
Я вяну и еще мучения терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

Афродита, снимающая сандалию

ЭРОТ У ДРАМАТУРГОВ

16. *a) Phrynich. frg. 13 N*^{2}.

Блестит на пурпурных щеках Эрота свет.

b) Aesch. Suppl. 1043 слл. (см. § 7 b)

c) Soph. Ant. 782—800

О Эрос-бог, в брани могуч,
О Эрос-бог, грозный ловец,
На нежных щеках юниц ночь ночующий! Мчишься ты,
И, над морем пролетая, ты и в звериный входишь лог.
Из бессмертных тебя не избежит никто,
Ни из нас, краткодневных, но, почуяв тебя, ярятся все.
Не раз сердца праведных ты
В неправду вел, к гибели их,
И ныне мужей вовлек в распрю — крови одной двоих.
Но сильней любовный в очах пыл целомудренной невесты,
Пресидящей от века вышним богов уставам, —
Ибо не обороть никак игры правящей Афродиты!

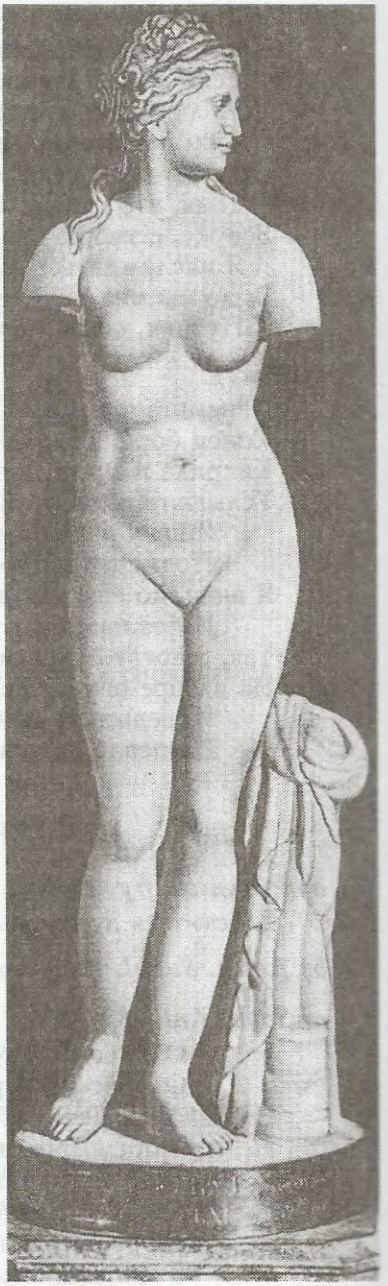
d) Eur. Hipp. 525—563

О Эрот! О Эрот!
На кого ополчился ты,
Тем глаза желанье туманит,

В сердце сладкая нега льется...
Но ко мне иди, молю тебя,
Ни с бедой, Эрот, ни в ярости.
Ведь ни сила огня, ни лучи светил
Со стрелой не сравняются, горние, —
Со стрелою, что мечет в нас
Необорный Эрот, Зевсов сын...
Слепота! Слепота!
Гекатомбы кровавые
Мечем мы на бреге Алфея,
Мечем Фебу в пифийских храмах...
А Эрота, царя над смертными,
Ублажить, дитя Кипридино,
Не хотим. Пусть ее теремов любви
Он ключарь, но для нас он жестокий бог:
Сеет смерть и проклятия,
Куда ступит Эрот, Зевесов сын...

Ярма не познавшая дева
И брачного чуждая ложа
В садах расцвела эхалийских...
Но, крови и пламени полны,
Дымятся палаты Еврита,
И терем пылает царевны,
И Нимфу дрожащую сыну
Алкмены под адские гимны
Проклятий и смерти Киприда
Вручает для горького брака...

Ограда священная Фивы,
Дирцеи кипящая пена,
Вы ужасы миру о силе
Могли бы Киприды поведать.
Она, средь блистаний и громов
Склонивши на брачное ложе
Грядущую Вакхову матерь,
В объятия кинула смерти.
О страшная сила и сладость!
Пчела с ее медом и жалом!



Венера Таврическая

e) Eur. Hipp. 1269—1281

О Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И над черной землею с тобой,
И над влагой соленой и звучной,
Как радуга яркий, Эрот
На быстрых крылах пролетает...
И если он бурный полет
На чье-нибудь сердце направит,
То дикое пламя мгновенно

От золота крыльев
Там вспыхнет любви и безумья;
А чары его
И в чаще и волнах таимых
Зверей укрощают, и все,
Что дышит в сиянии солнца,
И люди ему
Покорны. Твоя, о Киприда,
Весь мир наполняет держава.

f) Eur. Iph. A. 544—557

Благо тому, кто из чаши чар
Капля за каплей умеет пить
Светлый дар Афродиты:
Жало безумья не жжет его,
Волны баюкают нежные,
Там, где в колчане соблазнов две
Бог златокудрый стрелы хранит —
Ту, что блаженным навек человека творит,
С той, что и сердце, и жизнь отравит.
Эту вторую гони от меня,
Сжалься, богиня дивная!
Чистого дай мне желанья дар,
Нежною страстью ласкай меня.
Буду служить, Афродита, тебе
В венке посвященных, не в рабства цепях.

g) Eur. Hipp. 392—396 (Слова Федры)

Когда Эрота жало в сердце нежном
Я ощутила, — думать стала я,
Каким бы образом его достойно
Перенести.

h) Eur. Med. 629—643

Когда свирепы Эроты,
Из сердца они уносят
Всю сладость и славы людям
Вкусить не дают. Но если
Киприда шлет только радость,
Нет богини прелестней...
Ты мне никогда, царица,
Стрел не мечи золотых
И неизбежных в сердце,
Полных яда желаний.
Скромной ласки хочу я:
Нет дара бессмертных слаще.
О, пусть никогда Киприды
Ужасной не слышу в сердце
С грозой ее ярых ударов,
С бурей ссор ненавистной,
С желаньем чужого ложа!

Спальню, где нет войны,
Ложе, где жены не спорят,
Славить гимном хочу я.

i) Eur.frg. 136

Ты, о Эрот, богов и человеков царь,
Иль не учи, чтоб в красе был вид красы,
Или в любви счастливым будь сотрудником
Трудящихся, каких трудов художник ты.
Творя же это, у богов получишь честь.
А не творя, ты от любви к науке той
Лишишься ласки той, которой чтут тебя.

j) Eur. frg. 269

Кто великим богом Эрота не чтит
И также высочайшим из всех демонов,
Тот, глупый или в красоте неопытный,
Не знает бога, людям величайшего.

k) Eur. frg. 322

Эрот ленив, и вот на что родился в мир.
Он любит зеркало и краску для волос.
Бежит трудов он. Признак для меня один:
Никто из нищих смертных жизни не любил;
А средь людей имущих это — юноши.

l) Eur. frg. 331

Эрот мне друг был, и когда-то выбрал он
Меня не к глупости и не к Киприде обратил.

m) Eur. frg. 388

Но некий существует средь людей другой Эрот —
Души правдивой, мудрой и хорошей то ж.
Стремиться надо, чтобы был законом он
Для смертных в благочестии и в мудрости,
И позволять Кипридой Зевса утешаться им.

n) Eur. frg. 431

Эрот не только нападает на мужей,
На женщин также только, но и ввысь богов
Он души возбуждает и на море рушится.
Сдержать его не может и всесильный сам
Зевс, но уступит и склонится волею.

o) Eur. frg. 547

Эрот один, но разно наслажденье:
Дурное любят те, а те прекрасное.

p) Eur. frg. 603

Поэта Эрот научит, даже если раньше неуч был.

q) Eur. frg. 672

Ведущий к мудрости и к добродетели Эрот
Завиден для людей. Его сторонник я.

r) Eur. frg. 897 (прозаич. пер.)

Эрот — это большею частью питомец мудрой добродетели. И он самый приятный из всех демонов для общения с смертными. Ведь обладая каким-то безначальным наслаждением, он ведет к надежде. Я не жил бы с теми, кто не имеет успеха в этих трудах, и не хотел бы находиться вне жестоких обычаев. А юношам я предписываю никогда не избегать любви, но правильно ею пользоваться, когда она приходит.

17. *a) Aristoph. Acharn. 991 сл.*

О, когда ж Эрот счастливый нас навеки обручит.
Мальчик, словно на картинке, в бусах, лентах и цветах!

b) Aristoph. Lys. 573—576 (Слова Лизистраты)

Но когда убеждающий сладко Эрот и Киприда, рожденная морем,
Золотую тоску в наши груди вдохнет и расплавит желаньями члены,
И упругую силу мужам подарит и протянет их руки к объятьям,
Вот тогда назовут нас Эллады сыны Разрешительницами сражений.

c) Aristoph. Av. 1736 слл.

См. «Зевс и Гера», § 12.

АЛЕКСАНДРИЙЦЫ

18. *a) Theocr. Id. XIX (Эрот-воришка)*

Эрос однажды воришка сердитой был пчелкой ужален;
Соты из улья таскал, а она ему кончики пальцев
Больно ужалила все. Дул себе он ручку от боли,
Топал ногами об землю и прыгал; потом Афродите
Ранки свои показал он и, жалуясь: «Вот, мол, какая
Крошка пчела, — говорил, — а какие мне сделала раны!»
Мать же его засмеялась: «А разве ты сам-то не пчелка?
Тоже ведь крошка совсем, а какие ты раны наносишь!»

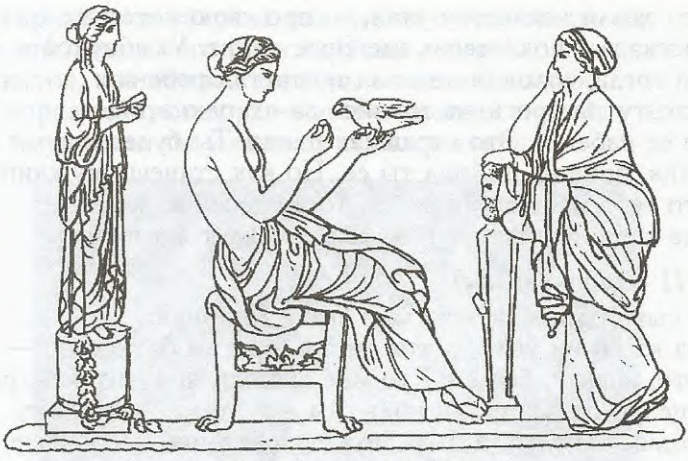
b) Theocr. Id. XXIII (Влюбленный)

Мужу, что сердцем был нежен, однажды жестокий подросток,
Очень красивый лицом, но душою иной, полюбился;
Мальчиком был нелюбим он, не слышал ни слова привета.
Эроса тот не познал, что за бог и стрелы какие
Держит в руках и каким поражает жестоким оружьем.
Был он суровым всегда как в речах своих, так и в поступках.
Не было пылу услады, хотя одного лишь движенья
Губ, или искры блестящей в глазах, или вспышки румянца,
Ласки в речах, поцелуя, что страстные муки смягчает.
Словно как дикий бежит от охотника зверь с недоверьем,
Так он и этого мужа всегда избегал. И сурово
Губы сжимались, и очи светились грозно при встречах.
Злоба меняла черты, и с лица его краска сбегала,
Изгнана гневной вспышкой. Но даже и в эти минуты
Был он прекрасен. Сердясь, распалял он влюбленного сердце.
Тот наконец, не стерпев такого огня Кифереи,
В горьких слезах утопая, к жестокому дому отправясь,

Пал на порог с поцелуем и слово промолвил такое:
«Мальчик жестокий и злобный, воспитанный дикою львицей,
Юноша с каменным сердцем, любви недостойный! Сегодня
В дар приношу я последний петлю для себя; не хочу я
Больше тебя огорчать и гневать и туда отправляюсь
Я, куда ты обрекаешь меня, где целебные средства
Все обретут от страданий любви, где дается забвенье.
Но даже если, губами приникнув, я выпью до капли
Это лекарство, то страсть не угаснет. Теперь я проститься
С дверью твоей прихожу. Я предвижу, что будет с тобою.
Роза бывает прекрасна. Но время красу ее портит;
Также весною красива фиалка, но старится скоро;
Лилий цветок белоснежен, но гибнет и он, осыпаясь;
Снег белизною блестит, но замерзнет, а после растает.
Дивно красива краса молодая, но срок ей недолог.
Время придет и тебе познакомиться тоже с любовью —
Лить будешь горькие слезы в ту пору ты, сердцем сгорая.
Все-таки, юноша, мне окажи ты последнюю милость:
Ты, увидавши меня, злополучного, в петле висящим
Прямо у двери твоей, не пройди с равнодушием мимо.
Возле меня задержись и заплачь хоть на миг; и, проливши
Слезы, петлю распусти и, в твои завернувши одежды,
После меня схорони. Поцелуй ты меня напоследок,
Мертвому губы свои подари. И меня ты не бойся:
Вновь я ожить не могу, даже если меня поцелуешь.
Холм мне могильный насыпь, чтоб любовь мою мог в нем сокрыть я,
После трижды скажи на прощанье: «Покойся же, милый».
Если захочешь, прибавь: «Потерял я доброго друга».
Надпись, что здесь на стене написал я, спиши ты на камень:
«Страсть погубила его. Не пройди равнодушно, прохожий».
Шаг задержи и прочти: имел он жестокого друга».
Это промолвив, камень он взял и, к стене подкативши,
Он посредине порога его прислонил, и веревку
Тонкую вверх прикрепил, и набросил петлю он на шею.
После упор оттолкнул он ногой и повис, умирая.
Мальчик же двери открыл, но, в свой двор заглянув и увидев
Мертвое тело, остался, как прежде, душой непреклонен.
Он не заплакал о смерти недавней, но, около трупа
Мимо пройдя и одежду свою осквернивши, он дальше
Прямо в гимнасий прошел и, направясь к любимой купальне,
К статуе бога он стал, что осмеян им был. И с подножья
Мраморной статуи сделал прыжок. Но за ним, покачнувшись,
Рухнула статуя вслед и злого подростка убила.
Алою стала вода, и послышался мальчика голос:
«Счастливы будьте, кто любит. Убит, кто хотел ненавидеть.
Те ж, кто любимы, любите. Карает судом своим Эрос».

c) Bion. VIII (Эрот и Музы)

Эроса, страшного бога, ничуть не пугаются Музы,
Любят всем сердцем его и его по пятам провожают.



Афродита с голубем

Если ж задумает петь, кто имеет холодную душу,
То избегают его и его обучать не желают.
Если ж кто Эросу сердце подарит и сладкие песни
Станет слагать, то поспешно к нему они все соберутся.
Сам я свидетель тому, что поверие это правдиво:
Если кого из бессмертных воспеть захочу или смертных,
Только бормочет язык мой, и петь он не хочет, как прежде;
Стоит же только запеть мне для Эроса иль для Ликида,
Тотчас из уст у меня моя песня, ликуя, польется.

d) Bion. IX (Эрот-ученик)

Раз предо мною во сне появилась царица Киприда.
Эроса-крошку держала своею рукою прекрасной,
В землю вперившего очи. И вот что она мне сказала:
«Милый пастух, обучи мне, пожалуйста, Эроса пенью!»
Это сказав, удалилась. А я своим песням пастушьим
Стал обучать его, глупый, — как будто хотел он учиться!
«Пан свирель изобрел, а флейту открыла Афина,
Гермес лиру нашел, Аполлон же кифарой прославлен». —
Все рассказал я, но он моих слов закреплять не старался,
Песенки сам про любовь мне запел, рассказал мне о страсти
Он меж людьми и богами, о матери тоже поведал.
Все позабыл я, чему мной был Эрос обучен в ту пору;
Те же любовные песни, что он мне преподал, я помню.

e) Bion. XII (Птицелов и Эрот)

Мальчик один, птицелов, меж деревьев по роще блуждая,
Ловлею птичек занялся и видит, что Эрос крылатый
Сел на ветвистом суку. Когда его мальчик завидел,
Очень был рад, приняв его за огромную птицу.
Мигом раскинул силки, его караулить он начал
С этого бока, с другого; но стал перепархивать Эрос.
Горько обиделся мальчик за то, что не встретил удачи;
Бросив тенета свои, побежал к старику землепашцу,

Кто его ловли искусству учил, — про свою неудачу
Все рассказал, показавши, где Эрос сидит. Улыбнулся
Старец тогда, головой покачал и ответил ребенку:
«Эту охоту ты брось, не гоняйся за птицею этой,
Лучше ее избегай. Это страшная птица. Ты будешь
Счастлив, пока не поймал ты ее. Но как станешь мужчиной,
Он, кто тебя избегая, порхает, тогда своей волей
Сам же к тебе прилетит и на голову сядет внезапно».

f) Mosch. II (Эрот-беглец)

Эроса сына однажды искала и звала Киприда:
«Эроса кто б ни увидел, что он по дорогам блуждает, —
Мой это, знайте, беглец. Кто мне скажет, получит в награду
Он поцелуй от Киприды; коль сам же его мне доставит,
То не один поцелуй, а быть может, и что-нибудь больше.
Мальчик особенный он. Будь их двадцать, узнаешь сейчас же.
Кожа его не бела, а сверкает огнем. Его взоры
Огненны, остры. И зол его ум, хоть и сладостны речи.
Мыслит одно, говорит же другое. Как мед его голос,
В сердце же горькая желчь у него. Он обманщик: ни слова
Правды не скажет, хитер и на злостные шутки охотник.
В пышных кудрях голова, а лицо его полно задора.
Крошечны ручки его, но метать ими может далеко,
Может метнуть в Ахеронт и до дома Аида владыки.
Телом он весь обнажен, но глубоко припрятаны мысли.
Словно, как птица, крылат; то к тому, то к другому порхает,
К женщинам он и к мужам, и садится им прямо на сердце.
Маленький держит он лук, а на луке натянутом — стрелку.
Стрелка же, как ни мала, достигает до глуби эфира.
Носит колчан золотой за спиною, а в этом колчане
Злые тростинки, — он даже не раз и меня ими ранил.
Все это страшно. Всего же страшней тот факел, который
Носит всегда при себе. Он бы мог им спалить даже солнце.
Если его кто поймает, пусть свяжет его, не жалея.
Если увидишь, что плачет, смотри, как бы вновь не удрал он;
Если смеется, тащи. А захочет с тобой целоваться,
Тотчас беги. Поцелуй его — яд, и в устах его — чары.
Если же скажет: «Возьми, я прошу тебя, это оружье», —
Не прикасайся к подарку: все вещи окунуты в пламя».

g) Mosch. VI (Эрот-пахарь)

Факел оставив и стрелы, тот хлыст, чем быков погоняют,
Эрос жестокий схватил, вскинул суму на плечо;
Шеи в ярмо пригибая быков, неустанных в работе,
Он засевать у Део тучные борозды стал.
Глянул на Зевса он вверх. «Напой мою пашню, — промолвил, —
Чтобы, Европин ты бык, я не запряг и тебя».

h) Tibull. II 1, 49—68

Сам, говорят, Купидон здесь между стадами родился,
Промеж гуртов, говорят, и промеж диких кобыл.

Здесь упражнялся впервые над луком он непокорным;
Горе мне, как у него руки искусны теперь!
Не в скотов, как прежде бывало, он целит; а ныне,
Дев поразивши, он горд — или смиривши мужей.
Отнял имущество он у юноши, он же и старцу

Афродита в садах

У неприступных дверей стыдные речи внушил;
Он предводит, когда, через стражей лежащих шагая,
К юноше тайно одна дева в потемках идет
И, боязни исполнена, щупает путь свой ногами,
А рука между тем ищет дороги впотьмах.
О, бедняки, коих бог этот так удручает. Но счастлив
Тот, на кого лишь слегка дышит незлобный Амур.
Снизойди же, святой! на праздничный пир, но покинь ты
Стрелы и факелов злых к нам, я молю, не носи.
Вы же славного бога воспойте и громко зовите
К стаду: громко для стад, тайно же всяк для себя.
Или и всяк для себя даже громко; толпою игривой
И фригийским рожком все заглушит голоса.

i) Tibull. II 1, 1—18

Мацер идет на войну; что станется с нежным Амуром?
В спутники ль храбро пойдет, сбрую на шее неся?
И поведут ли пути по земле или по морю мужа,
Вооруженным при нем о бок захочет ли встать?
Мальчик! жги, я прошу, того, кто жестокий покинул
Твой досуг, и верни блудного к стягам твоим.
Если солдат ты щадишь, то вот я стану солдатом,
В легком шлеме себе сам стану воду носить.
В лагерь иду, прощай и Венера, прощайте и девы;
И у меня сила есть, есть для меня и труба.
Много сулю, но когда я в гордости высказал много,
То запертая мне дверь бойкие гонит слова,
Сколько уж раз я клялся никогда не вернуться к порогу!
Как поклянусь хорошо, ноги-то сами несут.

15 Злобный Амур, о когда б, если можно, твои мне доспехи,
Стрелы поломанными, факел потухшим узреть!
Ты скрутил бедняка меня, ты меня вынуждаешь
Вредного мне же молить, речи безумства держать.

19. a) Callistr. 3 (Описание статуи Эрота)

(1) Мой рассказ хочет дать истолкование еще и другой святыни искусства. Не назвать «святынями» такие творения искусства было бы противно божественной воле. Это — Эрот, созданье Праксителя, сам живой Эрот, цветущий и юный, с луком и крыльями. Медь дала форму Эроту, великому и властному богу, и сама его власть испытала: она не могла вполне оставаться простой медью, как прежде, но сама уже стала Эротом. (2) В этой статуе ты мог увидеть, как медь чудесно превращалась в прекрасное нежное тело; одним словом — искусству было достаточно собственной силы, чтобы выполнить все, что ему нужно. Будучи нежным, он не отличался изнеженностью; так как кожа имела цвет меди, он казался цветущим прекрасным загаром. (3) Хотя в данный момент он был неподвижен, он готов был, казалось, тотчас проявить способность движения, и, несмотря на крепкую подставку, казалось, что силу имел он взлететь на небо. Был он веселым, исполненным смеха; из глаз у него излучался огненный, но ласковый взгляд, и можно было увидеть, как медь подчинялась чувству, с охотой, легко допуская в себе воплотить выражение смеха. Он стоял наклонив к голове кисть правой руки; другой же рукой он свободно лук поднимал, тем самым передвинув центр тяжести своей позы несколько влево; выставив чуть вперед левую часть бедра, он таким округлением придал легкость ему, преодолев природную жесткость меди. Голову ему осеняют густые прекрасные кудри, блестящие юной красой. (4) Изумительным было это творение из меди; кто смотрел на него, казалось тому, что, навстречу ему поднимаясь, излучался из концов волос красноватый свет; кто же касался его, мог думать, что волосы перед ним поднимались. Казалось, вот-вот тронет он мягкую массу. (5) Когда я смотрел на это творение художника, я не считал совсем невозможным, что и Дедал создал хоровод, который мог двигаться сам, и в золото вложил жизнь он и чувства. Ведь мог же Пракситель в образ Эрота вложить чуть ли не разум и искусством заставить казаться, что, будучи медным, он все ж рассекает крыльями воздух.

b) Philostr. Imag. I 6 (Описание картины с Эротами)

(1) Смотри! Яблоки здесь собирают Эроты. Не удивляйся, если видишь их много. Они — дети Нимф и управляют всеми делами людей; потому-то их много, что много ведь и того, к чему чувствуют люди любовь, а для богов на небе, говорят, совершает то же небесный Эрот. Разве ты не заметил, как сладко благоухает весь этот сад? Или этого ты еще не почувствовал? Внимательно ж слушай: вместе с моим рассказом уж наверно тебя потянет и на яблоки. (2) Ряды этих деревьев идут все прямо; между ними можно свободно ходить; проходы эти покрыты мягкой травою; если лечь на нее, она будет казаться мягким ковром. На концах же веток висят яблоки — и золотистые, и румяные, и те, что как солнечный свет отливают; они привлекают к себе целый рой Эротов, налетевших,

Афродита с лебедем. Изображение на лакифе

чтобы их собрать. Золотыми гвоздями украшены колчаны у этих Эротов, золотые в них также и стрелы, но вся их толпа, снявши колчаны и легко порхая, поразвесила их кругом по всем яблоням, одежды ж свои разноцветные, пестрые разостлали по траве, и отливают они у них тысячью разных цветов. Головы их не увенчаны венками: им достаточно собственных волос. Крылья их темно-синие или пурпурные, а у некоторых почти совсем золотые; бьют они ими по воздуху, будто бы нежная музыка. Ах, какие корзиночки, куда они складывают яблоки! Как много в них вделано сердоликов, смарагдов и настоящих жемчужин, а их работа должна навести нас на мысль об искусстве Гефеста. Для сбора плодов им вовсе не нужно ставить лестниц к деревьям: высоко взлетают они к самым яблокам. (3) Но не будем говорить о тех, что танцуют или повсюду бегают, или о тех, что заснувши лежат, или кто наслаждается, поедая зрелые яблоки. Посмотрим, что значит вот эта группа? Обрати внимание! Четверо самых красивых Эротов отошли от других в сторону; двое из них бросают друг в друга яблоками, а вторая их пара — один стреляет в другого из лука, а тот в свою очередь пускает стрелы в первого; и на лицах у них нет ни тени угрозы; напротив, открытую грудь они подставляют друг другу, как будто желая, чтобы именно туда вонзились стрелы. Прекрасный тут кроется смысл. Смотри, правильно ль я понимаю художника: это, мальчик, картина дружбы, влеченья друг к другу. Те, что играют, кидаясь яблоками, означают начало любви; вот почему один поцелует и яблоко бросит, другой же подхватит его, открывши ладони, конечно затем, чтоб, если поймает, самому с поцелуем бросить его обратно. А та пара стрелков — они закрепляют любовь, успевшую в них зародиться. Так вот что хочу я сказать. Эти играют, чтоб тем положить начало любви, а эти стреляют, чтоб влечение их без конца продолжалось. (4) А видишь ты тех, в кругу многочисленных зрителей? Они охвачены гневом и как будто готовы вступить в борьбу. Я тебе расскажу и об этой борьбе; кажется мне, ты об этом особенно просишь. Один из них поймал противника, налетев на него сзади; схватив его, он душит и крепко держит его между ног, но тот не хочет ему уступать, старается прямо стоять и пытается разжать руку, которая душит его, отогнувши один из пальцев врага; после этого остальные пальцы уже не могут держаться и крепко сжимать. Больно тому, у кого отгибается палец, и кусает он ухо у того, кто борется с ним. Но Эроты, которые смотрят на эту борьбу, негодуют на этот прием, что поступает неверно тот, кто его применяет и нарушает законы борьбы, и, как камнями, хотят закидать его яблоками. (5) Пусть не ускользнет от нас и вот этот заяц; давай поохотимся за ним вместе с Эротами. Обычно этот зверек сидит под яблонями и поедает упавшие на землю яблоки; обгрызши, он их бросает. И вот его-то Эроты пугают и

гонят; один хлопает в ладоши, другой криком пугает, а третий машет накидкой; иные с криком летают над ним, а те по следам пешком его гонят. Этот поднялся на воздух, как будто бы сверху хотел он на него наброситься, но заяц повернул в другую сторону; другой нацелился, чтобы схватить зайца за ногу, но выскользнул заяц из рук у него, а он уж думал, что держит его! Они все смеются; один из них упал и лежит на боку, другой уткнулся носом в землю, третий лежит на спине; все они в таких позах, в какие поставила их неудача. Но ни один из них не стреляет, пытаясь схватить зайца живым, как лучшую жертву для Афродиты. (6) Ты, может быть, знаешь, что рассказывают о зайце, как сильно он склонен к делам Афродиты? Говорят, что самка его, еще кормя тех, кого она родила, во время кормления вновь становится матерью, и, ставши беременной раньше, чем успеет родить, она таким образом никогда не бывает от родов свободной; самец же осеменяет ее, как это в природе самцов, но, выпустив семя, он делает самку беременной раньше, чем она успеет родить, что уж совсем против природы. А глупцы из влюбленных, добиваясь любви от любимых незаконно, путем заговоров, приписали этому зайцу какую-то особую силу любовных чар. (7) Оставим все это людям беззаконным и недостойным того, чтобы их взаимно любили, а ты посмотри вместе со мной вот на ту Афродиту. Где она и какое ей дело до яблок? Ты видишь скалу с большою пещерой внизу, из которой ручей вытекает с голубой водой, свежей и для питья очень вкусной; канавками он проведен орошать эти яблони. В пещере, ты и должен так думать, находится Афродита; думаю, там ей воздвигли статую Нимфы; ведь она сделала их матерями Эротов, а потому и счастливыми в детях своих. Это зеркало из серебра, золоченые сандалии, пряжки из золота — все здесь повешено не без значения. Они говорят, что все это — дары Афродиты, и это так и написано, можно прочесть там: «От Нимф посвященье». И Эроты приносят сюда начатки от яблочных сборов и, ставши кругом, молятся, чтоб сад их оставался прекрасным.

ЭРОТ У ПЛАТОНА

20. a) Plat. Conv. 194 e—197 e (Речь Агафона об Эроте)

18. Я хочу сначала сказать о том, как мне нужно сказать, а потом уже сказать и самую речь. Мне кажется, все предшествующие ораторы восхваляли не бога, но прославляли людей за те блага, виновником которых для них является бог.

195

А что представляет собою тот, кто одарил их всем этим, об этом никто ничего не сказал. Один существует правильный способ какой бы то ни было похвалы о чем бы то ни было — это изложить в речи, каковы свойства и виновником каковых даров является тот, о ком речь будет идти. Таким образом, и нам относительно Эрота справедливо будет восхвалить сначала его, что он собою представляет, а затем его дары.

Я утверждаю, что из всех блаженных Эрот, если дозволено будет это сказать, является самым блаженным, самым прекрасным, самым доблестным. Будучи самым прекрасным, он представляет собою вот что.

b
Прежде всего, Федр, он самый юный из богов. Великое доказательство этому утверждению он доставляет, бегом убегая старости, олицетворяя собой быстроту; и ясно почему: ведь быстрее, чем должна, к нам она подходит. А ту — старость — Эрот от природы ненавидит и ни на шаг к ней не приближается. Вместе с юным всегда он пребывает и бывает. Ведь и старинная поговорка хорошо гласит: подобное к подобному всегда близко.

Соглашаясь во многом с Федром, я не согласен с ним в том, будто Эрот старше Крона и Иапета; напротив, я утверждаю, что

c
Эрот самый юный из богов и вечно юн, а те старинные дела о богах, о которых рассказывают Гесиод и Парменид, если только они говорят правду, произошли благодаря Ананке, а не Эроту. Ведь не имели бы места среди богов все эти оскопления и приковывания и все прочие насильственные деяния, если бы среди них царил Эрот; наоборот, царили бы между богами дружба и мир, как царят они теперь, с тех пор как Эрот над богами царствует.

Итак, Эрот юн; а сверх того, что он юн, он нежен.

d
Нужен был бы поэт вроде Гомера, чтобы истолковать нежность бога. Гомер говорит о богине Ате, что она нежная — по крайней мере, ноги у нее нежные:

> Нежные стопы у нее; не касается ими
> Праха земного, она по главам человеческим ходит.

Прекрасным доказательством нежности служит, мне кажется, то, что Ата ступает не по твердому, а по мягкому.

e
Тем же доказательством воспользуемся и мы, чтобы показать, что Эрот нежен. Ведь он ходит не по земле и не по головам — они не очень-то мягкие, — он ходит и обитает в самом мягком из всего сущего; свое обиталище он водружает в нравах и душах богов и людей; но опять-таки не во всех душах по порядку: если он встретит душу с жестким нравом, уходит, если с мягким — поселяется в ней. Касаясь ногами постоянно повсюду в самом мягком самого мягкого, Эрот неизбежно является самым нежным.

196
Итак, он — самый юный и самый нежный; сверх того он по виду своему гибок. Ведь иначе не мог бы он повсюду обвиваться, не мог бы, войдя во всякую душу, оставаться в ней сначала не замеченным и выходить из нее, если оказалась жесткою. Важным доказательством того, что вид Эрота соразмерен и гибок, служит его благообразие, чем Эрот, по общему признанию, предпочтительно отличается среди всех существ, ибо с безобразием он в постоянной борьбе. А о красоте кожи бога свидетельствует его местопребывание среди цветов:

Афродита с цветком

на тело, на душу, на что бы то ни было, что утратило цвет, что умерло, Эрот не садится; на те места, которые цветут и благоухают, садится Эрот и там пребывает.

19. О красоте бога довольно и этого, хотя еще много остается сказать. После этого надлежит говорить о добродетели Эрота. Самое главное — то, что Эрот не обижает ни бога, ни человека. Ибо сам он не страдает от насилия, если вообще страдает, — насилие Эрота не касается. Совершая что-либо, он не совершает этого насилием:

c

всякий во всем служит Эроту по доброй воле, а то, в чем один по доброй воле соглашается с другим по его доброй воле, справедливо, как это утверждают «законы, цари государства». Кроме справедливости свойственна Эроту и величайшая рассудительность. Признано, что рассудительность состоит в господстве над удовольствиями и страстями, а нет удовольствия сильнее Эрота; если же они слабее, они будут преодолены Эротом; он одолевает их; одолевая же удовольствия и страсти, Эрот должен быть исключительно рассудителен. А в мужестве Эроту «даже Арей не противостоит».

Афродита с зеркалом

d

Ведь не Эротом обладает Арей, но Эрот Ареем — речь об Афродите, обладающий же сильнее обладаемого. А господствующий над самым мужественным из прочих богов должен быть самым мужественным из всех богов.

Итак, о справедливости, рассудительности и мужестве бога мы сказали.

Остается сказать о его мудрости. Насколько возможно, должно не упустить ничего. Прежде всего — чтобы и мне в свою очередь почтить наше искусство, как

e

Эриксимах почтил свое, — бог этот — столь мудрый поэт, что он и других делает поэтами. По крайней мере, всякий, кого коснется Эрот, становится поэтом, «хотя бы раньше Музе и не причастен был». Этим доказательством подобает нам воспользоваться в подтверждение того, что Эрот — хороший поэт во всяком вообще творчестве, касающемся искусств музических: ведь если кто чем не владеет или чего не знает,

197

не может он этого дать другому, ни научить другого. Да и кто будет противоречить, что творение всех живых существ не зависит от мудрости Эрота, от которой рождаются и происходят все живые существа? А занятия искусствами — разве не знаем мы, что чьим учителем был этот бог, тот стал знаменитым и славным, а кого Эрот не коснулся, — покрыт мраком неизвестности. Искусство стрелять из лука, искусство врачевать, искусство прорицать изобрел

b

Аполлон, когда им руководила страстная любовь, так что и Аполлон — ученик Эрота, равно как и Музы — в области мусических искусств, Гефест — в кузнечестве, Афина — ткачестве, Зевс — в искусстве пра-

вить людьми и богами. Оттого-то и дела богов устроились после того, как в среде их оказался Эрот, т. е. Красота; это очевидно: ведь при безобразии любви не бывает. До того же, как я в начале сказал, много ужасного среди богов совершалось, по преданию, из-за господства Ананки. После же того, как родился этот бог, от любви к прекрасному все блага появились и для богов и для людей.

c

Таким образом, кажется мне, Федр, Эрот сам был первым, кто стал и самым прекрасным и самым благим; а после того он и для всех остальных стал виновником того же самого. Приходит на ум мне сказать кое-что и стихами, именно, что Эрот создает:

Мир средь людей, тишину среди моря,
Ветров безветрие, ложе и сон при заботах.

d

Эрот нас отчуждения лишает, общением наполняет, всякие дружеские собрания, вроде, вот, нашего, устрояет, будучи предводителем во время праздников, хороводов, жертвоприношений; ласковость доставляет, грубость изгоняет, доброжелательством одаряет, недоброжелательство устраняет; милостив, ласков; достоин лицезрения для мудрецов, достоин восхищения для богов; предмет соревнования для непричастных; предмет желания для причастных; отец наслаждения, нежности, неги, прелести, любовного стремления, вожделения; пекущийся о благом, не пекущийся о злом;

e

в труде, в страхе, в тоске, в речи — рулевой, вестовой рядовой; наилучший спаситель, всех богов и людей краса, вождь прекраснейший и наилучший; за ним должен следовать каждый муж, воспевающий прекрасное, поющий ту песнь, которую он поет, услаждая мысль всех богов и людей.

b) Plat. Conv. 201 d—207 a (Из речи Сократа об Эроте)

22. — Нужно, Агафон, как и ты полагал, разобрать сначала,

e

кто такой Эрот и каковы свойства его, а затем — дела его. Мне кажется, всего лучше будет рассмотреть это таким образом, как рассматривала в свое время чужестранка, задававшая мне вопросы.

Я говорил ей тогда почти то же самое, что говорил мне теперь Агафон: что Эрот — великий бог, что область его ведения — прекрасное. Диотима опровергала меня теми же доводами, как я Агафона, что Эрот, по моему разумению, ни прекрасен, ни благ.

— Как ты говоришь, Диотима? — спросил я. — Что же, Эрот безобразен и злой?

— Не злословь! — сказала она. — Неужели ты думаешь, что то, что не прекрасно, непременно должно быть безобразно.

202

— Конечно.

— И то, что не мудро, глупо? Или ты не знаешь, что между мудростью и глупостью есть нечто среднее?

— Что это такое?

Разве ты не знаешь, что не невозможно себе составить правильное представление без того, чтобы не привести в его

Афродита. Гемма

пользу оснований, ибо каким образом предмет необоснованный мог бы быть знанием? Но неправильное представление и неведение — ибо как может быть неведением все то, что касается сущего? Без сомнения, правильное представление есть нечто среднее между рассудительностью и неведением.

— Правда, — сказал я.

b

— Не настаивай же на том, что то, что не прекрасно, безобразно и то, что не благо, зло. То же и об Эроте: после того как ты сам согласился с тем, что он ни благ, ни прекрасен, вовсе не думай, будто он безобразен и злой; считай его чем-то средним между тем и другим.

— Однако, — заметил я, — все признают его великим богом.

— Ты имеешь в виду, — спросила Диотима, — всех незнающих или также и знающих?

— Решительно всех.

Диотима засмеялась и сказала:

— Как же это, Сократ, признают его великим

c

богом те, которые утверждают, что он даже и не бог?

— Это кто? — спросил я.

— Один, — отвечала она, — ты, другая — я.

— Как можешь ты это утверждать? — спросил я.

— Очень просто, — отвечала она. — Скажи мне, разве не утверждаешь ты, что все боги блаженны и прекрасны? Или ты дерзнешь кого-либо из богов назвать не прекрасным и не блаженным?

— Клянусь Зевсом, нет, — отвечал я.

— А разве блаженным называешь ты не тех, кто обладает благом и красотой?

— Конечно.

d

— Однако ты согласился, что Эрот, нуждаясь в благом и прекрасном, вожделеет к тому самому, в чем нуждается?

— Согласился.

— Как же может быть богом тот, кто не имеет доли в прекрасном и благом?

— По-видимому, никаким образом не может.

— Итак, не видишь разве, что и ты не признаешь Эрота богом?

23. — Что же такое Эрот? Смертный?

— Нимало.

— Но что же?

e

— Как я и раньше сказала, нечто среднее между смертным и бессмертным.

— Да что же, Диотима?

— Демон великий, Сократ; ведь все «демоническое» занимает средину между божеством и смертным.

— Какова же мощь демона?

— Служить истолкователем и передатчиком богам того, что у людей, людям того, что у богов; у людей он передает их моления и жертвоприношения, у богов — их повеления и воздаяния за жертвоприношения; занимая место между богами и людьми, демон восполняет тех и других, связуя собою все. Чрез демонов проходит вся мантика,

203
жреческое искусство, касающееся жертвоприношений, посвящений, заклятий, всякого волшебства и колдовства. Божество не входит в соприкосновение с человеком; все общения и все переговоры богов с людьми — и когда они бодрствуют, и когда они спят — происходят через демонов. И муж, мудрый во всем этом, — муж «демонический», муж же, мудрый во всем другом — касается ли это искусств или ремесел каких, — ремесленник. Демонов много, они разнообразны; один из них и есть Эрот.

— Кто его отец и мать?

b

— Слишком долго было бы это рассказывать... Все-таки изложу тебе.

Когда родилась Афродита, устроили боги пир; в числе их был и сын Метиды, Порос. После обеда пришла просить милостыню, как это бывает на пирах, Пения и стала у дверей. Порос, упившийся нектаром — вина тогда еще не было, — вышел в сад Зевса и, отяжелев от выпитого, заснул.

Рождение Амура. Картина Лезюэра

c

Пения, замыслив по своей беспомощности прижить ребенка от Пороса, легла возле него и зачала Эрота. Вот почему Эрот и стал спутником и слугою Афродиты. Он зарожден в день ее рождения и, по природе, является поклонником всего относящегося к прекрасному — а Афродита прекрасна. То, что Эрот — сын Пороса и Пении, определило соответствующим образом всю его судьбу. Прежде всего, он всегда беден,

и, много недостает, чтобы быть ему

d

нежным и прекрасным, каковым его признает большинство; напротив, он жестокий, грязный, необутый, бесприютный, всегда на земле валяется не прикрывшись, спит у дверей и на дороге под открытым небом — все это он унаследовал от своей матери; нужда — постоянный его товарищ. С другой стороны — по отцу — он полон замыслов на все прекрасное и благое, мужествен, смел, упорен, страстный охотник, всегда плетет какие-нибудь хитрости, страстно любит рассудительность и способен подать ее, в жизни при всяком случае он проявляет любовь к мудрости,

ужасный колдун, чародей и софист. Он, по природе, ни бессмертен, ни смертен;

e

то в один и тот же день, когда он в довольстве, живет и цветет, то умирает, однако, благодаря природе своего отца, снова оживает. То, что он себе приобретает, постоянно утекает, так что он ни богат, ни неимущ. Он стоит посредине между мудростью и невежеством, и вот почему: из

204

богов никто не любит мудрости и не стремится стать мудрым; он уже мудр, все равно, как и всякий другой мудрец, не станет любить мудрости. И невежды не любят мудрости и не стремятся стать мудрыми; невежество-то тем и тяжко, что невежда, не будучи ни прекрасным, ни благим, ни разумным, кажется довольным самим собою, не считает себя нуждающимся и не стремится к тому, в чем он, по его мнению, не нуждается.

— Кто же, Диотима, — спросил я, — любит мудрость, раз ее не любят ни мудрецы, ни невежды?

b

— Диотима отвечала:

— Да это ясно и ребенку — те, кто стоят между обеими этими крайностями; к ним принадлежит и Эрот. Ведь мудрость относится к числу самых прекрасных вещей; Эрот есть любовь к прекрасному; следовательно, неизбежно Эрот любит мудрость, любящий же мудрость занимает средину между мудрецами и невеждами. Причиною этого служит его происхождение: отец у него мудрый и имущий, мать — не мудрая и не имущая. Такова, любезный Сократ, природа этого демона.

c

В составленном тобою ранее мнении об Эроте удивительного ничего нет: ты, кажется, думал — я основываюсь на твоих же собственных словах, — что Эрот то, что любимо, а не то, что любит. Поэтому-то, полагаю я, Эрот и представлялся тебе прекрасным. Ведь достойное любви по существу своему прекрасно, нежно, совершенно, блаженно, любящее же имеет другой образ — именно тот, который я тебе описала.

24. На это я сказал:

— Пусть так, чужестранка! Хорошо ты говоришь. Но если Эрот таков, какая польза от него людям?

d

— Это, — отвечала Диотима, — я и попытаюсь разъяснить тебе дальше. Таков Эрот по своим свойствам, таково его происхождение; область его ведения, согласно твоему утверждению, прекрасное. Если бы кто задал нам вопрос: «Сократ и Диотима, в каком смысле Эрот прекрасное?» Или я отчетливее поставлю вопрос: «Тот, кто любит прекрасное, в каком смысле его любит?»

Я ответил: «В том смысле, чтобы достигнуть его».

— Этот ответ возбуждает, однако такой вопрос: «Что будет с тем, кто достигнет прекрасного?»

e

— Не очень-то я могу сразу ответить на этот вопрос.

— Ну, а если бы кто заменил прекрасное благим, — спросил Сократ, — я тебя спрашиваю, стремящийся к благу с какою целью к нему стремится?

— Достигнуть его.

— И что будет с тем, кто достигнет блага?
— На это ответить легче: он будет счастлив.
— Да, кто счастлив, тот счастлив потому, что обладает благом.
205
И не к чему дальше спрашивать, почему желающий быть счастливым желает этого. Этим ответом вопрос исчерпан.
— Правда.
— Но это желание, это стремление к любви, считаешь ли ты общим всем людям? Все ли постоянно желают себе блага? Как ты полагаешь?
— Да, это желание и это стремление общи всем.
b
— Почему же, Сократ, мы не говорим, что все люди любят, хотя они все и всегда стремятся в своей любви к одному и тому же? Почему об одних мы говорим, что они любят, о других этого не говорим?
— Я и сам дивлюсь этому.
— Не дивись! Мы ведь выделяем определенный вид стремления к любви и называем его любовью, прилагая к нему название целого рода, для остальных же видов пользуемся другим названием.
— Например?
c
— Например, так: ты знаешь, что творчество есть понятие широкое. Действительно, всякий переход одного предмета из небытия в бытие основывается на известном творчестве, так что деятельность в области всех искусств есть своего рода поэзия, а все мастера в них — поэты.
— Правильно.
— Тем не менее, тебе известно, что они не называются поэтами, а носят другие обозначения; от творчества, в его целом виде, отделяется одна часть, свойственная мусическому искусству и метрическим размерам, и она обозначается именем целого рода. Ибо только эта часть называется поэзией, и люди, обладающие этой частью творчества, называются поэтами.
— Правда.
d
— То же самое и с любовью. В сущности, всякое вожделение к благу и к счастью есть для всякого величайшая и коварная любовь. Но один стремится к ней разнообразными иными путями — кто ради наживы, кто из любви к гимнастике, кто из-за любви к мудрости, — но они не говорят, что они любят или любимы. Зато другие, те, кто идут и ревностно стремятся к одному определенному виду, удерживают имя целого, имя любви, [и о них говорят, что] они любят и любимы.
— Пожалуй, это справедливо.
e
— Говорят и так: любящие — те, кто ищут свою половину; я же утверждаю, что любовь не бывает ни любовью к своей половине, ни любовью к целому, если она, приятель, не заключает в себе блага. Соглашаются же люди на то, что у них отнимают руки и ноги, если, по их мнению, они у них негодные. Ведь не все, думаю я, любят то, что им принадлежит, а только то, что у каждого есть хорошего; человек это называет близким и своим, дурное же называет чужим. Точно так же и в своем стремлении к любви люди стремятся только к любви и благу. Или ты иначе думаешь?

206
— Ей-богу, нет.
— Таким образом, нельзя ли сказать просто: люди любят благо.
— Можно.
— Дальше. Не следует ли добавить, что они и стремятся к тому, чтобы обладать благом?
— Следует это добавить.
— И не только просто обладать, но постоянно обладать.
— И это нужно добавить.
— Итак, можно, в общем итоге, сказать: любовь есть стремление к вечному обладанию благом.
— Истинная правда.
b
25. — Коль скоро любовь постоянно направляется к этой цели, при каком способе преследования последней, при каком характере человеческой деятельности напряженное рвение людей может быть названо любовью? Чем представляется вся эта деятельность? можешь сказать мне?
— Нет! Иначе я не удивлялся бы твоей, Диотима, мудрости и не пришел бы к тебе с целью именно этому научиться.
— Ну, так я тебе скажу. Это есть рождение в прекрасном, и телесное и духовное.
— То, что ты говоришь, нуждается в искусстве истолкования оракула; мне это непонятно.
c
— Хорошо, я скажу тебе яснее. Все люди, Сократ, беременеют телесно и духовно. Когда они достигают известного возраста, природа наша стремится к разрешению от бремени. Разрешиться в безобразное она не может, но только в прекрасное. [Совокупление мужчины и женщины есть роды.] Зачатие и рождение — божественный акт, заключающийся в том, что в смертном живом существе имеется бессмертная часть. Этот акт, зачатие и рождение, не может совершиться в существе, не приспособленном к тому.
d
Безобразное же не приспособлено ни к чему божественному, а прекрасное — приспособлено. Для рождения Каллона является Мирой <Мойрой> и Илифией. Поэтому беременеющее существо, приближаясь всякий раз к прекрасному, становится веселым, разливается радостью, рождает и производит на свет; когда же оно приближается к безобразному, оно угрюмо и в горести сжимается, отворачивается, свертывается и не производит на свет, но, держа в себе плод, тяжело носит его. Так-то у существа, беременеющего и готового разрешиться, есть большое
e
стремление к прекрасному, потому что оно может разрешить беременеющего от великих родильных мук. Итак, Сократ, любовь стремится не к прекрасному, вопреки твоему мнению.
— Но к чему же?
— К рождению и произведению на свет в прекрасном.
— Так.
— И очень даже так. Но почему к рождению? Да потому, что рождение дает существу смертному нечто вечное и бессмертное.

207

А что любовь вожделеет к бессмертному, равно как и к благу, неизбежно следует из того, в чем мы пришли к соглашению, а именно, что любовь постоянно стремится к обладанию благом. Отсюда непреклонно следует, что она стремится также и к бессмертию.

21. Hymn. Orph. VIII (К Эроту)

Я призываю Эрота, — великий, возлюбленный, чистый,
Нежный, стрелок ты, крылат, огнешумный, ты быстро слетаешь;
Боги — забава тебе и смертные люди — игрушка;
Многоискусный, двойной естеством, все ключи бережешь ты
Моря, эфира небесного, почвы и ту, что для смертных
Зеленоплодная Рея пасет, родящую жизнь всех,
Тартар широкий блюдет, управляет и гулами моря.
Ты ведь один управляешь, как видно, решительно всеми.
Но, блаженный, примкни к размышленьям очищенным мистов:
И отжени от людей неуместные злые порывы.

22. Apul. Met. IV 28—VI 24 (Сказка «Амур и Психея»)

28. В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Было у них три дочки-красавицы, но старшие по годам хотя и были прекрасны, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы; меньшая же девушка такой была красоты неописанной, что ни в сказках сказать, ни пером описать, и слов-то в человеческом языке для прославления ее не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых молва испытанной славой к изрядному зрелищу привлекала, пораженные созерцанием недосягаемой красоты, прикрывали рот своей правой рукой, положив указательный палец на вытянутый большой, словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенистая волн воздвигла, в виде особой божественной милости вращается в толпе людей, или же заново, из нового семени светил небесных, не море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

Эрот

29. Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и слава во все стороны, на ближайшие острова, на материк, на множество провинций, распространялась. И множество людей не останавливались перед дальностью пути, перед морскою глубиною, чтобы подивиться на знамени-

тое чудо времени. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самое Киферу для лицезрения богини Венеры никто не ехал; жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, святилища покинуты, обряды в пренебрежении, украшенные гирляндами изображения богов и алтари вдовствуют, покрытые холодной золою. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтят величие богини; когда поутру дева появлялась, ей приносили дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда на площадях она проходила, часто толпа ей дорогу усыпала цветами и венками.

Чрезмерное перенесение божеских почестей на смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая головой, так в волнении она себе говорила:

30. — Как! древняя матерь всего существующего, как! начальное происхождение стихий, как! всего мира родительница, Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотою. Так я и примирюсь, что часть жертв буду делить с заместительницей и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно, что ли, пастырь пресловутый[10], суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту двум великим соперницам! Но не в радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! Устрою я так, что раскается она в самой своей недозволенной красоте!

Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, дерзкого мальчика, который, пренебрегая в злых своих нравах общественными установлениями, вооруженный стрелами и факелом, бегает ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. От природной испорченности наглого, она возбуждает еще словами и ведет в тот город и Психею — таково было имя у девушки, — ему показав, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему:

31. — Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела сладкими обжогами, отомсти за свою родительницу. В полной мере отмерь и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то, что всего охотней ты делаешь и что единственно ты и можешь сделать: пусть дева эта влюбится в последнего человека, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого.

Сказав так и поцеловав полуоткрытыми устами сына, идет она к заливному краю побережья; едва ступила она розовыми ступнями на поверхность шумящих волн, как вот уж и села на влажном гребне, и только явилось желание, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: налицо и Нереевы дочери, хором поющие, и Портун со всклокоченной синей бородой, и Салация, держащая рыб у груди, и маленький возница дельфинов Палемон; вот из моря выпрыгивает стадо Тритонов, вот в звучную раковину нежно трубят; другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало, третий к глазам госпожи подносит зеркало, прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану.

32. Между тем Психея, при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Все любуются, все прославляют, но никого не является, ни царя, ни вельможи, ни хотя бы из простого народа, кто бы пожелал просить ее руки. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся как на статую, искусно сделанную художником. Старшие две сестры, об умеренной красоте которых никакой молвы не распространялось в народе, давно уже были просватаны за женихов из царского рода и заключили уже счастливые браки, а Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивала пустынное свое одиночество, недомогая телом, с болью в душе, ненавидя свою красоту, которая столь многих людей привлекала. Тогда злополучный отец несчастнейшей девицы, подумав, что это знак небесного неблаговоления, и страшась гнева богов, спрашивает древнейшее прорицалище милетского бога и просит у великого божества мольбами и жертвами для обездоленной девы мужа и брака. Аполлон, хотя был греком и даже ионийцем, дает ответ из уважения к основателю милетского святилища на латинском языке:

33. — Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель:
Будет он дик и жесток, как вредоносный дракон.
Он на крыльях облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит,
Даже Юпитер трепещет его и боги боятся,
Сеет он ужас везде, вплоть до Стигийских болот.

Услышав ответ святейшего прорицателя, царь, счастливый когда-то, пускается в обратный путь недовольный, печальный и сообщает своей супруге предсказания зловещего жребия. Грустят, плачут, убиваются немало дней. Но приходится уже исполнять мрачное веление судьбы. Ведутся уже приготовления к погребальной свадьбе злосчастнейшей девы, уже факелы покрываются золой и сажей, звук брачной флейты переходит в жалобный лидийский тон, и веселые гименеи оканчиваются мрачными воплями, а невеста стирает слезы венчальной фатой. Весь город сострадает печальной участи удрученного семейства, и издается распоряжение об общественном трауре.

34. Но необходимость подчиниться небесным указаниям призывает бедненькую Психею к уготованной муке. Итак, когда все было приготовлено к погребальному бракосочетанию, двигается в путь при большом стечении народа, при общей скорби торжественное похоронное шествие живого человека, и Психея шла как не на свадьбу, а на собственное погребение. И когда удрученные родители, взволнованные такой бедою, медлили совершать нечестивое преступление, сама их дочка такими словами подбодряла их:

— Зачем долгим плачем несчастную свою мучаете, зачем дыхание ваше, которое мне скорее принадлежит, частыми воплями утруждаете, зачем бесполезными слезами ланиты, для меня почтенные, пятнаете, зачем темните мой свет в очах ваших, зачем терзаете седины? Зачем перси, зачем груди эти священные поражаете ударами? Вот вам за небывалую красоту мою награда преславная! Поздно уразумели, пораженные смертель-

ными ударами священной зависти. Когда народы и страны оказывали нам божеские почести, когда в один голос новой Венерой меня провозглашали, тогда скорбеть, тогда слезы лить, тогда меня, как бы уже погибшую, оплакивать следовало бы. Чую, вижу, одно название Венеры меня погубило. Ведите меня и ставьте на скалу, что указал мне рок. Жажду сопречься счастливому этому браку, жажду зреть благородного супруга моего. Зачем мне медлить, зачем откладывать приход того, что на пагубу рожден всему миру.

35. Сказав так, умолкла дева и твердой поступью присоединилась к шествию сопровождавшей ее толпы. Идут к указанному обрыву высокой горы, на самой вершине которой поставив девушку, все удаляются, и оставив ей брачные факелы, которые освещали ей дорогу и тут же угасли от потока слез, опустив головы, все расходятся по домам. А несчастные родители ее, подавленные такою бедою, заперевшись в доме, погруженные в мрак, предали себя вечной ночи. Психею же, боящуюся, трепещущую, плачущую на самой вершине скалы, нежное веяние мягкого Зефира, сначала там и сям всколыхнув ей полы, потом вздув подол, спокойным дуновением понемногу со склона высокой скалы уносит и на лоно нижней долины, покрытой луговою травою, медленно опуская, слагает.

V 1. Психея, оказавшись на нежном, цветущем лугу, на ложе из росистой травы, успокоившись от такой быстрой перемены в чувствах, сладко опочила. Достаточно подкрепившись безмятежным сном, она воспрянула духом. Видит рощу, большими, густыми деревьями усаженную, видит ручей, хрустальными струйками играющий; посреди рощи, невдалеке от источников ручья, дворец стоит, не человеческими руками созданный, но божественным искусством. Едва переступишь туда, узнаешь, что перед тобою какого-нибудь бога светлое и милое пристанище. Штучный потолок, искусно сделанный из кедра и слоновой кости, поддерживался золотыми колоннами, все стены покрыты были чеканным серебром с изображением зверей так живо, будто все эти животные шли навстречу входящим. О, поистине удивительный человек, конечно, полубог или и настоящий бог, который тонкостью высокого искусства изобразил животных на серебряных массах! Сам пол, составленный из вырезанных кусков драгоценного камня, образовал всякого рода картины. Поистине блаженны, дважды и многократно блаженны те, кому ступать надлежит по самоцветам и лалам! И прочие части в длину и ширину раскинутого дома неописанной ценности, все стены отягченные массою золота такого искусного блеска, что, откажись солнце, — дворец сам мог бы быть себе днем; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная блестит. Прочее убранство соответствовало величию дома, так что поистине можно было подумать, что великий Юпитер создал эти чертоги небесные для собеседования со смертными.

2. Привлеченная прелестью местоположения, Психея подходит ближе, расхрабрившись, переступает порог и вскоре с восхищенным вниманием озирает все подробности прекраснейшего жилища, осматривая находящееся по ту сторону дома казнохранилище, выстроенное с большим искусством, куда собраны многочисленные богатства. Нет ничего на земле, чего бы там не было. Но кроме удивительности стольких богатств, то было всего дивнее, что сокровища всего мира никакой цепью,

никаким засовом, никаким стражем не охранялись. Покуда она с величайшим наслаждением смотрела на все это, вдруг доносится до нее какой-то голос, не облеченный телом.

— Что, — говорит, — госпожа, дивишься многому богатству. Это все принадлежит тебе. Иди же в спальню, отдохни от усталости на постели, когда захочешь, прикажи кушанье. Мы, чьи голоса ты слышишь, мы твои служанки, приставленные к тебе для верной службы, и, как только окончишь ты свой туалет, не замедлит явиться роскошный стол.

Амур-юноша

3. Психея почувствовала блаженство от сознания, что находится под божественным покровительством, и, вняв совету невидимого голоса, сначала заснула, вскоре в бане смыла остаток усталости и, увидев сейчас подле нее появившийся круглый стол, судя по накрытым приборам, приготовленный для ее трапезы, охотно возлегла за него. И тотчас вина медвяные и множество блюд с разнообразными кушаньями подаются, будто гонимые каким-нибудь ветром, а слуг никаких нет. Никого не удалось ей видеть, только слышала, как слова раздавались и только голоса имела к своим услугам. После роскошной трапезы кто-то вошел невидимый и запел, а другой заиграл на кифаре, которой она не видела. Тут до слуха ее доносится звук поющих многих голосов, и, хотя никого из людей не появилось, являлось ясным, что это хор.

4. По окончании развлечений, уступая убеждению сумерек, отходит Психея ко сну. В глубокой ночи легкий некий шум долетает до ее ушей. Тут, опасаясь за девство свое в таком уединении, робеет она и ужасается и боится какой-либо беды тем более, что она ей неизвестна. Но вошел уже таинственный супруг и взошел на ложе, супругою себе сделал и раньше восхода солнца поспешно удалился. Тотчас же голоса дожидавшихся в спальне окружают заботами потерянную невинность новобрачной. Так продолжалось долгое время. И по законам природы новизна от частой привычки приобретает для нее приятность, и звук неизвестного голоса служит ей утешеньем в ее одиночестве.

Меж тем родители ее старились в неослабевающем горе и унынии, а широко распространявшаяся молва достигла старших сестер, которые все узнали и быстро, покинув свои очаги, мрачные и печальные, поспешили повидаться со своими родителями.

5. В ту же ночь к Психее так начал супруг ее — ведь только для зрения он был недоступен, но не для осязания и слуха:

— Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба готовит тебе гибельную опасность, о которой считаю тебя нужным предупредить. Сестры твои, встревоженные слухами о твоей смерти и ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес; если услышишь их громкие жалобы, не отвечай им и не пытайся взглянуть на них, а то причинишь мне верную жестокую смерть, а себе конечную гибель.

Она дала знак согласия и обещала следовать в своих поступках советам мужа, но, как только он исчез вместе с окончанием ночи, бедняжка весь день провела в слезах и стенаниях, повторяя, что теперь она еще вернее

погибнет, накрепко запертая в блаженную темницу, лишенная разговора с людьми, так что сестрам, о ней скорбящим, никакой помощи оказать не может и даже хоть краткого свидания с ними не дождется. Не прибегая ни к бане, ни к пище, ни к какому другому подкреплению, горько плача, отходит она ко сну.

6. Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так сказал ей:

— Это ли обещала ты мне, моя Психея. Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться. И день, и ночь, даже в супружеских ласках-объятиях, продолжается твоя мука. Ну, делай как хочешь, уступи требованиям души, жадной до гибели. Вспомни только, когда придет запоздалое раскаяние, о серьезных моих увещеваниях.

Когда она просьбами, уверениями, что иначе она умрет, добилась от мужа согласия на ее желание увидеться с сестрами, умеряет она свою печаль и уста свои соединяет с устами супруга. Так уступил он просьбам молодой своей жены, больше того, разрешил даже дать им в подарок, что ей захочется, из золота или драгоценных камней, но тут же предупредил, подкрепляя слова свои угрозами, что если она, вняв гибельным советам сестер, будет добиваться видеть внешний вид своего мужа, то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий. Она поблагодарила мужа и с прояснившимся лицом говорит:

— Да лучше мне сто раз умереть, чем лишиться сладчайшего твоего супружества! Ведь я люблю тебя и, кто бы ты ни был, страстно обожаю, больше жизни своей, больше, чем если бы был ты самим Купидоном. Но молю тебя, будь щедр, исполни еще мою просьбу: прикажи слуге твоему Зефиру так же доставить сюда сестер моих, как он доставил меня. И, напечатлев поцелуй для убеждения, смягчая речь для умиления, прильнув всем телом для побуждения, ласкательно прибирает: «Медочек мой, муженек мой, твоей Психеи нежная душенька!» Невольное возражение побеждено силой и властью Венеры, муж дал обещания, что все исполнит, и, как только забрезжил свет, испарился из рук супруги.

7. А эти сестры, расспросив, где находится утес и то место, на котором покинута была Психея, спешат туда и там заливаются слезами, бьют себя в грудь, так что на частые вопли их скалы и камни отвечают ответным звуком. Несчастную сестру свою по имени кличут, так что на пронзительный крик их причитаний Психея вне себя, вся дрожа, выбежала из дому и говорит: «Что вы напрасно себя жалобными воплями убиваете? Вот я здесь, о ком вы скорбите. Прекратите мрачные крики, отрите щеки наконец, мокрые от продолжительных слез, раз в вашей воле обнять ту, которую вы оплакиваете».

Тут, призвав Зефира, передает она ему приказание мужа. Сейчас же, явившись на зов, спокойнейшим дуновением доставляет их безопаснейшим образом. Вот они уже обмениваются обоюдными объятиями и торопливыми поцелуями, и слезы, прекратившиеся было, снова текут от радостного счастья. «Но войдите, — говорит, — с весельем под кров наш, к нашему очагу и утешьте с Психеей вашей ваши скорбные души».

8. Промолвив так, начинает она показывать и несметные богатства золотого дворца и обращает внимание их слуха на великое множество услужающих голосов, предлагает в их пользование и бани прекраснейшие, и

роскошь невиданного стола, так что в глубине их душ, досыта насладившихся многочисленным скоплением подобных божественных вещей, пробуждается зависть. Наконец одна из них с большою настойчивостью и любопытством начала расспрашивать, кто же хозяин всех этих божественных вещей, кто такой и чем занимается ее муж. Но Психея, боясь нарушить супружеские наставления, не выдала тайны, а наскоро придумала, что он человек молодой, красивый, щеки которого покрыты первым пушком, главным образом занятый охотой по полям и горам; и в предупреждение, как бы продолжая разговор, она не выдала тайны, о которой умолчала, наделив их золотом и драгоценными камнями, сейчас позвала Зефира и передала их ему для доставления обратно.

Амур древнего типа

9. Когда приказание это было без замедления выполнено, добрые сестры по дороге домой, преисполняясь желчию зависти, много между собою говорили. Наконец, одна из них так начала:

— Вот сиротская, жестокая и несправедливая судьба! Нравится тебе, чтобы, рожденные от одного и того же отца, одной матери, столь различной участи подвержены мы были! Нас, старших как-никак по возрасту, ты предаешь мужьям в служанки, отторгаешь от родительского дома, от самой родины, так что вдали от родителей влачим мы существование как изгнанницы, она же, самая младшая, последыш уже утомленного чадородия, владеет такими богатствами и мужем божественным, которым и пользоваться-то как следует она не умеет. Ты видела, сестра, сколько в доме находится драгоценностей и какие сверкающие одежды, какие блестящие перлы, сколько, кроме того, под ногами повсюду разбросано золота. И если к тому же муж ее красив, как она уверяет, то нет на свете более счастливой женщины. Может быть, как усилится привычка от божественного мужа, укрепится привязанность, он и ее самое сделает богиней. Клянусь Геркулесом, к тому идет дело! Так она вела себя, так держалась. Да, метит она на небо; и женщина смотрит богиней, раз и невидимых служанок имеет, и самим ветром повелевает. А мне, несчастной, что осталось на долю. Прежде всего, муж в отцы мне годится, плешив, как тыква, телосложением тщедушен, куда ни взгляни, как мальчишка, и все в доме держит на замках и запорах.

10. Другая подхватила:

— А мне какого мужа терпеть приходится. Скрюченный, сгорбленный от подагры и по этой причине крайне редко в любви со мной находящийся; большую часть времени порчу я эти тонкие руки растиранием его искривленных, затвердевших, как камень, пальцев вонючими лекарствами, грязными тряпками, зловонными припарками, словно я не законная супруга, а сиделка работящая. И видишь, сестра, я говорю свободно, что чувствую, с рабским ли терпением перенесу я все это? Что касается до меня, так я не могу больше выдержать, что такая блаженная судьба

досталась на долю недостойной. Вспомни только, как гордо, как вызывающе она нам все показывала, самое хвастовство это доказывало ее чванство; потом от таких несметных богатств, скрепя сердце, бросила нам крошку и, сразу утомившись нашим присутствием, приказала удалить нас, выдуть, выставить. Будь я не женщиной, перестань я дышать, если не свергну ее с вершины такого богатства. Если и тебя, что вполне естественно, коснется это оскорбление, давай обе вместе посоветуемся, что нам делать. Но подарки, которые мы принесли с собою, не будем показывать ни родителям, ни кому другому, также совсем не будем упоминать, что нам известно что-либо о ее спасении. Довольно того, что мы сами видели, чего бы лучше и не видели, а не то чтобы нашим родителям и всему народу разглашать о ее благополучии. Неполно счастье тех, богатство которых никому не ведомо. Пусть знает, что не служанки мы, а старшие сестры. Теперь же отправимся к супругам и бедным, но вполне честным очагам нашим; не спеша и тщательно все обдумав, мы более окрепшими вернемся для наказания гордыни.

11. Сошел за хороший злодейский план двум злодейкам; итак, спрятав ее богатые подарки, распустив волосы и царапая себе лицо, как будто они этого заслуживали, притворно возобновляют они плач. Затем, быстро покинув родителей, рана которых снова открылась, полные безумия, отправляются по своим домам, строя преступление поистине отцеубийственное, замысел против невинной своей сестры.

Меж тем невидимый Психее супруг ее, возобновив ночные свои беседы, так ее убеждает:

— Видишь ли, какой опасности ты подвергаешься. Судьба издалека начала бой и, если крепких ты не примешь мер предосторожности, лицом к лицу с тобой сразится. Коварные волчицы всеми силами готовят против тебя гибельные козни, и главная их цель — уговорить тебя узнать мои черты, которые, как я тебя уже не раз предупреждал, увидавши, не увидишь больше. Итак, когда через некоторое время ведьмы эти негодные, полные злостных планов, придут сюда, — а они придут, знаю это, — то ничего с ними не разговаривай. Если же, по прирожденной простоте твоей и по нежности душевной, сделать этого ты не сможешь, то по крайней мере не слушай никаких речей про своего мужа и не отвечай на них. Ведь скоро семья наша увеличится, и детское еще чрево твое носит в себе новое дитя для нас, божественное, если молчанием скроешь нашу тайну, если нарушишь секрет — смертное.

12. Психея при вести этой от радости расцвела и утешению божественного отпрыска возликовала, и славе будущего плода своего возвеселилась и почтенному имени матери возрадовалась. В нетерпении считает она, как идут дни и протекают ночи, дивится непривычному, неведомому грузу и постепенному росту от столь кратковременного укола плодоносного чрева. А те две заразы, две фурии гнуснейшие, источая змеиный яд, торопились снова пуститься в плаванье с преступной поспешностью. И снова на краткое время появляющийся супруг убеждает свою Психею:

— Вот последний день, крайний случай, зловредный пол и кровный враг взялся за оружие, выступил в лагерь, ряды выстроил, и труба уже звучит перед боем; уже с обнаженным мечом преступные сестры твои подступают к твоему горлу. Увы, какие бедствия грозят нам, Психея нежнейшая! Пожалей себя, пожалей нас, и святою воздержанностью отклони

несчастье грозящей гибели от дома, от мужа, от себя самой и нашего младенца. О если бы тебе негодных женщин этих, которых после смертоубийственной ненависти к тебе, после попранной кровной связи непозволительно называть сестрами, не пришлось ни слышать, ни видеть, когда они, наподобие сирен, с высокого утеса будут оглашать скалы своими зловещими голосами!

13. Прерывая речь жалобными всхлипываниями, Психея отвечала:

— Насколько знаю я, ты имел уже время убедиться в моей верности и неразговорчивости, теперь не меньшее доказательство дам я тебе душевной крепости. Отдай только приказание нашему Зефиру да послушно его исполни и взамен отказанного мне лицезрения святейшего лика твоего позволь мне хоть с сестрами увидеться. Заклинаю тебя этими благовонными, по обе стороны спадающими кудрями твоими, твоими нежными, округлыми, на мои похожими, ланитами, грудью твоей, каким-то таинственным огнем наполненной, — когда-нибудь я хоть в нашем малютке узнаю черты твои, — в ответ на смиренные просьбы мольбы нетерпеливой разреши мне обнять своих сестер и душу преданной тебе Психеи утешь этой радостью. Ни слова больше не скажу я о твоем лице, самый мрак мне уже не досаждает, так как при мне — свет твой.

Зачарованный речами этими и сладкими объятиями, супруг ее, отерев слезы ей своими волосами, обещал ей все исполнить и исчез, предупреждая свет наступающего дня.

14. Чета сестер, связанная заговором, не повидав даже родителей, прямо с кораблей проворно направляется к обрыву и, не дождавшись присутствия переносившего их ветра, с беспорядочной дерзостью бросается в воздух. Но Зефир, памятуя царские приказы, принял их на свое лоно и легким дуновением опустил на землю. Они, не мешкая, сейчас же поспешным шагом проникают в дом, обнимают жертву свою, ложно называясь сестрами, и, войдя во внутрь казнохранилища, обращаются к ней со льстивой речью:

— Вот, Психея, теперь уже ты не прежняя девочка, сама скоро будешь матерью. Знаешь ли ты, сколько добра ты носишь для нас в этом пузечке, какой радостью все наше семейство обрадуешь? Для нас-то счастье какое, что будем нянчить это золотце! Если, как и следует ожидать, ребенок по красоте выйдет в родителей, наверно, Купидона ты на свет произведешь.

15. Так поддельною нежностью они овладевают душою сестры. Она сейчас же после того, как они отдохнули с дороги на креслах и освежились сырыми парами бани, угощает их в прекраснейшей столовой удивительными и совершенными кушаньями и закусками. Велит кифаре играть — звенит, флейте исполнять — звучит, хору вступить — поет. Всеми этими сладчайшими мелодиями невидимые музыканты смягчают души слушателей. Но преступность негодных женщин не успокоилась от мягкой нежности сладчайшего пения, но, направляя разговор к заранее обдуманной, обманной западне, принимаются они притворно расспрашивать, кто ее муж, откуда родом, чем занимается. Она же по крайней простоте своей, забыв, что она говорила прошлый раз, заново все выдумывает и рассказывает, что муж ее из ближайшей провинции, ведет крупные торговые дела, человек уже средних лет, с проседью. И, не задерживаясь на

этом разговоре, снова наделяет их богатыми подарками и передает для отправления ветру.

16. Пока спокойный Зефир, подняв их в воздух, доставляет до дому, так они между собою переговариваются:

— Что скажешь, сестрица, о явной лжи этой дурочки. То юноша, щеки которого покрыты первым пушком, то человек средних лет, у которого уже пробивается седина. Кто же он такой, что в такой короткий промежуток времени успел состариться. Не иначе, сестрица, как или негодница это все наврала, или мужа в глаза не видела; что бы ни было правдой, прежде всего надо низвергнуть ее с высоты благополучия. Если муж ей не показывает своего лица, значит, она вышла за какого-нибудь бога и готовит произвести на свет божественного ребенка. Но верно то, что раньше, чем она услышит из уст божественного ребенка (да не будет) «мать», я на смертельной петле повешусь. Однако вернемся к родителям нашим, и как начало тех речей, с которыми к ней обратимся, сплетем подходящую ложь.

17. Так воспаленные, поговорив надменно с родителями, усталые от бессонно проведенной ночи, ранним утром летят они к утесу и, оттуда с помощью обычного ветра снесенные вниз, выжимают на глаза себе слезы и с такой хитростью начинают свою речь к девушке:

— Счастливая, ты сидишь, не беспокоясь о грозящей тебе опасности, блаженная в неведении такой беды, а мы всю ночь не смыкая глаз продумали о твоих делах и горько мучаемся о предстоящих тебе бедствиях. Мы наверняка узнали и не можем скрыть от тебя, разделяя скорбь и горе твое, что тайным образом спит с тобой огромный ящер, извивающийся множеством петель, глаза у которого переполнены вместо крови губительным ядом и пасть разинута как бездна. Вспомни предсказание оракула, что провозвестил тебе брак с диким чудовищем. К тому же многие крестьяне, охотники, поблизости охотившиеся, множество окрестных жителей видели, как он под вечер выползал из лугов и переплывал ближайшую реку.

18. Все уверяют, что льстивым угождением и кушаньями он хочет тебя откормить и, как только живот твой достигнет крайней полноты беременности, пожрет тебя, как самую тучную пищу. Теперь тебе представляется на выбор: или захочешь послушаться сестер твоих, заботящихся о дорогом твоем спасении, и, отклонив угрозу смерти, жить с нами в безопасности, или же быть погребенной во внутренностях жесточайшего гада. Если тебе нравится уединение этой пустыни, наполненной голосами, или тайные соединения зловонной и опасной любви и объятия змеи ядовитой — дело твое, мы свой долг честных сестер исполнили.

На бедняжку Психею, простую душой и нежненькую, ужас напал от таких зловещих слов; из головы вылетают все наставления супруга, забываются и собственные обещания; и готовая броситься в бездну несчастий, вся трепеща, покрывшись смертельною бледностью, трижды прерывающимся голосом начинает она говорить сестрам такие слова:

19. — Вы, дражайшие сестры, как и надо было ожидать, исполняете священный долг ваш, и те, по-видимому, не солгали, кто сообщил вам такие сведения. Ведь я никогда в глаза не видала своего мужа, совсем не знаю, откуда он, мне удается лишь по ночам слышать голос таинственного супруга и примиряться с тем, что он обращается в бегство при появле-

нии света, так что я могу согласиться с вашими утверждениями, что он некое чудовище. Он сам часто и грозно запрещал мне искать его лицезрения и грозил большим бедствием, если я буду любопытствовать видеть его. Если вы можете предпринять что-нибудь для спасения сестры вашей, находящейся в опасности, теперь уже делайте; дальнейшая беззаботность уничтожает благодеяния оказанного вначале покровительства.

Афродита и Гермес, повозку влекут Эрот и Психея

Тогда, подступив уже через открытые ворота к незащищенной душе сестры своей, преступные женщины отбросили всякое прикрытие тайных ухищрений и обнажив мечи обмана, нападают на пугливое соображение простодушной девушки.

20. Наконец одна их них говорит:

— Так как кровные узы заставляют нас ради твоего спасения закрывать глаза на всякую опасность, мы укажем тебе средство, давно уже обдуманное нами, которое может служить единственным путем к спасению. Возьми отточенный кинжал и, проведя медленно для придания большей остроты по ладони, спрячь его в постели с той стороны, где ты всегда ложишься, затем лампу, до краев наполненную маслом, чтобы ярче горела, помести под прикрытие какого-нибудь горшочка, все эти приготовления сделай в величайшем секрете; после того как он, влача извилистое тело, подымется на обычное ложе, растянется и начнет уже тяжело дышать, объятый тяжестью первого сна, босою, удерживая как можно больше шаги, соскочи с кровати, освободи лампу от прикрытия слепой темноты, воспользуйся для совершения славного подвига твоего светом, высоко воздень правую руку с обоюдоострым оружием и сильным ударом голову зловредного змея от туловища отсеки. Не будет тебе недостатка и в нашей помощи: как только убийством его ты положишь начало своему спасению, мы с нетерпением будем ожидать и, пособив тебе унести все это добро вместе с собою, просватаем тебя, принадлежащую к человеческой природе, за человека.

21. А сами, столь воспламененные речами, зажегши огонь внутри уже пылающей сестры, быстро ее покидают, считая небезопасным находиться поблизости от грядущих несчастий, и, донесенные обычным дуновением крылатого ветра на утес, обращаются в поспешное бегство и, сев на корабли, отъезжают.

А Психея, оставшись в одиночестве (хотя, волнуемая зловещими фуриями, не была она в одиночестве), колеблется, подобно бурному морю, и, хотя решение принято, душа упорствует, и рука уже прикоснулась к столь великому преступлению, все-таки мысли шатаются, и противоречивые

чувства отвлекают ее от беды. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа. Но вечер уже шел к ночи, и она в торопливой поспешности делает приготовления к зловещему преступлению. Вот и ночь пришла, супруг появился и, предавшись сначала любовным усладам, погрузился в глубокий сон.

22. Тут Психея слабеет телом и душою, но, подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки кинжал, преодолевает женскую робость. Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище, видит прекрасно лежащим самого пресловутого Купидона, бога прекрасного, при виде которого даже светильня от лампы веселей затрещала и ярче заблестело ножа святотатственного острие. И действительно, устрашенная таким зрелищем, Психея не владеет собою, покрывается томной бледностью и трепеща опускается на колени, ища, куда бы спрятать оружие, хотя бы в грудь свою; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем дольше глядит она на красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит она золотую голову с пышными волосами, пропитанными благоуханиями, окружающими молочную шею и пурпуровые щеки, благолепно опустившиеся завитки локонов, один с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайне лучезарного блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летучего божества росистые перья сверкающим цветком белели, и, хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; все тело видит гладеньким и светлым, так что Венера могла не раскаиваться, что произвела на свет такого сына. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами, благодетельное оружие великого бога.

23. Ненасытная, к тому же и любопытная Психея не сводит глаз с мужниного оружия, вынимает из колчана одну стрелу, кончиком пальца пробует острие, но, сделав более сильное движение дрожащим суставом, чувствует укол, и через кожу выступают капельки розовой крови. Так, сама того не зная, Психея сама воспылала любовью к богу любви. Почувствовав вожделение к богу, она страстно наклонилась к нему, раскрыв уста, и торопливо начала осыпать его жаркими и долгими поцелуями, боясь, как бы не прервался сон его. Но пока она, упоенная таким блаженством, почти не сознавала, что делает, лампа ее, то ли по негоднейшему предательству, то ли по зловредной зависти, то ли и сама пожелав прикоснуться и как бы поцеловать столь блистательное чело, брызгает из конца светильника горячим маслом на правое плечо богу. Эх ты, лампа, наглая и дерзкая, никуда не годная прислужница любви, ты обожгла бога, который сам господин всяческого огня! А наверное, изобрел тебя какой-нибудь любовник, чтобы как можно дольше ночью пользоваться предметом своих желаний. Почувствовав ожог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободившись из объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги, улетел, не произнеся ни слова.

24. А Психея, как только поднялся он, обеими руками ухватилась за правое его бедро, жалкий привесок в высоком взлете, но, наконец устав долгое время быть висячим спутником в заоблачных высях, упала на землю.
Влюбленный бог оставляет ее лежащей на земле и, взлетев на ближайший кипарис, с высокой верхушки его, глубоко взволнованный, так говорит ей:
— Ведь я, простодушнейшая Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей, внушив тебе страсть к самому жалкому, последнему из людей, обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилететь к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, пресловутый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того, выходит, чтобы ты сочла меня за чудовище и захотела кинжалом отрубить мне голову за то, что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза. Я всегда тебя предупреждал, всегда дружески уговаривал. Почтенные вдохновительницы твои немедленно дадут мне ответ за свою зловредную выдумку, тебя же я наказываю только моим исчезновением.
И, окончив слова эти, на крыльях ввысь устремился.
25. А Психея, распростертая на земле, следя, покуда доступно было взору, за полетом мужа, душу себе надрывает горькими воплями. Но когда все увеличивающееся расстояние скрыло от глаз ее похищенного при помощи крыльев супруга, она ринулась к ближайшей реке и бросилась с берега вниз. Но кроткая речка в честь ли бога, способного воспламенять даже воду, или из боязни за себя сейчас же, как невредимую поклажу, выложила ее на цветущий берег. На береговом гребне случайно сидел деревенский бог Пан, обняв горную нимфу Эхо, которую учил он петь на разные голоса; неподалеку скакали козы, переходя с места на место и щипля прибрежную травку. Козий бог милостиво подзывает к себе убитую, расстроенную Психею и, хотя несчастье ее небезызвестно для него было, так ее ласковыми словами успокаивает:
— Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но благодаря глубокой старости научен долгим опытом. Так вот, как правильно я сужу, что именно умные люди и называют даром провиденья, то по такой неровной, часто колеблющейся походке, по крайней бледности, разлитой во всем теле, по вздохам частым, а главное, по заплаканным глазам твоим вижу, что от любви чрезмерной ты страдаешь. Послушай же моего совета и не старайся вперед погубить себя, снова бросившись в воду или каким-либо другим способом насильственной смерти. Отложи грусть и брось печаль, а лучше обратись с мольбами к Купидону, величайшему из богов, а так как он юноша избалованный и капризный, то постарайся ласковыми речами и предупредительностью расположить его в свою пользу.
26. Ничего не ответив на слова пастушеского бога, только поклонившись спасительному божеству, Психея тронулась в путь. Когда она усталой походкой прошла довольно далеко, уже к вечеру, не знаю, какой тропинкой, достигла она некоего города, где правил, как царь, муж одной из ее сестер. Узнав об этом, Психея пожелала дать знать сестре о своем присутствии; как только ввели ее, после обычных объятий и приветствий на вопрос о причине ее прибытия она начала таким образом:

— Ты помнишь ваш совет, а именно как вы меня уговаривали, чтобы я чудовище, которое под обманным названием мужа проводило со мною ночи, раньше, чем оно пожрет меня, бедную, своей прожорливой глоткой, поразила обоюдоострым кинжалом. Но, как только, согласно уговору, при свете лампы преступной взглянула я на его лицо, вижу дивное и совершенно божественное зрелище, самого сына пресловутого богини Венеры, самого, повторяю, Купидона, сладким сном объятого. И пока, приведенная в восторг видом такой красоты, смущенная таким богатством наслаждений, я делаю попытки преодолеть невозможность вкусить его, как раз в это время по несчастной случайности пылающая лампа брызнула маслом ему на плечо. Проснувшись тотчас же от этой боли, как только увидел меня с лампой и оружием в руках, говорит: «С тобою тотчас же за это столь жестокое преступление ложе делить прекращаю, можешь забирать свои пожитки, я же на сестре твоей, — тут он назвал твое имя, — вторым браком женюсь». И сейчас же приказал Зефиру, чтобы он выдул меня из его дома.

27. Не поспела еще Психея кончить своей речи, как та, воспламенившись порывом безумного вожделения и губительной зависти, обманув мужа хитро придуманной ложью о том, что умер какой-то из ее родственников, сейчас же взошла на корабль, прямо направилась к известному обрыву, и хотя дул совсем другой ветер, но она, ослепленная надеждой, крикнув: «Принимай меня Купидон, достойную тебе супругу, а ты, Зефир, поддержи свою госпожу», — со всего маху бросилась в бездну. Но до места назначения даже в виде трупа она не достигла, потому что, ударившись о скалы и перекатываясь с камня на камень, тело ее раздробилось и, застряв по разным местам, как заслужила этого, внутренности ее доставили легкую добычу для птиц и диких зверей. Так она погибла.

28. Меж тем, пока Психея, занятая поисками Купидона, обходит страны, он сам, не оправившись еще от ожога, лежал и стонал в самой спальне у своей матери. Тут чайка, птица пребелая, что по волнам морским на крыльях плавает, нырнула поспешно в глубь океана глубокого. Там, сейчас же представ перед Венерой, что купалась и плескалась, докладывает ей, что сын ее обжегся, стонет от сильной боли, лежит, — неизвестно, поправится ли, а что по всем странам и народам говор и ропот идет и Венеру со всей ее родней поминают не добром; сынок, мол, не гоже в любви прохлаждается, а сама она все в океане купается, от дел своих отстала, а через то ни страсти нет никакой, ни приятности, ни благолепия, а все стало неблаговидно, грубо и дико; ни браков супружеских, ни союзов дружеских, ни от детей почтения, но всеобщее позорище и от несообразных соединений горечь и отвращение. Так эта болтливая и нескромная птица верещала в Венерины уши, выдавая секрет ее сына. А Венера, придя в сильный гнев, вдруг восклицает:

— Стало быть, у доброго сынка моего подруга завелась какая-то! Ну, ты, которая одна и служишь мне от души, скажи, как зовут ту, которая невинного еще и чистого мальчика соблазнила. Может быть, это кто-нибудь из породы Нимф, или из числа Ор, или из хоровода Муз, или из Граций, моих прислужниц.

Не смолчала говорливая птица и отвечает:

— Не знаю, госпожа; думается, что одной девушкой — если память мне не изменяет, Психеей она называется — крайне он заинтересован.

Тут Венера в негодовании громко воскликнула:
— Если он на самом деле любит Психею, соперницу мою по самозваной красоте, похитительницу моего имени, то, наверное, сводницей в этом деле считают меня, так как по моему указанию он и узнал эту девушку.

29. Воззвав таким образом, поспешно выплывает она на морскую поверхность и сейчас же стремится в золотую свою спальню; найдя там, как ей уже было доложено, больного сына, она прямо с порога заорала во весь голос:
— Очень это пристойно и прилично и происхождению нашему, и хорошему твоему поведению, что ты, поправши наставления матери твоей и госпожи, вместо того, чтобы внушить постыдную страсть моей врагине в виде наказания, сам, малолетний отрок, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу. Или ты считаешь, потаскун, растлитель противный, что ты один можешь наш род продолжать, а я уже по старости и зачать не могу. Ну так знай же, другого сына рожу, лучше тебя, или для вящего твоего уничижения усыновлю кого-нибудь из домочадцев и ему передам крылья эти, и факел, и лук, и самые стрелы, все это принадлежит мне, и я дала тебе это снаряжение не для такого употребления; а из отцовского имущества тебе ничего подобного дано не было, а с ранних лет ты избалован был, на руку проворен, старших все время толкал без всякого почтения, самую мать свою, меня, говорю сама, каждый день обворовываешь и колотишь частенько, ни во что считая, словно вдову какую-нибудь, нисколько не боясь вотчима своего, силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто, мне на зло, взял ты за обычай девиц поставлять в наложницы. Но вот увидишь, пожалеешь сам об этих проказах и узнаешь, каково сладко и приятно будет твое супружество! Теперь, после такого издевательства, что мне делать? Куда деваться? Какими способами перевертня этого образумить? Что же, к враждебной мне Воздержанности обратиться, которую я так часто из-за распутства этого мальчишки оскорбляла? Но в ужас меня приводит толковать с этой деревенской неотесанной бабой. Однако, откуда бы помощь ни приходила, пренебрегать ею не следует. Именно она, никто другой, может быть менее всего полезна, чтобы жесточе потаскуна этого наказать, колчан забрать, от стрел разоружить, лук ослабить, факел угасить да и по самому телу его хорошенько поначалить. Тогда только и сочту я обиду мою заглаженной, когда она кудри его, сверкающее золото которых вот этими руками я так часто перебирала, обреет и крылья, что я нектарным источником из груди своей орошала, обкорнает.

Афродита, Эрот и Пан

30. Сказавши так, гневно ринулась она вон, но не успокоилась еще желчь Венерина. Навстречу ей попадаются Церера с Юноной и, увидя воспаленное лицо ее, спрашивают, почему красоту сверкающих глаз ее мрачат сдвинутые брови. А она:

— Кстати, — отвечает, — вы встретились со мною, готовой на насильственное действие какое-нибудь от душевного возбуждения. Молю вас, приложите все усилия и найдите мне убежавшую или улетевшую Психею. От вас, конечно, не тайна страшный скандал в моем доме, и это натворил тот, кого я не могу называть сыном.

На это богини, которым известно было все происшедшее, для успокоения пламенного гнева Венеры так начинают:

— А что за преступление, госпожа, свершил твой сын, что ты с таким упорством противишься его счастью и хочешь погубить ту, которую он любит? Что за грех, спрашивается, обменяться улыбкой с красивой девушкой?! Разве ты не знаешь, что он уже взрослый юноша, или ты забыла, сколько ему лет? Или потому, что он так моложав для своего возраста, тебе он до сих пор кажется мальчиком? Ты — мать и женщина рассудительная, а между тем все время следишь за шалостями своего сына, ставишь ему в вину распущенность, препятствуешь ему в любовных делах и осуждаешь в прекрасном сыне своем свои же ухищрения и удовольствия. Кто же из богов или из людей допустит, чтобы ты повсеместно сеяла в людях вожделение, если ты из своего дома изгоняешь стремление к любви и закрываешь общественную мастерскую женских слабостей?

VI 1. Меж тем Психея, переходя с места на место, ища повсюду следов своего мужа, тем более охватывалась беспокойством душевным, чем страстнее готова была уже не ласками супруги смягчить его, а умолить рабскими мольбами. И вот, увидав какой-то храм на вершине крутой горы, подумала: «Почем знать, может быть, здесь местопребывание моего владыки?» И вот направляет она туда свой быстрый шаг, которому надежда и обет вернули утраченное в постоянной усталости проворство. Вот уже, решительно поднявшись по высокому склону, приблизилась она к святилищу. Видит перед собою вороха пшеничных колосьев, а другие в венки сплетены, и колосья ячменя. Были там и косы и всевозможные орудия жатвы, но все это лежало по разным местам в беспорядке и без призора, как случится, когда работники на время зноя все побросают. Психея все это по отдельности тщательно разобрала и, старательно разделив, разложила как полагается, полагая, что не следует ей пренебрегать ни храмом, ни обрядами никого из богов, но у всех их искать милосердного благоволения.

2. За этой внимательной и усердной работой застает ее кормительница Церера и издали еще восклицает:

— Ах, достойная жалости Психея. Венера в тревожных поисках по всему свету, бешенствуя, твоих следов ищет, готовит тебе страшную кару, всех богов побуждает помочь ей в ее мести, а ты занимаешься тут у меня уборкой и ничего больше для своего спасения не предпринимаешь.

Тут Психея бросилась к ее ногам, орошая их горючими слезами, волосами землю и богинины следы покрывает и всевозможными просьбами взывает к ее благосклонности:

— Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, молчаливыми тайнами корзин священных, крылатой упряжью драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской, колесницей хищной, цепкой землею, к бессолнечному браку Прозерпины схождением, солнечным обретенной дочери возвращением и прочим, что скрыто в святилище Елевсина аттического, окажи помощь несчастной Психее, под твою защиту прибегающей. Позволь мне схорониться хоть на несколько деньков в этой груде колосьев, покуда страшный гнев столь великой богини от промежутка времени не смягчится или по крайней мере покуда мои силы, ослабленные долгими муками, от спокойной передышки не восстановятся.

3. Церера отвечает:

— Слезными мольбами твоими я тронута и хочу помочь тебе, но совсем не намерена ссориться с моею родственницею, с которой я связана узами старинной дружбы, к тому же доброй женщиной. Так что уходи сейчас же из этого помещения и будь довольна, что я не задержала тебя и не взяла под стражу.

Психея, получив, вопреки своим ожиданиям, отказ и еще больше, чем прежде, удрученная скорбью, снова пускается в путь и видит среди густой рощи в глубокой долине храм, построенный с замечательным искусством; не желая пропускать ни единого, хотя бы и неверного, способа улучшить свою судьбу, наоборот, готовая обратиться к какому угодно божеству, ища милости, приближается она к святым вратам. Видит и драгоценные приношения, и полотнища с золотыми надписями, развешенные по веткам деревьев и прибитые к дверным косякам, в которых вместе с изъявлением благодарности значилось и имя богини, которой дары посвящены. Тут, отерев прежде всего слезы, она склоняет колени и, охватив руками еще не остывший алтарь, возносит следующую молитву:

4. — Сестра и подруга Юпитера великого, находишься ли ты в древнем святилище Самоса, что славится как единственный свидетель твоего рождения, младенческого крика и детского питания; пребываешь ли ты в блаженном пристанище Карфагена высокого, где чтут тебя, как деву, львом по небу влекомую; председательствуешь ли ты у славных стен аргивянских, ты, которую весь Восток чтит как Сигию и везде на Западе Луциной именуют, — будь мне в моей крайней нужде Юноной-покровительницей и, изнемогшую от обрушившихся на меня мучений, от страха грозящих опасностей, освободи! Насколько знаю я, охотно приходишь ты на помощь непраздным женщинам, находящимся в опасности.

Когда она взывала таким образом, вдруг предстала ей Юнона во всем величии, приличном столь царственной богине, и сейчас же говорит:

— Поверь мне, я охотно исполнила бы твои просьбы. Но противодействовать воле Венеры, моей невестки, которую я всегда, как дочь, любила, мне совесть не позволяет. Да кроме того, и законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам без согласия их хозяев, от этого меня удерживают.

5. Устрашенная вторичным крушением своих надежд, Психея, не будучи в состоянии достигнуть крылатого своего супруга, отложив всякое упование на спасение, предалась такому ходу мыслей: «Кто же еще может попытаться помочь мне в моих бедствиях, кто может оказать мне поддержку, когда никто из богинь, даже при желании, не может принести

мне пользы? Куда теперь направлю стопы свои, окруженная со всех сторон западнями, и под чьей кровлей, хотя бы под кровом глубокого мрака скрывшись, укроюсь я от неотвратимых взоров Венеры великой? Вооружившись, наконец, по-мужски присутствием духа, раз навсегда откажись от пустой, ничтожной надежды, добровольно отдай себя в распоряжение своей владычице и, может быть, этой, хотя и запоздалой, покорностью ты смягчишь ее жестокое преследование. Кто знает, может быть, и того, кого ты так долго ищешь, ты там обретешь, в материнском доме». Итак, готовая к сомнительной попытке покорности, вернее же, к несомненной гибели, она обдумывала, с чего начать свою просительную речь.

6. А Венера, убедившись в бесплодности своих поисков на земле, устремилась на небо. Она приказывает, чтобы приготовили ей колесницу, которую златокузнец Вулкан с тонким искусством перед совершением брака соорудил ей как свадебный подарок. Тонкой пилой выровняв, придал он ей красоту, и от уменьшения золота стала она драгоценней. Из множества голубок, что вечно летают вокруг покоев владычицы, отделяются две белоснежные пары, в веселом полете вздув переливчатые шейки, впрягаются в драгоценную упряжь и, приняв госпожу, радостно взлетают. Сопровождая шумным чириканьем богинину колесницу, резвятся воробушки и прочие певчие птицы, сладко оглашая воздух нежными трелями, возглашают прибытие богини. Облака расступаются, небо открывается перед своею дочерью, высший Эфир с весельем приемлет богиню, и певчая свита великой Венеры ни встречных орлов, ни хищных ястребов не боится.

7. Тут сейчас же она направляется к царским палатам Юпитера и с надменным видом заявляет, что ей необходимо воспользоваться помощью голосистого бога Меркурия. Не выразили отказа сизые брови Юпитера. Тут возликовав, в сопровождении Меркурия Венера спускается с неба и в волнении так говорит:

— Братец мой Аркадиец, ты знаешь, что никогда Венера, сестра твоя, ничего тайком от Меркурия не предпринимала; небезызвестно тебе, во всяком случае, что я не могу отыскать сбежавшую от меня служанку. И мне ничего больше не остается делать, как через твое глашатайство объявить всенародно, что за указания, где она находится, будет выдана награда. Так вот, сделай не откладывая это объявление, причем перечисли подробно и точно ее приметы, если кому они неизвестны, чтобы потом, в случае кто преступно утаит ее, не мог отговариваться незнанием.

С этими словами передает ему она лист, где обозначено имя Психеи и прочее. После чего сейчас же удаляется она к себе домой.

8. Не преминул Меркурий послушаться. Обегал все страны и народы. Следующим образом исполнял он порученное объявление:

— В случае кто-либо вернет из бегов или сможет указать место, где скрывается беглянка, царская дочь, служанка Венеры, по имени Психея, да заявит об этом глашатаю Меркурию за муртийскими метами[11], и в виде награды за сообщение получит тот от самой Венеры семь поцелуев сладостных и еще один самый медвяный с ласковым языка прикосновением.

Таким образом составленное объявление Меркурия и желанность подобного вознаграждения побудили всех людей наперебой приняться за поис-

ки. Подобное положение дел окончательно заставило Психею отбросить всякую медлительность. Она уже приближалась к воротам своей владычицы, как прибегает Привычка, из числа Венериной челяди, и сейчас же кричит, что есть мочи:

— Наконец-то, служанка негоднейшая, уразумела ты, что есть над тобой госпожа! Неужели, по наглости характера твоего, начнешь ты прикидываться, что тебе неизвестно, каких трудов стоило нам отыскивать тебя? Но хорошо, что ты ко мне именно в руки попалась, будто в самые адовы тиски угодила, так что немедленно понесешь наказание за свою предерзость. И, смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления.

Афродита, обучающая Эрота

9. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили перед лицо ее, она разразилась громким хохотом, как человек, доведенный гневом до бешенства, затрясла головой, принялась чесать правое ухо и говорит:

— Наконец-то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла проведать мужа, который по твоей милости мучится от раны. Но будь благонадежна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает добрая невестка! — и кричит: — Где тут Забота и Уныние, мои служанки?

Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедную Психею плетьми и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи.

Опять Венера покатилась со смеху и говорит:

— Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званьем бабушки? Действительно, большая для меня честь в моем возрасте называться бабушкой и слышать, как ребенка рабыни низкой зовут Венериным внуком. Нелепо было бы признавать мне его своим потомком; брак был неравен, к тому же, заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия родителей, он, очевидно, не может считаться действительным, так что результат его может рассматриваться только как незаконное дитя, если я допущу, чтобы ты имела возможность его доносить.

10. Сказав это, налетает она на ту, по всякому платье ей раздирает, за волосы дерет и по голове принимается колотить; затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы, все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит:

— Думается мне, как я на тебя погляжу, что такая безобидная холопка ничем другим у любовников не могла взять, как усердной службой; хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту смешанную кучу зерна и, разложив все как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.

Указавши на множество столь разнообразных зерен, сама отбывает к брачному пиру. Психея даже руки не протянула к этой беспорядочной и не поддающейся разбору массе, но, удрученная жестоким наказанием, молчала и не шевелилась. Вдруг какой-то крошечный деревенский муравей, зная хорошо, как трудна подобная работа, сжалившись над сожительницей великого бога и возмутившись ненавистью свекрови, забегал туда и сюда, сзывает тут окрестных муравьев и упрашивает их: «Сжальтесь, проворные питомцы земли, всех питающей, сжальтесь над хорошенькой девушкой, супругой Амура, придите со всею поспешностью ей, в беде находящейся, на помощь». Ринулись одна за другой волны семиножных существ, со всем усердием по зернышку всю кучу разбирают; отдельно по сортам разделили, разложили и в одну минуту с глаз исчезают.

11. Поздно вечером прибывает Венера с брачного пира, опьяненная вином, распространяя благоухания, по всему телу увитая гирляндами роз блистающих, и, видя, как тщательно исполнена превышающая человеческие силы работа, восклицает:

— Не твоя, негодница, не твоих рук эта работа! Тот это сделал, кому на его и на твое несчастье ты понравилась! — И, бросив ей кусок черного хлеба, пошла спать. Меж тем Купидон, запертый внутри дома в отдельную комнату, бдительно оберегался, отчасти для того, чтобы он пылкою резвостью не разбередил себе рану, отчасти для того, чтобы он с желанной своей не встретился. Так прошла темная ночь для разделенных, хотя и под одной кровлей, но отдельно друг от друга находившихся любовников.

Но как только Аврора выехала на небосвод, Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами:

— Видишь вон там рощу, что тянется вдоль берега речки, по глубоким пучинам которой не скажешь, что истоки ее совсем недалеко. Там без всякого призора бродят откормленные овцы, покрытые золотым руном. Я приказываю тебе немедленно принести мне клочок драгоценной шерсти, добыв его каким угодно способом.

12. Психея охотно отправилась, не столько для того, чтобы оказать повиновение, сколько для того, чтобы, бросившись с берега в реку, обрести успокоение от бед своих. Но вдруг из реки сладчайшей музыки родитель, легким шелестом ветерка нежнейшего, свыше вдохновенный, так вещает тростник зеленый:

— Психея, столько бед испытавшая, не пятнай священных вод моих злосчастною своею смертью и не приближайся, смотри, в настоящее время к этим ужасным овцам: во время солнечного зноя на них обычно нападает бешенство, и они причиняют смертный вред людям то острыми рогами, то лбами крепкими, то, наконец, ядовитыми укусами; но когда после полудня спадет сырой жар и стадо освежится речною ясностью, тогда ты можешь спрятаться под широким платаном, что почерпает себе влагу из одной реки со мною. И как только овцы отойдут от бешенства, ты найдешь золотую шерсть, застрявшую по склоненным веткам, лишь стоит потрясти верхушки соседних деревьев.

13. Так наставлял простодушный и человечный тростник Психею, как избавиться ей от гибели. Она прилежно внимала его советам, и раскаиваться ей не пришлось; все в точности исполнив, она тайком набрала полную пазуху мягкой золотистой желтой шерсти и принесла Венере. Однако

не вызвало одобрения у госпожи вторичное исполнение вторичного сопряженного с опасностью приказа. Нахмурив брови и горько улыбнувшись, говорит она:

— Небезызвестен мне и этого подвига прелюбодейный свершитель! Но вот я испытаю как следует, действительно ли ты обладаешь присутствием духа и особенным благоразумием. Видишь там высочайшую скалу на высящейся вершине крутой горы, откуда из сумрачного источника истекают темные воды, что, остановившись сначала во вместилище этой долины, орошают стигийские болота и хриплые волны Коцита питают. Оттуда, из самого родника глубокого источника зачерпнув, ледяной воды немедленно принесешь ты в этой скляночке.

С этими словами передает она ей бутылочку из граненого хрусталя, присовокупляя яростные зароки и проклятия.

Та, с усердием, ускорив шаг, достигла самой вершины горы, думая, не найдет ли хоть там конца горестной своей жизни. Но как только добралась она до мест, прилежащих к указанной верхушке, видит она смертельную трудность необъятного этого подвига. Невероятная по своей громадности и безнадежная по недоступной крутизне скала выбрасывала из каменистых теснин приводящие в ужас родники; падая почти отвесно из расщелин, они сейчас же сбегали по круче и, скрывшись в выбитом русле узкого канала, неприметно для глаза вытекали в соседнюю долину. Направо и налево из глубоких отверстий выглядывали, вытянув длинные шеи, свирепые драконы, глаза которых обречены были на неусыпное бдение и зрачки которых вечно были открыты. К тому же воды, обладающие даром речи, и сами себе в защиту поминутно восклицали: «Назад! что делаешь! смотри! куда! берегись! беги! погибнешь!» Окаменела Психея, видя невыполнимость своей задачи, телом была здесь, но чувствами отсутствовала, и, подавленная совершенно тяжестью безвыходной опасности, даже последнего утешения, слез, была она лишена.

15. Но не скрылись от справедливых взоров благостного провидения страдания души невинной. Царственная птица Юпитера всевышнего, внезапно распростерши в обе стороны крылья, предстал хищный орел и, вспомнив старинную свою службу, когда по наущению Купидона похитил он для Юпитера фригийского виночерпия[12], подумал, что, оказав благовременную помощь супруге, почтит он самого, и, покинув высоты стезей Юпитеровых, стал летать пред лицом девушки и так к ней повел речь:

— И ты надеешься, простушка, неопытная в таких делах, хоть одну каплю достать украдкой или хотя бы приблизиться к этому не менее священному, чем грозному, источнику. Узнай, что ужасные стигийские воды самими богами, даже Юпитером, упоминаются только в клятвах, ибо, как вы клянетесь божественной силой богов, так небожители имеют обыкновение призывать в свидетели Стиксово величие. Но дай мне твою склянку.

Быстро взяв ее в свои когти и приведя в равновесие громаду колеблющихся крыл, спешит средь ряда драконовых пастей с оскаленными зубами и трехжалыми языками, уклоняясь то вправо, то влево, к желанным водам; когда же те в защиту себя стали кричать, чтобы удалился он, покуда цел, он выдумал в ответ им, что стремится к ним он по приказанию Венеры, исполняя ее порученье, ввиду чего ему свободнее дана была возможность доступа.

16. Наполненную таким образом скляночку Психея с радостью получила и как можно скорее отнесла к Венере. Но даже и теперь не могла снискать одобрения у разгневанной богини. Та со зловещей улыбкой, сулящей для бедной еще большие и злейшие беды, обращается к ней:

— Как вижу, ты — великая и опытная колдунья, что так совершенно исполняешь столь трудные задачи. Но вот что, милочка, должна ты для меня сделать. Возьми эту баночку, — и передала ей, — и скорее отправляйся в преисподнюю, в загробное царство самого Орка. Там отдашь баночку Прозерпине и скажешь: «Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела и истратила, покуда ухаживала за больным сыном». Но возвращайся не мешкая, так как мне нужно воспользоваться ею очень скоро, перед тем как я пойду на театр богов.

17. Тут, больше чем когда-либо, почувствовала Психея, что настал ее последний час, так как все ясно, без всякого прикрытия, указывало, что посылают ее на верную гибель. Чего же больше? Приказывают ей добровольно, своими ногами отправляться в Тартар, к душам усопших. Не медля более, устремилась она к некоей превысокой башне, собираясь броситься оттуда вниз, так как считала, что таким путем лучше и скорее всего можно низойти в преисподнюю. Но башня неожиданно издает голос и говорит:

— Зачем, бедняжка, искать тебе гибели в пропасти? Почему новые опасности и труды так легко удручают тебя? Ведь раз дух твой отделится от тела, конечно, пойдешь ты в глубокий Тартар, но назад оттуда ни при каких условиях не вернешься. Послушай меня.

18. Неподалеку отсюда находится Лакедемон, престольный город благородной Ахайи; по соседству с ним отыщи Тенар, окруженный безлюдными местностями. Там расщелина Дита, и через открытые врата виден путь бездорожный; лишь преступишь порог, жалость сразу тебя охватывает, и прямым направлением достигаешь Оркского царства.

Но вступать в этот сумрак должна ты не с пустыми руками: в каждой держи по куску ячменной лепешки, замешанной на меду с вином, а во рту неси две медные монеты. Сделав уже значительную часть смертоносной дороги, встретишь ты хромого осла, нагруженного дровами, и при нем хромого же погоняльщика; он обратится к тебе с просьбой поднять ему несколько полешек, упавших из вязанки, но ты не подавай голоса ни под каким видом и молча иди дальше. Вскоре дойдешь ты до реки мертвых, над которой начальником поставлен Харон, он сейчас же потребует пошлины и тогда только перевезет в рогожном челне на другой берег. Значит, и среди умерших процветает корыстолюбие: ни Харон, ни сам великий бог Дит ничего не делают даром, и умирающий бедняк должен запастись деньгами на дорогу, потому что без того, чтобы у него не было наличной меди, никто не допустит его испустить дух. Растрепанному этому старику ты и дашь в уплату за перевоз один из медяков, которые будут с тобою, но так, чтобы он сам вынул у тебя его изо рта. Когда будешь ты переправляться через медлительный поток, еще выплывет мертвый старик на поверхность и, простирая к тебе истлевшую руку, будет просить, чтобы ты втащила его в лодку, но ты не поддавайся недозволенной жалости.

Венера и Амур

19. Когда, переправившись через реку, ты отойдешь немного, увидишь старых ткачих, занятых тканьем; они попросят, чтобы ты слегка приложила руку к их работе, но это не должно тебя нисколько касаться. Потому что все это и многое еще другое будет возникать по коварству Венеры, для того чтобы ты выпустила из рук хотя бы одну из ячменных лепешек. Не думай, что пустое, ничтожное дело — потерять эти лепешки: если одну хотя бы утратишь, снова света белого не увидишь. Преогромный пес, наделенный тремя большими головами, громадный и страшный, бешеным лаем тщетно пугая мертвых, которым зла причинить не может, у самого порога и черных сеней Прозерпины лежа, постоянно охраняет обширные палаты Дита. Дав ему для укрощения в добычу одну из лепешек, ты легко пройдешь мимо него и достигнешь скоро до самой Прозерпины, которая примет тебя любезно и милостиво, будет уговаривать сесть поудобнее и отведать пышной трапезы. Но ты сядь на пол и возьми только черного хлеба, наконец, доложи, зачем ты пришла, и, приняв, что тебе дадут, возвращайся обратно; смягчи ярость собаки оставшейся лепешкой, заплати скупому старику за перевоз медную монету, которую ты сохранишь, и, переправившись через реку, прежней дорогой снова вернешься и снова увидишь хоровод небесных светил. Но вот о чем я считаю нужным предупредить тебя прежде всего: не вздумай открывать баночку, которая будет у тебя в руках, и не старайся увидеть скрытые в ней сокровища божественной красоты.

20. Так вещая башня изложила свое пророчество. Психея не мешкая направляется к Тенару, взяв, согласно наставлению, медные деньги и лепешки, пускается по загробному пути; молча пройдя мимо убогого погонщика ослов, дав медяк перевозчику за переправу, оставив без внимания просьбы выплывшего покойника, пренебрегши коварными мольбами ткачих, утишив устрашающую ярость пса лепешкой, проникает она в чертоги Прозерпины. Не прельстившись предложением хозяйки кресел мягких, яств роскошных, но сев смиренно у ног ее и удовольствовавшись простым хлебом, передала она поручение Венеры. Сейчас же запрятала наполненную и закупоренную баночку и, приманкой следующей лепешки заткнув глотку лаявшему псу, оставшимся медяком заплатив за перевоз, выбралась из преисподней гораздо бодрее, чем шла туда. Снова увидела она свет белый и поклонилась ему. Но хотя и торопилась она поскорее исполнить поручение, но дерзкое любопытство овладело ею. «Нести с собой божественную красоту и не взять от нее хоть немно-

жечко для себя, чтобы понравиться прекрасному моему возлюбленному!» И, подумав так, открывает баночку.

21. Там ничего решительно нет, никакой божественной красоты; только сон подземный, поистине стигийский, сейчас же вырвавшийся из-под крышки, на нее находит; по всему телу разливается густое облако оцепенения и овладевает ею, упавшей на той же тропинке, не будучи в состоянии шагу ступить дальше. И лежала она неподвижно, словно объятая смертельным покоем. А Купидон, выздоровев от тяжкой своей раны, с трудом перенося столь долгое отсутствие своей Психеи, ускользнул через высокое окно комнаты, где был заключен, и, с удвоенною быстротой помчавшись на отдохнувших за долгий покой крыльях, нашел свою Психею, и, тщательно сняв с нее сон и запрятав его на прежнее место в баночку, Психею будит безопасным уколом своей стрелы и говорит:

— Вот ты, бедняжечка, опять чуть не погибла из-за того же все твоего любопытства. Но покуда что усердно исполни свою задачу, порученную тебе по приказанию моей матери, а об остальном я позабочусь.

С этими словами возлюбленный вспорхнул на крыльях, а Психея поспешила отнести Венере Прозерпинин подарок.

22. Меж тем Купидон, воспламененный сильной любовью и боясь внезапной суровости своей матери, вспомнил о своем происхождении и, достигнув на неутомимых крыльях самой выси небес, обращается с мольбами к Юпитеру и излагает ему суть дела. Тогда Юпитер, взяв Купидона за щеку и приблизив к своему лицу, расцеловал его и говорит:

— Хоть ты, почтеннейший сын, никогда не отдавал мне должного почтения, присужденного мне собранием богов, а, наоборот, грудь мою, где предопределяются законы стихии и течения светил, часто поражал ударами, нередко ранил случаями земных вожделений, так что пятнал мою честь и доброе имя, заставлял нарушать законы, в особенности Юлиев закон, и общественную нравственность, унизительным образом меняя пресветлый лик свой на образ змеи, огня, зверей, птиц и домашнего скота, но, памятуя о своей скромности, а также и о том, что ты вырос на моих руках, исполняю все твои желания, только сумей успокоить своих противников. Кроме того, в ответ на настоящее благодеяние должен ты, если на земле в настоящее время находится какая-нибудь девица выдающейся красоты, устроить мне ее в виде благодарности.

23. Сказав так, отдает он приказание Меркурию немедленно созвать всех богов на заседание и объявить, что на того, кто не явится к небесному совету, будет наложен штраф в десять тысяч нуммов. Под страхом такой пени небожители быстро наполняют покои, и Юпитер, сидя выше всех на возвышенном седалище, так возглашает:

— Боги, выборные по спискам Муз, конечно, вы знаете этого юношу, которого собственноручно я вынянчил. Решил я некую узду наложить на буйные порывы его юного возраста; хватит с него, что ежедневно его порочат россказнями о прелюбодеяниях и всякого рода сквернах. Вырвать надлежит всякий повод к этому и мальчишескую распущенность обуздать брачными путами. Он остановил свой выбор на некой девушке и невинности лишил ее; пусть же она останется при нем, пусть он ею владеет и в объятиях Психеи да наслаждается вечно любовью.

И, обратясь к Венере, продолжает:

— А ты, дочка, отбрось всякую печаль и не бойся, что твой род или положение пострадает от брака со смертной. Я уже сделаю так, что союз не будет неравным, но законным, сообразным гражданским установлениям.

Тут отдает приказ Меркурию сейчас же взять Психею и доставить на небо. Протянув чашу с амврозией, говорит:

— Прими, Психея, стань бессмертной, да никогда Купидон не отлучается объятий твоих, и да будет союз ваш на веки веков.

24. Немедленно свадебный стол роскошный устраивают. На возвышенном ложе возлежал новобрачный, прижав к персям своим Психею. В таком же положении находился и Юпитер со своей Юноной, а за ними по порядку и остальные боги. Чашу с нектаром, что богам вино заменяет, Юпитеру подавал кравчий его, пресловутый отрок сельский, остальным гостям подносил Либер, Вулкан — кушанья готовые. Оры все осыпали алыми розами и прочими цветами. Грации окропляли благовониями, Музы оглашали воздух пением, Аполлон пел под кифару, прекрасная Венера в такт музыке сладкой плясала, так устроив себе сопровождение, что Музы пели и играли на флейтах, а Сатиры и Паны дули в свирели. Так по чину передана была в Купидоновы руки Психея. И в определенный срок родилась у них дочка, которую зовем мы Вожделение.

23. Plot. III 5 (Трактат «Об Эроте»)

1. *Эрот как аффект души*[13]. Относительно Эрота, *бог* ли он или *гений* (daimon) или некий *аффект* (pathos) *души* и каково каждое из этих явлений, целесообразно рассмотреть как мнения, возникающие у прочих людей, так и те, которые получились в философии, а в особенности то, что допускает божественный Платон, который, как известно, много писал об Эроте в разных местах своих сочинений. Как всем известно, он высказал, что Эрот есть не только некий аффект, возникающий в душе, но он утверждает, что Эрот есть гений; и он дал подробное разъяснение об его происхождении, как и от кого он родился [Phaedr. 252 b, Conv. 203 a слл.]

Итак, относительно того аффекта, причиной которого мы считаем Эрота, очевидно, никто не отрицает того, что он возникает в душах, стремящихся сплетаться с чем-то *прекрасным*, и что это стремление, с одной стороны, возникает у мудрых, интимно сблизившихся с самой красотой, а с другой — оно хочет прекращения действий, связанных с чем-нибудь дурным. Вот тут-то и стоит рассмотреть при помощи философии, откуда же ведет начало тот и другой [Эрот].

Я думаю, что если положить *в качестве начала красоты-в-себе первичное влечение в душах, признание, сродство и бессознательное чувство интимности* (oiceiotetos alogon synesin), то можно напасть на истинную причину. Действительно, безобразное противоположно и природе и богу. Ведь природа творит, взирая на прекрасное; она смотрит на определенность, лежащую в ряду блага. А неопределенное — безобразно и лежит в другом ряду. Ясно, что оттуда и происхождение природы — из благого и в особенности из прекрасного. К чему кто имеет чувство и чему он сродни, к образам того он стремится приблизиться. Если же кто-нибудь отвергнет эту причину, он не сможет сказать, ни откуда происходит этот аффект, ни по каким причинам, даже в отношении тех случаев Эрота, которые возникали благодаря [плотскому] соитию.

Ведь эти [чувственные люди] хотят «рождать в красоте» [Conv. 206 e]. Нелепо же, в самом деле, природе, желающей создать прекрасное, желать родить в безобразии. Впрочем, для тех, кто стремится рождать чувственно, достаточно иметь и чувственно-прекрасное, что наличествует в образах и телах, поскольку для них нет *первообраза*, который был бы у них причиной любви к данному определенному человеку. И это вызывает к себе любовь как *образ* — у тех, кто пришел от здешнего к воспоминанию тамошнего. Но у тех, кто не имеет воспоминаний, оно, по незнанию аффекта, представляется как истинное. При этом для мудрых сближение с здешней красотой происходит непогрешительно, падение же к соитию оказывается грехом. И у кого существует чистый Эрот к прекрасному, предметом любви оказывается только красота, пришел ли он к воспоминанию или нет. У кого же примешано еще и другое вожделение, а именно к «бессмертию» (поскольку оно [возможно] «в смертном»), тот разыскивает прекрасное в «непреходящем» и вечном [ср. Conv. 206 e] и засевает, идя согласно природе, и рождает в прекрасном, засевая на вечность в прекрасном по сродству с прекрасным. Потому-то вечное и сродни прекрасному и вечная природа есть первично таковое прекрасное и все таковое, что от него.

Следовательно, не желающее рождать более довлеет прекрасному; стремящееся создать что-нибудь прекрасное стремится создавать из-за нужды, оно не самодовлеет и если создаст таковое, то думает, что должно породить в прекрасном. Те же, кто хочет рождать запретным путем и вопреки природе, они, положивши начало движения соответственно природе, но, ввиду возникновения шаткости, как бы соскользнувши с этого пути в сторону, — они лежат после падения, не зная ни того, к чему вел их Эрот, ни стремления к рождению, ни пользования образом красоты, ни того, что такое красота сама по себе. Напротив того, те, которые любят прекрасные тела не ради соития, любят их [только] потому, что они прекрасны; а те, кто любит так наз. смешанной любовью, любит женщин, чтобы достигнуть вечности [продолжения рода]. Не ошибаясь в таковом, и те и другие сохраняют мудрость. Но первые — лучше. В то же время одни довольствуются почитанием здешней красоты; другие же, которые вспомнили, почитают и ту, но не принижают и эту — как бы некое произведение и игривое отображение той. Последние обращаются с прекрасным вне безобразия, в то время как первые впадают из-за прекрасного в безобразие, так как стремление к благу часто вызывает отпадение к злу.

Вот что можно сказать об аффектах души.

2. ***Эрот как бог; его сущность.*** В особенности же нужно философствовать о том, кого называют богом не только прочие люди, но и богословы и во многих местах Платон, утверждая, что Эрот — сын Афродиты [Phaedr. 242 d] и что заданием для него является быть надзирателем за прекрасными мальчиками [Phaedr. 265 c] и возбудителем душ к тамошней красоте, а также и увеличивать стремление туда, если оно уже возникло. И в особенности необходимо принимать во внимание то, что сказано в «Пире», где Платон утверждает, что Эрот произошел не от Афродиты, но от Пении и Пороса в день рождения Афродиты. Смысл требует сказать что-нибудь и об Афродите, из нее ли, как говорят, произошел Эрот или [только] вместе с нею.

Итак, прежде всего, что такое Афродита? Затем, как из нее или с нею произошел Эрот, или какой смысл имеют выражения «из нее» и в то же время «с нею»? Как известно, мы утверждаем, что Афродита бывает двоякая. Одну мы называем «небесной, дочь Кроноса»; другую же — «дочерью Зевса и Дионы», скрепительницей здешних браков [Conv. 180 d, e]. Первая не имеет *матери*; она — по ту сторону браков, так как на небе не существует браков. Эта, так наз. Афродита *небесная*, происходящая от Урана — а он есть ум, — по необходимости оказывается *божественнейшей душой, непосредственно* [истекающей] *в своей чистоте из него, чистого, и пребывающей в высоте*, так как она и не хочет и не может прийти в здешний мир. По природе своей она не спускается вниз, *будучи отделенной* [от материи] *ипостасью и сущностью, не причастной материи*, — откуда и сказано образно, что она не имеет матери.

Амур с луком в руке

Очевидно, справедливо было бы назвать ее *богом*, а *не гением*, поскольку она несмешанна и пребыла в себе чистой. Действительно, она и сама по природе чиста, происходя непосредственно из ума, — потому что она сильна сама по себе, своей к нему близостью, потому что она, даже при наличии вожделения и установки на рождение, достаточна для того, чтобы удержаться в высоте. Поэтому душа не могла бы и пасть, завися от ума в гораздо большей степени, чем если солнце имеет из самого себя свет, который светит вокруг него и который, из него происходя, остается от него в зависимости.

Но если она следует за Кроносом, или, если угодно, за Ураном, отцом Кроноса, то она проявила свою деятельность в отношении него и интимно сблизилась с ним и, возымевши любовь, *породила Эрота*. И вместе с ним *она обращает на него взоры, и ее энергия создала ипостась и сущность, и оба они взирают туда, родившая и рожденный*, прекрасный Эрот, — ипостась, вечно установленная на другое прекрасное и обладающая бытием в этом среднем начале между вожделением и предметом вожделения, око вожделеющего, которое при помощи себя самого доставляет тому, кто любит, способность видеть предмет вожделения. Сам же он бежит впереди, еще прежде, чем доставит ему способность видеть при помощи собственного органа, сам наполняясь видением и созерцая раньше, хотя и неодинаково, — так, как прежде предмет виде-

ния водружается [только] в том [любящем]. Сам же он наслаждается созерцанием прекрасного, которое ему сопутствует.

3. ***Продолжение.*** Нельзя сомневаться, что Эрот есть *ипостась и сущность из сущности, меньшая,* правда, чем сотворившая, но все же *сущая.* Действительно, та [божественная] душа есть сущность, возникшая из предшествующей ей энергии [ума], проявляющая жизнь и относящаяся к сущности сущего, в то время как она взирает на ту, которая является первой сущностью, и взирает с силой. Именно, последняя была для нее первым предметом видения; и видела она ее как для себя благое и видением радовалась. И этот предмет видения был таков, что видящее [здесь] создавало свое созерцание не мимоходом, что она как бы *своим наслаждением, напряжением* к тому же и неистовством созерцания породила из себя нечто *достойное и себя самой и предмета видения.* Поэтому из напряженно действующего относительно видимого и из того, что как бы истекает из видимого, появилось *наполненное око,* как бы видение при помощи образа, *Эрот,* причем отсюда, может быть, скорее произошло для него и самое наименование, так как свою ипостась он имеет от видения. Ведь аффект-то получает свое наименование, по-видимому, от этого, если только сущность раньше несущности и самый аффект-то обозначает любовь, т. е. если только Эрот содержит в себе отношение к определенному лицу. В абсолютном смысле ведь нельзя было бы говорить об Эроте [ср. Conv. 199 d сл.].

Таков, следовательно, был бы Эрот высшей души, созерцающий и сам пребывающий в высоте, так как он — ее спутник, ею и из нее рожденный, довольствуясь созерцанием богов. Если мы считаем отделенной [от материи] ту душу, которая первоначально осветила небо, то мы будем считать *отделенным и этого Эрота,* поскольку мы в предпочтительном смысле назвали эту душу небесной. Ведь и когда о наилучшем в нас утверждаем, что оно — *в нас,* мы все-таки полагаем его отделенным. Но только пусть оно будет там, где пребывает *чистая душа.*

Однако, с другой стороны, поскольку необходимо, чтобы существовала душа и здешней вселенной, возник вместе с нею уже и *другой Эрот,* тоже ставший оком из ее влечения. Так как эта Афродита относится к космосу и оказывается не только душой и не *просто душой,* то она и Эрота породила в этом космосе, который и сам соприкоснулся с *браками,* и, поскольку сам он связан влечением ввысь, постольку приводит он в движение и души мальчиков и обращает ввысь ту душу, к которой он присоединился, в меру того, что и она сама, по природе своей, приходит к памяти о тамошнем. Ведь всякая душа стремится к благу, и смешанная, и ставшая индивидуальной. Она тоже примыкает к той и из нее происходит [ср. Phaedr. 246 b].

4. ***Эрот как гений; его сущность [сын Афродиты].*** Но имеет ли *каждая отдельная душа* такого Эрота в его сущности и ипостаси? В самом деле, почему всеобщая душа и душа [мирового] целого будет иметь ипостасного Эрота, а душа *каждого из нас* не будет иметь? Кроме того, и душа во всех прочих живых существах. *Вот этот-то Эрот и есть гений,* который, как говорят, сопровождает каждого, индивидуальный Эрот каждого в отдельности.

Действительно, этот Эрот, надо думать, есть тот, который создает вожделения, когда каждая отдельная душа устремляется соответственно приро-

де и порождает Эрота в соответствии с природой каждой отдельной души в смысле достоинства и сущности. Поэтому пусть всеобщая душа имеет всеобщего Эрота, *и пусть все частичные души и каждая в отдельности имеют своего собственного*. В каком отношении ко всеобщей душе находится каждая в отдельности, не отрываясь [от нее], но [ею] обнимаясь (так что все они суть одна), в таком же отношении находится, надо полагать, и каждый отдельный Эрот ко всецелому. В свою очередь и частичный Эрот сосуществует с частичной душой, и тот великий сосуществует со всецелой; и Эрот в [мировом] целом — с повсеместно [мировым] целым, и этот единый Эрот опять становится многими и повсеместно проявляется в [мировом] целом, где только хочет, получая форму в собственных своих частях и образное представление по произволу.

Эрос, держащий корону

Необходимо полагать, что во всецелом *существует и много Афродит и что также с Эротом возникли в нем и гении, истекшие из некоей всеобщей Афродиты*, зависящие от нее во множественности своего частичного бытия с собственным Эротом, если только душа — мать Эрота, Афродита — Душа, а Эрот — энергия души, устремленной ко благу. Следовательно, этот Эрот, ведущий каждую душу к природе блага, оказывается богом высшей души, который вечно связывает душу с ним [благом], и — гением в отношении [души] смешанной.

5. ***Общие вопросы о природе Эрота и гениев вообще***. *Но какова же природа гения* и вообще природа гениев, о которой говорится в «Пире», природа и прочих и самого Эрота, рожденного от Пении и Пороса, сына Метиды, в день рождения Афродиты [Conv. 202 e—203 c]? Мнение о том, что Платон под этим Эротом понимает здешний космос, а не родившегося в нем Эрота как его момент, встречает против себя много возражений, поскольку о космосе говорят, что это бог, блаженный и самодовлеющий, а об этом Эроте муж [философ] признал, что он не бог и не самодовлеющий, но что он вечно пребывает в нужде [Conv. 202 c, d]. Затем, если космос состоит из души и тела, а душа космоса — для него Афродита, то необходимо, чтобы Афродита была главным моментом Эрота. Или если Эрота рассматривать как его [мировую] душу, подобно тому, как человек есть человеческая душа, то Эрот окажется самой Афродитой. Затем, почему он как гений должен быть космосом, а прочие гении (ясно ведь, что они из той же самой сущности) не будут? Именно, космос тогда будет как раз этим, совокупностью гениев. И как же тогда может быть космосом гений, названный наставником прекрасных мальчиков? Непокрытое, необутое, бездомное [Conv. 203 c, d, Phaedr. 265 c], — как оно могло бы с этим согласоваться иначе, чем только [очень] скудно и разноголосно?

6. ***Продолжение.*** Однако, что же нужно сказать об Эроте и об упомянутом его происхождении? Ясно, стало быть, что надо понять, кто такая Пения и кто такой Порос и как приспособлены они к тому, чтобы быть его родителями. Ясно, что нужно приспособить их и для других гениев, если только должна быть одна природа и сущность гениев как гениев, поскольку они не обладают одним только общим именем. Поэтому исследуем, *как мы отличаем богов от гениев (хотя часто мы и называем гениев богами*, именно — поскольку мы полагаем, что один род их — одно, а другой — другое.

Итак, мы утверждаем и полагаем, что *род богов — неаффицируем*; гениям же мы присваиваем *аффекты*, хотя и называем их вечными в их непосредственной близости к богам, но — уже в отношении нас, посредине между родом богов и нашим. Но как же они не остались неаффицируемыми, как спустились они своею природою к худшему? Кроме этого надо исследовать еще и то, действительно ли нет ни одного гения в умопостигаемом [мире], а в этом космосе, наоборот, существуют только гении, бог же ограничен пределами умопостигаемого мира, или существуют боги и здесь и самый космос есть третий бог, как обычно говорится, и — каждый бог вплоть до Луны?

Более основательно говорить, что в умопостигаемом [мире] *не существует никакого гения*, но, если и есть там гений-в-себе, то он есть [просто] бог, и точно так же, что видимые боги в чувственном мире вплоть до Луны суть вторичные после тех и что они существуют соответственно тем, умопостигаемым, завися от них, как сияние — в отношении каждого светила. Но как же нужно понимать гениев? Не есть ли они именно *след в каждой душе*, когда возникает в космосе душа? И почему в космосе? Это потому, что чистая [душа] рождает бога и что мы называли ее Эрота богом.

Прежде всего, следовательно, почему не все гении Эроты? Затем, почему также и они не чисты от материи? Эроты — те, которые родятся, когда душа стремится к благу и красоте, и все здешние души порождают этого гения. Другие же гении происходят из души [мирового] целого; рождаясь при помощи [совсем] других потенций ради необходимости целого, они наполняют и соуправляют каждой вещью в интересах [мирового] целого. Ведь душа [мирового] целого должна довольствоваться самим [мировым] целым, порождая потенции, соответствующие ее целому.

Но каким же образом и *какой материи* они причастны? Очевидно, не телесной материи, так как тогда получились бы чувственные живые существа. И если они принимают воздушные или огненные тела, то во всяком случае необходимо, чтобы их природа сначала была отличной от этого, чтобы [потом уже] они были причастны телу. Ведь чистое не сразу смешивается с телом насовсем, хотя многим и кажется, что сущность гения, поскольку он — гений, соединяется с каким-то телом — воздухом или огнем. Тогда почему одна сущность смешивается с телом, а другая — нет, если нет никакой причины для смешиваемой [сущности]? Что же это за причина? Необходимо признать, что *это есть умопостигаемая материя*, чтобы участвующее в ней достигло при ее помощи и этой материи тел.

7. ***Эрот как гений; сын Пороса и Пении.*** Вследствие этого в описании происхождения Эрота Платон говорит, что Порос имел опьянение от нектара (поскольку вина еще не было) [Conv. 203 b], с тем чтобы установить, что *Эрот произошел до чувственности и что Пения участвовала в умопостигаемой природе, а не в образе умопостигаемого*, перешедшем оттуда в явление, что, напротив того, она породила ипостась Эрота, возникши еще тем и *смешавшись из формы [«эйдоса»] и неопределенности*, которую душа имеет еще прежде достижения блага, предчувствуя его существование по неопределенному и безграничному представлению. Именно, разум [logoi], возникший в неразумии, в неопределенном стремлении и темной ипостаси, создал то, что возникло, не в качестве совершенного и достаточного, но — ущербного, потому что возникло оно из неопределенного стремления и достаточного разума. Притом *разум этот не чистый*, как имеющий в самом себе стремление, неопределенное, неразумное и безграничное. Он ведь никогда и не наполнится, покамест будет содержать в себе природу неопределенного. Он зависит *от души*, потому что возник из нее как из принципа, будучи смесью из разума, не пребывающего в самом себе, но смешанного с неопределенностью, в то время как не он сам смешался с нею, но то, что из него, смешалось с нею. И Эрот этот есть как бы жало, по самой своей природе не удовлетворенное. Потому, даже когда он достигает цели, он по-прежнему не удовлетворен. Да и не может он наполниться, потому что смесь к этому не способна. Только то поистине и наполняется, что и по самой природе своей пребывает в наполнении. А он стремится из-за присущей ему нужды. Даже если наполнится он мгновенно, он не удерживает этого, поскольку беспомощность его — от нужды, а способность приобретений — от природы разума [ср. Conv. 203 c—e].

Таковым же и из такового надо считать и все относящееся к гению. Каждый гений, в чем он установлен, способен к тому, стремится к тому, сродствен с соответствующим Эротом, но то же самое не наполняется этим, стремясь к чему-нибудь из частичных благ как к благу [вообще]. Поэтому и хорошие люди, если они имеют Эрота к просто хорошему и истинно сущему, обладают не каким-то [ущербным] Эротом. Те же, которые установлены соответственно другим гениям (каждый установлен соответственно особому гению), отбрасывают в качестве недеятельного тот, который приняли в абсолютном смысле, и действуют согласно с другим гением, которого они избрали по созвучию с тем или иным действующим в них частичным моментом души. Стремящиеся же к дурному связали все находящиеся в них Эроты наличными в них дурными вожделениями, равно как и правый разум, врожденный им, — дурными представлениями, в них возникшими.

Следовательно, природные Эроты и соответственные природе прекрасны. И если Эроты души хуже в смысле достоинства и силы, то Эроты лучшей души сами лучше. Все же они относятся к сфере сущности. Что же касается противоестественных Эротов, то они — аффекты заблудших. *Они ни в каком случае не сущности и не сущностные ипостаси*, поскольку они уже не рождаются от души, но возникают одновременно со злом, когда душа порождает подобное же в своем устроении и состоянии.

Ведь и вообще истинное благо, оказывается, есть сущность души, действующей соответственно природе в том, что имеет предел. Прочее же создает она не из себя, это — то, что есть не что иное, как аффекты. Точно так же ложные мысли не имеют под собой сущностей, как то, что действительно истинно, вечно, пребывает в пределе, как то, что имеет мышление, мыслимое и бытие не только в простом [абсолютном], но и в каждом отдельном предмете из сферы истинного — умопостигаемого и из сферы ума, наличного в каждом отдельном эйдосе. Необходимо полагать и в каждом из нас мышление и мыслимое *в чистом смысле*, в то время как [фактически] мы не являемся этим сразу и просто. Поэтому и Эрот у нас направлен *к простому*; отсюда и — мысли. И если он направлен к чему-нибудь *частичному*, то это [только] случайно, подобно тому, как если этот вот треугольник рассматривать в виде [суммы] двух прямых углов, поскольку они и являются треугольником просто.

8. ***Зевс и его сад.*** Но что такое *Зевс, о саде которого* говорит Платон: «куда вошел Порос»? И что это за *сад*? Афродита, как мы знаем, это — душа в нас; Порос — это, как сказано, разум всего. Но чем же надо считать эти предметы — Зевса и его сад? Душой уже нельзя считать Зевса, если мы под таковой понимаем Афродиту. Значит, необходимо и здесь взять у Платона то, когда он говорит в «Федре» [246 e], что этот бог есть «великий вождь», давая ему, как я думаю, третье место среди прочих, и еще яснее в «Филебе» [30 d], когда он утверждает, что *«в Зевсе существует царская душа и царский ум»*. Если, стало быть, Зевс есть великий ум и душа и полагается в сфере причин, а полагать его надо как сильнейшее и по другим основаниям, и потому, что царское и водительное начало относится к причине, то *Зевс и будет соответствовать уму*, а Афродита, его дочь, из него и с ним происшедшая, займет место соответственно *душе*, получивши наименование Афродиты по красоте, блеску и по беспорочности и нежности души. Кроме того, если мы устанавливаем мужские божества соответственно уму, а женские — соответственно их душам (поскольку каждому уму соприсуща душа), то еще и потому Афродита окажется душой Зевса, причем для такого рассуждения свидетелями опять являются жрецы и богословы, которые сводят Геру и Афродиту к одному и тому же и утверждают, что звезда Афродиты на небе есть звезда Геры.

9. ***Порос в саду Зевса.*** Итак, Порос, будучи разумом в сфере умопостигаемого и ума, изливаясь все больше и больше и как бы распускаясь, возникает вблизи души и в душе. Ведь то, что заключено в уме, приходит к нему не из другого. А к Поросу, когда он опьянел, состояние полноты пришло извне. Но наполняемое там нектаром — чем же может быть иным, как не разумом, ниспавшим от лучшего принципа к худшему? Следовательно, разум этот, появившийся в душе от ума, влился в его сад, когда, как сказано, родилась Афродита. Всякий же сад есть украшение, роскошное убранство богатства. Разумом Зевса украшается и его убранство, от его ума идущие к душе украшения. Или чем же еще может быть сад Зевса, как не его *образом* (agalmata) и *украшением* (aglaismata)? И чем же еще могут быть его украшения и наряды, как не *смыслом* (logoi), *из него истекающим*? Следовательно, *одновременно смыслы, Порос, обилие*[14] *и богатство прекрасного, взятое уже в своем явлении, — это-то и есть опьянение нектаром.* Чем же является нектар для богов, как не тем, чем питается божественное? Питается же оно тем, что *подчиняется уму*, [т. е.]

смыслом. Ум же содержит себя самого в насыщении, не прибегая для этого к опьянению, так как он ничего не имеет извне. Смысл есть порождение ума, ипостась *после ума*, и так как он уже не принадлежит ему, но пребывает в ином, то и говорится, что он лежит в саду Зевса-ума, в то самое время, когда Афродита, по сказанному, получает бытие в сущем.

10. ***Пения в саду Зевса.*** Если только мифы должны быть такими, то *они производят разделения по времени* в том, о чем говорят, и различают одно от другого во многом из сущего, так как последнее хотя и существует вместе, но разделяется в смысле порядка и потенций, почему *смыслы и создают возникновение нерожденного* и сами разделяют то, что существует вместе, и, наставляя, насколько возможно, мыслящего, они доставляют ему самую связь. *Связывание же есть душа, соприсущая уму, от ума получившая бытие и, в свою очередь, наполненная смыслами.* Будучи прекрасной, она и украсилась прекрасным, наполнилась обилием, так что стало возможно видеть в ней многие украшения и образы всего прекрасного. А это все и есть Афродита; все же существующие в ней смыслы суть обилие (eyporia) и Порос, когда сверху истекает находящийся там нектар. Украшения же в ней, как покоящиеся в сфере жизни, называются садом Зевса. И там заснул Порос, отяжелевший от того, чем наполнился. Но если жизнь перешла в явление и вечно существует в сущем, то боги, говорится, *пируют* как пребывающие в таковом блаженстве.

Амур и Психея

Эрот вечно получает с необходимостью бытие этим способом из стремления души к лучшему и благу. И он был всегда, с того времени, как и [сама] душа. Он смешанная вещь, причастная нужде, поскольку он стремится наполниться, но не чуждая и обилию, поскольку ущербное ищет то, что [уже отчасти] имеет. Известно ведь, что никак не причастное благу не может и искать блага. Поэтому Эрот, как сказано, произошел от Пороса и Пении, поскольку ущерб, стремление и память о смыслах, вместе появившиеся в душе, породили энергию к благу, а это и есть Эрот.

Мать же у него Пения, потому что стремление вечно свойственно нуждающемуся. [Сама] материя есть Пения, потому что и материя испытывает нужду во всех отношениях и в смысле неопределенности вожделения к благу. Ведь в стремящемся к этому нет ни какой-нибудь формы, ни смысла. Это стремящееся, в меру своего стремления, делает предметы еще более материальными. Идеальная форма [«эйдос»] в отношении него существует только тогда, когда оно пребывает в самом себе. Если же оно [только еще] стремится ее принять, то оно делает себя, [как] долженствующее принять, — материей для того, что [именно] привходит [в него].

Таким-то образом Эрот в некотором смысле *материален*. Он — *гений*, происшедший из души, поскольку она *терпит недостаток в благе*, но он — *пребывает в стремлении*.

24. a) Paus. I 30, 1 (Эрот и Антэрот)

Перед входом в Академию есть жертвенник Эрота с надписью, гласящей, что Харм первый из афинян посвятил [жертвенник] Эроту. Тот же жертвенник, в городе, носящий название жертвенника Антэрота, как говорят, является посвящением метеков [неполноправных поселенцев] вот по какому случаю. В афинянина Мелеса был влюблен метек Тимагор. Относясь к нему с пренебрежением, Мелес велел ему, взойдя на самую вершину скалы, броситься с нее вниз. Так как Тимагор не щадил своей жизни и во всем всегда хотел делать приятное юноше, что бы он ни приказывал, то и здесь, поднявшись, он бросился вниз; когда Мелес увидал Тимагора мертвым, его охватило такое раскаяние, что он кинулся с той же скалы вниз и, упавши, умер. Вот поэтому считается, что метеки посвятили [тот жертвенник] божеству Антэроту, как мстителю за смерть Тимагора.

Ael. De n. anim. XIV 28 (p. 249 Herch.)

Другое сказание вещает, что Посейдон любил Норита [красивейшего юношу], и тот любил его взаимно (anteran) и что отсюда именно получил происхождение Антэрот, которого прославляют в гимнах.

Ср. Suid. Anteros (где подобное же объяснение ведется о взаимной любви неких Харитона и Меланиппа).

b) Hes. Theog. 201 сл. (Гимер, спутник Афродиты)

К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.

Hes. Theog. 64 (Гимер на Олимпе)

ядом жилище имеют Хариты и Гимер-Желанье.

Quint. Sm. V 71 Лос. (Гимер на щите Ахилла)

...с чудным Киприда венком. Вокруг нее Гимер летает.

c) Plat. Crat. 419 e—420 b (Различение Эрота, Гимера и Потоса)

Но himeros-то [приманка любви] придано особенно влекущим душу потоку (rho);

e

ибо так как оно сильно течет (hiemenosrhei), испытывая жажду дел, таким образом желанием течь могущественно привлекает душу, то от этой всей силы и называется himeros. Himeros называется также и pothos, означая этим стремление не к настоящему, а к находящемуся где-то и отсутствующему,

420

отчего и наименовано pothos. Pothos, когда предмет желания был присущ, называлось himeros; а то же самое himeros, когда предмет в отсутствии, называется pothos.

b

Eros же [любовь], так как он втекает (esrhei) извне, входит через глаза, а не составляет домашнего потока в том, кто его имеет, по этой причине, от втечения (esroin), в древности назывался esros; ибо тогда вместо omega

мы употребляли omicron, а теперь, omicron заменив omega, стали называть его eros.

d) Aristoph. Av. 1318—1322 (Окружение Афродиты — прозаич. пер.)

Как же не прекрасно поселиться здесь человеку? Здесь — Мудрость, Потос, бессмертные Хариты и счастливый лик ласковой Тишины.

Aristoph. Pax 456 (То же — прозаич. пер.)

[Зову] Гермеса, Харит, Гор, Афродиту, Потоса...

Anthol. Pal. X 21 (См. целиком в § 9, — об Афродите)

Правых союзница, мать быстрых, как буря, страстей (Pothon).

Luc. Deor. dial. XX 16 (Потос и окружение Афродиты)

Афродита. Обещаю тебе, что Елена будет твоей и вместе с тобой отправится к вам в Трою; я сама займусь этим делом и устрою все.

Парис. И возьмешь с собой Эрота и Гимероса и Харит?

Афродита. Непременно; и Потоса, и Гименея возьму в придачу.

Парис. Значит, под этим условием я даю тебе яблоко, под этим условием оно — твое.

Stob. ecl. I 44, p. 393 Wachsm. (Из герметической космогонии, ср. «Гермес», § 15)

Афродита не замедлила и сказала: «Я присоединю к ним [людям], о господин, Потос, Наслаждение и Смех, чтобы сродные души не выдерживали тяжелейшие наказания в течение очень большого времени».

Ср. Nonn. XXXIII 112, XXXV 115. 154. 159. 168, XL VII 443.

e) Hes. Opp. et d. 73 сл. (Пейфо, спутница Афродиты, — для Пандоры)

Девы-Хариты с царицей Пейфо золотым ожерельем
Нежную шею обвили.

f) Sapph. frg. 57 a

Сафо называет Пейфо златовидной служительницей Афродиты.

Sapph. frg. 135

Сафо называет Пейфо дочерью Афродиты.

Ibyc. frg. 5

О Евриал, Харит лучезарных ветвь,
Ты, о питомец Муз пышнокудрых! Кипридою
И нежной Пейто ты под розами вскормлен, цветущими пышно.

g) Aesch. Suppl. 1040 сл. (Пейфо, см. § 7 b)

В качестве спутников при милой матери [Афродите] — Потос и чарующая Пейфо, для которой ни в чем не бывает отказа[15].

h) Eur. Hec. 812—819 (Пейфо = «Речь»)

...Зачем,
О смертные, мы всем другим наукам
Стараемся учиться так усердно,
А Речь, единую царицу мира,
Мы забываем? Вот кому служить

Должны бы все, за плату дорогую
Учителей сводя, чтоб, тайну слова
Познавши, убеждая — побеждать!

Eur. frg. 170

Святыня у Пейфо богини только речь,
В природе человека для нее алтарь.

25. a) Serv. Verg. Aen. II 632 (Гермафродит)

[После примеров называния женских божеств мужским именем]... также существует на Кипре изображение бородатой Венеры с женским телом и одеянием, с жезлом и мужской природой; его зовут Aphroditos, и приносят ему жертвоприношения мужчины в женском одеянии и женщины в мужском одеянии.

Ср. Macrob. III 8, 1—3 (Та же мысль и совершенно те же выражения, что и в предыд.).

b) Hesych. Aphroditos

Писавший об Аматузии утверждает, что богиня эта имеет мужскую фигуру.

Suid. Aphrodito

Ее изображают и с бородой.

c) Ov. Met. IV 285—388 (Гермафродит и Салмакида)

Славой известна дурной почему, отчего расслабляет
Нас Салмакиды струя и томит нам негою тело, —
Знайте. Причина темна; но источника мощь знаменита.
Тот, кто Меркурию в дар богиней рожден Киферей,
Мальчик Наядами был в идейских вскормлен пещерах.
Было лицо у него, в котором узнать было можно
Сразу и мать и отца; и родителей имя носил он.
Вот, как только ему пятнадцать исполнилось, горы
Бросил родимые он и, оставив кормилицу Иду,
По неизвестным местам, близ рек блуждать неизвестных
Стал на утеху себе, умеряя труды любознаньем.
В грады ликийские раз он зашел и к соседям ликийцев,
Карам. Он озеро там увидал, чьи воды прозрачны
Были до самого дна. И рядом — ни трости болотной,
Ни камыша с заостренным концом, ни бесплодной осоки.
В озере видно насквозь. Края же озерные свежим
Дерном одеты кругом и зеленою вечно травою.
Нимфа в том месте жила, но совсем не охотница; лука
Не напрягала она, состязаться она не хотела
В беге, одна меж Наяд незнакомая резвой Диане.
Часто — ходит молва — говорили ей будто бы сестры:
«Дрот, Салмакида, возьми и колчан свой, расписанный краской,
Перемежи свой досуг трудами суровой охоты.
Дрот она все ж не берет, ни колчан свой, расписанный краской,
Перемежить свой досуг трудами не хочет охоты.
То родниковой водой обливает прекрасные члены
Или же гребнем своим китерским волосы чешет;
Что ей подходит к лицу, глядясь, у воды вопрошает;

То, свой девический стан сквозным окутав покровом,
Или на нежной листве иль на нежных покоится травах.
Часто срывает цветы. И тогда она тоже срывала,
Как увидала его, и, увидев, иметь пожелала.
И поспешила к нему подойти — однако не прежде,
Нежель оправилась, свой осмотрела убор, выраженье
Переменила лица и действительно стала красивой
И начала говорить: «О мальчик, тебе совершенно
Верю, что из богов; но коль бог, — Купидон ты, наверно!
Если же смертный, тогда и мать, и отец твой блаженны,
Счастлив и брат, коль он есть, и также сестра, без сомненья
Благо и ей, и кормилице, грудь дававшей младенцу.
Все же блаженнее всех, и блаженнее много, — невеста,
Если имеешь ее, и почтишь ее светочем брачным.
Если невеста уж есть, пусть тайной страсть моя будет,
Нет, — я невеста тебе, войдем же в единую спальню!»
Молвив, замолкла она; а мальчик лицом заалелся.

Афродита, несомая Эротами

Он и не знал про любовь. Но стыдливость его украшала.
Цвет у яблок такой на дереве, солнцу открытом,
Так слоновая кость, пропитана краской, алеет,
Так розовеет луна при тщетных уж меди призывах.
Нимфе, его без конца умолявшей ей дать поцелуи,
Братские только, рукой уж касавшейся шеи точеной,
«Брось, или я убегу, — он сказал, — и рощу покину!»
Та испугалась. «Тебе это место вполне уступаю,
Гость!» — сказала, и вот уж как будто отходит обратно;
Но озиралась назад и, в чащу кустарников скрывшись,
Не наблюдаем никем, в муравах луговины свободной
Ходит туда и сюда и в игриво текущую воду
Кончик ноги или всю до лодыжки стопу погружает.
Вот, замедля пленен ласкающих вод теплотою,
С нежного тела свои он мягкие скинул покровы, —
Остолбенела тогда Салмакида и страстью пылает
К юной его наготе; разгорелися очи у Нимфы,
Солнцу подобно, когда, окружностью чистой сияя,
Лик отражает оно в поверхности озера гладкой.
Дольше не в силах терпеть, через силу медлит с блаженством,

Жаждет объятий его и сдержаться не может, безумна.
Он же, по телу себя ударив ладонями, быстро
В лоно бросается вод и руками гребет очередно,
Виден в прозрачных струях, — изваянье из кости как будто
Кто-то прикрыл стеклом, как белая лилия светлым.
«Я победила, он мой!» — закричала Наяда и, сбросив
С плеч одеянья свои, в середину кидается влаги,
Силою держит его и срывает в борьбе поцелуи,
Под руки снизу берет, против воли касается груди,
Плотно и эдак и так прижимаясь к пловцу молодому.
Сопротивляется он и вырваться хочет, но Нимфой
Он уж обвит, как змеей, которую царственной птицы
К высям уносит крыло. Свисая, змея оплетает
Шею и лапы, хвостом обвивала распростертые крылья;
Так плющи по древесным стволам обвиваются длинным,
Так в морской глубине осьминог, врага захвативший,
Держит его, протянув отовсюду щупальцев путы.
Правнук Атлантов, меж тем, упирается, Нимфе не хочет
Радостей чаемых дать. Та жмется, телом прильнула,
Словно впилась, говоря: «Бессовестный, как ни борись ты,
Не убежишь от меня! Прикажите же, вышние боги,
Чтобы вовеки мне с ним не расстаться, ему же — со мною!»
Боги ее услыхали мольбу: смешавшись, обоих
Соединились тела, и лицо у них стало едино.
Если две ветки возьмем и покроем корою, мы видим,
Что, в единенье растя, равномерно мужают,
Так, лишь члены слились в объятии тесном, как тотчас
Стали не двое они, но двойственны в целом; не скажешь,
Отрок иль женщина то, но и то, и другое, и оба.
Только лишь в светлой воде, куда он спустился мужчиной,
Сделался он полумуж, и, чувствуя, как разомлели
Члены, руки простер, и голосом, правда, не мужа,
Гермафродит произнес: «Вы просьбу исполните сыну,
О мой родитель и мать, чье имя ношу обоюдно:
Пусть, кто в этот родник войдет мужчиной, отсюда
Выйдет — уже полумуж и сомлеет, к воде прикоснувшись».
Тронуты, мать и отец своего двоевидного сына
Просьбу исполнили: ток растворили таинственным зельем.

В. ЛЮБИМЦЫ

Законного мужа Гефеста, а также блуда с Аресом Афродите было мало. Имеется длинный список ее возлюбленных (некоторые в § 26).

26. Clem. Alex. Protr. II 33

Афродита далее вошла в зазорную связь с Аресом, затем перешла к Киниру, вышла замуж за Анхиза, ловит Фаэтона и любит Адониса; далее она

завидует Волоокой и из-за награды яблоком, и, сняв одежды, предстают богини пред пастухом [Парисом], прося рассудить, которая из них прекраснее.

1. АДОНИС

Среди любимцев самым важным является, пожалуй, прекрасный юноша Адонис, уже самое имя которого («господин») указывает на семитическое происхождение. Генеалогия была разная. Одни считали его (§ 27 c) сыном Феникса и Алфесибеи, другие (ibid.) — сыном пафосского царя на Кипре Кинира и Мефармы, дочери Пигмалиона (или, по другим, Агенора), третьи — сыном ассирийского царя Фейанта и дочери Мирры (или Смирны). Есть сказание даже о том, что его родил сам Зевс без всякой матери (Prob. Ecl. X 18). С рассказом о том, как его любила Афродита и как передала на хранение Персефоне (причем последняя тоже влюбилась в него и Зевсу пришлось треть года держать его у Персефоны и треть — у Афродиты), можем ознакомиться по Аполлодору (§ 27 c). По другим сказаниям (§ 28), он благополучно живет при Афродите в качестве бессменного любимца; она его постоянно целует, охотится с ним в лесах, покамест его не убивает злой кабан (или Артемида, ср. § 27 c) или даже Арес сам (Serv. Aen. V 72) или превращаясь в этого кабана (Theocr. III 48, XV 86). Отсюда знаменитые в древности плачи по умершему Адонису как самой Афродиты, так и ее оргиастических служительниц (даже еще у Сафо, § 29 a—d). Несомненна стихийно-природная и оргиастическая сущность Адонисова мифа и культа, связанная с чередованием времен года, хотя на этом лежит специфическая печать образа Афродиты. О «сирийской богине», ее культе и его распространении см. Введение к «Основным функциям Афродиты» (к этому, а также к § 27 a, b можно еще присоединить, кроме того, что Адонии праздновались и на Родосе, на Самосе, в Аргосе и др.).

Венера Морская

27. a) Luc. De dea Syr. 6 (Сирийские оргии в честь Адониса)

6. Видел я в Библе великое святилище Афродиты Библосской, в котором справляются оргии в честь Адониса. Я ознакомился и с ними. Говорят, что оргии эти установили в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и перестают плачи, приносят жертву Адонису, как умершему, и на следую-

щий день рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис. Если же какая-нибудь женщина не хочет остричь свои волосы, то ее подвергают следующему наказанию: в течение одного дня она должна стоять на площади и продаваться; доступ на площадь открыт тогда только иностранцам, а плата, получаемая от них женщиною, приносится в дар Афродите.

b) Paus. IX 41, 2 (Место почитания Адониса)

На острове Кипре есть город Амафунт, и там находится древний храм Адониса и Афродиты.

Strab. XVI 2, 18 (То же, — при описании Сирии)

Библос... посвящен Адонису.

Amm. M. XXII 9, 15 (Адонии в Антиохии)

Как раз случилось, что в эти именно дни совершался ежегодный, издревле установленный праздник, называвшийся Адонии, в честь любимца Венеры [Адониса], который, как гласит сказание, погиб от клыков кабана; это — символ жатвы дозревших злаков.

c) Apollod. III 14, 3—4 (Родословная Адониса)

(3) У Герсы и Гермеса был сын Кефал. В него влюбилась Эос [Заря]; и, соединившись с ним в Сирии, она родила Тифона, у которого родился сын Фаэтон. У Фаэтона был сын Астиной, а у Астиноя — Сандак. Последний, придя из Сирии в Киликию, основал город Келендерию, а вступивши в брак с Фарнакой, дочерью гириейского царя Мегессара, породил Кинира. Войдя в общение в народом, Кинир основал на Кипре Пафос, а женившись на Мефарме, дочери кипрского царя Пигмалиона, он породил Оксинора и Адониса и кроме них дочерей Орседику, Лаогору и Брайсию. Эти последние вследствие гнева Афродиты возлегли вместе с чужими мужьями и умерли в Египте.

(4) Адонис же, еще мальчиком, из-за гнева Артемиды умер на охоте от удара кабана. Гесиод говорит, что он сын Финика <Феникса> и Алфесибеи. Паниасис же утверждает, что он — сын ассирийского царя Фейанта, имевшего дочерью Смирну. Эта Смирна ввиду гнева Афродиты (та не воздавала ей почестей) возымела любовь к собственному отцу и, взявши себе в помощь кормилицу, двенадцать ночей возлежала с отцом при его полном неведении. Когда он об этом узнал, он, извлекши меч, преследовал ее. Та же, будучи настигаемой, взмолилась богам, чтобы они сделали ее невидимой. Сжалившись над ней, боги превратили ее в дерево, которое зовут смирной. Далее, на десятом месяце времени дерево раскололось, и родился так наз. Адонис, которого ввиду его красоты Афродита еще ребенком спрятала, тайком от богов, в ящик и передала Персефоне. Та же, когда его увидела, уже не отдала назад. По решению Зевса год был разделен на части; и одну часть Зевс приказал Адонису оставаться самому у себя, другую же — у Персефоны, третью — у Афродиты. Адонис же предоставил этой последней и свою часть. Впоследствии Адонис умер на охоте от удара кабана.

d) Serv. Verg. Aen. V 72 (То же)

Мирра, дочь Кинира, влюбившись в собственного отца и позорно подлегая к нему в ночные часы, в упоении им, сделалась от него беременной и,

Туалет Афродиты. Гемма

убегая от него, когда тот, обнаруживши кровосмешение, преследовал ее с обнаженным мечом, превратилась в дерево. Так как она сохраняла бывшего у нее во чреве младенца также и в своей коре, то она и родила мальчика после того, как была расколота, по одним рассказам, мечом отца, а по другим — кабаном. Воспитавшие его Нимфы назвали его Адонисом. Его сильнейшим образом полюбила Венера; и когда он был убит кабаном вследствие гнева Марса, она превратила его кровь в цветок, который, как говорят, никогда не колеблется ветром. Также миртовое дерево, из которого родился мальчик, она приняла под свое покровительство. Впрочем, по словам иных, миртовое дерево потому посвящено Венере, что последняя, чтобы ее не увидели голой, скрылась в мирте, когда она убежала от мужа, или же потому, что мирт есть хрупкое дерево, как непостоянная любовь, или же потому, что он обладает приятным запахом:

Ведь расположены так, вы запах мешаете сладкий

[Verg. Ecl. II 55].

28. Ov. Met. X 502—557

А под корою меж тем рос грешно зачатый ребенок,
Он уж дороги искал, по которой — без матери — мог бы
В мир показаться: живот беременеющий в дереве вздулся,
Бремя то мать тяготит, а для мук не находится слова;
И роженицы уста обратиться не могут к Луцине.
Все-таки — словно родит: искривленное дерево частый
Стон издает; увлажняют его, упадая, слезинки.
Остановилась тогда у страдающих веток Луцина,
Руки приблизила к ним и слова разрешенья сказала.
Дерево щели дает и из трещин коры выпускает
Груз свой живой. И младенец кричит; и Наяды слагают
В мягкую траву его и слезой натирают родимой.
Зависть сама похвалила б ребенка. Какими
Голых Амуров тела на картинах рисуют обычно, таким он
В точности был. Для того чтоб избегнуть различья в наряде,
Легкие стрелы ему ты вручи иль у тех отними их!
Но неприметно бежит, ускользает летучее время,
Нет ничего мимолетней годов; младенец, зачатый
Дедом своим и сестрой, до этого в дереве скрытый,
Только родиться успел, красивейшим стал уж ребенком,
Вот он и юноша, муж; и себя превзошел красотою!
Вот и Венере он мил, — материнского пыла отмститель.
Мать как-то раз целовал мальчуган, опоясанный тулом,
И выступавшей стрелой ей нечаянно грудь поцарапал.
Ранена, сына рукой отстранила богиня; однако
Рана была глубока, обманулась сначала Венера.
Смертного видом пленясь, вот она покидает Киферы
Берег; не мил ей и Паф, опоясанный морем открытым,

Рыбой обильнейший Книд, Амафунт, чреватый металлом.
На небо тоже нейдет; предпочтен даже небу Адонис.
С ним она всюду, где он. Привыкшая вечно под тенью
Только лелеять себя и красу увеличивать холей,
С ним по горам и лесам и по скалам блуждает заросшим,
С голым коленом, подол подпоясав по чину Дианы;
Псов натравляет сама и, добычи ища безопасной,
Зайцев проворных она, да с рогом высоким оленей
Гонит, да резвую лань; но могучих не трогает вепрей,
Но избегает волков-похитителей, также медведя
С когтем опасным и львов, пресыщенных кровью скотины.
Увещевает тебя, чтоб и ты их, Адонис, боялся, —
Будь в увещаниях прок! «Быть храбрым с бегущими должно, —
Юноше так говорит, — а со смелым и смелость опасна.
Юноша, дерзок не будь, над моей ты погибелью сжалься!
Не нападай на зверей, от природы снабженных оружьем,
Чтобы не стоила мне твоя дорого слава. Не тронут
Годы, краса и ничто, чем тронуто сердце Венеры,
Вепрей щетинистых, львов, ни звериных очей, ни души их.
Молнии в гнутых клыках у жестоких таятся кабанов,
Грозно бросается в бой лев желтый с великою злостью,
Мне неприятен их род...» Когда ж он спросил о причине,
Молвит: «Скажу, подивись чудовищ провинности давней.
От непривычных трудов я, однако, устала; и, кстати,
Ласково тенью своей приглашает нас тополь соседний;
Ложе нам стелит трава. Прилечь я с тобою желаю
[И прилегла] на землю!» — И к траве и к нему приклонилась
И, прислонившись к нему, на груди головою покоясь,
Молвила так, — а слова поцелуями перемежала...

29. a) Sapph. frg. 62*, 63*, 85 B (Плач по Адонису)

Что, Киприда, творить
Нам повелишь?
Никнет Адонис,
Нежный Адонис!
«Бейте в перси, взрыдав,
Девы, по нем!
Рвите хитоны!
Умер Адонис!..»
Плащаницей льняной
Ты повила
Тело, богиня!..
О мой Адонис!..

b) Theocr. XV 100—144

О госпожа, ты, что любишь душою и Голг[16] и Идалий[17],
Эрика[18] горный обрыв, Афродита, венчанная златом!
Друга Адониса снова из вечных глубин Ахеронта
После двенадцати лун привели легконогие Горы.
Медленней движитесь, Горы благие, вы прочих бессмертных,
Людям желанны вы все же за то, что дары им несете.

О, Дионея Киприда! Из тленного тела к бессмертью
Ты воззвала Беренику, как нам повествует сказанье,
Каплю за каплей вливая амброзии сладкой ей в груди.
Ныне ж во славу тебя, многохрамной и многоименной,
Дочь Береники сама, Арсиноя, Елене подобна,
Пышно Адониса чтит и его осыпает дарами.
Вот золотые плоды, что деревьев вершины приносят,
Вот словно сад расцветает в серебряной пышной корзине;
С миром душистым сирийским сосуды стоят золотые.
Кушаний много на блюдах — их стряпали женщины долго,
Сладкие соки цветов с белоснежной мешая мукою;
Эти — на сладком меду, а иные — на масле душистом;
Все здесь животные есть, и все здесь крылатые птицы.
Вот и зеленая сень, занавешена нежным анисом,
Ввысь вознеслась; а над ней летают малютки Эроты,
Словно птенцы соловьев, что, порхая от веточки к ветке,
В кущах высоких дерев упражняют некрепкие крылья.

Венера и Амур

Золота сколько, резьбы! Из слоновой точеные кости
Мощные Зевса орлы виночерпия юного держат.
Сверху пурпурный покров, что зовется «нежней сновиденья», —
Так их в Милете зовут и самосцы зовут скотоводы.
Рядом с престолом твоим красавца Адониса место:
Это — Киприды престол, здесь сядет Адонис румяный.
Он — девятнадцати лет иль восемнадцати, твой новобрачный.
Нежен его поцелуй — пушком обросли его губы.
Ныне, Киприда, ликуй, обладай своим мужем любимым!
Завтра же ранней зарей, по росе мы, все вместе собравшись,

К волнам его понесем, заливающим пеною берег,
Волосы с плачем размечем, и, с плеч одеянья спустивши,
Груди свои обнажив, зальемся пронзительной песней.
Ты лишь один полубог, что являешься к нам и нисходишь
В мрак Ахеронта опять, ты один; даже сам Агамемнон
Доли такой не стяжал, ни Аянт, что во гневе был страшен,
Также ни старший из тех двадцати, что родила Гекуба,
Или Патрокл, или Пирр, что домой из-под Трои вернулся,
В древнюю пору лапифы иль род Девкалиона славный,
Иль Пелопидов семья, или Аргоса сила — пеласги.
Милостив будь к нам, Адонис, в грядущем году благосклонен.
Дорог приход твой нам был, будет дорог, когда ты вернешься.

c) Bion I (Плач по Адонису)

«Ах, об Адонисе плачьте! Погублен прекрасный Адонис!
Гибнет прекрасный Адонис!» — в слезах восклицают Эроты.
Ты не дремли, о Киприда, покрывшись пурпурной фатою,
Бедная, встань, пробудись и, одетая мантией темной,
Бей себя в грудь, говоря, что погублен прекрасный Адонис.
«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают Эроты.
Раненный вепрем, лежит меж нагорий Адонис прекрасный:
В белое ранен бедро он клыком; и Киприде на горе
Дух испускает последний; и кровь заливает, чернея,
Белое тело его, и застыли глаза под бровями.
С губ его краска бежит, и с ней умирает навеки
Тот поцелуй, что Киприда уже от него не получит.
[Даже из уст мертвеца поцелуй его дорог Киприде;
Он же не чует уже, умирая, ее поцелуя].
«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают Эроты.
Тяжкая, тяжкая рана сияет в Адониса теле.
Много страшнее та рана, что в сердце горит Кифереи.
Как над умершим ужасно любимые псы завывают!
Плачут и девы над ним Ореады. Сама ж Афродита,
Косы свои распустив, по дремучим лесам выкликает
Горе свое, необута, неубрана. Дикий терновник
Волосы рвет ей, бегущей, священную кровь проливая.
С острым пронзительным воплем несется она по ущельям,
Кличет супруга она, ассирийца, крича неумолчно.
То у него с живота она черную кровь собирает,
Груди свои обагряет, к ним руки свои прижимая;
В память Адониса грудь, белоснежная прежде, алеет.
«Горе тебе, Киферея!» — в слезах восклицают Эроты.
Муж твой красавец погиб, погибает и лик твой священный,
Образ Киприды прекрасный, что цвел при Адониса жизни.
Сгибла с Адонисом вместе краса твоя!» — «Горе Киприде!»
Все восклицают холмы; «Об Адонисе плачьте!» — деревья.
Реки оплакать хотят Афродиты смертельное горе,
И об Адонисе слезы ключи все в горах проливают.
Даже цветы закраснелись, — горюют они с Киферией.
Грустный поет соловей по нагорным откосам и долам,

Плача о смерти недавней: «Скончался прекрасный Адонис!»
Эхо в ответ восклицает: «Скончался прекрасный Адонис!»
Кто ее скорбную страсть не оплакивал вместе с Кипридой?
Только успела увидеть Адониса страшную рану,
Только лишь алую кровь увидала, залившую бедра,
Руки ломая, она застонала: «Побудь здесь, Адонис,
Не уходи же, Адонис, тебя чтоб могла удержать я,
Чтобы тебя обняла я, устами к устам приникая!
О, пробудись лишь на миг, поцелуй подарить мне последний!
Длится пускай поцелуй, сколько может и продлиться лобзанье,
Так, чтоб дыханье твое и в уста мне и в душу проникло,
В самую печень; хотела б я высосать сладкие чары,
Выпить любовь твою всю. Я хранить это буду лобзанье,
Словно тебя самого, раз меня покидаешь, злосчастный.
Ах, покидаешь, Адонис, идешь ты на брег Ахеронта,
К мрачному, злому владыке, а я, злополучная, ныне
Жить остаюсь: я — богиня, идти за тобой не могу я.

Трон Венеры. Рисунок из Геркуланума

Мужа бери моего, Персефона! Ведь ты обладаешь
Силою большей, чем я, все уходит к тебе, что прекрасно.
Я ж бесконечно несчастна, несу ненасытное горе.
Я об Адонисе плачу, о мертвом, повергнута в ужас.
Умер ты, трижды желанный, и страсть улетела, как греза;
Сохнет одна Киферея, в дому ее чахнут Эроты,
Пояс красы мой погиб. Зачем ты охотился, дерзкий?
Мальчик прекрасный, зачем ты со зверем жаждал сразиться?»
Так восклицала Киприда, рыдая, и с нею Эроты:
«Горе тебе, Киферея! Скончался прекрасный Адонис!»
Столько же слез проливает она, сколько крови — Адонис.
Но, достигая земли, расцветает и то и другое:
Розы родятся из крови, из слез анемон вырастает.
«Ах, об Адонисе плачьте! Скончался прекрасный Адонис!
Но не оплакивай больше ты в дебрях супруга, Киприда!
В диких трущобах, на листьях Адонису ложе плохое;
Ляжет на ложе твоем, Киферея, и мертвый Адонис.
Мертвый, он все же прекрасен, прекрасен, как будто бы спящий.
Мягким его покрывалом покрой, где так дремлется сладко,
Тем, под которым с тобой делил он священные ночи
Вместе на ложе златом. Пусть и мертвый он будет желанным!
Множество брось на него ты венков и цветов; пусть увянут;

Если он умер, то пусть и цветы эти с ним умирают.
Мажь его мазью сирийской и лей драгоценное миро;
Гибнет пусть ценное масло, погиб драгоценный Адонис.
«Ах, об Адонисе плачьте!» — в слезах восклицают Эроты.
Вот уже нежный Адонис положен на тканях пурпурных.
Возле него, заливаясь слезами, стенают Эроты,
Срезавши кудри свои; вот один наступает на стрелы,
Этот на лук наступил, у другого — колчан под ногою.
Тот распускает ремни у сандалий Адониса; эти
Воду в кувшинах несут, а вот этот бедро омывает;
Став за спиною, другой на Адониса веет крылами.
«Горе тебе, Киферея!» — в слезах восклицают Эроты.
Возле порога дверей угасил Гименей свой светильник,
Брачный венец растерзал, и «Гимен, Гименей» не поется,
Песня твоя, непрерывно, и ныне ты сам запеваешь:
«Ах, об Адонисе плачьте!» — и чаще, чем песнь Гименея.
Плачут Хариты, жалея о смерти Кинирова сына,
Молвят друг другу они: «Скончался прекрасный Адонис».
«Горе», — пронзительно стонут, сильней, чем о Пайоне, Музы
Все об Адонисе плачут, обратно его призывая,
Песней его заклинают. Он им отныне не внемлет;
Он и хотел бы внимать им, но Еорой завязаны узы.
Кончи свой плачь, Киферея, теперь удержи свое горе!
Плакать ты будешь опять через год, заливаясь слезами.

d) Anon. in m. Ad. (На смерть Адониса)

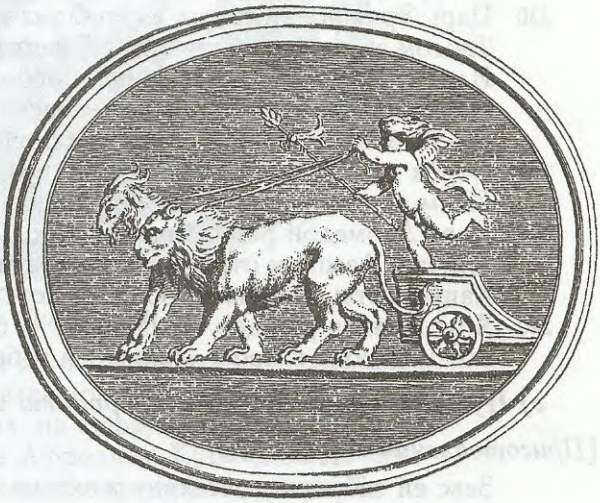
Адониса Киприда,
Когда узрела мертвым,
Со смятыми кудрями
И с ликом пожелтелым,
Эротам повелела,
Чтоб кабана поймали.
Крылатые помчались
По всем лесам и дебрям,
И был ужасный
И пойман и привязан.
Один Эрот веревкой
Тащил свою добычу,
Другой шагал по следу
И гнал ударом лука.
И шел кабан уныло:
Боялся он Киприды.
Сказала Афродита:
«Из всех зверей ты злейший,
Не ты ль, в бедро поранив,
Не ты ль убил мне мужа?»
И ей кабан ответил:
«Клянусь тебе, Киприда,
Тобой самой и мужем,
Оковами моими,

Афродита и Эрот

Моими сторожами,
Что юношу-красавца
Я погубить не думал.
Я в нем увидел чудо
И, не стерпевши пыла,
Впился я поцелуем
В бедро его нагое.
Меня безвредным сделай —
Возьми клыки, Киприда,
И покарай их, срезав.
Зачем носить напрасно
Клыки с любовным пылом?
А если не довольно,
Обрежь и эти губы, —
Как смели целоваться?»
И сжалилась Киприда —
Эротам приказала,
Чтоб развязали путы.
С тех пор за ней ходил он
И в лес не возвратился.
И, став рабом Киприды,
Как пес, служил Эротам.

2. АНХИЗ И ЭНЕЙ

Подробную генеалогию Анхиза и Энея читаем у Гомера: Зевс, Дардан, Эрихтоний, Трос, Ассарак, Капий; от Капия и Фемиды, дочери Ила Дарданского, — Анхиз, и от Анхиза и Афродиты — Эней (§ 30 a). По § 30 a, отец Анхиза — Ассарак. Роман Афродиты с Анхизом — подробно в Гомеровских гимнах (§ 30 c). По Verg. Aen. I 607 сл., Эней был рожден Афродитой на Симоенте. Так как Анхиз не исполнил приказания Зевса скрывать свое происхождение, то он был убит молнией Зевса (§ 30 a), или расслаблен (§ 32 a), или ослеплен (Serv. Verg. Aen. I 617). У Вергилия Анхиз зрячий, а по Eustath. IL. XII 98, достигает 80 лет. Вергилий (§ 32 a) дает трогательную и величественную картину последних минут Анхиза и Энея среди пожарища в Трое. По Aen. III 710, Анхиз, сопровождавший Энея в его плавании и помогавший ему своей прозорливостью (Serv. Verg. Aen. III 607), умирает в Сицилии (на этот счет очень много вариантов). Кроме Энея указывали и другого сына Анхиза и Афродиты



Амур Триумфатор

(Apollod. III 12, 2). Между прочим, славились кобылы Анхиза, полученные не просто (§ 32 b).

30. a) Hyg. f. 94 (Анхиз)

Говорят, что Венера полюбила Анхиза, сына Ассарака, и разделила с ним постель, откуда произвела Энея, предписавши ему не сообщать об этом людям. Анхиз же разболтал это под действием вина среди товарищей. За это он был поражен от Юпитера молнией. Кое-кто говорит, что он умер своей смертью.

b) IL. XX 208—241 (Эней рассказывает Ахиллу перед боем свою генеалогию)

Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюся быть; а матерь моя Афродита богиня.
Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлися.
Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род: человекам он многим известен.
Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец;
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;
Жили еще на погориях Иды, водами обильной.
Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
Все понесли и двенадцать коней от Борея родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпием Зевсу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Ареву, Гикетаона.
Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!

c) Hymn. Hom. IV 53—201 (Афродита и Анхиз)

[*Приготовления Афродиты*]

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных

Иды, богатой ключами, — осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбколюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой душистый
В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечноживущих.
Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбколюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную матерь.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.
В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двое все разошлись по логам тенистым.

[*Встреча Анхиза с Афродитой*]

Она же
Прямо к пастушьим куреням приблизилась, сделанным прочно.
Там-то Анхиза героя нашла. В отдаленье от прочих
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.

Сила Амура

Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке он туда и обратно
По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочерь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.

Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
Виду и росту ее, и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
Месяц вкруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:
«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто бы
Ты ни была из блаженных — Лето, Артемида, Афина
Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
Или ты Нимфа — из тех, что источники рек населяют,
Влажно-густые луга и прекрасно-тенистые рощи?
Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем ежегодно
Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».
Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:
«Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных, славнейший!
Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
Смерти подвержена я. И жена родила меня матерь.
Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты.
Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,
Девочкой малой принявши от матери многолюбивой.
Вот почему хорошо языком я и вашим владею.
Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
Много нас Нимф веселилось и дев, для мужей вожделенных,
И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
Лишь плотоядные звери блуждают по логам тенистым;
Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты

И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
Также и близким, с тобой находящимся в родственных связях
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам,
Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей.
Золота много они тебе вышлют и тканей одежды.
Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги, и люди».
Так говорила, и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:
«Если ты смертная впрямь и жена родила тебя матерь,
Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою, —
То уж никто из богов и никто из людей земнородных
Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою

Амур верхом на гиппокампе

Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальновержец
Луком серебряным слал на меня многостопные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богиням подобная видом,
Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»
Руку он взял Афродиты улыбколюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К постланной пышно постели. Там сложено было уж раньше
Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжкорыкающих львов и косматых медведей,
Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасноустроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил и сиявшие светом одежды

С тела богини совлек и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

[*Афродита открывается*]

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ,
Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вкруг тела оправив, у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
Той красотою нетленной, какою славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:
«Встань поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне непробудном?
Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какою сначала меня ты увидел глазами».
Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидал он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор отвративши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:
«Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь навеки теряет
Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!»
И отвечала ему Афродита, Кронидова дочерь:
«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных, славнейший!
Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
Зол испытать никаких: Олимпийцы к тебе благосклонны.
Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.

Ibid. 239—291 (Продолжение, — пророчество Афродиты об Энее)

Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом
Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит —
Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время

Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею,
Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..

Купидон в образе Бахуса

После того как впервые он солнца сиянье увидит,
Горные Нимфы с грудями высокими вскормят младенца, —
Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
Долгое время живут, амвросийной питаются пищей
И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
С лаской любовной Силены и Аргуса зоркий убийца.
С ними, как только родятся они, появляются на свет
Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
Их называют. И люди рубить их железом не смеют.

Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
В это же время и души тех Нимф расстаются со светом.
Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
После ж того, как впервые придет к нему милая юность,
Мальчика Нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен.
Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
То отвечай, — и навеки запомни мое приказанье, —
Что родила тебе сына того цветколицая Нимфа; —
Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
Что сочетался в любви с Киферееей прекрасновеночной, —
Зевс тебя в гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей.
Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
Не проболтайся, сдержись, — трепещи перед гневом бессмертных!»
Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

d) IL. XX 301—308 (Пророчество об Энее)

Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,
Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
Кои от крови его породили смертные жены;
Род от Приама владыки давно ненавидит Кронион,
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться.

31. IL. V 311—384 (Афродита неудачно помогает Энею в его борьбе с Диомедом)

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом,
Около милого сына, обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.
Так уносила Киприда любезного сына из боя.
Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,

Суд Париса

Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио.
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило до длани.
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брани не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.
Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
«Скройся, Зевсова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»
Рек, — и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком покрыты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:

«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевсом сразиться!»
Так изрекла, — и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ириса взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амврозию в пищу.
Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»
Ей восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,
Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»
Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя».

Ibid. 405—430 (Продолжение)

«Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садяся, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
Пусть же теперь сей Тидид, не взирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».
Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала;
Тяжкая боль унялась, и внезапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера
Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;
Первая речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
Вверится Трои сынам, беспредельно богине любезным?
И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»
Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных

Афродита из Арля. Римская мраморная копия с оригинала Каллимаха

И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».

32. а) Verg. Aen. II 634—729 (Последние минуты перед отъездом из пылающей Трои)

Но уж когда я родного пришел к порогу жилища,
К древнему дому, отец, кого на высокие горы
Первого я желал отвести и разыскивал первым,
Жизнь провождать отказался после сожжения Трои,
Чтобы изгнанье сносить. «О вы, у кого не иссякла
Кровь от годин, — говорит, — в ком силы своей мощью крепки,
Вы замышляйте побег.
Если б желали еще небожители жизнь мне продолжить,
Дом сохранили б мне сей. Довольно, что раз мы [и слишком!]
Видели гибель и взятый город раз пережили.

Здесь, о, здесь положив, попрощавшись, тело покиньте.
Смерть от меча и сам я найду; будет враг милосерден
И возжелает добычи; не страшусь гробницы лишиться;
Я уж давно, ненавистен богам, влачу бесполезный
Век свой, с тех пор меня богов отец и людей царь
Молниеносно бурей обвеял и пламенем тронул».
Так он упорствовал, это твердя, на своем оставался;
Мы возражали, в слезах разливаясь; супруга Креуса,
Мальчик Асканий и весь наш дом, да отец не захочет
Все с собой погубить и помочь гнетущему Року.
Держится он, отказав нам, того же ответа и места.
Вновь я к оружью стремлюсь и смерти, несчастнейший, жажду,
Ибо иного решенья, судьбины иной я не вижу.
«Мне ль удалиться, отец! Что тебя могу я покинуть,
Мнил ты! Из отчих ли уст изошло беззаконье такое?!
Если угодно богам ничего не оставить от града
Столь большого и ты прибавить к гибнущей Трое
Хочешь себя и своих, — врата для той смерти открыты.
Вот появится Пирр после Приама крови обильной,
Сына пред взором отца, отца пред святыней кто губит, —
Вот для чего ты меня, мать благая, сквозь стрелы, сквозь пламя
Вынесла: чтобы врага в середине я видел покоев,
Чтобы Аскания видел, отца моего и Креусу
Рядом, один другого своею пятнающих кровью!
Меч мой, друзья, дайте меч! День последний зовет побежденных.
Данаям снова отдайте меня! Обновленные битвы
Вновь пусть увижу! Не все мы сегодня умрем без отмщенья!»
Здесь я мечом опоясался вновь, а левую руку
Ладя, я вкладывал в щит и прочь из дома стремился.
Но на пороге супруга приникла ко мне, обнимая
Ноги мои, простирая к родителю малого Юла.
«Если на гибель идешь, возьми нас делить твою участь;
Если ж по опыту, веришь в подъятый меч хоть немного,
Сей раньше дом охраняй, на кого малый Юл остается,
И твой отец, и я, кого звал ты супругой когда-то!»
Так восклицая, стенаньем целый день наполняла,
Как совершается вдруг, что странно рассказывать, чудо.
Ибо — се: между рук и меж лиц родителей скорбных
Нам показалось, что легкий, с самой макушки Юла,
Пламень светом разлился, что лижет касаньем безвредным
Нежные кудри огонь и вокруг висков пробегает.
Мы задрожали от страха, испуганы; пламенный волос
Стали гасить и огни заливать священные влагой.
Но родитель Анхис возвел, обрадован, очи
К звездам и к небу с таким простер восклицанием руки:
«Юпитер всемогущий! Мольбам если внемлешь каким ты,
К нам воззри, лишь сей раз! Если мы благочестьем достойны,
Знаменье дай наконец нам, отец, и сие подтверди все!»
Только что это промолвил старец, внезапным ударом

Адонис, уходящий на охоту

Слева гром прогремел, и, с неба летя через сумрак,
Пала звезда, провлекая факел великого света.
Видели мы, как она над самою крышею дома,
Светлая, падала, чтобы в лесу исчезнуть Идейском,
Нам указуя пути; и длинной бразда полосою
Свет издает, кругом вся окрестность серой дымится,
Сим, наконец, побежден, родитель к небу воздвигся,
Речь обращает к богам и святую звезду величает:
«Нет уж, сомнений нет боле! Иду, где велите, там буду,
Отчие боги! Спасите дом и внука спасите!
Ваше знаменье то, и в вашем владычестве Троя.
Что ж, уступаю! С тобой, сын, идти не противлюсь, как спутник!»
Молвил так он; и уже через стены пламя яснее
Слышится, к нам уже ближе зной надвигают пожары.
«Если так, милый отец, на моих раменах утвердись ты,
Плечи я сам подвожу, эта ноша мне тяжкой не станет.
Что б ни свершилось, одна и общая будет опасность
И для обоих спасенье одно. Малый Юл со мной рядом
Будет идти, и блюдет пусть супруга издали след наш,
Вы же к словам моим, слуги, вашей душой обратитесь.
Есть, как из города выйдешь, холм и храм стародавний
Кереры позабытый, со старым вблизи кипарисом,
Благоговеньем отцов сохраненный долгие годы.
К этому, с разных сторон, единому месту сберемся.
В руки, отец, ты возьми святыни и отчих пенатов;
Мне, кто пришел из сражений таких, из недавнего боя,
К ним прикасаться грешно, пока струею живой
Я не омоюсь...»
Плечи широкие я, так сказав, и склоненную шею
Крою одеждою сверху и льва желтогривого шкурой
И подступая под бремя свое; малый Юл, за десницу
Крепко схватясь, за отцом неровным следует шагом;
Сзади супруга идет. Стремимся по сумракам града.
И вот меня, кого перед тем не тревожили стрелы
Все, что летали, и сонм, из войска враждебного, Граев, —
Ныне каждый страшит ветерок, каждый звук возбуждает;
Настороженный, равно я за спутника в страхе и ношу.

b) IL. V 260—273 (Кобылицы Анхиза)

Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
Шесть у Анхиза в дому родилося породы сей коней;
Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если сих коней похитим, стяжаем великую славу.

3. ПАРИС

Парис, или Александр, — второй сын троянского царя Приама и его жены Гекубы. Воспитывался сначала у пастуха Агела на Иде, куда он попал ввиду грозного сна Гекубы (она рождала пожар по всей Трое), предвещавшего гибель. Там была у него и жена Энопа (дочь реки Кебрена). Впоследствии он был принят в Трою обратно, но тут произошел спор на свадьбе Пелея между Герой, Афиной и Афродитой из-за красоты. Зевс приказал спросить мнение Париса, который и присудил пресловутое яблоко Афродите. Тогда Афродита помогла ему похитить самую красивую женщину, Елену спартанскую, из-за чего и началась троянская война. Елена успела ему народить Буника, Корифа (по другим этот — от Энопы), Агава, Идея и дочь Елену. Со времени жюри Парис — неизменный любимец Афродиты, которая везде и во всем ему помогает. Изнеженный, томный, красивый (§ 33 a), он был плохой воин, хотя и очень недурной стрелок (§ 34 b—d) и даже при помощи Аполлона убивает самого Ахилла (ср. предсказания коня, IL. XIX 407, и умирающего Гектора, IL. XXII 359). Имя Александра («отразитель мужей») было ему дано скорее за борьбу с врагами его стад, которые он пас на Иде, чем за воинские заслуги. Его нещадно бранит старший брат Гектор (IL. III 38 слл. в § 33 a, VI 313 слл. в § 33 b). Лучше всего, как Афродита извлекла своего любимца из его неудачного поединка с Менелаем (§ 33 a). Впоследствии, потерявши Елену и раненный Филоктетом при помощи стрелы Геракла, он вернулся было к Энопе, надеясь, что она его исцелит, но та, мстя ему за Елену, выгнала его, и он потом умер в Трое. Впрочем, Энопа не выдержала характера и направилась в Трою, чтобы излечить Париса. Но, заставши его мертвым, повесилась и сама.

33. a) IL. III 15—75 (Перед поединком Париса и Менелая)

И когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожею парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых.
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших

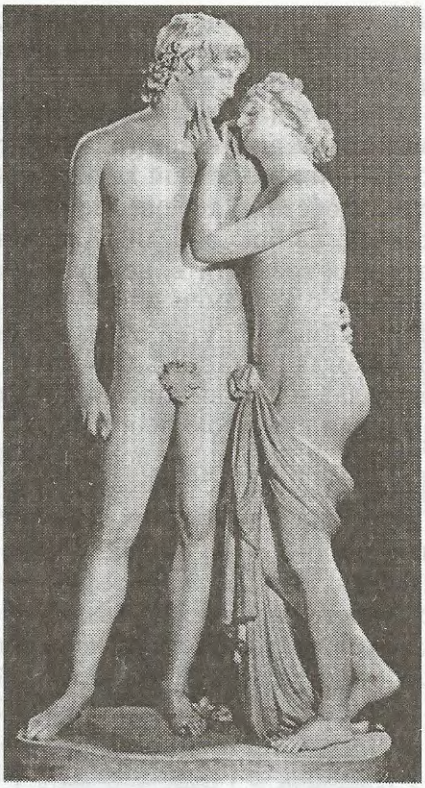
Афродита и Адонис. Лекиф

Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.
Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой, —
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший,
Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми, и быстрыми псами;
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отомстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прянул на землю.
Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;

Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты, —
Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.
Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
Бывши таков, ты, однако, дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплавать с толпою клевретов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру, и невестку мужей брановосных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам-врагам, а себе самому в поношенье!
Что же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, брановосца какого владеешь супругой цветущей.
Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.
Слишком робок троянский народ, иль давно б уж был ты
Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!»
Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.
Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
Но не прочь ты любезных даров златой Афродиты.
Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам бессмертных:
Их они сами дают; произвольно никто не получит.
Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться. Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;
Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою».

IL. III 369—452 (Конец поединка, когда Менелай уже одолел Париса)

Рек, и напал на него, и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.



Венера и Адонис. Скульптурная группа А. Кановы

Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемоне-граде
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила, —
Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».
Так говорила, — и душу Елены в груди взволновала.

Но лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?
Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство мня возвратить, ненавистную, хочет,
Что ты являешься мне с злонамеренным в сердце коварством?
Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь ты названа или супругою, или рабою!
Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложе его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»
Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!»
Так изрекла, — и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
«С битвы пришел ты? о, лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»
Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердца;
Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
После и я побежду: покровители боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я, с похищенной, бежал на моих кораблях быстролетных
И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.

Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательно-убранном ложе почили.
Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.

B) IL. VI 312—341 (Парис и Гектор)

Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.
В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло

Адонис

Медное жало копья и кольцо вкруг него золотое.
Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он и латы и гнутые луки испытывал, праздный,
Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
Жен-рукодельниц и славные им назначала работы.
Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:
«Ты не во время, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
Шествуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул».
Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:

«Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;
Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.
Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю».

34. a) IL. VI 502—529 (Парис во всей своей красе)

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обыкший в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым;
Так лепокудрый Парис от высот Илионского замка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр благовидный:
«Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?»
И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.
Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных
После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных».

b) IL. XI 369—395 (Парис-стрелок)

Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;
И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
Шлем от главы, — Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис, торжествующий, с радостным смехом,

Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
«Ты поражен! моя не напрасно стрела полетела!
Если в утробу тебя угодил я и душу исторгнул!
Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!»
И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
Острой влетает стрелой, — и пронзенный лежит бездыханен!
И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!»

c) IL. XI 505—509 (То же)

Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.

d) IL. XI 581—584 (То же — против Эврипила)

Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелой десное
Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.

4. КИНИР, ФАЭТОН, ФАОН, ПИГМАЛИОН

Кинир, любимый жрец Афродиты и в то же время любимец Аполлона (§ 35 a, ср. Pind. Nem. VIII 18 слл.). Отцом его называли Аполлона (Schol. Theocr. I 109), матерью же — Фарнаку, Пафос, парасскую Нимфу и др. (ср. § 27 c). Он — основатель знаменитого Пафоса на Кипре и культа Афродиты в нем (§ 4 f). Он был первый царь, жрец и инженер на Кипре (Plin. Nat. hist. VII 57), обладая сказочной красотой и неисчислимыми богатствами, вошедшими в поговорку (Tyrt. frg. 12, 5: даже если он и превосходит Тифона по своему рождению, он не превосходит по богатству Мидаса и Кинира, — ср. Plat. Legg. II 660 e). В таком счастье он дожил до 160 лет (Anacr. ap. Plin. Nat. hist. VII 49) и был похоронен в храме Афродиты в Пафосе. Другие варианты говорят, что он по незнанию прижил с своей дочерью Миррой, или Смирной, Адониса (есть об этом длинный рассказ у Ovid. Met. X 298—502) и после обнаружения крово-

Туалет Венеры. Римская гемма

Венера, отнимающая крылья у Амура

смешения наложил на себя руки. По Schol. IL. XI 20, его умертвил Аполлон, и 50 его дочерей бросились из-за этого в море.

Фаэтон, сын Кефала и Эос, был похищен Афродитой в ранней, нежной юности у родителей и сделан хранителем ее храма (§ 36 a). О мифах, связывающих Фаэтона с Гелиосом, см. в отд. «Гелиос»*.

Фаон, которого разрабатывала, главным образом, комедия, стал любимцем Афродиты за бесплатный перевоз ее в виде старушки (§ 37 a).

К любимцам или, во всяком случае, к мужчинам, к которым Афродита благоволит, надо, по-видимому, отнести и Пигмалиона (§ 38), кипрского царя, сделавшего статую Афродиты и, когда по его мольбам Афродита ее оживила, женившегося на ней (от этого брака, между прочим, дочь Пафос).

Нельзя миновать, наконец, и ряда женщин, любимиц Афродиты, из которых мы пока встретились с Еленой (§ 33 a). Это, главным образом, Медея, Пасифая, Ариадна, Федра, Гипподамия. О них будет речь в свое время**.

35. a) Pynd. Pyth. II 15 (Кинир)

Вокруг Кинира, любимого жреца Афродиты, которого златокудрый Аполлон удостоил любви, часто льются песни кипрцев.

b) Apollod. (О Кинире)

См. § 27 c.

36. a) Hes. Theog. 984—991 (Фаэтон)

Эос-Заря от Тифона родила царя эфиопов
Мемнона медноружного с Эмафионом-владыкой.
После того от Кефала она родила Фаэтона,
Светлого, мощного сына, бессмертным подобного мужа.
Был он с земли унесен Афродитой улыбколюбивой
В то еще время, как был беззаботно-веселым ребенком,
В нежном цветении детства прекрасного. Храмы святые
Он по ночам охраняет, божественным демоном ставши.

b) Paus. I 3, 1

Говорят, что в него [Кефала] за его замечательную красоту влюбилась Семела и похитила его и что от него она имела сына Фаэтона, которого впоследствии похитила Афродита и сделала стражем своего храма.

37. a) Serv. Verg. Aen. III 279 (Фаон)

Варрон утверждает, что храм Венере был заложен Энеем, где теперь Левката, хотя комики Менандр и Туррилий говорят, что этот храм заложен лесбийцем Фаоном. Последний, будучи судовщиком и обыкновенно перевозя за плату кое-кого из ближайших жителей с Лесбоса на материк,

* См. вступительную статью. Этот раздел должен был войти во II том *(А. А. Тахо-Годи)*.
** Героини (как и герои) должны были войти во II том *(А. А. Тахо-Годи)*.

перевез бесплатно Венеру, изменившую свой вид на старушку. Получивши за это в подарок от нее алавастр для умащения, он, ежедневно усердно умащивая себя, привлекал женщин его любить. Среди них была одна, которая, по преданию, бросилась с горы Левкаты, не будучи в состоянии овладеть им. Отсюда теперь обыкновенно свидетельствуют об этом ежегодно те, кто бросается с этой скалы в море.

b) Palaeph. 48 Festa (То же)

Жизнь у Фаона вращалась около судна и моря. Море было местом переправы. Ни от кого и ни в чем он не заслуживал упрека, потому что был человеком умеренным и брал только от состоятельных. Удивительным считалось это отношение к людям у лесбосцев. Но похвалила этого человека богиня. А богиню эту называют Афродитой. И, погрузившись в созерцание этого человека, она же, став старухой, беседует с Фаоном о плавании. А тот был проворен в смысле переправы и ничего себе не просил. Что же на это богиня? Говорят, что она изменила этого человека и — изменила старика в смысле юности и красоты. Вот кто такое Фаон, на котором Сафо часто воспевала своего Эрота.

c) Athen. II 69 d

Кратин же [I 110 K.] утверждает, что Афродита, влюбившись в Фаона, скрыла его в «прекрасном салате», Марсий же младший [scr. Al. M. p. 46], что — в зелени ячменя.

38. Ov. Met. X 243—299 (Пигмалион)

Видел ли Пигмалион, как они в преступленьи влачили
Годы свои. Оскорбясь на пороки, которых природа
Женской душе в изобилье дала, холостой, одинокий
Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.
А между тем белоснежную он с неизменным искусством
Резал слоновую кость. И создал он образ, — подобной
Женщины свет не видал, — и свое полюбил он созданье!
Девушки было лицо у нее; совсем — как живая,
Будто бы с места сойти она хочет, да только страшится.
Вот до чего было скрыто самим же искусством искусство!
Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
Часто протягивал он к изваянию руки, пытая,
Тело ли это иль кость? Что это не кость, побожился б!
Деву целует и мнит, что взаимно; к ней речь обращает,
Держит, — и верит, что в плоть при касании пальцы уходят,
Страшно ему, что синяк на тронутом выступит теле;
То он ласкает ее, то для девушек милые вещи
Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков мелких,
Маленьких птиц иль цветов с лепестками о тысяче красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева павших слезинок
Дев Гелиад. Он ее украшает одеждой. В каменья
Ей убирает персты, в ожерелья — длинную шею.
Легкие серьги в ушах, на грудь упадают подвески.
Всё ей к лицу. Но не меньше она и нагая красива.
На покрывала кладет, что от раковин алы сидонских,
Ложа подругой ее называет, склоненную шею

Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать может.
Праздник Венеры настал, по всему прославляемый Кипру.
Возле святых алтарей с наведенными златом рогами
Падали туши телиц, в белоснежную закланы шею.
Ладан курился. И вот, на алтарь совершив приношенье,
Робко ваятель сказал: «Коли все вам доступно, о боги,
Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву из кости
Упомянуть, чтоб была на мою, что из кости, похожа!»
На торжествах золотая сама находилась Венера
И поняла, что таится в мольбе, и, являя богини
Дружество, трижды огонь запылал и взвился языками.
В дом возвратившись, бежит он к желанному образу девы
И, над постелью склонясь, целует — тепла она будто...
Снова целует ее и руками касается грудей, —
И под рукой умягчается кость; потеряв свою твердость,
Вот поддается перстам, уступает... Гиметский на солнце
Так размягчается воск, и под пальцем большим обретает
Множество видов, и так, обработан, становится нужен.
Стал он, и робости полн и веселья, ошибки боится,
Снова любя, он к желаньям своим прикасается снова.
Тело пред ним: под перстом нажимающим жилы трепещут.
Тут лишь пафосский герой полноценные речи находит,
Чтобы Венере излить благодарность. Уста прижимает
Он наконец к неподдельным устам; и чует лобзанье
Девы, краснеет она и, подняв свои робкие очи
Светлые к свету, зараз небеса и любовника видит.
Гостьей богиня сидит на устроенной ею же свадьбе.
Девять уж раз сочетавши рога, круг полнился лунный, —
Пафа она родила, — по кому и остров был назван.
Был от нее же рожден и Кинир, и когда бы потомства
Он не имел, почитаться бы мог человеком счастливым.

Г. СПЕЦИАЛЬНО РИМСКИЕ ДОБАВЛЕНИЯ

С римскими материалами по Венере мы уже встречались выше не раз, особенно в § 7 e и 18 h, i. Однако необходимо отметить и специально римские аспекты этой богини. Таковыми являются древнеиталийская Ферония, имевшая богатый храм и священную рощу с ярмаркой при горе Соракте и носившая эпитеты «цветоносная», «любящая венки» и даже «Персефона» (любопытный рассказ о ее сыне Гериле — в § 40 a), — и Флора, тоже богиня весны и цветов, особенно известная своими веселыми, пестрыми и даже разгульными праздниками Флоралиями (28 апреля—3 мая) (представление о ней можно получить по рассказам Овидия в § 40 b, c). О праздниках Венеры под ее собственным именем — в § 39 a—c. Наконец, некоторой эманацией Венеры является весьма похожий на Диониса Вертумн, бог изменений, происходящих в созревающих плодах (от слова verto — «оборотень», «вертун»), получивший в дальнейшем и

весьма широкое значение покровителя цветов, плодов, деревьев, садов, стад, даже торговли и пр. Его связь с Помоной, тоже богиней плодов, описана у Овидия (§ 41 b), — хотя за ней ухаживали и другие полевые боги (Сильван, Пик, Приап, Сатиры и Паны). Специально о римском Вертумне, особенно почитавшемся в Vicus Tuscus, — Проперций (§ 41 a, ст. 50).

39. a) Ov. Fast. IV 1—132 (Венера, которой посвящен месяц апрель)

«Дивная матерь страстей! Пребывай благосклонной к поэту!»
Взоры Венера подняв, тут же спросила меня:
«Снова приходишь ко мне? Ведь серьезному делу ты служишь,
Или, быть может, болит старая рана в груди?»
«Знаешь о ране моей?» — я сказал. Улыбнулась богиня.
И от улыбки ее все засияло вокруг.
«Ранен ли я иль здоров, я всегда тебе верен, богиня.
Ты предо мною всегда, всех моих тема трудов.
В юности годы свои без греха я тобой увлекался,

Венера с ожерельем. Фрагмент фрески в Помпеях

Ныне моим лошадям шире открылись пути.
Ныне движение звезд и времен воспеваю начало,
Как повествует о том летопись древняя Фаста,
Месяц тебе четвертый посвящен, всеми чтимая мать,
Знай, что и месяц и я вечно, Венера, твои!»
Нравится ей, и, к виску прикоснувшись Цитериной миртой,
Шепчет Венера: «Веди начатый труд до конца!»
Я вдохновился, и дни предо мной промелькнули грядою...
Ветру послушный, лети в дали морские, корабль!

Если уже в Фастах найти о себе что полезное хочешь,
Взоры свои обрати, Цезарь, на месяц Апрель.
В месяце этом найдешь ты начало великого рода,
Усыновление тебя с месяцем этим роднит.
Видел то Ромул отец, когда год намечал календарный,
Там и родителям он место почетное дал:
Месяц же первый в году посвятил он суровому Марсу,
Так как его почитал жизни началом своей.
Он и Венере тогда, поколений виновнице многих,
Тотчас за Марсом отцом месяц второй посвятил.
Рода начало ища среди мрака минувших столетий,
Так постепенно дошел он до родимых богов.
Знаем, что сыном Дардан был Электры, Атлантовой дочки,
Что от Юпитера он был у Электры рожден.
Был от Дардана рожден Эрихтоний; был Трос его сыном.
Трос Ассарака родил. От Ассарака — Капис.
Так появился Анхиз, сочетаться с которым Венера
Не постыдилась и с ним ложе делила любви.
Он был Энея отцом, получившим в огне благочестье,
Как на плечах перенес Трои богов и отца.
К Юлу подходим теперь, столь счастливому имени ныне,
Тевкров потомками он сделал весь Юлиев дом.
Сыном был Юла Постум, и, как в гуще лесистой рожденный,
Он у латинских племен Сильвия имя носил.
Он был Латина отцом; за Латином последовал Альба.
Старшим из Альба сынов ты был, конечно, Эпит.
Трои разрушенной ты воскресил здесь забытое имя,
Дедом тебя называл старший из внуков, Калпет[19].
После него Тиберин получил и державу и царство.
Позже который погиб в омуте Тусской реки[20].
Это Агриппы отец; он имел еще Ремула внука,
Этот последний погиб, — молнией с неба убит.
После него — Авентин, давший имя холму и округе.
Проке досталась потом власть над латинской землей.
Царство затем получил Нумитор, брат Амулия злого,
Двоей детей у Нумитора: Илия и Лавз.
Лавза Амулий убил, а от связи Илии и Марса
Вы, близнецы, родились, — Ромул великий и Рем[21].
Ромул всегда говорит, что рожден он Венерой и Марсом,
И по деяньям царя этому верил народ.
Чтобы такая молва утвердилась в далеком потомстве,
Первые месяцы два дал он родимым богам.
Имя «Венера» взято, полагаю, из греческой речи,
Эта богиня ведет имя от «пены морской».
Земли латинские ведь назывались «Великой Элладой» —
Не удивляйся, что здесь греков мы слышали речь.
Греческих много семейств корабли привезли нам Эвандра[22],
Прибыл сюда и Алкид[23], греческой тоже семьи.
Гость знаменитый свои пас стада на лугах Авентинских
Палиценосец-герой Альбулы[24] черпал струи,

Жил Неритейский герой[25], в том свидетель вам Лестригоны,
Берег, который теперь имя Цирцеи приял[26].
Строили здесь Телегон и твердыни у влажного Тибра,
Эти аргосский народ все заложил города.
Прибыл, гонимый судьбой, и Атрид в эту землю Галезский[27],
Верят, что имя свое дал он Фалисской земле[28].
Да Антенора[29] прибавь, что советовал с Троей мириться,
Давна Апульца[30] еще, — зять это твой «Энидей»[31]!
За Антенором затем, у Троянского пламени вырвав,
Трои святыни Эней в наши доставил края.
С ним же пришел и Солем, из Фригийской отчизны изгнанник,
Имя Солема хранит мой и поныне Сульмон[32].
«О, мой прохладный Сульмон». Моя родина это, Германия.
Горе мне! Как далеко они от Сарматской земли!
Ты далеко от меня... Удержи свои жалобы, Муза,
Чужда печали твоей лиры святая струна!
Зависть кого не гнетет? У Венеры ты, мелкая зависть,

Голова Венеры

Месяца этого взять имя пыталась и честь.
Так как весною всегда «возрождается» снова природа,
Стужа уходит зимы, почва готова родить,
Силой Апрель, говорят, был захвачен красивой Венерой, —
От «возрожденья» свое будто он имя ведет[33].
Ты ведь одна из богов управлять этим миром достойна,
Власти покорна твоей вся эта наша земля.
Воды во власти твоей, небесам ты диктуешь законы,
Ты возглавляешь собой каждую нашу семью.
Ты сотворила богов, а число их почти бесконечно,
Зернам движенья дала, дереву — силу расти,
Грубым смягчила сердца и сплотила людей воедино.
Ты разнополым дала к связи начало одно.

Страсть к наслажденью родит бесконечные стаи пернатых, —
Не было б легкой любви — мир бы животных погиб.
Вечно суровый баран с рогоносцем дерется бараном,
Только любимой овцы голову каждый щадит.
Рощи и луга гроза, всю жестокость свою забывает,
Если увидит свою телку любимую бык.
Эта же сила хранит населяющих море глубины
Рыб бесконечных пород водного царства морей.
Грубые нравы людей ты смягчила впервые любовью,
Здесь и начало берет культ непорочной любви.
Тот, кто отказ получив, у порога любимой девицы
Ночь коротал, говорят, первый стихи написал;
Первый оратором стал, кто впервые девицы любимой
Речью красивой своей сердце хотел покорить.
Тысяча разных искусств, изобретений разных возникло.
Только в погоне за тем, чтобы возбудить любовь.
Кто же посмеет теперь покуситься на право Венеры
Месяцем этим владеть? Где тот безумец, скажи?!
Как и повсюду, у нас тебе создано множество храмов,
С полным ты правом теперь в городе нашем царишь.
Римлянин! Трою твою защищала с оружьем Венера,
Где поразило ее левую руку копье!
Двух победила богинь приговором фригийца Венера,
Здесь умолчу имена тех побежденных богинь[34].
Шла о Венере молва, Ассарака считали невесткой,
Предками Юлиев чтоб Цезарь Великий имел[35].
Лучшего времени нет для Венеры, как месяц весенний:
Полные соков поля, почва готова родить,
Травы, пробивши кору, выдвигают ростки над землею,
Из-под разбухшей коры почки рождает лоза.
Время красивое то и красивой достойно богини,
Той, что за Марсом своим следовать любит всегда.
Плыть по морям кораблю разрешает весною Венера
И не бояться велит зимних капризов и бурь.

b) Ov. Fast. IV 133—162 (О празднике апреля в честь Венеры — обратительницы сердец и Фортуны Мужской, дающей женщинам успех у мужчин)

Чтите богиню свою все латинские матери, жены,
Чтите весталки ее, девушка юная чти.
С мраморной шеи ее золотые сошли ожерелья —
Сняв все богатства ее, тело богини омой,
Золотом снова, омыв, убери ее белую шею,
Ей принеси ты еще свежие розы, цветы.
Также омойся сама под зеленою веткою мирта,
Что за причина тому, вам полагается знать:
Влажные косы нагой у потока сушила Венера,
Дерзких сатиров толпа залюбовалась красой,
Веткою мирта тогда наготу свою скрыла Венера:
Скромность богиня блюла, вам это помнить велит.
Знайте еще, почему фимиам возжигают Фортуне,

Там, где холодной струей мчит свои волны река.
В этих обычно местах погружаются в воду нагие,
Виден при этом у всех каждый на теле изъян.

Венера-Помона

Чтоб недостатки те скрыть, у мужчины добиться успеха,
Горсть фимиама неси ты на богини алтарь.
Мак растерев в молоке и прибавив янтарного меда,
Этот напиток она девам советует пить:
Первые ласки любви как с мужчиной познала Венера,
Выпив напиток такой, сделалась быстро женой.
Женщины, чтите ее, возносите богине молитвы,
С нею всегда красота, добрая слава и честь.
Нравственность наших отцов исчезала со временем в Аме,
Древние чтили тогда Кумской старухи совет:
Храмы Венеры она повелела народу построить.
И «Вертикордии» ей имя потомством дано[36].
Ласковый взор обрати на потомков Энея, богиня,
И непорочных храни юных ты наших невест.

c) Ov. Fast. IV 863—900 (о празднике 22 апреля «Городских Виналий» в честь Юпитера и Венеры)

Расскажу о «Виналиях» ныне. —
Есть между ними еще день посредине один.
Девы свободные все, прославляйте богиню Венеру.
Если стремитесь к чему, — много дарите Любовь,
Жгите ей фимиам, у мужчин просите успеха,
И красоты и еще чар, чтобы всех обольщать.

С ветками мирты вы ей подносите любимых настурций,
Ваши корзины увить нужно гирляндами роз.
Храм посещайте ее, что поближе к Коллинским воротам[37],
Имя носящий свое от Сицилийской горы.
Клавдий когда покорил, Аретуза, твои Сиракузы,
С ними и Эрикс, — тебя в плен он тогда захватил[38].
Стих нам Сивиллы гласит: перешла к нам оттуда Венера,
Чтобы в семействе родном чтил бы богиню народ.

Венера с дельфином

Праздник Венеры святой — почему называют «Виналий»?
В день этот с ней почему вместе Юпитера чтут? —
С Турном боролся Эней, чтобы зятем считаться Аматы, —
Турн же на помощь себе войско рутулов зовет[39].
Страх наводивший в бою, был силен знаменитый Мезентий[40],
Конницы много имел, больше пехотой силен.
Турн и рутулы его призывают на помощь в сраженье,
Вождь же этрусский на то им предлагает ответ:
«Мне дорогою ценой достается военная доблесть, —
Кровь проливая свою, весь я изранен в боях.
Помощи просишь моей, раздели же со мной и добычу,
Будет наградой моей — первое в кадках вино!
Дело твое наградить, а мое — предоставить победу, —
Если откажете мне, рад будет только Эней!»
Те согласились. Свои одевает доспехи Мезентий;
Перед борьбою Эней молит Юпитера так:
«Сбор с виноградной лозы получает союзник Мезентий.
Дам тебе я виноград всей Лациумской земли».

Лучший обет победил... И погиб пораженный Мезентий,
Телом огромным своим твердую землю томя.
Осень настала... опять потекла виноградная влага,
И отдается тогда богу вина урожай.
Имя — «Виналий»[41] дня. Этот день присвояет Юпитер
И приобщает его к праздникам вечным своим.

40. a) Verg. Aen. VIII 560—567 (Древнеиталийская богиня Ферония, ипостась Венеры, дает своему сыну, царю города Пренесте, три души, — Эвандр рассказывает об этом)

«Если б Юпитер вернул прошедшие годы, каким я
Был, когда первую рать уложил под самой Пренестой
И, победителем, сжег щитов огромные груды;
Эрула этой рукой царя под Тартар отправил,
При рожденьи кому дала Ферония матерь
[Страшно сказать!] — три души, способность ратовать трижды;
Трижды убитому быть; однако эта десница
Души все отняла, лишив его трижды оружья».

b) Ov. Fast. V 183—274 (Другая италийская ипостась Венеры — Флора, богиня весны и цветов)

См. «Арес», § 3.

c) Ov. Fast. V 275—378 (Дальнейшие рассказы Флоры)

Молча внимаю словам... Мне богиня сама предлагает:
«Если желаешь спросить, многое можешь узнать».
— Флора, скажи, как твои эти новые игры возникли?
Только закончил вопрос, мне отвечает она:
«К роскоши не было средств в старину, и считался богатым
Много имевший скота, много имевший земли.
Корни отсюда и слов: Cocuples и pecunia — деньги,
Но и в запретном себе выгоды каждый искал:
Даже в обычай вошло выпасать свою в рощах скотину,
То разрешалось сперва и не каралось никем.
Не охраняли еще достояние общее люди,
Не выпасали на нем только лентяи одни.
О своеволье таком сообщили народным эдилам.
Раньше о том донести все не решался народ.
Взялся за ум селянин: штрафовать начинают виновных
Стало похвальным тогда общее дело беречь.
Часть этих штрафов и мне отчисляли потом поселяне,
И учредились тогда новые игры мои.
Гору крутую затем на штрафные же деньги сравняли.
Публиев ныне на том месте устроили путь».
— Флора! но игры те, — я спросил, — ежегодно ль бывают?
Та отрицает и мне молвит такие слова:
«Жертвы и праздники все обитатели неба мы любим,
Радует также богов и почитанье людей.
Часто иной, согрешив, прогневит небожителей сердце,
Жертвою часто своей гнев укрощает богов.

Часто Юпитер своим поразить собирался Перуном,
Дым фимиама его сдерживал гневную длань.
За оскорбления мы жестоко человека караем,
Дерзкий хулитель богов тяжкие кары несет.
Вот Фестиада пример: его дальнее пламя пожрало, —
Долго Дианы алтарь он оставлял без огней[42].
Иль Танталида, — ее покарала все та же богиня:
За позабытый алтарь дважды карала она[43].
Чтить бы Венеру хотел Ипполит, когда кони терзали...
Случаи все исчислять времени много займет.
Раз оскорбили меня: нечестивые Флору забыли
И пропустили меня праздновать Рима отцы.
Что было делать? И чем я могла выразить свои скорби?
За оскорбление им чем я могла отомстить?
В горе тяжелом своем прекратила о людях заботы,
Бросила поле, не мил стал мне любимый цветник,
Лилий опали цветы, увядав, засыхали фиалки,
Грустно свои опустил ветки багровый шафран.
Часто Зефир говорил: «Ты свое же приданое губишь», —
Так опротивели мне сад и поля и цветы.
Только маслина в цвету, все цветение ветры погубят.
Град налетевший собьет спелый в полях урожай.
На винограда лозу у людей оставалась надежда,
Австр свои тучи согнал — листья все сбиты дождем.
Но не хотела я быть, да и не была, вовсе жестокой,
Не отвращала тогда только губительных сил.
Рима собрались отцы: если год урожайный настанет,
То, обещали они, празднество мне учредить.
Я принимаю обет. Тогда консул Ленат и Постумий[44]
Создали игры мои общей заботой своей».
Я попытался спросить: почему же на играх веселых
Вольные шутки царят, пьяный бывает разгул?
Вспомним, однако, тогда, что не строгая это богиня.
Что наслажденья она только приносит с собой.
В праздники Флоры всегда все виски украшают венками
И убирают столы всюду букетами роз.
Пьяный на празднестве гость, разукрасивши волосы липой[45],
В винном угаре смешит грубою пляской народ,
У неприступной двери поет любовник красавицы юной,
И упадает с висков нежный веночек из роз,
Кудри в красивых венках, не серьезным все заняты делом,
Люди в цветочных венках чистую воду не пьют.
В сок виноградный пока не вольют Ахелоя в бокалы[46],
То неохотно еще тянется к розам рука.
Нравятся Вакху цветы. Что венки были Вакху приятны,
В этом убеждает тебя ряд Ариадновых звезд[47].
Флору причислить нельзя к божествам на высоких котурнах,
Сцена веселая ей в праздник весной к лицу[48].
Толпы продажных девиц почему эти празднуют игры?
Можно причину тому выяснить очень легко:

Триумф Венеры. Мозаика из Тимгада, Алжир

Флора — богиня из тех, что не строго преследует падших,
Праздники хочет свои сделать доступными всем.
Юноше Флора велит свой цветущий использовать возраст,
Роз презирает шипы, если уж нет лепестков.
В праздник цветов почему в разноцветных все ходят одеждах,

А в Цереалий дни белый мы видим наряд?[49]
Не потому ль, что пестрит многоцветными поле цветами,
Зрелый же хлеб на полях светлый имеет наряд?»
Флора кивком головы подтвердила мое рассужденье
И уронила с венка нежных цветов лепестки.
Только о факелах мне расспросить оставалось богиню,
Недоуменье мое так разъяснила она:
«Иль что багрянцем горят на полях моих розы и маки?
В праздники Флоры толпа факел горящий несет[50],
Иль что огонь и цветы поражают нас пламени блеском
И привлекают к себе наши невольно глаза;
Или что вольность царит на ночных моих праздниках всюду?
Это, как кажется мне, к истине ближе всего».
— Мне остается еще предложить тебе мелкий вопросец.
Дай, если хочешь ответ... И согласилась она.
— В сети зачем для тебя не Ливийскую ловят тигрицу,
А преподносят тебе робкого зайца и ночь?
«Царство мое не леса, а поля и сады, — отвечает, —
Зверь кровожадный моих мирных не любит лугов».
Это промолвив, ушла, растворившись в прекрасном эфире,
В воздухе долго царил нежных цветов аромат.
Чтобы Назона стихи процветали бы сильно, богиня,
В кудри поэта вплети яркие розы свои.

41. а) Propert. IV 2 (Вертумн, римский оборотень, первоначально символ превращения растительного мира во время роста, а потом и с более общим значением)

Что дивишься в одном моем теле столь многим ты формам?
Признаки родины ты в боге Вертумне признай.
Сам я туск, и от тусков исшел, и не жаль мне нисколько,
Что от Волсинских бежал я среди войн очагов,
Рад здесь толпе, не ищу я храма из кости слоновой;
Мне на Римский один форум довольно глядеть.
Некогда тут Тиберин свой путь пролагал, и толкуют,
Весел слышался звук, бьющих по мелкой воде.
Но когда уступил своим он на столько питомцам,
Я Вертумном зовусь от повернувшей реки.
Иль что, как вертится год, я первый и плод предвкушаю.
Думают, что посвящен должен Вертумну он быть.
Первые лишь у меня виноградные грозди пестреют,
И наливать молочком волос колосьев пойдет,
Сладкие вишни ты тут и осенние сливы увидишь,
И шелковица начнет в жаркое время краснеть.
Здесь прививальщик венок плодоносный кладет по обряду,
Ежели груша ему яблок насильно дает.
Лживые толки, вы вред! Другой есть указчик прозванья:
Верьте, когда сам про себя станет бог говорить.
Благоприятна моя природа для всех превращений.
Ты куда хочешь верти, будь прекрасен во всем.
В косские ткани одень — я девою стану любезной;

Кто же, будь тога на мне, мужа б во мне не признал?
Дай мне косу, увей мне лоб перекрученным сеном,
Ты поклянешься, что я сам эту траву косил.
Я и в оружье бывал, и, помню, меня в нем хвалили;
С полной кошницею был я настоящим жнецом.
Трезвый, от ссор я бегу; но только венок я надену,
Ты закричишь, что вино мне прилило к голове.
Голову миртой укрась, я стану похож на Иакха;
Стану на Феба похож, ежели плектр мне вручишь.

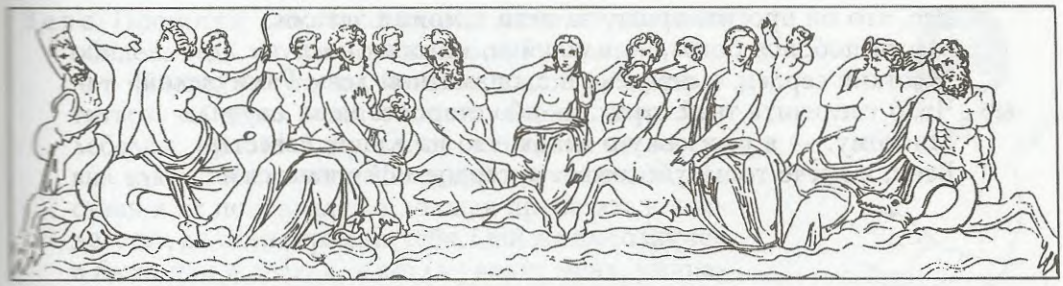
Венера Небесная. Античный рисунок

Сети неся, я ловец; когда же беру камышину,
Я бог Фавн и иду прямо пернатых ловить.
Вид возницы Вертумн принимает, и даже такого,
Что переносит себя ловко с коня на коня.
Коль подойдет, стану рыбу ловить этой тростью иль статно
В длинной тунике пойду всюду разносчиком я.
Я могу пастухом склоняться над посохом или
В самой даже пыли розы нести в кузовах.
Что ж мне еще прибавить, чем больше всего я забочусь,
Что садовых даров милых держать мне в руках?
Синий слегка огурец, и брюхом распухшая тыква,
И капуста, свитая лыком, меня выдают,
Да и в лугах нет цветка, чтобы, надетый красиво,
Он на лбу у меня первым из всех не увял.

И за то, что один я во всякие виды вертелся,
Имя, согласно делам, дал мне родимый язык.
Сам ты, Рим, присудил моим воздание тускам,
Вот и поныне одна улица Тусской слывет.
Тою порой, как пришел Ликомедий с союзной дружиной
И сабинскую всю Тация силу разбил,
Видел я, как их строй колебался, и копья ронялись,
И как постыдно враги к бегству казали свой тыл.
Сеятель мощный богов, даруй, чтоб у ног моих вечно
Римская в тогах своих здесь приходила толпа.
Шесть осталось стихов; тебя, что бежишь по повестке,
Не задержу: моего бега тут самый предел.
Был я кленовый чурбан, поспешно отесан до Нумы,
И в приятном мне был городе бедный я бог.
Но тебе-то, Мамурий, статуи медной чеканщик,
Пусть у осков земля рук мастерских не гнетет,
Что сумел ты меня отлить столь способным на деле.
Вещь-то одна, не одна вещи такой похвала.

b) Ov. Met. XIV 623—697 (Вертумн и Помона)

В те времена Помона жила. Ни одна из латинских
Гамадриад не блюла так усердно плодового сада
И ни одна не заботилась так о древесном приплоде.
Имя ее — от плодов. Ни рек, ни лесов не любила;
Сёла любила она да с плодами обильными ветви.
Правой рукою не дрот, но серп искривленный держала;
Им подрезала она преизбыточность зелени или
Рост укрощала усов; подрезала кору и вставляла
Ветку в нее, чужеродному сок доставляя питомцу.
Не допускала, чтоб пить захотели деревья. Волокна
Вьющихся жадных корней орошала струей водяною.
Тут и занятья и страсть — никакого к Венере влеченья!
Все же, насилья боясь от сельчан, изнутри запирала
Доступ к плодовым садам; не пускала мужчин и боялась.
Что тут ни делали все, — мастера на скаканье, сатиры
Юные, или сосной по рогам оплетенные Паны,
Даже Сильван, что всегда своих лет моложавее, боги
Все, что пугают воров серпом или удом торчащим, —
Чтобы Помоной владеть? Однако же чувством любовным
Превосходил их Вертумн. Но был он не более счастлив.
Сколько он раз, простым обрядившись жнецом, приносил ей
Короб колосьев, — и был жнеца он подобием верным!
Часто являлся он ей в повязке из свежего сена,
Словно сейчас он косил или переворачивал траву.
Часто он грубой рукой нес дышло, — поклясться бы можно,
Что утомленных быков из плуга он только что выпряг.
То подчищателем лоз, садоводом с серпом появлялся;
Лазал по лестницам он, как будто плоды обирая,
Воином был он с мечом, с тростинкою был рыболовом.
В разных обличиях он получал, таким образом, доступ



Венера, плывущая по волнам

К деве, возможность ловя веселиться ее созерцаньем.
Раз, наконец, обвязав себе голову пестрой повязкой,
С палкой, согнувшись, покрыв себе голову волосом белым,
Облик старухи приняв, он в холеный сад проникает
И, подивившись плодам, говорит: «Вот сила так сила!»
И, похвалив, поцелуев дарит ей не щедро, — подобных
Не приводилось дарить настоящей старухе! Садится
На бугорок и на ветви глядит с их грузом осенним.
Рядышком вяз возрастал с изобильем налившихся гроздий;
И одобряет он их, и жизнь совместную хвалит.
«Если бы ствол, — говорит, — холостым, без лозы, оставался,
Кроме лишь зелени, нам ничем бы он не был приятен.
Так же и эта лоза, что покоится, связана с вязом,
Если б безбрачной была, к земле приклонившись лежала б.
Этого дерева ты не внимаешь, однако, примеру:
Брачного ложа бежишь, ни с кем сочетаться не ищешь.
Если бы ты пожелала! Сама не имела Елена
Стольких просящих руки, ни та, что когда-то лапифов
Вызвала бой[51], ни Улисса жена[52], смельчака между робких.
Ныне, меж тем как бежишь и просящих тебя отвергаешь,
Тысяча ждет женихов, — и боги, и полубоги,
Все божества, что кругом населяют Альбанские горы.
Если ты только умна и желаешь хорошего брака,
Слушай старуху меня, потому что люблю тебя больше
Всех, не поверишь ты как! Не думай о свадьбах обычных,
Другом постели своей Вертумна ты выбери. Смело
Я поручусь за него, — затем, что себя он не знает
Лучше, чем я. Не странствует он где придется по миру,
Здесь он, и только, живет. Он не то, что обычно другие, —
Как увидал, так влюблен. Ты первым его и последним
Пламенем будешь. Тебе он одной посвятит свои годы.
Знай еще, что он юн, что его наградила природа
Даром красы; хорошо подражает он образам разным.
Что ни прикажешь, во все обратится он, если захочешь.
Вкус не один ли у вас? Плоды твои он получает
Первый, и с радостью дар из рук твоих разве не примет?
Но не желает уже он с деревьев твоих урожая,
С соками нежными трав, воспитанных садом тенистым, —
Кроме тебя, ничего! Над пылающим сжалься! Поверь же,

Всё, что он просит, прошу за него я моими устами.
Мести побойся богов, — идалийки, которая недруг
Жестких сердец, и не гневи и злопамятной девы Рамнузской!
Чтоб увеличить твой страх, — ибо старость меня научила
Многому, — я расскажу о делах, что на Кипре известны
Всем, и легче тогда убедишься и сердцем смягчишься».

Е. ИЗ ПОЗДНЕЙШЕЙ ПАРОДИИ

42. a) Luc. Deor. dial. 17

1. Аполлон. Чего ты смеешься, Гермес?

Гермес. Ах, Аполлон, потому, что видел такое смешное!

Аполлон. Расскажи-ка, — я хочу посмеяться.

Гермес. Гефест поймал Афродиту с Аресом и связал их вместе на ложе.

Аполлон. Как же он это сделал? Ты, кажется, можешь рассказать что-то очень забавное.

Гермес. Я думаю, он знал об их связи уже давно и следил за ними; и вот, сегодня, прикрепив к ложу невидимые сети, он ушел в свою кузницу. Пришел Арес, думая, что никто его не заметил, но Гелий его видел и донес Гефесту. Тем временем Арес с Афродитою легли на ложе, и только что принялись за дело, как попали в сети и почувствовали себя крепко связанными. Тогда явился Гефест. Афродита совсем обнаженная, не знала, чем прикрыть свою наготу, а Арес сначала пытался было бежать, думая, что ему удастся разорвать сети, но, вскоре поняв, что это невозможно, стал умолять освободить его.

2. Аполлон. Что же? Освободил их Гефест?

Гермес. Нет, он созвал богов поглядеть на их прелюбодеяние; а они, оба обнаженные, совсем пали духом и лежали связанные вместе, краснея от стыда. Они представляют, кажется мне, приятнейшее зрелище: ведь у них почти что вышло дело...

Аполлон. И наш кузнец не стыдится показывать всем позор своего брака?

Гермес. Клянусь Зевсом, он стоит над ними и хохочет. А мне, правду говоря, показалась завидной судьба Ареса; не говоря уже о том, чего стоит обладание прекраснейшей из богинь, но и быть связанным с ней вместе — тоже хорошее дело.

Аполлон. Ты, кажется, не прочь дать себя связать при таких условиях?

Гермес. А ты, Аполлон? Пойдем туда: если ты увидишь и не пожелаешь того же, я преклонюсь перед твоей добродетелью.

b) Luc. Deor. dial. 2

1. Эрот. Но если я даже провинился в чем-нибудь, прости меня, Зевс; я ребенок и еще неразумен.

Зевс. Ты ребенок? Ведь ты, Эрот, на много лет старше Иапета. Оттого что у тебя нет бороды и седых волос, ты хочешь считаться ребенком, хотя ты старик, и притом негодяй?

Эрот. Чем же, по-твоему, я, старик, обидел тебя так сильно, что ты хочешь меня связать?

Зевс. Посмотри сам, бесстыдник, мало ли ты меня обидел; ведь ты так издеваешься надо мной, что нет ничего, во что ты меня не заставил превратиться: ты делал меня сатиром, быком, золотом, лебедем, орлом! А ни одной женщины не заставил влюбиться в меня. Ни одной при твоем содействии я не понравился и должен прибегать к колдовству, должен скрывать себя. Они же влюбляются в быка или в лебедя, а когда увидят меня, умирают от страха.

2. Эрот. Это вполне естественно: они, как смертные, не переносят твоего вида, Зевс.

Зевс. Отчего же Аполлона любят Бранх и Гиацинт?

Эрот. Однако Дафна бежала от него, хотя у него длинные волосы и нет бороды. Если ты хочешь нравиться, то не потрясай эгидой, не носи с собой молнии, а придай себе возможно приятный вид, прибрав с обеих сторон свои курчавые волосы и надев на голову повязку; носи пурпуровое платье, золотые сандалии, ходи изящной поступью под звуки флейты и тимпанов, и тогда ты увидишь, что у тебя будет больше спутниц, чем менад у Диониса.

Купающаяся Венера

Зевс. Убирайся! Не хочу нравиться, если для этого нужно сделаться таким.

Эрот. В таком случае, Зевс, не стремись больше к любви: это ведь нетрудно.

Зевс. Нет, от любви я не откажусь, но хочу, чтобы это мне стоило меньше труда; под этим условием отпускаю тебя.

c) Luc. Deor. dial. 12

1. Афродита. Эрот, дитя мое, смотри, что ты творишь! Я не говорю уже о том, что ты творишь на земле, какие вещи заставляешь людей делать с собой и с другими, но подумай, как ты ведешь себя на небе! Зевс по твоей воле превращается во все, что тебе ни вздумается. Селену ты низводишь с неба на землю, — а сколько раз случалось, что Гелий по твоей милости оставался у Климены, забывая про коней и колесницу; а со мной, твоей родной матерью, ты уже совсем не стесняешься. И ведь ты уже дошел до такой мерзости, что даже Рею, в ее преклонных летах, мать стольких богов, заставил влюбиться в мальчика, в молодого фригийца. И вот она, благодаря тебе, впала в безумие: впрягла в свою колесницу львов, взяла с собой корибантов, таких же безумцев, как она сама, и они вместе мечутся сверху донизу по всей Иде; она скорбно призывает своего Аттиса, а из корибантов один ранит себе руки, другой, с распущенными по ветру волосами, мчится в безумии по горам, третий трубит в рог, четвертый ударяет в тимпан или кимвал; все, что творится на Иде, — это сплошной крик, шум и безумие. А я боюсь, — мать, родившая тебя на горе всему свету, должна всегда бояться за тебя, — боюсь, как бы Рея в порыве безумия или скорее напротив — придя в себя, не отдала приказа своим корибантам схватить тебя и разорвать на части или бросить на съедение львам; ведь ты подвержен этой опасности постоянно.

Венера Вульгарис. Резьба по камню

2. Эрот. Успокойся, мама, — я даже с этими львами в хороших отношениях: часто влезаю им на спину и правлю ими, держась за гриву, а они виляют хвостами, позволяют мне совать им в пасть руку, лижут ее и отпускают. А сама Рея вряд ли найдет время обратить на меня внимание, так как она совершенно занята своим Аттисом. Но, в самом деле, что же я дурного делаю, обращая глаза всех на красоту? Отчего же тогда вы все стремитесь к красоте? Меня в этом винить не следует. Сознайся, мама: хотела бы ты, чтобы ты и Арес никогда друг друга не любили?

Афродита. Да, ты могуч и владеешь всеми; но все-таки придется тебе когда-нибудь вспомнить мои слова.

IX. ГЕСТИЯ

A. БОГИНЯ ОЧАГА У ГРЕКОВ

Три пары богов, рассмотренные нами после Зевса и Геры, — Аполлон и Артемида, Гефест и Афина Паллада, Арес и Афродита, — имеют между собой то общее, что каждая из этих пар есть не только просто пара, но и *противоположность по существу*, хотя каждая пара и обнимается какой-то общей характеристикой. Однако это общее не может уничтожить самую противоположность, потому что тогда мы вышли бы уже за пределы мифа и погрузились бы в то, что многие античные теоретики называют нерасчлененным Единым. Верно другое снятие противоположности — в процессе *развернутого становления*. С этой точки зрения как раз и интересны те три олимпийских божества, которые нам еще остается рассмотреть. Из них наиболее пластично-оформленная, наиболее устойчивая это — Гестия, мировой и божественный Очаг, в котором аполлоновское оформление достигло степени устойчивого физического факта, данного, однако, в своем огненном становлении. Ей противоположен *Гермес*, вечно подвижный и неугомонный, наиболее «реальный», в котором совместились нервозность Ареса и внутренняя самоощутимость бытия, как у Афродиты. Наконец, *Деметра*, главная богиня Элевсинских мистерий, являясь символом вечного возвращения жизни и смерти, представляет собой несомненное равновесие, которое в сравнении с более отвлеченными Гефестом и Афиной захватывает (как Гестия и Гермес) и всю жизнь человека, в частности земледельческую.

Гестия, или Гистия, — у римлян *Веста*, — есть очаг или огонь очага, — во всем многообразии содержания понятия «очаг». Можно себе представить прежде всего домашний, или семейный, очаг. Так, Алкеста у Еврипида обращается к ней перед смертью с просьбой охранять ее детей (§ 21). Свою Гестию имели и целые роды — так, по крайней мере насколько можно предполагать, в Аттике филы и фратрии. Существовала Гестия и целой *общины, города, государства*. Хорошо говорит о такой «общей Гестии» Аристотель (§ 2 b) и мн. др. В городах такая «общая Гестия» стояла в Притании, главном правительственном здании в греческих городах и резиденции и правительства, а также в месте общественного питания (§ 2 c—f). Она была священным центром всего города, откуда, например, и название мальчика и девочки, посвящаемых в Элевсинские

мистерии, — «дитя, посвященное от Гестии» или просто «дитя от Гестии». Колонии брали от Гестии своей метрополии огонь в знак своего родства с нею. В царские времена Гестия у царя была символом *для всей страны*; позднее государственная Гестия отделилась от царской. В этих Гестиях-очагах поддерживался непрестанный огонь, и его угасание было зловещим предзнаменованием. По-видимому, главным моментом в Гестии был именно этот огонь (§ 2 h, куда можно присоединить еще Poll. I 7). В качестве примеров вечного огня в общественных очагах-Гестиях приводим Афины, Олимпию и Мантинею (§ 2 n). Не будет неожиданностью, если общегреческой Гестией считался огонь в Дельфийском святилище (§ 2 m, куда можно было бы присоединить некоторые материалы о Делосском святилище Аполлона). Делос — Гестия Кикладских островов (Callim. Del. 325 об Аркадии, об Ахейском союзе; Polyb. V 93 о беотийском союзе и пр.). Наконец, Гестия есть и мировой Очаг, абсолютно устойчивый (она остается на месте, когда движутся все боги в своем знаменитом путешествии у Платона, Phaedr. 246), но в то же время огненный (ибо он есть осуществленное божественное творчество вообще, как бы непрестанно эманирующая Аполлонова форма, ср. § 1 c). Об этом говорят материалы (§ 3 a—f) по Парменид (Эмпедоклу), пифагорейцам и Анаксагору, хотя последний отождествляет Гестию с Землей, причем фактически у Анаксагора Земля покоится в воздухе, а не «в Эфире» (как это вытекало бы из § 3 d). Отождествление Гестии с Землей проскальзывает у Софокла (§ 3 d); и, по-видимому, это является довольно распространенным, если не всеобщим мнением, по крайней мере в позднейшие времена (§ 3 d—j). Может быть, так надо понимать и вышеуказанное место Plat. Phaedr. 246, в особенности если принять во внимание, что так мыслит и комментатор Платона Тимей Локрский (De an. mund. 97 d). Обычное углубление этого вопроса у неоплатоников (§ 4 a, b). Таким образом, Гестия — пламенеющий очаг в каждой семье, в городе, в обществе и государстве, в Земле как таковой и, наконец, самостоятельный мировой Очаг для всего существующего.

В связи с этим Гестия понималась и специально как жертвенный огонь. Гестия участвует в каждой жертве и способствует ей (§ 1 b—c, 3 k), причем ей полагалась первая и последняя часть жертвы. Была поговорка «начинать с Гестии», которую объясняют соответствующим образом Аристофанов схолиаст и Платон (§ 5 d). Гестия, наконец, символ девства и чистоты, что объясняется античным взглядом на огонь как на очищающую силу (ср. § 5 a—d, 6 d). Понятно, почему Аполлон у Эсхила очищает Ореста у Гестии. Понятен обычай так. наз. амфидромий, т. е. ношение новорожденного ребенка вокруг Гестии (Schol. Plat. Theaet. 122 b, см. также словари Hesych., Suid., Harpocr., Etym. M.). Понятно, почему клятва при Гестии считалась наиболее безукоризненной (ср. то, что рассказывает Herod. IV 68 о скифских царях, или, напр., Xen. Hell. II 3, 52 о том, как Ферамен для крепости своих слов вскочил на алтарь Гестии, и мн. др.).

Гестия — первородная дочь Кроноса и Реи (§ 1 a); к ней особенно благоволил Зевс после падения Титанов (§ 5 d). Несмотря на свое явное признание священного очага (Od. XIV 159, XVII 156, XIX 304; ср. Hes. Opp. et d. 734), Гомер еще не знает Гестию, что, конечно, может быть и случайным отсутствием. Стало быть, первое упоминание о Гестии только у

Гесиода и в *Гомеровских гимнах* (§ 1 a—c, e). Как вечный устой бытия божественного, мирового и человеческого, она мыслится всегда несколько торжественно, — напр., на троне рядом с Зевсом и Герой (§ 1 b; ср. Diod. V 68). Однако по самому своему смыслу она близка и к периферийным, подвижным сторонам божественной жизни, откуда ее связь, напр., с Посейдоном (ср. совместное изображение Посейдона, Амфитриты и Гестии в Олимпии, Paus. V 27, 2, и с Гермесом, ср. Paus. V 11, 8). Однако особенного почитания достигла Гестия в практически общественном Риме под именем Весты и неотделимых от нее домашних божков Пенатов (penus — «провизия», «съестные припасы»), которые часто смешивались в своих функциях с Ларами. Эти Пенаты были душой всей семьи, брачной и семейной жизни, всякого домашнего благополучия и даже кухни. Им тоже полагалось особое блюдо за обедом, ими клялись («per Jovem deosque penates»). Кухня не была просто грязной комнатой с припасами. Это было красивое сводчатое помещение, в котором вся семья собиралась у священного очага, где сохранялся огонь и днем и ночью, для еды и для молитвы. Огонь в очаге погашался только в случае смерти хозяина. Веста и Пенаты глубочайше чтились в Лавинии и в Альба Лонге (§ 6 g) и особенно в самом Риме, где храм Весты находился около древнего Царского дома, т. е. в центре всего города, где жили и главный жрец (pontifex maximus) и шесть жриц Весты, так наз. весталок, в белых одеяниях и без всяких украшений, которые поддерживали неугасимый огонь и были чистыми девами, терпя за нарушение целомудрия и за погасание огня жестокое наказание: они бичевались (Liv. XXVIII 11, 6) и даже закапывались живыми на Campus sceleratus («поле преступников»). Случаи скандала с весталками были весьма редки, и за несколько столетий мы можем перечислить их по пальцам. По преданию, институт весталок ввел Нума (§ 6 f; ср. § 6 q). Интересная подробность мифа о Весте: у нее не было собственного изображения в храме, а вместо этого были изображения Пенатов, да и то известные только главному жрецу и весталкам (ср. явление Пенатов Энею в человеческом виде в § 6 i). В описании пожара в Риме при Нероне у Tac. Ann. XV 41 читаем: «[Сгорело и] капище Весты с Пенатами римского народа».

Гестия.
Римская копия с греческого оригинала

Вообще говоря, Пенаты — это специфически римские божества. Dion. Hal. I 67 сообщает, что греческие писатели по-разному старались передать это имя по-гречески (patrooi — «отчие», genethlioi — «родовые», ctesioi — «покровители имущества», mychioi — «внутренние», herceioi — «ограждающие»), но «каждый из них создавал им названия только по какому-нибудь одному признаку, но никто из них не в силах был выра-

зить их самих». Из этих общих формулировок можно предложить Cornut. 28 (§ 1 g) и особенно Procl. in Theol. Plat VI.

Необходимо прибавить, что на этом национальном римском образе Весты и Пенатов можно очень ощутительно убедиться в имманентности и актуальности всей римской мифологии и религии, в ее постоянном стремлении сводить объективно-космические факты к социально-человеческим явлениям.

1. a) Hes. Theog. 453 сл. (Происхождение Гестии)

Рея, поятая Кроном, детей родила ему светлых, —
Деву Гестию, Деметру и златообутую Геру...

b) Hymn. Hom. XXIX (К Гестии)

Почесть большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Зевса и Майи, Аргоубийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым, благодавец,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.
Радуйся, Кроноса дочь, — и ты, и Гермес златожезлый!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

c) Hymn. Hom. XXIV (К Гестии)

Дом священный метателя стрел, Аполлона-владыки,
Ты охраняешь в Пифоне божественном, дева Гестия!
Влажное масло с твоих нистекает кудрей непрерывно.
Этот, владычица, дом посети, — низойди благосклонно
Вместе с Кронидом всемудрым. И дай моей песне приятность.

d) Hymn. Orph. LXXXIV (К Гестии)

Дочь всемогущего Крона, Гестья царица! В средине
Вечнотекущего пламени ты обитаешь великого,
Мистов ты показуешь в священных таинствах тоже,
Вечно цветущих, чистых, разумных, богатых чрез это.
Дом благодатных богов, ты сильна как подпора для смертных.
Ты многовидна, незрима, желанна, подобна посевам.
Жертвы, блаженная, ты прими благосклонно, с улыбкой.
Счастие в нас вдохни, нежнорукая, тоже здоровье.

e) Hymn. Hom. IV 21—32

Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона владыки, —
Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец, —
Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала, —

До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличье прекрасное Зевс в возмещенье безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первейшая между богами.

f) Cic. De nat. deor. II 27. 67 сл. (Значение Весты и Пенатов)

Далее, имя Весты происходит от греков, потому что она есть то, что у греков называется Гестией. Значение ее относится к алтарям и очагам. Поэтому на той богине, которая есть страж самых тайных дел, кончается всякая молитва и жертвоприношение. Недалеко от этого значения и боги Пенаты, причем их имя получается или от слова penus [«припасы»], — ибо они есть все то, чем питаются люди, — или от того, что они помещаются penitus [«глубоко внутри»], почему они зовутся у поэтов еще и penetrales [«внутренними»].

g) Cornut. 28 (Резюме о Гестии)

Дальше, мальчик, надо сказать о Деметре и Гестии. Обе они, по-видимому, не отличаются от Земли. Гестию древние назвали потому, что она всегда стоит [покоится, hestanai], или потому, что от природы находится в самом внутреннем месте (esotato), или потому, что на ней, как на некотором основании, покоится (hestanai) весь космос... Гестия вводится в качестве девы — ввиду того что неподвижность не обладает способностью что-нибудь рождать. И — ради этого она и убирается девами... Гестии придается вечноживущий огонь — ввиду того что и этот последний, оказывается, есть сущее, а может быть, и потому, что все очаги в космосе питаются отсюда и через нее существуют, или потому, что она дает хлеб и есть мать живых существ, у которых причиной жизни является огненное начало. Она изображается округлой и ставится в домах посредине, потому что и Земля такова и она таким же образом водружена в сжатом состоянии, откуда по подражанию Гестия названа Ge или Chton [то и другое — «земля»]. В мифах изображается, что она произошла первой и последней ввиду того, что в нее разрешается то, что от нее происходит и из нее составляется, почему и в жертвоприношениях греки начинают с нее первой и ею последней заканчивают. Вокруг нее белые венки, — потому что она окружается и закрывается со всех сторон самой белой стихией.

Голова Гестии

2. *a) Plut. Qu. conv. VI 8.1 (Гестия — богиня домашнего очага)*

Существует старинное жертвоприношение, которое архонт совершает на «общем Очаге», а каждый из прочих [граждан] — на домашнем. Оно называется «изгнанием голода». И, ударяя одного из домочадцев ивовыми палками, изгоняют его через двери, приговаривая: «Вон, голод; сюда — богатство и здоровье!»

b) Arist. Pol. VI 5, 11 (Гестия — богиня городского и государственного очага)

...Затем следуют специально магистраты для всех государственных жертвоприношений, совершение которых, по закону, не может быть поручено обыкновенным жрецам, но которые, как совершаемые на государственном очаге, имеют особенно почетное значение. Таких магистратов называют архонтами, царями, пританами.

c) Pind. Nem. XI 1

О, дитя Реи, Гестия, ты, которая получила в удел Пританий...

Schol.:

...поскольку Гестии городов водружаются в Пританиях,
и на них хранится так называемый священный огонь...

d) Poll. I 7

Гестию в Пританиях можно назвать госпожой всего. На ней поднимается несгораемый огонь.

e) Dion. Hal. II 65

Так наз. у них [у греков] Притании — священны, и их обслуживают те, кто имеет в городах наибольшую власть.

f) Artemid. II 37

Сама Гестия и ее статуи обозначают для города совет (сенат) и вложение доходов, а для частных лиц — саму их жизнь (ayto to zen).

g) Ael. V. h. IV 6

Когда лакедемоняне хотели истребить город афинян, они запросили бога, и — тот им ответил, что не следует трогать места общей Гестии.

h) Olymp. in Phaedr., p. 201, 7 Norv.

Подражая центру земли, и города посвящают Гестии неугасимый огонь в Пританее.

i) Eur. Alc. 157—173 (То же, — рассказ служанки об Алкесте перед смертью)

Когда свой день последний между дней
Она узнала, то водой проточной
Умыла кожу белую... Потом
Из сундука кедрового достала
Одежду и убор и убралась
Так хорошо. И, став у очага,
Взмолилася владычице: «Богиня,
Меня Аид в свой темный дом берет.
И я теперь в последний раз припала
К тебе: храни моих сирот, молю.
Ты сыну дай жену по мысли, мужа
Дай дочери достойного, и пусть
Не так, как мать, без времени, а в счастье,
Свершивши путь житейский и вкусив
Его услад, в земле почиют отчей».
И сколько есть в чертоге алтарей,
Все обошла с молитвой и листвою

Венчала их зеленою она
И свежею от мирта!

j) Aesch. Suppl. 365—373 (380 слл., Пиотр.: царь народа и есть его Пританий, — из разговора Царя и данаид)

Царь.

Припали вы не к очагу домашнему
Царя. Вина на город весь обрушится.
Пусть весь народ помыслит, как от зла уйти.

Хор.

А я поруки крепкой вам ни в чем не дам,
Пока всех граждан не услышу мнения.
Ты — весь народ. Город и царство ты!
Самовластительный князь!
Народ очаг, храмы земли — твои!

k) Diod. V 68, 1 (Начало главы см. «Теогония и космогония», «Система», § 28 n)

Из них Гестия, говорят, изобрела постройку жилищ. И из-за этого благодеяния она поставлена почти у всех людей во всех домах, достигши почета и жертв.

l) Soph. O.C. 631—635 (Тезей принимает Эдипа у своего очага)

Такого мужа кто же благосклонностью
Пренебрежет? Во-первых, наш соратничий
Ему до века будет пусть родным очаг.
Еще же — умолитель, к божествам пришед, —
Земле и мне немалый он налог несет.

m) Plat. Prot. 337 d

...сошедшись теперь в этот самый как бы для всей Эллады Пританий мудрости...

n) Athen. VI, p. 254 b

[Город Дельфы] Пифийский [Аполлон] провозгласил Гестией Эллады, ненавистнейший же Феопомп [I 328] — Пританием Эллады.

o) Paus. I 18, 3 (Пританий в Афинах)

Рядом [с храмом Диоскуров в Афинах] находится Пританий, в котором хранятся написанные Солоном законы; там стоят также изображения богинь: Эйрены [«Мира»] и Гестии [«Священного Огня»].

Paus. VIII 53, 9 (То же — для всей Аркадии) Один из жертвенников аркадцы называют «Общий очаг».

Paus. V 15, 9 (Гестия в Олимпии)

Те гимны, которые поются в Притании, написаны на дорийском наречии, но кто составил эти гимны и песнопения, они не гово-

Гестия со светильником

рят. Есть у элейцев и палата пиршеств: и она также находится внутри Притания, напротив помещения с очагом; в этом помещении угощают победителей на Олимпийских состязаниях.

Paus. VIII 9, 5 («Общая Гестия» в Мантинее)

Недалеко от театра [в Мантинее] находятся знаменитые гробницы: одна, круглого вида, называемая Общий очаг, где, говорят, положена дочь Цефея, Автоноя.

3. a) Parm., Empedocl. ap. Anatol., p. 30 Heib., откуда — у Theol. ar. 7, p. 6, 11 de Falco (D. 18 A., frg. 44)

Сверх того [пифагорейцы] говорили, что около центра четырех стихий [элементов] лежит некий генадический [т. е. обладающий природой единицы] огненный куб, центральное положение которого было известно и Гомеру, так как он об этом говорит [IL. VIII 16]: «[удаленный] настолько снизу от подземного царства, насколько небо отстоит от земли». По-видимому, в этом следовали пифагорейцам Эмпедокл и Парменид со своими приверженцами и почти наибольшая часть древних мудрецов, утверждавших, что монадическая природа, наподобие Гестии, помещается в центре и вследствие равновесия сохраняет [всегда] одно и то же местопребывание.

b) Philol. ap. Stob. ecl. XXI 8 (D. 32 B, frg. 7) С. Труб.

Первое слаженное [гармонически устроенное] единое, находящееся в центре [мировой] сферы, называется Гестией.

c) Philol. ap. Aet. Plac. II 7, 7 (D. 32 A 16)

Филолай [помещает] огонь посредине вокруг центра, который он называет Гестией вселенной, домом Зевса, матерью и алтарем богов, связью и мерою природы.

Ср. Stob. 121, 6d (D.32 A 17).

Первенствующая [часть вселенной] — в самом центральном огне. Бог-творец прежде всего положил его в основание шара вселенной, подобно тому как закладкой киля [начинают постройку корабля].

d) Anaxag. ap. Theol. ar. 7, p. 6, 20 De Falco (D. 46 A, frg. 20 b)

И в самом деле Еврипид, как бывший учеником Анаксагора, следующим образом упоминает о Земле: «Мудрые из смертных считают ее, по крайней мере, Гестией».

Ср. Eur. ap. Macrob. I 23, 8

Только она одна [Гестия], которую мы считаем землей, остается неподвижной среди дома богов, т. е. среди мира, как говорит Еврипид [frg. 944]:

И — Мать-Земля! Тебя Гестией мудрые
Зовут из смертных, водруженной в эфире.

e) Procl. in Eucl, p. 173, 11 (D. 32 A 14)

Сверх того, Филолай, следуя другому замыслу, называет угол четырехугольника углом Реи, Деметры и Гестии.

Ср. и весь frg. D.

f) Jambl. De v. Pyth. 84 (Diels, Pythagor. C., frg. 4)

Не следует дурно обращаться со своей собственной женой, ибо она отдалась под покровительство. Поэтому мы ведем ее от очага и берем правой рукой.

g) Soph. ap. Philod. De piet., p. 23 (frg. 588) (Гестия — Земля)

И Софокл называет в «Инахе» Землю матерью богов, в «Триптолеме» же и Гестией.

h) Theophr. ap. Porphyr. De abst. II 32 (То же — о Земле)

Ведь она есть общий Очаг (hestia) богов и людей; и всем нужно обращаться к ней с восхвалением как к нашей кормилице и матери и нежно любить ее как родительницу.

i) Plut. Qu. conv. VII 4, 7 (То же)

Мне кажется, сказал [Лукий], что стол есть подражание Земле. Для нашего питания она и кругла и устойчива и прекрасно зовется многими Очагом.

j) Plut. De pr. frig. 21, p. 497, 22

...Земля является неподвижной не только в смысле передвижения в пространстве от места своего пребывания, но и неизменной по своей сущности, Гестией, поскольку она «остается в доме богов» [Plat. Phaedr. 247 a]...

k) Serv. Verg. Aen. I 292

Веста же [говорится] вместо культа, потому что без огня не бывает ни одного жертвоприношения, почему во всех жертвоприношениях призывается она сама и Янус.

Семейный Лар

4. a) Plot. IV 4, 27 (Гестия — ум Земли)

Итак, каждая часть [земли], нужно полагать, имеет на себе след [души]; и универсальное растительное начало набегает на нее, будучи уже не началом этого или того, но всего. Затем, она содержит природу чувствующего начала, уже не перемешанную с телом, но твердо пребывающую на нем. Затем, она содержит и прочую душу и ум, что люди называют Гестией и Деметрой, пользуясь в предчувствии подобных вещей божественным гласом и природой.

Cp. Procl. in Tim. III, p. 8—11 D.

Другие же, выдвигая ее [Земли] рождающее начало, называют ее Деметрой, как и Плотин, называющий ее ум Гестией, а ее душу Деметрой.

b) Porphyr. ap. Eus. Praep. evang. III 11 (Гестия — ведущее в потенции Земли)

И ведущее (hegemonicon) в потенции Земли (chtonias dynameos) имеет имя Гестии, девичья статуя которой ставится на очаге с огнем. Поскольку же эта потенция плодовита, ее изображают в виде женщины с выдающимися вперед грудями.

c) Procl. in Tim. III, p. 137, 20—138, 6 (Устойчивость Гестии-Земли)

И если, как говорят некоторые, слова Платона о том, что Гестия остается одна в жилище богов [Phaedr. 247 a], сказаны об этой Земле, то Платон далек от того, чтобы двигать с места Землю. Но если даже мы станем считать, что Гестия здесь не есть Земля, то все же нужно признать, что в последней содержится потенция, содержащая [охраняющая] Гестию. Именно, как мы говорим, что на небе полюсы держатся Гестией, так и земля среди элементов. И существует такая аналогия, что как сверхмировая Гестия относится к великому вождю двенадцати богов, так Земля — к Небу в области внутримировой. Если же мы обратимся к пифагорейскому «Тимею» [97], то еще больше должны будем предполагать, что Земля не движется. Ибо и он утверждает, что Земля водружена посредине... И т. д.

5. *a) Od. XXIII 481 сл. (Очищающее действие огня, — Одиссей к Эвриклее)*

Няня, огня принеси и подай очистительной серы:
Залу нам должно скорей окурить.

b) Eur. Hel. 865—873 (То же, — слова Феонои)

Вы шествуйте передо мной: ты с светом
Лучины и с пылающей серой,
Истоком девственных эфирных недр,
Чтоб чистое небесное дыханье
Вливалось в грудь мне. Ты ж стезю мою,
Коль кто-нибудь стопою нечестивой
Ее осквернил, — ты пламени, раба,
Ее отдай и, отрясая светоч,
Очисти путь пророчицы. Воздав,
Что я велю, богам, — обратно факел
Пусть каждая возложит на очаг.

c) Hes. Opp. et d. 733 сл.

Совокупившись, не стой с детородным раздетый
Перед огнем очага, но держись в это время подальше.

Ср. Plut. ap. Schol. (Procl.)

Необходимо, чтобы то, что осквернено родами, скрывало причины своего осквернения и не обнажалось вблизи очага. Ибо он — жертвенник богов и восприемник ежедневных жертв и возлияний:

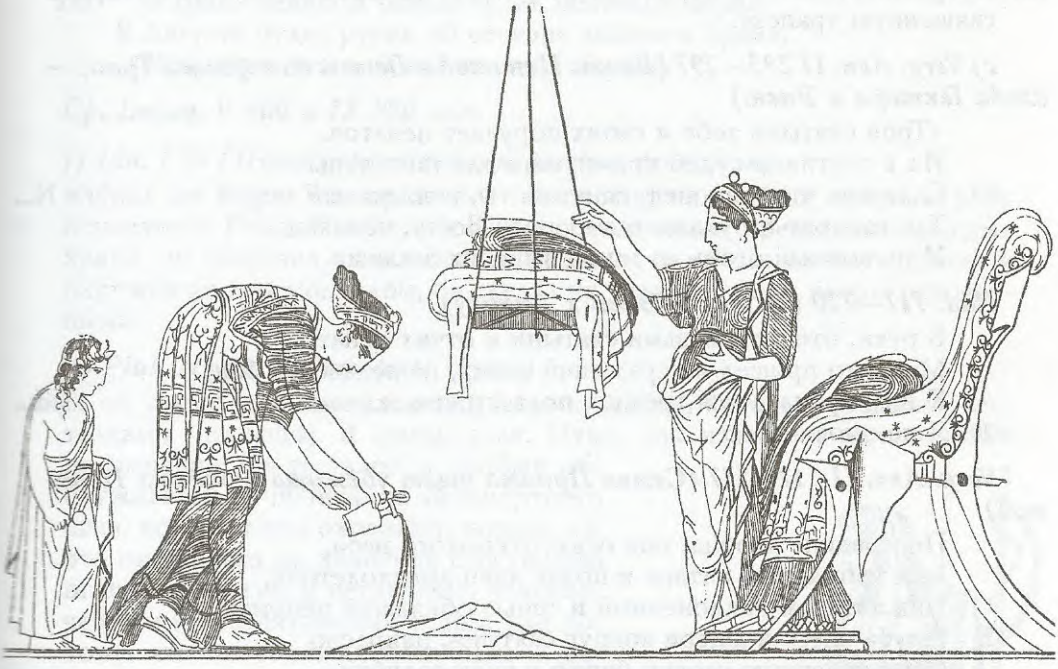
d) Schol. fr. Vesp. 846 (Девство и начатки жертв)

Аристократ составил миф в следующем виде. После падения власти Титанов, когда Зевс принял царство, он предоставил Гестии взять то, что она хочет. Та же прежде всего потребовала для себя девства, а после девства наделения ее от людей первой начатками приносимого в жертву.

Ср. Plat. Euthyphr. 3 a.

e) Arist. Meteor. II 9, 369 a 31 (Одушевленность огня Гестии)

...возникающий в пламени звук, о котором одни говорят, что это смеется Гефест, другие, что — Гестия.



Бытовая сцена в гинекее (женских покоях)

f) Porphyr. De abst. I 13 (Священность огня)

...Я научился считать, что [употребление огня] есть дело, самое достойное уважения и самое священное, равно как и приветствование Гестии и превращение от этого в сожителей (synestions).

Б. СПЕЦИАЛЬНО РИМСКИЕ ДОБАВЛЕНИЯ

РИМСКИЕ ПЕНАТЫ И ДОМАШНИЙ ОЧАГ

6. *a) Serv. Verg. Aen. II 469*

Отдельные части дома посвящены богам, как, например, кухня богам Пенатам.

Serv. Verg. Aen. XI 211

Очаг есть жертвенник Пенатов.

Ср. Verg. Aen. II 704 и Macrob. I 24, 22 (отождествление Пенатов и очага).

Serv. Verg. Aen. III 12

Они потому называются Пенатами, что обыкновенно их почитают во внутренних комнатах (penetralibus) жилища.

b) Arnob. II 67

Во внутренних покоях и кухнях вы согреваете непрестанный очаг и творите священную трапезу.

c) Verg. Aen. II 293—297 (Вынос Пенатов и Весты из горящей Трои, — слова Гектора к Энею)

«Троя святыни тебе и своих поручает пенатов.
Их в спутники судеб прими, ищи для них стены
Славные, что, наконец, оснуешь ты, исплававши море» —
Так говорит и руками всемощную Весту, повязки
И негасимый огонь из глуби выносит жилища.

Ibid. 717—720 (То же, — Эней к Анхизу)

В руки, отец, ты возьми святыни и отчих пенатов;
Мне, кто пришел из сражений таких, из недавнего боя,
К ним прикасаться грешно, пока струею живою
Я не омоюсь...

Verg. Aen. II 512—517 (Семья Приама ищет убежища у родных Пенатов)

Посередине дворца, под осью открытого неба,
Был громадный алтарь и подле лавр дряхлолетний,
Над алтарем наклоненный и тенью обнявший пенатов.
Гекуба здесь и дщери вокруг святыни, напрасно
Сбитые черною словно бурею в кучи голубки,
Тесно прижавшись, богов обняв изваянья, сидели.

Verg. Aen. V 660 (Во время пожара троянского флота)

Все вопиют и огонь из глубин жилища хватают...

d) Varr. De I 1, V 144 (Веста в Лавинии)

Первый город римского племени, основанный в Лациуме, — Лавиний, потому что там наши боги Пенаты.

Ср. Plut. Coriol. 28 (То же).

e) Juvenal. IV 60 (Веста в Альба Лонге)

Альба, хотя и разрушенная, сохраняет Троянский огонь и чтит меньшую Весту.

f) Stat. Silv. IV 6, 2 (То же)

Альба чтит древние Тевкрские Лары.

g) Proper. IV 4, 69 (О Весте в Риме из Трои)

...Троянской золы охрана надежная Веста.

h) Ov. Met. XV 729—731 (То же)

Весь отовсюду народ — и мужчины и женщины — богу
Валит навстречу толпой, и огонь твой хранящие девы,
Веста троянская.

i) Ov. Fast. I 527—532 (То же)

Вот уж увозит Эней и отца и родные святыни.
В храме своем приюти, Веста, троянских богов.

Время настанет, когда здесь сойдутся святыни вселенной,
В храме великом одном будет молиться народ.
В Августа будет руках об отчизне забота и бремя,
И воцарит его дом над великой Землей.

Ср. Lucan. V 400 и IX 990 слл.

j) Liv. I 20 (Нума учреждает институт весталок)

...И избрал дев Весте. Это жреческое звание идет из Альбы и не чужое роду основателя Рима. Чтобы они были постоянными предстоятельницами храма, он назначил им жалованье от казны и, обязав их быть девами и окружив их церемониалом, он сделал их уважаемыми и неприкосновенными.

к) Plut. Numa 9 (Реформы Нумы)

...Был он также наблюдателем за святыми девами, которых называли весталками (hestiades). В самом деле, Нуме, как известно, приписывают посвящение дев-весталок и вообще обслуживание и почитание бессмертного огня, который они охраняют, потому ли, что он отдавал на хранение субстанцию огня, как чистую и нетленную, неиспорченным и незапятнанным телам, или потому, что он сближал бесплодие и неспособность рождать [в огне] с девством. Отсюда, в тех местах Эллады, где находится неугасимый огонь (как, напр., в Пифоне или в Афинах), заботу о нем несут не девы, но женщины, вышедшие по возрасту за пределы брака. Когда этот огонь по какой-нибудь случайности исчезал (как, напр., погасла, по преданию, священная лампада во время тирании Аристиона, или в Дельфах, когда мидяне сожгли храм [Аполлона], или когда во время войны с Митридатом и гражданской войны у римлян вместе с жертвенником погас и этот огонь), то, говорят, нельзя зажигать от другого огня, но надо создать новый огонь и заново зажечь от солнца чистое и незапятнанное пламя. Большею частью пользовались небольшими сосудами, которые приготовляли так, что выдалбливали их при помощи стороны равнобедренного прямоугольного треугольника и они сходились внутри со своей периферии к одному центру. Когда ставили такой сосуд на солнце, чтобы отраженные отовсюду лучи сходились и пересекались в центре, то солнце разделяло воздух, становившийся от этого разреженным, и быстро воспламеняло, в результате отражения, тот очень легкий и сухой материал, который сюда подкладывался, когда лучи воспринимали на себя тело и огневой удар. Некоторые полагают, что святые девы ничего вообще не сторожили, кроме этого неугасимого огня. Иные же утверждают, что существуют какие-то священные предметы, неви-

Веста

димые для прочих. О том, что можно из этого узнать и высказать, написано в «Жизни Камилла».

l) Plut. Numa 11

Говорят также, что Нума сделал круглой со всех сторон священную стражу Гестии для неугасимого огня, подражая не фигуре земли, как если бы последняя была Гестией, но всему космосу, посредине которого, как полагали пифагорейцы, был водружен огонь, и вот это-то они и называли Гестией и монадой. А земля у них не неподвижна и не находится в середине окружности, но в своем качании вокруг огня она даже не относится к почетнейшим и первым частям космоса. Это же, как говорят, думал о Земле и ставший старцем Платон, т. е. что она находится в другом пространстве, а что срединное и господствующее место подобает чему-то иному, сильнейшему.

m) Serv. Verg. Aen. III 147—153 (Явление Пенатов Энею в человеческом виде)

Ночь была; на земле было сном все живое объято;
Лики святые богов и Пенаты Фригии, коих
Я из Трои с собой, из самого пламени града,
Вынес, как будто тогда пред моими очами предстали,
В сон погруженными, светом облиты великим, который
Полная чрез большие окна луна проливала.
Так провещали они, речью сей отымая заботы...

7. a) Macrob. Sat. III 4, 6—13

Также относительно специально римских богов, т. е. Пенатов, прибавляется уточнение, не безразличное для настоящего труда. Именно, Нигидий в XIX кн. «О богах» исследует, являются ли Пенаты троянскими Аполлоном и Нептуном, о которых говорят, что они построили троянам стены, и их ли Эней привел в Италию. Также Корнелий Лабеон полагает о богах Пенатах то же самое. Этому мнению следует Марон в словах [Verg. Aen. III 118 сл.]:

Это сказав, алтарям закалает должные части
Он: Нептуну быка и тебе быка, статный Аполлон.

Варрон во II кн. «Человеческих дел» сообщает, что Дардан доставил богов Пенатов из Самофракии во Фригию, а Эней из Фригии в Италию. Но что это за боги Пенаты Варрон в упомянутой, по крайней мере, книге не говорит. Однако те, кто более внимательно изучают истинное положение дела, высказали, что Пенаты — это то, чем мы внутренне дышим, благодаря чему имеем тело, благодаря чему обладаем разумом духа. Средний эфир — это Юпитер; Юнона — нижний воздух с землей; и Минерва — высшая вершина эфира. В доказательство они приводят то, что Тарквиний, сын Демарата Коринфского, мистически наученный самофракийским верованиям, объединил упомянутые божества в одном храме и под одной и той же крышей. Кассий же Гемина говорит, что Самофракийские боги, они же римские Пенаты, называются в собственном смысле богами «великими», «благими» и «могущественными». Зная это, и наш [поэт] говорит [Verg. Aen. III 12]:

...Взявши сына, друзей, Пенатов и мощных богов сонм.

Этим он выражает «богов могущественных». Но, сохраняя и все эти имена в одном относительно вышеупомянутых божеств, он, без сомнения, подтверждает свое учение обо всем этом мнении. Действительно, говоря [Verg. Aen. III 437]:

Ты сначала молись божеству Юноны великой,

он называет ее «великой»; словами же [I 734]:

Вакх, веселья даятель, будь здесь с благой Юноной —

он назвал ее благой, а в словах [III 438]:

...и владычицы мощной —

и «мощной». Тем же самым именем назвал он и Весту, которая, очевидно, до такой степени относится к числу Пенатов или настолько несомненно является их спутником, что и консулы и преторы или диктаторы, вступая в должность, совершали жертвоприношение в Лавинии Пенатам и Весте одинаково. Но и Вергилий там, где сказал от лица Гектора [Verg. Aen. II 293]:

Троя святыни тебе и своих поручает Пенатов,

далее прибавляет [296 сл.]:

Так говорит и руками всемощную Весту, повязки
И негасимый огонь из глуби выносит жилища.

Гигин в написанной им книге «О богах Пенатах» прибавляет, что они называются «богами отчими». Но и это Вергилий не оставил неизвестным для себя [II 702]:

Отчие боги, спасите дом и внука спасите!

И в другом месте [напр., II 717] — «отчие Пенаты».

b) Serv. Verg. Aen. I 378 (То же и почти в тех же выражениях, что и у Макробия)

Serv. Verg. Aen. III 12 (Комментарий к словам Penatibus et Magnis Dis)

Варрон утверждает, что Пенаты и Великие боги одно и то же, так как в подлиннике написано: и Великим богам. Однако это может быть сказано ради почета, потому что Великие боги — это Юпитер, Юнона, Минерва, Меркурий. Последние почитались в Риме, а Пенаты — в Лавролавинии. Ясно отсюда, что они — не одно. Точно так же Варрон и многие другие утверждают, что Великие боги — это два мужских изображения Кастора и Поллукса, помещенные перед воротами в Самофракии, которым приносили обеты избавившиеся от кораблекрушения. Другие полагают, что Великие боги — это Небо и Земля и, значит, Юпитер и Юнона. Увезенные с Самофракии Пенаты были привезены в Италию Энеем, на основании чего говорилось, что самофракийцы родственны рим-

Весталка

Весталки, совершающие обряд

лянам. Их до такой степени называют Великими богами среди прочих, что они будто бы после перенесения из Лавиния в Рим дважды возвращались на свое место, что императоры перед отправлением в провинции прежде всего приносят у них жертву, что их имена не знает никто, что они переживаются как отличнейшие. В самом деле, когда обе девы одновременно спали в храме этих богов в Лавинии, та, которая была менее чиста, лишившись сил от молнии, совершенно не чувствовала другой. Этих богов римляне глубоко чтили. Кроме жреца, никому не было дано их видеть. Они потому и называются Пенатами, что их обыкновенно почитают во внутренних помещениях (penetralibus) жилищ. Ведь и самая внутренняя часть [penetrol, «святилище»] дома называется penus [«припасы»], как и теперь говорится о запирании или открывании припасов Весты.

8. Ov. Fast. VI 249—460 (По поводу праздника Весталий 9 июня и изложение некоторых сторон культа Весты)

Веста, меня осени! Я хвалу тебе петь начинаю,
Если дозволено мне быть на обряде твоем.
Чую я силу молитв и присутствие мощи небесной.
Светом багровым вокруг весело смотрит земля.
Я не увидел тебя (я далек от фантазий поэтов):
Ты недоступна всегда нашему взору мужчин.
То же, чего я не знал, в чем порою не раз заблуждался,
Все это ныне познал без наставлений чужих.
Помнится, сорок уж раз совершили Парилии[1] в Риме,
В храме когда у тебя принят был вечный огонь,
Мирного дело царя. Но в сабинском, однако, народе,
Почестей высших тогда не воздавалось тебе,
Медью, ты видишь, теперь все покрыто святилище Весты, —
В дни же седой старины крылось соломой оно.
Весты тот храм небольшой, столь же малый и в нынешнем Риме,
Храмом великим тогда был он при Нуме царе.

[*Круглая форма храма Весты*]

Внешнюю форму его, говорят, сохранили и ныне.
Этому, думаю я, много есть важных причин.
Веста и наша земля, они — вечный огонь охраняют;
Наша земля и очаг — место святого огня.
Шару подобна Земля: не имея нигде укрепленья,
Бременем тяжким она в воздухе вечно висит.
Уравновешенный шар сохраняет вращением форму,
И на поверхности нет остроконечных углов.
Место же шара того посредине обширного мира
И отстоит от концов на расстоянье одном.

Будь бы Земля не кругла, не имей она места в средине,
Мир бы тогда не имел тяжести в центре своем.
Малый подвешенный шар в Сиракузском имеется замке.
В воздухе шарик висит, мир представляя собой.
Место есть там и Земле в расстояниях разных повсюду, —
Этого чтобы достичь, шаром ей следует быть.
Формы такой же и храм без углов и без выступов разных,
И защищает его купол от сильных дождей.

[*Непокорность Весты и ее жриц*]

Жрицами, спросишь, ее почему непорочные девы?
Впрочем, на этот вопрос есть уж готовый ответ:
Как от Сатурна семян появилась Юнона у Опы,
Следом Церера второй, Веста же третьей была.
Первые знали мужей, матерями те были богини;
Третья же, Веста, совсем знать не хотела мужей.
Девственность вечно храня, она жриц себе девственных ищет.
Чтоб непорочной рукой девы касались огня,
Веста, как знать надлежит, это — вечное пламя живое;
А от огня никогда новых не видим существ.
Девственна ты, что семян никогда не носила во чреве, —
Чистой богине таких чистых прилично и жриц.
Верил наивно всегда, что у Весты есть видимый образ;
В храме, однако, ее образа божьего нет.
Там только видим одно постоянно горящее пламя,
Изображений нигде Весты в пламени нет.

[*Культ Очага*]

Держится силой Земля. Имя Весты — «стоящая силой»[2].
Имя богини еще в греческом есть языке.
Пламени место — очаг; он горит; а отсюда и имя[3].
В древних домах впереди строился всюду очаг.
Слово отсюда у нас «вестибул»[4]. Когда молимся Весте, —
«Первое место тебе!» — мы ей тогда говорим.
Пред очагами сидеть в старину был обычай на скамьях,
Будто тогда за столом с ними присутствовал бог.
Да и поныне у нас при обрядах старинной Вакуны[5]
Пред Вакунальными все мы очагами сидим.
Древний обычай такой сохранился у нас и поныне.
Чистую пищу когда Весте на блюде несешь,
Видим: в красивых венках перевозит лепешки ослица,
И ноздреватый жернов весь утопает в цветах.
В древности в грубых печах люди жарили хлебные зерна,
У поселян очага даже богиня была[6].
В пепел бросали зерно, — сама печь эти жарила зерна;
Их на горячей земле терли куски черепиц.
Позже подобную печь сторожил уже опытный хлебник,
И ноздреватый жернов вертит ослица теперь.
Что ж! О позоре твоем рассказать ли, Приап краснолицый?!
В басне найдется смешной нечто полезное нам:

Кудри украсив венком, башненосная просит Церера
Праздник ее посетить вечных богов и богинь.
Нимф и сатиров зовет, божества деревенские тоже,
Без приглашенья один только явился Силен.
Впрочем, о пире богов и грешно говорить мне и долго.
Ночь проводили без сна, выпито много вина.
В горных долинах одни густолиственной Иды гуляют;
Эти лелеют свои члены на мягкой траве;
Играми тешится часть, а другая в кустах засыпает;
Эти, руками сплетясь, боги ведут хоровод.
Веста лежит в стороне, в тишине наслаждаясь покоем,
Чуть наклонивши свою голову к мягкой траве.
Красный же сторож садов только нимф да богинь караулит,
В поле и взад и вперед бродит бесцельно Приап,
Весту заметил божок. Сомневаюсь, что принял за нимфу,
Хоть и потом уверял, будто ее не узнал.
Страсть загорается в нем. Подползает тихонько к богине,
Дух затаивши в груди, крадется тихим шажком...
Старый случайно Силен тут осла, на котором приехал,
К берегу вывел ручья с тихо журчавшей водой.
Бог Геллеспонта уже подбирается к спящей богине...
Вдруг, надрываясь, ревет голосом грубым осел.
Быстро богиня встает, устрашенная голосом диким.
Сходятся боги... Приап мчится от яростных рук.
В жертву и ныне осла на Лампсаке приносят Приапу,
Члены доносчика там в пламя бросают костра.
Ты же, богиня, его украшаешь венком из колосьев:
В праздник работа стоит, грубые спят жернова.

[*Юпитер-Хлебник и Веста*]

Храм Громовержца, скажу, не богатством, а именем славен,
Знайте, за что получил «Хлебник-Юпитер» алтарь:
Весь Капитолий давно был охвачен уж полчищем галлов,
Длилась осада давно, начал народ голодать.
Тотчас к престолу зовет небожителей грозный Юпитер.
«Слово за Марсом», — сказал. Марс сообщает богине:
«Разве не знаете, что угрожает любимому Риму?
Разве словами могу выразить скорби мои?
Вкратце о Риме скажу я позоре великом и горе:
Рим под пятою лежит дикого жителя Альп.
Где обещанье твое? Где владычество Рима над миром?
Риму хотел подчинить все на земле племена.
Враг уже силы сломил всех окрестных племен и этрусков.
Долго надежда жила, ныне погасла у всех.
Видели, мы стариков, погибавших в преддверьях храмов,
В пышных нарядах своих у позлащенных дверей,
Видели как унесли Илионовской Весты святыни...
Верили люди, что есть где-то карающий бог!
Но лишь увидят они, как погибли родные твердыни,
Как бесконечно враги все их жилища теснят,

То убедятся тогда, как бессильны небесные боги,
Как бесполезно тогда жечь им с мольбой фимиам.
Хоть бы в открытом бою победить им далося с оружьем
Или погибнуть в бою, если нельзя победить.
Ныне их голод томит, умирают герои как трусы;
Заперли в городе их; толпы теснят дикарей.
Веста, Венера, Квирин с булавой, в пурпурном наряде
Свой защищали потом Лациум вместе родной».
Молвит Юпитер: «У нас есть о городе этом забота,
И, побежденная, ты, Галлия, будешь страдать.
Ты им припасы умножь, если в городе в них недостаток.
Веста должна своего места теперь не бросать.
Твердые зерна хлебов пусть простая измелет машина,
Мягкое тесто потом пусть затвердеет в огне».
Брата родного приказ одобряет Сатурнова дева...
Время ночное уже пол пробежало пути.
Спят, утомившись вожди. И во сне им приходит Юпитер;
И, наставляя вождей, молвят святые уста:
«Встаньте! С высокой стены в неприятельский лагерь бросайте
Все, чего мало у вас, жаль что, однако, терять!»
Сон исчезает... Вождей затрудняет неясное слово:
Что из полезного жаль больше всего потерять?
Видят Цереру они... И Церерины зерна бросают.
Падают зерна... Звенят шлемы врагов и щиты...
Голодом нас победить потерял неприятель надежду.
Враг отражен. Получил Хлебник-Юпитер алтарь.

[*Рассказ о древнем месте форума*]

С праздника Весты я шел, возвращаясь случайно местами,
К римскому форуму, где новая улица шла.
Встретил босую я там, к своему удивленью, матрону,
И, пораженный, свои молча замедлил шаги.
Поняла сразу меня здесь стоявшая близко старушка;
Рядом с собой посадив, все объяснила она:
«Место, где форум теперь, было некогда грязным болотом,
Здесь же речною всегда ров был наполнен водой.
Курция озеро то называлось когда-то, где ныне
Наши стоят алтари, но уж на твердой земле.
Шествия к цирку теперь по Велабрской[7] мы видим дороге —
Некогда в этих местах ивы росли да камыш.
Пьяный, из города той проходя непролазной дорогой,
С пьяным матросом не раз здесь в перебранку вступал.
Русло реки божество не свело еще в новое место
И изменным местам новых имен не дало.
Здесь и роща была камышом и травою покрыта,
Но по болоту идти трудно обутой ногой.
Ныне болота уж нет, в берегах ныне воды речные,
Место то сухо давно... Старый обычай живет» —
Так объяснила она. О, прощай, дорогая старуха!
Пусть же на радость тебе будут грядущие дни.

Веста на римских монетах

[*Троянские святыни*]

Прочее с юных годов мне сказанье было известно,
И потому мне его к месту напомнить теперь:
Новые стены когда Ил, потомок Дардана, построил,
Было тогда у него в Азии много добра.
Огненный знак, говорят, на холмы Илионского града
С неба тогда снизошел: дар то Минервы святой.
Видеть я очень хотел те места, побывал и во храмах, —
Все это там осталось... В Рим же Палладий ушел.
Бога Сминтейского тут об огне запросили ответа,
В роще тенистой тогда бог правдивый сказал:
«Зорко небесную вы охраняйте святыню и город,
Вместе с собою храни власть и священный огонь».
В замке высоком своем ту святыню хранил на запоре
Ил и в наследство ее Лаомедонту отдал.
Плохо Приам уберег... И богиня от нас отвернулась,
После того как Парис свой произнес приговор.
Рода Адраста ли сын, Одиссей ли, на хитрости мастер,
Или примерный Эней, — кто-то похитил огонь.
Кто б ни похитил его, но достался он Риму в наследство,
Весты предвечный огонь, зоркий могущества страж.

[*Троянские святыни и пожар 24 г. до Хр. э. в Риме*]

В Риме когда запылал храм богини, прикрывши собою
Весты священной огонь, весь взволновался Сенат.
Вмиг и священный огонь был преступной охвачен стихией,
С пламенем слился святым этот преступный огонь.
Все, волоса распустив, молодые рыдают весталки,
Ужас безумный тогда сделал бессильными их.
В эту минуту Метелл среди них появился и крикнул:
«Польза ли в ваших слезах, девы, за дело быстрей!
Весты священный огонь непорочной берите рукою,
Руки где ваши нужны, там не поможет обет.
Горе! Колеблетесь вы?» Да, они страхом объяты, —
Гнутся колени у них. Бледные, падают ниц.
Воду черпнувши Метелл и воздев свои руки, воскликнул:
«В храм твой, святая, прости, нужно мне, мужу, войти.
Если я грех совершу, то меня одного покараешь,
Жизни ценою моей Рим я великий спасу!»

Молвил и бросился в храм... Оценила поступок богиня,
Первосвященник ее спас ее вечный огонь...
Пламя святое гори при Цезаре нашем поярче,
Пусть Илионский огонь с нами пребудет вовек,
Пусть же при нашем вожде своих чистых повязок весталка
Не осквернит, чтоб не быть в землю зарытой живой, —
Та, что себя осквернит, в оскорбленную землю уходит.
Веста и наша земля — это одно божество.

X. ГЕРМЕС

С Гермесом мы вступаем в ту область наиболее подвижных, наиболее внешних, наиболее *внешне-активных* функций, т. е. в то, что в полном смысле слова можно назвать противоположностью Гестии. В Гермесе на первый план выдвигаются функции вестника богов (Schuhr, Schoemann); некоторые толкователи подчеркивали в этой функции и момент демиургический (Preller). Welcker и Gerhard увидели в нем обожествление движения просто, Rinck — мужского полового члена, Lauer — эфира, Roscher — ветра и т. д. и т. п. Все эти толкования, будучи сами по себе, конечно, вполне односторонними, указывают, однако, на одно основное свойство Гермеса — это подвижность, активность; его пронырливость, вороватость, изобретательность, быстрая передвигаемость, любовь к торговле, обманам, водительству, всякого рода делячеству и пр. вытекают из указанного основного свойства.

У *Гомера* Гермес прежде всего *вестник* и *слуга* Зевса и других олимпийцев. По IL. XXIV 24, он должен отобрать тело Гектора у Ахилла; и он — проводник Приама во вражеский лагерь (182 сл., 437, 461, особенно 333—349, § 6 e). Также Зевс посылает его к Эгисту (Od. I 37—39), к Калипсо (§ 6 f). Он славится у Гомера *хитростью* и *проворством* (§ 6 d, d). Он — бог, *ведущий души* в Аид (§ 6 i, к). Он дает сон (§ 6 i, а также IL. XXIV 343, слл., 445 — § 6 e; Od. V 47 сл. — § 6 f). У Гомера упоминается об одном романе Гермеса (§ 8 a). Нет ничего у Гомера о музыкальных способностях Гермеса, которые сильно выдвинуты вперед в Гомеровских гимнах (см. ниже).

У *Гесиода* — незначительный, но характерный материал (дары Пандоре, § 6 c); зафиксировано и происхождение от Зевса и *Майи* «Бабушки» (причисленной к дочерям Атланта и возведенной потом на небо в числе Плеяд, ср. § 1 e) на горе Киллене в Аркадии, на границе с Ахеей (§ 2 a; ср., впрочем, беотийскую версию — § 4 n), хотя о родителях его знает уже и Гомер (о Зевсе — IL. XXIV 333, 461; Od. V 28, VIII 335; о Майе — Od. XIV 435; в Od. XXIV 1 он — «килленец»). Эти не очень значительные материалы Гомера и Гесиода восполняются подробнейшим описанием появления Гермеса на свет и первых событий его жизни в III Геме-

Гермес и Харита

ровском гимне (§ 2 b). Здесь образ Гермеса дан со всей яркостью. Родился Гермес в четвертый день (как Аполлон в седьмой, — Plut. Qu. conv. IX 3, 2). Месяц этот — в Аргосе «Гермесов» — соответствует февралю, в котором Афины праздновали Гермеса Душеводителя на Анфестериях (Procl. in Hes. Opp. et d. 500: «Четвертый месяц посвящается Афродите и Гермесу»). Только что родившись, он сразу же крадет 50 коров Аполлона (подробности о сокрытии коров и роль Батта подробнее у Овидия — § 9 d и Антонина Либерала, § 9 b; ср. battologein у позднейших — болтать); и когда тот тащит его на расправу к Зевсу, он умиротворяет Аполлона игрой на лире, изобретенной им самим (Гермесом), и Аполлон отдает ему все стадо. Утром он родился, в полдень он изобрел лиру, к вечеру угнал коров Аполлона. Этот веселый, вороватый, пронырливый, очень умный и хитрый бог достигает весьма удачного разделения функций между собою и Аполлоном, чем и кончается этот прекрасный III Гомеровский гимн. В дальнейшей своей жизни они всегда вместе: один — пророк и глашатай Зевса, другой — исполнитель его приказаний, оба пастухи, музыканты, гимнастеры, завсегдатаи улиц, один — «уличный», другой — «придорожный» или «путевой». Часто их и изображали вместе (напр., Paus. IX 17, 2: «Аполлон Боэдромий» и так наз. «Гермес Агорей» в Беотии).

На основе этого общего, очень яркого облика Гермеса в Гомеровских гимнах нетрудно извлечь из литературы и ряд более детальных черт. Так, прежде всего необходимо отметить очень сильную в Гермесе черту *плодородия, животворения*, доходящую до почитания Гермеса в виде *мужского полового члена* (§ 5 d, f). В этом смысле неудивительно, что Гермес стоит часто в весьма близких отношениях к Афродите (§ 5 a — d), к Дионису (§ 5 e), к Гекате (§ 6 b) и к разным Нимфам, воспламеняется половой страстью к Персефоне (ср. § 1 d), обладает итифаллической природой (§ 5 d). По одному очень редкому и всеми забытому мифу, он является отцом Эрота от Артемиды (см. «Афродита», § 11). Является он богом *стад и скота* (в Аркадии, на Лемносе, Имбросе и Самофракии; напр., § 4 p), богом *здоровья* (ср. § 4 o), *счастья* (ср. Hymn. Hom. III 529 — § 2 b; «податель благ» — Od. VIII 335; «щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых» — IL. XX 35; ср. также Od. VIII 322, IL. XX 72, XXIV 360, 457, 679; «удел Гермеса» у Aristoph. Pax. 365), счастливой находки и использования полезных предметов (у Aesch. Eum. 947 использование лаврионских недр — «Гермесово даяние демонов», у Aesch. Sept. 508 о неожиданной встрече двух врагов: «Гермес свел их с толком»; «Гермесово» у Plat. Phaed. 107 с значит «неожиданная находка», и

пр.). Особенно часто приходится сталкиваться с близкими связями Гермеса с стадами и вообще с животными. Его так и называли — «пастушеский» бог (Aristoph. Thesm. 977). Коринфский царь Полиб, особенно славившийся своими стадами, — сын Гермеса. От Гермеса — золотой баран, символ богатства и могущества Атридов. При этом сам Гермес изображался не господином, но лишь пастухом, несущим животных на руках или на плечах (§ 4 i, o). Гермес близок в этом смысле к *Нимфам леса и пастбищ*, почему в Od. XIV 435 свинопас приносит первую долю зарезанной свиньи Нимфам, а вторую — Гермесу (Schol.: «Это — потому, что у них кровь пастухов»). Знаменитый сицилийский пастух Дафнис, прославившийся своей красотой, — сын или любимец Гермеса, Пан — тоже сын Гермеса (ср. § 1 к и § 4 e).

Также весьма популярен был Гермес и в смысле *придорожного, путевого*. Уже Od. XVI 471 упоминает о «Гермесовом холме». Это были кучи камня с четырехугольной колонной, посвященные Гермесу и часто находившиеся на дорогах, откуда получились «гермы» в обычном смысле, т. е. столбы с головой Гермеса и фаллосом, — статуи Гермеса как помощника в пути и во всяком предприятии, а затем и других богов с тем же значением в огромном количестве на улицах, в общественных местах, у ворот и т. д. Особенно много было их в Афинах. (Известен переполох, возникший однажды здесь в связи с разрушением герм.)

Чрезмерное делячество приводит Гермеса и к воровству. Schol. IL. XXIV 24 не худо рассуждает, указывая, что вороватость Гермеса — от Зевса, который тоже воровским образом (т. е. прячась от Геры) сошелся с Майей. Воры считали его своим богом («товарищ воров» — ср. § 9 a, b). Его так и называли — «вор» (Eustath. II 999, 14) или «коровий вор» (Soph. frg. 927).

Официальный «вестник» (Od. V 29; ср. Aesch. Prom. 491, Hymn. Hom. III 2 — § 2 b; у Pind. Ol. VIII 82 Вестница — его дочь), «герольд» богов, он больше всех других богов любит общаться с людьми (IL. XXIV 334 сл. — § 6 e). Поэтому он — diactoros. Он вестник активный, много делающий и от себя. В Od. XV 318 сл. Одиссей говорит Евмею:

...благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
Людям успех, красоту и великую славу дарует.

В особенности благоволит Гермес к этому самому Одиссею, герою, весьма, конечно, близкому для него по характеру. Эта близость была до того интенсивна в античном сознании, что можно почти наверняка предполагать для древнейших времен полное тождество Гермеса и Одиссея (отголоском чего является — иначе трудно объяснимое — сообщение о браке Гермеса и Пенелопы и об их детище Пане, — см., напр., § 4 e). Понятно отсюда, почему мать Одиссея Антиклея — дочь Автолика и почему Одиссей сходит в Аид как раз в Аркадии через катаботры * Стимфальского озера, которые вообще связаны с Гермесом.

Символом его герольдовых функций является знаменитый *жезл* (cerygeion, caduceus), имевший в более позднее время змеевидную форму и обладавший, кроме того, магической силой. Гермес получает его от Аполло-

* Впадины, через которые прибывает и убывает вода в озере, а также подземные каналы, в которых скрывается вода реки Алфея, чтобы затем снова появиться на поверхности *(А. А. Тахо-Годи)*.

Герма

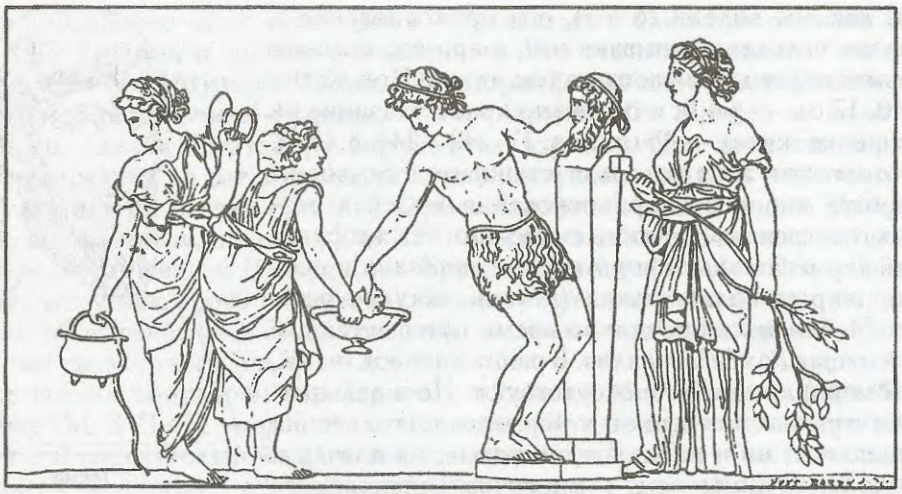
на, как мы видели (§ 6 i), его прикосновение к глазам человека вызывает сон, и при его помощи Гермес ведет души усопших (см. также Hor. Carm. I 10, 17 сл. — § 1 b, и особенно яркое указание на значение жезла — Verg. Aen. IV 242—244, § 13 a). Потом этот *жезл* герольда становится символом вообще мирного соприкосновения людей в разных отношениях. Другими символами тех же функций Гермеса являются *крылатые сандалии* и особая широкополая шляпа (петас), какую эфебы употребляли на охоте и во время путешествий, и войлочная *дождевая шляпа*. В ранний период (напр., у Гомера) крылья еще отсутствуют. Но в дальнейшем крылья возникают у Гермеса не только на сандалиях, но и на шляпе, на жезле, на плечах и даже на груди (о чем — многочисленные памятники изобразительного искусства).

Гермес является *убийцей Аргуса*, который был приставлен Герой к Ио, из ревности превращенной ею в корову. Об этом см. § 7, но сейчас важно обратить внимание на постоянный эпитет, вернее, имя Гермеса, Argeiphontes, переводившийся в старину «аргоубийца». Особенно часто это слово у Гомера (Od. I 38; V 43, 49, 75, 94, 145; VIII 331; X 332; XXIV 99). Это толкование отвергал уже Аристарх (Schol. IL. II 100). В древности это прозвище толковали или как argos phonoy, aergophontos, или как «светло-блестящий» (корень phan), или как «впервые совершивший убийство в Аргосе» и пр. Можно сказать, что если брать за образец, напр., Bellerophontes или Lycophontes, то Argeiphontes не может быть «аргоубийцей». Кроме того, от корня phan не может быть образование на phontes. Вопрос этот, во всяком случае, сложный и едва ли может быть сейчас решен окончательно.

«Торговое» значение Гермеса огромно, в особенности в Италии. Он — «торговый» и «рыночный» (Pol. VII 15); об этом — не одно место у Павсания (I 15, 1; III 11,11; II 9, 8 и др.). Тут его символ — кошелек.

Это делало Гермеса не только *бородатым* и *зрелым мужчиной*, но и *изящным молодым человеком*, которому Кронион «придал очарование» (Hymn. Hom. III 575 *, § 2) и который сам «людям успех, красоту и великую славу дарует» (Od. XV 320), любителем и покровителем гимнастики и упражнений в палестре, прототипом и образцом для всякого хорошего эфеба. Таков он уже у Гомера (IL. XXIV 347, Od. X 278 сл. ср. Verg. Aen. IV 558). Он — «покровительствующий состязаниям» (Pind. Ol. VI 79). В позднейшие времена образовалась целая легенда о его женитьбе на дочери аркадского царя Хорика Палестре (§ 8 f), хотя, по Etym. M. Pale, она — дочь Пандока, которого, по ее внушению, убивает ее возлюбленный Гермес в отместку за его кровожадность; по другим, напр. § 8 g, она — дочь самого Гермеса. Были многочисленные празднества с состязанием молодых людей под названием «Гермеи» в аркадском Фенее (§ 4 b), в ахейской Пеллене (Schol. Pind. Ol. VII 156; ср. § 4 f), в критской Кидонии и т. д. Гермес имеет отношение ко всем видам спорта (кулачный бой, бег взапуски, метание диска, танец с мечами и др.).

* См. греческий текст.



Мытье Гермеса. Античный барельеф

Духовная подвижность и одаренность Гермеса сказалась и в его *музыкальных наклонностях*. К тем материалам, которые дает III Гомеровский гимн, можно прибавить, что эта сторона Гермеса прославляется очень многими поэтами (напр., Гораций в § 1 b, c). Интересны рассуждения Атенея и Макробия (§11 d, e) и Диодора (§ 12 c) о том, что из инструментов и когда создал Аполлон и что — Гермес. Имеет он также и *гораздо более широкое культурное значение* (ср. Hor. Carm. I 10 init., § 1 b, и Ov. Fast. 668). Убеждающая сила его речи вошла в поговорку, а Плутарх называет его «водителем харит» (§ 11 d, см. также § 1 j). Еще в апостольские времена Павел и Варнава были приняты за Зевса и Гермеса, причем Варнава за Гермеса — именно ввиду речистости (Acta Apost. XIV 12). Сюда можно присоединить такие факты, как посвящение Гермесу отрезанных у жертвенных животных языков (§ 12 d) или именование его Logios, т. е. «умственный», «смысловой», «разумный», или как Hermeneys, т. е. «толкователь», «переводчик».

За этот «ум», *«произносимое слово»* и т. д. почитался Гермес и у философов-мифологов, будучи принципом познания и даже в дальнейшем — изобретателем математики, астрономии и техники (§ 12 e). По Just. Ap. I 22, Гермес — «Логос от богов возвестительный», по Orph. frg. 297 Kern, — «истолкователь всего», по Jambl. Myst. I, — «бог — водитель логосов» (см. также § 1 j, k).

Особо надо отметить Гермеса *хтонического* (chthon — земля) и Гермеса — «проводника душ» (Психопомпа). О том, что он имеет отношение к ископаемым богатствам (Aesch. Eum. 946) или что он — бог усыпления и снов (напр., IL. XXIV 343 сл.), и что также и в подземном мире — водитель и наставник (§ 6 i, § 1 b — Hor. Carm. 10, ст. 18 сл.) и великий вестник для тех, что наверху, и для тех, кто внизу» (Aesch. Choeph. 165), — мы уже знаем. К этому можно прибавить, что Гераклу помогали одолеть Цербера в Аиде Гермес и Афина (Od. XI 626), что на дионисовском празднике Анфестериях (в нашем феврале) на третий день приносились жертвы Гермесу и духам усопших, что ему вообще приносились жертвы в случае смерти и на могилах (Plut. Qu. gr. 24, 296 f) и через него

вызывались покойники (об этом находим хотя бы у Эсхила, § 6 k). Эта ближайшая связь с подземным миром толкала мифологическую мысль на миф о любовных отношениях Гермеса к Персефоне и Гекате (см. выше) и на близкие отношения Гермеса к *переселению душ* (на что особенно напирали пифагорейцы и герметисты; ср. § 14 d, § 15). Тут же необходимо отметить, что Гермес — одно из основных божеств самофракийских мистерий, где он почитался наряду с Деметрой, Персефоной и Аидом (§ 5 f, g).

Что касается *римского* Меркурия, то, кажется, нигде так не сказался практицизм и утилитаризм римской мифологии, как на образе этого Меркурия. Уже самое его название указывает на то, что он почти и исключительно бог торговли (купцов, mercatores, и их коллегий; ср. § 13 b). Отсюда культ и миф Меркурия развивался в Риме в связи с торгово-промышленным прогрессом. Главный его храм был на южной стороне Circus Maximus, но изображениями и капеллами с именем Меркурия были усыпаны все те улицы и места в Риме, где больше всего производилась купля-продажа.

В заключение необходимо указать еще на одно замечательное явление в области мифологии Гермеса: это — на миф и учение так наз. Гермеса *Трисмегиста* (Трижды-величайшего). Имея непосредственную связь с древним аркадским Гермесом, Трисмегист развил с течением веков, не без влияния Египта (но без того подавления египетской мифологией, которое приписывали ему многие ученые), очень сложный космогонический и эсхатологический миф, впитавший в себя, кроме того, мистические чаяния и сотериологию конца языческой эры. С внешней стороны это есть амальгама из платонизма, стоицизма, неопифагореизма и некоторое предчувствие (но именно только еще предчувствие) неоплатонической мифологии. Однако более подробное изучение этой «герметической» литературы убедительно рисует ее совершенно своеобразный, совершенно самостоятельный стиль, вскрыть существо которого, конечно, труднее, чем просто почувствовать. Герметизм так же, как и гностицизм, хочет соединить две несоединимые вещи: безличный пантеизм и жажду личного спасения и искупления, откуда, между прочим, и один из центральных его пунктов — учение о перевоплощении душ. Но сама эта несоединимость, — а она и есть существо герметизма, — подсказала позднейшему античному гению ряд замечательных мифологических образов, мимо которых нельзя пройти в систематической античной мифологии без всякого внимания. Некоторые образы из этой литературы (вся она — на рубеже двух эр) мы приводим в § 14.

A. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

1. *a) Alcaei, frg. 5 PLG (К Гермию)*

Славься, Гермий, царь на Киллене! Сердце,
Майи сын, тебя мне велит восславить,
На святых горах от владыки мира
Тайно зачатый.

b) Hor. Carm. I 10 (О Гермесе)

О Атланта внук, красноречьем славный!
Дикий нрав людей первобытных, умный,
Сгладил речью ты, а палестрой сделал
Тело красивым.
Песнь тебе, богов с их отцом великим
Вестник и творец двурогатой лиры.
Шуткой можешь ты и украсть искусно,
Что пожелаешь.
Был ребенком ты, — Аполлон с угрозой
Стал тебя бранить, чтобы стада отдал,
Что угнал хитро.., но, лишен колчана,
Вдруг рассмеялся.
Царь Приам-богач, Илион оставив,
Шел с тобой, и вот — миновал Атридов
Грозных он, огни фессалийцев, лагерь,
Трое враждебный.
Добрых ты ведешь к беспечальной сени:
Тут своим жезлом золотым ты держишь
Всю толпу теней, — и на небе мил ты,
И в преисподней.

c) Hor. Carm. III 11, 1—24

О Меркурий бог! По твоим урокам
Песней Амфион подвигал и камни!
Лира! Звук издать музыкальный можешь
Ты семиструнно!
Не была звонка и приятна раньше,
Нынче — друг пиров у богатых, в храмах.
Песню спой, чтоб слух преклонила Лида,
Гордая Лида.
Как в лугах скакать молодой лошадке,
Лиде так играть и резвиться мило:
Брак ей чужд, мужской не внимает страсти,
Тронуть не дастся.
Тигров ты влечешь и леса с собою,
Быстрый ток ручьев задержать ты можешь;
Чар твоих не мог избежать ужасный
Орка привратник —
Цербер: у него копошатся в страшной
Голове сто змей, и тяжелый запах
Вкруг стоит; слюну испускает вечно
Рот триязычный.
Титий, Иксион рассмеялись даже, —
Смех невольный взял, — и кувшин на время
Опустел, пока чаровала песней
Дев ты Даная.

d) Cic. De nat. deor. III 22, 56 (Разные Гермесы)

Один Меркурий родился от отца Урана и матери Дии[1]; его непристойность, говорят, настолько была велика от самой природы, что он был взбудо-

ражен [одним] видом Персефоны. Другой Меркурий — сын Могучего[2] и Кориниды, тот, который в подземном мире считается тем же, что и Трофоний. Третий — сын третьего Зевса [Критского][3] и Майи; от него с Пенелопой и родился, как говорят, Пан. Четвертый — сын Нила; египтяне считают грехом его именовать. Пятый — которого почитают финикийцы; он, как говорят, убил Аргуса и по этой причине бежал в Египет и создал для египтян законы и письмена. Египтяне называют его Теутом, и этим же именем зовется у них первый месяц года.

Ср. Cic. De nat. deor. III 23, 60

Первый Купидон, как говорят, сын первой Дианы [т. е. дочери Зевса и Персефоны][4], второй — Меркурия и второй Венеры [рожденной из пены][5].

e) Simonid, frg. 18 PLG (Гермес — сын Зевса и Майи)

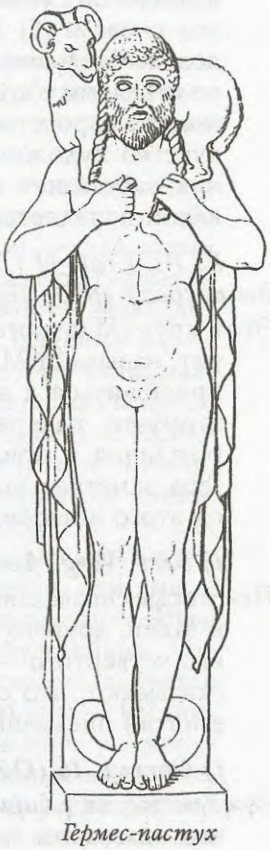
...сын горной Майады, извивно-ресничной. Атлас родил ее с выдающейся красотой среди семи своих фиалко-кудрявых дочерей. Их зовут небесными Плеядами.

f) Eur. Ion. 1—4 (То же, — Гермес о себе)

Я — Зевса сын великого и матери,
Которую с богиней Титанидой
Родил Атлант, носящий медью плеч
Старинный дом богов, небесный свод.

g) Philostr. Imag. I 26 (Картина рождения Гермеса)

(1) Этот совсем маленький мальчик, еще в пеленках, который гонит быков в расщелину земли, который еще в этом возрасте стащил у Аполлона стрелы, — это Гермес. Прелестны воровские проделки этого бога. Говорят, что Гермес, как только родила его Майя, почувствовал любовь к воровству и умел это делать, совершая его не по бедности — ведь он же был богом, — но ради веселых причуд и шуток. А если ты хочешь видеть и след его дел, смотри, что здесь нарисовано. Родился он на самой вершине Олимпа, там наверху, где «боги живут». Там, как говорит Гомер, «нет ни дождей, не слышен шум ветра и снегом метели его не заносит глубоко». Он подлинно божья гора и чужд всех бедствий, выпадающих на долю горам в местах обычных людей. (2) Тут только что рожденного Гермеса принимают заботливо Горы. Художник и их изобразил, каждую с чертами, присущими ее цветущему возрасту; они завертывают его в пеленки, осыпая прекраснейшими цветами, чтоб и пеленки его были не как у всех. И вот они обращаются к матери Гермеса, лежащей на родильном ложе, а он, выскользнув из пеленок, уже может ходить — и сходит с Олимпа. Весел и бог горы — улыбка его совсем как у человека. Ты должен понять, что Олимп радуется, что на нем родился Гермес. (3) А в чем состояло его воровство? Быков с золотыми рогами и белых как



Гермес-пастух

Гермес убивает Аргуса

снег, что паслись у подножья Олимпа, посвященных Аполлону, Гермес насильно загоняет в расщелину гор — не для того, чтобы их погубить, но для того, чтоб они исчезли лишь на день, пока все это не вызовет у Аполлона гневного раздражения. И делая вид, что он ни при чем во всей этой проделке, он опять влезает в пеленки. Приходит Аполлон и требует от Майи быков, она не верит и думает, что бог говорит пустяки. (4) Хочешь узнать, что он говорит? Мне кажется, на его лице написано не только, что он говорит вообще, но и то, что и какими словами он говорит. Похоже, что он собирается сказать Майе вот что: «Обиду нанес мне твой сын, которого ты вчера родила; коров, которыми я радовал сердце, он под землю увел, и я не знаю, в каком они только месте. За это погибнет он сам, и в землю он глубже уйдет, чем коровы мои». Майя удивляется и не верит его словам. (5) И пока они друг с другом так спорили, Гермес, став позади Аполлона и легко подпрыгнув, без малейшего шума отвязал колчан со стрелами с его плеч и, похитив их, незаметно скрывается. Но, конечно, его воровство не осталось неузнанным. И вот здесь ты видишь искусство художника: у него Аполлон перестал уж сердиться, и художник заставляет его улыбаться. Но смех его еще сдержанный, такой, какой появляется на лице, когда гнев побеждается удовольствием.

h) Ps.-Erat. 44 (Гермес и Млечный Путь, — о том, как Геракл однажды пососал грудь Геры и что от этого получилось)

Этот круг [Млечного Пути] образуется видимыми кругами. Его, как говорят, называют Млечным Путем. Дело в том, что сыновья Зевса не могли приобщиться к небесной чести, если они не пососали грудь Геры. Поэтому-то, как рассказывают, Гермес принес Геракла вскоре после его рождения и приложил его к груди Геры, а тот стал сосать. Когда же Гера заметила это, она сбросила его с себя. И вот вследствие того, что от этого в изобилии пролилось молоко, образовался Млечный круг.

i) Serv. Verg. Aen. I 297 (Еще две генеалогии Гермеса)

Некоторые справедливо называют четырех Меркуриев: одного — сына Юпитера и Майи, другого — сына Урана и Дии, третьего — Либера и Прозерпины, четвертого — Юпитера и Киллены, которым был убит Аргус. Рассказывают, что сам он, изгнанный по этой причине из Греции, научил египтян письменности.

j) Cornut. 16 (Общее резюме о Гермесе)

Вождем же их [*Харит*] считают, по преданию, Гермеса, выражая этим то, что оказывать ласки (charidzesthai) нужно с разумом и не как попало,

но — людям достойным. Ведь тот, кто остался без ласки, становится более медлительным на благие дела. Гермес оказывается тем словом (logos), которое боги послали к нам с неба, сделавши из живых существ на земле только одного человека разумным, чем сами они обладают в выдающейся степени в сравнении с прочим. Имя же свое он имеет от erein mesasthai, что значит «говорить», или потому, что он — наша защита (eryma) и как бы твердыня (ochyroma). Но отсюда он, прежде всего, называется *diactoros* («проводник» или «вестник») — или потому, что он — пронзающий (diatoros) и проникающий [tranos, «ясный», «внятный»], или же от проведения (diagein) наших мыслей к душам окружающих нас людей. Поэтому ему и посвящают языки. Затем он носит название *erioynios* [«виновник полезного», «очень полезный»] оттого, что он есть некто многополезный и с преизбытком имеет силу для тех, кто находится с ним в общении, являясь могучим, как бы спасителем жилищ (или, как говорят некоторые, потому что он силен). При этом доказательством того, что его называют незлобным, является до некоторой степени следующее. Именно, слово существует не для осуждения и нанесения вреда, но больше для сохранения [спасения], почему и сблизили с ним Гигию [Здоровье].

Гермес убивает Аргуса. Античная гемма

Argeiphontes же он, как argephantes, — оттого, что он все являет «бело» и разъясняет, потому что древние называют белое argon [«белый», «блестящий», «лоснящийся»], или от быстроты звука, потому что и быстрое зовется argon.

Золотолозный (chrysorapis) он потому, что весьма почетен от него и удар лозой (rapismos). Ведь многого стоят своевременные наставления и обращения тех, кто им внимает. Передается и то, что он — *глашатай богов*; и говорили, что он возвещает людям то, что у них есть, глашатай (cerux) — потому, что он при помощи ясно произносимого звука доставляет слуху то, что обозначается словом, вестник (aggelos) же — потому, что мы узнаем волю богов по тем мыслям, которые вкладываются в нас словом. Он носит *крылатые сандалии* и несется по воздуху соответственно тому, как говорится о крылатых словах. Ведь и Ириду поэтому называют ветроногим и буреногим вестником [т. е. с ногами, быстрыми как ветер и буря] и вводят это также на основании ее имени.

Гермеса изображают в мифах *проводником душ*, имея в виду то, что для него специфично проведение душ. От этого, конечно, и дали ему в руки жезл, «которым он очаровывает очи мужей», т. е., конечно, очи ума, у тех, кого он хочет, а других, наоборот, пробуждает от усыпления». И он в состоянии возбуждать ослабевших и успокаивать возбужденных. Отсюда уже оказалось, что он *насылает сны* и в этом смысле является *гадателем*, поворачивая образы так, как ему хочется. «И сны — вестники богов». *Драконы* же, заполняющие фигуру посоха вокруг упомянутого жезла, являются символами того, что и звероподобные люди очаровываются и околдовываются Гермесом, поскольку он разрешает их раздоры и связывает их нерушимыми узами. Поэтому его герольдов

Гермес, создающий кифару

посох и оказывается *миротворящим*. (При других обстоятельствах люди, преследующие мир, несут в руках масличные ветви ради напоминания о том, что страна хочет быть обработанной и что нужно щадить посаженные плодоносные растения.)

Утверждают же, что Гермес родился Зевсу от *Майи*, опять-таки ради пояснения этим того, что слово [logos — разум] есть порождение знания (theorias) и исследования. Именно, те, кто помогает женщинам при родах, называются maiai [«повивальными бабками»], ввиду того что они выводят плод на свет как бы в результате известного исследования. Гермес изображается *безруким, безногим и* по фигуре *четырехугольным*. Четырехугольным — потому, что он содержит в себе что-то устойчивое и непоколебимое, так что даже и при своем падении он занимает устойчивое положение; безрукий же и безногий потому, что он не нуждается ни в руках, ни в ногах для достижения того, что ему предлежит. Древние делали одни гермы старшего возраста и бородатые, с прямо стоящим срамным членом, другие же более молодые и мягкие — с ослабленным членом, желая этим показать, что разум (logos) производителен и совершенен в тех, кто продвинулся по возрасту, а у незрелых он непроизводителен и несовершенен.

Ставится же он на дорогах и называется *придорожным и водительствующим* потому, что во всяком деле им нужно пользоваться как водителем, и потому, что в решениях он возводит нас на нужный путь, — может быть, еще и потому, что для его починки и для ухода за ним требуется уединение (eremia). Вследствие того что он *общий и один и тот же во всех людях и в богах*, то, когда кто найдет что-нибудь на дороге, обычно восклицает, что Гермес — общий [для всех] (будучи «придорожным», он, конечно, *содействует находке*), показывая этим, что и необходимое они считают общим. Отсюда и называется находка *hermaion* («гермесовым»).

На гермы *нагромождают камни*, так как каждый из проходящих прибавляет к ним какой-нибудь еще один, делая ли этой уборкой дороги нечто полезное для себя и в общественном смысле, или призывая Гермеса в свидетели, или в целях фиксирования его почитания (если не может принести ему ничего другого), или делая это сооружение более заметным для проходящих, или ради символа того, что «произносимое слово» состоит из малых частей.

По праву называется он и (первым) *«общественником»* (agoraios): он — надсмотрщик за теми, кто выступает на собраниях. А от собрания он распространяется уже и на *покупающих и продающих*. Отсюда он оказался и начальником торговых мест и получил название «торгового» и «прибыльного», будучи как бы единственным виновником истинных прибылей для людей. Он *изобретатель лиры*, как бы того созвучия и согласия, благодаря которому блаженствуют живущие, поскольку необходимо обладать уравновешенным состоянием. Желая же показать его силу и при помощи несходных черт, его выставили вором и некоторые поставили жертвенники Гермеса Хитреца (dolioy). Он остается незамеченным

в своих хищениях того, что раньше казалось людям хорошим, в своем воровстве истины у того, что только имело вид истины. Отсюда говорят, что некоторые любят пользоваться и хитрыми выражениями. Ведь любовь к слову характерна для тех, кто умеет мудрствовать. Номием называется он потому, что он есть закон (logos) для [всякого] восстановления, дающий установку для того, что нужно делать в общежитии, и отсоветующий то, чего делать не надо. По созвучию же слова название «Номий» было перенесено и на заботу о пастбищах (nomon). *Почитают его и в палестрах вместе с Гераклом*, поскольку силой нужно пользоваться с рассуждением. Именно по адресу того, кто верит только телесной силе, а о разуме, создающем искусство в жизни, не радеет, кто-то [IL. VI 407] вполне характерно прибавил: «Любезный, погубит тебя твое мужество».

k) Plat. Crat. 407 e — 408 d (Гермес — универсальный логос)

Сократ. Да, это-то имя, Гермес, по-видимому, относится до некоторой степени и к предмету, потому что означает истолкователя, вестника, хищника и обманщика на словах и дельца на торговой площади: все эти занятия касаются содержания нашей речи. Итак, что говорили мы и прежде [398 d], глагол eirein означает «употребление слова», а другой, часто встречающийся у Гомера в форме emesato, значит «измышлять». Из обоих этих глаголов как бы повелевает нам законодатель составить имя бога, введшего в употребление речь и выдумавшего слово. Люди! Кто выдумал употреблять речь (to eirein), тот может справедливо называться у вас eiremes. А мы теперь, заботясь, думаю, об украшении, изменили это имя в «Гермес». Да и Ирида названа, видно, от eirein, потому, что она была вестницей.

Бородатый Меркурий. Античная резьба по камню

Гермес. Клянусь Зевсом, — Кратил, стало быть, как мне кажется, хорошо говорит, что я не Гермоген. Ведь я вовсе не легко измышляю слово.

Сократ. Но ведь и Пан-то, сын Гермеса, вероятно, имеет две природы, друг мой.

Гермес. Как так?

Сократ. Ты знаешь, что это слово означает «всё» (to pan). И оно всегда круговращает и перевертывает, и оно — двойное: истинное и ложное.

Гермес. Конечно.

Сократ. Истинная сторона его легка и божественна, она живет вверху между богами; а ложная — внизу, среди народной черни, — она жестка и трагична [козлина]. Отсюда-то в трагичной [козлиной] жизни множество басен и лжи.

Гермес. Конечно.

Сократ. Стало быть, всё (to pan), показывающее и всегда вращающее (aei polon), правильно называется Паном, пастухом коз (aipolos), двухприродным сыном Гермеса, который вверху легок, а внизу жесток и козловиден. Притом Пан есть или слово, или брат слова, если только он — сын Гермеса; брат же если походит на брата, в этом нет ничего удивительного.

Гермес. Роспись белофонного лекифа

l) Plot. III 6, 19

Только вид [форма, эйдос] производителен, прочая же природа непроизводительна. Отсюда, думаю, и древние мудрецы создали древнего Гермеса мистически и прикровенно в таинствах с производительным органом, вечно готовым к действию, в целях выражения того, что производитель находящегося в области чувственности есть интеллигибельный разум

(noeton logon), а что непроизводительное начало относится к материи, постоянно остающейся той же самой сквозь всю борьбу, которая вокруг нее происходит.

m) Macr. Sat. I 19, 7—18 (Физическое понимание Гермеса)

Изложенная же выше оценка Меркурия как *Солнца* требует рассмотрения. Именно, что Аполлон и Меркурий есть одно и то же, вытекает, напр., из того, что у многих племен звезда Меркурия относится к имени Аполлона, а также из того, что Аполлон начальствует над Музами, а Меркурий доставляет речь, которая есть дар Муз. (8) Кроме того, существует много свидетельств о принятии Меркурия за солнце. Прежде всего — то, что изображения Меркурия украшаются оперенными крыльями, а это указывает на быстроту солнца. (9) Ведь так как мы полагаем, что Меркурий могущественен умом и думаем, что назван он так apo toy hermeneyein [от «истолкования», «дара речи»], и так как солнце есть ум мира, и притом величайшая быстрота ума (как говорит Гомер [Od. VII 36]: «Мысль — наподобие крыльев»), то поэтому Меркурий украшается крыльями в силу самой природы солнца. (10) Это свидетельство египтяне выделяют яснее, рисуя крылатыми изображения самого солнца, причем цвет этих изображений — не один. Одно они изображают по виду синим, другое светлым. Из них светлый вид они называют высшим, а синий — низшим. Название же низшего дается у них солнцу, когда оно совершает свой бег по нижней полусфере, т. е. по зимним знакам, имя же высшего, когда оно проходит летнюю часть зодиака. (11) То же самое изображение существует и для Меркурия, хотя и под другим видом, потому что он считается управителем и вестником между высшими и низшими богами. (12) Кроме этого ему придается имя *Argiphontes* — не потому, что он убил Аргуса, который, как говорят, по приказанию Юноны сторожил дочь Инаха, соперницу его богини, превращенную в корову, и охранял при помощи своей шарообразной головы, украшенной блеском многочисленных глаз, — но под такого рода фабулой Аргус является звездным небом, — раздельно светящих, которым, очевидно, свойственен некоторый вид небесных глаз. (13) Небом же подходит именовать Аргуса по белизне и быстроте, para to leycon cai tachy. И, очевидно, он сверху наблюдает землю, которой египтяне придают вид коровы, когда хотят изобразить ее при помощи иероглифических письмен. Следовательно, считается, что небесная сфера, украшенная блеском звезд, постепенно убивается Меркурием, когда солнце, затемняя звезды в течение дня, как бы их убивает силою света и отнимает у смертных их наблюдение.

(14) Также большинство изображений Меркурия имеет *квадратную форму*, только с намеченной головой и с напряженным мужским членом. Фигура эта изображает, что солнце есть голова мира и сеятель вещей и что вся его сила состоит не в какой-нибудь службе раздельных членов, но только в уме, седалище которого — в голове. (15) Четыре стороны упомянутой фигуры мыслятся в том же смысле, в каком Меркурию приписывается, по преданию, и тетрахорд. Действительно, число это обозначает или такое же число стран света, или четыре вида времен, из которых состоит год, или то, что система зодиака разделяется двумя равнодействиями и двумя солнцестояниями, подобно тому как лира Аполлона с ее семью струнами заставляет мыслить движения стольких же небесных

сфер, а управителем этих движений природа поставила солнце. (16) Что в Меркурии почитается солнце, явствует также из его *герольдовского* жезла, который египтяне, в целях посвящения Меркурию, изобразили в виде соединенных змей мужского и женского пола. Эти змеи в средней части своего тела связываются по способу так наз. Геркулесова узла. Верхние их части, изогнутые в круг, замыкают окружность круга в сомкнутом поцелуе, и после узла хвосты отходят назад к рукоятке жезла и украшаются крыльями, вырастающими из той же части рукоятки. (17) Значение жезла египтяне распространяют также и на генитуру людей, которая носит название genesis, рассказывая, что при рождении человека присутствуют четыре бога-защитника — Daimon, Tyche, Eros и Ananke. И под двумя первыми, по их мнению, понимаются Солнце и Луна, потому что Солнце, породитель духа тепла и света, есть родитель и страж человеческой жизни; и потому утверждается, что оно — Daimon, т. е. бог рождающего, а Луна — Tyche, поскольку она возглавляет тела, которые мечутся в разнообразии случайностей. Любовь обозначается поцелуем, а необходимость — узлом. (18) Почему сюда присоединяются *крылья*, уже было сказано выше. Для такого значения змей особенно выбрано данное туловище вследствие неровности пути того и другого светила.

n) Philod. De piet. 92, 12, p. 43 G. (Гермес — вестник богов)

Гомер говорит, что не только Сны являются вестниками богов, но и Гермес вестник Зевса, и Ирида. Некоторые же полагают, что последняя есть вестница и Геры, Акусилай же, — что всех богов. Ферекид же Афинский говорит то же и о Гермесе.

o) Fulg. I 18 — 23 (К иконографии Гермеса)

(19) Меркурий имеет крылатые башмаки потому, что у занимающегося торговлей ноги как бы крылаты ввиду их шныряния повсюду. (20) Его снабжают тростью с обвившимися вокруг нее змеями потому, что он некогда доставил купцам господство со знаком скиптра и огорчение со знаком змей. (21) Изображается он в шляпе потому, что всякое торговое предприятие всегда секретно. Считают, что под его покровительством находится петух: или потому, что всякий торговец всегда бодрствует, или потому, что с его пением поднимаются для ведения торговых дел.

Б. ГЛАВНЫЕ МИФЫ

2. a)Apollod. III 10, 2

Майя, старшая [из Плеяд, дочерей Атланта и Океаниды Плейоны], сойдясь с Зевсом, родила в Килленской пещере Гермеса. Находясь в пеленках в колыбели, Гермес выскочил оттуда и прибыл в Пиерию, где украл быков, которых пас Аполлон. Чтобы его не узнали по следам, он надел на ноги обувь; и, уведя быков в Пилос, он их скрыл в пещере, двух же принес в жертву, прибивши содранные с них шкуры к скале гвоздями, а из мяса их — часть вычистил и пустил в дело, прочее же — сжег. Затем он быстро вернулся в Киллену. Найдя, далее, перед своей пещерой черепаху, которая там паслась, он ее вычистил, натянул на ее углубление

струны из [жил] принесенных им в жертву быков и сделал лиру, изобретя также и плектр. В поисках своих быков Аполлон приходит в Пилос и расспрашивает о них тамошних жителей. Те сообщили, что они видели, как некий ребенок гнал быков, но что они не могут сказать, куда он их гнал, за невозможностью найти его следы. Узнавши вора через оракул, Аполлон приходит к Майе в Киллену и обвиняет Гермеса. Та показала его в пеленках. Аполлон же доставляет его к Зевсу и требует возвращения быков. Однако, несмотря на приказание о возвращении, Гермес отказывается это сделать. Не будучи в состоянии убедить [Зевса], он ведет Аполлона в Пилос и там отдает ему быков. Но, услышавши его лиру, Аполлон отдает ему быков обратно. Гермес, сторожа быков, сделал еще свирель и заиграл на ней. Аполлон, захотевши и ее взять, дал вместо нее Гермесу золотой жезл, который у него был для охраны стада. А тот захотел получить за свирель и жезл и научиться прорицаниям. Аполлон предоставил ему и это, научивши прорицанию через камешки. Зевс же поставил его вестником для себя самого и для подземных богов.

Взвешивание судеб. Этрусское зеркало

b) Hymn. Hom. III (Гимн Гермесу)

[*Рождение Гермеса и первые поступки*]

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
С Зевсом Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая Нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
Время пришло, — и свершилось решенье великого Зевса:
Сын родился у богини, — ловкач изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
[Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет.]

[*Изобретение лиры*]

После того, как из недр материнских он вышел бессмертных,
В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.

Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву щипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:
«Знаменье очень полезное мне, — и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утехи,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?
Дай-ка, возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первою будешь.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певицей».
Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
Милую эту утеху своими сготовив руками,
Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел о Зевсе Крониде и Майе прекрасно обутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
Славил прислужников он и жилище блестящее Нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.
Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кончив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
В люльке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую; темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

[*Похищение коров Аполлона*]

Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
И с колесницей своей. Сын Майи бежал без оглядки
И к Пиерийским горам наконец прибежал многотонным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошеных
Стойло имели коровьи стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих

Меркурий, воскрешающий душу

Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые помнил.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.
Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
Вместе с листвой и пошел, избегая проезжей дороги,
Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидал тут старик, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травою Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:
«Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы, — вина ты получишь немало!..
Если и видишь, — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»
Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий.
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
Сын многомощный Кронида к Алфею реке в это время
Широколобых коров подогнал Аполлона владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким

И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
Вволю протяжно мычащих коров накормивши травою,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
Шли они, клевер жуя и росою обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
Чтоб по руке приходилась. И дым заклубился горячий.
Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилося пламя
И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
Дышащих тяжко коров повалил он спиною на землю
И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедра и спины, — почетный кусок, — и наполненный черной
Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.
Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил;
И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
Можно на той же скале увидать. А потом, разложивши
Жирное мясо на камне широком и гладком, разрезал
Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он.
Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
Хоть и бессмертен он был, раздражал ему ноздри призывно
Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.
Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —
Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
Ноги и головы все целиком сожжению предал.
После того, как исполнил он все сообразно обряду,
В водовороты Алфея сын Майи сандалии бросил,
Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.

[*Спор с матерью*]

Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодавец,
Съежившись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
Ветру осеннему или седому подобный туману.
Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
В руки простынку схватил и ею играл вкруг коленок.
Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
Скрыться от матери — бог от богини. И молвила Майя:
«Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный бесстыдством,

Голова Гермеса. Деталь статуи Праксителя

Ты возвращаешься ночью глухой? Погоди, мой голубчик!
Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда, —
Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
Прочь, убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
Людям и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»
Матери тотчас Гермес хитроумный ответствовал речью:
«Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым?»
Видит, разгневалась мать, — испугался младенец, затрясся!
«Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
Будем мы в день изо дня скотоводничать вместе с тобою.
И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,
В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.

Гермес приносит Диониса к Ино

Ну, а не даст мне ее мой родитель, — так что же! Другое
Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославной Лето и отыщет,
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидишь сама, коль захочешь!»
Так они оба словами вели меж собой разговоры, —
Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

[*Аполлон направляется к Гермесу*]

Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
Земледержателя, громко шумящего. Там увидал он:
Скармливал изгородь старец волу в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:
«Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травою!
Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
Все это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный.
Огненноких четыре собаки за стадом ходили,
Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались, — и это особенно странно, —
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи: не видал ты,
Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»
И Аполлону словами ответил старик и промолвил:
«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылося солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
Точно, хороший, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, — который мальчишка коров подгонял крепкорогих.

Гермес достаёт Диониса из бедра Зевса

Малый младенец с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся.
Взад он коров оттеснял, с головою, к нему обращенной».
Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багровым покрывши широкие плечи.
И увидал Дальновержец следы, и промолвил он слово:
«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал!
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче!»
Так сказавши, пошел Аполлон повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная Нимфа
Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон Дальновержец.

[*Гермес и Аполлон*]

Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав Дальновержца.
Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.
Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын дальнострельный
Майю, горную Нимфу прекрасную, с сыном любезным,
Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.

Все оглядев закоулки жилища великого Нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны.
Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
Платьев серебряно-белых и пурпурных Нимфы прекрасной, —
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон Летоид обратился к Гермесу:
«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?
Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывесть оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий!
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая».
Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что!
Мысли мои — о пеленках на плечи, о ванночке теплой.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,
Чтобы коров воровать! Несуразную вещь говоришь ты!
Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть не повинен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».
Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистать и кругом озираться,
Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон Дальновержец:
«О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью, — как много народу дотла ты очистишь,
Делая в доме без шума свою воровскую работу.
Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:
Будешь главою воров называться во вечные веки» —
Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.
В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решенье
Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух, —

Меркурий, отдающий Бахуса нимфе

Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
Сел перед ним, хоть и очень с дальнейшим путем торопился,
И, над Гермесом глумяся, такое сказал ему слово:
«Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
Время придет, — и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты же укажешь!» —
Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский
И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
Крепко пеленку прижал, облекавшую плечи, и молвил:
«О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»
Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекоразящим,
Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что сцапал того за коров не напрасно;
Тот же, другой, Киллениец, коварно ласкательной речью
Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди; сзади же, следом за ним, — Аполлон Дальновержец.

[*Спор Гермеса и Аполлона на Олимпе*]

Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
К Зевсу родителю оба прекрасные сына Кронида.

Там ожидали того и другого весы правосудья.
Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою сбирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.
Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
Спрашивать сына блестящего стал и слово промолвил:
«Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу, —
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собраньем бессмертных!»
Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:
«О мой родитель! Услышишь сейчас ты нелегкое слово:
Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Киллений ских
Этого вот негодяя, мальчишку, плута — продувного.
В мире мошенников много, — такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не встречал я.
Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их, — деянье поистине славного бога!
В черной пыли подорожной коровьих следов отпечатки
Шли в направленье, обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслил какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!
Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
После ж того, как песчаной дорогой прошел он немало,
Сделалась твердою почва, и стал на дороге не виден
След ни его, ни коров. Но один человек заприметил,
Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолженье дороги,
С черною сходствуя ночью, залег он в свою колыбельку,
В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый
Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирал он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
«Видом твоих я коров не видал и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»
Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,
И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:
«Зевс, мой родитель! Всю правду, как есть, от меня ты услышишь.
Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров, и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанья приказывал мне с принужденьем великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.

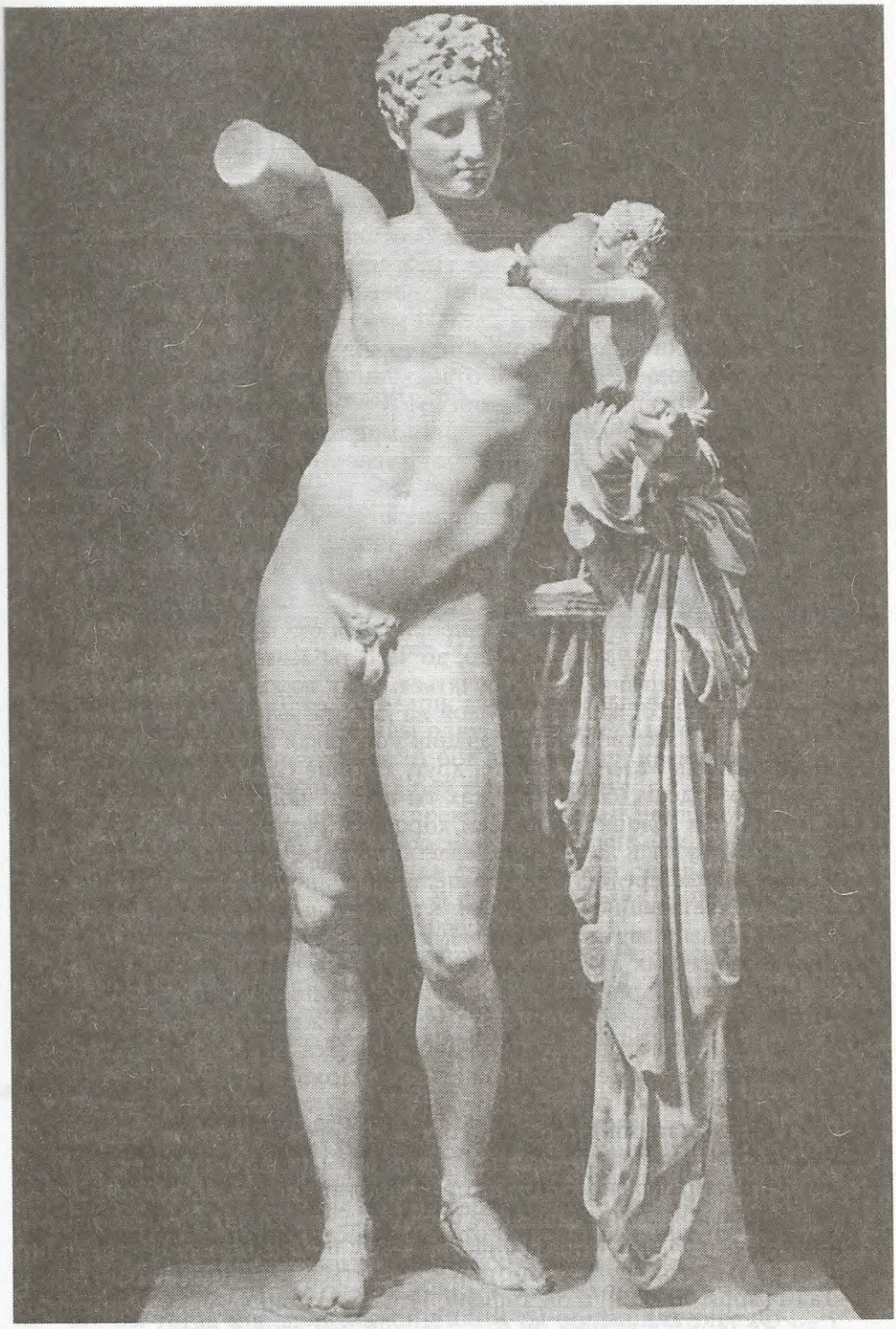
Гермес, приносящий ребенка-Диониса к Силену

Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился, — он и сам это знает, —
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял — да не буду я счастлив!
И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю, и вот этого чту. И ты знаешь
Сам, как невинен я в том. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь, — неповинен!
А уж за обыск я с ним сосчитаюся так или этак,
Будь он, как хочешь, силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»
Кончил Килленец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, — ее он не сбросил.
Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес — чтоб указывал путь, как вожатый,
И чтоб привел Аполлона владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.
Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилий.

[*Примирение*]

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на броде Алфейском;

К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро к Гермесу промолвил:
«Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать, —
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?
Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы ты вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»
Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
Руки. Но сами собою на нем распустилися узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...
По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,
Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...
Спрятать пытаясь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя Дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
Плектром испробовал струны одну за другою. Кифара
Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуясь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
Вскоре прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, —
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
Первою между богинями он Мнемосину восславил,
Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
Неукротимой любовью душа разгорелася Феба,
И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:
«О скоторез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки!
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
Дивные эти деянья тебе от рожденья ль присущи,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
Слушаю я этот дивный, доселе неслыханный голос, —
Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенье забот с ним приходит?
Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радостность духа, любовь и сон благодатный.



Гермес с младенцем Дионисом. Скульптура Праксителя

Сопровождаю и сам я божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяньям искусным, явленным тобою.
Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь, —
Верно тебе говорю я, — и сам ты, и мать твоя также.
Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую».
Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:
«Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно.
Ибо на первом ты месте сидишь меж богов всеблаженных,
Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
Зевс промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь
С голоса Зевса отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты, —
Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу.
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
С нею ты будешь желанным везде: и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в шествии буйно-веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши, —
Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы бессчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе, — обучаться, чему пожелаешь.
Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.
И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится, —
Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»
Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявши,

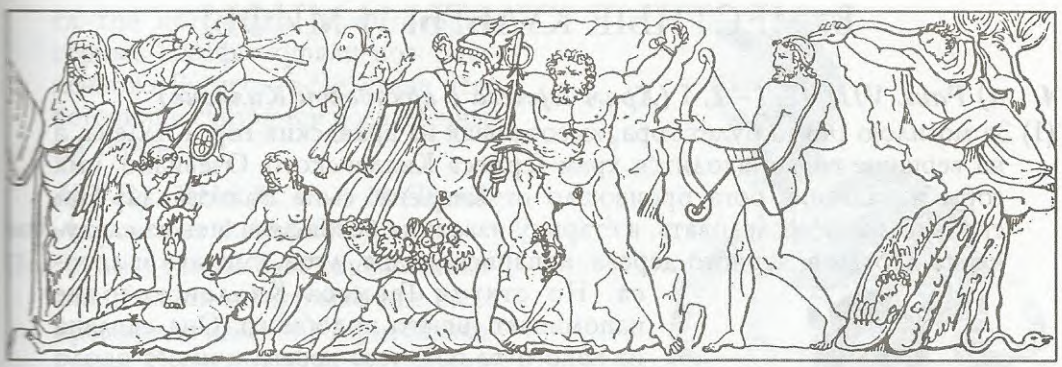
Смерть Медузы

Сын знаменитый Лето, Аполлон, дальнострельный владыка,
Плектром испробовал струны одну за другою. Кифара
Сладостный звук испустила. А бог подпевал ей прекрасно.
После того повернули назад они стадо коровье
К лугу священному, сами ж, прекрасные дети Кронида,
На многоснежный Олимп воротились, в собранье бессмертных,
Лирою тешась. И радость взяла промыслителя Зевса.
Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
Милую дав Дальновержцу кифару, как знаменье дружбы.
И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

[*Распределение функций*]

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:
«Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки хитрый,
Как бы кифары моей не стянул ты и гнутого лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты, —
Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою, —
Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».
И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,

Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный —
В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных, —
Ни человек от Кронида рожденный, ни бог. «Превосходным
Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я
Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из злата.
Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.
Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь, —
Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу другому:
Много имею я дела с родами бессчастными смертных.
И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лету и голосу птицы надежной, ко мне обратится, —
Тот от оракула пользу получит, не будет обманут.
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —
Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодавец!
Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы.
Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
А обитают они в углубленье Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
К сотам они приникают и каждый дотла очищают.
Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
Всею душою хотят говорить они чистую правду.
Если же сладостной пищи богов не отведают Нимфы,
Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...
Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, —
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному безупречным посланцем к Аиду.



Наказание и освобождение Прометея. Античный барельеф

Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».
Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.

Ср. также Hymn. Hom. XVIII, представляющий собой повторение стихов 1—9 Hymn. Hom. III.

3. a) Hymn. Orph. XXVIII (Образ Гермеса в орфических гимнах)

Зевса посланник, Гермес, услышь меня, отпрыск Мэады,
Сердцем всесильный, глава состязаний, людей повелитель,
Благоволящий и вождь, многохитростный, аргоубийца!
Пернатоногий, ты друг человекам, пророк ты глагола;
Склонный к борьбе и коварным обманам, владеющий змеем,
Истолкователь всего, разрешитель забот, дарователь
Прибыли, мира в руках безупречное держишь оружье:
Корикиот[6], блажен, полезный, цветистый речами.
Ты и в работе помощник, и в нуждах ты друг человеку,
Страшный своим языком, благочестье внушающий людям.
Внемли молитве моей, и кончину нескверную даруй —
В честных трудах, в наслаждениях слова и в воспоминаньях!

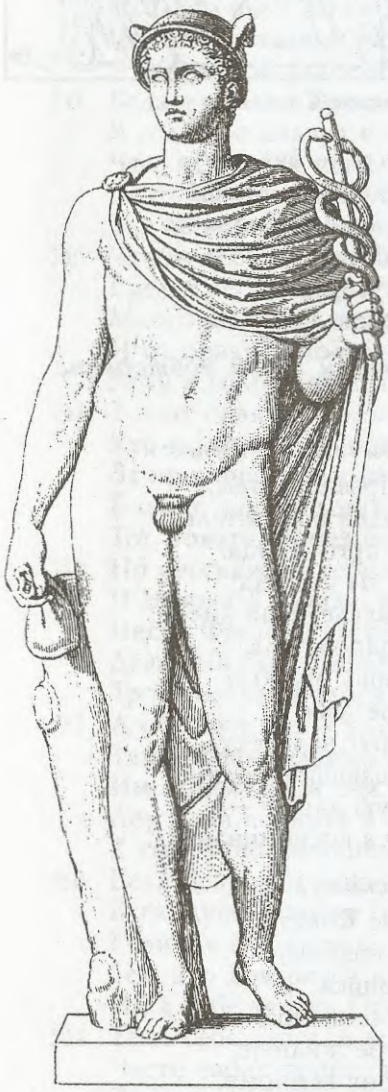
b) Hymn. Orph. LVII (Гимн Гермесу хтоническому)

Бесповоротной дороги насельник, в теснине Кокита,
Ты, уводящий все души людские в земные низины,
Земный Гермес, потомок ведущего хор Диониса
И Афродиты, юницы пафосской извивно-ресничной!
Ты, что обходишь кругом Персефоны святое жилище,
Сущий вожатый ты душ злосчастных по лону земному.
Время когда б ни пришло судьбины их, — ты их низводишь,
Сон навевая жезлом прельстительным, досточудесным,
После же спящих ты вновь пробуждаешь. Тебе даровала
Честь Персефона богиня, — по шири Тартара многой
Душам злосчастным смертных людей указывать тропы.
Но, блаженный, мистам пошли в трудах конец честный!

B. МЕСТНЫЕ КУЛЬТЫ И МИФЫ

4. a) Paus. VIII 17, 1—2, 5 (Храм Гермеса в аркадской Киллене)

(1) За могилою Эпита будет гора, высочайшая из аркадских гор, Киллена, а на вершине горы находится храм Гермеса Килленского. Очевидно, имя горы и название бога произошло от Киллена, сына Элатова. (2) Насколько я мог исследовать, в старину изваяния богов делались из следующих деревьев: черного дерева, кипариса, кедра, дуба, смилака и лотоса. Но статуя Гермеса Килленского не напоминает ничего подобного. Она сделана из какого-то пахучего дерева и имеет около восьми футов вышины.



Меркурий. Античная статуя

(5) К Киллене примыкает другая гора — Ободранная Черепаха — [Хелидореа], где, говорят, Гермес, когда нашел черепаху, содрав с нее кожу, сделал лиру.

b) Paus. VIII 14, 10 — 11 (Гермес и Миртил в аркадском Фенее)

(10) Этому Ификлу, как герою, фенейцы приносят жертвы, а из богов наиболее почитают Гермеса, в честь которого устраивают Гермесовы игры и имеют храм с мраморной статуей, работы афинянина Евхира Евбулидова. Позади этого храма находится гробница Миртила, который считается сыном Гермеса и был возницей Эномая. Когда приходили женихи к дочери Эномая, Гипподамии, то Эномай заставлял их вступать в конное состязание, и Миртил так искусно правил конями, что к концу ристалища Эномай своим копьем всегда убивал жениха. (11) Но Миртил сам любил Гипподамию; и так как он не смел состязаться с своим господином, то продолжал служить ему возничим. Наконец, и он сам изменил Эномаю, увлекшись обещанием Пелопа, который сказал, что позволит ему пробыть одну ночь с Гипподамией. Но когда Пелоп остался победителем и Миртил напомнил ему о данном обещании, то Пелоп бросил его с корабля в море. Волны вынесли его тело на берег, а фенейцы подняли и погребли. Поэтому в Фенее ежегодно ночью устраивается праздник Миртилу.

c) Paus. VIII 16, 1 (Гермесовы источники около горы Геронтион в Аркадии)

Влево от этой горы, если идти еще по фенейской земле, будут фенейские горы, называемые Три Источника [Трикрины], потому что там находят-

ся три источника. Там, говорят, горные Нимфы купали новорожденного Гермеса, вследствие чего источники считаются посвященными Гермесу.

d) Paus. VIII 36, 9 — 10 (Гермес под Акакисием в Аркадии)

Под этим холмом был город Акакисий; а на холме при мне еще было мраморное изваяние Гермеса Акакисия. По этому поводу у аркадцев есть сказание, что Гермес здесь выкормился и что выкормил его Акак [«нескверный», «незлобивый»], сын Ликаона. Но фиванцы говорят об этом иначе, а танагрцы еще иначе.

Ср. Гермес «незлобный» в IL. XVI 185 в § 8 a; Od. XXIV 10; Hes. frg. 29.

Paus. VIII 3, 2

От имени этого Акака, по преданию аркадян, Гомер дал эпитет Гермесу.

e) Herod. II 145 (Пан — от Гермеса и Пенелопы в Аркадии)

...Пана, сына Пенелопы... эллинские сказания производят от нее и от Гермеса.

Ср. Cic. De nat. deor. III 22, 56 в § 1 d и Plat. Crat. 408 c, d — § 1 k.

g) Paus. VII 27, 1 (Гермес около Пеллены в Ахайе)

На дороге в Пеллену есть статуя Гермеса, по прозванию Долий [Лукавый], но готовый услышать молитвы. Форма статуи четырехугольная. Гермес изображен с бородой и шляпой на голове.

Меркурий. Античная статуя

f) Paus. VII 22, 2—4 (Гермес в ахейских Фарах)

В середине каменная статуя бородатого Гермеса; стоит непосредственно на земле, имеет четырехугольный вид и небольших размеров. Есть и надпись, которая гласит, что ее поставил мессенец Симил. Этот Гермес называется Агорейским, и около него есть прорицалище такого рода. Перед статуей находится каменный очаг, к которому свинцом прикреп-

лены медные лампы. Спрашивать бога приходят вечером: на очаге совершают курения, лампы наполняют маслом и зажигают; затем на жертвенник кладут, направо от статуи, медную монету, называемую «халкус», и шепчут богу на ухо, кто что хочет знать. После этого закрывают уши руками и уходят с рынка; выйдя за рынок, отнимают руки от ушей, и тот голос, который услышат, считают ответом.

h) Paus. IV 30, 2 (Гермес в Мессении)

Основателем Фар считают Фарма, сына Гермеса и Филодамии, дочери Даная.

i) Paus. IV 33, 3, 4

(3) Если идти дорогой в Аркадию, в Мегалополь, то в воротах находится изображение Гермеса аттической работы: говорят, афиняне первые стали давать гермам четырехугольную форму, а от них заимствовали и другие. (4) ...Карнасская роща, особенно богатая кипарисами. Тут стоят статуи Аполлона Карнейского, [Агны «святой»] и Гермеса, несущего барана [ср. II 3, 4, § 4 о], а «святой» именуется Кора, дочь Деметры.

j) Paus. III 11, 11 (Гермес в Спарте)

Есть у них здесь и Гермес «покровитель рынков», несущий на руках мальчика Диониса.

k) Paus. II 3, 10 (Гермес в Трезене)

Там же статуя, называемая Гермес Всесильный (Polybios).

l) Paus. II 3, 4 (Гермес с бараном в Коринфе)

Если вернуться опять на прямую дорогу в Лехей, то там встречается медная статуя сидящего Гермеса, а рядом с ним стоит баран, так как считается, что из всех богов Гермес особенно блюдет и увеличивает стада. Поэтому-то и Гомер написал в «Илиаде» (XIV 490):

> ...Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
> Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен...

m) Paus. II 3, 10 (Гермес в коринфском сказании)

...Бун [местный герой] — сын Гермеса и Алкидамии.

Ср. Schol. Pind. Ol.

n) Paus. IX 20, 3 (Гермес в Беотии)

В Танагре есть могильный памятник Ориона, гора Керикий, где родился Гермес.

o) Paus. IX 22, 1

Что касается храмов Гермеса, из коих один с именем Криофора [«агнценосного»], другой Промаха [«предборца»], то о первом говорят, будто Гермес отвратил от них моровую язву обнесением вокруг стены барана, почему и Каламид изобразил Гермеса с бараном на плечах. Да и теперь еще в праздник Гермеса юноша, признанный самым красивым, идет кругом городской стены с ягненком на плечах. О Гермесе Промахе говорят, что во время нападения на Танагрею евбейских эретрийцев он вывел на битву всех юношей и сам, в виде юноши, вооруженный скребницей, больше всего содействовал отражению евбейцев. В храме Промаха находятся куски дикого портулака [андрахны], будто бы Гермес выкормлен был этим растением.

p) Paus. IX 34, 3 (Гермес в беотийской Коронее)

В Коронее замечательны на площади два жертвенника — Гермеса Эпимелия [«попечителя»] и Ветров.

Ср. IV 33, 4 (§ 4 i).

Г. ОКРУЖЕНИЕ

5. ***a) Plut. coni. praec. 138 d (Гермес и Афродита)***

Древние водружали Гермеса вместе с Афродитой.

b) Paus. II 19, 6 (Гермес и Афродита в Аргосе)

Что касается деревянных статуй Афродиты и Гермеса, то о них рассказывают, что последняя — произведение Энея, а первая — пожертвование Гипермнестры.

c) Paus. VIII 31, 6 (Гермес и Афродита в Мегалополе)

...находящиеся в храме деревянные статуи Гермеса и Афродиты Измышляющей соорудил Дамофон. У Афродиты руки, лицо и конечности ног сделаны из мрамора; а название Измышляющей, как я думаю, дано очень верно, потому что ради Афродиты и ее дел люди придумывают всякого рода хитрости и готовы на всякий обман.

Гермес. Римская копия с греческого оригинала Лисиппа

d) Paus. VI 26, 5 (Гермес и Афродита в элидской Киллене)

В Киллене есть храм Асклепия и Афродиты. Гермес, которого там очень почитают, изображен в виде срамного члена, прямо стоящего на подставке.

Artemid. I 45

Очутившись в Киллене, я видел и статую Гермеса, сооруженную в виде не чего-нибудь другого, как именно полового члена в некотором естественном состоянии.

Hippol. V 7

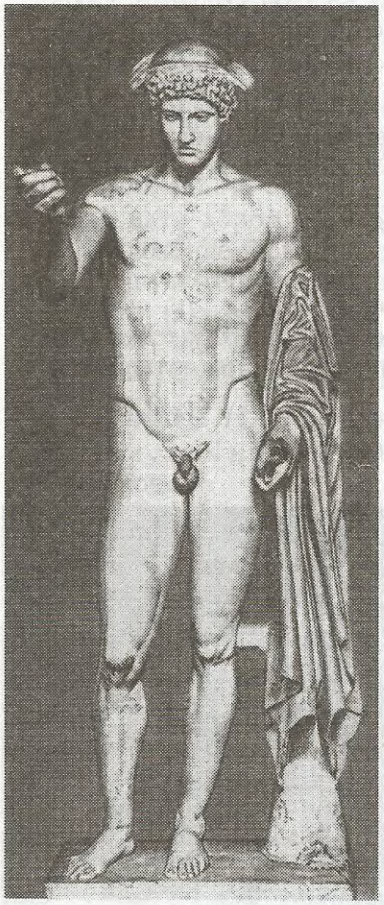
...Срамной член человека, имеющий напряжение снизу доверху.

e) Paus. V 17, 3 (Гермес и Дионис в храме Геры в Элиде)

Позднее они посвятили в Гереон мраморного Гермеса, который держит в руках младенца Диониса, творение Праксителя.

Ср. Paus. III 11, 11 (§ 4 j).

f) Herod. II 51 (К вопросу о восточном происхождении Гермеса)



Гермес.
Римская копия с греческого оригинала

Однако делать кумиры Гермеса с стоящим детородным членом научились эллины не от египтян, но от пеласгов; из всех эллинов афиняне первые позаимствовали это от пеласгов, а от них — остальные эллины. Уже в то время, когда афиняне принадлежали к эллинам, пеласги жили в соседстве с ними в их стране, почему и начали почитать их за эллинов. Всякий, посвященный в таинства Кабиров[7], которые совершаются самофракиянами по заимствованию от пеласгов, понимает, что я говорю. Дело в том, что первоначально Самофракию занимали те самые пеласги, которые жили рядом с афинянами, и самофракияне от них позаимствовали эти таинства. Первые из эллинов, афиняне, научившись от пеласгов, сделали изображения Гермеса с стоящим членом. Пеласги сообщали об этом священное сказание, содержание которого представлялось в мистериях на Самофракии.

d) Schol. Ap. Rh. I 417 (Гермес в самофракийских мистериях)

В Самофракии совершают посвящение Кабирам, имена которых называет Мнасей. По числу их четыре: Аксиерос, Аксиокерса, Аксиокерсос (Аксиерос — Деметра, Аксиокерса — Персефона, Аксиокерсос — Аид); к ним прибавляется четвертый — Гермес — Касмил, как повествует Дионисиодор.

Steph. B. Cabeiria

Остров Имброс посвящен Кабирам и Гермесу, которого карийцы называют Имбрамом.

6. *a) Hes. Theog. 938 сл. (Гермес и Майя)*

Майя, Атлантова дочерь, взошла на священное ложе
К Зевсу и вестником вечных богов разрешилась, Гермесом.

b) Hes. Theog. 444 (Гермес и Геката)

Вместе с Гермесом на скотных дворах они множат скотину.

c) Hes. Opp. et d. 67 сл., 78 сл. (Гермес и Пандора, — Зевс приказал относительно Пандоры)

67 Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу...
78 Аргоубийца ж, вожатый, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.

d) IL. V 390 (Гермес и Арес, — хитрое освобождение Гермесом Ареса из оков Алоадов)

См. «Арес», § 7 a.

e) IL. XXIV 331—349, 372—377, 443—467, 677—695 (Гермес и Приам)

[*Зевс назначает Гермеса проводником Приама*]

...Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
«Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
Сыном земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь.
Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет».
Так произнес, — и ему повинуется Гермес посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргоубийца могучий.
Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна...

[*Приам приветствует Гермеса*]

Гермесу бодро ответствовал старец Приам боговидный:
«Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
Но еще и меня хранит покровительной дланью
Бог, который дает мне такого сопутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!»...

[*Гермес сопровождает Приама*]

И, когда принеслися ко рву и стене корабельной,
Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились, —
Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;
Башни запор отодвинул, врата растворил, и Приама
Ввез внутрь стены, и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой
(Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь оградя частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро), —
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,

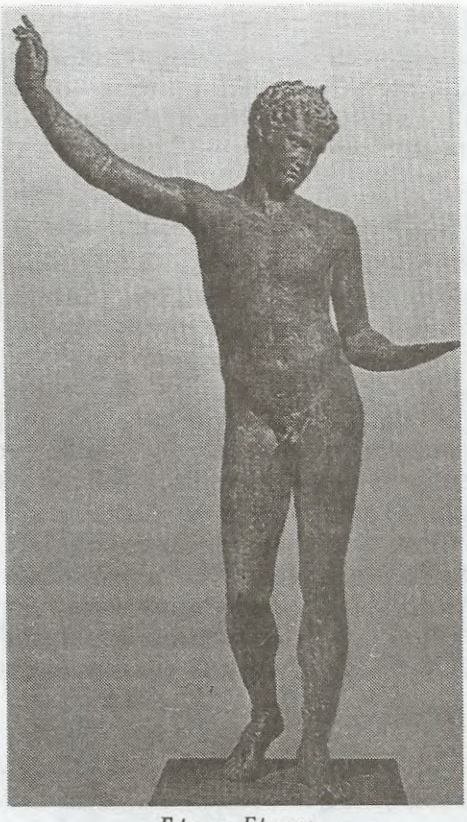
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
«Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
Я совершил и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не являюсь Ахиллеса очам: недостойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

[*Обратный путь Приама*]

Все, и бессмертные боги и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
Вывесть из стана, привратным незримого стражам священным.
Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
«Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
Дети твои, у тебя остающиесь, если узнает
Царь Атрейон о тебе и ахейцы другие узнают».
Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и коней и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным, —
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

f) Od. V 28—58 (Гермес, Калипсо и Одиссей, — Зевс посылает Гермеса к нимфе Калипсо с приказанием отпустить Одиссея домой)

Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
— Эрмий, наш вестник заботливый, Нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному: путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так напоследок по воле Судьбы он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит.
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,



Гермес. Бронза

Амврозиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.

g) Od. XIX 393—398 (Гермес и Автолик, — Гермес награждает хитрого Автолика)

...Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением — Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.

h) Schol. Od. XIX 395

Автолик — от Гермеса. Живя на Парнасе, он путем воровства накопил большое богатство. Ведь это искусство он имел от отца — скрывать от людей, когда что ворует, и превращать дурное в какой угодно приятный вид, ставши господином величайшей добычи.

См. ниже, § 8 c, d.

i) Od. XXIV 1—14 (Гермес — «проводник душ»)

Эрмий тем временем, бог килленейский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры
Цепью к стенам прилепленные, — если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, — визжат, в беспорядке порхая,
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья,
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на Асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.

j) Procl. in R. P. II 389, 17 слл.

k) Aesch. Pers. 625—631 (Вызов Дария из подземного мира)

...В песне будем просить, чтоб вожатые душ
К дню взвели милосердных усопших,
Величавые демоны недр громовых.
О Земля, о Гермес, повелитель теней,
Возвратите на землю почившего дух:
Если есть избавленье от черных судьбин,
Он один нам укажет спасенье.

l) Od. VII 138

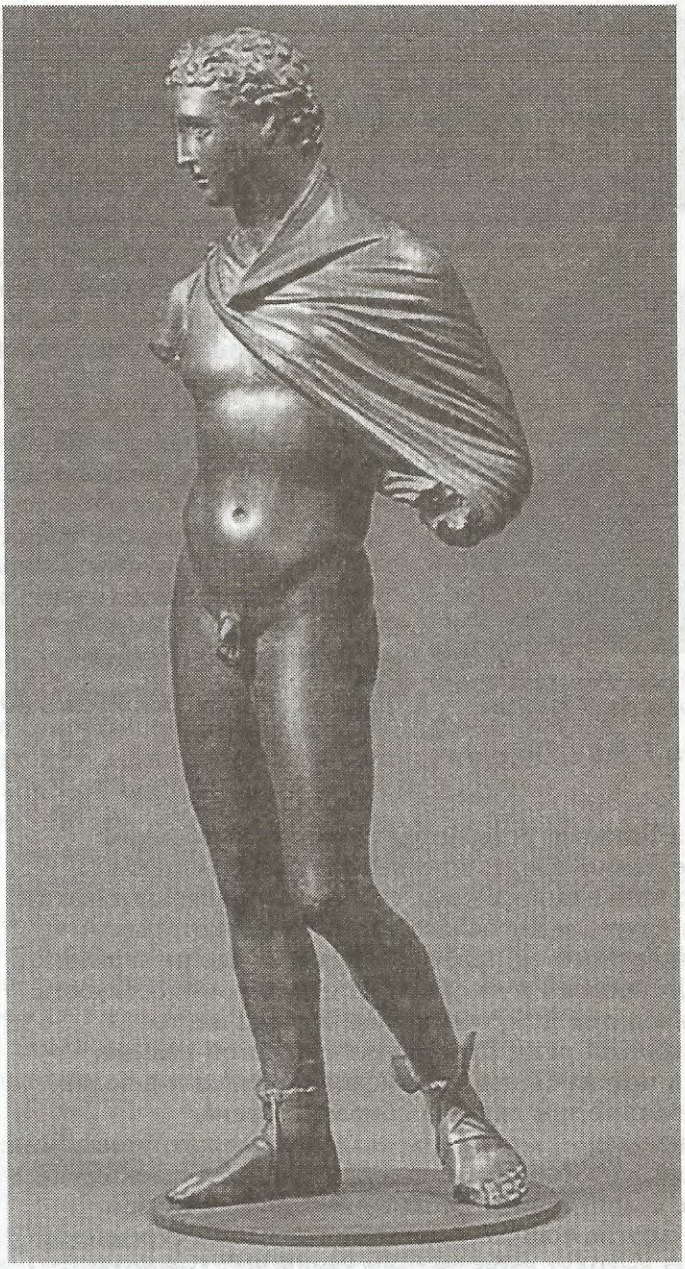
Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний.

m) Luc. Dial. mort. XXIII 3 (Слова Персефоны к Плутону)

Прикажи Гермесу, как только Протесилай выйдет на свет, коснуться его жезлом и сделать его вновь красивым юношей, каким он ушел из супружеской почивальни.

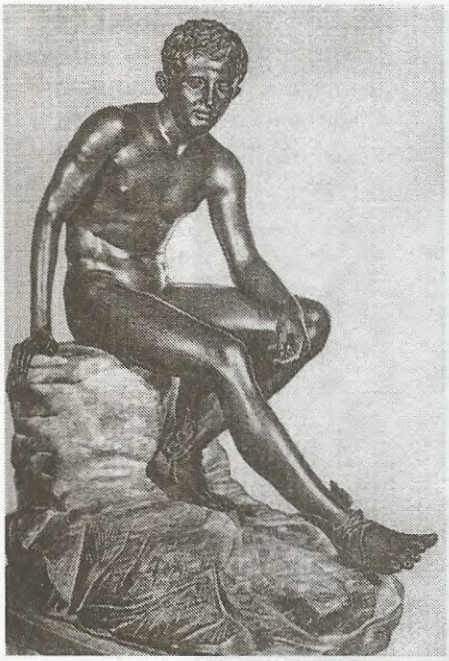
7. a) Apollod. II 1, 3 (Гермес, Ио и Аргус, — канва мифа об Ио)

У Арга и Исмены, дочери Асопа, был сын Ясон, от которого, по преданию, произошла Ио. Писавший же «Хроники» Кастор [Castor, frg. 23, Ctesiae et chronogr. frg. ed. Muellerus, p. 179] и большинство трагиков [TGF, p. 188 Soph.] говорят, что Ио — дочь Инаха. Гесиод [frg. 4 Rz.] и Акусилай [FGrHist., frg. 26] утверждают, что она дочь Пирена. Несмотря на ее жречество у Геры, ее лишил невинности Зевс. Уличенный Герой в том, что он касался этой девушки, он превратил Ио в белую корову. Он клятвенно отрицал свое с ней соитие. Поэтому, как говорит Гесиод [frg. 4 Rz.], не привлекают гнева богов те клятвы, которые касаются любви. По-



Гермес

требовавши у Зевса эту корову, Гера поставила в качестве стража над ней всезрящего Аргуса, которого Ферекид [FGrHist., frg. 67] считает сыном Арестора, Асклепиад [FGrHist., frg. 16] — сыном Инаха, Кекроп [Hes. frg. 188] — сыном Арга и Исмены (дочери Асопа). Акусилай же считает [FGrHist., frg. 27] его родившимся из земли. Он связал ее [корову] маслиной, произраставшей в Микенских рощах. Но по приказанию Зевса Гермес украл эту корову, а когда Иерак обнаружил это, то, не будучи в состоянии этого скрывать, Гермес убил Аргуса камнем, откуда



Отдыхающий Гермес. Римская копия с греческого оригинала Лисиппа

и был назван Аргейфонтом [«Аргоубийцей»]. Тогда Гера послала корове овода. Ио же сначала прибыла в залив Ионий, названный по ее имени; затем, выйдя через Иллирию и перейдя Гемон, она миновала называвшийся так тогда Фракийский путь (poros), теперь же названный по ней Боспором. Придя в Скифию и в землю Киммерийскую, она, после многочисленных блужданий по суше и по морю Европы и Азии, прибыла, наконец, в Египет, где по принятии прежнего вида родила у реки Нила ребенка Эпафа. Гера просила Куретов скрыть ребенка, и Куреты скрыли. Узнавший же об этом Зевс убил Куретов; Ио же направилась на поиски своего сына. Блуждая по всей Сирии (а было указано, что жена библосского царя выкармливала ее сына) и разыскивая Эпафа, она пришла [снова] в Египет и вышла замуж за Телегона, который тогда царствовал у египтян.

Ср. Fulg. I 24; Lact. Plac. I 10. 11. 13. 14.

b) Ov. Met. I 568—750

[*Вступление*]

Роща в Гемонии[8] есть, ее же замкнул по обрывам
Лес; ее Темпе[9] зовут, и по ней-то Пеней, вытекая
Прямо из Пиндовых недр, свои воды вспененные катит;
Падая круто, ведет облака за собой, от которых
Легкий возносится пар, окропляющий лес на вершинах,
И утомительный шум оглашает не только окрестность.
Там находится дом, обиталище, выхода место
Этой великой реки; пребывая в скалистой пещере,
Водами правил Пеней и Нимфами, жившими в водах.
Единоземные там сначала сбираются реки,
Сами не зная — отца поздравлять надлежит, утешать ли:
Сперхий, который родит тополя, Энипей беспокойный,
Тут же старик Эпидан и Амфрид ленивый с Ээем;
После другие сошлись, которые в вольном стремленьи
К морю выводят свои от блужданий усталые воды.
Инах один не пришел; в глубокой укрывшись пещере,
Множит он воды слезой: несчастный о дочери Ио
Плачет, как будто навек погибла; не знает, в живых ли
Или среди манов[10] она, — но нигде он ее не находит;
Думает, — нет уж нигде, и худшего втайне боится.

[*Преследование Ио Юпитером*]

Видел Юпитер ее, когда от реки возвращалась
Отчей, и «Дева, — сказал, — что достойна Юпитера, всех бы

Ложем своим осчастливила ты; заходи же под сени
Рощ глубоких, — и ей он рощ показывал сени, —
Солнце пока высоко в середине стоит небосвода.
Если же страшно одной подходить к звериным берлогам,
В рощ тайники ты войдешь, имея защитником бога,
И не из плебса богов, но того, кто великий небесный
Скипетр держит в руке и летучие молнии мечет.
О, не беги!» Но бежала она. И пастбища Лерны[11]
Были уже позади, и Лиркея[12] поля с деревами
Тоже; но бог, наведя на землю пространную темень,
Скрыл ее, бег задержал и стыд девичий похитил.

[*Гера просит телку Ио в подарок*]

Тут-то Юнона с небес как раз и взглянула на Аргос,
И, подивившись тому, что летучее облако будто
Ночь среди белого дня образует, решила, что это
Не от реки, что оно поднялось не от почвенной влаги,
И огляделась кругом, где муж, — затем, что проделки
Знала уже за своим попадавшимся часто супругом.
И как его в небесах не нашла: «Или я ошибаюсь,
Или обиду терплю!» — говорит, и с горнего неба
Плавно на землю сошла и уйти облакам повелела.
Он же супруги приход предчувствовал и незамедля
Инаха юную дочь превратил в белоснежную телку.
Но и коровой она хороша. Сатурния хвалит —
Нехотя, правда, — ее красоту; да чья, да откуда,
Стада какого она, вопрошает, как будто не зная.
Лжет Юпитер: Землей-де она рождена, — чтоб покончить
Эти расспросы. Ее в подарок Сатурния просит.
Что было делать? Любовь жестоко отдать, не отдать же —
Впрямь подозрительно. Стыд — отдать убеждает, любовь же —
Разубеждает его. И быть бы стыду побежденным:
Все ж столь маленький дар, как телку, сестре и супруге
Не подарить, — так ее, пожалуй, сочтет не за телку!

[*Аргус*]

Мужа любовницу взяв, отрешилась богиня не сразу
От опасенья: страшил ее муж и проделки смущали.
И поручила ее сторожить Аресторову Аргу.
Целою сотнею глаз у Арга чело окружалось.
И, соблюдая черед, лишь по два из них отдыхали,
А остальные, служа, стоять продолжали на страже.
Как бы Арг ни стоял, всегда смотрел он на Ио,
Ио имел на глазах, хотя б и спиною повернут.
Днем он пастись ей давал, но только лишь солнце садилось,
В хлев запирал, обвязав недостойной веревкою шею.
Ио древесной листвой и травою питается горькой,
Вместо постели лежит на земле, не всегда муравою
Устланной, бедная! Пьет из илистых часто потоков.

[*Жизнь Ио телкой*]

К Аргу однажды она протянуть с мольбою хотела
Руки, — но не было рук, что к Аргу могли б протянуться;
И, попытавшись пенять, издала лишь коровье мычанье
И ужаснулась сама: испугал ее собственный голос.
Вот побережьем идет, где часто, бывало, резвилась,
К Инаху; но лишь в воде увидела морду с рогами
Новыми, в ужас придя, от себя с отвращеньем бежала.
Сестры Наяды ее не узнали; не знает сам Инах,
Кто перед ним. А она за отцом и за сестрами бродит,
Трогать себя им дает и ластится к ним, изумленным.
Свежей травы луговой протянул престарелый ей Инах;
Руку лижет она и отцовы целует ладони.
Слез не может сдержать и, последуй слово за ними,
Помощи стала б просить, назвалась бы и горе открыла б.
Буквой, взамену словам, нанесенной ногою на пыли,
Знак она грустный дала о своем изменившемся теле.
«О я несчастный!» — вскричал так Инах родитель, на белой
Шее и новых рогах повисая стенящей телицы.
«О я несчастный! — вопит: — Не тебя ли по всем я пределам,
Дочка, искал? О, когда б я тебя не обрел, не нашел бы,
Легче был бы мой плач. Молчишь, на мои ты, немая,
Не отвечаешь слова и только вздыхаешь глубоко
Или мычишь мне в ответ и большего сделать не можешь.
Я же, не знавший, тебе огни готовил и ложе;
Первой надеждой моею был зять, второю — внучата.
Ныне из стада возьмешь ты мужа, из стада и сына.
Даже и смертью нельзя мне столькие муки покончить!
Бог я — себе на беду, мне замкнуты двери кончины,
И неутешный мой плач продолжится вечные веки».
Так горевали они, но приблизился Арг многоокий,
Дочь оторвал от отца и ее на далекие гонит
Пастбища. Там, в стороне, он горы занимает вершину
Самую, сел и глядит на четыре стороны света.
Горних правитель не смог таких Форониды[13] несчастий
Дольше терпеть; он сына зовет, порожденного светлой
Девой Плеядой[14]; велит, чтоб смерти предал он Арга.
Долго ли крылья к ногам привязать, в могучую руку
Взять снотворную трость, волоса покрывалом окутать!
Вот из отцова дворца, снарядясь, Юпитера отпрыск
Тотчас на землю скользнул, свое покрывало откинул,
Также и крылышки снял. Лишь трость одну сохранил он;
Гонит он с ней, как пастух, по пути уведенных с собою
Коз, по полям без дорог, на тростинках свирели играя.

[*Убийство Аргуса*]

Голосом новым пленен блюститель Юнонин. «Кто б ни был
Ты, но можешь со мной усесться рядом на камень! —
Арг сказал. — Не найдешь ты места другого, где травы

Были б полезней скоту, а тень пастухам благодатней».
Отпрыск Атланта присел, разговором и долгой беседой
Длящийся день растянул и, на дудках играя скрепленных,
Втайне пытался меж тем одолеть сторожащие очи.
Все-таки борется тот, чтоб неге сна не поддаться;
И хоть уж часть его глаз погрузилася в дрему, другая
Бдит. Обращается он с вопросом: давно ли открыли
Способ, как сделать свирель, — и каким разуменьем открыли?

Гермес и Парис

Бог же: «В холодных горах аркадийских, — в ответ начинает, —
Самой известной была меж Гамадриад[15] нонакринских[16]
Дева-Наяда[17] одна, ее звали те Нимфы Сирингой.
Часто спасалась она от Сатиров, за нею бегущих,
И от различных богов, что в тенистом лесу обитают
И в плодородных полях. Ортигийскую чтила богиню[18]
Делом и девством она. С пояском, по уставу Дианы,
Взоры могла б обмануть и сойти за Латонию, если б
Не был лук роговым, а у той золотым бы он не был.
Путали всё же их. Раз возвращалась Сиринга с Ликея[19];
И увидал ее Пан и, сосною увенчан колючей,
Молвил такие слова... — привести лишь слова оставалось:
То, как, отвергнув мольбы, без тропы убегала Сиринга,
Как она к тихой реке, к Ладону[20], поросшему тростьем,

Вдруг подошла; а когда ее бег прегражден был водою,
Образ ее изменить сестриц водяных попросила;
Пан тут думал уже, что держит в объятьях Сирингу, —
Но не девический стан, а болотный тростник обнимал он;
Как он вздыхает, и как, по тростинкам задвигавшись, ветер
Тоненький звук издает, похожий на жалобный голос;
Как он, новым пленен искусством и сладостью звука,
«Вот что, — сказал, — у меня с тобою останется общим!»
Как повелось с той поры, что тростинки неровные, воском
Слеплены между собой, сохраняют той девушки имя.
Только об этом хотел рассказать Киллений, как видит:
Все сомкнулись глаза, все очи от сна позакрылись.
Тотчас он голос сдержал, и сна глубину укрепляет
Тростью волшебной своей проводя по очам изнемогшим.
Сонный качался, а бог незаметно мечом серповидным
Ранит его, где сошлись затылок и шея, и тело
Сбрасывает, и скалу неприступную кровью пятнает.
Арг, лежишь ты! И свет, в столь многих очах пребывавший,
Ныне погас, и одна всей сотней ночь овладела.
Дочь Сатурна берет их для птицы своей и на крылья
Ей полагает, и хвост глазками звездистыми полнит.

[*Возвращение Ио к первоначальному виду*]

Тотчас богиня зажглась, отложить не изволила гнева
И, наводящую жуть Эринию в очи и в душу
Девы аргосской наслав и в грудь слепые стремленья
Ей поселив, погнала ее в страхе по кругу земному.
Ты оставался один, о Нил, в испытаньи великом.
Только достигла его, подогнула колена у брега
Самого и улеглась, запрокинув упругую шею.
Может лицо лишь поднять, — и к звездам лицо подымает;
Стоном и плачем своим, мычаньем, с рыданьями схожим,
Муки молила прервать, Юпитеру жалуясь будто.
Он же, супругу свою обнимая за шею руками,
Просит, чтоб та наконец прекратила возмездье: «Страхи
Впредь отложи, — говорит, — никогда тебе дева не будет
Поводом муки», — и сам к стигийским взывает болотам.
И лишь смягчилась она, та — прежний свой вид принимает,
Стала такой, как была. Сбегает шерсть с ее тела,
И пропадают рога, и кружок уменьшается глаза,
Снова сжимается рот, возвращаются плечи и руки,
И исчезает, на пять ногтей разделившись, копыто.
В ней ничего уже нет от коровы, — одна белизна лишь.
Службой довольствуясь двух своих ног, выпрямляется Нимфа.
Только боится еще говорить, — подобно телице
Не замычать бы, — и речь пресеченную пробует робко.
Ныне богиня она величайшая нильского люда.
Верят: родился Эпаф наконец у нее, восприявшей
Семя Юпитера; он в городах почитался во храмах
Вместе с отцом.

8. a) IL. XVI 181—186 (Роман с Полимелой)

...пленился веселою девой
Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.

b) Ov. Met. II 708—832 (Роман с Герсой, дочерью Кекропа)

[*Встреча Меркурия с Герсой*]

Ровным полетом меж тем поднялся кадуцея носитель,
И, пролетая, поля мунихийские, милый Минерве

Меркурий и Парис

Край, озирал и сады просвещенного видел Ликея.
В день этот самый как раз, по обряду, невинные девы
Над головами несли к торжественным храмам Паллады
Чистые, должные ей, в венчанных корзинах святыни.
Их, возвращавшихся, бог увидел крылатый, и прямо
Не продолжает пути, но кругом его загибает.
Как, потроха увидав, из птиц быстрейшая — коршун,
Робкий еще, между тем как жрецы вкруг жертвы толпятся,
Кругом летает и сам отпарить не решается дальше,
Жадный, надежду свою облетает, махая крылами, —
Резвый Киллений вот так тогда над актейской твердыней
Ниже и ниже летал и кружил на едином пространстве.
Как блистательней всех меж звезд небесных сверкает
Люцифер, ярче ж тебя золотая, о Люцифер, Феба,
Так меж девушек всех намного пленительней Герса
Шла, украшенье всего торжества и своих сотоварок.
Ошеломлен красотой Юпитера сын, повисает
В небе он, весь раскален, как ядро, что, пращой балеарской
Брошено, кверху летит, своим раскаляется лётом
И обретает в выси до того не бывавшее пламя.

Путь изменил он, летит он на землю, небо оставив,
И не скрывает себя: до того в красоте он уверен.
И хоть надежна она, помогает ей все же заботой:
Волосы гладит свои, позаботился, чтобы хламида
Ладно спадала, чтоб край златотканый получше виднелся.
В руку он стройную трость, что сон наводит и гонит,
Взял и до блеска натер крылатых сандалий подошвы.

[*Меркурий в доме Герсы*]

Были три спальни в дому, в отдаленных покоях; отделка
Их — черепаха и кость; из них ты в правой, Пандроса,
В левой — Аглавра жила, занимала среднюю Герса.
Жившая в левой из трех заметила первой, что входит
В дом Меркурий, спросить решилась об имени бога
И для чего он пришел. Атланта внук и Плейоны
Деве в ответ говорит: «Я тот, что отца повеленья
Ширью воздушной ношу. Родителем сам мне Юпитер.
С чем я пришел, не солгу: сестре будь верною только,
И для моих ты детей назовешься по матери теткой.
Я ради Герсы пришел. К влюбленному будь благосклонна».
Взглядом таким же глядит на него Аглавра, которым
Только что тайны она белокурой следила Минервы.
И за услугу себе толику немалую злата
Требует. А между тем покинуть дом понуждает.

[*Афина хочет возбудить Аглавру против Герсы*]

Грозно богиня войны скосила глаза на Аглавру
И с колебаньем таким глубокий вздох испустила,
Что одновременно грудь и эгида на груди могучей
Заколыхались; в ней мысль промелькнула: как тайну Аглавра
Дерзкой раскрыла рукой, как рожденный без матери отпрыск —
Бога Лемносца — она увидала, нарушив условье,
Что угодит божеству, угодит и сестре, и богатой
Станет, то золото взяв, которого требует жадно.

[*Афина у Зависти*]

Тотчас же к Зависти в дом отправляется, грязной от яда
Черного. Было ее в глубокой теснине жилище
Скрыто, без солнца совсем, никаким не доступное ветрам,
Чуждое вовсе огня, постоянно обильное мраком.
Грозная дева войны в то место пришла и близ дома
Остановилась, но внутрь входить не считает пристойным.
Остроконечьем копья ударяет в дверь запертую, —
Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева
Евшую мясо гадюк — из пороков собственных пищу —
Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной. Та же
Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,
Вон из пещеры своей выступает медлительным шагом.
Лишь увидала красу богини самой и оружья,
Стон издала, и лицо отразило глубокие вздохи.

Меркурий. Скульптура Джамболоньи. 1564 г.

Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,
Прямо не смотрит в глаза, в налете чернеются зубы,
Желчь зеленеет в груди, и ядом язык ее облит.
Смеха не знает, — подчас лишь смеется, увидев страданья.
Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.
Видит немилые ей достиженья людские и, видя,
Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась, —
Пытка сама для себя. Хоть богине она ненавистна,
Кроткая Тритония все ж с такой обратилась к ней речью:
«Ядом своим отрави одну из рожденных Кекропом, —
Ту, что Аглаврой зовут. Так должно». И, молвив, тотчас же
Прочь унеслась, от земли ударом копья оттолкнувшись.

[*Яд Зависти*]

Искоса Зависть меж тем глядела, как та уносилась,
И поворчала слегка, предстоящим успехом богини

Огорчена. Но палку взяла, которую вязи
Сплошь покрывали шипов. Вот в черные тучи одета,
Всюду, куда ни придет, поля изобильные губит,
Траву сжигает лугов, обрывает растений верхушки,
Мерзким дыханьем своим дома, города и народы —
Всё оскверняет, — и вот Тритонии видит твердыню,
Что и умами цветет, и богатством, и праздничным миром.
Плакать готова, как раз оттого, что не над чем плакать.
Но лишь вступила она к Кекроповой дочери в спальню,
Стала приказ выполнять: ей грудь заржавелой рукою
Трогает, сердце ее наполняет крючками колючек.
Сок вредоносный в нее вдыхает старуха и черный
Яд разливает в костях и в самые легкие брызжет.
И чтоб вниманье ее не блуждало по разным предметам,
Тут же родную сестру глазам она девушки кажет,
Брак счастливый ее и в пленительном образе — бога, —
Всё представляя крупней. Раздраженная этим виденьем,
Тайной казнится тоской; стеная, и ночью томится
Дева, томится и днем, несчастная трижды, в недуге
Медленном тает, как лед, разъедаемый действием солнца.
Так же пылает она от счастья удачливой Герсы,
Как разведенный костер, коль трав подбросить колючих:
Пламени он не дает, но медленным жаром сгорает.
Часто желала она умереть, чтоб только не видеть,
Часто — отцу рассказать суровому, словно то грех был.

[*Меркурий умерщвляет Аглавру*]

Села она наконец на пороге, готовая бога
Прочь отогнать; на его выражения ласки, на просьбы
И на нежнейшую речь: «Перестань! — отвечала Аглавра, —
Не отстранивши тебя, я с этого места не сдвинусь».
Быстрый Киллений в ответ: «Согласимся на этом условьи».
Тотчас закрытую дверь отмыкает он тростью. У ней же
Члены, какие, садясь, мы сгибаем, едва попыталась
Встать, недвижимыми вдруг от тяжести стали нежданной.
Все же она во весь рост подняться силится прямо,
Но сочлененье колен цепенеет; всю холод объемлет.
Падает, жилы ее бледнеют, лишенные крови.
Как — нецелимый недуг — широко расходится в теле
Рак, к пораженным частям прибавляя здоровые части, —
Так постепенно и хлад смертельный, в грудь проникая,
Жизни пути у нее навеки замкнул и дыханье.
И не пыталась она говорить, а когда б попыталась, —
Голосу путь был закрыт. Уж камень схватывал горло;
И затвердело лицо; изваяньем сидела бескровным.
Сам был и камень не бел: ее мысли его потемнили.

c) Ov. Met. XI 301—317 (Роман с Хионой, дочерью Дедалиона, которая родит от Гермеса Автолика)

Дочь он Хиону родил. Женихов она тысячи дивным
Видом своим привлекла, как четырнадцать лет ей минуло.

Раз возвращались вдвоем Аполлон и Майей Рожденный,
Первый из Дельф, а второй — с вершины Киллены; и оба
Сразу узрели ее и сразу же к ней воспылали.
Но упованья любви Аполлон отлагает до ночи.
Тот же не в силах терпеть — и тростью, сон наводящей,
Девьих касается уст: та спит под могучим касаньем.
Силою взял ее бог. Ночь в небе рассеяла звезды.
Образ старухи приняв, и Феб достигает блаженства.
Вот уже сроки свои исполняет созревшее чрево:
Хитрый родился побег от ствола крылоногого бога.
Звался Автоликом он, на всякие ловок проделки,
Сделать свободно — и тем он искусства отца не позорил —
Белым он черное мог и из белого черное сделать.
Фебов же сын у нее — ибо двойней она разрешилась —
Был Филаммон, знаменитый игрой на кифаре и пеньем.

d) Hyg. Fab. 200 (Хиона)

С Хионой (или, как говорят другие поэты, с Филонидой), дочерью Дедалиона, по преданию, в одну и ту же ночь возлегли Аполлон и Меркурий. И она родила от Аполлона Филаммона, а от Меркурия — Автолика. В дальнейшем она гордо заговорила на охоте против Дианы. Поэтому она была убита Дианой стрелами. Отец же ее Дедалион, из-за плача по единственной дочери, был превращен Аполлоном в птицу дедалий, т. е. в ястреба.

Меркурий. Резьба по камню

e) Hyg. Fab. 201 (Автолик)

Меркурий дал в подарок рожденному им от Хионы Автолику способность быть первейшим вором и никогда не уловляться в воровстве, а будучи же пойманным, изменяться в какой угодно вид: из белого в черный, из черного в белый, из безрогого в рогатый, из рогатого в безрогий. Когда Автолик начал делать постоянные набеги на скот Сизифа и Сизиф не был в состоянии его поймать, то последний заметил, что у него совершается кража, так как количество скота у Автолика увеличивалось, а у него самого уменьшилось. Чтобы его поймать, Сизиф сделал заметку на копытах скота. И когда Автолик украл обычным способом скот, то Сизиф явился к нему, опознал по копытам свой скот, который тот украл, и увел его. Задержавшись же там, он овладел дочерью Автолика, Антиклеей. Впоследствии она была выдана замуж за Лаэрта, и от нее родился Одиссей...

f) Serv. Verg. Aen. VIII 138 (Гермес и Палестра, дочь аркадского царя Хорика)

Меркурий, сын Юпитера и Майи, одной из Плеяд, — наставник в красноречии и мире, передаватель божьих вестей. Что он был также изобретате-

Баран Меркурия с денежной сумкой

лем палестры, рассказывается следующим образом. Некий аркадский царь Хорик имел сыновей Плексиппа и Энета и дочь Палестру. Когда юноши случайно вступали между собой в состязание, они испытывали напряжение благодаря давлению и напору своих тел. Так как они делали это в присутствии отца и тот получил от этого нововведения удовольствие, то отсюда произошла определенная игра. Сестра юношей Палестра сообщила об этом Меркурию, который был в нее влюблен. Когда же тот увидел это нововведение, он с умыслом научил людей еще более полному искусству. Получивши об этом сведения от сестры, юноши сообщили об этом старику. Тот больше разгневался на сыновей за то, что они не преследовали такого вора Меркурия. Тогда они, найдя его спящим на горе, обрубили ему руки, откуда и он сам и гора стали называться Килленскими, потому что по-гречески cylloys называют тех, кто лишен какой-нибудь части тела. Отсюда и некоторые обращающие на себя внимание предметы, вроде безруких символов, мы называем гермами. Громко нажаловавшись Юпитеру, Меркурий заставил растерзать Хорика и собрать в мешок, а в вознаграждение своей возлюбленной Палестры он приказал всякое упражнение, совершаемое телом, называть палестрой. Другие полагают, что «Меркурий» произошло у латинян из «Медикуррий», потому что он постоянно бегает между небом и миром подземным. Он также есть бог товара. То, что он имеет крылья на шляпе и на ногах, некоторые хотят объяснить быстротой речи, наставником в которой он является. Ему придается герольдов жезл (caduceus) потому, что он при помощи доверия приводит (conducat) врагов к дружбе. Этот прут опутан змеями, потому что как эти последние, забыв свой яд, вступают между собою в общение, так и враги, пренебрегши своей враждой и отбросивши ее, возвращаются к дружбе.

g) Philostr. Imag. II 32 (Палестра, дочь Гермеса, — описание картины)

(1) Местность эта — Аркадия, и в Аркадии наиболее красивая, которой особенно восхищается Зевс, — мы ее называем Олимпией; нет еще в ней состязаний в борьбе, еще нет и стремленья бороться, но скоро все это будет. Палестра, дочь Гермеса, теперь уже выросла в Аркадии; она изобрела искусство борьбы, и рада Земля ее изобретению, так как на время договорного мира будет спокойно лежать для людей кровавый меч войны, арена будет казаться приятнее лагеря и будут они состязаться без оружия, обнаженными. (2) Виды борьбы изображены здесь в образе мальчиков; они дерзко скачут вокруг Палестры, один за другим, вертясь и на нее нападая. Можно было бы сказать, что они родились из земли: ведь своим мужским обликом девушка ясно нам говорит, что в ней нет никакого желания ни замуж идти за кого-нибудь, ни тем более родить. Различны виды этих состязаний, но самый лучший связан с кулачным боем. (3) Внешний вид Палестры таков, что если ты будешь сравнивать ее с юношей, она покажется девушкой, если же возьмешь для сравнения девушку, она будет выглядеть юношей. Волосы у нее такой длины, что их нельзя заплести в косы, взор подойдет для людей обоего пола, а брови — по ним ты видишь, что она одинаково относится с презрением

Меркурий — покровитель путников

и к влюбленным и к соперникам по борьбе; попыткам и тех и других она говорит одинаково: «Будьте здоровы!» И ни один борец даже в борьбе не мог коснуться ее грудей: таким искусством она обладает. Самые груди у нее лишь чуть-чуть выдаются вперед, все равно как у нежного юноши. Ничто женственное ей не нравится, потому не хочет она быть «белорукою», и непохоже, чтоб она восхищалась Дриадами за то, что, живя в тени, они сохраняют свою белизну, но, как живущая в долинах горной Аркадии, просит она Гелиоса окрасить ее загаром, и он ей дает, как какому-нибудь цветку, эту расцветку и умеренным солнечным светом окрашивает девушку золотисто-пурпурным загаром. (4) То, что девушка представлена здесь сидящей, это, мальчик, художником придумано тонко: у сидящих тени принимают самые разнообразные виды. И поза, как сидит она, очень красива; такое впечатление отчасти зависит и от нижней ветви оливы, которую она держит на открытой груди. Это дерево особенно любит Палестра, так как оно помогает в борьбе и доставляет радость всем людям.

h) Hyg. Fab. 160 (Сыновья Гермеса)

Приап; Эхион от Антианиры и Еврит; Кефал от Креусы, дочери Эрехтея; Еврест [?], Аптале; Ливис от Ливии, дочери Паламеда [?].

9. ***a) Hipponact. frg. 18 PLG А. Иванов (Гермес — заступник в повседневной жизни)***

Гермес, сын Майи милый, Килленский славный бог,
Молюсь тебе усердно, жестоко я продрог.
Дай хлену Гиппонакту, плащишко шерстяной
Да башмачишек пару с сандальями устрой,
Да шестьдесят червонцев, что скрыты за стеной.

b) Hipponact. frg. 19 PLG

Не дал еще ты вовсе мне хлены шерстяной,
Чтобы зимой укрыться я мог от стужи злой;
Не дал мне ног в мохнатых понежить башмаках;
А мог я отморозить ступни свои в снегах.

Ср. frg. 1, 16, 17, 21 a.

c) Anton. Lib. XXIII (Гермес и Батт)

(1) От союза дочери Адмета, Перимелы, с сыном Фрикса Аргом родился Магнет. Жил он в пограничной с Фессалией стране, получившей от него свое имя Магнезии. Был у него сын Гименей, чудный красавец. (2) Увидав мальчика, Аполлон влюбился в него и не покидал дома Магнета. Тогда Гермесу вздумалось угнать у Аполлона его стада коров. Паслись

они вместе с коровами Адмета. Прежде всего, он усыпил сторожив-ших их собак, — сдавило им глотки, забыли они о коровах, не могли лаять, — (3) затем угнал двенадцать телят, сотню нестельных коров и быка, вожака стада. С целью замести следы коров, он навязал к хвосту каждой по пучку хвороста и погнал их через землю пеласгов, Ахайю во Фтиотиде, Локриду, Беотию, Мегариду, оттуда в Пелопоннес, через Коринф и Лариссу к Тегее, а из нее направился через горы Ликей и Менал к «дозорной башне Батта». (4) Жил наш Батт на вершине утеса. Услышав мычанье шедших мимо телят, он вышел из дому, признал в коровах краденых и начал просить награды за свое молчанье. Гермес обещал дать ее с этим условием, и Батт поклялся не рассказывать о коровах никому. (5) Гермес скрыл их за холмом, неподалеку от Корифазия, загнал в пещеру против берегов Италии и Сицилии и вторично предстал Батту, но, изменив свой вид, хотел выпытать, сдержит ли тот свое слово. Он посулил подарить ему плащ и спросил, не известно ли ему, где спрятаны краденые коровы. (6) Батт взял плащ и открыл все, что знал о коровах. В гневе за предательство Гермес ударил его своим жезлом и превратил в камень. Не выносит он ни холода, ни жары. И до сих пор еще зовут путешественники то место «дозорной башней Батта».

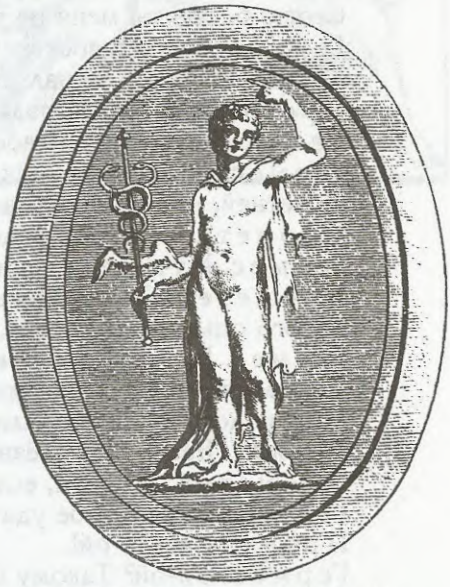
d) Ov. Met. II 676—707 (Эпизод из кражи коров)

Плакал Филирин герой и помощи требовал в горе
Тщетно, Дельфиец, твоей. Не мог ты пресечь повелений,
Что от Юпитера шли; а если пресечь их и мог бы,
Не был ты там: обитал ты в Элиде, в лугах мессенийских.
Было то время, когда тебя покрывала пастушья
Шкура; посох лесной держал ты левой рукою,
Правой рукою — свирель из семи неравных тростинок.
Память преданье хранит, что, пока ты был занят любовью
И услаждался игрой, стада без охраны к пилийским
Вышли полям. Увидал их как раз Атлантовой Майи
Сын и искусством своим увел их и спрятал в дубраве.
Кражи никто не узнал — один лишь известный в деревне
Некий старик; по соседству его величали все Баттом.
У богача у Нелея стерег он луга травяные
И перелески и пас табуны кобылиц благородных.
Струсил тут бог и, рукой отведя его, ласково молвит:
«Кто бы ты ни был, дружок, — коль кто случайно про стадо
Спрашивать станет, скажи: не видал, и за то благодарность
Будет тебе: получай шелковистую эту корову».
Дал. На подарок в ответ тот молвит: «Приятель, спокойно
В путь отправляйся. Скорей проболтается камень вот этот».
И указал он рукой на камень. А сын Громовержца
Будто ушел, и — назад, изменив и голос и облик.
«Ты, селянин, не видал, не прошло ли вот этой межою
Стадо коров? — говорит. — Помоги, не замалчивай кражи.
Дам я за это тебе корову с быком ее вместе».
А старина, увидав, что награда удвоена: «Стадо
Там под горой», — отвечал. И было оно под горою.
Внук же Атланта, смеясь: «Мне меня предаешь, вероломный?
Мне предаешь ты меня?» — говорит, и коварное сердце

В твердый кремень обратил, что доныне зовется «Указчик».
Древний позор тот лежит на камне, ни в чем не повинном.

е) Anton. Lib. XV (Гермес-мститель)

(1) У сына Меропа Евмела были надменные, наглые дети, — Бисса, Меропида и Агрон. Жили они на населенном меропами острове Косе. Земля же приносила им богатейшую жатву, потому что ее одну из богинь чтили они и тщательно ее обрабатывали. Они не сходились ни с кем из людей, не посещали ни города, ни пиров, ни празднеств в честь богов. Но если кто и приглашал девушек присутствовать при жертвоприношениях Афине, их брат отклонял приглашение. Он, по его словам, не любил совоокой богини (у самих девушек глаза были черные) и терпеть не может из птиц совы. Если же кто-нибудь звал их на жертву Артемиде, он отказывал под предлогом своей ненависти к богине, «ночной бродяге». Если же кто приглашал его на возлияние в честь Гермеса, он говорил, что не уважает «воровского» бога. (3) И их насмешки не истощались. Вознегодовали Гермес, Афина и Артемида и пришли ночью к их дому, Афина и Артемида — в виде девушек. Гермес же, переодетый пастухом, вызвал Евмела и Агрона и начал приглашать к себе на пир: он-де приносит с другими пастухами жертву Гермесу. Биссу с Меропидой он советовал послать к их подругам в рощу, посвященную Афине и Артемиде. (4) В ответ на приглашение Гермеса Меропида дерзко отозвалась о прозвище Афины, и та превратила ее в сирина. Бисса, жрица Левкотеи, удержала свое имя. Агрон, смекнув, в чем дело, схватил вертел и выбежал вон, но Гермес сделал его зуйком. Евмел напустился на Гермеса, зачем он превратил [в птицу] его сына, и тот сделал его филином, вестником горя.



Меркурий — бог красноречия

10. Aesch. Prom. 946—1093 (944—1093) (Гермес и Прометей, — их диалог)

Гермес. С тобой, хитрец, насмешки сверхнасмешливый,
С тобой, богов предавший, осчастлививший
Людишек, говорю я. Вор огня, с тобой!
Отец велит все, что болтал о свадьбе здесь,
Владычеству его грозящей, — рассказать
Без недомолвок, без загадок, начисто!
Все говори, что знаешь, Прометей! И путь
Не вынуждай вторичный совершить меня!
Не размягчишь упрямством сердце
Зевсово!
Прометей. Хвастливы как, чванливы и напыщенны
Вот эти речи прихлебателя богов!
Царить вам внове, выскочкам, и верите,

Что век вам в доме золотом блаженствовать.
Я пережил, как два тирана пали в пыль,
Увижу, как и третий, ныне правящий,
Падет, паденьем скорым и постыднейшим.
Ты думаешь, перед богами новыми
Страшусь, гну шею? Тут всего и многого
Недостает. Меси же пыль дороги вновь,
Своею речью ты меня не убедил.
Гермес. Строптивостью такой и своеволием
Корабль свой ты загнал уже на камни бед.
Прометей. Мои страданья, слышишь, не сменяю я
На пресмыкательство твое. Не будет так!
Гермес. Что ж, пресмыкаться в кандалах на ребрах скал
Почетней, чем быть Зевса верным вестником?
Прометей. Обидой надо отомщать обидчикам.
Гермес. Мученьями своими упиваешься?
Прометей. О, упиваюсь! И хочу врагам моим
Такого опьяненья! И тебе, Гермес!
Гермес. В своей судьбе несчастной и меня винишь?
Прометей. Скажу открыто: ненавижу всех богов,
Мне за добро они воздали пытками.
Гермес. Бред! Ты болезнью поражен жестокою.
Прометей. Я болен, если ненависть к врагу — болезнь.
Гермес. Была б тебе удача, стал бы страшен ты!
Прометей. Ой-ой!
Гермес. Ой-ой? Такому слову не обучен Зевс.
Прометей. Его всему, дряхлея, время выучит!
Гермес. Как видно, ты еще не нажил разума?
Прометей. Да! Говорю с тобой, богов прислужником.
Гермес. Отцу ответить, видно, не желаешь ты?
Прометей. А надо бы! За ласку отплатить ему!
Гермес. Глумишься надо мною, как над мальчиком?
Прометей. Да ты-то разве не глупее мальчика?
Ты, правда, веришь, что тебе я дам ответ?
Нет казни, знай, нет хитрости, чтоб Зевс меня
Принудил тайну роковую выболтать,
Пока цепями скован я постыдными.
Так пусть пылающую мечет молнию,
Гремит подземным громом, кружит неба свод
Метелью белокрылою, пусть рушит все, —
Меня согнуть не сможет! Не скажу ему,
Чьи руки вырвут у него владычество!
Гермес. Гляди, тебя спасет ли непокорливость!
Прометей. Все взвесил я, предвидел все и все решил!
Гермес. Решись, глупец, решись стать рассудительным.
Пусть пыток боль тебя научит разуму!
Прометей. Напрасно нудишь: бьет о берег вал глухой.
Пусть в мысли не взбредет тебе, что стану я
Из страха перед Зевсом робкой бабою
И плакать буду перед ненавистным мне,

Души умерших, сопровождаемые Гермесом в Аид

И руки, словно женщина, заламывать, —
Пусть только цепи снимет! Не бывать тому!
Гермес. Я говорил довольно. Трачу зря слова.
Такого сердца не растрогать просьбами.
Ты, как жеребчик необъезженный, узду
Кусая, вздыбился, вожжам противишься.
Бессильны ухищренья, даром мечешься!
Глупца и неразумца своеволие
Бессильнее, ничтожнее ничтожества.
Когда приказа моего не слушаешь,
Гляди, метель какая, треволнение
Каких мучений рухнут на тебя! Скалу
Кремнистую вот эту раздробит отец
Ударом грома и летучей молнией.
Твое схоронят тело руки черных скал.
И много долгих, долгих лет пройдет,
Пока на свет ты выйдешь. Станет Зевсова
Крылатая собака, весь в крови, орел
Лоскут огромный тела твоего клевать,
Незваный постоялец, каждодневный гость,
И печень рвать, обглоданную, черную!
И этим страшным пыткам ты не жди конца;
Пусть прежде добровольно бог какой-нибудь
Твоим заступит сменщиком и в тусклый ад
Сойдет и в пропасть сумрачную Тартара.
А потому размысли! Не пустое здесь
Бахвальство, — твердый и суровый приговор.
Лгать не умеют Зевсовы бессмертные
Уста. Зевс держит слово. Так обдумай все!
Взвесь! Оглядись! Строптивость своевольную
Не предпочти разумной осторожности.
Старшая Океанида. По-нашему, разумна, своевременна
Гермеса речь. Строптивость он велит тебе
Оставить, осторожности тропой ступать.
Упорствовать в ошибке — стыд для мудрого.

Прометей. Все, что мне возвестил он, заранее все
И предвидел, и знал я. Врагу от врагов
Казнь и муку терпеть — в том постыдного нет.
Ну, так пусть двулезвейные кудри огня
В грудь мне ринутся, в клочья пускай разорвут
Воздух — громы и дурь сумасшедших ветров.
Пусть тяжелую землю до самого дна,
До кремнистых корней потрясет ураган.
Пусть в кипенье и в бешенстве хляби морей
Вперемешку сплетутся с дорогами звезд.
Пусть швырнут мое тело в бездонный провал
Чернокрылого тусклого Тартара, пусть
Заклубит меня круговерть медной судьбы, —
Умертвить меня все же не смогут!
Гермес. Вот послушайте бред, бесноватого речь!
Сумасшедшие мысли! Что надо еще,
Чтоб назвать одержимым, безумцем, глупцом
Болтуна и бахвала? Узду он порвал!
Вы же — много в вас жалости к болям его —
Уходите от этих погибельных мест.
Убегайте скорее! Не то потрясет,
Оглушит столбняком львиных грузных громов
Сокрушительное грохотанье!
Старшая Океанида. Говори мне другое. Советы давай
Мне иные. Послушаюсь. Слово сказал
Ты сейчас нетерпимое. Нет, никогда
Не подвигнешь на подлую низость меня.
Вместе с другом судьбу дотерплю до конца.
Ненавидеть училась предателей я.
Язвы нет на земле
Для меня вероломства постыдней.
Гермес. Ну, так помните! Вовремя я остерег.
Когда ринется болей облава на вас,
Не браните судьбу и не смейте роптать,
Будто Зевс неожиданно в пропасти зла
Опрокинул вас. Губите сами себя!
Всё вы знаете. Вас не ловили в силок,
Не застигли врасплох, вам сетей не плели.
Нет же! Сами в чудовищный невод беды
Вы запутались по неразумью.

(Гермес удаляется)

Прометей. Вот на деле уже, не в хвастливых словах,
Задрожала земля,
Загудели грома грохотаньем глухим.
Ослепительных, огненных молний, змеясь,
Извиваются искры. Столбами ветра
Крутят пыль придорожную. Вихри ревут
И сшибаются в скрежете, в свисте. Встает
Вихрь на вихрь! Друг на друга восстали ветра!

Хлябь морская и небо смешались в одно!
Эту бурю, ее опрокинул, ярясь,
Зевс на грудь мне, чтоб ужасом сердце разбить.
О святая, могучая матерь моя,
О Эфир, над землей разливающий свет!
Поглядите, страдаю безвинно!

11. a) Paus. IX 5 7—8 (Гермес и Амфион, — Гермес учитель музыки у Амфиона в Беотии)

Действительно, Амфион славился музыкой, потому что вследствие родства с Танталом он знал лидийскую гармонию и к четырем прежним придумал еще три новые струны, а сочинитель поэмы «К Европе» уже говорит, что Амфион первый ввел в употребление лиру, научившись у Гермеса, и что он своей игрой привлекал животных и даже камни. Византиянка Миро, писавшая поэмы и элегии, говорит, что Амфион первый воздвиг жертвенник Гермесу и за то получил от него лиру.

b) Apollod. III 5, 5, 7

...Амфион же упражнялся в игре на кифаре, причем лиру ему дал Гермес...

c) Philostr. Imag. I 10

(1) Говорят, что Гермес первый хитрым искусством создал лиру, соединив, как ярмом, два рога и приделав к ним щит черепахи; давши ее сначала Аполлону и Музам, он подарил ее и Амфиону-фиванцу. Амфион жил в Фивах, когда они не были еще обнесены крепкой стеной; и вот он к камням обратился со своими песнями, и камни, слушая его пение, сами собою пришли и сложились как стены. Таково содержание картины. (2) Прежде всего рассмотри хорошенько лиру: так ли она нарисована, как это бывает на самом деле? Рог у нее поэты зовут рогом «козла быстроногого»; музыкант его применяет для лиры, а стрелок на то, что нужно ему. Ты видишь, черны оба рога, с зазубринами, остроконечные — страшно на них натолкнуться. Деревянные части, которые нужны для лиры, сделаны из сухого и гладкого бука; кости слоновой нигде нет: тогда еще люди не знали этого животного и применения его клыков. Черепаха нарисована черной, совершенно так, как бывает в натуре, и по ней идут овальные круги, один заходя за другой, наподобие желтых глаз. Струны отчасти натянуты через кобылку; идут они книзу и, прилегая к подкладке, встречают тут закрепленье, выше же до перекладины, «лиры ярма», они идут свободно. Такую схему для струн надо

Меркурий, ведущий душу в царство Плутона

считать наиболее правильной: это дает возможность на лире их натягивать прямо. (3) А что же Амфион? Обративши все свое внимание на инструмент, он заставляет звучать струны. Зубы его видны лишь настолько, насколько надо их открыть поющему. И думаю, что поет он про Землю, что для всех она общая мать и родительница и что по воле ее могут сами собой подняться стены. От природы прекрасные волосы спадают у него на лоб и возле ушей сливаются с юной бородкой и отливают золотом. Еще прекрасней они кажутся благодаря повязке, о которой поэты «священных стихов» так говорят: «Хариты трудились над ней, украшение чудное сделав»; и эта повязка больше всего подходит к лире. Думаю, охваченный любовью Гермес дал Амфиону оба этих подарка. Да и накидка, которая надета на нем, — и она скорей всего дар Гермеса. Никогда одинаковым не бывает цвет у нее, но меняется и отливает всеми цветами Ириды — радуги неба. (4) Амфион сидит на холме, отбивая ногами такт, а правой рукой пробегает по струнам; и другая рука у него по струнам ударяет; он вытянул пальцы прямо вперед, на что, я считал, может решиться только лишь пластика.

(5) А как обстоит дело с камнями? Все они собираются под звуки песни его, и, слушая их, сами ложатся стеною. Одни из них уж лежат на месте, другие еще поднимаются кверху, а третьи только что сдвинулись с места и катятся. Что за славные камни! Как они соревнуются! Как они службу свою выполняют, повинуясь музыке! И стена поднимается «семивратная», по числу струн на лире.

Д. ОТНОШЕНИЕ К НАУКАМ И ИСКУССТВАМ

d) Athen. IV 184 a (Свирель Гермеса, Силена и Марсия)

Эпический писатель Евфорион говорит в сочинении о мелопее (frg. 33 M.), что одноствольную сирингу изобрел Гермес (некоторые рассказывают, что — мидяне Сеут и Ронака), многоствольную же — Силен, а Марсий — скрепленную воском.

e) Macr. I 19, 15 (Отношение к музыке)

Об изобретении Гермесом тетрахорда см. в § 1 m и Diod. V 75 в § 12 c.

Paus. IX 30, 1 (На Геликоне)

Также из меди Аполлон и Гермес, спорящие из-за лиры.

Ср. II 19, 7 (в Арголиде)

[Стоит и] Гермес, превращающий черепаху в лиру.

f) Arr. De venat. 34

Те, которые совершают благодарственное жертвоприношение за воспитание, совершают его Музам, Аполлону Мусагету, Мнемосине и Гермесу.

g) Plut. De aud. 44 e

Но древние ставили вместе с Харитами Гермеса, так как разум больше всего требует благодарности (cocharismena) и ласковости.

h) Hyg. Fab. 277

Меркурий первый научил смертных палестре.

12. a) Diod. I 15, 9—16, 2 (Гермес— изобретатель разнообразных искусств в Египте и в Греции)

(15,9) ...Больше же всех почитается им [Озирисом] Гермес, который по своей превосходящей природе возглавляет заботы о том, что может принести пользу общей жизни. (16,1) Благодаря этому Гермесу, прежде всего, установлен общий язык и многое из того, что не имело обозначения, получило наименование, произошло изобретение письменности и получили определенный распорядок почитание богов и жертвоприношения. Он первый стал наблюдателем распределения звезд и гармонии и природы звуков. Он основатель палестры; и он позаботился об эвритмии и подходящей для тела выправке. Он сделал жильную лиру трехструнной, в подражание временам года, потому что он употребил три звука — высокий, низкий и средний, высокий — от лета, низкий — от зимы, средний же — от весны. (2) И он научил греков тому, что относится к дару речи (chermeneian), в зависимости от чего они и назвали его Гермесом. Вообще те, кто принимает его за священного истолкователя Озириса, во всем с ним совещаются и в особенности любят его советы. И растение масличное дерево изобрел он, а не Афина, как говорят греки.

Гермес-младенец

b) Plut. Qu. conv. IX 3, 2 (Гермес и письменность)

Как говорят, Гермес первый из богов изобрел в Египте письменность. Ввиду этого в качестве первого письменного знака египтяне изобразили ибиса, как соответствующего Гермесу, и это неправильно, по моему, по крайней мере, мнению, поскольку они предоставили главенство в буквах немой и согласной.

Ср. Serv. Verg. Aen. I 297 (§ 1 i)

c) Diod. V 75 (Гермес и искусство слова)

(1) С Гермесом связывают и происходящие на войне посольства, перемирия, договоры и установленный для того герольдов жезл, который обычно несут те, кто выступает с речами по поводу таковых дел, достигая с его помощью безопасности у врагов. Отсюда, очевидно, он и получил название «общего Гермеса», в силу того, что он служит к общей пользе для той и другой стороны, желающей на войне достигнуть мира. (2) Говорят, что он первый придумал меры, весы, в торговле барыши и тайное присвоение принадлежащего другому. Имеется предание и о том, что он — глашатай богов, еще же наилучший вестник, ввиду ясного истолкования им каждой вещи из тех, которые даны ему в порядке поручения. От этого, говорят, он и получил свое наименование, не в качестве изобретателя имен словесных выражений, как утверждают некоторые, но ввиду того, что он тщательнее других отделывает складное и ясное содержание рассказа. (3) Он ввел и палестру и придумал лиру

из черепахи после состязания Аполлона с Марсием, по поводу которого говорят, что Аполлон после победы и достижения чрезмерного наказания погибшему раскаялся и, вырвавши струны из кифары, прекратил до известного времени заниматься на ней музыкой.

d) Athen. I 16 c (Гермес и дар речи)

Они совершали приношение путем отделения от пищи и возлияли Гермесу [Od. VII 137], и притом не позже, чем Зевсу Совершенному. Ведь известно, что Гермес — покровитель сна. Отходя от стола, совершают ему возлияние и на языках [съедаемых за столом животных] [Od. III 341]. Языки уделяют ему в виду дара речи [им даваемого].

Ср. Schol. Od. III 442.

Strab. II 4, 2 (Авторитет Гермеса в сообщении знаний, — по поводу географических нелепостей)

...Никто не поверил бы, даже если говорил это Гермес.

e) Strab. XVIII 1, 46 (Гермес — астроном в египетских Фивах)

Тамошние астрономы славились как лучшие астрономы и мудрецы. Им, между прочим, свойственно считать дни не по луне, а по солнцу, так как они к двенадцати месяцам по 30 дней [в каждом] добавляют в каждом году пять дней. Для пополнения целого года при остатке известной части дня жрецы составляют круг времени из целых дней и из такого количества целых годов, при котором остатки дня составляют один день. Вся эта наука возводится мудрецами к Гермесу.

Plut. De garr. 2

И подобно тому, как с наступлением на каком-нибудь собрании молчания говорят, что присоединился Гермес, подобно этому...

Е. РИМСКИЕ ДОБАВЛЕНИЯ

13. a) Verg. Aen. IV 222—226, 237—259 (Юпитер, Меркурий и Эней; Юпитер посылает Меркурия к Энею)

Тут он Меркурию так говорит и вот что внушает:
«Сын мой, ступай и, созвавши Зефиров, мчися на крыльях;
Дарданов ты вождю, что в Картагене Тирийской ныне
Время теряет, забыв о градах, Судьбами данных,
Молви и речи мои донеси по быстрому ветру»...
Так он сказал. А тот отца великого волю
Стал выполнять. И сперва золотые таларии вяжет
На ноги, что при полете на крыльях его, иль над морем,
Иль над землей, наравне с летучим пламенем носят.
После берет свой жезл, — им он души выводит из Орка
Бледные или другие, унылые, в Тартары сводит;
Сны и дает и отъемлет и смертью глаза раскрывает.
Ветры он гонит, им правя, плывет через бурные тучи.
Теми летя, уже зрит и бока крутые Атланта

Меркурий-ребенок в своей повозке

Крепкого, кто подпирает вершиною небо, Атланта,
Чья, кедроносная, вечно объята глава облаками
Черными и принимает дождя и ветра удары.
Снег рамена покрывает, ниспав; с подбородка у старца
Мчатся потоки; во льду борода ужасная стынет.
Здесь впервые, паря на равных крыльях, Киллений
Стал; отсюда стремглав всем телом своим он понесся
К водам, птице подобный, что вкруг берегов, вкруг обильных
Рыбой утесов летает низко у самого моря.
(Именно так пролетал меж землями и небесами
К Либии брегу стремясь песчаному и рассекая
Ветры, от деда летя по матери чадо Киллены.)

b) Ov. Fast. V 663—692 (В связи с празднеством в честь Меркурия 15—18 мая — характеристика Меркурия)

Славный ты Атласа внук, от Плеяды Юпитеру данный,
Той, что тебя родила в роще аркадских холмов!
Неба и ада богов ты в божественном деле посредник,
Путь пролагая себе в небе крылатой ногой.
Тешишься звуками лир и ареной блестящей палестры,
Людям язык развязал, дав им красивую речь.
В иды тебе посвящен был отцами на цирк обращенный
Храм; освящения день праздником сделан твоим.
Молит торговец тебя, продающий на рынке товары,
Жжет фимиам, чтобы ты дал ему крупный барыш.
Здесь, у Капенских ворот, есть источник Меркурия славный.
Верят, что в этом ключе сила чудесная есть.
Часто торговец приходит сюда, подпоясав тунику,
Чистою урной своей черпает воду ручья.
Лавр окунувши в кувшин, он кропит этим лавром товары,
Чтоб покупателей все эти товары нашли.
Волосы лавром кропит, на лицо его капают капли,
Богу молитву твердят лживые вечно уста:
«Лживые клятвы те смой, что давал, продавая недавно,
Смой и обмана слова, что я вчера говорил.
Клялся тобою не раз и великим Юпитером клялся,
Тихо, однако, — чтоб он клятвы не понял моей.
Бога, богиню ли я оскорбил своей лживою клятвой,
Быстрые ветры пусть эти слова унесут.

Пусть с наступлением дня отойдут все мои преступленья,
Пусть до богов не дойдет, если придется соврать.
Дай мне одни барыши, чтоб купцу они были приятны,
Чтоб продающему мне вышел на пользу обман!»
Слыша молитву купца, ты смеешься на небе, Меркурий,
Помня, как раз утащил сам ортигийских быков.

c) Plaut. Amphitr. 1—37 (Меркурий — вестник и бог торговли)

Хотите, чтобы я вам помогал в делах,
В продаже-купле, с радостью давал бы вам
В торговле прибыль? Чтобы удавались вам
Дела все и расчеты ваши всякие
В чужих краях и дома? Чтобы рос доход
С большой, хорошей, постоянной выгодой
Как в начатых делах, так и задуманных?
Хотите дальше, чтобы приносил я вам
Хорошие известия и самые
Для ваших дел во всем благоприятные?
Вы знаете, что боги поручили мне
Два дела: ведать прибыли и быть гонцом.

Гермес-пастух

Хотите? Да? Чтоб я старался ревностно,
Чтоб вечная всегда была вам выгода?
Тогда в молчанье слушайте комедию
И судьями ей будьте справедливыми.
Скажу теперь, зачем и чьим велением
Являюсь я, и имя назову свое:

Юпитеровой волею, Меркурий я.
Отец меня сюда прислал к вам с просьбою:
Хоть знает он, что волю вы исполните
Его, и понимает, что Юпитера
Вы чтите и боитесь, как не следует,
А все приказал мне вас покорнейше
Просить помягче, словом убедительным —
Юпитер, он, тот самый повелитель мой,
Боится зла не меньше, чем любой из вас.
Рожден земною матерью, земным отцом, —
Не диво, что беды остерегается.
Со мною точно то же: сын Юпитеров,
Я страхом заразился от родителя.
Так вот, являюсь мирно и несу вам мир.
Прошу у вас нетрудной справедливости,
Прошу о честном, честных и по-честному;
Нечестного у честных ведь нельзя просить,
Нелепа просьба честная к нечестному:
Нечестные когда же правду ведали?

Ж. ГЕРМЕС ТРИЖДЫ-ВЕЛИЧАЙШИЙ

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ

14. а) Reitz. Zwei relig. II Зел. 20 (Физический космос)

...Выделив некую долю своей многообразной силы;
Он-то и есть вечно юный Гермес, мой бог-прародитель.
Много наказывал сыну отец, чтобы [мир] он прекрасный
Создал, и жезл золотой ему передал, жезл многосильный,
Жезл, что разумным отцом стал всякому хитрому делу.
С ним поспешает Гермес, усердно исполнить желая
Волю отца своего; а отец, высоко восседая,
С радостным сердцем на сына великое дело взирает.
Глянул Гермес на чудесный, четырееди̇ный зародыш,
Глянул, — и очи сомкнул от повсюду разлитого света;
[Медленно взор укрепив], он вещал [ему властное] слово:
«[Слушайте, дети] эфира: сам [Зевс, мой родитель державный],
Ныне свой прежний раздор прекратить [объявляет] стихиям:
[Слову] вы бога внемлите и все по местам разойдитесь,
Лучшее вам [предстоит на грядущее время] общенье.
Я вас любовью проникну, вселю в вас взаимную жажду,
Чтобы для [участи] лучшей сойтись вы друг с другом желали».
Так он сказал, и жезлом золотым прикоснулся к стихиям —
[Тишь] безмятежная тотчас [весь бурный хаос] охватила,
Тотчас от битв неустанных своих отказались стихии
И, расходясь, удалились на должное каждое [место].
[Тотчас рассеянный] свет [во едином сплотился эфире],

И вековой [непорядок благая законность сменила].
[Стихла всемирная распря], а [сын] всеродителя Зевса
Первым [эфир] лучезарный, [чудесную света обитель],
В дивное [двинул] вращенье [вокруг обновленной природы].
Этим он создал небесную твердь; в украшение [небу]
Создал он семь поясов; [к поясам этим семь он приставил]
Духов — властителей звезд, что блужданием рок направляют,
Плотно, один под другим, [поясами друг друга касаясь],
И загорелись повсюду [на тверди небесной светила].
А посреди, [на устоях], он землю воздвиг нерушимых —
Землю [стезею] наклонной он оси скрепил неподвижной,
Что от палящего юга ведет к ледовитому Аркту.
Здесь он рекой-океаном [сухой материк опоясал]
Бешеной, вечно мятежной, меж [двух половин его вдвинув]
Средний залив, [что с заката до дальних пределов востока]
[Тянется], сильной плотиной высоких брегов укрепленный.
[Так вокруг] суши-сестры [необъятной тесьмой разлилася]
[Влага], блуждающих [волн и ветров вековая обитель];
Ось же земную с обоих концов оба полюса давят...

.....

[Не] было круга [еще] Гелиоса, ни даже Селена
Не [потрясала] вожжей, погоняя телиц кривоногих;
Ночь непрестанно текла, не сменяясь дня появленьем,
Слабо мерцающих звезд лишь слегка озаренная светом.
С этою думой Гермес по туманному воздуху бродит,
Но не один: многосильный с ним сын его шествует — Логос,
Парою крыльев быстрых украшенный, вечно правдивый,
С силой святой убежденья на вещих устах непреложных,
Помыслов чистых отца своего возвеститель летучий.
С ним то нисходит на землю [Гермес, устроитель вселенной],
[С ним пробегает он весь материк], озираясь [усердно],
В поисках мест благодатных, где мог бы он город воздвигнуть,
Полный [обильных даров], чтоб, воздвигнутый, был он достоин
Род [человеческий] ясный принять [в свои верные стены].
Но [не направил Гермес свой путь] к ледовитому Аркту
[В поисках мест благодатных: он знал], что в той части вселенной
[Землю] густой пеленой тяжелый туман окружает,
[Тучами злыми давимый], бичуемый снежною вьюгой;
[Знал, что бесплодна там почва], корой ледяною покрыта,
И [неспособна взрастить] человеческий род. Но и к [югу]
[Он не направил свой путь, к раскаленным пределам] вселенной,
[В поисках мест благодатных: он знал, что, лишенная влаги,
Не производит ни трав, ни животных пород его почва,
Что не венчают пустынных высот дожденосные тучи,
Что над громадами скал, над сухими песками недвижно
Знойный покоится] воздух, [прохладной] не знающий тени.
[Нет, — так подумал Гермес], — две [суши] наш мир составляют:
[Полная мразов одна, а другая] — бессменного зноя;
[С Арктом] граничит [одна, а другая] — с огнем всепалящим;
[Обе принять неспособны] людей плодоносное семя.

[Но посредине есть остров; теперь его] заняли [горы].
[Те], пораздвинувшись, [примут дома] и селения [смертных;
Примут и рек животворных струи, дочерей] Океана;
[Горы в надел даровал он Нимфам], владычицам пастбищ:
[К высшей жезлом прикоснулся]; и вот из средины [ущелья]
Брызнул Ладон]. Его ил плодоносный Аркадия [тотчас]
[В лоне сокрыла своем, — а затем, когда время настало,]
[Миру явила желанную дочь, миловидную Дафну].

b) Poimandr. I 4—5, 9—11 Лос. (Reitz. Poimandr.) (Нус, Логос, Демиург)

(4) ...И вижу я бесконечное зрелище, и все полное света, тихого и ясного. И возрадовался я от этого видения. И немного спустя возникла тьма, которая спускалась сверху, поочередно там и здесь, страшная и ужасающая, распространяясь неровно, что я сравнил бы с змеей. Затем эта тьма изменилась в некую влажную природу, которая была в невыразимом смятении и испускала дым как бы от огня, издавая какой-то несказанный звук, похожий на рыдание. Потом появился из нее нечленораздельный крик, — можно сказать: звучание огня. (5) Из этого света ... [пропуск в тексте] ... священное слово изошло на природу, и из влажной природы вверх, в высоту вознесся непобедимый огонь. Он был легким и вместе действующим с остротой. И воздух, будучи проворным, следовал огненному дыханию, причем он выходил от земли и воды до огня, так что казалось, что он поддерживается им. Земля же и вода остались сами по себе в смешении, так что уже не видно было земли без воды. Они приводились в повиновение направлявшимся к ним духовным словом... (9) Ум же бог, будучи муже-женского пола и являясь жизнью и светом, породил словом другой Ум — Демиурга, который, как бог огня и духа, создал некоторых семерых управителей, охватывающих чувственный мир кругами [планетных богов]; и это управление их называется судьбой. (10) Тотчас возникло из устремленных вниз элементов божье Слово как порождение (demioyrgema), устремленное к чистой области природы, объединилось с Умом-Демиургом (оно ведь было единосущно богу); а неразумные и устремленные вниз элементы природы остались покинутыми, оказавшись только лишь материей. (11) Ум-Демиург с Словом, обнимая [космические] круги и вращаясь со свистом, начал кружить свои создания и позволил им кружиться от неопределенного начала до безграничного конца. Ведь их круговое движение начинается там, где оно кончается. И это вращение, по желанию Ума, произвело из устремленных вниз элементов неразумных живых существ (поскольку более не было Слова). Воздух же породил крылатых и вода — плавающих. Земля же и вода были разделены между собой, как того захотел Ум. И земля породила из себя то, что она имела в себе, — четвероногих и пресмыкающихся, диких зверей и домашних.

Гермес, опускающий душу умершего в Аид

c) Poimandr. I 12—13 Зел. (Человек и его восстание)

(12) Тогда Ум, отец всего сущего, будучи жизнью и светом, родил подобного себе человека; его он полюбил как своего сына. Он был ведь прекра-

сен, имея образ отца; так-то в действительности бог полюбил свой собственный образ. Ему он передал все свои создания. (13) Он [первочеловек], созерцая творение Демиурга в огне, [планетные сферы], и сам пожелал творить; и ему это было разрешено отцом. Очутившись в сфере Демиурга с тем, чтобы иметь власть над нею, он постигал создания брата, [планетных богов], и они полюбили его, и каждый уделил ему часть собственного порядка. Познав их сущность и получив удел в их природе, он пожелал разорвать вращение сфер и постигнуть власть того, кто восседает над огнем.

d) Serv. Verg. Aen. VI 714 (Душа и планетные сферы)

Если душа вечна и является частью высшего духа, то по какой причине она в нем не все видит и не обладает таким предвидением и такой живостью, чтобы быть в состоянии узнать все прежнее? Это потому, что, когда она начинает сходить в тело, она пьет безумие и забвение, по каковой причине она уже не может осуществлять силу своего божества после забвения собственной природы. Согласно поэтам, она забывает о прошлом, согласно философам — о будущем. Отсюда [Вергилий] занимает среднее место, говоря [просто]: «забвение». Философы же учат о том, что теряет душа в своем нисхождении по отдельным [космическим] кругам. На этом основании также математики измышляют, что наше тело и душа связаны силой отдельных божеств в том смысле, что во время нисхождения души влекут с собой бесчувственность от Сатурна, гневливость от Марса, похоть от Венеры, страсть к наживе от Меркурия, стремление к власти от Юпитера. Эти обстоятельства наносят душам смятение, так что они уже не могут пользоваться своей живостью и своими собственными силами.

Гермес с душой умершего

e) Poimandr. I 14—15 Зел., с добавл. Лос. (Человек и природа)

...(14) И вот владыка всего смертного мира с его бессловесными тварями проник взглядом через гармоническую устроенность [сфер], прорвав эту оболочку, и показал нижней природе свой прекрасный образ бога. Увидев его, вместившего в себе всю силу распорядителей судьбы [планет] и подобие бога, природа ему улыбнулась в любви, словно как она увидела в воде образ (eidos) прекраснейшей формы человека и тень его на земле. А он, увидев свое подобие в ней, отраженное ее водой, воспылал любовью к нему и пожелал вселиться в него. С желанием явилась и сила, и он вселился в эту внеразумную (alogon) форму. А природа, залучив к себе возлюбленного, обвила его вся, и они совокупились: они ведь были любовниками. (15) И вот почему в отличие от всех других существ земли человек двойствен, будучи смертен своим телом и бессмертен благодаря тому сущному (oysiode) человеку. Ибо он, будучи бессмертным и обладая властью над всем, претерпевает смертное состояние, поскольку он подчиняется Судьбе. Будучи выше гармонического устроения [сфер], он является рабом внутри этого устроения. А будучи муже-женщиной (ибо он происходит от муже-женского отца) и будучи неусыпным от неусыпного... [пропуск в тексте]... властвует.

f) Poimandr. I 16—18 Зел., с добавл. Лос. (Любовь и смерть)

...(16) И вот таинство, скрытое до нынешнего дня. Природа, совокупившись с Человеком, принесла чудо-чудное: так как Человек имел в себе природу гармонии тех семи [планетных богов], которые, как я тебе сказал, произошли от огня и духа (pneymatos), то и Природа не остановилась, но родила семерых людей, соответствующих природе семи правителей, обоеполых и реющих в воздухе. (17) Рождение же этих семи [планетных богов] произошло следующим образом. Земля была женщина, и Вода была способна к соитию. Мягкость получила Природа от Огня, и от Эфира — дыхание, и породила она на свет тела по образу Человека. А Человек из жизни и света стал душой и умом: из жизни — душой, а из света — умом. И в таком состоянии остались все части чувственного космоса до конца периода и до новых начал. (18) А когда исполнился период, весь половой союз был разорван по воле бога, все обоеполые существа вместе с Человеком разделились и стали мужские и женские сами по себе. И тот же бог сказал святое слово: «Растите в росте и умножайтесь во множестве, все твари и создания; и да познает мыслящий Человек самого себя, что он бессмертен и что причина смерти — любовь, и да постигнет он смысл всего сущего».

g) Poimandr. I 27—29 Зел. (Роль Пемандра, «пастыря мужей», пропагандируемого Гермесом)

Сказав мне это, [продолжает Гермес от себя] Пемандр воссоединился с властями [огдоады]; а я, воздав благодарение и славословие отцу вселенной,.. начал вещать людям красоту благочестия и знания: «О народы, земнородные люди, отдавшие себя пьянству и сну и неведению бога, отрезвитесь, рассейте пары вина и чары неразумного сна!» Они, услышавши, дружно сошлись; я же им сказал: «Зачем вы, земнородные люди, отдали себя смерти, имея власть приобщиться бессмертью? Покайтесь вы, шествовавшие с заблуждением и общавшиеся с незнанием; отрешитесь от темного света, примите участие в бессмертии, оставив гибель!» И одни из них с глумлением покинули меня, отдав себя пути, ведущему к смерти; другие же, бросаясь к моим ногам, просили меня учить их. А я, приказав им встать, стал предводителем их рода, уча их словами, каким образом они спасутся. И я посеял в них речи мудрости, и они были вскормлены водой бессмертия. А когда наступил вечер и весь сияющий лик Солнца стал погружаться, я приказал им благодарить бога. И воздав благодарность, они обратились каждый к своему ложу.

15. Stob. I 49, 44 (Судьба душ, — рассказ Изиды своему сыну Гору)

[*Вступление*]

Сказавши это, Изида сначала наливает Гору сладкий напиток амбросии, который души обыкновенно получают от богов. И затем так начинает священнейшую речь Изида:

«Сын мой Гор! Оттого что над всей природою низлежащих лежит многовенчанное небо и нигде нет недостатка в том, что содержит в себе весь мир, — всячески необходимо, чтобы низлежащая природа управлялась и совершенствовалась вышележащим. Ведь земное не может устроить вышний распорядок. Поэтому сильным таинствам должны уступать слабые. Сильным из земных является распределение воздушных явлений, на-

дежное для всякой вещи и не подверженное замыслу смертных. Поэтому земные со страхом изумляются прекрасному и постоянному разделению небесных тел. Достойно созерцания и томления видеть красоту неба, представляющуюся неведомым еще богом, и блистательное величие ночи, немногим уступающее ослепительному свету солнца, причем и другие тайны особо движущихся на небе в установленные сроки и периоды времен через некие тайные истоки, которые управляют земным и его возвеличивают.

И то был беспрерывный страх, непрестанные искания; и пока творец всего не возжелал, неведение владело всем [миром]. Когда же сущий решил открыть себя, как он есть, он вдохнул любовь в богов и одарил мысли их сиянием, которое он имел в груди, чтобы они сперва возжелали искать, затем стремились найти, а потом возмочь и исполнить.

Но этого, о Гор, сын достойный удивления, не было бы при смертном роде, да его и не было еще. Это было бы только при душе, имеющей симпатию к небесным тайнам. Это был всеведущий Гермес. Он узнал все и, узнавши, обдумал и, обдумавши, возмог явить и показать. И что он придумал, то начертал; начертавши, он многое скрыл, надежно умолчав более, чем сказав, чтобы это искал каждый будущий век мира. И таким образом, охраняя родственных богов, он восшел к звездам.

Ему последовал тот сын и вместе преемник его познаний. Недалеко от него также был и Асклепий Имут (Imoythes), сын Пана и Герестобулы, и другие, которые вознамерились разузнать достоверную точность небесного созерцания, при благоволении царствующего над всем промысла.

Гермес оправдывался перед верховным [богом], что даже сыну своему он не передал всесовершенного созерцания вследствие его юного возраста. «У меня же, когда я при восходе [солнца] всевидящими глазами созерцал незримое востока и медленно его рассматривал, явилось точное решение вблизи тайн Озириса сложить священные символы мировых стихий». Возгласив и произнеся эти слова, он отошел на небо.

Но мне надлежит, сын мой, не оставлять неполным это извещение, а высказать все, что, составляя книги, выразил Гермес. А выразился он так: «О священные книги, которые созданы моими нетленными руками, которыми я владею, умастившись врачеством нетления! Оставайтесь во всю вечность неистлеваемыми, нетленными во все времена, становясь невидимыми и не открываемыми для каждого, кто намеревается проходить юдоли этой земли, пока Старец-Небо не породит достойные вас составы, которые Демиург наименовал душами». Это сказавши и выразив такие пожелания своим произведениям, он удаляется в собственное местопребывание.

[*Творение Природы, и Души, и душ*]

Прошел достаточный промежуток времени и скрылся. И природа, сын мой, была бесплодна, пока сами боги, получившие повеление обходить небо, придя к богу, царю всех, не возвестили общий покой и пока не сказали, что надлежит все привести в стройный порядок и что это дело не чьелибо, а его. Они сказали: «Просим тебя, обдумай сущее ныне и потребность будущего». Когда они это высказали, бог улыбнулся и нарек Природу; и от его гласа произошло прекрасное женское существо, созерцая которое, боги пребывали в изумлении. И бог-праотец почтил его име-

нем Природы и повелел ей быть производительной. И, посмотрев на окружающее, он возгласил еще так: «Да наполнится всем небо, воздух и эфир». Бог сказал, и — было. Природа же, сама с собою говоря, познала, что не подобает ей ослушаться заповеди отца, и, сойдясь с Трудом, создала прекрасную дочь, которую назвала Изобретательностью (Heyresis). Бог даровал ей бытие и, одарив, рассудил уже бывшее, исполнил его тайн и даровал Изобретательности в нем быть ведущей.

Гермес, сидящий на козле

Он уже не желал, чтобы вышний мир оставался пустым, но решил наполнить его духами, чтобы его отдельные части не оставались неподвижными и праздными. Так приступил он к этому устроению, воспользовавшись для возникновения своего предприятия своими священными художествами. Взявши, сколько было надобно, духа от собственного существа и смешавши его с мысленным огнем, растворил он его в некоторых других неведомых веществах. И, соединив это одно с другим при помощи некоторых тайных возглашений, он привел весьма хорошо в движение всю смесь, пока не выступило наверх из смешения некое вещество, более легкое, чистое и прозрачное, чем то, из чего оно возникло. И оно было двувидно, что узрел только один Творец. Так как оно, состоя из огня, не плавилось от жара и, как составленное из духа, не охлаждалось, но обладало каким-то особенным специфическим составом смеси, своеобразным и индивидуальным, поэтому бог, имея в виду наименование с хорошим предзнаменованием и сходную деятельность, назвал этот состав одушевлением (psychosis). Из этой пены он сотворил многие мириады душ, в порядке и симметрии, образуя для своей цели то, что было на поверхности смеси, со знанием и подобающим смыслом, по которому необходимо было им во многом отличаться друг от друга, так как росток, испаряемый от движения бога, не был подобен самому себе, но первый был больше и полнее второго и чище всего, а второй достаточно уступал первому, но намного больше третьего. И таким образом все число [душ] дошло до шестидесяти степеней. Сверх того он всех их установил и узаконил вечными, как бы из единой сущности, формы которой только он сам уже приводил к завершению. Им он назначил отдельные помещения в воздушной области вышней природы [неба], чтобы они располагались по валу (cylindros) в некоем порядке и с подобающей стройностью и радовали отца. Таким образом, ставши на прекрасном основании Эфира и вызвавши природы всего уже сущего, он сказал: «О души, прекрасные чада моего духа и моей заботы, души, которые я произвел на свет своими руками и посвящаю моему

миру, внемлите моим словам как законам и не касайтесь никакого другого места, кроме назначенного вам моей мыслью. После вашего прочного установления опять по-прежнему остается и установленное [для вас] звездное сияние, и [ваши] престолы, исполненные добродетели. Если же вы совершите что-либо новое против моих намерений, то я клянусь вам священным духом, тою смесью, из которой я вас породил, и этими моими руками, что скоро придумаю вам темницу и кары».

Сказавши это, бог, мой владыка, смешавши остальные родственные стихии, воду и землю, и произнеся также какие-то тайные слова, могущественные, не похожие на прежние, привел эту смесь в сильное движение и, вдохнув животворение в эту наплывающую пену, которая получила замечательную окраску и стала плотной, взял ее и образовал из нее человековидные фигуры. Остаток смеси он отдал уже возросшим душам. Этим душам, отозванным в помещения богов, в близкие к звездам местопребывания и к священным демонам, он сказал: «Вы, чада, порождения моей природы, примите остатки моего художества и образуйте что-либо близкое к природе каждого, а я предложу вам и вот эти первообразы». И, взявши в прекрасном виде зодиак, соответственно движениям душ учредил мир, установивши рядом с человековидными фигурами зодиака то, что за ними непосредственно следовало бы, и даровал им вседеятельные силы и всеискусный производительный дух вообще всего, имеющего быть универсально. И он отступил с обещанием присоединить к видимым делам их невидимый дух и каждому даровать возможность (oysian) порождения однородных тел, чтобы они произвели ему другое подобное и чтобы они уже не имели необходимости создавать что-либо иное, кроме того, что уже успели создать раньше».

[*Падение душ и наказание для них*]

— Что же, родительница, сделали души?

И сказала Изида: «Сын мой Гор! Взявши смешение вещества, они сначала взглянули на него, преклонились перед смесью отца и стали исследовать, из чего она составлена. Но невозможно было беспрепятственно это распознать. Потом они испугались своего расследования, как бы не подпасть гневу отца, и обратились к совершению повеленного. Затем из верхнего слоя вещества, содержавшего наиболее легкую пену, они образовали род птиц. Кроме того, из полусвернувшейся смеси, которая превратилась уже в твердый сгусток, они создали род четвероногих и менее легкий род рыб, нуждающийся для переплывания в чужой влажности, а из остатков холодных и уже бывших на дне души сотворили по роду пресмыкающихся. Они, о сын мой, как уже совершившие нечто, вооружились излишней смелостью и стали поступать вопреки повелению, и уже вышли из собственных отдельных помещений, и не пожелали оставаться на одном месте, но постоянно были в движении и пребывание на одном месте считали смертью.

Это, сын мой, говорит Гермес. Говорю так и я. И от владыки всех и бога не укрылось, что они делают. И он стал отыскивать им кары и темницу, которую бы они терпеливо переносили. Потому и угодно было вождю и владыке всех изобрести состав людей, чтобы в нем всегда мучился род душ. Тогда, подозвавши меня, говорит Гермес, он сказал: «О душа души моей и ум священного моего ума! До коих пор должна зриться печаль-

ною природа низлежащих существ? До коих пор уже существующее пребывает пустым и непрославленным? Призови ко мне всех богов небесных», — сказал, о сын мой, бог, как передает Гермес. Когда они вошли по повелению, бог сказал им: «Взгляните на землю и все тамошнее». Они тотчас посмотрели и сообразили, что замыслил владыка. Когда он заговорил о возникновении людей, они выразили сочувствие и высказали, что каждый из них может нечто пообещать доставить тем, кто имеет родиться.

Гермес с денежным мешком

Гелиос сказал: «Я буду отлично светить». Селена обещалась освещать дорогу после солнца. Она говорила, что подготовит Страх, Молчание и Сон и имеющую сделаться им [людям] всеполезною Память. Кронос объявил, что он уже стал отцом Справедливости и Необходимости. Зевс сказал: «Чтобы никак не спорить с будущим поколением, я уже произвел для них Счастье, Надежду и Мир». Арес сказал, что он уже стал отцом Борьбы, Гнева и Спора. Афродита не замедлила и сказала: «Я придам им, владыка, Вожделение, Наслаждение и Смех, чтобы родственные души, терпя тяжелейшее осуждение, не казнились больше». Долго радовался [бог], о сын мой, при этих словах Афродиты. «Я же, — сказал Гермес — сделаю природу людей благородною, вложу в них мудрость, благоразумие, силу убеждения и истину. Я не перестану содействовать изобретательности, но я постоянно буду помогать смертной жизни рождающихся под моими знаками зодиака людей (ибо животные зодиака, которые дал мне отец и демиург, разумны и умны), и больше тогда, когда находящееся над ними движение звезд будет иметь физическую энергию, соответственную каждому из них».

[*Воплощение душ и появление людей*]

Возрадовался бог, владыка мира, услыхавши это, и повелел родиться поколению людей. Я же, говорит Гермес, отыскивал вещество, какое надо было употребить, и позвал единовластителя. Он повелел дать душам остаток смеси. Взявши его, я нашел его совсем сухим. Потом я воспользовался гораздо большим, чем нужно, в сравнении с смесью, количеством воды, так как образуемое было совершенно слабым, бессильным и немощным для того, чтобы, кроме разумности, быть еще исполненным силы. Я сформировал, и — вышло хорошо. И я радовался при виде этого моего дела и снизу позвал единовластителя посмотреть. Он взглянул, обрадовался и повелел душам воплотиться. Тогда впервые они заскорбели и восстенали, узнавши, что они осуждены.

Я удивилась словам душ. Обрати внимание, сын мой, ибо ты внемлешь тайному созерцанию, которому праотец Камефис внимал от Гермеса, летописца всех минувших дел, а я — от прародителя всех Камефиса, когда он почтил меня совершенными чернилами, [которыми писаны тайные книги Гермеса]. Теперь же сам ты выслушай от меня. Когда, о удиви-

тельный и достославный сын, души медлили заключиться в тела, то одни из них печалились и оплакивали только то, что по образу существующих зверей свободные будут рабами дурных и что оторванные от привычного и любезного покоя будут бороться, возмущаться и не соглашаться с овладевшими ими, но, когда удастся одолеть, предадут смерти своих насильников. Другие же больше жаловались на суд змей [аспидов]. Одна, горько взрыдавши и прежде слов довольно наплакавшись и часто вращая вверх и вниз, как случится, глазами, сказала: «О Небо, начало нашего возникновения, эфир, воздух, руки и священный дух единовластителя бога, светлые звезды, что — очи богов, неутомимый свет солнца и луны, совоспитанники нашего начала, оторванные от коих мы терпим несчастья! Более того, от великих и светлых престолов, от священного возлияния, от блистательной Полярной звезды и от блаженного общения с богами мы будем заключены в презренные и ничтожные храмины. Какая непристойность совершена нами, несчастными? Какая причина этих наказаний? Какие грехи нас, бедных, ожидают? Что мы наделаем вследствие коварства надежд, чтобы доставить потребное слабому и скороразрушимому телу! Неразумные очи не вместят божественных душ, и, в этом влажном круге совсем мало видя своего пращура небо, мы будем постоянно стенать, а никогда и не увидим его. Ведь мы, несчастные, осуждены и смотреть нам прямо не даровано, потому что видеть нам не дано без света. Итак, это — отверстия, а не глаза. Так же бедственно перенесем мы слышание веющих в воздухе родственных нам духов, потому что мы не парим вместе с ними. Взамен этого возвышенного мира нас поджидает жилище, — неповоротливая тяжесть сердца. О ты, навсегда забывший о нас, от чего и к чему мы ниспали, прекрати наше горе, владыка, отец и творец, если ты так быстро пренебрег своими созданиями, или назначь нам какие-либо пределы, удостой нас хотя бы непространных слов, пока мы еще можем взирать по всему пространству мира». Таких предметов касались, о сын мой Гор, души в своих словах. И вот появился единовластитель и, воссевши на престоле Истины, возгласил просительницам следующее:

«Над вами, души, будут владычествовать Любовь и Необходимость, ибо после меня они — владыки и чиноначальники для всего. Души, обслуживающие мою неувядающую власть, вы знайте, что, пока вы безгрешны, вы будете обитать в пространствах неба. Если же к которой из вас приблизится порицание, то вы, осужденные в глубинах вашего сердца, будете обитать в предопределенном для этого месте. И если ваши провинности будут невелики, то вы, покинувши смертные узы плоти, без воздыхания опять с любовью воспримете ваше небо. Если же вы будете повинны в больших прегрешениях, не выйдя с подобающим концом из созданий, то вы уже не будете обитать ни на небе, ни снова в телах человеческих, но будете проводить остальную жизнь, переселившись в бессловесных животных».

Сказавши это, о сын мой, он всем им даровал дух и снова возгласил: «Не необдуманно и не наудачу я узаконил ваши перемены, но как через худшее вы совершаете нечто постыдное, так через лучшее вы замыслите нечто достойное вашего происхождения. Я — и никто другой — буду созерцателем и наблюдателем. Итак, познайте, что за ваши прежние поступки в виде наказания вы понесете это воплощение. Поэтому раз-

личием возрождения будет для вас различие тел, как я сказал, а благодеянием и прежним блаженством разрушение [тел]. Ослепнет ваше разумение, если вы покуситесь совершить что-либо недостойное меня, чтобы мыслить противоположное и терпеть наказание как благодеяние, а перемену к лучшему считать бесчестием и обидою. Более праведные из вас и наследующие перемену к божественному — среди людей — справедливые цари, подлинные философы, созидатели [городов] и законодатели, истинные прорицатели, настоящие собиратели [целебных] корней, лучшие пророки богов, сведущие музыканты, умные астрономы, мудрые птицегадатели, добросовестные жрецы и все вы, кто достоин высших благ. Среди птиц это будут орлы, потому что они ни на кого из своей породы не могут напасть и никого не могут пожрать и не могут устремиться обидеть другое, более слабое, близкое ему живое существо, ибо природа орлов будет домогаться справедливости. Среди четвероногих это — львы. Это — животное сильное и некоторым образом неутомимой природы, приспособляющее к смертному телу бессмертную природу, [ибо они не утомляются и не засыпают]. Среди пресмыкающихся это — драконы — животное сильное и долговечное, незлобивое и всячески человеколюбивое, которое будет приручено и не будет иметь яда, и оно будет молодым даже в старости, наподобие природы богов. Среди плавающих — дельфины, ибо они будут сочувствовать упавшим в море и живых доставлять на землю, а умерших совсем никогда не коснутся, хотя эта водная порода будет пожирать все». Сказавши это, бог становится нетленным умом.

[*Пророчество Мома*]

После того как это произошло, сын мой Гор, поднимается с земли некое очень сильное дуновение, невосприемлемое оболочкою тела, а властвующее силой разумения. Увидя тело, сформированное по образу мужа, прекрасное и благоприличное, но чрезвычайно грубое и полное страха и души, тотчас входящие в эти формы, оно, [это «дуновение», Мом], хотя и зная то, о чем оно спрашивало, сказал: «Как они зовутся, о Гермес, летописец богов?» Когда тот ответил: «Это — люди, о Мом», он быстро сказал: «О Гермес! Опрометчивое дело создать человека, любопытного глазами и болтливого языком, имеющего стать слушателем того, что ему не подобает, лакомку обонянием и желающего до всего дотронуться органом осязания. Ты, о родоначальник, судил оставить беспечным того, кто отважно намеревается видеть прекрасные тайны природы? Ты желаешь оставить беззаботным того, кто намерен простереть свои помыслы до пределов земли? Люди выкопают корни растений и исследуют качество соков; рассмотрят природу и свойства камней; рассекут не только бессловесных животных, но и самих себя, желая узнать, как они возникли; прострут отважные руки и к морю и, рассекая самобытное вещество, друг друга направят к исследованию того, какова природа внутри недоступных священных мест, и постараются достигнуть высоты, желая разузнать, в чем состоит движение неба. Но это еще немного, ибо уже не остается ничего, кроме крайнего предела земли. Но они расследуют и в нем его кромешную ночь. Они не будут иметь никакой помехи, но научатся благу беспечалия и, непобежденные тяжелыми уязвлениями страха, будут наслаждаться беззаботной жизнью? Затем разве

они не прострут свою любопытствующую дерзость даже до неба? Разве они не распространятся своими беззаботными душами даже до стихий? Отсюда научись желанию что-либо придумать, чтобы они укротились угрызением скорби, отчаявшись в надежде. Пусть любопытство их душ будет обмануто вожделениями, страхами, печалями и пустыми надеждами. Пусть беспрерывные любовные интриги опустошат их души, все эти надежды и пестрые вожделения, то удачные, то неудачные, чтобы и сладкое обольщение удачи послужило им для борьбы с более значительными бедами. Пусть обременит их пылающий жар (pyretos), чтобы, выжженные, они умерили свое вожделение».

«Ты печалишься, сын мой Гор, слыша эти объяснения твоей родительницы? Разве ты не удивляешься, не изумляешься тем, как отягощен несчастный человек? Внемли более страшному.

Гермес обрадовался этим словам Мома, ибо говорил он это специально для него, и сделал то, что было сказано, приговаривая: «О Мом! Но не станет ли бесполезным природа окружающего божественного духа? Ведь владыка всех назначил меня распорядителем и промыслителем. Наблюдательницею порядка мира будет зоркая Адрастея. Я изобрету некое тайное орудие, обладающее созерцаниями неподвижного и ненарушимого, которому все на земле по необходимости подчинится от возникновения до конечной гибели [даже], обладающее твердостью законченных [созданий]. Все остальное на земле склонится пред этим орудием». Сказал это Мому Гермес, и уже орудие задвигалось.

[*Творение мира и жизнь душ в мире*]

Как только это случилось, и воплотились души, и он получил похвалу за сделанное, снова единовластитель устроил собрание богов, и боги явились, и опять он возгласил таким образом: «О боги, которые находитесь на самой вершине, которые обладаете нетленной природой, которые имеете уделом вечно жить, великую вечность, которых никогда не пресытит ничто, предлагаемое ими самим себе, доколе нам владеть непризнанной властью? Доколе это будет невидимо солнцу и луне? Пусть каждый из нас рождается сам по себе. Предоставим собственным возможностям этот еще пустой состав. Пусть покажется недостоверным для грядущих поколений миф, будто бы был хаос. Возьмитесь за великие дела, и я сам начну первый». Он сказал, и тотчас произошло мировое разделение еще черного единства, и вверху появилось небо, разукрашенное всеми его тайнами. Еще колеблющаяся земля укрепилась при сиянии солнца и явилась разукрашенной всеми своими красотами. Ибо прекрасно для бога и то, что у смертных считается дурным. Ведь оно, очевидно, повинуется законам бога. Возрадовался бог, видя, что его собственные произведения уже приведены в движение. Наполнив свои руки, равновеликие с окружающим, тем, что создала природа, и крепко сжав ладони, он произнес: «Прими, священная земля, всечтимая и имеющая быть родительницею всего, и позаботься, чтобы из этого ничего не было оставлено». Бог сказал это и, раскрывши руки, какие подобает иметь богу, он отпустил все в составе сущего.

И неведение было сначала повсюду. Ибо души, заключенные недавно и не выносящие бесчестия, оспаривали у небесных богов благородство собственного происхождения и, понимая, что и сами они происходят из того же демиурга, они восставали и, пользуясь прочими людьми как

Гермес-Трисмегист с атрибутами

орудиями, они набрасывались друг на друга и взаимно воевали. И таким образом, против бессилия восстала великая мощь, так что сильные сжигали слабых и убивали, свергая с недоступных мест то живых, то мертвых, пока вознегодовавшие стихии не сочли нужным обратиться к единовластителю богу против дикого поведения людей. Так как зло стало велико, то стихии, приблизившись к сотворившему их богу, употребили следующие слова для порицания.

Потому первым именно и получил слово Огонь. «Владыка, — говорил он, — создатель этого нового мира, таинственное среди богов и чтимое до сих пор всеми людьми имя! Доколе, о боже, ты имеешь намерение оставить жизнь смертных нечестивой? Яви себя нуждающемуся миру и освяти миром дикость жизни. Даруй законы жизни, даруй оракулы ночи; исполни всё благих надежд. Пусть люди побоятся возмездия от богов, и никто не станет грешить. Когда они получат достойные прегрешений воздаяния, прочие остерегутся поступать несправедливо, испугаются клятв, и уже никто не помыслит о беззаконии. Пусть они, облагодетельствованные, научатся благодарить, чтобы радостно послужить мне при возлияниях, чтобы мог я послать тебе благовонные испарения от домашнего алтаря. Ибо доныне, владыка, я оскверняюсь и в силу безбожной дерзости родившихся людей принужден жечь тела. Непристойно подделавши нетленное, они не позволяют мне быть тем, для чего я существую».

Воздух говорил: «И я мутнею, владыка, и от смрада мертвых тел становлюсь болезненным, уже перестаю быть здоровым. И сверху наблюдаю я то, что мне непристойно видеть». Затем, о благородное дитя, получила право говорить Вода и сказала так: «Отец и дивный творец всего, самобытное божество и создатель Природы, через тебя рождающей все! Некогда, боже, ты повелел, чтобы течения рек были всегда чистыми. А реки и моря омывают убийц или принимают убитых». Затем явилась скорбная Земля и... [испорченный текст], о славное дитя, так начала говорить:

«Царь, властелин небесных [богов] и владыка небосвода, вождь для нас, стихий, и отец предстоящих тебе! От нас все имеет начало увеличения и уменьшения, к которым снова возвращаясь по необходимости, все имеет должный конец. И мне, о многочтимый, неразумное и безбожное скопище людей. А ведь я содержу в себе природу всего. Ибо сама я, как ты повелел, и приношу все и принимаю убитое. Я подвергаюсь поруганию уже ото всех. Земной мир твой, весь целиком, не имеет бога. Ибо они преступают все, чего побоятся имеющие [бога], и всяческим коварным искусством обрушиваются, владыка, на мои жилы. И вся пропитываюсь на свою гибель соками разлагающихся тел. Поэтому, владыка, я принуждена давать место и недостойным. Я желаю вместе с теми, кого я ношу, содержать в себе и бога: даруй Земле, если не себя самого, — ибо я не смогу снести тебя, — то, по крайней мере, священный некий твой отпрыск. Преобрази Землю в наиболее чтимую из других стихий. Ибо, ей одной, все приемлющей от тебя, подобает быть гордой».

[*Новое воздействие свыше. Заключение*]

Так сказали стихии. Бог, наполнивши в своем речении все своим священным голосом, произнес: «Отправляйтесь, священные и достойные великого отца чада. Никоим образом не пытайтесь поднимать смуту и оставьте мой мир праздным от собственных ваших услуг. Среди вас появится уже некий другой отпрыск моей природы, который будет праведным наблюдателем поступков, независимый судья живых, не только грозный, но и властитель, наказующий сошедших под землю. И каждому человеку последует достойное возмездие по роду [его деяний]».

И так, по повелению владыки, прекратили беседу стихии и впали в безмолвие. И каждая из них стала обладать своим свойством и в нем господствовать».

И после этого спросил Гор: «О родительница, как же получала Земля этот отпрыск бога?»

И сказала Изида: «Винюсь я, что рассказываю тебе происхождение [этого]. Не подобает пересказывать тебе начало твоего происхождения, о многомощный Гор, так как никогда впоследствии не приходил к людям род бессмертных богов, исключая того, что единовластитель бог, всемирный Творец и Создатель, даровал твоего величайшего отца Озириса и великую богиню Изиду, чтобы для нуждающегося во всем мира они стали помощниками. Они наполнили жизнь жизнью. Они прекратили дикость взаимного убийства. Они посвятили прародителям богам священные участки и жертвы. Они даровали людям законы, пищу и кров. «Они, — как говорит Гермес, — узнают все тайны моих письмен, рассудят их и некоторые из них они скроют, а те, которые касаются благодеяния смертных, начертают на колоннах и обелисках». Они первые, показавши судилища, повсюду ввели благозаконие и справедливость. Они, ставши виновниками договора и верности, ввели в жизнь величайшего бога Орка (Клятву). Они научили, как следует погребать переставших жить. Они, расследуя жестокость смерти, уведали, что, когда дух, любящий возвращаться, входит извне в человеческие создания, если замедлит когда-либо, вырабатывает восстановление сил, не содержащее в себе помрачения. Они, узнавши от Гермеса, что окружающий [воздух] наполнен демонами, начертали [это] на тайных колоннах. Только одни они, узнавши от Гермеса тайное законодательство бога, стали среди людей виновниками искусств, наук и всех занятий и законодателями. Они, узнавши от Гермеса повеление Демиурга, чтобы земное соучаствовало в небесном, установили на земле священнодействия, соответствующие небесным мистериям. Они, познавши тленность тел, придумали во всем совершенство пророчеств так, чтобы пророк, намеревающийся простереть руки к богам, всегда знал нечто из сущего, — чтобы философия и магия питали душу, а медицина исцеляла страждущее тело. Когда все это, сын мой, мы совершили, Озирис и я, и когда мы увидели, что мир преисполнен до конца, мы наконец потребованы были небожителями. Но нельзя было взойти [на небо] раньше призвания единовластителя, чтобы и окружающий [воздух] был полон этого зрелища и сами мы получили чудное восхождение... [пропуск в тексте]. Ведь радуется песнопениям бог».

«Родительница, — сказал Гор, — даруй и мне познание этого гимна, чтобы я не был неучем».

И сказала Изида: «Внемли, мой сын».

16. Dieter. Abr. p. 16—20, строки 1—116 (Демиургия и хохот)[22]

(1—9) Призываю тебя, о Гермес, который удерживаешь все, всяким звуком и всяким языком. Восхваляю тебя, как восхвалило тебя впервые солнце, тобою установленное и удостоверившее все, что существует подлинно. Оно являет пламя и лучи своего диска, и слава его ааа ēēē ōōō, так как через тебя оно получило славу в воздушном тумане, утверждая прочие светловидные звезды и творя мир своим божественным светом. Ты в нем утвердил все вещи iii ааа ōōō Sabaoth arbath laō sagyre[23].

(29—32) И воссмеялся бог семикратно: ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха. И когда он засмеялся, возникло семь богов, те, которые окружают мир. Это — то, что появилось.

(33—35) И усмехнулся[24] он в первый раз, и — появился Свет, и сияние разлилось по всему. И возник бог в мире и в огне — bbb — bessen berithen berio.

(36—41) И усмехнулся он во второй раз. И все стало водой; и Земля, услышавши голоса и узревши сияние, ужаснулась и скрючилась. И влага стала троевидной; и появился бог и утвердился над бездной. Ибо без него не прибывала влага и не убывала. И имя его — eschacles. Ибо ты — ōēaieion bethellē.

(42—45) И когда он захотел усмехнуться в третий раз, появился из озлобления бога Ум — Нутро[25], что удерживает сердце и что было названо Гермесом вследствие «истолкования» всего. Находится он в Нутре, и им управляется Всё. Назван он был semesilamps.

(46—48) И усмехнулся бог в четвертый раз, и появилась Генна, правящая зачатиями всего. Через нее все зачалось. И была она названа baateofothzothaxathōz.

(49—57) И воссмеялся бог в пятый раз и смеясь восскорбел, и — появилась Мойра, держащая весы, являющая собой бытие справедливости. Гермес же возревновал к ней, говоря: «Справедливость — во мне». И во время их борьбы сказал бог им: «Из обоих явится справедливость. Ибо все в мире будет тебе подчинено». И она первая взяла скипетр над миром. Имя ее с перестановкой букв — велико и свято и славно. Вот оно: thoriobrititommaōrraggadōiōdaggarrōammatitirfoiroth — из сорока девяти букв. Мировой оси — имя сильное.

(58—73) Усмехнулся он в шестой раз и возвеселился сильно, и — появился Кронос со скипетром, являющим царство, и передал скипетр первозданному богу. И, взявши его, сказал бог: «Ты облечешься в славу света после меня как первый, давший мне скипетр. Все будет подчинено тебе, и прошедшее и грядущее. В тебе будет всякая сила его, ибо ты облекаешься в славу света». Образ же света явил некое дуновение, и сказал бог царице: «Ты облечешься в дуновение света, ты, которая после него обнимаешь всё. Ты возрастишь от света, заимствуя его у него, и ты всё через него прекратишь. Тобою все будет возрастать и все уменьшаться. Имя это велико и дивно, вот оно: biathiarbarberbirsilamoyrfoyfroymtrōm, букв тридцать шесть.

(74—80) И усмехнулся он в седьмой раз и тяжело задышал и, усмехнувшись, прослезился, и — появилась Душа. И сказал бог: «Ты будешь всё приводить в движение, и всё возрадуется, и Гермес будет тебе спутником». И когда бог так сказал, все задвигалось и все задышало неудержимо.

(81—87) Увидевши Душу и склонившись к Земле, он громко засвистел. И разверзлась Земля, приявши глас [божий], и родила из себя животное — Пифийского дракона, который все предузнает через глас божий. И воззвал бог: ililloy ililloy ililloy ithor marmarayge fōchō fōbōch.

(88—94) И когда он появился, скрючилась Земля и сильно вытянулась вверх. И полюс мира пришел в равновесие и вознамерился [ей] содействовать. Бог же, увидя дракона, ужаснулся и щелкнул языком, и от этого щелканья появился вооруженный Страх. И зовется он danoyp chrator berbalibarbithi, букв двадцать шесть.

(95—101) И когда увидел его бог, он снова пришел в смятение, — ибо созерцал он сильнейшего, — как бы Земля не извергла бога. И, взглянувши вниз на Землю, сказал бог: iaō. И все остановилось, и породился из этого гласа великий бог, величайший, который над всем господин, который положил прошедшее в мире и грядущее. И уже ничто из воздушной атмосферы не вносило [отныне] никакого беспорядка.

(102—111) Страх, увидевши сильнейшего себя, предстал пред ним со словами: «Я — тебя ранее». И тот отвечал: «Но я все утвердил». И сказал бог сильному: «Ты — из щелканья языком, а этот — из гласа. Будьте же оба для всякой необходимости. Возникнет из обоих вас сила, если ты прозвучал так, что все остановилось. И наречено было с тех пор имя великое и дивное: danoyp chrator berbalibalbith Iaō.

(112—116) И, желая воздать честь тому, кто оказался с ним вместе и с ним появился, он дал ему силу девяти богов — идти богов и иметь равную с ними силу и славу. Он был назван по силе девяти богов bosbeadaii, именем семи звезд:

aeēioyō
eēioyō
ēioyō
ioyō
oyō
yō
ō
ōoyiēea
oyiēea
yiēea
iēea
ēea
ea
a

3. ПАРОДИИ

17. а) Aristoph. Plut. 1096—1170 (Пародия)

Карион. Эй, кто стучится в двери? Это что еще?

(Оглядывается)

Нет никого. Выходит, будто дверь сама
Визжит и стонет.

Гермес (робко выглядывая). Погоди! Тебя зову,
Друг Карион! Помедли!
Карион. Это ты, скажи,
Стучался в наши двери так неистово?
Гермес. Собрался только. Сразу отворил ты дверь.
Но поживее! Позови хозяина,
Хозяйку позови еще и деточек,
Прислугу позови еще и пса еще,
Еще себя и борова!
Карион (прерывает его). Мой друг, скажи,
А что случилось?
Гермес. Всемогущий Зевс решил
Всю вашу шайку в ступке истолочь одной
И, словно падаль, всех на свалку вышвырнуть.
Карион. Язык отсохни у такого вестника!
А почему, скажи мне, так обидеть нас
Собрался Зевс?
Гермес. В гнуснейшем преступленьи
Повинны вы. С тех пор как зряч, что стеклышко,
Богатства бог, никто нам не приносит жертв,
Ни ладана, ни лавра, ни говядины,
Ни потрохов, ни ровно ничего.
Карион. Мой бог!
И поделом! Вы плохо нами правили.
Гермес. Нет дела мне, по правде, до других богов.
Но сам я — кончен, в доску разорен.
Карион. Ты прав.
Гермес. А прежде находил на рынке вдосталь я
Сластей и всякой сдобы, меда, пряников
И смокв, всего, что полагалось Гермесу.
Сейчас, как галка, отощал от голода.
Карион. И по заслугам. Чем, скажи, отплачивал
Своим ты богомольцам?
Гермес. Ой мне, горькому!
Коврижки, ой! По четвергам пекли мне!
Карион. Зовешь напрасно. Все ушло и сгинуло.
Гермес. Ой-ой, грудинка! Часто я едал тебя!
Карион. Грудь разорви, в пустые небеса кричи!
Гермес. Тушеная печенка! Я любил тебя!
Карион. Твою печенку гложет зависть горькая.
Гермес. Ой-ой, стаканчик! Поровну воды с вином!
Карион (поворачивается к нему задом).
Вот выкуси и прочь пошел, покуда цел!
Гермес. Об одолженье просит у тебя твой друг.
Карион. Все, что могу, исполню с удовольствием.
Гермес. Подай мне хлеба ломоток печеного
И косточку поджаренной баранины!
У вас там жертва в доме.
Карион. Здесь не подают.
Гермес. Припомни, из кладовки у хозяина
Таскал ты часто. Я ведь покрывал тебя.

Карион. Примазывался в долю ты всегда, нахал!
Тебе кусочек доставался жареный.
Гермес. Ты сам же пожирал кусок в конце концов.
Карион. Но палок не делил ты и плетей со мной,
Когда я попадался за проказами.
Гермес. Не помни зла! Ведь взял ты Фиду приступом.
Прошу, меня примите домочадцем в дом!
Карион. Богов покинув, с нами захотел ты жить?
Гермес. А что ж? У вас намного превосходней жизнь.
Карион. А разве хорошо быть перебежчиком?
Гермес. Где хорошо живется, там и родина.
Карион. Но чем, скажи, ты можешь пригодиться нам?

Гермес и Фортуна

Гермес. Поставь меня Гермесом — Двери Сторожем.
Карион. Открыты двери. Сторожить нам нечего.
Гермес. Тогда Гермесом, что на Торге.
Карион. Полон дом
Добра и так. А торговать нам нечего.
Гермес. Тогда Гермесом Хитроумцем.
Карион. Миновал
Век хитростей. Пришла пора простых сердец.
Гермес. Тогда Гермесом — Сторожем Дорог...
Карион. К чему?
Ведь бог наш зряч. Не нужен поводырь ему.
Гермес. Так буду я Гермесом — Игр Блюстителем.
Устроить ведь богатство состязания
В борьбе и беге, в пении и музыке.
Карион. Как выгодно иметь призваний дюжину!
Себе добыл хитрец на пропитание.
Вот так же судьи делают на выборах:
Во всех участках оптом голосуются.
Гермес (обрадованно). Так в дом войду я.
Карион. Стой! Пополощи сперва
Кишки свиные у колодца! Поглядим,
Насколько ловкий ты и расторопный раб.

b) Luc. Deor. dial. VII («Гефест и Аполлон»)

(1) Гефест. Аполлон, ты видел новорожденного ребенка Майи? Как он красив! И всем улыбается. Из него выйдет что-нибудь очень хорошее: это уже видно.

Аполлон. Ты ожидаешь много хорошего от этого ребенка? Да ведь он старше Иапета, если судить по его бессовестным проделкам!

Гефест. Что же дурного мог сделать новорожденный ребенок?

Аполлон. Спроси Посейдона, у которого он украл трезубец, или Ареса: у него он тайком вытащил меч из ножен, не говоря уже обо мне, у которого он стащил лук и стрелы.

(2) Гефест. Как?! Новорожденный ребенок, еще с трудом держащийся на ногах?

Аполлон. Сам можешь убедиться, Гефест: пусть он только к тебе подойдет.

Гефест. Ну, вот он и подошел.

Аполлон. Что же, все твои орудия на месте? Ничего не пропало?

Гефест. Все на месте, Аполлон.

Аполлон. Посмотри хорошенько.

Гефест. Клянусь Зевсом, я не вижу щипцов!

Аполлон. Увидишь их — в пеленках мальчика.

Гефест. Вот ловкий на руку! Словно он уже в утробе матери изучил воровское искусство.

(3) Аполлон. Ты не слышал еще, как он уже говорит, быстро и красноречиво. И прислуживать нам уже начинает. Вчера он вызвал Эрота на борьбу и в один миг победил его, не знаю — каким образом, подставив подножку; а потом, когда все стали его хвалить и Афродита взяла его за победу к себе на руки, он украл у нее пояс, а у Зевса, пока он смеялся, стащил скипетр; и если бы перун не был слишком тяжел и не был таким огненным, он, наверно, стащил бы и его.

Гефест. Да, это какой-то чудесный мальчик!

Аполлон. Мало того, он еще и музыкант.

Гефест. А это ты из чего заключаешь?

(4) Аполлон. Нашел он где-то мертвую черепаху — и вот сделал себе из нее музыкальный инструмент: прикрепил два изогнутых бруса, соединил их перекладиной, вбил колки, вставил кобылку, натянул семь струн и стал играть очень складно, Гефест, и умело, так что мне приходится завидовать ему; а ведь сколько времени я уже упражняюсь в игре на кифаре! Это еще не все. Майя рассказывала, что он ночью не остается на небе, а от нечего делать спускается в преисподнюю, очевидно с тем, чтобы и оттуда что-нибудь стащить. И крылья есть у него, и он сделал какой-то жезл, обладающий чудесной силой: с его помощью он ведет души и спускает умерших в подземное царство.

Гефест. Я дал ему этот жезл поиграть.

Аполлон. За это он прекрасно отблагодарил тебя: щипцы...

Гефест. Хорошо, что ты мне напомнил. Пойду, отберу у него щипцы, если, как ты говоришь, они спрятаны в его пеленках.

c) Luc. Deor. dial. XXIV («Гермес и Майя»)

(1) Гермес. Есть ли во всем небе бог несчастнее меня?

Майя. Не говори, Гермес, ничего такого.

Г е р м е с. Как же не следует говорить, когда меня совсем замучили, завалив такой работой? Я разрываюсь на части от множества дел. Лишь только встану поутру, сейчас надо идти выметать столовую. Едва успею привести в порядок места для возлежания и устроить все как следует, нужно являться к Зевсу и разносить по земле его приказания, бегая без устали туда и обратно; только это кончится, я, весь еще в пыли, уже должен подавать на стол амвросию, — а раньше, пока не прибыл вновь приобретенный виночерпий, я и нектар разливал. И ужаснее всего то, что я, единственный из всех богов, по ночам не сплю, а должен водить к Плутону души умерших, должен быть проводником покойников и присутствовать на подземном суде. Но всех моих дневных работ еще мало; недостаточно, что я присутствую в палестрах, служу глашатаем на народных собраниях, учу ораторов произносить речи, — устраивать дела мертвецов — это тоже моя обязанность!

Гермес и Фортуна

(2) Сыновья Леды сменяют друг друга: когда один находится на небе, другой проводит день в преисподней. Только я один принужден каждый день делать и то и другое. Сыновья Алкмены и Семелы, рожденные от жалких женщин, живут в свое удовольствие, не зная никаких забот, а я, сын Майи, дочери Атланта, должен им прислуживать! Вот сейчас, я только что вернулся из Сидона, от сестры Кадма, куда Зевс послал меня посмотреть, как поживает его любимица; не успел еще я перевести дух, а он уже посылает меня в Аргос навестить Данаю, а на обратном пути оттуда — «Зайди, — говорит, — в Беотию повидать Антиопу». Я не могу больше! Если бы было возможно, я с удовольствием заставил бы его продать меня кому-нибудь другому, как это делают на земле рабы, когда им служить невмоготу.

М а й я. Оставь эти жалобы, сынок. Ты еще молод и должен прислуживать отцу, сколько он ни пожелает. А теперь, раз он посылает тебя, беги поскорее в Аргос и затем в Беотию, а то он, пожалуй, побьет тебя за медлительность: влюбленные всегда очень раздражительны.

XI. ДЕМЕТРА

Миф о Деметре (она же — римская Церера) представлен в греческой литературе лишь в одном и единственном направлении, в котором, правда, он очень деятельно развит и на все лады излагается в многочисленных источниках. Это миф о *похищении ее дочери Коры* (Кора значит «дочь») богом подземного царства Плутоном, о воцарении Коры (под именем Персефоны) с Плутоном, о розысках Деметрою своей дочери и о посещении ею ряда греческих правителей, из которых один — в Элевсине — и дает приют скорбящей матери. Этот единственный миф о Деметре, вернее — цикл мифов о Деметре, подробно содержится в приводимом нами целиком V Гомеровском гимне (§ 1), значение которого, как ясно отсюда, весьма велико.

Изучая этот единственный миф, мы начинаем понимать настоящее положение Деметры в системе олимпийских богов вообще. Если Гестия вечно покоится на месте, а Гермес вечно стремится вперед, то Деметра вечно уходит вперед и вечно возвращается назад, т. е. она олицетворяет вечный круговорот, что в мифе отражается как сошествие в Аид ее дочери Коры и периодическое ее возвращение.

Деметра (Hes. Theog. 454) — дочь Кроноса и Реи, стало быть, не ниже Зевса по родословной (ср. § 13). О ней почти ничего не слышно у Гомера, и у него она едва ли даже олимпийское божество. Зато это с несомненностью следует из Hymn. Hom. V 483 сл.:

> Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
> С матерью [Реей] вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.

Деметра — прежде всего богиня земледелия, богиня возделанной и зреющей нивы в исчерпывающем охвате всех процессов воспроизводства. Это земледелие она несет сама (или через Триптолема) всем грекам и варварам. Связь с земледелием и с земледельцами лежит в основе фессалийского сказания об Эрисихтоне (см. § 8) и в основе критского сказания о ее любви к Иасиону (§ 7 gh). Распространение мифа и культа Деметры и Персефоны огромно. Некоторое отдаленное представление об этом может дать материал, помещаемый в § 2 (Аркадия, Мессения, Лаконика и т. д.), который составляет только малую часть всего списка

мест почитания Деметры и мифических о ней повествований. Обе богини, Деметра и Персефона, были до того популярны в Греции, что их просто называли to theo (обе богини), или «двуименные богини» (как у Eur. Phoen. 687), или «благословенные», «могучие» (Soph. O. C. 1050), «госпожи», «великие богини». Самое слово Demeter значит Gemeter, т. е. мать-Земля; и уже в этом сказалась вся возвышенность, но в то же время и вся интимность, даже земная реальность и древность этого образа.

Итак, первый пункт этого единственного мифа о Деметре — это *похищение Коры*. Смысл этого факта, несомненно, заключается, прежде всего, в некоем примирении надземных, светлых и подземных, мрачных сил, хотя это примирение могло быть на почве античного пантеизма, абсолютизирующего все несовершенства эмпирического бытия только относительным: Кора периодически возвращается из подземного мира (место постоянного пребывания) в надземный. Можно проследить в связи с этим и самую эволюцию образов Коры и Плутона. Кора сначала мрачная богиня, и сама Деметра есть некая Эриния. Об этом достаточно говорят аркадские материалы (§ 2 a—e). Отцом Коры мыслится тут не светлый и уравновешенный Зевс, как везде в последующем, но грубый, буйный Посейдон. Иные считали Персефону даже дочерью Страшной, Стикс (Apollod. 13, 1). Но уже у Гомера Деметра связана только с Зевсом, и Персефона — именно их дочь (IL. XIV 326, Od. XI 216 сл.), и похищает ее Плутон в идиллической обстановке поля, цветов, игры. Такое же смягчение образа находим мы и в Плутоне, самое имя которого («богатство») указывает теперь на заключенную в нем силу плодородия (ср. Hes. Opp. et d. 465). К интересной версии Еврипида (§ 3 b) мы прибавляем Овидия (§ 4 c, d), орфиков (§ 6) и Нонна (§ 4 e), не имея возможности привести еще ценное изложение: Claud, de raptu Proserp. Что касается орфиков, то мифом о похищении и возвращении Коры они занимались много и глубоко. Мы располагаем некоторыми — правда, вконец попорченными — материалами, по крайней мере, о трех орфических версиях мифа о похищении. Из одного стихотворения, древнейшего (ему, по-видимому, подражает Еврипид), осталось несколько малозначащих строк на золотой пластинке из Фурий (найдено в 1879 г., см. у Kern, frg. 47). Также из второго стихотворения сохранились самые жалкие обрывки папируса, по которым, однако, можно судить, что это есть близкое подражание Гомеровскому гимну о Деметре (Kern, frg. 48—50). О третьем говорят материалы, приводимые ниже, в § 6 f. Наконец, весь миф о похищении Коры заложен уже у Гесиода (§ 3 a).

Далее идут *поиски* Деметрой своей дочери. Они очень ярко рисовались в античном сознании. Деметра в слезах, в трауре (откуда она даже «черная» у Paus. VIII 42, 4 в § 2 e) блуждала по всем землям и морям вплоть до преисподней (Callim. VI 10). Ей помогали Геката и Гелиос. Clem. Alex. Protrept. IV 57 правильно говорит, что Диониса можно узнать по столе (особое длинное платье), Гефеста — по его искусству, Деметру же — по ее несчастью. Относительно ее *договора* с Плутоном нужно заметить, что на землю Кора возвращается весною и остается здесь до осени, проводя, таким образом, зиму в Аиде. Это — по Hom. Hymn. V 398 слл., 445 слл. (§ 1). По Овидию (Fast. IV 614 — § 4 c и Met. V 566 сл.) и Гигину (Fab. 146 — § 4 b), она живет полгода под землею и полгода на земле.

В результате этого Деметра — универсальная богиня *земледелия*, плоды которого так и назывались — «Деметриными плодами». Отсюда и масса эпитетов Деметры, указывающих на связь ее с теми или другими плодами земли: «плодородная», «многоплодная», «плодоносная», «животворная», «зеленая» (ср. Athen. XIV 618 d, e: «воссылающая дары») и т.д., и отсюда ее земледельческое почитание под соответствующим именем чуть ли не в каждой незначительной греческой местности.

Триптолем с Деметрой и Персефоной

Из героев, почитаемых в связи с земледельческими функциями Деметры, особенное значение имеет *Триптолем*. В гомеровском гимне (§ 1, ст. 151 слл., 473 сл.) это — один из элевсинских царей, которого Деметра посвящает в свои тайны (потом он среди судей в преисподней, Plat. Apol. 41 a), но, по более поздней версии, он то же, что Демофонт в Гомеровском гимне, т. е. сын Келея и Метаниры, которого Деметра делает бессмертным, несмотря на сопротивление родителей. По Мусею, он сын Океана и Геи; по Ферекиду — сын Урана и Геи; по Паниассису — сын Элевсина, который (по Paus. I 38, 7) сам — сын Гермеса и Дайры или Огига. Уже одни эти генеалогии говорят о необычайной важности мифа о Триптолеме. Триптолем имел даже храм, и ему приносили жертвы (§ 2 t). Рассказывали о его разъездах по всему миру на подаренной ему Деметрой колеснице, запряженной драконами, откуда он сеял повсюду хлеб, даже поднимаясь на воздух (§ 7 a, c). В таком виде его изображал, между прочим, Софокл в своем «Триптолеме», оставшиеся фрагменты которого (frg. 539—560), при всей их краткости и незначительности, все же рисуют кое-что из этого мифа (напр., frg. 539 сл.: «Два змея, ось хвостами обхватив...»; frg. 540, из поучения Деметры Триптолему: «В скрижали духа речь мою внеси» — и пр.). Путешествие это, не лишенное приключений (§ 7 d, e), сопровождалось распространением также и соответствующей культуры мирного труда, и именно аттической, что обычно кое-где встречало сопротивление (на Крите, в Сицилии, в Лидии и других местах) или приводило к объединению мифов (такова женитьба аргосского иерофанта Трохила на элевсинке, откуда — Евбулей и Триптолем, § 5 b).

Далее необходимо упомянуть *Иасиона*, сына Зевса и Электры или Корифа и Электры, первоначально, вероятно, демона плодородной земной глубины или несущего урожай дождя. Любовь Деметры к нему и рождение отсюда Плутоса (богатства) очень понятны (§ 7 g, h). На Самофракии, куда Иасион прибыл вместе с своим братом Дарданом, он был посвящен Зевсом в мистерии Деметры, после чего стал ревностным распространителем этих мистерий по всей Греции.

Далее имеем фессалийский миф об *Эрисихтоне*, сыне Мирмидона или Триопа, осмелившемся вырубить рощу Деметры на постройку домов. Древ-

нейшее упоминание об этом мифе — у Гелланика (Athen. X, p. 416 b), а затем — подробное изложение у Callim. Hymn. VI 25—118 и Lycophr. 1393. Мы приводим этот миф и по Каллимаху (§ 8 a) и по Овидию (§ 8 b), причем Овидий дает наиболее ценную обработку (рассказ ведется здесь от лица Ахелоя, приводящего этот миф Тезею для иллюстрации превращения богов в разные виды).

Необходимо отметить грандиозные празднества *Фесмофории*, происходившие в честь Деметры, основательницы своих культурных «установлений», в Афинах 9—13 или 10—14 пианепсиона (октябрь—ноябрь), а также и во многих других местах Греции, с постными и веселыми днями. Еще большее значение имели *Элевсинские* празднества — Великие Элевсинии в течение девяти дней в боэдромионе (сентябрь—октябрь) и Малые Элевсинии в анфестерионе (февраль—март).

A. ОСНОВНОЙ МИФ

1. Hymn. Hom. V (Гимн к Деметре)

[*Похищение Коры*]

Пышноволосую петь начинаю Деметру богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней с позволенья пространно-гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы — цветок из себя порожденный Землею,
По наущению Зевса, царю Полидекту[1] в угоду,
Чтоб цветколицую деву прельстить, — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднимались,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины и прянул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных
И ни один из людей, ни одна из подруг пышноруких.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочерь[2]
Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,

Триптолем между Церерой и Прозерпиной. Рисунок на вазе

От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.

[*Поиски Коры*]

Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
С глаз не исчезли у девы, — надежды она не теряла
Добрую матерь увидеть и племя богов вековечных.
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...
Ахнули тяжко от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услыхала.
Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных власах она покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
Не захотел, ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.
Девять скиталася дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке, обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, держащая светоч, —
Вествуя матери, слово сказала и так взговорила:
«Пышнодарящая, добропогодная матерь Деметра!
Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно

Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто — похититель ее. По совести все говорю я...»
Так говорила Геката. И ей не ответила речью
Реи прекрасноволосая дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке, в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю матерь:
«Гелиос! сжалься над видом моим, если словом иль делом
Я хоть когда-нибудь сердце и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом, —
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
Все озираешь ты сверху — широкую землю и море.
Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду:
Кто из бессмертных богов иль, быть может, из смертнорожденных,
Быстро схватив ее, силой похитил, от матери тайно».
Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:
«Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
Брату Аиду назвать твою дочерь цветущей супругой
Зевс разрешил; и ее он, вопящую громко, схвативши,
В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
Зятем себе почитаешь властителя Аидонея,
Единокровного брата родного? Притом же и чести
Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».
Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала.
Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
Прежде, чем в дом не пришла она храброго духом Келея.
(Был в это время царем благовонного он Элевсина.)

[*Деметра и дочери Келея*]

Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
У Парфенейского села колодца, где граждане воду
Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
Венколюбивой дары Афродиты и деторожденье.
Няни такие бывают у царских детей, или также

Ключницы, в гулко-звучащих домах занятые хозяйством.
Дочери там элевсинца Келея ее увидали:
Шли за водою они легкочерпною, чтобы, сосуды
Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом, —
Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:

Деметра Книдская

«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».
Так говорили. Ответила им пречестная богиня:
«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных, —
Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная матерь.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшего моря
Я прибыла не по воле своей. Но помимо желанья,
Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.

Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших!
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участье, и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорожденным ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».
Тотчас ответила ей Каллидика, не знавшая мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:
«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,
Долиха и Поликсена и знатного родом Евмолпа,
Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда
Видом твоим пренебрегши, твое предложенье отвергнет.
Все тебя примут охотно, богине ты видом подобна.
Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Всё подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно,
Позднорожденный растет, горячо и издавна желанный.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».
Так говорила. Она головою кивнула. И девы
Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.

[*Дворец Келея*]

Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери всё сообщили, что видели, что услыхали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд; развевались

Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался божественно-легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,

Прозерпина, владычица царства мертвых. Античная терракота

Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой, и сиянием весь вход озарила.
Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная матерь Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом.
Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.
Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную;

Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба.
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, — сказала, —
Крепкое пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:
«Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты происходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
Что же до божьих даров, — все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
Поздно его и нежданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».
Тотчас прекрасновеночная ей отвечала Деметра:
«Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастие боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
Знаю и против вредительных чар превосходное средство».
Молвила так, и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

[*Воспитание Демофонта и явление Деметры в собственном виде*]

Вскармливать стала богиня прекрасного Демофонта,
Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
Сына Келея владыки. И рос божеству он подобным.
Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
Словно как факел, она погружала. И было им дивно, —
Так он стремительно рос, так богам становился подобен,
И не подверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
Проговорила слова окрыленные в горе великом:
«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»
Так говорила печалясь. Услышала это богиня,
Гневом исполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной,

Деметра и Персефона

Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:
«Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянуся, водой беспощадною Стикса, —
Сделать могла бы навек нестареющим я и бессмертным
Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
Ныне же смерти и Кер уж избегнуть ему невозможно.
В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...
Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме
Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором[3].
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».
Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила:

Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вкруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья, — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далёко до прежней.

[*Деметра и Зевс*]

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилося утро,
Всё рассказали Келею широкодержавному точно,
Что приказала Деметра прекрасновеночная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того, как исполнили всё и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжкой тоской по дочери с поясом низким.
Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновеночная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
С голоду племя погибло б людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
Пышнокудрявую, милую видом Деметру богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучего Зевса Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь пространство,
В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:
«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди — да не будет напрасным Кронидово слово!»

Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили.
Звали богиню и много дарили даров превосходных,

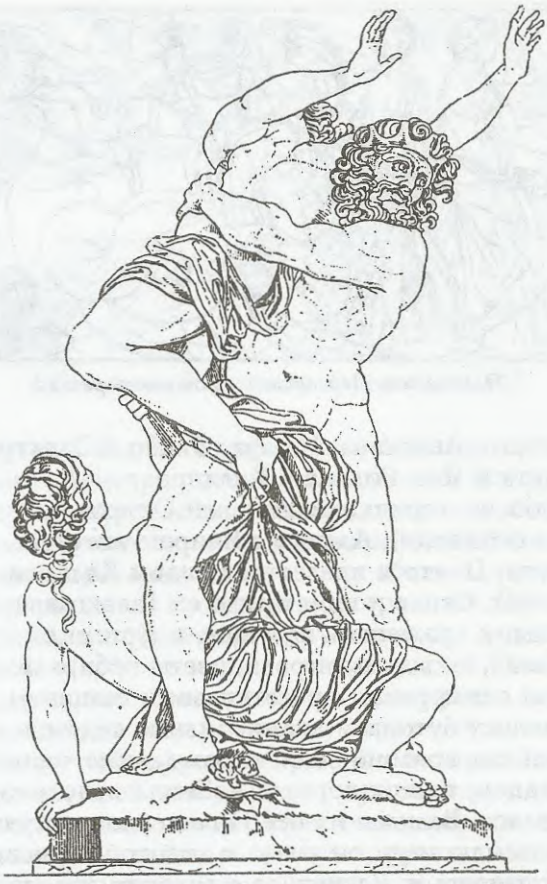
Плутон

Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, — сказала, — не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

[*Возвращение Персефоны*]

Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Тотчас отправил в Эреб златожезлого аргоубийцу,
Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собранье богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
Все еще дух волновался ее на решенье бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:
«Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне родитель велел достославную Персефонею

Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет:
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных
Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
Знаться с богами. Сидит вдалеке средь душистого храма,
Город скалистый избрав Элевсин для себя пребыванье».
Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших
Аидоней и, послушный веленьям властителя Зевса,
Персефонее разумной тотчас же отдал приказанье:
«К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
Кроткую силу и благостный дух во груди сохраняя.
И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».
Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
С замыслом тайным, чтобы навек супруга его не осталась
Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
На колесницу богиня ступила. И, в милые руки
Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
Аргоубийца могучий; охотно они полетели,
Быстро великий проделали путь; ни широкое море
Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
Поверху резали воздух они высоко над землею.
Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
Остановил он, — пред храмом душистым. Она же, увидев,
Ринулась, словно менада[4] в горах по тенистому лесу.
А Персефона.....
Матери милой своей.....
Бросилась.....
Ей же.....
.....
.....
«Дочь моя.....
Пищи. Скажи откровенно.....
Ибо тогда, возвратившись.....
Подле меня и отца твоего, чернотучего Зевса,
Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.
Если ж вкусила, — обратно пойдешь, и в течение года



Похищение Прозерпины. Скульптурная группа Жирардона

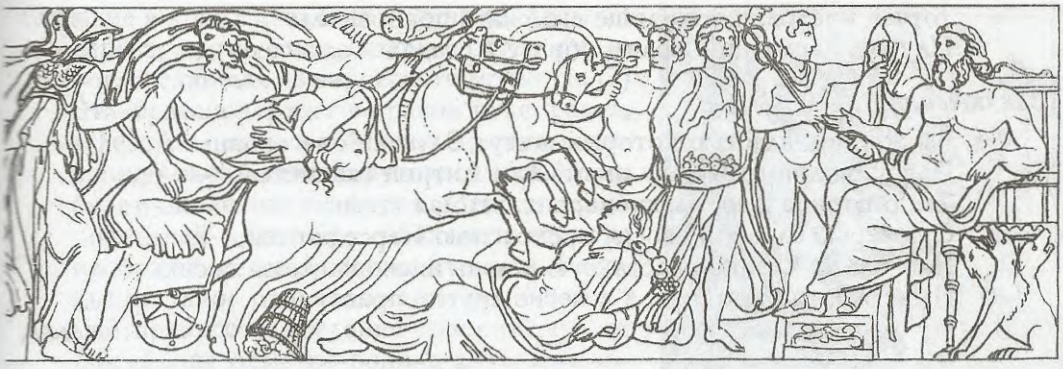
Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней,
Две остальные — со мною, а также с другими богами.
Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
Черную землю покроют, тогда из туманного мрака
Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.
.....
Также о том, как тебя обманул Полидегмон[5] могучий».
Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:
«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
После того, как Гермес-благодавец, глашатай проворный,
Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила, —
Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
Сунул зерно мне граната он в руку, сладчайшее вкусом,
И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство, —
Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.

Похищение Персефоны. Античный рельеф

Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
Также Мелита и Яхе, Родеия и Каллироя,
Тиха, Мелобосис и цветколикая с ней Окироя,
И Хризеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
Также Родопа, Плуто и прелестная видом Калипсо,
С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
Дева Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
Стрелолюбивая, — все мы играли, цветы собирали:
Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
Радуясь сердцем, цветок сорвала я. Земля исподнизу
Вдруг раздалася. Взвился из нее Полидегмон могучий.
Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
Хоть и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

[*Возвращение Деметры на Олимп*]

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
Радость взаимно они получали и радость давали.
Дева Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
Чистую дочерь Деметры в объятья она заключила.
С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Пышноволосую Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь
Почести ей даровать величайшие между бессмертных.
Постановил он, чтоб дочерь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
Быстро покинув вершины Олимпа, она ниспустилась
В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотоле,
Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,



Похищение Персефоны. Античный рельеф

Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порешила Деметра прекраснолодыжная. Вскоре,
С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно
Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуясь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:
«Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочерь твоя в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живоносные зерна немедля!»
Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленью буйной, цветами широкую землю одела
Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным:
С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,
Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею —
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства[6]. Святы они и велики. О них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.
Счастливы те из людей земнородных, кто таинства видел.
Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
С матерью вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.
Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:

Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.

[*Заключение*]

Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистый, —
Ты, о царица Део, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей, —
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню.
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

Б. МЕСТНЫЕ МИФЫ И КУЛЬТЫ

2. *a) Paus. VIII 15, 1—4 (Деметра в Аркадии)*

(1) Около храма Деметры Элевсинской находится известная Петрома [глыба] — два больших камня, искусно прилаженные один к другому. (2) Во время большого праздника Деметры эти камни раскрываются и из них вынимают писание, содержащее обряд богослужения. Это писание читается для посвященных, и в ту же ночь его опять кладут на прежнее место. Как мне известно, многие фенейцы[7] в важных случаях даже клянутся перед Петромой. (3) На этой Петроме находится круглая покрышка, в которой сохраняется личина Деметры Кидарии[8]. Когда наступает великий праздник, жрец надевает на себя эту личину и, по известному указанию, ударяет к подземным. [Ср. IL. IX 567 слл.] У фенейцев есть предание, что Деметра, когда искала дочь, приходила и в Феней, еще прежде Наоса, и кто из фенейцев принимал ее в дом и встречал гостеприимно, тем она подавала разные стручковые плоды, кроме бобов, — (4) а почему бобы считаются нечистыми, об этом у них есть особенное священное сказание. А принявшие богиню фенейцы Трисавл и Дамифал, по фенейскому сказанию, поставили под горой Килленой храм Деметры Фесмии и учредили праздник, который и теперь совершается. Этот храм находится не дальше пятнадцати стадий от города.

b) Paus. VIII 25, 4—10

(4) За Фельпусой Ладон[9] направляется к храму Деметры, что в Онкии, которую жители Фельпусы называют Гневной Эринией, как это подтверждает и поэт Антимах в описании похода против Фив, говоря: «Там есть святилище богини Деметры Эринии». А Онк был сын Аполлона и царствовал в Фельпусской стране, в местности Онкии. (5) А название Эринии дано Деметре по следующему случаю. Когда она ходила и искала дочь, за ней следовал Посейдон, который желал сочетаться с нею. Тогда Деметра превратилась в кобылицу и паслась с кобылицами Онка. Когда Посейдон увидел это, сам превратился в коня и сочетался. (6) Деметра сначала гневалась за это на Посейдона, но после успокоилась и омылась в реке Ладоне. От этого и произошли названия богини: Гневная [Эриния], — у аркадцев erinyein значит «гневаться», — и Лусия [«омовенная»], оттого что она омылась в Ладоне.

Стоящие в храме изваяния богини сделаны из дерева, кроме лица и конечностей рук и ног, сделанных из паросского мрамора. (7) Эта Эриния держит в правой руке факел, в левой — известный ящичек; статуя вышиною около девяти футов; статуя Лусии будет около шести футов. Относительно последней некоторые полагают, что это изображение не Деметры Лусии, а Фемиды; но такое предположение ошибочно.

Аид и Персефона. Рельеф из Локр. Терракота

Дальше аркадское предание говорит, что от Посейдона Деметра родила дочь, имя которой не сообщается непосвященным, и коня Арейона, (8) от которого аркадцы первые стали называть Посейдона «конным», и в подтверждение этого аркадцы приводят одно место из «Илиады», а другое из «Фиваиды». В «Илиаде» [XXIII 345 слл.] Нестор говорит своему сыну, что его не догонит никакой конь, даже если бы это был Арейон, бурный конь Адраста, порожденный от крови бессмертных. В «Фиваиде» поэт Антимах говорит, что Адраст бежал из Фив в печальной одежде на темно-синем Арейоне, из чего аркадцы заключают, что Посейдон был отец Арейона; но Антимах говорит, что он был сын Земли. (9) Вот эти слова: «Адраст, сын Талая Крифеева, первый из данаев погнал преславных коней, — быстрого Кера и Арейона фельпусского, которого родила сама Земля около рощи Аполлона Онкейского, на диво смертным». (10) Но и рожденный из Земли конь может иметь божественное происхождение и темно-синюю шерсть.

c) Paus. VIII 31, 1—2 (Деметра в Мегалополе)

(1) К западной стороне портика Аристандрии прилегает священная ограда Великих богинь, а эти великие богини — Деметра и Кора, как я сказал уже при описании Мессении [Paus. IV 1, 4], но аркадцы называют Кору Спасительницей.

(2) Перед входом находятся рельефы: Артемида, Асклепий и Здоровье (Гигиэя). Великие богини сделаны: Деметра — из мрамора вся, а у Спасительницы — части, покрытые платьем, из дерева. Величина каждой около пятнадцати футов. Эти статуи и находящиеся пред ними две маленькие девочки в хитонах, доходящих до пят, с корзинами на головах, наполненными цветами, — творения художника... Одни говорят, что эти девочки — дочери Дамофона, а другие, желающие видеть в них божественное, полагают, что одна девочка — Афина, другая — Артемида и что они с Персефоной собирают цветы.

d) Paus. VIII 37, 2—5 (Деметра и ее окружение в Мегалополе)

(2) Перед самым храмом стоят жертвенники Деметры и Владычицы, а за ними жертвенник Великой Матери, а сами богини, Владычица и Деметра, сидят на троне. (3) Эти статуи, трон, на котором они сидят, скамейка под ногами — все сделано из одного камня. Ни в одеждах, ни в рельe-

фах вокруг трона нет ни малейшей приставки из другого камня посредством железа или замазки: все сделано из одного камня. Аркадцы говорят, что этот цельный камень отнюдь не был доставлен сюда из другого места, но что вследствие сновидения его выкопали здесь же, в ограде. Величина каждой статуи равняется приблизительно величине находящейся в Афинах Матери [I 3, 5]. И эти статуи изваяны Дамофоном [IV 31, 6]. (4) Деметра в правой руке держит светильник, а левую протянула к Владычице; а Владычица левой рукой держит скипетр и на коленях известный ящичек, а правой придерживает ящичек [VIII 25, 7]. По сторонам трона стоят: около Деметры — Артемида, накинувши оленью шкуру, с колчаном на плечах (в одной руке держит лампаду, в другой — двух драконов), а около Артемиды лежит собака, из тех, что для охоты. (5) Перед статуей Владычицы стоит Анит, имеющий вид вооруженного мужа. Состоящие при храме говорят, что Владычица была выкормлена Анитом и что он сам был из Титанов.

е) Paus. VIII 42, 1—7 (Деметра на горе Элайе)

(1) Другая гора, Элайя, находится от Фигалии в тридцати стадиях. Там есть священная пещера, называемая пещерою Черной Деметры. Фельпусский рассказ о сочетании Посейдона и Деметры сходится с таким же фигалийским рассказом, но только фигалийцы говорят, что от Деметры родился не конь, а та, которую аркадцы именуют Владычицей. (2) После этого, говорят, Деметра, в гневе на Посейдона и в скорби от похищения Персефоны, надела черные одежды и удалилась в эту пещеру, где и оставалась долгое время. От этого все произведения земли погибли, а затем и большая часть людей тоже погибла от голода, между тем как никто из богов не знал, где скрывается Деметра. (3) Наконец Пан, когда пошел в Аркадию и стал охотиться по разным горам, пришел и на гору Элайю, заглянул в пещеру и увидел Деметру, — увидел, в каком она виде и в каких одеждах. От Пана узнал об этом Зевс и послал к Деметре Мойр. Тогда-то Деметра послушалась, оставила свой гнев и прекратила печаль. Вследствие этого фигалийцы считают пещеру священною и там поставили деревянную статую. А эта статуя сделана таким образом: богиня сидит на скале; во всех частях она представляет из себя женщину, кроме головы, а голова и волосы — лошадиные, (4) и к этой голове приросли драконы и другие животные. На ней хитон, доходящий до самых ног, в одной руке дельфин, в другой — голубь. Для чего они сделали такую статую, это для человека не недогадливого и понимающего древности, понятно; а черною назвали оттого, что она носила черные одежды. (5) Чье это произведение и по какому случаю оно сгорело, фригийцы не знают. Но когда не стало древнего изображения, а фригийцы не только не поставили нового, но еще прекратили праздники и жертвы, их страну постигло бесплодие; а когда они обратились в Дельфы, Пифия отвечала так:

(6) «Аркадяне, азаны — желудееды, обитающие в фигалийской глубокой пещере конеложной Дио! Пришли вы узнать причину и спасение от голода; одни вы — вторично номады, одни вы опять ищете пищи в лесах. Дио лишила тебя пастбищ, Дио лишила пастырей тучной травы, опять заставила питаться голодным, лишенная чести дедов и древних воздаяний. Скоро друг друга пожрете, детей поедите, если народными жертва-

Царство Плутона. Рисунок на вазе

ми мой гнев не смягчите, если божеской почестью не украсите глубокой пещеры».

(7) Когда в Фигалию был принесен такой ответ бога, фигалийцы стали чтить Деметру еще более, чем прежде, и предложили эгинцу Онату Миконову, за какую только хочет плату, сделать им изваяние Деметры.

f) Paus. IV 33, 4—5 (Деметра в Мессении)

Тут [в Карнасской роще] стоят статуи Аполлона Карнейского, Агны [Святой] и Гермеса, несущего барана, а именуется Святой Кора, дочь богини Деметры, и вода из источника протекает мимо ее статуи.

g) Paus. II 4, 7 (Деметра в Коринфе)

Храм же Мойр [богинь Судьбы] и храм Деметры и Коры заключает в себе изображения, которые не показываются.

h) Paus. II 14, 1—4 (Деметра в Флиунте)

(1) От города приблизительно в пяти стадиях [меньше километра] находятся Келеи; здесь каждый четвертый год, — а не каждый год, — совершаются таинства в честь Деметры. Гиерофант [главный жрец] выбирается здесь не на всю жизнь, но каждый раз на время от одного таинства до другого у них выбирается новый; если он хочет, он может иметь и жену. В этом они считают нужным поступать отлично от элевсинских обычаев, все же остальное в исполнении таинств есть подражание элевсинским; и сами флиасийцы согласны, что они подражают тому, что совершается в Элевсине. (2) Они говорят, что в их страну явился Дисавл, брат Келея, и установил эти таинства, что он был изгнан из Элевсина Ионом, когда Ион, сын Кадма, был выбран у афинян военачальником в

войне против элевсинцев. Но я не могу согласиться в этом с флиасийцами, будто кто-нибудь из элевсинцев, побежденный в сражении, должен был бежать и куда-нибудь удалиться, так как война афинян с элевсинцами окончилась мирным договором раньше, чем они вступили в сражение, и в Элевсине остался сам Евмолп. (3) Дисавл мог прийти сюда и по другой какой-либо причине, а не так, как рассказывают флиасийцы. Да, кроме того, он и не родственник Келею, как мне кажется, и вообще он не из знатных элевсинцев; иначе Гомер не пропустил бы упомянуть его в своих поэмах. Ведь у Гомера есть гимн в честь Деметры; в нем он перечисляет тех, кто был обучен богиней совершать таинства, но он не называет там никакого элевсинца Дисавла. Там говорится [Hymn. Hom. V 473 слл.]:

...Сама же, поднявшись, пошла к владыкам державным —
С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,
Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею, —
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства...

(4) Так вот, этот Дисавл, как говорят флиасийцы, установил здесь таинства, и он же дал стране название Келеи. Здесь, как я уже сказал, находится могила Дисавла. Но, конечно, могила Аранта была воздвигнута раньше: ведь и по сказаниям флиасийцев Дисавл прибыл позднее, а не в царствование Аранта. Флиасийцы рассказывают, что Арант был современником Прометея, сына Иапета, и на три человеческих поколения старше Пеласга, сына Аркада и так называемых в Афинах автохтонов [землеродных]. А на крыше так называемого Анакторона [Царственного храма] находится колесница, говорят — Пелопа. Вот что есть у флиасийцев наиболее достойного упоминания.

i) Paus. II 5, 8 (Деметра в Сикионе)

То, что рассказывают о Племнее, сыне Перата [сына Посейдона и Калхинии], мне кажется особенно достойным удивления: дети, рождавшиеся у его жены, тотчас же, как только начинали плакать, испускали дух; это продолжалось до тех пор, пока Деметра не сжалилась над Племнеем и, явившись в Эгиалею под видом чужестранки, не воспитала ему сына Ортополида.

j) Paus. II 11, 3 (Деметра между Сикионом и Флиунтом)

...Там [между Сикионом и Флиунтом] будет так называемая роща Пирея [Огневая] и в ней храм Деметры Предстательницы и Коры. Тут справляют свой праздник мужчины отдельно, а так называемый Нимфон [«девичник»] предоставляют для празднования женщинам. В Нимфоне находятся статуи Диониса, Деметры и Коры, у которых видны только лица.

k) Paus. II 22, 3 (Деметра в Аргосе)

Напротив этого памятника женщинам находится храм Деметры, именуемой Пеласгийской, по имени основателя этого храма Пеласга.

l) Paus. II 35, 4—7 (Храм и празднества Деметры в Гермионе)

(4) Особенно достоин описания храм Деметры на горе Проне [ср. II 34, 11]. Жители Гермионы говорят, что основателем его был Климен [II 35, 9], сын Форонея, и сестра Климена, Хтония. Напротив, по словам аргосцев, когда в Арголиду пришла Деметра, то Афера и Мисий приняли ее как

Прозерпина и Плутон

почетную гостью, Колонт же не принял богини в дом и не оказал ей никакого почета; но такой грубый его поступок был не по душе его дочери Хтонии. И оба получили по заслугам: говорят, Колонт за это сгорел в своем доме, Хтония же была перенесена Деметрой в Гермион и здесь воздвигла для гермионцев храм. (5) Поэтому и сама богиня называется здесь Хтония, и каждый год в летнюю пору они совершают в ее честь праздник Хтонии. Проводят они его следующим образом. Во главе торжественного шествия идут у них жрецы и те лица, кто занимает в этом году главные должности, за ними следуют женщины и мужчины. И даже детям предписано уже чтить богиню в торжественном шествии: они одеты в белую одежду и на головах у них венки. Эти венки плетутся из цветов, которые здесь называются космосандалом; по своей величине и окраске этот цветок кажется мне похожим на гиацинт [ср. Paus. I 35, 4; III 19, 5], и на нем также написаны буквы печали. (6) Торжественное шествие замыкают те, которые ведут лучшую, достигшую полного развития корову, взятую прямо из стада; она связана веревками, но все еще непокорна и рвется по своей дикости. Подведя ее к храму, одни, развязавши корову, стараются загнать ее в храм, другие же держат ворота храма открытыми до тех пор, пока ее не загонят; когда они увидят, что корова внутри храма, они запирают двери. Внутри храма остаются четыре старухи, которые должны зарезать корову; та, которой это удастся, серпом перерезает ей горло. (7) Затем двери отпираются, и те, кто этим ведает, вгоняют в храм вторую и третью корову, назначенные для той же цели, и еще четвертую. Старухи убивают их всех тем же самым способом. При этом жертвоприношении вот что удивительно: на какой бок упадет первая корова, на тот же обязательно упадут и остальные. У жителей Гермиона это жертвоприношение совершается так: перед храмом стоят немногочисленные статуи женщин, бывших жрицами Деметры; если войти в храм, то там стоят троны, на которых сидят старухи, ожидая, когда одна за другой будут вогнаны для них коровы, и не очень древние статуи Афины и Деметры. Той же статуи, которая почитается больше всех других, ни я не видал, и никто другой, ни иностранец, ни из числа жителей Гермионы; можно предположить, что одни только эти старухи и знают, что она собой представляет.

т) Paus. II 36, 7 (Деметра недалеко от города Аргоса)

Вернувшись опять на прямую дорогу [от Аргоса к Лернейскому морю], мы переходим Эрасин и приходим к реке Хеймарру. Рядом с этим местом находится ограда из камней, и говорят, что Плутон, похитивший Кору, дочь Деметры, в этом месте спустился в так называемое подземное царство. Лерна, как я указал в начале рассказа, находится у моря, и тут совершаются таинства в честь Лернейской Деметры.

Ср. Paus. II 37, 1.

n) Paus. IX 6, 5 (Деметра в Фивах)

Когда Филипп умер и власть над македонянами перешла к Александру, фиванцам вздумалось изгнать эту стражу. Им и удалось, но бог уже наперед указывал им приближающуюся гибель: в храме Деметры Фесмофоры явилось предзнаменование, совершенно противоположное тому, какое было пред сражением при Левктрах[10].

o) Paus. IX 16, 5

Храм Деметры Фесмофоры, по преданию, некогда был жилищем Кадма и его потомков. Статуя Деметры видна только по грудь.

p) Paus. IX 23, 3—4

В старости он [Пиндар] видел такой сон: пред ним предстала Персефона и сказала, что она одна из всех богов еще не воспета Пиндаром, но что Пиндар и для нее составит оду, когда явится к ней. Действительно, он скоро после этого умер, не прожив десяти дней после сна. В Фивах была старая родственница Пиндара, очень сведущая в песнопениях. Ей во сне явился Пиндар и пропел гимн Персефоне, а она, проснувшись, тотчас записала все, что во сне слышала из оды. В этом стихотворении между прочими эпитетами Аида встречается слово «златоуздый» — очевидно, намек на похищение Коры.

q) Paus. IX 31, 9

А растение нарцисс, я думаю, земля и раньше производила, если можно верить стихотворениям Памфоса. Этот поэт, живший гораздо раньше феспийского Нарцисса, говорит, что дочь Деметры была похищена, когда, играя, собирала цветы, но была обманута не фиалками, а нарциссами.

r) Paus. I 37, 2 (Аттика, — Фитал и Деметра)

Говорят, что в этой местности Фитал [«производящий растения»] принял в своем доме Деметру и что богиня за это дала ему отросток смоквы. Мой рассказ подтверждает надпись на гробнице Фитала:

Некогда здесь царь Фитал почтенную принял Деметру;
Тут она осени плод впервые герою явила:
Смоквой священной его род людской называет; за это
Род Фитала владеет всегда нестареющей славой.

Ср. Paus. I 38, 3. См. § 10 b.

s) Paus. I 38, 5 (Место похищения Коры)

Около Элевсина протекает Кефис; его течение здесь гораздо сильнее, чем выше; около него [одно местечко] называется Эринеон; и рассказывают, что когда Плутон похитил Кору, он спустился под землю в этом месте.

t) Paus. I 38, 6—7 (Ток Триптолема)

У элевсинцев есть храм Триптолема, есть храм и Артемиды Пропилеи [«хранительницы входа»], и Посейдона отца. Есть и водоем, называемый Каллихорон, где элевсинские женщины учредили первый хоровод и пели гимн в честь богини. Рарийское же поле, говорят, было засеяно первым и первым же дало плоды. Поэтому у них установлено пользоваться мукой с этого поля и приготовлять лепешки для жертвоприношения из продуктов с него. Там же показывают ток Триптолема и его жертвен-

ник. Описывать же, что находится внутри стен святилища, мне запретил виденный мною сон, а кроме того, ясно, что для непосвященных о том, на что им смотреть запрещено, и говорить им об этом не подобает. Героя же Элевсина, от которого город получил свое название, одни считают сыном Гермеса и Дайры, дочери Океана, а другими придумано, что Огигий был отцом Элевсина. Но эти древние сказания, не загроможденные генеалогиями и эпическими произведениями, ясно давали свободное поле для всяческих выдумок, и особенно в том, что касается родословных героев.

Ср. Paus. I 14, 3— § 5 b.

u) Paus. III 19, 4 (Деметра в Лаконике)

Далее на жертвеннике [в Амиклах] изображены Деметра, Кора и Плутон...

v) Strab. IX 4, 17 (Деметра в Локриде)

Есть здесь большая гавань и храм Деметры, в котором амфиктионы совершали жертвоприношения во время каждого собрания.

x) Strab. IX 5, 14 (Деметра в Фессалии)

Гор. Пирас... имел рощу и священный храм Деметры...

Персей пытается похитить Персефону из царства Аида. Фрагмент росписи краснофигурной амфоры Евфимида

B. ВАРИАНТЫ ОСНОВНОГО МИФА

3. a) Hes. Theog. 912—914 (Ядро мифа о Деметре и Коре)

После того он на ложе взошел к многокормной Деметре,
И Персефоной его белолокотной та подарила;
Деву похитил Аид у нее с дозволения Зевса.

b) Eur. Hel. 1301—1368 (Позднейшая версия о похищении Коры)

Мать блаженных, гор царица,
Быстрым лётом уносима,
Ни ущелий густолесых
Не забыла, ни потоков,
Ни морей о грозном шуме:
Деву дочь она искала,
Что назвать уста не смеют,
И звучали при движенье
Погремушки Диониса
И пронзительно и ярко!
А у гордой колесницы,
Близ ее запряжки львиной,
За царевною в погоню,

Что из светлых хороводов
От подруг похитил дерзкий,
Две богини мчались рядом:
Лук горел на Артемиде;
У Паллады меднобронной —
Острие копья и очи;
Но отец богов, взирая
С высоты небес, иные
Создавал в уме решенья.
И скитаньем быстролетным
Не напав на след коварный
Похитителя ребенка,
Утомленная богиня
Наконец остановилась.
Под Деметрою белела
Иды высь снеговенчанной...
Там среди обледенелых
Скал дает богиня волю
Жгучим приступам печали:
С той поры бесплодных пашен
Труд зелеными не делал.
Поколенья погибали.
Не дала богиня даже
Для утехи стад вздыматься
В луговинах травам сочным...
В городах явился голод,
И богам не стало жертвы,
Не пылал огонь алтарный,
Воды светлые умолкли.
Так упорно, безутешно
Мать Деметра тосковала.
Когда ж не стало больше пира
Ни у богов, ни у людей,
Проговорил владыка мира,
Смягчая злобу сердца ей:
«О прелесть мира, о Хариты,
Летите в выси снеговой
К богине, горестью несытой.
Вы мир вернете ей забытый,
О Музы, в пляске круговой»...
Тогда впервые Афродитой
Тимпан гудящий поднят был;
В утеху ей, тоской убитой,
Он проявил свой страстный пыл...
И улыбнулась Мать святая:
Коснулась звучных флейт рукой —
И милы ей они, взывая
К восторгу шумною игрой.
Тебя ж красавицей взрастила
В отца чертогах твоего

Церера Колоссальная. Античная статуя

Судьбы загадочная сила —
Ты прогневила божество:
Высокомерно не ходила
Ты к Матери на торжество...
О, что за мощь в небриде пестрой,
Небрежно спущенной с плеча,
В тебе, о тирс зеленоострый

Меж кудрей Вакхова плюща,
И в вас, крутящиеся диски,
И в вас, развитые власы
Вакханки, Нимфы, Сатириски,
И лунный свет, и блеск росы!
Но для тебя все боги низки,
Поклонница своей красы!..

4. a) Apollod. I 5, 1

Плутон, влюбившись в Персефону, тайно похитил ее при содействии Зевса. Деметра со светильниками днем и ночью ходила по всей земле в поисках за ней. Потом, когда она узнала от гермионцев, что Плутон похитил ее, она разгневалась на богов, покинула небо и, приняв вид [смертной] женщины, пришла в Элевсин. И прежде всего она присела у скалы, получившей от нее название Несмеяны, возле так называемого Прекраснохороводного колодца[11]. Затем она пришла к тогдашнему царю элевсинцев Келею. Женщины были тогда в доме и предложили ей остаться у них, а одна старушка — Ямба — своей шуткой рассмешила богиню. От этого-то, как говорят, на Фесмофориях женщины произносят шутки. У жены Келея Метаниры был младенец. Деметра взяла на себя его воспитание. Желая сделать его бессмертным, она по ночам клала его в огонь и старалась уничтожить в нем смертную плоть. Демофонт (так было имя мальчика) рос необыкновенно. Днем за ним ходила Метанира и, застав однажды, как он был спрятан в огне, закричала. Поэтому младенец погиб в огне, а богиня открыла себя.

Церера. Карфагенская монета

b) Hyg. Fab. 146

Плутон просил у Юпитера дать ему в жены Прозерпину, дочь Юпитера и Цереры. Юпитер ответил, что Церера не снесет того, чтобы ее дочь находилась в темном Тартаре, но посоветовал похитить ее, когда она собирает цветы на горе Этне, находящейся в Сицилии. Когда Прозерпина собирала цветы на этой горе вместе с Венерой, Дианой и Минервой, Плутон прибыл на четверке и похитил ее. Впоследствии Церера добилась у Юпитера того, чтобы ее дочь половину года была у нее, половину — у Плутона[12].

c) Ov. Fast. IV 417—618

Здесь надлежит рассказать, как похитили юную деву.
Будет не долог рассказ, — многое знаешь и сам.
Мысами, видел, тремя забегает Тринакрия в море.
Остров отсюда у нас имя имеет свое[13].
Любит Церера его, — в городах почитается многих,
Культ ее набожно чтит Генна[14] средь пышных полей.

[*Персефона собирает цветы*]

Раз Аретуза[15] к себе матерей пригласила небесных.
С ними Церера пришла к ней на торжественный пир.

Дочь в кругу сверстниц ее на поляне в то время резвилась.
Ножки босые ее мягкую мяли траву.
Есть среди горных высот с плодородною почвой долина,
Хмурая туча ее щедро поила водой.
Там было столько цветов, сколько их созидает природа.
Красками разных цветов всюду пестрели поля.
Дева, увидя цветы, закричала: «Спешите, подруги, —
Быстро букеты цветов наши наполнят платки».
Девушек сразу сердца увлекает такая работа;
И незаметно в труде быстро проходят часы.
Та тростниковую всю наполняет цветами корзину,
Эти в рубахи подол пестрые прячут цветы.
Любит одна ноготки, а другую пленяют фиалки,
Эта головку себе режет у мака ножом.
Той гиацинты милей, а другую влечет к амарантам.
Рвут полевые цветы — донник, лаврушу, чебрец.
Розу всё ищут себе, есть немало цветов безыменных,
А Прозерпине милей белые лилии, крок.
Так собирая цветы, далеко они в поле заходят...
И Прозерпина в глуши вдруг очутилась одна.

[*Похищение*]

Дядя увидел ее и красавицу в поле похитил,
Чтоб на лазурных конях в царство немое увлечь.
«Мама, уносят меня, помоги, дорогая!» — кричала
И поражала рукой девушка юную грудь.
Дию открыты пути, хоть коней непривычные очи
Не выносили совсем света дневного лучей.
Только наполнили все Прозерпины подруги корзины,
Звать ее стали: «Беги к нам за дарами сюда!»
Не отвечала она. И смутились в тревоге подруги,
Громко рыдая, свою грудь поражали рукой.

[*Церера в поисках дочери*]

Плач их Цереру смутил. И пришла она к Генне немедля.
«Где ты, несчастная дочь? Где ты?» — кричала она.
Ум помутился ее. Возбужденная, всюду блуждает,
Точно менада, когда ум затуманит вино.
Как по теленке ревет, от сосцов убежавшем, корова,
Всюду по рощам его ищет, тревоги полна,
Так и богиня везде по полям твоим, Генна, блуждает,
Слышатся всюду ее вопли тревожной души.
Девичий видит следок на полях ее маленькой ножки,
Он от давления ног врезался в почву земли.
Если бы стадо свиней те следы ее не разрыло,
В этот бы день удалось дочку Церере найти.
Вот миновала она Анисену реку, Леонтинцев,
Берег, поросший травой, твой, плодоносный Ацис;
Уж и Циена вдали и ленивые волны Анапы,
Гела, где волны, кружась, будто у бездны шумят.

Уж и Мегара вдали, и Ортигия, Пантачиена,
Где Симетея свои с морем сливает струи.
Где от печного огня закоптились Циклоповы гроты,
Где выступающий мыс форму имеет косы.
Тавроменон и Дидим, Агригент миновала, Гимеру,
С ними и Мелос твои с жертвенным стадом луга.
Уж миновала Тапсон, Камерин, Гелорийские степи,
И посетила она Эрикс, открытый ветрам.
Уж заходила в Пахин, в Лилибей и Пелориаду,
Там, где изогнутый мыс сушею в море ушел,
Где побывала она, всюду слышались вопли Цереры,
Точно по Итисе мать плакала птичка одна[16].
«Где Персефона? Где ж дочь моя?» — плачет Церера,
И бесконечно она те повторяла слова.
Всюду и матери дочь и Церере молчит Персефона,
И замирают ее в воздухе эти слова.
Спросит порой пастуха или в поле каком земледельца:
«Не направляла сюда дева какая шаги?»

[*Церера на колеснице с драконом*]

Вот уж вечерняя мгла покрывает все дымчатым цветом,
Вот умолкают везде верные псы-сторожа, —
Грозная Этна лежит на широких устоях Тифоэя,
Пламя которого жжет все, что находит вокруг.
Там зажигает она вместо факела сосны сухие
(В праздник ее и теперь факел горящий несут).
Есть там пещера одна из разъеденной водами пемзы,
Зверь даже дикий туда не заходил никогда.
В эту пещеру вошла, запрягла в колесницу драконов,
И полетела она в ней по широким морям.
Сирт миновала она и Занклееву также Харибду,
И морехода грозу — Сциллы чудовищных псов.
Видел ее и Коринф, Адриатики грозной пучина,
Аттики берег потом дал ей на время приют.

[*Элевсин; приглашение Келея*]

Полная грусти она здесь на камень холодный присела
(Греки его и теперь «Камнем печали» зовут).
Долго на воздухе тут просидела недвижно богиня,
Душу томили ее месяца свет и дожди.
Место имеет судьбу. Где теперь Элевсин Цереальный,
Некогда там, говорят, жил престарелый Келей.
Желуди нес он домой и дрова, чтобы вытопить печку,
Несколько ягод еще, что под кустами нашел.
Козочек двух со скалы его малая дочка сгоняла;
В доме в пеленках лежал сын его малый, больной.
Девочка молвила: «Мать!.. (слово «мать» взволновало богиню)
Что одинокая ты делаешь в этих горах?»
Тут же стоит и Келей (тяжела престарелому ноша)
И предлагает войти в домик убогий его.

Та отказалась. (Она теперь образ имела старухи.)
Просит Келей все. Тогда молвит богиня ему:
«С миром иди! Ты — отец, у меня же похитили дочку.
Видишь, насколько твоя доля завидней моей».
Молвит, роняя слезу (хоть небесные боги не плачут),
И упадают с очей ясные капли на грудь.

Прозерпина. Сицилийская монета

Плачут и дочь и отец, — их сочувствует нежное сердце.
Тут-то богине старик молвит такие слова:
«Сколь твое горе сильно, столь пускай будет дочь невредима.
Встань и не брезгай войти в хату простую мою!»
«Знал, чем меня убедить! — отвечает богиня. — Веди же!»
С камня встает и идет в хату за старцем вослед.

[*Исцеление Триптолема*]

Ей по пути говорил, как сынок его болен опасно,
Сна он лишился совсем и утомился от мук.
Прежде чем в хату войти, по дороге срывает богиня
Тут же на сельских полях мак, наводящий дрему.
Несколько мака крупин на язык положила, забывшись;
Тем утолила она голод мучительный свой.
Так как богиня сама только к ночи постить перестала, —
Пищу приемлют жрецы лишь с появлением звезд.
В хижину только вошла, на пороге увидела горе:
Крошку больного спасти не было вовсе надежд.
Тут же приветствуя мать (ее имя было Меланира),
Нежно целует она крошку больного в уста.
Бледность исчезла лица, появились немедленно силы;
Так воскрешать велика сила божественных уст.
Счастливы все: и отец, престарелая мать и дочурка.
Трое их вместе родных всю составляли семью.
Тотчас готовят обед из сметаны, и меду, и яблок,
Меда янтарного сок вынут из сот молодых.
Пищи богиня не ест... Чтобы сном успокоить ребенка,
В теплом ему молоке зернышки мака дает.

[*Призвание Триптолема*]

Полночь настала. Вокруг дремотой все живое объято.
Тут Триптолема берет крошку богиня на грудь.
Трижды погладив рукой, три стиха ему тихо шепнула.
(Смертным устам не дано эти стихи повторять.)
Мальчика тело затем в пепел горячий зарыла,
Чтобы очистить огнем грешное бремя земли.
Глупая, нежная мать, пробудившись от сна, ужаснулась.
Крикнула: «Что ты творишь!», тело отняв у огня.
«Не сознавая, творишь преступленье, — сказала богиня, —
Матери страх погубил этот божественный дар.
Смертным останется он, но пахать будет первым и сеять.
Первым пожнет и плоды в дар от богатой земли».

[*Новые поиски*]

Это сказавши, ушла. В облаках запрягает драконов
И улетает на них в дали Церера небес.
Уж позади Сунион и Пирея немая обитель,
К правому берегу путь свой направляет она.
Видит Циклады она и Эгейского моря равнину,
Вот Ионии волна и Икарийский залив.
Тянется вдоль Геллеспонт. К городам она Азии мчится,
Вверх подымаясь, летит вдаль по небесным путям.
Видит арабов она, собирающих ладан, индусов,
Ливия здесь, Мероэ, справа — Сахары пески.
К Рейну, Родану и По, к Гесперии подходит богиня,
Тибр, и к твоим берегам, влаги могучей отец.
Полно! Исчислить нельзя все Цереры блуждания земли, —
Нет на земле уголка, где б не бывала она.
В небе искала потом, средь холодного полюса знаков;
И запросила она звезд Паррасийских[17] семью:
«Звезды, вы знаете всё, Паррасийской девицы светила,
В море не прячетесь вы, не покидая небес.
Где Персефона моя? Укажите мне место, несчастной».
И на вопросы ее Гелика молвит в ответ:
«Ночь неповинна в грехе. Попроси ты совета у Солнца,
Что на обширном пути видит события дня».

[*Солнце открывает тайну*]

Солнце поведало ей: «Ты напрасно, Церера, хлопочешь;
Мира в руках ее треть, брата Зевеса жены».
Долго скорбела она и сказала потом Громовержцу
(А на лице у нее видны печали следы):
«Если ты помнишь еще, от кого родилась Персефона,
То половину забот должен принять на себя.
Землю я всю обошла и узнала обидчика имя.
За преступление он в дар мою дочь получил.
Не заслужила моя Персефона разбойника мужа,
Не заслужила и я зятя-злодея иметь.

Персефона-Кора. Римская копия с греческого оригинала

Если бы даже Гигес[18] победил тебя, пленной Церера
Разве терпела бы то, что при тебе я терплю?
Не покарай ты его; я виновнику мстить не желаю.
Пусть возвратит мне ее, этим загладив грехи.
Бог успокоил ее, оправдавши поступок любовью.
«Зятя ж такого, — сказал, — нам ведь не стыдно иметь.
Я не знатнее его; небеса моей власти покорны,
Брата второго — моря, третьего брата — Хаос.
Если решенье твое неизменно и ты захотела
Брата любовную связь эту навеки порвать,
То — обещаю тебе, если дочь сохранила невинность;
Если же — нет, то тогда будет Плутона женой».
Бог-жезлоносец гонец уже мчится на крылышках в Тартар.
Быстро вернувшись, сказал всё, что он видел в Аду:
Дева нарушила пост, как пунический плод[19] получила,
Три проглотивши зерна, скрытых под твердой корой.

Мать горевала тогда, точно вновь увезли Прозерпину.
Долго молчала она и заявила отцу:
«Жить мне одной в небесах невозможно без дочери ныне,
Пусть же тогда и меня примет Тенара[20] земля!»
Так поступила б она. Убедил же Цереру Юпитер —
Месяцев шесть в небесах дочери с матерью жить.
Ожила духом тогда, приговор услыхавши, Церера,
Вновь возложив на главу свой колосистый венок.
Вновь на забытых полях появилась обильная жатва,
И не вмещало гумно собранных в поле богатств.

d) Ov. Met. V 341—550 (Венера, Купидон и Дит; похищение Прозерпины)

Первой Церера кривым сошником целину всколыхнула,
Первой — земле принесла и плоды и покорную пищу,
Первой — законы дала: все живо дарами Цереры.
Буду ее воспевать. О, только б достойно богини
Песня пропелась моя! — богиня же песни достойна.
Остров Тринакрия был наброшен на члены Гигантов,
Грузом тяжелым его под землею лежащий придавлен
Древний Тифей, что дерзнул возмечтать о престоле небесном.
Все еще борется он, все время восстать угрожает.
Но авзонийский Пелор над правой простерся рукою,
Ты же над левой, Пахин; Лилибеем придавлены ноги,
Голову Этна гнетет. Тифей, протянувшись под нею,
Ртом извергает песок и огонь изрыгает, беснуясь.
Вечно старается он прочь бремя сбросить земное,
Телом своим раскидать города и огромные горы:
Вот и трепещет земля, и сам повелитель безмолвных
В страхе, не вскрылась бы вдруг, не дала бы зияния почва,
Свет не проник бы к нему, ужасая пугливые тени.
Царь, той напасти страшась, из хором своих сумрачных вышел,
На колесницу вступил и, черными мчимый конями,
Тщательно стал объезжать основанья земли Сицилийской.
Все осмотрев, убедясь, что ничто не грозит обвалиться,
Страх отложил он. Меж тем Эрикина[21] его увидала
С ей посвященной горы. И, обняв крылатого сына:
«Сын мой, оружье мое, и рука, и могущество! — молвит, —
Стрелы возьми, Купидон, какими ты всех покоряешь,
Быстрые стрелы направь в грудь бога, который последним
Жребием, данным Судьбой, над тройным восгосподствовал царством!
Горние все, и Юпитер отец, и боги морские
Власть твою знают, и тот, в чьей власти боги морские.
Тартару что ж отставать? Что власти своей и моей ты
Не расширяешь? Идет ведь дело о трети вселенной!
Даже и в небе у нас — каково же терпение наше! —
Презрены мы; уменьшается власть и моя, и Амура,
Разве не видишь: от нас и Паллада теперь, и Диана
Стрельница прочь отошли? И девствовать будет Цереры
Дочь, коль допустим: она такие ж питает надежды.
Ты же, — коль к просьбе моей ты не глух, — ради общего царства

Церера. Элевсинская монета

С дядей богиню сведи!» Сказала Венера. Амур же
Тотчас взялся за колчан, и стрелу, как мать повелела,
Выбрал из тысячи стрел одну, но острее которой
Не было, или такой, что лучше бы слушалась лука.
Вот свой податливый рог изогнул, подставив колено,
Мальчик и сердце пронзил закривленной тростинкою Диту[22].
Есть недалеко от стен геннейских с глубокой водою
Озеро; названо Перг; лебединых более кликов
В волнах струистых своих и Каистр едва ли услышит!
Воды венчая, их лес окружил отовсюду, листвою
Фебов огонь заслоня, покрывалу в театре подобно.
Ветви прохладу дарят, цветы разноцветные — почва.
Там неизменно весна. Пока Прозерпина резвилась
В роще, фиалки брала и белые лилии с луга,
В рвеньи девичьем своем и подол и корзины цветами
Полнила, спутниц-подруг превзойти устремляясь в усердьи,
Сразу ее увидал, полюбил и похитил Подземный.
Столь он поспешен в любви. Перепугана насмерть богиня,
Мать и подружек своих, — но мать все ж чаще! — в смятеньи
Кличет. Когда ж порвала у верхнего края одежду,
Все, что сбирала, цветы из рубахи распущенной пали.
Столько еще простоты в ее летах младенческих было,
Что и пропажа цветов увеличила девичье горе.
А похититель меж тем, по имени их называя,
Гонит храпящих коней, торопясь, по шеям и гривам
Сыплет удары вожжей, покрытых ржавчиной темной.
Мимо священных озер, и Паликовых, пахнущих серой[23],
Мчится он вод, что бурлят из прорывов земли; через местность,
Где бакхиады, народ из Коринфа двуморского, — древле
Стены воздвигли меж двух корабельных стоянок неравных.

[*Кианея*]

Меж Кианеей лежит и пизейским ключом Аретузой,
Там, где отроги сошлись, пространство зажатое моря.
Там-то жила — от нее происходит и местности имя —
Нимфа, в Сицилии всех знаменитее Нимф, Кианея.
Вот, до полживота над поверхностью водной поднявшись,
Деву узнала она: «Не проедете дальше! — сказала. —

Зятем Цереры тебе не бывать против воли богини;
Просьбой, не силою взять ты должен был деву. Коль можно
С малым большое равнять, — полюбил и меня мой Анапис,
Все ж он меня испросил, я в брак не со страха вступила».
Молвила Нимфа и вот, в обе стороны руки раздвинув,
Не пропустила. Сдержать не мог уже гнева Сатурний,
Страшных своих разогнал он коней и в бездну пучины
Царский скипетр, на лету закрутившийся, мощной рукою
Кинул — поражена, земля путь в Тартар открыла
И колесницу богов приняла в середину провала.
А Кианея, скорбя, что похищена дева, что этим
Презрено право ее, с тех пор безутешную рану
Носит в безмолвной душе и вся истекает слезами.
В воды, которых была божеством лишь недавно великим,
Вся переходит сама, утончаясь; смягчаются члены,
Кости уж можно согнуть, и ногти утратили твердость.
Что было тоньше всего, становится первое жидким, —
Пряди лазурных волос, и пальцы, и ноги, и стопы.
После, как члены она потеряла, в холодные струи
Краток уж был переход. Бока, спина ее, плечи
И ослабевшая грудь — все тонкими стало ручьями.
И наконец, вместо крови живой в изменившихся жилах
Льется вода, и уж нет ничего, что можно бы тронуть.
В ужасе мать между тем пропавшую дочь понапрасну
Ищет везде на земле, во всех ее ищет глубинах.
Отдых вкушавшей ее не видала Аврора с власами
Влажными, Геспер не зрел. В обеих руках запалила
Ветви горячей сосны, на Этне возросшей, богиня
И через росную тьму проносила, не зная покоя.
Снова, лишь радостный день затмевал созвездия ночи,
Дочь искала она, где Солнце заходит и всходит.

[*Поиски дочери. Юпитер*]

Раз, утомившись трудом, почуяла жажду, но нечем
Было ей уст освежить; соломою крытую видит
Хижину; низкую дверь толкнула; выходит старуха;
Видит богиню она и тотчас выносит просящей
Сладкого вкусом питья из поджаренных зерен ячменных.
Пьет Церера. Меж тем толстогубый и дерзкий мальчишка
Перед богинею стал, засмеялся и «жадною» назвал.
И оскорбилась она, и, еще не допивши напитка,
Мальчика вдруг облила ячменем, в воде разведенным.
Пятна впитались в лицо; где были у дерзкого руки, —
Выросли ноги; и хвост к измененным прибавился членам.
И в невеликий размер, — чтоб силы вредить не имел он, —
Сжался; он в ящерицу превращен был, малого меньше.
От изумленной, в слезах, пытавшейся чуда коснуться
Бабки бежал он и в норку ушел. И носит названье
В изобличенье стыда, и в крапинках все его тело.
Сколько богиня еще по землям блуждала и водам,

Трудно в словах передать. Весь мир был для ищущей тесен.
И возвратилась она в Сиканию; все озирая,
До Кианеи дошла. Кианея, не будь превращенной,
Все рассказала бы ей. Хоть нимфа сказать и желала,
Не было уст у нее с языком, чтобы вымолвить слово,
Знаки, однако, дала: очам материнским знакомый,
Павший в том месте как раз в святой водоем Персефоны
Пояс богине она на поверхности вод показала.

Прозерпина.
Сиракузская монета

Та, лишь узнала его и поняв наконец похищенье
Дочери, стала терзать без прибора висящие кудри
И многократно подряд ладонями в грудь ударяла.
Все же не знала, где дочь. Все земли клянет, называет
Неблагодарными их, недостойными дара богини.
Всех же сильнее клянет Тринакрию, где обнаружен
След был беды. Вне себя, богиня пахавшие землю
Плуги сломала рукой, предала одинаковой смерти
В гневе селян и волов, работников поля; велела
Нивам доверье людей обмануть и испортила семя.
Вот плодородье земли, достоянье широкого мира,
Сокрушено. В зеленях по полям умирают посевы;
То чрезмерный их дождь, то солнце чрезмерное губит;
Звезды и ветры вредят, и жадные птицы сбирают
Зерна лежащих семян; волчец, и куколь, и травы,
Невыводимы ничем, полонили пшеничные нивы.
Тут Алфейада главу из вод показала элейских,
И, отодвинув к ушам волос струящихся пряди,
Молвит: «О девы той мать, искомой по целому миру,
Мать урожаев земных, прекрати непомерные муки
И в раздраженьи своем не гневись на верную землю!
Не заслужила земля: похищенью открылась невольно.
Нет, не за родину я умоляю. Пришла я как гостья.
Родина в Пизе моя, происходим же мы из Элиды.
Я чужестранкой живу в Сикании. Все же милей мне
Всех она стран. У меня, Аретузы, здесь ныне Пенаты,
Здесь пребыванье мое: его пощади, всеблагая!

Двинулась с места зачем, как я под громадою моря
В край Ортигийский пришла, — рассказам об этом настанет
Время свое, когда от забот свободна ты будешь
И просветлеешь лицом. Для потока доступна, дорогу
Мне открывает земля; пройдя по глубинным пещерам,
Здесь я подъемлю чело и смотрю на забытые звезды.
Там-то, когда я текла под землею, в стремнине стигийской,
Я Прозерпину твою видала своими глазами.
Так же печальна она, с таким же испуганным ликом,
Но — государыней там великою темного царства,
Но преисподних царя могучею стала супругой!»
Мать при этих словах как каменной стала и долго
Поражена словно громом была; когда же сменилось
Тяжким страданием в ней беспамятство тяжкое, взмыла
На колеснице в эфир. И с ликом, тучами скрытым,
В негодованьи, власы распустив, пред Юпитером стала.
«Вот я, Юпитер, пришла молить тебя, — молвила, — ради
Крови моей и твоей. О, если ты мать не жалеешь,
Дочь пусть тронет тебя! Да не будет твое попеченье
Менее к ней оттого, что была рождена она мною.
Дочь я нашла наконец, которую долго искала.
Коль означает «найти» — утратить, вернее иль если
Знать, где она, означает «найти»! Прощу похищенье,
Лишь бы вернул он ее. Потому что грабителя мужа
Дочь недостойна твоя, — коль моею уж быть перестала!»
Царь ей богов возразил: «Для обоих залог и забота
Наше с тобою дитя. Но ежели хочешь ты вещи
Правильным именем звать, то это совсем не обида;
Наоборот, то — любовь. И зять нам такой не постыден.
Дай лишь согласье свое. Не касаясь иного, — не мало
Братом Юпитера быть! У него ж налицо и иное.
Жребием только своим меня он пониже. Но если
Так ты их жаждешь развесть, да вернется в эфир Прозерпина,
Но при условьи одном, — чтоб там никакой не вкушала
Пищи: Парками так предусмотрено в вечных законах».

[*Аскалаф*]

Молвил. И вывесть на свет Прозерпину решила Церера.
Но воспрепятствовал Рок. Нечаянно пост разрешила
Дева: она, в простоте, по подземным бродя вертоградам,
С ветви кривой сорвала одно из гранатовых яблок
И из подсохшей коры семь вынула зерен и в губы
Выжала; только один Аскалаф ее видел при этом, —
Тот, о котором молва, что его в дни оные Орфна,
Между Авернских сестер превеликой известности Нимфа,
В мрачных глубинах пещер своему родила Ахеронту.
Видел — и девы возврат погубил, жестокий, доносом.
Стон издала владычица тьмы, и отверженной птицей
Стал чрез нее Аскалаф: окропив флегетоновой влагой
Темя ему, придала клюв, перья и очи большие.

Он, потерявший себя, одевается в желтые крылья
И головою растет; загибаются длинные когти;
Новые перья едва непроворными зыблет руками.
Гнусною птицей он стал, вещуньей грозящего горя,
Нерасторопной совой, злополучным для смертных предвестьем.

е) Nonn. VI 1—146 (Деметра и Астрей; об Астрее см. «Теогония и космогония», «Система» § 26 а)

[*Деметра направляется к Астрею*]

Зевс не один эту страсть испытал; но и прочие боги,
Что населяли Олимп, испытали подобное жало,
Дщери богини Део предлагая приданое к браку.

Церера. Скирросская монета

Видя изменчивый блеск на лице ее нежно-румяном,
Скорбью терзалась Део и в глубинах ума волновалась.
Свой плодоносный покров, развязав, с головы уронила,
Пряди густые волос распустила свободно по шее
В страхе за чадо она; по щекам удрученной богини
Слезы невольно текли, и лицо увлажнялось Деметры,
Видя, как сразу Эрот, лишь единой стрелой зажигая,
Стольких уже женихов возбудил к состязанью слепому,
В жажде желанного брака соперничающих любовью:
Всех-то боялась кормилица-мать, но страшнее всех прочих
Было ей дочь свою замуж отдать за хромого Гефеста.
Быстро она направляет стопы свои к дому Астрея —
Демона предвозвещений; убранства лишенные пряди
Брошенных к тылу волос развевали причудливо ветры.

[*Прием у Астрея*]

Фосфор[24] приход возвестил ее; старый Астрей, как услышал,
Встал ей навстречу; в тот час он чертил свои вещие знаки,
Черную пыль бороздя, покрывавшую стол предсказаний;
Перекрутивши в спираль искривленный зубец из железа,
Изображал он четыре угла на пылающем пепле,
Подле же них рисовал треугольник он равноконечный.
Все это он отложил и поспешно приблизился к двери —

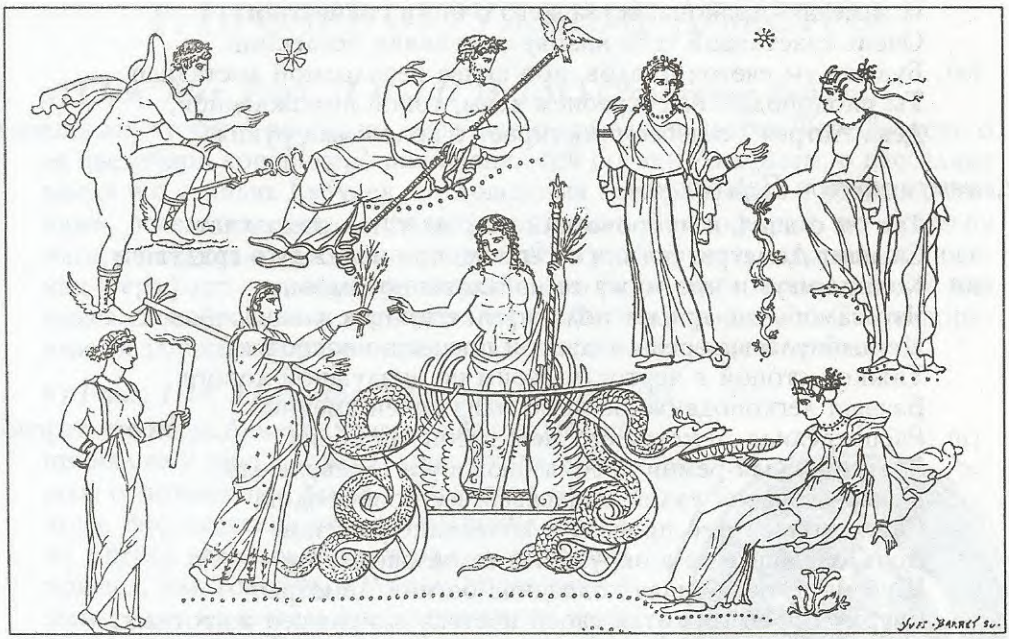
Встретить Деметру; когда они вместе входили в чертоги,
Геспер предшествовал им; там на трон усадил он богиню
Рядом с сиденьем отца. Соревнуясь в любовной заботе,
Ветры — Аэты, Астрея сыны, из кратера черпали
Нектар, богиню приветствуя кубком гонящим заботы;
Только Део отказалась от нектара, — так опьяняла
О Персефоне забота ее: ведь всегда одночадный
В трепет родитель впадает за детище — баловня чувства.
Сладкоречивый Астрей лишь с трудом отрицанья Деметры
Уговорил, овладев убежденьем, чарующим сердце.
Старец устроил ей пир надлежащий, чтоб все беспокойства
Сердце гнетущие Деи унять и рассеять за яством:
Четверо Ветров — Аэтов, ремни на боках опоясав,
С лаской служили отцу и богине, как верные слуги:
Эвр хлопотал у кратера и нектаром полнил их кубки;
Нот своей кружкой черпал к омовеньям готовую воду;
К трапезе приготовляя, Борей подносил амбросию;
Женский Аэт, Зефир, нажимая отверстия флейты,
Шелест цветущих весной тростников воплощал в ее звуках;
Фосфор сплетал венки, беря связки цветов самых пышных
Вместе со свежей листвой, увлажненной поутру росою;
Геспер, привычный огонь поднимая в светильнике ночи,
В пляске проворной ступней закружил свои ловкие ноги,
Двигаясь следом кривым: ибо Геспер — спутник Эротов
И устроитель плясок в переплетшихся свадебных хорах.

[*Просьба Деметры*]

Вскоре как кончился пир и богиня насытилась танцем,
Вся сотрясаясь от жала похитившей разум заботы,
О прорицанье спросила она, благосклонного старца
Левой рукой коснувшись колен умоляюще, правой
Тронув его подбородок, обросший длинной щетиной;
И, обо всех женихах своей дочери милой поведав,
Ищет оракул утешный себе: ведь пророчество муку
Может похитить тайком, зарождая надежду в грядущем.

[*Астрология Астрея*]

Не отказал ей старый Астрей, но, изведавши в меру
Правильный ход порожденья ей дочери единородной,
Точное время родов и период незыблемый Оры,
Встретившей жизнь, он пальцы согнул один против другого
В поисках внешнего круга тех чисел, что вновь возвратятся,
Руку к руке примеряя двойным сопряженным движеньем.
Тут по приказу его Астерион-служитель приносит
Гладкую сферу вращенья, подобье эфира, вселенной
Образ живой, и, подняв ее, ставит на ящика крышку.
Начал работу старик: напрягает он зренье, вращая
Оси полярный конец, совершая весь круг зодиака,
Глядя туда и сюда, — на недвижные звезды, планеты;
Полюс обратно кружит и в полете обильного вихря
У бесконечной меты их причудливый бег загибает:



Возвращение Прозерпины на Олимп. Рисунок на вазе

Хоры искусных светил завертелись в поддельном эфире,
Осью проколотом в центре; смотря на венец этой сферы,
Демон находит на ней, что Селена с ликом растущим
Уж пробежала своей кривизной сопряжение мимо,
А Фаэтон со встречной луной имел равную долю
И устремился к подземному центру; темнеющий конус
Всплыл высоко над землей и, поднявшись высоко навстречу
Солнечному Фаэтону, закрыл совершенно Селену.
Так наблюдая соперников всех по счастливому браку,
Больше всего он Арея искал — и его обнаружил
Там, где западный дом, в сочетании тайном с вечерней
Кипрогенеи звездой. Отыскал он и собственный жребий
Дщери богини Део там, где колос созвездия Девы:
Рядом бежала звезда Фаесфор дождевого Кронида.

[*Толкование Астрея*]

Вызнав созвездий круги и исчисливши их сочетанья,
Шар с его вечным вращеньем он запер в ларце углубленном,
Шар разноцветный, — и вот вопрошавшей оракул богине
Гласом пророческим он изрекает втройне предсказанье:
«О возлюбившая чадо Деметра, под конусом, скрывшим
Тенью своей незаметно лучи потаенной Селены,
Ты берегись жениха — похитителя для Персефоны,
Тайного вора твоей не познавшей стыда еще девы, —
Если послушные нити у Мойр: непредвиденно вовсе
Ты перед браком увидишь поддельного тайного мужа,
Что преисполнен звериным коварством: я вижу в средине
Западной части — Ареса развратного вместе с Пафийкой

И замечаю Дракона, встающего с ними совместно.
Очень счастливой тебя назову я: стихиям вселенной
Будешь ты светоч плодов, ибо почве бесплодной доставишь
Ты плодородье: над жребием девы, тобой порожденной,
Дева Астрея[25] с небес простирает с колосьями руки».

[*Деметра прячет Персефону*]

Так он сказал, и пророческий глас на устах замолкает.
Слышит Деметра, богиня с серпом, про надежду в грядущем
Колос иметь и про мужа ее избалованной девы,
Что самобытно придет похитителем против закона, —
И улыбнулась, и стон издает, и поспешно восходит
Тяжкой стопой к чертогам своим по воздушной дороге.
Взявши легкоподвижное ярмо близ яслей змеиных,
Распределила Деметра его меж гребнями обеих
Змей и надела ремни пресмыкающимся своевольным;
Криво-зубчатой уздой опоясавши им подбородок,
Светловолоса Део привела к колеснице ужасной
Дочь, затаивши ее в окруженье темнеющей тучи:
Шум на пути подняла колесница богини Деметры,
Сверху Борей грохотал своей плетью, смирявшей животных;
Легкие крылья драконов, проворных в дыхании утра,
В беге как кони богини стремившихся, взмыли в полете
К мысу, что гонит назад Океана Ливийского волны.
Слыша гудящую медь завыванья Диктейского эхо,
Критский хор миновав с далеко раздающимся ревом,
Круг его скачущих спин с кувыркающимися щитами, —
Смотрит богиня Део, где найти ей из камня жилище:
Вот опустилась она к Пелорийской скале Сикелии
На берегу Адриады, где токи неверные моря
К западу волны влекут и, серпом загибая, их снова
К Ливии гонят смещенные воды и в страны Борея.
Там, где стесненный поток омывается девой Кианой,
В водоворот ключевой изливая влюбленную влагу,
Видит богиня в соседстве пещеру размером с чертоги,
Всю окруженную камнем, прикрытую сверху горами,
Что увенчала природа ущельем, удобным к проходу,
С каменным ложем внутри, охраняемым Нимфой соседней.
Сквозь этот темный чертог проскользнула богиня Деметра
И в углубленье скалы затаила укрытое чадо.
Освободив своих змей от ярма колесницы крылатой,
Справа одну поместила Деметра, где выступ у входа,
Слева другую змею у конца каменистых устоев,
Как сторожей Персефоны, незримо укрытой в пещере.
Там же и дочери мамку оставила, Каллигенею,
Вместе с корзиной ее и со всем, что в работе над пряжей
Ловкой руками Палладой положено женскому роду.
Пешая в воздух богиня пошла, а свою колесницу
Гнутую Нимфам пустынной скалы охранять поручила.
Там с острозубым железа концом Персефона трудилась,
Пряжу чесала, и шерсть запасала, и прялку крутила...

Г. ПРОЧЕЕ ОКРУЖЕНИЕ ДЕМЕТРЫ

5. a) Clem. Alex. Protr. II 17, 1 (I 14, 1 St.) (Различные детали)

Хочешь ли, чтобы я рассказал тебе еще о срывании цветов Ферефаттою, о ее цветочной корзинке, о похищении сей богини Аидонеем, о расселине земли и о свиньях Евбулея, поглощенных землею вместе с обеими богинями, вследствие чего, справляя праздники Фесмофорий, по примеру мегарян спускают со дворов поросят? Эту сказочную историю похищения Ферефатты вспоминают женщины по различным городам более или менее своеобразными торжествами, то Фесмофориями, то Скирофориями, различным образом представляя это похищение в трагедиях.

b) Paus. I 14, 3 (Дисавл, Евбулей, Триптолем)

Церера

Говорят, что когда Деметра пришла в Аргос, Пеласг принял ее у себя в доме, а Хрисаитида, знавшая о похищении Коры, рассказала ей об этом. Впоследствии иерофант Трохил бежал из Аргоса вследствие вражды с Агенором и пришел, как говорят, в Аттику. Взяв себе в жены одну из жительниц Элевсина, он имел двух сыновей — Евбулея и Триптолема. Так рассказывают аргивяне. Афиняне же и те, которые это знают с их слов... — что Триптолем, сын Келея, первый стал сеять хлебные семена. Поется и поэма Мусея, — если только она принадлежит Мусею, — что Триптолем был сыном Океана и Земли, а в стихах Орфея, — хотя я лично думаю, что эти стихи не Орфея, — отцом Евбулея и Триптолема назван Дисавл, и что им, сообщившим Деметре о похищении ее дочери, богиня дала семена для посева. У афинянина Херила, написавшего драму «Алопа», сказано, что Керкиоп и Триптолем были братьями, что их родила дочь Амфиктиона, что отцом Триптолема был Рар, а Керкиопа — Посейдон. Когда я дальше захотел рассказывать и [перечислить] все то, что для истолкования [мистерий] находится в афинском храме, так называемом Элевсинии, делать это мне запретило видение во сне; то же, что можно согласно с божьим законом описывать для всех, я к этому теперь и перехожу.

Ср. Schol. Aristid. Parathon. 105, 11, p. 53 Dind.:

Деметра, узнавши от Келея [вм. Дисавла] и Триптолема о похитителе, вознаградила их дарованием [им] хлеба.

c) Clem. Alex. Protr. II 20, 1—21, 1 (I 15 St.) (Свобода полов в мистериях)

И ничего в том нет странного, что варвары тирренцы в воспоминание таких постыдных событий справляют праздничное торжество, когда и афиняне и вся Греция, — стыдно признаться, — рассказывают мифы про Дею, наполненные мерзостями. А именно: Дея, блуждая в поисках за своей дочерью Корой, утомленная, останавливается в окрестностях Элевсина

Церера. Античная статуя

[а местность эта в Аттике] и, опечаленная, садится при колодце. Посвященным это [садиться при колодце] даже поныне запрещено, чтобы празднующие не представляли собою подобия той, которая печалится. В Элевсине же жили тогда тамошние уроженцы, имена их: Бавбо, Дисавл и Триптолем; еще Евмолп и Евбулей. Триптолем был пастухом волов, Евмолп — пастухом овец, а Евбулей — свиным пастухом. От них

произошел греческий род Евмолпидов и кериков, служащий и поныне в этих святилищах. И когда потом (я не желаю молчать об этом), принимая богиню в качестве гостьи, Бавбо стала угощать ее кикеоном[26], а та отказывалась и не хотела пить, потому что была опечалена, Бавбо оскорбилась этим, приняв это за пренебрежение к ней; но потом, подняв одежды, она показывает богине срамные части тела. Та при виде их развеселяется, и хотя с сопротивлением, но наконец принимает напиток, испытав удовольствие от зрелища.

Таковы сокровенные мистерии. Это же начертывает и Орфей. Я тебе приведу эти его стихи, чтобы сам мистагог был для тебя свидетелем этого бесстыдства.

Так сказав, подняла одежду и весь показала
Неподходящий рельеф телесный. Мальчик же Иакх
С смехом его рукой теребил под талией Бавбо.
И когда улыбнулась богиня, в душе улыбнулась,
Пестрый сосуд она приняла, и в нем кикеон был.

Ср. Arnob. V 25 (196, 3 Reiff.) (почти буквальная передача вышеприведенного сообщения Климента и даже точный латинский перевод приведенных стихов).

d) Mich. Psell. ap. Leon. Allat. De Graecor. hodie quorundam opinat. ad Paull. Zacchiam Colon. Agrippin. 1645, 140 (frg. 53 Kern) (Бавбо)

...В орфических произведениях существует некая так называемая Бавбо, ночной демон, длинный по фигуре и теневой по своей сущности. Повествует об этом и философ Порфирий.

e) Strab. VIII 3, 14 (Минфа)

К востоку подле Пилоса возвышается гора Минфа, названная по имени женщины, которая изображается в мифах. О Минфе рассказывают, что она, будучи сожительницей Аида, была заменена Корою и превратилась в садовую мяту (minthe), которую некоторые называют hedysmos [растение с приятным запахом]. Подле горы находится храм Аида, чтимый макистиями, а также роща Деметры, простирающаяся над Пилосской равниной.

Strab. VIII 3, 5

Вблизи текут две реки: Далион и Ахеронт, впадающие в Алфей. Ахеронт так назван вследствие родства с Аидом. Действительно, здесь находились пользовавшиеся большим почетом храмы Деметры, Коры и Аида, — быть может, вследствие противоречий в природе, о которых говорит скепсиец Деметрий: Трифилия производит хорошие плоды, но также чернуху и тростник. Вот почему рядом с большим урожаем случается в этих местах голод.

6. a) Hymn. Orph. XVIII 12—15 (Плутон, — из гимна о похищении Коры)

См. «Подземный мир»*.

b) Hymn. Orph. XLIII 7—9 (Из гимна к Орам)

См. «Зевс и Гера», § 35 d.

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

c) Orph. Argon. 1191—1196

Гимн об этом слышал ты весь, Мусей многоумный,
Как Персефону, цветы что нежные некогда рвала,
Сестры забыли совсем в широкой роще великой,
Как затем Плутон в нее на конях темно-синих
Въехал, деву связав, по божественным Рока веленьям,
И, связавши, унес по волнам пустынного моря.

d) Hymn. Orph. XLI («Мать Антея»)[27]

О Антея, царица, богиня и мать многопета
И бессмертных богов и смертных всех человеков!
Некогда долго искала ты с многоблуждающей мукой
И прекратила свой пост в Элевсинских только долинах.
Ты и к Аиду пришла из-за славной Персефонеи,
Ты получила в вожди Дисавла чистое чадо,
Святость явившее ложа честного подземного Зевса.
Евбула ты родила в человеческих болях богиня.
Но, богиня, молю, молений многих царица,
К мисту, тебя почитающему, благосклонно прииди!

e) Hymn. Orph. XL (Гимн Деметре Элевсинской)

Многоименная Дея, всематерь, богиня и демон,
Детопитатель, Деметра святая, дарами обильна!
Всех одаряешь, источник богатства, растящая колос,
Радуясь миру и многотрудным работам. Друг ты
Сева, жатвы, гумен, плодам подающая зелень,
Ты в священных долинах живешь вблизи Элевсина.
Смертных кормилица всех, ты любима людьми и желанна:
Первая ты запрягла для паханья волов многосильных,
Людям желанную жизнь устрояя в обильном богатстве.
Матерь цветов, светлочтима, пируешь ты с Бромием вместе.
Летнего друг серпа, предносящая факел, священна,
Ты и земная, и всем ты являешься ласковым ликом.
Ты плодовита, святая, ты детолюбива и кормишь.
Ты запрягла колесницу с змеящимися удилами,
И хороводы вокруг твоего ликуют престола.
Единородна ты, многодетна, владычица людям.
Много имеешь ты форм, многоцветных, священно-желанных,
Шествуй, блаженно-святая, плодами тяжелая лета,
К нам приводящая мир и желанное благо законов;
Даруй богатство обильное вместе с могучим здоровьем!

f) Hymn. Orph. XXIX (Гимн Персефоне)

О Персефона, приди, дочь великого Зевса, блаженна,
Единородна, богиня, — угодные жертвы приемли.
Чтимая много, Плутона супруга, дающая жизни,
Добрая, держишь ворота Аида, что скрыт под землею.
С дивной косой, Праксидика[28] священное чадо Деметры,
Ты Евменид родила, ты всему под землею царица.
Деву, Зевс породил тебя таинственным родом.
Громкогремящего мать Евбулея, различного формой,

Сверстница Орам, несущая свет, блестящая видом,
Ты вседержитель, святая, плодами богатая дева,
Дивна сияньем, богата, одна лишь смертным желанна,
Вешняя, любишь ты ветры, что дуют с лугов. Ты святое
Тело свое обнаруживаешь в недозрелых росточках.
Осенью же похищаешься к ложу и вновь — молодая.
Жизнь ты и смерть единишь для смертных многострадальных.
Как «ферсефона», всегда ты несешь, но и все убиваешь[29].
Внемли, богиня блаженна, плоды возгони над землею,
В мире цветущая, в нежном здоровье и в благоприятной
Жизни, ведущей блестящую старость в то самое место,
Где ты, владыка, царишь совместно с могучим Плутоном.

7. a) Apollod. I 5, 2—3 (Периодическое возвращение Персефоны)

Старшему из сыновей Метаниры, Триптолему, она [Деметра] сделала колесницу с крылатыми драконами и дала зерна пшеницы, которые он рассыпал по всей вселенной, пролетая в небесах. Паниассис говорит, что Триптолем был сыном Элевсина; к нему будто бы пришла Деметра. А Ферекид называет его сыном Океана и Геи. Когда Зевс велел Плутону отослать наверх Кору, Плутон, чтобы она не оставалась долгое время у матери, дал ей съесть зерно гранатового яблока. Она, не предвидя того, что должно было случиться, съела его. Так как против нее свидетельствовал Аскалаф, сын Ахеронида и Горгиры, то Деметра в Аиде наложила на него тяжелую скалу. А Персефона каждый год должна была третью часть времени оставаться с Плутоном, прочее же время — вместе с богами.

Церера. Античная статуя

b) Paus. I 14, 2—3 (Триптолем)

См. выше § 5 b.

c) Hyg. Fab. 147 (Триптолем и учреждение празднеств)

Когда Церера разыскивала свою дочь Прозерпину, пришла она к элевсинскому царю, жена которого Коронея родила мальчика Триптолема, и приняла вид кормилицы с молоком. Царица охотно допустила эту кормилицу к своему сыну. Церера же, желая сделать своего воспитанника бессмертным, кормила его тем временем божественным молоком. Ночью же она тайно прятала его в огне. Так он возрастал вопреки обычаю смертных. Родители наблюдали за ней, удивляясь тому, что это так происходит. Но когда Церера захотела однажды бросить мальчика в огонь, отец сильно испугался, а та в гневе лишила Элевсин плодородия. Но она предоставила своему воспитанни-

ку вечный дар. Именно, она дала ему запряженную драконами колесницу для рассевания плодов. Разъезжая на них, он засевал весь мир плодами. А когда Триптолем вернулся домой, то Келей приказал его убить ради этого дара. Но, узнавши, в чем дело, он по приказанию Цереры передал Триптолему царство, названное им Элевсином по имени отца, и установил празднества Цереры, которые по-гречески называются Фесмофориями.

d) Paus. VII 18, 2—3 (Анфий)

(2) Патрейские археологи рассказывают, что первый здесь [в ахейских Патрах] жил автохтон Евмел и властвовал над немногими. Когда прибыл из Аттики Триптолем, Евмел получил от него хлебные семена, научился строить города и назвал новый город, от «орания» земли, Ароей.

(3) Однажды, когда Триптолем спал, сын Евмела Анфий запряг драконов в колесницу Триптолема и сам хотел сеять, но упал с колесницы и убился. Тогда Триптолем и Евмел в честь погибшего Анфия вместе заложили другой город, Анфию.

e) Hyg. Astr. II 14, p. 49 B (Гетский царь Кернабонт и Деметра)

Офиух, названный у наших писателей Anguitenens [«змееносец»], расположен над Скорпионом, держит в руках змею, охватывающую его тело посредине. Большинство говорит, что это был царь живущих во Фракии гетов, по имени Карнабонт. Он получил власть в то время, когда, по преданию, смертным впервые были переданы семена плодов. Щедро награждая людей своими дарами, Церера приказала Триптолему, кормилицей которого она сама была, наделить семенами всех, объезжая поля на колеснице с драконами (он, говорят, первый из всех воспользовался одноколкой, чтобы не задерживать езды), чтобы и сами они и их потомки легче расстались с диким образом жизни. Когда он прибыл к вышеупомянутому царю гетов, то сначала был им гостеприимно принят. Затем он подвергся злодейскому нападению не как пришелец-благодетель и невинный человек, но как жесточайший враг; готовый принести пользу другим, он чуть было не лишился жизни. А именно, после того, как один из упомянутых драконов был по приказу Карнабонта убит (чтобы Триптолем не имел надежды на устройство себе охраны из колесницы, когда заметит подготовку против себя козней), то, говорят, туда явилась Церера и вернула юноше отнятую у него колесницу, подставивши другого дракона, а царю дала немалое наказание за начатое злодеяние. Именно, Гегесианакт говорит, что Церера для напоминания людям изобразила Карнабонта при помощи звезд в момент удержания руками дракона, чтобы все при этом думали, что он его убивает. Он жил настолько без всякого удовольствия, что принял смерть как нечто для себя приятнейшее. Некоторые также говорили, что фессалийский царь Трион, намереваясь покрыть свой дом, разрушил храм Цереры, построенный в древности. За этот поступок он был поражен от Цереры голодом, так что после этого он, как полагают, уже никогда не мог насытиться никакими плодами. В самый последний момент перед концом жизни, когда перед ним показался дракон, он, претерпевший много зла, сам наконец лишил себя жизни и был по воле Цереры помещен среди звезд. Поэтому и до сих пор еще видно, что его охватывает дракон, так как он заслужил то, чтобы быть подвергнутым великому наказанию.

f) Diod. V 61, 2 (Фессалийский царь Триоп и Деметра)

Здесь [в Фессалии], вырубивши участок Деметры, Триоп употребил лес на постройку дворца, за что был ненавидим жителями и бежал из Фессалии...

g) Od. V 125—126 (Иасион)

Так Иасион был прекраснокудрявой Димитрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном.

h) Hes. Theog. 969—974 (Плутос — от Иасиона и Деметры)

Плутос-богатство рожден был Деметрой, великой богиней.
С Иасионом героем в любви сопряглась она страстной
В критской богатой округе на три раза вспаханной нови.
Бродит он, благостный бог, по земле и широкому морю
Всюду. И кто его встретит, кому попадется он в руки,
Тот богатеет и много добра наживать начинает.

i) Strab. VII, frg. 49

Обитали на острове Самофраке два брата, Ясион и Дардан. Но когда Ясион был убит молнией за оскорбление, нанесенное им Деметре, Дардан ушел из Самофраки, основал у подошвы горы Иды город, который назвал Дарданией, и научил троянцев самофракийским мистериям. Самофрака прежде называлась Самом.

j) Hyg. Astr. II 4, p. 38 Bunte

...Писавший о звездах Гермипп говорит, что Церера разделила ложе с Ясионом, сыном Фуска, почему он был убит молнией, как утверждает большинство [источников вместе] с Гомером. От них, как доказывает исторический писатель Петеллид Гнозий, родилось два сына, Филомел и Плутос. Говорят, что они не были похожи один на другого. Именно, ставший более богатым Плутос ничего не уступал из своего состояния брату. Филомел же под давлением необходимости купил двух быков на то, что имел, и первый смастерил повозку. Так он питался этим при помощи пашни и обработки полей. Его мать удивилась этим изобретениям и поместила его среди звезд с его пашней и назвала Боотом. От него, как говорят, родился Париант, назвавший по своему имени париев и город Парий.

Помона

k) Diod. V77, 1—2

(1) Говорят, что Плутос произошел от Деметры и Иасиона в Триполе на Крите, причем самое происхождение изображается двояко. Одни утверждают, что засеянная Иасионом земля, получившая соответствующий уход, произвела такое множество плодов, что те, кто это увидел, дал и специфическое имя такому множеству появившихся плодов, назвавши его Плутосом [«богатством»]. Поэтому и стало передаваться потомкам обладание богатством в случае приобретения больше того,

что надо. (2) По рассказам же других, ребенок от Иасиона и Деметры получил название Плутоса потому, что он первый ввел заботу о жизни, собирание и охрану имущества, в то время как до этого все относились небрежно к сбережению и старательному охранению накопленного имущества.

8. а) Callim. Hymn. VI (Гимн Деметре — наказание Эрисихтона)

[*Вступление*]

К вам нисходящей кошнице навстречу воскликните, жены:
«Радуйся, многопояща и многообильна, Деметра!»
К вам нисходящей кошницы (смотрите, неверные, долу)
Видеть нельзя никому, кто смотрит поверх или с крыши, —
Ни малолетним, ни женщинам, ни распускающим косу,
Так же, как тем, кто плюет натощак через губы сухие.
Геспер смотрел из-за туч, на возврате обычном склоняясь, —
Геспер, который один убедил утолить ее жажду
В поисках дочери следа, безвестно похищенной девы.
О госпожа, как могли тебя ноги нести до заката,
До чернокожих людей и до мест с золотыми плодами?
(Все это время Деметра не пила, не ела, не мылась.)
Три раза ты перешла Ахелой с серебристой пучиной,
Столько же раз переправилась ты через вечные реки,
Трижды бежала на Энну (красивого острова гору),
Трижды вблизи Каллихора источника долу сидела,
Грязная, в жажде. Не ела Деметра и не умывалась.
Нет, уж забудем о том, чем вызваны матери слезы.
Лучше сказать, как дала городам она благозаконье;
Лучше сказать, как впервые она хлебный колос в священный
Сноп научила вязать и волам вымолачивать зерна
В те времена, как учил Триптолем обрабатывать пашню;
Лучше сказать, как она, преступленья иных отвращая,
Раз обрекла голодать злосчастного сына Триопа.

[*Преступление Эрисихтона*]

В те времена населяли пеласги не Книд, но священный
Дотий, где рощу тебе посвятили, прекрасную видом.
Частые там дерева нелегко пропустили бы стрелы;
Высились там и сосна, и высокие вязы, и груши,
Чудные яблони были, вода из канавки сочилась
Чистая, будто янтарь. Полюбилось то место богине,
Как Элевсин, как Триоп, полюбилась как некогда Энна.
Демон, всегда благотворный, разгневался на триопидов,
После того как задумал дурные дела Эрисихтон.
Вышел он, взявши прислужников двадцать, — все в годах расцвета,
Роста огромного все, целый город разрушить способны.
Вооружил топорами их всех и секиры им роздал,
И дерзновенные двинулись быстро на рощу Деметры.
Тополь огромный там рос, достававший верхушкой эфира;
Нимфы нередко под ним затевали полдневные игры.
Первый упал он со стоном, другим подавая печальный

Церера

Знак, и Деметра, почуяв, что древо священное страждет,
В гневе сказала: «Кто рубит деревья прекрасные в роще?»
Тотчас взяла она образ Никиппы, которую город
Ей от народа как жрицу поставил, взяла в свои руки
Мак и венки и жреческий ключ возложила на плечи
И обратилась к злодею бесстыдному с кроткою речью:
«Чадо, что рубишь секирой богам посвященное древо?
Чадо, сдержися! Родителям многожеланное чадо,
Древо оставь, воздержи и прислужников, дабы Деметра,
Чью разоряешь святыню, не гневалась бы, как владыка».
Он же, взглянув на нее исподлобья, свирепей, чем львица
В муках родов на Тмарийских горах на охотника смотрит
(Взор таковой, говорят, всех свирепей бывает), ответил:
«Ты уходи, — не всадить бы в тебя мне секиру большую.
Я из деревьев построю большой себе дом, постоянно
В нем дорогие пиры для друзей я устраивать буду», —
Молвил юнец. Немесида же злые слова записала.
Неизреченно Деметра разгневалась; снова богиней
Ставши, стопами коснулась земли, а главою Олимпа.
Люди, узревши владыку, от страха уже полумертвы,
Бросились сразу бежать, оставляя в деревьях железо.
Дея других пощадила (подручные лишь господину,
По принужденью творили), хозяину ж злому сказала:
«Так-то, строй себе дом ради пиршеств, собака, бесстыжий,
Часто ты в нем будешь праздновать пир — до последнего часа!»

[*Казнь Эрисихтона*]

Сразу послала ему и жестокий, и тяжкий, и лютый
Голод, всегда ненасытный. В мучениях он истощался;

Сколько несчастный ни съест, ему столько же хочется снова.
Двадцать несли ему есть и двенадцать вино подносили.
Вместе с Деметрой дары приносить надлежит Дионису,
И Дионис обнаружил свой гнев совместно с Деметрой.
К предков стыду, Эрисихтон уже ни к обеду, ни к пиру
Выйти не мог, и к тому находили любые предлоги.
Раз Орменида[30] пришли приглашать его на состязанья
В честь Итонийской Афины; но мать за него отказалась:
«Нет Эрисихтона здесь, лишь вчера он отправился в Кранон
Требовать сотню быков возвратить». Приходила Поликса,
Мать Акториона (сына женить она приготовлялась),
Звать и Триопа и с ним Эрисихтона вместе на свадьбу.
Мать же печальная, слезы пролив, ей так отвечала:
«Будет Триоп у тебя; Эрисихтон же ранен кабаном
Около Пинда в долине, и девять уж суток лежит он».
Бедная чадолюбивая мать чего не измыслит!
Если кто звал пировать, — Эрисихтона не было дома;
Если кто в брак вступал, — Эрисихтон, мол, диском ушибся,
Или с коня он упал, или в Офрии[31] стадо считает.
По-настоящему он сидел дома и целыми днями
Все пожирал бесконечно; и злостный желудок ярился
Только по мере еды; и неблагодарные яства
Все поглощались впустую, как будто в морскую пучину.
Таял, как снег на Миманте, как кукла из воска на солнце;
Таял все больше несчастный, пока у него не осталась
Только лишь кожа на жилах одна да иссохшие кости.
Плакала мать за него, две сестры о нем тяжко стонали,
Мамка, что в детстве кормила, и верных прислужниц десяток;
Сам же Триоп свои старые руки подъял на седины
И призывал Посейдона, который, однако, не слушал:
«О лжеотец, посмотри на свое уже третье колено,
Коль от тебя я Канакой рожден эолийской: ведь жизнь я
Этому дал злополучному сыну. Когда б мои руки
Сами его погребли, пораженного вдруг Аполлоном!
Ныне ж чудовищный голод его на глазах пожирает.
Иль удали этот тяжкий недуг, или сам, его взявши,
Съешь, потому что запасы мои до конца истощились;
Стойла овечьи пусты, и в хлевах уже нету скотины,
И повара мои больше не могут обслуживать сына».
Вот уж и мулов пришлось отрешить от большой колесницы;
Даже пожрал он быка, что готовила мать для Гестии,
Даже коня боевого, несущего подвиги в битве,
Даже кота, перед кем трепетали зверьки небольшие.
Только пока это дело покоилось в доме Триопа,
Знали несчастье его одни стены домашних покоев;
После ж того, как пожитки в обилии зубы сжевали,
Царский потомок уже восседал на распутьях дороги,
Крохи проса и объедки, оставшиеся от обеда.

Деметра на троне

[*Молитва к Деметре*]

Пусть же не будет мне другом противный тебе, о Деметра,
Пусть не живет он со мной: мне враждебны дурные соседи.
Девы, гласите, воскликните, жены, познавшие роды:
«Радуйся, многопояща и многообильна Деметра!»
Как на четверке коней белой масти влечется кошница,
Так да придет к нам богиня велика и властью обширна,
Ясную весну неся, лето ясное, ясную зиму,
Позднюю осень, на будущий год сохраняя обилье.
Как без сапог и повязок мы шествуем стогнами града,
Так да имеем всегда невредимы и ноги и главы.
Как ликнофоры[32] корзины несут, что наполнены златом,
Так да и мы в изобилии златом всегда обладаем.
Не посвященные в таинства жены, ваш путь — к городскому
Лишь Пританею; а кто шестьдесят еще лет не достигли,
Следуйте к самому храму; кто старше еще, кто простерли
Руку к богине родов Илифии, томит кого недуг, —
Шествуйте все, пока ноги несут вас: таким ведь Деметра
Полностью дарует все, как до самого храма дошедшим.
Радость прими, о богиня, храни этот город в обилье,

В единомыслии; пусть на полях созревают посевы;
Скот пропитай, приноси нам плоды, и колосья, и жатву;
Мир сохрани, чтобы тот, кто пахал, свою ниву и жал бы;
Милость мне дай, многомольна, велика и сильна богиня!

b) Ov. Met. VIII 738—884 (Эрисихтон, Церера, Местра, — рассказ Ахелоя)

[*Преступление Эрисихтона*]

«И Автолика жена, Эрисихтона дочь, обладает
Даром таким же. Отец, презирая божественность Вышних,
На алтарях никогда в их честь не курил фимиама.
Он топором, говорят, оскорбил и Церерину рощу,
Будто железом нанес бесчестие древней дубраве.
Дуб в той роще стоял, с многолетним стволом, преогромный,
С целую рощу один, — весь в лентах, в дощечках на память,
В благочестивых венках, свидетельствах просьб совершенных.
Часто Дриады под ним хороводы на праздник водили,
Часто, руками сплетясь по порядку, они окружали
Дерева ствол; толщина того дуба в обхват составляла
Целых пятнадцать локтей. Остальная вся роща лежала
Низменно так перед ним, как трава перед рощею всею.
Но, несмотря ни на что, Триопей топора рокового
Не отвратил от него; приказал, чтоб рубили священный
Дуб. Но приметил злодей, что работники медлят, топор он
Вырвал из рук одного: «Когда бы не только, — воскликнул, —
Был он богиней любим, но когда бы самою богиней
Был он, коснулся б земли зеленою все же вершиной!»
Молвил. И только разить он секирою наискось начал,
Дуб содрогнулся, и стон испустило богинино древо.
Тотчас бледнеть и листва и зеленые желуди дуба
Начали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись.
А лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилася кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык, — из шеи крутой изливается алым потоком.
Остолбенели кругом; решился один святотатство
Предотвратить, отвести беспощадный топор фессалийца.
Тот поглядел: «За свое благочестье прими же награду!» —
Молвил; и, вместо ствола в человека направив оружье,
Голову снес — и рубить стал снова с удвоенной силой.
Вдруг такие слова из средины послышались дуба:
«В дереве я здесь живу, Церере любезная Нимфа.
Я предрекаю тебе, умирая: получишь возмездье
Ты за деянья свои, в утешение гибели нашей».
Но продолжает злодей; наконец, от бессчетных ударов
Заколебавшись и вниз бечевами притянуто, с шумом
Дерево пало и лес широко придавило собою.

[*Богиня голода*]

Сестры Дриады, своим потрясенные горем и горем
Рощи священной, пошли и предстали в одеждах печали

Деметра-Юнона

Перед Цереро́й, толпой: покарать Эрисихтона молят.
И согласилась она и, прекрасной кивнув головою,
Злачные нивы земли сотрясла, отягченные хлебом.
Мужа решила обречь на достойную жалости муку —
Ежели жалости он при деяньях подобных достоин, —
Голодом смертным томить. Но поскольку ко Гладной богине
Не было доступа ей, ибо волею Судеб не могут
Голод с Цереро́й сойтись, обратилась она к Ореаде
Сельской, одной из нагорных богинь, с такими словами:
«Некое место лежит на окраине Скифии льдистой,
Край безотрадный, земля, где нет ни плодов, ни деревьев;
Холод коснеющий там обитает, и Немощь, и Ужас,
Тощий там Голод живет. Войдет пусть Глада богиня
В гнусную грудь святотатца; и пусть никакое обилье
Не одолеет ее. Пусть даже меня превозможет.
А чтоб тебя не страшил путь дальний, возьми колесницу,
Также драконов возьми и уздой управляй в поднебесьи».
Тотчас дала их. И вот, на Цереро́иной мчась колеснице,

В Скифию та прибыла. На мерзлой горе, на Кавказе
Остановилась она и змей распрягла и сейчас же
Глада богиню нашла на покрытом каменьями поле, —
Ногтем и зубом трудясь, рвала она скудные травы.
Волос взъерошен, глаза провалились, лицо без кровинки,
Белы от жажды уста, изъедены порчею зубы,
Кожа тверда, и под ней разглядеть всю внутренность можно.
Кости сухие у ней выступали из согнутых бедер,
Был у нее не живот, а лишь место его; и отвисли
Груди, как будто они к спинному хребту прикреплялись.
От худобы у нее вылезали суставы, торчали
Чашки колен, пяты желваком выпирали огромным.
Издали видя ее, подойти не решившись, однако,
Передает ей богини слова; но, лишь малость помедлив, —
Хоть и была далеко, хоть едва лишь туда появилась, —
Голод почуяла все ж — и гонит обратно драконов!
В край Гемонийский спешит, в высоте, натянув свои вожжи.
Глада богиня тотчас, — хоть обычно она и враждебна
Делу Цереры, — спешит ее волю исполнить. Уж ветер
К дому ее перенес Эрисихтона; вот к святотатцу
В спальню богиня вошла и немедленно спящего крепко, —
Ночью то было, — его обхватила своими локтями;
В мужа вдохнула себя; наполняет дыханием горло,
В рот и по жилам пустым разлила ему голода муку.
Сделала дело свое и покинула мир изобильный,
И возвратилась к себе, в дом скудный, к пещерам привычным.

[*Голодные страдания Эрисихтона*]

Сладостный сон между тем Эрисихтона нежил крылами
Мягкими: тянется он к соблазнительно снящимся яствам,
Тщетно работает ртом; утруждает он челюсть о челюсть,
Мнимую пищу глотать обольщенной старается глоткой.
Но не роскошную снедь, а лишь воздух пустой пожирает.
Только лишь сон отошел, разгорается буйная алчность,
В жадной гортани царит и в утробе, отныне бездонной.
Тотчас всего, что земля производит, и море, и воздух, —
Требует; блюда стоят, но на голод он сетует горько,
С яствами требует яств. Чем целый возможно бы город,
Целый народ напитать, — для него одного не довольно.
Алчет все большего он, чем больше нутро наполняет.
Морю подобно, что все принимает земные потоки,
Не утоляясь водой, выпивает и дальние реки,
Или как жадный огонь постоянно питания алчет
И без числа сожирает полен, и, чем больше получит,
Просит тем больше еще и становится все ненасытней, —
Так нечестивого рот Эрисихтона множество разных
Блюд принимает и просит зараз: в нем пища любая
К новой лишь пище влечет. Он ест, но утроба пустует.
Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
Средства отцовские. Ты лишь один, о безжалостный Голод,

Не притуплялся внутри; не смирённое пламя пылало
В глотке его. Наконец все имущество кануло в чрево.

[*Дочь Эрисихтона Местра*]

Дочь оставалась одна, — не такой подобал ей родитель!
Нищий, он продал и дочь. Но она господина отвергла,
К морю она подошла и, простерши ладони, сказала:
«У господина меня отними, ты, который похитил
Девство мое!» — а Нептун обесчестил невинную деву.
И не отверг он мольбы, и, когда увидал ее шедший
Следом владелец ее, изменил ее бог, и в мужское
Деву обличье облек, и снаряды ей дал рыболова.
Видит ее господин: «О ты, что крючочек из меди
Малой приманкой закрыл и следишь за удой, — говорит он, —
Море да будет всегда для тебя безмятежно и рыба
Вечно доверчива, пусть, заглотнув лишь, крюк твой почует!
Девушка в платье простом, что стояла, растрепана, рядом
Здесь, на морском берегу, — ибо видел я сам, что стояла, —
Где она делась, скажи? Тут сразу следы пропадают».
Чувствует дар божества и что ставят вопрос ей о ней же —
Девушка; рада она и спросившему так отвечает:
«Кто бы ты ни был такой, — ты ошибся; с волны я ни разу
Глаз не сводил никуда; я всецело был занят уженьем.
Не сомневайся, поверь, — о, пусть мне помогою будет
В этом искусстве Нептун! — за время, пока тут сижу я,
Не появлялся никто и женщина здесь не стояла».
Он не поверить не мог и назад по песку удалился.
Так он, обманут, ушел; а к ней вид прежний вернулся.
Но, убедившись, что дочь принимает различные виды,
После отец продавал Триопеиду часто, — и дева
То кобылицей была, то оленем, коровой и птицей
И доставляла отцу беззаконное тем пропитанье.

[*Заключение*]

После ж того, как алчба достояние все истощила,
Только лишь сызнова корм доставляя лихому недугу,
Члены свои раздирать, зубами грызя, Эрисихтон
Начал и тело питал, уменьшаяся телом, — несчастный!
«Что о других говорю?! У меня самого же способность,
Юноши, тело мое изменять — в ограниченной мере:
То я таков, как сейчас, иногда же в змею обращаюсь,
То вожаком перед стадом иду, и в рогах — моя сила.
Были когда-то рога... А теперь одного из оружий
Лоб мой, как видишь, лишен...» — и за речью послышались вздохи.

9. а) Anton. Lib. XXIV (Аскалаб)

Исходив в поисках за дочерью всю землю, Деметра расположилась отдохнуть в Аттике. Мисма[33] дала приют изнемогавшей от палящего зноя богине и напоила ее отваром из ячменя и муки. (2) Разом выпила питье мучимая жаждой Деметра. Засмеялся при этом сын Мисмы Аскалаб и

велел подать ей снова глубокую лохань или бочку. В сердцах Деметра быстро плеснула в него остатком отвара, и мальчик превратился в пеструю ящерицу, ненавидимую богами и людьми. Она гнездится во рвах. Кто убивает ее, угождает Деметре.

b) Ov. Met. V 451—461

См. § 4 d.

10. a) Strab. IX 1, 12 (Элевсинские мистерии; Элевсин)

Далее следует город Элевсин, в котором находится храм Деметры Элевсинской и священное отделение, где совершаются таинства, начала которым положил Иктин; оно может вместить в себе количество зрителей в театре. Это — тот самый Иктин, который выстроил Парфенон в Акрополе в честь Афины, причем работами заведовал Перикл. Город входит в число демов Аттики.

b) Paus. I 38, 3 (Начало мистерий)

Когда была битва у элевсинцев с афинянами, то был убит афинский царь Эрехфей, убит был и Иммарад, сын Евмолпа; и вот они прекращают войну на следующих условиях: элевсинцы во всем остальном подчиняются афинянам, таинства же совершают только они одни. Священную службу богиням организуют Евмолп и дочери Келея.

c) Isocr. Paneg. 28—29 (Значение мистерий)

(28) Если Деметра пришла в нашу страну, блуждая после похищения Коры, и милостиво расположилась к нашим предкам в силу тех благодеяний, которые можно воспринять только одним посвященным, и если она одарила нас двойным даром, величайшим из тех, которые могут быть, — земледелием, виновником нашего звериного существования, и таинствами, участники которых обладают сладостными надеждами относительно конца своей жизни и всей вечности, то (29) наш город стал в этом не только предметом любви богов, но и сам проявил любовь к людям, так что, когда он стал распорядителем стольких благ, он из зависти не отказывал другим, но передал всем другим то, что сам получил.

d) Plut. frg. de an. VII, p. 23 Bernard.

Таким образом, мы говорим, что душа, возникшая там, погибает в смысле полной перемены и переиначивания, здесь же — об этом не знает, кроме тех случаев, когда она уже оказывается при кончине. Вот тогда-то она терпит ту же аффекцию, что и те, кто оргийствует в великих таинствах. Поэтому кончина (teleytan) и таинство (teleisthai) соответствуют одно другому и по слову и по действиям. Сначала — блуждания, изнурительное беганье туда и сюда, какие-то робкие путешествия по мраку вне освящения таинством. Затем, перед самым концом, — все ужасы, трепет, дрожь, пот и изумление. После этого — навстречу им дивный свет, и их встречают чистые местности и луга с звучанием, плясками и благословением священного слышания и святых видений. Тот, кто уже совершенный и посвященный, ставши свободным и отпущенным на волю, оргийствует здесь в своем круговом движении, увенчанный, и соприсутствует освященным и чистым мужам, наблюдая непосвященную нечистую чернь живущих здесь людей, которая не понимает и теснит себя самое в огромном навозе и тумане, пребывая в силу зла в страхе перед

Деметра на троне

смертью и в неверии в тамошние блага. Ибо оттуда во всяком случае можно понять противоестественность связи и соединения души с телом.

e) Soph. frg. 753

Трикраты счастливы
Из смертных те, кто, эти тайны видевши,
В Аид приходит, ибо там для них одних
Есть жизнь. Для прочих же все там лишь только зло.

f) Pind. frg. 137 ap. Clem. Alex. III 518 Str.

Но и Пиндар, говоря об Элевсинских мистериях, прибавляет: «Счастлив тот, кто, увидавши, сошел под землю. Он знает конец жизни, знает он и богоданное начало».

g) Ov. Fast. IV 389—416 (Цереалии, — праздники в честь Цереры 10—12 апреля)

Первая только заря на столицу великую взглянет,
Звезды погаснут и Феб Солнца расправит лучи,
Много увидим богов и большую процессию в цирк.

Лавра ища, побегут лошади, ветра быстрей.
Игры — Цереры святой. Объяснять их не нужно причины:
сны богини дары, всем и заслуги видны.
Раньше зеленой травой первобытные люди питались;
Травы тогда без трудов всюду рождала земля.
С дерна живого тогда обрывали веселую зелень,
И молодая листва их украшала пиры.
Желудь явился потом. Были смертные желудю рады,
Людям кормилец-дубок пищу богатую дал.
Лучше питаться людей научила впервые Церера:
Пищу полезнее им эта богиня дала.
Первая шеи быков под ярмо нагибала кривое,
Взрытую землю она Солнца открыла лучам.
Медь почиталась тогда — еще сталь была недрами скрыта.
(Лучше она бы всегда в недрах таилась земли!)
Мир, как, селяне, и вам, был приятен богине Церере.
Вам бы хотелось всегда прочного мира, вождя.
Чтите богиню свою, почитайте и хлебом и солью,
Ладан на старый алтарь бросьте с мольбою в огонь.
Если же ладана нет, зажигайте промасленный факел, —
Много не просит она, — мало, но чистое все.
Нож от быка отврати, подпоясанный бога служитель:
Полю он нужен; коли в жертву ленивых свиней.
Шею, что тяжет ярмо, не дерзайте рубить топорами, —
Дайте живому быку в поле работать всегда.

Ср. Stat. Theb. XII 270 слл. и Sil. It. XIV 239 слл.

Д. ЗНАЧЕНИЕ МИФА

11. a) Diog. L. VII 147 (Стоики: значение Деметры по Хрисиппу)

Деметру зовут как напряжение (diatasis — «сила») бога в отношении земли.

b) Philod. De piet. 11

...Деметра — земля и находящаяся в ней пневма.

c) Plut. de Is. et Os. 40

Но это подобно тому, что говорят стоики о богах. Это они... называют Деметру и Кору пневмой, которая проникает землю и плоды.

d) Plot. IV 4, 27 (Деметра — душа Земли)

См. «Гестия», § 4 a.

12. a) Cornut. 28

[Начало этой главы из Корнута о Деметре и Гестии одновременно см. «Гестия», § 1 g.]

...Зовется она [Гестия = Деметра] Деметрой в силу того, что она по образу матери все порождает и кормит, будучи как бы в том смысле, что и Земля, матерью или матерью Деей (Део) на том основании, что она

щедро позволяет людям делить (dateisthai) и разделять (dainysthai) и ее самое и то, что на ней (или deein, что значит «находить то, что ищешь»)... Деметра же, изображаемая в связи с произрастанием семян, выводится вполне своеобразно в венке из колосьев. Ведь это есть самое необходимое из того приятного, что доставляет людям ежедневное пропитание. Как повествуется, Триптолем элевсинский рассевал зерна по вселенной, когда Деметра возвела его на колесницу с крылатыми змеями. Кажется, он первый из древних увидел и понял, что какая-то богиня возвела обработку ячменя на более высокую ступень. Этим способом ячмень обмолачивается и отделяется от шелухи [путем подбрасывания в воздух]... Отсюда он получил название как обмолотивший (tripsas) ячменные зерна (oylas), а эти последние и есть ячмень. Элевсин — та местность, где они впервые были найдены. И Деметра называется Элевсинской оттого, что она пришла сюда впервые, приведя людей к истинно человеческой жизни. Рассказывается, что Аид похитил дочь Деметры — вследствие исчезновения семян на некоторое время в земле. Сюда присоединяется печаль богини и розыски дочери по миру. Нечто подобное выражает собою у египтян Озирис, которого ищет и находит Изида, и у финикийцев Адонис, поочередно проводящий шесть месяцев над землей и шесть под землей, причем этот Деметрин плод назван так от hadein [«нравиться»] людям. Его, как говорят, убил ударом [клыка] кабан, — потому, что свиньи, как всем известно, портят посевы, или потому, что имеется в виду зуб сошника, благодаря которому зародыш скрывается в земле. Распределение же таково, что Адонис остается равное время у Афродиты и у Персефоны, по высказанной выше причине. Назвали же дочь Деметры Персефоной ввиду того, что работа сопряжена с трудом (epiponon) и доставляет труды, или же потому, что трудом доставляется стойкость (hypomone). Постятся в честь богини или принося ей каким-нибудь частным образом начатки [урожая], или путем воздержания на один день от того, что она им дала, или путем принятия, с приходом богини[?], мер предосторожности против нужды: тем, что они сеют, они избавляются от собственной нужды, почему в момент посева они и справляют ее праздник. Весною же они приносят жертвы Деметре Зеленой, с играми и весельем, наблюдая, как

Церера. Античная статуя

весна зеленеет и подает им надежду на богатство. Отсюда и Плутос оказывается сыном Деметры. Ведь хорошо сказано:

Хлеб и ячмень, о дитя, наилучшее это богатство.

И жить в обилии — это враждебно голоду, что и имеет в виду Гесиод, когда говорит [Opp. et d. 298 сл.]:

.....Помни,.....
Перс, о потомок богов, — чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила.

Приносят Деметре в жертву беременных свиней — вполне характерно для данного случая — в ознаменование многоплодия, сбора хорошего урожая и доведения работ до конца. Приносят ей и маки с определенным смыслом: их округлая форма изображает фигуру шаровидной Земли, а неправильности формы — углубления и подъемы гор, причем внутренность их напоминает обилие пещерами и подземными ходами и производит бесчисленные семена, как и земля. Вследствие же обилия хлебных продуктов люди перестали иметь трудно добываемое и недоброкачественное питание, так что, вступая между собою в то или иное соглашение относительно размеров пашни и деля то, что произвела земля, они говорили, что Деметра по справедливости является для них водителем в законах и установлениях. Отсюда ее объявили Фесмофетом, т. е. как бы законодательницей, причем некоторые неправильно предположили, что [хлебный] плод называется thesmos [«установлением», «постановлением»]. Начали же справлять для нее мистерии, философствуя и радуясь одновременно и нахождению того, что полезно для жизни, и празднику, пользуясь этим как свидетельством того, что у них прекратилась взаимная борьба из-за необходимого и что они mysian, т. е. «находятся в сытости». Мистерии получили свое название, очевидно, отсюда (отсюда также Деметра называется у некоторых mysia) или же — оттого, что содержащее в себе какую-нибудь непонятность нуждается в исследовании (moseos).

b) Diod. V 2, 3—5, 2

(2, 3) Говорят, что Сицилия посвящена Деметре и Коре. Некоторые же из поэтов повествуют, что в связи с браком Плутона и Персефоны этот остров был подарен Зевсом невесте в качестве свадебного подношения. Наиболее надежные из писателей говорят, что издавна населяющие этот остров сиканы являются автохтонами, что вышеупомянутые богини впервые появились на этом острове и что он впервые стал выращивать хлебные плоды ввиду плодородия этой местности, о чем и славнейший из поэтов свидетельствует в таких словах: «Даже без посева и без пашни...» Именно, на Леонтинской равнине и по разным другим местам Сицилии до настоящего времени произрастает так называемая «дикая» пшеница. Вообще упомянутые плоды появились впервые во время разыскивания хлеба по всем землям вселенной до его нахождения. Было правдоподобно приписать первенство наилучшей стране. И согласно со сказанным можно видеть этих ищущих богинь больше всего почитаемыми у сицилийцев. (3, 1) Яснейшим доказательством того, что похищение Коры произошло на этом острове, говорят, является то обстоятельство, что эти богини установили на нем свое местопребывание ввиду своей особенной любви к нему. Произошло же похищение Коры, как повествуют,

на лугах у Энны. (2) Место это недалеко от города, но украшается фиалками и другими разнообразными цветами, и оно достойно богини. От благоухания произрастающих здесь цветов привыкшие к охоте собаки уже не могут, говорят, идти по следам, и им затруднено их естественное дыхание. Этот вышеназванный луг сам по себе ровный и весьма обилен водой, вокруг же него — возвышенность и со всех сторон обрывистая крутизна. Как кажется, он расположен посредине всего острова, почему его некоторые и называют пупом Сицилии. (3) Имеет он вблизи и рощи (и луга), и вокруг них низменности, и обширную пещеру с подземным ходом, расположенным к северу, через который, как изображают в мифах, Плутон совершил похищение Коры, прибывши на колеснице. Фиалки и те, что из прочих цветов испускают сверх всякого ожидания благоухание в течение целого года, остаются цветущими, доставляя и вообще прелестный и усладительный вид. (4) Рассказывают, что удостоенные вместе с Корой подобного же девства Афина и Артемида, будучи ее сверстницами, собирали с нею цветы и сообща готовили пеплос отцу Зевсу. Вследствие того, что они проводили время вместе и общались, все они особенно полюбили этот остров; и каждая из них получила в удел известную местность...

(4, 1) Подобно указанным двум богиням, и Кора получила в удел луга около Энны. Ей был посвящен большой источник в Сиракузии, по имени Киана. (2) Рассказывают, что произведший похищение Коры Плутон исчез на колеснице недалеко от Сиракуз и что он, расколовши землю, погрузился вместе с похищенной в Аид, а [на этом месте] поднялся источник под названием Кианы, у которого сиракузцы ежегодно справляют большое празднество и приносят жертвы, частные люди — меньших из жертвенных животных, общественно же погружают в озеро быков. Последнюю жертву ввел Геракл, когда, угоняя быков Гериона, обошел всю Сицилию. (3) Повествуют, что после похищения Коры Деметра, не будучи в состоянии найти дочери и воспламенивши факелы из кратеров Этны, обходила все части вселенной и тех из людей, которые ее лучше других принимали, она оделяла благодеяниями, давая взамен плоды пшеницы. (4) Ввиду же того, что афиняне радушнее всех приняли богиню, она их первых после сицилийцев одарила плодами пшеницы. За это тот народ особенно почитал богиню наилучшими жертвами и Элевсинскими мистериями, которые стали весьма знаменитыми для всех людей вследствие своего превосходства стариной и святостью. Многие же, перенявши в отношении хлеба радушие у афинян и раздавая семена соседям по стране, наполнили хлебом всю вселенную. (5) Сицилийцы же, первые принявшие участие в получении хлеба благодаря расположенности к ним Деметры и Коры, установили каждой из них жертвоприношения и празднества, и поставили для них эпонимов, и распределили по времени полученные дары. (6) Увод Коры они установили около того времени, когда происходит окончательная обработка урожая. И это жертвоприношение, это празднество они совершают с такой чистотой и старанием, с каким воздавать благодарение подобает людям, получившим наибольший дар из всех людей. (7) Временем же принесения жертвы Деметре они выбрали дни, в которые начинается посев хлеба. В течение десяти дней они справляют празднество, получившее название от этой богини, самое великолепное по роскоши устроения и — в подражание древней жизни их распоряд-

ком. У них обычай — в течение этих дней произносить непристойные слова во взаимных беседах на том основании, что опечаленная похищением Коры богиня засмеялась вследствие непристойности в речи.

(5, 1) Относительно похищения Коры, что оно произошло именно так, как мы выше сказали, свидетельствует большинство древних писателей и поэтов. Так, трагический поэт Каркин, много раз живавший по временам в Сиракузах и наблюдавший усердие тамошних жителей относительно жертвоприношений и празднеств в честь Деметры и Коры, помещает в своих произведениях следующие стихи [frg. 5]:

Есть сказ, что некогда Деметры дочь тайком
Плутон похитил по совету тайному
И в сумрачное погрузил нутро земли.
А мать в стремленье к дочери исчезнувшей
Пустилась в розыски по землям мира всем.
Земля ж Сицилия, огнем Этнейских гор
Полна, в потоках, недоступных для борьбы,
Стенала вся, и в скорби о девице той
Без хлеба гибнул вскормленный Зевесом род.
Вот почему богинь чтут до сих пор еще.

(2) Недостойно обойти молчанием обилие благодеяний, оказываемых людям этой богиней. Помимо изобретения хлеба она научила людей и его обработке и ввела законы, по которым они привыкли поступать справедливо. Говорят, что по этой причине ее назвали Фесмофорой [«носительницей установлений»]. Невозможно найти какое-нибудь другое благодеяние, большее, чем эти открытия. Ведь они обнимают и жизнь, и хорошую жизнь...

c) Diod. V 68, 1—69, 3

[Начало этой главы см.: «Теогония и космогония», «Система», § 28 n; «Гестия», § 2 j.]

(1) ...Деметра же, ввиду того, что хлеб произрастал с другими растениями как попало и людьми не признавался, первая и позаботилась об его обработке, и придумала, как его хранить и научила севу. (2) Этот хлеб она изобрела еще до рождения дочери Персефоны. После ее рождения и после похищения ее Плутоном она сожгла весь этот хлеб из-за вражды к Зевсу и из-за печали по дочери. После же нахождения Персефоны она помирилась с Зевсом и передала Триптолему сеяние хлеба, приказавши ему передать этот дар всем людям и научить работе по посеву. (3) Кое-кто утверждает, что она ввела и законы, по которым люди привыкли вести судебные дела между собою, и от этого они назвали богиню, передавшую им законы, Фесмофорою. Поскольку она стала причиной великих благ для людей, она получила самые отменные почести и жертвоприношения, а также торжественные праздники и собрания не только у греков, но и почти у всех варваров, приобщавшихся к этой культуре.

(69, 1) Многие спорят об открытии этого плода, утверждая, что богиня появилась у них первых и им объяснила его природу и его использование. Так, египтяне говорят, что Деметра — то же самое, что Изида, и что она первая принесла семена в Египет; если река Нил орошает равнины благовременно, эта страна приносит наилучшие плоды в соответ-

ственные времена года. (2) Афиняне же, хотя они и утверждают, что открытие этого плода произошло у них, все же удостоверяют, что он был доставлен в Аттику извне. И местом, которое впервые получило этот дар, они называют Элевсин, потому что семена хлеба, доставленные им, пришли из других мест. Сицилийцы же, населяющие священный остров Деметры и Коры, говорят, что естественно этому дару быть данным впервые тем людям, которые населяют любимейшую богинями страну. Ведь было бы нелепо считать ее самой плодородной страной случайно и не приобщать ее к указанным дарам богини, как не имеющую к этому никакого отношения и ничем не выдающуюся, в то время как с этим приобщением согласуется даже и похищение Коры на этом острове. Эта страна больше всего соответствует рассматриваемым плодам. В ней, по словам поэта,

Флора

Даже все без посева растет и без пашни,
Ячмень и пшеница...

Вот какие мифы рассказывают о Деметре.

ОБРАЗ ДЕМЕТРЫ У ОРФИКОВ

13. a) Procl. in Crat. 404 b, p. 92, 9 Pasqu. (Первообраз Деметры — Ночь)

Деметра, изливающая как всяческую жизнь, так и всяческую пищу, первообразом имеет Ночь, так как Ночь называется бессмертной питательницей богов; но это — в умопостигаемом смысле.

b) Procl. in Crat. 403 e, p. 90, 28 Pasqu. (Тождество Деметры с Реей)

Орфей отождествляет Деметру с Реей. Он говорит, что, поскольку она наверху существует вместе с Кроном и вне исхождения, она — Рея, а поскольку она производит и рождает Зевса, она — Деметра. В самом деле, он говорит:

Реею бывши сперва, — когда стала матерью Зевса,
Стала Деметрой она...

c) Procl. in Crat. 401 c, p. 80, 10 Pasqu.

По одному методу Орфей отождествляет Деметру с общим жизнерождением, а по другому — различает их. Так, он говорит, что, будучи наверху, она — Рея, а внизу с Зевсом она — Деметра. Ведь производимое подобно производящему и почти одно и то же.

d) Martyrium Theodoti Ancyrani et septem cum eo virginum Acta S.S. 18 maii, c. 24 d, e (IV, p. 160 Boll.)

Ведь ваш поэт говорит, что Зевс убил своего отца Кроноса и овладел своею матерью Реей и что от них родилась Персефона, которую он осквернил.

Он женился также на своей сестре Гере. И Аполлон овладел своей сестрой Артемидой, которую он осквернил на Делосе у жертвенника. Также Арес — Афродиту и Гефест — Афину.

e) Procl. in Crat. 404 b, p. 92, 14 Pasqu. (Деметра распределяет амвросию и нектар среди богов)

Первая — Деметра, и она распределяет ту и другую пищу среди богов, как говорит Орфей:

Слуг и служанок она приготовила быстрых, проворных,
Много амвросии лакомой, красного нектара много,
Также и светлые пчел создания, сильно жужжащих.

f) Procl. in Tim. 31 b (I 457, 14 D.) (Почему Кора — единородная?)

Слово «единородный» отображает монадическую причину и выясняет преобладающую сущность универса. Именно, богослов обычно называет Кору единородною, как владычественно стоящую во главе всего находящегося в мире и начало единородных живых существ. Неединородных устанавливает следующая за ней богиня [Деметра], поскольку они являются внеразумными. Единородной поэтому называет он Кору, хотя и другую божественность [Зевса и Плутона] производит он от тех же виновников [рождения], что и Кору.

g) Porphyr. De antr. nymph. 14, p. 66, 13 (Кора облекает небо покрывалом)

Тело — хитон для души, которым она одета, поистине удивительный на взгляд, обратишь ли внимание на его состав или на связь с ним души. Так и у Орфея Кора, которая есть покровительница всякого посева, называется ткачихою, ввиду того что древние называли небо покрывалом, как бы облачением небесных богов.

h) Procl. in Tim. 41 b, c (III 223, 3 D.)

Поэтому, стало быть, Орфей говорит, что животворная причина отдельных существ, пребывающая вверху и ткущая устроение небожителей, есть дева, как нетленная, и притом связанная с Зевсом, и остается в собственных покоях; но вышла из своего дома, оставляет незаконченным тканье, похищается, после похищения вступает в брак и, вступивши в брак, рождает, чтобы оживить то, что обладает чужой жизнью. Слово «незаконченный», по моему мнению, в приложении к ткацкому станку указывает на то, что мир, включительно до вечных живых существ, не закончен. Почему и Платон [Tim. 41 d] говорит, что единый демиург советовал многим ткать вместе с бессмертным и смертное, как бы напоминая нам, что завершение ткацкой жизни Всего есть умножение смертных, и изъясняя нам смысл орфического богословия и «незаконченных ткацких станков». Итак, божественное число имеет свою границу, и предел и есть конец.

i) Procl. in Tim. 23 d (I 134, 26 D.)

А самое крайнее, лучше сказать, есть покрывало, изделие ткацкого искусства, носящее изображение мировой борьбы и творческого чина, начиная с богини, эманирующей в мир, который богиня ткет вместе с отцом.

k) Procl. in Crat. 387 c, p. 22, 2 Pasqu.

Ибо она сама [Кора] и все окружение ее, когда она пребывает в вышних, говорят, ткет порядок жизни.

l) Damasc. 339 (II 200, 14 Rue. Add. 387)

Поэтому мы еще сначала скажем, что одни из богословов, исходя из божественного предания, называют это устроение «начальным», а великий Ямвлих провозглашает его «владычественным»... а новейшие [богословы] называют его «уподобительным». Наверное, они говорят это, исходя из упоминаемого у Орфея сверхмирного создания покрывала Корою, — на нем были вытканы изображения умозрительных видов, — и, очевидно, на основании сказаний.

Ср. Pherecyd. — «Теогония и космогония», «История», § 26 b; Tzetz. IL. 26, 18 (из Орфея):

Труд свой цветистый, не кончив, [покинула скоро] ткачиха.

m) Procl. in Crat. 404 e, p. 96, 13 Pasqu. (Кора и Аполлон)

Ибо велико общение этих двух цепей; я подразумеваю цепи Коры и Аполлона. Кора есть единичность средней триады начал и производит из себя живородные потенции. Аполлон же привлекает к единению солнечные начала, содержа в себе тройное начало. Как говорит изречение оракула [Kroll. De or. Chald. 36], солнечные начала получили пограничное существование вслед за живородным. Поэтому и у Орфея Деметра, передавая Коре царство, говорит:

Но, на цветущее ложе взойдя Аполлона, ты вскоре
Чад ему светлых родишь с пылающим солнечным ликом.

Как бы это могло быть, если бы не было полного общения двух божеств?

n) Procl. in Crat. 403 d, p. 85, 18 Pasqu. (Смысл отношений Коры с Зевсом и Плутоном)

Поэтому и богослов говорит, что высшие боги [Зевс и Плутон] вместе с Корой творят первое и последнее, а средний [Посейдон] без нее устроил производительное начало из своего владения. Почему и говорят, что Кора насилуется Зевсом и похищается Плутоном.

Ср. Hes. Theog. 912 и Hymn. Orph. LXX.

o) Procl. Theol. Plat. VI 11, p. 371, 11

Ведь сказание богословов, передававших нам в Элевсине святейшие таинства, гласит, что она [Кора] пребывает в вышних, в покоях матери, которые мать устроила ей в недоступных местах, изъяв их из [земного] мира. А внизу она властвует вместе с Плутоном над земнородными, заведует глубинами земли, возбуждает жизнь на крайних пределах Всего и дает возможность приобщаться к душе тому, что само по себе лишено жизни, а также мертвым. Потому-то и можно удивляться тому, что Кора живет с Зевсом и Плутоном, с одним, как говорят мифы, изнасиловавшим, а с другим, похитившим богиню.

p) Procl. in R. P. II 62, 6 Kr. (Толкование времени похищения Коры)

Осенняя пора года принадлежит Афродите. Ведь в эту пору происходит посев семян в землю, а это дело — Афродиты: соединять производительные силы и приводить к общению причину рождения. Поэтому и миф гласит, что Кора похищена в эту пору года, поскольку она стоит во главе жизнерождения всех остальных существ. Миф при этом прибав-

ляет, что она подверглась похищению во время вышивания изображения скорпиона, который появляется [на небе как раз] в середине этого времени года.

q) Procl. in Crat. 406 b, p. 106, 5 Pasqu. (Кора, Артемида и Афина)

Поэтому и Кора, соответственно Артемиде самой подобна Афине, как говорят, остается девою, а соответственно производительной потенции Персефоны она и производит и соединяется с третьим демиургом [Плутоном] и рождает, как говорит Орфей: «Девять дщерей голубоглазых и цветоносных...» В то же самое время Артемида и Афина всегда сохраняют девство в самом себе неизменным.

r) Procl. in Crat. 404 d, p. 95, 10 Pasqu.

Поэтому она называется Персефоною, особенно как живущая с Плутоном и вместе с ним приводящая в порядок крайние пределы Всего. И сообразно ее пребыванию в вышних говорится, что она остается девою и непорочною, а сообразно пребыванию в центре говорится, что она сочетается с Аидом и от него рождает находящихся в подземном мире Евменид.

Ср. Hymn. Orph. LXIX 8, LXX 2, XXIX 6.

s) Procl. Theol. Plat. VI 11, p. 370 (Двойственность чина Коры)

При двойственности чина Коры один проявляется в сверхмирном пространстве, где она, очевидно, соединяется с Зевсом и вместе с ним выставляет единого демиурга делимых вещей [Диониса]. Второй же, находящийся в мире, как известно, похищается Плутоном и оживляет крайние пределы Всего, которыми управляет Плутон. Оба этих чина совершенно выяснил нам Платон, связывая Кору то с Деметрой, то с Плутоном и называя ее супругой этого бога.

t) Hippol. V 20, 4, p. 12, 21 Wendl. (К символическому окружению Персефоны)

Есть у них учение о логосе, заимствованное от древних богословов Мусея, Лина и от введенного таинства и мистерий Орфея. Именно, сказание о матке, змее и шейке матки <...> есть мужской член, подробно изложено в вакхических гимнах Орфея. Это было освящено таинствами и предано люд<ям как> таинства Келея, Триптолема, Деметры, Коры и Диониса в Элевсине, — в аттическом городе Флиунте. Ведь раньше элевсинских мистерий существовали во Флиунте оргии в честь так называемой Великой Матери. Есть там галерея, а в ней до наших дней существует живописное изображение всех упомянутых сказаний. Многое изображено в этой галерее, о чем сообщает Плутарх в своих десяти книгах против Эмпедокла. На многих из них изображен и некий седой крылатый старец с напряженным членом, преследующий убегающую женщину, похожую на собаку. Над старцем надписано: «истекающий свет», а над женщиной: «Percephicola» [Персефона]. По-видимому, согласно учению сетиан, «истекающий свет» есть свет, а phicola — «темная вода», а расстояние между ними — гармония духа, помещающегося между ними. Название же истекающего света, как говорят, обозначает истечение света сверху вниз. Поэтому правдоподобно можно сказать, что сетиане совершают у себя оргии, близкие к флиунтским оргиям Великой Матери.

и) Hymn. Orph. XLII (Гимн к Мисе[34]*)*

Законодателя и фирсоносца зову Диониса,
В памяти чадо всегда призываемое Евбулея,
Вместе с священною Мисой, владычицей невыразимой,
Чистой, — мужа-жену, двойного решителя Йакха;

Флора

Ты наслаждаешься и в благовонном дому Элевсина.
Правишь таинства ты и во Фригии с матерью вместе,
Ты и на Кипре ликуешь с прекрасным венцом Кифереей.
Ты и в священных равнинах ночными огнями сверкаешь
С матерью вместе, всей в черном богиней Исидой священной
Вдоль по теченью Египта, и ты среди мамок-прислужниц.
Ныне гряди благосклонно, добром завершая заботы!

v) Hymn. Orph. LXXI (Гимн к дочери Зевса и Персефоны Мелиное[35]*)*

Я Мелиною зову, нимфу почвы, в шафранной одежде,
Около устьев Кокита рожденную Персефонеей
Достопочтенной на ложе священном Кроноиона-Зевса.
Совокупилась с Плутоном ты ложью и хитрым обманом,
Замыслом Персефонеи облекшись в двутелую кожу;
Утренним ты привиденьем безумными делаешь смертных,
Форм образец обнаруживая в необычных виденьях,
То появляясь, то вновь, как видение ночи, темнея,
С той и другой стороны подходя среди сумрака ночи.
Но умоляю, богиня, тебя, подземелий царица,
Скорбь от души отгони до пределов земли населенной,
Мистам являя свой лик благосклонно и благосвященно.

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИЙ

ТЕОГОНИЯ И КОСМОГОНИЯ *

I. ИСТОРИЯ

[1] Относительно этой первоначальной стадии Гесиодовой теогонии надо заметить, что ст. 118—119 не содержатся ни в каких цитатах от Платона до Стобея и являются, очевидно, позднейшей вставкой для объяснения ст. 120 и для предварения Тартара, вводимого внезапно в последующем (ст. 682, 721, 726, 736, 807, 822, 868, — хотя в ст. 119 стоит не Tartaros, но Tartara). Действующими являются Хаос и Гея, но не Эрот, о котором в дальнейшем нет никакого упоминания (в ст. 20 он уже не имеет ровно никакого теогонического значения). Также не играют никакой роли Эреб, Эфир и День (так — о смене Дня и Ночи в 748 сл.). Кое-что находим в дальнейшем только о Ночи (ст. 211 сл.). Таким образом, вся эта начальная стадия теогонического процесса производит впечатление какой-то непроработанной компиляции, в которой сам компилятор плохо разбирается и не знает, что делать с этим в дальнейшем.

[2] Любопытно отметить, что порождения Геи у Гесиода построены — явно, с сознанием — триадически. В этих стихах мы имеем первую триаду: Уран, Горы (место Нимф) и Понт (море). Почему Горы заняли место наряду с Небом и Морем (будучи на самом деле только моментом самой Земли), неизвестно. Может быть, это сделано ради триадической структуры мифов, в целях соответствия с последующей триадой Титанов, Киклопов и Сторуких. Об этих Горах в дальнейшем тоже нет ни слуху ни духу, в то время как Уран и Понт вступают с Геей в брак. Контраст с этой непонятной компиляцией составляют, например, Apoll. Rhod. I 500, 4 § 37 a), где тоже имеются «Горы», но там они появляются вполне на месте, уже после появления Земли и Неба, как оформление самой Земли.

[3] После четверной триады Титанов у Гесиода следует еще две триады Уранидов: Киклопы и Сторукие (ст. 139—150). Есть некоторый смысл в ученых мнениях, высказанных относительно позднейшего происхождения всей этой части, так как теогоническое место Киклопов и Сторуких, как чего-то более грубого, казалось бы, — раньше Титанов (как это мы и находим, напр., у Аполлодора). Однако этот вопрос сложный, в особенности если глубже вникнуть в значение самого образа Киклопов и Сторуких (ср. «Система», § 50 сл.). В связи с этим спорят в науке также и о том, низверг ли Уран и Титанов вместе с Киклопами и Сторукими, или только одних Киклопов и Сторуких.

[4] Эринии, Гиганты и Мелийские Нимфы — опять триада. Мелийские Нимфы — это нимфы, вооруженные ясеневыми копьями (melia — «ясень»). Почему они выдвинуты на такое почетное место, сказать трудно; и в дальнейшем о них нет никаких упоминаний. Невольно обращает на себя внимание глубокая идея Афродиты как квинтэссенции всего космически плодовитого, и притом на такой ранней ступени теогонического процесса.

Вслед за этим следуют отделы «Теогонии», которые мы здесь пропускаем, так как на своих собственных местах они будут иметь гораздо более яркое

* Дать настоящий комментарий на все материалы, приведенные в этом издании, значило бы написать еще несколько таких же томов, как этот. Поэтому от комментария в собственном смысле пришлось отказаться. Предлагаемые же здесь кратчайшие примечания затрагивают только незначительную часть того, что требовало бы разъяснения.

значение. Именно, отрывок ст. 211—232 обсуждает порождения Ночи, а ст. 233—336 — порождения Геи и Понта. С логической точки зрения второй отрывок (о порождениях Геи с своим младшим сыном Понтом) должен был бы следовать тотчас же после повествования об Уране и Уранидах (так как здесь — о порождениях Геи со старшим сыном Ураном); о порождениях же Ночи (кстати, сказать, партеногенетических) хотелось бы читать еще после ст. 125, где речь идет о детях Геи — Эребе, Эфире и Дне. Однако логика, по-видимому, не была основным руководящим принципом композиции «Теогонии». — О порождениях Ночи см. «Система», § 9, о порождениях Геи и Понта см. «Вода» (II том)*. Очень задерживает изложение и дальнейший отрывок о Титанидах (ст. 337—447), который нам естественно отнести в отдел о Титанах. И дальнейшее теокосмогоническое движение (после ст. 210) начинается только со ст. 448 (о Кроносе и Рее).

[5] Итак, Рея рождает Кроносу женскую триаду (Гестия, Деметра, Гера) и мужскую (Аид, Энносигей, — Посейдон тут еще не назван, — и Зевс).

[6] Судя по этому отрывку, Зевс освобождает только Киклопов. Отсюда как будто выходит, что Уран низверг в Тартар только Киклопов (и Сторуких), но никак не Титанов. — Далее следует рассказ об Иапетидах (ст. 507—616), который, в сущности, тоже отвлекает внимание от самого главного (см. «Зевс и Гера», § 19 а). Поскольку же он кончается триумфом Зевса, то в этом можно видеть некоторую подготовку к титаномахии (ст. 619 сл.), которая, конечно, должна бы следовать тотчас же за рассказом о детстве и юности Зевса.

[7] Обращает на себя внимание то, что Кронос, как здесь говорится, низвергает в Тартар на этот раз Сторуких.

[8] К титаномахии имеет отношение из предыдущего: зов Зевса на борьбу с Титанами (ст. 390 сл.) и освобождение Киклопов (ст. 501 сл.), — участие последних в титаномахии, впрочем, не очень ясно, — и освобождение Сторуких (ст. 617—663). Война идет 10 лет. Боги сражаются с Олимпа, Титаны — с Офра. Импозантные речи произносит Зевс к Сторуким (ст. 644—653) и один из Сторуких, Котт (ст. 655—663). До ст. 686 — подготовка к боям и самые бои. Далее следуют так наз. aristeia (подвиг) Зевса (ст. 687—712), очень яркая картина военной мощи Зевса, которую некоторые считают позднейшей вставкой, противоречащей тому основному факту титаномахии, что решающая роль в ней принадлежит Сторуким. Едва ли, однако, это предположение правильно. Автор «Теогонии», по-видимому, уже давно подготовлял этот труд о Зевсе. Так, он вставил в рассказ об Уранидах не относящийся туда эпизод о Киклопах (и Сторуких, ст. 139 сл.), которых он потом освобождает и заставляет передавать Зевсу громы и молнии (ст. 501 сл.). Эта помощь богам и со стороны героев в античной мифологии не редкость (таково, напр., участие Геракла в гигантомахии). Вообще же Гесиод использовал тут две версии такой помощи: миф о помощи Киклопов с их огненными орудиями и миф о Сторуких (стоящих ближе, кажется, к водной стихии) без всякого огня. Отрывок ст. 617—720 использует эту вторую версию и никакую другую; и есть все основания считать ее первоначальной. Что же касается первой версии, то Гесиод — ради полноты картины — внес в свою основную версию только некоторые черты, а именно ст. 139—146, 501—506, 687—712, не давши себе никакого труда спаять обе версии, более внутренне (может быть, только ст. 147 указывает некоторым образом на эту спайку, но она слишком общая). В результате этого сообщение об освобождении обеих групп ведется отдельно, для чего не было бы никаких оснований при общем единстве замысла поэмы.

Дальнейший отдел «Теогонии» ст. 721—819, посвященный, главным образом, описанию Аида (из него мы приводим тут ст. 721—735), содержит в себе также массу несообразностей. Они в свою очередь значительно отвлекают внимание, которое оживляется у нас только со ст. 820, т. е. с Тифонии.

---

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

[9] Тифона порождает опять-таки Гея в союзе с Тартаром (который до сих пор у Гесиода не выступал как личность). Неизвестно, тот ли это «Тифон», который в ст. 396 является мужем Ехидны. Ст. 823—835 дают яркое описание внешнего вида Тифона. Самая борьба (с 839 ст.) — с чертами, до того роднящими ее с титаномахией, что тифония производит впечатление просто дублета последней. Эпизод ст. 869—880 о Ветрах как порождении Тифона приводится нами в отд. о Тифоне («Система», § 58). Что эпизод о Тифоне есть позднейшая вставка, вне прямого плана поэмы, является почти общим местом в науке.

[10] Этот отрывок (ст. 881—885), не содержа в себе ни малейшего следа тифонии, непосредственно примыкает к ст. 735.

[11] Кроме этих фрагментов из Акусилая можно отметить и ряд деталей. Именно, Акусилай касался мифа о Титанах (frg. 4 Diels), об оскоплении Урана (frg. 28), об Ириде и Гарпиях (frg. 5), о Форкии и его потомстве (frg. 8), о Тифоне и Ехидне и тифономахии (frg. 6, 7, 37), об Аполлоне и Кабирах (frg. 39, 40).

[12] Мусея традиция (например, Plat. R.P. II 364 c, e) рассматривает в контексте орфической литературы, что для нас является почти что пустым звуком, ввиду недостаточности сохранившегося материала. И что представляла собой его «Теогония», неизвестно. Может быть, орфического происхождения суждение (67 A 4 Diels): «Все возникло из единого и в то же самое разрешается». Собранные у Дильса фрагменты говорят об истории молодого Зевса и титаномахии (B. frg. 1, 8), о любви Зевса и Астерии и о рождении Перса (B 16), о рождении Афины (B 12), Плеядах и Гиадах (B 19, 17, 18), о разделении Муз на древних и новых (B 15; см. «Аполлон», § 31 а).

[13] Kroll читает «два некоих», по-видимому, не понимая, что значит здесь «Титаны». Между тем рукописное учение здесь особенно драгоценно, так как оно вскрывает первичное значение титанизма — быть формой (в частности, и пространственной, как это здесь преимущественно) хаотической бесформенности.

[14] Тут неожиданно Кронос занимает обычное место Урана. С этим можно сравнить встречающееся у орфиков («Система», § 32 а) перенесение оскопления на Кроноса. Нет Урана и в орфически окрашенных теогониях из IL. XIV и Ферекида (см. ниже).

[15] Этот фрагмент напрасно отвергнут Дильсом. Диоскуры тут не что иное, как две половины Мирового яйца, Эон и Фюсис (ср. Orph. frg. 95: «И славные произведения Природы и неизмеримая Вечность...»).

[16] Эпименид представляет для нас смесь Гесиода, «Орфея» и Мусея. Интересную орфико-пифагорейскую атмосферу вокруг имени Эпименида дает нам рассказ о его пророческих снах у Max. Tyr. X, p. 110—112. Выведение из Воздуха и Ночи — Тартара и из всех трех начал Мирового яйца, во всяком случае звучит орфично (ср. у нас дальнейшую главу об орфиках). Эпименидовский Тартар заставляет вспоминать Мусея (§ 22 а), и едва ли тут имел значение Гесиод, у которого Тартар, как мы видим выше, имеет подчиненное значение. Скорее стих о Тартаре у Hes. Theog. 119 есть позднейшая интерполяция на основе полуорфического мусео-эпименидовского образа мыслей. Ср. у Diog. L. I 111: «Эпименид разрабатывал происхождение Куретов и Корибантов и «Теогонию» в 5000 стихах, постройку Арго и отплытие Ясона в Колхиду в 6000 стихах».

[17] Символ разнообразного оформления Земли. Ср. употребление пеплоса с таким же значением на Панафинеях (§ 29). Пеплос Геры и Диониса-Гелиоса встречаем также у Macr. Sar. 18, 22 (см. «Дионис»)*. «Крылатый» в отношении Гелиоса читаем у Mimnerm. frg. 112, 7. PLG.

[18] Так, по Диогену Лаэртскому, Ферекид начинал свою Теогонию. Для пояснения этого начала приведем Hermiaas Irr. 12: «Зен — эфир, Хтония — земля,

* См. вступительную статью *(А. А. Тахо-Годи)*.

Кронос — время, причем эфир — действующее [начало], а земля — страдающее; время же — то, в чем происходит возникновение». Ср. в этом же смысле Prob. Verg. Buc. p. 20, 30 K.

[19] Офион, или Офионей, по поздней орфической традиции, — один из Титанов. Mythogr. Lat. I 204 читаем: «Офион и у самых старых философов Океан, он же и Нерей, породил от старшей Фетиды [Евриномы?] Урана». По Преллеру, это — общее наименование для всех популярных мировых сил (Титаны, Гиганты, Тифон) змеевидной формы. Не иное находим и у Ферекида Сирского (§ 28), о котором у Philon. Bibl. ap. Eus. Praep. evang. I 10, 50: «Взял и Ферекид исходные пункты у финикийцев и богословствовал о так называемом боге Офионее и Офионидах».

[20] То, что Дамаский говорит (§ 39) об этой теогонии, представляет собой такую систему:

I. ОТЕЦ.
1. Отец: невыразимый принцип.
2. Потенция (или Возможность): Вода, Материя.
3. Ум: змеевидное Время, или Геракл, с Ананкой и Адрастеей.

II. ПОТЕНЦИЯ (Возможность).
1. Отец: влажный Эфир.
2. Потенция (Возможность): беспредельный Хаос.
3. Ум: туманный Эреб.

III. УМ.
1. Яйцо (рожденное Временем).
2. Возможность: «диада двух содержащихся в Яйце природ, мужского и женского, и множество находящихся посередине разнообразных сперм».
3. Ум: «бестелесный (двухтелесный, прекраснотелесный?) бог» (Протогон, Зевс, Пан).

Эту систему, приписанную у Дамаския «Иерониму и Гелланику», сам Дамаский не называет орфической. Но у нас имеется сообщение Афинагора (§ 42 a—c) о сходной теогонии, которая на этот раз приписана орфикам. Афинагор (§ 42 a) ничего не говорит о второй триаде, зато дает подробное сообщение о генеалогии после того, как Яйцо раскололось на Небо и Землю, рисуя (§ 42 b, c) ряд ярких образов. Климент Римский (§ 40 a) вносит важное разъяснение о появлении Яйца из Хаоса путем вращения и распределения стихий. Это дает возможность говорить и о Хаосе и о Яйце как о начале всего. В связи с этим имеет значение разъяснение Руфина (§ 40 b) о том, что Хаос — это есть тот момент самотождества, в котором совпадают все стихии, хотя по приведенной схеме Хаос соответствует категории dynamis, т. е. он тот первопринцип, который содержит в себе и момент всеобщего самотождества и всю стихию «динамического» развертывания (ср. положение Хаоса в рапсодической теогонии, напр., § 44 g).

Натуралистическая точка зрения стихий очень явственно сквозит в каждой категории в этой системе. В первой триаде отец, воплощаясь через «динамическую» Воду и Землю, тотчас же дает Хронос с характерным именем «Геракла», т. е. тут уже конкретно мыслится какое-то мифическое существо. Вторая триада, будучи диалектическим отрицанием первой, трактуется некоторыми учеными как идеальное. В отдельных изданиях так и находим: Эфир не noteron (влажный), а noeron (мысленный, смысловой). Но мы, вслед за Лобеком и Керном, сохранили чтение «влажный», учитывая именно натурализм всей концепции. Наконец, третья триада — не очень ясная. По-видимому (если не придавать особенно большого значения имени Геракла для «ума» первой триады), общий смысл устанавливаемой здесь диалектической эволюции сводится к синтезированию наиобщей стороны живого бытия, Времени, со стороной смысловой или, по крайней мере, хранящей в себе принцип смысловых оформлений, причем

именно только еще принцип (Эфир — Хаос — Эреб), в результате какового синтезирования — первое полное и цельное бытие, органическое (Яйцо, живое существо). В дальнейшем мы увидим, как рапсодическая теогония разъясняет все содержащиеся здесь недоговоренности.

[21] Наиобщая схема рапсодической теогонии дана в § 43. Ее можно воспроизвести в следующем виде:

I. ОТЕЦ.
1. Отец: Хронос — Время.
2. Потенция: Эфир, Хаос.
3. Ум: Яйцо.

II. ПОТЕНЦИЯ.
1. Отец: «зачинаемое».
2. Потенция: «зачинающее, — или в виде Белого Хитона, или Облака...»
3. Ум.

III. УМ.
1. Отец: Фанет.
2. Потенция: Эрикепай.
3. Ум: Метис.

Источник, содержащий эту схему, не очень ясен. О «потенции» второй триады Дамаский сам прибавляет: «Об этом среднем члене в разных местах философствуют по-разному». Кроме того, эта триада, рассуждает он, достигается тем, что сюда «примышляется многое другое, что уже нисколько не подходит к Орфею». Дамаскию кажется удобнее первую триаду считать, вообще говоря, Яйцом, третью же — как трехвидного бога, а вторую понимать как зародышевое состояние этого бога в Яйце. Этим, действительно, достигается определенная последовательность в развитии теогонического процесса. Мы бы сказали, что здесь устанавливается: 1) Яйцо само по себе, 2) Яйцо как трехвидный зародыш, 3) Яйцо расколовшееся, откуда и сам трехвидный бог.

Однако самое главное заключается здесь в смысловой трактовке всех этих категорий. Начинаем с первого члена первой триады. Это — *Время*. Как показывает § 44 а, теогония понимает под этим последнюю первопричину в пределах бытия. По-видимому, греки хотели тут выдвинуть творческую вечно живую основу бытия, не загружая в то же время этой основы никакими конкретными образами и существами. Далее, Время выявляет себя в *Эфире* и *Хаосе*. Об этих двух теокосмогонических потенциях мы только тут впервые получаем ясное представление, вскрывающее одну из тайн тысячелетнего античного образа. Оказывается, Эфир и Хаос противостоят один другому, как бытие и инобытие, как *предел* и *беспредельность*. Не будем, кроме того, забывать, что покамест речь идет только о самой последней глубине мирового бытия и еще нет оформленного космоса. Возникает первое оформление, и беспредельное отождествляется с пределом, становясь округлым по виду, и делается реальной потенцией всего живого, т. е. *живым-в-себе*, «аутодзон». А это и есть античное теогоническое *Яйцо* (§ 44 а), «аутодзон» позднейших философских систем, в основе которого содержится не что иное, как утверждение биологических основ жизни в виде яичного зародыша.

Из Яйца вылупливается триада первобожества: Фанет, Эрикепай и Метис. Чтобы понять эти триаду, надо иметь в виду орфическое и неоплатоническое разделение: noetos, noeros и noetos-noeros. Все три термина относятся к области чистого ума, т. е. совокупности всего того смыслового построения, которое появляется после оформления Хроноса через Эфир и Хаос. Этот ум сам для себя есть объект и субъект и соединение, тождество и того и другого: поскольку ум есть объект, предмет, он есть noeton, «умопостигаемое». Поскольку ум есть субъект, имеющий какой-нибудь предмет (т. е. прежде всего самого себя), он

есть «умозрительное». Наконец, он есть и то и другое вместе, так как предмет уже по самому тому, что он есть предмет, т. е. нечто — уже есть некий смысл и, следовательно, относится к сфере ума. Итак, Фанет есть первое умопостигаемое, самый предел умопостигаемого, его форма, его идеальная структура (§ 45 a). Это не сразу понятно, потому что мы привыкли все оформленное видеть только в чувственном, а все умственное представлять как нечто оформленное, фигурное, скульптурное, картинное. Отсюда Фанет и есть эта первая картинная фигурность чистого и универсального, бесконечного ума.

[22] Bentley предлагает читать: «в виде разорванного Хитона», привлекая Damasc. De prim. princ. 98 (I 253, 12 Rue.): «Разве также и Орфей не производит из Яйца и многочтимого Фанета при помощи раздрания облака, устанавливая эманацию в умопостигаемом?»

[23] Schuster читает вместо «Облако» — «скорлупа», «шелуха», «оболочка», понимая это как пояснение к «Белому хитону».

[24] Заметим, что тот же Гермий пишет (p. 122, 19): «Платон же взял возницу и коней не первый, но до него боговдохновенные поэты Гомер (IL. VIII 438), Орфей и Парменид (frg. 1, 1). Но поскольку они были боговдохновенны, это говорилось ими без [приведения] оснований. Ведь они говорили в исступлении». Ср. о крылатом Эроте у Аристофана (§ 32), о крылатом Протогоне в орфических гимнах («Система», § 24) и др.

[25] Последовательность божеств после Фанета изображается в разных источниках по-разному. В § 47 a мы имеем: Фанет, Уран, Кронос; в § 47 c — Эрикепай, Ночь, Уран; в § 47 d — Фанет, Эрикепай, Ночь, Уран; в § 47 e — Фанет, Ночь, Уран, Кронос, Зевс, Дионис; в § 47 f — Фанет, Ночь, Уран, Эфир, Зевс; в § 47 i — Уран, Кронос, Зевс, Дионис. Мы не можем входить здесь в анализ всех этих источников, потому что достижение полной ясности в этих вопросах требует довольно пространных аргументов. Мы только укажем, что указанные две методологические триады (отец, потенция и ум; умопостигаемое, умозрительное и умопостигаемое-умозрительное) применяются рапсодической теогонией решительно везде. Так, с этим совпадает, прежде всего, триада Фанет, Эрикепай и Метис. В Метис можно наметить тоже такую же триаду (§ 46). После этой основной триады: Фанет, Эрикепай и Метис — следуют триады других богов, из каковых триад наиболее ясной является, кажется, триада *Урана*, *Кроноса* и *Зевса*. Метис (совет) в области чистого ума есть наиболее оформленное живое. Фанет — это первый очерк, самая структура ума; Эрикепай наполняет ум творчеством, заливает умной материей; Метис возвращает эту материю ума к ее первообразу, Фанету, и тем достигает полного оформления «живого-в-себе», т. е. живого ума. То же и далее. С Ураном живой ум переходит к творчеству того, что вне ума, к инобытию. И вот *Уран* — это первый смысловой очерк инобытия, Небо; *Кронос* наполняет этот небесный ум жизнью, творчеством, ускользая от Тартара, т. е. от бесплодного и бессильного забвения, — заставляя его остановиться в своем неугомонном, все дальше и дальше растущем оформлении (оскопление Урана), т. е. Кронос приостанавливает распространение вширь и наполняет умственным содержанием уже достигнутые раньше пределы ума; наконец, *Зевс* совмещает в себе и творчество вширь и творчество вглубь, для чего ему надо вновь ограничить творчество вглубь (оскопление Кроноса) и частично вернуть силу Урану (использование Киклопов). Зевс поэтому есть уже душа *чувственного мира*, данная, однако, в аспекте своих смысловых оформлений, так что он живой ум и творческая душа всего космоса в целом (в то время как прочие боги есть то же самое для отдельных моментов космоса). Вот в чем сущность этой интереснейшей стадии античной теогонии. Важно усвоить только ее общие тенденции; детали же должны быть фиксируемы в специальных исследованиях.

II. СИСТЕМА

[1] Что этот конус надо понимать астрономически, показал Дильс. Ср. приводимый нами непосредственно за этим текст из Клеомеда.

[2] Место испорченное. Перевод с поправкой Абеля. По Керну: «Она властвует над богами».

[3] Трудное, испорченное место.

[4] Это место совсем непонятно. Шенье (Chaignet) предлагает nooynta (bython) заменить на nooyntas, относя это причастие к theyos. Тогда получается: «боги знают эту бездну, *когда* они ее мыслят», или — «тем, что они ее мыслят». Может быть, nooynta bython надо понимать в том смысле, что бездна не просто «мыслит», но порождает из себя мыслимые предметы.

[5] lygges есть особого рода магические колеса, употреблявшиеся для колдовского привлечения к себе любви других людей. Ср. Kroll. De or. Chald. 39.

[6] Это испорченное место переведено по предположению Керна. Кролль иначе: «ибо он есть виновник этого являющегося рождения миров, говорит богослов».

[7] Земнородные — гиганты.

[8] Дикта — гора на Крите. Ликей — гора в Аркадии.

[9] Паррасий — гора в Аркадии.

[10] Апиданцы — древние критяне.

[11] Эриманф — река в Аркадии.

[12] Метопа и Крафис — реки Аркадии.

[13] Неда — нимфа Океанида, питавшая Зевса.

[14] Филира — мать кентавра Хирона.

[15] Кавконы — древнее греческое племя на западном побережье Пелопоннеса.

[16] т. е. с морем.

[17] Имеется в виду Каллисто, дочь Ликаона. От нее и от Зевса, принявшего облик Артемиды, родился Аркад, откуда и аркадцы. См. «Артемида».

[18] Фены — город и роща в Аркадии.

[19] Кидонцы — древнейшие обитатели Крита.

[20] Орлу.

[21] Хитона — Артемида. Ловчие здесь — охотники.

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ

I. ОБЩЕЕ

[1] Таким образом, можно было бы дать следующую предварительную и приблизительную схему олимпийских богов, чтобы не спутывать все их бесконечно разнообразные функции. Если Зевс — оформляющее начало, а Гера — оформляемое, материальное, то результат этого оформления дает следующих девять олимпийских божеств:

	форма	материя	синтез
форма	Аполлон	Артемида	Гестия
материя	Арес	Афродита	Гермес
синтез	Гефест	Афина	Деметра

Не нужно эту схему абсолютизировать или считать единственно правильной. Таких схем можно придумать очень много, выбирая то те, то другие принципы

разделения. Мы предпочли взять античный же принцип разделения. Каждый член этой классификации, кроме того, тоже не должен пониматься исключительно. Фактически и исторически все эти образы влияют один на другой, входят один в пределы другого, смешиваются, спутываются и даже иногда до полной неразличимости и неузнаваемости. Однако погрузиться слепо в этот ползучий эмпиризм и забыть всякую схематику равносильно забвению того, что Зевс это — именно Зевс, что Аполлон — это именно Аполлон, и т. д. Наоборот, только благодаря вышеприведенной схеме (или подобной ей) и можно судить о взаимных влияниях и смешиваниях различных мифологических образов.

[2] Эти стихи, вероятно, орфические. Ср. Orph. frg. 354 K. о солнце: «Слезы это твои, людей род многострадальный». О космогонии слез см. в «Гермесе», § 15.

[3] Таким образом, Проклу принадлежит замечательное толкование «гомерического» смеха богов. Это — возвращающаяся сама к себе (и потому тождественная с самой собой) демиургийная энергия божественной субстанции. Субстанция эта становится в инобытии, но в то же время и безвредно, не раздробляясь, благополучно *возвращается* к самой себе. Эта нейтрализация и рождает в результате смех.

[4] Смысл всего этого толкования данного мифа, следовательно, такой. Арес рождает «противоположности», противоборство, выявляя тем самым каждую вещь и давая ей силу. Гефест, наоборот, сковывает вещи вместе, достигая тем самым чувственной красоты. Но это значит, что оба они нуждаются в Афродите, так как последняя есть и полнота противоборства и полнота чувственного оформления. Но для чувственного оформления Афродита законна, ибо она-то и создает его целесообразно; для войны же и противоположения она незаконна, ибо голая война, без всякого сдерживающего и оформляющего принципа, ниже нее, и общение с этим есть для нее падение. Но одного Гефеста мало для обнаружения этой незаконной связи. Нужно чистое знание (не практически художественное) Гелиоса. Возникающее знание невидимо закрепляет связь Афродиты и Ареса, а в соединении с новым процессом становления (Посейдон) приводит к раскреплению этой связи. Хохот богов при этом (как можно было бы прибавить на основании § 28 и комментария (3) совершенно необходим: это — фиксация инобытийных перипетий в вечном уме, незатронутом этими последними.

II. ЗЕВС И ГЕРА

[1] Под Зевсом здесь понимается огонь (небо и эфир), под Аидом («невидимым») — воздух, под Герой — земля (как супруга Зевса) и под Нестидой — вода.

[2] Эпиона — супруга бога врачевания Асклепия, «унимающая боль».

[3] Гимен, Гименей — бог брака (см. во II томе, в отд. «Земля»)*.

[4] Очень важно отдавать себе ясный отчет во всем этом интересном рассуждении Прокла об «обмане Зевса» в IL. XIV. Здесь сам Прокл яснейшим образом формулирует свою позицию в отношении античной мифологии. Эта позиция — диалектика идеалистическая, заимствованная им из платоновского «Филеба» (с триадой последнего: «беспредельное», «предел» и «число»). Брак Зевса и Геры на горе Иде в философском смысле имеет это диалектически триадическое значение: Зевс — начало оформляющее и дающее предел, Гера — начало оформляемое и беспредельное. Их брак — синтез, возводящий обоих еще на более высокую ступень, так как оба они заново определяются в результате этого взаимоотождествления. Поэтому оба они «подражают» здесь Кроносу и Рее.

[5] Фасцы — пучки из березовых или ивовых прутьев, перевязанные красным ремнем, которые носили римские ликторы.

* Этот том не был осуществлен *(А. А. Тахо-Годи)*.

[6] Тит Таций (легендарный царь сабинян), по преданию, объявил войну Риму в отмщение за похищение сабинянок. Благодаря измене Тарпеи он занял Капитолий. Позже, уступив просьбам жен, он заключил с Римом мир и из Кур переселился вместе с народом в Рим на Капитолийский холм и правил сообща с Ромулом.

[7] Во время войны Тация с Римом Тарпея и отец ее, Тарпей, защищая Капитолий, сдали его врагам. Уличенный в измене, Тарпей был сброшен с Капитолийской скалы, получившей после того название «Тарпейской». Его дочь Тарпея была задушена наброшенными на нее щитами.

III. АПОЛЛОН

[1] Гриний — город в Мизии с оракулом Аполлона.

[2] Сминфей — прозвище Аполлона от города Сминфы в Троаде, или от слова sminthos (мышь). С мышью (символ пророчества) он изображался в храме Хрисы.

[3] Пифоктон — убийца Пифона.

[4] Бранхиды — члены рода, которому был поручен оракул Аполлона в Дидимах, около Милета.

[5] Ликорея — вершина Парнаса; см. прим. 20.

[6] Ликтус, или Литта — древнейший город на Крите.

[7] Амфрис — река в Фессалии.

[8] Батт — сын Полимнеста с острова Феры, основавший по совету дельфийского оракула Кирену в Ливии.

[9] Боэдромий — прозвище Аполлона, выдвигавшее в нем воинские черты. Боэдромии — афинский праздник в честь Аполлона (сентябрь-октябрь) по поводу победы Тезея над амазонками.

[10] Кларий — от города Кларос с Аполлоновым оракулом, вблизи Колофона (в Малой Азии).

[11] Карней — прозвище Аполлона по большому национальному празднику в Спарте, так наз. карнеям (карнейский месяц — август-сентябрь).

[12] Асбистиды —живущие над Киреной (ср. Herod. IV 170).

[13] Кира — источник в Кирене.

[14] Азилис — гора и река в Ливии.

[15] Миртуса — гора в Ливии.

[16] Ипсей — отец Кирены. От Аполлона и Кирены — сын Аристей.

[17] Мом — олицетворение зависти и злословия.

[18] Дриопы — народ в Фессалии. Агафирсы — скифское племя (в нынешней Румынии).

[19] Кинф — гора на Делосе.

[20] Корикия — (по ней — Корикийская пещера на Парнасе), родила с Аполлоном Ликорея, основателя парнасского города Ликореи.

[21] Титий — сын Земли (или Зевса и Элары), убитый Аполлоном (или Аполлоном и Артемидой) за оскорбление его матери Латоны. См. «Артемида» § 3 k—u.

[22] Ихнея — эпитет Фемиды или от города Ихны в Фессалии, или от преследования Гигантов по «следам» (ichne), или от следования ее по пятам людей.

[23] Эргин — царь Орхомена.

[24] Pytho — сгнаиваю.

IV. АРТЕМИДА

[1] Т. е. Зевса Критского, сына Кроноса. См. «Зевс и Гера», § 4 b.

[2] Этот Упис в качестве мужского божества упоминается только здесь. В других местах «Упис» есть эпитет самой Артемиды (opis — воззрительница на людские дела).

[3] Кенхрей — река у Эфеса.
[4] Лирнесс — город в Мизии, около киликийских Фив.
[5] Иней, или Ойней, — царь Калидона в Этолии, отец Тидея и Мелеагра.
[6] Гаргафия — так же назывался и источник около Платей.
[7] Вирбий — то же, что Ипполит.
[8] Эгерия — италийская нимфа-прорицательница.
[9] См. «Аполлон», прим. 21.
[10] Амнис — река на Крите. Отсюда амнисиды — критяне.
[11] Кайраты — река и город на Крите.
[12] Кирн — остров против Сицилии.
[13] Алопекия — болезнь головы.
[14] См. в «Теогонии и космогонии» «Систему», прим. 19.
[15] Меналия — гора в Аркадии.
[16] Киносура — местность в Лаконике. Город Спарта состоял из четырех частей: Лимны (вост.), Месоа (южн.), Киносура (юго-зап.), Питана (сев.).
[17] Анавр — фессалийская река.
[18] Келадонт — река в Аркадии.
[19] Гем — гора во Фракии.
[20] Акакесийский Гермес — или от названия горы в Аркадии, или от того, что Гермес никому не приносит зла (to cacon — зло).
[21] Имеется в виду сожжение Геракла в Трахине.
[22] Иноп — река на Делосе. Египетской же она названа здесь потому, что она производит наводнение, или потому, что она скрыто сообщается с Нилом.
[23] Питана — см. «Артемида», прим. 16.
[24] Лимны — аттический дем, где почиталась Артемида (не надо смешивать с районом Спарты того же названия).
[25] Алы Арафенидские и Алы Айксонидские — демы в Аттике.
[26] Т. е. обычай приносить в жертву иностранцев.
[27] Тимфы — местность в Эпире. Эпир же славился хорошими быками.
[28] Перга — метрополия Памфилии.
[29] Тайгет — гора в Лакедемоне.
[30] Еврипий — пролив между Евбеей и Беотией. Так называется и Евбея.
[31] Гортина — город на Крите.
[32] Бритомартис — имя нимфы, по которой и Артемида почиталась на Крите как Бритомартис.
[33] Т.е. Кирене.
[34] Могила Иолкия — могила Пелия. Пелий — иолкский.
[35] Т.е. Прокриду.
[36] Антиклея — мать Одиссея или, возможно, кто-нибудь другой.
[37] Галей и Ройк — аркадские Кентавры, которых Аталанта убила на охоте, когда те хотели взять ее силой. Ср. § 12 а.
[38] Хесий — вершина на Самосе. Имбрас — река на Самосе.
[39] Рамнунт — аттический дем, где Зевс соединился с Немезидой, которая произвела Яйцо, доставленное к Леде и породившее Елену и Диоскуров.
[40] Аксенийские горы — в Аркадии.
[41] Лусы — город в Аркадии.
[42] Артемида укротила трех дочерей Пройта, обезумевших от сопротивления Дионису или от желания превзойти Геру.
[43] Гиппона — одна из Амазонок.
[44] Берекинтий — между Мидией и Фригией (М. Азия).
[45] Ср. IL. IX 404 сл. Пифона жилище — храм в Дельфах.
[46] Инахиона — дочь Инаха Ио, превращенная в корову.
[47] Мунихий — часть афинской гавани Пирея.

V. ГЕФЕСТ

[1] См. «Артемида», прим. 1.

[2] Кто такой этот Меналий, неизвестно. Может быть, здесь порча текста. Далее названы Липарийские (Эоловы) острова.

[3] По Проклу, демиургия раньше животворения.

VI. АФИНА

[1] Тихий — известный беотийский башмачник.

[2] Эпей — строитель троянского деревянного коня.

[3] Гипепы — небольшой лидийский городок.

[4] Тмол, Тимол — гора.

[5] Пактол — река в Малой Азии.

[6] Мигдонки — фригиянки, лидийки.

[7] Марсов холм — афинский Ареопаг.

[8] Гем и Родопа — брат и сестра, называвшие себя Юпитером и Юноной (они были влюблены) и в наказание за это обращены в горы.

[9] Астерия — дочь титана Коя. Она была превращена в перепелку влюбленным в нее Юпитером.

[10] Леда — возлюбленная Юпитера, знаменитая мать Елены Спартанской. Чтобы овладеть ею, Юпитер превратился в лебедя.

[11] Никтеида — дочь беотийского царя Никтея Антиопа. Ее сыновья Зет и Амфион построили фиванские стены.

[12] Алкмена — мать Геркулеса.

[13] Асопида — дочь реки Асопа, Эгина.

[14] Деоида — или дочь Деметры или сама Деметра.

[15] Энипей — любовник жены Алоя Ифимедии. От Нептуна она родила великанов Ота и Эфиальта.

[16] Бизальтида — дочь фракийского царя Бизальта Феофана, по преданию, родившая барана с золотым руном, которое фигурировало в походе Аргонавтов.

[17] <Меланта>, Меланто — дочь Девкалиона, мать Дельфа (отсюда название Дельф).

[18] Исса — дочь Макарея, по имени которой назван город на о. Лесбос.

[19] Эригона была обращена в созвездие Девы после того, как долго искала своего отца Икария, убитого пастухами, думавшими, что предложенный этим Икарием дар Вакха — вино — их отравило.

[20] Сенат, желая исправить ошибку эдила, приказал вернуть музыкантов в Рим. Гонец, очевидно, был в заговоре с учредителем пирушки, подпоившим музыкантов.

[21] Т. е. ошибку эдила.

[22] Квинкватрии — имеются в виду т. н. Малые Квинкватрии: трехдневные (а не пятидневные) празднества.

[23] Аргосские женщины имели обычай нести в определенный день статую Афины на Инах и там омывать ее.

[24] Гигантов.

[25] Еврот — река в Лакедемоне. Речь идет о Диоскурах.

[26] Акесториды — знаменитая фила в Аргосе.

[27] Евмед — жрец Афины, заподозренный в желании выдать палладий Гераклидам, ушел с палладием на аргосскую гору Крейон.

[28] Очевидно, от слова «Паллада».

[29] Фисадия и Амимона — дочери Даная, именами которых названы два источника.

[30] Харикло — мать Тиресия, в будущем знаменитого прорицателя.

[31] Феспии, Коронея, Галиарт, Херонея — беотийские города.

[32] Эверид — Тиресий, сын Эвера.

[33] Актеон, сын Аристея и Автонои, дочери Кадма, был растерзан своими псами за то, что увидел обнаженную Артемиду.

VII. АРЕС

[1] Анубис — египетское божество, видом шакал или человек с головой шакала, собаки или волка. Связан с культом мертвых.

[2] Маворс — Марс, именуемый также Градивом и Квирином.

[3] Диры — Эринии, мучительницы преступников и внушительницы кровавых предприятий.

[4] Авры — мягкие ветерки.

[5] Одрисы — воинственное племя во Фракии (славились как наездники).

[6] Конз (Consus) — древнеиталийский бог земли и жатвы.

[7] Юлий Прокул — римский сенатор, которому Ромул (первый легендарный римский царь) открыл свою волю и свою судьбу.

[8] Ромул завещал воинственным римлянам помнить, что они происходят от божественного Марса, бога войны, покровителя храбрых.

[9] Форнакс — печь, которую римляне олицетворяли в образе богини. Праздник богини печи — Форнакалии — не был постоянным и возвещался на площади главой каждой курии (курионом). Та часть населения, которая не следила за объявлениями куриона о дне подвижного празднества и пропускала его, совершала празднество в честь Форнакс 17 февраля, в последний день Квириналий, почему этот день называется «праздником глупых» (Festa stultorum). Таким образом, подвижный праздник Форнакалии для «глупой» части населения становился постоянным.

[10] Трабея — тога с несколькими продольными пурпуровыми полосами. В эпоху императоров она вся была пурпуровая.

[11] <Таумант> Фавмант — отец Ириды.

[12] Гора (Нога Quirini) здесь не имеет ничего общего ни с Горами (Орами), ни с Герой.

[13] Альбула — древнее название Тибра, в который вливаются все поименованные здесь реки, кроме Нумикия.

[14] Упоминаемый здесь культ Дианы был заимствован из Тавриды, а вся страна по ту сторону Черного моря называлась Скифской.

[15] Венилия — богиня прибытия (по морю), супруга Януса.

[16] Дочь Солнца — Кирка, или Цирцея.

[17] Тартессия — город в Испании на реке Бетиде (Гвадалквивир). Здесь в смысле всей западной страны (Гесперии).

[18] Эффигии — изображения.

VIII. АФРОДИТА

[1] Цепь — так обозначает Прокл ступени бытия.

[2] Портун — бог портов у римлян.

[3] Салация — богиня морской воды и открытого моря у римлян. Также эпитет Венеры.

[4] Палемон — спасительное морское божество.

[5] Кефал и Заря — миф о похищении Кефала Зарей. Ср. § 27 d.

[6] Хлена — зимний плащ.

[7] Дочери Зевса и Персефоны. См. «Артемида», § 1 n.

[8] Дочери критского Зевса и Латоны. См. «Артемида», § 1 n.

[9] Дочери Зевса и Дионы. См. «Афродита», § 1 f.

[10] Пастырь пресловутый — Парис.

[11] Около римских Муртийских ворот был храм Венеры с рынком проституток.

[12] Ганимед.

[13] Заголовки глав этого трактата принадлежат переводчику.

[14] Euporia — обилие; poros — путь, средство, источник.

[15] Переведено прозою; у А. Пиотровского здесь чистейшая фантазия.

[16] Голг — город на Кипре с храмом Афродиты (основан Голгом из Сикиона).

[17] Идалий — гора на Кипре с храмом Афродиты.

[18] <Эрик> Эрикс — гора на западе Сицилии с храмом Афродиты Эрицинской.

[19] Эпит был отцом Каписа, Калпет — сыном Каписа.

[20] От имени албанского царя Тиберина получила название этрусская (Тусская) река Тиберан (Тибр), в которой он утонул.

[21] Овидий приводит родословную римских царей, ведущих свое начало от троянских предков: а) Дардан — сын Юпитера и Электры, б) Эрихтоний, в) Трос, г) Ассарак, д) Капис, е) Анхиз, отец Энея. Затем следует потомство от Энея на латинской земле, царствование до Ромула: а) Эней, б) Асканий (Юл), в) Сильвий (Постум), г) Латин, д) Альба, е) Эпит, ж) Капис, з) Калпет, и) Тиберин, к) Ремул, л) Агриппа, м) Авентин, н) Прока, о) Нумитор, п) Амулий, р) наконец, Ромул, который сначала убил Амулия, восстановил в царских правах Нумитора, а затем сам стал царем Рима.

[22] Евандр — аркадский царь, переселившийся в Италию, к реке Тибр, союзник Энея.

[23] Алкид — сын Алкея, Геркулес.

[24] Альбула — древнее имя реки Тибр.

[25] Неритейский герой — Одиссей.

[26] Лестригоны (антропофаги, людоеды) — дикое древнеиталийское племя, жившее раньше в Кампании около Формии. Странствуя после взятия Трои, Одиссей попал в эти края, как и к Цирцее, дочери Солнца (нимфа Кирка), жилище которой находилось у мыса Circeji в Лации.

[27] Галес — внук Атрея, сын Агамемнона, основатель города Фалисии.

[28] Фалиски — народ в Этрурии.

[29] Антенор — троянец, основатель города Патавия.

[30] Давн — выходец из Греции, мифический царь Апулии.

[31] Энидей — Диомед, сын Тидея, внук калидонского царя Энея.

[32] <Салем> Солим — спутник Энея, основатель города Сульмона в области сабельского племени пелигонов (родина Овидия).

[33] Некоторые полагали, что месяц апрель назван от слова aperire («открывать», «возрождать»), потому что в этом весеннем месяце как бы раскрывается для новой жизни богатая зародышами земля.

[34] Упоминание о суде Париса в лесах Иды, когда из трех богинь, Юноны, Афины и Венеры, пальму первенства в красоте он присудил Венере.

[35] Ассарак был отцом Каписа. Последний считался отцом Энея, божественной матерью которого называли Венеру. Отсюда Венера, по Овидию, — невестка Ассарака. Род Юлиев происходит от сына Энея — Юла (Иул — Асканий).

[36] Вертикордия — обратительница сердца молящегося в сторону божества (vertere — вращать, cor — сердце).

[37] Коллинские ворота в Риме, иначе называемые «Соляные ворота» (porta Collina, aut Salaria), вели к Соляной улице; последняя шла к сабинским землям, откуда получалась морская соль. Там вблизи был храм Венеры, который получил имя от горы Эрикса в Сицилии — храм Венеры Эрицинской.

[38] Аретуза — нимфа сицилийской реки. Сиракузы и гору Эрикс взял М. Клавдий Марцелл вместе с знаменитым храмом Венеры.

[39] Турн, царь рутулов, и Эней — оба искали руки Лавинии, дочери Латина и Аматы. Амата собиралась раньше выдать дочь замуж за своего племянника Турна.

[40] Мезентий — этрусский царь, воевавший в союзе с Турном против Энея.

[41] Виналии (от vinum — вино) — праздник вина. Праздник Vinalia был еще и 19 августа, когда в жертву Юпитеру приносилось молодое вино.

[42] Фестиад — внук Фестия Мелеагр, погиб на охоте, когда дома мать его сожгла на костре головню, которую она раньше хранила как талисман, охранявший жизнь ее сына.

[43] Танталида — дочь Тантала Ниобея, за презрение к Диане была убита богиней вместе с ее многочисленным потомством.

[44] Консул М. Попиллий Ленат и Постумий Туберт — учредители «Флориальных игр».

[45] На празднике Флоры венки плели не только из цветов, но и из листьев деревьев: липы, клена, дуба и др.

[46] Влить Ахелоя — влить воды. Ахелой — река в Средней Греции.

[47] Ариадна — жена Вакха, превращенная в созвездие «Венец Ариадны».

[48] Веселая богиня цветов не является поклонницей серьезной трагедии (высокий котурн), а предпочитает веселые комедии, которые и шли на сцене римского театра в период ее празднеств.

[49] Намек на то, что в Цереалии — праздник Цереры, покровительницы хлебных злаков, — граждане носили белые одежды (светлый цвет спелых хлебов), в праздник же цветов Флоралии носились разноцветные одежды, так как в это время поля пестрели цветами разных оттенков.

[50] Так как в праздник Флоры торжества и пирушка затягивались далеко за полночь, в процессиях несли зажженные факелы и светильники.

[51] Имеется в виду Гипподамия, на свадьбе которой с Пирифоем лапифы отразили нападение кентавров, пытавшихся похитить невесту.

[52] Улисса жена — Пенелопа, жена Одиссея.

IX. ГЕСТИЯ

[1] Парилии, или Палимии — деревенский пастушеский праздник 21 апреля в честь божества Палесы, покровительницы стад, с очищением скота в виде прыгания через зажженную солому. В Fast. IV 721—862 Овидий подробно говорит о происхождении и значении этого праздника. Palatiuum, очевидно, связывается с Pales.

[2] По Овидию, Vesta — от ve (vis — сила) и sta (stare — стоять).

[3] Focus — и костер, и жертвенник, и огонь, и очаг.

[4] Vestibulum — преддверие, т. е. место, где помещалась Веста.

[5] Вакуна — древнесабинская богиня отдыха после сельских работ.

[6] Fornax — печь и богиня сушки зерна в овине.

[7] Велабрум — улица в Риме, к северу от Авентина, где торговали маслом и сыром. Так как эта дорога шла к цирку, то по ней часто проходили торжественные процессии.

X. ГЕРМЕС

[1] Дия — римское аграрное божество.

[2] Valentis — так Цицерон передает греческое Ischys. Этому аркадскому герою Исхию отдалась Коронида после Аполлона. Исхий только здесь является отцом Трофония (Коронида же его матерью и в других местах).

[3] См. «Зевс и Гера», § 4 b.

[4] См. «Артемида», § 1 k, n.

[5] См. «Афродита», § 1 f.

[6] Гермес почитался в городе Корике киликийском. О Гермесе, «обитающем в городе Корике», говорит Anthol. Pal. IX 91.

[7] Кабиры — стихийные мистические божества, преимущественно связанные с природой и ее обилием.

[8] Гемония — Фессалия.

[9] Темпейская долина — между Оссою и Олимпом, славилась у древних красотой.

[10] Маны — manes, души умерших, которые обоготворялись римлянами, называясь Dii manes (боги маны).

[11] Лерна — река и болото в Арголиде (тут Геракл убил знаменитую гидру).

[12] Лиркей — гора там же; отсюда вытекает и река Инах.

[13] Форонида — Ио, внучка Форонея, отца Инаха.

[14] Светлая Плеяда — Майя, старшая из семи дочерей Атланта и Плейоны, мать Гермеса от Зевса.

[15] Гамадриады — лесные нимфы.

[16] Нонакра — гора в Аркадии.

[17] Наяда — водная нимфа.

[18] Ортигийская богиня — Диана. Ортигия — древнее название острова Делос.

[19] Ликей — гора в Аркадии, где особенно почитался Пан.

[20] Ладон — приток Алфея.

[21] Зелинский Ф. Ф. в целях восстановления текста много добавлял от себя в этом переводе. Все эти добавления поставлены нами в квадратные скобки.

[22] Весь этот [папирусный] памятник, даваемый нами в реконструкции А. Дитриха, испещрен магическими и символическими буквами, комментарий к которым завел бы очень далеко. Ср. хороший историко-мифологический комментарий у А. Дитриха, указ. соч., с. 20—126. Мы передаем эти буквы при помощи обычной латинской транскрипции, ставя знак над долгими e («этой») и o («омегой»). Ch, th передают одну букву в имени Справедливости из 49 букв.

[23] Далее следуют слова и выражения (10—28), требующие привлечения семитических источников. Они у нас опускаются.

[24] Здесь стоит cacchadzo, что значит не просто «смеяться», но «громко смеяться» и даже «с презрением смеяться» в отличие от более безразличного gelao. Мы переводим здесь этот глагол — очень неточно — «усмехаться».

[25] Так мы переводим phrenes — «грудобрюшная преграда», в которой древние видели местонахождение духовной и умственной жизни.

XI. ДЕМЕТРА *

[1] Полидект — Аид, владыка царства мертвых.

[2] Персеева дочерь — Геката, дочь Перса, сына титана Крия.

[3] Каллихор — источник в Элевсине. Перикл выстроил вблизи него великолепный храм.

[4] Менада — «безумствующая». Так именовались спутницы Диониса, вакханки, охваченные священным неистовством.

[5] Полидегмон — одно из имен Аида, «принимающий многих», по-своему гостеприимный, т. к. никто из людей не может избежать смерти.

[6] Посвятила в таинство — имеются в виду Элевсинские мистерии. Празднества обеих богинь, Деметры и Персефоны, отмечались дважды в году. Осенью — Великие Элевсинские по всей Греции, но особенно в Афинах и Элевсине — нисхождение Персефоны в Аид; весной — Малые Элевсинские, именно таинства, — возвращение Персефоны на Олимп, к матери — праздновались в самом Элевсине близ Афин.

[7] Фенейцы — жители г. Фенея у подножья горы Киллены.

[8] Кидария — эпитет Деметры. Встречается только у Павсания (VIII 15, 3).

[9] Ладон — приток реки Алфея.

[10] При Левктрах фиванский полководец Эпаминонд в 371 г. одержал блестящую победу над спартанцами.

---

* Комментарии А. Ф. Лосева к отделу «Деметра» утрачены; настоящие составлены А. А. Тахо-Годи.

[11] См. примеч. 3.

[12] Ср. Гомеровский гимн «К Деметре», где Персефона только одну треть года находится в царстве Аида.

[13] Тринакрия — Сицилия, или Сикания, имеет форму треугольника («остров с тремя мысами») — греч. acra — вершина, оконечность, мыс. У Гомера Сицилия называется Тринакия (греч. acis — острие) — «остров с тремя остриями».

[14] Генна, или Энна — город в срединной части Сицилии. Здесь, по одному из преданий, Аид похитил Персефону.

[15] Аретуза — нимфа одноименного источника. По одному из мифов, эту нимфу преследовал в Пелопоннесе речной бог Алфей, но Артемида скрыла ее воды под землей и вывела их только на сицилийском островке Ортигии, где и соединился с нимфой Алфей.

[16] Итис — сын афинской царевны Прокны (дочери Пандиона) и фракийского царя Терея (сына бога Ареса), который совершил злодеяние (вырезал жене язык и спрятал ее в глуши), чтобы жениться на ее сестре Филомеле, объявив той о смерти Прокны. Однако, узнав правду (по вытканным сестрой словам на одеянии), она, обнаружив сестру, вместе с ней убила Итиса, мстя Терею. Боги превратили их в птиц — Прокну в соловья, Филомелу в ласточку, Терея в удода (др. вариант: Прокна — ласточка, Филомела — соловей, Терей — ястреб).

[17] Паррасийские Звезды — созвездие Большой медведицы. Дочь Ликаона, аркадская нимфа Каллисто, спутница Артемиды, охотница в Паррасийских горах, соблазненная Зевсом, родила сына Аркада и была превращена (по Овидию) Герой (а, может быть, и Зевсом) в медведицу, которую убила Артемида. Зевс поместил Каллисто в созвездие, получившее также имя Гелики (по др. варианту мифа, Гелика — тоже дочь Ликаона).

[18] Гигес — видимо, Гигас, Гигант. См. Giga(n)s в Oxf. Latin Dictionary (III 1971 Oxf.). Имеется в виду битва Зевса и олимпийских богов с гигантами. Вряд ли здесь имеется в виду Гиес (имя одного из Сторуких), т. к. Сторукие стояли на страже Зевса, оказывая ему помощь.

[19] Пунический плод — финикийский плод, гранат.

[20] Тенар — мыс, на юж. оконечности Пелопоннеса с храмом Посейдона, где был вход в царство мертвых. На крайнем западе, в Иберии (совр. Испания) был такой же спуск. Около современного Кадикса (ср. Кадикс — Кадис — Гадес — Андес — Аид). Такой же вход в Аид был в средней Италии (Кампания), в Кумах. См. Вергилий «Энеида», песнь VI, Эней у Сивиллы Кумской и его нисхождение в царство мертвых.

[21] Эрикина, или Эрицина — Афродита, римская Венера.

[22] Дит — у римлян наименование Гадеса (Аида) (лат. dis, ditis — богатый). Греческий Плутон (тот же самый Аид) также связан с представлением о богатстве (греч. ploytos — богатство).

[23] Палики — хтонические демоны, близнецы, дети Зевса или внуки Гефеста, почитавшиеся в Сицилии, вблизи Этны. Рядом находились два серных горячих озера, около которых приносили очистительную клятву, написав ее на дощечку и бросая в воду. Если дощечка всплывала, то обвиняемый оправдывался, если тонула, то обвиняемый предавался смерти.

[24] Фосфор, или Эосфор, букв. «светоносец», или «зареносец» — сын Астрея и Эос, считается утренней звездой Венеры. Как вечерняя звезда имеет уже у Гомера имя Геспер (лат. Vesper — Веспер).

[25] Дева Астрея — «Звездная», богиня справедливости Дике, дочь Зевса и Фемиды.

[26] Кикеон — освежающий и подкрепляющий силы напиток из вина, ячневой муки, меда, сыра, лука и разных специй. Получил в Элевсинских таинствах мистический смысл. Этот напиток вкушали после поста в память Деметры, испившей кикеона.

[27] Антея — Деметра.

[28] Праксидика — эпитет Персефоны, «совершательница справедливости».

[29] Ферсефона — «несущая убийство» (греч. phero — несу, phone — убийство). У орфиков это великое божество, Владычица. Она царит в подземном мире, из недр которого все произрастает и куда, уничтожаясь, все уходит.

[30] Орменида — Аминтор и Ктесий, сыновья Ормена (внука Зевса), основатели города Ормения в Фессалии.

[31] Офрий, Офрийская горная цепь в Фессалии. На Офрийских горах укрепились титаны, сражаясь против олимпийцев.

[32] Ликнофоры — несущие корзины (гр. Licnon — корзина) со священной утварью или начатками плодов в торжественных процессиях на праздниках в честь божества, дарующего плодородие (напр., Диониса, Деметры).

[33] Мисма. Ср. Овидий «Метаморфозы», V 446-460, о превращении в ящерицу мальчишки, оскорбившего богиню смехом.

[34] Миса — божество малоазийского происхождения, круга Деметры и Диониса, отождествляемое с Корой, что доказывает и алтарь, посвященный Мисе — Коре, о котором идет речь в надписи, найденной в Пергаме и опубликованной еще в 1881 г.

[35] Мелиноя — мифологический образ, который нигде, кроме этого гимна, не встречается. Характерна связь Мелинои с царством мертвых, где находятся такие ужасные существа, как, напр., Горгоны или Эмпуса.

ГЕСИОД

Таблица 1

Таблица 2

ОКЕАН и ТЕФИЯ
ГИПЕРИОН и ФЕЙЯ
КРИЙ
КОЙ и ФЕБА
ИАПЕТ
Океаниды
Дорида
Нерей
Нереиды см. табл. 1
Идия
Персеида
Гелиос
Селена
Эос
Астрей
Зефир Борей Нот
Кефал
Фаэтон
Аэт
Медея
Кирка
Одиссей
Агрий Латин Телегон
Титон (Тифон)
Мемнон Эмафион
Еврибия дочь Понта
Палант
Перс
Астерия
Лето
Теката
Океанида Стикс
Зависть Победа Сила Мощь
Океанида Климена
Менетий
Атлант
Прометей и Эпиметей
Зевс
Майя
Гермес

Таблица 3

КРОНОС и РЕЯ
ЗЕВС
Аид
Гестия
Амфитрита
Тритон
Посейдон
Плутос
Ясион
Деметра
Персефона
Гера
Харита
Аглая
Гефест
Геба
Арес
Илифии
Мнемосина
Музы 9
Метида
Афина Паллада
Алкмена
Геракл
Харитыы - 3: Аглая Евфросина Фалия
Океанида Евринома
Семела
Дионис
Фемида
Мойры: Клофо Лахесида Атропос
Горы (Оры): Евномия Дика Ирена (Эйрена)
Аполлон и Артемида
Лето

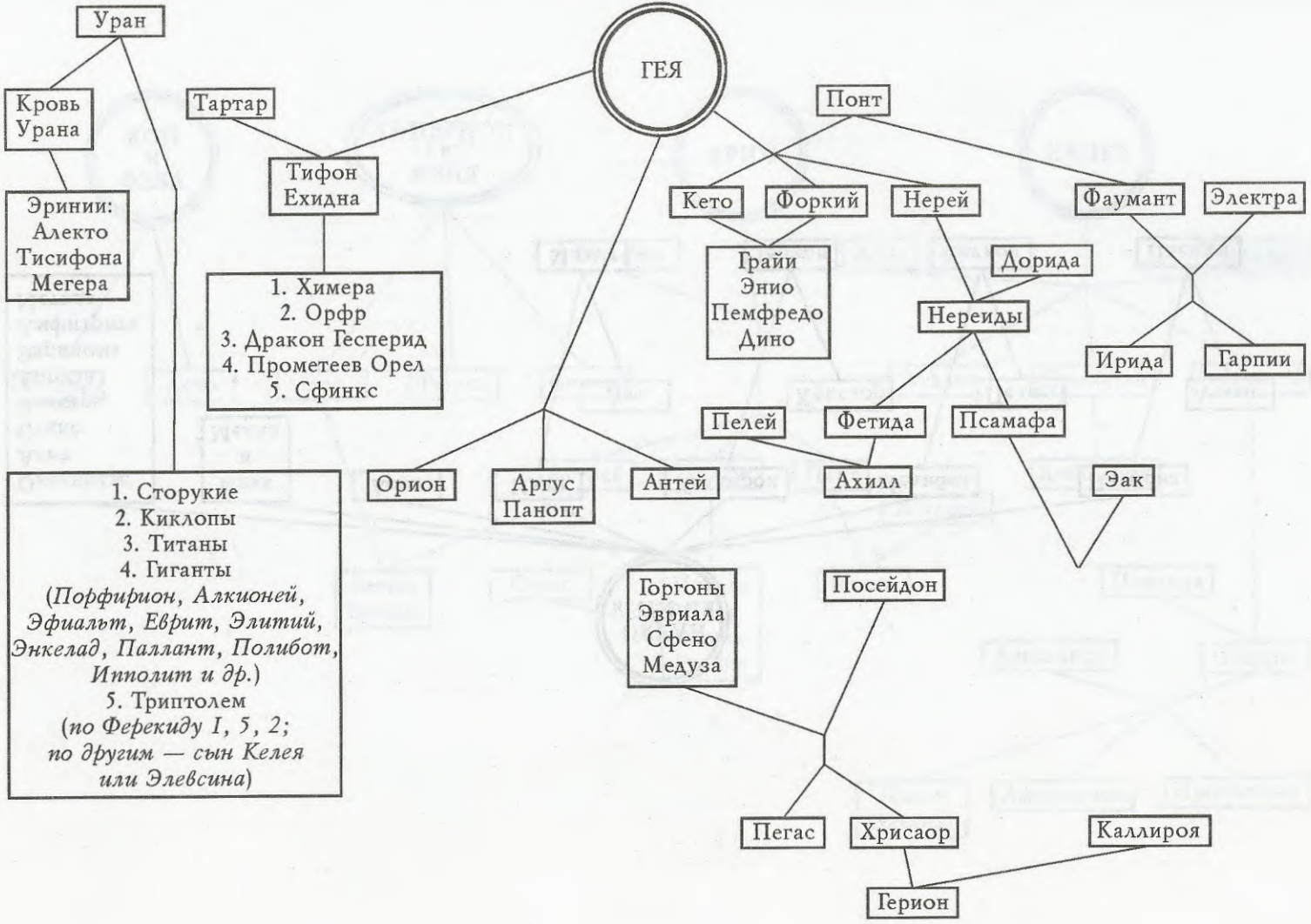

Уран
Кровь Урана
Эринии: Алекто Тисифона Мегера
Тартар
Тифон Ехидна
1. Химера
2. Орфр
3. Дракон Гесперид
4. Прометеев Орел
5. Сфинкс
ГЕЯ
Понт
Кето
Форкий
Нерей
Фаумант
Электра
Грайи Энио Пемфредо Дино
Дорида
Нереиды
Ирида
Гарпии
Пелей
Фетида
Псамафа
Ахилл
Эак
Орион
Аргус Панопт
Антей
1. Сторукие
2. Киклопы
3. Титаны
4. Гиганты
(*Порфирион, Алкионей, Эфиальт, Еврит, Элитий, Энкелад, Паллант, Полибот, Ипполит и др.*)
5. Триптолем
(*по Ферекиду I, 5, 2; по другим — сын Келея или Элевсина*)
Горгоны Эвриала Сфено Медуза
Посейдон
Пегас
Хрисаор
Каллироя
Герион

Таблица 5

ОКЕАН и ТЕФИЯ
Океаниды:
Асия
Стикс
Электра
Дорида
Эвринома
Амфитрита
Метида
Инах и Мелия
Асоп
Идия
Каллироя
Мелибея
Плейона
Аэт
Медея
Хрисаор
Герион
Пеласг
Ликаон
Атлант
Плеяды

Таблица 6

КОЙ и ФЕБА
Астерия
Лето
ГИПЕРИОН и ФЕЙЯ
Эос
Гелиос
Селена
КРИЙ
Еврибия
Астрей
Ветры Звезды
Паллант
Стикс
Победа Сила Мощь Рвение
Перс
Геката
Астерия
ИАПЕТ
Асия
Менетий
Атлант
Прометей
Девкалион
Эпиметей
Пандора
Пирра
Девкалион
Протогения
Амфиктион
Геллен (Эллин)

Таблица 7

КРОНОС и РЕЯ
Посейдон
Плутон
Гера
Зевс
Деметра
Гестия
Гефест
Геба Илифия Арес Гефест
Персефона
Посейдон
Антиклея, дочь Автолика
Перифет
Палемон по другим источникам сын Этола
Конь Арион

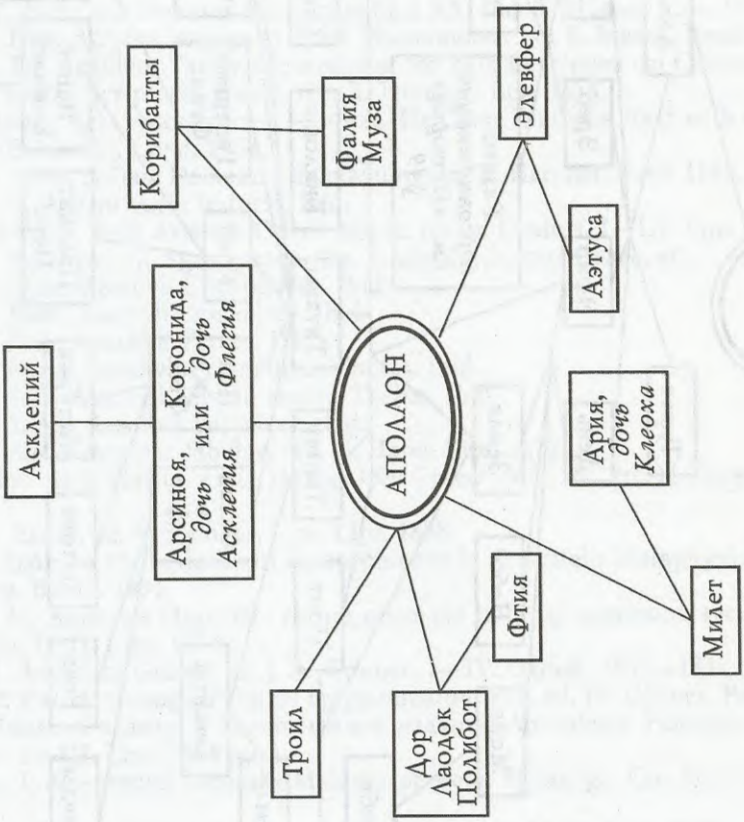
Таблица 8

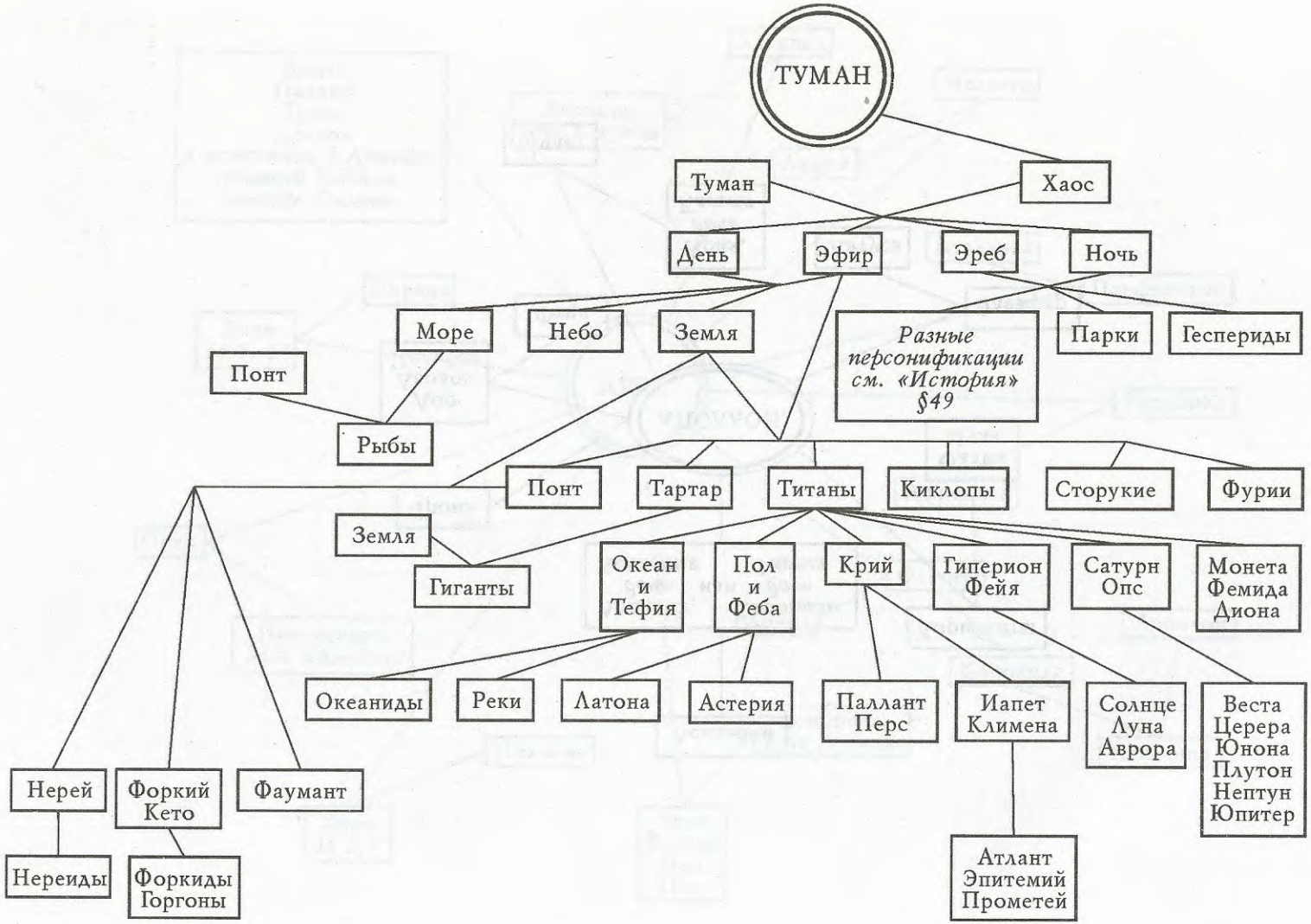
ЗЕВС
Аполлон Артемида
Лето, дочь Коя
Фимбрис (Фимора)
Пан
Эдара, дочь Орхомена
Титий
Афина
Метида, дочь Океана
Фемида, дочь Урана
Горы (Оры) Мойры Нимфы р. Эридан
Девкалион Эндимион
Аэтмий
Протогения, дочь Девкалиона
Лакедемон
Тайгета Атлантида
Электра Атлантида
Ясион Дардан
Каллисто, дочь Ликаона
Аркад
Кастор Полидевк Елена
Деда, дочь Фестия
Эгина, дочь Асопа
Эак
Сарпедон
Лаодамия, дочь Беллерофонта
Майа Плеяда, дочь Атланта
Гермес
Герса, дочь Кекропа
Кефал
Зет Амфион
Антиопа, дочь Никтея
Минос Сарпедон Радамант
Европа, дочь Агенора
Фанус Стафил Деянира
Дионис
Семела, дочь Кадма
Атимний
Кассиопея, супруга Кефея
Алкмена, дочь Электриона
Геракл
Персей
Данал, дочь Акрисия
Аргус Пеласг
Ниоба, дочь Форонея
Эпаф
Ио
Музы
Мнемосина, дочь Урана
Эней Лир
Анхиз
Афродита
Диона, дочь Урана
Персефона
Стикс, дочь Океана
Эвринома, дочь Океана
Хариты Река Асоп

Таблица 9

АРЕС
Дриас
Паллин
Терей
Аракон
у источника в Аттике, убитый Кадмом, откуда Спарты
Агравла, *дочь Кекропа*
Алкиппа
Алфея
Мелеагр
Аталанта
Парфенопей
Гармония
Афродита
Флегий
Хриса
Коронида
Аполлон
Асклепий
Демоника, *дочь Агенора*
Эвен
Фестий
Мол
Пил
Пелопия
Кикн *II 7,7*
Протогения, *дочь Калидона*
Орил
Кикн *II 5, 11*
Пирена

Таблица 10


АПОЛЛОН
Асклепий
Арсиноя, дочь Асклепия
Коронида, или дочь Флегия
Корибанты
Фалия Муза
Элевфер
Аэтуса
Ария, дочь Клеоха
Милет
Фтия
Дор Лаодок Полибот
Троил


ТУМАН
Туман
Хаос
День
Эфир
Эреб
Ночь
Море
Небо
Земля
Разные персонификации см. «История» §49
Парки
Гесперииды
Понт
Рыбы
Понт
Тартар
Титаны
Киклопы
Сторукие
Фурии
Земля
Гиганты
Океан и Тефия
Пол и Феба
Крий
Гиперион Фейя
Сатурн Опс
Монета Фемида Диона
Океаниды
Реки
Латона
Астерия
Паллант Перс
Иапет Климена
Солнце Луна Аврора
Веста Церера Юнона Плутон Нептун Юпитер
Нерей
Форкий Кето
Фаумант
Нереиды
Форкиды Горгоны
Атлант Эпитемий Прометей

ПРИЛОЖЕНИЕ II

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ (С ИХ УСЛОВНЫМИ ОБОЗНАЧЕНИЯМИ) *

A. Gell. Auli Gelli Noctium Atticarum libri XX, rec. C. Hosius. Lips. 1903.

Achill. Isag. Achilles isagoge in Arati Phaenomena. Ed. E. Maaas. Berol. 1893.

Achill. Tat. Achilleos Tatioy Alexandreos Ton cata Leycippen cai Cleitophonta logoi octo. Erotici Scriptores graeci, rec. R. Hercher. Lpz. 1858, I.

Acta Apost. Acta Apostolorum — в изд. He Caine Diathece. Text with critical Apparatus (E. Nestle). Lond. 1904.

Ael. n. anim. Aeliani De natura animalium, rec. R. Hercher. Paris 1858.

Ael. V. h. Aeliani Varia historia. Ibid.

Aelii Aristid. Aelii Aristidis Opera omnia, rec. g. Dindorf. I—III. Lips. 1829.

Aesch. Ag. Aeschyli Agamemnon. См. Poetarum Scenic. Graec. etc.

Aesch. Choe. Aeschyli Choephorae. Ibid.

Aesch. Eum. Aeschyli Eumenides. Ibid.

Aesch. Pers. Aeachyli Persae. Ibid.

Aesch. Prom. Aeschyli Prometheus vinctus. Ibid.

Aesch. Sept. Aeschyli Septem contra Thebas. Ibid.

Aesch. Suppl. Aesohyli Supplices. Ibid.

Aesop. fab. Aesopicae fabulae, rec. C. Halm. Lips. 1872.

Aet. Plac. Aetii Placita. в изд. Doxographi Graeci, coll., rec. etc. H. Diels. Berol. 1879.

Aetna. Aetna, ed. S. Sudhaus. Lips. Lips. 1898.

Alex. Aphr. in Met. Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis Metaphysicam, ed. M. Hayduck. Berlin. 1891.

Amm. M. Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt, rec. etc. V. Gardthausen. I—II. Lips. 1874.

Anecd. Anecdota Graeca. ed J. A. Cramer. I—IV. Oxonii, 1835—1837.

Anthol. Pal. Anthologia Palatina epigrammatum etc., ed. Pr. Dübner. Par. 1864 (Didot). (Имелось в виду и неоконченное издание Anthologia Palatina, ed. H. Stadtmüller. I—III. Lips. 1894 sqq.)

Ant'on, Lib. Antonini Liberalis Metamorphoseon Synagoge. См. Mythographi Graeci.

Apollin. Sid. O. Sollius Apollinaris Sidonius, rec. P. Mohr. Lips. 1895.

Apollod. Apollodori Bibliotheca. См. Mythographi Graeci.

Apollod. Ep. Apollodori Bibliotheca Epitoma etc. См. Mythographi Graeci.

Apoll. Rhod. Apollonii Rhodii Argonautica, rec. R. Merkel. Lips. 1889.

Apul. Met. Apulei Metamorphoseon libri XI, rec I. van der Vliet. Lips. 1897.

Ar. Phaen. Arati Phaenomena, ed. E. Maass. Berl. 1893.

Arist. De an. Aristotelis De anima, ed. O. Apelt. Lips. 1911.

Arist. Met. Aristotelis Metaphysica, ed. G. Christ. Lips. 1906.

---

* Указываются источники, только непосредственно использованные в «Античной мифологии». Кое-что не могло быть привлечено по техническим причинам. Также, к сожалению, не все фактически использованные источники были у составителя в наилучших изданиях. Наконец, этот список по каждому источнику дает только одно издание /почти всегда стереотипное/, бывшее у составителя основным для переводов, справок и пр., и не дает других изданий данного источника, часто очень важных по критике текста, комментарию и другим обстоятельствам. Иначе этот список сам составил бы целую книгу.

Arist. Meteor. Aristotelis Meteorologica. См. в изд. Aristotelis Opera, ed. Academia Regia Borussica. t. I. Berol. 1831.

Arist. Phys. Aristotelis Physica, rec. C. Prantl. Lips. 1854.

Ariat. Pol. Aristotelis Politica, rec. O. Immisch. Lips. 1909.

Arist. Poet. Aristotelis Poetica, rec. Gu. Christ. Lips. 1878.

Arist. frg. Aristotelis Fragmenta в изд. Aristotelis Opera, ed. Academia Regia Borussica, vol. V. Berol. 1870.

Arist. Acharn. Aristophani Acharnensea. См. Poetarum Scenic. Gr. etc.

Arist. Av. Aristophani Aves. Ibid.

Arist. Eccl. Aristophani Ecclesiazusae. Ibid.

Arist. Equ. Aristophani Equites. Ibid.

Arist. Lys. Aristophani Lysistrata. Ibid.

Arist. Nub. Aristophani Nubes. Ibid.

Arist. Pax. Aristophani Pax. Ibid.

Arist. Plut. Aristophani Plutos. Ibid.

Arist. Ran. Aristophani Ranae. Ibid.

Arist. Thesm. Aristophani Thesmophoriazusae. Ibid.

Ariat. Vesp. Aristophani Vespae. Ibid.

Arnob. Arnobii Adversus nationes libri VII, ed. A. Reifferscheid. Vindobonae. 1875.

Arr. An. Arriani Anabasis, ed. A. C. Roos. Lips. 1907.

Arr. De venat. Arriani De venatione — в изд. Scripta minora, ed. R. Hercher. Lips. 1654.

Artemid. Artemidori Oneirocriticos, ed. R. Hercher. Lips. 1864.

Athen. Athenaei Naucratitae Deipnosophistarum libri. XV, rec. G. Kaibel. I—III. Lips. 1887—1890.

Athenag. Athenagori Pro Christianos, ed. Schwartz. См. Schriftsteller.

Aug. De civ. dei. Augustini episcopi De civitate Dei libri XXII, rec. H. Dombart. I—II. Lips. 1877.

Aug. Ep. Augustini Aurelii Epistula, rec. A. Goldbachner. Pragae—Vindobonae. 1898.

Auson. Decimi Magni Ausonii Opuscula, rec. R. Peiper. Lips. 1886.

Bion. Bionis Idyllia. См. Poetae bucol.

CAF. Comicorum atticorum fragmenta, ed. Th. Kock. I—III. Lips. 1880—1888.

Callim. Hymn. Callimachea, ed. O. Schneider. I—II. Lips. 1870—1873.

Callistr. Callistrati Descriptiones. См. Philostr.

Cat. cod. astr. Catalogus codicum astrologorum graecorum. I—VIII. Bruxelles. 1896—1911.

Catul. Catulli Veronensis Carmina, recogn. B. Schmidt Lips. 1887.

Cic. nat. deor. Ciceronis De natura deorum libri tres, erklärt von G. F. Schoemann. Lips. 1865.

Ciris — в изд. P. Vergilii Maronis Opera, pars III, ed. A. Forbiger Lips. 1875.

Claudian. Claudiani Carmina, rec. J. Koch. Lips. 1893.

Claudian. Gigantom, Claudiani Gigantomachia. Ibid.

Clem. Alex. Clemens Alexandrinus, hrsg. v. O. Stählin. I—III. Lips. 1905. См. Schriftsteller ersten drei Jahrh.

Clem. Alex. Protr. Clemens Alexandrinus Protrepticus. Ibid.

Clem. Alex. Str. Clemens Alexandrinus Stromata. Ibid.

Clem. Rom. Homilia. Clementis Romani Homilia. Migne. Patr. Curs. Complet., ser. lat, II.

Cleom. Cycl. theor. Cleomedis De motu circulari corporum caelestium libri duo, ed. H. Ziegler. Lips. 1891.

Cornut. Cornuti Theologiae Graecae compendium, rec. C. Lang. Lips. 1881.

Corpus poetarum latinorum uno volumine absolutum, ed. G. E. Weber, Francof, ad. Moenum, 1832.

Culex. См. в том же изд., что и Ciris.

Damasc. Damascii successoris Dubitationes et solutiones de primis principiis etc. ed. Car. Aem. Ruelle. Paris. 1889.

Diels D. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch. u. deutsch von H. Diels. 3. Aufl. I—II. Berl. 1912. (есть 4-е издание и незаконченное 5-е)*.

Diod. Diodori Siculi Bibliotheca historica, ed. Fr. Vogel et C. Th. Vischer. I—VI. 1888 sqq.

Diog. L. Diogenis Laertii De vitis philosophorum etc., rec. C. G. Gobet. Paris. 1878 (Didot).

Diog. Chr. Dionis Chrysostomi Orationes, rec. L. Dindorf. I—II. Lips. 1857.

Dion. Hal. Dionysii Halicarnasei. Antiquitates Romanae, ed. C. Jacoby. I—IV. Lips. 1899 sqq.

Dion. Hal. Rhet. Dionysii Halicarnasei. Rhetorica — в изд. Opuscula, ed. H. Usener et L. Rademacher. I—III. Lips. 1899.

Eclogae de philosophia Chaldaica, nunc primum ed. A. Jahn. Halle. 1891.

EGH. Epicorum graecorum fragmenta, coll. etc. G. Kinkel. I. Lips. 1877.

Epicur. Epicurea, ed. H. Usener. Lpz. 1887.

Erotici Scriptores Graeci, rec. R. Hercher. Lips. I—II. 1859.

Etym. M. Etymologicum Magnum, ed. Th. Gaisford. 1848.

Eudem. Eudemi Rhodii Peripatetici fragmenta quae supersunt, coil. L. Spengel. 2. Aufl. Berl. 1870.

Eudocia. Eudociae Augustae Violarium, rec. etc. J. Flach. Lips. 1880.

Eur. Alc. Euripidis Alcestis. См. Poet. Scenic. Graec. etc.

Eur. Andr. Euripidis Andromacha. Ibid.

Eur. Bacch. Euripidis Bacchai. Ibid.

Eur. Cycl. Euripidis Cyclops. Ibid.

Eur. Electr. Euripidis Electra. Ibid.

Eur. Hec. Euripidis Hecuba. Ibid.

Eur. Heraclid. Euripidis Heraclidae. Ibid.

Eur. Herc. f. Euripidis Hercules furens. Ibid.

Eur. Hipp. Euripidis Hippolytus. Ibid.

Eur. Iph. A. Euripidis Iphigenia Aulidensis. Ibid.

Eur. Iph. T. Euripidis Iphigenia Taurica. Ibid.

Eur. Ion. Euripidis Ion. Ibid.

Eur. Med. Euripidis Medea. Ibid.

Eur. Or. Euripidis Orestes. Ibid.

Eur. Phoen. Euripidis Phoenissae. Ibid.

Eur. Rhes. Euripidis Rhesos. Ibid.

Eur. Suppl. Euripidis Supplices. Ibid.

Eur. Tro. Euripidis Troades. Ibid.

Eus. Praep. evang. Eusebii Praeparatio evangelica в изд. Eusebii Caesariensis opera, rec. G. Dindorf. I—IV. Lips. 1867—1890.

Eustath. IL. Eustathii Commentarii ad Homeri Iliadem, ad fidem exempli Romani editi. I—IV. Lips. 1827—1830.

Eustath. Od. Commentarii ad Homeri Odysseam, ad fidem exempli Romani editi. I—II. Lips. 1825—1826.

Exc. Vat. Excerpta Vaticana. См. Mythographi Graeci.

Firm. M. Firmici Materni Matheseos libri VIII, rec. C. Sittl. Lips. 1894.

Firm. M. De err. Firmici Materni De errore profanum religionum, ex rec. C. Halm, в изд. Corpus Scriptorum ecclesiast. latin. II. 1867.

FphG. Fragmenta philosophorum graecorum, coll. Fr. G. A. Mullachius. I—III. Par. 1860 sqq.

Gregor. Nazians. Or. Gregorii Nazians. Orationes. См. PG XXXV—XXXVIII. Paris. 1857.

* С конца 50-х годов А. Ф. Лосев пользовался 9-м изданием Дильса—Кранца (*А. А. Тахо-Годи*).

Germ. Germanici Caesaris Aratea, ed. A. Breysig. Lips. 1899.

Harpocr. Harpocrationis Lexicon cum etc. I—II. Lips. 1824.

Hor. Carm. Horatii Flacci Carmina, rec. L. Müller. Lips. 1898.

Hor. Carm. Saec. Horatii Carmen Saeculare. Ibid.

Heliod. Heliodori Aethiopicorum libri X, ed. I. Bekker, Lips. 1855.

Heraclid. Alleg. Hom. Heraclides. Allegoriae Homericae, ed. N. Schow. Götting. 1782.

Heraclid. P. De Heraclidis Pontici vita et scriptis. Rost. 1896. Diss.

Heraclit. Qu. Hom. Heracliti. Quaestiones Homericae, ediderunt societatis philologiae Bonensis sodales. Prolegomena seripsit Fr. Oehlmann. Lips. 1910.

Heracliti De incred. Heracliti qui fertur libellus Peri apiston. См. Mythographi Graeci.

Herm in Phaedr. Hermiae Alexandrini in Platonis Phaedrum, ed. P. Couvreur. Paris. 1901.

Herod. Herodotos, erklart v. H. Stein. 6. Aufl. I—V. Berl. 1901.

Hesiodi Carmina, rec. A. Rzach. 3. ed. Lips. 1913.

Hesiodi Catal. Hesiodi Catalogus ton gynaicon. Ibid.

Hes. Opp. et d. Resiodi Opera et dies. Ibid.

Hes. Scut. Hesiodi Scutum. Ibid.

Hesiod. Theog. Hesiodi Theogonia. Ibid.

Hesych. Hesychii Alexandrini Lexicon, ed. M. Schmidt. Jena. 1867.

Hill. Cr. Anthologia lyrica etc., ed. E. Hiller, emend. O. Crusius. Lips. 1907.

Himer. Himerii Opera, ed. Fr. Dübner. Par. 1849 (Didot).

Hippol. Hippolyti Refutatio omnium haeresium, ed. Wendland.

[Historici] FGr. Hist. Die Fragmente d. griechischer Historiker von P. Jacoby. I. Teil. Genealogie u. Mythographie. Berl. 1923.

[Historici] FHG. Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Müller. I—V. Paris. 1841—1870 (Didot).

Hyg. Astr. Hygini Astronomica, ed. B. Bunte. Lips. 1875.

Hyg. Fab. Hygini Fabulae, ed. M. Schmidt. Jena. 1872. (Ср. Hygini Fabulae, rec., prol., comm., append. instr. H. J. Rose. Lugd. Bat.) [1935].

Hymn. Hom. Hymni Homerici etc., ed. A. Baumeister. Lips. 1860.

Hymn. Orph. Orphei Hymni. См. Orph. Ab.

IL Homeri Ilias, cur. C. Dindorf—C. Hentze. Lips. 1928.

Initia philosophiae ac theologiae ex Platonis fontibus ducta sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis Alcibiadem commentaria, ed. itemque eiusdem Procli Institutionis theologiae adiecit Fr. Creuzer. I—III. Francof. 1820—1822.

Isocr. Isocratis orationes, cur. F. Blass. Lips. 1879.

Isocr. Paneg. Isocratis Panegyricus. Ibid.

Jambl. Theol. ar. [Jamblichi] Theologoumena arithmeticae, ed. de Falco. Lips. 1922.

Jambl. De myst. См. Ps.-Jambl. de myst.

Jambl. protr. Jamblichi Protrepticus, ed. H. Pistelli. Lips. 1888.

Jambl. De vita Pyth. Jamblichi De vita Pythagorica, ed. A. Nauck. Petersb. 1884.

Joann. Malal. Chronogr. Joannis Malalae Chronographica, rec. L. Dindorf. Bonnae 1831.

Julian. Juliani Imperatoris quae supersunt. Omnia, rec. F. C. Hertlein. I—II. Lips. 1875 sqq.

Julian. or. Juliani Orationes, Ibid.

Lactantii Opera omnia, rec. S. Brandt et G. Laubmann. I—II. Wien. 1890—1897.

Lact. Epit. Lactantii epitome. Ibid.

Lact. Plac. ad Ov. Met. Lactantii Placidi ad Ovid. Metamorphoses. См. Mythographi Latini.

Liban. Libani Opera, rec. R. Foerster. I—VII. Lips. 1903 sqq.

Liv. Titi Livi Ab urbe condita libri, rec. G. Weissenborn et M. Müller. I—VI. Lips. 1909 sqq.

Long. Longi Daphnis et Chloe. См. Erotici Scriptores graeci.
Lucan. M. Annaei. Lucani De bello civili libri X, ed. C. Hosius. Lips. 1905.
Luciani Samosatensis Opera, rec. C. Jacobitz. I—III. Lips. 1874.
Luc. Deor. conc. Luciani Deorum concilium. Ibid.
Luc. Deor. dial. Luciani Deorum dialogi. Ibid.
Luc. Dial. mort. Luciani Dialogi mortuum. Ibid.
Luc. De dea Syr. Luciani De dea Syria, Ibid.
Luc. Jup. elench. Luciani Juppiter elenchomenos. Ibid.
Luc. De Sal. Luciani De Saltatione. Ibid.
Lucr. Lucreti Car De rerum natura libri VI, ed. A. Brieger. Lips. 1894.
Lycophr. (или Lyc.) Lycophronis Alexandra, rec. G. Kinkel. Lips. 1880.
Lycurg. Lycurgi Orationes, rec. Fr. Blass. 1899.
L. Lyd. De Mens. Joannis Laurentii Lydi Liber de mensibus, ed. R. Wuensch. Lips. 1898.
Lys. Lysii Orationes, rec. Th. Thalheim. Lips. 1901.
Marc. Ant. M. Antonini imperatoris in semet ipsum libri XII, recogn. H. Schenkl. Lips. 1913.
Macrobius, rec. F. Eyssenhardt. Lips. 1893.
Macr. Sat. Macrobii Saturnalia. Ibid.
Macr. Somn. Scip. Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis. Ibid.
Mart. Cap. Martianus Capella, rec. F. Eyssenhardt. Lips. 1866.
Max. Tyr. Maximi Tyrii Philosophumena, ed. H. Hobein. Lips. 1910.
Mosch. Moschi Idyllia. См. Poetae bucolici et didactici.
Mythographi graeci. Vol. I. Apollodori Bibliotheca. Pediasimi libellus de duodecim Herculis laboribus, ed. R. Wagner. Lips. 1894. [Ср. Apollodorus. The Library, with an ehgl. transl. by J. G. Frazer. I—II. Lond. 1921.] (Сюда же входит Apollodori Bibliothecae epitoma ex epitoma Vaticana et fragmentis Sabbaiticis composita, pp. 171—237).
Vol. II, fasc. I. Parthenii libellus Peri eroticon pathematon, ed. P. Sakolowsky. Metamorphoseon Antonini Liberalis Synagoge, ed. E. Martini. Lips. 1896.
Vol. II, fasc. I. Supplem. Parthenii Nicaeni quae supersunt, ed. E. Martini. Lips. 1902.
Vol. III, fasc. I. Pseudo=Eratosthenis Catasterismi, rec. A. Olivieri. Lips. 1897.
Vol. III, fasc. 2. Palaephati Peri apiston. Excerpta Vaticana (vulgo Anonymus de Incredibilibus), ed. N. Festa. Lips. 1902.
Mythographi Scriptores poeticae Graeci, ed. A. Westermann. Braunsv. 1843.
Myth. lat. Mythographi Latini. C. Jul. Hyginus. Fab. Planciades Fulgentius. Lactantius Placidus. Albricus Philosophus, ed. Th. Munckerus. Amstelodami. 1731.
Myth. lat. Scriptores rerum mythicarum Latini tres, ed. g. Bode I—II. Cellis. 1834.
Nonn. Nonni. Dionysiacorum libri XLVIII, rec. A. Ludwich. I—II. Lips. 1909—1911.
Od. Homeri Odyssea, cur. Lips. 1930.
Olympiod in Alcib. Olympiodori in Platonis Alcibladem. См. Initia philosophiae.
Olympiod in Phaed. Olympiodori in Platonis Phaedonem, ed. W. Norvin. Lips. 1913.
Orig. c. Cels. Origenis contra Celsum. См. Schriftsteller.
Orph. Ab. Orphica, rec. El. Abel. Lips.—Prag. 1885.
Orph. frg. Orphicorum fragmenta, coll. O. Kern. Berol. 1922.
Orph. Argon. Orphei Argonautica. См. в изд. Orph. Ab.
Orph. Lith. Orphei Lithica. в изд. Orph. Ab.
Ov. Fast. P. Ovidii Nasonis Fastorum libri sex. Für die Schule erkl. V. H. Peter. I—II. Lips. 1874.
Ov. Met. P. Ovidii Metamorphoses, ex. recogn. R. Merkel. Lips. 1910.
Palaeph. Palaephati Peri apiston. См. Mythographi Graeci.
Parthen. Erot. Parthenii libellus Peri eroticon pathematon. Ibid.

Parthen. Parthenii quae supersunt. Ibid.
PG. Patrologiae cursus completus, ed. J.-P. Migne. Series graeca.
PL. Patrologiae cursus completus, ed. Migne. Series latina.
Paus. Paussaniae Graeciae descriptio, rec. Fr. Spiro. I—III. Lips. 1903.
Pediasim. Pediasimi libellus etc. См. Mythographi Graeci.
Philod. De piet. Philodemi De pietate — в изд. H. Gomperz, Philodem uber d. Frömmigkeit. «Herkul. Stud». II. Lips. 1866.
Philostrati Opera, ed. C. L. Kayser. Accedunt Apollonii epistolae, Eusebius Adversus Hieroclem, Philostrati Junioris Imagines, Callistrati Descriptiones. I—II. Lips. 1871.
Philostr. Apoll. T. Philostrati Apollonii Tyanei vita. Ibid.
Philostr. Imag. Flavii Philostrati Imagines. Ibid.
Philostr. Jun. Imag. Philostrati Junioris Imagines. Ibid.
Phot. Photii Bibliotheca, ed. J. Bekker. I—II. Lips. 1824—1825.
Pind. Isthm. Pindari Isthmia. См. PLG I.
Pind. Nem. Pindari Nemea. Ibid.
Pind. Ol. Pindari Olympia. Ibid.
Find. Pyth. Pindari Pythia. Ibid.
Plat. Platonis dialogi etc., ex. recogn. C. F. Hermann et W. Wohlrab. I—VI. Lips. 1920—1935.
Plat. Conv. Platonis Convivium. Ibid.
Plat. Crat. Platonis Cratylus. Ibid.
Plat. Epist. Platonis Epistolae. Ibid.
Plat. Eutyphr. Platonis Eutyphro. Ibid.
Plat. Gorg. Platonis Gorgias. Ibid.
Plat. Legg. Platonis Leges. Ibid.
Plat. Phaed. Platonis Phaedo. Ibid.
Plat. Phaedr. Platonis Phaedrus. Ibid.
Plat. Phileb. Platonis Philebus. Ibid.
Plat. Polit. Platonis Politicus. Ibid.
Plat. Protag. Platonis Protagoras. Ibid.
Plat. R. P. Platonis Res publica. Ibid.
Plat. Soph. Platonis Sophista. Ibid.
Plat. Tim. Platonis Timaeus. Ibid.
Plaut. Amphitr. Plauti Amphitryo, в изд. Plauti Comoediae, rec. F. Goetz et Fr. Schoell. I—VII. Lips. 1913—1931.
PLG. Poetae Lyrici Graeci, rec. Th. Bergk. I—III. IV ed. Lips. 1882.
Plin. hist. nat. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII, ed. C. Mayhoff. I—VI. Lips. 1906 sqq.
Plot. Plotini Enneades etc., ed. R. Volkmann. I—II. Lips. 1883 sqq.
Plut. Mor. Plutarchi Chaerone. Moralia, rec. G. N. Bernardakis. I—VII. Lips. 1888—1896.
Plut. Aet. Rom. Plutarchi Aetia Romana. Ibid.
Plut. Amat. Plutarchi Amatorius. Ibid.
Plut. coni. praec. Plutarchi Coniugalia praecepta. Ibid.
Plut. De anim. procr. Tim. Plutarchi De animae procreatione in Timaeo libri IX. Ibid.
Plut. De aud. Plutarchi De ratione audiendi. Ibid.
Plut. de ei D. Plutarchi De Ei apud Delphos. Ibid.
Plut. De fac. lun. Plutarchi De facie, quae in orbe lunae apparet. Ibid.
Plut. De garr. Plutarchi De garrulitate. Ibid.
Plut. De mus. Plutarchi De musica. Ibid.
Plut. De pr. frig. Plutarchi De primo frigido. Ibid.
Plut. Poet. aud. Plutarchi Quomodo adolesc. poetas audire debeat. Ibid.
Plut. Qu. conv. Plutarchi Quaestionum convivalium libri IX. Ibid.
Plut. Ser. num. vind. Plutarchi De sera numinis vindicta. Ibid.
Plut. Numa. Plutarchi Vitae parallelae. I. Numa. Rec. C. Sintenis. Lips. 1873.

Plut. Thes. Plutarchi Theseus. Ibid.
Poetae bucolici et didactici etc. Par. 1862 (Didot).
Poetarum Scenicorum Graecorum Aeschyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis fabulae etc., rec. Gu. Dindorf. Lips. 1868.
Poll. Pollucis Onomasticon, ed. E. Bethe. Lips. 1900.
Polyb. Polybii, Historiae, cur. Th. Buttner-Wobst. I—V. Lips. 1882.
Porphyr. De antr. nymph. Porphyrii De antro nympharum. Opuscula, ed. A. Nauck. Lips. 1886.
Porphyr. De abst. Porphyrii De abstinentia. Ibid.
Porphyrii De philosophia ex oraculis haurienda librorum reliquiae, ed. G. Wolff. Berol. 1856.
Porph. ad Gayr, Porphyrii Pros Gayroii Peri toy pos empsychontai ta embrya — в изд. Abhandlungen d. Berliner Akad. d. Wissensch., Phil.-Histor. Klasse, Anhang. 1895.
Porphyr. Qu. Hom. Porphyrii Quaestionum Homericarum reliquiae, coll. H. Schrader. I—II. Lips. 1880—1890.
Procli Opera, ed. V. Cousin. 2-me ed. Paris,1864.
Procl. Hymn. Procli Hymni — в изд. Eudociaem Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae, rec. A. Ludwich. Lips. 1897.
Procl. in Alcid. Procli in Platonis Aicibiadem comm. См. Initia philosophiae.
Procl. in Crat. Procli Diadochi in Platonis Cratylum commentaria, ed. G. Pasquali. Lips. 1908.
Procl. in Parm. Procli in Platonis Parmenidem commentaria. См. Procli Opera.
Procl. in R. P. Procli Diadochi in Platonia Rem Publicam commentaria, ed. G. Kroll. I—II. Lips. 1899—1901.
Procl. Theol. Plat. Procli in Theologiam Platonis libri sex etc., ed. Aem. Portus. Hamb. 1618.
Procl. in Tim. Procli Diadochi in Platonis Timaeum conmmentaria, ed. E. Diehl. I—III. Lips. 1903—1906.
Procli De sacrificio et magis — в изд. C. Kroll. Analecta Graeca. Greifsw. 1901. Progr. lect.
Propert. Sexti Propertii Elegiae, rec. L. Müller. Lips. 1880.
Ps.-Arist. De Mund. Pseudo-Aristotelis De Mundo — в изд. Aristot. Opera, ed. Acad. Regia Borussica Berol.
Ps.-Erat. Catast. Pseudo-Erastosthenis Catasterismi. См. Mythographi Graeci.
Ps. -Jambl. De myst. Jamblichi De mysteriis liber, ed. G. Parthey. Berl., 1857.
Quint. M. Fabil Quintiliani Institutionis Orationae libri XII, rec. Ed. Bonnel. I—II. Lips. 1854.
Quint. Sm. Quinti Smyrnaei Posthomericorum libri XIV, rec. A. Zimmermann (Имелось в виду и изд. A. Koechly. Lips. 1853.)
Ruf. Recogn. Rufini Recognitiones — в изд. Patrologiae cursus completus, См. PL XXI.
Schriftsteller. Die griechischen christlichen Schriftsteller, von der Kirchenvater— Comission der konigl. preussischen Academie der Wissenschaften. Bd. I. Hippolytus. Lpz. 1897.
Bd. II—III, X. Origenis Werke. 1899.
Bd. VIII. Die Oracula Sibyllina, bearb. v. I. Th. Geffken. 1902.
Bd. XII, XV—XVII. Clemens Alexandrinus. — Athenagoras.
Schol. Ap. Rh. Scholia in Apollonium Rhodium — в изд. Apollonii
Rhod. Argonautica, emend. R. Merkel. II Scholia vetera ed. B. Keil. Lips. 1854.
Schol. Arat. Commentarium in Aratum reliquae, ed. E. Maass. Berol. 1898.
Schol. Arist. Scholia Graeca in Aristophanem etc., ed. Fr. Dübner. Paris. 1877 (Didot).
Schol. Call. Callimachea, ed. O. Schneider. 1. (Scholia in Callimachi Hymnos, pp. 107—135). Lips. 1870—1873.

Schol. Dan. Verg. Buc. Scholia Danielis in Vergilii Bucolica. См. в изд. Serv. Verg.

Schol. Eur. Scholia in Euripidem, ed. E. Schwartz. I—II. Berol. 1887—1891.

Schol. Hes. Scholia in Hesiodum. — в изд. Poetae minores Graeci, ed Th. Gaisford, II. Lips. 1823.

Schol. IL. Scholia graeca in Homeri Iliadem, ed. G. Dindorf I—IV. Oxon. — Lips. 1875—1877 (С добавл. E. Maass. V—VI. 1898).

Schol. Od. Scholia graeca in Homeri Odyseeam, ed. G. Dindorf, Oxf. Oxon.—Lips. I—II. 1855.

Schol. Pind. Scholia in Pindari Epinicia — в изд. Pindari Opera quae supersunt, ed. A. Boeckh. II. Lips. 1819. (Ср. Scholia vetera in Pindari carmina, rec. A. B. Drachmann I—II. Lips. 1903).

Schol. Plat. Scholia in Platonem, ed. Imm. Bekker. Lond. 1826 (1916).

Schol. Soph. Scholia in Sophoclis tragoedias, ed. Petrus. N. Papageorgias. Lips. 1888.

Schol. Theocr. Scholia in Theocritum etc., ed. Fr. Dübner. Paris. 1849 (Didot).

Sen. Med. [L. A. nnaei] Senecae Opera quae supersunt, recogn. Fr. Haase, ed. O. Hense. I—III. Lips. 1881—1898.

Sen. De benef. Senecae De Beneficiis. Ibid.

Sen Agam. Senecae Agamemnon — в изд. Senecae Tragoediae, rec. R. Peiper et G. Richter. Lips. 1867.

Serv. Verg. Aen., или Buc. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentaria, rec. G. Thilo et H. Hagen. Vol. I—III. Lips. 1878—1902.

Sext. Emp. Adv. math. Sexti Empirici Adversus mathematicos — в изд. Sext. Emp., ed. H. Mutschtmann, II. Lips. 1914.

Sil. It. Silii Italici Punica, ed. L. Bauer. I—II. Lips. 1890—1892.

Simpl. in Phys. Simplicii comm. in Aristotelis Physicorum libri. I—IV. H. Diels. Berol. 1882.

Solin. C. Julii S Collectanea rerum memorabilium, rec. Th. Mommsen. Berol. 1895.

Soph. Ai. Sophoclis Aiax. См. Poet. Scenic. Gr.

Soph. Ant. Sophoclis Antigona. Ibid.

Soph. El. Sophoclis Electra. Ibid.

Soph. O. C. Sophoclis Oedipus Coloneus. Ibid.

Soph. O. R. Sophoclis Oedipus Rex. Ibid.

Soph. Phil. Sophoclis Philoctetes. Ibid.

Soph. Trach. Sophoclis Trachiniae. Ibid.

Stat. Ach. P. Papini Statii Achilleis et Thebais, rec. Ph. Kohlmann, Fasc. I. Achilleis. Lips. 1879.

Stat. Theb. Statii Thebais. Ibid., fasc. II.

Steph. B. Stephani Byzantini Ethnicorum quae supersunt, ed. A. Meineke. Berl. 1849.

Stob. Ioannis Stobaei Anthologii etc. Eclogae, ed. G. Wachsmith. I—V. Berol. 1884—1912. Appendix. 1923.

SVF. Stoicorum veterum fragmenta, coll. Jo. ab. Arnim. I—IV. Lips. 1921—1924.

Strab. Strabonis Geographica, rec. A. Meinecke. I—III. Lips. 1866.

Suet. Suetonii Tranquilli Opera, rec. M. Ihm. I—II. Lips. 1907.

Suid. Suidae Lexicon, ex recogn. Imm. Bekkeri. 1854.

Syr. in Arist. Met. Syriani in Aristotelis Metaphysican, ed. G. Kroll. Berol. 1902.

Tacit. Cornelii Taciti libri qui supersunt, rec. C. Halm. I—II. Lips. 1898.

Tatian. Or. ad Gr. Tatiani Oratio ad Graecos, ed. E. Schwartz. Lips. 1888.

Tertull. De coron. Tertulliani De corona. Ibid.

Tertull. Adv. Marc. Tertulliani Adversus Marcionem. Ibid.

Tibul. Albii. Tibullii iibri IV, rec. L. Müller. Lips. 1901.

Theocr. Theocriti Idyllia, См. Poetae bucolici et didactici.

Tim. L. Timaei Locri De anima mundi — в изд. Plat. Tim.

TGF. Tragicorum Graecorum fragmenta, rec. A. Nauck. 2. ed. Lips. 1889.

Tzetz. Il. или Od. Tzetz in Iliadem или in Odysseam. См. Schol. IL. и Schol. Od.
Tzetz. Hes. Tzetz in Hesiodum. См. Schol. Hes.
Val. Fl. Valerii Flacci Argonautica, rec. Aem. Baehrens. Lips. 1875.
Val. Max. Valerii Maximi Factorum et dictorum memorabilium libri IX etc., rec. C. Halm. Lips. 1865.
Varr. T. Terenti Varronis De lingua latina, cur. L. Spengel, ed. filius Andreas Spengel. Berl. 1885.
Verg. Aen. Vergilii Maronis Aeneis, rec. O. Ribbeck. Lips. 1901.
Verg. Buc. Vergilii Maronis Bucolica, ed. O. Ribbeck.
Verg. Georg. Vergilii Maronis Georsica, ed. O. Ribbeck.
Vitr. Vitruvii De architectura libri X, ed. Krohn. Lips. 1912.
Xen. Anab. Xenophontis Expeditio Cyri, rec. W. Gemoll. Ed. 2. Lips. 1909.
Xen. Conv. Xenophontis Convivium. — в изд. Scripta. minora, rec. L. Dindorf, ed. Th.Thalheim. I. Lips. 1910.
Xen. hist. gr. Xenophontis Historia Graeca, rec. O. Keller. Lips. 1912.
Xen. Memor. Xenophontis Commentarii (Memorabilia), rec. W. Gilbert. Lips. 1888.
Xen. Oec. Xenophontis Oeconomicus, в том же изд., что и Xen. Conv.

В тексте обозначений попадается еще ряд мелких сокращений, каковы:
ap. — apud, у (такого-то писателя)
ibid. — ibidem, там же
init. — initium, в начале (цитируемой главы или параграфа)
frg. — фрагмент
or. — oratio, речь
p. — pagina, страница; pp. — paginae — страницы
prooem. — prooemium, вступление

Ради точности цитирования и ради напоминания после условного обозначения автора и произведения ставится иной раз сокращенная фамилия издателя или редактора (напр., Kr., D., Cous, Gomp., и пр.), особенно когда имеется несколько изданий цитируемого источника или когда данное издание по какой-либо причине предпочтено. Лица, не знающие фамилий этих издателей или редакторов, могут найти их в настоящем списке.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Августин. О граде Божием. Творения Блаж. Августина. Изд. Киевской дух. академии. Ч. 6. Киев, 1907.

Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков / Перев. Вяч. Иванова, М., 1914.

Алкман / Перев. В. В. Вересаева. // Вересаев В. В. Собр. соч. Т. X. (Эллинские поэты). М., 1928.

Аммиан Марцеллин. История / Перев. Ю. В. Кулаковского: I—III. Киев, 1906—1908.

[*Анакреон*] / Перев. В. В. Вересаева. // Вересаев В. В. Собр. соч. Т. X. (Эллинские поэты). М., 1928.

[*Анакреон*] Песни Анакреона / Перев. и примеч. А. Баженова. М., 1861.

Антология Палатинская // Греческие эпиграммы / Перев., ст. и примеч. Л. В. Блуменау, ред. и дополн. Ф. А. Петровского. М.—Л., 1935.

Антонин Liberalis. Превращения / Перев. В. Алексеева. Спб., 1890.

Аполлодор. Библиотека. Гл. I 1, 1 — I 6, 3 / Перев. С. И. Радцига.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Перев. Г. Ф. Церетели (за исключением помеченных Ден).

Апулей. Золотой осел / Перев. М. Кузмина. М.—Л., 1929.

Аристотель. Метафизика / Перев. А. Кубицкого. М.—Л., 1934.

Аристотель. Политика / Перев. С. А. Жебелева. Спб., 1911.

Аристотель. Поэтика / Перев. Н. И. Новосадского. Л.—М., 1927.

Аристотель. Физика / Перев. В. П. Карпова. М., 1931.

Аристофан. Комедии / Перев., вступит. ст. и коммент. Адр. Пиотровского. I—II, М.—Л., 1934.

Ахилл Татий Александрийский. Левкипа и Клитофонт / Перев. А. В. Д. Е. М., под ред. Б. Л. Богаевского. М., 1925.

Бион / Перев. М. Е. Грабарь-Пассек.

Вергилий. Энеида / Перев. Вал. Брюсова и Серг. Соловьева; ред., вступ. ст. и комм. Н. Ф. Дератани. М.—Л., 1933.

Вергилий. Сельские поэмы (Буколики, Георгики) / Перев., вступ. ст. и комм. С. Шервинского. М.—Л., 1933.

Витрувий. Об архитектуре: В 10 кн. / Перев. под ред. А. В. Мишулина. Л., 1936.

Гелиодор. Эфиопика / Вступ. ст., ред. перев. и примеч. А. Егунова. М.—Л., 1932.

Геродот. История: в 9 кн. / Перев. Ф. Г. Мищенко. I—II. М., 1888.

Гесиод. Теогония. Труды и дни / Перев. В. Вересаева // Вересаев В. В. Собр. соч. Т. X. (Эллинские поэты). М., 1928.

Гесиод. Щит Геракла / Перев. С. П. Кондратьева (кроме помеченных «Нед.»).

Гомер. Илиада / Перев. Н. И. Гнедича. М.—Л.: Академия, 1935.

Гомер. Одиссея / Перев. В. А. Жуковского. М.—Л.: Академия, 1935.

Гомеровские гимны / Перев. В. В. Вересаева. // Вересаев В. В. Собр. соч. Т. X. (Эллинские поэты). М., 1928.

[*Гораций*] Квинт Гораций Флакк. Оды / Перев. Н. И. Шатерникова. М., 1935.

[*Еврипид*] Театр Еврипида / Перев. с введ. и послесл. И. Ф. Анненского; под ред. и с комм. Ф. Ф. Зелинского.

Т. I — Алкеста, Андромаха, Вакханки, Гекуба. М., 1916.

Т. II — Гераклиды, Геракл, Елена, Ипполит. М., 1917.

Т. III — Ифигения Авлидская. Ифигения Таврическая. Ион. Киклоп. М., 1921.

[Еврипид] Театр Еврипида / Полный стихотв. перев. с греч. И. Ф. Анненского. Спб. [1906]. (Отсюда — «Медея».)

Еврипид. Электра / Перев. И. Ф. Анненского // Журн. Мин. нар. просв., 1899. № 4—5.

Еврипид. Орест / Перев. И. Ф. Анненского // Журн. Мин. нар. просв., 1900. № 1—3.

Еврипид. Финикиянки / Перев. И. Ф. Анненского // Мир Божий. 1898, № 4.

Еврипид. Рес / Перев. И. Ф. Анненского // Журн. Мин. нар. просв. 1896, № 9—10.

Еврипид. Троянки / Перев. С. Шестакова. // Учен. зап. Казанск. Универ., 1876.

Каллимах / Перев. Д. С. Недовича.

Каллистрат — см. Филострат.

[Катулл] Стихотворения Катулла / Перев. с объяснен. А. Фета. М., 1886.

Квинт Смирнский / Перев. Д. С. Недовича.

Клавдиан / Перев. Д. С. Недовича.

Климент Александрийский. Увещание к эллинам / Перев. с примеч. Н. Корсунского. Ярославль, 1888.

Климент Александрийский. Строматы / Перев. с примеч. Н. Корсунского. Ярославль, 1892.

Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Перев. ст. и комм. С. И. Соболевского. М.—Л., 1935.

Ксенофонт. Анабазис / Перев. Янчевецкого, 2-е изд. Киев, 1879.

Ксенофонт. Греческая история / Перев., вступит. ст. и комм. С. Лурье. Л., 1935.

[Либанид] Речи Либания / Перев. с примеч. С. Шестакова. I—II. Каз., 1914, 1916.

[Ливий] Тит Ливий. Римская история от основания города / Перев. под ред. П. Адрианова. I—VI. М., 1897—1899.

Лисий. Речи / Перев., ст. и комм. С. И. Соболевского. М.—Л., 1933.

Лонг. Дафнис и Хлоя / Вступит. ст., перев. и комм. С. П. Кондратьева. М.—Л., 1935.

Лукиан. Собрание сочинений / Перев. под ред. Б. Л. Богаевского. I—II. М.—Л., 1935.

Лукреций. О природе вещей / Перев. и комм. Ф. А. Петровского. М.—Л., 1937.

Мосх / Перев. М. Е. Грабарь-Пассек.

Нонн. Тифония. Деметра и Персефона / Перев. Д. С. Недовича.

Овидий. Метаморфозы / Перев. С. В. Шервинского, ред. и комм. Ф. А. Петровского. М.—Л., 1937.

Овидий. Фасты / Перев. А. М. Фемелиди.

Орфические гимны / Перев. Д. С. Недовича.

Павсаний. Описание Греции. Кн. I—V / Перев. С. П. Кондратьева.

Павсаний. Описание Еллады, или Путешествие по Греции во II веке по Р. Х. / Перев. с толков. Г. Янчевецкого, Спб., 1887—1889. (Отсюда — последние пять книг.)

Пиндар. Олимпийские (I, II, VII, XIV) и Пифийские (I—V) эпиникии / Перев. В. В. Майкова // Журн. Мин. нар. просв. 1892, № 8—10; 1893, №1, 4, 12; 1896, № 6; 1898, № 5.

Платон. Федр. Пир / Перев. С. А. Жебелева. Пб.: Академия, 1922.

Платон. Протагор / Перев. В. С. Соловьева // Творения Платона. II. М., 1903.

Платон. Законы / Перев. А. Н. Егунова // Полн. собр. твор. Платона, Пб.: Академия, Т. XIII—XIV. 1923.

[*Платон*] Сочинения / Перев. и объясн. Карповым. I—VI. Спб., 1841—1879. (Отсюда — кроме перечисленных выше отдельных сочинений).

[*Плавт*] Тит Макций // Плавт. Избранные комедии, перев. А. В. Артюгшкова, под ред. и с прим. М. М. Покровского. I—III. М.—Л., 1933—1937.

Плутарх. О музыке / Перев. Н. Н. Томасова. Пб., 1922.

[*Проперций*] Элегии Секста Проперция / Перев. А. А. Фета. Спб. 1888.

Сафо — см. Алкей.

Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей / Пер. Д. П. Кончаловского. М.—Л., 1933,

[Сенека] Люций Анней Сенека. Трагедии / Перев. Сергея Соловьева. М.—Л., 1933.

Силий Италик / Перев. Д. С. Недовича.

Софокл. Трагедии. Т. I (Эдип царь, Эдип в Колоне, Антигона) / Перев. В. О. Нилендера и С. В. Шервинского, комм. В. О. Нилендера. М.—Л., 1936.

Софокл. Драмы. Т. 1 / Перев. с введ. и вступ. ст. Ф. Зелинского. М., 1914. (Здесь — Аякс, Филоктет, Электра.)

Софокл. Драмы. Т. III / Перев. Ф. Зелинского. М., 1914. (Здесь — Трахинянки и фрагменты.)

[*Страбон*] География Страбона: В 17 кн. / Перев. с пред. и указ. Ф. Мищенко. М., 1879.

[*Тацит*] Сочинения К. Тацита / Пер. с примеч. и ст. В. И. Модестова. Спб., 1886 сл.

[*Тибулл*] Элегии Тибулла / Перев. с объясн. А. Фета, М. 1886.

Феогнид / Перев. В. В. Вересаева // Вересаев В. В. собр. соч. Т. X. (Эллинские поэты). М., 1928 (кроме помеченных Пиотр., Зел., и Лос.).

Феокрит / Перев. М. Е. Грабарь-Пассек.

Филострат (Старший и Младший). Картины. *Каллистрат.* Статуи / Примеч., перев. и введ. С. И. Кондратьев. 1936.

Эратосфен. Катастеризмы / Перев. С. И. Радцига.

Эсхил. Трагедии / Перев. А. Пиотровского. М.—Л., 1937.

[*Эпиграммисты*] Греческие эпиграммы / Перев. и примеч. Л. В. Блуменау; Ред. и дополн. Ф. А. Петровского. М.—Л., 1935.

Все прочие, не поименованные здесь, переводы в настоящем томе «Античной мифологии» сделаны непосредственно А. Ф. Лосевым или им коренным образом проредактированы.

Сокращенные фамилии переводчиков вслед за обозначением фрагментов:

Блум. — Блуменау Л. В.
Верес. — Вересаев В. В.
Ден. — Денисов А. И.
Нед. — Недович Д. С.
Лос. — Лосев А. Ф.
Зел. — Зелинский Ф. Ф.
Пиотр. — Пиотровский А. Н.
Кондр. — Кондратьев С. П.
С. Труб. — Трубецкой С. Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

БИБЛИОГРАФИЯ *

I. СОЧИНЕНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Daremberg Ch. et Saglio Edm., Dictionnaire dea antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, I—V, Paris. 1892 sqq.

Forrer R., Reallexikon der praehistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertumer, Berl.-Stuttg. 1907 ff.

Hastings, Encyclopedia of Religion and Ethics, Edinb. — New-York. 1908 ff.

Lichtenberger, Encyclopedie des sciences religieuses, Paris. 1877—1882.

Pauly-Wissowa, Real-Encyclopadie der klassischen Altertumwissenschaft, Stuttg. 1901 ff.

Roschor W. H., Ausfuhrliches Lexicon der griechischen u. römischen Mythologie, I—V, Lpz. 1884—1936.

Schrader O., Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassb. 1901.

Smith-Marindin A., Classical Dictionary of Greek and Roman Biography, Mythology and Geography, Lond. 1899.

2. ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Aly W., Der kretische Apollokult, Lpz. 1908.

Aly W., Zur Methode der griechischen Mythologie, «Deutsche Literaturzeitung», XXXI, 1910, 261—267.

Aly W., Ursprung u. Entwickelung der Kretischen Zeusreligion, «Philologus», LXX, 1912, 457—478.

Aubert H., Les légendes mythologiques de la Grèce et de Rome, Paris. 1909.

Bapp. K., Prometheus, ein Beitrag zur griechischen Mythologie, Oldenburg. 1896 (Osterprogramm des Gymnasien).

Baumeister A., Denkmaeler des klassischen Altertums zur Erlauterung des Lebens, I—III, Münch. — Lpz. 1885—1888.

Bender W., Mythologie u. Metaphysik, Stuttg. 1899.

II. СОЧИНЕНИЯ НА РУССКОМ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Баз Ю., Полифеизм древних греков. Обзор языческих верований и обрядов древних греков, с кратким очерком религии римлян. Спб., 1885.

.....

* Настоящая библиография содержит только самые общие труды по античной мифологии. Из специальных трудов указывается только немногое, применительно к данному тому. Многие проблемы античной мифологии разработаны в науке до такой степени подробно, что материалы и источники часто оказываются представленными во всей исчерпывающей полноте. В таких случаях составителю оставалось только компилировать уже существующие сводки (так использован ряд исследований в больших сводных изданиях: Daremberg—Saglio, Pauly—Wissowa, Roscher, Gruppe, Preller—Jordan). В других случаях составитель давал результат своих собственных изысканий первоисточников. Известная самостоятельность была необходима также в отношении ученых трудов, дающих огромный материал, но искаженных какой-нибудь предвзятой теорией. Так, например, наиболее использованный нами (волей-неволей) Roscher, в котором большинство ответственнейших исследований дает материал только для устаревшей ныне солярно-метеорологической теории, как раз подвергается у нас наибольшей переработке.

Баумгартен Ф., Вагнер Р., Поланд Ф. Эллинская культура / под ред. Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева. Спб., 1908.

Вегнер В. Эллада. Очерки и картины древней Греции / Перев. под ред. В. Модестова. Спб.—М. [1900].

Вейнберг П. Прометей в поэзии // Отеч. зап. 1884, № 6.

Ветнек Е. Краткий очерк мифологии греков и римлян. 2-е изд. Спб., 1899.

Властов Г. Теогония Гезиода и Прометей (Разбор сказаний). Спб., 1897.

Воеводский Л. Ф. О занятиях по критике и мифологии гомеровского эпоса // Зап. Новоросс. унив. Т. XXX. 409—498.

Воеводский Л. Ф. Каннибализм в греческих мифах. Спб., 1874.

Воеводский Л. Ф. Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1881.

Воеводский Л. Ф. Солярная теория мифов и древнейшая греческая культура // Журн. Мин. нар. просв. 1902, июнь, 234—239.

Глаголев С. Греческая религия. Ч. I (Верования). Сергиев Посад, 1909.

Делавиль. Элементарная греко-римская мифология / Перев. П. Первова.М., 1900.

Дютшке. Олимп. мифология греков и римлян. Спб., 1892.

Зееман. Мифология греков и римлян / Перев. Гиацинтова. М., 1894.

Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. I—III. Спб., 1904—1907.

Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Пгр., 1918.

Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пгр., 1922.

Кагаров Евг. Этюды по истории греческой религии // Филол. зап. 1905, № 5—6.

Корш М. Краткий словарь мифологии и древности. Спб., 1894.

Berger E. H. Mythische Kosmographie der Griechen. Lpz., 1904.

Beth K. Die Herkunft des orphischen Erikepaios // Wiener Studien, XXXIV, 1912, 288—300.

Bethe E. Homer, Dichtung und Sage, I (Ilias), Lpz., 1914.

Bethe E. Quaestiones Diodorae mythogrophae. Gott., 1887.

Bock M. De Aeschylo poeta Orphico et Orpheopythagoreo. Jena, 1914. Diss.

Bode G. H. Commentatio de Orpheo poetarum Graecorum antiquissimo. Goettingae, 1824.

Boetzkes R. Das Kerykeion. Münster. 1913. Disa.

Bouché-Leclerq A. Histoire de la divination dans l'antiquité. I—IV. Paris, 1879—1882.

Bouché-Leclerq A. L'Astrologie grecque. Paris, 1899.

Braun E. Griechische Mythologie. Hamb.—Gotha., 1850.

Bruchmann C. F. H. Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Lpz., 1893.

Bursian C. Ueber den religiösen Charakter des griechischen Mythos. Münch., 1875.

Buttman P. K. Mythologus, Gesammelte Abhandlungen ueber die Sagen des Altertums. I—II. Berl., 1828—1829.

Conze A. Heroen- und Gottergestalten der griechischen Kunst. Wien, 1875.

Cornford F. M. Hermes. Pan. Logos // The Classical Quarterly. 1909, III, 281—284.

Cornford F. M. From Religion to Philosophy. Lond., 1912.

Corssen P. Apollons Geburt // Verhandlungen der philologischen Versammlung zu Marburg am Lahn. LII. 1914, 163—164.

Creuzer P. Symbolik und Mythologie der alten Völker. besonders d. Griechen.

Decharme P. Mythologie de la Grèce antique. Paris, 1889.

Decharme P. La critique des traditions religieuses chez les Grecs des origines au temps de Plutarque. Paris, 1904

Dieterich A. Mutter Erde. 2. Aufl. Lpz., 1913.

Dieterich A. Abraxas. Lpz., 1891.

Dieterich A. Nekyia. 2. Aufl. Lpz., 1913.
Dieterich A. Eine Mithraslithurgie. 2. Aufl. Lpz., 1910.
Dietze J. Zur kyklischen Theogonie // Rhein. Museum. 1914, LXIX, 522—537.
Dietze J. Die mythologischen Quellen für Philodems Peri Eysebeias // Philol. Jahrb. CLIII, 1896.
Domaszewski A. von. Die Hermen der Agora zu Athen. Heidelb., 1914.
Drerup E. Die Anfänge der hellenischen Kultur. I. Homer. Mainz, 1915.
Duemmler F. Zur orphischen Kosmologie // Archiv fur die Gesch. d. Philos. VII, 1894—Kleine Schr. 1901, 11, 155 ff.
Dyer L. Studies of the Gods in Greece. Lond., 1891.
Ehrenreich P. Die allgemeine Mythologie und ihre ethnologischen Grundlagen. Lpz., 1910.
Eitrem S. Hermes und die Toten // Christiania Videnskabsselskabs Forhandlingar. 1909, № 5.
Engelmann R. Bilder—Atlas zum Homer. Lpz., 1889.
Fairbanks A. A Handbook of Greek Religion. New-York, 1910.
Fairbanks A. The Mythology of Greece and Rome. New-York, 1912.
Farnell L. R. Cults of the Greek States. I—V. Oxford, 1896—1908.
Farnell L. R. Evidence of Greek Religion in the Text and Interpretation of Attic Tragedy // The Classical Quarterly. 1910, IV, 178—190.
Fisoher Th. Griechische Mythologie u. Antiquitaten. I—II. Lpz., 1856.
Foucart P. Les Mysteres d'Eleusis. Paris, 1914.
Frazer J. G. Pausanias's Description of Greece / Translaited with a commentary hy J. G. Frazer. 2-nd ed., corrected. I—VI. Lond., 1913.
Gardner K. Religion and Art in Ancient Greece. Lond.—New-York, 1910.
Gardner P. Origins of Myth. Oxford, 1896.
Geffken J. D. Bilderstreit d. heidn. Altertums // Arch. f. Religionsgesch. 1919, XIX, 286—315.
Gerhard E. Griechische Mythologie. Berl., 1854—1855.
Gerland G. Der Mythus von der Sintflut. Bonn, 1912.
Gilbert O. Griechische Götterlehre in ihren Grundzügen dargestellt. Lpz., 1898.
Gilbert O. Griechiache Religionsphilosophie. Lpz., 1911.
Girard J., Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle. Paris, 1869.
Goettling C. G. De Ericapaeo Orphicorum numine // Opuscula academica. 1869, 206.
Gow A. S. F. Elpis and Pandora in Hesiod's Worke and Days // Essays and Studies presented to William Ridgeway. Cambr., 1913, 99 ff.
Gruppe O. Die griechische Kulte und Mythen. Lpz., 1887.
Gruppe O. Grieohische Mythologie u. Religionsgeschichte. I—II (Handbuch d. klassischen Altertumwissenschaft, hrsg. v v. Dr. Iwan v. Müller, VBd., 2. Abt., I—II). Münch., 1906.
Habert O. La Religion de la Grèce antique. Paris, 1910.
Halliday W. R. Greek Divination. Lond., 1913.
Harrison Jane Ellen. Mythology and Monuments of Ancient Athens. Lond.—New-York, 1890.
Harrison Jane Ellen. Religion of Ancient Greece. Lond., 1906.
Harrison Jane Ellen. Prolegomena to the Study of Greek Religion. 2-nd ed. Cambr., 1908.
Harrison Jane Ellen. Themis, a Study of the Social Origins of Greek Religion, with an excursus on the ritual forms preserved in Greek tragedy by Prof. Gilbert Murray, and a chapter on the origin of the Olympic games by Mr. F. M. Cormford. Cambr., 1912.
Hartung J. A. Die Religion u. Mythologie der Griechen. I—IV. Lpz., 1866—1873.
Hedén E. Homerische Götterstudien. Uppsala, 1912.
Hermann G. De mythologia Graeca antiquissima. Lpz., 1817.

Hermann G. Über das Wesen und die Behandlung der Mythen. Brief an Creuzer. Lpz., 1819.

Hermann G. Über das Wesen u. die Behandlung der Mythen. Lpz., 1819.

Hermann K. F. Lehrbuch d. gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen. Heidelb., 1858.

Holwerda A. E. J. De Theogonia Orphica // Mnemosyne. N. F., 1894, XXII, 286—329, 361—385.

Immerwahr W. Die Kulte u. Mythen Arkadiens. Lpz., 1891.

Jacobi E. Handwörterbuch der griechischen u. romischen Mythologie. Koburg—Lpz., 1835.

Kalkmann. Pausanius d. Perieget. 1886, 260—264.

Kanne J. A. Mythologie der Griechen. Lpz., 1805.

Kern O. De Orphei Epimenidis Pherecydis theogoniis quaestiones criticae. Berl., 1888.

Keseling. De Mythograph // Vatic. Secundi fontibus dissertatio. Hal., 1908.

Kroll W. De oraculis Chaldaicis // Bresl. philologische Abhand-lungen. 1894, VII, 1; Philologus, 1894, LIII, 416, 561; Rhein. Museum, 1897, LII, 289.

Krichenbauer A. Theogonie u. Astronomie. Vienna, 1881.

Kuhn A. Mythologische Studien. Gutersloh, 1912.

Lackeit C. Aion, Zeit u. Ewigkeit in Sprache u. Religion d. Griechen. Königsb., 1916. Diss.

Lang A. Myth, Ritual und Religion. Lond., 1899.

Le Clerg des Sept—Chênes. Essai sur la religion des anciens Grece. Paris, 1787.

Lobeck C. A. Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis. I—II. Königsb., 1829.

Lorenz F. Das Titanen-Motiv in der allgemeinen Mythologie // Imago, 1913, II, 22—72.

Malten L. Hephaistos // Jahrb. d. kaiserl. deutschen archäolog. Instituts. 1912, XXVII, 232—264.

Mayer M. Die Giganten und Titanen in der antiken Sage u. Kunst. Berl., 1887.

Ménard R. J. La Mythologie dans l'art ancien et moderne. Paris, 1878.

Merkel R. // Philologus. 1861, XVII, 136—148. (О теогониях Гесиода и Орфея.)

Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum. Lpz., 1898.

Mössner O. Die Mythologie in der dorischen u. altattischen Komödie. Eriangen, 1907. Diss.

Müller H. D. Mythologie der griechischen Stämme. I—II. Gött., 1857—1861.

Müller K. O. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Gött., 1825.

Muenzel. Quaestiones mythographae. Bonn, 1893. Dias.

Mythology of all races, Vol. I. Greek and Roman, by *W. Sherwood Fox.* Boston, 1916.

Naegelsbach C. F. von. Die nachhomerische Theologie des griechisohen Volksglaubens bis auf Alexander. Nürnb., 1857.

Naegslabach C. F. von. Homerisce Theologis, 3. Auflv. V. G. Autenrieth. Nürnb., 1884.

Neustadt E. De Iove Gretico. Berl., 1906.

Nicholson W. Myth and Religion. Helsingfors, 1892.

Nillson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Lpz., 1906.

Nillson M. P. Der Ursprung der Tragodie // Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum. 1911, XXVII, 609 ff., 673 ff.

Overbeck J. Griechische Kunstmythologie. Lpz., 1871 ff.

Overbeck J. Ueber die Grundlagen des idealen griechischen Götterbilder. Lpz., 1875.

Poerner J. De Curetibus et Corybantibus. Halle, 1913. Diss.

Preller L., Robert C. Griechische Mythologie. I—II. Berl., 1894.

Radet G. Cybele. Etude sur les transformations plastiques d'un type divin. Bordeaux, 1909.
Ramorino F. Mitologia classica illustrata. Milano, 1911.
Reichel W. Ueber vorhellenische Götterkulte. Wien, 1897.
Reinach S. Cultes, mythes et religions. I—IV. Paris, 1908—1912.
Reizenstein R. Die Hellenistischen Mysterienreligionen, ihre Grundgedanken u. Wirkungen. Lpz.—Berl., 1920.
Reizenstein R. Zwei religionsgeschichtl. Fragen. Strassb., 1901.
Reizenstein R. Hellenistische Wundererzählungen. Lpz., 1906.
Reizenstein R. Poimandres. Lpz., 1904.
Reizenstein R. D. Märchen von Amor und Psyche bei Apuleius. Lpz.—Berl., 1912. (Затронуты космогонические идеи.)
Ridgeway W. The Origin of Tragedy. Cambr., 1910.
Robert C. Pandora // Hermes. 1914, XLIX, 17—38.
Robert C. De Apollodori Bibliotheca. Berl., 1873.
Rohde E. Psyche, 7. u. 8. Aufl. Tub., 1920.
Scheuer G. De Iunone Attica. Breslau, 1914.
Schoemann G. F. De poesi theogonica Graecorum // Ind. lect. Gryphisw. 1849—1850 (или в Opuscula acad., 1857, II, 9; там же, II, 60 — De Cupidine cosmogonico).
Schuster P. R. De veteris Orphicae theologiae indole atque origine. Lips. 1869. Diss.
Schwartz F. L. W. Der Ursprung der Mythologie. Berl., 1860.
Schwenk K. Die Mythologie der Griechen. Frankf., 1855.
Sieroka D. Die mythisch. Quellen f. Diodors 3. u. 4. Buch // Lyck. Progr. 1878.
Steuding H. Griechische u. romische Mythologie. Lpz., 1911.
Storck K. Die ältesten Sagen der Insel Keos. Giessen, 1912. Diss.
Susemihl F. Die orphische Theogonie // Neue Jahrb. 1874, 666.
Susemihl F. De theogoniae Orphicae forma antiquissima, Ind. Schol. Gryphisw. 1895; Neue Jahrb. 141, 1890, 820.
Sybel L., von. Die Mythologie der Ilias. Marb., 1877.
Toutain J. Etudes de mythologie et d'histoire des religions antiques. Paris, 1909.
Usener H. K. Götternamen. Bonn, 1896.
Usener H. K. Die Sintfluthsagen. Bonn, 1899.
Usener H. K. Mythologie // Arch. f. Religionswissen. 1904, VII, 6ff.
Voss J. H. Mythologische Briefe. I—II. Königsb., 1794.
Welcker E. G. Griechische Götterlehre. I—III. Gött., 1857—1863.
Wentzel. De grammaticis Graecis Quaestiones selectae, I. Epideseis sive de deorum cognominibus XXV, per grammatic. ser. dispersis. Gött., 1890.
Wide S. Lakonische Kulte. Lpz., 1893.
Wilamowitz-Moellendorff U. von. Homerische Untersuchungen. 1884, 328—362.

3. РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Agahd R., M. Terentii Varronis antiquitatum rerum divinarum libri. I, XIV, XV, XVI // Jahrb. f. klass. Philol. Supplementband. 1898, XXIV, 1—220.
Aust E. Die Religion der Römer. Münsterb., 1899.
Carter J. B. De deorum Romanorum cognominibus quaestiones selectae. Halle, 1898. Diss.
Carter J. B. Epitheta deorum quae apud poetas Latinos leguntur. Lpz., 1902.
Carter J. B. The Religion of Numa. Lond., 1906.
Cumont P. La Theologie solaire du paganisme romain. Paris, 1909.
Deubner L. Zur Entwicklungsgeschichte der altrömischen Religion // Neue Jahrbucher f. d. klass. Altertum. 1898, XIV, 321—335.
Domaszewski A. von. Abhandlungen zur römischen Religion. Lpz., 1909.

Kienzle H. Ovidius qua ratione compendium mythologicum ad Metamorphoses componendas adhibuerit. Basel, 1903. Diss.

Lafaye G. L. Les Metamorphoses d'Ovide et leure modèles grecs. Paris, 1904.

Otto W. F. Juno, Beiträge zum Verstandnisse der altesten u. wichtigsten Tatsachen ihres Kultes // Philologus. 1905, LXIV, 161—223.

Otto W. F. Religio und Superstitio // Archiv f. Religionsw. 1911. XIV, 406—422.

Preller L. — Jordan H. Romische Mythologie. I—II. 3. Aufl. Berl., 1881—1883.

Usener H. Italische Mythen // Rhein. Museum. 1875, XXX, 182 ff.

Vollgraff W., De Ovidio mythopoeia, Berl., 1901. Diss.

Wissowa G., Religion und Kultus der Römer, 2. Aufl. Münch., 1912.

Леонтьев П. О поклонении Зевсу в Древней Греции. М., 1850.

Лионне, аббат. Начертание мифологии с присовокуплением 180 гравир. картин / Перев. с франц. М. С. I—IV. 2-е изд. Спб., 1834.

Любкер. Фр. Реальный словарь классических древностей / Пер. под ред. В. И. Модестова. СПб.—М., 1884.

Люперсольский П. Храмовой город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции. Спб., 1869.

Кун Н. А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Ч. I. М., 1914; Ч. II, М., 1922.

Маркс К. и Энгельс Ф. Об античности / Под ред. и с пред. С. М. Ковалева, Л., 1932. (Здесь — собрание высказываний Маркса и Энгельса о мифологии и соседних областях античной культуры, с указанием соответствующих им сочинений.)

Мищенко Ф. Божество Прометей в трагедии Эсхила // Киев. универ. изв. 1877, № 10.

Негельсбах К. Ф. Вероучение Гомера / Перев. под ред. Г. Янчевецкого. Ревель 1891. // Гимназия. 1891, № 4, 10; 1892, № 1—3, 6; 1898, № 3—4.

Ницше Ф. Рождение трагедии / Перев. под ред. Ф. Зелинского. // Собр. соч. Т. 1. М., 1912.

Новосадский Н. К вопросу о культе Изиды в Греции // Журн. Мин. нар. просв. 1885, № 6—7.

Новосадский Н. Культ Котито // Журн. Мин. нар. просв. 1886, № 6.

Новосадский Н. Елевсинские мистерии. Спб., 1887.

Новосадский Н. Культ кавиров в Древней Греции. Варш., 1891.

Новосадский Н. Орфические гимны, Варш., 1900.

Петискус А. Г. Олимп. мифология греков и римлян / Перев. под. ред. К. А. Тюлелиева. Спб. — М., 3-е изд. (год не указан).

Пфлейдерер. Миф о Прометее // Истор. вестн. 1882, № 6.

Трубецкой С. Метафизика в Древней Греции. М., 1910. (Во введении — о мифологии.)

Шантепи де ля Соссей. Иллюстрированная история религий. Т. II, М., 1899.

Шваб Г. Мифы классической древности / Перев. Н. Свентицкой, 2-е изд., М., 1912.

Штоль Г. В. Мифы классической древности / Перев. С. Покровского и Д. Медведева. I—II. М., 1865—1867.

СОДЕРЖАНИЕ

«Античная мифология» А. Ф. Лосева. *Предисловие А. А. Тахо-Годи* 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТЕОЛОГИЯ И КОСМОГОНИЯ

I. ИСТОРИЯ
Введение 27
А. Гомер и эпос (кроме Гесиода) 29
Введение 29
Теогония у Гомера 30
Образ океана в гимнах 32
Другие эпические теогонии 32
Б. Гесиод 34
Введение 34
Начало 37
Уран 38
Кронос и Рея 40
Зевс в борьбе с прочими космогоническими силами 41
В. VI век 46
Введение 46
Акусилай 47
Мусей 47
Эпименид 48
Ферекид 49
К символике Ферекида 50
Г. Орфики 51
Введение 51
1. Древнейшие тексты 51
Введение 57
2. Так называемая «Теогония Иеронима и Гелланика» 57
Введение 62
3. «Рапсодическая» теогония 62
Введение 62
Д. Герметическая космогония 72
Введение 72
Е. Рим 72
Введение 72
Ж. Прочие теогонисты 78

II. СИСТЕМА
А. Хаос 82
Введение 82
Б. Тьма 84
Введение 84

В. Хронос-Время ... 91
Введение ... 91
Г. Стихии ... 92
Введение ... 92
Эфир, вода, воздух, огонь ... 94
Уран (Небо) и Гея (Земля) ... 96
Д. Мировое Яйцо и его первое порождение (Фанет) ... 105
Введение ... 105
Общее ... 106
Фанет, Эрот и Демиург ... 108
Фанет и Ночь ... 110
Другие аспекты ... 112
Е. Титаны (и в особенности Кронос) ... 114
Введение ... 114
Главнейшие эпизоды ... 118
Евгемеризмы о Титанах ... 120
Кронос и Филира ... 127
Титаны у орфиков ... 127
К эволюции образа Кроноса ... 132
Гимнические образы ... 135
Ж. Зевс теогонический
(Рождение, воспитание, смерть; Куреты; общее значение образа) ... 136
Введение ... 136
Воспитание Зевса на Крите ... 137
Куреты ... 141
О взаимоотношении Зевса и Кроноса специально ... 149
Зевс — демиург ... 151
З. Борьба Зевса за самоутверждение ... 153
Введение ... 153
Титаномахия ... 160
Киклопы ... 161
Сторукие ... 163
Гиганты ... 164
Гигантомахия ... 166
Тифон ... 174
«Тифония» Нонна ... 181
И. Заключение ... 205
Введение ... 205
Синтез чувственного и сверхчувственного в олимпийцах,
и прежде всего в Зевсе ... 208

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

I. ОБЩЕЕ
Введение ... 213
1. Малоазиатская переработка олимпийской мифологии. ... 213
2. Фессалийская основа. ... 223
3. Ионийская переработка. ... 229
4. Резюме. ... 233

Олимпийские боги
Введение ... 236
Олимп ... 238
Боги в своем быту ... 239

Боги на войне ... 248
Боги и судебная жизнь ... 261
Позднейшая пародия ... 266
Постановление ... 269

II. ЗЕВС И ГЕРА

А. Общие черты ... 271
1. Зевс ... 271
Введение ... 271
Образ Зевса в гимнах ... 274
Могущество и мудрость Зевса ... 276
Два главных Зевса ... 280
Браки и потомство Зевса ... 281
К внешнему виду Зевса ... 284
2. Гера ... 285
Введение ... 285
Образ Геры в гимнах ... 286
Отношение к браку и родам ... 286
Дары Геры ... 288
Диапазон образа Геры ... 288
Гера и отдельные страны ... 292
К иконографии ... 292
Гера и Иксион ... 292
3. Зевс в его отношении к Гере ... 295
Введение ... 295
Б. Зевс и Прометей ... 306
Введение ... 306
Гесиод ... 308
Эсхил и другие ... 312
Платон ... 320
Эллинистические и римские поэты ... 321
Поздние философы и толкователи ... 325
Культ Прометея ... 329
Пародии ... 329
В. Окружение Зевса и других олимпийцев ... 338
Введение ... 338
1.Фемида и Оры ... 338
Введение ... 338
2. Еврином а и Хариты ... 344
Введение ... 344
3. Мнемосина и музы ... 348
4. Геба ... 348
Введение ... 348
5. Ника ... 349
Введение ... 349
6. Ирида ... 351
Введение ... 351
7. Ганимед ... 356
Введение ... 356
Г. Римские параллели ... 363
Введение ... 363
Образ Януса ... 364
Материалы Августина о Янусе и его окружении ... 369
Термин и прочее ... 375

Д. Заключение (Критики Зевса) 380
Введение 380
Ксенофан 380
Гераклит 380
Платон 380
Феогнид 381
Климент Александрийский 381
Лукиан 382

III. АПОЛЛОН
А. Общие черты 389
Введение 389
Образ Аполлона в гимнах 391
Типы Аполлона и его функции 397
Аполлон — бог светлого оформления 406
Общая характеристика Аполлона 414
Б. Основные мифы 417
Введение 417
Рождение и путешествия 418
Убиение Пифона 424
Аполлон и Марсий 433
От и Эфиальт 438
В. Возлюбленные Аполлона 440
Введение 440
1. Гиацинт 440
Введение 440
2. Кипарис 444
Введение 444
3. Иапит (или Иапиг) 446
4. Дафна 446
Введение 446
5. Кассандра 450
Введение 450
6. Марпесса и другие 469
Введение 469
Г. Музы 473
Введение 473
Образ в гимнах 484
Д. Позднейшая пародия 485

IV. АРТЕМИДА
Введение 489
А. Общие черты 494
Жизнь среди природы и людей 494
Орион, Актеон, Ипполит 504
Б. Ипостаси Артемиды 513
Каллисто — ипостась Артемиды 513
Аталанта — ипостась Артемиды 520
Гиперборейские девушки 525
Ифигения 526
В. Типы Артемиды 536
Г. Образ Артемиды 545
Вступление 547
Артемида и Аполлон 547
Девство и красота 548

Охота. Владычица зверей 548
Военные подвиги 548
Покровительство людям 550
Личное отношение Либания к Артемиде 552

V. ГЕФЕСТ
Введение 565
Художественная деятельность 567
Отношение Гефеста к другим богам и людям 580
Символика Гефеста 582

VI. АФИНА ПАЛЛАДА
Введение 583
Происхождение 588
Афина и Гефест 593
Афина, война и герои 593
Аттика 608
Рукоделие и художество Афины 610
Примеры на провинциальных Афин 612
Римская Минерва 613
Афина и Арахна 615
Науки и искусства 619
История с Тиресием 622
Палладиум 626
Образ Афины в гимнах 628
Пародии 630
Гефест и Зевс 630
Афродита и Эрот 631

VII. АРЕС
Введение 633
А. Арес и война 635
Б. Специально римские добавления 652

VIII. АФРОДИТА
А. Основные функции Афродиты 664
Введение 664
Происхождение и типы 666
Образ Афродиты в гимнах 668
Разнообразие черт 672
Поэты об Афродите 680
Философы об Афродите 686
Б. Эрот 687
Введение 687
Значение и типы 690
Эпос и лирика 692
Эрот у драматургов 703
Александрийцы 707
Эрот у Платона 714
В. Любимцы 760
Введение 760
1. Адонис 761
Введение 761
2. Анхиз и Эней 769
Введение 769

3. Парис ... 782
Введение ... 782
4. Кинир, Фаэтон, Фаон, Пигмалион ... 789
Введение ... 789
Г. Специально римские добавления ... 792
Введение ... 792
Е. Из позднейшей пародии ... 806

IX. ГЕСТИЯ
Введение ... 809
А. Богиня очага у греков ... 809
Б. Специально римские добавления ... 819
Римские Пенаты и домашний очаг ... 819

X. ГЕРМЕС
Введение ... 830
А. Общие черты ... 835
Б. Главные мифы ... 844
В. Местные культы и мифы ... 862
Г. Окружение ... 865
Д. Отношение к наукам и искусствам ... 890
Е. Римские добавления ... 892
Ж. Гермес Трижды-величайший ... 895
Герметическая космогония ... 895
З. Пародии ... 910

XI. ДЕМЕТРА
Введение ... 915
А. Основной миф ... 918
Б. Местные мифы и культы ... 932
В. Варианты основного мифа ... 939
Г. Прочее окружение Деметры ... 957
Д. Значение мифа ... 974
Образ Деметры у орфиков ... 979

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ
Теогония и космогония * ... 987
I. История ... 987
II. Система ... 993
Олимпийские боги ... 993
I. Общее ... 993
II. Зевс и Гера ... 994
III. Аполлон ... 995
IV. Артемида ... 995
V. Гефест ... 997
VI. Афина ... 997
VII. Арес ... 998
VIII. Афродита ... 998
IX. Гестия ... 1000
X. Гермес ... 1000
XI. Деметра ... 1001

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I 1004
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Указатель использованных источников (с их условными обозначениями) 1015
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Использованные переводы 1024
ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Библиография 1027
I. Сочинения на иностранных языках 1027
1. Мифологические словари 1027
2. Греческая мифология 1027
II. Сочинения на русском языке 1027
3. Римская мифология 1031

Лосев Алексей Федорович

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ С АНТИЧНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ К НЕЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

Собрание первоисточников, статьи и комментарии

Главный редактор *Н.Е. Фомина*
Ответственный за выпуск *А.Н. Гопаченко*
Художественный редактор *Б.Ф. Бублик*
Технический редактор *А.С. Жученко*
Компьютерная верстка *В.Н. Амелин*
Корректоры *Е.Ф. Донец, О.В. Петрушова*

ООО «Издательство «Фолио»
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции
ДК № 502 от 21.06.2001 г.
ДК № 683 от 21.11.2001 г.
61057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

Электронные адреса: www.folio.com.ua
E-mail: realization@folio.com.ua
Интернет-магазин www.bookpost.com.ua

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

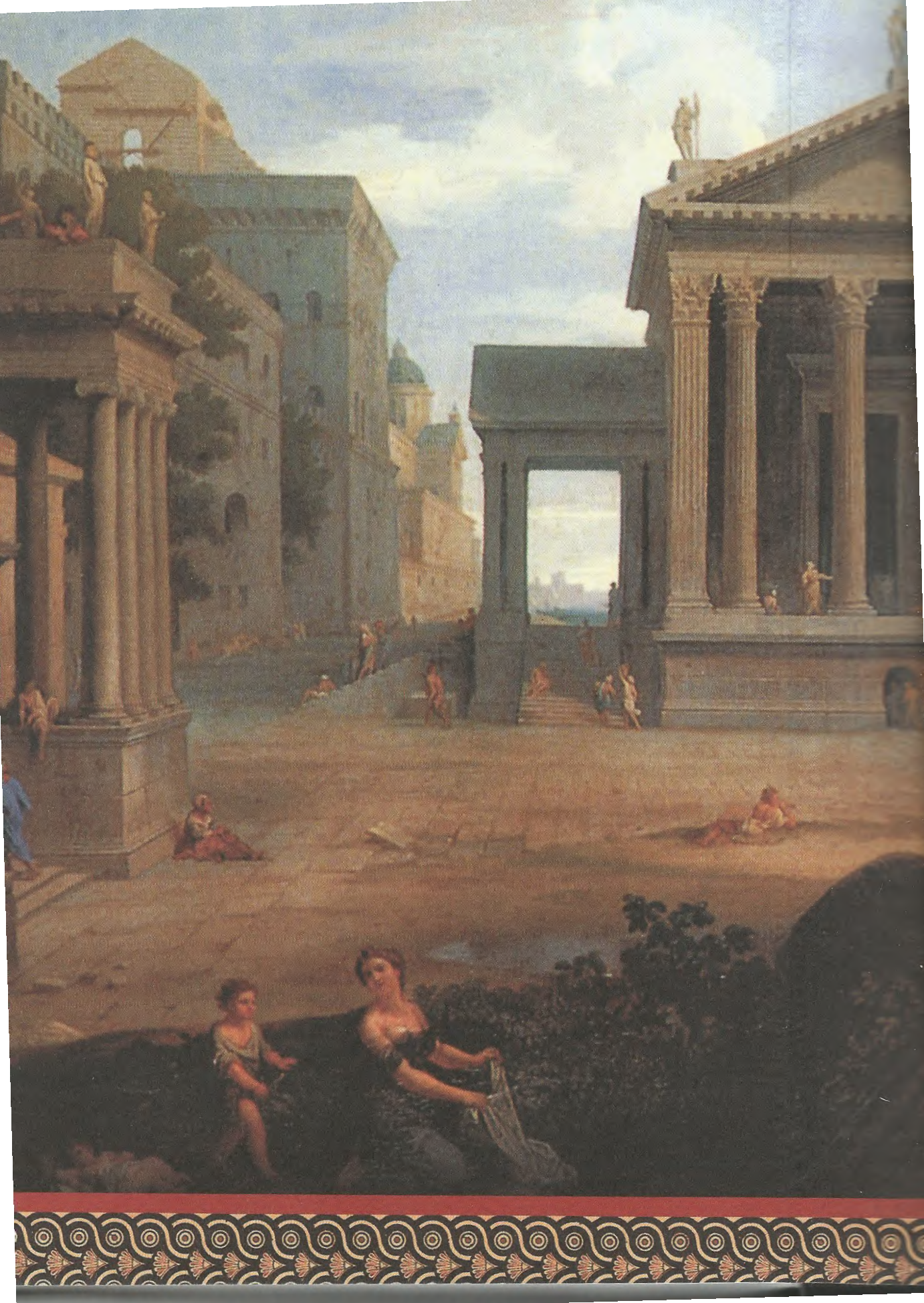
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

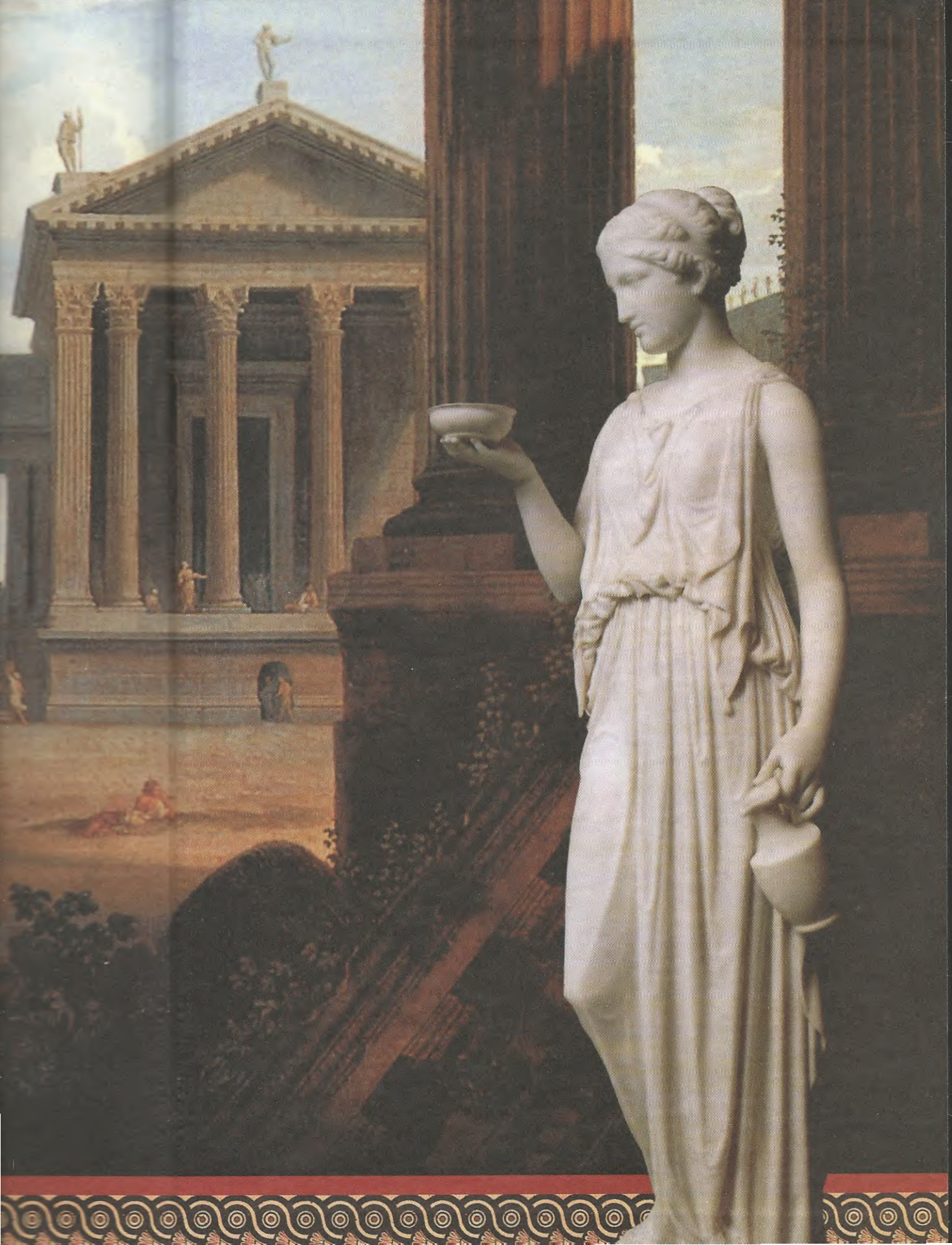
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 20.07.2005.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Мысль». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 91,0 + вкл.
Тираж 3100 экз. Заказ № 220.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.





Уникальной книге, которую вы держите в руках, выпала трудная судьба. Она создавалась перед войной, в 30-е годы, Алексеем Федоровичем Лосевым, выдающимся отечественным философом, ученым поистине энциклопедических знаний. Долгих 70 лет понадобилось, чтобы это уникальное по полноте охвата материала и глубине теоретических выводов произведение увидело свет.

Весь греко-римский мифологический мир представлен в книге в поэтических, исторических и философских текстах, сопровождаемых интереснейшими комментариями академика А.Ф. Лосева.

Инв. 293270
Цена 160.90